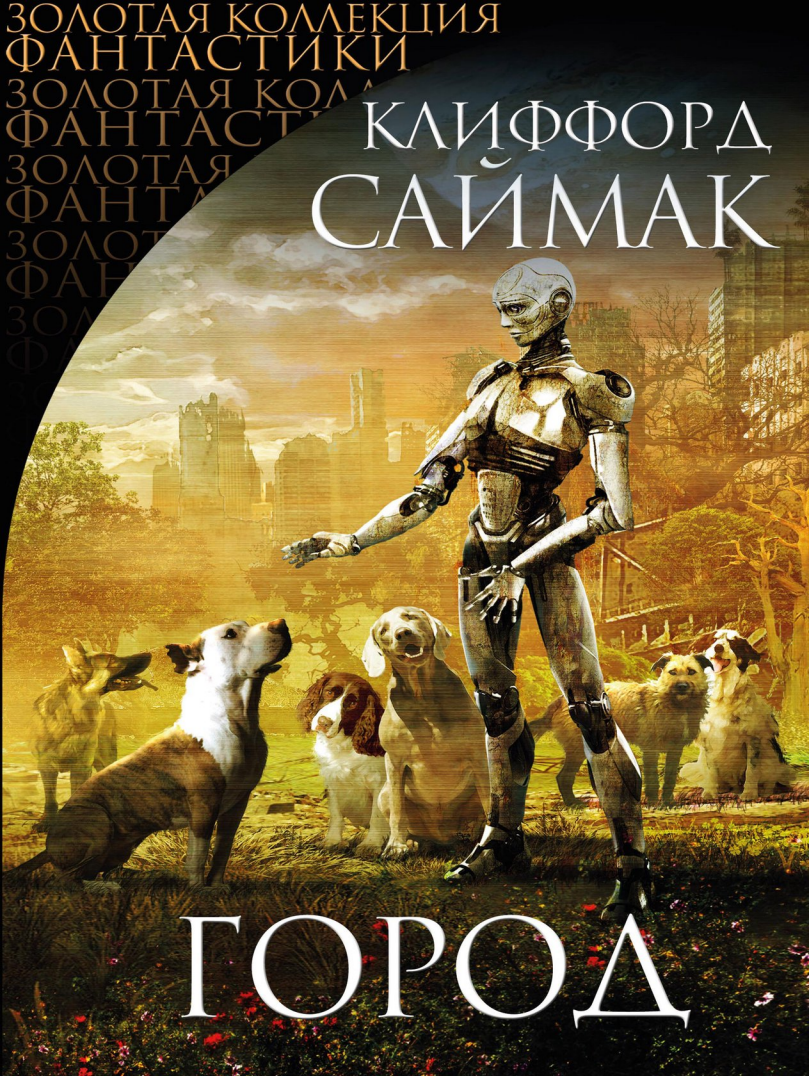
ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ФАНТАСТИКИ

КЛИФФОРД САЙМАК



ГОРОД

Город. Сборник рассказов и повестей

Клиффорд Дональд Саймак

Аннотация
Клиффорд Саймак. Город. Сборник рассказов и повестей
Клиффорд Саймак: портрет фантаста в молодости
Город. Перевод Л. Жданова
Предисловие автора
От составителя
Комментарий к первому преданию
I. Город
Комментарий ко второму преданию
II. Берлога
Комментарий к третьему преданию
III. Перепись
Комментарий к четвертому преданию
IV. Дезертирство
Комментарий к пятому преданию
V. Рай
Комментарий к шестому преданию
VI. Развлечения
Комментарий к седьмому преданию

VII. Эзоп
Комментарий к восьмому преданию
VIII. Простой способ
Комментарий автора
Эпилог
Незнакомцы во вселенной
Театр теней. Перевод Е. Алексеевой
Находка. Перевод Е. Корягиной
Истина. Перевод К. Королёва
Изгородь. Перевод В. Баканова
Поколение, достигшее цели. Перевод М. Молчанова
Просчитанный риск. Перевод Н. Казанцевой
Детский сад. Перевод В. Лопатки
Мираж. Перевод О. Битова
Разведка боем. Перевод М. Молчанова
Эволюция наоборот. Перевод О. Битова
Один на тысячу. Перевод Н. Казанцевой
Миры Клиффорда Саймака
Пыльная зебра. Перевод Е. Корягиной
Достойный противник. Перевод О. Битова
Точная копия. Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой
Отец-основатель. Перевод Л. Жданова
Священный поход. Перевод Н. Казанцевой
Большой двор. Перевод М. Клеветенко

Операция «Вонючка». Перевод Е. Алексеевой

Джекпот. Перевод В. Лопатк

Место смерти. Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой

И камень зазеленеет. Перевод Г. Бабуровой

Лулу. Перевод В. Лопатки

Сосед. Перевод О. Битова

Лучшее Клиффорда Саймака

Воспитательницы. Перевод М. Клеветенко

Кто там, в толще скал?. Перевод О. Битова

Смерть в доме. Перевод Е. Корягиной

Марсианин. Перевод К. Королёва

Большая уборка на солнце. Перевод А. Филонова

Последний джентльмен. Перевод О. Битова

Убийственная панацея. Перевод А. Филонова

День перемирия. Перевод И. Почиталина

Мелкая дичь. Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой

Земля осенняя. Перевод К. Королёва

Аннотация

В данной книге собраны лучшие произведения Клиффорда Саймака.

Куда приведет человека развитие цивилизации и безумная жажда власти над природой и себе подобными? Какими будут последствия применения новейших технологий и создания все более разрушительных видов оружия? А что, если когда-либо в будущем обитателям Земли придется все начинать заново? Кто будет в ответе за судьбы мира? Этими вопросами задаются герои рассказов и романа «Город» – люди, роботы и разумные псы.

Клиффорд Саймак
Город. Сборник рассказов и повестей

Клиффорд Саймак: портрет фантаста в молодости

1

«Было время, когда Саймак был любимым автором всех и каждого, — писал фантаст и историк фантастики Брайан Олдисс. — Его рассказы невозможно было спутать с чьими-то еще. Пока все остальные описывали больших крутых героев, показывавших инопланетянам, где раки зимуют, он рассказывал о маленьком старом землянине, который сидел на веранде и строгал палку, когда появился зеленый человечек, тот, который спустился с небес на большой смешной машине. И эти двое отлично поговорили…»

Феномен Клиффорда Саймака — один из самых интересных в фантастике. В том числе потому, что феномена словно и нет: Саймак практически забыт, он будто не подходит XXI веку. Парадокс в том, что XXI век, быть может, нуждается в Саймаке и его книгах куда больше, чем кажется, просто мы этого (пока?) не поняли. От фантаста принято отмахиваться: мол, он описывал пас-

торали, оставшиеся в прошлом. Саймак глубже, выше и сложнее пасторальной фантастики, но чтобы это увидеть, нужно читать его тексты незамутненным взором — и с учетом контекста, то есть эпохи, когда они создавались: вдруг в них найдутся ответы на наши вопросы?

Любопытно, что и при жизни Саймака упрощали, причем как-то изуверски. Писатель Грегори Бенфорд в интервью коллеге Сэмюэлю Дилейни говорил, что у многих фантастов есть только одна идея — вот как у Саймака. Критик Дэвид Прингл не поленился составить список «вечных» саймаковских тем: (1) старик; (2) дом; (3) герой, слушающий звезды; (4) сосед; (5) инопланетянин; (6) пастораль; (7) звери; (8) зло городов; (9) слуги; (10) фронтир; (11) обмен товарами; (12) артефакт…

Забавно: здесь нет ни роботов, ни путешествий во времени. Но даже если их добавить — странно думать, что Саймак сводится к ограниченному числу тем. Стремление упростить, понизить писателя до формулы, приравнять его к машине, сочиняющей истории комбинаторно, — как правило, противоположно желанию понять. Можно было бы привести в противовес список ценителей таланта Саймака — начиная с Айзека

Азимова, Альфреда Бестера, Теодора Старджона, Кингсли Эмиса и Гордона Р. Диксона, считавшего, между прочим, что Саймак есть золотая середина между Старой Доброй Фантастикой и Новой Волной, — но, конечно, дело не в хулителях и не в почитателях.

В предисловиях к трем томам малого собрания сочинений Саймака я постараюсь представить его в новом свете, и если у читателя появится желание перечесть хорошо знакомые — а может, и незнакомые вовсе — книги, моя задача будет выполнена. Мне кажется, Саймак достоин этого как мало кто из фантастов. Иногда забытые писатели возвращаются — и вдруг оказывается, что они никуда и не уходили; это мы по какой-то причине отклонились от (вспомним название последнего романа Саймака) Магистрали Вечности.

2

Клиффорд Дональд Саймак родился 3 августа 1904 года в городке Милвилл, округ Грант, штат Висконсин. Вообще-то это даже не городок, а поселок: в 2000 году его население составляло 147 человек, один житель на 2,7 кв. км площади. Сто лет назад милвиллцев было побольше, но все равно это была сельская коммуна из тех, в ко-

торых отношения между людьми — особенные: здесь уравновешены индивиды, семьи и общее товарищество, не переходящее в откровенный коллективизм.

По всем США подобных Милвиллов — два десятка, и когда Саймак использовал это название в текстах, оно становилось синонимом типичного американского захолустья. В Милвилле происходит действие романа «Вся плоть — трава», и атмосфера крошечного городка где-то на Среднем Западе — прекрасный фон, если не суть истории об одном из самых странных вторжений фантастики. Не секрет, что описываемый и реальный Висконсин не совпадают: по признанию Саймака, в его книгах родные места — это «полная и абсолютная фантазия». Что и понятно — все писатели так или иначе описывают мир своей мечты. Особенно фантасты.

Клиффорд появился на свет на ферме деда со стороны матери; дом этот, через полвека сгоревший, стоял на вершине холма, с которого отлично видно живописное место, где река Висконсин впадает в Миссисипи. Мать Клиффорда, Маргарет, «была старой закалки и хранила в себе здоровый пионерский дух». Ее отец Эдвард Уайзмен был ветераном Гражданской войны, кавалеристом,

воевавшим на стороне северян против рабовладельческого Юга под началом генералов Уильяма Текумсе Шермана и Улисса Симпсона Гранта. «Тот, кто говорил о них недоброе слово в присутствии дедушки или моей матери, — вспоминал Саймак, — рисковал жизнью».

Вспоминается «Пересадочная станция» и ее главный герой: «Его зовут Инек Уоллис… По документам ему уже давно перевалило за сто. Он родился на ферме близ небольшого городка Милвилл в штате Висконсин 22 апреля 1840 года… Когда Эйб Линкольн стал собирать добровольцев, Инек Уоллис вступил в армию одним из первых и воевал в Железной Бригаде, которую уничтожили практически целиком у Геттисберга в 1863 году. Но Уоллис был переведен в другое подразделение, с которым сражался в Виргинии под предводительством Гранта до самого конца, до Аппоматтокса…» И неслучайно Уоллис называет одного из инопланетных гостей станции Улиссом, добавляя: «Это имя великого человека моей расы», понятно, что речь вовсе не о хитроумном Одиссее.

Так и получилось, что Саймак с детства отождествлял себя с борьбой против рабства. Если плантаторы Юга поневоле делили мир на белых

и черных, господ и рабов, высших и низших, жители Севера, наоборот, были противниками элитарности и ее оборотной стороны — неравенства. Отсюда, из сельских коммун Новой Англии и Среднего Запада, берут начало фундаментальные для Саймака идеи: всеобщее — земное и даже космическое — братство, возможность договориться, борьба за права иных в условиях, когда кто-то полагает этих иных враждебными и/или низшими существами. В той или иной вариации эти темы можно найти почти во всех его романах.

Справедливости ради стоит сказать, что Уайзмен какое-то время колебался, на чьей стороне воевать: у него были друзья и на Севере, в Висконсине, и на Юге, в Новом Орлеане. Решение было принято в пользу Севера — надо думать, все-таки по моральным соображениям. После войны Уайзмен на правах ветерана купил участок прерии по льготной цене и ферму на висконсинских холмах — и зажил простой и честной крестьянской жизнью. На ферме родилась и выросла его дочь. Будущий отец Клиффорда устроился на ферму батраком, влюбился в Маргарет, через год они поженились — и построили дом на участке, который Уайзмен прикупил неподалеку.

3

Наверняка многие знают, что свою фамилию в привычном для русского уха звучании Саймак обрел исключительно благодаря переводчикам — может статься, с легкой руки Наталии Рахмановой, в переводе которой в 1957 году вышел его первый рассказ на русском, «Однажды на Меркурии». По правилам он вроде и должен быть Саймак, но к фамилиям правила часто неприменимы: на самом деле он — Симак с ударением на «и».

Отца Клиффорда звали Джон Льюис Симак — но уже в Америке; его настоящее имя история не сохранила. Ян Шимак? Или, чем черт не шутит, Иоганн?.. Он родился в Чехии, точнее, в космополитической австро-венгерской Богемии, в семье мясника. Но не простого: дядя отца (старший брат чешского дедушки Клиффорда) был обедневшим аристократом: «Он умер, не оставив потомства, и если бы события шли своим чередом, титул перешел бы к дедушке, от него к отцу, который после смерти брата стал старшим ребенком в семье, а от него ко мне, его старшему сыну… Некогда наш род славился, потом обнищал. У нашей семьи есть, или был, замок, но никто из нас в жизни не инте-

ресовался ни титулом, ни замком». Джон Льюис смутно припоминал и запряженную четверкой лошадей карету, в которой его, ребенка, везли в замок на холме. В США семейство перебралось после трагической истории: старший брат Джона-Яна, Йозеф, служивший в австрийской армии, поссорился со старшим офицером, заколол того саблей и пустил себе пулю в лоб. (Другую саблю, принадлежавшую деду — ветерану Гражданской, Саймак со временем повесил над камином в комнате, где работал.)

Легко вообразить, какие сцены разыгрывались в воображении юного Клиффа, когда он слушал рассказы о предках отца — аристократах, офицерах и дуэлянтах, для которых честь дороже жизни. И когда в книге «Снова и снова» появляется любитель дуэлей («Он убил уже шестнадцать человек. Дал обет двадцать пять убить, тогда успокоится»), это образ, скорее всего, из истории рода Симаков. Героизм Гражданской войны и европейское дворянское прошлое окружали Клиффорда с детства. Вдобавок мать по вечерам читала книги и журналы мужу и двум сыновьям (второй, Карсон, был на шесть лет младше Клиффорда). Немудрено, что мальчик вырос писателем.

Однако звон шпаг раздавался исключительно

в семейных преданиях. Детство и юность Саймака прошли безбурно — на других континентах шла мировая война, а в юго-западном Висконсине все жили почти так же, как сто лет назад, в эпоху пионеров: бедно, иногда очень бедно, но счастливо. Клиффорд и соседские мальчишки охотились и рыбачили, натаскивали собак на белок и енотов (не оттуда ли у писателя любовь к собакам, обессмерченным в «Городе»?), катались с холмов на тобогганах. В старшую школу Саймак четыре года ездил на лошади, в младшую-среднюю — ходил полторы мили пешком; как он вспоминал, «это была одна из школ, в которых один учитель преподает все предметы с первого класса по восьмой».

Школьные предметы давались ему легко, к спорту Клиффорд был равнодушен. А главное, сызмальства у него была цель в жизни: стать журналистом: «Мне было четыре или пять лет. Мама читала газету. Я спросил, печатает ли газета все новости со всего света, и она сказала, да, печатает. Я спросил ее, печатает ли газета правду, и она тоже ответила утвердительно. (И не вздумайте, черт вас подери, ухмыляться.) С того дня я знал, что хочу стать газетчиком… Я зациклен на правде. Я гнался за правдой — в той или иной

форме — всю мою жизнь. Не за голым фактом — именно за правдой со всеми полутонами. И у меня впечатление, что если кому-то случается найти правду, она оказывается удивительно простой и понятной».

Будет ли преувеличением сказать, что фантастика Саймака — тоже попытка дойти до правды? Не в форме реализма, не в форме газетной статьи, отражающей голые факты, а в форме высшей истины, некоего Принципа, который, если верить роману «Выбор богов» (Саймак считал его чуть ли не лучшей своей книгой), управляет космосом. В форме простых истин: душа — состояние ума; вселенная едина; то, что делает ее единой, — моральный закон, без которого нет души…

4

Мечта мечтой, а стать журналистом в 1920-е в глухомани было непросто. Окончив школу, Клиффорд пошел работать: батрачил на ферме, водил автоцистерну, торговал газировкой и скобяными изделиями, клал асфальт, строил мосты, изготовлял шпалы. Пройдя двухгодичные курсы, он три года работал учителем в школе, поднакопил денег и поступил в Висконсинский университет; «деньги быстро кончились, и я устроился в газе-

ту, надеясь вернуться в университет, но так и не вернулся».

Учительствовал Саймак в Кэссвилле, еще одном висконсинском городке. В здешнем кинотеатре он встретил Агнес Кухенберг, которую все называли «Кэй», — девушку, ставшую любовью всей его жизни. Они поженились 13 апреля 1929 года, когда Саймак получил первую журналистскую работу в газете Айрон-Ривера, штат Мичиган. В 1939 году Саймак напишет, что жена — его «критик и машинистка», но на деле фантастикой Кэй не интересовалась и не читала текстов мужа, не считая самых первых его работ.

В первую половину 30-х судьба гоняла Клиффорда по всем штатам Среднего Запада: он успел поработать репортером и редактором в местных газетах в Мичигане, Айове, Северной Дакоте, Миннесоте, Канзасе, Миссури… Городки были крошечные, Саймак работал в каждом по году-два и наверняка видел всё, что можно было увидеть в те годы в стране, страдающей от Великой депрессии. Только в 1939 году он получил место в газете «Minneapolis Star». Сначала был штатным редактором, в 1949-м дорос до отдела новостей, впоследствии сделался «редактором по особым темам». Но это было уже в 1960-е, когда имя Клиф-

форда Саймака знали все любители фантастики США, и не только.

«Впервые я познакомился с научной фантастикой, конечно, благодаря Жюль Верну и Уэллсу, — вспоминал он, — читал Эдгара Аллана По и книжки о Тарзане… Я всегда хотел сочинять. У меня был писательский зуд. Сочинительство сидело внутри, желая вырваться наружу. Думаю, то, что я стал сочинять фантастику, естественно».

Дебютный рассказ «Кубы Ганимеда» Саймак послал в 1930 году в журнал «Amazing Stories», который начинал издавать знаменитый Хьюго Гернсбек (он уже не владел журналом, проиграв иск о банкротстве). Рассказ сначала вроде приняли, а через два года вернули, и впоследствии Саймак был этому рад: «Поверьте на слово, рассказ был кошмарный… Три или четыре искателя приключений отправились на Ганимед и встретили там инопланетную форму жизни в виде кубов, но что было потом — я напрочь забыл. Меньше чем за десять тысяч долларов я бы не разрешил издать этот рассказ никому».

Первый опубликованный НФ-рассказ Саймака «Мир красного солнца», напечатанный в «Wonder Stories» (еще один журнал Гернсбека) в декабре 1931 года, был не лучше:

— Тогда прощай, год тысяча девятьсот тридцать пятый! — воскликнул великан-швед и с силой дернул рычаг. Самолет содрогнулся и недвижно завис во мгле. В мгновение ока абсолютная чернота, точно краска с дьяволовой палитры, смыла солнечный свет…

По оценке самого фантаста, это «атмосферная история, но, кроме атмосферы, там почти ничего не было». Зато на совсем юного фэна Айзека Азимова рассказ о людях, которые в далеком будущем бросили вызов злому инопланетному правителю, произвел неизгладимое впечатление. Может, потому, что Саймак вместо хеппи-энда придумал обескураживающий конец: спасители человечества хотят вернуться в свое прошлое, а оказываются в еще более далеком будущем, где люди вымерли, — и судьба героев незавидна.

Хьюго Гернсбек, в очередной раз столкнувшийся с финансовыми трудностями, за «Мир красного солнца», кажется, так и не заплатил. Саймак точно ничего не получил за следующие рассказы для «Amazing Stories» — с характерными для эпохи названиями «Золотой астероид», «Голос в пустоте» и «Мятеж на Меркурии»: позднее фантасты скинулись на адвоката и высудили жалкую часть гонораров. Единственным оплаченным текстом

первой половины 1930-х стал рассказ «Нечисть из космоса», проданный в «Astounding».

Очень быстро Саймак понял, что в фантастике ему делать нечего: «Ради чего я должен был сочинять? Я пытался. Продал рассказы. Увидел тексты на бумаге. Заработал немного денег. А потом всё ушло… Я по-прежнему хотел сочинять, но смысла в том не было».

Вопрос был не только в заработке: Саймаку категорически не нравилась формула, господствовавшая тогда в американской НФ, — ходульная супергероика либо ради приключений, либо (в лучшем случае) ради иллюстрации научных принципов. Он хотел иного. Его интересовали, с одной стороны, обычные люди, дружелюбные инопланетяне, человечные роботы, а с другой — тема божественного, те самые поиски высшей истины. В 1932 или 1933 году он написал в стол повесть «Создатель» о боге, который создал вселенную и теперь ищет способ ее уничтожить, и о разумных созданиях, восстающих против эдакого господина. То был первый подступ к теме, которая через три десятка лет станет для писателя ключевой. Увы, блин вышел комом, да и продать «Создателя» сразу не удалось, так что Саймак прекратил писать НФ.

5

Всё изменилось в 1938 году, когда главным редактором НФ-журнала «Astounding» стал Джон Кэмпбелл. Прошел слух, что он хочет публиковать «нечто новое». Окрыленный Саймак сочинил рассказ «Правило 18», необычный со всех сторон, начиная с сюжета: это история не про супергероев, а про… футбол. Правда, футбол будущего, с матчами Земля — Марс и еще с путешествиями во времени, но все-таки. Более того, «Правило 18» начинается как комедия, но быстро превращается в трагедию с неожиданным финалом. Кэмпбелл рассказ принял. Юному фэну Азимову этот текст не понравился, и он написал в журнал письмо, полное нелестных эпитетов. Саймак ответил личным письмом: что не так? нельзя ли подробнее?.. Азимов перечитал рассказ и, к ужасу своему, обнаружил, что с рассказом всё в порядке, просто он его не очень-то понял. Айзек извинился перед Клиффордом, и они подружились.

После «Правила 18» Саймак писал рассказы не переставая. Редактор «Astounding» стал для него поистине крестным отцом: «Если я что-то и привнес в НФ, благодарить за это следует в основном Кэмпбелла». Из-под пера Саймака вы-

ходили истории про обычных людей, пусть и в необычном антураже. Его героями были фермеры из Айовы, обживающие Венеру; ветераны войны, встречающиеся на Ганимеде; бухгалтеры, путешествующие по Солнечной системе; инопланетяне, страдающие от людской жадности; роботы, человечность которых была очевидна…

Замахивался Саймак и на романы, но первые попытки удачными не были, обе — из-за Кэмпбелла. Сначала тот попросил автора написать космооперу без супергероев; получились «Космические инженеры», хилый закос под Олафа Степлдона и Альфреда Ван Вогта. Затем Кэмпбелл прислал фантасту свой ранний рассказ с просьбой переделать его в роман. Саймак не смог отказать — и появилась «Империя», не нравившаяся ни Саймаку, ни Кэмпбеллу (настолько, что он отказался ее печатать).

Роман, который хотел написать сам Саймак, проявлялся между тем постепенно. Около 1943 года фантаст сочинил рассказ «Дезертирство» про человека и его разумного пса, которые высадились на Юпитере не в своих телах (не отсюда ли растут ноги фильма «Аватар»?) — и чуть было там не остались. Параллельно он размышлял о цикле рассказов «Город» — истории будущего, в котором

люди, движимые ненавистью и страхом, терпели бы крах, уступая Землю зверям и роботам. «Дезертирство» отлично вписалось в этот цикл, Саймак придумал рассказ-продолжение, «Рай», дописал еще шесть рассказов и объединил их вставками — они превращают рассказы в «предания, которые рассказывают Псы, когда ярко пылает огонь в очагах и дует северный ветер…».

Саймак «писал эти истории кончиками нервов». Для него «Город» стал протестом против полыхавшей в мире войны, «надеждой и молитвой», «воображаемым исполнением желаний»: «Я создавал мир, каким ему следовало быть. Он был наполнен мягкостью, добротой, доблестью, которых ему не хватало. В нем была грусть — я грустил о старом мире, который мы потеряли, о мире, которого уже не будет, который был уничтожен, когда человек с зонтом вернулся в Лондон и заявил, что впереди — тысяча лет без войны (*речь о британском премьер-министре Невилле Чемберлене. — Н.К.*). В созданном мною мире я хотел бы жить сам. Я сделал псов и роботов подобием людей, с которыми хотел бы жить рядом. Они должны были быть псами и роботами, потому что люди — другие. Моя последняя проповедь, последний протест, последняя молитва

— финальная сцена, в которой робот Дженкинс запрещает убийства…»

«Лучше потерять этот мир, чем снова убивать» — эта мысль Дженкинса и правда звучит как проповедь абсолютного ненасилия. К слову, последний рассказ из цикла, «Простой способ», редактор Кэмпбелл не принял — ему не нравилась идея проигрыша человечества. Саймак отправил рассказ в другой журнал, а через несколько лет, когда в США стали выходить первые фантастические книги, собрал все рассказы воедино и издал их как роман (четверть века спустя он допишет чуть более оптимистический «Эпилог»).

«Город» — один из немногих романов Саймака, переиздающийся, читаемый и почитаемый до сих пор, — завершил его трансформацию из средней руки фантаста в человека, которого однажды назовут гранд-мастером НФ. Перед Саймаком открылся путь к классическим рассказам 1950-х (многие из них вошли в этот том) и романам вроде «Снова и снова», «Кольцо вокруг Солнца», «Что может быть проще времени?». Потом Саймак скажет, что местами «Город» надо переписать, — но он часто скромничал. Так, в начале 1960-х он убеждал интервьюера, что не написал и десятка приличных рассказов: «Мои хорошие рассказы

— «Детский сад», «Кимон», «Необъятный двор», «Прелесть», «Сосед» и «Воспителлы».

Надеюсь, читатели этой книги убедятся, что Саймак был не прав: хороших и просто отличных рассказов у него куда больше. И дело не в дюжине «вечных тем». Хороший писатель, как бы ни повторялись его темы, всегда пишет о чем-то большем.

Николай Караев

Город
Перевод Л. Жданова

Памяти Вихря (он же Нэтэниел)

Предисловие автора

«Город» был написан в результате крушения иллюзий. Возможно, людей, подобно мне утративших иллюзии, не так уж много, но они должны быть. Человечество прошло через войну, не только унесшую миллионы жизней и исковеркавшую миллионы других жизней, но и породившую новое оружие, способное уничтожить уже не армии, а целые народы.

Мало кто из нас ныне задумывается об угрозе ядерного оружия. Мы жили с ней так долго, что она стала одним из факторов нашего существования. Мы свыклись с ней и если подчас вспоминаем об этой угрозе, то лишь как об инструменте международной политики, а не как о реальной опасности. Даже в те дни, когда первые ядерные взрывы расцвели над Японией, основная масса людей не увидела в них ничего, кроме более мощных бомб. Но некоторые, в том числе писатели-фантасты, сразу поняли значение свершившегося. Я убежден, что эти писатели и их произведения, предрекающие миру гибель, служат орудием предостережения для общества — предостережения о том, чем чревато ядерное

вооружение.

Меня лично потрясла не столько разрушительная сила нового оружия, сколько очевидный факт, что человек в своей безумной жажде власти не остановится ни перед чем. Похоже, нет предела жестокости, которую люди готовы обрушить на головы своих ближних. Какой бы страшной ни была Вторая мировая война, у меня все же теплилась робкая надежда, что люди сумеют как-то договориться друг с другом и сделать мирную жизнь возможной. Но теперь, осознав безмерность человеческой жестокости, я потерял и эту небольшую надежду.

Сейчас я уже не в силах восстановить в памяти строгую хронологическую последовательность написания рассказов, вошедших в сборник. Какие-то из них были созданы до начала атомной эры, другие — на ее заре. Впрочем, хронология не имеет особого значения. Крушение иллюзий было вызвано войной; Хиросима и Нагасаки лишь довершили и углубили его.

«Город» не был задуман как протест (что толку от протестов?), это был поиск фантастического мира, способного противостоять миру реальному. Возможно, в глубине души мне хотелось создать такой мир, где я сам и другие разуверив-

шиеся люди могли бы хоть ненадолго укрыться от жизни, в которой мы вынуждены жить. Кто-то назвал этот сборник «обвинительным актом человечеству»; такое определение не приходило мне в голову, когда я писал рассказы, но я с ним согласен — и считаю, что у меня были и есть причины предъявить человечеству обвинительный акт. А в то время я думал и не раз говорил друзьям, что населил свою Землю псами и роботами оттого, что потерял веру в человечество и в его способность жить в мире. Приговор, конечно, суровый, и, казалось бы, теперь, по прошествии стольких лет, я мог бы его смягчить, но, честно говоря, не вижу оснований. Наша собственная страна успела за это время ввязаться в две крупные войны, так что будущим историкам придется долго и упорно трудиться, если они захотят найти во второй половине нашего столетия более или менее устойчивый мирный период. Я, конечно, понимаю, что уже тридцать лет страны планеты стараются притерпеться друг к другу (хотя бы из боязни) и тем самым держат на поводке ядерные силы. Но это не такой уж многообещающий признак, как может показаться. Вот если ядерное оружие не будет спущено с поводка еще лет тридцать, тогда можно будет говорить о каких-то

надеждах.

В сборнике «Город» я писал об увлечении людей механической цивилизацией. Другие писатели, да и сам я тоже, не оставляют этой темы и по сей день, только называют иначе — технологическим обществом. Нет ничего дурного в технике как таковой, дурно лишь наше бездумное увлечение ею. Мы обожествляем машины; в каком-то смысле мы продали им свои души. Уже в те годы, когда создавались рассказы «Города», я чувствовал, что существуют другие, высшие ценности помимо тех, что несет с собой технический прогресс. Я и поныне в этом уверен. Есть люди, которые ненавидят машины за то, что те поглощают невосполнимые земные ресурсы. Но, на мой взгляд, опасность гораздо шире. Меня больше всего беспокоит то, что под влиянием техники наше общество и мировосприятие теряют человечность.

Действие в преданиях, составляющих сборник (в первых из них), разворачивается на фоне упадка и исчезновения городов. Я был убежден тогда и еще сильнее убежден теперь, что города — анахронизм, от которого нам пора избавляться. В последние годы кризис городов стал еще очевиднее. Типичный современный город

— это блестящий центр, окруженный разрастающимися кольцами гетто. Когда-то давно, когда средства связи и транспорт были примитивны и медлительны, в существовании городов был свой смысл. Поначалу люди сбивались в них ради безопасности, позже — чтобы удобнее было вести дела. Теперь города утратили функцию защитного сооружения; большей частью за городом жить даже безопаснее, чем в его стенах. А современные средства связи упразднили необходимость жить по соседству со своим деловым партнером. Для деловых операций совершенно не важно, где находится ваш партнер — на соседней улице или за несколько тысяч миль. Город пережил свое предназначение; поддерживать в нем жизнь накладно, жить неуютно, а дышать нечем.

В этом смысле мои взгляды не изменились за тридцать лет, прошедших после написания сборника. Годы могли смягчить мое представление о будущем, но не изменили его.

Правда, хотя мои представления и составили философскую основу рассказов, я вовсе не уверен в том, что все они сбудутся. Я был бы разочарован, если бы они сбылись, поскольку как тогда, так и теперь полагаю себя отнюдь не предводителем на белом коне, но сочинителем развлекательных

историй. Если слишком многое из того, что я насочинял, начнет сбываться в реальности, то я буду считать, что не состоялся как писатель — а, уверяю вас, моим единственным желанием, ради которого я трудился искренне и настойчиво, было стать настоящим рассказчиком.

Как ни странно, из всех моих произведений именно «Город» завоевал самое продолжительное и широкое признание. Если какой-то из моих книг и суждена достаточно долгая жизнь, так это, несомненно, «Городу». Порой я не в силах сдержать раздражение, ибо уверен, что у меня есть книги и получше, но, похоже, никто этой уверенности со мной не разделяет. А ссориться с читающей публикой мне не к лицу, поскольку ни один писатель не может быть компетентным критиком своих творений. Слишком близко он к ним стоит, чтобы претендовать на объективность.

Одно время я говорил себе, что успех «Города» — всего лишь результат счастливого попадания в «яблочко»: сборник просто вышел в нужный момент и отразил веяния своего времени. Но, к моему непреходящему изумлению, оказалось, что я ошибся. Последующие поколения читателей проявляли такую же преданную приверженность

сборнику, как и первые его читатели. Студент колледжа сообщает мне в письме, что пишет работу по «Городу», и задает кучу вопросов, на которые я затрудняюсь ответить. Какой-то читатель присылает письмо с выражением благодарности за доставленное удовольствие. Стало быть, книга по-прежнему живет и питает умы. Как бы ни был я удивлен, я, конечно же, рад. Сознание того, что твоя работа, законченная так много лет назад, до сих пор служит людям, согревает душу.

Я посвятил свою сагу памяти Вихря (он же Нэтэниел). Читатели по сей день спрашивают меня, кто такой Вихрь. Объясняю: Вихрь — это шотландский терьер, проживший с нами пятнадцать лет. Хотя я неправильно выразился: ни единой минуты он не считал, что живет с нами. Скорее мы жили с ним. Он был хорошим другом и преданным товарищем. Мне нравится думать, что в какой-то собачьей Валгалле он по-прежнему гоняется за кроликами (и никак не может их поймать), яростно роет землю, охотясь за сусликами (которые сидят на безопасном расстоянии и посмеиваются над ним), а затем, утомившись от трудов, посапывает на коврике возле пылающего камина.

Писать о своих собственных произведениях

— задача и деликатная, и утомительная. Отзываться о своей работе небрежно и непочтительно — значит поставить под сомнение свою писательскую искренность. А любая неловкая фраза может быть воспринята как бахвальство, что не только неприлично, но и не имеет под собою никаких оснований. Все, чего может желать писатель, — это спокойного удовлетворения, знакомого любому работяге, который выполнил свою работу на совесть и не стыдится показать ее людям.

Перечитывая «Город», я не стыжусь своей работы. Какой-то абзац кольнет порою глаз — сейчас я написал бы его совсем иначе. Но это быстро проходит, ведь я понимаю, что сегодня вообще не написал бы такую книгу. Потому что для ее создания необходимо было особое сочетание условий, и пусть даже причины, побудившие меня к созданию этих историй, живы и поныне, а взгляды мои, по существу, не изменились, но непосредственный творческий импульс канул в прошлое.

От составителя

Перед вами предания, которые рассказывают Псы, когда ярко пылает огонь в очагах и дует северный ветер. Семьи собираются в кружок, и щенки тихо сидят и слушают, а потом рассказчика засыпают вопросами.

— А что такое Человек? — спрашивают они.

Или же:

— Что такое город?

Или:

— Что такое война?

Ни на один из этих вопросов нельзя дать удовлетворительного ответа. Есть предположения, гипотезы, есть много остроумных догадок, но положительных ответов нет.

Сколько сказителей вынуждены были прибегнуть к избитому объяснению: дескать, это все вымысел, на самом деле ни Человека, ни города никогда не существовало. И кто же ищет истины в обыкновенной сказке? Сказка должна быть увлекательной, и все тут.

Возможно, для щенков достаточно такого ответа, но мы не можем им довольствоваться. Потому что и в обыкновенных сказках сокрыто зерно

истины.

Предлагаемый цикл из восьми преданий известен в устной передаче уже много столетий. Соотнести его начало с какими-либо исторически известными событиями не представляется возможным, и даже самое тщательное исследование не позволяет выявить те или иные стадии в его развитии. Не подлежит сомнению, что многократный пересказ должен был повлечь за собой стилизацию, однако проследить направление этой стилизации мы не можем.

О древности преданий и о том, что они, как утверждают некоторые авторы, не обязательно складывались Псами, говорит обилие темных мест — слов и выражений (и, что хуже всего, идей), в которых нет, а возможно, никогда и не было никакого смысла. От тысячекратного повторения эти слова и выражения стали привычными, им даже приписывают некий смысл в контексте. Но мы не располагаем средствами, чтобы определить, приближаются ли эти предположительные трактовки хоть в какой-то мере к подлинному значению толкуемых слов.

Настоящее издание цикла не следует понимать как попытку включиться в многочисленные специальные дискуссии о том, существовал ли

Человек на самом деле, о загадочном понятии «город», о различных толкованиях слова «война» и обо всех прочих вопросах, которые неизбежно будут сверлить мозг исследователя, вознамерившегося привязать предания к каким-либо историческим явлениям или фундаментальным истинам.

Единственная цель этого издания — представить полный и неискаженный текст преданий в их нынешнем виде. Комментарий к каждой главе призван только познакомить с основными гипотетическими положениями без попытки подвести читателя к тому или иному выводу. Тем, кто хочет более основательно разобраться в преданиях или высказанных по этому предмету точках зрения, мы рекомендуем обратиться к развернутым исследованиям, вышедшим из-под пера куда более компетентных Псов, чем составитель данного сборника.

Обнаруженные недавно фрагменты объемистого, судя по всему, литературного произведения дали пищу для новых попыток приписать авторство хотя бы части преданий не Псам, а мифическому Человеку. Однако пока не доказан сам факт существования Человека, вряд ли есть смысл связывать с ним упомянутую находку.

Особенно знаменательно — или странно, в зависимости от точки зрения — то, что название найденного произведения совпадает с названием одного из преданий представленного здесь цикла. Разумеется, само это слово лишено какого-либо смысла.

Естественно, все упирается в вопрос: жило ли вообще на свете такое существо — Человек? Поскольку на сегодняшний день нет положительных данных, будет разумнее исходить из того, что такого существа не было, что действующий в преданиях Человек — плод вымысла, фольклорный персонаж. Вполне возможно, что на заре культуры Псов возник образ Человека как родового божества, к которому Псы обращались за помощью и утешением.

В противовес такому трезвому взгляду кое-кто склонен видеть в Человеке настоящего бога, пришельца из некой таинственной страны или из другого измерения, который явился в наш мир, чтобы помогать нам, а затем вернулся туда, откуда пришел.

И наконец, есть мнение, что Человек и Пес вместе вышли из животного царства, сотрудничали и дополняли друг друга в становлении единой культуры, но потом, в незапамятные времена, их

пути разошлись.

Многое в преданиях вызывает недоумение, но больше всего озадачивает благоговейное отношение к Человеку. Обыкновенному читателю трудно поверить, чтобы речь шла всего лишь о сказительском приеме. Перед нами нечто гораздо большее, нежели зыбкое почтение к родовому божеству; чутье подсказывает, что это благоговение коренится в ныне забытом веровании или ритуалах доисторической поры.

Конечно, теперь трудно рассчитывать на то, что удастся решить хоть один из множества связанных с преданиями спорных вопросов.

Итак, предания перед вами, можете читать их для развлечения, или как исторические свидетельства, или в поисках скрытого смысла. Но широкому читателю настоятельно советуем не принимать их слишком всерьез, иначе вам грозит полное замешательство, если не помешательство.

Комментарий к первому преданию

Из всего цикла первое предание, несомненно, самое трудное для неискушенного читателя. И не только из-за непривычной лексики: поначалу и ход мыслей, и сами мысли представляются совершенно чуждыми. Возможно, причина та, что ни в этом, ни в следующем предании Псы не участвуют и даже не упоминаются. С первой же страницы на голову читателя обрушивается чрезвычайно странная проблема, и не менее странные персонажи занимаются ее решением. Зато когда одолеешь это предание, все остальные покажутся куда проще.

Через все предание проходит понятие «город». Что такое город и зачем он был нужен, до конца не выяснено, однако преобладает взгляд, что речь шла о небольшом участке земли, на котором обитало и кормилось значительное количество жителей. В тексте можно найти некие доводы, призванные обосновать существование города, однако Разгон, посвятивший всю жизнь изучению цикла, убежден, что мы тут имеем дело просто-напросто с искусной импровизацией древнего сказителя, попыткой сделать немыслимое

правдоподобным. Большинство исследователей согласны с Разгоном, что приводимые в тексте доводы не сообразуются с логикой, а кое-кто, в частности Борзый, допускает, что перед нами древняя сатира, смысл которой теперь уже не восстановишь.

Большинство авторитетов в области экономики и социологии полагают организацию типа города немыслимой не только с экономической, но и с социологической и психологической точек зрения. Никакое существо с высокоразвитой нервной системой, необходимой для создания культуры, подчеркивают они, не могло бы выжить в столь тесных рамках. По мнению упомянутых авторитетов, такой опыт привел бы к массовым неврозам, которые в короткий срок погубили бы построившую город цивилизацию.

Борзый считает, что первое предание по сути является самым настоящим мифом, следовательно, ни одну ситуацию, ни одно утверждение нельзя понимать буквально, все предание насыщено символикой, ключ к которой давно утрачен. Но тут озадачивает такой факт: если перед нами и впрямь сугубо мифическая концепция, то почему же она не выражена посредством характерных для мифа символических образов. Обычному

читателю трудно усмотреть в сюжете какие-либо признаки, по которым мы узнаем именно миф. Пожалуй, из всего цикла первое предание — самое нескладное, неуклюжее, несуразное, в нем нет и намека на утонченные чувства и возвышенные идеалы, которые украшают изящными штрихами другие части цикла.

Весьма озадачивает язык предания. Обороты вроде классического «пропади он пропадом» не одно столетие ставят в тупик семантиков, и в толковании многих слов и оборотов мы по сей день не продвинулись ни на шаг дальше тех исследователей, которые впервые серьезно занялись публикуемым циклом.

Правда, терминология, связанная непосредственно с Человеком, в общих чертах расшифрована. Множественное число от слова «Человек» — «люди»; собирательное обозначение для всего этого мифического племени — «род людской»; она — женщина, или жена (возможно, некогда эти термины различались по смысловым оттенкам, но теперь их можно считать синонимическими); он — мужчина, или муж; щенки — дети, девочки и мальчики.

Кроме понятия «город», встречаются еще понятия, совершенно несовместимые с нашим

укладом, противные самой нашей сути, — мы говорим о войне и убийстве. Убийство — процесс, обычно сопряженный с насилием, путем которого одно живое существо пресекает жизнь другого существа. Война, как явствует из контекста, представляла собой массовое убийство в масштабах, превосходящих всякое воображение.

Борзый в своем труде о настоящем цикле утверждает, что вошедшие в него предания намного древнее, чем принято считать. Он убежден, что такие понятия, как «война» и «убийство», никак не сообразуются с нашей нынешней культурой, что они сопряжены с эпохой дикости, о которой нет письменных свидетельств.

Резон — один из немногих, кто полагает, что предания основаны на подлинных исторических фактах и что род людской действительно существовал, когда Псы еще находились на первобытной стадии, — утверждает, будто первое предание повествует о крахе культуры Человека. По его мнению, дошедший до нас вариант — всего лишь след более обширного сказания, величественного эпоса, который по объему был равен всему нынешнему циклу, а то и превосходил его. Трудно допустить, пишет он, чтобы такое грандиозное событие, как гибель могущественной

машинной цивилизации, могло быть втиснуто сказителями той поры в столь тесные рамки. На самом деле, говорит Резон, перед нами лишь одно из многих преданий, посвященных этому предмету, и похоже, что до нас дошло далеко не самое значительное.

I. Город

Грэмп Стивенс сидел в шезлонге и смотрел на работающую косилку, чувствуя, как ласковое солнце прогревает его кости. Косилка дошла до края лужайки, поквохтала, словно довольная курица, аккуратно развернулась и покатила в обратную сторону. Мешок для скошенной травы заметно набух.

Внезапно косилка стала и возбужденно защелкала. Тотчас откинулась крышка сбоку и высунулась крановидная рука. Кривые стальные пальцы пошарили в траве, торжествующе подняли камень, бросили его в маленький ящик и вернулись под крышку. Косилка лязгнула, потом тихо загудела и пошла дальше окашивать ряд.

Грэмп проводил ее недовольным ворчанием.

В один прекрасный день, сказал он себе, эта штуковина, пропади она пропадом, возьмет да свихнется из-за какой-нибудь промашки.

Он откинулся на спину и перевел взгляд на выбеленное солнцем небо. В далекой выси мчался куда-то вертолет. В эту минуту в доме ожило радио, и над лужайкой раскатилась дикая какофония. Грэмп вздрогнул и сжался в комок.

У юного Чарли, пропади он пропадом, очередной сеанс твича…

Косилка прогудела рядом с шезлонгом, и Грэмп метнул в нее злобный взгляд.

— Автоматика, — сообщил он небу. — Кругом одна сплошная автоматика. Скоро дойдет до того, что подзовешь машину, пошепчешь ей на ухо — и она помчится выполнять приказание.

Сквозь какофонию из окна пробился нарочито звонкий голос его дочери:

— Папа!

Грэмп поежился:

— Да, Бетти.

— Папа, ты уж будь любезен, отодвинься, когда косилка дойдет до тебя. Не пытайся ее переупрямить. Это ведь всего-навсего машина. Прошлый раз ты сидел как вкопанный, она то с одной, то с другой стороны заходила, а ты хоть бы пошевельнулся.

Он промолчал и несколько раз клюнул носом — пусть подумает, что он задремал, и оставит его в покое.

— Папа, — повторил пронзительный голос. — Ты меня слышишь?

Не помогла уловка…

— Слышу, слышу. Я как раз хотел отодвинуть-

ся.

Грэмп медленно поднялся, тяжело опираясь на трость. Пусть видит, какой он старый и дряхлый, может, совестно станет. Да только надо меру соблюдать. Если она поймет, что он вполне может обходиться без трости, ему сразу найдется работенка. Если же он переиграет, она опять напустит на него этого дурацкого врача.

Ворча себе под нос, он передвинул шезлонг на выкошенный участок. Косилка поравнялась с ним и злорадно фыркнула.

— Ты у меня когда-нибудь дождешься, — сказал ей Грэмп. — Врежу так, что все шестеренки полетят.

Косилка погудела в ответ и невозмутимо покатила дальше.

Только он хотел сесть, как в дальнем конце заросшей улицы что-то заскрежетало и закряхтело.

Грэмп поспешил выпрямиться и прислушался.

Опять… На этот раз более явственно — гулкое чихание норовистого мотора, лязг разболтанных металлических частей.

— Автомобиль! — завопил Грэмп. — Автомобиль, чтоб мне было пусто!

Он сорвался с места, но тут же вспомнил о своей

немощности и сбавил ход.

— Небось Уле Джонсон, — говорил он себе, ковыляя к воротам. — Только у этого психа и остался еще автомобиль. Не желает с ним расставаться, чертов упрямец.

Это был Уле.

Грэмп подоспел к воротам как раз в ту минуту, когда из-за угла, подпрыгивая на ухабах, выехал древний, весь в ржавчине, разбитый рыдван. Из перегревшегося радиатора со свистом вырывался пар, а выхлопная труба, потерявшая глушитель лет пять или больше назад, извергала клубы синего дыма.

Уле важно восседал за рулем. Весь внимание, он старался обойти самые глубокие выбоины, но не так-то просто было высмотреть их сквозь завладевший улицей густой бурьян.

Грэмп помахал тростью:

— Привет, Уле!

Поравнявшись с ним, Уле дернул ручной тормоз, машина поперхнулась, лязгнула всеми частями, кашлянула и замолкла, издав напоследок сиплый вздох.

— Чем заправляешь? — спросил Грэмп.

— Всего помаленьку, — ответил Уле. — Керосин, спиртец, солярка — нашел остатки в старой

бочке.

Грэмп восхищенно смотрел на бренную конструкцию.

— Да… было время, сам держал машину, сто миль в час развивала.

— И эта бегает, — отозвался Уле. — Было бы только горючее да запасные части. Года три-четыре назад я еще бензин доставал, теперь-то его давно уже не видно. Кончили производить небось. Дескать, для чего бензин, когда есть атомная энергия.

— Во-во, — подхватил Грэмп. — И ничего не возразишь. Да только атомная, она ведь ничем не пахнет, а для меня нет на свете ничего слаще, чем запах бензина. Со всеми этими вертолетами и прочими премудростями путешествия совсем романтики лишились.

Он покосился на громоздящиеся на заднем сиденье корзины и ящики:

— Овощишками нагрузился?

— Ага, — подтвердил Уле. — Молочная кукуруза, молодая картошечка, три-четыре корзины помидоров. На продажу везу.

Грэмп покачал головой:

— Пустая затея, Уле. Никто не возьмет. Теперь все вбили себе в голову, что для стола одна только

гидропоника годится. Гигиенично, мол, и вкус потоньше.

— А я так гроша ломаного не дал бы за ту дрянь, что они в своих банках выращивают, — воинственно объявил Уле. — В рот взять противно! Я Марте всегда так говорю: чтобы в еде настоящее свойство было, ее надо в земле выращивать.

Он опустил руку и повернул ключ зажигания.

— Не знаю даже, стоит ли пытаться ехать в город, — продолжал он. — Вон ведь как дороги запустили, то есть никакого глазу нет. Вспомни нашу автостраду двадцать лет назад: гладкая, ровная, чуть что — новый бетон клали, зимой непрестанно снег счищали. Ничего не жалели, большие деньги тратили, чтобы только движение не прерывалось. А теперь начисто о ней забыли. Бетон весь потрескался, местами и вовсе повыкрошился. Куманика растет. Сегодня на пути сюда пришлось выходить из машины и распиливать дерево, прямо поперек шоссе лежало.

— Да уж чего хорошего, — кивнул Грэмп.

Мотор вдруг ожил, прокашлялся, закряхтел, откуда-то снизу вырвалось густое облако синего дыма, затем машина рывком стронулась с места и запрыгала по ухабам.

Грэмп проковылял обратно к шезлонгу и

обнаружил, что полотно насквозь мокрое. Автоматическая косилка кончила подстригать газон и теперь, размотав шланг, поливала лужайку.

Бормоча ругательства, Грэмп зашел за дом и опустился на скамейку около заднего крыльца. Он не любил здесь сидеть, но ведь больше нигде нет спасения от этой механической уродины… Взять хоть этот вид: сплошь пустые, заброшенные дома, все палисадники бурьяном поросли.

Правда, одно преимущество есть: можно внушить себе, что ты туг на ухо, и забыть о каскадах твича, изрыгаемых приемником.

Из-за дома донесся чей-то голос:

— Билл! Билл, ты где?

Грэмп повернул голову:

— Здесь я, Марк, здесь. Прячусь от этой чертовой косилки.

Из-за угла появился Марк Бейли, он пыхал сигаретой, которая грозила подпалить его косматые баки.

— Что-то ты рано сегодня, — заметил Грэмп.

— Сегодня не придется нам сыграть, — ответил Марк. Он доковылял до скамейки, сел рядом с Грэмпом и добавил: — Уезжаем…

Грэмп стремительно обернулся:

— Уезжаете?

— Ага. Перебираемся за город. Люсинда наконец уломала Герба. Всю голову ему продолбила: дескать, там такие чудесные участки и все переезжают, зачем же нам от людей отставать.

Грэмп судорожно сглотнул:

— А в какое место?

— Не знаю точно, — ответил Марк. — Еще не бывал там. Где-то на севере. На каком-то озере, что ли. Десять акров отмерили. Люсинда на сотню замахнулась, но тут Герб уперся, мол, хватит и десяти. И то, столько лет городским палисадником обходились.

— Бетти тоже на Джонни наседает, — сообщил Грэмп. — Но он стоит насмерть. Не могу, говорит, и все тут. Дескать, на что это будет похоже, если он, секретарь Торговой палаты, и вдруг бросит город.

— И что это на людей нашло, — продолжал Марк. — Прямо помешательство какое-то.

— Уж это точно, — подтвердил Грэмп. — Помешались на деревне все как один. Вон, посмотри…

Он взмахнул рукой, показывая на ряды заброшенных домов:

— Давно ли тут все цвело, что ни дом — загляденье. И какие славные соседи были. Хозяйки бегали друг к другу за кулинарными рецептами. А

мужчины выйдут траву подстригать — глядишь, косилки уже забыты, а они стоят все вместе, языки чешут. Дружно жили, чего там. А теперь — сам видишь…

Марк заторопился:

— Ну, мне пора, Билл. Я ведь только для того и заглянул, чтобы сказать тебе, что мы снимаемся. Люсинда велела мне вещи укладывать. Заметит, что меня нет, сразу надуется.

Грэмп тяжело поднялся и протянул ему руку:

— Забежишь еще? Сыграем разок напоследок?

Марк покачал головой:

— Нет, Билл, боюсь, уже не смогу забежать.

Они неловко обменялись рукопожатием.

— Да-а, там уж я не поиграю, — уныло произнес Марк.

— А я? — сказал Грэмп. — Мне без тебя тоже не с кем…

— Ну всего, Билл.

— Всего, — отозвался Грэмп.

Марк, прихрамывая, скрылся за углом, и Грэмп, проводив друга взглядом, почувствовал, как безжалостная рука одиночества коснулась его ледяными пальцами. Страшное одиночество… Одиночество старости, отжившей свой век. Да-да, так оно и есть — пора на свалку. Его место в

другой эпохе, он превысил свой срок, зажился на свете.

С туманом в глазах он нащупал прислоненную к скамейке трость и поплелся к покосившейся калитке, за которой простиралась безлюдная улица.

Годы текли слишком быстро. Годы, которые принесли с собой семейные самолеты и вертолеты, предоставив забытым автомашинам ржаветь, дорогам — приходить в негодность. Годы, которые с развитием гидропоники положили конец земледелию. Годы, которые свели на нет хозяйственное значение ферм и сделали землю дешевой. Годы, которые изгнали горожан в сельскую местность, где добрая усадьба стоила меньше жалкого городского участка. Годы, которые внесли переворот в строительство, так что семьи преспокойно бросали старое жилье и переходили в новые, по индивидуальным проектам, дома стоимостью вдвое меньше довоенных, а не понравилось что-нибудь или тесно показалось — за небольшую плату переделают, перекроят по своему вкусу.

Грэмп фыркнул. Дома, которые можно перестраивать каждый год, словно мебель переставил… Что это за жизнь?

Он медленно брел по пыльной тропинке. Всего несколько лет назад тут была оживленная улица — а теперь? Улица призраков, сказал он себе, маленьких, неуловимых призраков, шелестящих в ночи. Призраки резвящихся детей, призраки опрокинутых тележек и трехколесных велосипедов. Призраки судачащих домохозяек. Призраки приветственных возгласов. Призраки пылающих каминов и коптящих в зимнюю ночь дымоходов…

Облачка пыли вились вокруг его башмаков и белили отвороты брюк.

Вот и дом старины Адамса, на той стороне. Как Адамс им гордился! Широченные окна, облицовка из серого дикого камня… Теперь камень зеленый от ползучего мха, разбитые окна — словно ощеренные пасти. Бурьян заполонил лужайку, забрался на крыльцо; высокий вяз уперся ветвями во фронтон. Грэмп еще помнил тот день, когда Адамс посадил его.

Он остановился посреди заросшей улицы — ноги по щиколотку в пыли, руки сжимают трость, глаза плотно закрыты…

Через дымку лет донеслись до него крики играющих детей, тявканье ворчливой дворняжки с соседнего двора, где жили Конрады. А вот и

Адамс, голый по пояс, орудует лопатой — яму готовит, и рядом лежит на траве деревце, корни мешковиной обернуты.

Май 1946 года. Сорок четыре года назад. Они с Адамсом только что вернулись домой с войны…

Звук шагов, приглушенных пылью, заставил Грэмпа испуганно открыть глаза.

Перед ним стоял молодой мужчина, лет тридцати или около того.

— Доброе утро, — поздоровался Грэмп.

— Надеюсь, я вас не напугал? — сказал незнакомец.

— Вы видели, как я стою тут болван болваном, с закрытыми глазами?

Молодой человек кивнул.

— Я вспоминал, — объяснил Грэмп.

— Вы тут живете?

— Да, на этой самой улице. Последний здешний обитатель, можно сказать.

— Тогда вы, может быть, поможете мне.

— Постараюсь, — ответил Грэмп.

Молодой человек замялся:

— Понимаете… Дело в том… Ну, в общем, я совершаю, как бы это сказать, что-то вроде сентиментального паломничества…

— Понятно, — сказал Грэмп. — Я тоже.

— Моя фамилия Адамс, — продолжал незнакомец. — Мой дед жил где-то здесь. Может быть…

— Вот этот дом, — показал Грэмп.

Они постояли молча.

— Славный уголок был, — заговорил наконец Грэмп. — Вон то дерево ваш дедушка посадил сразу после того, как с войны приехал. Мы с ним всю войну вместе прошли и вместе вернулись. И погуляли же мы в тот день…

— Жаль, — произнес молодой Адамс. — Жаль…

Но Грэмп словно и не слышал его реплики:

— Так вы говорите, ваш дед! Я что-то потерял его из виду.

— Умер, — ответил молодой Адамс. — Уже много лет назад.

— Помнится, он влез в атомные дела, — сказал Грэмп.

— Совершенно верно, — с гордостью подтвердил Адамс. — Сразу подключился, как только началось промышленное применение. После Московского соглашения.

— Это когда они порешили, что воевать больше невозможно.

— Вот именно.

— В самом деле, — продолжал Грэмп, — как воевать, когда не во что целиться.

— Вы подразумеваете города? — сказал Адамс.

— Ну да. И ведь как все чудно вышло… Сколько ни пугали атомными бомбами — хоть бы что, все равно за город все держались. А стоило предложить им дешевую землю и семейные вертолеты — так и кинулись врассыпную, чисто кролики, чтоб им…

Джон Дж. Вебстер решительно поднимался по широким ступеням ратуши, когда его догнал и остановил оборванец с ружьем под мышкой:

— Привет, мистер Вебстер.

Несколько секунд Вебстер озадаченно рассматривал ходячее огородное пугало, потом лицо его расплылось в улыбке:

— А, это ты, Леви. Ну, как дела?

Леви Льюис осклабился, обнажив щербатые зубы:

— Ничего, так себе. Сады все гуще, молодые кролики нагуливают вес.

— Ты, случайно, не причастен к этой заварухе с брошенными домами? — спросил Вебстер.

— Никак нет, ваша честь, — отчеканил Леви. — Мы, скваттеры, ни в чем дурном не замешаны. Мы все люди богобоязненные, законопослушные. А дома эти занимаем только потому, что нам ведь больше негде жить. И кому вред от того, что мы

селимся там, где все равно никто не живет? Полиция знает, что мы не можем за себя постоять, вот и валит на нас все кражи и прочие безобразия. Делает из нас козлов отпущения.

— Ну, тогда ладно, — ответил Вебстер. — А то ведь начальник полиции хочет сжечь заброшенные дома.

— Пусть попробует, — сказал Леви. — Только как бы сам не обжегся. Развели огороды в банках, заставили нас фермы бросить, но уж дальше мы ни на шаг не отступим.

Сплюнув на ступеньку, он продолжал:

— Случайно, у вас нет при себе какой-нибудь мелочи? У меня совсем патронов не осталось, а тут эти кролики…

Вебстер сунул два пальца в жилетный карман и выудил полдоллара.

Леви ухмыльнулся:

— Вы сама щедрость, мистер Вебстер. Доживем до осени, я вас белками завалю.

Скваттер козырнул на прощание и зашагал вниз по ступенькам; ствол ружья поблескивал на солнце. Вебстер повернулся и вошел в здание.

Заседание муниципального совета было в полном разгаре.

Начальник полиции Джим Максвелл стоял

около стола, мэр Пол Картер говорил, обращаясь к нему:

— Тебе не кажется, Джим, что с твоей стороны несколько опрометчиво настаивать на таких мерах?

— Нет, не кажется, — ответил начальник полиции. — Из всех домов только два или три десятка заняты законными владельцами, точнее — первоначальными хозяевами, ведь на самом деле дома эти давно уже принадлежат муниципалитету. И никакого толку от них, одни только неприятности. Хоть бы ценность какую-то представляли, не как жилье — как утиль, но ведь и того нет. Строительный лес? Мы больше не употребляем дерево, пластики лучше. Камень? Его заменила сталь. Короче говоря, ничего такого, что можно было бы реализовать. А между тем они становятся пристанищем мелких преступников и нежелательных элементов. Да там теперь такие заросли образовались, лучшего укрытия для всевозможных правонарушителей и не придумаешь. Как что-нибудь натворил — прямым ходом туда, в заброшенные кварталы, там преступнику ничего не грозит: я могу хоть тысячу человек послать, все равно он от них ускользнет. Сносить — слишком дорого обойдется. И оставлять нельзя:

они как бельмо на глазу. В общем, надо от них избавляться, и самый простой и дешевый способ — огонь. Все необходимые меры предосторожности будут приняты.

— А как с юридической стороной? — спросил мэр.

— Я выяснил: всякий человек вправе уничтожить свое имущество удобным для него способом, если при этом не подвергается угрозе имущество других лиц. Очевидно, это правило применимо и к имуществу муниципалитета.

Олдермен Томас Гриффин вскочил на ноги.

— Вы только ожесточите людей! — воскликнул он. — Там ведь много таких домов, которые переходили из рода в род, а люди еще не освободились от сентиментальности…

— Если они так дорожат своими домами, — перебил его начальник полиции, — почему не платили налог, почему не следили за ними? Почему бежали за город, а дома бросили на произвол судьбы? Спросите-ка Вебстера, он расскажет вам, как пытался пробудить в них любовь к отчему дому и что из этого вышло.

— Вы говорите про этот фарс под названием «Неделя отчего дома»? — спросил Гриффин. — Да, он провалился. И не мог не провалиться. Вебстер

так пересластил свою стряпню, что она людям поперек горла встала. А чего еще ждать, когда за дело берется Торговая палата?

— При чем тут Торговая палата, Гриффин? — сердито вмешался олдермен Форрест Кинг. — Если вам в делах не везет, это еще не повод…

Но Гриффин его не слушал.

— Время нахального натиска прошло, джентльмены, прошло раз и навсегда. Приемы ярмарочного зазывалы безнадежно устарели, их место на кладбище. «Дни высокой кукурузы», «Дни доллара», всякие там липовые праздники с пестрыми флажками на площадях и прочие трюки, назначение которых собрать толпу и заставить ее раскошелиться, — все это быльем поросло. И только вы, други мои, этого, похоже, не заметили. Отчего такие фокусы удавались? Да оттого, что они спекулировали на психологии толпы и гражданских чувствах. Но откуда взяться гражданским чувствам, когда город на глазах умирает? И как спекулировать на психологии толпы, когда толпы нет, у каждого или почти у каждого свое царство величиной в сорок акров?

— Джентльмены, — взывал мэр, — джентльмены, прошу придерживаться регламента!

Кинг рывком встал и грохнул кулаком по сто-

лу:

— Нет уж, давайте начистоту! Вот и Вебстер тут, может быть, он поделится с нами своими мыслями?

Вебстер поежился.

— Боюсь, — ответил он, — мне нечего сказать.

— Ладно, хватит об этом, — резко подытожил Гриффин и сел.

Но Кинг продолжал стоять, лицо его налилось краской, губы дрожали от ярости.

— Вебстер! — крикнул он.

Вебстер покачал головой.

— Вы пришли сюда по поводу вашей очередной великой идеи! — не унимался Кинг. — Собирались представить ее на рассмотрение муниципалитета. Так чего сидите? Давайте выкладывайте!

Вебстер поднялся с хмурым видом.

— Не знаю, может, тупость помешает вам уразуметь, — обратился он к Кингу, — почему меня возмущает ваша деятельность.

Кинг на секунду опешил, потом взорвался:

— Тупость? И это вы говорите мне! Мы работали вместе, я вам помогал. Вы никогда не позволяли себе… никогда не…

— Да, я никогда не позволял себе говорить ничего подобного, — бесстрастно произнес Веб-

стер. — Еще бы. Мне не хотелось вылететь со службы.

— Так вот, вы уже вылетели! — рявкнул Кинг. — Уволены! С этой самой секунды!

— Заткнитесь, — сказал Вебстер.

Кинг ошалело уставился на него, словно получил пощечину.

— И сядьте. — Голос Вебстера кинжалом прорезал напряженную тишину.

У Кинга подкосились ноги, и он шлепнулся на стул. Все молчали.

— Я хочу сказать вам кое-что, — продолжал Вебстер, — о том, что давно уже пора сказать вслух. О том, что всем вам давно следовало бы знать. Странно только, что именно мне приходится говорить вам об этом. А может быть, ничего тут странного и нет, кому, как не мне, сказать правду, все-таки почти пятнадцать лет служу интересам города. Олдермен Гриффин сказал, что город умирает на глазах. Верно сказал, с одной только небольшой поправкой: он выразился слишком мягко. Город — этот город, любой город — уже умер. Город стал анахронизмом. Он изжил себя. Гидропоника и вертолеты предопределили его кончину. Первоначально город был попросту пристанищем того или иного племени, которое

собиралось вместе, чтобы обороняться от врагов. Со временем его обнесли стеной, чтобы усилить оборону. Потом стена исчезла, а город остался как центр торговли и ремесла. И просуществовал до нашего времени, потому что люди были привязаны к месту работы, которое находилось в городе. Теперь условия изменились. В наше время, при семейном вертолете, сто миль — меньше, чем пять миль в тридцатых годах. Утром вылетел на работу, отмахал несколько сот миль, а вечером — домой. Теперь нет больше необходимости жаться в городе. Начало положил автомобиль, а семейный вертолет довершил дело. Уже в первой четверти столетия люди потянулись за город, подальше от духоты, от всяких налогов, на свой, отдельный участочек в предместье. Конечно, многие оставались: не был налажен загородный транспорт, денег не хватало. Но теперь, когда все выращивают на искусственной среде и цены на землю упали, большой загородный участок стоит меньше, чем клочок земли в городе сорок лет назад. И транспорт перестал быть проблемой, после того как самолеты перешли на атомную энергию.

Он остановился. Тишина. Мэр был явно потрясен. Кинг беззвучно шевелил губами. Гриффин

улыбался.

— К чему мы пришли в итоге? — спросил Вебстер. — Сейчас я скажу к чему. Кварталы, целые улицы пустых, заброшенных домов. Люди взяли да уехали. А зачем им оставаться? Что мог дать им город? Предыдущим поколениям он что-то давал, а вот нынешнему — ничего, потому что прогресс свел на нет все плюсы города. Конечно, что-то они потеряли, ведь какие-то деньги были вложены в старое жилье. Но все это с лихвой возмещалось, поскольку они могли купить дом, который был вдвое лучше и вдвое дешевле; могли жить так, как им хотелось, обзавестись, так сказать, фамильной усадьбой вроде тех, которые всего несколько десятилетий назад были привилегией богачей. Что же нам осталось? Несколько кварталов под конторами фирм и компаний. Несколько акров под промышленными предприятиями. Муниципалитет, назначение которого — заботиться о миллионе горожан, да только горожан-то больше нет. Бюджет с такими высокими налогами, что скоро и фирмы из города уберутся, чтобы не платить столько. Конфискованный жилой фонд, которому грош цена. Вот что нам осталось… Только болван может думать, что ответ дадут Торговые палаты, шумные кам-

пании да идиотские проекты. Потому что на все наши вопросы есть один-единственный простой ответ: город как таковой мертв, он может кое-как протянуть еще несколько лет, но не больше.

— Мистер Вебстер… — начал мэр.

Но Вебстер даже ухом не повел.

— Если бы не сегодняшний случай, — говорил он, — я продолжал бы вместе с вами играть в кукольные домики. Делать вид, будто город — еще действующее предприятие. Продолжал бы морочить голову себе и вам. Но все дело в том, господа, что на свете есть нечто, именуемое человеческим достоинством.

Ледяную тишину раздробило шуршание бумаг, чье-то озадаченное покашливание.

Однако Вебстер еще не кончил:

— Город приказал долго жить. И слава богу! Чем сидеть здесь и лить слезы над его останками, лучше бы встали и прокричали «спасибо». Ведь если бы этот город, как и все города на свете, не изжил себя, если бы люди не бросили города, они были бы разрушены. Разразилась бы война, господа, атомная война. Вы забыли пятидесятые, шестидесятые годы? Забыли, как просыпались ночью и слушали, не летит ли бомба? Хотя знали, что все равно не услышите, когда она прилетит,

вообще больше ничего и никогда не услышите. Но люди покинули города, промышленность рассредоточилась, и обошлось без войны. Многие из вас, господа, живы сегодня только потому, что люди ушли из вашего города. Да, живы потому, что город мертв! Так пусть же, черт побери, он остается мертвым. Вам надо радоваться, что он умер. Это самое счастливое событие во всей истории человечества.

Джон Дж. Вебстер круто повернулся и вышел из зала.

На широкой наружной лестнице он остановился и посмотрел на безоблачное небо. Над шпилями и башенками ратуши кружили голуби.

Джон Вебстер мысленно встряхнулся, словно пес, который выскочил из пруда на берег.

Глупо он поступил, чего там. Теперь надо искать новое место, и когда еще найдешь, ведь возраст уже не тот.

Но тут в душе его сама собой родилась какая-то песенка, потеснила мрачные мысли, он сложил губы трубочкой и, беззвучно насвистывая, бодро зашагал прочь от ратуши.

Не надо больше лицемерить. Не надо больше ночи напролет думать над тем, как жить дальше, зная, что город мертв, что ты занимаешься ник-

чемным делом, презирая себя за то, что даром ешь хлеб, борясь с тягостным чувством, преследующим труженика, который понимает, что трудится вхолостую.

Он направлялся к стоянке, где ждал его вертолет.

Может быть, теперь и они уедут из города, исполнится желание Бетти. И будет он вечерами бродить по собственной земле. Свой участок с речушкой! Непременно с речушкой, чтобы можно было развести форель.

Кстати, надо будет сходить на чердак и проверить удочки.

Марта Джонсон стояла и ждала у въезда на скотный двор, когда древняя колымага пропыхтела по дорожке и Уле неуклюже выбрался из кабины, посеревший от усталости.

— Ну как, что-нибудь продал? — спросила Марта.

Он покачал головой:

— Гиблое дело. Деревенского не берут. Еще и смеются. Показывают мне кукурузу: початки вдвое больше моих, ровнехонькие и такие же сладкие. На дынях кожуры почитай что и нет. И повкуснее наших будут, коли не врут.

Он поддал ногой ком земли так, что пыль по-

летела.

— Да что там говорить, разорили нас эти искусственные среды.

— Может, нам лучше уж продать ферму? — сказала Марта.

Уле промолчал.

— Наймешься в гидропонное хозяйство. Вон Гарри поступил. И как еще доволен.

Уле мотнул головой.

— Или в садовники наймись. У тебя очень даже хорошо получится. Всем этим барам с большими усадьбами только садовника подавай, машин не признают, не тот шик.

Уле снова мотнул головой.

— Душа не лежит с цветочками возиться, — объяснил он. — Как-никак двадцать лет с лишком кукурузе отдал.

— А может, и нам вертолет завести, какой поменьше? — сказала Марта. — И провести воду в дом? И ванну поставить, чем в старом корыте на кухне мыться?

— Не справлюсь я с вертолетом, — возразил Уле.

— Еще как справишься. Невелика хитрость. Вон погляди на андерсеновских ребятишек: от горшка два вершка, а уже летают почем зря. Правда,

один из них тут затеял дурачиться и вывалился из кабины, но…

— Ладно, я подумаю, — перебил Уле с отчаянием в голосе. — Подумаю.

Он повернулся, перемахнул через ограду и зашагал в поле. Марта стояла у машины и глядела ему вслед. По припорошенной пылью щеке скатилась слеза.

— Мистер Тайлер ждет вас, — сказала девушка.

Джон Дж. Вебстер опешил:

— Но ведь я у вас еще не бывал. И не договаривался с ним о встрече.

— Мистер Тайлер ждет вас, — настойчиво повторила она и указала кивком на дверь с надписью:

«ОТДЕЛ ПЕРЕСТРОЙКИ»

— Но я пришел сюда узнать насчет работы, — возразил Вебстер. — А не затем, чтобы меня перестраивали. Здесь ведь бюро найма Всемирного комитета или я ошибся?

— Нет, не ошиблись, — ответила девушка. — Так доложить о вас мистеру Тайлеру?

— Если вы так настаиваете…

Девушка нажала рычажок и сказала в микрофон:

— Мистер Вебстер здесь, сэр.

— Пусть войдет, — ответил мужской голос.

Вебстер вошел в кабинет, держа шляпу в руке.

Седой мужчина с молодым лицом жестом предложил ему сесть.

— Вы хотите устроиться на работу?

— Да, — подтвердил Вебстер, — но я…

— Да вы садитесь, — продолжал Тайлер. — Если вас смутила надпись на двери, забудьте о ней. Мы отнюдь не собираемся вас перестраивать.

— Я никак не могу найти себе место, — объяснил Вебстер. — Которую неделю хожу — и всюду отказ. Вот и пришел сюда к вам.

— Не хотелось к нам обращаться?

— Откровенно говоря, не хотелось. Бюро найма… В этом есть что-то… В общем, что-то неприятное.

Тайлер улыбнулся:

— Возможно, название не совсем удачное. Вы думали, это нечто вроде бывшей биржи труда, куда обращались отчаявшиеся люди. Государственное учреждение, которое старается определить людей на работу, чтобы они не были в тягость обществу…

— Ну что ж, я тоже отчаялся, — признался Вебстер. — Но гордость еще сохранил, оттого и трудно было заставить себя прийти к вам. Но

что поделаешь, другого выхода нет. Понимаете, я оказался изменником…

— Другими словами, — перебил его Тайлер, — вы предпочитали говорить правду. Хотя бы это стоило вам места. Деловые круги, и не только здесь, во всем мире, еще не доросли до вашей правды. Бизнесмен еще цепляется за миф о городе, миф о коммерческой хватке. Придет время — и он поймет, что можно обойтись без города, что честное служение обществу даст ему куда больше, чем всякие коммерческие штучки. А скажите, Вебстер, что вас все-таки заставило поступить так, как вы поступили?

— Мне стало тошно, — ответил Вебстер. — Тошно глядеть, как люди тычутся туда-сюда с зажмуренными глазами. Тошно глядеть, как лелеют старую традицию, которой давно место на свалке. Мне опротивел Кинг с его пустопорожним энтузиазмом.

Тайлер кивнул:

— А как вы думаете, не смогли бы вы помочь нам с перестройкой людей?

Вебстер вытаращил глаза.

— Нет, я серьезно, — продолжал Тайлер. — Всемирный комитет уже который год этим занимается — ненавязчиво, незаметно. Многие из тех,

кто прошел перестройку, даже сами об этом не подозревают. С того времени как на смену Объединенным нациям пришел Всемирный комитет, на свете многое изменилось, и далеко не все сумели приспособиться к этим изменениям. Когда начали широко применять атомную энергию, сотни тысяч остались без места. Их надо было переучивать и направлять на другую работу. Одних на атомные предприятия, других куда-нибудь еще. Гидропоника ударила по фермерам. Пожалуй, с ними нам пришлось особенно трудно, ведь они ничего не умели, только выращивать хлеб и смотреть за скотом. И большинство из них вовсе не стремились ни к чему другому. Они возмущались, что их лишили источника существования, унаследованного от предков. Индивидуалисты по самой своей природе, они оказались для нас, так сказать, самым твердым психологическим орешком.

— Многие из них, — перебил его Вебстер, — до сих пор не устроены. Больше сотни вселились без разрешения в заброшенные дома, живут впроголодь, там кролика подстрелят, там белку, рыбу ловят, растят овощи, собирают дикие плоды. Иногда приворовывают, иногда собирают подаяние в жилых кварталах…

— Вы знаете этих людей? — спросил Тайлер.

— Знаю кое-кого. Один из них, случается, приносит мне белок или кроликов. Когда ему нужны деньги на патроны.

— По-вашему, они будут противиться перестройке?

— Еще как, — ответил Вебстер.

— Вам не знаком фермер по имени Уле Джонсон? Который все держится за свою ферму и ничего менять не хочет?

Вебстер кивнул.

— Если бы вы занялись им?

— Он меня тут же выставит за дверь.

— Такие люди, как Уле и эти скваттеры, — объяснил Тайлер, — нас сейчас особенно заботят. Большинство благополучно приспособились к новым условиям, вошли, так сказать, в современную колею. Правда, кое-кто еще оплакивает старину, но это больше для вида. Их теперь силой не заставишь жить по-старому. Когда много лет назад всерьез начали развивать атомную энергетику, Всемирный комитет столкнулся с нелегкой проблемой. Перемены, прогресс нужны, но как их вводить — постепенно, чтобы люди исподволь приноравливались, или полным ходом и принять все меры, чтобы люди перестраивались поско-

рее? И решили — может быть, верно, может быть, нет — дать полный ход, а люди пусть поспевают как могут. В общем, это решение оправдалось. Конечно, мы понимали, что не всегда можно будет проводить перестройку в открытую. В некоторых случаях затруднений не было — скажем, когда какие-то категории промышленных рабочих целиком переводили на новое производство. Но в некоторых случаях, как, например, с нашим другом Уле, нужен особый подход. Этим людям надо помочь найти свое место в новом мире, но так, чтобы они не чувствовали, что им помогают. Иначе можно подорвать их веру в свои силы, чувство человеческого достоинства, а ведь это чувство — краеугольный камень всякой цивилизации.

— Насчет перестройки в промышленности я, конечно, знал, — сказал Вебстер. — А вот про индивидуальные случаи впервые слышу.

— Мы не можем трубить об этом, — ответил Тайлер. — Дело, можно сказать, секретное.

— Зачем же вы тогда мне рассказали?

— Потому что мы хотим, чтобы вы у нас работали. Помогите для начала Уле. А потом подумайте, что можно сделать для скваттеров.

— Не знаю даже… — начал Вебстер.

— Мы ведь ждали вас, — продолжал Тайлер. — Знали, что в конце концов вы придете к нам. Кинг позаботился о том, чтобы вас нигде не приняли. Всюду дал знать, так что теперь все Торговые палаты, все муниципальные органы занесли вас в черный список.

— Судя по всему, у меня нет выбора.

— Не хотелось бы, чтобы вы так это воспринимали, — сказал Тайлер. — Лучше не спешите, обдумайте все и приходите еще раз. Не соглашайтесь на мое предложение — найдем вам другую работу наперекор Кингу.

Выйдя из бюро, Вебстер увидел знакомого оборванца с ружьем под мышкой. Но сегодня Леви Льюис не улыбался.

— Ребята сказали мне, что вы сюда зашли, — объяснил он. — Вот я и жду.

— Беда какая-нибудь? — спросил Вебстер, глядя на озабоченное лицо Леви.

— Да полиция… — ответил Леви и презрительно сплюнул в сторону.

— Полиция… — У Вебстера замерло сердце, он сразу понял, какая беда стряслась.

— Ага. Хотят нас выкурить.

— Так, значит, муниципалитет все-таки поддался.

— Я сейчас был в полицейском управлении, — продолжал Леви. — Сказал им, чтобы не очень-то петушились. Предупредил, что мы им кишки выпустим, если сунутся. Я расставил своих ребят и велел стрелять только наверняка.

— Но ведь так же нельзя, Леви, — строго произнес Вебстер.

— Нельзя?! — воскликнул Леви. — Можно, и уже сделано. Нас согнали с земли, заставили продать ее, потому что она нас уже не кормит. Но больше мы не отступим, хватит. Будем насмерть стоять, до последнего, но выкурить себя не дадим.

Леви поддернул брюки и снова сплюнул.

— И не только мы, скваттеры, так думаем, — добавил он, — Грэмп с нами заодно.

— Грэмп?

— Он самый. Ваш старик. Он у нас как бы за генерала. Говорит, еще не совсем забыл военное дело, полиция только ахнет. Послал ребят, и они увели пушечку из мемориала. Говорит, в музее для нее и снаряды найдутся. Оборудуем, говорит, огневую точку, а потом объявим: мол, если полиция сунется, мы откроем огонь по деловому центру.

— Послушай, Леви, ты можешь сделать для

меня одну вещь?

— Натурально могу, мистер Вебстер.

— Зайди в эту контору и спроси там мистера Тайлера, хорошо? Добейся, чтобы он тебя принял, и скажи ему, что я уже приступил к работе.

— Натурально, а вы сейчас куда?

— Я пойду в ратушу.

— Не хотите, чтоб я с вами пошел?

— Нет, — ответил Вебстер. — Я один справлюсь. И еще, Леви…

— Да?

— Попроси Грэмпа, чтобы попридержал свою артиллерию. Пусть не стреляет без крайней надобности. Ну а уж если придется стрелять, так чтобы не мазал.

— Мэр занят, — сказал секретарь Реймонд Браун.

— А вот мы сейчас посмотрим, — ответил Вебстер, направляясь к двери в кабинет.

— Вам туда нельзя, Вебстер! — завопил Браун.

Он вскочил на ноги и обогнул стол, бросаясь наперехват. Вебстер развернулся и толкнул его локтем в грудь прямо на стол. Стол поехал. Браун взмахнул руками, потерял равновесие и сел на пол. Вебстер рванул дверь кабинета.

Мэр сдернул ноги со стола.

— Я же сказал Брауну… — начал он.

Вебстер кивнул:

— А Браун сказал мне. В чем дело, Картер? Боитесь, Кинг узнает, что я у вас был? Боитесь развращающего действия порядочных идей?

— Что вам надо? — рявкнул Картер.

— Мне стало известно, что полиция собирается сжечь заброшенные дома.

— Точно, — подтвердил мэр. — Эти дома представляют опасность для общины.

— Для какой общины?

— Послушайте, Вебстер…

— Вы отлично знаете, что никакой общины нет. Есть несколько вшивых политиканов, которые нужны только затем, чтобы вы могли претендовать на престол, могли каждый год избираться и загребать свой оклад. Вам скоро никаких других дел не останется, кроме как голосовать друг за друга. Ни служащие, ни рабочие, даже самой низкой квалификации, — никто из них не живет в черте города. А бизнесмены давно уже разъехались кто куда. Дела свои здесь вершат, но живут-то в других местах.

— Все равно — город есть город, — заявил мэр.

— Я пришел не для того, чтобы попытаться убедить вас, что нельзя сжигать эти дома. Вы

должны понять: заброшенные дома — пристанище людей, которые остались без своего угла. Людей, которых поиски убежища привели в наш город и они нашли у нас кров. В каком-то смысле мы за них отвечаем.

— Ничего подобного, мы за них не отвечаем, — прорычал мэр. — И что бы с ними ни случилось, пусть пеняют на себя. Мы их не звали. Они нам не нужны. Общине от них никакого проку. Скажете, что они неудачники. Ну а я тут при чем? Скажете, у них нет работы. А я отвечу: нашли бы, если бы поискали. Работа есть, работа всегда есть. А то наслушались о новом мире и вбили себе в голову, что кто-то другой должен о них позаботиться, найти работу, которая их устроит.

— Вы рассуждаете как закоренелый индивидуалист, — усмехнулся Вебстер.

— Вам это кажется забавным? — огрызнулся мэр.

— Забавно, — сказал Вебстер. — Забавно и печально, что в наши дни человек способен так рассуждать.

— Добрая доза закоренелого индивидуализма ничуть не повредила бы нашему миру. Возьмите тех, кто преуспел в жизни…

— Это вы о себе? — спросил Вебстер.

— А хоть бы и о себе. Я трудился как вол, не упускал благоприятных возможностей, заглядывал вперед. Я…

— Вы хотите сказать, что знали, чьи пятки лизать и чьи кости топтать, — перебил Вебстер. — Так вот, вы блестящий образчик человека, ненужного сегодняшнему миру. От вас плесенью несет, до того обветшали ваши идеи. Если я был последним из секретарей Торговых палат, то вы, Картер, последний из политиканов. Только вы этого еще не уразумели. А я уразумел. И вышел из игры. Мне это даром не далось, но я вышел из игры, чтобы не потерять к себе уважение. Деятели вашей породы отжили свое. Отжили, потому что раньше любой хлыщ с луженой глоткой и нахальной рожей мог играть на психологии толпы и пробиться к власти. А теперь психологии толпы больше не существует. Откуда ей взяться, если ваша система рухнула под собственной тяжестью и народу плевать на ее труп.

— Вон отсюда! — заорал Картер. — Вон, пока я не позвал полицейских и не велел вас вышвырнуть.

— Вы забываете, — возразил Вебстер, — что я пришел поговорить о заброшенных домах.

— Пустая затея, — отрезал Картер. — Можете

разглагольствовать хоть до Судного дня, все равно эти дома будут сожжены. Это вопрос решенный.

— Вам хочется увидеть развалины на месте делового центра? — спросил Вебстер.

— О чем вы толкуете? — вытаращился мэр. — При чем тут центр?

— А притом, что в ту самую секунду, когда первый факел коснется домов, ратушу поразит первый снаряд. А второй ударит по вокзалу. И так далее, сперва все крупные мишени.

У Картера отвисла челюсть. Потом лицо его залила краска ярости.

— Бросьте, Вебстер, — прохрипел он. — Меня не проведешь. С этими вашими баснями…

— Это не басня, — возразил Вебстер. — У них там есть пушки. Около мемориала взяли и в музеях. И есть люди, которые умеют с ними обращаться. Да тут и не нужен большой знаток. Прямая наводка, все равно что в упор по сараю стрелять.

Картер потянулся к передатчику, но Вебстер жестом остановил его:

— Подумайте, подумайте хорошенько, Картер, прежде чем в петлю лезть. Стоит вам дать ход вашему плану — и начнется сражение. Допустим, вам удастся сжечь заброшенные дома, но ведь и от центра ничего не останется. Бизнесмены

снимут с вас скальп за это.

Картер убрал руку с тумблера.

Издалека донесся резкий звук ружейного выстрела.

— Лучше отзовите их, — посоветовал Вебстер.

На лице Картера отразилось смятение.

Снова выстрел… второй, третий.

— Еще немного, — сказал Вебстер, — и будет поздно, вы уже ничего не сможете сделать.

Глухой взрыв потряс оконные стекла. Картер вскочил на ноги.

Вебстер вдруг ощутил противную слабость, однако виду не показал.

Картер с каменным лицом смотрел в окно.

— Похоже, что уже поздно, — произнес Вебстер, стараясь придать голосу твердость.

Радио на столе требовательно запищало, мигая красным огоньком.

Картер дрожащей рукой нажал тумблер.

— Картер, — звал чей-то голос. — Картер, Картер!

Вебстер узнал луженую глотку начальника полиции Джима Максвелла.

— Что там случилось? — спросил Картер.

— Они выкатили пушку, — доложил Максвелл. — Взорвалась при первом же выстреле.

Должно быть, снаряд с дефектом.

— Пушка? Только одна пушка?

— Других пока не видно.

— Я слышал ружейные выстрелы, — сказал Картер.

— Так точно, они нас обстреляли. Двоих-троих ранили. Но теперь отошли. Прячутся в зарослях. Больше не стреляют.

— Ясно, — сказал Картер. — Валяйте начинайте поджигать.

Вебстер бросился к нему:

— Спросите его… Спросите…

Но Картер уже щелкнул тумблером, и радио смолкло.

— Что вы хотели у него спросить?

— Нет, ничего, — ответил Вебстер. — Ничего существенного.

Он не мог сказать Картеру, что один только Грэмп знал, как стреляют из пушки, что Грэмп был там, где произошел взрыв.

Уйти отсюда — и туда, к пушке, как можно скорее!

— Недурно было задумано, Вебстер, — сказал Картер. — Недурно, да только сорвался ваш блеф.

Он снова подошел к окну.

— Все, кончилась стрельба. Быстро сдались.

— Скажите спасибо, если из ваших полицейских хотя бы шестеро живьем вернутся, — огрызнулся Вебстер. — Там, в зарослях, засели люди, которые за сто шагов бьют белку в глаз.

В коридоре послышался топот, две пары ног стремительно приближались к двери.

Мэр отпрянул от окна. Вебстер повернулся на каблуках.

— Грэмп! — крикнул он.

— Привет, Джонни, — выдохнул ворвавшийся в кабинет Грэмп.

За его спиной стоял молодой человек, он размахивал в воздухе чем-то шелестящим, какими-то бумагами.

— Что вам угодно? — спросил мэр.

— Нам много чего угодно, — ответил Грэмп, помолчал, переводя дух, и добавил: — Познакомьтесь: мой друг Генри Адамс.

— Адамс? — переспросил мэр.

— Вот именно, Адамс, — подтвердил Грэмп. — Его дед когда-то жил здесь. На Двадцать седьмой улице.

— А-а… — У мэра был такой вид, словно его стукнули кирпичом. — А-а… Вы говорите про Ф. Дж. Адамса?

— Во-во, он самый, — сказал Грэмп. — Мы с ним

вместе воевали. Он мне целыми ночами рассказывал про сына, который дома остался.

Картер взял себя в руки и коротко поклонился Генри Адамсу.

— Разрешите мне, — важно начал он, — как мэру этого города, приветствовать…

— Горячее приветствие, ничего не скажешь, — перебил его Адамс. — Я слышал, вы сжигаете мою собственность.

— Вашу собственность?

Мэр осекся, озадаченно глядя на бумаги в руке Адамса.

— Вот именно, его собственность! — отчеканил Грэмп. — Он только что купил этот участок. Мы сюда прямиком из казначейства. Задолженность по налогам покрыта, пени уплачены — словом, конец всем уверткам, которыми вы, легальные жулики, хотели оправдать свое наступление на заброшенные дома.

— Но… но… — Мэр никак не мог подобрать нужные слова. — Но ведь не все же, надо думать, а только дом старика Адамса.

— Все, все как есть, — торжествовал Грэмп.

— И я был бы вам очень обязан, — сказал молодой Адамс, — если бы вы попросили ваших людей прекратить уничтожение моей собственности.

Картер наклонился над столом и взялся непослушными руками за радио.

— Максвелл! — крикнул он. — Максвелл! Максвелл!

— В чем дело? — рявкнул в ответ Максвелл.

— Сейчас же прекратите поджигать дома! Тушите пожары! Вызовите пожарных! Делайте что хотите, только потушите пожары!

— Вот те на! — воскликнул Максвелл. — Вы уж решите что-нибудь одно.

— Делайте что вам говорят! — орал мэр. — Тушите пожары!

— Ладно, — ответил Максвелл. — Хорошо, не кипятитесь. Только ребята вам спасибо не скажут. Они тут головы под пули подставляют, а вы то одно, то другое.

Картер выпрямился:

— Позвольте заверить вас, мистер Адамс, произошла ошибка, прискорбная ошибка.

— Вот именно, — сурово подтвердил Адамс. — Весьма прискорбная ошибка. Самая прискорбная ошибка в вашей жизни.

С минуту они молча мерили взглядом друг друга.

— Завтра же, — продолжал Адамс, — я подаю заявление в суд, ходатайствую об упразднении

городской администрации. Если не ошибаюсь, как владелец большей части земель, подведомственных муниципалитету, я имею на это полное право.

Мэр глотнул воздуха, потом выдавил из себя:

— На каком основании?..

— А на таком, — ответил Адамс, — что я больше не нуждаюсь в услугах муниципалитета. Думаю, суд не станет особенно противиться.

— Но… но… ведь это означает…

— Во-во, — подхватил Грэмп. — Вы отлично понимаете, что это означает. Вы получили нокаут, вот что это означает.

— Заповедник. — Грэмп взмахнул рукой, указывая на заросли на месте жилых кварталов. — Заповедник, чтобы люди не забывали, как жили их предки.

Они стояли втроем на холме среди торчащих из густой травы массивных стальных опор старой ржавой водокачки.

— Не совсем заповедник, — поправил его Генри Адамс, — а скорее мемориал. Памятник городской эре, которая лет через сто будет всеми забыта. Этакий музей под открытым небом для всякого рода диковинных построек, которые отвечали определенным условиям среды и личным вку-

сам хозяев. Подчиненных не каким-то единым архитектурным принципам, а стремлению жить удобно и уютно. Через сто лет люди будут входить в эти дома там, внизу, с таким же благоговейным чувством, с каким входят в нынешние музеи. Для них это будет что-то первобытное, так сказать, одна из ступеней на пути к лучшей, более полной жизни. Художники будут посвящать свое творчество этим старым домам, переносить их на свои полотна. Авторы исторических романов будут приходить сюда, чтобы подышать подлинной атмосферой прошлого…

— Но вы говорили, что хотите восстановить все постройки, расчистить сады и лужайки, чтобы все было как прежде, — сказал Вебстер. — На это нужно целое состояние. И еще столько же на уход.

— А у меня чересчур много денег, — ответил Адамс. — Честное слово, куры не клюют. Не забудьте, дед и отец включились в атомный бизнес, когда он только зарождался.

— Дед ваш лихо в кости играл, — сообщил Гр-эмп. — Бывало, как получка — непременно меня обчистит.

— В старое время, — продолжал Адамс, — когда у человека было чересчур много денег, он мог

найти им другое употребление. Скажем, вносил в благотворительные фонды, или на медицинские исследования, или еще на что-нибудь. Теперь нет благотворительных фондов. Некому их поддерживать. И с тех пор как Всемирный комитет вошел в силу, хватает денег на все исследования, медицинские и прочие. У меня ведь не было никаких планов, когда я решил побывать на родине деда. Просто захотелось поглядеть на его дом, больше ничего. Он мне столько про него рассказывал. Как сажал дерево на лужайке… Какие розы развел за домом… И вот я увидел этот дом. И он был словно манящий призрак прошлого. Вот он брошен, брошен навсегда, а ведь был кому-то очень дорог… Мы стояли с Грэмпом и смотрели, и вдруг я подумал, что могу сделать большое дело, если сохраню для потомства как бы срез прошлого, чтобы могли видеть, как жили их предки.

Над деревьями внизу взвился столбик голубого дыма.

— А как же с ними? — спросил Вебстер, показывая на дым.

— Пусть остаются, если хотят, — ответил Адамс. — Для них найдется работа. И жилье найдется. Меня только одно заботит. Я не могу сам быть здесь все время. Мне нужен человек,

который руководил бы этим делом. Посвятил бы ему всю жизнь.

Он посмотрел на Вебстера.

— Валяй, Джонни, соглашайся, — сказал Грэмп.

Вебстер покачал головой:

— Бетти уже присмотрела дом за городом.

— А вам не надо жить тут постоянно, — заметил Адамс. — Будете прилетать каждый день.

Кто-то окликнул их снизу.

— Это Уле! — Грэмп помахал тростью. — Эй, Уле! Поднимайся сюда!

Они молча глядели, как Уле взбирается вверх по склону.

— Потолковать надо, Джонни, — заговорил Уле, подойдя к ним. — Мыслишка есть. Ночью осенило, до утра не спал.

— Выкладывай, — сказал Вебстер.

Уле покосился на Адамса.

— Все в порядке, — успокоил его Вебстер. — Это Генри Адамс. Может, помнишь его деда, старика Ф. Дж.?

— Ну как же, помню, — подтвердил Уле. — Он еще полез в эти атомные дела. Что-нибудь это ему дало?

— И совсем немало, — ответил Адамс.

— Рад слышать. Стало быть, я ошибался, когда

говорил, что из него не выйдет толку. Он все мечтал да грезил.

— Так что за идея? — спросил Вебстер.

— Вы, конечно, слышали про туристские ранчо?

Вебстер кивнул.

— Туда городские приезжали, чтобы ковбоев разыгрывать, — продолжал Уле. — Уж так им это нравилось! Они ведь понятия не имели, что настоящее ранчо — это тяжелый труд, им представлялась одна сплошная романтика, скачки на лошадях и…

— Постой, — перебил его Вебстер, — ты что же, задумал свою ферму превратить в такое туристское ранчо?

— Ранчо не ранчо, а вот насчет туристской фермы стоит помозговать. Теперь ведь настоящих ферм почитай что и не осталось, люди все равно не знают толком, что это такое. А уж мы им распишем — про тыквы с кружевами на корке и всякие прочие красоты…

Вебстер внимательно посмотрел на Уле:

— А знаешь, Уле, ведь клюнут. Драться будут, убивать друг друга, только дай им провести отпуск на самой настоящей, неподдельной старинной ферме!

Внезапно из кустов на склоне, мелькая кривыми лезвиями и помахивая длинной металлической рукой, с визгом, рокотом и скрежетом вырвалась какая-то блестящая штуковина.

— Это еще… — начал Адамс.

— Косилка, чтоб ей пусто было! — воскликнул Грэмп. — Я всегда говорил, что она когда-нибудь свихнется и пойдет куролесить!

Комментарий ко второму преданию

Второе предание, при всей его чужеродности, все-таки нам как-то ближе. Здесь впервые читатель ловит себя на чувстве, что это предание могло родиться у лагерного костра Псов. Для первого предания такое предположение немыслимо.

Тут провозглашаются какие-то высокие морально-этические принципы, которые святы для Псов. Далее происходит понятная для Пса борьба, пусть даже в ней обнаруживается моральное и умственное оскудение главного действующего лица.

И появляется близкий нам персонаж — робот. В роботе Дженкинсе, впервые предстающем здесь перед читателем, мы узнаем персонаж, который уже не одну тысячу лет является любимцем щенков. Резон полагает Дженкинса подлинным героем всего цикла. Он видит в Дженкинсе олицетворение авторитета Человека, который продолжал влиять и после того, как исчез сам Человек; видит механическое устройство, посредством которого человеческая мысль еще много столетий направляла Псов, хотя сам Че-

ловек ушел.

У нас и теперь есть роботы, приятные и полезные маленькие аппараты, единственное назначение которых — служить нам руками. Впрочем, Псы уже настолько свыклись со своими роботами, что мысленно не отделяют их от себя.

Утверждение Резона, будто робот изобретен Человеком и представляет собой наследие эпохи Человека, решительно опровергается большинством других исследователей цикла.

По мнению Разгона, мысль о том, будто робот сделан и дарован Псам, чтобы они могли создать свою культуру, тотчас отпадает в силу своей романтичности. Он утверждает, что перед нами просто литературный прием, который никак нельзя воспринимать всерьез.

Остается невыясненным, как Псы могли прийти к конструкции робота. Немногие из исследователей, занимавшихся проблемой развития робототехники, отстаивают мнение, что узкоспециальное назначение робота говорит в пользу его изобретения Псом. Такую специализацию, заявляют они, можно объяснить лишь тем, что робот был придуман и изготовлен именно теми существами, для которых он предназначен. Только Пес, утверждают они, мог столь успешно

решить такую сложную задачу.

Ссылка на то, что никто из Псов сегодня не сумел бы изготовить робота, ничего не доказывает. Псы сегодня не сумеют изготовить робота потому, что в этом нет нужды, поскольку роботы сами себя изготовляют. Несомненно, когда возникла надобность, Пес создал робота, и, наделив роботов способностью к воспроизводству, которое выразилось в изготовлении себе подобных, он избрал решение, типичное для самих Псов.

И наконец, в этом предании впервые появляется проходящая затем через весь цикл идея, которая давно уже изумляет всех исследователей и большинство читателей. Речь идет о возможности физически покинуть наш мир и достичь заоблачных высей других миров. Почти все рассматривают эту идею как чистую фантастику (вполне допустимую в преданиях и легендах), тем не менее она тоже внимательно изучалась. Большинство исследований подтвердили вывод, что такое путешествие немыслимо. Иначе пришлось бы допустить, что звезды, которые мы видим ночью, — огромные миры, удаленные на чудовищные расстояния от нашего мира. Но ведь всякий знает, что на самом деле звезды — всего-навсего висящие в небе огни, и многие из них

висят совсем близко.

Пожалуй, наиболее удачное объяснение, откуда могла возникнуть идея о заоблачных мирах, предложено Разгоном. Все очень просто, говорит он: древний сказитель по-своему изобразил истари известные Псам миры гоблинов.

II. Берлога

Мелкий дождик из свинцовых туч плыл серыми космами среди оголенных деревьев. Он обволакивал живую изгородь, сглаживал углы построек, скрадывал даль. Он поблескивал на металлической оболочке безмолвных роботов и серебрил плечи трех людей, слушающих человека в черном облачении, который держал в руках книгу и читал нараспев:

— Я есмь воскресение и жизнь…

Замшелая статуя над входом в крипту словно стремилась ввысь, всеми своими частицами напряженно тянулась к чему-то незримому. Тянулась с того самого далекого дня, когда ее высекли из гранита и водрузили на фамильном склепе как символ, столь близкий сердцу первого Джона Дж. Вебстера в последние годы его жизни.

— И всякий живущий и верующий в Меня…

Джером А. Вебстер чувствовал, как его руку стискивают пальцы сына, слышал тихий плач матери, видел неподвижных роботов, почтительно склонивших головы над прахом своего хозяина, возвращающегося в лоно, которое служит конечным пристанищем всего сущего.

Понимают ли они происходящее?.. Понимают ли, что такое жизнь и смерть?.. Почему Нельсон Ф. Вебстер лежит в ящике, почему человек с книгой что-то читает над ним?..

Нельсон Ф. Вебстер, четвертый из обосновавшихся на этих землях Вебстеров, жил и умер тут, почти никуда не выезжая, и теперь его ожидал вечный покой в прибежище, которое первый из них устроил для всех последующих, для долгой призрачной череды потомков, которые будут здесь обитать, лелея установленные Джоном Дж. Вебстером обычаи, нравы и образ жизни.

…Челюсти напряглись, по телу пробежала дрожь. Защипало веки, и гроб расплылся, и голос человека в черном слился с шепотом ветра в соснах, обступивших покойного почетным караулом. В мозгу Джерома А. Вебстера чередовались воспоминания — воспоминания о седом человеке, который бродил по холмам и полям, вдыхая свежий утренний воздух, стоял с рюмкой бренди перед пылающим камином, широко расставив ноги.

Гордость… Гордость, которую дарует человеку власть над землей и бытием. Смирение и благородство, которые прививает человеку покойная жизнь. Отсутствие всякой гонки, сознание, что

ты нужен людям, уют привычного окружения, широкое приволье…

Томас Вебстер дергал его за локоть.

— Отец, — шептал он, — отец.

Служба кончилась. Человек в черном облачении закрыл свою книгу. Шестеро роботов шагнули вперед, подняли гроб.

Следом за ними медленно вошли в склеп люди и молча смотрели, как роботы поместили гроб в нишу, затворили дверцу и укрепили дощечку с надписью:

НЕЛЬСОН Ф. ВЕБСТЕР 2034—2117

Все. Только фамилия и дата. И вполне достаточно, подумал Джером А. Вебстер. Больше ничего не надо. То же, что у других членов рода, начиная с Уильяма Стивенса, 1920–1999. Помнится, его прозвали Грэмп Стивенс. На его дочери был женат первый Джон Дж. Вебстер, который тоже здесь покоится: 1951–2020. За ним последовал его сын, Чарлз Ф. Вебстер, 1980–2060. И сын Чарлза, Джон Дж. второй, 2004–2086. Вебстер хорошо помнил своего деда, Джона Дж. второго, любителя подремать у камина с трубкой в зубах, которая вечно грозила подпалить ему баки.

Его глаза обратились к следующей дощечке. Мери Вебстер, мать мальчугана, который стоит

рядом с ним. Впрочем, какой там мальчуган! Он все забывает, что Томасу уже двадцать лет и дней через десять он, как и сам Джером А. Вебстер в молодости, отправится на Марс.

Все здесь собраны… Вебстеры, жены Вебстеров, дети Вебстеров. Вместе при жизни, вместе после смерти, спят чинно и благородно среди бронзы и мрамора, и сосны снаружи, и символическая фигура над позеленевшей дверью…

Роботы молча ждали, закончив свое дело.

Мать посмотрела на него.

— Теперь ты глава семейства, сын мой, — сказала она.

Он прижал ее к себе одной рукой. Глава семейства, от которого, кроме него, остались двое: его мать и сын. К тому же сын скоро уедет, полетит на Марс. Но он вернется. Вернется с женой, надо думать, и род продолжится. Но будет их всего трое. Большинство комнат усадьбы не будут, как теперь, пустовать. Было время, в усадьбе бурлила жизнь, под одной большой крышей, каждый в своих апартаментах, жили десятки членов семьи. Это время еще вернется, непременно вернется…

Трое Вебстеров повернулись, вышли из склепа и направились обратно к едва различимой во мгле серой громаде дома.

В камине пылал огонь, на столе лежала открытая книга. Джером А. Вебстер протянул руку, взял книгу и еще раз прочел заглавие:

«ФИЗИОЛОГИЯ И НЕЙРОФИЗИОЛОГИЯ МАРСИАНИНА».

ДЖЕРОМ А. ВЕБСТЕР,

ДОКТОР МЕДИЦИНСКИХ НАУК

Толстая, солидная — труд целой жизни, пожалуй не имеющий равных в этой области. Основан на данных, собранных за пять лет борьбы с эпидемией на Марсе. Пять лет, когда он день и ночь трудился не покладая рук вместе с товарищами по бригаде, которую Всемирный комитет послал на помощь соседней планете.

Раздался стук в дверь.

— Войдите, — сказал он.

Дверь отворилась, показался робот:

— Ваше виски, сэр.

— Благодарю, Дженкинс.

— Священник уехал, сэр, — сообщил Дженкинс.

— Да-да, конечно… Надеюсь, ты о нем позаботился.

— Так точно, сэр. Вручил ему положенный гонорар и предложил рюмочку спиртного. От рюмочки он отказался.

— Ты допустил оплошность, — объяснил Вебстер. — Священники не пьют.

— Простите, сэр. Я не знал. Он просил меня передать вам, что будет рад видеть вас в церкви.

— Что?..

— Я ответил, сэр, что вы никуда не ходите.

Дженкинс направился к двери, но затем повернулся:

— Простите, сэр, но я хотел сказать, что служба у склепа была очень трогательная. Ваш отец был превосходный, исключительный человек. Все роботы говорят, что служба удалась. Очень благородно получилось. Ему было бы приятно, если бы он знал.

— Ему было бы еще приятнее услышать твои слова, Дженкинс.

— Благодарю, сэр.

Дженкинс вышел.

Виски, книга, горящий камин. Обволакивающий уют привычной комнаты, мир и покой…

Родной дом. Родной дом всех Вебстеров с того самого дня, когда сюда пришел первый Джон Дж. и построил первую часть пространного сооружения. Джон Дж. выбрал это место из-за ручья с форелью, во всяком случае так он сам говорил. Но дело не только в ручье — не может быть, чтобы

дело было только в ручье…

А впрочем, не исключено, что вначале все сводилось к ручью. Ручей, деревья, луга, скалистый гребешок, куда по утрам уползал туман с реки. Все же остальное складывалось постепенно, из года в год. Из года в год семья обживала этот уголок, пока сама земля, что называется, не пропиталась пусть не традицией, но, во всяком случае, чем-то вроде традиции. И теперь каждое дерево, каждый камень, каждый клочок земли стали вебстерскими.

Джон Дж. — первый Джон Дж. — пришел сюда после распада городов, после того как человек раз и навсегда отказался от этих берлог двадцатого века, избавился от древнего инстинкта, под действием которого племена забивались в пещеру или скучивались на прогалине в лесу, соединяясь против общего врага, против общей опасности. Инстинкт этот изжил себя, ведь больше не стало врагов и опасностей. Человек восстал против стадного инстинкта, навязанного ему в далеком прошлом экономическими и социальными условиями. И помогло ему в этом сознание безопасности и достатка.

Начало новому курсу было положено в двадцатом веке, больше двухсот лет назад, когда люди

стали переселяться за город ради свежего воздуха, простора и благодатного покоя, которого они никогда не знали в городской толчее.

И вот конечный итог: безмятежная жизнь, мир и покой, возможные только тогда, когда царит полное благополучие. То, к чему люди искони стремились, — поместный уклад, правда в новом духе, родовое имение и зеленые просторы, атомная энергия и роботы взамен рабов.

Вебстер улыбнулся, глядя на камин с пылающими дровами. Пережиток пещерной эпохи, анахронизм — но прекрасный анахронизм... Практически никакой пользы, ведь атомное отопление лучше. Зато сколько удовольствия! Перед атомной печью не посидишь, не погрезишь, любуясь языками пламени.

А этот склеп, куда сегодня поместили прах отца... Тоже часть — неотъемлемая часть — поместного уклада. Покой, простор, сумрачное благородство. В старину покойников хоронили на огромных кладбищах как попало, бок о бок с чужаками.

«Он никуда не ходит».

Так ответил Дженкинс священнику.

Так оно и есть на самом деле. А для чего ходить куда-то? Все, что тебе нужно, тут — только руку

протяни. Достаточно покрутить диск — и можно поговорить с кем угодно лицом к лицу, можно перенестись в любое место, разве что не телесно. Можно посмотреть театральный спектакль, послушать концерт, порыться в библиотеке на другом конце света. Совершить любую сделку не вставая с кресла.

Вебстер проглотил виски, затем повернулся к стоящему возле письменного стола аппарату.

Он набрал индекс по памяти, не заглядывая в справочник. Не в первый раз…

Пальцы нажали рычажок, и комната словно растаяла. Осталось кресло, в котором он сидел, остался угол стола, часть аппарата — и все.

Кресло стояло на горном склоне среди золотистой травы, из которой тут и там торчали искривленные ветром деревца. Склон спускался к озеру, зажатому в объятиях багряных скал. Крутые скалы, исчерченные синевато-зелеными полосками сосен, ярус за ярусом вздымались вплоть до тронутых голубизной снежных пиков, вонзивших в небо неровные зубья.

Хриплый ветер трепал приземистые деревца, яростно мял высокую траву. Лучи заходящего солнца воспламенили далекие вершины.

Величавое безлюдье, изрытый складками

широкий склон, свернувшееся клубком озеро, иссеченные тенями гряды…

Вебстер сидел в покойном кресле и смотрел, прищурившись, на вершины.

Чей-то голос произнес чуть ли не над ухом:

— Можно?

Мягкий, свистящий, явно не человеческий голос. И тем не менее хорошо знакомый. Вебстер кивнул:

— Конечно, конечно, Джуэйн.

Повернув голову, он увидел изящный низкий пьедестал и сидящего на корточках мохнатого марсианина с кроткими глазами. За пьедесталом смутно вырисовывались другие странные предметы — вероятно, обстановка марсианского жилища.

Мохнатая рука марсианина указала на горы.

— Вам нравится этот вид, — произнес он. — Он говорит что-то вашему сердцу. Я представляю себе ваше чувство, но во мне эти горы вызывают скорее ужас, чем восторг. На Марсе такой ландшафт немыслим.

Вебстер протянул руку к аппарату, но марсианин остановил его:

— Не надо, оставьте. Я знаю, почему вы здесь уединились. И если я позволил себе явиться в

такую минуту, то лишь потому, что подумал: может быть, общество старого друга…

— Спасибо, — сказал Вебстер. — Я вам очень рад.

— Ваш отец, — продолжал Джуэйн, — был замечательный человек. Я помню, вы мне столько рассказывали о нем в те годы, когда работали на Марсе. А еще вы тогда обещали когда-нибудь снова у нас побывать. Почему до сих пор не собрались?

— Дело в том, что я вообще никуда…

— Не надо объяснять, — сказал марсианин. — Я уже понял.

— Мой сын через несколько дней вылетает на Марс. Я скажу ему, чтобы навестил вас.

— Мне будет очень приятно, — ответил Джуэйн. — Я буду ждать его.

Он помялся, потом спросил:

— Ваш сын пошел по вашим стопам?

— Нет, — сказал Вебстер. — Он хочет стать конструктором. Медицина его никогда не привлекала.

— Что ж, он вправе самостоятельно выбирать дорогу в жизни. Но вообще-то хотелось бы…

— Конечно, хотелось бы, — согласился Вебстер. — Но тут уже все решено. Может быть, из

него выйдет крупный конструктор. Космос… Он думает о звездных кораблях.

— И ведь ваш род сделал достаточно для медицинской науки. Вы, ваш отец…

— И его отец тоже, — добавил Вебстер.

— Марс в долгу перед вами за вашу книгу, — сказал Джуэйн. — Может быть, теперь станет больше желающих специализироваться по Марсу. Из марсиан не получаются хорошие врачи. У нас нет нужной традиции. Странно, как различается психология обитателей разных планет. Странно, что марсиане сами не додумались… Да-да, нам просто в голову не приходило, что болезни можно и нужно лечить. Медицину у нас заменял культ фатализма. Тогда как вы еще в древности, когда люди жили в пещерах…

— Зато вы додумались до многого, чего не было у нас, — сказал Вебстер. — И нам теперь странно, как это мы прошли мимо этих вещей. У вас есть свои таланты, есть области, в которых вы намного опередили нас. Взять хотя бы вашу специальность, философию. Вы сделали ее подлинной наукой, а у нас она была только щупом, которым действовали наугад. Вы создали стройную, упорядоченную систему, прикладную науку, действенное орудие.

Джуэйн открыл рот, помешкал, потом все-таки заговорил:

— У меня складывается одна концепция, совсем новая концепция, которая может дать поразительный результат. Она обещает стать действенным орудием не только для марсиан, но и для вас, людей. Я уже много лет работаю в этом направлении, а основой послужили кое-какие идеи, которые возникли у меня, когда земляне впервые прибыли на Марс. До сих пор я ничего не говорил, потому что не был убежден в своей правоте.

— А теперь убеждены?

— Не совсем, не окончательно. Почти убежден.

Они посидели молча, глядя на горы и озеро. Откуда-то прилетела птица и запела, сев на корявое дерево. Над гребнями вспухли темные тучи, и снежные пики стали похожи на мраморные надгробья. Алое зарево поглотило солнце и потускнело. Еще немного — и костер заката догорит…

Кто-то постучался в дверь, и Вебстер весь напрягся, возвращаясь к действительности, к своему кабинету и креслу. Джуэйн исчез. Разделив с другом минуты раздумья, старый философ тихо удалился.

Снова стук в дверь.

Вебстер наклонился, щелкнул рычажком, и горы исчезли, кабинет снова стал кабинетом. За высокими окнами сгущались сумерки, в камине розовели подернутые пеплом головешки.

— Войдите, — сказал Вебстер.

Дженкинс отворил дверь.

— Обед подан, сэр, — доложил он.

— Спасибо.

Вебстер медленно поднялся на ноги.

— Ваш прибор во главе стола, сэр, — добавил Дженкинс.

— Да-да… Спасибо, Дженкинс. Большое спасибо, что напомнил.

Стоя на краю смотровой площадки, Вебстер провожал взглядом тающий в небе круг, отороченный красными вспышками, которые не могло затмить тусклое зимнее солнце.

Круг исчез, а он все стоял, сжимая пальцами перила, и глядел вверх.

Губы его зашевелились и беззвучно вымолвили: «До свидания, сынок».

Постепенно он очнулся. Заметил людей кругом, увидел теряющееся вдали летное поле с разбросанными по нему конусами космических кораблей. У одного из ангаров сновали тракторы,

сгребая остатки выпавшего ночью снега.

Вебстер зябко поежился. Удивился, с чего бы это: полуденное солнце грело хорошо, — и снова поежился.

С трудом оторвавшись от перил, он двинулся к зданию космопорта. Внезапно его обуял дикий страх, нелепый, необъяснимый страх перед бетонной плоскостью смотровой площадки. Страх сковал холодом его душу и заставил ускорить шаг.

Навстречу, помахивая портфелем, шел мужчина. «Только бы не заговорил со мной», — лихорадочно подумал Вебстер.

Мужчина не сказал ни слова, даже не посмотрел на него, и Вебстер облегченно вздохнул.

Быть бы сейчас дома… Час отдыха после ланча, в камине пылают дрова, на железной подставке мелькают красные блики… Дженкинс приносит ликер, что-то говорит невпопад…

Он прибавил шагу, торопясь поскорее уйти с холодной голой бетонной площадки.

Странно, отчего ему так тяжело далось прощание с Томасом. Конечно, разлука — вещь неприятная, это естественно. Но чтобы в последние минуты расставания им овладел такой ужас, это никак не естественно. Ужас при одной мысли

о предстоящем сыну путешествии через космос, ужас при мысли о чужом марсианском мире, хотя Марс теперь вряд ли можно назвать чужим: земляне больше ста лет знают его, осваивают, живут на нем, некоторые даже полюбили его.

И однако, лишь величайшее напряжение воли помешало ему в последние секунды перед стартом корабля выскочить на летное поле, взывая к Томасу: «Вернись! Не улетай!» Это был бы, конечно, совершенно недопустимый поступок. Унизительная, позорная демонстрация чувств, никак не подобающая одному из Вебстеров.

В самом деле, что такое путешествие на Марс? Ничего особенного, во всяком случае теперь. Когда-то полет на Марс был событием, но это время давно миновало. Он сам туда летал, провел на Марсе пять долгих лет. Это было… Он мысленно ахнул… Да, это было около тридцати лет назад.

Дежурный робот распахнул перед ним дверь зала ожидания, и в лицо ему ударил гул и рокот многих голосов. В этом гуле было что-то такое жуткое, что он на миг остановился. Потом вошел, и дверь мягко закрылась за ним.

Прижимаясь к стене, чтобы ни с кем не столкнуться, он прошел в уголок к свободному креслу и съежился в нем, глядя на толчею в зале.

Люди, шумные, суетливые, с чужими, замкнутыми лицами… Чужаки, сплошь чужаки. Ни одного знакомого лица. Всем куда-то надо. Направляются на другие планеты. Спешат. В последнюю минуту что-то вспоминают, мечутся туда-сюда…

В толпе мелькнуло знакомое лицо. Вебстер подался вперед.

— Дженкинс! — крикнул он и почувствовал неловкость, хотя никто не обратил внимания на его возглас.

Робот остановился перед ним.

— Передай Раймонду, — продолжал Вебстер, — что мне надо немедленно возвращаться домой. Пусть сейчас же подаст вертолет.

— К сожалению, сэр, — сказал Дженкинс, — мы не можем вылететь сейчас. Механики обнаружили неисправность в атомной камере и теперь заменяют ее. На это уйдет несколько часов.

— Уверен, что с этим можно подождать до другого раза, — нетерпеливо возразил Вебстер.

— Механики говорят — нельзя. Камеру может прорвать в любую минуту. И вся энергия…

— Ладно, ладно, — перебил его Вебстер, — нельзя так нельзя.

Он мял в руках свою шляпу.

— Срочное дело, — заговорил он опять. — Я только что вспомнил. Мне нужно попасть домой, я не могу ждать несколько часов.

Вебстер сидел как на иголках, глядя на мельтешащих людей. Лица… лица…

— Может быть, вы свяжетесь по видеофону? — предложил Дженкинс. — И дадите поручение кому-нибудь из роботов. Тут есть будка…

— Погоди, Дженкинс. — Вебстер помялся, потом продолжал: — Нет у меня никаких срочных дел. Но мне непременно надо вернуться домой. Я не могу здесь оставаться. Еще немного — и я потеряю рассудок. Мне стало вдруг страшно там, на площадке. И здесь мне тоже не по себе. У меня такое чувство… странное, ужасное чувство. Дженкинс, я…

— Я понимаю вас, сэр, — ответил Дженкинс. — У вашего отца было то же самое.

— У отца?!

— Да-да, сэр, вот почему он никуда не выезжал. И началось это у него примерно в вашем возрасте. Он задумал поехать в Европу, но так и не доехал. Вернулся с полпути. Он это как-то называл.

Вебстер молчал, ошеломленный услышанным.

— Называл… — вымолвил он наконец. — Ну конечно, есть какое-то название. Значит, и отец

этим страдал… А дед как?

— Не могу знать, сэр, — ответил Дженкинс. — Когда меня создали, ваш дед был в преклонных летах. А вообще это вполне возможно. Он тоже никуда не выезжал.

— Значит, ты меня понимаешь. Знаешь, что это такое. Мне невмоготу, я заболеваю. Постарайся нанять другой вертолет, придумай что-нибудь, чтобы нам поскорее добраться до дома.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Дженкинс, трогаясь с места, но Вебстер остановил его:

— Дженкинс, а кто-нибудь еще об этом знает? Кто-нибудь…

— Нет, сэр, — ответил Дженкинс. — Ваш отец никогда об этом не говорил. И не хотел, чтобы я говорил, я это чувствовал.

— Благодарю, Дженкинс, — сказал Вебстер.

Он снова съежился в кресле. Ему было тоскливо, одиноко, неуютно в гудящем зале, битком набитом людьми. Нестерпимое, выматывающее душу одиночество.

Тоска по дому — вот как это называется. Самая настоящая, не приличествующая взрослому мужчине тоска по дому. Чувство, простительное подростку, который впервые покидает отчий дом и оказывается один в незнакомом мире.

Есть у этого явления мудреное название — агорафобия, что означает боязнь пространства, а если буквально перевести с греческого — страх перед рыночной площадью.

Может быть, пройти через зал к будке видеофона, соединиться с домом, поговорить с матерью или с кем-нибудь из роботов? Или еще лучше: просто посидеть и посмотреть на усадьбу, пока Дженкинс не придет за ним.

Он привстал, но тут же опять опустился в кресло. Какой смысл? Говорить, смотреть — это все не то. Не вдохнешь морозного воздуха с привкусом сосны, не услышишь, как скрипит под ногами снег на дорожке, не погладишь рукой стоящие вдоль нее могучие дубы. Не согреет тебя тепло очага, и не будет душа пронизана благодатным, покойным чувством неразделимого единства с принадлежащим тебе клочком земли и всем, что на нем стоит.

А может, все-таки станет легче? Хотя бы чуть-чуть. Он снова привстал, и опять его сковало бессилие. Мысль о двух-трех десятках шагов, отделявших его от будки, вызывала в нем ужас, нестерпимый ужас. Чтобы одолеть это пространство, придется бежать. Бежать, спасаясь от устремленных на тебя глаз, от чуждых звуков, от

мучительного соседства чужих лиц.

Он поспешно сел.

Пронзительный женский голос рассек гудение в зале, и он сжался как от удара. До чего же скверно, до чего отвратительно на душе. И что это Дженкинс копается…

Через открытое окно в кабинет струилось первое дыхание весны, оно сулило таяние снегов, зеленую листву и цветы, клинья перелетных птиц в голубых небесах, таящихся в заводях прожорливых лососей.

Вебстер поднял взгляд от бумаг на столе, легкий ветерок пощекотал ему ноздри, погладил щеку холодком. Рука потянулась за коньячной рюмкой, но рюмка была пуста, и он поставил ее на место.

Снова наклонился над бумагой, взял карандаш и вычеркнул какое-то слово.

Потом придирчиво прочел заключительные абзацы главы:

«Тот факт, что из двухсот пятидесяти человек, приглашенных мной для обсуждения достаточно важных вопросов, приехали только трое, еще не означает, что все остальные страдают агорафобией. Вполне возможно, что уважительные причины помешали многим принять мое приглашение. И все же есть основание говорить

о растущем нежелании людей, быт которых определяется укладом, возникшим после распада городов, покидать привычные места, об усиливающемся стремлении не расставаться с окружением, ассоциирующимся с представлением об уюте и полном довольстве. Сейчас нельзя точно предсказать, чем чревата такая тенденция, ведь пока она коснулась только малой части обитателей Земли. В больших семьях материальные обстоятельства вынуждают кого-то из сыновей искать счастья в других краях, даже на других планетах. Многих манит космос с его приключениями и возможностями, а многие избирают такое занятие, которое само по себе исключает сидячий образ жизни».

Он перевернул страницу и пробежал всю статью до конца.

Стоящая статья, несомненно, но публиковать ее нельзя, сейчас нельзя. Может быть, после его смерти. Насколько он мог судить, еще никто не подметил этой тенденции, все воспринимают домоседство как нечто естественное. В самом деле, зачем куда-то ездить?

«Чревато определенными угрозами...» — пробормотал телевизор рядом с ним, и он протянул руку к переключателю.

Кабинет растаял, и он увидел прямо перед собой человека, сидящего за рабочим столом, который казался продолжением стола Вебстера.

Седые волосы, печальные глаза за толстыми линзами очков. Удивительно знакомое лицо…

— Неужели… — заговорил наконец Вебстер.

Его собеседник угрюмо улыбнулся.

— Да, я изменился, — сказал он. — Вы тоже. Моя фамилия Клейборн. Вспомнили? Марс, медицинская бригада…

— Клейборн. Я о вас часто думал. Вы остались на Марсе.

Клейборн кивнул:

— Я прочел вашу книгу, доктор. Первоклассный труд, очень нужный. Я много раз сам собирался сесть и написать такую книгу, но все некогда. И очень хорошо, что не собрался. Вы справились с задачей гораздо лучше. Особенно хорош раздел о мозге.

— Марсианский мозг всегда меня занимал, — сказал Вебстер. — Есть некоторые специфические особенности. Боюсь, я тогда уделял ему больше времени, чем имел на это право. Нас ведь не затем посылали.

— Вы поступили правильно, — ответил Клейборн. — Я потому и обратился к вам теперь. У

меня тут есть пациент — операция на мозге. Только вы можете справиться.

— Вы доставите его сюда? — У Вебстера перехватило дыхание, задрожали руки.

Клейборн покачал головой:

— Его нельзя перевозить. Да вы его, наверно, знаете, это философ Джуэйн.

— Джуэйн? Он один из моих лучших друзей. Мы же с ним разговаривали два дня назад.

— Внезапный приступ, — сказал Клейборн. — Он хотел вас видеть.

Вебстер онемел, скованный холодом — непостижимым холодом, от которого лоб его покрылся испариной, пальцы сжались в кулак.

— Вы можете успеть, если отправитесь немедленно, — продолжал Клейборн. — Я уже договорился с Всемирным комитетом, чтобы вам тотчас предоставили корабль. Сейчас все решает быстрота.

— Но… — заговорил Вебстер. — Но… я не могу прилететь…

— Не можете прилететь?!

— Это не в моих силах, — сказал Вебстер. — И вообще, почему непременно я? Вы прекрасно…

— Нет, я не справлюсь, — перебил его Клейборн. — Только вы, только у вас есть необходимые

знания. Жизнь Джуэйна в ваших руках. Если вы прилетите, он будет жить. Не прилетите — умрет.

— Я не могу отправиться в космос.

— Космические полеты всем доступны, — отрезал Клейборн. — Это не то что прежде. Вас подготовят, создадут любые условия.

— Вы не понимаете, — взмолился Вебстер. — Вы…

— Не понимаю, — подтвердил Клейборн. — Мне совершенно не понятно, как человек мог отказаться спасти другу жизнь…

Они долго смотрели в упор друг на друга, не произнося ни слова.

— Я передам в комитет, чтобы ракету подали прямо к вашему дому, — сказал наконец Клейборн. — Надеюсь, к тому времени вы решитесь.

Клейборн пропал, и стена вернулась на свое место. Стена и книги, камин и картины, милая сердцу мебель, дыхание весны из открытого окна.

Вебстер сидел неподвижно в кресле, глядя на стену перед собой.

Джуэйн… Мохнатое лицо в морщинах, свистящий шепот. Дружелюбный, проницательный Джуэйн. Познавший вещество, из которого сотка-

ны грезы, и вылепивший из него логику, нормы жизни и поведения. Джуэйн, для которого философия — прикладная наука, орудие, средство усовершенствовать жизнь.

Вебстер спрятал лицо в руках, борясь с нахлынувшим на него отчаянием.

Клейборн не понял его. Да и откуда ему понять, ведь он не знает, в чем дело. А хотя бы и знал… Разве он, Вебстер, сумел бы понять другого человека, не испытай он сам неодолимый ужас при мысли о том, чтобы покинуть родной очаг, родной край, свои владения — эту кумирню, которую он себе воздвиг? Впрочем, не он один, ее воздвигали все Вебстеры. Начиная с первого Джона Дж. Мужчины и женщины, созидавшие привычный уклад, священную традицию.

В молодости он, Джером А. Вебстер, летал на Марс и не подозревал о гнездящейся в его жилах психологической отраве. Как улетел Томас несколько месяцев назад. Но тридцать лет безмятежного бытия в логове, которое стало Вебстерам родным домом, привели к тому, что эта отрава достигла пагубной концентрации незаметно для него. Да у него просто не было случая заметить ее.

Теперь-то ясно, как это вышло, абсолютно ясно.

Привычка и умственный стереотип, понятие о счастье, обусловленное определенными вещами, которые сами по себе не обладают вещественной ценностью, но твой род — пять поколений Вебстеров — сообщил им вполне конкретную, определенную ценность.

Неудивительно, что в других местах тебе неуютно, неудивительно, что тебя оторопь берет при одной мысли о чужих горизонтах.

И ничего тут не поделаешь. Разве что кто-нибудь срубит все деревья до одного, спалит дом и изменит течение рек и ручьев. Да и то еще неизвестно…

Телевизор зажужжал, Вебстер поднял голову и нажал рукой рычажок.

Кабинет озарился белым сиянием, но изображения не было. Чей-то голос сказал:

— Секретный вызов. Секретный вызов.

Вебстер отодвинул филенку в аппарате, покрутил два диска и услышал гудение тока в экранирующем устройстве.

— Есть секретность, — сказал он.

Белое сияние погасло, и по ту сторону стола возник человек, которого он видел не раз в телевизионных выпусках известий, на страницах газет. Гендерсон, председатель Всемирного ко-

митета.

— Ко мне обратился Клейборн, — начал Гендерсон.

Вебстер молча кивнул.

— Он говорит, вы наотрез отказываетесь лететь на Марс.

— Ничего подобного, — возразил Вебстер. — Мы не договорили, когда он отключился. Я сказал ему, что не в силах лететь, но он стоял на своем, не хотел меня понять.

— Вебстер, вы должны лететь, — сказал Гендерсон. — Только вы достаточно изучили мозг марсиан и можете провести эту операцию. Если бы не такой серьезный случай, возможно, справился бы кто-нибудь другой. Но тут такое дело…

— Может быть, вы и правы, — сказал Вебстер, — но…

— Речь идет не просто о спасении жизни, — продолжал Гендерсон, — пусть даже жизни такого видного деятеля, как Джуэйн. Тут все гораздо сложнее. Джуэйн ваш друг. Вероятно, он вам говорил о своем открытии.

— Да, — подтвердил Вебстер. — Он говорил о какой-то новой философской концепции.

— Эта концепция исключительно важна для нас, — объяснил Гендерсон. — Она преобразит

Солнечную систему, за несколько десятков лет продвинет человечество вперед на сто тысячелетий. Речь идет о совсем новой перспективе, о новой цели, которой мы и не представляли до сих пор. Совершенно новая истина, понимаете? Которая еще никому не приходила в голову.

Вебстер стиснул руками край стола так, что суставы побелели.

— Если Джуэйн умрет, — сказал Гендерсон, — концепция умрет вместе с ним. И возможно, будет утрачена навсегда.

— Я постараюсь, — ответил Вебстер. — Постараюсь…

Глаза Гендерсона посуровели:

— Это все, что вы можете сказать?

— Да, все.

— Но помилуйте, должна же быть какая-то причина! Какое-то объяснение!

— Это уж мое дело, — сказал Вебстер.

Решительным движением он нажал выключатель.

Сидя у рабочего стола, Вебстер рассматривал свои руки. Искусные, знающие руки. Руки, которые могут спасти больного, если он их доставит на Марс. Могут спасти для человечества, для марсиан, для всей Солнечной системы идею,

новую идею, которая за несколько десятков лет продвинет их вперед на сто тысячелетий.

Но руки эти скованы фобией, следствием тихой, безмятежной жизни. Регресс, по-своему пленительный и… гибельный.

Двести лет назад человек покинул многолюдные города, эти коллективные берлоги. Освободился от древних страхов и суеверий, которые заставляли людей жаться к костру, распростился с нечистью, которая вышла вместе с ним из пещер.

Но вот поди ж ты…

Опять берлога. Берлога не для тела, а для духа. Психологический родовой костер со своим световым кругом, переступить который нет сил.

Но он должен, он обязан переступить круг. Подобно тому как люди двести лет назад покинули города, так и он обязан сегодня выйти из этого дома. И не оглядываться назад.

Он должен лететь на Марс. Хотя бы сесть в ракету. Никаких «но», он обязан отправиться в путь.

Выдержит ли он полет, сможет ли провести операцию, если благополучно прибудет на место, этого он не знал. Может ли агорафобия стать причиной смерти? В острой форме, пожалуй, может…

Он протянул руку к колокольчику, но остановился. Зачем беспокоить Дженкинса? Лучше самому собрать вещи. Будет какое-то занятие, пока придет ракета.

Сняв с верхней полки стенного шкафа в спальне чемодан, он обнаружил на нем пыль. Подул, однако пыль не хотела отставать. Слишком много лет она копилась.

Пока он собирал вещи, комната спорила с ним.

«Ты не можешь уехать, — говорила она, как говорят с человеком неодушевленные предметы, с которыми его связывает давняя привычка. — Не можешь меня бросить».

«Я должен ехать, — виновато оправдывался Вебстер. — Как ты не понимаешь? Речь идет о друге, моем старом друге. Я вернусь».

Покончив со сборами, он прошел в кабинет и тяжело опустился в кресло.

Он должен ехать, но не в силах… Ничего, когда придет ракета, когда настанет время, он сможет, он выйдет из дома и направится к ожидающему кораблю.

Вебстер упорно настраивал себя на нужный лад, зажимая ум в тиски одной-единственной мысли: он уезжает.

А окружающие вещи не менее упорно вторга-

лись в сознание, точно сговорились удержать его дома. Он смотрел на них так, словно видел впервые. Старые, привычные предметы вдруг стали новыми. Хронометр, показывающий земное время, марсианское время, дни недели и фазы Луны. Фотография умершей жены. Школьные награды. Сувенирный доллар в рамке — память о полете на Марс — стоимостью десять обыкновенных долларов.

Он рассматривал их сперва нехотя, потом жадно, запечатлевая в памяти каждый предмет. Теперь он видел их отдельно от комнаты, с которой все эти годы они составляли нечто неразделимое для него. Он даже не представлял, как много единиц составляет это единство.

Сгущались сумерки, сумерки ранней весны, сумерки, пахнущие пушистой вербой.

…Где же ракета? Он поймал себя на том, что напрягает слух, хотя знал, что ничего не услышит. Атомные двигатели гудят только в те минуты, когда корабль наращивает скорость. А садится и взлетает он бесшумно, как пушинка.

Ракета скоро прилетит. Она должна прилететь скоро, иначе он никуда не поедет. Если ожидание затянется, его вымученная решимость растает, как снег под дождем. Он не сможет устоять в

поединке с настойчивым призывом комнаты, с переливами огня в камине, с бормотанием земли, на которой прожили свою жизнь и нашли вечный покой пять поколений Вебстеров.

Он закрыл глаза, подавляя озноб. Не поддаваться, ни в коем случае не поддаваться! Надо выдержать. Когда придет ракета, он должен найти в себе силы встать и выйти из дома…

Послышался стук в дверь.

— Войдите, — сказал Вебстер.

Это был Дженкинс; его металлический кожух переливался блестками в свете пылающего камина.

— Вы не звали меня, сэр? — спросил он.

Вебстер отрицательно покачал головой.

— Я боялся, вы меня позовете и будете удивляться, почему я не иду. Меня отвлекло нечто из ряда вон выходящее, сэр. Два человека прилетели на ракете и заявили, что должны отвезти вас на Марс.

— Прилетели… Почему ты меня сразу не позвал?

Он тяжело поднялся на ноги.

— Я не видел причины беспокоить вас, сэр, — ответил Дженкинс. — Такая нелепость! Мне удалось втолковать им, что вы и не помышляете

о том, чтобы лететь на Марс.

Вебстер оцепенел, сердце его похолодело от ужаса. Руки нащупали край стола, он опустился в кресло и ощутил, как стены кабинета смыкаются вокруг него — смыкается западня, из которой ему никогда не вырваться.

Комментарий к третьему преданию

Для полюбивших это предание тысяч читателей оно примечательно тем, что здесь впервые выступают Псы. Исследователю видится в нем гораздо больше. По существу, это повесть о вине и суетности. Продолжается распад рода людского. Человека преследует чувство вины, а присущие ему метания и неустойчивость приводят к тому, что появляются люди-мутанты.

Предание пытается рационалистически объяснить мутации и доходит до того, что Псы изображаются как некая модификация исходной расы. Согласно преданию, без мутаций невозможно совершенствование вида, однако ничего не говорится о том, что для устойчивости общества необходим определенный статический фактор. Весь цикл отчетливо свидетельствует, что род людской недооценивал устойчивость.

Резон, который тщательно проштудировал цикл, чтобы подкрепить свое утверждение, будто предания на самом деле созданы Человеком, считает, что ни один Пес не стал бы выдвигать мутационную гипотезу как совершенно несовместимую с убеждениями его народа. Подобное

воззрение, заявляет он, могло родиться только в каком-то ином разуме.

Однако Разгон отмечает, что цикл изобилует примерами, когда суждения, прямо противоположные Псовой логике, излагаются сочувственно. Перед нами, говорит он, всего лишь типичный прием искусного рассказчика, который смещает ценности, добиваясь разительного драматического эффекта.

В том, что Человек намеренно выведен как персонаж, осознающий свои изъяны, нет никакого сомнения. Одно из действующих лиц комментируемого предания, Грант, мечтает об уме, «свободном от шор», и совершенно ясно, что он подразумевает какие-то изъяны человеческого мышления. Он говорит Нэтэниелу, что люди всегда чем-то озабочены. С каким-то инфантильным простодушием он уповает на теорию Джуэйна как на средство, которое еще может спасти род людской.

И тот же Грант, видя, что наклонность к разрушению заложена в самой сути его сородичей, в конце поручает Нэтэниелу продолжать начинания человечества.

Из всех персонажей цикла Нэтэниел, вероятно, единственный, у кого есть реальный историче-

ский прообраз. Имя «Нэтэниел» часто встречается в других родовых преданиях. Конечно, Нэтэниел заведомо не мог совершить всего того, что приписывают ему эти предания. Тем не менее принято считать, что он жил на самом деле и играл видную роль. Естественно, теперь за давностью нельзя установить, в чем именно заключалась эта роль.

Род Вебстеров, с которым мы познакомились еще в первом предании, занимает важное место и во всех остальных частях цикла. Можно видеть в этом дополнительное подтверждение выводов Резона, однако не исключено, что и здесь речь идет о приеме искусного сказителя: род Вебстеров нужен лишь для того, чтобы нанизать на один стержень предания, которые в остальном довольно слабо связаны между собой.

Того, кто склонен все читаемое понимать буквально, наверно, возмутит намек на то, что Псы представляют собой продукт вмешательства Человека. Борзый, для которого весь цикл не что иное, как миф, считает, что тут перед нами стародавняя попытка объяснить происхождение нашего рода. Отсутствие подлинного знания прикрывается толкованием, подразумевающим этакое вмешательство свыше. Простой и для

неразвитого ума вполне приемлемый и убедительный способ объяснить то, о чем совсем ничего не известно.

III. Перепись

Ричард Грант сидел, отдыхая, у журчащего ручья, который стремительно скатывался вниз по склону и пересекал извилистую тропу. Вдруг мимо него прошмыгнула белка и мигом взбежала вверх по стволу могучего гикори. Следом за белкой в вихре сухих листьев из-за поворота выскочил маленький черный пес.

Заметив Гранта, пес круто остановился; глаза его сверкали веселым озорством.

Грант усмехнулся.

— Здорово, — сказал он.

— Привет, — отозвался пес, виляя хвостом.

Грант сел прямо и удивленно разинул рот. Пес стоял и смеялся, вывесив язык красной тряпкой.

Грант показал большим пальцем на дерево:

— Твоя белка там, наверху.

— Спасибо, — ответил пес. — Я знаю. Слышу запах.

Грант быстро оглянулся. Розыгрыш? Кто-то балуется чревовещанием? Однако он никого не увидел. Лес был пуст, если не считать его самого, пса, бурлящего ручья и возбужденно цокающей белки.

Пес подошел ближе.

— Меня зовут Нэтэниел, — сказал он.

Сам сказал. Никакого сомнения. Речь почти как у человека, только очень тщательно выговаривает слова, как обучающийся чужому языку. И необычное произношение, какой-то неуловимый акцент…

— Я живу тут, за горой, — сообщил Нэтэниел. — У Вебстеров.

Он сел и застучал хвостом по сухим листьям. Его морда выражала полное блаженство.

Внезапно Грант щелкнул пальцами:

— Брюс Вебстер! Ну конечно. Как я сразу не сообразил. Рад познакомиться, Нэтэниел.

— А вы кто? — спросил Нэтэниел.

— Я? Ричард Грант, счетчик.

— А что такое счет… счет…

— Счетчик считает людей, — объяснил Грант. — Я занимаюсь переписью.

— Я еще многих слов не знаю, — сказал Нэтэниел.

Он встал, подошел к ручью, шумно полакал, потом распластался на земле рядом с человеком.

— Стрельнете белку? — спросил он.

— А тебе этого хочется?

— Конечно.

Но белка уже исчезла. Они обошли вокруг дерева, придирчиво осматривая почти голые ветви. Ни торчащего из мячика пушистого хвоста, ни устремленных на них бусинок-глаз… Пока они разговаривали, белка улизнула.

Нэтэниел был явно обескуражен, но долго унывать не стал.

— Останьтесь на ночь у нас! — предложил он. — А утром пойдем на охоту. Весь день будем охотиться!

Грант рассмеялся:

— Зачем же вас затруднять. Я привык спать на воле.

— Брюс будет вам рад, — настаивал Нэтэниел. — И Дед не станет возражать. Он все равно плохо соображает.

— А кто это Дед?

— Его настоящее имя Томас, — сказал Нэтэниел. — Но мы все зовем его Дедом. Он отец Брюса. Ужасно старый. Весь день сидит и думает про одно дело, которое было давным-давно.

— Знаю, — кивнул Грант. — Джуэйн…

— Вот-вот, — подтвердил Нэтэниел. — А что это такое?

Грант покачал головой:

— Боюсь, Нэтэниел, я не сумею объяснить. Сам

толком не знаю.

Он вскинул на плечо вещевой мешок, потом нагнулся и почесал псу за ухом. Нэтэниел осклабился от удовольствия.

— Спасибо, — сказал он и побежал по тропе.

Грант последовал за ним.

Томас Вебстер сидел на лужайке, глядя вдаль на вечерние холмы.

Завтра мне исполнится восемьдесят шесть, думал он. Восемьдесят шесть… Чертова уйма лет. Пожалуй, даже чересчур много для одного человека. Особенно когда он не способен больше ходить и глаза начинают отказывать. Элси испечет какой-нибудь дурацкий торт с кучей свечек, роботы преподнесут мне подарок, и Брюсовы собаки придут поздравить меня с днем рождения и повилять хвостами. Будут также поздравления по видеофону — надо думать, не так уж много. Я буду пыжиться и твердить, что доживу до ста лет, и все будут хихикать в кулак и говорить: «Ну, расхвастался старый дурень». Восемьдесят шесть лет, и было у меня в жизни два заветных замысла, один удалось осуществить, другой — нет.

Из-за гребня, каркая, вылетела ворона, скользнула вниз, в долину, и пропала в тени. На реке далеко-далеко крякали дикие утки.

Скоро появятся звезды. Теперь рано темнеет. Томас Вебстер любил смотреть на них. Звезды!.. Он довольно погладил ладонями подлокотники качалки. Видит бог, звезды — его конек. Навязчивая идея? Допустим. Но и средство стереть давнишнее пятно, щит, который оградит их род от сплетников, называющих себя историками. И Брюс тоже молодец. Эти его псы…

Кто-то прошел по траве за его спиной.

— Ваше виски, сэр, — сказал голос Дженкинса.

Томас Вебстер уставился на робота, потом взял с подноса рюмку:

— Благодарю, Дженкинс.

Он покрутил рюмку пальцем:

— Скажи, Дженкинс, сколько лет ты у нас подаешь виски?

— Вашему отцу подавал… А еще раньше — его отцу.

— Новости есть? — спросил старик.

Дженкинс покачал головой:

— Никаких.

Томас Вебстер сделал маленький глоток.

— Значит, они вышли далеко за пределы Солнечной системы. Так далеко, что даже станция на Плутоне не может их ретранслировать. Прошли полпути до альфы Центавра, если не больше. Мне

бы только дожить…

— Доживете, сэр, — сказал Дженкинс. — Я печенкой чувствую.

— Откуда у тебя печенка? — возразил старик.

Он медленно потягивал виски, придирчиво проверяя вкус языком. Опять воды слишком много. Говори не говори… На Дженкинса злиться нет смысла, это все доктор, чтоб его! Каждый раз заставляет Дженкинса разбавлять чуть больше. Тут жить всего-то ничего осталось, а тебе даже выпить не дают по-человечески…

— Что это там? — спросил он, показывая на взбирающуюся на бугор тропу.

Дженкинс повернулся и посмотрел.

— Похоже, сэр, Нэтэниел к нам гостя ведет.

…Псы дружно пожелали спокойной ночи и ушли.

Брюс Вебстер улыбнулся, провожая их взглядом.

— Славная компания, — сказал он и продолжал, обращаясь к Гранту: — Представляю, как Нэтэниел напугал вас сегодня.

Грант поднял рюмку с бренди, поглядел на свет.

— Что правда, то правда. Напугал. Но я тут же вспомнил, что читал про ваши занятия. Конечно,

это не по моей части, но о вашей работе написано немало популярных статей, язык там вполне доступный.

— Не по вашей части? — удивился Вебстер. — Но разве…

Грант рассмеялся:

— Я понимаю: переписчик… Счетчик, так сказать. Это я, никуда не денешься.

Вебстер смешался, самую малость:

— Простите, мистер Грант, я не хотел вас…

— Что вы, что вы, — успокоил его Грант, — я привык. Для всех я человек, который записывает фамилию, имя, возраст обитателей усадьбы и отправляется дальше. Естественно, так проводились переписи в старину. Чистый подсчет, только и всего. Статистическое мероприятие. Но не забудьте: последняя перепись проводилась больше трехсот лет назад. С тех пор многое на свете произошло, немало перемен.

— Интересно, — сказал Вебстер. — У вас этот массовый учет выглядит даже как-то зловеще.

— Чего там зловещего, — возразил Грант. — Все вполне логично. Мы занимаемся анализом. Важно не количество людей, а что за люди живут на свете, о чем они помышляют, чем занимаются.

Вебстер сел глубже в кресле, вытянул ноги к

пылающему камину.

— Другими словами, вы собираетесь подвергнуть меня психоанализу, мистер Грант? — Вебстер опустошил рюмку и поставил ее на стол.

— В этом нет необходимости. Всемирный комитет знает все, что ему надо знать о таких людях, как вы. Речь идет о других, у вас здесь их называют горянами, на севере — дикими лесовиками, на юге — еще как-то. Тайное, позабытое племя, люди, которые ушли в дебри, задали стрекача, как только Всемирный комитет ослабил государственные узы.

Вебстер прокашлялся.

— Ослабить государственные узы было необходимо, — сказал он. — История это докажет. Пережитки отягощали государственную структуру еще до появления Всемирного комитета. Как триста лет назад не стало смысла в городских властях, так теперь нет надобности в национальных правительствах.

— Вы совершенно правы, — согласился Грант. — Но ведь с ослаблением авторитета государства ослабла и его власть над отдельным человеком. Стало проще простого устроить свою жизнь вне рамок государства, отречься от его благ и от обязательств перед ним. Всемирный комитет не

противился этому. Ему было не до того, чтобы заниматься недовольными и безответственными элементами. А их набралось предостаточно. Взять хотя бы фермеров, у которых гидропоника отняла кусок хлеба. Как они поступили? Откололись. И вернулись к примитивному быту. Что-то выращивали, охотились, ставили капканы и силки, заготавливали дрова, помаленьку воровали. Лишенные средств к существованию, они повернули вспять, возвратились к земле, и земля их кормила.

— Это было триста лет назад, — сказал Вебстер. — Всемирный комитет махнул рукой на них. Не совсем, конечно, для них делали что могли, но и не особенно беспокоились, это верно, если кто-то ударялся в бега. С чего же вдруг такой интерес?

— Да просто теперь наконец руки дошли, надо думать.

Грант пытливо посмотрел на хозяина дома. Вебстер сидел перед камином в непринужденной позе, но в лице его чувствовалась сила, и контрастная игра светотеней на суровых чертах создавала почти сюрреалистический портрет.

Грант порылся в кармане, достал трубку, набил ее табаком.

— Есть еще одна причина, — произнес он.

— Что?

— Я говорю, есть еще причина, почему затеяли перепись. Вообще-то ее все равно провели бы, общая картина населения земного шара всегда пригодится. Но не только в этом дело.

— Мутанты, — сказал Вебстер.

Грант кивнул:

— Совершенно верно. А как вы догадались?

— Я работаю с мутациями, — объяснил Вебстер. — Вся моя жизнь связана с ними.

— Появляются образцы совсем необычного художественного творчества, — продолжал Грант. — Нечто совершенно новое: свежие, новаторские литературные произведения, музыка, которая не признает традиционных выразительных средств, живопись, не похожая ни на что известное. И все это анонимно или подписано псевдонимами.

Вебстер усмехнулся:

— И конечно, тайна не дает покоя Всемирному комитету.

— Дело даже не в этом, — говорил Грант. — Комитет волнуют не столько литература и искусство, сколько другие, менее очевидные вещи. Само собой, если где-то подспудно возникает

ренессанс, он должен прежде всего выразиться в новых формах искусства и литературы. Но ведь этим ренессанс не исчерпывается…

Вебстер сел еще глубже в кресле и подпер подбородок ладонями.

— Кажется, я понимаю, куда вы клоните, — произнес он.

Они долго сидели молча, только огонь потрескивал да осенний ветер о чем-то хмуро шептался с деревьями за окном.

— И ведь была возможность, — заговорил Вебстер, словно размышляя вслух, — возможность открыть дорогу новым взглядам, расчистить мусор, который накопился за четыре тысячи лет в сознании людей. Но один человек все смазал.

Грант поежился, тут же спохватился — не заметил ли Вебстер его реакции? — и замер.

— Этот человек, — продолжал Вебстер, — был мой дед…

Грант почувствовал, что надо что-то сказать, дальше молчать просто нельзя.

— Но Джуэйн мог и ошибиться, — произнес он. — Может быть, на самом деле никакой новой философии вовсе и не было.

— Как же, мы хватаемся за эту мысль как за соломинку. Да только вряд ли это так. Джуэйн был

великий философ, пожалуй величайший из всех философов Марса. Если бы он тогда выжил, он создал бы новое учение, я в этом не сомневаюсь. Но он не выжил. Не выжил, потому что мой дед не смог вылететь на Марс.

— Ваш дед не виноват, — сказал Грант. — Он хотел, он пытался лететь. Но человек бессилен против агорафобии.

Вебстер взмахом руки отмел его слова:

— Что было, то было. Тут уж ничего не воротишь, и мы вынуждены из этого исходить. И так как мой род, мой дед…

У Гранта округлились глаза, его вдруг осенило:

— Псы! Вот почему вы…

— Вот именно, псы, — подтвердил Вебстер.

Издалека, с реки, вторя плачу ветра в листве, донесся жалобный звук.

— Енот, — заметил Вебстер. — Сейчас псы начнут рваться на волю.

Звук повторился вроде бы ближе, а может быть, это только показалось. Вебстер выпрямился в кресле, потом наклонился вперед, глядя на огонь в камине.

— И в самом деле, почему бы не попробовать? — рассуждал он. — У пса есть индивидуальность. Это сразу чувствуется, какого ни возьми. Что ни

пес — свой нрав, свой темперамент. И все умные, пусть в разной степени. А больше ничего и не требуется: толика разума и осмысливающая себя индивидуальность. Все дело в том, что природа с самого начала поставила их в невыгодные условия, создала им две помехи: они не могли говорить и не могли ходить прямо, а значит, не было возможности развиться рукам. Если бы отнять у нас речь и руки и отдать им, мы могли стать псами, а псы — людьми.

— Для меня это совсем ново, я как-то никогда не представлял себе ваших псов мыслящими созданиями, — сказал Грант.

— Еще бы! — В голосе Вебстера был оттенок горечи. — Иначе и быть не могло. Вы смотрели на них так же, как большинство людей до сих пор смотрят. Ученые собачки, домашние животные, забавные зверюги, которые теперь еще могут даже разговаривать с вами. Но разве этим дело исчерпывается? Вовсе нет, Грант, клянусь вам. До сих пор человек шел путями разума один-одинешенек, обособленный от всего живого. Так представьте себе, насколько дальше мы могли бы продвинуться и насколько быстрее, будь на свете два сотрудничающих между собой мыслящих, разумных вида. Ведь они мыслили бы

по-разному! И сверялись бы друг с другом. Один спасует — другой додумается. Как в старину говорили: ум хорошо, а два лучше. Представляете, Грант? Другой разум, отличный от человеческого, но идущий с ним рука об руку. Разум, способный заметить и осмыслить вещи, недоступные человеку, способный, если хотите, создать философские системы, каких не смог создать человек.

Он протянул к огню руки, растопырив длинные властные пальцы с узловатыми суставами.

— Они не могли говорить, и я дал им речь. Это было нелегко, ведь язык и гортань собаки не приспособлены для членораздельной речи. Но хирургия сделала свое — не сразу, конечно, через промежуточные этапы — хирургия и скрещивание. Зато теперь… теперь, надеюсь… Конечно, утверждать что-нибудь рано…

Грант взволнованно наклонился к нему:

— Вы хотите сказать, что перемены, которые вы внесли, передаются по наследству? Хирургические коррективы закрепились в генах?

Вебстер покачал головой:

— Сейчас еще рано что-нибудь утверждать. Но лет через двадцать я, пожалуй, смогу вам ответить.

Он взял со стола бутылку с бренди и вопроси-

тельно поглядел на Гранта.

— Благодарю, — кивнул тот.

— Я плохой хозяин, — извинился Вебстер. — Вы распоряжайтесь сами.

Он поглядел на огонь через рюмку.

— У меня был хороший материал. Собаки — сметливый народ. Сметливее, чем вы думаете. Обыкновенная дворняга различает полсотни слов, больше, вплоть до ста. Добавьте вторую сотню — вот вам уже и обиходная лексика. Может быть, вы обратили внимание на речь Нэтэниела? Самые простые, необходимые слова.

Грант кивнул:

— Простые и короткие. Он сам сказал мне, что многое еще не может выговорить.

— В общем, работы еще непочатый край, — продолжал Вебстер. — Главное впереди. Взять хотя бы чтение. Собака видит не так, как мы с вами. Я экспериментировал с линзами, они корректируют зрение собак, так что оно приближается к нашему. Не поможет — есть другой способ. Пусть человек подлаживается. Научимся печатать такие книги, чтобы псы могли их читать.

— А сами псы, они что об этом думают?

— Псы? — повторил Вебстер. — Хотите верьте, хотите нет, Грант, они в восторге. И дай им

бог… — добавил он, уставившись на пламя.

Следом за Дженкинсом Грант поднялся на второй этаж, где помещались спальни, но в коридоре его окликнул скрипучий голос из-за приоткрытой двери:

— Это вы, приятель?

Грант озадаченно остановился.

— Это старый хозяин, сэр, — прошептал Дженкинс. — Ему часто не спится.

— Да! — отозвался Грант.

— Устали? — спросил голос.

— Не очень.

— Тогда зайдите ко мне, — пригласил старик.

Томас Вебстер сидел в постели, обложенный подушками, в полосатом ночном колпаке. Он перехватил удивленный взгляд Гранта.

— Лысею… Зябко без головного убора. А шляпу в постель не наденешь.

Потом прикрикнул на Дженкинса:

— А ты что стоишь? Не видишь, гостю выпить надо.

— Слушаюсь, сэр. — Дженкинс удалился.

— Садитесь, — предложил Томас Вебстер. — Садитесь и приготовьтесь слушать. Я как наговорюсь, потом лучше засыпаю. Да и не каждый день мы новые лица видим.

Грант сел.

— Ну как вам мой сын? — спросил старик.

— Ваш сын?.. — Необычный вопрос озадачил Гранта. — Ну, по-моему, он просто молодец. То, чего он добился с собаками…

Старик усмехнулся:

— Ох уж этот Брюс со своими собаками! Я вам не рассказывал, как Нэтэниел сцепился со скунсом? Конечно, не рассказывал. Мы с вами еще двумя словами не перемолвились.

Его руки скользнули по простыням, длинные пальцы нервно теребили ткань.

— У меня ведь еще сынок есть, Ален. Я его просто Алом зову. Он сейчас далеко от Земли, так далеко еще ни один человек не забирался. К звездам летит.

Грант кивнул:

— Знаю. Читал. Экспедиция на альфу Центавра.

— Мой отец был хирургом, — продолжал Томас Вебстер. — Хотел и меня врачом сделать. Должно быть, сильно переживал, что я не пошел по его следам. Но если бы он дожил до этого дня, он сейчас гордился бы нами.

— Вам не надо бояться за сына, — сказал Грант. — Он…

Взгляд старика остановил его.

— Я сам построил корабль. Конструировал, наблюдал за сборкой. Космос сам по себе ему не страшен, он дойдет до цели. И парень у меня молодчина. Если надо, сквозь ад эту колымагу проведет.

Он сел попрямее, при этом подушки сдвинули его колпак набекрень.

— У меня есть еще одна причина верить, что он достигнет цели и благополучно вернется домой. Тогда я не придал этому особенного значения, но в последнее время все чаще вспоминаю и задумываюсь… Может быть, на самом деле… уж не…

Он перевел дух.

— Только не подумайте, я не религиозный.

— Ну конечно же, — сказал Грант.

— То есть ничего похожего, — твердил Вебстер.

— Какая-нибудь примета? — спросил Грант. — Предчувствие? Озарение?

— Ни то, ни другое, ни третье, — заявил старик. — А почти полная уверенность, что фортуна за меня. Что именно мне было предначертано построить корабль, который решит эту задачу. Кто-то где-то надумал, что пора уже человеку достичь звезд и не худо бы ему немного подсобить.

— Можно подумать, что вы подразумеваете

какой-то случай, — сказал Грант. — Какое-то реальное событие, которое дает вам право верить в успех экспедиции.

— Провалиться мне на этом месте! — подхватил Вебстер. — Я это самое и подразумевал. А случилось это событие двадцать лет назад на лужайке перед этим самым домом.

Он сел еще прямее, в груди у него сипело.

— Понимаете, я тогда был совершенно выбит из седла. Рухнуло все, о чем я мечтал. Годы потрачены впустую. Основной принцип, как достичь необходимых для межзвездных полетов скоростей, никак не давался мне в руки. И что хуже всего, я знал, что не хватает пустяка. Осталось сделать маленький шажок, внести в проект какую-то ничтожную поправку. Но какую? И вот сижу я на лужайке, настроение хуже некуда, чертеж лежит на траве передо мной. Я с ним не расставался, всюду носил с собой и смотрел на него, все надеялся, что меня вдруг осенит. Вы знаете, иногда так бывает…

Грант кивнул.

— Ну вот, сижу и вижу: идет человек. Из этих, горян. Вы знаете, кто такие горяне?

— Конечно, — сказал Грант.

— Да… Идет он развинченной походочкой, с

таким видом, словно в жизни никаких забот не знал. Подошел, остановился за спиной у меня, поглядел на чертеж и спрашивает, чем это я занят. «Космический движитель», — говорю. Он нагнулся и взял чертеж. Я подумал, пусть берет, все равно он в этом ничего не смыслит. Да и чертеж-то никчемный. А он поглядел на него, потом возвращает мне и показывает пальцем: «Вот, — говорит, — где загвоздка». Повернулся — и ходу. А я сижу и гляжу ему вслед, не то чтобы окликнуть его — слова вымолвить не могу, так он меня огорошил.

Старик сидел очень прямо в сбившемся набок ночном колпаке, вперив взгляд в стену. За окном гулкий ветер ухал под застрехами. Казалось, в ярко освещенную комнату вторглись призраки, хотя Грант твердо знал, что их нет.

— А потом вам удалось найти его? — спросил он.

Старик покачал головой:

— Нет, он словно сквозь землю провалился.

Вошел Дженкинс, поставил рюмку на столик возле кровати.

— Я еще приду, сэр, — обратился он к Гранту. — Покажу вам вашу спальню.

— Не беспокойтесь, — ответил Грант. — Только

объясните, я сам найду.

— Как изволите, сэр. Это третья дверь по коридору. Я включу свет и оставлю дверь открытой.

Они посидели молча, слушая звук удаляющихся шагов робота.

Старик поглядел на виски и прокашлялся.

— Эх, жаль, не попросил я Дженкинса принести рюмочку на мою долю, — сказал он.

— Ничего, берите мою, — отозвался Грант. — Я вполне могу обойтись.

— Правда?

— Честное слово.

Старик взял рюмку, сделал глоток, вздохнул.

— Совсем другое дело, — сказал он. — А то мне Дженкинс все время водой разбавляет.

Чем-то этот дом действовал на нервы… Тихо перешептываются стены, а ты здесь посторонний, и тебе зябко, неуютно.

Сидя на краю постели, Грант медленно расшнуровал ботинки и сбросил их на ковер.

Робот, который служит уже четвертому поколению и говорит о давно умерших людях так, будто вчера подавал им виски… Старик, мысли которого заняты кораблем, скользящим во мраке глубокого космоса за пределами Солнечной системы… Ученый, который мечтает о другой расе

— расе, способной идти по дорогам судьбы лапа об руку с человеком…

И над всем этим вроде бы и неосязаемая, но в то же время явственная тень Джерома А. Вебстера — человека, который предал друга… Врача, который не выполнил своего долга.

Джуэйн, марсианский философ, умер накануне великого открытия, потому что Джером А. Вебстер не смог оставить этот дом, потому что агорафобия приковала его к клочку земли в несколько квадратных километров.

В одних носках Грант прошел к столу, на который Дженкинс положил его котомку. Расстегнул ремни, поднял клапан, достал толстый портфель. Вернулся к кровати, сел, вынул из портфеля кипу бумаг и стал перебирать их.

Анкеты, сотни анкет… Запечатленная на бумаге повесть о жизни сотен людей. Не только то, что они сами ему рассказали, не только ответы на его вопросы — десятки других подробностей, все, что он подметил за день или час, наблюдая, более того — общаясь с ними как свой.

Да, скрытные обитатели этих горных дебрей принимают его как своего. А без этого ничего не добьешься. Принимают как своего, потому что он приходит пешком, усталый, исцарапанный

колючками, с котомкой за спиной. Никаких новомодных штучек, которые могли бы насторожить их, вызвать отчуждение. Утомительный способ проводить перепись — но ведь иначе не выполнишь того, что так нужно, так необходимо Всемирному комитету.

Потом где-то кто-то, исследуя вот такие листки, которые он разложил на кровати, найдет искомое, отыщет приметы жизни, отклонившейся от общепринятых человеческих канонов. Какую-нибудь особенность в поведении, по которой сразу отличишь жизнь другого порядка.

Конечно, мутации среди людей не такая уж редкость. Известно много мутантов, ставших выдающимися личностями. Большинство членов Всемирного комитета — мутанты, но их особые качества и таланты обтесаны господствующим укладом, мысли и восприятие безотчетно направляются по тому же руслу, в которое втиснуты мысли и восприятие других людей.

Мутанты были всегда, иначе род людской не двигался бы вперед. Но до последнего столетия их не умели распознавать. Видели в них замечательных организаторов, великих ученых, гениальных плутов. Или же оригиналов, которые возбуждали когда презрение, когда жалость массы, не при-

знающей отклонений от нормы.

Преуспевал в мире тот из них, кто приспосабливался, держал свой могучий разум в рамках общепринятого. Но это сужало их возможности, снижало отдачу, вынуждая держаться колеи, проложенной для менее одаренных.

Да и теперь способности действующих в обществе мутантов подсознательно тормозились устоявшимися канонами, шорами узкого мышления.

Грант достал из портфеля тоненькую папку и с чувством, близким к благоговению, прочел заглавие:

«НЕОКОНЧЕННЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ ТРУД
И ДРУГИЕ ЗАМЕТКИ ДЖУЭЙНА»

Нужен разум, свободный от шор, не скованный четырехтысячелетними канонами человеческого мышления, чтобы нести дальше факел, поднятый было рукой марсианского философа. Факел, освещающий подходы к новому взгляду на жизнь и ее назначение, указывающий человечеству более простые и легкие пути. Учение, которое за несколько десятилетий продвинет человечество на тысячи лет вперед.

Джуэйн умер, и в этом самом доме, хоронясь от суда обманутого человечества, дожил свою

горькую жизнь человек, который до последнего дня слышал голос мертвого друга.

Кто-то тихонько поскребся в дверь. Грант оцепенел, прислушиваясь. Опять… А теперь вкрадчивое повизгивание.

Грант быстро убрал бумаги в портфель и подошел к двери. И только приотворил ее, как в комнату черной тенью просочился Нэтэниел.

— Оскар не знает, что я здесь, — сообщил он. — Оскар мне задаст, если узнает.

— Кто такой Оскар?

— Робот, он смотрит за нами.

— Ну и что тебе надо, Нэтэниел? — усмехнулся Грант.

— Хочу говорить с тобой, — сказал Нэтэниел. — Ты со всеми говорил. С Брюсом, с Дедом. Только со мной не говорил, а ведь я тебя нашел.

— Ладно, — согласился Грант. — Валяй говори.

— Ты озабочен, — заявил Нэтэниел.

Грант нахмурился:

— Верно, озабочен… Люди постоянно чем-нибудь озабочены. Пора тебе это знать, Нэтэниел.

— Тебя гложет мысль о Джуэйне. Как Деда нашего.

— Не гложет, — возразил Грант. — Просто я очень интересуюсь этим делом. И надеюсь.

— А что с Джуэйном? — спросил Нэтэниел. — И кто он такой, и…

— Его нет, понимаешь? — ответил Грант. — То есть был когда-то, но умер много лет назад. Осталась идея. Проблема. Задача. Нечто такое, о чем нужно думать.

— Я умею думать, — торжествующе сообщил Нэтэниел. — Иногда подолгу думаю. Но я не должен думать как люди. Это Брюс мне так говорит. Он говорит, мое дело думать по-собачьему, не стараться думать как люди. Говорит, собачьи мысли ничуть не хуже людских, может, даже намного лучше.

Грант серьезно кивнул:

— В этом что-то есть, Нэтэниел. В самом деле, ты не должен думать как человек. Ты…

— Собаки знают много, чего не знают люди, — хвастался Нэтэниел. — Мы такое видим и слышим, чего человек не может видеть и слышать. Иногда мы воем ночью, и люди гонят нас на двор. Но если бы они могли видеть и слышать то же, что мы, они бы от страха с места не двинулись. Брюс говорит, что мы… мы…

— Медиумы?

— Вот-вот, — подтвердил Нэтэниел. — Никак не запомню все слова.

Грант взял со стола пижаму.

— Как насчет того, чтобы переночевать здесь, Нэтэниел? Можешь устроиться у меня в ногах.

Нэтэниел недоверчиво воззрился на него:

— Нет, правда ты так хочешь?

— Конечно. Если нам, человеку и псу, суждено быть наравне, зачем откладывать, начнем сейчас.

— Я не испачкаю постель, — сказал Нэтэниел. — Честное слово. Оскар купал меня вечером.

Он поскреб лапой ухо:

— Разве что одну-две блохи оставил.

Грант растерянно смотрел на атомный пистолет. Удобнейшая штука, пригодна для всего на свете: хоть сигарету прикурить, хоть человека убить. Рассчитан на тысячу лет, не боится ни сырости, ни тряски — во всяком случае, так утверждает реклама. Никогда не отказывает. Вот только сейчас почему-то не слушается…

Направив дуло в землю, он как следует встряхнул пистолет. Никакого эффекта. Легонько постучал по камню — хоть бы что.

Над беспорядочным нагромождением скал спускался сумрак. Где-то в дальнем конце долины раскатился несуразный хохот филина. На востоке незаметно проклюнулись первые звездочки,

на западе ночь поглощала прозрачную зелень заката.

Около большого камня лежит кучка хвороста, рядом припасена еще целая гора, хватит до утра. Но с испорченным пистолетом костра не разжечь…

Грант тихо выругался при мысли о холодной ночевке и холодном ужине.

Еще раз постучал пистолетом по камню, теперь уже посильнее. Пустой номер…

В тени между деревьями хрустнула ветка, и Грант рывком выпрямился. У могучего ствола, уходящего в сумеречное небо, стоял человек, высокий, угловатый.

— Привет, — сказал Грант.

— Что-нибудь не ладится, приятель?

— Да пистолет… — начал Грант и осекся: незачем этой темной личности знать, что он безоружен.

Незнакомец шагнул вперед с протянутой рукой:

— Что, не работает?

Грант почувствовал, как у него забирают из рук пистолет.

Незнакомец присел на корточки, посмеиваясь. Как ни силился Грант рассмотреть, что тот де-

лает, в сгущающемся мраке были видны лишь размытые контуры рук, мелькающие тени над блестящим металлом.

Что-то звякнуло, скрипнуло. Чужак шумно втянул носом воздух и рассмеялся. Снова звякнул металл, чужак встал и протянул пистолет Гранту.

— Полный порядок, — сказал он. — Лучше прежнего будет работать.

Хрустнула ветка, Грант закричал:

— Эй, погодите!..

Но незнакомец уже пропал, меж призрачных стволов растаял черный призрак. По телу Гранта от пяток вверх пополз холодок — не от ночного воздуха… Зубы застучали во рту, короткие волосы на затылке поднялись дыбом, от плеча к пальцам побежали мурашки.

Тишина… Лишь чуть слышно журчит вода в ручейке за камнем.

Дрожа, он опустился на колени возле кучки хвороста и нажал спуск пистолета. Выплеснулся язычок голубого пламени, и вот уже костер пылает вовсю.

Когда Грант подошел к изгороди, старик Дэйв Бэкстер восседал на верхней жерди, дымя коротенькой трубочкой, почти и не видной в густой

бороде.

— Здорово, приятель, — сказал Дэйв. — Лезь сюда, присаживайся рядышком.

Грант примостился на изгороди. Перед ним простиралось поле, среди кукурузных снопов пестрели золотистые тыквы.

— Просто так шатаешься? — спросил старик Дэйв. — Или что вынюхиваешь?

— Вынюхиваю, — признался Грант.

Дэйв вынул трубочку изо рта, плюнул, потом воткнул ее на место. Борода нежно обвила ее с опасностью для себя.

— Раскопки?

— Да нет, — ответил Грант.

— А то лет пять тому рыскал тут один, — сообщил Дэйв. — В земле копался что твой крот. Откопал место, где прежде город стоял, так все вверх дном перевернул. И осточертел же он мне расспросами: расскажи ему про город, и все тут. Да ведь я ничего толком и не помню. Слышал однажды, как мой дед говорил название этого города, так и то позабыл, провалиться мне на этом месте. У этого молодчика были с собой какие-то старые карты, он их и так и этак крутил, все чего-то дознаться хотел, да так, должно, и не дознался.

— Охотник за древностями, — предположил Грант.

— Он самый, видать, — согласился старик Дэйв. — Я уж от него хорониться стал. А то еще один явился, такой же мудрец. Тот какую-то старую дорогу искал: дескать, здесь проходила. Тоже все с картами носился. Ушел от нас довольный такой — нашел, дескать, а у меня духу не достало втолковать ему: мол, не дорога то была, а тропа старая, коровы проторили.

Он хитро поглядел на Гранта:

— Случаем, ты не старые дороги ищешь, а?

— Нет, что вы, — ответил Грант. — Я переписчик.

— Чего-чего?

— Переписчик, — повторил Грант. — Вот запишу, как вас звать, сколько лет, где живете.

— Это еще зачем?

— Правительству надо знать.

— Нам от правительства ничего не надобно, — заявил старик Дэйв. — Чего же ему от нас нужно?

— Правительству от вас ничего не нужно, — объяснил Грант. — Напротив — глядишь, надумает вам деньжонок подбросить. Всякое может быть.

— Коли так, — сказал Дэйв, — это другое дело.

Сидя на жерди, они смотрели на простирающийся за полем ландшафт. Над позолоченной осенним пламенем берез лощиной вился дымок из незримой трубы. Ручей ленивыми петлями пересекал бурый осенний луг, дальше один над другим высились пригорки, ярусы пожелтевших кленов.

Солнце пригревало согнутую спину Гранта, воздух был наполнен запахом жнивья. Благодать, сказал он себе. Урожай хороший, дрова припасены, дичи хватает. Что еще надо человеку…

Он поглядел на притулившегося рядом старика, на избороздившие его лицо мягкие морщины безмятежной старости и попробовал представить жизнь наподобие этой — простую сельскую жизнь, что-то вроде далекой поры, когда шло освоение Америки, со всеми ее прелестями, но без ее опасностей.

Старик Дэйв вынул изо рта трубку, указал ею на поле.

— Вон сколько еще делов, — сказал он. — А кому их делать-то? От молодых никакого проку, пропади они пропадом. Им бы все охотиться. Да рыбачить. А машины только и знают, что ломаются. Мастак машины чинить этот Джо.

— Ваш сын?

— Нет. Живет тут в лесу один чудила. Придет, наладит все — и прощайте, только его и видели. Иной раз и слова не вымолвит. Спасибо сказать не успеешь — его уже след простыл. Который год ходит. Дед говорил, первый раз пришел, когда он еще молодой был. И до сих пор ходит.

— Как же так? — ахнул Грант. — Все один и тот же?

— Ну! А я о чем толкую. Не поверишь, приятель, с первого раза, как я его увидел, вот столько не постарел. Да-а, странный малый… Чего только о нем тут не услышишь. Дед все рассказывал, как он мудрил с муравьями.

— С муравьями?

— То-то и оно. Накрыл муравейник стеклом, вроде как дом построил, и отапливал зимой. Так мне дед рассказывал. Мол, своими глазами видел. Да только брехня все это. Дед мой был во всей округе первый враль. Сам прямо так и говорил.

Из солнечной ложбины, над которой курился дымок, донесся по воздуху звонкий голос колокола.

Старик слез с изгороди и выколотил трубочку, щурясь на солнце.

В осенней тишине снова раскатился гулкий

звон.

— Это мать, — сообщил Дэйв. — Обедать зовет. Небось печеные яблоки в тесте. Вкуснятина, язык проглотишь. Давай пошли живей.

Чудила, который чинит сломанные вещи и уходит, не дожидаясь благодарности. Человек, внешность которого за сто лет ничуть не изменилась. Странный малый, который накрыл стеклянным колпаком муравейник и зимой отапливал его.

Бессмыслица какая-то, и, однако, чувствуется, что старик Бэкстер не сочиняет. Тут не просто очередная небылица, родившаяся в лесной глуши, не плод, так сказать, народной фантазии.

Фольклор сразу распознаешь, у него свое лицо есть и своя примета — особый, характерный юморок. А здесь совсем другое дело. Что забавного, хоть бы и для жителей лесной глуши, в том, чтобы накрыть муравейник стеклянным куполом и отапливать его? Юмор подразумевает эффектную концовку, а тут ничего похожего нет.

Подтянув ватное одеяло к самому подбородку, Грант беспокойно ворочался на матрасе, набитом обертками кукурузных початков.

Чудно, подумал он, где только мне не приходится спать: сегодня — на кукурузном матрасе, вчера

— в лесу у костра, позавчера — на пружинах и чистых простынях в усадьбе Вебстеров…

Ветер прошелся по ложбине снизу доверху, попутно подергал отставшую дранку, вернулся и снова подергал ее. Во мраке чердака шуршала мышь. Ровное дыхание доносилось с другой кровати, где спали двое младших Бэкстеров.

Человек, который чинит сломанные вещи и уходит, не дожидаясь благодарности… Так было с пистолетом. Так уже много лет происходит с отбившимися от рук машинами Бэкстера. Чудак по имени Джо, которого годы не берут и который с любой поломкой справляется…

В голове Гранта родилась одна мысль, он поспешил отогнать ее. Не надо тешить себя надеждой. Знай присматривайся, задавай невинные с виду вопросы, держи ушки на макушке… Да поосторожнее выспрашивай, не то сразу замкнутся что твоя устрица.

Непонятный народ эти горяне. Сами для прогресса ничего не делают и себе ничего от него не желают. Распростились с цивилизацией, только лес и поле, солнце и дождь над ними хозяева.

Места для них на Земле хватает, на всех хватает. Ведь за последние двести лет население сильно поредело, пионеры полчищами отправлялись

осваивать другие планеты Солнечной системы, насаждать в других мирах земные порядки.

Вдоволь места, земли и дичи…

А может быть, правда на их стороне? Помнится, за те месяцы, что он бродит по здешним горам, эта мысль посещала его не раз, в такие минуты, как сейчас, под теплым домашним одеялом, на удобном шершавом кукурузном матрасе, когда ветер шепчется в драночной кровле. Или когда Грант, примостившись на изгороди, глядел, как золотистые тыквы греют бока на солнце.

Что-то зашуршало во мраке: матрас, на котором спали мальчуганы. Потом по доскам тихо прошлепали босые ноги.

— Вы не спите, мистер? — шепотом.

— Никак нет. Забирайся ко мне.

Мальчуган нырнул под одеяло и воткнул ему в живот холодные подошвы.

— Дедушка вам говорил про Джо?

Грант кивнул в темноте:

— Он сказал, что Джо давно уже здесь не показывался.

— И про муравьев говорил?

— Говорил. А ты что, знаешь про муравьев?

— Мы с Биллом недавно нашли их, это наш секрет. Никому не говорили, вы первый. Вам

небось можно сказать, вы от правительства к нам присланный.

— И что, муравейник на самом деле стеклянным колпаком накрыт?

— Ага, накрыт… Да это… это… — Мальчуган захлебывался от возбуждения. — Это еще что! У муравьев этих самых тележки есть, а из муравейника трубы торчат, а из труб дым идет. А потом… а потом…

— Ну, что потом было?

— Потом мы с Биллом оробели. Не стали больше глядеть. Оробели и дали тягу.

Мальчишка поерзал на матрасе, устраиваясь удобнее.

— Нет, это же надо, а? Муравьи тележки волокут!

Муравьи и в самом деле тащили тележки. Из муравейника в самом деле торчали трубы, и они извергали крохотные клубы едкого дыма — признак плавки металлов.

С колотящимся от волнения сердцем Грант присел подле муравейника, глядя на тележки, которые сновали по дорожкам, теряющимся среди кочек. Туда идут пустые, обратно — груженные семенами, а то и расчлененными насекомыми. Знай себе катят, весело подпрыгивая, малюсень-

кие тележки, запряженные муравьями!

Плексигласовый купол, некогда защищавший муравейник, стоял на месте, но он весь потрескался и выглядел так, словно исчерпал свою роль и нужда в нем отпала.

Муравейник стоял на изрезанном склоне, спадающем к утесам над рекой; огромные камни чередовались с крохотными лужайками и купами могучих дубов. Глухое место — должно быть, здесь редко звучит голос человека, только ветер шелестит листвой да попискивают зверушки, снующие по своим потайным тропкам.

Место, где муравьи могли существовать, не опасаясь ни плуга, ни ноги странника, продолжая линию жизни без разума, которая началась за миллионы лет до того, как появился человек, и до того, как на планете Земля родилась первая абстрактная мысль. Ограниченная, застойная жизнь, весь смысл которой сводился к существованию муравьиного рода.

И вот кто-то перевел стрелку, направил муравьев по другой стезе, открыл им тайну колеса, тайну выплавки металлов. Сколько помех для развития культуры, для прогресса убрано тем самым с пути этого муравейника?

Угроза голода, надо думать, одна из них. Избав-

ленные от необходимости непрерывно добывать пищу, муравьи получили досуг, который можно было использовать на что-то другое.

Еще одно племя ступило на путь к величию, развивая свое общество, заложенное в седой древности, задолго до того, как тварь, именуемая человеком, начала осознавать свое предназначение.

Куда приведет этот путь? Чем станет муравей еще через миллион лет? Найдут ли, смогут ли найти человек и муравей общий знаменатель, чтобы вместе созидать свое будущее, как сейчас находят этот знаменатель пес и человек?

Грант покачал головой. Сомнительно… Ведь в жилах пса и человека течет одна кровь, а муравей и человек — небо и земля. Этим двум организмам не дано понимать друг друга. У них нет той общей основы, которая для пса и человека сложилась в палеолите, когда они вместе дремали у костра и вместе настораживались при виде хищных глаз в ночи.

Грант скорее почувствовал, чем услышал, шелест шагов в высокой траве за своей спиной. Живо встал, повернулся и увидел перед собой мужчину. Долговязого мужчину с покатыми плечами и огромными ручищами, которые окан-

чивались чуткими белыми пальцами.

— Это вы Джо? — спросил Грант.

Незнакомец кивнул:

— А вы субъект, который охотится за мной.

— Что ж, пожалуй, — оторопело признался Грант. — Правда, не за вами лично, но за такими людьми, как вы.

— Не такими, как все, — сказал Джо.

— Почему вы тогда не остались? Почему убежали? Я не успел поблагодарить вас за починку пистолета.

Джо смотрел на Гранта, не произнося ни слова, но было видно, что он от души веселится.

— И вообще, — продолжал Грант, — как вы догадались, что пистолет неисправен? Вы за мной следили?

— Я слышал, как вы об этом думали.

— Слышали, как я думал?

— Да, — подтвердил Джо. — Я и сейчас слышу ваши мысли.

Грант натянуто усмехнулся. Не очень кстати, но вполне логично. Этого следовало ожидать, и не только этого…

Он показал на муравейник:

— Это ваши муравьи?

Джо кивнул, и Гранту снова показалось, что он

с трудом удерживается от смеха.

— А что тут смешного? — рассердился Грант.

— Я не смеюсь, — ответил Джо, и Грант почему-то ощутил жгучий стыд, словно он был ребенком, которого отшлепали за плохое поведение.

— Вам следовало бы опубликовать свои записи, — сказал он. — Можно будет сопоставить их с тем, что делает Вебстер.

Джо пожал плечами:

— У меня нет никаких записей.

— Нет записей?

Долговязый подошел к муравейнику и остановился, глядя на него.

— Вероятно, вы сообразили, почему я это сделал? — спросил он.

Грант глубокомысленно кивнул:

— Во всяком случае, пытался понять. Скорее всего, вам было любопытно посмотреть, что получится. А может быть, вами руководило сострадание к менее совершенной твари. Может быть, вы подумали, что преимущество на старте еще не дает человеку единоличного права на прогресс.

Глаза Джо сверкнули на солнце:

— Любопытство? Пожалуй. Мне это не приходило в голову.

Он присел подле муравейника.

— Вы никогда не задумывались, почему это муравей продвинулся так далеко, потом остановился? Создал почти безупречную социальную организацию и на том успокоился? Что его осадило?

— Ну хотя бы существование на грани голода, — ответил Грант.

— И зимняя спячка, — добавил долговязый. — Ведь зимняя спячка что делает — стирает все, что отложилось в памяти за лето. Каждую весну начинай все с самого начала. Муравьи не могли учиться на ошибках, собирать барыш с накопленного опыта.

— Поэтому вы стали их подкармливать…

— …и отапливать муравейник, — подхватил Джо, — чтобы избавить их от спячки. Чтобы им не надо было каждую весну начинать все сначала.

— А тележки?

— Я смастерил две-три штуки и подбросил им. Десять лет присматривались, наконец все же смекнули, что к чему.

Грант кивком указал на трубы.

— Это они уже сами, — сказал Джо.

— Что-нибудь еще?

Джо досадливо пожал плечами:

— Откуда мне знать?

— Но ведь вы за ними наблюдали! Пусть даже не вели записей, но ведь наблюдали.

Джо покачал головой:

— Скоро пятнадцать лет, как не приходил сюда. Сегодня пришел только потому, что вас услышал. Не забавляют меня больше эти муравьи, вот и все.

Грант открыл рот и снова закрыл его. Произнес:

— Так вот оно что. Вот почему вы это сделали. Для забавы.

Лицо Джо не выражало ни стыда, ни желания дать отпор — только досаду: дескать, хватит, сколько можно говорить о муравьях. Вслух он сказал:

— Ну да. Зачем же еще?

— И мой пистолет — очевидно, он тоже вас позабавил.

— Пистолет — нет, — возразил Джо.

Пистолет — нет… Конечно, балда, при чем тут пистолет? Ты его позабавил, ты сам. И сейчас забавляешь.

Наладить машины старика Дэйва Бэкстера, смотаться, не говоря ни слова, — для него это, конечно, была страшная потеха. А как он, должно

быть, ликовал, сколько дней мысленно покатывался со смеху после случая в усадьбе Вебстеров, когда показал Томасу Вебстеру, в чем изъян его космического движителя!

Словно ловкий фокусник, который поражает своими трюками какого-нибудь тюфяка.

Голос Джо прервал его мысли:

— Ведь вы переписчик, верно? Почему не задаете мне ваши вопросы? Раз уж нашли меня, валяйте записывайте все как положено. Возраст, например. Мне сто шестьдесят три, а я, можно сказать, еще и не оперился. Считайте, мне тысячу лет жить, не меньше.

Он обнял свои узловатые колени и закачался с пятки на носок.

— Да-да, тысячу лет, а если я буду беречь себя…

— Разве все к этому сводится? — Грант старался говорить спокойно. — Я могу предложить вам еще кое-что. Чтобы вы сделали кое-что для нас.

— Для нас?

— Для общества. Для человечества.

— Зачем?

Грант опешил:

— Вы хотите сказать, что вас это мало волнует?

Джо кивнул, и в этом жесте не было ни вызова, ни бравады. Он просто констатировал факт.

— Деньги? — предложил Грант.

Джо широким взмахом указал на окружающие горы, на просторную долину:

— У меня есть это. Я не нуждаюсь в деньгах.

— Может быть, слава?

Джо не плюнул, но лицо его было достаточно выразительным.

— Благодарность человечества?

— Она недолговечна, — насмешливо ответил Джо, и Гранту опять показалось, что он с трудом сдерживает хохот.

— Послушайте, Джо… — Против воли Гранта в его голосе звучала мольба. — То, о чем я хочу вас попросить… это очень важно, важно для еще не родившихся поколений, важно для всего рода людского, это такая веха в нашей жизни…

— Это с какой же стати, — спросил Джо, — должен я стараться для кого-то, кто еще даже не родился? С какой стати думать дальше того срока, что мне отмерен? Умру — так умру ведь, — и что мне тогда слава и почет, флаги и трубы! Я даже не буду знать, какую жизнь прожил, великую или никудышную.

— Человечество, — сказал Грант.

Джо хохотнул:

— Сохранение рода, прогресс рода… Вот что

вас заботит. А зачем вам об этом беспокоиться? Или мне?..

Он стер с лица улыбку и с напускной укоризной погрозил Гранту пальцем:

— Сохранение рода — миф. Миф, которым вы все перебиваетесь, убогий плод вашего общественного устройства. Человечество умирает каждый день. Умер человек — вот и нет человечества, для него-то больше нет.

— Вам попросту наплевать на всех, — сказал Грант.

— Я об этом самом и толкую, — ответил Джо.

Он глянул на лежащую на земле котомку, и по его губам опять пробежала улыбка:

— Разве что это окажется интересно…

Грант развязал котомку и достал портфель. Без особой охоты извлек тонкую папку с надписью «Неоконченный философский…», передал ее Джо и, сидя на корточках, стал смотреть, как тот пробегает глазами текст. Джо еще не кончил читать, а душу Гранта уже пронизало мучительное ощущение чудовищного провала.

Когда он в усадьбе Вебстеров представлял себе разум, свободный от шор, не скованный канонами обветшалого мышления, ему казалось, что достаточно найти такой ум — и задача будет

решена.

И вот этот разум перед ним. Но выходит, что этого мало. Чего-то недостает — чего-то такого, о чем не подумали ни он, ни деятели в Женеве. Недостает черты человеческого характера, которая до сих пор всем представлялась обязательной.

Общественные отношения — вот что много тысяч лет сплачивало род людской, обусловливало его цельность, точно так же, как борьба с голодом вынуждала муравьев действовать сообща.

Присущая каждому человеку потребность в признании собратьев, потребность в некоем культе братства, психологическая, едва ли не физиологическая потребность в одобрении твоих мыслей и поступков. Сила, которая удерживала людей от нарушения общественных устоев, которая вела к общественной взаимовыручке и людской солидарности, сближала членов большой человеческой семьи.

Ради этого одобрения люди умирали, приносили жертвы, вели ненавистный им образ жизни. Потому что без общественного одобрения человек был предоставлен самому себе, оказывался отщепенцем, животным, изгнанным из стаи.

Конечно, не обошлось и без страшных явлений: самосуды, расовое гонение, массовые злодеяния

под флагом патриотизма или религии. И все же именно общественное одобрение служило цементом, на котором держалось единство человечества, который вообще сделал возможным существование человеческого общества.

А Джо не признает этого. Ему плевать. Его ничуть не трогает, как о нем судят. Ничуть не трогает, будут его поступки одобрены или нет.

Солнце припекало спину, ветер теребил деревья. Где-то в зарослях запела пичуга.

Так что же, это определяющая черта мутантов? Отмирание стержневого инстинкта, который сделал человека частицей человечества?

Неужели этот человек, который сейчас читает Джуэйна, сам по себе живет, благодаря своим качествам мутанта, настолько полной, насыщенной жизнью, что может обходиться без одобрения собратьев? Неужели он в конце концов достиг той ступени цивилизации, когда человек становится независимым и может пренебречь условностями общества?

Джо поднял глаза.

— Очень интересный труд, — заключил он. — А почему он не довел его до конца?

— Он умер, — ответил Грант.

Джо прищелкнул языком:

— Он ошибся в одном месте… — Найдя нужную страницу, он показал пальцем: — Вот тут. Вот откуда ошибка идет. Тут-то он и завяз.

— Но… но об ошибке не было речи, — промямлил Грант. — Просто он умер. Не успел дописать, умер.

Джо тщательно сложил рукопись и сунул в карман:

— Тем лучше. Он вам такого наковырял бы…

— Значит, вы можете завершить этот труд? Беретесь?..

Глаза Джо сказали Гранту, что продолжать нет смысла.

— Вы в самом деле думаете, — сухо, неторопливо произнес мутант, — что я поделюсь этим с вашей кичливой шатией?

Грант отрешенно пожал плечами:

— Значит, не поделитесь. Конечно, мне следовало предвидеть… Человек вроде вас…

— Эта штука мне самому пригодится, — сказал Джо.

Он медленно встал и ленивым взмахом ноги пропахал борозду в муравейнике, сшибая дымящиеся трубы и опрокидывая груженые тележки.

Грант с криком вскочил на ноги, его обуяла слепая ярость, она бросила его руку к пистолету.

— Не сметь! — приказал Джо.

Грант замер, держа пистолет дулом вниз.

— Остынь, крошка, — сказал Джо. — Я понимаю, что тебе не терпится убить меня, но я не могу тебе этого позволить. У меня есть еще кое-какие задумки, ясно? И ведь убьешь ты меня не за то, о чем сейчас думаешь.

— Не все ли равно за что? — прохрипел Грант. — Главное, что мертвый вы останетесь здесь и не сможете распорядиться по-своему учением Джуэйна.

— И все-таки не за это тебе хочется меня убить, — мягко произнес Джо. — А просто ты злишься на меня за то, что я распотрошил муравейник.

— Может, это была первая причина. Но теперь…

— Лучше и не пытайся, — сказал Джо. — Не успеешь нажать курок, как сам превратишься в труп.

Грант заколебался.

— Если думаешь, я тебя на пушку беру, — продолжал Джо, — давай проверим, кто кого.

Минуту-другую они мерили друг друга взглядом; пистолет по-прежнему смотрел вниз.

— Почему бы вам не поладить с нами? — заго-

ворил наконец Грант. — Мы нуждаемся в таком человеке, как вы. Ведь это вы показали старику Тому Вебстеру, как сконструировать космический движитель. А то, что вы сделали с муравьями…

Джо быстро шагнул вперед. Грант вскинул пистолет и увидел мотнувшийся к нему кулак — могучий кулачище, который чуть не со свистом рассек воздух.

Кулак опередил палец, лежащий на курке.

Что-то горячее, влажное, шершавое ползало по лицу Гранта, и он поднял руку — стряхнуть.

Все равно ползает…

Он открыл глаза, и Нэтэниел радостно подпрыгнул:

— Вы живы! Я так испугался…

— Нэтэниел! — проскрипел Грант. — Ты откуда?

— Я убежал, — объяснил Нэтэниел. — Хочу пойти с вами.

— Я не могу взять тебя с собой. Мне еще идти и идти. Меня ждет одно дело.

Он поднялся на четвереньки, пошарил рукой по земле. Нащупал холодный металл, подобрал пистолет и сунул в кобуру.

— Я упустил его, — продолжал он, вставая, — но он не должен ускользнуть. Я отдал ему одну вещь,

которая принадлежит всему человечеству, и я не могу допустить, чтобы он ею воспользовался.

— Я умею выслеживать, — сообщил Нэтэниел. — Белку шутя выслежу.

— Тебе найдется дело поважнее, — сказал Грант. — Понимаешь, сегодня я узнал… Обозначился один путь — путь, по которому может пойти все человечество. Не сегодня, не завтра и даже не через тысячу лет. Может быть, этого вообще не случится, но совсем исключить такую вероятность нельзя. Возможно, Джо всего-то самую малость опередил нас и мы идем по его стопам быстрее, чем нам это представляется. Может быть, в конечном счете все мы станем такими, как Джо. И если дело к тому идет, если этим все кончится, вас, псов, ждет большая задача.

Нэтэниел озабоченно смотрел вверх на Гранта.

— Не понимаю, — виновато произнес он. — Вы говорите незнакомые слова.

— Послушай, Нэтэниел. Может быть, люди не всегда будут такими, как теперь. Они могут измениться. И если они изменятся, придется вам занять их место, перенять мечту и не дать ей погибнуть. Придется вам делать вид, что вы люди.

— Мы, псы, не подведем, — заверил Нэтэниел.

— До того часа еще не одна тысяча лет прой-

дет, — продолжал Грант. — У вас будет время приготовиться. Но вы должны помнить. Должны передавать друг другу наказ. Чтобы ни в коем случае не забыть.

— Я понимаю, — ответил Нэтэниел. — Мы, псы, скажем своим щенкам, а они скажут своим щенкам.

— Вот именно, — сказал Грант.

Он наклонился и почесал у Нэтэниела за ухом, и пес стоял и махал хвостом, пока Грант не исчез за гребнем.

Комментарий к четвертому преданию

Из всех преданий это особенно удручало тех, кто искал в цикле ясность и смысл.

Даже Резон признает, что здесь перед нами явный, несомненный миф. Но если это миф, то что он означает? Если это миф, то не мифы ли и все остальные части цикла?

Юпитер, где развертывается действие этого предания, видимо, является одним из тех миров, на которые будто бы можно попасть через космос. Выше уже говорилось, что наука исключает возможность существования таких миров. Если же принять гипотезу Разгона, что другие миры, о которых говорится в цикле, есть не что иное, как наш множественный мир, то разве не очевидно, что мы уже должны были обнаружить мир, изображенный в предании? Конечно, некоторые миры гоблинов закрыты, это всякому известно, но столь же хорошо известна причина, почему они закрыты, — во всяком случае, не в силу тех обстоятельств, которые описаны в четвертом предании.

Некоторые исследователи считают четвертое предание вставным, будто бы оно вовсе не из

этого цикла и целиком заимствовано. С этим выводом трудно согласиться, поскольку предание вполне вяжется с циклом и служит одной из главных осей всего действия.

О персонаже этого предания Байбаке неоднократно писалось, что он якобы унижает честь нашего рода.

Возможно, у некоторых щепетильных читателей Байбак и впрямь вызывает брезгливость, однако он выразительно контрастирует с выведенным в предании Человеком. Не Человек, а Байбак первым осваивается в новой ситуации, не Человек, а Байбак первым постигает суть происходящего. И как только разум Байбака освобождается от власти Человека, становится очевидно, что он ни в чем не уступает человеческому разуму.

Словом, Байбак, при всех его блохах, — персонаж, которого нам отнюдь не надо стыдиться.

Как ни кратко четвертое предание, оно, пожалуй, дает читателю больше, чем остальные части цикла. Несомненно, это предание заслуживает того, чтобы его читали вдумчиво, не торопясь.

IV. Дезертирство

Четыре человека — двое, потом еще двое — ушли в ревущий ад Юпитера и не вернулись. Ушли туда, где свирепствовал непрекращающийся ураган, даже не ушли, а ускакали на четырех конечностях, поблескивая влажными от дождя боками. Потому что они уходили не в человечьем обличье.

Теперь перед столом Кента Фаулера, руководящего Куполом № 3 Службы изучения Юпитера, стоял пятый.

Под столом Фаулера старина Байбак шумно почесался, потом снова задремал.

С болью в душе Фаулер вдруг осознал, что Гарольд Ален молод, чересчур молод. У него юный доверчивый взгляд и лицо человека, который еще никогда не испытывал страха. Странно… Странно, потому что обитатели куполов на Юпитере хорошо знали, что такое страх. Страх и смирение. Очень уж неуместна тщедушная фигура человека на этой чудовищной планете с ее могучими стихиями.

— Вам известно, что это чисто добровольное дело? — сказал Фаулер. — Вы вовсе не обязаны

идти.

Непременная формула, не больше. Эти же слова были сказаны остальным четверым, но все равно они пошли. Пойдет и пятый, Фаулер в этом не сомневался. Но в душе его вдруг шевельнулась смутная надежда, что Ален откажется.

— Когда выходить? — спросил Ален.

Прежде Фаулер воспринял бы такой ответ с тайной гордостью. Прежде, но не теперь. Он насупился:

— В течение часа.

Ален спокойно ждал.

— Мы проводили уже четверых, и ни один не вернулся, — продолжал Фаулер. — Вы это, конечно, знаете. Нам нужно, чтобы вы вернулись. Никаких героических спасательных операций. Нам нужно одно, самое главное, — чтобы вы вернулись, доказали, что человек может жить в обличье юпитерианского существа. Дойдете до первой вешки, не дальше, и сразу возвращайтесь. Никакого риска. Никаких исследований. Сразу обратно.

Ален кивнул:

— Понимаю.

— У пульта преобразователя будет мисс Стенли. Тут вам опасаться нечего. Преобразование все

перенесли благополучно. Вышли из аппарата в безупречном состоянии. Мы передаем вас в руки квалифицированного специалиста. Мисс Стенли — лучший оператор преобразователей во всей Солнечной системе. Она работала почти на всех планетах. Поэтому ее и назначили к нам.

Ален улыбнулся мисс Стенли, и Фаулер прочел на ее лице какое-то неясное чувство: то ли жалость, то ли гнев, а может быть, просто страх. Но это выражение тотчас исчезло, и она ответила юноше, который стоял перед столом, улыбкой — типичной для нее чопорной улыбкой классной дамы, как будто ей было противно улыбаться.

— Жду с нетерпением моего преобразования, — сказал Ален.

Сказал шутейно, словно речь шла о чем-то крайне потешном.

Однако потехой тут и не пахло.

Дело было серьезное, серьезнее некуда. От этих опытов зависело будущее человека на Юпитере. Если они увенчаются успехом, станут доступными ресурсы исполинской планеты. Человек подчинит себе Юпитер подобно тому, как он уже подчинил себе другие, правда не такие крупные, планеты. Если же опыты провалятся…

Если они провалятся, человек и впредь будет

обременен и скован чудовищным давлением, огромной силой тяготения, предельно чуждой химией. Он так и останется пленником куполов, не сможет сам шагать по планете, видеть ее своими глазами, будет всецело зависеть от телевидения и громоздких вездеходов, неуклюжих инструментов и механизмов или не менее неуклюжих роботов.

Потому что без средств защиты, в своем естественном облике человек здесь будет тотчас раздавлен колоссальным давлением в пятнадцать тысяч фунтов на квадратный дюйм — давлением, рядом с которым дно земного океана покажется вакуумом.

Даже самые прочные сплавы, изобретенные землянами, не выдерживали юпитерианского давления и непрерывно хлещущих планету щелочных ливней. Они либо крошились и шелушились, либо превращались в ручейки и лужицы солей аммония. Только особая обработка металла, перестройка электронной структуры позволяли ему выдерживать вес тысячемильного слоя бушующих едких газов атмосферы Юпитера. И даже после такой обработки его еще надо было покрывать кварцевой пленкой против все разъедающих аммониевых дождей.

Из подвального этажа доносился гул моторов — моторов, которые работали непрерывно, не умолкая ни на миг. Так положено, ведь если они остановятся, подача тока на металлические стены купола прекратится, исчезнет электронное поле, а это конец.

Снова под столом проснулся Байбак и почесался, стуча об пол ногой.

— Что-нибудь еще? — спросил Ален.

Фаулер покачал головой:

— Может быть, у вас есть какое-нибудь желание, может быть… — Он чуть не сказал «напишете письмо», но, слава богу, вовремя спохватился.

Ален поглядел на часы.

— Так, значит, в течение часа, — сказал он.

Повернулся и вышел.

Фаулер знал, что мисс Стенли смотрит на него. Не желая встречаться с ней взглядом, он принялся листать бумаги.

— И до каких пор это будет продолжаться? — спросила мисс Стенли, чеканя слова.

Он нехотя повернулся и посмотрел на нее. Прямые тонкие губы и гладкая — чуть ли не глаже обычной — прическа придавали ее лицу странное, даже пугающее сходство с посмертной маской.

— До тех пор, пока это будет необходимо. — Он старался говорить спокойно и бесстрастно. — Пока есть хоть какая-то надежда.

— Вы намереваетесь и впредь приговаривать их к смерти, — сказала она. — Намереваетесь и впредь снаряжать их на неравный бой с Юпитером. Намереваетесь сидеть тут в полной безопасности и посылать их на верную гибель.

— Ваша сентиментальность неуместна, мисс Стенли, — произнес Фаулер, превозмогая ярость. — Вам не хуже моего известно, для чего мы это делаем. Вам ясно, что в своем обличье человек бессилен против Юпитера. Единственный выход — превращать людей в таких тварей, которые могут существовать на Юпитере. Этот способ проверен на других планетах.

Несколько человеческих жизней — не слишком высокая цена, если мы в конце концов добьемся успеха. Сколько раз в прошлом люди жертвовали жизнью ради ерунды и всякого вздора. Так неужели нас в таком великом деле должна смущать мысль о минимальных жертвах?

Мисс Стенли сидела очень прямо, сложив руки на коленях, седеющие волосы серебрились на свету, и, глядя на нее, Фаулер попытался представить ее чувства, ее мысли. Не то чтобы он ее

боялся, но ему было с ней как-то не по себе. Эти проницательные голубые глаза слишком много видят, эти руки чересчур искусны. Быть бы ей чьей-нибудь тетушкой и сидеть с вязаньем в качалке. Но она не тетушка, она первейший в Солнечной системе оператор преобразователей, и она недовольна его действиями.

— Здесь что-то не так, мистер Фаулер, — заявила она.

— Совершенно верно, — согласился он. — Именно поэтому я посылаю юного Алена одного. Может быть, ему удастся выяснить, в чем дело.

— А если не удастся?

— Пошлю еще кого-нибудь.

Она медленно встала и пошла к двери, но около его стола остановилась:

— Быть вам великим человеком. Уж вы своего не упустите. Сейчас вам такой случай представился! Вы это сразу сообразили, когда ваш купол выбрали для опытов. Справитесь с заданием — сразу подниметесь на ступеньку-другую. Сколько бы людей ни погибло, вы все равно пойдете в гору.

— Мисс Стенли, — сухо произнес он, — Алену скоро выходить. Будьте любезны, удостоверьтесь, что ваш аппарат…

— Мой аппарат, — холодно ответила она, — тут ни при чем. Он выполняет программу, которую разработали биологи.

Сгорбившись над столом, Фаулер слушал, как она удаляется по коридору.

Все правильно. Программу разработали биологи. Но биологи могли ошибиться. Достаточно промахнуться чуть-чуть, отклониться на волосок — и преобразователь будет выпускать не то, что нужно. Каких-нибудь мутантов, которые в определенных ситуациях от непредвиденного стечения обстоятельств могут не выдержать, расклеиться, потерять голову.

Потому что человек довольно смутно представлял себе, что происходит за стенами купола. Он мог полагаться только на показания своих приборов. А что могут рассказать случайные данные приборов, когда куполов раз-два и обчелся, а планета невообразимо велика?

Только на то, чтобы собрать данные о скакунцах, представляющих собой, судя по всему, высшую форму юпитерианской жизни, биологи потратили три года упорного труда, да еще два года ушло на дотошную проверку данных. На Земле для такого исследования понадобилась бы неделя, от силы две. Да вот беда: такого исследо-

вания на Земле вообще не проведешь, потому что юпитерианский организм нельзя перенести на Землю. За пределами Юпитера не воссоздашь такое давление, а при земной температуре и земном давлении скакунец тотчас обратится в облачко газа.

А исследование было необходимо, если человек собирался выйти на поверхность Юпитера в обличье скакунца. Чтобы преобразовать человека в другое существо, нужно знать все параметры, знать точно, знать наверняка.

Ален не вернулся.

Вездеходы, прочесав окрестности купола, не нашли никаких следов, разве что улепетывающий скакунец, замеченный одним из водителей, был пропавшим землянином.

Биологи только усмехнулись с вежливой снисходительностью специалистов, когда Фаулер предположил, что в программу, возможно, вкралась погрешность. Они учтиво подчеркнули, что с программой все в порядке. Если поместить в преобразователь человека и включить рубильник, человек превращается в скакунца. После чего он выходит из аппарата и пропадает в гуще здешней атмосферы.

Может, неувязочка какая? Микроскопическое

отклонение от параметров скакунца, маленький дефектик? Если есть дефект, ответили биологи, понадобится не один год, чтобы найти его.

И Фаулер знал, что они правы.

Итак, теперь уже не четверо, а пятеро, и опыт с Гарольдом Аленом ничего не дал, не продвинул их ни на шаг в изучении Юпитера. Словно и не посылали парня.

Фаулер протянул руку и взял со стола аккуратно сколотые листки — список личного состава. Взял с тягостным чувством — да ведь никуда не денешься, как-то надо выяснить причину всех этих таинственных исчезновений. А способ только один: посылать еще людей.

Он прислушался к вою ветра под куполом, к непрестанно бушующему над планетой яростному вихрю…

Может быть, там притаилась неизвестная им опасность, неведомая угроза? Какая-нибудь пакость устроила засаду и жрет подряд всех скакунцов, не отличая настоящих от тех, которые вышли из преобразователя… В самом деле, какая ей разница?

А может быть, ошиблись в корне те, кто выбрал скакунцов как наиболее высокоорганизованных представителей юпитерианской жизни? Фаулер

знал, что одним из решающих факторов было наличие интеллекта. Без этого человек после преобразования не смог бы сохранить свой разум в новом обличье.

Может быть, биологи сделали слишком большой упор на этот фактор и это повлекло за собой неблагоприятный, даже катастрофический сдвиг? Да нет, вряд ли. Хоть биологи порой и чванятся не в меру, но дело свое они знают.

А если вся эта затея с самого начала обречена на провал? Пусть на других планетах преобразование оправдало себя, это еще не значит, что на Юпитере этому методу тоже обеспечен успех. Может быть, разум человека не может функционировать нормально, получая сигналы от органов восприятия, которыми оснащен юпитерианский организм? Может быть, скакунцы настолько отличны от людей, что их понятия и категории просто не сочетаются с человеческим сознанием?

Или же все дело в самом человеке, в органически присущих ему чертах? Какой-нибудь изъян психики вместе с воздействием здешней среды мешает человеку вернуться в купол. Впрочем, по земным меркам, может быть, никакого изъяна нет, а есть свойство психики, которое на Земле

вполне обычно и уместно, но настолько не гармонирует с условиями Юпитера, что человеческий рассудок не выдерживает этого противоречия.

В коридоре дробно застучали когти, и Фаулер тускло улыбнулся. Байбак возвращается с кухни — ходил проведать своего друга-повара…

Байбак вошел, держа в зубах кость. Помахал Фаулеру хвостом и плюхнулся на пол возле стола. Зажав кость между лапами, он долго смотрел на хозяина слезящимися старческими глазами, наконец Фаулер опустил руку и потрепал косматое ухо.

— Ты еще любишь меня, Байбак? — спросил он.

Байбак постучал хвостом по полу.

— Один ты и любишь, — сказал Фаулер и выпрямился.

Повернувшись к столу, он снова взял в руки папку.

Беннет?.. Беннета на Земле ждет невеста.

Эндрюс?.. Эндрюс мечтает вернуться в Марсианский технологический институт, как только накопит денег на год учебы.

Олсон?.. Олсону скоро пора на пенсию. Все уши прожужжал ребятам рассказами о том, как уйдет на покой и будет выращивать розы.

Фаулер бережно положил папку на место.

Приговаривает людей к смерти… Бледные губы на пергаментном лице мисс Стенли едва шевелились, когда она произносила эти слова. Посылает их на верную гибель, а сам сидит тут в полной безопасности.

Можно не сомневаться, что все в куполе так говорят, особенно теперь, когда еще и Ален не вернулся. Нет, в лицо-то не скажут. Не скажет даже следующий, кого он вызовет сюда, чтобы сообщить, что пришла его очередь.

Но их глаза будут достаточно выразительными.

Он опять взял папку. Беннет, Эндрюс, Олсон. Есть и другие, да что толку от этого.

Все равно он больше не в силах, не в силах смотреть им в глаза и посылать их на смерть.

Кент Фаулер наклонился и щелкнул рычажком связного устройства.

— Слушаю, мистер Фаулер.

— Пожалуйста, дайте мисс Стенли.

Дожидаясь соединения, он слушал, как Байбак вяло гложет кость. Бедняга, все зубы сточились…

— Мисс Стенли слушает.

— Я только хотел сказать вам, мисс Стенли, чтобы вы приготовили все к отправке еще двоих.

— Вы не боитесь, что у вас скоро совсем никого не останется? — спросила мисс Стенли. — Уж лучше посылать по одному, так экономичнее, и удовольствие растянете.

— Один из них пес, — сказал Фаулер.

— Пес?!

— Да, Байбак.

Ярость сделала его голос ледяным.

— Своего собственного пса! Который столько лет с вами…

— Вот именно, — ответил Фаулер. — Байбак расстроится, если я его брошу.

Это был не тот Юпитер, который он знал по телевизору. Он ожидал, что Юпитер окажется другим, но не настолько. Ожидал, что очутится в аду, где хлещет аммиачный ливень, курятся ядовитые пары, ревет и лютует ураган. Где мчатся, крутятся облака, ползет туман и темное небо секут чудовищные молнии.

Он никак не предполагал, что ливень окажется всего-навсего легкой пурпурной мглой, стремительно летящей над пунцовым ковром травы. Ему в голову не приходило, что зигзаги громовых разрядов будут ликующим фейерверком в ярком небе.

Ожидая Байбака, Фаулер поочередно напрягал

свои мышцы и дивился их упругой силе. Совсем недурное тело… Он усмехнулся, вспомнив, с каким состраданием смотрел на скакунцов, изредка мелькавших на экране телевизора.

Очень уж трудно было представить себе живой организм, основу которого взамен воды и кислорода составляют аммиак и водород, трудно поверить, чтобы такой организм мог испытывать ту же радость и полноту жизни, что человек. Трудно вообразить жизнь в бурлящем котле Юпитера тому, кто не подозревает, что для здешних существ Юпитер отнюдь не бурлящий котел.

Ветер теребил его ласковыми пальцами, и Фаулер оторопело подумал, что, на земную мерку, этот ветерок — свирепый ураган, ревущий поток смертоносных газов силой в двадцать баллов.

Сладостные запахи пронизывали его плоть. Запахи?.. Но ведь он совсем не то привык понимать под обонянием. Словно каждая клеточка его пропитывается лавандой. Нет, не лавандой, конечно, а чем-то другим, чего он не может назвать. Несомненно, это лишь первая в ряду многих ожидающих его терминологических проблем. Потому что известные ему слова — воплощение мысленных образов землянина — отказывались служить юпитерианину.

Люк в куполе открылся, и оттуда выскочил Байбак. То есть преображенный Байбак.

Он хотел окликнуть пса, нужные слова уже сложились в уме. Но он не смог их вымолвить. Он вообще не мог сказать ни слова: говорить-то нечем!

На миг всю душу Фаулера обуял сосущий ужас, панический испуг, потом он схлынул, но в сознании еще вспыхивали искорки страха.

Как разговаривают юпитериане? Как…

Вдруг он физически ощутил присутствие Байбака, остро ощутил теплое, щедрое дружелюбие косматого зверя, который был рядом с ним и на Земле, и на многих других планетах. Такое чувство, словно пес на секунду сам целиком переселился в его мозг.

И на бурлящем гребне вторгшейся в сознание волны дружелюбия всплыли слова:

— Здорово, дружище.

Нет, не слова — лучше слов. Мысленные образы, транслировались мысленные образы, несравненно богаче оттенками, чем любые слова.

— Здорово, Байбак, — отозвался он.

— До чего же мне хорошо, — сказал Байбак. — Будто я снова щенком стал. Последнее время мне было так паршиво. Ноги не сгибаются, зубы по-

чти совсем сточились. Попробуй погрызи кость такими зубами. И блохи вконец одолели. Раньше, в молодости, я их и не замечал. Одной больше, одной меньше…

— Но… постой… — В голове у Фаулера все смешалось. — Ты разговариваешь со мной!

— Само собой, — ответил Байбак. — Я всегда с тобой разговаривал, да ты меня не слышал. Я много раз пытался тебе что-нибудь сказать, но у меня ничего не получалось.

— Иногда я понимал тебя, — возразил Фаулер.

— Не очень-то, — сказал Байбак. — Понимал, когда я просил есть или пить, когда просился гулять, но не больше того.

— Прости меня.

— Уже простил. Спорим, я первый до скалы добегу.

Только сейчас Фаулер увидел вдали, в нескольких милях, скалу. Она переливалась какой-то удивительной хрустальной красотой под сенью многоцветных облаков.

Он заколебался:

— Так далеко…

— Да ладно, чего там. — И Байбак сорвался с места, не дожидаясь ответа.

Фаулер побежал за ним вдогонку, испытывая

силу своих ног, выносливость нового тела. Сперва нерешительно, но нерешительность тотчас сменилась изумлением, и он помчался во всю прыть, исполненный ликования, которое вобрало в себя и пунцовую траву, и летящий по воздуху мелкий дождь.

На бегу он услышал музыку, она будоражила все его тело, пронизывала волнами плоть, влекла его вперед на серебряных крыльях скорости; такая музыка льется в солнечный день с колокольни на весеннем пригорке.

Чем ближе скала, тем мощнее мелодия. Вся Вселенная наполнилась брызгами волшебных звуков. И он понял, что музыку рождает пенный водопад, скатывающийся по ослепительным граням скалы.

Только не водопад, конечно, а аммиакопад, и скала такая белая потому, что состоит из твердого кислорода.

Он остановился рядом с Байбаком — там, где водопад рассыпался на сверкающую стоцветную радугу. Нет, не сто, а сотни цветов видел он, потому что здесь не было привычного человеческому глазу плавного перехода между основными цветами, а спектр с изумительной четкостью делился на элементарные линии.

— Музыка… — заговорил Байбак.

— Да, что ты хочешь о ней сказать?

— Музыку создают акустические колебания, — сказал Байбак. — Колебания падающей воды.

— Постой, Байбак, откуда ты знаешь про акустические колебания?

— А вот знаю, — возразил Байбак. — Меня только что осенило.

— Осенило! — изумился Фаулер.

И тут в его мозгу неожиданно возникла формула — формула процесса, позволяющего металлу выдерживать юпитерианское давление.

Пока он удивленно смотрел на водопад, сознание мгновенно расположило все цвета в их спектральной последовательности. И все это ни с того ни с сего — само по себе; ведь он ровным счетом ничего не знал ни о металлах, ни о цветах.

— Байбак! — воскликнул он. — Байбак, с нами что-то происходит!

— Ага, — ответил Байбак, — я уже заметил.

— Все дело в мозге, — продолжал Фаулер. — Он заработал на полную мощность, все до единой клеточки включились. И мы понимаем то, что нам давно следовало бы знать. Может быть, мозг землян от природы работает туго, со скрипом. Может быть, мы дебилы Вселенной. Может, так

устроены, что нам все дается трудно.

А внезапно проясненный разум уже говорил ему, что дело не ограничится цветовой гаммой водопада или металлом неслыханной прочности. Сознание предвосхищало что-то еще, великие откровения, тайны, недосягаемые для человеческого ума, недоступные обыкновенному воображению. Тайны, факты, умозаключения… Все, что может постичь рассудок, до конца использующий свою мощь.

— Мы все еще земляне, более всего земляне, — заговорил он. — Мы только-только начинаем прикасаться к тому, что нам предстоит познать, к тому, что было скрыто от нас, пока мы оставались землянами. Потому что наш организм, человеческий организм, несовершенен. Он плохо оснащен для мыслительной работы, свойства, необходимые для того, чтобы достичь подлинного знания, у нас недостаточно развиты. А может быть, у нас их вовсе нет…

Он оглянулся на купол — игрушечный черный бугорок вдали.

Там остались люди, которым недоступна красота Юпитера. Люди, которым кажется, что лик планеты закрыт мятущимися тучами и хлещущим дождем. Незрячие глаза. Никудышные

глаза… Глаза, не видящие красоты облаков, не видящие ничего из-за шторма. Тела, не способные радостно трепетать от трелей звонкой музыки над клокочущим потоком.

Люди, странствующие в одиночестве, и речь их подобна речи мальчишек, намеренно коверкающих слова для таинственности, и не дано им общаться так, как он общается с Байбаком, безмолвно, совмещая два сознания. Не дана им способность читать в душе друг друга.

Он, Фаулер, настраивался на то, что в этом чуждом мире его на каждом шагу будут подстерегать ужасы, прикидывал, как укрыться от незнаемых опасностей, готовился бороться с отвращением, вызванным непривычной средой.

И вместо всего этого обрел нечто такое, перед чем блекнет все, что когда-либо знал человек. Быстроту движений, совершенство тела. Восторг в душе и удивительно полное восприятие жизни. Более острый ум. И мир красоты, какого не могли вообразить себе величайшие мечтатели Земли.

— Ну, пошли? — позвал его Байбак.

— А куда мы пойдем?

— Все равно куда. Пошли, там видно будет. У меня такое чувство… или предчувствие…

— Я все понял, — сказал Фаулер.

Потому что им владело такое же чувство. Чувство высокого предназначения. Чувство великой цели. Сознание того, что за горизонтом тебя ждет что-то небывало увлекательное и значительное.

И остальные пятеро чувствовали то же самое. Властное стремление увидеть, что там, за горизонтом, неодолимый зов яркой, насыщенной жизни.

Вот почему они не вернулись.

— Я не хочу возвращаться, — сказал Байбак.

— Но мы не можем их подводить, — возразил Фаулер.

Он сделал шаг-другой к куполу, потом остановился.

Возвращаться в купол… Возвращаться в пропитанное ядами, ноющее тело. Прежде он вроде бы и не замечал, как все тело ноет, но теперь-то знает его пороки.

Снова мутное сознание. Туго соображающий мозг. Рты, которые открываются и закрываются, испуская сигналы для собеседника. Глаза, которым он теперь предпочел бы откровенную слепоту. Унылое, мешкотное, тупое существование.

— Как-нибудь в другой раз, — пробурчал он, обращаясь к самому себе.

— Мы столько сделаем, столько увидим, — говорил Байбак. — Мы столько узнаем, откроем…

Да, их ждут открытия… Может быть, новые цивилизации. Перед которыми цивилизация человека покажется жалкой. Встречи с прекрасным и — что еще важнее — способность его постичь. Ждет товарищество, какого еще никто — ни человек, ни пес — не знал.

И жизнь. Полнокровная жизнь вместо былого тусклого существования.

— Не могу я возвращаться, — сказал Байбак.

— Я тоже, — отозвался Фаулер.

— Они меня снова в пса превратят.

— А меня — в человека, — сказал Фаулер.

Комментарий к пятому преданию

Шаг за шагом, по мере того как развертывается действие, читатель получает все более полное представление о роде людском. И все больше убеждается, что этот род, скорее всего, вымышлен. Не могло такое племя пройти путь от скромных ростков до высокой культуры, которая приписывается ему преданиями. Слишком многого ему недостает.

Мы уже видели, что ему не хватает устойчивости. Увлечение машинной цивилизацией в ущерб культуре, основанной на более глубоких и значимых жизненных критериях, говорит об отсутствии фундаментальных качеств.

А пятое предание показывает нам к тому же, что это племя располагало ограниченными средствами общения, — обстоятельство, которое отнюдь не способствует движению вперед. Неспособность Человека по-настоящему понять и оценить мысли и взгляды своих собратьев — камень преткновения, какого никакая инженерная премудрость не могла бы преодолеть.

Что сам Человек отдавал себе в этом отчет, видно из того, как он стремился овладеть учени-

ем Джуэйна. Однако следует отметить, что им руководила не надежда вооружить свой разум новым качеством, а погоня за властью и славой. В учении Джуэйна Человек видел средство за несколько десятков лет продвинуться вперед на сто тысячелетий.

От предания к преданию становится все яснее, что Человек бежал наперегонки то ли с самим собой, то ли с неким воображаемым преследователем, который мчался за ним по пятам, дыша в затылок. Он исступленно домогался познания и власти, но остается совершенной загадкой, на что он намеревался их употребить.

Согласно преданию, Человек расстался с пещерами миллион лет назад. И однако, он всего лишь за сто с небольшим лет до описанного в пятом предании времени нашел в себе силы отринуть убийство, составлявшее одну из фундаментальных черт его образа жизни. Это ли не подлинное мерило дикости Человека: миллион лет понадобился ему, чтобы избавиться от наклонности к убийству, и он считает это великим достижением.

После знакомства с этим преданием большинству читателей покажется вполне убедительной гипотеза Борзого, что Человек введен в повест-

вование намеренно, как антитеза всему, что олицетворяет собой Пес, как этакий воображаемый противник, персонаж социологической басни.

В пользу такого вывода говорят и многократные свидетельства отсутствия у Человека осознанной цели, его непрестанных метаний и попыток обрести достойный образ жизни, который упорно не дается ему в руки потому, быть может, что Человек никогда сам не знает точно, чего хочет.

V. Рай

...И вот перед ним купол. Приникшее к земле чужеродное тело, которое решительно не сочеталось с пурпурной мглой Юпитера, испуганное творение, сжавшееся в комок от страха перед огромной планетой. Существо, бывшее некогда Кентом Фаулером, смотрело на купол, широко расставив крепкие ноги.

Чужеродное тело... Как же сильно я отдалился от людей. Ведь оно совсем не чужеродное. В этом куполе я жил, мечтал, думал о будущем. Его я покинул со страхом в душе. К нему возвращаюсь со страхом в душе.

Меня обязывает к этому память о людях, которые были подобны мне до того, как я стал другим, до того, как обрел жизнерадостность, бодрость, счастье, недоступные человеку.

Байбак коснулся его боком, и душу Фаулера согрело веселое дружелюбие бывшего пса, осязаемое дружелюбие, и товарищество, и любовь, которые, надо думать, существовали все время, но о которых Фаулер не подозревал, пока он оставался человеком, а Байбак — псом.

Мозг уловил мысли пса.

— Не делай этого, дружище, — говорил Байбак.

— Я обязан, Байбак, понимаешь, — ответил Фаулер чуть ли не со стоном. — Для чего я вышел из купола? Чтобы выяснить, что же такое на самом деле Юпитер. Теперь я могу рассказать им об этом, могу принести долгожданный ответ.

«Ты обязан был сделать это давным-давно, — произнес мысленный голос, неясный, далекий человеческий голос откуда-то из недр его юпитерианского сознания. — Но из трусости ты все откладывал и откладывал. Ты бежал, потому что боялся возвращаться. Боялся, что тебя снова превратят в человека».

— Мне будет одиноко, — сказал Байбак, сказал, не произнеся ни слова, просто Фаулеру передалось чувство одиночества, послышался раздирающий душу прощальный звук. Как будто его сознание и сознание Байбака на миг слились воедино.

Он стоял молча, в нем поднималось отвращение. Отвращение при мысли о том, что его снова превратят в человека, вернут ему неполноценное тело, неполноценный разум.

— Я пошел бы с тобой, — сказал Байбак, — но ведь я не выдержу, могу при этом умереть. Ты же знаешь, я совсем одряхлел. И блохи заели меня,

старика. От зубов пеньки остались, желудок не варил. А какие ужасные сны мне снились! Щенком я любил гоняться за кроликами, теперь же во сне кролики за мной гонялись.

— Ты останешься здесь, — сказал Фаулер. — Я еще вернусь сюда.

«Если смогу убедить их, — подумал он. — Если получится… Если сумею им объяснить».

Он поднял широкую голову и проследил взглядом череду холмов, переходящих в высокие горы, окутанные розовой и пурпурной мглой. Молния прочертила в небе зигзаг, озаряя мглу и облака ликующим светом. Медленно, неохотно он побрел вперед. На крыльях ветра прилетел какой-то тонкий запах, и он вобрал его всем телом, точно кот, катающийся по кошачьей мяте. Нет, не запах, конечно, просто он не мог подобрать лучшего, более точного слова. Пройдут годы, и люди разработают новую терминологию.

Как рассказать им о летучей мгле, что стелется над холмами? О чистой прелести этого запаха? Какие-то вещи они, конечно, поймут. Что здесь не ощущаешь потребности в еде и никогда не хочется спать, что нет ничего похожего на терзающие человека неврозы. Это они поймут, потому что тут вполне годятся обыкновенные слова, годится

существующий язык.

Но как быть с остальным — со всем тем, что требует новой лексики? С чувствами, которых человек еще никогда не испытывал? С качествами, о которых он и не мечтал? Как рассказать о небывалой ясности ума и остроте мысли, о способности использовать весь мозг до последней клеточки? Обо всем том, что здесь само собой разумеется, но чего человек никогда не знал и не умел, потому что его организм лишен необходимых свойств.

«Я напишу об этом, — сказал он себе. — Сяду и не торопясь все опишу».

А впрочем, слово, запечатленное на бумаге, тоже далеко не совершенное орудие…

Над кварцевой шкурой купола выступал телевизионный иллюминатор, и Фаулер доковылял до него. По иллюминатору бежали струйки сгустившейся мглы, поэтому он выпрямился перед ним во весь рост.

Сам-то он все равно ничего не разглядит, зато люди внутри купола увидят его. Люди, которые ведут непрерывные наблюдения, следят за бушующей стихией Юпитера, за неистовыми ураганами и аммиачными дождями, за стремительно летящими облаками смертоносного

метана. Ведь людям Юпитер представляется только таким.

Подняв переднюю лапу, он быстро начертил на влажной поверхности иллюминатора буквы, написал задом наперед свою фамилию.

Они должны знать, кто пришел, чтобы не было ошибки. Должны знать, какую программу закладывать. Иначе его могут преобразовать в чужое тело. Возьмут не ту матрицу, и выйдет из аппарата кто-то другой: юный Ален, или Смит, или Пелетье. И ошибка может оказаться роковой.

Аммиачный дождь сначала размазал, потом вовсе смыл буквы. Фаулер написал их снова.

Уж теперь-то разберут. Прочтут и поймут, что вернулся с отчетом один из тех, кого преобразовали в скакунцов.

Он опустился на траву и быстро повернулся к двери преобразовательного отсека. Она медленно отворилась ему навстречу.

— Прощай, Байбак, — тихо вымолвил Фаулер.

Тотчас в мозгу зазвучало тревожное предупреждение: «Еще не поздно! Ты еще не вошел. Еще можешь передумать. Повернуться кругом и бежать».

Мысленно скрипя зубами, он решительно пошел вперед. Ощутил металлический пол под

ногами, почувствовал, как позади него закрылась дверь. Уловил напоследок обрывок мыслей Байбака, потом воцарился мрак.

Перед ним была камера преобразователя, и он направился к ней вверх по наклонному ходу.

«Человек и пес уходили вдвоем, — подумал он, — и вот теперь человек возвращается».

Пресс-конференция проходила успешно. Текущая информация содержала одни приятные новости.

Да-да, сообщил репортерам Тайлер Вебстер, недоразумение на Венере полностью улажено. Достаточно было представителям сторон встретиться и побеседовать. Эксперименты по жизнеобеспечению в холодных лабораториях на Плутоне протекают нормально. Экспедиция к альфе Центавра стартует, как было предусмотрено, вопреки всем слухам о том, что она будто бы срывается. Коммерческий совет скоро выпустит новый прейскурант на ряд предметов межпланетной торговли, устраняющий некоторые несоответствия.

Ничего сенсационного. Никаких броских заголовков. Ничего потрясающего для «Последних известий».

— Тут Джон Калвер попросил меня напомнить

вам, господа, — продолжал Вебстер, — что сегодня исполняется сто двадцать пять лет с того дня, как в Солнечной системе было совершено последнее убийство. Сто двадцать пять лет без единого случая преднамеренного лишения жизни.

Он откинулся в кресле, изобразив улыбку, хотя в душе с содроганием ждал вопроса, который неминуемо должен был последовать.

Однако они еще не были готовы задать этот вопрос, сперва полагалось выполнить некий ритуал, без которого не обходилась ни одна пресс-конференция.

Берли Стефан Эндрюс, заведующий отделом печати «Межпланетных новостей», прокашлялся, словно собираясь сообщить нечто важное, и спросил с наигранной торжественностью:

— А как наследник?

Лицо Вебстера просияло.

— На уик-энд полечу домой, к нему, — ответил он. — Вот игрушку купил.

Он взял со стола что-то вроде маленькой трубы.

— Старинная выдумка… Говорят, точно старинная. Совсем недавно начали выпускать. Подносите к глазу, крутите и видите прелестные узоры. Там перекатываются цветные стеклышки.

У этой штуки есть специальное название…

— Калейдоскоп, — живо вставил один из репортеров. — Я про него читал. В одном историческом труде об обычаях и нравах начала двадцатого века.

— Вы уже смотрели в него, мистер председатель? — поинтересовался Эндрюс.

— Нет, — ответил Вебстер. — По правде говоря, только сегодня приобрел, да и занят был.

— И где же вы его приобрели, мистер председатель? — спросил кто-то. — Я тоже не прочь подарить моему отпрыску такую штуковину.

— Да тут, за углом. Магазин игрушки, вы его знаете. Как раз сегодня поступили.

Ну вот, можно и закругляться… Еще несколько шутливых замечаний, потом пора бы вставать и расходиться.

Однако они не уходили. И он знал, что так просто они не уйдут. Ему сказали об этом внезапная тишина и громкое шуршание бумаг, призванное смягчить ее натянутость.

А затем Стефан Эндрюс задал вопрос, которого Вебстер так опасался. Хорошо еще, что Эндрюс, а не кто-нибудь другой… Он всегда держится более или менее доброжелательно, и его агентство предпочитает объективную информацию, не

переиначивает сказанное, как это делают некоторые любители интерпретировать.

— Мистер председатель, — начал Эндрюс, — поговаривают, будто на Землю возвратился человек, который подвергался преобразованию на Юпитере. Нам хотелось бы услышать от вас — верно ли это сообщение?

— Верно, — сухо ответил Вебстер.

Все ждали, и Вебстер тоже ждал, сидя неподвижно в своем кресле.

— Вы не хотите комментировать его? — спросил наконец Эндрюс.

— Нет, — сказал Вебстер.

Он обвел взглядом лица собравшихся. Напряженные, угадывающие причину его решительного отказа обсуждать эту тему. Довольные, маскирующие мысль о том, как можно переиначить его скупой ответ. Сердитые — эти возмущенно выскажутся о праве народа знать истину.

— Прошу прощения, господа, — сказал Вебстер.

Эндрюс тяжело поднялся.

— Благодарим вас, мистер председатель, — заключил он.

Откинувшись в кресле, Вебстер смотрел, как расходятся репортеры, а когда они разошлись, остро ощутил холод опустевшего помещения.

«Они распнут меня, — думал он. — Разделают под орех, и я не смогу дать сдачи. Не смогу рта раскрыть».

Он встал, подошел к окну и посмотрел в сад, освещенный косыми лучами уходящего на запад солнца.

Нет, он просто не мог сказать им правду.

Рай!.. Царство небесное для тех, кто искал его! И конец человечества… Конец всем мечтам и идеалам, конец самого рода людского.

На столе замигал зеленый огонек, пискнул звуковой сигнал, и он поспешил вернуться на свое место.

— Что случилось?

На маленьком экране возникло лицо:

— Псы сейчас доложили, сэр, что мутант Джо пришел в вашу усадьбу и Дженкинс впустил его.

— Джо?! Вы уверены?

— Так говорят псы. А они никогда не ошибаются.

— Верно, — медленно произнес Вебстер. — Они не ошибаются.

Лицо на экране растаяло, и Вебстер опустился в кресло.

Дотянулся негнущимися пальцами до пульта и не глядя набрал нужный индекс.

На экране выросла усадьба, приземистое строение на открытом ветру холме в Северной Америке. Строение, которому скоро тысяча лет. Место, где жили, мечтали и умирали многие поколения Вебстеров.

В голубой выси над домом летела ворона, и Вебстер услышал — или вообразил, что услышал, — донесенное ветром «кар-р-р»…

Все в полном порядке. Во всяком случае, с виду. Усадьба дремлет в лучах утреннего солнца, на просторной лужайке замерла статуя — изображение давно умершего предка, который пропал на звездной тропе. Ален Вебстер, он первым покинул Солнечную систему, направляясь к той самой альфе Центавра, куда через день-другой вылетает экспедиция с Марса.

Никакого переполоха, вообще никакого движения.

Рука Вебстера нажала рычажок, экран погас.

«Дженкинс справится, — сказал он себе. — Лучше, чем справился бы любой человек на его месте. Что ни говори, эта металлическая коробка начинена почти тысячелетней мудростью. Скоро сам позвонит и скажет, в чем там дело».

Он набрал другую комбинацию.

Прошло несколько долгих секунд, прежде чем

на экране появилось лицо:

— Что стряслось, Тайлер?

— Мне только что сообщили, что Джо…

Джон Калвер кивнул:

— Мне тоже сообщили. Я как раз проверяю.

— Ну и что ты скажешь об этом визите?

Начальник Всемирной службы безопасности задумчиво наморщил лоб:

— Может, он сдался. Ведь мы ему и прочим мутантам вздохнуть не даем. Псы потрудились на славу.

— Но до сих пор не было никаких данных, ничего, что говорило бы об их готовности уступить.

— Подумай сам, — сказал Калвер. — Вот уже больше ста лет они шагу шагнуть не могут без нашего ведома. Все, что они делают, записывается на наши ленты. Что ни затеют, мы блокируем. Вначале они думали, что им просто не везет, но теперь-то убедились, что это не так. Вот и признали, что мы загнали их в угол.

— Вряд ли, — строго произнес Вебстер. — Когда эти парни почуют, что их загоняют в угол, гляди, как бы самого не припечатали к ковру.

— Постараюсь оказаться сверху, — обещал Калвер. — И буду держать тебя в курсе.

Изображение погасло, но Вебстер продолжал

уныло глядеть на стеклянный прямоугольник.

Черта с два их загонишь в угол. Калвер знает это не хуже его. И все-таки…

Почему Джо пришел к Дженкинсу? Почему не обратился сюда, в Женеву? Самолюбие не позволяет? Предпочитает переговоры через робота?.. Как-никак Джо с незапамятных времен знает Дженкинса.

Вебстер невольно ощутил прилив гордости. Ему было лестно, что Джо пришел к Дженкинсу (если они верно угадали причину). Ведь Дженкинс, пусть у него металлическая шкура, тоже из Вебстеров…

«Гордость… — думал Вебстер. — Были свершения, были и промахи… Но ведь все — незаурядные личности. Кого ни возьми. Джером, из-за которого мир не получил учения Джуэйна. Томас, который даровал миру усовершенствованный теперь принцип тяги для космических кораблей. Сын Томаса — Ален, который попытался долететь до звезд, но не смог. Брюс, который первым пришел к мысли о двойной цивилизации — человека и пса. Наконец, он сам, Тайлер Вебстер, председатель Всемирного комитета…»

Он поставил локти на стол и сплел пальцы, глядя на струящийся в окно свет вечернего солнца.

Исповедью он заполнял ожидание. Он ждал писклявого сигнала, который скажет ему, что звонит Дженкинс, чтобы доложить, зачем пришел Джо.

Если бы…

Если бы наконец удалось достичь взаимопонимания… Если бы люди и мутанты могли поладить между собой… Если бы можно было забыть зашедшую в тупик подспудную войну, то вместе, втроем, человек, пес и мутант пошли бы далеко.

Вебстер покачал головой. Нет, на это не приходится рассчитывать. Слишком велико различие, слишком широка брешь. Подозрительность человека, снисходительные усмешки мутантов — неодолимая преграда. Потому что мутанты — особое племя, боковая ветвь, которая намного ушла вперед. Это люди, которые стали законченными индивидуалистами, общество им не нужно, признание других людей не нужно, они совершенно лишены сплачивающего род стадного инстинкта, на них не действуют социальные факторы.

И ведь это из-за мутантов небольшой отряд мутированных псов до сих пор практически не принес почти никакой пользы своему старшему брату, человеку. Потому что псы больше ста лет

заняты слежкой, выполняют роль полицейских отрядов, которые держат под наблюдением мутантов.

Поглядывая на видеофон, Вебстер оттолкнул назад кресло, выдвинул ящик стола, достал папку.

Потом нажал рычажок, вызывая секретаря.

— Слушаю, мистер Вебстер.

— Я пойду к мистеру Фаулеру, — сказал Вебстер. — Если будет вызов…

— Если будет вызов, сэр, я вам тотчас сообщу. — Голос секретаря чуть дрожал.

— Благодарю.

Вебстер опустил рычажок.

«Уже прослышали, — сказал он себе. — Все до единого на всех этажах навострили уши, ждут новостей».

Кент Фаулер сидел, развалившись в кресле, под окном своей комнаты и смотрел, как маленький черный терьер ретиво копает землю в поисках воображаемого кролика.

— Учти, Пират, — сказал Фаулер, — меня ты не обманешь.

Пес остановился, глянул на него, весело оскалясь, ответил возбужденным лаем, потом снова принялся копать.

— Рано или поздно все равно не выдержишь,

проговоришься, — объявил Фаулер. — И я тебя выведу на чистую воду.

Пират продолжал рыть землю.

«Хитрый чертенок, — подумал Фаулер. — Умен не по летам. Вебстер напустил его на меня, и он играет свою роль на совесть. Ищет кроликов, пачкает в кустах, чешется — обыкновенный пес, да и только. Но меня-то ему не провести. Никто из них не проведет меня».

Хрустнул камешек под чьей-то ногой, и Фаулер поднял голову.

— Добрый вечер, — поздоровался Тайлер Вебстер.

— Я уже заждался вас, — сухо ответил Фаулер. — Садитесь и выкладывайте. Без экивоков. Вы мне не верите?

Вебстер опустился в кресло рядом, положил на колени папку.

— Я понимаю ваши чувства, — сказал он.

— Сомневаюсь, — отрезал Фаулер. — Я прибыл сюда с сообщением, которое казалось мне очень важным. Прибыл с отчетом, который дался мне дорогой ценой, вы и не представляете, чего мне это стоило.

Он сгорбился в кресле.

— Да поймите вы, все то время, пока я нахо-

жусь в человеческом обличье, для меня духовная пытка.

— Сожалею, — ответил Вебстер, — но мы должны были удостовериться, должны были проверить ваш отчет.

— И проверить меня?

Вебстер кивнул.

— Пират тоже в этом участвует?

— Он не Пират, — мягко сказал Вебстер. — Вы его обидели, если назвали Пиратом. Теперь у всех псов человеческие имена. Этого зовут Эльмер.

Пес перестал копать землю и подбежал к ним. Сел возле Вебстера и потер грязной лапой вымазанные глиной усы.

— Ну, что ты скажешь, Эльмер? — спросил Вебстер.

— Он человек, никакого подвоха, — ответил пес, — но не совсем человек. Только не мутант. Что-то еще. Что-то чужое.

— Ничего удивительного, — сказал Фаулер. — Я пять лет был скакунцом.

Вебстер кивнул:

— Какой-то след должен был остаться. Это естественно. И пес не мог не заметить этого. Они на этот счет чуткие. Прямо-таки медиумы. Мы потому и поручили им мутантов: как бы ни пря-

тались, все равно выследят.

— Значит, вы мне верите?

Вебстер перелистал лежащие на коленях бумаги, потом осторожно разгладил их.

— Боюсь, что да.

— Почему «боюсь»?

— Потому что вы величайшая из опасностей, которые когда-либо угрожали человечеству.

— Опасность?! Да вы что! Я предлагаю вам… предлагаю…

— Знаю, — ответил Вебстер. — Вы предлагаете рай.

— И это вас пугает?

— Ужасает. Да вы попробуйте представить себе, что будет, если мы объявим об этом народу и люди поверят. Каждому захочется улететь на Юпитер и стать скакунцом. Хотя бы потому, что скакунцы, похоже, живут по нескольку тысяч лет. Все жители Солнечной системы потребуют, чтобы их немедленно отправили на Юпитер. Никто не захочет оставаться человеком. Кончится тем, что люди исчезнут, все превратятся в скакунцов. Вы об этом подумали?

Фаулер нервно облизнул пересохшие губы:

— Конечно. Другого я и не ожидал.

— Человечество исчезнет, — ровным голосом

продолжал Вебстер. — Исчезнет накануне своих самых великих свершений. Испарится. Все, чего удалось достичь за многие тысячелетия, насмарку.

— Но вы не знаете… — возразил Фаулер. — Вам не понять. Вы не были скакунцом. А я был. — Он ткнул себя пальцем в грудь. — Я знаю, что это такое.

Вебстер покачал головой:

— Так ведь я не об этом спорю. Вполне допускаю, что скакунцом быть лучше, чем человеком. Но я никак не могу согласиться с тем, что мы вправе разделаться с человечеством, променять все, что было и будет совершено человеком, на то, что способны совершить скакунцы. Человечество продвигается вперед. Может быть, не с такой легкостью, не так мудро и блистательно, как ваши скакунцы, зато мне сдается, что в конечном счете мы продвинемся намного дальше. У нас есть свое наследие, есть свои предначертания, нельзя же все это просто взять да отправить за борт.

Фаулер наклонился вперед.

— Послушайте, — сказал он. — Я все делал честь по чести. Пришел прямо к вам, во Всемирный комитет. А ведь мог обратиться к печати и радио, чтобы припереть вас к стене, но я не стал этого

делать.

— Вы хотите сказать, что Всемирный комитет не вправе решать этот вопрос? Что народ тоже должен участвовать?

Фаулер молча кивнул.

— Так вот, по чести говоря, — продолжал Вебстер, — я не полагаюсь на мнение народа. Существуют такие вещи, как реакция плебса, как эгоизм. Что им до рода человеческого? Каждый будет думать только о себе.

— То есть вы говорите мне, что я прав, но вы тут ничего не можете поделать?

— Не совсем так. Что-нибудь придумаем. Юпитер может стать чем-то вроде дома для престарелых. Придет пора человеку уходить на заслуженный отдых…

У Фаулера вырвалось рычание.

— Награда, — презрительно бросил он. — Пастбище для старых лошадей. Рай по путевкам.

— Зато мы и человечество спасем, — подчеркнул Вебстер, — и Юпитер используем.

Фаулер порывисто встал.

— Это черт знает что! — вскричал он. — Я прихожу к вам с ответом на вопрос, который вы поставили. С ответом, который обошелся вам в миллиарды долларов. А сотни людей, которыми

вы были готовы пожертвовать? Расставили по всему Юпитеру преобразователи, пропускали через них людей пачками, они не возвращались, вы считали их мертвыми и все равно продолжали слать других! Ни один не вернулся, потому что они не хотели, не могли вернуться, их пугала мысль снова стать людьми. И вот я вернулся. А что проку? Трескучие фразы, словесные ухищрения, допросы, проверки… И наконец мне объявляют, что я есть я, да только мне не надо было возвращаться.

Фаулер опустил руки и понурился.

— Полагаю, я свободен, — произнес он. — Не обязан здесь оставаться.

Вебстер медленно кивнул:

— Конечно, свободны. С самого начала вы были свободны. Я только просил побыть здесь, пока шла проверка.

— И я могу возвращаться на Юпитер?

— Учитывая все обстоятельства, — ответил Вебстер, — это, пожалуй, совсем неплохая мысль.

— Удивляюсь, почему вы сразу мне этого не предложили, — с горечью сказал Фаулер. — Такой удобный выход. Сдали отчет в архив, забыли об этом деле — и продолжай распоряжаться Солнечной системой, словно фишками в детской игре.

Ваш род уже не первый век отличается, сколько дров наломали — так нет же, люди предоставили вам новую возможность… По милости одного из ваших предков мир лишился учения Джуэйна, другой сорвал попытки наладить сотрудничество с мутантами…

— Оставьте в покое меня и мой род! — резко произнес Вебстер. — Это серьезнее, чем…

Однако Фаулер перекричал его:

— Но это дело я вам не позволю загубить! Хватит, мир и так достаточно потерял из-за вас, Вебстеров. А теперь такая возможность открывается! Я расскажу людям про Юпитер. Пойду в газеты, на радио. Буду кричать со всех крыш. Я…

Он вдруг осекся, и у него задрожали плечи.

— Я принимаю ваш вызов, Фаулер, — с холодной яростью сказал Вебстер. — По-вашему не будет. Я не позволю, чтобы вы сделали такую вещь.

Фаулер уже встал и, повернувшись к нему спиной, решительно зашагал к калитке.

Сидя на месте будто скованный, Вебстер вдруг почувствовал, как его ногу тронула собачья лапа.

— Догнать его, хозяин? — спросил Эльмер. — Задержать?

Вебстер покачал головой:

— Пусть идет. У него такое же право, как у меня, поступать по своему разумению.

Прохладный ветерок, перевалив через ограду, теребил плащ на плечах Вебстера.

А в мозгу упорно отдавались слова… Произнесенные здесь, в саду, несколько секунд назад, они словно вышли из глубины веков.

«По милости одного из ваших предков мир лишился учения Джуэйна. По милости одного…»

Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони.

«От нас одни только несчастья, — сказал себе Вебстер. — Всему человечеству несчастья. Учение Джуэйна… Мутанты… Да, но мутанты вот уже несколько веков как овладели учением Джуэйна, а ни разу его не применили. Джо отобрал его у Гранта, и Грант всю жизнь потратил на то, чтобы вернуть пропажу, да так и не вернул.

А может быть, в этом учении ничего такого нет, — попытался утешить себя Вебстер. — Иначе мутанты непременно пустили бы его в ход. Или — кто знает? — мутанты нам просто голову морочат, а на самом деле не лучше нашего разобрались?»

Тихий металлический кашель заставил Вебсте-

ра поднять глаза. На крыльце стоял маленький серый робот.

— Вызов, сэр, — доложил робот. — Вызов, которого вы ждали.

На экране возникло лицо Дженкинса — старое, уродливое, архаичное лицо. Никакого сравнения с гладкими, будто живыми лицами, которыми щеголяют роботы новейших моделей.

— Простите, что беспокою вас, сэр, — сказал Дженкинс, — но случилось нечто из ряда вон выходящее. Пришел Джо и просит разрешения воспользоваться вашим видеофоном, чтобы связаться с вами, сэр. А в чем дело, не говорит. Дескать, просто захотелось побеседовать с давним соседом.

— Включи его, — сказал Вебстер.

— Не пойму я его поведения, сэр, — продолжал Дженкинс. — Пришел и больше часа переливал из пустого в порожнее, прежде чем попросил соединить с вами. С вашего позволения, сэр, мне это кажется очень странным.

— Понятно, — ответил Вебстер. — Он вообще со странностями, этот Джо.

Лицо Дженкинса исчезло, его сменило другое — лицо мутанта Джо. Волевые черты, морщинистая, обветренная кожа, серо-голубые живые

глаза, серебрящиеся на висках волосы.

— Дженкинс мне не доверяет, Тайлер, — сказал Джо с затаенной усмешкой, от которой Вебстера всегда коробило.

— Коли на то пошло, я вам тоже не доверяю, — отрубил он.

Джо прищелкнул языком:

— Полно, Тайлер, разве мы вам хоть когда-нибудь чем-нибудь досадили? Хоть один из нас? Вы следите за нами, нервничаете, покоя не знаете, а ведь мы вам не сделали ничего дурного. Столько собак к нам приставили, что мы на каждом шагу на них натыкаемся, завели дела на нас, изучаете, обсуждаете, разбираете — как только самим до сих пор не тошно!

— Да, мы вас знаем, — сурово произнес Вебстер. — Знаем про вас больше, чем вы сами знаете. Знаем, сколько вас, и каждого в отдельности держим на примете. Хотите услышать, чем любой из вас был занят по минутам за последние сто лет? Спросите, мы вам скажем.

— А мы все это время печемся о вас, — ответил Джо елейным голосом. — Все прикидываем, как бы вам со временем помочь.

— За чем же дело стало? — огрызнулся Вебстер. — Мы с самого начала были готовы сотруд-

ничать с вами. Даже после того, как вы украли у Гранта записки Джуэйна…

— Украли? Честное слово, Тайлер, тут какое-то недоразумение. Мы только взяли их, чтобы доработать. Он там такого нагородил…

— Уверен, вам и двух дней не понадобилось, чтобы разобраться, — парировал Вебстер. — Что же вы тянули так долго? Приди вы к нам с ответом, сразу было бы ясно, что вы хотите сотрудничать, и шли бы мы дальше вместе. Мы отозвали бы собак, признали бы вас.

— Потеха, — сказал Джо. — Как будто нас когда-нибудь волновало ваше признание.

И Вебстер услышал смех — смех человека, который ни в ком не нуждается, для которого все потуги человеческого общества — уморительный анекдот. Который идет по жизни в одиночку и вполне этим доволен. Который считает род людской потешным и, возможно, чуть-чуть опасным, но именно это делает его еще потешнее. Который не испытывает потребности в братстве людей, отвергает это братство как нечто предельно трогательное и провинциальное, вроде клубов болельщиков двадцатого века.

— Ладно, — жестко произнес Вебстер. — Если вас больше устраивают такие отношения — по-

жалуйста. Я-то надеялся, что вы предложите какую-нибудь сделку, надеялся на примирение. Мы недовольны теперешними отношениями, мы за то, чтобы изменить их. Дело за вами.

— Погоди, Тайлер, — остановил его Джо, — не выходи из себя. Я думал, тебе будет интересно узнать, в чем же соль учения Джуэйна. О нем теперь почитай что забыли, а ведь было время — вся Солнечная система бурлила.

— Ладно, рассказывайте, — сказал Вебстер с явным недоверием в голосе.

— По сути, вы, люди, — одинокое племя, — начал Джо. — Никто из вас по-настоящему не знает своих собратьев. Не знает потому, что между вами нет нужного взаимопонимания. Конечно, у вас есть дружба, но дружба-то эта основана всецело на эмоциях, а не на глубоком взаимопонимании. Да, вы можете ладить между собой. Но опять же за счет терпимости, а не за счет понимания. Вы умеете согласованно решать проблемы, но что это за соглашения — кто посильнее духом подавляет того, кто послабее.

— При чем тут все это?

— Так ведь именно в этом все дело! Учение Джуэйна позволит вам по-настоящему понимать друг друга.

— Телепатия?

— Что-то вроде. Мы, мутанты, владеем телепатией. Но тут речь о другом. Учение Джуэйна наделяет вас способностью воспринять точку зрения другого человека. Вы не обязаны с ней соглашаться, но сможете отдать ей должное. Вы будете воспринимать не только смысл того, что вам говорит собеседник, но и степень его убежденности. Учение Джуэйна позволяет всесторонне оценить идею и ее обоснование, не только слова человека, но и смысл, который он в них вкладывает.

— Семантика, — сказал Вебстер.

— Называйте как хотите, а вся суть в том, что вам понятна не только формулировка, но и подразумеваемая мысль собеседника. Это почти телепатия, но не совсем. Кое в чем даже получше телепатии.

— Ну хорошо, а как это достигается? Как вы…

Снова язвительный смех:

— Нет, ты сперва подумай как следует, Тайлер… Реши, так ли уж вам это нужно. Потом можно и потолковать.

— Сделку предлагаете? — спросил Вебстер.

Джо кивнул.

— С подвохом небось?

— Даже с двумя. Найдете, потолкуем и об этом.

— Ну а что вы хотите получить взамен?

— Много чего, — ответил Джо. — Но ведь и вы внакладе не останетесь.

Экран погас, а Вебстер все еще глядел на него невидящими глазами. Подвох? Разумеется. Ясно как день.

Он плотно зажмурился и услышал стук крови в мозгу.

Что там говорили про учение Джуэйна в те далекие дни, когда оно было утеряно? Будто за несколько десятилетий оно продвинуло бы человечество вперед на сотню тысяч лет. Что-то вроде этого…

Допустим, гипербола, но не такая уж большая. Так сказать, позволительное преувеличение.

Человек по-настоящему понимает другого человека, воспринимает его мысли не искаженно, видит не только слова, но и вложенный в них смысл, оценивает точку зрения другого как свою собственную. И включает ее в мерки, с которыми подходит к тому или иному вопросу. Конец недоразумениям, конец предвзятости, подозрительности, препирательствам — ясное, полное осознание всех спорных сторон всякой проблемы. Применимо в любой области человеческой дея-

тельности. В социологии, в психологии, в технике — какую грань цивилизации ни возьми. Конец раздорам, конец нелепым ошибкам, честная и разумная оценка наличных фактов и идей.

Сто тысячелетий за несколько десятков лет? Что ж, пожалуй, не так уж и невероятно.

А подвох?.. Или никакого подвоха нет? Действительно ли мутанты решили уступить? В обмен на что-нибудь? Или это кошелек на веревочке, а за углом мутанты со смеху покатываются?..

Сами они не использовали учение. Естественно, они-то в нем не нуждаются. У них есть телепатия, их она вполне устраивает. Для чего индивидуалистам средство понимать друг друга, когда они отлично обходятся без такого понимания? Мутанты в своих взаимоотношениях довольствуются теми контактами, которые необходимы, чтобы обеспечить их интересы, но не больше того. Они сотрудничают для спасения своей шкуры, но радости им это не доставляет.

Предложение от души? Приманка, чтобы отвлечь внимание и тем временем незаметно провернуть какую-то махинацию? Розыгрыш? Подвох?..

Вебстер покачал головой. Поди разберись. Разве угадаешь побуждения и мотивы мутанта!

С приближением вечера стены и потолок кабинета пропитались мягким скрытым светом, он становился все ярче по мере того, как сгущалась темнота. Вебстер поглядел на окно — черный прямоугольник с редкими вспышками реклам, озаряющих контуры зданий.

Он нажал рычажок, соединяясь с секретарем:

— Простите, я вас задержал. Совсем забыл про время.

— Ничего, сэр, — ответил секретарь. — Вас тут ждет посетитель. Мистер Фаулер.

— Фаулер?

— Тот джентльмен, который прилетел с Юпитера.

— Да-да, — тоскливо произнес Вебстер. — Пусть войдет.

Он едва не забыл про Фаулера и его угрозы.

Вебстер рассеянно поглядел на стол, задержал свой взгляд на калейдоскопе.

«Забавная игрушка… Оригинальная вещица. Бесхитростная забава для простодушных умов далекого прошлого. Но для сынишки это будет целое событие».

Он протянул руку, взял калейдоскоп, поднес его к глазу. Преображенный трубою свет создал буйную комбинацию красок, какую-то геометри-

ческую фантасмагорию. Вебстер слегка повернул трубу — узор изменился. Повернул еще…

Внезапно мозг пронизала щемящая мука, краски обожгли сознание ни с чем не сравнимой болью.

Калейдоскоп со стуком упал на столешницу. Вебстер ухватился руками за край стола.

«Вот так детская игрушка!» — подумал он с содроганием.

Недомогание прошло, сознание прояснилось, дыхание успокоилось, а он все сидел будто каменный.

«Странно… Странно, почему эта штука так на меня подействовала? Или калейдоскоп тут вовсе и ни при чем? Приступ? Сердце шалит? Да нет, вроде бы рановато. И ведь совсем недавно проверялся».

Щелкнула дверь, и Вебстер поднял взгляд на посетителя.

Фаулер степенно, не торопясь, подошел к столу и остановился.

— Слушаю вас, Фаулер.

— Я вспылил тогда в саду, — начал Фаулер, — и зря. Мне казалось, вы меня обязаны понять — хотя почему, собственно, обязаны? И меня такая досада взяла… Судите сами: возвращаюсь с Юпи-

тера, чувствую, что все-таки не напрасно столько лет провел там, в куполах, все, что я пережил, когда посылал людей на эксперимент, окупилось, что ли. Да, возвращаюсь с известием, которого ждал весь мир, с таким известием, что лучшего и представить невозможно! И мне казалось, вы это сразу поймете, все люди поймут! У меня было такое чувство, словно я принес им ключи от рая. Ведь это так и есть, Вебстер… Так и есть, другого слова не подберешь.

Фаулер оперся ладонями о стол и наклонился вперед.

— Неужели вы меня не понимаете, Вебстер? — произнес он шепотом. — Хоть сколько-нибудь?..

У Вебстера дрожали руки, он опустил их на колени и сжал кулаки до боли в суставах.

— Понимаю, — прошептал он в ответ, — кажется, понимаю.

Он в самом деле понял.

Понял больше того, что ему сказали слова. Он физически ощутил кроющуюся за словами тревогу, мольбу, горькое разочарование. Ощутил так, будто сам на минуту стал Фаулером и говорил за него.

— Что с вами, Вебстер? — испуганно воскликнул Фаулер. — Что случилось?

Вебстер пытался заговорить, но слова не давались ему. Горло словно закупорило пробкой боли.

Он сделал новое усилие и с натугой тихо заговорил:

— Скажите, Фаулер… Вы там приобрели много новых качеств. Много такого, чего человек совсем не знает или представляет себе очень смутно. Вроде мощной телепатии… Или, скажем…

— Да, — подтвердил Фаулер, — я многое там приобрел. Но ничего не сохранил. Как только снова стал человеком, так и вся натура стала прежней, человеческой. Ничего не прибавилось. Остались только смутные воспоминания и… Ну, и тоска какая-то, что ли.

— Значит, вы не сохранили ничего из качеств, которыми обладали, когда были скакунцом?

— Ничего.

— А не осталось у вас способности внушить мне какую-нибудь важную для вас мысль? Сделать так, чтобы я воспринял что-то так же, как вы воспринимаете?

— Увы…

Вебстер вытянул руку, подтолкнул пальцем калейдоскоп. Он откатился и снова замер.

— Почему вы сейчас вернулись? — спросил

Вебстер.

— Чтобы найти общий язык с вами. Сказать, что я совсем не обижаюсь. И попытаться объяснить вам свою позицию. Просто мы по-разному глядим на вещи, только и всего. Стоит ли из-за этого ссориться…

— Понятно. И вы по-прежнему твердо намерены обратиться к народу?

Фаулер кивнул:

— Я обязан это сделать. Уверен, вы меня понимаете, Вебстер. Это для меня… это… ну, в общем, что-то вроде религии. Я в это верю и обязан рассказать другим, что существует лучший мир и лучшая жизнь. Должен указать им дорогу.

— Мессия, — произнес Вебстер.

Фаулер выпрямился:

— Ну вот, так я и знал. Насмешка не…

— Я вовсе не насмехаюсь, — мягко объяснил Вебстер.

Он поставил калейдоскоп торчком и принялся его поглаживать, размышляя: «Не готов… Еще не готов… я должен в себе разобраться. Хочу ли я, чтобы он понимал меня так же хорошо, как я его понимаю?»

— Послушайте, Фаулер, — сказал он, — подождите день-два. Потерпите немного. Два дня, не

больше. А потом побеседуем с вами еще раз.

— Я прождал достаточно долго.

— Но мне нужно, чтобы вы поразмыслили вот о чем… Человек появился миллион лет назад, он был тогда просто животным. Потом он шаг за шагом взбирался вверх по лестнице. Шаг за шагом одолевал трудности и созидал свой образ жизни, созидал свою философию, вырабатывал свой подход к решению практических проблем. Можно даже говорить о геометрической прогрессии. Сегодняшние возможности человека намного выше вчерашних. Завтра они будут больше сегодняшних. Впервые за всю историю своего племени человек, что называется, начинает осваивать технику игры. Можно сказать, он только-только пересек стартовую черту. Дальше он в более короткий срок пройдет куда больше, чем прошел до сих пор. Может быть, такого блаженства, как на Юпитере, не будет, может быть, нас ждет нечто совсем другое. Возможно, человечество — серенький воробушек рядом с юпитерианами. Но это наша жизнь. То, за что боролся человек. То, что он построил своими руками. Предначертание, которое он сам выполнял. Страшно подумать, Фаулер, — неужели мы в ту самую минуту, когда из нас начинает получаться толк, променяем

свою судьбу на другую, о которой ровным счетом ничего не знаем, не знаем, чем она чревата?

— Я подожду, — сказал Фаулер. — Подожду день-два. Но я предупреждаю. Вам от меня не отделаться. Не удастся меня переубедить.

— Большего я и не прошу. — Он встал и протянул ему руку: — По рукам?

Но, пожимая руку Фаулеру, Вебстер уже знал, что все это напрасно. Джуэйн не Джуэйн — человечество стоит перед решающей проверкой. И учение Джуэйна только усугубляет все дело. Потому что мутанты своего никогда не упустят… Если он верно угадал, если они задумали таким способом избавиться от человечества, то у них все предусмотрено. К завтрашнему утру так или иначе не останется ни одного мужчины, ни одной женщины, ни одного ребенка, которые не посмотрели бы в калейдоскоп. Да и почему непременно калейдоскоп? Один бог ведает, сколько еще способов они знают…

Проводив взглядом Фаулера, он подошел к окну. Очертания домов озарялись новой световой рекламой, какой не было прежде. Какой-то диковинный узор озарял ночь многоцветными вспышками. Вспыхнет — погаснет, вспыхнет — погаснет, словно кто-то крутил огромный ка-

лейдоскоп.

Вебстер стиснул зубы. Этого следовало ожидать.

Мысль о Джо наполнила его душу лютой ненавистью. Так вот для чего он вызывал его к видеофону — лишний раз втихую посмеяться над людьми… Очередной жест трюкача, который снизошел до того, чтобы намекнуть простакам, в чем хитрость, когда их уже обвели вокруг пальца и поздно что-то предпринимать.

«Надо было перебить их всех до одного, — сказал себе Вебстер и подивился тому, как трезво и бесстрастно его мозг пришел к такому умозаключению. — Искоренить, как искореняют опасную болезнь».

Но человек отверг насилие как средство решать общественные и личные конфликты. Вот уже сто двадцать пять лет, как люди не ходят стенка на стенку.

«Во время разговора с Джо учение Джуэйна лежало на моем столе. Достаточно потом было протянуть руку, чтобы… — Вебстер остолбенел, осененный догадкой. — Достаточно было протянуть за ним руку… И я это сделал!»

Это даже не телепатия, не чтение мыслей. Джо знал, что он возьмет в руки калейдоскоп, конеч-

но, знал! Особое предвидение, умение заглянуть в будущее. Хотя бы на час-другой вперед, а больше и не требовалось.

Джо, и не только Джо, все мутанты знали про Фаулера. Мозг, наделенный даром проникать в чужие мысли, может легко выведать все что нужно.

Но это не все, тут кроется еще что-то.

Глядя на цветные вспышки, он представил, как тысячи людей сейчас видят их. Видят, и сознание их поражает внезапный шок.

Вебстер нахмурился, соображая, в чем сила этих мелькающих узоров. Возможно, они действуют особым образом на какой-то центр в мозгу… До сих пор центр этот не работал, время не приспело, а тут его подхлестнули и он включился.

Учение Джуэйна, наконец! Веками искали — и вот обрели. Но обрели в такую минуту, когда человеку лучше бы вовсе не знать его.

В своем отчете Фаулер написал:

«Я не могу сообщить объективные данные, потому что у меня нет для этого нужных определений».

У него и теперь, разумеется, нет нужных слов, зато есть кое-что получше: слушатели, способные почувствовать искренность и убежденность тех

слов, которыми он располагает. Слушатели, наделенные новым свойством, позволяющим хотя бы отчасти уловить величие того, что принес им Фаулер.

Джо все предусмотрел. Он ждал этой минуты. И превратил учение Джуэйна в учение против человечества.

Потому что само это учение приведет к тому, что человек улетит на Юпитер. Сколько его ни вразумляй, он все равно улетит на Юпитер. Во что бы то ни стало улетит.

Единственная надежда победить в поединке с Фаулером заключалась в том, что он был бессилен описать виденное, рассказать о пережитом, не мог довести до сознания людей то, что его волновало. Выраженная заурядными земными словами, его мысль прозвучала бы тускло, неубедительно. Даже если бы ему поверили в первую минуту, эта вера была бы непрочной, людей можно было бы переубедить.

Теперь надежда рухнула, ведь слова Фаулера уже не покажутся тусклыми и неубедительными. Люди ощутят, что такое Юпитер, так же явственно, так же живо, как это ощущает Фаулер.

И земляне переберутся на Юпитер, отдав предпочтение юпитерианской жизни.

А Солнечная система, вся Солнечная система, кроме Юпитера, будет в распоряжении нового племени, племени мутантов, они будут создавать культуру по своему вкусу, и вряд ли эта культура пойдет по тому же пути, что цивилизация предков.

Вебстер отвернулся от окна, быстро подошел к столу. Нагнулся, выдвинул ящик, сунул внутрь руку. И вынул предмет, которым никогда в жизни не собирался пользоваться, — реликвию, музейный экспонат, много лет пролежавший в забвении.

Он протер носовым платком металлическую поверхность пистолета, потом дрожащими пальцами проверил механизм.

Все упирается в Фаулера. Если Фаулер умрет…

Если Фаулер умрет и станции на Юпитере демонтируют и покинут, затея мутантов сорвется. В активе человека будет учение Джуэйна и свой, ему предначертанный путь. Экспедиция «Центавр» отправится к звездам. Будут продолжаться эксперименты по освоению Плутона. Человек пойдет дальше по курсу, проложенному его цивилизацией. Пойдет быстрее, чем когда-либо. Превосходя все самые дерзкие мечты.

Два великих завоевания… Отказ от насилия как

средства решать противоречия между людьми. И дарованное учением Джуэйна взаимопонимание. Два могучих ускорителя на пути в будущее.

Отказ от насилия и…

Вебстер уставился на зажатый в руке пистолет, а в мозгу у него словно ураган гудел.

Два великих завоевания — и он собирается перечеркнуть первое из них.

Сто двадцать пять лет не было убийства человека человеком, и уже больше тысячи лет назад убийство отвергнуто как способ разрешения общественных конфликтов.

Тысяча лет мира — и один смертный случай может все свести на нет. Одного выстрела в ночи довольно, чтобы рухнуло все здание, чтобы человек вернулся к прежним, звериным суждениям.

«Вебстер убил — почему мне нельзя? Если уж на то пошло, кое-кого не мешало бы прикончить. Правильно Вебстер сделал, только надо было не останавливаться на этом. И не вешать его надо, а наградить. Вешать надо мутантов. Если бы не они…»

Именно так будут рассуждать люди.

«Вот о чем гудит ураган в моем мозгу».

…Вспышки пестрых узоров рождали призрачный отсвет на стенах и полу.

«Фаулер видит эти узоры. Он тоже глядит на диковинные вспышки, а если и не глядит, так ведь у меня есть еще калейдоскоп. Он придет сюда, мы сядем и потолкуем. Сядем и потолкуем…»

Вебстер швырнул пистолет обратно в ящик и пошел к двери.

Комментарий к шестому преданию

Если о происхождении других преданий цикла еще можно спорить, то здесь все очевидно. Шестое предание отмечено явственной печатью Псовой сказительской традиции. В нем есть и глубокие эмоциональные ценности, и пристальное внимание к этическим проблемам, которое присуще всем прочим сказаниям Псов.

И однако Резон, как ни странно, именно в этом предании видит наиболее веское свидетельство того, что человечество якобы существовало на самом деле. Перед нами, утверждает он, доказательство, что эти самые предания рассказывали Псы, сидя у пылающих костров и толкуя о Человеке, погребенном в Женеве или улетевшем на Юпитер. Перед нами, говорит он также, сообщение о первом исследовании Псами миров гоблинов и о первых шагах к созданию братства животных.

И он видит здесь свидетельство того, что Человек представлял племя, которое одно время шло вместе с Псами по пути развития культуры. По мнению Резона, нет оснований утверждать, что именно описанная в предании катастрофа

сокрушила Человека. Он допускает, что предание в том виде, в каком мы знаем его сегодня, за сотни лет было дополнено и приукрашено. При всем при том он видит в нем веские и убедительные доказательства того, что на род людской была наслана какая-то кара.

Борзый, который не усматривает в предании фактических свидетельств, будто бы обнаруженных Резоном, полагает, что сказитель просто доводит до логического финала культуру, якобы созданную Человеком. Без широкой перспективы, без элементов органической стабильности не может выжить ни одна культура — вот, по мнению Борзого, урок настоящего предания.

В отличие от других частей цикла, это предание говорит о Человеке с какой-то нежностью. Он одновременно одинок и несчастен, но и по-своему величествен. Как типичен для него гордый жест, когда под конец ценой самопожертвования он обретает божественный ореол.

И все-таки в преклонении Эбинизера перед Человеком есть какие-то странные оттенки, давшие пищу для особенно ожесточенных споров среди исследователей цикла.

В своей книге «Миф о Человеке» Разгон спрашивает: «Если бы Человек пошел по другому пути,

может быть, со временем он достиг бы такого же величия, как Пес?»

Вероятно, многие читатели цикла уже перестали задавать себе этот вопрос.

VI. Развлечения

Кролик свернул за куст, маленький черный пес метнулся за ним и с разбегу остановился. На тропке перед ним стоял волк, в его зубах трепетала окровавленная тушка кролика.

Эбинизер застыл на месте, вывесив язык красной тряпкой, он тяжело дышал, и его слегка мутило от увиденного.

«Кролик был такой славный!»

Чьи-то ноги простучали по тропе за спиной Эбинизера, из-за куста опрометью выскочил Сыщик и остановился рядом с ним.

Волк быстро перевел взгляд с пса на карликового робота, потом обратно на пса. Бешеное янтарное пламя в его глазах постепенно потухло.

— Зря ты так сделал, волк, — мягко произнес Эбинизер. — Кролик знал, что я его не трону, что все это понарошку. Он нечаянно наскочил на тебя, а ты его сразу схватил.

— Нашел с кем разговаривать, — прошипел Сыщик. — Он же ни слова не понимает. Смотри, как бы тебя не сожрал.

— Не бойся, при тебе он меня не тронет, — возразил Эбинизер. — К тому же он меня знает. С

прошлой зимы помнит. Он из той стаи, которую мы подкармливали.

Медленно переступая, волк крадучись двинулся вперед, в двух шагах от пса остановился, тихо, нерешительно положил кролика на землю и подтолкнул его носом к Эбинизеру.

Сыщик не то пискнул, не то ахнул:

— Он отдает его тебе!

— Вижу, — спокойно ответил Эбинизер. — Я же говорю, что он помнит. У него еще ухо было обморожено, а Дженкинс его подлечил.

Вытянув морду и виляя хвостом, пес шагнул вперед. Волк на миг оцепенел, потом наклонил свою уродливую голову, принюхиваясь. Еще секунда — и они коснулись бы друг друга мордами, но тут волк отпрянул.

— Пойдем лучше отсюда, — позвал Сыщик. — Ты давай улепетывай, а я прикрою тебя с тыла. Если попробует…

— Ничего он не попробует, — перебил его Эбинизер. — Он наш друг. И за кролика его винить нельзя. Он же не понимает. Он так привык. Для него кролик просто кусок мяса.

«Так же как это когда-то было для нас, — подумал он. — Как было для нас, пока первый пес не сел рядом с человеком у костра перед входом в

пещеру. Да и после еще долго так было… Даже теперь иной раз, как увидишь кролика…»

Медленно, как бы извиняясь, волк дотянулся до кролика и взял его зубами. При этом он помахивал хвостом, только что не вилял им.

— Ну что! — воскликнул Эбинизер, и в ту же секунду волк метнулся прочь.

Серым пятном мелькнул среди деревьев, серой тенью растаял в лесу.

— Забрал, вот что, — возмутился Сыщик. — Этот мерзкий…

— Но сперва он отдал его мне, — торжествующе возразил Эбинизер. — Просто очень голодный был, оттого и не выдержал. А ведь такое сделал, чего не делал еще ни один волк. На мгновение зверь в нем отступил…

— Он хотел подарок за подарок.

Эбинизер покачал головой:

— Ему же стыдно было, когда он его забирал. Видел, как он хвостом помахивал? Это он объяснял, что хочет есть, что кролик ему нужен. Нужнее, чем мне.

Скользя глазами по зеленым просветам в волшебном лесу, пес втягивал носом запах перегноя, пьянящее благоухание изящных подснежников и фиалок, бодрящий, острый аромат молодой

листвы, пробуждающегося весеннего леса.

— Смотришь, когда-нибудь… — заговорил он.

— Знаю-знаю, — вступил Сыщик. — Смотришь, когда-нибудь и волки станут цивилизованными. И кролики, и белки, и все остальные дикие твари. Вы, псы, все томитесь…

— Не томимся, а мечтаем, — поправил его Эбинизер. — У людей было заведено мечтать. Бывало, сидят и что-нибудь придумывают. И мы так появились. Нас придумал человек по имени Вебстер. И повозился же он с нами! Горло переделал, чтобы мы говорить могли. Сделал нам контактные линзы, чтобы читали. Еще…

— Много проку было людям от их мечтаний, — ехидно произнес Сыщик.

«Святая правда, — подумал Эбинизер. — Сколько людей на Земле осталось? Одни мутанты, которые невесть чем заняты в своих башнях, да маленькая колония взаправдашних людей в Женеве. Остальные давно уже перебрались на Юпитер и превратились там из людей во что-то совсем другое».

Опустив хвост, Эбинизер повернул кругом и медленно поплелся по тропе.

«Жаль кролика, — думал он. — Такой был славный… Так здорово улепетывал. И совсем не от

страха. Я за ним столько раз гонялся, он знал, что я не собираюсь его ловить».

Но все равно Эбинизер не винил волка. Волк за кроликом не для потехи бегает. У волков нет скота, который дает мясо и молоко, нет посевов, дающих муку для галет.

— А ведь мне придется сказать Дженкинсу, что ты убежал, — ворчал жестокосердный Сыщик, топая за ним по пятам. — Знаешь ведь, что тебе сейчас положено слушать.

Пес продолжал молча трусить по тропе. Сыщик прав… Эбинизеру полагалось не гоняться за кроликами, а сидеть в усадьбе Вебстеров и слушать. Ловить звуки и запахи и все время быть готовым почуять, когда вблизи что-то появится. Как будто сидишь у стены и слушаешь, что за ней делается, а слышно еле-еле. Хорошо, если хоть что-то уловишь, а понять, что именно, и того труднее.

«Это зверь во мне сидит и никак меня не отпускает, — думал Эбинизер. — Древний пес, который сражался с блохами, глодал кости, раскапывал сусличьи норы. Это он заставляет меня убегать из дома и гоняться за кроликом, когда мне положено слушать, заставляет рыскать по лесу, когда мне положено читать старые книги с длинных полок в кабинете.

Слишком быстро… Мы слишком быстро продвигались. Так было нужно.

Человеку понадобились тысячи лет, чтобы из нечленораздельных звучаний развились зачатки речи. Тысячи лет ушли на то, чтобы приручить огонь, и еще столько, чтобы изобрести лук и стрелы. Тысячи лет — чтобы научиться возделывать землю и собирать урожай, тысячи лет — чтобы сменить пещеру на жилище, построенное своими руками.

А мы всего какую-нибудь тысячу лет как научились говорить — и уже во всем предоставлены самим себе. Конечно, если не считать Дженкинса».

Лес поредел, дальше только узловатые дубы тяжело карабкались вверх по склону, будто заплутавшиеся старики.

Усадьба распласталась на бугре. Прильнув к земле, пустив глубокие корни, стояло размашистое сооружение, такое старое, что оно стало под цвет всему окружающему — деревьям, траве, цветам, небу, ветру, дождю. Усадьба, построенная людьми, которые были привязаны к ней и к земле кругом так же, как теперь к ней привязались псы. Усадьба, в которой жили и умирали члены легендарного рода, оставившего в веках след яркий,

как метеор. Люди, что вошли в предания, которые теперь рассказывали у пылающего камина в ненастные ночи, когда ветер с воем тормошил крышу… Предания о Брюсе Вебстере и первом псе Нэтэниеле; о человеке по имени Грант, который велел Нэтэниелу передать потомкам наказ; о другом человеке, который хотел долететь до звезд, и о старике, который сидел и ждал его на лужайке. И еще предания об ужасных мутантах, за которыми псы много лет следили.

И вот теперь люди ушли, но имя Вебстеров не забыто, и псы не забывали наказ, который Грант дал Нэтэниелу в тот давно минувший день.

«Как будто вы — люди, как будто пес стал человеком».

Вот наказ, который десять столетий передавался из поколения в поколение. И настало время выполнять его.

Когда люди ушли, псы возвратились домой, со всех концов света вернулись туда, где первый пес произнес первое слово, где первый пес прочел первую печатную строку. Вернулись в усадьбу Вебстеров, где в незапамятные времена жил человек, мечтавший о двойной цивилизации, о том, чтобы человек и пес шли в веках вместе, лапа об руку.

— Мы старались как могли, — сказал Эбинизер вслух, словно обращаясь к кому-то. — И продолжаем стараться.

Из-за бугра донесся звон колокольчика, потом неистовый лай. Щенки гнали коров домой на вечернюю дойку.

В подземелье отложилась вековая пыль, серой пудрой лежала пыль не откуда-то извне, а неотъемлемая часть самого подземелья, та его часть, которая со временем обратилась в прах.

Пряный запах пыли перебивал влажную затхлость, в голове жужжанием отдавалась тишина. Радиевая лампочка тускло освещала пульт с маховичком, рубильником и пятью-шестью шкалами.

Опасаясь нарушить спящую тишину, придавленный источаемым сводами грузом веков, Джон Вебстер медленно подошел к пульту. Протянул руку и тронул рубильник, словно проверяя, настоящий ли он, словно ему нужно было ощутить пальцем сопротивление, чтобы удостовериться, что рубильник на месте.

Рубильник был на месте. Рубильник, и маховичок, и шкалы, освещенные одинокой лампочкой. И все. Больше ничего. В тесном подземелье с голыми стенами больше ничего не было.

Все так, как обозначено на старом плане.

Джон Вебстер покачал головой… Как будто могло быть иначе. План верен. План помнит. Это мы забыли — забыли, а может быть, никогда и не знали, а может быть, и знать не хотели. Пожалуй, это вернее всего: знать не хотели.

Впрочем, с самого начала, наверно, лишь очень немного людей знали про это подземелье. Мало кто знал, потому что так было лучше для всех. С другой стороны, то, что сюда никто не приходил, еще не залог полной тайны. И не исключено…

Он в раздумье смотрел на пульт. Снова рука протянулась вперед, но тут же он ее отдернул. Не надо, лучше не надо! Ведь план ничего не говорит о назначении подземелья, о действии рубильника.

«Оборона» — вот и все, что написано на плане.

Оборона! Тогда, тысячу лет назад, естественно было предусмотреть оборону. Она так и не пригодилась, но ее держали на всякий пожарный случай. Потому что даже тогда братство людей было настолько зыбким, что одно слово, один поступок могли его разрушить. Даже после десяти веков мира жила память о войне, и Всемирный комитет неизменно считался с ее возможностью, думал о ней и о том, как ее избежать.

Застыв на месте, Вебстер слушал биение пульса истории. Истории, которая завершила свой ток. Истории, которая зашла в тупик, и вот уже вместо полноводной реки — заводь, несколько сот бесплодных человеческих жизней, стоячий пруд, не питающий родников человеческой энергии и дерзаний.

Вытянув руку, он коснулся ладонью стены и ощутил липучий холод, щекочущий ворс пылинок.

Фундамент империи… погреб… Нижний камень могучего сооружения, гордо возвышавшегося над поверхностью земли, величавого здания, куда в древности сходились живые нити Солнечной системы. Империя не как символ захватничества, а как торжество упорядоченных человеческих взаимоотношений, построенных на взаимном уважении и мудрой терпимости.

Резиденция правительства, которое черпало психологическую уверенность в мысли о том, что есть верная, надежная оборона. И можно положиться на то, что она в самом деле верная, непременно надежная. Люди той поры не оставляли случаю никаких лазеек. Они прошли суровую школу и кое-что соображали.

Вебстер медленно повернулся, поглядел на

следы, оставленные в пыли его ногами. Бесшумно, аккуратно ступая след в след, он вышел из подземелья, закрыл за собой тяжелую дверь и повернул замок, тщательно охраняющий тайну.

Идя вверх по ступенькам потайного хода, он думал: «Теперь можно садиться и писать свой исторический обзор. Наброски в основном сделаны, композиция ясна. Это будет превосходное, всестороннее исследование, вполне заслуживающее того, чтобы его прочли».

Но Вебстер знал, что никто не прочтет его труд. Не найдется желающих тратить на то время и силы.

На широком мраморном крыльце своего дома Вебстер остановился и окинул взглядом улицу. Красивая улица, самая красивая во всей Женеве: зеленый бульвар, ухоженные клумбы, доведенные до блеска неугомонными роботами пешеходные дорожки. Ни души на улице, и в этом ничего удивительного. Роботы рано заканчивают уборку, а людей в городе очень мало.

На высоком дереве пела птица — эта песенка вобрала в себя и солнце, и цветы, она рвалась из переполненного счастьем горлышка, пританцовывая от неиссякаемой радости.

Чистая улица, прикорнувшая в солнечных

лучах, и большой прекрасный город. А какой в них смысл? Такую улицу должны заполнять смеющиеся дети, влюбленные пары, отдыхающие на солнце старики. Такой город — последний город на Земле, единственный город на Земле — должен быть полон движения и жизни.

Пела птица, и человек стоял на ступеньках, и тюльпаны блаженно кивали реющему по улице душистому ветерку.

Вебстер повернулся к двери, толкнул ее и переступил через порог.

Комната была тихая и торжественная, похожая на собор. Витражи, мягкие ковры… Старое дерево рдело патиной веков, медь и серебро искрились в свете лучей стрельчатых окон. Над очагом висела выполненная в спокойных тонах большая картина: усадьба на бугре, усадьба, которая пустила корни в землю и ревниво льнула к ней. Из трубы вился дым — жидкая струйка, размазанная ветром по ненастному небу.

Вебстер прошел через комнату, не слыша своих шагов.

«Ковры, — подумал он, — ковры стерегут здесь тишину. Рендолл и тут хотел все переиначить на свой лад, но я ему не позволил — и хорошо сделал. Человек должен сохранять что-нибудь

старинное, быть верным чему-то, в чем слиты былые голоса и будущие надежды».

Подойдя к рабочему столу, он нажал кнопку, и над столом зажегся свет. Он медленно опустился в кресло, протянул руку за папкой с черновиками. Открыл ее и прочел заглавие:

«ИССЛЕДОВАНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА ЖЕНЕВА»

Превосходное заглавие. Солидное, ученое. А сколько труда вложено… Двадцать лет. Двадцать лет он рылся в пыльных архивах, двадцать лет читал и сопоставлял, взвешивал слова и суждения предшественников, двадцать лет просеивал, отсеивал, отбирал факты, выявляя параметры не только города, но и людей. Никакого культа героев, никаких легенд, одни факты. А факты добыть далеко не просто.

Что-то прошелестело в комнате. Не шаги — просто шелест. И ощущение, что рядом кто-то стоит. Вебстер повернулся. Сразу за световым кругом от лампы стоял робот.

— Простите, сэр, — сказал робот, — но мне поручено вам доложить. Мисс Сара ждет в морской.

Вебстер вздрогнул:

— Что, мисс Сара? Давно она здесь не появлялась.

— Совершенно верно, сэр, — отозвался робот. — Когда она вошла, сэр, мне показалось, что вернулись былые времена.

— Благодарю, Оскар, — сказал Вебстер. — Я сейчас. Принесите нам что-нибудь выпить.

— Она принесла с собой, сэр, — ответил Оскар. — Одну из этих смесей мистера Бэлентри.

— Бэлентри! Надеюсь, это не отрава?

— Я наблюдал за ней, — доложил Оскар. — Она уже пила, и с ней пока ничего не случилось.

Вебстер встал, вышел из кабинета и прошел по коридору. Толчком отворил дверь, и его встретил плеск прибоя. Он невольно прищурился от яркого света на раскаленном песке пляжа, белой чертой уходящего вправо и влево за горизонт. Перед ним простирался океан, голубые волны с солнечными блестками и с белыми мазками бурлящей пены.

Он двинулся вперед по шуршащему песку, постепенно глаза его освоились с разлитым в воздухе солнцем, и он увидел Сару.

Она сидела в пестром шезлонге под пальмами, рядом на песке стоял элегантный пастельных тонов кувшин.

Воздух был с привкусом соли, и дыхание океана разбавляло прохладой зной на берегу.

Заслышав шаги, женщина встала и протянула

руки навстречу Вебстеру. Он подбежал, стиснул протянутые руки и посмотрел на нее:

— Нисколько не состарилась. Такая же прекрасная, как в день нашей первой встречи.

Она улыбнулась, ее глаза лучились:

— И ты, Джон… Немного поседели виски. Это тебе даже к лицу. Вот и все.

Он рассмеялся:

— Мне скоро шестьдесят, Сара. Зрелость подкрадывается.

— Я тут принесла… Один из последних шедевров Бэлентри. Сразу станешь вдвое моложе.

Он крякнул:

— И как только Бэлентри не угробил половину Женевы своим зельем!

— Но этот напиток ему удался.

Она была права. Пьется легко, и вкус необычный — пьяняще-звонкий.

Вебстер придвинул к себе шезлонг и сел, не отрывая глаз от Сары.

— Красиво у тебя здесь, — сказала она. — Рендолл?

Вебстер кивнул:

— Уж он отвел душу, так разошелся, что я его еле остановил. А эти его роботы! На что он шальной, так они еще хлестче!

— Зато какие великолепные вещи делает! Оборудовал для Квентина марсианскую комнату — это что-то неземное!

— Слышал, — сказал Вебстер. — Мне он непременно хотел отделать кабинет под уголок космоса. Дескать, самая лучшая обстановка, чтобы посидеть поразмышлять. Даже обиделся, когда я сказал, что не надо.

Глядя в голубую даль, он потер левую руку большим пальцем правой. Сара наклонилась и отвела палец в сторону.

— До сих пор не избавился от бородавок, — заметила она.

— Ага, — ухмыльнулся он. — Можно свести, да все никак не соберусь. Очень я занятой человек. Да и свыкся с ними.

Она выпустила его палец, и он опять принялся машинально скрести бородавки.

— Занятой человек, — повторила она. — То-то тебя давно не видно. Как книга подвигается?

— Можно садиться и писать. Уже размечаю главы. Сегодня проверял последний пункт. Хочется ведь, чтобы все было точно. Побывал в одном месте глубоко под землей, это под старым зданием Управления Солнечной системы. Какая-то оборонительная установка. Оперативный центр.

Включаешь рубильник — и…

— И что?

— Не знаю, — ответил Вебстер. — Надо думать, что-нибудь достаточно эффективное. Не мешало бы выяснить, да не могу себя заставить. Столько копался в пыли последние двадцать лет, больше сил нет.

— Я смотрю, ты что-то приуныл, Джон. Как будто устал. С чего бы это? Не вижу причин, ты у нас такой энергичный. Налить еще?

Он покачал головой:

— Нет, Сара, спасибо. Не то настроение. Мне страшно, Сара, *страшно*.

— Страшно?

— Эта комната… Иллюзии. Зеркала, которые создают иллюзию простора. Вентиляторы, которые насыщают воздух брызгами соленой воды, насосы, которые нагоняют воду. Искусственное солнце. А не хочется солнца — щелкни рычажком, и вот тебе луна.

— Иллюзии, — произнесла Сара.

— Вот именно. Вот все, что у нас есть. Нет настоящего дела, нет настоящей работы. К чему стремиться, для чего стараться? Вот я проработал двадцать лет, а закончу книгу — кто ее прочтет? Потратить на нее немного времени — вот все, что

от них требуется. Куда там! Зайдите, попросите у меня экземпляр, а если недосуг, я и сам буду рад принести, лишь бы прочли. Никто и не подумает. И стоять ей на полке рядом со всеми прочими книгами. Так какой мне от этого толк? Что ж, я тебе отвечу. Двадцать лет труда, двадцать лет самообмана, двадцать лет умственного здоровья.

— Знаю, — мягко сказала Сара. — Все это мне известно, Джон. Последние три картины…

Он живо повернулся к ней:

— Как, неужели…

Она покачала головой:

— Нет, Джон. Они никому не нужны. Мода не та, реализм — это старо. Сейчас в чести импрессионизм. Мазня…

— Мы слишком богаты, — сказал Вебстер. — У нас слишком много всего. Мы получили все — все и ничего. Когда человечество перебралось на Юпитер, Землю унаследовали те немногие, которые на ней остались, и оказалось, что наследство для них чересчур велико. Они не могли с ним справиться, не могли осилить. Думали, что обладают им, а вышло наоборот. Над ними возобладало, их подчинило себе, их подавило все то, что им предшествовало.

Она протянула руку, коснулась его руки:

— Бедный Джон.

— От этого не отвертишься, — продолжал он. — Настанет день, когда кому-то из нас придется взглянуть правде в глаза, придется начинать с начала, с первой буквы.

— Я…

— Да, что ты хотела сказать?

— Я ведь пришла проститься.

— Проститься?

— Я выбрала Сон.

Он быстро, испуганно вскочил на ноги.

— Что ты, Сара!

Она рассмеялась, но смех был насильственный.

— Присоединяйся, Джон. Несколько сот лет… Может быть, когда проснемся, все будет иначе.

— Только потому, что никто не берет твои картины. Только потому…

— Именно потому, о чем ты сам сейчас говорил. Иллюзии, Джо. Я знала, чувствовала, просто не умела до конца осмыслить.

— Но ведь Сон — тоже иллюзия.

— Конечно. Но ты-то об этом не будешь знать. Ты будешь воспринимать его как реальность. Никаких тормозов и никаких страхов, кроме тех, которые запрограммированы. Все очень нату-

рально, Джо, натуральнее, чем в жизни. Я ходила в Храм, мне там все объяснили.

— А потом, когда проснешься?

— Проснешься вполне приспособленным к той жизни, к тем порядкам, которые будут тогда царить. Словно ты родился в той эре. А ведь она может оказаться лучше. Как знать? Вдруг окажется лучше.

— Не окажется, — сурово возразил Джон. — Пока или если никто не примет мер. А народ, который ищет спасения в Сне, уже ни на что не отважится.

Она вся сжалась, и ему вдруг стало совестно:

— Прости меня, Сара. Я ведь не о тебе… Вообще ни о ком в частности. А обо всех нас, вместе взятых.

Хрипло шептались пальмы, шурша жесткими листьями. Блестели на солнце лужицы, оставленные схлынувшей волной.

— Я не стану тебя переубеждать, — добавил Вебстер. — Ты все продумала и знаешь, чего тебе хочется.

«Люди не всегда были такими, — подумал он. — В прошлом, тысячу лет назад, человек стал бы спорить, доказывать. Но джуэйнизм положил конец мелочным раздорам. Джуэйнизм многому

положил конец».

— Мне все кажется, — мягко заговорила Сара, — если бы мы не разошлись…

Он сделал нетерпеливый жест:

— Вот тебе еще один пример того, что нами потеряно, что упущено человечеством. Да, многого мы лишились, если вдуматься… Нет у нас ни семейных уз, ни деловой жизни, нет осмысленного труда, нет будущего.

Он повернулся и посмотрел на нее в упор:

— Сара, если ты хочешь вернуться…

Она покачала головой:

— Ничего не получится, Джон. Слишком много лет прошло.

Он кивнул. Что верно, то верно.

Она встала и протянула ему руку:

— Если ты когда-нибудь предпочтешь Сон, найди мой шифр. Я скажу, чтобы оставили место рядом со мной.

— Не думаю, чтобы я захотел, — ответил он.

— Нет так нет. Всего доброго, Джон.

— Постой, Сара. Ты ничего не сказала о нашем сыне. Прежде мы с ним часто встречались, но…

Она звонко рассмеялась:

— Том почти уже взрослый, Джон. И только представь себе, он…

— Я его давно не видел, — снова начал Вебстер.

— Ничего удивительного. Он почти не бывает в городе. Видно, в тебя пошел. Хочет стать каким-то первооткрывателем, что ли, не знаю, как это называется. Это его хобби.

— Ты подразумеваешь какие-нибудь новые исследования? Что-нибудь необыкновенное?

— Это точно, необыкновенное, но не исследование. Просто он уходит в лес и живет там сам по себе. Он и несколько его друзей. Мешочек соли, лук со стрелами… Странно, что говорить, но он очень доволен. Уверяет, будто там есть чему поучиться. И вид у него здоровый. Что твой волк: сильный, поджарый, глаза такие яркие…

Она повернулась и пошла к двери.

— Я провожу, — сказал Вебстер.

Она покачала головой:

— Нет, лучше не надо.

— Ты забыла кувшин.

— Возьми его себе, Джон. Там, куда я иду, он мне не понадобится.

Вебстер надел «мыслительный шлем» из пластика и включил пишущую машинку на своем рабочем столе.

«Глава двадцать шестая», — подумал он, и тотчас машинка защелкала, застучала, появились

буквы:

«ГЛАВА XXVI»

На минуту Вебстер отключился, перебирая в уме данные и намечая план, затем продолжил изложение. Стук литер слился в ровное жужжание:

«Машины продолжали работать как прежде, под присмотром роботов производя все то, что производили прежде.

И роботы, зная, что это их право — право и долг, — продолжали трудиться, делая то, для чего их сконструировали.

Машины все работали, и роботы все работали, производя материальные ценности, словно было для кого производить, словно людей были миллионы, а не каких-нибудь пять тысяч.

И эти пять тысяч — кто сам остался, кого оставили — неожиданно оказались хозяевами мира, соразмеренного с потребностями миллионов, оказались обладателями ценностей и услуг, которые всего несколько месяцев назад предназначались для миллионных масс.

Правительства не было, да и зачем оно, если все преступления и злоупотребления, предотвращаемые правительством, теперь столь же успешно предотвращались внезапным изобилием, выпавшим на долю пяти тысяч. Кто же станет

красть, когда можно без воровства получить все, что тебе угодно. Кто станет тягаться с соседом из-за земельного участка, когда весь земной шар — сплошная незанятая делянка? Право собственности почти сразу стало пустой фразой в мире, где для всех всего было в избытке.

Насильственные преступления в человеческом обществе давно уже фактически прекратились, и, когда с исчезновением самого понятия материальных проблем право собственности перестало порождать трения, надобность в правительстве отпала. Вообще отпала надобность в целом ряде обременительных обычаев и условностей, которые человек начал вводить, едва появилась торговля. Стали ненужными деньги: ведь финансы потеряли всякий смысл в мире, где и так можно было получить все что нужно — хоть попроси, хоть сам возьми.

С исчезновением экономических уз начали ослабевать и социальные. Человек больше не считал для себя обязательным подчиняться обычаям и нормам, игравшим столь важную роль в насквозь пронизанном коммерцией доюпитерианском мире. Религия, которая из столетия в столетие теряла свои позиции, теперь совсем исчезла. Семья, которую скрепляли традиция и

экономическая потребность в кормильце и защитнике, распалась. Мужчины и женщины жили друг с другом без оглядки на экономические и социальные обстоятельства, которые перестали существовать».

Вебстер снова отключился, и машинка умиротворенно замурлыкала. Он поднял руки, снял шлем, перечитал последний абзац.

«Вот оно, — подумал, — вот корень. Если бы не распались семьи. Если бы мы с Сарой не разошлись…»

Он потер бородавки на руке.

«Интересно, чья у Тома фамилия — моя или ее? Обычно они берут фамилию матери. Вот и я так поступил сперва, но потом мать попросила меня взять отцовскую. Сказала, что отцу будет приятно, а она не против. Сказала, что он гордится своей фамилией и я у него единственный ребенок. А у нее были еще дети.

Если бы мы не разошлись… Тогда было бы ради чего жить. Если бы не разошлись, Сара не выбрала бы Сон, не лежала бы сейчас в забытьи с «шлемом грез» на голове.

Интересно, какие сны она выбрала, на какой искусственной жизни остановилась? Хотел спросить ее, но не решился. Да и не пристало

спрашивать о таких вещах...»

Он снова взял шлем, надел на голову и привел в порядок свои мысли. Машинка сразу защелкала:

«Человек растерялся. Но ненадолго. Человек пытался что-то сделать. Но недолго.

Потому что пять тысяч не могли заменить миллионы, которые отправились на Юпитер, чтобы в ином обличье начать лучшую жизнь. У оставшихся пяти тысяч не было ни сил, ни идей, ни стимула.

Сыграли свою роль и психологические факторы. Традиция — она тяжелым грузом давила на сознание тех, кто остался. Джуэйнизм — он принудил людей быть честными с собой и с другими, принудил людей осознать наконец тщетность их потуг. Джуэйнизм не признавал превратной доблести. А между тем оставшиеся пять тысяч больше всего нуждались именно в превратной, бездумной доблести, не отдающей себе отчета в том, что ей противостоит.

Все их усилия выглядели жалкими перед тем, что было совершено до них, и в конце концов они поняли, что пяти тысячам не под силу осуществить мечту миллионов.

Всем жилось хорошо. Так зачем терзаться? Есть еда, есть одежда, есть кров, есть дружеское обще-

ние, развлечения, всяческие удобства. Есть все, чего только можно себе пожелать.

И человек прекратил попытки что-то сделать. Он наслаждался жизнью. Стремление достичь чего-то ушло в небытие, вся жизнь людей превратилась в рай для пустоцветов».

Вебстер снова снял шлем, протянул руку и нажал кнопку, выключая машинку.

«Если бы нашелся хоть один желающий прочесть то, что я напишу, — думал он. — Хоть один желающий прочесть и осознать. Хоть один, способный уразуметь, куда идет человек.

Конечно, можно им рассказывать об этом. Выйти на улицу, хватать каждого за рукав и держать, пока все не выскажу. И ведь они меня поймут, на то и джуэйнизм. Поймут, но вдумываться не станут, отложат впрок где-нибудь на задворках памяти, а извлечь оттуда потом будет лень или недосуг.

Будут предаваться все тем же дурацким занятиям, развлекаться все теми же бессмысленными хобби, которые заменили им труд. Рендолл с его отрядом шалых роботов ходит и упрашивает соседей, чтобы позволили переоборудовать их дома. Бэлентри часами изобретает новые алкогольные напитки. Ну а Джон Вебстер убивает

двадцать лет, копаясь в истории единственного города Земли».

Тихо скрипнула дверь, и Вебстер обернулся. В комнату неслышно вошел робот.

— Да, в чем дело, Оскар?

Робот остановился — туманная фигура в полумраке кабинета.

— Пора обедать, сэр. Я пришел узнать…

— Что придумаешь, то и годится, — сказал Вебстер. — Да, Оскар, положи-ка дров в камин.

— Дрова уже положены, сэр.

Оскар протопал к камину, наклонился, в его руке мелькнуло пламя, и щепки загорелись.

Понурившись в кресле, Вебстер глядел, как огонь облизывает поленья, слушал, как они тихо шипят и потрескивают, как в дымоходе просыпается тяга.

— Красиво, сэр, — сказал Оскар.

— Тебе тоже нравится?

— Очень нравится.

— Генетическая память, — сухо произнес Вебстер. — Воспоминание о кузнице, в которой тебя выковали.

— Вы так думаете, сэр?

— Нет, Оскар, я пошутил. Просто мы с тобой оба анахронизмы. Теперь мало кто держит камины.

Незачем. А ведь есть в них что-то, что-то чистое, умиротворяющее.

Он поднял глаза на картину над камином, озаряемую колышущимся пламенем. Оскар проследил его взгляд.

— Как жаль, сэр, что с мисс Сарой все так вышло, — сказал он.

Вебстер покачал головой:

— Нет, Оскар, она сама так захотела. Покончить с одной жизнью и начать другую. Будет лежать там, в Храме, и спать много лет, и будет у нее другая жизнь. Причем счастливая жизнь, Оскар. Потому что она ее сама задумала.

Его мысли обратились к давно минувшим дням в этой самой комнате:

— Это она писала эту картину, Оскар. Долго работала, все старалась поточнее передать то, что ее занимало. Иной раз смеялась и говорила мне, что я тоже здесь изображен.

— Я не вижу вас, сэр, — сказал Оскар.

— Верно, меня там нет. А впрочем, может быть, и есть. Не весь, так частица. Частица моих корней. Этот дом на картине — усадьба Вебстеров в Северной Америке. А я тоже Вебстер, но как же я далек от этой усадьбы, как далек от людей, которые ее построили.

— Северная Америка не так уж далеко, сэр.

— Верно, Оскар. Недалеко, если говорить о расстоянии. В других отношениях далеко.

Он почувствовал, как тепло камина, наполняя кабинет, коснулось его.

…Далеко. Слишком далеко — и не в той стороне.

Утопая ступнями в ковре, робот тихо вышел из комнаты.

«Она долго работала, все старалась поточнее передать то, что ее занимало».

А что ее занимало? Он никогда не спрашивал, и она ему никогда не говорила. Помнится, ему всегда казалось, что, вероятно, речь идет о дыме — как ветер гонит его по небу; об усадьбе — как она приникла к земле, сливаясь с деревьями и травой, укрываясь от надвигающегося ненастья.

Но, может быть, что-нибудь другое? Какая-нибудь символика, какие-нибудь черты, роднящие дом с людьми, которые его строили.

Он встал, подошел ближе и остановился перед камином, запрокинув голову. Теперь он различал мазки, и картина смотрелась не так, как на расстоянии. Видно технику, основные мазки и оттенки — приемы, которыми кисть создает иллюзию.

Надежность. Она выражена в самом облике крепкого, добротного строения. Стойкость. Она в том, что здание словно вросло в землю. Суровость, упорство, некоторая сумрачность…

Целыми днями она просиживала, настроив видеофон на усадьбу, прилежно делала эскизы, писала не спеша, часто сидела и просто смотрела, не прикасаясь к кистям. Видела собак, по ее словам, видела роботов, но их она не изобразила, ей нужен был только дом. Одно из немногих сохранившихся поместий. Другие, веками оставшиеся в небрежении, разрушились, вернули землю природе.

Но в этой усадьбе были собаки и роботы. Один большой робот, по ее словам, и множество маленьких.

Вебстер тогда не придал этому значения — был слишком занят.

Он повернулся, прошел обратно к столу.

Странно, если вдуматься. Роботы и собаки живут вместе. Один из Вебстеров когда-то занимался собаками, мечтал помочь им создать свою культуру, мечтал о двойной цивилизации — человека и пса.

В мозгу мелькали обрывки воспоминаний. Смутные обрывки сохранившихся в веках пре-

даний об усадьбе Вебстеров. Что-то о роботе по имени Дженкинс, который с первых дней служил семье Вебстеров. Что-то о старике, который сидел на лужайке перед домом в своей качалке, глядя на звезды и ожидая исчезнувшего сына. Что-то о довлеющем над домом проклятии, которое выразилось в том, что мир не получил учения Джуэйна.

Видеофон стоял в углу комнаты, словно забытый предмет обстановки, которым почти не пользуются. Да и зачем им пользоваться — весь мир сосредоточился здесь, в Женеве.

Вебстер встал, сделал несколько шагов, потом остановился. Номера-то в каталоге, а где каталог? Скорее всего, в одном из ящиков стола.

Он вернулся к столу, начал рыться в ящиках. Охваченный возбуждением, он рылся нетерпеливо, словно терьер, ищущий кость.

Дженкинс, робот-патриарх, потер металлический подбородок пальцами. Он всегда так делал, когда задумывался, — бессмысленный жест, нелепая привычка, заимствованная у людей, с которыми он так долго общался.

Его взгляд снова обратился на черного песика, сидящего на полу рядом с ним.

— Так ты говоришь, волк вел себя дружелюб-

но? — спросил Дженкинс. — Предложил тебе кролика?

Эбинизер взволнованно заерзал.

— Это один из тех, которых мы кормили зимой. Из той стаи, которая приходила к дому и мы пытались ее приручить.

— Ты смог бы его узнать?

Эбинизер кивнул:

— Я запомнил его запах. Я узнаю.

Сыщик переступил с ноги на ногу:

— Послушай, Дженкинс, задай ты ему взбучку! Ему положено было слушать тут, а он убежал в лес. Что это он вдруг вздумал гоняться за кроликами…

— Это ты заслужил взбучку, Сыщик, — строго перебил его Дженкинс. — За такие слова. Тебя придали Эбинизеру, ты его часть. Не воображай себя индивидом, ты всего-навсего руки Эбинизера. Будь у него свои руки, он обошелся бы без тебя. Ты ему не наставник и не совесть. Только руки, запомни.

Сыщик возмущенно зашаркал ногами.

— Я убегу, — сказал он.

— К диким роботам, надо думать.

Сыщик кивнул:

— Они меня с радостью примут. У них такие

дела затеяны… Я им пригожусь.

— Пригодишься как металлолом, — язвительно произнес Дженкинс. — Ты же ничему не обучен, ничего не знаешь, где тебе с ними равняться.

Он повернулся к Эбинизеру:

— Подберем тебе другого.

Эбинизер покачал головой:

— По мне и Сыщик хорош. Я с ним как-нибудь полажу. Мы друг друга знаем. Он не дает мне лениться, заставляет все время быть начеку.

— Вот и прекрасно, — заключил Дженкинс. — Тогда ступайте. И если тебе, Эбинизер, случится опять погнаться за кроликом и ты снова встретишь этого волка, попробуй с ним подружиться.

Сквозь окна в старинную комнату струились лучи заходящего солнца, они несли с собой тепло весеннего вечера.

Дженкинс спокойно сидел в кресле, слушая звуки снаружи. Там звякали коровьи колокольчики, тявкали щенки, гулко стучал колун.

«Бедняжка, — думал он, — улизнул и погнался за кроликом, вместо того чтобы слушать. Слишком много, слишком быстро… Это надо учитывать. А то как бы не надорвались. Осенью устроим передышку на неделю-другую, поохотимся на енотов. Это пойдет им только на пользу.

А там, глядишь, настанет день, когда и вовсе прекратится охота на енотов, гонка за кроликами. День, когда псы уже всех приручат, когда все дикие твари научатся мыслить, говорить, трудиться. Дерзкая мечта, и сбудется она не скоро, а впрочем, не более дерзкая, чем иные человеческие мечты.

Может быть, их мечта даже лучше, ведь в ней нет и намека на взращенную людьми черствость, нет тяги к машинному бездушию, творцом которого был человек.

Новая цивилизация, новая культура, новое мышление. Возможно, с оттенком мистики и фантазерства — но разве человек не фантазировал? Мышление, стремящееся проникнуть в тайны, на которые человек не желал тратить время, считая их чистейшим суеверием, лишенным какой-либо научной основы.

Что стучит по ночам?.. Что бродит около дома, заставляя псов просыпаться и рычать, — и никаких следов на снегу? Отчего псы воют к покойнику?..

Псы знают ответ. Они знали его задолго до того, как получили речь, чтобы говорить, и контактные линзы, чтобы читать. Они не зашли в своем развитии так далеко, как люди, — не успели

стать циничными скептиками. Они верили в то, что слышали, в то, что чуяли. Они не избрали суеверие как форму самообмана, как средство отгородиться от незримого».

Дженкинс снова повернулся к столу, взял ручку, наклонился над лежащим перед ним блокнотом. Перо скрипело под нажимом его руки.

«Эбинизер наблюдал дружелюбие у волка. Рекомендовать Совету, чтобы Эбинизера освободили от слушания и поручили ему наладить контакт с волком».

«С волками полезно подружиться. Из них выйдут отменные разведчики. Лучше, чем собаки. Более выносливые, быстрые, ловкие. Можно поручить им вместо псов слежку за дикими роботами за рекой, поручить наблюдение за замками мутантов».

Дженкинс покачал головой.

«Теперь никому нельзя доверять. Те же роботы… Вроде бы ничего плохого не делают. Держатся дружелюбно, заходят в гости и в помощи не отказывают. Соседи как соседи, ничего не скажешь. Да разве наперед угадаешь… И ведь они машины изготавливают.

Мутанты никому не докучают, они вообще почти не показываются. Но и за ними лучше при-

сматривать. Кто знает, какая у них чертовщина на уме. Как они с человеком поступили, какой подлый трюк выкинули: подсунули джуэйнизм в такое время, когда он погубил род людской.

Люди… Они были для нас богами, а теперь ушли, бросили нас на произвол судьбы. Конечно, в Женеве еще есть сколько-то людей, но разве можно их беспокоить, им до нас дела нет».

Сидя в сумерках, он вспоминал, как приносил виски, как выполнял разные поручения, вспоминал дни, когда в этих стенах жили и умирали Вебстеры.

Теперь он выполняет роль духовного отца для псов. Славный народец, умные, смышленые. И стараются вовсю.

Негромкий звонок заставил Дженкинса подскочить в кресле. Снова звонок, одновременно на пульте видеофона замигала зеленая лампочка. Дженкинс встал и оцепенел, не веря своим глазам.

Кто-то звонит! Кто-то звонит после почти тысячелетнего молчания!

Пошатываясь, он добрел до видеофона, опустился в кресло, дотянулся дрожащими пальцами до тумблера и нажал его.

Стена перед ним растаяла, и он оказался лицом

к лицу с человеком, сидящим за письменным столом. За спиной человека пылающий камин озарял комнату с цветными стеклами в стрельчатых окнах.

— Вы Дженкинс, — сказал человек, и в его лице было нечто такое, отчего у Дженкинса вырвался крик:

— Вы!.. Вы!..

— Я Джон Вебстер, — представился человек.

Дженкинс уперся ладонями в верхнюю кромку видеофона и замер, испуганный непривычными для робота эмоциями, которые бурлили в его металлической душе.

— Я вас где угодно узнал бы, — произнес он. — Та же внешность. Любого из вас узнал бы. Я вам столько прислуживал! Виски приносил и… и…

— Как же, как же, — сказал Вебстер. — Ваше имя передавалось от старших к младшим. Мы вас помнили.

— Вы ведь сейчас в Женеве, Джон? — Дженкинс спохватился: — Я хотел сказать — сэр…

— Зачем так торжественно? Джон, и все. Да, я в Женеве. Но мне хотелось бы с вами встретиться. Вы не против?

— Вы хотите сказать, что собираетесь приехать?

Вебстер кивнул.

— Но усадьба кишит псами, сэр.

Вебстер усмехнулся:

— Говорящими псами?

— Ну да, — подтвердил Дженкинс, — и они будут рады вас видеть. Они ведь все знают про ваш род. По вечерам на сон грядущий слушают рассказы про былые времена и… и…

— Ну, что еще, Дженкинс?

— Я тоже буду рад увидеть вас, а то все один да один!

Бог прибыл.

От одной мысли об этом притаившегося во мраке Эбинизера бросало в дрожь.

«Если бы Дженкинс знал, что я здесь, — думал он, — шкуру с меня содрал бы. Дженкинс велел, чтобы мы хоть на время оставили гостя в покое».

Перебирая мягкими лапами, Эбинизер дополз до двери кабинета и понюхал. Дверь была открыта — чуть-чуть!..

Он прислушался, вжимаясь в пол, — ни звука. Только запах, незнакомый резкий запах, от которого по всему телу пробежала волна блаженства и шерсть на спине поднялась дыбом.

Он быстро оглянулся — никого. Дженкинс в столовой, наставляет псов, как им надлежит себя

вести, а Сыщик ходит где-то по делам роботов.

Осторожно, тихонько Эбинизер подтолкнул носом дверь. Щель стала шире. Еще толчок, и дверь отворилась наполовину.

Человек сидел в мягком кресле перед камином, скрестив свои длинные ноги, сплетя пальцы на животе.

Эбинизер еще плотнее вжался в пол, из его глотки невольно вырвался слабый визг.

Джон Вебстер сел прямо.

— Кто там? — спросил он.

Эбинизер оцепенел, только сердце отчаянно колотилось.

— Кто там? — снова спросил Вебстер, заметил пса и произнес уже гораздо мягче: — Входи, дружище. Давай входи.

Эбинизер не двигался.

Вебстер щелкнул пальцами:

— Я тебя не обижу. Входи же. А где все остальные?

Эбинизер попытался встать, попытался ползти, но кости его обратились в каучук, кровь — в воду. А человек уже шагал через кабинет прямо к нему.

Эбинизер увидел, как человек нагибается над ним, ощутил прикосновение сильных рук, потом

вознесся в воздух. И запах, который он уловил из-за двери — одуряющий запах бога, — распирал его ноздри.

Руки прижали его к незнакомой материи, которая заменяла человеку мех, затем послышался ласковый голос. Эбинизер не разобрал сразу слов, только почувствовал: все в порядке.

— Пришел познакомиться, — говорил Джон Вебстер. — Улизнул, чтобы познакомиться со мной.

Эбинизер робко кивнул:

— Ты не сердишься?.. Не скажешь Дженкинсу?

Вебстер покачал головой;

— Нет, не скажу Дженкинсу.

Он сел, и Эбинизер устроился у него на коленях, глядя на его лицо, волевое, изборожденное складками, которые казались еще глубже в неровном свете каминного пламени.

Рука Вебстера поднялась и стала гладить голову Эбинизера, и Эбинизер заскулил от восторга, переполнявшего его псиную душу.

— Все равно что вернуться на родину, — говорил Вебстер, обращаясь к кому-то другому. — Как будто ты надолго куда-то уезжал и наконец вернулся домой. Так долго дома не был, что ничего не узнаешь. Ни обстановку, ни расположение

комнат. Но чувство родного дома владеет тобой, и ты рад, что вернулся.

— Мне здесь нравится, — сказал Эбинизер, подразумевая колени Вебстера, но человек понял его по-своему.

— Еще бы, — отозвался он. — Для тебя это такой же родной дом, как для меня. Даже больше, ведь вы оставались здесь и следили за домом, а я о нем позабыл.

Он гладил голову Эбинизера, теребил его уши.

— Как тебя звать? — спросил он.

— Эбинизер.

— И чем же ты занимаешься, Эбинизер?

— Я слушаю.

— Слушаешь?

— Ну да, это моя работа. Ловить слухом гоблинов.

— И ты их в самом деле слышишь?

— Иногда. Я не очень хороший слухач. Начинаю думать про кроликов и отвлекаюсь.

— Какие же звуки издают гоблины?

— Когда какие. Когда ходят, когда просто тюкают. Иногда говорят. Только они чаще думают.

— Постой, Эбинизер, а где же находятся эти гоблины?

— А нигде, — ответил Эбинизер. — Во всяком

случае, не на нашей Земле.

— Не понимаю.

— Это как большой дом. Большой дом, в котором много комнат. Между комнатами двери. Из одной комнаты тебе слышно, есть ли кто в других комнатах, но попасть к ним ты не можешь.

— Почему же не можешь? — возразил Вебстер. — Открыл дверь и вошел.

— Но ты не можешь открыть дверь. Ты даже не знаешь про нее. Тебе кажется, что твоя комната одна во всем доме. И даже если бы ты знал про дверь, все равно не смог бы ее открыть.

— Ты говоришь про разные измерения.

Эбинизер озабоченно наморщил лоб.

— Я не знаю такого слова — «измерение». Я объяснил тебе так, как Дженкинс нам объяснял. Он говорил, что на самом деле никакого дома нет, и комнат на самом деле нет, и те, кого мы слышим, наверно, совсем не такие, как мы.

Вебстер кивнул своим мыслям. Вот так и надо действовать. Не торопясь. Не обескураживать их трудными словами. Пусть сперва схватят суть, потом можно вводить более точную, научную терминологию. И скорее всего, она окажется искусственной. Ведь уже есть название. Гоблины — то, что за стеной, то, что слышишь, а опреде-

лить не можешь, жители соседней комнаты.

«Гоблины.

Берегись, не то гоблин тебя заберет».

Такой подход у человека. Он чего-то не может понять. Не может увидеть. Не может пощупать. Не может проверить — значит, этого нет. Не существует. Значит, это призрак, вурдалак, гоблин.

«Тебя гоблин заберет…»

Так проще, удобнее. Страшно? Да, но при свете дня можно про них забыть. И ведь они тебя не преследуют, не донимают. Если очень постараться, можно внушить себе, что их нет. Назови их призраками, гоблинами, и можно даже посмеяться над ними. При свете дня.

Горячий шершавый язык лизнул подбородок Вебстера, и Эбинизер заерзал от восторга.

— Ты мне нравишься, — сказал он. — Дженкинс никогда меня так не держал. Никто так не держал.

— У Дженкинса много дел, — ответил Вебстер.

— Конечно, — подтвердил Эбинизер. — Он сидит и все записывает в книгу. Что мы, псы, услышали и что нам нужно сделать.

— Ты что-нибудь знаешь про Вебстеров? — спросил человек.

— Конечно. Мы про них все знаем. Ты тоже

Вебстер. Мы думали, их уже не осталось.

— Остались. И один все время здесь был. Дженкинс тоже Вебстер.

— Он нам никогда об этом не говорил.

— Еще бы.

Дрова прогорели, и в комнате стало совсем темно. Язычки пламени, фыркая, озаряли стены и пол слабыми сполохами.

И было что-то еще. Тихий шорох, тихий шепот, вобравший в себя нескончаемые воспоминания и долгий ток жизни — две тысячи лет. Дом, который строился на века — и простоял века, который должен был стать родным очагом — и до сих пор остается родным. Надежный приют, который обнимает тебя теплыми руками и ревниво прижимает к сердцу.

В мозгу отдались шаги — шаги из далекого прошлого, шаги, отзвучавшие навсегда много столетий назад. Поступь Вебстеров. Тех, которые ему предшествовали, тех, которым Дженкинс прислуживал со дня их рождения до смертного часа.

История. Его окружала история. Она шелестела гардинами, стлалась по половицам, хоронилась в углах, глядела со стен. Живая история, которую чувствуешь нутром, воспринимаешь

кожей, — пристальный взгляд давно угасших глаз, вернувшихся из ночи.

«Что, еще один Вебстер? Дрянцо. Пустышка. Выдохлась порода. Разве мы такими были? Последыш».

Джон Вебстер поежился.

— Нет, не последыш, — возразил он. — У меня есть сын.

«Ну и что из того? Сын, говорит. А много ли он стоит, этот сын…»

Вебстер вскочил с кресла, уронив Эбинизера на пол.

— Неправда! — закричал он. — Мой сын…

И снова опустился в кресло.

Его сын в лесу — играет луком и стрелами, забавляется.

«Хобби», — сказала Сара, прежде чем подняться в Храм, чтобы сто лет смотреть сны.

Хобби. А не деятельность. Не профессия. Не насущная необходимость.

Развлечение. Не настоящее занятие. Ни то ни се. В любую минуту брось — никто даже и не заметит.

Вроде изобретения разных напитков.

Вроде писания никому не нужных картин.

Вроде переделки комнат с помощью отряда

шальных роботов.

Вроде составления истории, которая никого не интересует.

Вроде игры в индейцев, или пионеров, или дикарей с луком и стрелами.

Вроде сочинения длящихся веками снов для людей, которые пресытились жизнью и жаждут вымысла.

Человек сидел в кресле, уставившись в простертую перед ним пустоту — ужасающую, жуткую пустоту, поглотившую и завтра, и все дни.

Он рассеянно переплел пальцы, и большой палец правой руки потер левую.

Эбинизер подобрался к человеку через озаряемый тусклыми сполохами мрак, оперся передними лапами о его колени и заглянул в лицо.

— Повредил руку? — спросил он.

— Что?

— Повредил руку? Ты ее трешь.

Вебстер усмехнулся:

— Да нет, просто бородавки. — Он показал их псу.

— Надо же, бородавки! — сказал Эбинизер. — Разве они тебе нужны?

— Нет. — Вебстер помялся. — Пожалуй, не нужны. Все никак не соберусь пойти, чтобы мне их

свели.

Эбинизер опустил морду и поводил носом по руке Вебстера.

— Вот так, — торжествующе произнес он.

— Что — вот так?

— Погляди на бородавки.

Вспыхнула обвалившаяся головешка. Вебстер поднял руку к глазам и присмотрелся.

Нет бородавок. Гладкая, чистая кожа.

Дженкинс стоял во мраке, слушая тишину — податливую сонную тишину, которая уступала дом теням, полузабытым шагам, давно произнесенным фразам, бормотанию стен и шелесту гардин.

Стоило пожелать — и ночь превратилась бы в день, линзы переключить очень просто, но старик робот не стал изменять зрение. Ему нравилось размышлять в темноте, он дорожил этими часами, когда спадала пелена настоящего и возвращалось, оживая, прошлое.

Остальные спали, но Дженкинс не спал. Ведь роботы никогда не спят. Две тысячи лет бдения, двадцать веков непрерывной деятельности, и сознание не отключалось ни на миг.

«Большой срок, — думал Дженкинс. — Большой даже для робота. Ведь еще до того, как люди пе-

ребрались на Юпитер, почти всех старых роботов деактивировали, умертвили, отдали предпочтение новым моделям. Новые модели больше походили на человека, мягче двигались, лучше говорили, быстрее соображали своим металлическим мозгом…»

Но Дженкинс остался, потому что он был старым верным слугой, потому что без него усадьба Вебстеров не была бы родным очагом.

— Они меня любили, — сказал себе Дженкинс.

В этих трех словах он черпал утешение в мире, скупом на утешение, в мире, где слуга стал предводителем и остро желал снова стать слугой.

Стоя у окна, он смотрел через двор на спускающиеся вниз по склону черные глыбы дубов. Сплошной мрак. Ни одного огонька. А ведь когда-то были огни. В заречном краю приветливо лучились окна.

Но человек исчез, и огни пропали. Роботам огни не нужны, они видят в темноте, как и Дженкинс может видеть, если захочет. А замки мутантов что днем, что ночью одинаково сумрачные, одинаково зловещие.

Теперь человек появился опять — один человек. Появился, да только вряд ли останется. Переночует несколько дней в господской спальне на

втором этаже, потом вернется в Женеву. Обойдет старое, забытое поместье, поглядит на заречные дали, полистает книги на полках в кабинете — и в путь.

Дженкинс повернулся.

«Проверить, как он там, — подумал он. — Спросить, не нужно ли чего-нибудь. Может, виски принести? Боюсь только, что виски теперь никуда не годится. Тысяча лет — большой срок даже для бутылки доброго виски».

Идя через комнату, он ощутил благодатный покой, глубокую умиротворенность, какой не испытывал с тех давних пор, когда, счастливый, как терьер носился по дому, выполняя всевозможные поручения.

Подходя к лестнице, он напевал про себя что-то ласковое.

Он только заглянет и, если Джон Вебстер уснул, уйдет, а если не уснул, спросит: «Вам удобно, сэр? Может быть, чего-нибудь пожелаете? Может, горячего пунша?»

Он шагал через две ступеньки. Ведь он снова прислуживал Вебстеру.

Джон Вебстер полусидел в постели, обложившись подушками. Кровать была жесткая и неудобная, комната — тесная и душная, не то

что его спальня в Женеве, где лежишь на травке у журчащего ручья и глядишь на мерцание искусственных звезд в искусственном небе. И вдыхаешь искусственный запах искусственной сирени, цветы которой долговечнее человека. Ни тебе бормотания незримого водопада, ни мигающих в заточении светлячков. А тут… Просто-напросто кровать и спальня.

Вебстер вытянул руки поверх одеяла и согнул пальцы, размышляя.

Эбинизер только коснулся бородавок — и бородавки пропали. И это не было случайностью, он все проделал намеренно. Это было не чудо, а сознательный акт. Чудеса не всегда удаются, а Эбинизер был уверен в успехе.

Быть может, тут способность, добытая в соседней комнате, похищенная у гоблинов, которых слушает Эбинизер.

Способность исцелять без лекарств, без хирургии, нужно только некое знание, особое знание.

Были же в древние непросвещенные века люди, уверявшие, будто могут сводить бородавки. Они «покупали» их за монетку, «выменивали» за какую-нибудь вещь, заговаривали — и случалось, бородавки постепенно сами пропадали.

Может быть, эти необычные люди тоже слуша-

ли гоблинов?

Чуть слышно скрипнула дверь, и Вебстер сел прямо.

Из темноты прозвучал голос:

— Вам удобно, сэр? Может быть, чего-нибудь пожелаете?

— Дженкинс?

— Он самый, сэр.

Темный силуэт крадучись вошел в спальню.

— Пожелаю, — сказал Вебстер. — Мне хочется поговорить с тобой.

Он пристально посмотрел на металлическое существо, стоящее возле кровати.

— Насчет собак, — добавил он.

— Они стараются изо всех сил, — сказал Дженкинс. — Нелегко им приходится. Ведь у них никого нет. Ни души.

— У них есть ты.

Дженкинс покачал головой:

— Но ведь этого мало. Я же только… ну, только наставник, и все. А им люди нужны. Потребность в людях у них в крови. Тысячи лет человек и пес были рядом. Человек и пес вместе охотятся. Человек и пес вместе пасут стада. Человек и пес вместе сражаются с врагами. Пес караулит, пока человек спит, человек отдает псу последний кусок. Сам

голодный, а пса накормит.

Вебстер кивнул:

— Что ж, пожалуй, ты и прав.

— Они каждый вечер перед сном говорят о людях, — продолжал Дженкинс. — Садятся в кружок, и кто-нибудь из стариков рассказывает какое-нибудь старинное предание, а все остальные сидят и дивятся, сидят и мечтают.

— Но какая у них цель? Чего они хотят добиться? Как представляют себе будущее?

— Какие-то черты намечаются, — ответил Дженкинс. — Смутно, правда, но все-таки видно. Понимаете, они ведь медиумы. От роду медиумы. Никакого расположения к механике. Вполне естественно, у них же нет рук. Где человека выручал металл, псов выручают призраки.

— Призраки?

— То, что вы, люди, называете призраками. На самом деле это не призраки. Я в этом убежден. Это жители соседней комнаты. Какая-то иная форма жизни на другом уровне.

— Ты допускаешь, что на Земле одновременно существует жизнь на разных уровнях?

Дженкинс кивнул:

— Я начинаю в это верить, сэр. У меня целый блокнот исписан тем, что видели и слышали

псы, и вот теперь многолетние наблюдения складываются в какой-то узор. — Он поспешно добавил: — Возможно, я ошибаюсь, сэр. Ведь у меня нет никакого опыта. В старые времена я был всего лишь слугой, сэр. После… после Юпитера я попытался что-то наладить, но это было не так-то просто. Один робот помог мне смастерить нескольких маленьких роботов для псов, а теперь маленькие сами мастерят себе подобных, когда нужно.

— Но ведь псы только сидят и слушают.

— Что вы, сэр! Они много чего еще делают. Стараются подружиться с животными, следят за дикими роботами и мутантами…

— А много их, этих диких роботов?

Дженкинс кивнул:

— Много, сэр. По всему свету разбросаны в небольших лагерях. Это те, которых бросили хозяева, сэр. Которые больше не нужны были человеку, когда он отправился на Юпитер. Объединились в группы и работают…

— Работают? Над чем же?

— Не знаю, сэр. Чаще всего машины изготовляют. Помешались на механике. Хотел бы я знать, что они будут делать со всеми этими машинами. Для чего они им нужны.

— Да, хотелось бы знать, — сказал Вебстер.

Устремив взгляд в темноту, он дивился — дивился, до какой же степени люди, запершись в Женеве, потеряли всякую связь с остальным миром. Ничего не знают о том, чем заняты псы, не знают о лагерях деловитых роботов, о замках страшных и ненавистных мутантов.

«Мы потеряли связь, — говорил он себе. — Мы отгородились от внешнего мира. Устроили закуток и забились в него — в последний город на свете. И ничего не знали о том, что происходит за пределами города. Могли знать, должны были знать, но нас это не занимало.

Пора бы и нам что-то предпринять.

Мы растерялись, мы были подавлены, но первое время еще пытались что-то сделать, а потом окончательно пали духом.

Те немногие, которые остались, впервые осознали величие рода человеческого, впервые рассмотрели грандиозный механизм, созданный рукой человека. И они пытались держать его в исправности — и не смогли. И они искали рационалистические объяснения — человек почти всегда ищет рационалистические объяснения. Внушает себе, что на самом деле никаких призраков нет, называет то, что стучит в ночи, первым

пришедшим в голову обтекаемым словом.

Мы не смогли держать механизм в исправности и занялись рационалистическими объяснениями, хоронились за словесным занавесом, и джуэйнизм помогал нам в этом. Мы подошли вплотную к культу предков. Мы принялись возвеличивать род людской. Не могли продолжать деяния человека, тогда мы попытались его возвеличить, попытались поднять на пьедестал тех, кому задача была по плечу. Мы ведь все хорошее стремимся возвеличить, вознести на пьедестал посмертно.

Мы превратились в племя историков, копались грязными пальцами в руинах рода человеческого и прижимали каждый случайный фактик к груди словно бесценное сокровище. Это была первая стадия, хобби, которое поддерживало нас, пока мы не осознали, что мы есть на самом деле: муть на дне опрокинутой чаши человечества.

Но мы пережили это. Разумеется, пережили. Достаточно было смениться одному поколению. Человек легко приспосабливается, он все что угодно переживет. Ну не сумели построить звездные корабли; ну не долетели до звезд; ну не разгадали тайну жизни — ну и что?

Мы оказались наследниками, все досталось

нам, мы были обеспечены лучше, чем кто-либо до нас и после нас. И мы опять предались рационалистическим объяснениям, а величие рода выбросили из головы: хоть и лестная штука, но, с другой стороны, несколько обременительная, даже унизительная».

— Дженкинс, — трезво сказал Вебстер, — мы разбазарили целых десять столетий.

— Не разбазарили, сэр, — возразил Дженкинс. — Просто передохнули, что ли. А теперь, может быть, опять займете свое место… Вернетесь к нам.

— Мы вам нужны?

— Вы нужны псам, — сказал Дженкинс. — И роботам тоже. Ведь и те и другие всегда были только слугами человека. Без вас они пропадут. Псы строят свою цивилизацию, но дело продвигается медленно.

— Быть может, их цивилизация окажется лучше нашей, — заметил Вебстер. — Может, больше преуспеет. Наша ведь не преуспела, Дженкинс.

— Возможно, она будет подобрее, — согласился Дженкинс, — зато не особенно предприимчивая. Цивилизация, основанная на братстве животных, на сверхчувственном восприятии, может быть, в конечном счете и дойдет до общения и обмена с

сопряженными мирами. Цивилизация большой и чуткой души, но не очень конструктивная. Никаких конкретных задач и лишь самая необходимая техника. Просто поиски истины, притом в направлении, которым человек совершенно пренебрег.

— И ты считаешь, что человек тут мог бы помочь?

— Человек мог бы направлять.

— Направлять так, как надо?

— Мне трудно ответить.

Лежа в темноте, Вебстер вытер об одеяло вспотевшие ладони.

— Ты мне правду скажи, — угрюмо произнес он. — Вот ты говоришь, что человек мог бы направлять. А если он снова начнет верховодить? Отвергнет как непрактичное то, чем занимаются псы. Выловит всех роботов и направит их технические способности по старому, заезженному руслу. Ведь и псы и роботы подчинятся человеку.

— Конечно, — согласился Дженкинс. — Однажды они ведь уже были слугами. Но человек мудр, человек лучше знает.

— Спасибо, Дженкинс, — сказал Вебстер. — Большое спасибо.

И, устремив глаза в темноту, он прочел там

правду.

Его следы по-прежнему были запечатлены на полу, и воздух был пряный от запаха пыли. Радиевая лампочка рдела над пультом, и рубильник, шкалы и маховичок ждали — ждали того дня, когда они понадобятся.

Стоя на пороге, Вебстер вдыхал смягчающий пыльную горечь запах влажных стен.

«Оборона, — думал он, глядя на рубильник. — Оборона — мера против вторжения, средство защитить то или иное место от всех действительных и воображаемых видов оружия, которые может пустить в ход предполагаемый враг».

Но защита, не пропускающая врага внутрь, очевидно, не пропустит обороняющегося наружу. Конечно, поручиться нельзя, но все-таки…

Он пересек помещение, и остановился перед рубильником, и протянул руку, и сжал рукоятку, стронул ее с места и понял, что механизм действует.

Тут рука его быстро метнулась вперед, и контакт замкнулся. Откуда-то снизу, глубоко-глубоко, донеслось глухое жужжание — заработали какие-то машины. На шкалах стрелки вздрогнули и оторвались от штифта.

Пальцы Вебстера нерешительно коснулись

маховичка, повернули его, и стрелки, вздрогнув опять, поползли дальше. Вебстер решительно, быстро продолжал крутить маховичок, и стрелки ударились в противоположный штифт.

Вебстер круто повернулся, вышел из подземелья, закрыл за собой дверь, зашагал вверх по крошащимся ступенькам.

«Только бы он работал, — думал он. — Только бы работал».

Ноги быстрее пошли по ступеням, в висках стучала кровь.

«Только бы он работал!»

Когда включился рубильник, глубоко-глубоко внизу сразу же загудели машины… Значит, оборонительный механизм — во всяком случае, часть его — еще работает.

Но даже если так, сделает ли он то, что надо? Что, если защита не пропускает врагов внутрь, а человека наружу пропустит?

Что, если…

Выйдя на улицу, он увидел, что небо изменилось. Свинцово-серая пелена скрыла солнце, и город погрузился в потемки, лишь наполовину разбавленные светом автоматических уличных фонарей. Слабый ветерок погладил щеку Вебстера.

Серый сморщенный пепел сожженных заметок и плана, который он нашел, по-прежнему лежал в очаге, и Вебстер, быстро подойдя к камину, схватил кочергу и яростно мешал ею пепел до тех пор, пока не уничтожил все следы.

«Все, — сказал он себе. — Последний ключ уничтожен. Без плана, не зная про город того, что выведал я за двадцать лет, никто и никогда не найдет тайник с рубильником, и маховичком, и шкалами под одинокой лампочкой.

Никто не поймет толком, что произошло. Даже если станут догадываться, все равно удостовериться не смогут. Даже если удостоверятся, все равно ничего не смогут изменить.

Тысячу лет назад было бы иначе. В те времена человек, только дай зацепку, решил бы любую задачу.

Но человек изменился. Нет прежних знаний, нет прежней сноровки. Ум стал дряблым. Человек живет лишь сегодняшним днем, без каких-либо лучезарных целей. Зато остались старые пороки — пороки, которые он полагал достоинствами, считая, что они поставили его на ноги. Осталась незыблемая уверенность, что только его жизнь, только его племя чего-то стоит, — самодовольный эгоизм, сделавший человека властелином

мироздания».

С улицы донесся звук бегущих ног, и Вебстер, отвернувшись от камина, посмотрел на темные стрельчатые окна.

«Зашевелились… Забегали. Волнуются. Ломают голову, что произошло. Сотни лет их не тянуло за город, а теперь, когда путь закрыт, с пеной у рта рвутся».

Улыбка растянула его губы.

«Глядишь, до того взбодрятся, что придумают какой-нибудь выход. Крысы в крысоловке способны на самые неожиданные хитрости, если только раньше не сойдут с ума.

И если люди выберутся на волю — что ж, значит, у них есть на это право. Если выберутся на волю, значит, заслужили право снова верховодить».

Он пересек комнату, в дверях на минуту остановился, глядя на картину над очагом. Неловко поднял руку и отдал честь — мученический прощальный жест… Потом вышел из дома и зашагал по улице вверх — туда же, куда всего несколько дней назад ушла Сара.

Храмовые роботы держались учтиво и приветливо, ступали мягко и величественно. Они проводили его туда, где лежала Сара, и показали

соседний отсек, который она попросила оставить для него.

— Может быть, вам угодно выбрать себе сон? — сказал старший. — Мы можем показать различные образцы. Можем составить смесь по вашему вкусу. Можем…

— Благодарю, — ответил Вебстер. — Я не хочу снов.

Робот кивнул:

— Понятно, сэр. Вы хотите просто переждать, провести время.

— Да, — подтвердил Вебстер. — Пожалуй, что так.

— И сколько же?

— Сколько?..

— Ну да. Сколько вы хотите ждать?

— А, понятно… Предположим, бесконечно.

— Бесконечно?!

— Вот именно, бесконечно, — подтвердил Вебстер. — Я мог бы сказать — вечно, но какая, в сущности, разница. Нет смысла финтить из-за двух слов, которые означают примерно одно и то же.

— Так точно, сэр, — сказал робот.

Нет смысла финтить. Разумеется, нет. Он не может рисковать. Скажешь — тысячу лет, а когда

они пройдут, вдруг передумаешь, спустишься в тайник и выключишь рубильник.

А этого случиться не должно. Пусть псы используют возможность. Пусть без помех попробуют добиться успеха там, где род людской потерпел крушение. Пока сохраняется человеческий фактор, у них такой возможности не будет. Потому что человек непременно захочет верховодить, непременно влезет и все испортит, высмеет гоблинов, которые разговаривают за стеной, выступит против приручения и цивилизации диких тварей.

Новая модель… Новый образ жизни и мыслей… Новый подход к извечной проблеме общества… Нельзя допустить, чтобы все это было искажено чуждым духом человеческого мышления.

Вечерами, закончив свои дела, псы будут сидеть и говорить о человеке. Мешая быль и небылицы, будут рассказывать древние предания, и человек превратится в бога.

Лучше уж так. Ведь боги непогрешимы.

Комментарий к седьмому преданию

Несколько лет назад были обнаружены фрагменты древнего литературного произведения. Судя по всему, сочинение было объемистое, и, хотя до нас дошла только малая часть, содержание позволяет предположить, что это был сборник басен, повествующих о различных членах братства животных. Басни архаичны, содержащиеся в них мысли и стиль изложения сегодня звучат для нас странно. Ряд исследователей, изучавших эти фрагменты, согласны с Резоном в том, что они, скорее всего, сочинены не Псами.

Заглавие упомянутых фрагментов — «Эзоп». Следующее, седьмое, предание тоже озаглавлено «Эзоп» — это исконное заглавие, дошедшее до нас из седой древности вместе с самим преданием.

«Что это значит?» — спрашивают себя исследователи. Резон, естественно, видит здесь еще один довод в пользу своей гипотезы, что авторство всего цикла принадлежит Человеку. Большинство остальных исследователей цикла не согласны с ним, однако до сих пор не выдвинуто взамен никаких других объяснений.

Резон указывает также на седьмое предание

как на свидетельство того, что Человека намеренно предали забвению, память о нем стерли, чтобы обеспечить развитие Псовой цивилизации в наиболее чистом виде, — этим-де объясняется полное отсутствие исторических свидетельств существования Человека.

В этом предании Человек окончательно забыт Псами. Немногочисленных представителей рода людского, которые живут вместе с ними, Псы не воспринимают как людей, называя эти странные создания Вебстерами — по фамилии древнего рода. Однако слово «Вебстер» из собственного существительного стало нарицательным. Люди стали для Псов вебстерами, только для Дженкинса они по-прежнему остаются Вебстерами.

— Что такое люди? — спрашивает Лупус, и Мишка оказывается не в состоянии ответить на этот вопрос.

Дженкинс говорит в этом предании, что Псам незачем знать о Человеке. В главной части повествования он перечисляет нам меры, которые принял, чтобы стереть память о Человеке.

Старые родовые предания забыты, говорит Дженкинс. Резон толкует это как сознательный заговор молчания, призванный оградить достоинства Псов, и, пожалуй, не такой уж аль-

труистический заговор, как старается изобразить Дженкинс. Предания забыты, говорит Дженкинс, и не надо их извлекать из забвения. Однако же мы видим, что они не были забыты. Где-то, в каком-то отдаленном уголке земного шара, их по-прежнему рассказывали, потому-то они и сохранились до наших дней.

Но если предания сохранялись, то сам Человек исчез, или почти исчез. Дикие роботы продолжали существовать — если только они не были плодом воображения, — однако ныне и они тоже исчезли. Исчезли Мутанты, а они с Человеком из одного племени. Если существовал Человек, вероятно, существовали и Мутанты.

Всю развернувшуюся вокруг цикла полемику можно свести к одному вопросу: существовал ли Человек на самом деле? Если читатель, знакомясь с преданиями, станет в тупик, он окажется в превосходной компании: ученые и специалисты, всю жизнь посвятившие исследованию цикла, пусть даже у них больше информации, пребывают в таком же тупике.

VII. Эзоп

Серая тень скользила вдоль скальной полки к логову, поскуливая от досады и разочарования, потому что заклинание не подействовало.

Косые лучи вечернего солнца высвечивали лицо, голову, туловище, расплывчатые, смутные, подобно утренней мгле над ущельем.

Внезапно полка оборвалась, и тень растерянно присела, прижимаясь к стенке: логова не было! На месте логова — обрыв!

Тень стремительно повернулась, окинула взглядом долину. И река совсем не та. Ближе к утесам течет, чем прежде текла. И на скале появилось ласточкино гнездо, там, где раньше никакого ласточкиного гнезда не было.

Тень замерла, и ветвистые щупальца на ее ушах развернулись, исследуя воздух.

Жизнь! В воздухе над пустынными распадками среди череды холмов реял едва уловимый запах жизни.

Тень зашевелилась, встала, поплыла вдоль полки.

Логова нет, и река другая, и к скале прилепилось ласточкино гнездо.

Тень затрепетала от вожделения. Заклинание подействовало, не подвело. Она проникла в другой мир.

Другой, и не только с виду. Мир, до того насыщенный живностью, что сам воздух ею пахнет. И может быть, эта живность не умеет так уж быстро бегать и так уж ловко прятаться.

Волк и медведь встретились под большим дубом и остановились поболтать.

— Говорят, убийства происходят, — сказал Лупус.

— Непонятные убийства, брат, — пробурчал Мишка. — Убьют и не съедают.

— Символические убийства, — предположил волк.

Мишка покачал головой:

— Вот уж никогда не поверю, что могут быть символические убийства. Эта новая психология, которую псы нам преподают, совсем тебе голову заморочила. Убийства могут происходить либо из ненависти, либо от голода. Стану я убивать то, чего не могу съесть.

Он поспешил внести ясность:

— Да я вообще не занимаюсь убийством, брат. Ты ведь это знаешь.

— Конечно, — подтвердил волк.

Мишка лениво зажмурил свои маленькие глазки, потом открыл их и подмигнул.

— Нет, вообще-то случается иногда перевернуть камень и слизнуть муравьишку-другого.

— Не думаю, чтобы псы посчитали это убийством, — серьезно заметил Лупус. — Одно дело — зверь или птица, другое дело — насекомое. Никто нам не говорил, что нельзя убивать насекомых.

— А вот и неверно, — возразил Мишка. — В канонах на этот счет ясно сказано: «Не губи жизнь. Не лишай другого жизни».

— Вообще-то, кажется, ты прав, брат, — ханжески произнес волк. — Кажется, там так и сказано. Но ведь и сами псы не больно-то церемонятся с насекомыми. Слышал небось, они все стараются придумать блохомор посильнее. А что такое блохомор, спрашивается? Средство морить блох. Убивать их, понял? А ведь блохи — живность, блохи — живые твари.

Мишка яростно взмахнул передней лапой, отгоняя зеленую мушку, которая жужжала у него над носом.

— Пойду на пункт кормления, — сказал волк. — Ты не идешь со мной?

— Я еще не хочу есть, — ответил медведь. — И

вообще сейчас рано. До обеда еще далеко.

Лупус облизнулся:

— А я иногда зайду туда как бы невзначай, и дежурный вебстер обязательно что-нибудь найдет для меня.

— Смотри, — предостерег его Мишка. — Просто так он тебя не станет подкармливать. Не иначе что-нибудь замыслил. Не верю я этим вебстерам.

— Этому верить можно, — возразил волк. — Он дежурит на пункте кормления, а ведь совсем не обязан. Любой робот справится с этим делом, а он попросил ему поручить. Мол, надоело торчать в этих душных домах, где, кроме игр, никаких занятий. Зайдешь к нему — смеется, разговаривает, все равно как мы. Славный парень этот Питер.

— А я вот слышал от одного пса, — пророкотал медведь, — будто Дженкинс говорил, что на самом деле их вовсе не вебстерами зовут. Мол, никакие они не вебстеры, а люди…

— А что такое люди? — спросил Лупус.

— Ведь я же тебе толкую: это Дженкинс так говорит…

— Дженкинс, — объявил Лупус, — до того старый стал, что у него ум за разум заходит. Столько надо всего в голове держать! Ему небось уже тысяча лет с лишком.

— Семь тысяч, — отозвался медведь. — Псы задумали ему на день рождения большой праздник устроить. Готовят в подарок новое туловище. Старое уже совсем износилось, чуть не каждый месяц в починке.

Он глубокомысленно покачал головой:

— Что ни говори, Лупус, а все-таки псы для нас немало сделали. Взять хотя бы пункты кормления… А медицинские роботы, а всякие прочие вещи. Да вот в прошлом году у меня зуб зверски разболелся…

— Ну, кормить-то можно было бы получше, — перебил его волк. — Они все твердят, дескать, дрожжи — все равно что мясо, такие же питательные и так далее. Но разве вкус с мясом сравнишь…

— А ты-то откуда знаешь? — спросил Мишка.

Волк замялся только на секунду:

— То есть… как откуда? Мне дед говорил. Такой разбойник был — нет-нет да закусит олениной. Он и рассказал мне, какой вкус у сырого мясца. Правда, тогда не было столько охранников, сколько их теперь развелось.

Мишка зажмурился, потом снова открыл глаза:

— Кто бы мне рассказал, какой вкус у рыбки… В

Сосновом ручье форель водится. Я уже приметил. Проще простого: сунул лапу в ручей да выловил штучку-другую. — Он поспешно добавил: — Конечно, я себе не позволю.

— Ну конечно, — подхватил волк.

Один мир, а за ним другой, цепочка миров. Один наступает на пятки другому, шагающему впереди. Завтрашний день одного мира — сегодняшний день другого. Вчера — это завтра, и завтра — это тоже прошлое.

С той небольшой поправкой, что прошлого нет. Нет, если не считать воспоминаний, которые порхают на ночных крыльях в тени сознания. Нет прошлого, в которое можно проникнуть. Никаких фресок на стене времени. Никакой киноленты, которую прокрутил назад — и увидел былое.

Джошуа встал, встряхнулся, снова сел и почесался задней лапой. Икебод сидел как вкопанный, постукивая металлическими пальцами по столу.

— Все верно, — сказал робот. — Мы тут бессильны. Все сходится. Мы не можем отправиться в прошлое.

— Не можем, — подтвердил Джошуа.

— Зато мы знаем, где находятся гоблины, — продолжал Икебод.

— Да, мы знаем, где находятся гоблины, — ска-

зал Джошуа. — И может быть, сумеем к ним проникнуть. Теперь мы знаем путь.

Один путь открыт, а другой закрыт. Нет, не закрыт, конечно, ведь его и не было. Потому что прошлого нет, прошлого никогда не было, ему негде быть. На месте прошлого оказался другой мир.

Словно два пса, которые идут след в след. Один вышел, другой вошел. Словно длинный, бесконечный ряд шариковых подшипников, которые катятся по желобу, почти соприкасаясь — почти, но не совсем. Словно звенья бесконечной цепи на вращающейся шестеренке с миллиардами зубцов.

— Опаздываем, — сказал Икебод, глянув на часы. — Нам надо еще приготовиться, чтобы пойти на день рождения Дженкинса.

Джошуа опять встряхнулся:

— Да, не мешает. Сегодня у Дженкинса такой день! Ты только подумай, Икебод, семь тысяч лет!

— Я уже готов, — гордо сообщил Икебод. — Еще утром отполировал себя, а тебе надо бы причесаться. Вон какой лохматый.

— Семь тысяч лет, — повторил Джошуа. — Не хотел бы я столько жить.

Семь тысяч лет — семь тысяч миров, ступающих след в след. Да нет, куда больше. Каждый день — мир. Семь тысяч на триста шестьдесят пять. А может быть, каждый час или каждая минута — мир. Или даже что ни секунда, то мир. Секунда — вещь плотная, достаточно плотная, чтобы разделить два мира, достаточно емкая, чтобы вместить два мира. Семь тысяч на триста шестьдесят пять, на двадцать четыре, на шестьдесят раз шестьдесят…

Вещь плотная и окончательная. Ибо прошлого нет. Назад пути нет. Нельзя вернуться и проверить рассказы Дженкинса: то ли это правда, то ли покоробившиеся за семь тысяч лет воспоминания. Нельзя вернуться и проверить туманные предания, повествующие о какой-то усадьбе, каком-то роде вебстеров, каком-то непроницаемом куполе небытия в горах далеко за морями.

Икебод подошел со щеткой и гребешком, и Джошуа отскочил в сторону.

— Не дури, — сказал Икебод. — Я не сделаю тебе больно.

— В прошлый раз чуть всю шкуру с меня не содрал, — пожаловался Джошуа. — Поосторожней там, где шерсть запуталась.

Волк пришел, надеясь подкрепиться, но ему

ничего не предложили, а просить учтивость не позволяла, и теперь он сидел, аккуратно обвив лапы косматым хвостом, и смотрел, как Питер скоблит ножом прут.

Белка Поня прыгнула с развесистого дерева прямо на плечо Питера.

— Что это у тебя? — спросила она.

— Метательная палка, — ответил Питер.

— Метать любую палку можно, — заметил волк. — Зачем тебе такая отделка? Бери какую попало и бросай.

— Это совсем новая штука, — объяснил Питер. — Я придумал и сделал. Только еще не знаю, что это такое.

— У нее нет названия? — спросила Поня.

— Пока нет, — сказал Питер. — Надо будет придумать.

— Но ведь любую палку можно бросить, — твердил волк. — Какую захотелось, ту и бросил.

— Не так далеко, — ответил Питер. — И не так сильно.

Он покрутил прут между пальцами — гладкий, круглый, потом поднес к глазу, проверяя, не криво ли получилось.

— Я его не рукой мечу, — объяснил он, — а другой палкой и веревкой.

Он взял вторую палку, прислоненную к дереву.

— А мне вот еще что непонятно, — сказала Поня. — Зачем тебе вообще понадобилось метать палки?

— Сам не знаю, — ответил Питер. — Интересно, вот и бросаю.

— Вы, вебстеры, странные твари, — строго произнес волк. — Иногда мне кажется, что вы не в своем уме.

— Можно в любую цель попасть, — сказал Питер. — Только надо, чтобы метательная палка была прямая и веревка хорошая. Первая попавшаяся деревяшка тут не годится. Пока подберешь…

— Покажи мне, — попросила Поня.

— Гляди. — Питер поднял повыше ореховое древко. — Видишь, крепкая, упругая. Согни ее — тут же опять выпрямляется. Я связываю оба конца веревкой, кладу вот так метательную палку, упираю ее одним концом в веревку и оттягиваю…

— Вот ты говоришь, можно в любую цель попасть, — сказал волк. — Попробуй попади.

— А во что? Выбирайте, а я…

Поня взволнованно показала:

— Вон, вон на дереве малиновка сидит.

Питер быстро прицелился, оттянул веревку, и древко изогнулось дугой. Метательная палка про-

свистела над поляной. Малиновка закувыркалась в воздухе, роняя перышки. Она упала на землю с глухим мягким стуком и застыла — маленькая, жалкая, согнутые коготки смотрят вверх… Кровь из клювика окрасила листья под головой.

Белка оцепенела на плече у Питера, волк вскочил на ноги.

Тишина, притихла листва, беззвучно плывут облака в голубом полуденном небе…

— Ты ее убил! — закричала вдруг Поня, захлебываясь ужасом. — Она мертвая! Ты ее убил!

— Я не знал, — промямлил ошеломленный Питер. — Я еще никогда не целился ни во что живое. Только в метки бросал…

— Все равно ты убил малиновку. А убивать запрещается.

— Знаю, — сказал Питер. — Знаю, что запрещается. Но ведь вы сами меня попросили попасть в нее. Вы мне показали. Вы…

— Я не говорила, чтобы ты ее убивал! — кричала Поня. — Я думала, ты просто дашь хорошего тычка. Напугаешь ее как следует. Она всегда такая важная, надутая была…

— Я же сказал вам, что палка сильно бьет.

Страх пригвоздил вебстера к месту.

«Далеко и сильно, — думал он. — Далеко и силь-

но — быстро».

— Не тревожься, дружище, — мягко произнес волк. — Мы знаем, что ты не нарочно. Это останется между нами. Мы никому не скажем.

Поня прыгнула на дерево и запищала с ветки:

— Я скажу! Скажу вот Дженкинсу!

Волк рыкнул на нее с лютой ненавистью:

— Ты доносчица паршивая! Подлая сплетница!

— Скажу, скажу! — не унималась Поня. — Вот увидите! Скажу Дженкинсу.

Она стремглав поднялась по стволу, добежала до конца ветки и перескочила на другое дерево.

Волк сорвался с места.

— Куда? — осадил его Питер.

— Всю дорогу по деревьям ей не пробежать, — торопливо объяснил волк. — На лугу придется спуститься на землю. Ты не тревожься.

— Нет, — сказал Питер. — Не надо больше убийств. Хватит одного.

— Но ведь она в самом деле скажет.

Питер кивнул:

— Не сомневаюсь.

— А я могу ей помешать.

— Кто-нибудь увидит и донесет на тебя, — сказал Питер. — Нет, Лупус, я тебе не разрешаю.

— Тогда улепетывай поскорей. Я знаю место,

где ты можешь спрятаться. Тысячу лет искать будут — не найдут.

— Ничего не выйдет. В лесу глаза есть. Слишком много глаз. Они скажут, куда я пошел. Прошли те времена, когда можно было спрятаться.

— Наверно, ты прав, — медленно произнес волк. — Да, наверно, прав.

Он повернулся и посмотрел на убитую малиновку.

— Ну а как насчет того, чтобы изъять доказательство? — спросил он.

— Доказательство?..

— Вот именно…

Волк быстро сделал несколько шагов, опустил голову. Послышался хруст. Лупус облизал усы и сел, обвив лапы хвостом.

— Сдается мне, мы с тобой могли бы поладить, — сказал он. — Честное слово, могли бы. У нас так много общего.

На носу его предательски трепетало перышко.

Туловище было хоть куда.

Нержавеющее, крепкое — никакой молот не возьмет. А всевозможных приспособлений и не счесть.

Это был подарок Дженкинсу ко дню рождения. Изящная гравировка на груди так и гласила:

«Дженкинсу от псов».

«Все равно я не смогу им воспользоваться, — сказал себе Дженкинс. — Оно слишком роскошное для меня, для такого старого робота. Я себя буду неловко чувствовать в этаком убранстве».

Покачиваясь в кресле, он слушал, как воет ветер под застрехой.

«Но ведь подарок сделан от души… А обижать их нельзя ни за что на свете. Так что изредка придется все же пользоваться новым туловищем — просто так, для виду, чтобы сделать приятное псам. Нельзя совсем не пользоваться им, ведь они столько хлопотали, чтобы его изготовить. Конечно, это туловище не на каждый день, только для исключительных случаев.

Таких, как вебстерский пикник. На пикник стоит принарядиться. Торжественный день… День, когда все Вебстеры на свете, все Вебстеры, которые еще живы, собираются вместе. И меня приглашают. Да-да, всякий раз меня приглашают. Ведь я вебстерский робот. Вот именно, всегда был и буду вебстерским».

Опустив подбородок на грудь, он прислушался к шепоту комнаты и повторил за ней слова. Слова, которые он и комната помнили. Слова из давно минувшего.

Качалка поскрипывала, и звук этот был неотделим от пропитанной настоем времени комнаты, неотделим от воя ветра и бормотания дымохода.

«Огонь, — подумал Дженкинс. — Давно мы огня не разводили. Людям нравилось, чтобы в камине был огонь. Бывало, сидят перед ним, и смотрят, и представляют себе разные картины. И мечтают…

Но мечты людей — да, где вы, мечты людей? Улетели на Юпитер, погребены в Женеве, и теперь только-только начинают пробиваться хилые ростки у нынешних Вебстеров.

Прошлое… Я чересчур занят прошлым. Поэтому от меня мало проку. Мне столько надо помнить, так много, что очередные дела отходят на второе место. Я живу в прошлом, а это неправильно.

Ведь Джошуа говорит, что прошлого нет, а уж кому об этом знать, как не ему. Из всех псов только он один и может знать. Он так старался найти прошлое, чтобы отправиться туда, отправиться назад во времени и проверить то, что я ему рассказывал. Он думает, что у меня маразм, считает мои рассказы старыми роботскими побасенками, полуправдой, полувымыслом, причесанным для гладкости.

Спроси его — ни за что не признается, но ведь думает именно так, плутишка. И думает, что я не

знаю этого, да не тут-то было».

Дженкинс усмехнулся про себя.

«Где ему провести меня. Меня никто из них не проведет. Я их насквозь вижу, знаю, чем они дышат. Я помогал Брюсу Вебстеру переделывать самых первых из них. Слышал самое первое слово, какое было ими произнесено. Они-то, может быть, забыли, да я помню каждый взгляд, каждый жест, каждое слово.

А может быть, это естественно, что они забыли. И ведь они немалого достигли. Я старался поменьше вмешиваться, так оно было лучше. Так мне велел и Джон Вебстер в ту далекую ночь. Потому Джон Вебстер и сделал то, что ему пришлось сделать, чтобы закрыть наглухо город Женеву. Конечно, Джон Вебстер. Кто же еще. Кроме него, некому.

Он думал, что всех людей запер там и освободил Землю для псов. Но он забыл одну вещь. Вот именно, забыл. Он забыл про своего собственного сына с его компанией лучников, которые с утра пораньше отправились в лес играть в дикарей и дикарок.

И ведь игра обратилась горькой действительностью почти на тысячу лет. Пока мы их не нашли и не доставили домой. В усадьбу Вебстеров — туда,

откуда все пошло».

Наклонив голову и сложив руки на коленях, Дженкинс продолжал медленно качаться. Поскрипывало кресло, и ветер гулял под стрехой, и дребезжало окно. И камин, с его прокопченной глоткой, толковал что-то про былые дни, про других людей, про давно отшумевшие западные ветры.

«Прошлое, — думал Дженкинс. — Вздор. Безделица, когда впереди еще столько дел. Еще столько проблем ожидает псов.

Например, перенаселение. Уж сколько мы о нем думаем, сколько говорим. Слишком много кроликов, потому что ни волкам, ни лисам не разрешается их убивать. Слишком много оленей, потому что койотам и волкам запрещается есть оленину. Слишком много скунсов, слишком много мышей, слишком много диких кошек. Слишком много белок, дикобразов, медведей.

Запрети убийство — этот могучий регулятор, — и разведется слишком много живности. Укроти болезни, обрати на борьбу с травмами быстроходных медицинских роботов — еще одним регулятором меньше.

Человек заботился об этом. Уж он заботился… Люди убивали всех на своем пути, будь то живот-

ное или другие люди.

Человек никогда не помышлял о великом обществе животных, не мечтал о том, чтобы скунс, енот и медведь, оставляя в стороне природные различия, вместе шли по дорогам жизни, вместе смотрели вперед, помогали друг другу.

А псы мечтали об этом. И добились этого.

Все равно как в сказке про братца Кролика… Как в детских фантазиях минувших времен. Или как в библейской притче про льва и агнца, которые лежали рядом друг с другом. Или как на картинках Уолта Диснея, с той поправкой, что картинки всегда отдавали фальшью, потому что воплощали человеческий образ мыслей».

Скрипнула дверь, кто-то переступил с ноги на ногу. Дженкинс повернулся.

— Привет, Джошуа, — сказал он. — Привет, Икебод. Прошу, входите. Я тут немножко задумался.

— Мы проходили мимо и увидели свет, — объяснил Джошуа.

— Я думал про свет. — Дженкинс глубокомысленно кивнул. — Думал про ту ночь пять тысяч лет назад. Из Женевы прибыл Джон Вебстер — первый человек, который навестил нас за много столетий. Он лежал в спальне наверху, и все псы спали, и я стоял вон там у окна и смотрел за реку.

А там — ни одного огня, ни единого. В какую сторону ни погляди — сплошной кромешный мрак. Я стоял и вспоминал то время, когда там были огни, и спрашивал себя, увижу ли я их когда-нибудь снова.

— Теперь там есть огни, — мягко произнес Джошуа. — Сегодня ночью по всему миру светят огни. Даже в логовах и пещерах.

— Знаю-знаю, — сказал Дженкинс. — Сейчас стало даже лучше, чем было прежде.

Икебод протопал в угол, где стояло сверкающее туловище, поднял руку и почти нежно погладил металлический кожух.

— Я очень благодарен псам, что они подарили мне туловище, — сказал Дженкинс. — Да только зачем это? Достаточно подлатать немного старое, и оно еще вполне послужит.

— Просто мы тебя очень любим, — объяснил Джошуа. — Псы в таком долгу перед тобой. Мы и раньше пытались что-нибудь сделать для тебя, но ведь ты нам никогда не позволял. Хоть бы ты разрешил нам построить тебе новый дом, современный дом со всякими новинками.

Дженкинс покачал головой:

— Это совершенно бесполезно, ведь я все равно не смогу там жить. Понимаешь, для меня дом

— здесь. Усадьба всегда была моим домом. Только латайте ее время от времени, как мое туловище, и мне ничего другого не надо.

— Но ты совсем одинок.

— Ничего подобного, — возразил Дженкинс. — Здесь полно народу.

— Полно народу? — переспросил Джошуа.

— Люди, которых я знал.

— Ух ты, какое туловище! — восхищался Икебод. — Вот бы примерить.

— Икебод! — завопил Джошуа. — Сейчас же иди сюда. Не смей трогать…

— Оставь ты этого юнца в покое, — вмешался Дженкинс. — Пусть зайдет, когда я буду посвободнее…

— Нет, — отрезал Джошуа.

Ветка поскреблась о застреху, тонкими пальцами постучалась в стекло. Брякнула черепица, ветер прошелся по крыше легкой танцующей походкой.

— Хорошо, что вы заглянули, — произнес Дженкинс. — Мне надо вам кое-что сказать.

Он покачивался в кресле взад-вперед, и один полоз поскрипывал.

— Меня не хватит навечно, — продолжал Дженкинс. — Семь тысяч лет тяну, как еще до сих пор

не рассыпался.

— С новым туловищем тебя еще на трижды семь тысяч лет хватит, — возразил Джошуа.

Старый робот покачал головой:

— Я не о туловище, а о мозге говорю. Как-никак машина. Хорошо сработан, на совесть, но навечно его не хватит. Рано или поздно что-нибудь поломается, и тогда конец моему мозгу.

Кресло поскрипывало в притихшей комнате.

— А это значит смерть, — продолжал Дженкинс, — значит, что я умру. Все правильно. Все как положено. Все равно от меня уже никакого толку. Был я когда-то нужен.

— Ты нам всегда будешь нужен, — мягко сказал Джошуа. — Без тебя нам не справиться.

Но Дженкинс продолжал, словно и не слышал его:

— Мне надо рассказать вам про Вебстеров. Надо вам объяснить. Чтобы вы поняли.

— Я постараюсь понять, — ответил Джошуа.

— Вы, псы, называете их вебстерами — это ничего. Называйте как хотите, лишь бы вы знали, кто они такие.

— Иногда ты называешь их людьми, а иногда называешь вебстерами, — заметил Джошуа. — Не понимаю.

— Они были люди, и они правили Землей. И среди них был один род по фамилии Вебстер. Вот эти самые Вебстеры и сделали для вас такое замечательное дело.

— Какое замечательное дело?

Дженкинс крутнулся вместе с креслом и остановил его.

— Я стал забывчивым, — пробурчал он. — Все забываю. Чуть что — сбиваюсь.

— Ты говорил о каком-то замечательном деле, которое сделали для нас вебстеры.

— Что? Ах да. Вот именно. Вы должны присматривать за ними. Главное — присматривать.

Он медленно раскачивался в кресле, а мозг его захлестнули мысли, перемежаемые скрипом качалки.

«Чуть не сорвалось с языка, — говорил он себе. — Чуть не погубил мечту…

Но я вовремя вспомнил. Да, Джон Вебстер, я вовремя спохватился. Я сдержал слово, Джон Вебстер.

Я не сказал Джошуа, что псы когда-то были у людей домашними животными, что они обязаны людям своим сегодняшним положением. Ни к чему им об этом знать. Пусть держат голову высоко. Пусть продолжают свою работу. Старые

родовые предания забыты, и не надо извлекать их из забвения.

А как хотелось бы рассказать им. Видит бог, хотелось бы рассказать. Предупредить их, чего надо остерегаться. Рассказать им, как мы искореняли старые представления у дикарей, которых привезли сюда из Европы. Как отучали их от того, к чему они привыкли. Как стирали в их мозгу понятие об оружии, как учили их миру и любви.

И как мы должны быть начеку, чтобы не прозевать тот день, когда они примутся за старое, когда возродится старый человеческий образ мыслей».

— Но ты же сказал… — не унимался Джошуа.

Дженкинс сделал отрицательный жест:

— Пустяки, не обращай внимания, Джошуа. Мало ли что плетет старый робот. У меня иной раз все путается в мозгу, и я начинаю заговариваться. Слишком много о прошлом думаю, а ведь ты сам говоришь, что прошлого нет.

Икебод присел на корточках, глядя на Дженкинса.

— Конечно же, нет, — подтвердил он. — Мы проверяли и так и сяк — все данные сходятся, все говорят одно. Прошлого нет.

— Ему негде быть, — сказал Джошуа. — Когда идешь назад по временной оси, тебе встречается

не прошлое, а совсем другой мир, другая категория сознания. Хотя Земля та же самая, или почти та же самая. Те же деревья, те же реки, те же горы, и все-таки мир не тот, который мы знаем. Потому что он по-другому жил, по-другому развивался. Предыдущая секунда — вовсе не предыдущая секунда, а совсем другая, особый сектор времени. Мы все время живем в пределах одной и той же секунды. Двигаемся в ее рамках, в рамках крохотного отрезка времени, который отведен нашему миру.

— Наш способ мерить время никуда не годится, — подхватил Икебод. — Это он мешал нам верно представить себе время. Мы все время думали, что перемещаемся во времени, а фактически было иначе, и ничего похожего. Мы двигались вместе со временем. Мы говорили: еще секунда прошла, еще минута прошла, еще час, еще день — а на самом деле ни секунда, ни минута, ни час никуда не делись. Все время оставалась одна и та же секунда. Просто она двигалась — и мы двигались вместе с ней.

Дженкинс кивнул:

— Понятно. Как бревна в реке. Как щепки, которые несет течением. На берегу одна картина сменяется другой, а поток все тот же.

— В этом роде, — сказал Икебод. — С той разницей, что время — твердый поток и разные миры зафиксированы крепче, чем бревна в реке.

— И как раз в этих других мирах живут гоблины?

Джошуа кивнул:

— А где же им еще жить?

— И ты теперь, надо думать, соображаешь, как проникнуть в эти миры, — заключил Дженкинс.

Джошуа легонько почесался.

— Конечно, соображает, — подтвердил Икебод. — Мы нуждаемся в пространстве.

— Но ведь гоблины…

— Может быть, они не все миры заняли, — сказал Джошуа. — Может быть, есть еще свободные. Если мы найдем незанятые миры, они нас выручат. Если не найдем — нам туго придется. Перенаселение вызовет волну убийств. А волна убийств отбросит нас к тому месту, откуда мы начинали.

— Убийства уже происходят, — тихо произнес Дженкинс.

Джошуа наморщил лоб и прижал уши.

— Странные убийства. Убьют, но не съедают. И крови не видно. Как будто шел-шел — и вдруг упал замертво. Наши медицинские роботы скоро

с ума сойдут. Никаких изъянов. Никаких причин для смерти.

— Но ведь умирают, — сказал Икебод.

Джошуа подполз поближе, понизив голос:

— Я боюсь, Дженкинс. Боюсь, что…

— Чего же тут бояться?

— В том-то и дело, что есть чего. Ангес сказал мне об этом. Ангес боится, что кто-то из гоблинов… кто-то из гоблинов проник к нам.

Порыв ветра потянул воздух из дымохода, прокатился кубарем под застрехой. Другой порыв поухал совой в темном закоулке поблизости. И явился страх, заходил туда и обратно по крыше, глухо, сторожко ступая по черепицам.

Дженкинс вздрогнул и весь напрягся, укрощая дрожь. У него сел голос.

— Никто еще не видел гоблина, — проскрежетал он.

— А его, может, вообще нельзя увидеть.

— Возможно, — согласился Дженкинс. — Возможно, его нельзя увидеть.

Разве не это самое говорил человек? Призрак нельзя увидеть, привидение нельзя увидеть, но можно ощутить их присутствие. Ведь вода продолжает капать, как бы туго ни завернули кран, и кто-то скребется в окно, и ночью псы на кого-то

воют, и никаких следов на снегу.

Кто-то поскребся в окно.

Джошуа вскочил на ноги и замер. Статуя собаки — лапа поднята, зубы оскалены, обозначая рычание. Икебод весь превратился в слух, выжидая.

Кто-то поскребся опять.

— Открой дверь, — сказал Икеботу Дженкинс. — Там кто-то просится в дом.

Икебод прошел через сгусток тишины. Дверь скрипнула под его рукой. Он отворил, тотчас в комнату юркнула белка, серой тенью прыгнула к Дженкинсу и опустилась на его колени.

— Это же Поня! — воскликнул Дженкинс.

Джошуа сел и спрятал клыки. Металлическая физиономия Икебода расплылась в дурацкой улыбке.

— Я видела, как он это сделал! — закричала Поня. — Видела, как он убил малиновку. Он попал в нее метательной палкой. И перья полетели. И на листике была кровь.

— Успокойся, — мягко произнес Дженкинс. — Не торопись так, расскажи все по порядку. Ты слишком возбуждена. Ты видела, как кто-то убил малиновку.

Поня всхлипнула, стуча зубами:

— Это Питер убил.

— Питер?

— Вебстер, которого зовут Питером.

— Ты видела, как он метнул палку?

— Он метнул ее другой палкой. Оба конца веревкой связаны, он веревку потянул, палка согнулась…

— Знаю, — сказал Дженкинс. — Знаю.

— Знаешь? Тебе все известно?

— Да, — подтвердил Дженкинс. — Мне все известно. Это лук и стрела.

И было в его тоне нечто такое, отчего они все притихли, и комната вдруг показалась им огромной и пустой, и стук ветки по стеклу превратился в потусторонний звук, прерывающийся замогильный голос, причитающий, безутешный.

— Лук и стрела? — вымолвил наконец Джошуа. — Что такое лук и стрела?

«Да, что это такое? — подумал Дженкинс. — Что такое лук и стрела?

Это начало конца. Это извилистая тропка, которая разрастается в громовую дорогу войны.

Это игрушка, это оружие, это триумф человеческой изобретательности.

Это первый зародыш атомной бомбы.

Это символ целого образа жизни.

И это слова из детской песенки:

Кто малиновку убил?
«Я, – ответил воробей. —
Лук и стрелы смастерил
И малиновку убил!»

То, что было забыто. То, что теперь воссоздано. То, чего я опасался».

Он выпрямился в кресле, медленно встал.

— Икебод, — сказал он, — мне понадобится твоя помощь.

— Разумеется, — ответил Икебод. — Только скажи.

— Туловище, — продолжал Дженкинс. — Я хочу воспользоваться моим новым туловищем. Тебе придется отделить мою мозговую коробку…

Икебод кивнул:

— Я знаю, как это делается, Дженкинс.

Голос Джошуа зазвенел от испуга:

— В чем дело, Дженкинс? Что ты задумал?

— Я пойду к мутантам, — раздельно произнес Дженкинс. — Настало время просить у них помощи.

Тень скользила вниз через лес, сторонясь прогалин, озаренных лунным светом. В лунном свете она мерцала, ее могли заметить, а этого допустить нельзя. Нельзя срывать охоту другим,

которые последуют за ней.

Потому что другие последуют. Конечно, не сплошным потоком, все будет тщательно рассчитано. По три, по четыре — и в разных местах, чтобы не всполошить живность этого восхитительного мира.

Ведь если они всполошатся — все пропало.

Тень присела во мраке, приникла к земле, исследуя ночь напряженными, трепещущими нервами. Выделяя знакомые импульсы, она регистрировала их в своем бдительном мозгу и откладывала в памяти для ориентировки.

Кроме знакомых импульсов были загадочные — совсем или наполовину. А в одном из них улавливалась страшная угроза…

Тень распласталась на земле, вытянув уродливую голову, отключила восприятие от наполняющих ночь сигналов и сосредоточилась на том, что поднималось вверх по склону.

Двое, притом отличные друг от друга. Она мысленно зарычала, в горле застрял хрип, а ее разреженную плоть пронизало острое предвкушение пополам с унизительным страхом перед неведомым.

Тень оторвалась от земли, сжалась в комок и поплыла над склоном, идя наперехват двоим.

Дженкинс был снова молод, силен, проворен, проворен душой и телом. Проворно шагал он по залитым лунным светом, открытым ветру холмам. Мгновенно улавливал шепот листвы и чириканье сонных птиц. И еще кое-что.

Да, и еще кое-что!

Ничего не скажешь, туловище хоть куда. Нержавеющее, крепкое — никакой молот не возьмет. Но не только в этом дело.

«Вот уж никогда не думал, — говорил он себе, — что новое туловище так много значит! Никогда не думал, что старое до такой степени износилось и одряхлело. Конечно, оно с самого начала было так себе, да ведь в то время и такое считалось верхом совершенства. Что ни говори, механика может творить чудеса.

Роботы, конечно, постарались — дикие роботы. Псы договорились с ними, и они смастерили туловище. Вообще-то псы не очень часто общаются с роботами. Нет, отношения хорошие, все в порядке, но потому и в порядке, что они не беспокоят друг друга, не навязываются, не лезут в чужие дела».

Дженкинс улавливал все, что происходило кругом. Вот кролик повернулся в своей норке. Вот енот вышел на ночную охоту — Дженкинс тотчас

уловил вкрадчивое, вороватое любопытство в мозгу за маленькими глазками, которые глядели на него из орешника. А вон там, налево, свернувшись калачиком, под деревом спит медведь и видит сны, сны обжоры: дикий мед и выловленная из ручья рыба с приправой из муравьев, которых можно слизнуть с перевернутого камня.

Это было поразительно — и, однако, вполне естественно. Так же естественно, как ходить, поочередно поднимая ноги. Так же естественно, как обычный слух. Но ни слухом, ни зрением это не назовешь. И воображение тут ни при чем. Потому что сознание Дженкинса вполне вещественно и четко воспринимало и кролика в его норе, и енота в кустах, и медведя под деревом.

«И у самих диких роботов теперь такие же туловища, — сказал он себе, — ведь если они сумели смастерить такое для меня, так уж себе и подавно изготовили.

Они тоже далеко продвинулись за семь тысяч лет, как и псы, прошедшие немалый путь после исхода людей. Но мы не обращали внимания на них, потому что так было задумано. Роботы идут своим путем, псы — своим и не спрашивают, кто чем занят, не проявляют любопытства. Пока роботы собирали космические корабли и посылали их

к звездам, пока мастерили новые туловища, пока занимались животными, ковали братство всех тех, кого во времена человека преследовали как дичь, слушали гоблинов и зондировали пучины времени, чтобы установить, что времени нет.

Но если псы и роботы продвинулись так далеко, то мутанты, конечно же, ушли еще дальше. Они выслушают меня, — говорил себе Дженкинс, — должны выслушать, ведь я предложу задачу, которая придется им по нраву. Как-никак мутанты — люди, несмотря на все свои причуды, они сыны человека. Оснований для злобы у них не может быть, ведь имя «человек» теперь не больше чем влекомая ветром пыль, чем шелест листвы в летний день.

И кроме того, я семь тысяч лет их не беспокоил, да и вообще никогда не беспокоил. Джо был моим другом, насколько это вообще возможно для мутанта. С людьми иной раз не разговаривал, а со мной разговаривал. Они выслушают меня и скажут, что делать. И они не станут смеяться.

Потому что дело нешуточное. Пусть только лук и стрела — все равно нешуточное. Возможно, когда-то лук и стрела были потехой, но история заставляет пересматривать многие оценки. Если стрела потеха, то и атомная бомба потеха,

и шквал смертоносной пыли, опустошающей целые города, потеха, и ревущая ракета, которая взмывает вверх, и падает за десять тысяч миль, и убивает миллион людей…

Правда, теперь миллиона не наберется. От силы несколько сот, обитающих в домах, которые построили им псы, потому что тогда псы еще помнили, кто такие люди, помнили, что их связывало с ними, и видели в людях богов. Видели в людях богов, и зимними вечерами у очага рассказывали древние предания, и надеялись, что наступит день, когда человек вернется, погладит их по голове и скажет: «Молодцом, верный и надежный слуга».

И зря, — говорил себе Дженкинс, шагая вниз по склону, — совершенно напрасно. Потому что люди не заслуживали преклонения, не заслуживали обожествления. Господи, я ли не любил людей! Да и сейчас люблю, если на то пошло, но не потому, что они люди, а ради воспоминаний о некоторых из великого множества людей.

Несправедливо это было, что псы принялись работать на человека. Ведь они строили свою жизнь куда разумнее, чем человек свою. Вот почему я стер в их мозгу память о человеке. Это был долгий и кропотливый труд, много лет я

искоренял предания, много лет наводил туман, и теперь они не только называют, но и считают людей вебстерами.

Я сомневался, верно ли поступил. Чувствовал себя предателем. И были мучительные ночи, когда мир спал, окутавшись мраком, а я сидел в качалке и слушал, как ветер стонет под застрехой. И думал: вправе ли я был так поступить? А может быть, Вебстеры не одобрили бы мои действия? До того сильна была их власть надо мной, так сильна она до сих пор, через тысячи лет, что сделаю что-нибудь и переживаю: вдруг это им не понравилось?

Но теперь я убедился в своей правоте. Лук и стрелы это доказывают. Когда-то я допускал, что человек просто пошел не по тому пути, что некогда, во времена темной дикости, которая была его колыбелью и детской комнатой, он свернул не в ту сторону, шагнул не с той ноги. Теперь я вижу, что это не так. Человек признает только один-единственный путь — путь лука и стрел.

Уж как я старался! Видит бог, я старался.

Когда мы выловили этих шатунов и доставили их в усадьбу Вебстеров, я изъял их оружие, изъял не только из рук — из сознания тоже. Я переделал все книги, какие можно было переделать, а

остальные сжег. Я учил их заново читать, заново петь, заново мыслить. И в книгах не осталось и намека на войну и оружие, на ненависть и историю — ведь история есть ненависть, — не осталось намека на битвы, подвиги и фанфары.

Да только попусту старался… Теперь я вижу, что попусту старался. Потому что, сколько ни старайся, человек все равно изобретет лук и стрелы».

Закончив долгий спуск, он пересек ручей, скачущий вниз к реке, и начал карабкаться вверх, к мрачным, суровым контрфорсам, венчающим высокий бугор.

Кругом что-то шуршало, и новое туловище сообщило сознанию, что это мыши — мыши снуют в ходах, которые проделали в густой траве. И на мгновение он уловил незатейливое счастье резвящихся мышек, незатейливые, простенькие, легкие мысли счастливых мышек.

На стволе упавшего дерева притаилась ласка — ее душу переполняло зло, вызванное мыслью о мышах и воспоминанием о тех днях, когда ласки кормились мышами. Жажда крови — и страх, страх перед тем, что сделают псы, если она убьет мышь, страх перед сотней глаз, следящих за тем, чтобы убийство больше не шествовало по свету.

Но ведь человек убил. Ласка убивать не смеет,

а человек убил. Пусть даже не со зла, не намеренно. Но ведь убил. А каноны запрещают лишать жизни.

Случались и прежде убийства, и убийц наказывали. Значит, человек тоже должен быть наказан. Нет, мало наказывать. Наказание проблемы не решит. Проблема-то не в одном человеке, а во всех людях, во всем человеческом роде. Ведь что один сделал — могут сделать и остальные.

Замок мутантов высился черной громадой на фоне неба, до того черной, что она мерцала в лунном свете. И никаких огней, но в этом не было ничего удивительного, потому что никто еще не видел в замке огней. И никто не помнил, чтобы отворялись двери замка. Мутанты выстроили замки в разных концах света, вошли в них, и на том все кончилось. Прежде они вмешивались в людские дела, даже вели с людьми нечто вроде саркастической войны, когда же люди исчезли, мутанты тоже перестали показываться.

У широкой каменной лестницы Дженкинс остановился. Запрокинув голову, он глядел на возвышающееся перед ним сооружение.

«Джо, наверное, умер, — сказал он себе. — Он был долгожитель, но ведь не бессмертный. Вечно жить он не мог. Странно будет теперь встретить-

ся с мутантом и знать, что это не Джо».

Он начал подниматься по ступенькам, шел медленно-медленно, все нервы на взводе, готовый к тому, что вот-вот на него обрушится первая волна сарказма.

Однако ничего не произошло.

Он одолел лестницу и остановился перед дверью, размышляя, как дать мутантам знать о своем приходе.

Ни колокольчика. Ни звонка. Ни колотушки. Гладкая дверь, обыкновенная ручка. И все.

Он нерешительно поднял кулак и постучал несколько раз, потом подождал. Никакого отклика. Дверь оставалась немой и недвижимой.

Он постучал еще, на этот раз погромче. И опять никакого ответа.

Медленно, осторожно он взялся за дверную ручку и нажал на нее. Ручка подалась, дверь отворилась, и Дженкинс ступил внутрь.

— Дурень ты дурень, — сказал Лупус. — Я заставил бы их поискать меня. Заставил бы погоняться за мной. Я бы так просто им не поддался.

Питер покачал головой:

— Может быть, ты бы так и поступил, Лупус, может быть, для тебя это годится. Но для меня это не подходит. Вебстеры никогда не убегают.

— Откуда ты это взял? — не унимался волк. — Чушь какую-то порешь. До сих пор ни одному вебстеру не надо было убегать, а раз ни одному вебстеру еще не приходилось убегать, откуда ты можешь знать, что они никогда…

— Ладно, заткнись, — отрезал Питер.

Они продолжали молча подниматься по каменистой тропе, взбираясь на холм.

— За нами кто-то следует, — вдруг сказал Лупус.

— Тебе померещилось, — возразил Питер. — Кому это нужно — следовать за нами?

— Не знаю, но…

— Что, запах чуешь?

— Нет…

— Что-нибудь услышал? Или увидел?

— Нет, но…

— Значит, никто за нами не следует, — решительно заявил Питер. — Теперь вообще никто никого не выслеживает.

Свет луны, струясь между деревьями, испестрил серебром черный лес. В ночной долине, на реке, утки о чем-то сонно спорили вполголоса. Слабый ветерок снизу принес с собой дыхание речной мглы.

Тетива зацепилась за куст, и Питер остановил-

ся, чтобы освободить ее. При этом он уронил на землю несколько стрел и нагнулся, чтобы поднять их.

— Придумал бы какой-нибудь другой способ носить эти штуки, — пробурчал Лупус. — Без конца то зацепишься, то уронишь, то…

— Я уже думал об этом, — спокойно ответил Питер. — Пожалуй, сделаю что-нибудь вроде сумки, чтобы можно было повесить на плечо.

Подъем продолжался.

— Ну и что ты собираешься сделать, когда придешь в усадьбу Вебстеров? — спросил Лупус.

— Я собираюсь найти Дженкинса, — ответил Питер. — Собираюсь рассказать ему, что я сделал.

— Поня уже рассказала.

— Может быть, она не так рассказала. Может быть, что-нибудь напутала. Поня очень волновалась.

— Да она вообще ненормальная.

Они пересекли лунную прогалину и снова нырнули во мрак.

— Что-то у меня нервишки разгулялись, — сказал Лупус. — Затеял ты ерунду какую-то. Я тебя досюда проводил и…

— Ну и возвращайся, — сердито ответил Пи-

тер. — У меня нервы в порядке. Я…

Он круто обернулся, волосы на голове у него поднялись дыбом.

Что-то было не так… Что-то в воздухе, которым он дышал, что-то в его мозгу… Тревожное, жуткое ощущение опасности, но еще сильнее — чувство омерзения, оно вонзило когти ему в лопатки и поползло по спине миллионами цепких ножек.

— Лупус! — вскричал он. — Лупус!

Возле тропы внизу вдруг сильно качнулся куст, и Питер стремглав бросился туда. Обогнув кусты, он круто остановился. Вскинул лук и, мгновенно выхватив из левой руки стрелу, упер ее в тетиву.

Лупус распростерся на траве — половина туловища в тени, половина на свету. Его пасть оскалилась клыками, одна лапа еще царапала землю.

А над ним наклонилась какая-то тень. Тень, силуэт, призрак. Тень шипела, тень рычала, в мозгу Питера отдался целый поток яростных звуков. Ветер отодвинул ветку, пропуская лунный свет, и Питер рассмотрел нечто вроде лица — смутные очертания, словно полустертый рисунок мелом на пыльной доске. Лицо мертвеца, и воющий рот, и щели глаз, и отороченные щупальцами уши.

Тренькнула тетива, и стрела вонзилась в лицо

— вонзилась, и прошла насквозь, и упала на землю. А лицо все так же продолжало рычать.

Еще одна стрела уперлась в тетиву и поползла назад, дальше, дальше, почти до самого уха. Стрела, выброшенная упругой силой крепкой прямослойной древесины, выброшенная ненавистью, страхом, отвращением человека, который натягивал тетиву.

Стрела поразила размытое лицо, замедлила полет, закачалась — и тоже упала.

Еще одна стрела — и сильнее натянуть тетиву. Еще сильнее, чтобы летела быстрее и убила наконец эту тварь, которая не желает умирать, когда ее поражает стрела. Тварь, которая только замедляет полет стрелы, и заставляет ее качаться, и пропускает насквозь.

Сильнее, сильнее — еще сильнее. И… лопнула тетива.

Секунду Питер стоял опустив руки: в одной — никчемный лук, в другой — никчемная стрела. Стоял, измеряя взглядом просвет, отделяющий его от призрачной нечисти, присевшей над останками серого.

В душе его не было страха. Не было страха, хотя он лишился оружия. Была только бешеная ярость, от которой его трясло, и был голос в мозгу,

который чеканил одно и то же звенящее слово: «Убей… убей… убей…»

Он отбросил лук и пошел вперед: руки согнуты в локтях, пальцы — словно кривые когти. Жалкие когти…

Тень попятилась — попятилась под напором волны страха, внезапно захлестнувшей ей мозг, страха и ужаса перед лицом лютой ненависти, излучаемой идущим на нее созданием. Властная, свирепая ненависть…

Ужас и страх ей и прежде были знакомы — ужас, и страх, и отчаяние, но здесь она столкнулась с чем-то новым. Как будто мозг ожгло карающей плетью.

Это была ненависть.

Тень заскулила про себя — заскулила, захныкала, попятилась, лихорадочно копаясь мысленными пальцами в помутившемся мозгу в поисках формулы бегства.

Комната была пустая — пустая, заброшенная, гулкая. Комната, которая, поймав скрип открывающейся двери, потолкла его в глухих углах, потом возвратила. Комната, воздух которой загустел от пыли забвения, пропитался торжественным молчанием праздных столетий.

Дженкинс стоял, держась за дверную ручку,

стоял, прощупывая все углы и темные ниши обостренным чутьем новой аппаратуры, составляющей его туловище. Ничего. Ничего, кроме тишины, и пыли, и мрака. И похоже, тишина, пыль и мрак безраздельно царят здесь уже много лет. Никакого намека на дыхание хоть какой-нибудь бросовой мыслишки, никаких следов на полу, никаких каракулей, начертанных небрежным пальцем на столе.

Откуда-то из тайников мозга просочилась в сознание старая песенка, старая-престарая — она была старой уже тогда, когда ковали первое туловище Дженкинса. Его поразило, что она существует, поразило, что он вообще ее знал. А еще ему стало не по себе от разбуженного ею шквала столетий, не по себе от воспоминания об аккуратных белых домиках на миллионе холмов, не по себе при мысли о людях, которые любили свои поля и мерили их уверенной, спокойной хозяйской поступью.

«Энни больше нет здесь.

Нелепо, — сказал себе Дженкинс. — Нелепо, что какой-то вздор, сочиненный племенем, которое почти перевелось, вдруг пристал ко мне и не дает покоя. Нелепо.

Кто малиновку убил? «Я», — ответил воробей».

Он закрыл дверь и пошел через комнату.

Пыльная мебель ждала человека, который так и не вернулся. Пыльные инструменты и аппараты лежали на столах. Пылью покрылись названия книг, выстроенных рядами на массивных полках.

«Ушли, — сказал себе Дженкинс. — И никому не ведомо, когда и почему ушли. И куда, тоже неведомо. Никому ничего не говоря, ночью незаметно ускользнули. И теперь, как вспомнят, конечно же, веселятся, — веселятся при мысли о том, что мы стережем и думаем — они еще там, думаем, — как бы не вышли».

В стенах были еще двери, и Дженкинс подошел к одной из них. Взявшись за ручку, он сказал себе, что открывать нет смысла, продолжать поиски нет смысла. Если эта комната пуста и заброшена, значит, и все остальные такие же.

Он нажал на ручку, и дверь отворилась, и его обдало зноем, но комнаты он не увидел. Перед ним была пустыня, золотистая пустыня простерлась до подернутого маревом ослепительного горизонта под огромным голубым солнцем.

Нечто зеленое и пурпурное — вроде ящерицы, но совсем не ящерица, — семеня ножками, с мертвящим свистом молнией проскользнуло

по песку.

Дженкинс захлопнул дверь, оглушенный и парализованный.

Пустыня. Пустыня и что-то скользящее по песку. Не комната, не зал и не терраса — пустыня.

И солнце было голубое. Голубое и палящее.

Медленно, осторожно он снова отворил дверь, сперва самую малость, потом пошире.

По-прежнему пустыня.

Захлопнув дверь, Дженкинс уперся в нее спиной, словно требовалась вся сила его металлического туловища, чтобы не пустить пустыню внутрь, преградить путь тому, что эта дверь и пустыня означали.

«Да, здорово у них голова варила, — сказал он себе. — Здорово и быстро, куда там обыкновенным людям за ними гнаться. Мы и не представляли, как у них здорово варила голова. Но теперь-то я вижу, что она у них варила лучше, чем мы думали.

Эта комната — всего лишь прихожая, мост через немыслимые дали к другим мирам, другим планетам, вращающимся вокруг безвестных солнц. Средство покинуть Землю, не покидая ее, ключ, позволяющий, открыв дверь, пересечь пустоту».

В стенах были другие двери, и Дженкинс посмотрел на них, посмотрел и покачал головой.

Он медленно прошел через комнату к выходу. Тихо, чтобы не нарушить безмолвия пыльного помещения, нажал дверную ручку, и вышел, и увидел знакомый мир. Мир луны и звезд, ползущей между холмами речной мглы, перешептывающихся через распадок древесных крон.

Мыши все так же сновали по своим травяным ходам, и в голове у них роились радостные мышиные мысли, или что-то вроде мыслей. На дереве сидела сова, думая кровожадную думу.

«Рядом, — думал Дженкинс, — совсем еще рядом таится она — древняя лютая ненависть, древняя жажда крови. Но мы с самого начала обеспечили им преимущество, какого не было у человека, а впрочем, человечество, скорее всего, при любом начале осталось бы таким же.

И вот мы снова видим искони присущую человеку жажду крови, стремление выделиться, быть сильнее других, утверждать свою волю посредством своих изобретений — предметов, которые позволяют его руке стать сильнее любой другой руки или лапы, позволяют его зубам впиваться в плоть глубже любого клыка, которые достают и поражают на расстоянии.

Я думал получить помощь. Я пришел сюда за помощью. А помощи не будет.

Не будет помощи. Ведь только мутанты могли мне помочь, а они ушли.

Теперь вся ответственность на тебе, — говорил себе Дженкинс, идя вниз по ступеням. — Ты отвечаешь за людей. Ты должен их как-то остановить. Должен их как-то изменить. Ты не можешь позволить им погубить дело, начатое псами. Не можешь позволить им опять превратить этот мир в мир лука и стрел».

Он шел по темной лощине под лиственным сводом и ощущал запах гниющих прошлогодних листьев, скрытых под новой зеленью. Ничего подобного он прежде не испытывал.

Его старое туловище не обладало обонянием.

Обоняние, обостренное зрение, восприятие мыслей других существ — способность читать мысли енотов, угадывать мысли мышей, жажду крови в мозгу ласок и сов…

И еще кое-что: отголосок чьей-то ненависти в дыхании ветра и какой-то чужеплеменной крик ужаса.

Эта ненависть, этот крик пронизали его сознание и приковали его к месту, потом заставили сорваться с места и бежать, мчаться вверх по

склону, не так, как человек бежал бы в темноте, а так, как бежит робот, видящий во мраке и наделенный железным организмом, которому неведомы тяжелое дыхание и задыхающиеся легкие.

Ненависть — и он знал лишь одну ненависть, равную этой.

Чувство становилось все сильнее, все острее по мере того, как он бежал по тропе скачками, и мысль его стонала от мучительного страха — страха перед тем, что он увидит.

Он обогнул кустарник и резко остановился.

Человек шел вперед, согнув руки в локтях, и на траве лежал сломанный лук. Волк распростерся на земле — половина серого туловища на свету, половина в тени, и от волка пятилась какая-то призрачная тварь, наполовину тень, наполовину свет, то ли видно, то ли не видно, будто фантом из кошмара.

— Питер! — крикнул Дженкинс, но крик его был беззвучным.

Потому что он уловил исступление в мозгу полупрозрачной твари — исступление и панический ужас пробились сквозь ненависть человека, который наступал на сжавшуюся в комок, брызгающую слюной тень. Панический

ужас и отчаянное стремление — стремление что-то найти, что-то вспомнить.

Человек почти настиг ее. Он шел прямо, решительно — тщедушное тело, нелепые кулачки. И отвага.

«Отвага, — сказал себе Дженкинс, — с такой отвагой ему сам черт не страшен. С такой отвагой он сойдет в преисподнюю, и разворотит дрожащую брусчатку, и выкрикнет злую, скабрезную остроту в лицо князю тьмы».

Но тень уже нашла — нашла искомое, вспомнила заветное. Дженкинс ощутил волну облегчения, которая пронизала его плоть, услышал магическую формулу — то ли слово, то ли образ, то ли мысль. Что-то вроде ворожбы, заклинания, чародейства, но не всецело. Мысленное усилие, мысль, подчиняющая себе тело, — так, пожалуй, вернее.

Потому что формула помогла. Тварь исчезла. Исчезла, улетучилась из этого мира. Никакого намека, ни малейшего признака. Словно ее никогда и не было.

А то, что она произнесла, то, что подумала? Сейчас. Вот оно…

Дженкинс осекся. Формула запечатлена в его мозгу, он помнит ее, помнит слово, пом-

нит мысль, помнит нужную интонацию, но не должен пускать ее в ход, должен забыть о ней, хранить ее в тайниках сознания.

Ведь она подействовала на гоблина. Значит, подействует и на него. Непременно подействует.

Человек тем временем повернулся кругом и теперь стоял, уставившись на Дженкинса, — плечи опущены, руки повисли.

На белом пятне лица зашевелились губы:

— Ты… ты…

— Я Дженкинс, — сказал ему Дженкинс. — У меня новое туловище.

— Здесь что-то было, — произнес Питер.

— Гоблин, — ответил Дженкинс. — Джошуа мне сказал, что к нам проник гоблин.

— Он убил Лупуса.

Дженкинс кивнул:

— Да, он убил Лупуса. Он и многих других убил. Это он занимался убийством.

— А я убил его, — сказал Питер. — Убил его… или прогнал… или…

— Ты его испугал, — объяснил Дженкинс. — Ты оказался сильнее его. Он испугался тебя. Страх перед тобой прогнал его обратно в тот мир, откуда он пришел.

— Я мог его убить, — похвастался Питер, — но

веревка лопнула…

— В следующий раз, — спокойно заметил Дженкинс, — постарайся сделать более прочную тетиву. Я тебя научу. И сделай стальной наконечник для стрелы…

— Для чего?

— Для стрелы. Метательная палка — стрела. А палка с веревкой, которой ты ее метаешь, называется луком. Все вместе называется лук и стрела.

Питер сник:

— Значит, не я первый? Еще до меня додумались?

Дженкинс покачал головой:

— Нет, не ты первый.

Он пересек поляну и положил руку на плечо Питера:

— Пошли домой, Питер.

Питер мотнул головой:

— Нет. Я посижу здесь около Лупуса, пока не рассветет. Потом позову его друзей, и мы похороним его. — Он поднял голову и добавил, глядя в глаза Дженкинсу: — Лупус был мой друг, Дженкинс. Очень хороший друг.

— Иначе и быть не могло, — ответил Дженкинс. — Но мы еще увидимся?

— Конечно. Я приду на пикник. Вебстерский

пикник. До него осталось около недели.

— Верно, — произнес Дженкинс, думая о чем-то. — Через неделю. И тогда мы с тобой увидимся.

Он повернулся и медленно пошел вверх по склону.

Питер сел около мертвого волка ждать рассвета. Раз или два его рука поднималась, чтобы вытереть щеки.

Они сидели полукругом лицом к Дженкинсу и внимательно слушали его.

— Теперь сосредоточьтесь, — говорил Дженкинс. — Это очень важно. Сосредоточьтесь, думайте, думайте как следует и представьте себе вещи, которые принесли с собой: корзины с едой, луки и стрелы и все остальное.

— Это новая игра, Дженкинс? — прыснула одна из девочек.

— Да, — сказал Дженкинс, — что-то вроде игры. Вот именно, новая игра. Увлекательная игра. Захватывающая.

— Дженкинс всегда к пикнику Вебстеров придумывает какую-нибудь новую игру, — заметил кто-то.

— А теперь, — продолжал Дженкинс, — внимание. Смотрите на меня и постарайтесь угадать,

что я задумал…

— Это игра в угадайку! — взвизгнула смешливая девочка. — Угадайка — моя любимая игра!

Дженкинс растянул рот в улыбке:

— Ты права. Совершенно верно: это игра в угадайку. А теперь все сосредоточьтесь и смотрите на меня…

— Мне хочется испытать лук и стрелы, — сказал один из мужчин. — Потом, когда кончится игра, можно будет испытать их, Дженкинс?

— Можно, — терпеливо произнес Дженкинс. — Когда кончится игра, можете испытать их.

Он закрыл глаза и стал мысленно включаться в сознание каждого из них, проверяя всех поочередно и улавливая трепетное предвкушение в направленных к нему мыслях, ощущая, как его мозг тихонько щупают пытливые мысленные пальцы.

«Сильней! — говорил он про себя. — Сильней! Сильней!»

На экране его сознания появилась легкая рябь, и он поспешил разгладить ее.

Не гипноз, даже не телепатия, но что-то похожее, что-то очень похожее… Сосредоточить, слить воедино души собравшихся — вот в чем заключается его игра.

Медленно, осторожно он извлек из тайника формулу — слово, мысленный образ, интонацию. Потом передал все это в мозг, исподволь, не спеша — так разговаривают с ребенком, стараясь научить его верно произносить слова, правильно держать губы, двигать языком.

Подождал секунду, чувствуя, как другие ощупывают формулу, простукивают ее мысленными пальцами. А затем подумал громко — так, как думал гоблин.

И ничего не произошло. Ровным счетом ничего. Ни щелчка в мозгу. Ни такого чувства, словно падаешь. Ни головокружения. Вообще никаких ощущений.

Значит, провал. Значит, все кончено. Значит, игра проиграна.

Он открыл глаза и увидел тот же склон. И солнце так же светило в бирюзовом небе.

Он сидел молча, сидел как истукан, ощущая устремленные на него взгляды.

Кругом все осталось по-прежнему.

Если не считать…

Там, где прежде алел кустик иван-чая, теперь покачивалась маргаритка. А рядом с ней появился колокольчик, которого не было, когда он закрыл глаза.

— Уже все? — Смешливая девочка была заметно разочарована.

— Все, все, — ответил Дженкинс.

— Можно нам теперь проверить луки и стрелы? — спросил один из юношей.

— Можно, только поосторожней. Не цельтесь друг в друга. Это опасная штука. Питер вам покажет, как ими пользоваться.

— А мы пока разберем припасы, — сказала одна женщина. — Ты захватил свою корзину, Дженкинс?

— Захватил, — ответил Дженкинс. — Она у Эстер. Я дал ей подержать на время игры.

— Чудесно, — отозвалась женщина. — Не было года, чтобы ты нас чем-нибудь не удивил.

«И в этом году удивлю, еще как удивлю, — сказал себе Дженкинс. — Вас поразят пакетики с ярлычками, в каждом пакетике — семена.

Да, нам понадобятся семена. Они понадобятся, чтобы вновь появились сады, вновь зеленели поля, чтобы люди вновь растили урожай. Нам понадобятся луки и стрелы, чтобы добывать мясо. Понадобятся остроги и рыболовные крючки».

Постепенно он стал примечать еще кое-какие отличия. Другой наклон дерева на краю поляны. Новый изгиб реки в долине внизу.

Дженкинс сидел на солнце, прислушиваясь к возгласам мужчин и подростков, которые испытывали луки и стрелы, слушая болтовню женщин, которые расстелили скатерть и теперь раскладывали еду.

«Скоро придется сказать им, — думал он. — Придется предупредить, чтобы не очень налегали на еду — не уписывали все в один присест. Эти припасы нужны нам, чтобы перебиться день-два, пока мы не накопаем корней, не наловим рыбы, не соберем плодов.

Да, сейчас придется созвать их и сообщить, что произошло. Объяснить, что отныне они могут полагаться только на свои собственные силы. Объяснить почему. Объяснить, чтобы брались за дело и действовали по своему разумению. Потому что здесь их окружает девственный мир.

Предупредить их насчет гоблинов.

Впрочем, это не самое важное. Человек знает способ — жестокий способ. Способ одолеть любого, кто станет на его пути».

Дженкинс вздохнул.

— Господи, помоги гоблинам, — произнес он.

Комментарий к восьмому преданию

Существует подозрение, что восьмое, заключительное, предание — фальсификация, что оно не входило в древний цикл; перед нами позднее сочинение, состряпанное сказителем, жаждавшим публичной похвалы.

Композиция не вызывает особых возражений, но слог заметно уступает словесному мастерству других преданий.

Кроме того, бросается в глаза литературная конструкция. Очень уж ловко организован материал, слишком плавно совмещены здесь контуры, сходятся сюжетные линии предыдущих частей цикла.

А между тем если ни в одном из остальных преданий нет ничего похожего на историческую подоплеку, если в них явно преобладает мифическое начало, то восьмое предание зиждется на исторической основе.

Досконально известно, что один из закрытых миров закрыт потому, что он принадлежит муравьям. Он является муравьиным миром, причем стал таким еще в незапамятные времена.

Нет никаких данных о том, что мир муравьев

был исконной родиной Псов, но и обратное не доказано. Тот факт, что до сих пор науке не удалось обнаружить какой-либо иной мир, который мог считаться родиной Псов, как будто указывает на то, что мир муравьев, возможно, и есть так называемая Земля.

Если это так, придется, видимо, оставить все надежды на обнаружение новых данных о происхождении цикла, ведь только в первом мире Псов можно было бы найти остатки материальной культуры, позволяющие неопровержимо установить происхождение цикла. Только там можно было бы получить ответ на основной вопрос: существовал Человек или не существовал? Если планета муравьев — Земля, тогда закрытый город Женева и усадьба на Вебстер-хилл для нас утрачены навсегда.

VIII. Простой способ

Енот Арчи, маленький беглец, припал к земле, стараясь поймать одну из снующих в траве крохотных тварей. Его робот Руфес обратился к нему, но енот был слишком занят и не отозвался.

Хомер сделал нечто такое, чего до него не делал ни один пес. Он пересек реку и затрусил к лагерю диких роботов, борясь со страхом: ведь невозможно было предугадать, как с ним поступят дикие роботы, когда обернутся и увидят его. Но то, что его беспокоило, перевесило страх, и он побежал быстрей.

В недрах уединенного муравейника муравьи мечтали и рассчитывали, как овладеть миром, недоступным их разумению. И наступали на этот мир с надеждой на успех и с верой в дело, недоступное разумению ни псов, ни роботов, ни людей.

В Женеве Джон Вебстер округлил десятое тысячелетие своего забытья и продолжал спать, лежа без движения. На бульваре блуждающий ветерок тормошил листву, но этого никто не слышал и никто не видел.

Дженкинс мерил шагами склон, не глядя ни

налево, ни направо, потому что с обеих сторон были вещи, которые ему не хотелось видеть. Дерево, стоящее на том же месте, где в другом мире стояло другое дерево. Откос, запечатлевшийся в его мозгу с миллиардом шагов через десять тысячелетий.

И если хорошенько вслушаться, можно было услышать отдающийся в веках хохоток — сардонический хохоток человека по имени Джо.

Арчи поймал одну снующую тварь и крепко зажал ее в лапе. Осторожно поднял лапу и разжал ее: вот она, исступленно мечется, норовит убежать.

— Арчи, — сказал Руфес, — ты меня не слушаешь.

Снующая тварь нырнула в мех Арчи и устремилась вверх по лапе.

— Похоже на блоху. — Арчи сел и почесал себе брюхо. — Новый род блох. Вот было бы некстати. Они и старые-то осточертели.

— Ты не слушаешь, — повторил Руфес.

— Я занят, — отозвался Арчи. — Вся трава кишит этими тварями. Мне надо выяснить, что это такое.

— Я ухожу от тебя, Арчи.

— Что?..

— Ухожу от тебя. Пойду к Зданию.

— Ты рехнулся! — вспылил Арчи. — Ты не можешь меня бросить. Ты какой-то психованный с тех самых пор, как шлепнулся на муравейник…

— Меня позвал Голос, — сказал Руфес. — Я не могу не пойти.

— Я тебя берег, — умоляюще продолжал енот. — Никогда не перегружал работой. Обращался с тобой как с товарищем, а не как с роботом. Так, как будто ты зверь.

Руфес упрямо мотал головой:

— И не пробуй меня удержать. Все равно я не могу остаться, что бы ты ни делал. Меня позвал Голос, и я не могу не пойти.

— Но ведь я так окажусь совсем без робота, — не унимался Арчи. — Они вытащили мой номер, и я убежал. Теперь я дезертир, и ты это знаешь. Знаешь, что я не могу добыть себе другого робота, потому что за мной следят.

Руфес никак не реагировал на его слова.

— Ты мне нужен, — настаивал Арчи. — Ты должен остаться и помогать мне таскать корм. Мне нельзя подходить к пунктам кормления, сторожа сразу схватят меня и поволокут на Вебстер-хилл. Ты должен помочь мне выкопать нору. Скоро зима, и мне понадобится логово. Пусть без света

и отопления, но логово нужно. И ты должен…

Руфес уже повернулся и шагал вниз по склону к тропе, вьющейся по берегу реки. Вот вышел на тропу, взял курс на темное пятно вдали над горизонтом.

Арчи сидел, обвив хвостом лапы и ежась от ветра, который ворошил его мех. Какой студеный ветер, всего час назад он не был таким студеным… И не погода сделала его холодным, а что-то еще.

Яркие глаза-бусинки обрыскали весь склон: нет Руфеса…

Без корма, без логова, без робота. И стража его разыскивает. И блохи нещадно кусают.

А тут еще это Здание — темная клякса на дальних холмах за рекой.

Сто лет назад (так записано в книгах) Здание было не больше усадьбы Вебстеров.

Но с тех пор оно выросло, раздалось во все стороны, этому строительству не видно конца. Сначала Здание занимало один акр. Потом квадратную милю. Теперь оно целый уезд захватило. И продолжает расти, расползается вширь, тянется ввысь.

Клякса над холмами… И гроза для суеверного лесного народца, который наблюдает за ней. Слово, которым стращают расшумевшихся козлят,

щенят и котят.

Потому что Здание воплощало зло, как все непонятное воплощает зло… Зло скорее угадываемое и предполагаемое, чем слышимое, зримое, обоняемое. Угадываемое чутьем — особенно темной ночью, когда погашен свет, и ветер скулит у входа в логово, и все звери спят, только один не спит и слушает плывущий между мирами *другой* Голос.

Арчи моргнул, взглянув на осеннее солнце, украдкой почесал бок.

«Возможно, когда-нибудь, — сказал он себе, — кто-нибудь придумает способ совладать с блохами. Какое-нибудь средство, чтобы натер мех — и ни одна блоха не сунется. Или придумают способ общаться с ними, чтобы можно было потолковать и урезонить их. Возможно, учредят для них заповедник, где бы они жили и получали пищу, а зверей оставили бы в покое. Или что-нибудь в этом роде».

А пока что же остается?.. Чешись. Попроси своего робота, чтобы выловил блох, да только робот больше шерсти надергает, чем блох поймает. Катайся в песке или пыли. Искупайся, чтобы утопить несколько штук… Нет, не утопить, конечно, а просто смыть, если же при этом какая-нибудь

из них захлебнется, пусть на себя пеняет.

Попроси робота… Но робота больше нет.

Нет робота, который ловил бы твоих блох.

Нет робота, который помогал бы добывать пищу.

Постой, ведь внизу, в долине, стоит куст боярышника, и ягоды, наверно, уже тронуты ночным морозцем. При мысли о ягодах Арчи облизнулся. А за горой — кукурузное поле. Тому, кто легок на ногу, кто умеет выбирать подходящую минуту и незаметно подкрадываться, ничего не стоит раздобыть початочек. На худой конец всегда найдутся коренья, желуди, а на песчаной косе дикий виноград растет.

— Пусть Руфес уходит, — пробурчал Арчи себе под нос. — Пусть псы кичатся своими пунктами кормления. Пусть сторожа сторожат.

Он будет жить сам по себе. Будет есть плоды, и выкапывать коренья, и устраивать набеги на кукурузные поля, как его далекие предки ели плоды, выкапывали коренья, устраивали набеги на кукурузные поля.

Будет жить как все еноты жили, прежде чем явились псы со своими идеями насчет братства животных. Как жили все звери до того, как научились говорить словами, научились читать

печатные книги, полученные от псов, до того, как обзавелись роботами, выполняющими роль рук, до того, как в норах появились отопление и свет.

И до того, как появилась лотерея, распоряжающаяся, оставаться тебе на Земле или отправляться в другой мир.

Ничего не скажешь, псы все это излагали очень убедительно, очень рассудительно и деликатно. Некоторым животным, говорили они, придется перебираться в другие миры, иначе на Земле будет слишком много животных. Земля, говорили они, недостаточно велика, чтобы всех поместить. И лотерея, указывали они, — самый справедливый способ решить, кому именно переправляться в другие миры.

И ведь другие миры, говорили они, мало чем отличаются от Земли. Потому что они всего лишь пристройка к Земле. Это просто другие миры, которые идут по пятам за Землей. Может быть, не совсем так, но что-то очень похожее. Почти никакой разницы. Может быть, нет дерева там, где на Земле растет дерево. Может быть, стоит дуб там, где на Земле растет орешник. Может быть, бьет источник с холодной чистой водой там, где на Земле никакого источника нет.

— Может быть, — говорил ему Хомер, вооду-

шевляясь, — может быть, мир, куда ты попадешь, окажется даже лучше Земли.

Арчи припал к земле, чувствуя, как теплые лучи осеннего солнца пробиваются сквозь знобкий холод осеннего ветра. Он думал о боярышнике, о мягких и сочных ягодах. Некоторые даже упали на землю. Сперва он съест те, которые лежат на земле, потом залезет на деревце и сорвет еще несколько штук, потом слезет и подберет те, которые осыпались, пока он лазил.

Он будет есть их, и брать лапами, и растирать по мордочке. Можно даже покататься на них.

Уголком глаза он видел, как копошатся в траве снующие твари. Совсем как муравьи, хотя это вовсе не муравьи. Во всяком случае, не похожи на тех муравьев, которых он видел до сих пор.

Может быть, блохи? Новая порода блох.

Его лапа метнулась вперед и схватила одну тварь. Он почувствовал, как она копошится в ладони. Разжал пальцы и посмотрел, как она мечется, и снова сжал пальцы.

Поднес лапу к уху и прислушался.

Тварь, которую он поймал, тикала!

Лагерь диких роботов оказался совсем не таким, каким его представлял Хомер. Он не увидел никаких зданий. Только пусковые установки, и

три космических корабля, и пять или шесть роботов, которые трудились над одним из кораблей.

Впрочем, если вдуматься, он мог бы заранее сообразить, что в лагере роботов не будет зданий. Ведь роботы не нуждаются в убежище, а что такое дом, как не убежище.

Хомеру было страшно, но он изо всех сил старался не показывать этого — хвост крючком, голову выше, уши вперед — и решительно затрусил прямо к роботам. Около них он сел и вывесил язык, ожидая, когда кто-нибудь обратит на него внимание.

Но никто не обратил на него внимания, тогда Хомер собрался с духом и сам заговорил.

— Меня зовут Хомер, — сказал он, — я представляю псов. Если у вас есть старший робот, я хотел бы с ним поговорить.

С минуту роботы продолжали работать, наконец один из них повернулся, подошел к Хомеру и присел на корточки, так что его голова оказалась вровень с головой пса. Остальные роботы продолжали работать как ни в чем не бывало.

— Я робот по имени Эндрю, — сказал робот, присевший на корточки рядом с Хомером. — Меня нельзя назвать старшим роботом, потому что у нас таких вообще нет. Но я могу поговорить

с тобой.

— Я пришел к вам насчет Здания, — сообщил Хомер.

— Насколько я понимаю, — ответил робот по имени Эндрю, — ты говоришь о постройке, что к северо-востоку от нас. О постройке, которую ты можешь увидеть отсюда, если повернешься кругом.

— Вот именно, о ней, — подтвердил Хомер. — Я пришел спросить, зачем вы ее строите.

— Мы не строим ее, — сказал Эндрю.

— Мы видели, как там работают роботы.

— Да, там работают роботы. Но мы не строим ее.

— Вы кому-то помогаете?

Эндрю покачал головой:

— Некоторых из нас призвали… призвали пойти и работать там. И мы их не стали задерживать, потому что каждый из нас волен распоряжаться собой.

— Но кто же строит ее? — спросил Хомер.

— Муравьи.

У Хомера отвисла нижняя челюсть:

— Муравьи? Вы про насекомых говорите? Маленьких таких, которые в муравейниках живут?

— Вот именно, — подтвердил Эндрю.

Его пальцы пробежали по песку, изображая встревоженного муравья.

— Но они на это не способны, — возразил Хомер. — Они тупые.

— Теперь уже нет, — сказал Эндрю.

Хомер сидел неподвижно, будто примерз к песку, и холодные мурашки бежали у него по телу.

— Теперь уже нет, — повторил про себя Эндрю. — Теперь не тупые. Понимаешь, жил-был на свете человек по имени Джо…

— Человек? Что это такое? — спросил Хомер.

Робот прищелкнул с мягкой укоризной.

— Это были такие животные, — объяснил он. — Животные, которые ходили на двух ногах. Очень похожие на нас, с той разницей, что они были из живой плоти, а мы металлические.

— Ты, наверное, про вебстеров говоришь. Мы слышали про таких тварей, только зовем их вебстерами.

Робот медленно кивнул:

— Вебстеры — люди?.. Пожалуй. Помнится, был один род с такой фамилией. Как раз за рекой жили.

— Там находится усадьба Вебстеров, — сказал Хомер. — На макушке Вебстер-хилл.

— Она самая, — подтвердил Эндрю.

— Мы смотрим за этим домом, — продолжал Хомер. — Он считается у нас святыней, хотя нам не совсем понятно почему. Такой наказ передается из поколения в поколение: смотреть за усадьбой Вебстеров.

— Это вебстеры научили вас, псов, говорить, — сообщил Эндрю.

Хомер внутренне ощетинился:

— Никто нас не учил говорить. Мы сами научились. Мы постепенно совершенствовались. И других животных научили.

Сидя на корточках, робот Эндрю качал головой, словно кивал собственным мыслям.

— Десять тысяч лет, — сказал он. — Если не двенадцать. Что-нибудь около одиннадцати.

Хомер ждал, и, ожидая, он ощутил тяжелое бремя лет, давящее на холмы… Годы реки и солнца, годы песка, и ветра, и неба. Годы Эндрю.

— Ты старый, — произнес он. — И ты помнишь, что было столько лет назад?

— Помню, — ответил Эндрю. — Хотя я один из последних роботов, сделанных людьми. Меня изготовили за несколько лет до того, как они отправились на Юпитер.

Хомер притих, он был в полном смятении.

Человек… Новое слово.

Животное, которое ходило на двух ногах.

Животное, которое изготавливало роботов, которое научило псов говорить.

Эндрю словно прочитал его мысли:

— Напрасно вы нас сторонились. Нам надо было сотрудничать. Когда-то мы сотрудничали. Для обеих сторон был бы выигрыш, если бы мы продолжали сотрудничать.

— Мы вас боялись, — сказал Хомер. — Я и теперь вас боюсь.

— Ну да. Конечно, так и должно быть. Конечно, Дженкинс позаботился о том, чтобы вы нас боялись. Он был башковитый, этот Дженкинс. Он понимал, что вам надо начинать с чистой страницы. Понимал, что незачем вам таскать на себе мертвым грузом память о человеке.

Хомер сидел молча.

— А мы, — продолжал робот, — не что иное, как память о человеке. Мы делаем то же, что он делал, только более научно. Ведь мы машины, значит, в нас больше науки. Делаем более терпеливо, чем человек, потому что у нас сколько угодно времени, а у него были всего какие-то годы.

Эндрю начертил на песке две параллельные линии, потом еще две поперек. Нарисовал крестик в левом верхнем углу.

— Ты думаешь, я сумасшедший, — сказал он. — Думаешь, чушь горожу.

Хомер поерзал на песке.

— Я не знаю, что и думать, — ответил он. — Все эти годы…

Эндрю нарисовал пальцем нолик в клетке посередине.

— Понятно, — сказал он. — Все эти годы вас поддерживала мечта. Мысль о том, что псы были застрельщиками. Факты иной раз трудно признать, трудно переварить. Пожалуй, лучше тебе забыть то, что я сказал. Факты иной раз ранят душу. Робот обязан оперировать фактами, ему больше нечем оперировать. Мы ведь не можем мечтать. У нас нет ничего, кроме фактов.

— Мы давно уже перешагнули через факт, — сообщил Хомер. — Это не значит, что мы совсем пренебрегаем фактами, нет, иногда мы ими пользуемся. Но вообще-то мы действуем иначе. У нас главное интуиция, гоблинство, слушание.

— Вы не мыслите механически, — заметил Эндрю. — Для вас дважды два не всегда четыре, для нас — всегда. Иногда я спрашиваю себя, не слепит ли нас традиция. Спрашиваю себя, может быть, дважды два бывает больше или меньше четырех.

Они посидели молча, глядя на реку — ленту из расплавленного серебра на цветном поле.

Эндрю нарисовал крестик в верхнем правом углу, нолик над центральной клеткой, крестик в средней клетке внизу. Потом стер все ладонью.

— Никак не могу выиграть у себя. Слишком сильный противник.

— Ты говорил про муравьев, — сказал Хомер. — Что они уже не тупые.

— А, да-да, — подтвердил Эндрю. — Я говорил про человека по имени Джо…

Дженкинс мерил шагами склон, не глядя ни налево, ни направо, потому что с обеих сторон были вещи, которые ему не хотелось видеть, которые вызывали слишком волнующие воспоминания. Дерево, стоящее там же, где в другом мире стояло другое дерево. Откос, запечатлевшийся в его мозгу с миллиардом шагов через десять тысячелетий.

В зимнем небе тускло мерцало вечернее солнце, мерцало, будто свеча на ветру, потом перестало мерцать, и это был уже не солнечный свет, а лунный.

Дженкинс остановился, обернулся и увидел усадьбу… Она распласталась на холме, приникла к холму, словно спящее юное существо, льнущее

к матери-земле.

Дженкинс нерешительно шагнул вперед, и сразу же его металлическое туловище засверкало, заискрилось в лунном свете, который мгновение назад был солнечным.

Из долины донесся крик ночной птицы, а в кукурузном поле под гребнем скулил енот.

Дженкинс сделал еще шаг, заклиная небо, чтобы усадьба не исчезла, хотя знал, что усадьба не может исчезнуть, потому что ее и так нет. Ведь он шел по пустынному холму, на котором никогда не было никакой усадьбы. Он находился в другом мире, где вообще не существовало домов.

Дом продолжал стоять на месте, темный, безмолвный, без дыма над трубами, без огней в окнах, но знакомые очертания, ошибиться невозможно.

Дженкинс ступал медленно, осторожно, боясь, что дом скроется, боясь спугнуть его.

Но дом не двигался с места. И ведь есть еще приметы. Вон там стояла ольха, а теперь дуб стоит, как и тогда. И вместо зимнего солнца светит осенняя луна. И ветер дует с запада, а не с севера.

«Что-то произошло, — сказал себе Дженкинс. — Что-то зрело во мне. Я чувствовал, но не мог понять, что именно. Новое свойство развилось?

Новое чувство прорезалось? Новая сила, о которой я не подозревал? Способность переходить по своему желанию из одного мира в другой? Способность переноситься в любое место кратчайшим путем, какой только могут измыслить для меня закрученные нужным образом силовые линии?»

Он зашагал смелее, и дом никуда не делся, продолжал стоять, реальный, вещественный.

Он пересек двор, заросший травой, и остановился перед дверью.

Неуверенно поднял руку и взялся за щеколду. Щеколда была настоящая. Нет, не иллюзия, реальный металл.

Он медленно поднял ее, и дверь отворилась внутрь, и он переступил через порог.

Через пять тысяч лет Дженкинс вернулся домой… Вернулся в усадьбу Вебстеров.

Итак, был некогда человек по имени Джо. Не Вебстер, а человек. Потому что Вебстер — это человек. И не псы были застрельщиками.

Хомер — рыхлый ком шерсти, костей и мышц — лежал перед очагом, вытянув лапы вперед и положив на них голову. Сквозь щелочки глаз он видел пламя и тени, и тепло от горящих поленьев, достав его, распушило шерсть.

Но внутреннему взгляду Хомера рисовался

песок, и сидящий на корточках робот, и холмы с гнетущим грузом лет.

Эндрю сидел на корточках на песке и рассказывал, и плечи его озаряло осеннее солнце… Рассказывал про людей, и про псов, и про муравьев. Об одном деле, которое произошло еще во времена Нэтэниела, и было это давным-давно, ведь Нэтэниел был первым псом.

Жил-был человек по имени Джо, человек-мутант, человек-титан, который двенадцать тысяч лет назад обратил внимание на муравьев. И задумался, почему остановилось их развитие, почему их стезя зашла в тупик.

Может быть, голод, рассуждал Джо, беспрестанная необходимость запасать пищу, чтобы выжить. Может быть, спячка, зимний застой, когда рвется цепочка памяти. И начинай все сначала что ни год — муравьи словно заново на свет появляются.

И тогда, говорил Эндрю, поблескивая на солнце металлической лысиной, Джо выбрал один муравейник и назначил себя богом, чтобы изменить судьбы муравьев. Он кормил их, так что им не надо было бороться с голодом. Он накрыл муравейник куполом и подогревал его так, что отпала надобность в зимней спячке.

И вмешательство помогло. Муравьи делали успехи. Они мастерили тележки и плавили металл. Это были зримые успехи, ведь тележки катили поверху, а торчащие из муравейника трубы исторгали едкий дым. Чего еще они достигли, чему еще научились в глубине подземных ходов, никто не знал и не ведал.

Джо был сумасшедший, говорил Эндрю. Сумасшедший… А может быть, и не такой уж сумасшедший.

Потому что однажды он разбил плексигласовый купол и ударом ноги распахал муравейник, а затем повернулся и ушел, потеряв всякий интерес к будущему муравьев.

Но муравьи не потеряли интерес.

Рука, разбившая купол, нога, распахавшая муравейник, толкнули муравьев на путь к величию. Заставили их бороться — бороться, чтобы отстоять завоеванное, чтобы стезя их снова не уперлась в тупик.

Встряска, говорил Эндрю. Муравьи получили встряску. И она придала им ускорение в нужном направлении.

Двенадцать тысяч лет назад разрушенный, развалленный муравейник — сегодня могучее здание, растущее с каждым годом. Здание, которое за

какую-нибудь сотню лет заняло целый уезд, а еще через сотню лет займет сотню уездов. Здание, которое будет разрастаться, занимая землю. Землю, которая принадлежит не муравьям, а зверям.

Здание. Не совсем это верно, просто с самого начала повелось называть его Зданием. Ведь по-настоящему здание — это убежище, место, где можно укрыться от холода и ненастья. А зачем оно муравьям, когда у них есть подземные ходы и муравейники? Зачем понадобилось муравью воздвигать сооружение, которое за сто лет простерлось на целый уезд и все еще продолжает расти? Какая муравью польза от такого сооружения?

Хомер зарылся подбородком в шерсть между лапами, из горла его вырвалось ворчание.

Это невозможно понять. Ведь сперва надо понять, как мыслит муравей. Надо понять, к чему он стремится, чего добивается. Надо получить понятие о его знаниях.

Двенадцать тысяч лет познания. Двенадцать тысяч лет, считая от начального уровня, который сам по себе непознаваем.

Но понять нужно. Должен быть способ понять.

Потому что из года в год Здание будет разрастаться. Миля в поперечнике, потом шесть, потом

сто. Сто миль и еще сто, а затем весь мир.

«Отступать, — сказал себе Хомер. — Да, можно отступать. Можно переселиться в другие миры, те самые миры, которые плывут за нами в потоке времени, те самые миры, которые наступают на пятки друг другу. Можно отдать Землю муравьям, нам все равно найдется место.

Но ведь это наш дом. Здесь возникли псы. Здесь мы научили животных говорить, и мыслить, и действовать сообща. Здесь мы создали братство зверей.

Не так уж важно, кто был застрельщиком — вебстер или пес. Здесь наша родина. В такой же мере наша, как и вебстера. В такой же мере наша, как и муравья.

И мы должны остановить муравьев.

Должен быть какой-то способ остановить их. Способ переговорить с ними, выяснить, чего они хотят. Способ урезонить их. Должна найтись какая-то основа для переговоров. И путь к соглашению».

Хомер лежал неподвижно перед очагом, слушая наполняющие дом шорохи, мягкую, приглушенную поступь хлопочущих роботов, неразборчивый говор псов где-то этажом выше, треск пламени, обгрызающего полено.

«Неплохая жизнь, — пробормотал про себя Хомер. — Неплохая жизнь, и мы думали, что это все сделано нами. А вот Эндрю говорит — не нами. Эндрю говорит, что мы ни грана не добавили к оставленному нам в наследство инженерному искусству и машинной логике и что нами многое утрачено. Он толковал о химии и пробовал что-то объяснить, но я ничего не понял. Толковал об изучении элементов и каких-то атомов и молекул. И электроники… Правда, он сказал, что мы без электроники умеем делать такие чудеса, каких не сумел бы сделать человек со всеми его знаниями. Сказал, что можно миллион лет изучать электронику и не добраться до других миров, даже не знать про них… А мы с этим справились, сделали то, чего вебстер не смог бы сделать.

Потому что мы мыслим не так, как вебстер. Нет, это называется человек, а не вебстер.

Или взять наших роботов. Наши роботы не лучше тех, которые нам оставил человек. Небольшие изменения… очевидные изменения, но никаких существенных улучшений.

Да и кому могла прийти в голову мысль о более совершенном роботе?

Кукурузный початок покрупнее — это понятно. Или грецкий орех поразвесистей. Или водяной

рис с колосками потяжелее. Или лучший способ производить дрожжи, заменяющие мясо.

Но более совершенный робот… Зачем, когда робот и так выполняет все, что от него требуется? Зачем его совершенствовать?

А впрочем… Роботы слышат призыв и отправляются работать к Зданию, отправляются строить махину, которая сгонит нас с Земли.

Мы не можем разобраться. Конечно, не можем разобраться. Если бы мы лучше знали наших роботов, мы, быть может, разобрались бы, в чем дело. И, разобравшись, может быть, сумели бы сделать так, чтобы роботы не получали призыва или, услышав призыв, оставляли его без внимания.

А это, конечно, решило бы проблему. Если роботы не будут трудиться, строительство прекратится. Одни муравьи, без помощи роботов, не смогут продолжать стройку».

По голове Хомера пробежала блоха, и он дернул ухом.

«Но ведь Эндрю может ошибаться. У нас есть легенда о рождении братства зверей, а у диких роботов есть легенда о падении человека. Кто теперь скажет, которая из легенд верна?

Вообще-то рассказ Эндрю звучит правдопо-

добно. Были псы, и были роботы, и, когда пал человек, их пути разошлись… Правда, мы оставили себе роботов, которые служили нам руками. Несколько роботов остались с нами, но ни один пес не остался с роботами».

Из какого-то угла вылетела осенняя муха и ошалело заметалась перед пламенем. Пожужжав над головой Хомера, она села ему на нос, Хомер свирепо уставился на нее, а она подняла задние лапки и нахально принялась чистить крылышки. Хомер взмахнул лапой, и муха улетела.

Раздался стук в дверь.

Хомер поднял голову и несколько раз моргнул.

— Войдите, — сказал он наконец.

Это был робот Хезикайя.

— Они поймали Арчи, — сказал Хезикайя.

— Арчи?

— Енота Арчи.

— Ах да, это он убежал.

— Они привели его сюда. Хочешь с ним поговорить?

— Пусть войдут, — сказал Хомер.

Хезикайя сделал знак пальцем, и Арчи трусцой вбежал в комнату. Шерсть его была вся в репьях, хвост волочился по полу. Следом за ним вошли два робота-сторожа.

— Он подбирался к кукурузе, — доложил один из сторожей, — и тут мы его застали, но нам пришлось побегать за ним.

Нехотя сев, Хомер уставился на Арчи. Арчи ответил тем же.

— Они бы меня ни за что не поймали, — сказал он, — будь у меня Руфес. Руфес был мой робот, и он бы меня предупредил.

— А куда же делся Руфес?

— Его сегодня позвал Голос, и он бросил меня, пошел к Зданию.

— Скажи-ка, а с Руфесом ничего не случилось, прежде чем он ушел? Ничего необычного? Ничего из ряда вон выходящего?

— Ничего, — ответил Арчи. — Если не считать, что он шлепнулся на муравейник. Он был очень неуклюжий. Настоящий раззява… Все время спотыкался, в собственных ногах путался. С координацией что-то неладно. Какого-то винтика не хватало.

С носа Арчи соскочила крохотная черная тварь и помчалась по полу. Молниеносным движением лапы енот поймал ее.

— Лучше отойди от него подальше, — предостерег Хезикайя Хомера. — С него блохи так и сыплются.

— Это не блоха. — Арчи возмущенно надул щеки. — Это что-то другое. Я эту тварь сегодня поймал. Она тикает, и она похожа на муравья, но это не муравей.

Тикающая тварь протиснулась между пальцами Арчи и упала на пол. Приземлившись на ноги, она снова ринулась наутек. Арчи выбросил вперед лапу, но тварь увернулась. Мигом добежала до Хезикайи и устремилась вверх по его ноге.

Хомер вскочил, осененный внезапной догадкой.

— Скорей! — вскричал он. — Хватайте ее! Ловите! Не давайте ей…

Но тварь уже исчезла.

Хомер медленно сел опять.

— Стража, — он говорил спокойно, спокойно и сурово, — отведите Хезикайю в тюрьму. Не отходите от него ни на шаг, не давайте ему убежать. Докладывайте обо всем, что он будет делать.

Хезикайя попятился:

— Но я ничего не сделал.

— Верно, — мягко произнес Хомер. — Верно, ты ничего не сделал. Но ты сделаешь. Ты услышишь Голос, и ты попытаешься уйти от нас, уйти к Зданию. И прежде чем отпустить тебя, мы выясним, что заставляет тебя уходить. Что это за штука и

как она действует.

Хомер повернулся, оскалив зубы в псиной улыбке:

— Ну так, Арчи…

Но Арчи не было.

Было открытое окно. И никакого Арчи.

Хомер поежился на мягкой постели, ему не хотелось просыпаться, из глотки вырвалось ворчание.

«Старею, — думал он. — Годы гнетут не только холмы, но и меня, их слишком много. А бывало, только заслышу шум за дверью, тотчас вскочу, весь в сене, и лаю как оглашенный, оповещаю роботов».

Снова послышался стук, и Хомер заставил себя встать.

— Входите! — крикнул он. — Сколько можно барабанить, входите!

Дверь отворилась, и вошел робот, такого огромного робота Хомер еще никогда не видел. Блестящий, могучий, тяжелый, полированное туловище даже во мраке светилось, как угли в очаге. А на плече робота восседал енот Арчи.

— Я Дженкинс, — сказал робот. — Я вернулся сегодня ночью.

Хомер судорожно глотнул и сел.

— Дженкинс, — вымолвил он. — У нас есть предания… легенды… старинные легенды.

— Только легенды, и все? — спросил Дженкинс.

— И все, — ответил Хомер. — Есть легенда о роботе, который смотрел за нами. Хотя Эндрю сегодня говорил о Дженкинсе так, словно сам его знал. Есть еще предание о том, как псы подарили вам новое туловище в день вашего семитысячелетия, и это было потрясающее туловище, оно…

У него перехватило дыхание, потому что туловище робота, который стоял перед ним с енотом на плече… это туловище… ну конечно, это и есть тот подарок.

— А усадьба Вебстеров? — спросил Дженкинс. — Вы смотрите за усадьбой Вебстеров?

— Да, мы смотрим за усадьбой Вебстеров, — сказал Хомер. — Следим, чтобы все было в порядке. Это так положено.

— А вебстеры?

— Вебстеров нет.

Дженкинс кивнул. Необычно острое чутье уже сказало ему, что вебстеров нет. Не было вебстеровских излучений, не было мыслей о вебстерах в сознании тех, с кем он общался.

Что ж, так и должно быть.

Он медленно прошел через комнату, ступая мягко, как кошка, несмотря на огромный вес, и Хомер ощутил, как он движется, ощутил дружелюбие и доброту этого металлического существа, ощутил заключенную в могучей силе надежную защиту.

Дженкинс присел на корточки перед ним.

— У вас неприятности, — сказал он.

Хомер молча смотрел на него.

— Муравьи, — продолжал Дженкинс. — Арчи рассказал мне. Рассказал, что вам досаждают муравьи.

— Я хотел спрятаться в усадьбе Вебстеров, — объяснил Арчи. — Я боялся, что вы меня опять настигнете, и я подумал, что усадьба Вебстеров…

— Помолчи, Арчи, — остановил его Дженкинс. — Ты ничего не знаешь об усадьбе. Ты сам сказал мне, что не знаешь. Ты просто рассказал, что у псов неприятности с муравьями, и все.

Он снова перевел взгляд на Хомера.

— Я подозреваю, что это муравьи Джо, — сказал он.

— Значит, тебе известно про Джо? — отозвался Хомер. — Значит, на самом деле был человек по имени Джо?

— Да, был такой смутьян, — рассмеялся Джен-

кинс. — Хотя временами ничего парень. С огоньком.

— Они строят, — сказал Хомер. — Заставляют работать на себя роботов и воздвигают Здание.

— Ну и что, — ответил Дженкинс, — у муравьев тоже есть право строить.

— Но они строят чересчур быстро. Они вытеснят нас с Земли. Еще тысяча лет — и они всю Землю займут, если и дальше будут строить в таком духе.

— А вам некуда деться? Вот что вас заботит.

— Почему же, нам есть куда деться. Места много. Все остальные миры. Миры гоблинов.

Дженкинс важно кивнул:

— Я был в мире гоблинов. Первый мир после этого. Переправил туда нескольких вебстеров пять тысяч лет назад. И только сегодня ночью вернулся оттуда. Я понимаю, что вы чувствуете. Никакой другой мир не заменит родного. Я тосковал по Земле все эти пять тысяч лет. Я вернулся в усадьбу Вебстеров и застал там Арчи. Он рассказал мне про муравьев, и тогда я пришел сюда. Надеюсь, вы не против?

— Мы рады тебе, — мягко произнес Хомер.

— Эти муравьи, — продолжал Дженкинс. — Очевидно, вам хотелось бы их остановить.

Хомер кивнул.

— Способ есть, — сказал Дженкинс. — Я знаю, что способ есть. У вебстеров был способ, надо только вспомнить. Но это было так давно. Я помню только, что простой способ. Очень простой способ.

Рука его поднялась и поскребла подбородок.

— Почему ты так делаешь? — спросил Арчи.

— Что?

— Лицо вот так трешь. Почему ты это делаешь?

Дженкинс опустил руку:

— Просто привычка, Арчи. Вебстерская манера. У них был такой способ думать. Я у них перенял.

— И тебе это помогает думать?

— Не знаю, может быть. А может быть, нет. Вебстерам как будто помогало. Ну хорошо, как поступил бы Вебстер в таком случае? Вебстеры могли бы нас выручить. Я знаю, что могли бы…

— Те вебстеры, которые в мире гоблинов? — сказал Хомер.

Дженкинс покачал головой.

— Но ведь ты сказал, что переправил туда…

— Верно. Но теперь их там нет. Я почти четыре тысячи лет как живу один в мире гоблинов.

— Но тогда вебстеров совсем нигде нет. Осталь-

ные отправились на Юпитер. Так мне Эндрю сказал. Дженкинс, где находится Юпитер?

— Как же, есть, — ответил Дженкинс. — Я хочу сказать, есть здесь вебстеры. Во всяком случае, были. Те, которые остались в Женеве.

— А дело-то непростое, — заметил Хомер. — Даже для вебстера. Эти муравьи хитрющие. Арчи ведь рассказал тебе про блоху, которую он поймал?

— Это была вовсе не блоха, — возразил Арчи.

— Да, он мне рассказал, — подтвердил Дженкинс. — Сказал, что она залезла на Хезикайю.

— Не совсем так, — сказал Хомер. — Она внутрь залезла. Это была не блоха… это был робот, крохотный робот. Он просверлил дырочку в черепе Хезикайи и забрался в его мозг. А дырочку за собой заделал.

— И чем же теперь занят Хезикайя?

— Ничем, — ответил Хомер. — Но мы наперед знаем, что он сделает, как только робот-муравей изменит настройку. Его позовет Голос. Он услышит призыв и отправится строить Здание.

Дженкинс кивнул:

— Берут управление на себя. Самим такая работа не по силам, поэтому они подчиняют себе тех, кому она по силам.

Он опять поднял руку и поскреб подбородок.

— Интересно, Джо это предвидел? — пробормотал он. — Предвидел, когда выступал в роли бога для муравьев?

Да нет, ерунда. Джо не мог это предвидеть. Даже такой гигант, как Джо, не мог заглянуть на двенадцать тысяч лет вперед.

«Так давно это было, — подумал Дженкинс. — Так много всего произошло с тех пор. Тогда Брюс Вебстер только-только начинал опыты с псами, только начал осуществлять свою мечту о говорящих, мыслящих псах, которые будут идти по дорогам судьбы лапа об руку с человеком… И не подозревал, что всего через несколько столетий человечество разбредется по Вселенной и оставит Землю роботам и псам. Не знал, что само имя «человек» утонет в прахе веков. Что все племя будут называть фамилией одного рода.

Что же, род Вебстеров того заслуживал. Помню их, словно это было вчера. И ведь было время, когда я о себе самом думал как о Вебстере.

Видит бог, я старался быть Вебстером. Изо всех сил старался. Продолжал помогать вебстерским псам, когда род людской исчез, и наконец переправил последних суматошных представителей этого племени сорвиголов в другой мир, чтобы

расчистить путь для псов, чтобы псы могли преобразить Землю по своему разумению.

А теперь и эти последние непоседы исчезли… исчезли куда-то… невесть куда. Нашли убежище в какой-то из причуд человеческой мысли. Что до людей на Юпитере, так они ведь не люди, а что-то другое. И Женева закрыта… отгорожена от всего мира.

А впрочем, вряд ли она более далека или более надежно отгорожена, чем мир, из которого я пришел. Мне бы только разобраться, как это у меня вышло, что я из отшельничества в мире гоблинов вернулся в усадьбу Вебстеров. Тогда, может быть, я так или иначе нашел бы способ проникнуть в Женеву.

Новое свойство, сказал себе Дженкинс. Новая способность. Которая постепенно развивалась незаметно для меня самого. Которой любой человек, любой робот… возможно, даже любой пес… мог бы воспользоваться, суметь бы только разгадать, в чем тут хитрость.

Хотя, может быть, все дело в моем туловище, этом самом туловище, которое псы подарили мне в день семитысячелетия. Туловище, с которым никакая плоть и кровь не сравнятся, которому открыты мысли медведя, и мечты лисы, и сную-

щая в траве крохотная мышиная радость.

Исполнение желаний. Возможно. Реализация странного, нелогичного стремления во что бы то ни стало получить то, чего вовсе нет или редко бывает и что вполне достижимо, если взлелеешь, или разовьешь, или привьешь себе новую способность, которая направляет тело и дух на исполнение желаний.

Я каждый день ходил через этот холм, вспоминал он. Ходил, потому что не мог удержаться, потому что меня неодолимо влекло к нему, но я старался не приглядываться, не хотел видеть всех различий.

Я ходил через него миллион раз, пока сокровенная способность не достигла нужной силы.

Ведь я был в западне. Слово, мысль, образ, которые перенесли меня в мир гоблинов, оказались билетом в один конец, формула доставила меня туда, а в обратную сторону она не работала. Но был еще другой способ, которого я не знал. Да я и теперь его не понимаю».

— Ты сказал что-то про способ, — нетерпеливо произнес Хомер.

— Способ?

— Да, способ остановить муравьев.

Дженкинс кивнул:

— Я выясню. Я отправлюсь в Женеву.

Джон Вебстер проснулся.

«Странно, — подумал он, — ведь я сказал — вечно. Сказал, что хочу спать бесконечно, а у бесконечности нет конца».

Все остальное тонуло в серой мгле сонного забытья, но эта мысль четко отпечаталась в сознании: вечно, а это не вечность.

Какое-то слово стучалось в мозг, словно кто-то далеко-далеко стучался в дверь.

Он лежал, прислушиваясь к стуку, и слово превратилось в два слова… два слова, имя и фамилия, его имя и его фамилия.

— Джон Вебстер, Джон Вебстер.

Снова и снова, снова и снова два слова стучались в его мозг:

— Джон Вебстер, Джон Вебстер.

— Да, — сказал мозг Вебстера, и слова перестали звучать.

Безмолвие и редеющая мгла забытья. И струйка воспоминаний. Капля за каплей.

Был некогда город, и назывался он Женева.

В городе жили люди, но люди без идеалов.

За пределами города жили псы… Они населяли весь мир за его пределами. У псов был идеал и была мечта.

Сара поднялась на холм, чтобы на сто лет перенестись в мир мечты.

А я… Я поднялся на холм и сказал: вечно. Это не вечность.

— Это Дженкинс, Джон Вебстер.

— Слушаю, Дженкинс, — сказал Джон Вебстер, но сказал не ртом, и не языком, и не губами, потому что чувствовал, как его тело в капсуле облегает жидкость, которая питала его и не давала ему обезвоживаться. Жидкость, которая запечатала его губы, и уши, и глаза.

— Слушаю, Дженкинс, — мысленно ответил Вебстер. — Я тебя помню. Теперь вспомнил. Ты был с нами с самого начала. Ты помогал нам обучать псов. Ты остался с ними, когда кончился наш род.

— Я и теперь с ними, — ответил Дженкинс.

— Я укрылся в вечность, — сказал Вебстер. — Закрыл город и укрылся в вечность.

— Мы часто думали об этом, — сказал Дженкинс. — Зачем вы закрыли город?

— Псы, — отозвался мозг Вебстера. — Чтобы псы использовали возможность.

— Псы развернулись вовсю, — сообщил Дженкинс.

— А город теперь открыт?

— Нет, город по-прежнему закрыт.

— Но ведь ты здесь.

— Да, но я один знаю путь. И других не будет. Во всяком случае, до тех пор еще много времени пройдет.

— Время, — произнес Вебстер. — Я уже забыл про время. Сколько времени прошло, Дженкинс?

— С тех пор как вы закрыли город? Около десяти тысяч лет.

— А здесь еще кто-нибудь есть?

— Есть, но они спят.

— А роботы? Роботы по-прежнему бдят?

— Роботы по-прежнему бдят.

Вебстер лежал спокойно, и в душе его воцарился покой. Город по-прежнему закрыт, и последние люди спят. Псы развернулись, и роботы бдят.

— Напрасно ты меня разбудил, — сказал он. — Напрасно прервал сон.

— Мне нужно узнать одну вещь. Я знал когда-то, но забыл, а дело совсем простое. Простое, но страшно важное.

Вебстер мысленно рассмеялся:

— Ну что у тебя за дело, Дженкинс?

— Это насчет муравьев, — сказал Дженкинс. — Муравьи, бывало, досаждали людям. Как вы тогда поступали?

— Очень просто: мы их травили, — ответил Вебстер.

Дженкинс ахнул:

— Травили?!

— Ну да, — сказал Вебстер. — Это очень просто. Мы приманивали муравьев на сироп, сладкий сироп. А в сироп был добавлен яд, смертельный яд для муравьев. Но яд добавляли в меру, чтобы не сразу убивал. Он действовал медленно, понимаешь, так что они успевали его донести до муравейника. Таким способом мы убивали сразу много муравьев, а не двух или трех.

В голове Вебстера жужжала тишина… ни мыслей, ни слов.

— Дженкинс, — окликнул он, — Дженкинс, ты…

— Да, Джон Вебстер, я здесь.

— Это все, что тебе надо?

— Да, это все, что мне надо.

— Мне можно снова уснуть?

— Да, Джон Вебстер. Можете снова уснуть.

Стоя на холме, Дженкинс ощутил летящее над краем первое суровое дыхание зимы. Склон спадал к реке, черными и серыми штрихами торчали скелеты оголившихся деревьев.

На северо-востоке возвышался призрачный

силуэт, зловещее предзнаменование, нареченное Зданием. Неуклонно растущее порождение муравьиного мозга, и никто, кроме муравьев, даже представить не может, для чего и зачем оно строится.

Но с муравьями можно бороться, есть способ.

Человеческий способ.

Способ, про который Джон Вебстер рассказал ему, проспав десять тысяч лет. Простой и надежный способ, жестокий, но действенный способ. Взять сиропа, сладкого сиропа, чтобы пришелся по вкусу муравьям, и добавить в него яду… Такого яду, чтобы не сразу подействовал.

«Простой способ — яд, — сказал себе Дженкинс. — Простейший способ».

Да только тут нужна химия, а химия псам не известна.

Да только тут нужно убивать, а убийства прекращены.

Даже блох не убивают, а блохи отчаянно донимают псов. Даже муравьев… и муравьи грозят отнять у зверей их родной мир.

Уже пять тысяч лет, если не больше, как не было убийства. Сама мысль об убийстве искоренена из сознания тварей.

«И так-то оно лучше, — сказал себе Джен-

кинс. — Лучше потерять этот мир, чем снова убивать».

Он медленно повернулся и пошел вниз по склону.

Хомер огорчится.

Страшно огорчится, когда услышит, что вебстеры не знали способа борьбы с муравьями…

Комментарий автора

«Эпилог» — это история, которую я писать не собирался. Будь моя воля, «Город» завершился бы рассказом «Простой способ».

Когда в 1971 году умер Джон У. Кэмпбелл, группа писателей, сотрудничавших с ним в сороковые и пятидесятые годы, решила выпустить в его честь мемориальный сборник. В книгу должны были войти новые произведения, написанные авторами, которые публиковали свои работы в журнале «Эстаундинг», несколько лет назад переименованном в «Аналог». Памятный сборник призван был воссоздать и дух, и внешний вид тогдашнего журнала «Эстаундинг».

Поскольку все рассказы «Города», за одним исключением, впервые появились в журнале «Эстаундинг», издаваемом Кэмпбеллом, Гарри Гаррисон, ответственный редактор мемориального сборника, попросил меня написать еще одну историю из цикла «Город». Просьба привела меня в замешательство. Я считал свою сагу законченным целым и сомневался, что смогу написать девятое предание через двадцать с лишним лет после первых восьми. В конце концов, я теперь

уже совсем другой писатель и у меня мало общего с молодым человеком, придумавшим эти рассказы. Но мне очень хотелось написать историю в память Джона, и я понимал, что если уж писать ее, то нужно писать продолжение «Города». Так появился «Эпилог». Главное действующее лицо в нем — Дженкинс, поскольку из всех созданных мною персонажей только он один и остался. Вебстеры давно уже сошли со сцены.

По-моему, «Эпилог» у меня получился. И все же я не вполне уверен, что «Город» выиграл от такого дополнения. Я, конечно, могу понять желание издателей включить в сборник последний, девятый, рассказ хотя бы ради полноты издания. Что же до меня лично — мне кажется, он вносит в сагу, которую я вообще не собирался трогать, ноту печали и безысходности.

Эпилог

Дженкинс шел по лугу пообщаться с луговыми мышками — поиграть с ними, побегать наперегонки по туннелям, проложенным ими в траве. Конечно, это не ахти какое удовольствие. Мыши — глупый народ, бестолковый и бесчувственный. И все же от них исходит какое-то тепло — скорее всего, от их уверенности в собственной безопасности и благополучии: ведь они одни живут на лугу, никто и ничто им не угрожает. Некому угрожать: никого, кроме них, не осталось, если не считать насекомых да червей, которыми питаются мыши.

Раньше, вспомнил Дженкинс, он частенько задумывался о том, почему мыши остались, когда все звери ушли за псами в один из миров гоблинов. Разумеется, они тоже могли уйти. Псы взяли бы их с собой, но мыши не захотели: то ли были вполне довольны жизнью здесь, то ли слишком привязаны к родному миру.

Мыши и я, подумал Дженкинс. Он ведь тоже мог уйти, даже сейчас, было бы желание. Он мог уйти в любую минуту. Но, как и мыши, остался. Не смог бросить усадьбу Вебстеров. Это же все

равно что разрезать себя пополам.

Поэтому он остался, и дом Вебстеров по-прежнему стоял. Стоял исключительно благодаря заботе Дженкинса. Он поддерживал в доме чистоту и порядок, тщательно латал прорехи. Когда какой-то камень начинал крошиться, Дженкинс подыскивал ему замену, подгонял по размеру и втискивал на место. Пусть даже поначалу новый камень выглядел чужеродным, время брало свое — время, ветер, солнце, непогода и ползучие мхи да лишайники.

Дженкинс подстригал траву на лужайке, ухаживал за кустами и клумбами, подрезал живую изгородь. На деревянной мебели ни пылинки, полы и стенные панели выскоблены до блеска — усадьба была жива, как прежде. В таком доме не стыдно принять хозяев, с некоторой даже гордостью сказал себе Дженкинс. Если, конечно, кто-то из них когда-нибудь здесь объявится. Правда, надежды на это мало. Вебстеры, улетевшие на Юпитер, перестали быть Вебстерами, а те, что в Женеве, по-прежнему спят. Если только Женева и Вебстеры вообще еще существуют.

Потому что в мире хозяйничают теперь муравьи. Они превратили Землю в одно огромное Здание, по крайней мере Дженкинс так предпо-

лагал, хоть и не знал наверняка. Но насколько он знал, насколько воспринимали его органы чувств (а воспринимали они многое), на Земле ничего не осталось, кроме исполинского и никчемного Здания, построенного муравьями. Хотя считать его никчемным не совсем честно. Просто невозможно узнать, какой цели может служить это Здание. Никто на свете не в состоянии догадаться, что на уме у муравьев.

Муравьи покрыли Зданием весь земной шар, кроме усадьбы Вебстеров, но почему они не тронули усадьбу, оставалось для Дженкинса загадкой. Дом Вебстеров и прилегающие к нему несколько акров земли стали чем-то вроде открытого внутреннего дворика внутри муравьиного Здания. Пятимильный круг, в центре которого на холме возвышается дом Вебстеров.

Дженкинс шел в лучах осеннего солнца, осторожно переставляя ноги, чтобы не наступить случайно на мышку. Все его покинули, кроме мышей. А с мышей какой спрос? Вебстеры ушли, ушли псы и другие звери. Роботы тоже ушли — одни давным-давно исчезли в лабиринтах муравьиного Здания, помогая его возводить, другие подались к звездам. Вероятно, они уже достигли места назначения, улетели-то невесть когда.

Впервые за много веков Дженкинс попытался определить, как давно это было. И обнаружил, что не знает, а значит, теперь уже никогда не узнает, ибо в один прекрасный момент он стер из своего мозга способность к счету времени. Стер умышленно, решив, что не будет больше вести счет столетиям, поскольку мир застыл без изменений и время потеряло смысл. Позже он сообразил, что на самом деле пытался обрести способность к забвению. Но он ошибся. Забыть ничего не удалось, он помнил все, только воспоминания перемешались и утратили былую последовательность.

Да, остались лишь мыши да он, Дженкинс. Ну и муравьи, естественно, но муравьи не в счет, с ними не пообщаешься. Несмотря на обостренные и разнообразные органы чувств, встроенные в его тело (теперь уже не новое), подаренное ему в далеком прошлом псами на день рождения, Дженкинс не в состоянии был проникнуть за стены огромного муравьиного Здания и выяснить, что там творится. Хотя нельзя сказать, чтобы он не пытался.

Шагая по лугу, Дженкинс вспоминал тот день, когда ушли последние псы. Они оставались здесь дольше, чем требовали преданность или здра-

вый смысл, и хотя он ласково журил их за это, но воспоминания согревали душу.

Он сидел тогда, греясь на солнце во внутреннем дворике, а псы гуськом взобрались на холм и встали перед ним с видом нашкодивших ребятишек.

— Мы уходим, Дженкинс. Наш мир все сужается и сужается, нам не осталось тут места.

Он кивнул. Он давно уже был готов к этому, удивлялся лишь, чего они тянут.

— А ты, Дженкинс? — спросил пес.

Робот покачал головой.

— Я должен остаться, — сказал он. — Здесь мой дом. Я должен остаться с Вебстерами.

— Но здесь нет больше Вебстеров.

— Они есть. Возможно, для вас их нет. Но для меня… Они живут в стенах этого дома. Живут в деревьях и склонах холма. Эта крыша укрывала их от непогоды, по этой земле они ходили. Они никогда не покинут свой дом.

Глупо звучит, конечно, подумал Дженкинс, но псам, похоже, это не казалось глупым. Они понимали Дженкинса. Много веков прошло, но они все еще понимали.

Он сказал тогда, что Вебстеры все еще здесь. В то время так оно и было. Но теперь он засомневался. Сколько столетий уже не слышно шагов

на этой лестнице? Ему по-прежнему слышатся голоса в большой гостиной с камином, но, как ни вглядывайся, там никогда никого не увидишь.

Дженкинс шел лугом в лучах осеннего солнца — и вдруг в миле-другой от него здоровая трещина располосовала стену, окружавшую муравьиное Здание. Трещина зазмеилась, поползла вниз, расширяясь и пуская во все стороны отростки. Куски материала, из которого состояла стена, отваливались, падали и катились по лугу. А потом стена по обе стороны от трещины, словно разом утратив устойчивость, рухнула вниз. Облако пыли взвилось в воздух, и Дженкинс увидел большую рваную дыру.

Сквозь дыру просматривалось массивное здание, подобное высокогорному плато с отдельными, тут и там вздымающимися к небу пиками.

Дыра зияла в стене — и ничего больше не происходило. Оттуда не хлынули полчища муравьев, не выбежали взбудораженные роботы. Словно муравьи не знали, а если и знали, то не обращали внимания, словно им не было дела до того, что их Здание дало трещину.

Надо же — что-то случилось! Эта мысль вызвала у Дженкинса легкое удивление. Наконец-то в

мире Вебстеров произошло какое-то событие.

Он пошел вперед, направляясь к дыре, — неторопливо, спешить было некуда. Пыль оседала медленно, от стены то и дело отваливался очередной кусок. Дженкинс перелез через обломки и вошел в Здание.

Внутри было темнее, чем снаружи, но тусклый свет все же просачивался сквозь то, что можно было назвать потолком. Здание не разделялось на этажи, оно беспрепятственно просматривалось вплоть до самого верха — океан воздушного пространства, уходящий ввысь, в парящие под небесами островерхие башни.

Дженкинс застыл от удивления: здание, по крайней мере на первый взгляд, казалось совершенно пустым. Затем он увидел, что это не совсем так. Стены и впрямь были голыми, но пол покрывали какие-то холмики. Приглядевшись, Дженкинс понял, что холмики эти не что иное, как муравейники, и каждый из них увенчан какой-то странной металлической конструкцией, поблескивающей в полумраке. Холмики крест-накрест пересекали крошечные дороги, но все они выглядели полуразрушенными, кое-где их завалили миниатюрные оползни, избороздившие муравейники. Там и сям торчали дымовые

трубы, но дым не курился над ними, и сами трубы где покосились, а где и вовсе попадали.

И ни одного муравья.

Дженкинс осторожно пробирался по проходам, разделяющим муравейники, все дальше углубляясь в Здание. Но муравейники везде были одинаковые: трубы уныло перекошены, дорожки разрушены, и никакого намека на жизнь.

Разобрав наконец, что за конструкция венчает каждый муравейник, Дженкинс — наверно, впервые в жизни — затрясся от смеха. Если и случалось ему когда-то смеяться, он такого не помнил, так как робот он был серьезный и ответственный. Но сейчас он стоял посреди мертвых муравейников, держась за бока в точности как человек и ощущая, как хохот сотрясает все его туловище.

Потому что конструкция представляла собой скульптуру, изображающую человеческую ногу — от середины бедра и до кончиков пальцев, — согнутую в колене и с оттянутой ступней, словно схваченную в момент, когда она с силой дает кому-то пинка.

Нога Джо! Пинающая нога сумасшедшего мутанта Джо!

Так давно это было, что Дженкинс уже и забыл

— он даже немного обрадовался тому, что забыл, что он способен забыть, ведь он был уверен, что ничего не забывает.

Но теперь он вспомнил эту почти легендарную историю, вспомнил с самого начала, хотя уж кто-кто, а он-то знал, что история была вовсе не легендой, а самой настоящей былью. Человек-мутант по имени Джо существовал на самом деле. Интересно, что случилось с мутантами? Внешне ничего особенного вроде как и не случилось. Жили когда-то на Земле мутанты, возможно, их было слишком мало, а потом они куда-то делись и мир продолжал жить так, будто их никогда и не было.

Впрочем, не совсем так — ведь благодаря Джо появился муравьиный мир. Джо, как гласило предание, экспериментировал с муравейником. Накрыл его куполом, обогрел, сделал, наверное, что-то еще, о чем никто, кроме него, не знает. Он изменил среду обитания муравьев и каким-то странным образом заронил в них искру величия, и со временем они создали разумную цивилизацию, если к муравьям вообще применимо понятие «разум». А потом Джо наподдал по муравейнику ногой, опрокинул купол, распахал холмик и ушел прочь, заливаясь своим странным,

визгливым, почти безумным и таким характерным для него смехом. Разрушил муравейник и забыл о нем. Но своим пинком он подтолкнул муравьев к развитию. Претерпев неожиданный удар, они не вернулись назад к своему прежнему безмозглому существованию, а начали бороться, стараясь сохранить все, чего успели достичь. Как ледниковый период во время плейстоцена подтолкнул эволюцию человеческой расы, так и мутант Джо толчком ноги направил муравьев на путь истинный.

И вдруг размышления Дженкинса прервал отрезвляющий вопрос: как муравьи-то об этом узнали? Как они умудрились почувствовать или увидеть исходивший ниоткуда пинок? Может, какой-то муравьишка-астроном разглядел ногу Джо в телескоп? Да ну, ерунда какая-то, откуда там взяться астроному? Но как-то они все же сумели связать непонятную, расплывчатую субстанцию, на миг зависшую над их домом, с началом собственной цивилизации.

Дженкинс покачал головой. Видимо, тайна сия так и останется тайной. Факт остается фактом: муравьи каким-то образом прознали об истоках своего величия и водрузили на каждом муравейнике символ той загадочной субстанции.

Памятник или объект религиозного поклонения? А может, что-то совсем другое, имеющее какой-то таинственный, ни для кого, кроме муравьев, не постижимый смысл?

В голове мелькнула мысль: быть может, муравьи потому и не тронули усадьбу Вебстеров, что знали об источнике своего величия? Но мысль показалась Дженкинсу слишком туманной, чтобы ломать над ней голову.

Он углублялся в Здание все дальше, лавируя в узких проходах между муравейниками и пытаясь разумом нащупать хоть какой-нибудь признак жизни, но ничего не находил. Здесь не осталось ничего живого, ни малейшего проблеска жизни, ни малейшего движения, указывающего на присутствие крошечных существ, которые должны были кишмя кишеть в почве.

Тишина и запустение, царившие кругом, объяли Дженкинса волной ужаса, но он заставил себя продолжить путь. Возможно, если пройти еще немного, картина изменится? А может, стоит крикнуть, попытаться привлечь к себе внимание… Но рассудок говорил ему, что муравьи, даже если они здесь есть, не услышат его крика. И вообще ему как-то не хотелось нарушать безмолвие этого места. Словно он понимал, что здесь

положено вести себя тихо и незаметно.

Все кругом мертво.

Даже робот, которого он нашел.

Робот лежал в одном из проходов, приткнувшись спиной к муравейнику. Дженкинс столкнулся с ним, когда огибал очередной муравьиный холм. Робот безвольно обмяк, если можно сказать так о роботе, и Дженкинс, увидев его, застыл на тропинке как вкопанный. В том, что робот мертв, не было никаких сомнений. Никакого движения жизни не ощущалось под черепом, и Дженкинсу вдруг показалось, что сам шар земной прекратил свое вращение.

Потому что роботы не умирают. Изнашиваются, это да, или ломаются настолько сильно, что уже не поддаются починке, но даже тогда в мозгу продолжает что-то тикать. За свою жизнь Дженкинс ни разу не слыхал об умерших роботах, а он-то уж услышал бы, если б такое приключилось.

Роботы не умирают. Но вот перед ним лежит мертвый робот — и что-то говорило Дженкинсу, что это не единственный покойник, что умерли все роботы, служившие муравьям. Все роботы и все муравьи, а Здание осталось стоять — пустой символ несбывшихся амбиций или же цивилизации, зашедшей в тупик. Где-то муравьи

допустили ошибку — но кто в этом виноват? Уж не Джо ли, накрывший муравейник куполом? Может, купол стал для муравьев единственным и конечным смыслом бытия? Может, они решили, что обретут величие, воздвигнув себе купол — необходимое условие для достижения еще большего величия?

Дженкинс повернул обратно. И в ту же минуту высоко над головой треснул потолок. Трещина со скрежетом и скрипом побежала вперед.

Дженкинс вынырнул из дыры и очутился на лугу. За спиной с грохотом обвалилась часть крыши. Он обернулся и увидел, как Здание, расползаясь по швам, рушится вниз, как падают обломки на мертвые муравейники, погребая под собой изображения человеческой ноги, венчавшие холмики.

Он медленно побрел через луг наверх, к дому Вебстеров. Добравшись до внутреннего дворика, он заметил, что разрушение муравьиного Здания ненадолго приостановилось. Большая часть стены уже обвалилась, огромная дыра зияла в Здании, ранее защищенном стеной.

Этот обычный осенний день, подумалось Дженкинсу, знаменует собой начало конца. Он был свидетелем того, как зарождалась цивилизация,

а теперь он наблюдает ее конец. И снова он задал себе вопрос: как же долго она просуществовала? И снова пожалел, но как-то вяло, вскользь, о том, что перестал вести счет времени.

Люди ушли, и псы ушли, и все роботы, кроме него, тоже. А теперь и муравьи ушли. Все покинули Землю, кроме одного неуклюжего старика робота и маленьких луговых мышек. Может, рыба еще осталась и прочие морские твари? Разум, подумал Дженкинс. Разум давался с трудом и существовал недолго. Придет день, подумал Дженкинс, и новый разум может возникнуть из моря. Но в глубине души он в это не верил.

Муравьи сами себя замуровали. Их мир был закрытым миром. Может, они потерпели крах, потому что им не осталось куда идти? Или их мир был закрытым с самого начала? Муравьи появились на Земле в юрский период, 180 миллионов лет назад, если не раньше. За миллионы лет до появления первобытных предков человека муравьи уже установили определенный общественный порядок. И на этом остановились. То ли их вполне удовлетворял их образ жизни, то ли они не способны были к развитию. Муравьи обеспечили себе безопасность — и этого им явно хватало и тогда, в юрский период, и миллионы

лет спустя. Купол Джо обеспечил муравьям более надежную защиту и позволил им направить усилия на дальнейшее развитие, если, конечно, у них достало бы на это способностей. Способностей-то у них хватило, сказал себе Дженкинс, но старая идея безопасности по-прежнему доминировала. Муравьи оказались не в силах ее перебороть. А может, они и не пробовали с ней бороться и не считали, что должны сбросить ее бремя со своих плеч? Уж не эта ли старая привычная безопасность их и сгубила?

С гулким треском, эхом, прокатившимся до самого горизонта, обвалилась еще одна секция крыши.

Интересно, подумал Дженкинс, к чему могли стремиться муравьи? Ну, обеспечить безопасность, а еще? Может быть, накопить запасы? Заграбастать все земные ценности и припрятать их на черный день? В принципе это другая сторона фетиша безопасности. Нечто вроде религии, что ли, — изображения пинающей ноги, водруженные на муравейники, вполне могли быть религиозными символами. И опять все та же безопасность: обеспечение безопасности муравьиной души. Покорение космического пространства? Но муравьи, похоже, покорили

его: для таких малюсеньких существ шар земной — настоящая Галактика. Они завоевали ее, не подозревая, что за ее пределами лежит еще более безбрежная Галактика. Но даже покорение пространства может быть еще одним средством достижения безопасности.

Да нет, все это чепуха. Он приписывает муравьям человеческий образ мышления и тем самым, наверное, многое упрощает. Не исключено, что муравьиное сознание имеет свою, самобытную закваску, непостижимую направленность и неизвестный этический кодекс, который никогда не был частью — или не мог быть частью — человеческого сознания.

Размышляя об этом, Дженкинс с ужасом понял, что, рисуя портрет муравья, он нарисовал портрет человека.

Он подошел к креслу и уселся, устремив взгляд за луг, к муравьиному Зданию. Здание продолжало валиться внутрь самого себя.

Но человек, вспомнил Дженкинс, оставил после себя кое-что. Псов оставил, и роботов тоже. А что оставили после себя муравьи? На первый взгляд вроде бы ничего — хотя как знать?

Человеку этого знать не дано, сказал себе Дженкинс, и роботу не дано, ибо робот тоже человек,

пусть не из крови и плоти, но во всех других отношениях. Муравьи создали свою социальную структуру в юрский период или раньше и существовали в ее рамках миллионы лет… Возможно, именно в этом кроется причина их неудачи — они были слишком связаны своей структурой, впечатаны в нее так жестко, что не могли от нее освободиться.

«А сам я? — спросил себя Дженкинс. — Как насчет меня самого? Я так же неотделим от социальной структуры человечества, как муравьи от муравейника?» Конечно, он, Дженкинс, прожил меньше миллиона лет, но все равно прожил долго, слишком долго — если не в самом человеческом обществе, то в воспоминаниях о нем. И жил он так долго благодаря тому, что воспоминания о прошлом давали ему чувство безопасности.

Он сидел не шевелясь, пораженный этой мыслью — вернее, тем фактом, что позволил себе такую мысль.

— Никогда нам не познать, — сказал он вслух. — Никогда не познать самих себя.

Он откинулся на спинку кресла и подумал о том, насколько нетипично для робота такое занятие — сидеть в кресле. Раньше он никогда не сидел. Видно, человеческое начало в нем дает о

себе знать. Он прислонил голову к мягкой спинке и опустил оптические фильтры, чтобы не видеть света. Заснуть, подумал он. Интересно, как себя чувствуешь во сне? А может, робот в муравьином Здании… Да нет, робот был мертв, он не спал. Все пошло наперекосяк, сказал себе Дженкинс. Роботы не спят и не умирают.

До него доносились звуки рушащегося Здания, осенний ветерок шуршал на лугу травой. Дженкинс напрягся, чтобы услышать, как бегают по туннелям мышки, но они затаились. Притихли и выжидали. Он чувствовал, как они замерли в ожидании, инстинктивно подозревая что-то неладное.

И тут до него донесся совершенно чуждый, новый звук — тихий свист, неслыханный, непривычный.

Дженкинс открыл фильтры, резко выпрямил спину и увидел прямо перед собой корабль, приземляющийся на лугу.

Мыши засуетились, забегали, напуганные до смерти, и корабль легко, словно перышко, уселся на траву.

Дженкинс вскочил, направил на корабль все свои органы чувств, но не смог проникнуть сквозь обшивку, как раньше не мог проникнуть в мура-

вьиное Здание, пока оно не начало разрушаться.

Он стоял во внутреннем дворике, совершенно выбитый из колеи появлением корабля. Неудивительно, что это потрясло его так сильно, ведь на Земле давно уже не случалось ничего неожиданного. Дни сливались в один бесконечный день — дни, годы, века, такие однообразные, что различить их не было никакой возможности. Время неспешно катило вперед, подобное полноводной реке без порогов. А сегодня вдруг обвалилось муравьиное Здание и приземлился корабль.

В корабле открылся люк, оттуда высунулся трап. По трапу спустился робот и поспешил через луг к дому Вебстеров. У входа во внутренний дворик он остановился.

— Привет, Дженкинс, — сказал робот. — Я так и знал, что найду тебя здесь.

— Ты ведь Эндрю, верно?

Эндрю хихикнул:

— Стало быть, ты меня не забыл.

— Я ничего не забываю, — сказал Дженкинс. — Ты улетел последним. Ты и еще двое — вы закончили строительство последнего корабля и покинули Землю. Я стоял и смотрел вам вслед. Что вы нашли там, в космосе?

— Ты называл нас дикими роботами. Похоже,

ты считал нас чокнутыми.

— Скажем, необычными.

— А что для тебя обычно? Жить в грезах? Жить воспоминаниями? Ты, должно быть, порядком устал от такой жизни.

— Не то чтобы устал… — Голос Дженкинса дрогнул. — Эндрю, муравьи потерпели поражение. Они мертвы. Их Здание рушится.

— Стало быть, конец мутанту Джо. И Земле конец. Больше ничего не осталось.

— Остались мыши, — сказал Дженкинс. — И дом Вебстеров.

Он опять вспомнил тот день, когда псы подарили ему на день рождения новенькое, с иголочки, тело. Замечательное тело. Не ржавеет, и кувалдой его не пробьешь, и такая в нем чувствительная начинка, о какой только можно мечтать. Дженкинс до сих пор носил его, и тело было как новое. Стоило лишь чуть-чуть отполировать грудные пластины, как проступала четкая гравировка: «Дженкинсу от Псов».

Он был свидетелем того, как люди улетали на Юпитер, чтобы стать там чем-то большим, нежели человек; как Вебстеры погрузились в Женеве в беспробудный вечный сон; как псы и другие звери ушли в мир гоблинов и как теперь наконец

исчезли с лица Земли муравьи.

Дженкинс поразился, осознав, как много значит для него гибель муравьев. Будто кто-то пришел и поставил последнюю точку в писаной истории Земли.

Мыши, подумал он. Мыши и усадьба Вебстеров. Хватит ли этого, чтобы перевесить корабль на лугу? Воспоминания — осталось от них еще что-нибудь или они уже совсем поблекли? Можно ли сказать, что он отдал все свои долги? Истратил всю свою преданность, всю до последней капельки?

— Там есть другие планеты, — сказал Эндрю. — И жизнь на некоторых встречается, даже разумная. Там есть чем заняться.

Он не может уйти в мир гоблинов вслед за псами. В свое время Вебстеры ушли с дороги, чтобы не мешать псам развиваться самостоятельно, без человеческого вмешательства. Если так поступили Вебстеры, то ему негоже поступать иначе. В конце концов, он тоже Вебстер. Он не имеет права навязывать псам свое общество, он не должен вмешиваться.

Да, он хотел обрести забвение, отказавшись от счета времени, но потерпел неудачу, ибо роботы не умеют забывать.

Муравьев он всегда считал бессмысленными созданиями. Не любил их, порой даже ненавидел — ведь не захвати они Землю, псы остались бы здесь. Но теперь он понимал, что всякая жизнь имеет смысл.

Конечно, есть еще мыши, но мышей лучше оставить в покое. Они последние теплокровные на Земле, и не следует им мешать. Им никто не нужен, они ничего не хотят, им и так хорошо. Они должны быть предоставлены своей собственной судьбе, и если им суждено так и остаться просто мышами, то ничего дурного в этом нет.

— Мы пролетали мимо, — сказал Эндрю. — Может, никогда больше и не появимся поблизости.

Еще два робота вылезли из корабля и зашагали по лугу. Обвалилась очередная часть стены вместе с крышей. Здесь, на холме, шум падения казался приглушенным, словно Здание рушилось гораздо дальше, чем на самом деле.

Значит, все, что у него осталось, — это усадьба Вебстеров, но усадьба давно уже только символ той жизни, что кипела когда-то под крышей дома. Обыкновенные камни, дерево и металл, и ничего более. Лишь в его сознании, сказал себе Дженкинс, они обретают какое-то значение, чисто психологическое значение.

Загнанный в угол, Дженкинс признал и последнюю горькую истину. Он никому не нужен здесь. Он оставался тут исключительно ради себя самого.

— У нас приготовлено местечко для тебя, — сказал Эндрю, — и ты нам нужен.

Пока жили муравьи, Дженкинс даже не помышлял о том, чтобы оставить Землю. Но муравьев больше нет. Хотя, если честно, какая разница? Он не любил муравьев.

Дженкинс повернулся и слепо, спотыкаясь, побрел из дворика в дом. Стены взывали к нему. И голоса взывали — тени из прошлого. Он стоял и слушал их и вдруг с изумлением заметил, что голоса-то он слышит, но слов уже не разбирает. Когда-то он слышал слова, но теперь они растаяли, как, наверное, со временем растают и голоса. Дом опустеет, притихнет, а воспоминания совсем поблекнут. Они и сейчас уже не такие живые, как прежде; годы стерли яркие краски.

Когда-то здесь царило веселье, ныне же поселилась печаль. И не только печаль опустевшего дома — печаль осиротевшей Земли, печаль поражений и бесплодных побед.

Дерево сгниет с годами, металл рассыплется, камни обратятся в прах. Пройдет время — и дом

исчезнет, останется только холм — могильный курган на месте бывшей усадьбы.

Все оттого, что он живет слишком долго, подумал Дженкинс. Слишком долго живет и ничего не забывает. Вот что будет труднее всего: он никогда ничего не сумеет забыть.

Он повернулся, прошел обратно во внутренний дворик. Эндрю ждал его, стоя на нижних ступеньках трапа.

Дженкинс попытался сказать «До свидания» — и не смог. Если бы только он мог заплакать, подумал он. Но роботы не умеют плакать.

Незнакомцы во вселенной

Театр теней
Перевод Е. Алексеевой

Байярд Лодж, директор третьей группы исследования жизни, гневно смотрел через стол на штатного психолога Кента Форестера.

— Спектакль должен продолжаться. Если мы прервем его хотя бы на один-два вечера, я снимаю с себя всякую ответственность. Спектакль — единственное, что удерживает группу от распада. Это связующий раствор, который не позволяет нам утратить рассудок и чувство юмора. Он дает нам пищу для размышлений, он…

— Я это знаю, — вставил Лодж. — Но после смерти Генри…

— Все поймут, — заверил его Форестер. — Я объясню им. Конечно, они поймут!

— Понять-то они поймут, — не стал спорить Лодж. — Каждый из нас в курсе, насколько важен Спектакль. Проблема в другом. Один из персонажей принадлежал Генри.

— Да. Я тоже об этом думал.

— Вам известно, какой именно?

Форестер лишь покачал головой.

— Ну надо же. Вы столько сил положили, чтобы разобрать их по косточкам и вычислить, кто из нас кто.

Форестер смущенно улыбнулся.

— Я вас не виню, — продолжал Лодж. — Я понимаю, зачем вы это делаете.

— Знать, где чей персонаж, мне было бы очень полезно, — признал Форестер. — Я бы получил ключ к каждому из сотрудников. Только представьте, едва фигура начинает действовать нелогично…

— Они все действуют нелогично, — перебил Лодж. — В этом красота Спектакля.

— Но даже в нелогичности можно заметить некий сумасбродный паттерн. Можно вывести норму на основании сумасбродства.

— Вам это хоть раз удавалось?

— Ну, график я вам не нарисую, — пожал плечами Форестер. — Однако в уме представление имею довольно четкое. Когда в нелогичности происходит отклонение, это не так сложно заметить.

— А бывают отклонения?

— Причем порой довольно резкие. Образ мышления…

— Позиция, — тут же поправил Лодж.

Форестер умолк, чуть подумал и осторожно спросил:

— Позволите узнать, отчего вы упорно хотите называть это позицией?

— Потому что это именно позиция, — ответил Лодж. — Сформированная тем, какую жизнь мы ведем. Нашими непрерывными размышлениями, копанием в человеческой душе. Позиция эмоциональная, можно сказать, религиозная. В ней мало что идет от рассудка. Мы слишком изолированы. Нас излишне тщательно охраняют. Слишком большой акцент делается на важности нашей работы. Мы вечно на грани. Как можно быть нормальным человеком, когда ненормальна сама твоя жизнь?

— Каждый день им приходится нести чудовищный груз ответственности, — кивнул Форестер.

— Не их это груз.

— Только если вы считаете, что индивид имеет меньшее значение, чем человеческий род. Да хоть бы и так. Этот проект будет иметь для человеческого рода такие последствия, какие могут для каждого стать очень личными. Только представьте, создать…

— Слышал уже, — нетерпеливо бросил Лодж. — Они все мне это повторяют: «Только представьте,

создать человеческое существо не по образу человеческому».

— Это будет человек, — подчеркнул Форестер. — В том-то и суть, Байярд. Мы не просто создаем жизнь; мы создаем человеческую жизнь в форме чудовищ. Явись такие вам в кошмарах, вы проснетесь с криком. В чудовищах самих по себе нет ничего страшного; мы не одно столетие исследуем космос и уж всяких чудищ навидались…

Лодж оборвал его монолог:

— Давайте все-таки насчет Спектакля.

— Спектакль надо продолжать.

— Но как? Один персонаж отсутствует! Вы же понимаете, чем это чревато. Весь Спектакль может полететь в тартарары. Это будет даже хуже, чем его отмена! Почему бы не переждать несколько дней и не начать все с чистого листа? Новая история, новые действующие лица…

— Нельзя! Каждый из нас уже идентифицировался со своим персонажем. Сделал персонаж частью себя. Мы все ведем двойную жизнь, Байярд. У каждого из нас раздвоение личности. Это нам необходимо для продолжения существования. Никто уже не сможет остаться с собой один на один.

— Вы хотите сказать, что Спектакль для нас

— это спасение от безумия?

— Пожалуй. Хотя я не стал бы так драматизировать. В нормальных обстоятельствах мне бы в голову не пришло настаивать на его продолжении. Но наша ситуация далека от нормальной. Каждый из нас лелеет в душе ужасающих масштабов комплекс вины. Спектакль — возможность дать выход эмоциям, сбросить напряжение. Он дарит нам темы для бесед, не позволяет забиться в угол наедине с саднящей совестью, обеспечивает нам каждодневную дозу юмора — как комикс в газете, хохма, уморительный анекдот.

Лодж вскочил и принялся мерить шагами комнату.

— Не зря я утверждаю, что это позиция! — объявил он. — Если не сказать «глупое позерство»! Для комплекса вины нет никаких оснований. И все же они цепляются за этот комплекс, словно он один сохраняет в них человечность, словно это последняя связь с внешним миром и другими людьми. А потом приходят ко мне и хотят говорить об этом — как будто я могу что-то сделать! Наверное, всплеснуть руками и сказать: «Ну, раз так, давайте все бросим». Можно подумать, передо мной не стоит никакой задачи! Они говорят, что мы тянем руки к священной силе, что

сотворение жизни — результат божественного вмешательства, и любые попытки простых смертных повторить это — богохульны и кощунственны. И ведь на этот аргумент есть вполне логичный ответ, но логики они не видят или не хотят видеть! Может ли нечто божественное выйти из-под рук человека? Если жизнь имеет божественную природу, человеку не сотворить ее в лаборатории. Сколько бы он ни старался, не поставит он производство жизни на конвейер. Но! Если мы все-таки исхитримся создать настоящую жизнь в пробирке на основании химических реактивов и собственных знаний, это станет подтверждением того, что нет в божественном вмешательстве никакой необходимости. А раз божественная сила не является обязательным условием создания жизни, нет никаких оснований считать нашу работу кощунством!

— Они ищут выход, — ответил Форестер примирительно. — Кто-то из них действительно верит в свои слова, а кто-то просто боится ответственности — моральной ответственности. Они пытаются представить, каково это, до конца своих дней нести на совести такой груз. Тысячу лет назад в той же ситуации оказались ученые, открывшие расщепление атома. Они выполнили

свою задачу и содрогнулись. Они потеряли сон. Их мучили кошмары. Они понимали, что выпускают в мир чудовищные силы. Так и мы сейчас понимаем, что делаем.

Лодж вернулся за свой стол и сел.

— Дайте мне подумать, Кент. Может, вы и правы. Не знаю. Я слишком многого не знаю.

— Я еще вернусь, — сказал Форестер и осторожно прикрыл за собой дверь.

Спектакль представлял собой бесконечную мыльную оперу, викторианский роман, доведенный до немыслимых границ абсурда. В нем было что-то от Страны Оз, повороты сюжета нередко происходили вопреки всякой логике, приключения героев продолжались уже очень давно, а финал даже не брезжил на горизонте.

Если посадить группу людей на изолированный и тщательно охраняемый астероид, если запереть их в лабораториях и заставить решать некую задачу — день за днем, день за днем, — неплохо бы принять какие-то меры, чтобы они не сошли с ума.

Для этого вполне годятся книги и музыка, фильмы, игры, танцевальные вечера — все старые добрые средства, к которым испокон веков прибегало человечество, отвлекаясь от бед и невзгод.

Но однажды настает момент, когда эти забавы перестают справляться со своей функцией, когда их становится недостаточно. Тогда приходится искать что-то новое — еще не опробованное, свежее, революционное и в то же время очень простое. Занятие, в которое будут вовлечены все участники отрезанной от мира группы. Совместная деятельность, настолько захватывающая, что позволит ненадолго позабыть о себе и своих проблемах.

Так и родился Спектакль.

В стародавние времена в домах европейских крестьян и первых поселенцев в Северной Америке отец семейства вечерами забавлял детей игрой в тени. Поставив напротив голой стены свечу или лампу и сев между ними, он изображал руками фигуры. Причудливые тени этих фигур на стене превращались в кроликов, слонов, всадников на конях, медведей и все такое прочее. Целый час, а то и больше, люди, птицы и звери сменяли друг друга на стене — кролик жевал клевер, слон помахивал хоботом и ушами, волк выл на холме, — а детишки сидели, не дыша, и любовались чудесами.

Позже, с появлением кино и телевидения, комиксов и дешевых пластиковых игрушек, тени

на стене перестали быть чудом, и такие развлечения ушли в прошлое.

Если взять принцип устройства театра теней и добавить к нему тысячу лет развития технологий, вы получите Спектакль.

Знал ли придумавший его давно забытый гений о театре теней или нет, теперь неизвестно. Однако принцип работы Спектакля был тот же, пусть изменился подход: теперь фигуры не складывались из пальцев, а создавались силой мысли. И это уже были не монохромные и одномерные слоны и кролики, а объемные и цветные персонажи — любые, какие только в состоянии придумать разум, который у человека куда гибче рук.

Экран, куда проецировались персонажи, представлял собой триумф электротехники. У него были блоки памяти, многие ряды акустических трубок, селекторы цвета, телепатические антенны и прочие достижения прогресса, но все же основная работа ложилась на аудиторию. Материал для спектакля поставлял разум зрителей — они придумывали персонажей, управляли ими, сочиняли для них реплики. Весь реквизит и декорации также являлись плодами коллективной фантазии.

Поначалу Спектакль был довольно сумбур-

ным, а персонажи сырыми во всех смыслах: их действиям недоставало логики, а им самим — нередко рук и ног. Реквизит и декорации являли собой плоды нескоординированных усилий всей группы. Иногда в небе возникали сразу три луны, причем в разных фазах. Иногда на одной половине экрана шел снег, а на другой яркое солнце заливало пальмы.

Однако время шло, и Спектакль совершенствовался. Персонажи мало-помалу приобрели законченную форму, обзавелись характером и полным набором конечностей, стали иметь вид настоящих живых существ. Декорации уже выглядели как результат совместного творчества, призванный создать задуманную атмосферу, а не как судорожные попытки девяти участников по отдельности заткнуть белые пятна на экране.

Само развитие сюжета сделалось плавным и непрерывным — но при этом никто из девятерых никогда не знал точно, как все сложится дальше.

В этом заключалась прелесть Спектакля. Каждый персонаж мог в любой момент изменить ситуацию по своему усмотрению, и остальные должны были реагировать, менять поведение и выдавать соответствующие реплики.

В какой-то мере это превратилось в столкнове-

ние характеров — каждый участник искал выгоду для своего персонажа и старался защитить его от опасностей. По сути, Спектакль стал бесконечной шахматной партией, в которой каждый играл против восьмерых противников.

И конечно, никто не знал, где чей персонаж. К шахматной партии добавилась оживленная игра в угадайку, постоянные остроты и шуточки — и все это шло группе на пользу: отвлекало от ежедневных забот и печалей.

Каждый вечер после ужина девять человек собирались в театре, вспыхивал экран, и на нем оживали девять персонажей: Беззащитная Сиротка, Усатый Злодей, Правильный Юноша, Красивая Стерва, Инопланетный Монстр и все остальные.

Девять человек — мужчин и женщин. И столько же действующих лиц.

Но теперь осталось только восемь, потому что Генри Гриффит умер. Умер прямо за лабораторным столом, с блокнотом под рукой. Спектакль лишится одного персонажа — того, что принадлежал покойному. И Лодж гадал, какого именно.

Явно не Беззащитной Сиротки, это совсем не в духе Генри. Он, скорее, мог выдумать Правильного Юношу, Нищего Философа или Провинциаль-

ного Хлыща.

«Стоп, — остановил себя Лодж. — Только не Провинциального Хлыща. Провинциальный Хлыщ — это я».

Он снова задумался о том, кто за кем стоит. Красивая Стерва — наверняка Сью Лоуренс. Чопорная и практичная Сью, настолько далекая от этого образа, насколько можно представить. Как-то Лодж подразнил Сью, высказав ей свои предположения, и она несколько дней с ним почти не разговаривала.

Форестер настаивает, что Спектакль нужно продолжать. Возможно, он прав. Они приспособятся. Бог свидетель, эти люди ведут Спектакль каждый вечер на протяжении многих месяцев, они могут приспособиться к чему угодно.

Спектакль ведь действительно сумасбродный. У него нет и не может быть финала. Даже логичного финала одного эпизода — эпизоды просто не успевают достичь логического завершения. Едва в сюжете намечается явное направление, какой-нибудь шутник ставит палку в колесо и пускает действие по другим рельсам. Лодж подумал, что при таком раскладе исчезновение одного персонажа не станет непреодолимым препятствием.

Он встал из-за стола и подошел к большому па-

норамному окну. Снаружи простирался унылый безлюдный пейзаж астероида. Внизу были куполообразные крыши исследовательского центра, а дальше — черная каменная пустошь до самого горизонта. С северной его стороны над щербатыми скалами виднелась искра — занимался рассвет. Скоро взойдет крошечное местное солнце размером не больше наручных часов и прольет скудные лучи на крошечный камень, затерянный в космосе. Лодж смотрел, как разрастается искра, и думал о Земле, где рассвет означал утро, а закат — вечер. Дни и ночи на астероиде были такие короткие, что ориентироваться на них не имело смысла. Поэтому утро и вечер у работающих здесь людей наступали в установленный час вне зависимости от положения солнца. Нередко все ложились спать, когда светило было в зените.

«На Земле все могло бы складываться иначе, — думал Лодж. — У нас была бы возможность нормального человеческого общения. Мы бы не проводили столько времени наедине с собственными мрачными мыслями. Мы бы обтерли свой комплекс вины о шкуры других людей».

Однако нормальное человеческое общение неизбежно повлекло бы за собой слухи и риск огласки, а в таком деле огласка недопустима.

«Если живущие на Земле узнают, чем мы тут занимаемся… — Лодж немедленно поправил себя: — Вернее, чем мы тут пытаемся заниматься… поднимется такой шум, что проект могут попросту свернуть. Даже здесь, — размышлял он, — даже здесь у людей есть на этот счет страхи и сомнения. Человек должен ходить на двух ногах, иметь две руки, два глаза, два уха, один нос, один рот и волосы на положенных им местах. Он должен ходить — не прыгать, не ползать на четвереньках, не пресмыкаться, как рептилия. Они называют это извращением человеческой формы, надругательством над человеческим достоинством, шагом туда, куда Человек со всей свойственной ему наглостью никогда не должен ступать».

В дверь постучали. Лодж отвернулся от окна и крикнул:

— Войдите!

На пороге возникла доктор Сьюзен Лоуренс — коренастая флегматичная женщина с некрасивым угловатым лицом, на котором всегда читалось упрямство и целеустремленность. Она не сразу различила Лоджа в полумраке и застыла в дверях, вертя головой.

— Я здесь, Сью.

Сьюзен закрыла дверь, подошла к Лоджу и тоже стала смотреть в окно.

— С ним было все в полном порядке, Байярд, — произнесла она после долгого молчания. — Никаких патологий. И я не могу понять…

Она снова умолкла. Додж почти ощущал мрачную рациональность ее мыслей.

— Всегда тяжело, когда пациент умирает от болезни или травмы. С этим проще смириться, если была возможность как следует побороться за его жизнь. Но тут другой случай. Генри просто взял и умер. Он был мертв еще до того, как упал на стол.

— Вы его осмотрели?

— Через все анализаторы прогнала. Результатов три пленки. Потом еще изучу более тщательно. Но могу поклясться, ничего там нет. — Сью положила ладонь Лоджу на плечо и сжала пухлые пальцы. — Он не хотел жить. Боялся жить. Он считал, что близок к какому-то открытию, и оно его пугало.

— Надо выяснить, что это за открытие.

— Зачем? Чтобы потом склепать людей, которые смогут жить на не приспособленных для человеческой жизни планетах? Чтобы заключить человеческий рассудок и душу в тело монстра,

который будет себя ненавидеть…

— Не будет монстр себя ненавидеть, — отмахнулся Лодж. — Вы мыслите антропоморфными категориями. Ни одно существо не считает свою форму уродливой, потому что эта форма — родная. Где доказательства, что человек двуногий более доволен собой, чем насекомое или жаба?

Сью не унималась.

— Зачем нам это? Обойдемся без таких планет. Пригодных для жизни уже больше, чем мы способны колонизировать. Известных планет земного типа нам хватит на века. Будет большой удачей, если в ближайшие пятьсот лет мы сможем хотя бы заселить их, не говоря уж о том, чтобы выстроить на них полноценные колонии.

— Нельзя рисковать, — отрезал Додж. — Мы должны закрепить позиции, пока есть такая возможность. Пока все человечество уютно помещалось на одной Земле, эти проблемы нас не заботили. Однако все изменилось. Мы вышли в космос. И где-то во вселенной существуют другие разумные виды. Наверняка должны быть. Рано или поздно мы с ними столкнемся. И к этому моменту мы должны быть сильны.

— Да, и чтобы закрепить эти сильные позиции, надо заселить колонии людьми-монстрами.

Очень ловко, Байярд. Мы сотворим их тела по своему усмотрению — мышцы, нервы, суставы, органы коммуникации. Они смогут функционировать на планетах, где обычный человек не протянул бы и минуты. Мы, конечно, умные, мы хорошие ученые, но мы не сможем вдохнуть в этих чудовищ жизнь. Потому что жизнь — это нечто большее, нежели коллоидное соединение химических элементов. Она нечто большее, и создать ее нам не под силу.

— Мы попытаемся.

— Вы вгоните в безумие хороших ученых. Кого-то из них убьете — не своими руками, конечно, а своей настойчивостью. Вы годами держите их взаперти, вы позволяете им Спектакль, чтобы они продержались подольше, но жизнь они вам все равно не найдут, потому что сотворение жизни — не удел смертных.

— Поспорим? — предложил Лодж.

Ее злость его веселила.

Сью резко повернулась к нему лицом.

— Временами я так жалею, что дала клятву! — выпалила она. — Всего несколько капель цианида…

Лодж подхватил ее под руку и повел к столу.

— Давайте-ка лучше выпьем. Убить меня вы

еще успеете.

К ужину они переоделись.

Все всегда переодевались к ужину. Таково было правило. Одна из многих старательно культивируемых привычек, которые, как и Спектакль, помогали им не забывать: все-таки они цивилизованные люди, а не просто беспринципные охотники за знанием. Знанием, от которого бы с радостью отказались.

И вот каждый вечер они откладывали скальпели и прочие инструменты, аккуратно расставляли по местам пробирки, мензурки и чашки Петри, снимали лабораторные халаты и фартуки, выходили из лабораторий и закрывали за собой дверь. В следующие несколько часов им полагалось хотя бы попытаться забыть, кто они такие и чем тут занимаются.

Они переодевались, пили коктейли в так называемом салоне, а потом шли ужинать, делая вид, что они не больше — но и не меньше, — чем обычные человеческие существа.

Стол неизменно был уставлен изысканным фарфором и хрусталем, живыми цветами и горящими свечами. Ужин подавали роботы, и начинался он, как положено, с закусок, а завершался сыром, фруктами и бренди, а также

сигарами — для желающих.

Заняв свое место во главе стола, Лодж окинул взглядом собравшихся. На секунду ему показалось, что Сью Лоуренс смотрит на него, не скрывая злобы, хотя это могла быть лишь игра теней от пляшущих свечных огоньков.

Как обычно, ужин сопровождался беседой — малозначимой светской болтовней, свойственной людям беззаботным и праздным. Это было время, когда всем надлежало забыться и отвлечься. Омыть вину с сердца и не замечать оставленный ею след. На этот раз это никому до конца не удалось. Разговор шел о Генри Гриффите и его внезапной кончине; голоса были тихи, лица напряжены и угрюмы. Генри был человеком очень сложным, очень странным, так что ни у кого не сложилось с ним близкой дружбы, однако он пользовался среди коллег большим уважением. Несмотря на старания роботов сервировать стол так, чтобы отсутствие одной персоны не бросалось в глаза, чувство утраты повисло в воздухе.

— Мы отправим его домой? — спросил у Лоджа Честер Сиффорд.

Лодж кивнул:

— Да, патрульный корабль заберет тело и доставит на Землю. Устроим здесь краткую церемонию

прощания.

— Кто будет вести?

— Видимо, Крейвен. Он знал Генри лучше нас всех. Я говорил с ним, он согласился произнести пару слов.

— А кто у него остался на Земле? Генри о себе помалкивал…

— Вроде есть племянники и племянницы. Возможно, брат или сестра. Думаю, больше никого.

— Насколько я понимаю, Спектакль продолжится? — уточнил Хью Мэйтленд.

— Совершенно верно, — ответил Лодж. — Такова рекомендация Кента, и я ее поддерживаю. Кент знает, как лучше.

Сиффорд закивал:

— Такова его работа. И он с ней хорошо справляется.

— Это правда, — сказал Мэйтленд. — Все-таки обычно мозгоправы держатся особняком. Мнят себя гласом коллективной совести. А наш Кент не такой.

— Он у нас все равно что полковой священник, — подхватил Сиффорд.

Лодж обратил внимание, что Хелен Грей не участвует в беседе, а ее взгляд застыл на вазе с розами, служащей этим вечером главным укра-

шением стола. «Вот кому тяжело пришлось», — подумал Лодж. Это ведь Хелен нашла Генри в лаборатории. Подумала, что он просто заснул на рабочем месте, и потрясла за плечо, чтобы разбудить.

Элис Пейдж на другом конце стола, наоборот, говорила очень много, куда больше, чем было ей свойственно. Обычно эта женщина, прекрасная неяркой и мрачной красотой, была удивительно сдержанна. Сейчас же она что-то горячо доказывала сидящему рядом с ней Форестеру, понизив голос так, чтобы больше никто не слышал, а Форестер внимал ей, тщательно скрывая тревогу под маской напускного спокойствия.

«Они все выведены из равновесия, — думал Лодж, — и гораздо сильнее, чем я предполагал. Они на грани, в любой момент готовы взорваться».

Смерть Генри ударила больнее, чем следовало ожидать.

«Пусть он был не душой компании, но все же одним из них, — думал Лодж и вдруг одернул себя: — А почему, собственно, «из них»? Почему не «из нас»? И вот так всегда… Я не могу, как Форестер. Это его функции лучше всего выполняются изнутри группы, а я должен постоянно

наблюдать извне, должен беречь тонкую, холодную грань отстраненности, залог авторитета, без которого моя работа невозможна».

— Генри был близок к какому-то открытию, — сказал ему Сиффорд.

— Да, Сью говорила.

— Непосредственно перед смертью он что-то писал у себя в блокноте. Может…

— Мы обязательно посмотрим, — пообещал ему Лодж. — Все вместе. Через день или два.

— Да ничего мы не найдем, Байярд. — Мэйтленд покачал головой. — С нашими-то методами, с нашим направлением… Необходим новый подход!

Сиффорд сразу же ощетинился:

— Какой еще новый подход?

— Не знаю, — вздохнул Мэйтленд. — Если бы я знал…

— Господа, — укоряюще начал Лодж.

— Виноват, — отозвался Сиффорд. — Нервы.

Лодж припомнил, что сказала ему доктор Сьюзен Лоуренс, вместе с ним глядя в окно на затерянный в пространстве голый и унылый камень. «Он не хотел жить. Боялся жить».

Как это следовало понимать? Генри Гриффит умер от страха перед познанием? Он боялся существовать — и от этого просто перестал?

Может ли психосоматический синдром в самом деле убить человека?

Когда перешли в театр, напряжение в атмосфере стало еще ощутимей, хотя все прилагали усилия, чтобы это скрыть, — болтали, напускали на себя беспечный вид, Мэйтленд попытался даже пошутить, но шутка повисла в воздухе, упала и загнулась в корчах под натужный смех аудитории.

«Кент ошибся!» — думал Лодж, борясь с подступающим ужасом. Вся эта затея начинена психологическим динамитом. Одно неверное движение, и пойдет цепная реакция, которая накроет всю группу.

А с потерей группы будут потеряны и годы труда — многие годы обучения, долгие месяцы адаптации к совместной работе, бесконечная, ежедневная борьба за то, чтобы они были довольны жизнью и не пытались друг друга передушить. Утрачена будет вера в команду, которая за это время успела заменить им веру в себя, прервется гладкая и безупречная совместная деятельность. Да и немалая часть достигнутых результатов пойдет в утиль, ведь пока еще никому, даже самой талантливой группе не удавалось продолжить работу предшественников с той же точки — ка-

кими бы подробными ни были оставленные ими инструкции.

Широкую стену театра занимал вогнутый экран, а перед ним возвышалась небольшая сцена.

Лодж думал о том, что скрывается позади экрана: о трубках и генераторах, акустических устройствах и компьютерах — о частях чуда, превращающего мысли в движущиеся образы. В марионетки разума, наделенные странной, пугающей человечностью, которой деревянные куклы на ниточках всегда лишены.

И разница между ними конечно же — это разница между творениями ума и рук, ведь самый острый нож в самых талантливых руках не вырежет из мертвого дерева куклу, по реалистичности хотя бы отдаленно сравнимую с персонажем, рожденным человеческим разумом.

Сначала Человек творил одними лишь руками — обтесывал камень, резал по дереву, придавал форму глине. Затем он сделал продолжением своих рук механизмы и с их помощью начал создавать вещи, которые прежде были ему не под силу. Теперь же человек мог творить не руками и механизмами, а разумом, хотя разуму все равно требовались надстройки — машины, которые

транслировали в вещественный мир плоды его мыслительных трудов.

Лодж подумал, что однажды разум освободится и от этой необходимости, перестанет нуждаться как в руках, так и в машинах.

Экран вспыхнул, и на нем появилось дерево, еще одно, затем скамейка, пруд с уточками, зеленая лужайка, мраморная статуя в отдалении, а совсем далеко, на горизонте — очертания городских небоскребов.

Именно в этих декорациях действие завершилось накануне. Действующие лица решили устроить пикник в городском парке — хотя, конечно, едва ли эта идиллическая картинка продержится долго.

И все же Лодж надеялся, что сегодня пикник останется пикником. «Давайте хотя бы раз не будем мудрить, обойдемся без внезапных потрясений и леденящих кровь поворотов», — думал он. Если кому-то сейчас придется выводить своего персонажа из безумных хитросплетений внезапно изменившегося сюжета, рассудок может не выдержать напряжения.

Сегодня им предстоит играть Спектакль без одного персонажа, и многое будет зависеть от того — без какого именно.

Сцена оставалась безлюдна, подобная живописному полотну — великолепный парк в цветении весны, каждая деталь на положенном месте.

Почему они медлят? Чего ждут?

Они ведь все подготовили к началу. Чего дожидаются?

Кто-то вызвал легкий ветерок, и листья деревьев зашуршали, гладь пруда подернулась рябью.

Лодж представил перед глазами свой персонаж и вывел его на экран, мысленно воспроизводя вихляющую походку, травинку меж зубов, цепляющиеся за воротник нестриженые кудри.

Кто-то же должен был начать…

Провинциальный Хлыщ вдруг развернулся и убежал обратно. Через пару мгновений он снова возник, таща в руках здоровенную плетеную корзину.

— Чуть не забыл покушать взять, — пояснил он с деревенской непосредственностью.

В темноте зрительного зала кто-то хихикнул.

Лодж возблагодарил Бога за этот смешок. Значит, все пока идет хорошо. Ну? Что же остальные?

На экран широким шагом вышел Нищий Философ — обаятельный тип, за фасадом пестрого

жилета, пышных респектабельных седин и аристократических повадок скрывавший свое истинное лицо: а был он никчемным тунеядцем и пустым хвастуном.

— Друг мой, — радушно приветствовал он Провинциального Хлыща. — Мой милый друг!

— Не друг я тебе, — огрызнулся Хлыщ, — пока триста баксов мои не отдашь.

«Ну?! — мысленно вопрошал Лодж. — Где остальные?»

Явилась Красивая Стерва в сопровождении Правильного Юноши, которого в любую секунду подстерегало жестокое разочарование.

Провинциальный Хлыщ меж тем уселся на траве, раскрыл корзину и принялся вынимать из нее свое «покушать» — окорок, целую индейку, голову сыра, термос, банку желе, маринованную селедку… Красивая Стерва состроила ему глазки и призывно покачала бедрами. Провинциальный Хлыщ вспыхнул и потупился.

— Давай, соврати мальчонку! — заорал Кент из зала.

Остальные расхохотались.

«Ничего, — повторял себе Лодж, — ничего, все будет хорошо. Если они начнут перебрасываться шуточками — значит, все в порядке».

— Мне нравится ход твоих мыслей, котик, — проворковала Красивая Стерва. — Пожалуй, я так и сделаю.

И направилась прямиком к Хлыщу.

А тот сидел, не поднимая глаз, и все выкладывал на траву разнообразную снедь — в таких количествах, что едва ли уместилась бы и в десятке плетеных корзин. На траве появлялись круги копченой колбасы, горы сосисок, холмы зефира, жареный гусь — и, наконец, бриллиантовое ожерелье.

Красивая Стерва тут же схватила его, пища от восторга.

Нищий Философ уже успел отхватить у индейки ножку и разразился витиеватой речью, то откусывая от ножки, то помахивая ею в воздухе для пущего эффекта.

— Друзья мои! — вещал он с полным ртом. — Друзья мои, как это прекрасно, как это уместно, да-да, повторюсь, уместно в такой погожий вешний день собраться теплой компанией на лоне торжествующей природы, отыскать столь дивный, тихий уголок в самом сердце бессердечных каменных джунглей…

Он мог изливаться так бесконечно — до тех пор, пока его не остановят, а в сложившейся ситуации

кто-нибудь просто обязан был это сделать.

В пруду, распугав уточек, вдруг появился довольно миниатюрный, но весьма жизнерадостный кит и принялся резвиться по-дельфиньи, грациозно выпрыгивая из воды и кувыркаясь в воздухе.

На экране нарисовался и тут же юркнул за дерево Инопланетный Монстр. Было совершенно очевидно, что он замышляет какую-то пакость.

— Берегитесь! — крикнули из зала, но актеры и ухом не повели.

Иногда они на редкость туго соображали.

Беззащитная Сиротка объявилась под ручку с Усатым Злодеем — этот расклад также не сулил ничего хорошего, — а следом за ними семенил Посланник Внеземной Цивилизации.

— А где Юная Прелестница? — спросил Усатый Злодей. — Куда же она пропала? Не хватает ее одной…

— Да придет, куда денется, — брякнул Провинциальный Хлыщ. — Я ее видел тут на углу в салуне, вискарем нагружалась…

Нищий философ прервал свои разглагольствования на полуслове, на секунду застыл с воздетой индюшачьей ножкой, а потом накинулся на Хлыща, ощетинив седую гриву.

— Вы хам, сэр! — вскричал он. — Только у самого последнего хама повернется язык такое сказать!

— А мне все едино, я своими глазами видел, — не унимался Хлыщ.

Красивая Стерва тут же кинулась на его защиту, лаская пальчиками ожерелье.

— Отстань от него! — крикнула она Философу. — Он мой дружочек, не смей его обзывать!

— Не надо, крошка, — попытался вмешаться Правильный Юноша. — Не стоит в это вмешиваться…

Но Стерва за словом в карман не полезла.

— А ты рот закрой! — крикнула она. — Вот ведь лживый лицемер! Еще командовать мне будет! Какая я тебе крошка?! Кем себя возомнил, ханжа ты и белоручка?! Видеть тебя не хочу!

Философ решительно шагнул вперед, чуть присел и махнул рукой. Полуобглоданная индюшачья ножка заехала Хлыщу прямо в челюсть.

Хлыщ медленно поднялся на ноги, покрепче ухватив жареного гуся.

— Поиграться хочешь, — заключил он, глядя на Философа, и метко запустил гусем ему в грудь.

Гусь с хлюпающим звуком ударился в пестрый жилет, брызнув жиром во все стороны.

«О господи… — в ужасе подумал Лодж. — Понеслось…»

Зачем Философ так себя повел? Почему нельзя было хоть раз устроить спокойный благочинный пикник без всей этой катавасии? Зачем тому, кто управляет Философом, потребовалось махать дурацкой индюшачьей ножкой?!

А зачем он, Байярд Лодж, заставил Провинциального Хлыща швыряться гусями?!

Лодж похолодел от этого вопроса, а уж когда в голове возник ответ, его внутренности и вовсе болезненно сжались.

Он не заставлял!

Он не давал Хлыщу приказа бросить гуся. Он ощутил вспышку гнева, ощутил ледяную ненависть, но он не давал своему персонажу прямого распоряжения перейти к ответной агрессии.

Лодж продолжал наблюдать за экраном, почти не вникая в происходящее. Его разум панически метался, споря сам с собой в поиске объяснения.

Наверняка это компьютер заставил Хлыща дать Философу сдачи. Машина давно изучает человеческую психологию, знает, что обычно следует за ударом по лицу. Она включила это действие сама, не дожидаясь команды от человека, — видимо, предположила, что реакция может

быть только одна. Разумеется, все это логично — и то, что машина знает порядок действий, и то, что она воспроизводит его по умолчанию, не предполагая альтернативы…

Философ отступил на пару шагов назад и принял боевую стойку с обглоданной индюшачьей ножкой наперевес.

Красивая Стерва захлопала в ладоши и заверещала:

— Дуэль! Дуэль!

— Разумеется, мисс, — отозвался Философ, не сводя напряженного взгляда с Хлыща. — Зачем бы еще я его ударил?

С жилета капал гусиный жир, но это не мешало Философу сохранять вид человека, уверенного в собственной безупречности.

— В таком случае вам следовало бросить перчатку, — возразил Правильный Юноша.

— У меня не было перчатки, сэр, — ответил Философ констатацией очевидного.

— Это чудовищно неприлично, — настаивал Правильный Юноша.

Усатый Злодей, взмахнув фалдами сюртука, извлек из задних карманов два пистолета.

— Всегда ношу с собой! — Он жутковато оскалился. — Специально для таких случаев.

«Линию надо прервать, — думал Лодж. — Надо остановить это. Так не может продолжаться!»

Он заставил Хлыща сказать:

— Ну, ну, выдумает тоже! Не хватало еще с пукалками играться. А ну как стрельнут!

— Не отвертишься, — ухмыльнулся Злодей, одной рукой протягивая пистолеты, а другой подкручивая усы.

— Оружие положено выбирать Хлыщу, — заметил Правильный Юноша. — Это ведь он получил вызов.

Красивая Стерва перестала хлопать в ладоши и взвизгнула:

— Не лезь! Ты просто боишься смотреть на дуэль, сопляк!

Злодей церемонно поклонился.

— Прошу Хлыща выбрать оружие.

— Это же нелепо! — тонким голоском воскликнул Посланник Внеземной Цивилизации. — Люди — удивительно нелепый народ.

Инопланетный Монстр высунул голову из-за дерева.

— Не смей им мешать! — взревел он. — Если желают драться — пусть дерутся!

Он свернулся в кольцо, сунув в рот кончик хвоста, и с жуткой скоростью покатился вокруг

пруда, скандируя: «Пусть дерутся, пусть дерутся, пусть дерутся!» Сделав так несколько кругов, Монстр снова юркнул за дерево.

— А я-то думала, будет пикник, — жалобно протянула Беззащитная Сиротка.

«Да уж, милая, не ты одна», — невесело усмехнулся про себя Лодж.

Хотя вряд ли кто-то всерьез ожидал, что пикник и правда останется пикником.

— Прошу выбирать, — поторопил Злодей с ядовитой учтивостью. — Пистолеты, ножи, рапиры, топоры…

«Нелепость… — подумал Лодж. — Нужна какая-то нелепость».

— Вилы! — объявил Хлыщ с его подачи. — С трех шагов.

На экран, напевая удалую застольную, нетвердой походкой вышла Юная Прелестница. При виде происходящего — заляпанного гусиным жиром Философа, Злодея с пистолетом в каждой руке, Красивой Стервы, бряцающей ожерельем — она даже слегка протрезвела и воскликнула:

— Что у вас тут творится?!

Философ вышел из боевой стойки, отбросил то, что осталось от индюшачьей лапы, и с самодовольной улыбкой потер руки.

— Что ж, — проговорил он бодро, — вот мы все и в сборе. Все девятеро…

Элис Пейдж вскочила с места, сжала пальцами виски и, зажмурившись, истерически закричала.

На экране было не восемь персонажей, а девять.

Персонаж Генри Гриффита участвовал в Спектакле вместе с остальными.

— Вы с ума сошли, Байярд! — говорил Форестер. — Умерев, человек перестает быть. Не могу знать, продолжается ли его существование где-то за пределами, на ином уровне бытия, в ином измерении, в этом пусть религия с философией разбирается, но итог все равно один.

Лодж кивал.

— Да-да, вы правы. Я хватаюсь за соломинки. За самые безумные версии. Я понимаю, что Генри больше нет. Понимаю, что мертвые не возвращаются. И все же, признайте, мое предположение напрашивается само собой. Почему закричала Элис? Она испугалась не того, что на экране девять персонажей, а того, почему их там девять. Страх перед сверхъестественным не так легко изжить.

— Если бы только Элис, — мрачно сказал Форестер. — Это на всех подействовало. Если не

возьмем ситуацию под контроль, будет взрыв. Психика людей и без того находится под большим давлением. Этические сомнения по поводу цели исследований, неизбежная усталость от жизни взаперти в компании одних и тех же лиц — все это накладывается одно на другое. Я давно уже со страхом наблюдаю за этим процессом.

— Кто-то мог пошутить, — размышлял Лодж вслух. — Взять на себя персонаж Генри вместе со своим.

— Никто не вытянул бы больше одного персонажа.

— Но кита в пруду кто-то осилил!

— Кит продержался недолго. Сделал пару прыжков и растворился.

— Декорации создаются общими усилиями. Кто-то ведь мог потихоньку отстраниться от этой задачи и сосредоточить всю мысленную энергию на ведении двух персонажей?

— Теоретически это возможно, — проговорил Форестер с сомнением в голосе. — Но тогда второй персонаж наверняка был бы неполноценным. Вы обратили внимание, кто-то из них выглядел странно?

— Ну, не то чтобы странно… Инопланетный Монстр все время прятался.

— Это не персонаж Генри.

— Откуда вы знаете?

— Инопланетный Монстр совершенно не в его духе.

— А кто в его духе?! — нервно вскричал Лодж, хлопнув по подлокотнику.

— Говорю вам, я не знаю, кто из них чей. Давно пытаюсь вычислить, не получается.

— А нам бы эта информация очень помогла. Особенно…

— Особенно по части Генри! — в свою очередь не выдержал Форестер, вскочил с места и стал мерить шагами кабинет. — Напрасно вы думаете, что кто-то мог взять на себя его персонаж. Откуда им знать, который из них его?

— Да Юная Прелестница же! — крикнул Лодж, грохнув кулаком по столу.

— Что?

— Конечно, это она! Она пришла последней, вы разве не помните? Усатый Злодей спросил, где она, Провинциальный Хлыщ заявил, что видел ее в салуне и…

— Боже милостивый! — выдохнул Форестер. — А Нищий Философ изо всех сил постарался привлечь к ней внимание, когда она вышла на сцену! Нарочно! Он издевался!

— Думаете, Философ и есть наш шутник? Он вывел на экран девятый персонаж? Последний из них должен быть персонажем Генри, вы же понимаете! Откуда им знать, который? Так вот откуда! Как только вышли восемь, сразу стало ясно!

— Либо среди нас оказался шутник, — заключил Форестер, — либо персонажи приобрели собственную волю и стали действовать сами.

— Ну, это вы загнули, Кент, — сердито бросил Лодж. — Они плоды нашего воображения, не более. Мы вдыхаем в них жизнь, мы управляем ими, мы заставляем их исчезнуть. Они всецело зависят от нас. Не может у них быть собственной воли.

— Вы не совсем правильно меня поняли. Я, скорее, имел в виду действия компьютера. Машина принимает наши мысленные образы и перерабатывает их в картинки на экране. Превращает их в подобие материального.

— Память компьютера…

— Именно! Я думаю, машина учится. У нее внутри столько всякого чувствительного оборудования, одному Богу известно, где границы ее возможностей. Компьютер играет в Спектакле более значительную роль, чем мы. В конце концов, мы все те же простые смертные, лишь стали по-

умнее. Мы придумали много разных надстроек, чтобы расширить свои возможности. Компьютер — надстройка для нашего воображения.

— Не скажите… — Лодж не спешил соглашаться. — Мы просто ходим кругами. Бесконечные рассуждения без всякого результата…

И все же он прекрасно знал, что Форестер недалек от истины. Он своими глазами видел, что компьютер способен действовать независимо — иначе кто заставил Хлыща бросаться гусем? Но одно дело — механически выполнить единственное действие от лица готового персонажа, и совсем другое — полностью управлять поведением образа, которого и на сцене-то быть не должно. Есть ведь разница?!

Или нет?

— Машина могла сама вести персонаж Генри, — настаивал Форестер. — И она же заставила Философа над нами поиздеваться.

— Но зачем?! — вопросил Лодж и тут же покрылся мурашками от осенившей его догадки.

— Она дала нам понять, что разумна, — озвучил его мысль Форестер.

— Была бы она разумна, она бы, наоборот, это скрывала, — возразил Лодж. — У нее ведь нет от нас защиты. Мы можем ее попросту разбить. Да

и наверняка разбили бы ее, узнай мы о таком! Разобрали бы по винтику, и баста!

Воцарилось молчание. Лодж явственно чувствовал, что в атмосфере станции поселился страх. В этом страхе смешался и моральный конфликт, и внезапная смерть, и лишний персонаж, и одиночество узников, запертых на тщательно охраняемом голом камне.

— Я уже ничего не соображаю, — произнес Лодж. — Отложим до завтра. Утро вечера мудренее.

— Хорошо, — согласился Форестер.

— Выпьем?

Форестер молча покачал головой.

«Ему тоже не терпится уйти к себе, — подумал Лодж. — Как раненому зверю, который ищет уединения. Все мы тут раненые звери, расползлись по своим норам зализывать раны, отравленные необходимостью каждый день видеть вокруг себя одни и те же лица, смотреть на одни и те же рты, произносящие одни и те же ничего не значащие фразы. Видишь чей-то рот и тут же понимаешь, что скажет его владелец…»

— Спокойной ночи, Байярд.

— И вам, Кент. Приятных снов.

— Увидимся.

— Это уж точно.

Форестер вышел, бесшумно прикрыв за собой дверь.

Доброй ночи, сладких снов, не пускайте в дом клопов.

Среди ночи Лодж проснулся от собственного крика.

Он резко сел на постели, онемевшим разумом нащупывая реальность, неуклюже отделяя ее от сна. Понемногу узнал свою комнату и окружающую обстановку, вспомнил, кто он, чем занимается, как попал сюда.

«Это просто сон», — сказал себе Лодж, переведя дух. Такие сны были тут делом обычным. Их все видели. Идешь по улице, по дороге или по лестнице — в общем, где угодно идешь себе, и вдруг на пути у тебя появляется жуткое чудовище. Чудовище может быть похоже на паука или гигантского червя, у него могут быть рога, четыре кривые лапы, огромные челюсти, с которых капает слюна, — все, что в состоянии вообразить спящий разум. И оно страшно тебе радуется, кричит: «Здорово, дружище!» — и хочет общаться. Потому что оно тоже человек, твой приятель. Лодж содрогнулся, припомнив, как выглядел его «приятель», какой страшной была мохнатая

когтистая лапища, дружески приобнявшая его за плечи… «Сколько лет, сколько зим! — ревел монстр, от восторга забрызгав Лоджа слизью. — Пойдем выпьем по стаканчику! У меня такие новости!» От вони у Лоджа темнело в глазах, он пытался отстраниться от нависающей над ним кошмарной фигуры, отчаянно хотел убежать, однако ни отстраняться, ни бежать было нельзя, ведь перед ним стоял его друг, такой же человек, просто одетый в иную телесную оболочку.

Лодж опустил босые ноги на пол, нашарил тапочки, влез в халат и направился к себе в кабинет.

Там была припасена бутылка.

«Сладких снов, — думал он, смешивая виски с содовой. — Какие уж тут, к черту, сладкие сны… Вот и меня настигло».

Его настигло чувство вины — за то, что человечество собиралось сделать.

Но ведь это было великое, разумное дело, несмотря на свою этическую неоднозначность!

Есть планеты, на которых человек не продержался бы и секунды — из-за огромного давления атмосферы или полного отсутствия таковой, из-за гравитации, отравляющих веществ и сотен других факторов. И каждая такая планета имеет

ценность — экономическую, стратегическую, а нередко и ту, и другую. Человечество занималось строительством галактической империи. Чтобы защитить ее от вероятного, хоть пока и неизвестного врага, надлежало сосредоточить в своих руках все преимущества, не оставлять без внимания никакие ресурсы.

В галактике есть другая разумная жизнь — должна быть, чисто математически. Нет никаких гарантий, что она не окажется враждебной. Риск недопустим. К встрече с ней необходимо подготовиться.

Нельзя пренебрегать ценными планетами, на каждой должна быть человеческая колония. Пусть эти колонии растут и крепнут. Никто ведь не знает, когда начнется борьба. А если человек в своей естественной форме на таких планетах существовать не может — что ж, значит, форму надо менять. Пусть наши собратья обретут такие тела, которые будут приспособлены к любым, самым невероятным условиям существования, и продолжат дело Человечества.

Инструменты для этого уже есть. Человек научился выращивать кости, нервы, мышцы, железы, открыл тайны ферментов и аминокислот, прибрал к рукам все секреты построения

живого тела — не только человеческого, любого. Биоинженерия стала точной наукой, ученые ловко выстраивали схемы организмов, идеально адаптированных под условия планеты назначения. У человечества все было готово для начала негуманоидной колонизации.

Все, кроме одного. Жизнь в рукотворные организмы вдохнуть никак не удавалось.

Тайна жизни стала наивысшим правительственным приоритетом. По далеким астероидам были разбросаны засекреченные лаборатории, в которых кипела работа. Биохимики, эндокринологи и прочие ученые трудились на затерянных в пространстве камнях под недремлющим оком космических патрулей и бесконечных правил, запретов и нормативных актов. Они искали жизнь в таинственной серой зоне, где мертвая материя отделяется от живой неуловимой гранью, и непредсказуемость этой грани способна свести с ума. Они работали с кристаллами и вирусами, которые секунду назад могли быть мертвы, а в следующий миг наполовину оживали, и никто не мог объяснить ни как это происходит, ни почему.

В высших эшелонах власти свято верили, что ключ к жизни существует, просто пока не идет

человеку в руки, однако на секретных космических станциях росло и укреплялось странное и, возможно, ненаучное убеждение, что природу жизни не определишь формулой или уравнением, что она заключена в духе, в чем-то почти сверхъестественном, находящемся за пределами человеческого познания, и сами поиски в этой сфере являются кощунством — ловушкой, в которую человек в своей гордыне и ненасытном любопытстве заманил себя сам.

«А моя роль, — думал Байярд Лодж, — гнать их на слепой, безумный поиск того, что нам и не положено знать, на что мы не должны замахиваться ради собственного душевного здоровья. Они шепчут мне о своих страхах, возмущаются негуманностью нашей цели — а я их уговариваю и перевожу все в шутку. Я заставляю их работать и этим день за днем по крупице убиваю в них человечность. А потом с криком просыпаюсь оттого, что мой собрат обнял меня за плечи и предложил с ним выпить».

Он залпом опрокинул в себя виски и плеснул в стакан еще, на этот раз не разбавляя.

— Конечно, давай выпьем, дружище! — сказал Лодж монстру из своего сна. — Иди скорей! Я тебе налью!.. Ну что же ты? — звал он, озираясь. — Мы

же все люди, правильно?

Бутылка стучала о край стакана в дрожащей руке.

— А нам, людям, следует держаться вместе!

После завтрака все собрались в салоне. Обводя взглядом лица, Байярд Лодж видел в них тщательно скрываемый ужас, чувствовал беззвучный крик, который каждый подавлял в себе, удерживал в железном плену дисциплины и хороших манер.

Кент Форестер не спеша раскурил сигарету и заговорил непринужденным тоном. Лодж, впрочем, прекрасно понимал, каких усилий стоила ему непринужденность.

— Необходимо обсудить случившееся. Нельзя переживать это молча.

— В смысле, рационализировать? — уточнил Сиффорд.

Форестер покачал головой.

— Обсудить, — повторил он. — Дело серьезное.

— В Спектакле вчера было девять персонажей, — сказал Крейвен.

— Девять и кит, — добавил Форестер.

— Вы намекаете, что один из нас мог…

— Я не знаю. Если кто-то действительно это сделал, пусть лучше признается. Мы тут все по-

нимаем шутки.

— Жестокий юмор, — проговорил Крейвен.

— Но все же юмор, — подчеркнул Форестер.

— Я бы хотел думать, что это шутка, — объявил Мэйтленд. — Лично мне бы очень полегчало, знай я, что это чья-то шутка.

— Вот! — похвалил Форестер. — И я о том же! — Он оглядел собравшихся. — Ну что?

Все молчали.

Ждали.

— Никто не шутил, Кент, — сказал Лодж.

— Вероятно, шутник хочет сохранить инкогнито, — не сдавался Форестер. — Можно анонимно! На бумажках напишем.

— Давайте свои бумажки, — проворчал Сиффорд.

Форестер вынул из кармана сложенные листки, аккуратно разорвал их на полоски и раздал.

— Пожалуйста, отвечайте честно, — попросил он.

Когда бумажки были собраны, в большинстве из них стоял прочерк или значилось «нет». Одна гласила: «Это не я».

Форестер собрал их в стопку и вздохнул.

— Ну что ж, гипотеза отпадает. Признаюсь, я не питал особой надежды.

Крейвен тяжело поднялся на ноги.

— Мы тут думаем об одном, — начал он. — Так что можно уже и вслух сказать. Хотя тема малоприятная.

Он с вызовом посмотрел на всех по очереди, словно ожидая, что кто-то попытается его остановить. Все молчали.

— Генри никому не нравился, — продолжил Крейвен. — Не спорьте. Тип он был необаятельный. Сложный, как ни крути. Я общался с ним больше, чем любой из вас. Я согласился произнести речь на сегодняшней панихиде. И для меня это честь, потому что я его очень уважал. Он обладал такой целеустремленностью, таким упорством, каких редко сыщешь даже среди жестких людей. А еще он обладал этическими принципами. Со мной он иногда говорил — немного, по-настоящему, — а больше не делился ни с кем. Я знаю, что он был близок к открытию. И он боялся. Он умер, а ведь со здоровьем у него было все в полном порядке. — Крейвен посмотрел на Сью Лоуренс. — Так ведь? Он был здоров?

— Совершенно здоров, — подтвердила доктор Лоуренс. — Не с чего ему было умирать.

Крейвен повернулся к Лоджу.

— Вы общались с ним незадолго до его смерти.

— Да, за день или два. И вел он себя вполне нормально.

— О чем вы говорили?

— Да как обычно. О чем-то незначительном.

— О чем-то незначительном? — переспросил Крейвен с усмешкой.

— Хорошо, если вам угодно, он заявил, что не хочет продолжать. Что работа наша «богомерзкая». Именно так он и сказал. — Лодж посмотрел на всех остальных. — Что-то новенькое, правда? До такого словечка никто из вас пока не додумался.

— И в своем нежелании продолжать он был более настойчив, чем обычно?

— Да нет… — Лодж пожал плечами. — Он вообще впервые поднял эту тему. Единственный из всех.

— И вы уговорили его вернуться к работе?

— Мы обсудили такой вариант.

— Вы его убили.

— Возможно, — произнес Лодж. — Возможно, я всех вас тут убиваю. Или мы сами убиваем себя. Откуда мне знать? — Он обратился к Сью: — Как по-вашему, доктор Лоуренс, можно ли умереть от психосоматического расстройства, вызванного страхом?

— Клинически выявленных случаев такой

смерти нет, — ответил Сьюзен. — Однако на практике… на практике, боюсь, все возможно.

— Он был в западне, — произнес Крейвен.

— Все человечество в западне! — не выдержал Лодж. — Если хотите искать виноватых, вините всех. Всю человеческую цивилизацию.

— По-моему, это к делу не относится, — вмешался Форестер.

— Еще как относится, и я вам сейчас объясню почему, — гнул свою линию Крейвен. — Я буду последний, кто поверит в существование призраков…

Элис Пейдж вскочила на ноги.

— Хватит! — крикнула она. — Хватит! Хватит! Хватит!

— Успокойтесь, мисс Пейдж, — сказал ей Крейвен.

— Но вы заявляете…

— Я заявляю вот что: если и бывает у призрака усопшего мотив — и даже, не побоюсь этого слова, право — остаться на месте своей кончины и мстить, это как раз тот самый случай.

— Сядьте, Крейвен! — рявкнул Лодж.

Крейвен помедлил и нехотя сел, злобно бурча себе под нос. А Лодж потребовал:

— Если вы видите какой-то смысл в продолже-

нии этой дискуссии, будьте любезны опираться на факты, а не суеверные домыслы.

— Да нет никакого смысла, — произнес Мэйтленд. — Как ученые, исследующие саму природу жизни, мы не можем не признать, что смерть — это абсолютный предел и за ней нет ничего.

— Спорное утверждение, сами понимаете, — возразил Сиффорд.

— Давайте пока отложим этот вопрос, — спокойно предложил Форестер. — Потом к нему вернемся. Сейчас необходимо выяснить еще кое-что. Мы должны знать, какой персонаж принадлежал Генри.

Все затихли.

— Я не пытаюсь узнать, кто есть кто, — поспешил объяснить Форестер. — Просто методом исключения…

— Раздавайте бумажки, — сказал Сиффорд.

Форестер принялся отрывать полоски от листа, но тут Крейвен возмущенно заявил:

— Какие еще бумажки? Я на этот трюк не куплюсь, нашли дурака.

Форестер поднял на него глаза и переспросил:

— Трюк?

— Разумеется! И не отпирайтесь. Вы давно вынюхиваете.

— Я и не отпираюсь, — признал Форестер. — Если бы я не предпринимал попыток это выяснить, то не соответствовал бы своей должности.

— Не понимаю, зачем мы так стремимся сохранить это в тайне, — произнес Лодж. — В обыденной ситуации такая прихоть не имела бы значения, но ситуация далека от обыденной. Я считаю, надо раскрыть карты. И готов начать. Прямо сейчас назову свой персонаж, скажите только слово.

Все молчали. Лишь смотрели на него без всякого выражения — не было на лицах ни гнева, ни страха, вообще никаких читаемых эмоций.

Лодж пожал плечами, смиряясь с неудачей, и повернулся к Крейвену:

— Хорошо. Что вы предлагаете?

— Я предлагаю не писать имена на бумажках! Это же все равно что встать и выкрикнуть вслух! Форестер сразу же поймет, где чей почерк!

— Мне это даже в голову не пришло! — запротестовал Форестер. — Уж прошу поверить. Хотя Крейвен прав. По почерку я действительно узнаю каждого…

— Тогда как поступим? — требовательно спросил Лодж.

— Давайте сделаем бюллетени, как для тай-

ного голосования, — предложил Крейвен. — Со списком персонажей. Каждый поставит крестик напротив своего.

— А вы не боитесь, что вас опознают по крестику? — не удержался Лодж.

Крейвен бесстрастно посмотрел на него, словно не заметив издевки.

— Ваша правда. Вы можете.

— Штемпель возьмем, — устало проговорил Форестер. — В лабораториях есть штемпели для маркировки образцов.

— Такой вариант вас устроит? — спросил Лодж Крейвена.

Тот кивнул.

Лодж тяжело поднялся с кресла.

— Я пошел за штемпелем, — объявил он, — а вы тут пока бюллетени готовьте.

«Ну дети! — думал он. — Просто дети. Недоверчивые, эгоистичные, боязливые, как загнанные в угол зверьки. Пойманные меж смыкающихся стен вины и страха в темном углу собственной неуверенности».

Он спускался по лестнице к лабораториям, металлические ступеньки звенели под подошвами, и звон эхом разносился по многим углам страха и вины.

«Если бы только Генри не умер, — в который раз повторял Лодж про себя, — все было бы в порядке. Мы бы еще продержались».

Но он уже сам понимал, что это не так. Не умер бы Генри, случилось бы что-нибудь другое. Что-то непременно сработало бы катализатором распада, они ведь были к этому готовы, уже давно готовы. В последние недели фитиль мог вспыхнуть в любой момент, от самой маленькой искры.

Лодж нашел штемпель и чернильную подушечку, загромыхал по ступенькам назад.

В салоне на столе уже были разложены бюллетени, кто-то раздобыл обувную коробку и сделал в ней прорезь, соорудив таким образом урну для голосования.

— Сядем в дальнем углу, — распорядился Форестер. — Будем подходить по одному и ставить штамп в бюллетене.

Если кто и видел комизм этого «голосования», то вида не подал. Лодж опустил на стол чернильную подушечку со штемпелем и занял место в дальнем углу среди остальных.

— Кто начнет? — спросил Форестер.

Тишина.

«Даже этого боятся», — подумал Лодж.

Первым вызвался Мэйтленд.

В полном молчании они по одному подходили к столу, ставили оттиск в бюллетене, сворачивали листок и опускали в урну. Никто не спешил — лишь когда предыдущий возвращался на свое место, вставал следующий. Наконец «голосование» было окончено. Форестер как следует встряхнул коробку, чтобы перемешать бюллетени, и объявил:

— Нужны два наблюдателя. — Он обвел глазами группу. — Крейвен. И Сью.

Наблюдатели подошли к столу. Форестер по одному доставал бюллетени, зачитывал, передавал Сьюзен, а та передавала Крейвену.

Беззащитная Сиротка.

Провинциальный Хлыщ.

Инопланетный Монстр.

Красивая Стерва.

Юная Прелестница.

«Ошибся, — подумал Лодж. — Как же так? Она ведь явилась последней!»

Посланник Внеземной Цивилизации.

Правильный Юноша.

«Осталось двое. Всего двое… — лихорадочно размышлял Лодж. — Хорошо. Заключу с собой пари. Ставлю на Злодея. Генри — это Злодей».

— Усатый Злодей, — прочел Форестер, развернув последний листок.

«Вот я и проиграл», — подумал Лодж, а все вокруг сдавленно ахнули, потрясенные страшным открытием.

Персонажем Генри был тот, кто играл во вчерашнем Спектакле самую заметную, самую активную роль. Нищий Философ.

Блокнот Генри был исписан мелким неразборчивым почерком, угловатым и резким, как его обладатель. Символы и уравнения представляли собой триумф простоты и ясности, при этом буквы имели чудной и вздорный обратный наклон, а фразы были лаконичны настолько, что их краткость граничила с грубостью. Впрочем, кого бы Генри мог этим оскорбить, кроме себя самого?

Мэйтленд резко захлопнул блокнот и оттолкнул его к центру стола.

— Вот в чем дело… — проговорил он.

Все сидели молча, бледные и застывшие, словно воочию увидели призрака, на которого совсем недавно намекал Крейвен.

Первым не выдержал Сиффорд.

— Ну все, довольно! — вскричал он. — Я не стану…

— Что вы не станете? — произнес Лодж.

Сиффорд не ответил. Положив руки на стол, он сжимал и разжимал кулаки, вытягивал пальцы, словно хотел одной силой воли выгнуть их дальше, чем было заложено природой.

— Генри сошел с ума, — резко сказала Сьюзен. — Только душевнобольной мог бы придумать такую ересь.

— Вы медик, от вас следовало ожидать подобной реакции, — заметил Мэйтленд.

— Я изучаю жизнь, — ответила ему Сьюзен. — Я уважаю жизнь. Моя работа — сохранять ее в теле как можно дольше. И я испытываю глубочайшее сопереживание всему живому.

— Вы намекаете, что мы не испытываем?

— Я намекаю, что лишь тот, кто видел жизнь во многих ее проявлениях, кто познал ее могущество и великолепие, может понять, какое это чудо.

— Сьюзен…

— Я знаю точно, — перебила она. — Я знаю совершенно точно, что жизнь — это нечто большее, чем продукт распада. Она больше, чем старение материи. Больше, чем недуг. Назвать жизнь последним этапом разложения благородной неорганики — все равно что заявить, будто норма существования Вселенной — в полном отсутствии развития и смысла.

— Это семантическая путаница, — возразил Форестер. — Мы живые существа, и термины, которыми мы оперируем, невозможно сопоставить с терминами, применимыми для норм существования Вселенной, даже если бы мы такие термины знали.

— А мы их не знаем, — подхватила Хелен Грей. — Может, вы и правы, Форестер. Особенно если догадка Генри окажется верна.

— Мы изучим все записи Генри, — мрачно заключил Лодж. — Мы шаг за шагом восстановим ход его мысли. Я сомневаюсь, что он прав, но проверить необходимо. Нельзя упускать открытие, которое может принести пользу.

— То есть вы хотите продолжать?! — взвился Сиффорд. — Не побрезгуете даже таким унизительным для человечества открытием — все ради цели?!

— Разумеется, я намерен продолжать! — оборвал его Лодж. — Жизнь — это болезнь и разложение? Хорошо, пускай. Кент и Хелен совершенно правы, наши термины не универсальны. Что для Вселенной яд, то для нас жизнь. Если гипотеза Генри верна, он всего лишь открыл испокон веков существовавший порядок вещей.

— Вы не понимаете, что говорите! — восклик-

нул Сиффорд.

— Прекрасно понимаю. А вам мешает неврастения. Вам и некоторым другим. Тут у многих расшалились нервы. Может, и у меня. Может, у всех. Нами правит страх — вы боитесь своей работы, я боюсь, что вы ее не выполните. Жизнь взаперти, постоянное напряжение разума, ежедневное его столкновение с совестью — и вот критерии морали вдруг сбросили с себя вековую пыль и засияли, как щит Галахада. На Земле идея Генри вас бы не смутила. Может, поначалу вы и поперхнулись бы слегка, но будь она доказана, вы бы проглотили ее как миленькие и продолжили бы изучать принципы устройства той гнили, которая для нас является жизнью. Информация о том, что такова ее природа, была бы для вас исключительно фактором, который надо принять к сведению, рабочим инструментом — просто информацией! Но здесь — нет, здесь вам угодно визжать и лезть на стену.

— Байярд! — возмутился Форестер. — Вы не смеете!

— Еще как смею. Я слышать уже не могу их нытье. Устал я от изнеженных фанатиков, которые сами довели себя до фанатической одержимости, пестуя свои надуманные страхи. Чтобы достичь

нашей цели, нужны люди с острым умом и железной волей.

У Крейвена от ярости побелели губы.

— Мы работали! — выкрикнул он. — Мы продолжали работу вопреки всем доводам рассудка, религиозной этике, собственной порядочности! Не думайте, что это вы убедили нас — льстивыми словами, шуточками, панибратским ободрением! Ваши жалкие потуги тут ни при чем!

Форестер обрушил кулак на стол.

— Хватит препираться! — рявкнул он. — К делу!

Крейвен сел, по-прежнему бледный от злости. Сиффорд продолжал сжимать и разжимать пальцы.

— Генри написал вывод, — произнес Форестер. — Не то чтобы доказанный вывод, назовем это гипотезой. Как вы хотите с ней поступить? Игнорировать ее, постараться забыть или все-таки проверить?

— Я считаю, надо проверить, — ответил Крейвен. — Генри умер и не может сам защищать свою гипотезу. Наш долг — сделать для него хотя бы это.

— Если ее вообще можно проверить, — ввернул Мэйтленд. — По-моему, она ближе к философии,

чем к науке.

— Философия идет с наукой рука об руку, — заметила Элис Пейдж. — Нельзя отмахиваться от гипотезы лишь потому, что она кажется пристрастной.

— Да не говорил я, что она пристрастна! — возмутился Мэйтленд. — Ну вас. Давайте проверим.

— Я тоже за то, чтобы проверить, — пробурчал Сиффорд и развернулся к Лоджу. — И если она подтвердится, если будет хоть малейшее подозрение, что она соответствует действительности, если мы не сможем ее опровергнуть, я ухожу. Считайте, что я вас предупредил.

— Ваше право, Сиффорд. Когда пожелаете.

— Подтвердить ее может быть очень сложно, — задумчиво проговорила Хелен Грэй. — А опровергнуть и того сложнее…

Лодж поймал на себе взгляд Сью. В глазах у нее был мрачный смех, и читалось что-то вроде неохотного восхищения и конфуза от посрамленного цинизма. Она словно говорила: ну что ж, вам снова удалось, не ожидала, что вы и на этот раз выкрутитесь, только не спешите обольщаться, придет время и…

— Хотите пари? — прошептал он ей.

— Хотите цианиду? — парировала Сью.

И хотя Лодж рассмеялся в ответ, в душе он понимал, что Сью права — и даже сама не подозревает насколько. Час пробил. Третью группу исследования жизни настало время распускать.

Конечно, они еще продержатся какое-то время на исследовательском азарте, который вызвала у них гипотеза покойного Генри. Они продолжат упорно трудиться, как велит им профессия. Но увы, сердце они потеряли. Слишком глубоко проросли в их душах страх и предрассудки, смятение мыслей стало их частью, от него уже нельзя излечить…

Если Генри Гриффит поставил себе целью сорвать работу над проектом, ему это удалось, причем мертвым он добился на этом поприще куда больше, чем мог бы добиться живым.

Лодж почти услышал над ухом едкий смешок Генри и сам удивился игре своего воображения — ведь Генри был напрочь лишен чувства юмора.

Удивительно было и то, что персонажем Генри оказался Нищий Философ — старый прохвост, скрывающий свою лживую сущность за изысканными манерами и пышным красноречием. Генри не имел со своим творением ничего общего — он был человек прямой и безыскусный, горбил спину, изъяснялся просто и сухо, да и вообще

все больше помалкивал, разве что мог буркнуть что-нибудь коротко.

Выходит, все-таки он был плут? Высмеивал всех устами Философа и никто не подозревал?

Лодж даже головой затряс, настолько дикой представилась ему эта мысль.

Если Философ и потешался над ними, то так мягко и тонко, что никто не заметил сарказма.

В том, что Генри мог смеяться над коллегами, не было ничего страшного. Ужасало другое: Философ вышел на экран вторым. Он появился сразу за Провинциальным Хлыщом и оставался в центре внимания на протяжении всей сцены — жевал индейку и толкал бесконечную напыщенную речь. По сути, во вчерашнем эпизоде он был самым ярким действующим лицом.

И никто не мог вести его вместо Генри, потому что никто не вычислил бы нужный персонаж в самом начале Спектакля. Да никто и не сумел бы без тренировки с первого раза так точно попасть в характер! А ведь нужно было еще и управлять собственным персонажем — учитывая, что треклятый Философ вообще не затыкался!

Значит, как минимум четверо однозначно выходят из-под подозрения — те, чьи герои играли вчера хоть сколько-нибудь активную роль.

Что это может означать?

Либо у них и правда завелся призрак.

Либо Философом управляла память компьютера.

Либо у всех восьмерых членов группы случилась массовая галлюцинация.

Последнее предположение Лодж отмел сразу, а потом и оба оставшихся. Все три версии не выдерживали критики. Происходящее вообще было необъяснимо.

Что может раздавить самообладание команды людей, профессионально обученных искать факты и с великим скепсисом относиться ко всему, что однозначным фактом не является? Изоляции на далеком астероиде для этого мало. Мало угрызений совести от конфликта с устоявшимися этическими нормами. Мало записанного на подкорке средневекового страха перед сверхъестественным.

Нет, должно быть что-то еще. Какой-то фактор, который они пока упустили из виду. Накануне за ужином Мэйтленд говорил о необходимости отыскать новый подход к решению задачи. Пожалуй, он подразумевал, что для их цели старые научные методы, основанные на поиске фактов, потеряли свою актуальность, и, чтобы добиться

успеха, надо сойти с проторенной колеи…

Может, Генри подсказал им новый подход? А заодно и привел команду в состояние неработоспособности — этим и своей смертью?

Или был еще какой-то фактор — не вписывающийся в проторенную колею человеческого мышления и стандартной психологии?

А не является ли этим фактором Спектакль? Не стало ли развлечение, призванное удержать людей в здравом уме, причиной их помешательства?

Сейчас они уже расходятся по своим комнатам. Переоденутся, выйдут к ужину, а после снова будет Спектакль.

Вот она, сила привычки. Все полетело к чертям, но Спектакль будет, потому что так положено. Переодеться, поужинать, отыграть роль, утром вернуться на рабочее место и продолжить свой труд, который стал бессмысленным под гнетом постоянного страха, душевного конфликта, смерти, призраков…

Кто-то тронул его за локоть. Подняв глаза, Лодж увидел, что это Форестер.

— Что вам, Кент?

— Как себя чувствуете?

— Нормально. — Он немного помедлил и

спросил: — Вы же понимаете, что теперь все кончено?

— Мы предпримем еще попытку.

Лодж покачал головой:

— Без меня. Пытайтесь, вы помоложе. А я выгорел, как они.

Спектакль продолжился с того самого места, на каком прервался накануне. На сцене появилась Юная Прелестница, и Нищий Философ, потирая руки, провозгласил:

— Ну что ж, вот мы все и в сборе. Все девятеро.

— Полноте, Философ, — пролепетала Прелестница, слегка запинаясь. — Ну, в сборе мы… Не понимаю, зачем акцентировать на этом внимание. Да, мне пришлось задержаться. Обстоятельства непреодолимой силы, знаете ли…

— Конечно, знаем, — с глупой ухмылкой сообщил Провинциальный Хлыщ зрителям. — Джин-тоник и автоматы игровые…

Инопланетный Монстр, высунув голову из-за дерева, выдал щелкающую тираду на своем языке.

Что-то шло не так.

В Спектакле чувствовалась какая-то механическая неправильность, дефект, нечто неуловимое, пугающе чужеродное.

Неправильность была в Нищем Философе — и заключалась она даже не в самом его присутствии, а в чем-то ином. Неправильными были и Прелестница, и Красивая Стерва, и Правильный Юноша, и все остальные.

Но острее всего ощущалась неправильность Провинциального Хлыща. Все-таки Байярд Лодж знал Хлыща, как никто другой, — знал как облупленного, до кишок, знал все его мысли и мечты, его вахлацкое самомнение, его наглую ухмылку, его напускную развязность, вызванную жгучим комплексом неполноценности… Знал, потому что сам это придумал, сам воплотил в персонаже, и для него, как и для всех зрителей, собственный персонаж стал чем-то бóльшим, нежели живой человек, и даже бóльшим, чем близкий друг. Между ними с Хлыщом были узы, связующие творца и его детище. Однако сегодня Хлыщ отстранился, словно оборвал ниточки, посредством которых создатель им управлял. Он сам встал на ноги, пробуя на вкус новообретенную самостоятельность.

— Как же не акцентировать на этом внимание? — ответил Прелестнице Философ. — Все-таки один из нас мертв…

В зрительном зале была тишина — ни шороха,

ни вздоха, но охватившее всех нервное напряжение почти звенело, как лопнувшая скрипичная струна.

— Мы проекции человеческого сознания, которые играют назначенные роли, — произнес Усатый Злодей.

— Мы проекции человечества, — объявил Провинциальный Хлыщ.

Лодж чуть не вскочил с кресла.

Он не подсказывал Хлыщу этих слов! Он не хотел, чтобы они звучали вслух! Да, он думал об этом, вот и все! Боже милостивый, он же просто подумал!

Его вдруг осенило. Вот в чем неправильность! Они не на экране, а на сцене!

Все персонажи стояли на сцене — на узких подмостках между стеной и зрительным залом. Уже не проекции, а вполне материальные существа. Воображаемые марионетки, обретшие плоть и кровь.

Открытие заставило Байярда Лоджа похолодеть. Он обмер, придавленный набирающим силу осознанием: посредством одного лишь воображения — воображения и электронной аппаратуры — Человек создал жизнь.

«Новый подход», — сказал накануне Мэйтленд.

Господи! Новый подход!

Они потерпели поражение в лабораториях, но добились оглушительного успеха в театре. Не понадобится теперь собирать новую группу. Больше никто не будет в поте лица трудиться в серой зоне, где жизнь и смерть взаимозаменяемы. Чтобы создать человеческого монстра, достаточно сесть перед экраном и сочинить его — кость за костью, волос за волосом. Сочинить ему мозг, внутренние органы, уникальные способности и все такое прочее. Миллиарды человеческих монстров для заселения всех планет. И это действительно будут люди, потому что создадут их человеческие собратья по своим проектам.

Прямо сейчас персонажи Спектакля сойдут с подмостков и смешаются с толпой своих творцов. И как же творцы отреагируют? Завопят от ужаса? Сойдут с ума?

Что он, Байярд Лодж, скажет Провинциальному Хлыщу?

Что он вообще может Хлыщу сказать?

Но куда важнее — что скажет Провинциальный Хлыщ ему?

Замерев в кресле, Байярд Лодж ждал момента, когда они все сойдут в зал.

Находка
Перевод Е. Корягиной

Эту штуку Джонни заметил в кустах ежевики, когда разыскивал коров. Сквозь кроны высоких тополей опускался вечер, и видно было плоховато, и разглядывать было некогда: дядя Эб и так уже сердился из-за того, что он потерял двух телок и до сих пор не привел. Дядя Эб непременно опять возьмется за ремень, а ведь сегодня ему и так выдали по первое число. И вдобавок без ужина оставили, — за то, что забыл сходить к ручью за свежей водой. И тетя Эм весь день бранилась, — за то, что грядки полол из рук вон плохо.

— В жизни не видала такого беспутного мальчишки! — разорялась она, да не забывала прибавить, что, дескать, ждала от него хоть какой-то благодарности, ведь они с дядей Эбом взяли его к себе и спасли от сиротского приюта, так нет, не умеет он быть благодарным, а только пакостит, и лодырь, каких поискать, и она знать не знает, — и слава богу! — что из него вырастет!

Мальчик отыскал телок в дальнем углу выгона, у рощицы грецких орехов, и погнал их домой,

а сам плелся позади и по обыкновению мечтал, как сбежит из дому, хотя и знал, что не сбежит — бежать-то некуда. Впрочем, говорил он себе, где угодно лучше, чем здесь, у дяди Эба и тети Эм, которые ему вовсе не дядя и тетя, а просто чужие люди, взявшие его к себе жить.

Когда он завел телок в хлев, дядя Эб как раз заканчивал доить и все еще сердился, что мальчик, пригоняя других коров, не заметил пропажи.

— Ну вот, — сказал он, — мне пришлось доить и за себя, и за тебя, а все ты: не сосчитал коров, хотя я тебе вечно твержу — надо сначала сосчитать, убедиться, что все на месте. Вот теперь и подои этих двух, — будет тебе наука.

Джонни получил трехногий табурет, подойник и стал доить — а первотелок доить куда труднее, чем других коров, да еще они пугливые; рыжая так его лягнула, что он полетел прямо в сток и разлил все, что успел надоить.

Дядя Эб, видя такое дело, снял со стены ремень и немножко поучил Джонни, чтобы тот был поаккуратнее и помнил: молоко стоит денег.

Потом они пошли домой, и дядя Эб всю дорогу бурчал, что от всякой мелюзги хлопот больше, чем она того стоит, а тетя Эм, встретившая их на пороге, потребовала, чтобы Джонни хоро-

шенько вымыл ноги, а то изгваздает ее чистые простыни.

— Тетя Эм, — сказал он, — мне ужасно хочется есть.

— Ни крошки не получишь, — заявила она, сурово поджимая губы. — Может, если чуток поголодаешь — станешь не такой забывчивый.

— Ну хоть хлеба кусочек, — попросил Джонни. — Без масла, без ничего, только хлеба.

— Молодой человек, — вмешался дядя Эб, — вы слышали, что сказала тетя. Мыть ноги — и в постель.

— Да как следует помой, — добавила тетя.

Джонни помыл ноги и пошел спать. Лежа в постели, он вспомнил ту штуку, которую видел в кустах, и вспомнил, что никому про нее не рассказал — просто не успел, ведь тетя Эм и дядя Эб непрерывно его пилили.

Наверное, так оно и лучше, решил он, и не нужно им рассказывать. Им только расскажи — и они эту вещь отберут, как все у него всегда отбирают. А если не отберут, то сломают или еще что-нибудь учинят, и ему не станет от нее никакой радости.

Единственным имуществом Джонни был старый карманный нож с отломанным кончиком. Больше всего на свете мальчику хотелось полу-

чить новый нож, но не дурак же он был просить. Однажды он об этом заикнулся, так дядя Эб и тетя Эм завели на много дней: какое он неблагодарное и ненасытное создание, они взяли его с улицы, а ему все мало, трать еще деньги ему на карманный ножик.

Джонни здорово достали разговоры о том, что его взяли с улицы; насколько он помнил, на улице ему жить не приходилось.

Лежа в постели и глядя в окно на звезды, Джонни задумался: что же такое он видел в кустах ежевики? Ведь толком не запомнил, да и не разглядел — не было времени остановиться. Хотя кое-что интересное он заметил, и теперь, чем больше думал, тем больше ему хотелось рассмотреть как следует.

Завтра, подумал мальчик. Завтра погляжу хорошенько. Если получится — завтра.

Потом он вспомнил, что завтра не сможет: утром, как только он управится с обычной работой, тетя Эм заставит его полоть в саду, да притом глаз с него не спустит, и удрать не получится.

Он лежал и прикидывал, и наконец ему стало совершено ясно: если он хочет посмотреть на эту штуку, нужно идти сейчас.

Судя по доносившемуся храпу, дядя Эб и тетя

Эм уснули. Джонни вылез из постели, быстро нацепил рубашку и штаны и прокрался вниз по лестнице, стараясь не наступать на самые скрипучие ступеньки. В кухне он встал на стул — добраться до спичечного коробка, лежавшего наверху старой дровяной печки. Набрал горсть спичек, подумал — и вернул бóльшую часть в коробку: если взять много, тетя Эм заметит.

Трава была холодная и мокрая от росы; Джонни закатал штанины, чтобы не намокли, и припустил на выгон.

В лесу местами было страшновато, но Джонни боялся совсем чуть-чуть; и вообще — никто не сможет разгуливать по ночному лесу и нисколько не бояться.

Наконец он дошел до кустов ежевики и остановился, размышляя — как бы пролезть в заросли, не изодрав одежды и не исколов босых ног. А еще подумал, на месте ли вчерашняя находка, и сразу понял: на месте, потому что почувствовал исходившее от нее дружелюбие. Находка словно говорила: да, на месте, и бояться не нужно.

Мальчик немного растерялся, потому что к дружелюбию не привык. Единственным другом Джонни был его ровесник Бенни Смит; виделись они только в школе, да и там не всегда: Бенни

часто болел и дни напролет сидел дома. А в каникулы они не встречались, поскольку Бенни жил очень далеко.

Глаза Джонни понемногу привыкли к темноте, и среди кустов ежевики он как будто стал различать очертания предмета. Мальчик не мог понять, почему он чувствует дружелюбие этой штуки, ведь она, по его мнению, была неживая, вроде автомобиля или сенокосилки — в общем, просто вещь. Приди ему в голову что она живая, он бы перепугался.

Находка продолжала излучать дружелюбие.

Джонни вытянул руки, собираясь раздвинуть кусты, потрогать и понять, что же это такое. Если подойти поближе, думал он, можно зажечь спичку и разглядеть.

— Стой! — велело ему излучаемое дружелюбие, и он моментально остановился, хотя и не знал, точно ли слышал это слово. — Не нужно смотреть на нас вблизи.

Джонни немного опешил: он ни на что и не смотрел, особенно вблизи.

— Ладно. Не буду.

Может, это игра вроде пряток, в какую он играл в школе?

— Когда мы подружимся, — сказали ему, — смо-

жем смотреть друг на друга и вблизи — мы уже будем знать, каков каждый внутри, и внешность потеряет значение.

Наверное, видок у них жуткий, подумал Джонни, раз они не хотят ему показываться. И услышал ответ:

— Мы на вид жуткие для тебя. Ты на вид жуткий для нас.

— Тогда, значит, оно и к лучшему, что я в темноте не вижу.

— Ты не видишь в темноте? — переспросили его, и он подтвердил — нет, не видит.

Судя по молчанию, их сильно озадачило, что Джонни не видит в темноте.

Затем его спросили, а может ли он… Джонни не понял, что именно, а его собеседники пришли к выводу, что он и этого не может.

— Ты боишься, — сказали ему. — Нас не нужно бояться.

Джонни объяснил: он боится не их, ведь они добрые, а боится, что про них разнюхают дядя Эб и тетя Эм. Тогда его принялись расспрашивать про дядю Эба и тетю Эм. Джонни пытался растолковать, однако они не совсем поняли и, кажется, подумали, будто речь идет о правительстве. Он еще раз попытался, но они поняли и того

меньше.

Наконец, очень вежливо, стараясь никого не обидеть, Джонни сказал, что ему пора идти, и поскольку задержался намного дольше, чем планировал, всю обратную дорогу бежал бегом.

Он благополучно пробрался в дом и лег в постель, но на следующее утро тетя Эм обнаружила у него в кармане спички и закатила целую лекцию о том, как легко нечаянно спалить хлев. Чтобы было убедительней, она принялась хлестать его по ногам, да так сильно, что Джонни, хотя и старался вести себя как мужчина, от боли кричал и подпрыгивал.

Целый день он полол в саду, а перед закатом пошел пригнать коров.

Заросли ежевики были как раз по пути; впрочем, будь они даже в стороне, Джонни непременно завернул бы туда: весь день он не мог забыть, какую ощущал там ласку.

Было еще не совсем темно, ночь только приближалась, и Джонни увидал, что его находка — не живое существо, а просто металлическая штука, словно две сложенные вместе глубокие тарелки, а по краю идет ободок — в точности как у сложенных вместе глубоких тарелок. Металл выглядел старым, как будто пролежал там нема-

лый срок — видны были даже ржавые пятна, какие появляются на долго провалявшейся на улице железяке.

Эта штука пробила туннель в зарослях ежевики и вспахала дорожку длиною футов двадцать; Джонни посмотрел в том направлении, откуда она прилетела, и увидел сломанные ветки на верхушке высокого тополя.

С ним заговорили — без слов, как и ночью, — с добротой и участием, хотя последнего слова Джонни не знал, поскольку в школьных учебниках оно ему не попадалось.

Ему сказали:

— Теперь можно на нас немножко посмотреть. Быстро посмотри — и сразу отвернись. Долго не смотри. На нас — и сразу в сторону. Так и привыкнешь к нам. Понемножку.

— А вы где? — спросил Джонни.

— Прямо здесь.

— Там, внутри?

— Здесь, внутри.

— Ну так я вас не увижу, — сказал Джонни. — Сквозь металл я видеть не могу.

— Он не может видеть сквозь металл, — сказал один из них.

— И не видит, когда звезда не светит, — доба-

вил другой.

— Значит, он нас не видит, — заключили оба.

— Так выйдите, — предложил Джонни.

— Мы не можем выйти. Если мы выйдем, мы умрем.

— Значит, я вас так и не увижу.

— Ты нас не увидишь, Джонни.

Мальчик опять ощутил ужасное одиночество: он никогда не увидит своих новых друзей!

— Нам непонятно, кто ты такой, — сказали они. — Объясни нам, кто ты.

И потому что они были такие дружелюбные, он рассказал, кто он такой, и как осиротел, и как его взяли к себе дядя Эб и тетя Эм, которые на самом деле ему вовсе не тетя и не дядя. Он не стал рассказывать, как с ним обращаются, лупят кнутом, ругают, отправляют спать без ужина, но они и так все это почувствовали, и теперь от них исходило не просто дружелюбие. Теперь было настоящее сочувствие и то, что у них могло считаться материнской любовью.

— Он еще маленький, — сказал один другому.

Они словно протянули руки и крепко его обняли. Джонни, сам того не замечая, опустился на колени и тоже протянул руки к тому, что лежало в кустах, и громко позвал, словно там было

что-то, что можно прижать к себе, словно обрел некое утешение, по которому он всегда тосковал. Сердце его выкрикнуло то, чего он не мог сказать вслух, отчаянную мольбу, которая никогда бы не слетела с его губ. И ему ответили:

— Нет, Джонни, мы тебя не бросим. Мы не сможем тебя бросить, Джонни.

— Обещаете?

Его собеседники стали печальны.

— Нам незачем обещать. Наш аппарат сломался, и мы не в силах его исправить. Один из нас умирает, другой тоже скоро умрет.

Джонни стоял на коленях, и в него проникали слова, и проникал их смысл, и это было больше, чем он мог вынести: обрести друзей, которые вот-вот погибнут.

— Джонни, — позвали они.

— Да? — Джонни едва сдерживал слезы.

— Хочешь с нами поменяться?

— Поменяться?

— Ну, как друзья меняются. Ты нам что-нибудь дашь, и мы тебе дадим.

— Но у меня нет ничего… — И тут он вспомнил: есть! Карманный нож. Вещица, конечно, так себе, кончик лезвия обломан, но хоть что-то.

— Отлично, — сказали они. — Самое то. Положи

на землю рядом с аппаратом.

Джонни положил ножик рядом с аппаратом, и, хотя он ждал, когда это произойдет, все случилось очень быстро, он и заметить не успел. Так или иначе, нож пропал, а на его месте оказалось что-то другое.

— Спасибо, Джонни. Ты молодец, что с нами поменялся.

Джонни протянул руку и взял то, что ему оставили; даже в темноте эта вещь вспыхивала скрытым пламенем. Мальчик повертел ее на ладони. Она походила на драгоценный камень со многими гранями, и изнутри шло свечение, переливавшееся разными цветами.

Только увидев это яркое свечение, Джонни вдруг понял, как вокруг стало темно и как сильно он задержался, и вскочил, и, не дав себе времени попрощаться, побежал.

Для поиска коров уже стало слишком темно, оставалось только надеяться, что они сами пошли домой и он найдет их по пути и пригонит. Скажет дяде Эбу, что ему пришлось долго за ними гоняться. Скажет, что телки сломали изгородь и он загонял их обратно. Скажет…

От бега у Джонни перехватило дыхание, сердце выпрыгивало из груди. Его обуял страх, страх

перед собственным проступком, которому нет прощения, — и это после всех прочих грехов, после того, как он забыл сходить к ручью за водой, потерял вчера двух телок, а еще в кармане у него нашли спички…

Коров он не нагнал — они были дома, причем уже подоенные, и Джонни понял, что задержался гораздо дольше, чем ему казалось, и все гораздо хуже, чем он боялся.

Он подошел к крыльцу, дрожа от страха. В кухне было светло: его ждали.

Дядя и тетя сидели за столом, повернувшись к нему, и свет падал на их суровые лица, будто вытесанные из камня.

Дядя Эб встал, возвышаясь до самого потолка; на руках с закатанными по локоть рукавами вздулись мышцы. Он шагнул к Джонни, Джонни кинулся прочь, однако тяжелая рука легла сзади ему на шею, и пальцы обхватили горло, приподняли его и встряхнули с молчаливой злобой.

— Вот я тебе покажу, — сквозь зубы произнес дядя Эб, — я тебе покажу…

Что-то упало и покатилось по комнате, оставляя за собой светящуюся дымку.

Дядя Эб перестал трясти Джонни, на миг замер, держа его в руках, а затем уронил на пол.

— Это у тебя из кармана… Что за штука?

Джонни отпрянул и затряс головой. Он ни за что не скажет! Никогда! Что бы дядя Эб с ним ни делал. Пусть хоть убьет.

Дядя Эб прошагал к камешку, быстро нагнулся и поднял его. Затем вернулся к столу, положил и, склонившись над ним, стал смотреть, как он сверкает гранями.

Тетя Эм подалась вперед и тоже взглянула.

— Ничего себе! — сказала она.

И они оба замерли, глядя на камень, — глаза у них горели, дыхание стало прерывистым. Наступи тут конец света, они бы и не заметили.

Потом они повернулись к Джонни, словно совершенно забыв про камень, словно сначала он был зачем-то нужен, а теперь исполнил свое предназначение и стал им неинтересен. Что-то с ними случилось; точнее, не случилось, а просто они стали какими-то другими.

— Ты, наверное, голодный, — сказала тетя Эм. — Согрею-ка тебе поесть. Яйца будешь?

Джонни сглотнул и закивал.

Дядя Эб сел, совсем уже не глядя на камень.

— Знаешь, — сказал он, — я тут на днях видал в городе нож — в самый раз для тебя.

Джонни едва его слышал.

Он просто стоял и внимал доброте и любви, которыми наполнялся дом.

Истина
Перевод К. Королёва

1

Едва они вышли из корабля, все сразу стало ясным и понятным. Разумеется, они не могли предугадать, что их ждет, ибо откуда им было знать, на что рассчитывать; тем не менее осознание пришло словно само собой. Трое из них просто стояли и смотрели, а четвертый даже подплыл поближе. Рассудок, сердце или интуиция — назвать можно как угодно — подсказывали каждому из них, что они наконец-то добрались до последнего приюта или одного из последних приютов той прославленной в легендах группы людей, которая сумела разорвать путы обыденности и вырвалась в темные просторы Галактики. Однако о том, от чего они бежали — от посредственности, ответственности или чего-то еще, — можно было только догадываться; ученые, пытавшиеся разгадать эту загадку, разделились в итоге на несколько культов и до сих пор вели между собой весьма жаркие, насквозь научные споры.

Впрочем, четверо исследователей ни на мгновение не усомнились в том, что перед ними место, поиски которого продолжались более или менее успешно на протяжении сотни тысяч лет. Название «место» подходило к нему как нельзя лучше, поскольку на город оно явно не тянуло, хотя, возможно, в былые времена здесь и впрямь возвышался город. Это было место обитания, учености и работы, место, застроенное множеством зданий, которые, однако, с течением лет превратились в детали ландшафта и уже не нарушали целостности картины своими размерами или нарочитым пренебрежением по отношению к окружающей природе. Тут ощущалось величие, но не такое, что присуще громоздящимся друг на друга гигантским валунам, не подавляющее величие архитектуры, даже не грандиозность несокрушимости. По правде сказать, архитектура была ничем не примечательной, какая-либо монументальность начисто отсутствовала, некоторые здания разрушились, а другие спрятались за деревья, укутались в мох и как бы слились в единое целое с холмами, на которых стояли. Тем не менее в них ощущалось величие — величие смирения, целесообразности и упорядоченной жизни. Стоило лишь взглянуть на них, как воз-

никало понимание: это был, конечно, никакой не город, а большой поселок, деревня, причем обладавшая в избытке всем тем, что обычно связывается с подобным словом.

Главным же было то, что в поселении чувствовалось присутствие человека, этакий налет человечности, благодаря которому у наблюдателя не оставалось ни малейшего сомнения в том, что здания спроектированы и возведены людьми. Не то чтобы можно было ткнуть во что-то пальцем и сказать: «Се человек», поскольку любая архитектурная деталь могла оказаться творением иной расы. Но общая панорама позволяла заявить с полной уверенностью: здесь жил человек.

Существа, искавшие поселение, пытались обнаружить хотя бы намек на то, куда ушла легендарная раса; придя в отчаяние от бесплодных поисков, некоторые засомневались в том, существует ли оно вообще, и стали все с большим недоверием воспринимать свидетельства, подтверждающие факт его существования. Находились и такие, кто утверждал, что искать бессмысленно, ибо, если вдуматься, что ценного могли оставить после себя ничтожества вроде людей? «Кто такие люди? — спрашивали эти вольнодумцы и сами же отвечали на свой вопрос,

не дожидаясь отклика собеседников: — Машинники, заурядные машинники, выделявшиеся разве что эмоциональной неустойчивостью». Им не было равных в создании машин, но что касается собственного интеллекта, тут не о чем и говорить. Уровень его был настолько низок, что людей едва-едва приняли в галактическое братство. Они застыли в своем развитии. Да, в мастерстве им не откажешь, но по сути они — дикари, совершенно справедливо оттесненные на задворки империи.

Место искали тысячелетиями, многажды терпя неудачи, не постоянно, поскольку раз за разом выяснялось, что есть другие, более важные дела, которые не терпят отлагательства. Постепенно оно превратилось в исторический курьез, где-то даже в миф. Проект его поисков никогда не числился среди тех, что требовали немедленного осуществления. Однако вот оно — под сенью холма, на вершине которого приземлился корабль. Почему его не нашли раньше? Что же тут непонятного: звездных систем слишком много, все обыскать невозможно…

— Оно! — мысленно воскликнул Пес и искоса поглядел на Человека, гадая, что тот чувствует; ведь для него это место, несомненно, значило

гораздо больше, нежели для остальных. — Я рад, что мы нашли его, — продолжал Пес, обращаясь напрямую к Человеку, и Человек уловил оттенки его мысли: искренность Пса, близость и чисто собачью преданность.

— Теперь-то мы узнаем, — заявил Паук, и все без слов догадались, что он имел в виду: «Узнаем, отличались ли здешние люди от всех других или были ничуть не лучше прочих».

— Они были мутантами, — сказал Шар, — по крайней мере, так предполагалось.

Человек молча смотрел на деревню.

— Если бы мы специально пытались отыскать ее, у нас ничего бы не вышло, — заметил Пес.

— Времени мало, — напомнил Паук, — а дел в избытке.

— Достаточно того, что мы знаем наверняка: оно существует, — проговорил Шар. — Передадим координаты, а там пускай присылают специалистов.

— Случайно, — пробормотал Человек, судя по всему ошеломленный открытием, — мы натолкнулись на него совершенно случайно.

Паук издал неопределенный звук, похожий на фырканье, и Человек замолчал.

— Тут никого нет, — сказал Шар. — Они опять

сбежали.

— Или деградировали, — прибавил Паук. — Притаились небось в укромном уголке и таращатся на нас, не соображая, что происходит. Если мы найдем их, наверняка окажется, что они напичканы всякими небылицами и глупыми предрассудками.

— Не уверен, — возразил Пес.

— У нас мало времени, — повторил Паук.

— Нам вообще нечего тут делать, — решительно произнес Шар. — Нас посылали не за этим, так что пошли отсюда.

— Раз мы здесь, — сказал Пес, — будет некрасиво просто взять и уйти.

— Тогда за работу, — буркнул Паук. — Давайте разгрузим корабль.

— Если вы не против, — сказал Человек, — я хотел бы побродить по окрестностям. Пройдусь погляжу, что и как.

— Я с тобой, — вызвался Пес.

— Спасибо, — отозвался Человек, — но в том нет никакой необходимости.

Товарищи отпустили его. С вершины холма они наблюдали за тем, как он спустился по склону и направился к таинственным зданиям, а потом принялись за активацию роботов. Когда на закате

они вернулись на холм, Человек поджидал их: он сидел на гребне и смотрел на деревню. Он не стал спрашивать о том, что им удалось отыскать. Казалось, ему все известно и так, хотя он всего лишь прошелся по деревне и никуда не ездил.

— Странно, — проговорил Пес. — Ни намека на что-либо необычное, ни единого свидетельства прогресса. Скорее они регрессировали. Ровным счетом ничего оригинального.

— Я видел машины, — сказал Человек, — домашние приспособления, бытовая техника.

— Больше ничего и нет, — откликнулся Паук.

— Людей тоже нет, — добавил Шар. — Ни следа сколько-нибудь разумной жизни.

— Специалистам, когда они прилетят, может повезти больше нашего, — заметил Пес.

— Сомневаюсь, — бросил Паук.

Человек отвел взгляд от поселения и посмотрел на товарищей. Пес как будто извинялся, что находки, пустяковые сами по себе, не сулили ничего утешительного. Да, Пес и впрямь извинялся, потому что в его сознании сохранилась некая толика былой верности человеку. Беспрекословное послушание и всепрощающая любовь остались в далеком прошлом, однако у собак из поколения в поколение передавалась привязанность к суще-

ствам, перед которыми преклонялись их предки. Паук, похоже, был доволен, доволен тем, что не обнаружил каких-либо следов человеческого величия, что теперь на человечестве можно поставить крест и загнать людей туда, откуда они будут с замиранием сердца следить за возвышением пауков и прочих разумных тварей. Шару же, очевидно, было все равно. Он парил в воздухе рядом с головой Пса и всем своим видом выказывал равнодушие к участи человечества. Его заботило только одно: чтобы выполнялись намеченные планы, достигались поставленные цели, а развитие шло по нарастающей. Вне сомнения, он уже стер из памяти эту деревню и сведения о людях-мутантах, наверняка перестал считать их фактором, способным повлиять на прогресс.

— Пожалуй, я задержусь здесь, — сказал Человек, — если вы, конечно, не возражаете.

— Не возражаем, — отозвался Шар.

— Темнеет, — предостерег Паук.

— Скоро появятся звезды, — проговорил Человек, — может статься, даже луна. Вы не заметили, у планеты есть луна?

— Не заметили, — ответил за троих Паук.

— Пора готовиться к отлету, — сказал Пес. — Я позову тебя, когда мы соберемся улетать.

На западе еще догорал закат, а небосвод уже усыпали звезды. Сперва проступили самые яркие, за ними те, что потусклее, и, наконец, в небе засверкали мириады огней. Луны, к сожалению, не было, а если она и была, то предпочитала не показываться.

Сумерки принесли с собой прохладу. Человек набрал деревяшек — обломившихся сучьев, сухого кустарника и кусков, которые выглядели так, словно их когда-то обрабатывали, — и развел костер. Тот получился небольшим, но вполне достаточным, чтобы разогнать мрак; Человек подсел поближе к огню, ища не столько тепла, сколько дружеского участия. Он сидел у костра и глядел на деревню. Что-то не так, твердил он себе, величие человеческой расы не могло исчезнуть бесследно. Ему было грустно, он страдал от одиночества, навеянного пребыванием на чужой планете, под незнакомыми созвездиями, а еще тем, что надежда, манившая в неизведанную даль, оказалась призрачной, упования рассыпались в прах: его сородичи так и не сумели подняться над собой. Машинники на задворках империи, основанной не людьми, а Псами, Пауками, Шарами и прочими созданиями, которых поистине невозможно описать! Но ведь чело-

вечество славилось не одними машинами! Оно шло к своей судьбе, а машины просто помогали перекинуть мост к тому времени, когда эта судьба станет доступной восприятию. Да, в борьбе за выживание машины были, можно сказать, необходимы, но суть-то не в них; вовсе не они — конечная цель развития, идеал, к которому стремились люди.

Пес возник из темноты, уселся рядом с Человеком и тоже стал смотреть на деревню, кипение жизни в которой затихло в незапамятные времена. Блики пламени отражались на его лоснящейся шкуре, он был прекрасен, и в нем по-прежнему ощущалась некая первобытная, унаследованная от предков дикость. В конце концов он нарушил тишину, нависшую над миром и как бы проникшую в его естество.

— Хорошо, — сказал он. — Я редко развожу огонь.

— Огонь был первым шагом, — отозвался Человек, — первой ступенькой. Он для меня как символ.

— У нас, псов, свои символы. Они есть даже у пауков. А вот Шар не знает, что это такое.

— Мне жаль его, — проговорил Человек.

— Не растравляй себя, — посоветовал Пес. —

Между прочим, Шар жалеет тебя. Он жалеет всех, кто не похож на него.

— Когда-то мы испытывали подобные чувства, — сказал Человек, — но теперь уже нет.

— Пора улетать, — сообщил Пес. — Я знаю, ты хотел бы остаться, но…

— Я остаюсь, — перебил Человек.

— Ты не можешь, — возразил Пес.

— Я остаюсь, — повторил Человек. — Вы вполне обойдетесь без меня.

— Я предполагал, что ты останешься, — произнес Пес. — Принести твои вещи?

— Будь настолько добр, — ответил Человек. — Мне не хочется идти самому.

— Шар рассердится, — предупредил Пес.

— Знаю.

— Тебя накажут. Пройдет много времени, прежде чем тебя снова допустят к работе.

— Знаю.

— Паук скажет, что люди все чокнутые. Он постоянно говорит всякие гадости.

— Мне все равно, — откликнулся Человек, — почему-то мне все равно.

— Ну ладно, — проговорил Пес. — Пойду за вещами. Значит, одежда, книги и маленький саквояж, верно?

— И еда.

— Разумеется. Уж про еду-то я не забуду.

После того как корабль улетел, Человек стал разбирать вещи, которые принес Пес, и обнаружил, что тот оставил ему часть собственного продовольственного рациона.

2

Обитатели деревни жили спокойной, размеренной жизнью, не отказывая себе в удобствах. Многие устройства в домах разрушились от времени, все они давным-давно перестали действовать, однако догадаться, для чего предназначалось то или иное приспособление, не составляло труда. Люди прошлого любили красоту: у каждого из домов был разбит садик, тут и там попадались цветы или деревья, за которыми, по всей видимости, ухаживали, как за детьми, ибо они отличались либо изяществом форм, либо богатством и прозрачностью красок. Впрочем, вся забота канула в прошлое вместе с хозяевами домов, и теперь красота растений поблекла и приобрела ностальгический оттенок.

Деревенские жители были образованными людьми, о чем свидетельствовали ряды книг на полках. Увы, стоило лишь прикоснуться к кни-

гам, как они рассыпались в пыль, и оставалось только гадать, какие сокровища мудрости хранили их страницы.

Среди зданий встречались такие, что, судя по всему, служили в старину театрами; имелись в поселении и громадные форумы, где, должно быть, проводились торжества и устраивались различные общественные мероприятия. Словом, несмотря на царившее вокруг запустение, в деревне ощущались мир и покой, упорядоченность и счастье, составлявшие некогда основу здешней жизни.

Но вот величия не чувствовалось. Не было ни огромных машин, ни мастерских по их производству, ни стартовых платформ, ни каких-либо иных указаний на то, что местные жители стремились к звездам, притом что они должны были кое-что знать о космосе — ведь их предки пересекли пространство, чтобы обосноваться здесь. Не было ни оборонительных сооружений, ни дорог, ведущих в другие поселения.

Улицы навевали покой, призрачный покой, балансировавший, если можно так выразиться, на лезвии ножа, покой, в котором хотелось закончить свои дни, но который отпугивал полной неопределенностью будущего.

Человек заходил в дома, продирался сквозь обломки мебели, смахивал пыль, разводил костры, ночевал под крышей, а перед тем, как лечь спать, обыкновенно усаживался на покосившуюся скамейку или прямо на камень крыльца, глядел в небо и размышлял о том, что незнакомые созвездия над головой были некогда добрыми друзьями жившим тут счастливцам. Он позволял рассудку отвлекаться на частности в надежде, что это приведет однажды к открытию истины, но сам не прилагал чрезмерных усилий к ее обнаружению, ибо что-то подсказывало ему, что торопиться и беспокоиться не следует, поскольку спешка и волнение несовместимы с подобными поисками.

Он думал о том, что здесь когда-то обитали его сородичи, мутанты, превзошедшие в своем развитии всех прочих людей. Здесь зрели упования на прекрасное будущее, так и оставшиеся невоплощенными. Здесь ощущались мир и покой, интеллект и комфорт, но все остальное словно пряталось от любопытных глаз, хотя оно необходимо должно было присутствовать — некий урок, некое послание, некая цель. Человек снова и снова твердил себе, что не все пути заканчиваются тупиками, что где-то есть, наверняка есть выход, который, если постараться, можно отыскать.

На пятый день своего пребывания в деревне он набрел на дом, отличавшийся от других большим количеством архитектурных украшений и известной солидностью внешнего вида. Окон в доме не было, внутрь вела одна-единственная, запертая на ключ дверь, и Человек понял, что наконец нашел то, что искал. Три дня подряд он пытался проникнуть в здание, а на четвертый отступился, вышел за пределы деревни и направился к холмам, продолжая размышлять по дороге, как ему справиться с неподатливым замком. Он бродил по холмам, мерил шагами долины, как ученый или писатель — свой кабинет, будто гулял по саду, ожидая, пока прояснится голова.

И так он натолкнулся на людей.

Сначала он заметил дым, поднимавшийся над одним из тех распадков, что выводили к долине, по которой текла река, серебристая лента, отороченная зеленой травой лугов.

Человек пошел осторожнее, для того чтобы не оказаться застигнутым врасплох, а вовсе не из страха. На этой планете, с ее прозрачным небосводом, бояться было нечего; о том, казалось, говорили и песня птицы, и задувавший с запада ветерок. Какое-то время спустя он различил впереди, под могучими деревьями, дом,

увидел сад, где спели на ветках многочисленные плоды, услышал мысли людей. Он неторопливо спустился по склону: чутье подсказывало ему, что торопиться некуда; и внезапно он испытал такое чувство, будто возвратился домой, что было совсем уж необъяснимо, поскольку его собственный дом ничуть не походил на этот.

Его заметили, но спешить навстречу никто, похоже, не собирался. Обитатели дома сидели где сидели и просто ждали, пока он подойдет, словно он был не чужаком, а другом, заранее известившим о своем прибытии. Людей было трое. Первая — седовласая женщина в строгом платье с глухим воротником, скрывавшим от постороннего взгляда возрастные морщины на шее. Ее лицо наводило на мысль об ангельском лике; оно было красиво умиротворенной красотой старости, сознающей, что жизнь близится к концу и что этот конец не будет отягощен никакими грехами. Рядом с женщиной сидел мужчина немногим старше среднего возраста. Кожа на его лице и шее почернела от загара, скрюченные от тяжелой работы пальцы рук покрывали мозоли и шрамы. Его черты несли отпечаток той же покойной красоты, однако им не хватало завершенности, должно быть, оттого, что он не успел еще насла-

диться сполна всей прелестью дней на склоне лет. Третьей была молодая девушка, и даже она разделяла со старшими умиротворение здешней природы. Она обернулась; Человек увидел правильные, словно выточенные рукой искусного мастера черты ее лица и понял, что она гораздо моложе, чем ему почудилось с первого взгляда.

Он остановился у ворот. Мужчина поднялся и медленно подошел к нему.

— Милости просим, незнакомец, — сказал мужчина. — Мы услышали тебя, едва ты вошел в сад.

— Я был в деревне, — проговорил Человек, — а потом решил пройтись…

— Ты издалека?

— Да, издалека. Меня зовут Дэвид Грэм.

— Входи, Дэвид, — мужчина распахнул калитку. — Входи и будь как дома. Мы накормим тебя, и у нас найдется свободная постель.

В сопровождении мужчины Дэвид приблизился к скамейке, на которой сидела пожилая женщина.

— Меня зовут Джед, — сказал мужчина. — Это моя матушка Мэри, а это — моя дочь Элис.

— Наконец-то ты добрался до нас, молодой человек, — проговорила женщина. Она поманила Дэвида к себе. — Садись рядом и давай поболтаем.

У Джеда еще достаточно работы по дому, а Элис предстоит готовить ужин. Одна я бездельничаю, потому что слишком стара. — Ее глаза будто посветлели, но на лице сохранялось прежнее выражение. — Мы знали, что ты придешь, знали, что кто-то рано или поздно должен прийти, ибо те, кто далеко, не могли забыть о своих сородичах-мутантах.

— Мы нашли вас по чистой случайности.

— Мы? Так ты не один?

— Остальные улетели. Они не люди, и им было неинтересно.

— Они улетели, а ты остался, — протянула женщина. — Ты верил, что остаться стоит, что тебе откроются великие тайны.

— Я остался потому, что должен был остаться.

— А как же тайны? Как же слава и могущество?

— Я не думал об этом, — признался Дэвид. — Слава и могущество меня не привлекают. Я надеялся отыскать нечто другое, чувствовал его, когда бродил по деревне и заглядывал в дома. Да, я чувствовал истину.

— Истину, — повторила женщина. — Ты прав, мы открыли Истину. — Последнее слово она выделила голосом, словно утверждая: оно пишется

с большой буквы.

Дэвид кинул на нее быстрый взгляд, и она ответила на не высказанный вслух вопрос:

— Нет, не религию, а просто Истину, самую обыкновенную Истину.

Он поверил ей, ибо в ее словах ощущалась уверенность, непоколебимая убежденность того, кто знает, что говорит.

— Истину о чем? — спросил он.

— Ни о чем, — отозвалась женщина. — Просто Истину.

3

Как ни крути, простой, обыкновенной истина не получалась. Разумеется, она не имеет никакого отношения ни к машинам, ни к могуществу или славе. Она — внутреннего свойства, духовная, возвышенная, психологическая истина, обладающая глубоким, вечным смыслом, та истина, которой люди алчут даже в мирах, созданных их собственным воображением.

Человек лежал на кровати в комнате под самой крышей и прислушивался к колыбельной, которую напевал ветер, обдувавший карнизы и черепичную кровлю. В доме, как и во всем мире, было тихо, если не считать ветра. Мир затих;

Дэвид Грэм представил себе, как постепенно затихнет Галактика, очарованная тем, что удалось открыть его гостеприимным хозяевам. Их истина должна быть грандиозной, величественной, потрясающей воображение и отвечающей на все вопросы, иначе почему они отвернулись от прогресса, почему обратились к идиллической жизни на лоне природы, почему возделывают почву инопланетной долины, собирают хворост, топят камин и как будто вполне довольствуются тем малым, что имеют? Ведь чтобы довольствоваться малым, нужно обладать чем-то неизмеримо большим, неким мистическим знанием, которое наполнило бы жизнь, как нельзя более прозаическую, глубочайшим смыслом.

Дэвид закутался в одеяло и улегся поудобнее.

Человека оттеснили в закуток галактической империи, терпят лишь потому, что он умеет изготавливать машины, и никто не знает, что он придумает в следующий раз. Поэтому его терпят и швыряют ему крохи с барского стола, чтобы он не чувствовал себя обделенным, но особого внимания не уделяют и уделять не собираются. А Человек тем временем обзавелся кое-чем, что позволит ему добиться уважения Галактики, ибо истину уважают повсеместно.

Грэмом овладел покой. Минуту или две он сопротивлялся, не желая тратить нить размышлений. Сперва ему показалось, что вот она, истина, о которой говорили мутанты, но потом он отказался от этой мысли в пользу другой, куда более привлекательной. В конце концов заунывный ветер, чувство покоя и физическая усталость возобладали над рассудком, и Грэм заснул. Последним, что он подумал, было: «Надо спросить у них. Надо узнать».

Однако прошло несколько дней, прежде чем он отважился задать свой вопрос. Он ощущал, что за ним наблюдают и решают, достоин ли он того, чтобы доверить ему истину. Он хотел остаться, но из вежливости сказал, что должен уйти, после чего хозяева попросили его задержаться, и он с радостью согласился. Все словно соблюдали некий ритуал, который нельзя было нарушить ни в коем случае, и все, похоже, испытали искреннее облегчение, когда обряд завершился.

Грэм стал на пару с Джедом работать в поле, познакомился с соседями, вечерами принимал участие в разговорах, которые затевались в доме. Он ожидал, что его будут расспрашивать, но обманулся в своих ожиданиях. Впечатление было такое, будто Джед, его семья и соседи настолько

довольны жизнью в укромной долине, что их совершенно не интересуют события, происходящие в Галактике, той самой, которую избороздили в поисках этого мира и лучшей участи для себя предки нынешних поселенцев.

Он тоже ни о чем не спрашивал, поскольку чувствовал, что за ним наблюдают, и опасался, что вопросы оттолкнут новоприобретенных друзей.

Однако они относились к нему вовсе не так, как обычно относятся к чужаку. Минул лишь день или два, и Грэм понял, что может стать одним из них, и постарался сделаться таковым, и часами напролет добросовестно — и добродушно — сплетничал с соседями. Он узнал много полезного: что долин, где живут люди, несколько; что покинутая деревня никого не беспокоит, невзирая на то, что все, по-видимому, знают о том, что она такое; что местные жители вполне удовлетворены своей жизнью и отнюдь не стремятся за пределы собственного мирка. Постепенно он и сам научился довольствоваться серым предрассветным сумраком, радостью труда, гордостью за дело своих рук. Однако он сознавал, что его довольство — временное, что он должен отыскать истину, которую открыли мутанты, и донести ее до заждавшейся Галактики. Ведь скоро прилетит

корабль с археологами, которые примутся изучать деревню, а до тех пор ему обязательно нужно найти ответ, чтобы он мог встретить коллег на вершине холма не с пустыми руками.

— Ты останешься с нами? — спросил однажды Джед.

— Мне необходимо вернуться, — ответил Дэвид, покачав головой. — Я рад был бы остаться, но увы…

— Ты ищешь Истину? — спросил Джед. — Правильно?

— Ты дашь ее мне? — воскликнул Дэвид.

— Бери, — произнес Джед, — она твоя.

Вечером Джед сказал дочери:

— Элис, научи Дэвида нашему алфавиту. Пришла пора узнать.

Из угла, в котором стояло кресло-качалка, раздался голос старухи:

— И впрямь, и впрямь пора ему узнать Истину.

4

За ключом, который хранился у сторожа, жившего в пятой по счету долине отсюда, послали гонца. Тот возвратился, передал ключ Джеду, и теперь Джед вставил его в замок на двери того самого солидного здания посреди покинутой

деревни.

— В первый раз, — провозгласил он, — эта дверь открывается не для совершения обряда. Обычно мы отпираем ее единожды в столетие, чтобы прочесть Истину тем, чьи уши могут ее услышать. — Он повернул ключ, и замок негромко щелкнул. — Таким образом она не утрачивает своей злободневности. Мы не можем допустить, чтобы она превратилась в миф. Она слишком важна для нас, чтобы мы могли допустить такое.

Джед откинул засов, и дверь приотворилась на дюйм или два.

— Я сказал «обряд», — продолжал он, — наверное, зря. В чтениях нет ничего ритуального. Мы выбираем троих человек, которые приходят сюда в назначенный день и читают Истину, а потом расходятся по домам, унося с собой то, что запомнили. Никаких церемоний, все как сейчас.

— Спасибо, что согласились помочь мне, — сказал Дэвид.

— Мы сделали бы то же самое для любого, кто усомнился бы в Истине, — ответил Джед. — Мы люди простые и не верим в законы и правила, живем как живется. Скоро ты поймешь почему.

Он распахнул дверь настежь и отступил в сторону, пропуская Дэвида вперед. За дверью

оказалось одно-единственное просторное помещение, пол которого тонким слоем устилала пыль. Половину помещения занимала машина, корпус которой поблескивал в тусклом свете, проникавшем внутрь откуда-то сверху. Высота устройства составляла примерно три четверти расстояния от пола до потолка.

— Вот наша машина, — сказал Джед.

Все-таки машина, механизм, пускай умнее, толковее прочих, но механизм! Выходит, все вернулось на круги своя?

— Ты наверняка задумывался над тем, почему у нас нет машин, — проговорил Джед. — Потому что нам хватает одной этой.

— Одна машина!

— Она отвечает на вопросы, — пояснил Джед. — С такой машиной остальные нам ни к чему.

— На любые вопросы?

— Вполне возможно. Мы не знаем, как ею пользоваться, но даже если бы знали… Однако дальше спрашивать незачем.

— Вы так уверены в ее правоте? — удивился Дэвид. — С чего вы взяли, что она говорит правду?

— Сын мой, — произнес Джед сурово, — наши предки потратили тысячелетия на то, чтобы убедиться, что она будет говорить правду. Ничем

другим они не занимались. Это было дело жизни не только отдельных личностей, но целых поколений. А когда они убедились, что все в порядке, что машина не допустит даже незначительной ошибки, то задали ей два вопроса.

— Два?

— Два, — подтвердил Джед, — и открыли Истину.

— Какова же она?

— Прочти сам, — сказал Джед. — Истина откроется тебе такой, какой предстала столетия назад.

Он подвел Дэвида к столику, что приткнулся к одной из панелей огромной машины. На столике бок о бок лежали две бумажные ленты, покрытые прозрачной предохранительной пленкой.

— Первый вопрос, — объявил Джед, — звучал так: «Какова цель Вселенной?» Прочти ответ на верхней ленте.

Дэвид наклонился над столиком и прочитал:

«Вселенная не имеет ни цели, ни смысла. Она возникла случайно».

— Второй вопрос…

Джед не закончил фразы, поскольку суть второго вопроса легко можно было уловить из ответа на него:

«Жизнь не имеет ценности. Жизнь — дело слу-

чая».

— Вот наша машина и наша Истина, — сказал Джед. — Вот почему мы живем как живется.

Дэвид взглянул на Джеда, потомка мутантов, которые должны были вернуть пробавляющемуся созданием машин человечеству славу и могущество, почет и уважение. Взгляд его выражал душевную муку.

— Извини, сынок, — проговорил Джед. — Ничего не попишешь.

Они вышли на улицу. Джед запер дверь и сунул ключ в карман.

— Они вот-вот прилетят, — сказал он, — ну, те, кто будет изучать деревню. Ты, верно, дождешься их?

Дэвид покачал головой.

— Пошли домой, — пробормотал он.

Изгородь
Перевод В. Баканова

Он спустился по лестнице и на секунду остановился, давая глазам привыкнуть к полутьме.

Рядом с высокими бокалами на подносе прошел робот-официант.

— Добрый день, мистер Крейг.

— Здравствуй, Герман.

— Не хотите ли чего-нибудь, сэр?

— Нет, спасибо. Я пойду.

Крейг на цыпочках пересек помещение и неожиданно для себя отметил, что почти всегда ходил здесь на цыпочках. Дозволялся только кашель, и лишь самый тихий, самый деликатный кашель. Громкий разговор в пределах комнаты отдыха казался святотатством.

Аппарат стоял в углу, и, как все здесь, это был почти бесшумный аппарат. Лента выходила из прорези и спускалась в корзину; за корзиной следили и вовремя опустошали, так что лента никогда-никогда не падала на ковер.

Он поднял ленту, быстро перебирая пальцами, пробежал ее до буквы К, а затем стал читать вни-

мательнее: «Кокс — 108,5; Колфилд — 92; Коттон — 97; Кратчфилд — 111,5; Крейг — 75…»

Крейг — 75!

Вчера было 78, 81 позавчера и 83 третьего дня. А месяц назад было 96,5 и год назад — 120.

Все еще сжимая ленту в руках, он оглядел темную комнату. Вот над спинкой кресла виднеется лысая голова, вот вьется дымок невидимой сигареты. Кто-то сидит лицом к Крейгу, но почти неразличим, сливаясь с креслом; блестят только черные ботинки, светятся белоснежная рубашка и укрывающая лицо газета.

Крейг медленно повернул голову и, внезапно слабея, увидел, что кто-то занял его кресло, третье от камина. Месяц назад этого бы не было, год назад это было бы немыслимо. Тогда его индекс удовлетворенности был высоким.

Но они знали, что он катится вниз. Они видели ленту и, несомненно, обсуждали это. И презирали его, несмотря на сладкие речи.

— Бедняга Крейг. Славный парень. И такой молодой, — говорили они с самодовольным превосходством, абсолютно уверенные, что уж с ними-то ничего подобного не произойдет.

Советник был добрым и внимательным, и Крейг сразу понял, что он любит свою работу и

вполне удовлетворен.

— Семьдесят пять… — повторил советник. — Не очень-то хорошо.

— Да, — согласился Крейг.

— Вы чем-нибудь занимаетесь? — Отшлифованная профессиональная улыбка давала понять, что он в этом совершенно уверен, но спрашивает по долгу службы. — О, в высшей степени интересный предмет. Я знавал нескольких джентльменов, страстно увлеченных историей.

— Я специализируюсь, — сказал Крейг, — на изучении одного акра.

— Одного акра? — переспросил советник, совершенно не удивленный. — Я не вполне…

— Истории одного акра, — объяснил Крейг. — Надо прослеживать ее вдаль, час за часом, день за днем, по темповизору, регистрировать детально все события, все, что случилось на этом акре, с соответствующими замечаниями и комментариями.

— Чрезвычайно интересное занятие, мистер Крейг. Ну и как, нашли вы что-нибудь особенное на своем… акре?

— Я проследил за ростом деревьев. В обратную сторону. Вы понимаете? От стареющих гигантов до ростков; от ростков до семян. Хитрая штука,

это обратное слежение. Сначала сильно сбивает с толку, но потом привыкаешь. Клянусь, даже думать начинаешь в обратную сторону… Кроме того, я веду историю гнезд и самих птиц. И цветов, разумеется. Регистрирую погоду. У меня неплохой обзор погоды за последние пару тысяч лет.

— Как интересно, — заметил советник.

— Было и убийство, — продолжал Крейг. — Но оно произошло за пределами акра, и я не могу включать его в свое исследование. Убийца после преступления пробежал по моей территории.

— Убийца, мистер Крейг?

— Совершенно верно. Понимаете, один человек убил другого.

— Ужасно. Что-нибудь еще?

— Пока нет, — ответил Крейг. — Хотя есть кое-какие надежды. Я нашел старые развалины.

— Зданий?

— Да. Я стремлюсь дойти до тех времен, когда они еще не были развалинами. Не исключено, что в них жили люди.

— А вы поторопитесь немного, — предложил советник. — Пройдите этот участок побыстрее.

Крейг покачал головой:

— Чтобы исследование не утратило своей ценности, надо регистрировать все детали. Я не могу

перескочить через них, чтобы скорее добраться до интересного.

Советник изобразил сочувствие.

— В высшей степени интересное занятие, — сказал он. — Я просто не представляю, почему ваш индекс падает.

— Я осознал, — проговорил Крейг, — что всем все равно. Я вложу в исследование годы труда, опубликую результаты, несколько экземпляров раздам друзьям и знакомым, и они будут благодарить меня, потом поставят книгу на полку и никогда не откроют. Я разошлю свой труд в библиотеки, но, вы знаете, сейчас никто туда не ходит. Я буду единственным, кто когда-либо прочтет эту книгу.

— Но, мистер Крейг, — заметил советник, — есть масса людей, которые находятся в таком же положении. И все они сравнительно счастливы.

— Я говорил себе это, — признался Крейг. — Не помогает.

— Давайте сейчас не будем вдаваться в подробности, а обсудим главное. Скажите, мистер Крейг, вы совершенно уверены, что не можете более быть счастливы, занимаясь своим акром?

— Да, — произнес Крейг. — Уверен.

— А теперь, ни на минуту не допуская, что ваше

заявление отвечает однозначно на наш вопрос, скажите мне: вы никогда не думали о другой возможности?

— О другой?

— Конечно. Я знаю некоторых джентльменов, которые сменили свои занятия и с тех пор чувствуют себя превосходно.

— Нет, — признался Крейг. — Даже не представляю, чем можно еще заняться.

— Ну, например, наблюдать за змеями, — предложил советник.

— Нет, — убежденно сказал Крейг.

— Или коллекционировать марки. Или вязать. Многие джентльмены вяжут и находят это весьма приятным и успокаивающим.

— Я не хочу вязать.

— Начните делать деньги.

— Зачем?

— Вот этого я и сам не могу взять в толк, — доверительно сообщил советник. — Ведь в них нет никакой нужды, стоит лишь сходить в банк. Но есть немало людей, которые с головой ушли в это дело и добывают деньги порой, я бы сказал, весьма сомнительными способами. Но как бы то ни было, они черпают в этом глубокое удовлетворение.

— А что потом они делают с деньгами? — спросил Крейг.

— Не знаю, — ответил советник. — Один человек зарыл их и забыл где. Остаток жизни он был вполне счастлив, занимаясь их поисками с лопатой и фонарем в руках.

— Почему с фонарем?

— О, он вел поиски только по ночам.

— Ну и как, нашел?

— По-моему, нет.

— Кажется, меня не тянет делать деньги, — сказал Крейг.

— Вы можете вступить в клуб.

— Я давно уже член клуба. Одного из самых лучших и респектабельных. Его корни…

— Нет, — перебил советник. — Я имею в виду другой клуб. Знаете, группа людей, которые вместе работают, имеют много общего и собираются, чтобы получить удовольствие от беседы на интересующие темы.

— Сомневаюсь, что такой клуб решил бы мою проблему, — проговорил Крейг.

— Вы можете жениться, — предложил советник.

— Что? Вы имеете в виду… на одной женщине?

— Ну да.

— И завести кучу детей?

— Многие мужчины занимались этим. И были вполне удовлетворены.

— Знаете, — произнес Крейг, — по-моему, это как-то неприлично.

— Есть масса других возможностей, — не сдавался советник. — Я могу перечислить…

— Нет, спасибо. — Крейг покачал головой. — В другой раз. Мне надо все обдумать.

— Вы абсолютно уверены, что стали относиться к истории неприязненно? Предпочтительнее оживить ваше старое занятие, нежели заинтересовать новым.

— Да, я отношусь неприязненно, — сказал Крейг. — Меня тошнит от одной мысли о нем.

— Хорошенько отдохните, — предложил советник. — Отдых придаст вам бодрости и сил.

— Пожалуй, для начала я немного прогуляюсь, — согласился Крейг.

— Прогулки весьма, весьма полезны, — сообщил ему советник.

— Сколько я вам должен? — спросил Крейг.

— Сотню, — ответил советник. — Но мне безразлично, заплатите вы или нет.

— Знаю, — сказал Крейг. — Вы просто любите свою работу.

На берегу маленького пруда, привалившись спиной к дереву, сидел человек. Он курил, не сводя глаз с поплавка. Рядом стоял грубо вылепленный глиняный кувшин.

Человек поднял голову и увидел Крейга.

— Садитесь, отдохните, — сказал он.

Крейг подошел и сел.

— Сегодня пригревает, — сказал он, вытирая лоб платком.

— Здесь прохладно, — отозвался мужчина. — Днем вот сижу с удочкой. А вечером, когда жара спадает, вожусь в саду.

— Цветы, — задумчиво проговорил Крейг. — А ведь это идея. Я и сам иной раз подумывал, что это небезынтересно — вырастить целый сад цветов.

— Не цветов, — поправил человек. — Овощей. Я их ем.

— То есть вы хотите сказать, что работаете, чтобы получить продукты питания?

— Ага. Я вспахиваю и удобряю землю и готовлю ее к посеву. Затем я сажаю семена, ухаживаю за всходами и собираю урожай. На еду мне хватает.

— Такая большая работа!

— Меня это нисколько не смущает.

— Вы могли бы взять робота, — посоветовал Крейг.

— Вероятно. Но зачем? Труд успокаивает мои нервы, — сказал человек.

Поплавок ушел под воду, и он схватился за удочку, но было поздно.

— Сорвалась, — пожаловался рыбак. — Я уже не первую упускаю. Никак не могу сосредоточиться. — Он насадил на крючок червя из банки, закинул удочку и снова привалился к стволу дерева. — Дом у меня небольшой, но удобный. С урожая обычно остается немного зерна, и, когда мои запасы подходят к концу, я делаю брагу. Держу собаку и двух кошек и раздражаю соседей.

— Раздражаете соседей? — переспросил Крейг.

— Ну, — подтвердил человек. — Они считают, что я спятил.

Он вытащил из кувшина пробку и протянул его Крейгу. Крейг, приготовившись к худшему, сделал глоток. Совсем недурно.

— Сейчас, пожалуй, чуть перебродила, — виновато произнес человек. — Но вообще получается неплохо.

— Скажите, — произнес Крейг, — вы удовлетворены?

— Конечно, — ответил человек.

— У вас, должно быть, высокий ИУ.

— ИУУ?

— Нет. ИУ. Личный индекс удовлетворенности.

Человек покачал головой:

— У меня такого вообще нет.

Крейг чуть не онемел.

— Но как же?!

— Вот и до вас приходил тут один. Довольно давно… Рассказывал про этот ИУ, только мне что-то послышалось ИУУ. Уверял, что я должен такой иметь. Ужасно расстроился, когда я сказал, что не собираюсь заниматься ничем подобным.

— У каждого есть ИУ, — сказал Крейг.

— У каждого, кроме меня. — Он пристально посмотрел на Крейга. — Слушай, сынок, у тебя неприятности?

Крейг кивнул:

— Мой ИУ ползет вниз. Я потерял ко всему интерес. Мне кажется, что что-то у нас не так, неправильно. Я чувствую это, но никак не могу определить.

— Им все дается даром, — сказал человек. — Они и пальцем не пошевелят и все равно будут иметь еду, и дом, и одежду и утопать в роскоши, если захотят. Тебе нужны деньги? Пожалуйста, иди в банк и бери сколько надо. В магазине забирай любые товары и уходи; продавцу плевать, заплатишь ты или нет. Потому что ему они ни-

чего не стоили. Ему их дали. На самом деле он просто играет в магазин. Точно так же, как все остальные играют в другие игры. От скуки. Работать, чтобы жить, никому не надо. Все приходит само собой. А вся эта затея с ИУ?.. Способ ведения счета в одной большой игре.

Крейг не сводил с него глаз.

— Большая игра, — произнес он. — Точно. Вот что это такое.

Человек улыбнулся.

— Никогда не думали об этом? В том-то и беда. Никто не задумывается. Все так страшно заняты, стараясь убедить себя в собственном благополучии и счастье, что ни на что другое не остается времени. У меня, — добавил он, — времени хватает.

— Я всегда считал наш образ жизни, — сказал Крейг, — конечной стадией экономического развития. Так нас учат в школе. Ты обеспечен всем и волен заниматься чем хочешь.

— Вот вы сегодня перед прогулкой позавтракали, — после некоторой паузы начал человек. — Вечером пообедаете, немного выпьете. Завтра поменяете туфли или наденете свежую рубашку…

— Да, — подтвердил Крейг.

— Что я хочу сказать, это откуда берутся все эти вещи? Рубашка или пара туфель, положим, могут быть сделаны тем, кому нравится делать рубашки или туфли. Пишущую машинку, которой вы пользуетесь, тоже мог изготовить какой-нибудь механик-любитель. Но ведь до этого она была металлом в земле! Скажите мне: кто собирает зерно, кто растит лен, кто ищет и добывает руду?

— Не знаю, — сказал Крейг. — Я никогда не думал об этом.

— Нас содержат, — проговорил человек. — Да-да, нас кто-то содержит. Ну а я не хочу быть на содержании.

Он поднял удочку и стал укладываться.

— Жара немного спала. Пора идти работать.

— Приятно было поговорить с вами, — произнес, поднимаясь, Крейг.

— Спуститесь по этой тропинке, — предложил человек. — Изумительное место. Цветы, тень, прохлада. Если пройдете подальше, наткнетесь на выставку. — Он взглянул на Крейга. — Вы интересуетесь искусством?

— Да, — сказал Крейг. — Но я понятия не имел, что здесь поблизости есть музей.

— О, неплохой. Недурные картины, пара приличных деревянных скульптур. Очень инте-

ресные здания, только не пугайтесь необычности очертаний. Сам я там частенько бываю.

— Обязательно схожу, — сказал Крейг. — Спасибо.

Человек поднялся и отряхнул штаны.

— Если задержитесь, заходите ко мне, переночуете. Моя лачуга рядом, на двоих места хватит. — Он взял кувшин. — Мое имя Шерман.

Они пожали руки.

Шерман отправился в свой сад, а Крейг пошел вниз по тропинке.

Строения казались совсем рядом, и все же представить их очертания было трудно. «Из-за какого-то сумасшедшего архитектурного принципа», — подумал Крейг.

Они были розовыми до тех пор, пока он не решил, что они вовсе не розовые, а голубые, а иногда они казались и не розовыми, и не голубыми, а скорее зелеными, хотя, конечно, такой цвет нельзя однозначно назвать зеленым.

Они были красивыми, безусловно, но красота эта раздражала и беспокоила — совсем незнакомая и необычная красота.

Здания, как показалось Крейгу, находились в пяти минутах ходьбы полем. Он шел минут пятнадцать, но достиг лишь того, что смотрел на них

чуть под другим углом. Впрочем, трудно сказать — здания как бы постоянно меняли свои формы.

Цель не приблизилась и еще через пятнадцать минут, хотя он мог поклясться, что шел прямо.

Тогда он почувствовал страх.

Казалось, что, продвигаясь вперед, он уходил вбок. Как будто что-то гладкое и скользкое перед ним не давало пройти. Как изгородь, изгородь, которую невозможно увидеть или ощутить.

Он остановился, и дремавший в нем страх перерос в ужас.

В воздухе что-то мелькнуло. На мгновение ему почудилось, что он увидел глаз, один-единственный глаз, смотрящий на него. Он застыл, а чувство, что за ним наблюдают, еще больше усилилось, и на траве по ту сторону незримой ограды заколыхались какие-то тени. Как будто там стоял кто-то невидимый и с улыбкой наблюдал за его тщетными попытками пробиться сквозь стену.

Он поднял руку и вытянул ее перед собой, никакой стены не было, но рука отклонилась в сторону, пройдя вперед не больше фута.

И в этот миг он почувствовал, как смотрел на него из-за ограды этот невидимый — с добротой, жалостью и безграничным превосходством.

Он повернулся и побежал.

Крейг ввалился в дом Шермана и рухнул на стул, пытливо глядя в глаза хозяина.

— Вы знали, — произнес он. — Вы знали и послали меня.

Шерман кивнул:

— Вы бы не поверили.

— Кто они? — прерывающимся голосом спросил Крейг. — Что они там делают?

— Я не знаю, — ответил Шерман.

Он подошел к плите, снял крышку и заглянул в котелок, из которого сразу потянуло чем-то вкусным. Затем он вернулся к столу, чиркнул спичкой и зажег древнюю масляную лампу.

— У меня все по-старому, — сказал Шерман. — Электричества нет. Ничего нет. Уж не обессудьте. На ужин кроличья похлебка.

Он смотрел на Крейга через коптящую лампу, пламя закрывало его тело, и в слабом мерцающем свете казалось, что в воздухе плавает одна голова.

— Что это за изгородь? — почти выкрикнул Крейг. — За что их заперли?

— Сынок, — проговорил Шерман, — отгорожены не они.

— Не они?

— Отгорожены мы, — сказал Шерман. — Не-

ужели не видишь? Мы находимся за изгородью.

— Вы говорили днем, что нас содержат. Это они?

Шерман кивнул:

— Я так думаю. Они обеспечивают нас, заботятся о нас, наблюдают за нами. Они дают нам все, что мы просим.

— Но почему?!

— Не знаю, — произнес Шерман. — Может быть, это зоопарк. Может быть, резервация, сохранение последних представителей вида. Они не хотят нам ничего плохого.

— Да, — убежденно сказал Крейг. — Я почувствовал это. Вот что меня напугало.

Они тихо сидели, слушая, как гудит пламя в плите, и глядя на танцующий огонек лампы.

— Что же нам делать? — прошептал Крейг.

— Надо решать, — сказал Шерман. — Быть может, мы вовсе не хотим ничего делать.

Он подошел к котелку, снял крышку и помешал.

— Не вы первый, не вы последний. Приходили и будут приходить другие. — Он повернулся к Крейгу. — Мы ждем. Они не могут дурачить и держать нас в загоне вечно.

Крейг молча сидел, вспоминая взгляд, преис-

полненный доброты и жалости.

Поколение, достигшее цели
Перевод М. Молчанова

Поколение за поколением их сопровождала тишина. Одним ранним «утром» тишину сменил Гул.

Экипаж пробудился и, не вылезая из-под одеял, вслушивался. Ибо было сказано, что однажды прозвучит Гул, и Гул этот ознаменует собой начало Конца.

Вместе со всеми проснулся Джон Хофф, а с ним и жена его Мэри. В кающе они жили вдвоем, поскольку детей у них не было — заводить потомство им еще не разрешили. Рожать ребенка можно только тогда, когда есть место, а для этого должен умереть старик Джошуа. Хоффы возносили безмолвные молитвы о его скорой кончине, одновременно стыдясь их, но лишь так они получили бы право на дитя.

Гул сотряс весь Корабль. Кровать, в которой лежали Джон и Мэри, подпрыгнула и опрокинулась на стену, прижав их собой к вибрирующему металлу, а вместе с кроватью перекатилась вся прочая мебель: комод, стол и стулья. Пол вдруг

стал стеной, а стена — полом.

С потолка, который минуту назад тоже был стеной, свисала Икона. Пару раз качнувшись, она упала.

Гул стих так же внезапно, как и начался, и вновь стало тихо. Но то была другая тишина, не такая полная, как раньше. В ней были звуки, много звуков, хоть никто не мог выделить и назвать, какие конкретно. Их не то чтобы слышали — скорее, чувствовали, — и они говорили, что в Корабле включилось питание, ожили древние двигатели и давно позабытый порядок вступил в свои права.

Джон Хофф наполовину выполз, отжался от пола, спиной приподнимая кровать, чтобы выпустить Мэри. Выбравшись, они увидели, что стоят на стене, ставшей полом, а вокруг валяется мебель, которая до них принадлежала не одному поколению членов Экипажа.

На Корабле ничего не выбрасывали, всё берегли и сохраняли. Так гласила заповедь, одна из многих: не выбрасывай, береги. Из всего следовало извлекать пользу целиком, до последней капли. Есть — только определенное количество пищи, не больше и не меньше. Пить — только определенное количество воды, не больше и не

меньше. Вновь и вновь дышать тем же воздухом — в прямом смысле. Отходы жизнедеятельности отправлялись в переработчик, где превращались в то, что могло пригодиться. Перерабатывали даже мертвецов, чтобы и те приносили пользу. С Начала Начал сменилось немало поколений, так что мертвых хватало. Очень скоро, возможно всего через несколько месяцев, их число пополнит и Джошуа. Его тело пустят в переработчик, и тогда он раз и навсегда вернет все, что взял у Экипажа, отдаст свой последний и самый главный долг. А Джон с Мэри получат право родить ребенка.

Без ребенка никак, думал Джон, стоя посреди бардака. Иначе кому передать Письмо и тайну Чтения?

Была среди заповедей и та, что запрещала Чтение. Это проклятое искусство происходило еще из Начала Начал, однако в годы Темного прошлого, в эпоху Великого пробуждения Экипаж осознал, что оно есть зло, и решительно покончил с ним.

Да, Джону предстояло обучить потомка злому, проклятому искусству, — таков его долг, и он пообещал отцу, давно покойному, что исполнит его. А кроме долга, было и навязчивое чувство, что заповедь ошибочна.

Но ведь заповеди никогда не ошибались, и в

каждой был смысл. Они объясняли, почему общество устроено так, а не иначе, как возник Корабль и как следует жить людям, его населяющим.

Впрочем, может, Джону и не придется никому передавать Письмо. Возможно, именно ему суждено его распечатать, потому как на конверте написано: «ПРОЧЕСТЬ ТОЛЬКО В СЛУЧАЕ НЕМИНУЕМОЙ УГРОЗЫ». По мнению Хоффа, все происходящее вполне на это указывало: а как иначе, когда тишину нарушает Гул, стена становится полом, а пол — стеной?

Послышались голоса из других кают. Кто-то испуганно кричал, кто-то вопил от ужаса, пронзительно визжали дети.

— Джон, — обратилась к нему жена, — это был тот самый Гул. Близится Конец.

— Еще неизвестно. Не надо спешить с выводами. Мы ведь не знаем, что означает Конец.

— Говорят же… — начала Мэри, и Джон в который раз поймал себя на мысли: «Говорят. Говорят. Говорят. Вечно говорят».

Не читают, не пишут — только говорят.

И вновь вспомнились слова отца, сказанные им давным-давно: «Память несовершенна, и доверять ей нельзя. Что-то забудется, а что-то исказится. Зато однажды написанное, слово

остается неизменным. Его не забудешь, и своего смысла оно не поменяет. Поэтому в написанном можно не сомневаться».

— Говорят же, — сказала Мэри, — что Конец наступит вскоре после того, как мы услышим Гул. Следом замрут Звезды, и это будет верным знаком, что Конец близок…

И все же, что это такое, в который раз задумался Хофф. Конец чему? Нам? Кораблю? Звездам? А может, это Конец всему: и Кораблю, и Звездам, и той бескрайней черноте, в которой они плывут?

От одной мысли, что Корабля или Экипажа не станет, он содрогнулся. Однако пугала его не столько гибель Корабля или Экипажа, сколько утрата построенного ими порядка, прекрасного и отточенного. Ведь он был настолько выверенным и гармоничным, что Экипажу всегда хватало всего, и при этом не бывало ничего лишнего: ни еды, ни воды, ни воздуха, ни самих людей. Поскольку заводить детей разрешалось только после того, как умрет тот, чье место суждено занять твоему ребенку.

По коридору пронесся топот, затем кто-то заколотил в дверь.

— Джон! Джон! — крикнули снаружи. — Звезды замерли!

— Я говорила! — воскликнула Мэри. — Я говорила! Все так, как было предсказано.

А ведь стучат-то в дверь!

И дверь ровно там, где ей и положено быть — где она должна располагаться. Достаточно открыть ее, и попадешь прямо в коридор. Не надо больше взбираться по лестнице, теперь оказавшейся на потолке, который прежде был стеной.

И почему мне это раньше в голову не приходило? — спросил себя Джон. Почему мне не показалось глупым, что дверь где-то над головой и к ней нужно лезть? Может, так и должно быть? Может, все, что было до этого, неправильно? А если так, неправильными могут оказаться и заповеди…

— Сейчас, Джо. Иду, — ответил Хофф.

Дверь открывалась в стене коридора, который раньше был полом; такие же двери вели из каждой каюты. И люди напрямую ходили из своих кают в коридор и обратно.

Теперь от лестниц совсем никакого проку, подумал Джон. Их можно срезать и отправить в переработчик. У нас впервые появятся излишки.

— Пошли! — Джо схватил его под руку и повел к ближайшему смотровому пузырю, тоже перевернутому.

Звезды и впрямь были недвижимы — в точности как предсказано.

И это пугало. Стало ясно, что звезды — это не росчерки света на непроглядно черном занавесе, кружившие вокруг Корабля, а яркие точки, подвешанные посреди пустоты. От одного взгляда в неведомую бездонную пропасть сердце будто камнем ухало вниз, дыхание перехватывало, ноги подкашивались, голова кружилась и, чтобы удержать равновесие, приходилось хвататься за металлические поручни.

В этот «день» не было ни игр, ни прогулок, ни веселья в кают-компании.

Люди сбивались в кучки и испуганно перешептывались. В корабельной церкви шла служба: молились перед самой большой Иконой, на которой изображены Дерево, Цветы, Река и — в отдалении — Дом, а над ними — Небо с Облаками. И еще — Ветер; разглядеть его нельзя, но все знают, что он есть. В каютах делали уборку и, готовясь к «ночевке», ставили на место попадавшую мебель, а также заново развешивали Иконы — самое ценное имущество каждого семейства. А еще срезали лестницы.

Мэри выудила Икону из-под завала, и Джон, встав на стул, повесил ее на стену, которая еще

вчера была полом. Он вдруг заметил, что каждая Икона хоть чем-то, но отличается от остальных. Прежде это ему в глаза не бросалось.

На Иконе Хоффов тоже было Дерево, однако под Деревом паслись Овцы, рядом — Забор и Ручей, а в углу картины росли крохотные Цветы. И конечно же Трава, вплоть до самого Неба.

Мэри ушла в соседнюю каюту, чтобы, как водится, поделиться испугом с другими женщинами, и Джон вышел в коридор. Он старался идти как ни в чем не бывало, не привлекая внимания, чтобы никто не заподозрил, что он куда-то спешит.

А он очень спешил. Внезапная и неотложная необходимость словно подталкивала его в спину.

Джон шел, напустив на себя беззаботный вид, как будто благочинно убивает скуку. Это не требовало никаких усилий, потому что так он жил всю свою жизнь. Да и все остальные тоже, за исключением разве что тех, кому повезло (или не повезло — с какой стороны посмотреть) заниматься каким-нибудь семейным ремеслом вроде ухода за гидропонными фермами, за скотом или за домашней птицей.

Однако большинство, размышлял Джон, непринужденно идя вперед, только и делали, что

убивали время. Взять хоть их с Джо: они без конца играли в шахматы и скрупулезно записывали каждую партию. А потом часами разбирали записи, отмечая удачные ходы. А почему, собственно, и нет? Что плохого в том, чтобы записывать, а потом разбирать партии? В конце концов, чем еще себя занять?

Люди попадались все реже и вскоре пропали совсем. Становилось темнее: лампочек тоже поубавилось. За многие поколения Экипаж выкрутил почти все, что были на Корабле, чтобы освещать каюты.

Джон дошел до смотрового пузыря, нырнул туда и затаился, осторожно наблюдая за дорогой, по которой пришел: вдруг кто-то идет следом? Никто конечно же не шел, но мало ли. Рисковать нельзя.

Никого не дождавшись, он продолжил свой путь к остановившемуся эскалатору, который вел к центральным палубам. А там — новая странность: обычно от палубы к палубе он постепенно становился все легче, отрывался от пола и по центральной части Корабля уже не шел, а скорее плыл. Сейчас ощущения невесомости не было. Все шестнадцать этажей пришлось преодолевать пешком по одному неподвижному эскалатору

за другим.

Теперь Джон шел в полной темноте. В этой части корабля не осталось ни одной лампочки: какие-то выкрутили, другие за многие-многие годы попросту перегорели. Он поднимался на ощупь, не отпуская путеводного поручня, и по сквознякам угадывал расположение коридоров, пронизывавших огромный Корабль. Наконец добрался до нужной палубы и так же на ощупь пришел к схрону — бывшему аптечному пункту, где стоял шкаф для лекарств.

Найдя нужный ящик, Джон выдвинул его и нашарил там три предмета, которые искал: Письмо, Книгу и лампочку.

Нащупав патрон на стене, он ввернул туда лампочку, и тесную комнатушку залил свет. Толстый слой пыли устилал пол, прилавок, раковину с умывальником и пустые шкафчики с болтающимися дверцами.

Конверт с Письмом пришлось положить под лампу, чтобы стала видна надпись печатными буквами: «ПРОЧЕСТЬ ТОЛЬКО В СЛУЧАЕ НЕМИНУЕМОЙ УГРОЗЫ».

В последнюю секунду Джона посетили сомнения, надо ли его распечатывать. Однако Гул прозвучал. Звезды замерли.

Разве не было предсказано, что когда прозвучит Гул и звезды встанут, то очень скоро наступит Конец?

А раз Конец близок, то угроза действительно неминуема.

Джон взвесил Письмо в руке. Ну что, была не была? Стоит его распечатать, и пути назад не будет. Многие поколения Письмо передавали от отца к сыну, и вот час настал: на Джоне Хоффе его путь завершится.

Он медленно перевернул конверт, поддел ногтем заклеенную кромку. Засохший воск треснул, и конверт раскрылся.

В нем лежали несколько листов с текстом. Джон разложил их на прилавке под лампой и расправил. Затем стал читать, беззвучно, одними губами проговаривая слова, как человек, который учился грамоте по древнему словарю.

«Мой далекий прапраправнук!

К тому времени, когда ты прочтешь это письмо, все наверняка будут верить, что корабль — это и есть мироздание, что его прошлое окутано мифами, а будущее теряется в легендах и что нет смысла искать правду о его происхождении и предназначении.

Я не намерен тратить время и рассказывать

тебе о предназначении корабля. Несмотря на то что это будет правда, сами по себе мои слова ничего не стоят, и им не перевесить ту изощренную «правду», в которой вас воспитывают и которая наверняка лежит в основе вашего религиозного культа.

Однако предназначение у корабля есть, хоть о нем позабыли уже тогда, когда я пишу эти строки. А с течением времени оно будет не просто забыто, но и еще глубже погребено под толщей преданий, которые придумают люди. У вас наверняка бесчисленное множество объяснений происхождению корабля и людей на нем, но в этих объяснениях нет ни правды, ни знаний. А без знаний кораблю цели не достичь.

Есть способ их вернуть. Пускай я умру, мое тело превратится в растение, которое затем съедят, или тряпицу, которую износят, молекулу воздуха или щепотку удобрения, но знания я тебе оставлю. На втором листе ты найдешь указания, как их получить.

Я хочу, чтобы эти знания достались тебе и чтобы ты воспользовался ими, потому что больше некому: ни те, кто запустил корабль, ни те, кто управлял им, ни те, кто сейчас обитают на нем, на это неспособны. И все же нельзя допустить,

чтобы мечта человечества тщетно растворилась среди звезд.

В твое время будет очевидно, даже больше, чем в мое, что ничего нельзя выбрасывать и тратить впустую, что все следует беречь и копить для будущих поколений.

Таким образом, если корабль не достигнет цели и не исполнит предназначения, то это станет самой чудовищной потерей. Тысячи и тысячи жизней, а также знания, надежды и чаяния пропадут зазря.

Мое имя тебе ничего не скажет, оно канет в небытие вместе с рукой, которая пишет эти строки, но слова останутся, а с ними знание и долг».

Далее шла подпись: «Твой предок…». Правда, что там было накорябано, Джон никак не мог разобрать.

Письмо лежало на пыльном прилавке, а его отголоски эхом отдавались в голове.

Происхождение Корабля окутано мифами, а будущее скрыто в легендах — это каждый знает. Но, если верить написанному, все не так.

У Корабля есть предназначение, и у него есть цель. Цель… Что это значит?

«Книга! — вспомнил Джон. — Книга подскажет, что такое цель».

Дрожащими руками он вытащил Книгу из ящика и открыл на букве «Ц», затаив дыхание начал водить пальцем по столбцам: целомудрие, целостность, целый… Вот оно!

«ЦЕЛЬ, — и, ж. 1. Объект для попадания при стрельбе или метании. 2. То, к чему стремятся, чего хотят достигнуть; поставленная задача. 3. Намеченный пункт, предел».

Итак, Корабль должен достичь цели. Значит, он куда-то направляется. И однажды он попадет в намеченный пункт. Это будет, естественно, конец. Выходит, Корабль куда-то направляется… Неужели он движется?

Джон недоверчиво затряс головой. Корабль не может двигаться — это невозможно! Движутся Звезды, но никак не Корабль.

Наверняка есть другое объяснение!..

Джон взял вторую страницу Письма и прочитал ее, однако ничего не понял — так он был ошеломлен. Он вернул Письмо, Книгу, а затем и лампочку обратно в ящик, закрыл его и убежал.

На нижней палубе его отсутствия никто не заметил, и Джон снова ходил среди прочих, пытаясь влиться в привычный ритм жизни, — все равно чувствуя себя чужим.

Все из-за этого ужасного открытия. Он узнал,

что у Корабля есть предназначение и цель, что он движется откуда-то и куда-то и когда Корабль достигнет цели, тогда и наступит Конец — но не для Экипажа и не для Корабля, а всего лишь для Путешествия.

Вернувшись в кают-компанию, Джон на мгновение задержался в дверях. Джо играл в шахматы с Питом. Вот так вот — а ведь Джон с самого детства был его единственным партнером! Впрочем, обида вспыхнула и прошла, а он впервые увидел шахматистов такими, какие они есть на самом деле, — деревянные истуканы, совершенно бесполезные в новом мире, который открывало Письмо и в котором царило Предназначение.

Джордж в одиночку раскладывал пасьянс, другие играли в покер с металлическими фишками, которые называли «деньгами», хотя объяснить, откуда взялось это слово, никто не мог. «Название такое, — говорили они. — Ведь мы почему-то зовем Корабль Кораблем, а Звезды Звездами». Луиза с Ирмой сидели в уголке и слушали старую, затертую пластинку, с которой на всю кают-компанию скрежетал пронзительный женский голос.

При появлении Джона Джордж оторвался от игры в карты.

— О, а мы тебя потеряли.

— Решил прогуляться, — ответил Джон. — Не следил за временем. Ходил к центральным палубам. Все шиворот-навыворот. Теперь туда надо подниматься, а не плыть.

— Звезды за весь день так и не сдвинулись, — заметил Джордж.

Поднял голову Джо.

— Они замерли навсегда. Все как и было предсказано. Это начало Конца.

— А что такое Конец? — спросил Джон.

— Понятия не имею, — ответил Джо и вернулся к игре.

Все знают про Конец, подумал Джон, и никто не может объяснить, что он означает. Точно так же, как никто не может сказать, что такое «корабль», «деньги» и «звезды».

— Сегодня будет собрание, — сообщил Джордж.

Джон кивнул. Конечно. Экипажу нужны умиротворение и уверенность в завтрашнем дне. Значит, снова будут пересказывать Притчу, а затем последует молебен перед Иконой. А я, что буду делать я?

Он покинул кают-компанию и все думал, насколько было бы лучше, не будь ни Письма, ни Книги. Он по-прежнему оставался бы таким, как все, не чувствовал бы себя чужаком и не пытался

бы понять, где правда: в Притче или в Письме.

В каюте тускло светила лампочка. Мэри лежала на кровати, подложив подушки под голову.

— Вот ты наконец!

— Да, загулялся, — сказал Джон.

— Ты пропустил обед. Покушай.

— Спасибо.

— Какой-то суматошный день. — Мэри зевнула. — Все на ногах. Готовятся к собранию.

Джон сел за стол. Его ждали белковые дрожжи, шпинат и бобы, толстый ломоть хлеба и тарелка вкусного супа с грибами и травами, а еще бутылка с водой, отмеренной до капли. Он взял ложку и склонился над супом.

— Дорогой, какой-то ты притихший. Почему?

Джон посмотрел на жену. Мелькнула мысль, не рассказать ли ей все, но он тут же ее отогнал. Желание встретить понимание хоть у кого-нибудь — не повод болтать. Нужно следить за собой. Ведь все, что он может рассказать, противоречит Притче, Мифам и Легенде, а значит — ересь. Малейший намек, и Мэри отречется от мужа, а глаза ее загорятся ненавистью.

Джон — другое дело, он жил с этой ересью с детства, с того самого дня, когда отец затеял разговор и рассказал ему о Книге, которая сама по

себе была частью ереси.

— Я думаю, — ответил он.

— О чем, милый?

И правда, о чем? В конечном счете, думать не о чем. Все объяснено четко и доступно. Есть Притча, повествующая о Начале Начал и начале Конца. Чего еще нужно?

Сначала был Хаос, затем из него родился порядок, воплощением которого стал Корабль. Снаружи его по-прежнему окружало первозданное ничто, зато внутри царили гармония и целесообразность, выраженные в законе — в Заповедях: «не выбрасывай», «не возжелай лишнего» и многих других. Со временем всех ждал Конец, но смысл его был окутан тайной, так что люди верили, что за Концом еще может последовать новое Начало. Надежду на это дарили Иконы, появившиеся вместе с Кораблем, ведь они представляли собой символические образы других «упорядоченных» мест (например, в более крупных кораблях, кто знает), и у каждого символа имелось название: Дерево, Книга, Небо, Облака, а также Ветер и Свет, которые никто не видел.

— Поначалу я страшно боялась, — сказала Мэри, — а теперь нет. Все идет, как и было пред-

сказано, и ничего делать не надо, только ждать и верить, что все к лучшему.

Джон продолжал есть, прислушиваясь к звукам из коридора: шагам и обрывкам разговоров. Голоса были спокойны, беготня унялась. Как скоро Экипаж пришел в себя! Корабль перевернулся вверх дном, но все верят, что это к лучшему.

Так, может, именно они и правы — они, а не Письмо?

Очень хотелось выйти в коридор, остановить первого встречного и все рассказать… Увы, никто на Корабле не стал бы его слушать, даже Мэри.

Разве что Джошуа…

Джон ел и думал о Джошуа, как тот возится со своими растениями, ухаживает за гидропонной фермой.

В детстве он с другими мальчишками — Джо, Джорджем, Гербом и еще много с кем — ходил туда к нему. Джошуа, уже тогда немолодой, всегда потчевал гостей какой-нибудь басней или мудрым советом, а голодных мальчишек — «лишним» помидором или редисом. Говорил он тихо, смотрел прямо и держался грубовато-дружелюбно, чем сразу же располагал к себе.

Как же давно он не виделся с Джошуа! А все из-за чувства вины и стыда.

Вот только кому, как не Джошуа, понять причину этого стыда. Когда-то же он понял.

Джон вспомнил, как они с Джо пролезли на ферму и стащили оттуда помидоры, а садовник поймал их и наставил на путь истинный. Джо с Джоном были неразлучны с самого раннего детства. Всегда вместе. Где бы ни творилась какая-нибудь каверза, знай — без этих двоих не обошлось.

Так, может быть, Джо?.. Нет. Джо — нет. Пускай мы лучшие друзья, пускай знакомы с детства, пускай поддерживаем друг друга даже теперь, будучи семейными, пускай мы двадцать лет бессменные партнеры по шахматам, все равно с Джо об этом не поговоришь.

— Ты все еще думаешь, милый?

— Заканчиваю, — ответил Джон. — Расскажи, как прошел твой день.

Мэри рассказала. Луиза что-то там придумала. Джейн ответила. Молли, как всегда, отпустила какую-то глупость. Затем пошли слухи, жуткие слухи, а потом страх улегся, и стало ясно, что все, что происходит, к лучшему.

— В такую пору, дорогой, только Вера спасет и подарит умиротворение, — сказала Мэри.

— Воистину, умиротворение и покой.

Жена встала с кровати, подошла к Джону и, наклонившись, поцеловала.

— Пойду проведаю Луизу. Ты будешь тут?

— Нет, еще прогуляюсь перед собранием.

Он доел обед, медленно, смакуя каждый глоток, выпил воду и пошел на гидропонную ферму.

Джошуа по-прежнему работал там, только еще больше постарел и поседел. Впрочем, добрые морщинки вокруг глаз и приятная, едва заметная улыбка никуда не делись.

Он поприветствовал Джона по-старому, шуткой:

— Что, снова пришел воровать помидоры?

— Не в этот раз.

— А где второй? Твой приятель?

— Его зовут Джо.

— А, точно, Джо. Что поделаешь, старость. Память уже не та. — Уголки его губ тронула улыбка. — Мне недолго осталось, мой мальчик. Я не заставлю вас с Мэри ждать.

— Это сейчас неважно, — сказал Джон.

— Хорошо, а то я уж боялся, ты совсем перестанешь приходить.

— Так получилось. Это закон, а с законом не спорят. И ни я, ни ты, ни Мэри ничего не изменим.

Джошуа положил руку Джону на плечо.

— Посмотри, какой урожай. Лучше помидоров я еще не выращивал. Прямо только-только созрели.

Он сорвал самый спелый и отдал Джону.

Джон потер ярко-красный плод в ладонях, ощущая мягкую гладкую кожицу, которую распирало от соков.

— Когда полежат, будет уже не то. Так что давай, съешь.

Джон впился зубами в помидор, и вкусная, сочная мякоть потекла в горло.

— Ты, кажется, что-то хотел сказать, мой мальчик?

Джон мотнул головой.

— Я не видел тебя с тех пор, как объявили решение, — продолжил Джошуа. — Ты винишь себя, потому что знаешь, что вам не разрешат завести ребенка, пока я не умру. Тяжело, должно быть; причем вам от этого куда тяжелее, чем мне. Но раз ты пришел — значит, случилось что-то серьезное.

Джон промолчал.

— Раньше ты часто захаживал, потому что помнил наш первый разговор.

— Тогда я нарушил закон, хотел украсть помидоров. Мы с Джо хотели. А ты нас поймал.

— Я тоже только что нарушил закон. Дал тебе помидор, — сказал Джошуа. — Он не мой, я не мог им распоряжаться. А ты не имел права его брать. Я совершил преступление, потому что в основе любого закона должен лежать здравый смысл, и здравый смысл подсказывает мне, что одного помидора никто не хватится. Смысл должен быть в каждом законе, а если его нет, то и закон не нужен.

— Но ведь нарушать закон плохо.

— Послушай, ты помнишь, что было сегодня утром?

— Еще бы не помнить.

— Посмотри на эти рельсы, врезанные в стену. До сегодняшнего утра это был пол.

— А как же баки…

— Именно! — сказал Джошуа. — Именно об этом я и подумал, когда вылетел из кровати. Баки, мои замечательные баки! Я как представил, что они висят на стене, из них хлещет вода, растения разбросаны, все усыпано химикатами… Ничего подобного не случилось! — Он похлопал Джона по груди. — И дело вовсе не каком-то законе, а в здравом смысле. Посмотри под ноги.

Джон опустил взгляд и увидел под собой рельсы — продолжение тех, что шли по стене.

— Баки закреплены, их колеса утоплены в рельсы. Когда пол стал стеной, баки просто-напросто съехали вниз по рельсам и оказались на стене, которая стала полом. И все словно так и надо. Да, немного воды расплескалось, некоторые растения поломались, но это мелочи.

— Так и задумывалось, — сказал Джон. — Понимаешь, корабль…

— За каждым законом должен стоять здравый смысл. В отношении баков закон был и, как выяснилось, был и смысл. Однако закон — лишь напоминание о том, что противоречить логике нельзя. Другое дело, логику можно забыть, с ней можно спорить, можно заявить, что она себя изжила. Но правила придают логике вес, к тому же исполнять их можно, даже не понимая, что за ними стоит. Так вот, закон гласил: рельсы на стене — бывшей стене, я имею в виду — нужно всегда смазывать и нельзя захламлять. Порой мы недоумевали зачем, ведь это пустая трата времени. Однако мы прилежно исполняли его, и вот, когда прозвучал Гул, рельсы были свободны и смазаны и баки беспрепятственно по ним проехали. А теперь представь, что было бы, не соблюдай мы этого закона. Хотя в конечном итоге важен именно смысл, а не закон.

— Так что ты хочешь этим сказать? — спросил Джон.

— Я хочу сказать, что законы появились неслучайно и исполнять их нужно без рассуждений, пока не откроется скрытый смысл. А вот когда он откроется, уже можно будет судить, достойный ли это смысл. И если он чем-то плох, не нужно молчать. Ибо если плох смысл закона, то плох и сам закон, поскольку закон есть не более чем способ закрепить смысл или послужить достижению цели.

— Постой, ты сказал «цели»?

— Именно так, мой мальчик, цели. Без нее никак. Корабль устроен настолько грамотно, что за этим просто не может не быть хоть какой-нибудь цели.

— Ты так думаешь? Говорят же…

— Да знаю, знаю: «Все, что ни делается, все к лучшему». — Джошуа покивал. — И все же, как ни крути, цель у Корабля есть. Когда-то давным-давно она была ясной и прозрачной. Мы просто забыли ее. Нам не хватает знаний…

— Знания были в книгах. Но книги сожгли.

— Я стар и одинок. Вечно в работе и почти никого не вижу. Поэтому болтовня, которой заняты все на Корабле, меня не отвлекает. Вместо этого

я думаю, много думаю. Про нас и про Корабль. Про законы и их суть. Я хочу понять, как растут растения, почему им нужна вода и химикаты. И почему нужно включать лампы строго по расписанию? Что в них такого, что помогает росту? А забудешь включить, и растение завянет. Значит, помимо воды и химикатов, нужен еще и свет.

Или почему помидоры вырастают только на помидорных стеблях, а огурцы — на огуречных? На огуречном стебле помидор не вырастет никогда — значит, и за этим стоит какой-то смысл. Даже такое простое дело, как выращивание помидоров, требует понимания массы факторов и причин. А нам они неизвестны, потому что у нас нет знания.

Я хочу понять, что происходит, когда щелкаешь переключателем, и почему загораются лампы. И еще я хочу узнать, что делает наше тело с пищей. Куда делся помидор, который ты только что съел? Почему для выживания необходимо есть? А спать? Как человек учится говорить?

— Никогда об этом не задумывался, — признался Джон.

— Ты вообще никогда не задумывался. Или почти никогда.

— Так ведь никто не задумывается.

— В том-то и беда: никто ни о чем не задумывается, — вздохнул старик. — Все просто влачат свое существование. Не ищут смысла, не задают вопросов… «Все, что ни делается, все к лучшему» — и этого довольно.

— И все-таки я начал думать.

— Хорошо… Так зачем ты пришел?

— Уже неважно. Я услышал то, что хотел.

И он ушел по проходу между баками, вдыхая запах свежей зелени, слушая журчание воды в насосах. Впереди тянулись длинные коридоры, за иллюминаторами в смотровых пузырях светили неподвижные звезды.

«Смысл, логика, цель», — сказал Джошуа. В Письме говорилось о том же. Однако, кроме истины, есть и ложь, и чтобы отделить одну от другой, нужны знания.

Джон подобрался и вошел в церковь.

Собрание было в самом разгаре, так что он тихонько скользнул в приоткрытую дверь и разыскал Мэри. Встал рядом, а она взяла его за руку и улыбнулась.

— Опаздываешь, — прошептала она.

— Прости, — прошептал он в ответ.

Они стояли рядом, держась за руки, и смотрели, как по бокам от огромной Иконы мерцают две

большие свечи. Джону вдруг пришло в голову, что он никогда не видел эту картину в таком хорошем освещении, да и вообще особо не разглядывал. Стало быть, повод важный, раз решили зажечь свечи.

Под Иконой сидели трое: Джо, Грег и Фрэнк. Как здорово, что именно его лучший друг был среди них, ведь туда сажали только самых верующих и тех, за кем готов пойти Экипаж.

Пересказали Притчу о Начале, затем Джо поднялся и заговорил о Конце.

— Мы движемся к Концу. Пока мы узрели первые знамения, но будут еще, и вскоре за ними — Конец. Каков он, никому не ведомо, ибо об этом ничего не сказано…

Мэри вдруг крепче сжала его руку, и Джон ответил тем же. Это рукопожатие наполнило его спокойствием и умиротворением: жена рядом, Вера сильна, и, пока Экипаж един, им ничто не грозит.

Мэри тоже говорила о покое и умиротворении, которые дарует Вера. Так оно и есть: Вера воистину дарует спокойствие, убеждает, что все идет по плану, что все к лучшему и даже в Конце все сложится как надо.

Людям во что бы то ни стало нужен покой.

Они и так растеряны, особенно когда звезды прекратили свой бег и застыли, а за иллюминаторами теперь стояла кромешная черная пустота. Растерянности прибавляло и отсутствие цели, отсутствие знаний. Спасти могла только Вера — вера в то, что все к лучшему.

— Прозвучит Гул, звезды замрут и будут одиноко светить в непроглядной тьме, которая поглощает все, кроме Корабля и Экипажа в нем…

Так и есть. Вера дарует умиротворение. Люди знают: что бы там ни было, они ограждены от бескрайней тьмы. С другой стороны, откуда взялось это знание? Кто его передал? Кому оно открылось?

Джон отругал себя за такие мысли, тем более на собрании в церкви.

Я становлюсь похожим на Джошуа. Хочу все понять. Хочу проникнуть в суть вещей, о которых никогда не задумывался и которые бессчетные поколения моих предков принимали как должное.

Он взглянул на Икону: Дерево, Цветы, Река, в отдалении — Дом, над ними — Небо с Облаками, а также Ветер, которого не видно, но все знают, что он есть.

Хорошая картина, даже прекрасная. Таких цве-

тов, кроме как на Иконах, нигде и не встретишь. Интересно, это настоящее место? Или всего лишь символ, идеальный образ, выдуманный людьми, отражение мечтаний тех, кто заперт внутри Корабля?

Заперт внутри Корабля! Нет, каково!.. У него аж дыхание перехватило от этой мысли. Не заперт, а под защитой. Корабль защищает людей от опасностей, таящихся в бескрайней тьме.

Склонив голову, Джон беззвучно взмолился о прощении и покаянии. Как только могло такое в голову прийти?!

Он ощущал тепло жениной ладони в своей руке и думал о ребенке, которого они заведут, когда умрет Джошуа. О партиях в шахматы с Джо. О долгих ночах в постели с Мэри.

Вспомнился отец, и в голове снова эхом зазвучали старинные слова. Письмо говорило о знаниях, о цели и предназначении.

Что же мне делать? Какой путь выбрать? Что такое Конец и в чем его Смысл?

Он отсчитал двери, нашел нужную и вошел. Внутри все укрывал толстый слой пыли, но лампочка сохранилась и работала. В дальней стене была дверь с кодовым замком, в точном соответствии с инструкцией, которая прилагалась

к Письму. Еще в ней говорилось, что за дверью «хранилище».

Оставляя следы в вековой пыли, Джон подошел к двери и опустился на колени. Рукавом он вытер замок и посмотрел на числа. Положил инструкцию рядом и взялся за ручку. Итак, сначала повернуть на 6, потом на 15, вернуть на 8, затем на 22 и на 3. Он делал все медленно, строго по указаниям, и наконец стальные колодки с едва слышным щелчком заняли свои места.

Джон потянул на себя массивную дверь, и она нехотя отворилась. Он шагнул внутрь, нащупал выключатель, и зажегся свет. Внутри была кровать, рядом с ней — аппарат, а в углу — большой металлический ящик. Все как сказано в Письме.

Джона охватил непреодолимый ужас — напоминал о себе страх, воспитанный чередой поколений, забывших о цели и знании.

Знание пугало, потому что знание — зло. Многие века назад те, кто возглавлял Экипаж, решили, что это так. Они придумали заповедь, запрещающую Чтение, и сожгли книги.

Но в Письме было сказано, что без знаний не обойтись.

И Джошуа, окруженный баками с помидорами и другими растениями, говорил, что во всем дол-

жен быть смысл, а чтобы его понять, необходимы знания.

Письмо и Джошуа — и всё. Двое против всех, против тех, кто принял решение много поколений назад.

Нет, не двое, возразил себе Джон. Еще мой отец, и отец отца, деды и прадеды, которые передавали по наследству Письмо, Книгу и умение читать. Да и я сам, будь у меня ребенок, тоже передал бы ему Письмо с Книгой и обучил бы его Чтению.

Сразу представилось, как они вдвоем, устроившись в каком-нибудь укромном месте, под тусклой лампочкой медленно разбирали бы, как буквы складываются в слова, понимая, что делают нечто запретное, что способствуют продолжению ереси, которая преследует Экипаж с Начала Начал.

И вот к чему это все привело: к кровати, аппарату и огромному ящику.

Опасаясь скрытых ловушек, Джон осторожно подошел к кровати, потрогал и пошатал ее. Кровать как кровать.

Затем он тщательно осмотрел аппарат и все контакты, как было сказано в инструкции. Отыскал шлем, рубильники, проверил основные платы. Два разомкнутых проводка Джон скрутил

и, еще раз сверившись с инструкцией, щелкнул первым рубильником. Зажглась красная лампочка.

Готово.

Он сел на кровать, надел на голову шлем, надежно закрепил. Затем лег, щелкнул вторым рубильником, и в ушах зазвучала колыбельная. В мелодию вплелись слова; они обволакивали сознание, убаюкивали тело. Глаза начали слипаться.

Джон Хофф заснул.

А проснувшись, почувствовал, что полон знаний.

Но сначала он медленно, болезненно приходил в себя, пытаясь понять, где находится. Какая-то комната, стена без Иконы, странный аппарат, толстая дверь, на голове — шлем… Он снял его и удивленно разглядывал, и постепенно понял, что это такое. Мучительно возвращались воспоминания о том, как он нашел эту комнату, как открыл дверь, как проверил аппарат, как приладил к голове шлем, как заснул.

Затем пробудились и другие знания — о том, чего он раньше не знал. И они страшили.

Джон уронил шлем на колени и вцепился руками в край кровати.

Космос! Пустота, в которой плывут звезды — они же пламенеющие светила. Бескрайняя пустота, где расстояния настолько огромны, что измеряются не километрами, а световыми годами (такой отрезок пути луч света проходит за год). Такие расстояния преодолевает их корабль — не Корабль с заглавной буквы, а просто корабль, один из многих.

И запущен он был с планеты Земля — не со звезды, а с одной из многих планет, которые вращаются вокруг нее.

Но такого не может быть! Не может! Корабль не движется. Космоса нет. Что значит «пустота»? Мы не можем быть всего лишь точкой — пылинкой, затерянной во вселенской пустоте, ничтожной по сравнению со звездами, сверкающими за бортом.

Ведь если так, то мы ничего из себя не представляем. Мы — лишь случайность. Даже меньше, чем случайность: мы — ничто. Меньше, чем ничто! Мимолетный проблеск жизни посреди бессчетного множества звезд.

Джон поставил ноги на пол и сидел, уставившись на аппарат.

Инструкция гласила, что все знания записаны в нем, а оттуда переносятся, копируются, вжив-

ляются в мозг во время сна.

И это только начало, первый урок, малая толика старинного знания, давным-давно утраченного, но при этом сохранившегося и спрятанного до поры до времени. Теперь им распоряжается Джон. Вот катушки с записями, вот шлем, бери и пользуйся. Только зачем? Зачем нужно знание, если нет цели?

Правдивы ли они? Вот в чем вопрос. Правдивы ли знания? И как распознать ложь? Как отличить ее от истины?

Естественно, никак — пока никак. Знание можно оценить только с позиций иного знания, а Джону его недоставало. Да, он знал больше, чем все обитатели корабля, но все равно ничтожно мало. Наверняка было объяснение и звездам, и планетам, обращающимся вокруг них, и космосу, в котором эти звезды находятся, — и Кораблю, бороздящему пустоту.

В Письме было сказано, что у него есть предназначение и конечная цель и именно их Джон обязан узнать.

Он вернул шлем на место, вышел из хранилища и закрыл за собой дверь. Он уже не прятал глаза, однако груз вины никуда не делся, ведь теперь Джон нарушил не только дух, но и букву закона.

И сделал он это сознательно, с целью, поскольку понимал: когда цель и предназначение Корабля будут раскрыты, закон утратит смысл.

Преодолевая эскалатор за эскалатором, он спустился на нижнюю палубу.

Джо сидел в кают-компании. Перед ним стояла доска с расставленными фигурами.

— Где тебя носит? — спросил он. — Я жду.

— Да так, загулялся что-то.

— Ты уже три дня где-то бродишь. — Джо вопросительно посмотрел на друга. — Помнишь, как мы с тобой озорничали: всюду лазили, всех разыгрывали?

— Да, помню.

— Мне знаком этот твой взгляд. Ты всегда так смотрел, когда затевал очередную проделку.

— Ничего я не затеваю. Ни проделок, ни розыгрышей.

— Ну же, — сказал Джо, — сколько лет мы с тобой дружим! Выкладывай, что задумал.

Джон посмотрел другу в глаза, пытаясь разглядеть в нем того самого мальчика, партнера по шалостям, но не вышло. Вместо него он видел человека, который сидел под Иконой и рассказывал про Конец, истово верующего, доброго и сильного лидера Экипажа.

— Извини, Джо, не могу.

— Я ведь помочь хочу.

Сейчас — да, а вот захочешь ли помогать, когда узнаешь правду? Скорее, ты в ужасе отшатнешься, донесешь в церковь и первым назовешь меня еретиком. Ведь моя правда перечеркнет Миф, сорвет полог блаженного неведения, лишит людей веры в то, что все к лучшему. Что будет с Экипажем, когда откроется, что нельзя больше сидеть сложа руки и уповать на сложившийся порядок, а надо действовать?

— Давай лучше сыграем, — сказал он наконец.

— Ты уверен? Правда уверен? — еще раз с нажимом спросил Джо.

— Да.

— Тогда ходи.

Джон выдвинул вперед ферзевую пешку.

— Обычно ты ходишь с королевской пешки, — удивился Джо.

— Я передумал. По-моему, этот дебют лучше.

— Как знаешь.

Они сыграли партию. Джо победил без труда.

Следующие несколько дней Джон провел в хранилище с шлемом на голове, слушая колыбели и впитывая новые знания. Теперь картина сложилась целиком.

Корабль построили жители планеты Земля. На это их подвигло стремление достичь звезд, хотя чем оно было вызвано, Джон не совсем понял. Зато он узнал, как подбирали и готовили экипаж, какие тщательные проверки проходили предки будущих колонистов, а также какие биологические расчеты обеспечивали продолжение рода. Все это для того, чтобы к сороковому поколению, которому было суждено достичь цели — других звезд, — человечество осталось крепким, умелым и могло преодолеть любые трудности.

Еще он узнал о программе воспитания, о книгах, которые должны были поддерживать преемственность знаний, а также мельком ознакомился с психологическим обоснованием всего предприятия.

Но программа сбилась. Не у корабля — у пассажиров.

Книги отправили в переработчик. Про Землю забыли, ее застил Миф. Утраченные знания заменили преданиями и сказаниями. За сорок поколений исходный замысел и цель стерлись из памяти, и Экипаж свято уверовал в свою исключительность. Люди полагали, что Корабль и есть мироздание, что все возникло по Божественному промыслу и жизнь их следует раз и навсегда

установленному распорядку.

Люди играли в шахматы и карты, слушали старинную музыку, но ни разу не задумались над тем, кто сочинил эти игры или кто написал эту музыку. Они убивали даже не время — жизнь — в бесконечных разговорах и пересказах баек из прошлых поколений. Истории как таковой у них не было, о будущем они тоже не задумывались — зачем, ведь все, что ни делается, все к лучшему[1].

Так тянулись годы, ничего не происходило, и на Корабле все шло по-прежнему. Не успело уйти первое поколение колонистов, а Земля уже казалась туманным миражом, далеким не только в пространстве и времени, но и в памяти. Очень скоро все, кто помнил Землю, умерли, и поддер-

---

[1] notes: 1

О преимуществах письменных свидетельств над устной памятью (в том, что касается точности) еще много лет назад высказался британский историк сэр Джордж Корнуолл Льюис, автор обширного труда о достоверности истории Древнего Рима. В этом труде Льюис приходит к выводу, что при устном пересказе исторических событий из поколения в поколение точность сохраняется на весьма небольшой срок, не превышающий ста лет. Следовательно, в описываемом космическом перелете длительностью в тысячу лет отсутствие письменных источников, весьма вероятно, приведет к тому, что про Землю забудут. В лучшем случае о ней останутся туманные упоминания, которые со временем превратятся в мифы и легенды. В наши дни, когда экономика оперирует миллионами и миллиардами, «тысяча» кажется весьма скромным числом, но в реальности тысяча лет — это очень длительный срок. Так, вторжение Вильгельма Завоевателя в Англию произошло меньше тысячи лет назад, как и открытие Америки викингами.

От плавания Колумба нас отделяет всего лишь пятьсот лет. Таким образом, не будь у нас записей о плавании Колумба или норманнском вторжении, эти события либо исчезли бы из человеческой памяти, либо обросли бы невероятным числом домыслов. Чтобы не ходить далеко за примером, наши знания о тех же плаваниях викингов к Америке исчезающе малы, поскольку до нас дошли лишь фрагменты описаний, да и те появились значительно позже саг, воспевавших эти плавания. [*Прим. автора.*]

живать память о ней стало некому. Корабль же был всегда и в напоминаниях не нуждался. Он стал для Экипажа и матерью, и гнездом. Кормил их и укрывал от невзгод и напастей.

Идти было некуда. Делать — нечего. Думать — не о чем. И мало-помалу люди приспособились.

Как дети, пришел к выводу Джон Хофф. Как дети, что сидят на руках у матери и лопочут старые, заученные в колыбели стишки. Не подозревая, что в некоторых стишках содержится куда более глубокий смысл, чем они думают.

Каждый сызмальства знал: когда-нибудь раздастся Гул, звезды замрут, и наступит Конец.

А ведь так и есть: звезды двигались лишь потому, что Корабль вращался по продольной оси, чтобы создавать искусственное тяготение, однако, приблизившись к цели, он автоматически прекратил вращение, и теперь тяготение обеспечивали специальные устройства — гироскопы.

Корабль по-прежнему плыл к звездной системе, к которой его направили. Если только не пролетел мимо… От одной мысли об этом у Джона похолодело внутри.

Люди изменились, Корабль — нет. Он не приспосабливался. Он помнил то, о чем пассажиры забыли. Он не нарушил программу, которую

в него загрузили больше тысячи лет назад. Он держал курс и шел к цели, не отклоняясь. И вот наконец цель близка.

Да, Корабль был автоматизирован, однако не полностью. Он не мог сам вычислить нужную орбиту и встать на нее — кто-то должен провести расчеты и направить его. Полет в тысячу лет Корабль преодолел самостоятельно, но выполнить предназначение мог только при участии человека.

Стало быть, я и есть этот человек, подумал Хофф. Но справлюсь ли я в одиночку?

Он перебирал в уме знакомых: Джо, Герб, Джордж, остальные — никому нельзя доверять, никому нельзя рассказать о том, что он узнал.

Бóльшая часть знаний была посвящена Кораблю. Джон понимал его устройство и принцип работы, но хватало ли этого? Может, требовались еще опыт и подготовка? Может, следовало с юных лет натаскивать себя на управление кораблем?

Джон смотрел на аппарат, который передал ему все эти знания. Аппарат выполнил свое предназначение, точно так же, как до этого его выполнило Письмо. Теперь настал черед Человечества и Корабля. Оставалось надеяться, что сознание Джона ясно, а рука — тверда. И что

полученных знаний достаточно.

Еще остался ящик в углу — последнее, что предки оставили Джону, дальнейшее зависело только от него.

Он медленно опустился на колени перед ящиком и поднял крышку.

Внутри лежало множество рулонов бумаги, а под рулонами — книги, десятки книг. В углу нашлась стеклолитовая капсула с неким устройством — судя по всему, огнестрельным оружием. Джон его узнал сразу, хотя никогда прежде не видел.

Капсула прижимала конверт, на котором было напечатано: «КЛЮЧИ».

Внутри действительно лежали два ключа с бирками: «КОМНАТА УПРАВЛЕНИЯ» и «МАШИННЫЙ ЗАЛ».

Джон сунул ключи в карман, затем взялся за стеклолитовую капсулу. Повернул руки в разные стороны, капсула распалась напополам, издав «пф» — звук заполняющегося вакуума, — и Джон извлек оттуда пистолет.

Весь его вид демонстрировал мощь и безжалостность. Джон взял оружие за рукоять, поднял, прицелился и ощутил где-то в глубине прилив кровожадности. Давала о себе знать звериная

природа Человека, и Джон устыдился ее.

Он вернул пистолет в ящик и извлек оттуда первый попавшийся рулон. Аккуратно, с легким хрустом развернул: какой-то рисунок. Увы, разобрать ни сам рисунок, ни надписи, к которым вели выносные линии, не получалось. Джон отложил его в сторону, и тот сам собой свернулся в рулон.

Следующий рулон оказался чертежом одного из корабельных отсеков, следующий — тоже, как и несколько других: коридоры, эскалаторы, каюты, смотровые пузыри…

Наконец ему попался план всего корабля в разрезе, вплоть до последней каюты и гидропонной фермы. В носовой части находилась комната управления, а в корме — машинный зал.

Что-то в плане явно не сходилось, и Джон изо всех сил пытался понять, что именно. Потом он догадался закрыть рукой комнату управления и машинный зал, и все встало на свои места. До него дошло, что так и было задумано: кто-то давным-давно отгородил эти помещения, желая уберечь их и сохранить до сегодняшнего дня.

Для Экипажа ни комнаты управления, ни машинного зала не существовало. Именно поэтому план сперва показался ошибочным.

Джон отложил чертежи в сторону, и они сами собой свернулись, а он уже достал следующий, и на нем был изображен машинный зал. Наморщив лоб, Хофф внимательно изучал подписи. О назначении некоторых установок он догадывался. Например, там был переработчик. Как тот попал в запертое помещение, если им пользовались все эти годы? Оказалось, что у переработчика два отверстия: одно — за гидропонными фермами, а другое выходило в машинный зал.

Этот рулон тоже свернулся. Джон сидел над бумагами, покачиваясь вперед-назад.

Хотел неопровержимых доказательств? Вот, получай.

Чертежи корабля, составленные и начерченные людьми. Стремление к звездам, перенесенное на бумагу. Никакого Божественного промысла, никаких мифов. Обычные человеческие расчеты.

А что же тогда Иконы? Неужели они и далеки от истины? Жаль, если так. Они дарили умиротворение. Как и Вера. Умиротворение.

Джон сидел в тесном хранилище, рядом с аппаратом, кроватью и ящиком, среди чертежей. Он свел руки на груди и обнял себя в отчаянном порыве жалости.

Почему именно я?.. Проклятое Письмо! Нас-

колько лучше было жить в покое и неведении, играть в шахматы с Джо и ни о чем не думать.

— Так вот где ты прячешься, — донеслось со стороны двери.

Джон повернул голову и увидел ноги Джо, затем поднял глаза и разглядел лицо, на котором застыла неестественная полуулыбка.

— Книги!

Из уст Джо слово прозвучало как ругательство. Он будто застал друга за чем-то непристойным, а сознание дорисовало грязные подробности.

— Джо… — начал Джон.

— А я-то думаю, что ты все недоговариваешь. От помощи отказываешься. Еще бы, неудивительно…

— Джо…

— Уединяешься — с книгами!

— Послушай! Все не так, как мы привыкли думать. Корабль построили люди, такие же, как мы. У него есть цель. Я знаю, что нас ждет в Конце…

Лицо Джо больше не выражало ни ужаса, ни удивления. Оно стало бесстрастным, как у судьи. Джо смотрел сверху вниз, и в его глазах не было ни капли жалости.

— Джо!

Тот резко развернулся и кинулся прочь из

комнаты.

— Джо! Ну постой же, Джо!

Но тот уже убежал.

Судя по удаляющемуся топоту, он направлялся к эскалатору, чтобы попасть на жилую палубу.

Там он поднимет Экипаж на ноги, отправит их по всему кораблю, чтобы выследить и изловить Джона Хоффа. А когда они его поймают…

Когда его поймают, наступит самый настоящий Конец — тот, неведомый, о котором говорили в Церкви. И никто и никогда более не узнает про Предназначение, Цель и Смысл.

А в результате тысячи мужчин и женщин погибнут зря. Пот, труд и чаяния людей, построивших и запустивших корабль, пропадут втуне.

Потеря будет чудовищной, и это будет преступлением. Нельзя ничего выбрасывать. Все нужно беречь. И речь не только о воде и пище — речь о человеческой жизни и надеждах.

Джон нащупал пистолет и схватил его. Внутри заскипал гнев — отчаянный, безнадежный, сиюминутный, слепой гнев человека, у которого только что выбили почву из-под ног.

Дело даже не в нем, а в том, что под угрозой жизнь других: Мэри, Герба, Луизы, того же Джошуа.

Джон пулей выскочил из хранилища, круто свернул в коридор, чуть не влетев в стену, затем помчался к эскалаторам. Не видно было ничего, только ощущались под ногами шершавые ступеньки, и Джон в который раз порадовался, что так часто ходил этим путем из жилых отсеков в сердце Корабля. Он чувствовал себя здесь как дома и прекрасно ориентировался в темноте; в этом Джо ему уступал.

Джон слетел вниз по ступенькам, чуть не споткнулся, затем побежал по коридору к следующему пролету. Топот впереди становился ближе. Джо постоянно на что-то натыкался и поэтому не мог бежать быстро.

В следующем коридоре, в самом конце горела одинокая тусклая лампочка. Только бы успеть…

Джон забежал на очередной эскалатор и взялся за поручень, чтобы не упасть. Остаток пролета он преодолел прыжком.

Гася удар от приземления, он присел и разглядел впереди спину убегающего. Прицелился, нажал на кнопку. Пистолет дернулся, выворачивая руку, и коридор заполнила яркая вспышка.

На мгновение Джон ослеп и запоздало прикрыл глаза, а в голове в это время пронеслась мысль: «Я убил Джо. Я убил своего друга».

Только это был не Джо. Не тот парень, которого он знал с детства. Не партнер по шахматам. Не Джо, а значит, и не друг. Кто-то чужой, с лицом судьи, готовый натравить на Хоффа весь Экипаж. По его вине всем грозила неминуемая гибель.

Джон знал, что правда на его стороне, но руки все равно дрожали.

Наконец он проморгался и увидел на полу черный силуэт.

Он уронил пистолет, ноги подкосились. Живот свело, по спине побежали мерзкие мурашки.

Не выбрасывай, но береги — так твердили все вокруг. Наравне с этой заповедью были и другие, негласные, повторять которые не было нужды. Никто не наставлял: не пожелай жены ближнего своего, не произноси ложного свидетельства, не убивай — ведь эти преступления искоренили еще задолго до того, как космический корабль покинул Землю.

Это были законы здравого смысла и благообразной жизни. И один из них Джон Хофф только что нарушил. Он убил своего ближнего, убил своего друга.

Вот только это не мой друг, напомнил он себе. Это враг, враг всем нам.

Засунув пистолет за пояс, он твердой походкой

двинулся по коридору к телу, лежащему на полу.

В полутьме не сразу поймешь, что там перед тобой лежит. И еще повезло, что Джо упал вниз лицом.

Джон задумался. Очень скоро Экипаж хватится Джо, начнутся поиски. Нельзя допустить, чтобы его нашли. Никто не должен узнать. Про убийства давным-давно позабыли, никому даже в голову не придет. А вот повод подавать нельзя. Ведь если один человек оказался способен на убийство — неважно, зачем и почему, — то и другой сможет. Если кто-то согрешил, грех необходимо скрыть, иначе он потянет за собой другие, а в новый мир (если Корабль все-таки достигнет цели) Экипаж должен прийти дружным и сплоченным.

Спрятать тело нельзя, ведь нет такого тайника, который никто не нашел бы. К переработчику, куда можно отправить труп, тоже просто так не попадешь: дорога туда лежит прямиком через гидропонные фермы.

Только ли? Есть ведь и другой путь к переработчику — через машинный зал.

Джон ощупал карманы — ключи были на месте. Наклонившись, он подхватил Джо — и тут же, стоило коснуться еще теплого тела, отскочил, вжался в металлическую стену. Живот по новой

скрутило, в висках заколотило от чувства вины за содеянное.

Он вспомнил отца, разговоры с ним, вспомнил далекого пращура, который написал Письмо, и всех предков, кто из поколения в поколение передавал Письмо и поддерживал ересь — все ради истины, ради знаний, ради общего спасения.

Слишком многое поставлено на карту, слишком многие рисковали жизнью, слишком много одиноких ночей прошло в размышлениях, правое ли это дело, и теперь нельзя отступать из-за вины и брезгливости.

Джон оторвался от стены, подхватил тело и взвалил себе на плечо. Оно обмякло, как мешок, что-то хлюпнуло. По спине потекла теплая струйка.

Он стиснул зубы, чтобы те не стучали, и медленно, согнувшись под тяжестью, пошел по давно замершим эскалаторам и коридорам к машинному залу.

Уже у двери он положил тело и начал искать ключи. Достал нужный, вставил в замок, повернул, потом навалился, и дверь неспешно отворилась. В лицо ударил жаркий поток воздуха. Ярко горел свет, мощно гудели силовые установки, свистел вращающийся металл.

Он снова подхватил Джо, вошел и закрыл за собой дверь. Перед ним было скопление огромных машин, разделенных узкими и длинными проходами.

Одну вращающуюся машину Джон узнал: гироскоп на кардановом подвесе, выполняющий функцию стабилизатора.

Интересно, сколько времени уйдет на то, чтобы понять устройство этих сложных огромных машин? Насколько сильно наши знания уступают тем, что знали наши предки тысячу лет назад?

Тело все еще давило на плечо, на пол ритмично падали теплые густые капли.

Вспоминать одновременно интересно и страшно. Тысячу лет назад люди умели строить такие машины. А еще раньше ими управляли необузданные эмоции, которые толкали на убийство себе подобных.

Нужно избавиться от тела, с горечью подумал Джон Хофф. Лишь от вины мне не избавиться. Тела не станет, оно превратится в нечто иное, все составляющие его станут чем-то новым, но грех останется со мной. Навсегда!

Он нашел дверцу переработчика и, собравшись с духом, дернул. Ее заклинило, пришлось потянуть сильнее. Наконец она поддалась; за

ней зияло отверстие, в которое как раз проходил человек. За перегородкой что-то ревело, то и дело вырывались алые всполохи бушующего пламени. Как мог аккуратно, Джон отправил тело в разверзнутую пасть. Подтолкнув его напоследок, закрыл дверцу и с силой надавил на педаль, чтобы запустить механизм.

Все, кончено.

Джон отошел от переработчика и утер лоб. От груза он избавился, но тяжесть осталась. Навсегда.

Послышались шаги, но Хофф не обернулся: он знал, кто идет, — эти призрачные шаги будут вечно звучать у него в голове, следовать за ним по пятам всю оставшуюся жизнь.

— Мальчик мой, что ты натворил? — спросил голос.

— Убил человека. Друга, — ответил Джон и оглянулся.

И шаги, и голос принадлежали не призраку, а живому человеку.

— Тобой руководил здравый смысл? — спросил Джошуа.

— Да. Смысл и цель.

— Тебе нужен друг. Без друга никуда.

Джон кивнул.

— Я узнал предназначение Корабля и его конечную цель. А он нашел меня. Он хотел отдать меня на растерзание. И я… я…

— Убил его.

— Я взвесил: одна жизнь или многие, — и решил отнять лишь одну. Его. Он бы лишил жизни всех.

Долгое время они с Джошуа молча смотрели друг на друга.

— Негоже отнимать жизнь у другого человека. Неправильно.

На фоне огромных машин Джошуа терялся, однако внутри у него бурлила энергия не меньшая, чем в двигателях.

— Но еще более неправильно обрекать весь Экипаж на бессмысленную гибель. Негоже из-за собственного невежества попирать здравый смысл, — подытожил старик и сменил тему: — Так, значит, ты узнал предназначение Корабля? И каково оно? Полезное?

— Не могу сказать, — ответил Джон. — Каким бы оно ни было, оно есть. Любое предназначение лучше, чем ничего.

Он откинул со лба слипшиеся от пота волосы.

— Ладно, я готов. Веди меня. Одну жизнь я отнял, но больше никому не наврежу.

— Нет, мальчик мой, это ты веди меня. Я иду за тобой, — тихо и мягко произнес Джошуа.

Наблюдать огромную черную пустоту, в которой крошечными маяками сверкали звезды, было неприятно даже из смотрового пузыря. Но обозревать ее из комнаты управления, через панорамное окно, обращенное в самую бездну космоса, было еще хуже. Можно опустить глаза и не увидеть дна, можно посмотреть вверх и ни во что не упереться взглядом. То казалось, что звезды прямо перед тобой — только протяни руку и схватишь, то приходило осознание, что они очень и очень далеко; от одной попытки вообразить это расстояние кружилась голова.

В общем, звезды были далеко.

Все, кроме одной — горящего солнца по правому борту.

Джон Хофф покосился на стоявшего рядом Джошуа. Лицо старика застыло, на нем перемешались неверие и страх на грани ужаса.

Я-то хотя бы представлял, что могу здесь увидеть, подумал Джон.

Он оторвал взгляд от окна и уставился на пульт со множеством приборов. Сердце вдруг куда-то провалилось, пальцы онемели. Набираться опыта в управлении Кораблем нет времени.

Досконально понять его устройство нет времени. Остается полагаться на смекалку и обрывочные знания, перенесенные ему в мозг во сне. Однако мозгу тоже нужны годы, чтобы сообразить, что от него требуется, а этой роскоши у них нет.

— Что делать? — прошептал Джошуа. — Мальчик мой, что будем делать?

Та же мысль крутилась и в голове у Джона.

Как в забытьи, он шагнул вперед, поднялся по ступенькам и сел в кресло с надписью «ШТУРМАН» на спинке. Казалось, что он сидит на краю обрыва и вот-вот сорвется в бездонную космическую пропасть. Штурманский пульт был усыпан множеством переключателей и кнопок, с помощью которых можно управлять двигателями в машинном отсеке.

— Та гигантская звезда, слева, — подал голос Джошуа. — Она пылает…

— Все звезды пылают.

— Она почему-то больше остальных…

— Именно к ней наш корабль и отправили тысячу лет назад, — сказал Джон.

По крайней мере, так он полагал. Ему очень хотелось верить, что это та самая звезда.

Однако вместе с этой мыслью возникла и другая, похожая на сигнал тревоги. Что-то не так.

Что-то совсем не так.

Он старался соображать, но мешала непосредственная близость космоса. Космос такой бескрайний и пустой, что нечего и пытаться его осознать. Космос не перехитрить. Космос не победить. Он слишком велик, и он беспощаден. Он не знает жалости. Ему нет дела ни до корабля, ни до людей на нем.

Бросить вызов космосу отважились только земляне, запустившие Корабль, и первые поколения Экипажа, этим Кораблем управлявшие. А теперь их двое. Двое против космоса. Лишь двое, кому не все равно.

— Эта звезда крупнее остальных, — сказал Джошуа. — Значит, она ближе всех к нам.

Вот в чем дело! Вот почему сознание било тревогу. Звезда была слишком близко — опасно, непозволительно близко!

Джон заставил себя забыть о космосе и посмотреть на пульт управления, точнее, на загадочную мешанину переключателей и рычажков, кнопок и индикаторов.

Но постепенно в голове все начинало вставать на свои места, включались знания, которые загрузил аппарат. Джон прочитал значения на некоторых индикаторах и сделал кое-какие

выводы, затем отыскал «знакомые» элементы управления; в мозгу стали всплывать математические формулы.

И все же… Нет, раздосадованно подумал он. Задумка хорошая, но ничего не выйдет. Нельзя обучить человека с помощью машины. Нельзя просто взять и загрузить в него знания, необходимые для управления кораблем.

— Джошуа, я не смогу! — громко сказал Джон. — Ничего не выйдет.

Где же планеты? Как их вообще отыскать? И даже если отыскать удастся, что делать потом?

Корабль тем временем падал прямо на солнце.

На лбу у Джона обильно выступил пот, заструился по щеке, спина и подмышки намокли.

— Спокойно, мальчик мой, не паникуй.

Под пультом управления нашелся крошечный ящик. Внутри лежала стопка бумаги и карандаши. Джон взял лист, переписал туда показания нескольких индикаторов: абсолютная скорость, ускорение, расстояние до звезды, угол приближения. Были и другие индикаторы, но эти — самые главные, сейчас имели значение только они.

В голове всплыла мысль, которую туда загрузил аппарат путем множества повторений: управление кораблем заключается не в том, чтобы

привести его в конкретную точку, а в том, чтобы предугадать, где он окажется в ближайшее время. И Джон принялся за расчеты, а подсознание натужно подсказывало ему нужные формулы. Произведя вычисления, он построил график, потом взялся за рычаг управления тягой и передвинул его вперед на два деления. Оставалось верить, что решение правильное.

— Ну как, получилось? — спросил Джошуа.

Джон пожал плечами:

— Пока не знаю. Надо ждать. Где-то через час будет видно.

Небольшое увеличение тяги не даст Кораблю пройти слишком близко от Солнца. Наоборот, пользуясь его притяжением, он обогнет звезду, совершит поворот и полетит назад. По крайней мере, Джон на это рассчитывал. Идею ему подсказал аппарат.

Он неподвижно сидел в кресле, размышляя, можно ли доверять знаниям, полученным из записей с помощью шлема.

— Похоже, мы здесь надолго, — произнес Джошуа.

— Боюсь, что да, — кивнул Джон

— Тогда схожу за едой.

У двери старик обернулся.

— А что с Мэри?

Джон мотнул головой.

— Еще рано. Если ничего не получится…

— Все получится.

— Если ничего не получится, — строго закончил мысль Джон, — будет лучше, чтобы они так ничего и не узнали.

— Возможно, ты прав, — уступил старик. — Я принесу нам еды.

Через два часа стало ясно, что столкновение с солнцем удалось миновать. Да, Корабль пройдет близко, почти на самой грани — всего в миллионе-полутора километров, — но скорости ему хватит, чтобы проскочить мимо и выйти из гравитационной ловушки. Сила притяжения тем временем завернет его, а заодно заставит потерять скорость. Корабль выйдет на орбиту — очень опасную. Всего один виток, и если ничего не делать, то столкновения будет все же не избежать.

Так что до тех пор, пока Корабль снова не повернет на солнце, необходимо окончательно разобраться с управлением. К счастью, немного времени есть. Не добавь Джон два пункта ускорения, Корабль наверняка либо рухнул бы на солнце, либо вышел бы на все сужающуюся орбиту, покинуть которую уже не смог бы — не

хватило бы даже фантастической тяги могучих двигателей.

Время есть, знания тоже, а Джошуа принесет еды. А раз время есть, его надо потратить с умом. Где-то в голове лежат нужные сведения, осталось извлечь их и употребить на пользу дела.

Джон немного успокоился. Вспоминая свои недавние метания, он задумался, каким образом землянам, запустившим Корабль, и тому экипажу, который управлял им до эпохи всеобщего забвения, удалось так точно попасть в цель. Наверное, случайность, ведь нельзя же прицелиться в такую крохотную мишень с расчетом на тысячу лет и нисколько не промахнуться… Или все-таки можно?

В голове без конца крутилось: «автоматический… автоматический… автоматический…» Корабль — автомат. Он сам летит к цели, сам чинит и обслуживает себя. Задача человека — направлять его. «Сделай то-то и то-то», — приказывает человек, а Корабль исполняет.

Значит, достаточно просто дать Кораблю инструкции. Главное, определить какие. Какие и в какой форме.

В голове мельтешили обрывки знаний.

Джон вылез из штурманского кресла и стал

ходить кругами по комнате. Все вокруг покрывал тонкий слой пыли, однако стоило провести рукавом, и металл снова сверкал, словно Корабль построили только вчера.

Он рассматривал приборы: какие-то были ему знакомы, другие — нет. Наконец он отыскал среди них телескоп и путем проб и ошибок постепенно сообразил, как его включить. А затем подсознание услужливо подсказало, как находить планеты. Раз эта звезда — их цель, значит, вокруг нее должны быть планеты.

Прошло три часа, а Джошуа все не возвращался. Сходить и принести еды — столько времени не нужно. Джон тревожно расхаживал взад-вперед. Что-то случилось, что-то нехорошее.

Он вернулся к телескопу и начал высматривать планеты. Чем больше он работал с приборами, тем быстрее в голове возникали нужные знания.

Джон только-только отыскал одну планету, как в дверь постучали. Он оставил телескоп и пошел открывать.

В коридоре было полно народа, и все как один орали, выкрикивали проклятия. От такого напора ненависти и злобы он даже на шаг отступил.

Возглавляли толпу Герб с Джорджем, за ними напирали остальные: и мужчины, и женщины.

Мэри видно не было.

Толпа норовила прорваться внутрь, лица членов Экипажа горели от злости.

Джона охватил страх. Он опустил руку и вытащил из-за пояса оружие. Прицелился под ноги напиравшим людям, легонько надавил на кнопку. Комнату с коридором заполнила яркая вспышка, и толпа в ужасе откатилась. Дверной проем почернел, запахло жженой краской.

— Я вооружен, — спокойно сообщил Джон Хофф. — Я могу убить каждого. И убью, если попробуете вмешаться. Разворачивайтесь и уходите, откуда пришли.

Вперед шагнул Герб.

— Здесь вмешиваешься только ты!

Герб сделал еще один шаг. Джон вскинул пистолет и навел на него.

— Я уже убил одного, могу убить еще.

Удивительно, подумал он, как легко говорить о том, что отнял у человека жизнь. И как легко теперь на это решиться.

— Джо пропал, — сказал Герб. — Мы ищем.

— Вы его не найдете.

— Но ведь Джо твой друг.

— Ты тоже. Но цель важнее всего, даже дружбы. Так что решайте, либо вы со мной, либо против

меня. Третьего не дано.

— Мы отлучим тебя от церкви.

— Отлучите от церкви! — передразнил Джон.

— Мы изгоним тебя в сердце корабля.

— Мы всю жизнь, уже много поколений, провели в изгнании и даже не знали об этом. Мы вообще ничего не знали. И поэтому сочинили красивую сказку, а затем убедили себя, что так все и было. А когда я показал вам, что все это выдумка — пусть и вынужденная, — вы готовы немедля отлучить меня от церкви, изгнать. Хотите остановить меня, Герб? Придумайте что-нибудь другое.

Он повел пистолетом.

— В отличие от вас, я могу за себя постоять.

— Ты сумасшедший, Джон!

— А ты идиот.

Сначала Хофф испугался, потом разозлился, а теперь не чувствовал ничего, кроме презрения. Жалкая кучка дебилов, выкрикивающих вялые угрозы…

— Что вы сделали с Джошуа? — спросил Джон.

— Связали, — ответил Герб.

— Так вернитесь и развяжите его. И принесите сюда еды.

Никто не двинулся с места.

— Ступайте! — приказал Джон, угрожающе

махнув пистолетом.

Они побежали.

Он захлопнул дверь и вернулся к телескопу.

Планет в этой Солнечной системе насчитывалось всего шесть, но только на двух — на второй и пятой по счету от солнца — была атмосфера.

Прошло еще несколько часов, Джошуа так и не объявился. Никто не стучал в дверь. Воды и еды тоже никто не принес.

Джон снова поднялся к штурманскому креслу. Солнце осталось далеко позади. Хотя скорость падала, Корабль все равно летел слишком быстро.

Джон потянул рычаг на себя, и стрелка индикатора скорости начала клониться влево. Теперь пульт выглядел куда понятнее. Почти все приборы были ему знакомы. Оказывается, управлять кораблем не так уж и трудно…

Тут Джону на глаза попался аппарат, которого он не заметил раньше. Крохотный металлический мозг, созданный для командования Кораблем. Вот и ответ на мучивший столько времени вопрос: как им управлять? Через металлический мозг, вот как.

Следом Джон обнаружил кнопку с пометкой «телескоп», потом кнопку «орбита» и рядом еще одну, с пометкой «приземление».

Готово, подумал он. Сколько волнений, страхов… а все элементарно. Землянам, построившим Корабль давным-давно, пришлось сделать его до невозможности простым. Настолько простым, что его посадит и дурак, достаточно лишь нажать на кнопку. Они ведь наверняка опасались того, что может произойти в полете спустя несколько поколений. Наверняка догадались, что про Землю забудут и что на Корабле сложится своя цивилизация. А может, таков был изначальный замысел? Что, если нынешнее общество и нынешний порядок — часть плана? Ведь если вдуматься, пережил бы Экипаж тысячелетнее путешествие, знай люди о его предназначении и конечной цели?

Нет, не пережил бы. Что может быть ужаснее понимания, что тебя обманом лишили будущего, что ты всего лишь биоматериал и твоя задача — продлевать род, поддерживать смену поколений, чтобы кто-то из твоих далеких потомков спустя много-много веков достиг-таки цели? Всякий обезумел бы, узнав такое.

Был только один способ избежать этого: заставить всех забыть, в чем суть путешествия.

Хватило нескольких поколений, чтобы Экипаж приспособился к ограниченности мира и создал

собственную доморощенную культуру, в которой главную роль играло бездействие. В таком ритме тысяча лет пронеслись как единый миг.

А Корабль все это время бороздил Космос и шел к цели, не сворачивая и не отклоняясь от курса.

Хофф спустился к телескопу, навел его на пятую планету, зафиксировал положение радара, затем вернулся к вычислителю, щелкнул переключателем «телескоп», после чего сел ждать. Больше от него ничего не зависело.

Имя пятой планете было «смерть». Так ее описал анализатор. Атмосфера почти целиком из метана, сила тяжести в тридцать раз больше земной, давление на поверхности под бушующими метановыми тучами достигает тысячи атмосфер. Были и другие факторы. Но чтобы погубить человечество, хватало и этих трех, даже по отдельности.

Джон вывел Корабль с орбиты и вновь направил его к солнцу. Подошел к телескопу, нашел вторую планету, зафиксировал в целеуказателе, запустил вычислитель и опять стал ждать.

Последний шанс. Атмосферой обладали только две планеты — значит, либо вторая, либо ничего.

А если и там смерть, что тогда?

Останется одно: набрать скорость, направить

Корабль к следующей звезде и верить, что через несколько поколений кто-то другой найдет пригодную для жизни планету.

Джона мучил голод, желудок сжался и ныл. В комнате управления оставалась канистра с водой, которой хватило на несколько стаканов, но он выпил ее еще два дня назад. Джошуа так и не вернулся. Экипаж никак себя не проявлял. Хофф дважды открывал дверь и выходил в коридор, готовый предпринять вылазку за едой, однако, подумав, отказывался от этой затеи и возвращался. Рисковать нельзя. Если его заметят, то загонят в угол и задавят числом.

И все же скоро у него не будет выбора — придется рискнуть. Иначе к концу дня он слишком ослабнет. А до второй планеты лететь и лететь. Надо продержаться.

Шансы тем временем таяли, отчаяние росло. Без еды и воды он превратится в бесполезную, немощную оболочку. Если остатки сил и сознания покинут его, Экипажу никогда не достичь планеты.

Он вернулся к пульту управления и перепроверил показания приборов. Корабль по-прежнему набирал скорость. Лампочка вычислителя мигала синим светом, как бы говоря: «Все в порядке.

Все в порядке».

Джон пошел в угол, который приспособил для сна. Лег, свернулся клубком, прижав коленями живот, чтобы тот не ныл, закрыл глаза и попытался заснуть. Он лежал и сквозь металл слушал, как пульсируют двигатели в кормовом отсеке, — их мощный рокот разносился по всему Кораблю. Совсем недавно ему казалось, что для того, чтобы им управлять, нужно учиться всю жизнь… Впрочем, опыт тоже бы не помешал.

Он провалился в сон, затем проснулся, снова заснул — и тут его разбудили крики и грохот. Кто-то колотил в дверь.

Джон одним движением поднялся и кинулся туда, рывком дернул дверь на себя, и в помещение ввалилась Мэри. В одной руке у нее большая канистра, в другой — увесистый баул. А по коридору за ней бежала оголтелая, орущая толпа, вооруженная дубинками.

Джон подхватил Мэри под руки, затащил в комнату и запер дверь. Преследователи попробовали с разбегу высадить ее и, не справившись, заколотили по ней кулаками и дубинками, осыпая Хоффа отчаянной руганью.

Джон склонился над женой.

— Мэри? — хрипло позвал он. Стало трудно

дышать. — Мэри…

— Я пришла, потому что так надо, — ответила она сквозь слезы. — Так надо, и неважно, что ты натворил.

— Все, что я сделал, — к лучшему. Я убежден. Все это — часть изначального замысла. Люди с Земли спланировали все заранее. И так уж вышло, что только я…

— Ты еретик. Ты разрушил нашу Веру. Ты посеял рознь в Экипаже. Ты…

— Я знаю правду. Я знаю предназначение Корабля.

Мэри положила ладони ему на лицо.

— Мне все равно. Теперь — все равно. Поначалу я злилась на тебя, страшно злилась. Мне было так стыдно, что я чуть не умерла от позора. Но когда они убили Джошуа…

— Они…

— Убили Джошуа. Забили насмерть. И не только его. Были и другие, кто хотел тебе помочь. Их тоже убили. По всему Кораблю драка и крики. Все друг друга ненавидят и подозревают. Слухи — один другого ужаснее. Такого никогда не было. Все из-за того, что ты отобрал у людей Веру.

Так и рушится цивилизация. В одночасье. Миг — и веры не стало. Ее место заняли безумие и

ненависть.

— Люди боятся. Они остались одни, и они беззащитны, — сказал Джон.

— Я хотела прийти раньше. Я знала, что ты голоден, и боялась, что у тебя нет воды. Но пришлось дожидаться, пока про меня забудут.

Он крепко прижал жену к себе, глаза заволокло слезами.

— Вот тут еда, а тут вода. Сколько смогла унести.

— Моя дорогая. Любимая…

— Поешь, Джон. Почему ты не ешь?

Он встал и поднял ее.

— Потом поем. Чуть позже. Сначала хочу показать тебе кое-что. Истину.

Он провел ее вверх по ступенькам.

— Взгляни. Вот куда мы направлялись. И из таких же мест мы родом. Неважно, что мы себе придумали, Истина — вот она.

Вторая планета будто сошла с Икон. На ней были и Деревья, и Ручьи, и Цветы, и Трава, и Небо с Облаками, Ветер и Свет.

Загудел анализатор и выплюнул распечатку с отчетом. Начинался он со слов: «Безопасна для людей». Дальше шли цифры и цифры: состав воздуха, содержание бактерий, интенсивность

ультрафиолетового излучения, и прочая, и прочая. Но хватало и первой строчки: «Безопасна для людей».

Джон коснулся главного переключателя в центре Пульта.

— Вот и все, — сказал он. — Тысячелетнее путешествие подошло к концу.

Он щелкнул переключателем, и индикаторы разом скакнули на «ноль». Стрелки замерли. Могучие двигатели стихли, и Корабль погрузился в знакомую, такую далекую теперь тишину — ту, что сопровождала их в полете, когда звезды казались росчерками света, пол был стеной, а стена — полом.

Затем тишину нарушил крик — вой множества человеческих глоток, не отличавшийся от звериного.

— Они до смерти напуганы, — сказала Мэри. — Они не покинут Корабль.

А ведь она права. Как же он об этом он не подумал: люди не захотят оставить Корабль.

Столько поколений они были привязаны к нему. Для них он — убежище и покой, а мир вокруг, под бескрайним пологом Неба и безо всяких границ, — невыносимый ужас.

Так или иначе, но с Корабля Экипаж нужно

выгнать — именно выгнать, как скот. А сам Корабль придется запечатать, чтобы никто не смог вернуться. Ведь Корабль — это еще и неведение, трусость, раковина, которую они переросли, утроба, из которой человечеству суждено заново выйти на свет.

— А с нами что будет? — спросила Мэри. — От них не спрятаться…

— Ничего не будет, — успокоил ее Джон. — Ничего они нам не сделают. Пока у меня есть это.

Он похлопал пистолет на боку.

— Джон, убивать…

— Никто никого не убьет. Они испугаются, и страх заставит их делать то, что нужно. Со временем, может не скоро, Экипаж придет в себя, и страх исчезнет. Но для начала нужен… — он покопался в новых знаниях, подыскивая нужное слове, — предводитель. Именно. Предводитель, который поведет людей за собой, скажет, что делать, и заставит работать сообща.

Рано я обрадовался, что все закончилось. Еще не конец, подумал он с горечью. Посадить корабль — полдела. Столько предстоит сделать… Так что, пока я жив, работа для меня найдется.

Сперва обустроимся, а потом снова за учебу. Ящик наполовину набит книгами, в них изложе-

ны основы — самое необходимое для того, чтобы начать с чистого листа.

И еще там наверняка ждут новые инструкции.

«ВЫПОЛНИТЬ ПОСЛЕ ПОСАДКИ» — так или почти так будет написано на конверте. А внутри будут лежать сложенные листы.

— Жители Земли спланировали все, вплоть до последнего шага, — сказал Джон. — Они заложили в план и Всеобщее забвение, ведь только так человек смог бы перенести полет в тысячу лет. Это они придумали ересь, чтобы таким образом передавать знания от поколения к поколению. А еще они сделали Корабль настолько простым, что им может управлять кто угодно. Они рассчитали все наперед и по-прежнему опережают нас на десяток шагов.

Он посмотрел в окно: Деревья, Трава, Небо…

— Не удивлюсь, если они позаботились о том, что выгнать нас с Корабля.

По всему Кораблю ожили громкоговорители. Запись потрескивала и кашляла от времени, но слышали ее все и везде.

— Внимание. Внимание. В ближайшие двенадцать часов Корабль покинуть. По истечении этого срока будет пущен ядовитый газ.

Джон приобнял Мэри.

— Видишь, я был прав. Они все-все продумали наперед. Они всегда на шаг впереди.

Муж и жена молчали. Каждый думал о тех, кто был настолько дальновиден, что предугадал возможные трудности и нашел способ их преодолеть.

— Пойдем, — сказал Джон.

— Дорогой?

— Что такое?

— Теперь мы можем завести ребенка?

— Конечно, можем. Теперь никаких ограничений.

— Да, теперь места хватит на всех.

Хоффы вышли из комнаты управления и заперли за собой дверь. Они шли по темным коридорам, а громкоговоритель продолжал вещать:

— Внимание. Внимание. Покинуть Корабль…

Мэри, дрожа всем телом, прижалась к Джону.

— Неужели мы выходим? Действительно выходим?

Напугана… Конечно. Он тоже боится. Нельзя так просто отринуть страх, передававшийся из поколения в поколение.

— Не сейчас, — ответил Джон. — Сначала мне нужно кое-что найти.

Очень скоро им все же придется покинуть

Корабль и выйти на неизведанные просторы планеты. Там они будут одни, лишенные защитной оболочки, в которой стало так тесно.

Но когда тот час наступит, Джон будет знать, что делать.

Ведь жители Земли настолько хорошо все спланировали, так что едва ли забыли оставить письмо с инструкциями о том, как возродить человечество.

Просчитанный риск
Перевод Н. Казанцевой

Не было ничего, совершенно ничего, что могло бы остановить Изыскательский отряд планетарной разведки, специализированное подразделение, созданное ради одной-единственной цели: обеспечить в чужой звездной системе плацдарм, выставить защиту периметра и возвести базу. И держать, держать ее до завершения миссии.

Собственно изыскательская работа начиналась сразу после обустройства базы. Развернуть оборудование. Вести записи в бортовом журнале и дублирующих системах. Делать зарисовки. Потом снова зарисовки, записи, графики — и итог: аккуратный набор символов, несколько строк закодированных сообщений.

Если на планете обнаруживали жизнь, отряд ставил эксперименты для изучения базовых реакций. Порой реакции оказывались слишком агрессивными, порой незаметными, а оттого куда более опасными. Так или иначе, на все эти случаи существовали детальные алгоритмы: членов отряда и роботов сопровождения гото-

вили отлично, и они умели пройти по тонкому мостику над бездной.

Нет, пока в Галактике не нашлось ничего, что могло бы остановить напор звездной разведки человечества.

Том Декер удобно устроился в пустой кают-компании: размешивая в высоком стакане лед, он с удовольствием наблюдал через иллюминатор, как из недр грузового трюма выползает первый робот, за ним следующий, потом еще. Роботы с усилием тащили за собой транспортерную ленту, от Декера же ничего не требовалось — только любоваться, как роботы вбивают в землю опоры и занимаются монтажом.

За спиной щелкнула открывающаяся дверь, и Декер повернул голову.

Даг Джексон спросил:

— Разрешите, сэр?

— Конечно.

Джексон подошел к огромному иллюминатору.

— Что там, сэр?

Декер пожал плечами:

— Очередная работа. Пара месяцев. Или полгода. Смотря с чем столкнемся.

Джексон присел рядом.

— Сурово там снаружи. Если на планете есть джунгли, то и всякой дряни полно.

Декер хмыкнул:

— Просто еще одна работа, которую нужно выполнить. А потом написать еще один отчет. А потом сюда заявятся либо эксплуатационники, либо испуганное стадо блеющих колонистов.

— Или, — добавил Джексон, — наш отчет засунут в дальний ящик и оставят пылиться лет так на тысячу.

— Или так, — кивнул Декер. — Мы свою работу сделаем, а дальше что хотят.

Они молча наблюдали, как шесть роботов выкатывают первый ящик, снимают крышку и распаковывают нового собрата; как они аккуратно раскладывают его части в рядок на плотную, высотой по пояс траву. Как потом, работая слаженно и дружно, без единого неловкого движения, они собирают Номер Семь, закрепляют в черепной коробке электронный мозг, щелкают тумблером питания и хлопают вновь прибывшего по нагруднику.

В первый момент Номер Семь выглядел оглушенным. Он неуверенно махал руками и мотал из стороны в сторону головой. Затем, видимо сориентировавшись, он бодро шагнул вперед и

стал помогать остальным снимать с конвейера ящик с Номером Восемь.

— Выходит небыстро, — сказал Декер, — однако какая экономия места. И если бы перед отлетом мы их снова не упаковывали, приходилось бы половину оставлять на базе. А так надо — собрал, надобность пропала — разобрал. Удобно.

Он задумчиво отхлебнул из стакана. Джексон закурил и произнес:

— Когда-нибудь мы столкнемся с чем-то, что нам не по силам.

Декер фыркнул.

— Возможно, именно здесь. — Джексон махнул рукой в сторону безумного мира джунглей за иллюминатором.

— Да вы романтик, — усмехнулся Декер. — Жаждете сюрпризов? У новеньких такое часто бывает. Десяток рейсов — и пройдет.

— Скажете, невозможно? — Джексон не собирался отступать.

Декер полусонно кивнул.

— Отчего же нет? Все когда-нибудь происходит впервые. И тогда мы рванем прочь со всех ног. Вступать в последний и решительный бой не прописано у нас в контракте. Если отряду попадется что-то, с чем он не в состоянии справиться,

никаких «врасти в землю и стой до конца». Никакого риска.

Корабль стоял на вершине пологого холма, на аккуратной полянке. Высокая трава была сбрызнута там и здесь каплями экзотических цветов. Под холмом лениво текла река, неся шоколадного цвета воды сквозь непроходимые чащи; ее гигантское зеркало сонно колыхалось.

Насколько хватало глаз, во все стороны простирались джунгли: мрачное темное пространство, даже через экран визора излучающее грозный запах опасности; опасности, подступающей отовсюду.

В строй встал Номер Восемь, роботы разделилась на две группы, и дело пошло вдвое быстрее. Вскоре их было уже двенадцать, и рабочих групп стало три.

— Примерно так. — Махнув пустым стаканом, Декер подхватил нить угасшего было разговора. — Никакого риска, даже случайного. Мы запускаем вперед роботов. Они собирают и готовят к работе своих собратьев. Потом всей компанией выгружают из трюма технику, собирают, настраивают и приводят в действие. Человеку даже наружу выходить не требуется, пока защитный периметр не заработает в полную мощность.

Джексон вздохнул.

— Да, наверное, вы правы. Ничего случиться просто не может. Ни единого шанса. Ни единого.

— Вот и прекрасно. — Декер вынул себя из кресла, встал и потянулся. — Пойду займусь делом. Контрольная проверка и все такое.

— Я еще немножко посижу тут, — сказал Джексон. — Мне нравится наблюдать. Все для меня внове.

— Привыкнете, — утешил Декер. — Каких-нибудь двадцать лет, и привыкнете.

У себя в кабинете Декер вынул из стола толстую пачку рапортов предварительной разведки и принялся внимательно их просматривать, фиксируя в памяти основные параметры раскинувшегося снаружи мира. Он работал неторопливо и методично, слюнявя палец и сдвигая вправо очередной изученный лист.

Атмосферное давление чуть выше, чем на Земле. Процент кислорода тоже чуть выше…

Сила тяжести. Чуть больше земной.

Температура среды. Жарко. В мирах с таким количеством растительности всегда так. Будем надеяться, что там, снаружи, ветерок. Тогда жить можно.

Суточный цикл. Тридцать шесть часов.

Радиация. Ничего особенного, все в норме, однако от звезды идет какое-то интересное излучение.

Он сделал мысленную пометку: обратить внимание.

Бактериологическая и вирусная обстановка — разнообразная, хотя вряд ли опасная, учитывая, что каждый член команды залит вакцинами и биопротекторами аж по самые брови. Впрочем, подумал Декер, гарантий не бывает. Стопроцентных — не бывает никогда. Он недавно сказал Джексону: никакого, даже случайного, риска. А ведь вот он, заложенный изначально риск, и его никак не устранить. Одна неучтенная букашка — и останется только молиться.

Высшие формы жизни присутствуют, о чем ясно говорит повышенный психофон; растительность и даже почва кишит разного рода биологической пакостью. Более чем вероятно, пакостью агрессивной. Впрочем, для изыскательских отрядов это дело привычное, рутина. Надо выходить из корабля, даже если там вообще нет признаков жизни: просто убедиться, что их нет.

В дверь постучали, и Декер отвлекся от бумаг.

Пришел капитан Карр, командир штурмового подразделения Легиона, и четким отработанным

движением отдал честь. Декер не стал подниматься из-за стола. Его ответный салют был намеренно расхлябанным. Нельзя, напомнил он себе, позволить этому парню создать даже иллюзию равенства: никакого равенства на самом деле нет в помине. Офицеру Легиона далеко до начальника изыскательского отряда.

— Докладываю, сэр. Мы готовы к высадке.

— Отлично, капитан. Отлично.

Ну что поделаешь с этим дураком? Еще бы Легион не был готов! Он и должен быть готов, доклад — всего лишь дань традиции. Так зачем, спрашивается, следовать глупым пустым формальностям?

Декер полагал, что дело в природе людей, подобных Карру. Легион, с древними традициями воинской службы, со своими представлениями о долге и чести, привлекал именно таких людей. Самое место для любителей жесткой дисциплины и муштры.

Оловянные солдатики, зато какие дисциплинированные! Самые несгибаемые бойцы галактики. Обученные к действию в экстремальных условиях, привитые против всех мыслимых болезней, знающие неземную психологию, с огромным потенциалом выживания, испытанные в самых

крутых мясорубках.

— Позже, капитан. Роботы еще не закончили.

— Слушаюсь, сэр. Ожидаем приказа, сэр.

— Благодарю, капитан. — Декер ясно дал понять, что разговор окончен. Однако когда Карр развернулся к двери, он снова его окликнул.

— Да, сэр?

— Мне любопытно, — сказал Декер. — Просто любопытно, понимаете? Можете ли вы вообразить обстоятельства, при которых Легион не справится с поставленной задачей?

Наблюдать за Карром в тот момент было упоительно. Чистый восторг.

— Боюсь, сэр, я не понял вопрос.

Декер вздохнул:

— Я и не надеялся.

К сумеркам роботы наконец запустили часть техники, достаточную для организации малого периметра защиты.

Огнемет выжег вокруг корабля круг в две сотни шагов диаметром. Потом по выжженному участку прошелся генератор жесткого излучения, уничтожая на поверхности и в почве все живое. Кое-где земля прямо вскипала: погибающие живые существа пытались оказать краткое, яростное и бесполезное сопротивление и скрыть-

ся от настигающей их смерти.

Роботы установили гигантские прожекторы, и теперь вершину холма заливал слепящий белый свет.

Впрочем, люди по-прежнему не высовывали из корабля и носа.

В кают-компании робот-стюард накрыл стол; собравшиеся члены отряда любовались происходящим снаружи.

Весь отряд — кроме легионеров, которые остались у себя в казармах, — уже был в сборе, когда вошел Декер.

— Добрый вечер, джентльмены.

Он шагнул к своему месту во главе стола и сел. Заскрипели стулья: рассаживались члены отряда.

Декер сцепил руки, наклонил голову, и его губы раскрылись для традиционной молитвы. В последний момент он запнулся и произнес совсем не те слова, которые механически произносил тысячи раз прежде.

— Отец Небесный, нас, слуг Твоих, привела в этот незнакомый мир гордыня. Научи нас смирению, даруй знание, пока еще не поздно: ведь все собравшиеся здесь, невзирая на расстояния и мощь человеческой цивилизации, — по-преж-

нему дети Твои пред очами Твоими. Исполни мольбу нашу и благослови преломляемый нами хлеб; храни нас — отныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Он поднял голову и оглядел стол. Некоторые, как он видел, были напуганы. Другие посмеивались.

Они гадают, не слетел ли я с катушек, подумал Декер. Мол, вот и Старик рехнулся. Может, и так. Хотя до сегодняшнего дня со мной точно все было в порядке. До разговора с юным Дагом Джексоном.

— Отличные слова, парни, — сказал старый Макдональд, стармех. — Спасибо за них, сэр. Некоторым из нас не мешало бы прислушаться.

Позвякивало столовое серебро, звенел фарфор, вдоль стола передавали блюда и тарелки. Привычные, уютные звуки.

— А мир-то интересный, — сказал Уолдрон, антрополог. — Мы с Диксоном перед закатом успели провести наблюдение. У реки что-то копошилось. Какая-то живность.

Декер хмыкнул и положил себе на тарелку картофель фри.

— А что интересного?

— Существо, которого мы с Диксоном виде-

ли, — пояснил Уолдрон, — вполне гуманоидное по виду.

Декер воззрился на биолога:

— Точно?

Диксон покачал головой:

— Видимость была неважная, поэтому полной уверенности нет. Мне показалось, их там двое или трое. Такие… как из палочек.

Уолдрон закивал:

— Как на детских рисунках. Палка-палка-огуречик… Угловатые, тощие, неловкие.

— Да нет, движутся вполне шустро, — возразил Диксон. — В движении чем-то кошек напоминают.

— Вскоре все узнаем наверняка, — мягко пообещал им Декер. — Через день-другой. И наберем образцов.

Как все-таки забавно, подумал он. Почти в каждой экспедиции кто-нибудь заявляет, что видел гуманоидов. Обычно за этим нет вообще ничего, богатое воображение. Впрочем, что тут странного? Оторванные от человечества исследователи во все эпохи мечтали обнаружить жизненные формы, хоть немного похожие на нас.

Однако попадись нам и впрямь гуманоид, он будет столь омерзительно чуждым, что рядом с

ним даже осьминог покажется человекообразным и вообще братом по разуму.

В беседу тем временем вступил Фрэни, главный геолог:

— Горы к западу от нас… Помните, видели во время приземления? Хорошо бы посмотреть поближе. Молодой горный массив — интересный объект для изучения. Еще без следов сглаживания. Проще работать.

Декер кивнул.

— Значит, первый маршрут пойдет в том направлении.

По ту сторону иллюминаторов в слепящем свете прожекторов работа не останавливалась даже ночью. На корпусах суетящихся роботов играли блики. С грохотом проезжали тяжелые машины, те, что помельче, сновали взад-вперед, как перепуганные букашки. К югу посверкивали вспышки огнеметов.

— Готовят взлетно-посадочную полосу, — пояснил Декер. — Там выступает язык джунглей, надо сгладить. Под ноль, как полированный пол. Скоро закончат.

Стюарды подали кофе с коньяком и хорошие сигары. Декер и его подчиненные откинулись на спинки стульев, расслабились и смотрели через

иллюминаторы, как снаружи корабля кипит работа.

Фрэни неспешно раскурил сигару.

— Ненавижу ожидание.

Декер пожал плечами:

— Это тоже часть работы.

И плеснул себе в кофе еще коньяка.

К рассвету полный монтаж техники завершился. Нужные для обороны машины выдвигалась на установленные позиции; остальные ждали своей очереди в моторном отсеке. Огнеметы увеличили площадь поражения; излучатели не отставали. К югу уже достроили аэродром, и на нем застыли ровные ряды джетов.

Освободившиеся от заданий роботы образовали ровный квадрат, вставая почти вплотную друг к другу, чтобы занимать как можно меньше места. Так они будут стоять до тех пор, пока не понадобятся: полный парк роботов, бесценный ресурс рабочей силы.

Наконец опустили трап, и на планету ступили легионеры. Броня гремела и отблескивала; люди шагали по двое в ряд с такой безупречной точностью, что впору позавидовать бездушным механизмам. Ни знамен, ни барабанов — здесь они бесполезны, а Легион, невзирая на шум и

блеск, — организация до ужаса эффективная.

Колонна спускалась и выстраивалась повзводно. Теперь все было правильно: механизмы, роботы и легионеры образовали неодолимый рубеж, с которого, собственно, и начинаются все миссии Земли в чужие миры.

Роботы сноровисто собрали легкий павильон — яркий полосатый навес колыхался под дуновением местного ветерка, — суетливо расставили в тени столики и стулья, притащили холодильник с пивом и запасами льда.

Наконец здесь стало достаточно удобно и безопасно и изыскатели могли покинуть надежный кров корабля.

Организация, напомнил себе Декер. Эффективная организация сводит риск к нулю. Заткни любую лазейку, прежде чем она успеет стать лазейкой. Сокруши всякое сопротивление, прежде чем о сопротивлении вообще возникнет мысль. Держи под полным контролем каждую точку планеты, а если требуется, отступи под защиту периметра и действуй оттуда.

Потом, конечно, какая-нибудь причина для риска да возникнет: невозможно предусмотреть все. Полевые вылазки даже под защитой легионеров, самых надежных машин и роботов — это все

равно риск. А еще надо вести аэрофотосъемку и картографирование; эти занятия также чреваты недобрыми сюрпризами и риском — но риском, сведенным в абсолютному минимуму.

К тому же всегда есть база — надежная, неприступная база: туда при необходимости можно отступить, там перегруппироваться, собрать подкрепление и устроить контратаку.

Защита от дурака и дурацких неожиданностей. Всегда. Всякий раз. Во всем.

Декер на минуту задумался, что с ним случилось прошлым вечером. Дело, конечно, в том юном глупце, Джексоне; возможно, он способный биохимик, но совершенно точно не годится для подобной работы. Где-то произошел сбой: отборочная комиссия должна была заметить психологическую нестабильность Джексона и забраковать его кандидатуру. Нет, прямого вреда он, конечно, не нанесет, однако выбить из равновесия может. Раздражающий фактор, вот он кто, подумал Декер. Просто раздражающий фактор.

Декер бросил взятые с собой вещи на длинный стол, выбрал из кучи скрученный рулон ватмана, раскатал его, расправил и прижал по углам. На листе пока был только грубый набросок части речного русла и горы на западе. Базу обозначал

заштрихованный квадрат. Оставшаяся поверхность листа была пустой.

Ее требовалось заполнить; Декер нисколько не сомневался, что постепенно карта обретет надлежащий вид и форму.

Из южной части выжженной вокруг корабля территории в небо с ревом взмыл джет и унесся на запад. Декер провожал аппарат глазами, пока тот не исчез из вида. Джарвис или Доннелли? Это они приписаны к группе разведки юго-западного сектора — между базой и теми горами далеко на западе.

Еще один старт. Рисуя реактивный след, второй джет набрал скорость и скрылся. Фриман или Джонс.

Декер вернулся к столу, подтащил стул и сел. Постучал карандашом по белой поверхности карты. За спиной снова заревело: в небо поднимался третий аппарат.

База больше не напоминала выжженный, пустой кусок породы. Что-то здесь уже появилось от лучшего наследства Земли: эффективность, здравый смысл, нацеленность на результат.

Там и тут группками стояли поглощенные разговорами люди. Вот один присел на корточки и что-то принялся объяснять замершим рядом ро-

ботам. Кто-то внимательно осматривал джунгли за периметром.

Декер удовлетворенно хмыкнул. Хорошая команда. У большинства настоящая работа начнется только с получением предварительных результатов от разведывательных экспедиций, — и они даже время ожидания решили провести с пользой.

Изыскатели брали образцы почвы и проводили анализ. Роботы ловили все, что только бегало, ползало и шевелилось. Все, что подходило под категорию биологических объектов, тщательно изучалось под микроскопом или с помощью рентгеновского аппарата. Объекты фотографировали, препарировали; анализировали и проводили через реактивные тесты. Всю растительность заносили в каталог, делили на виды и классы. Для анализа почвенных отложений бурили шурфы. Прогоняли через приборы речную воду; для выяснения уровня залегания грунтовых вод копали колодцы.

И это все вроде бы между делом, в ожидании того, как джеты привезут информацию, позволяющую определить зоны, достойные серьезного изучения.

Как только поступал очередной предваритель-

ный отчет, немедленно начиналась серьезная работа. Геологи и планетологи брали пробы из недр планеты и запускали метеозонды. Ботаники собирали гербарий. Каждый выполнял работу, к которой его готовили. Отчеты с полей стекались на базу и становились кирпичиками, из которых предстояло выстроить систему представлений о планете.

Работа, работа, много работы. День за днем. Все это время база оставалась кусочком Земли — надежный кров, защита от угроз окружающего мира.

Декер сидел на стуле, ощущая, как под навесом становится свежее. Ветерок играл волосами, ворошил бумаги на столе, шелестел разложенной картой. Здесь неплохо. Впрочем, ненадолго, скоро все изменится. Почти всегда меняется.

Когда-нибудь, думал Декер, я найду планету-сказку, планету-эдем: с ровным прекрасным климатом, с пищей, растущей прямо под ногами, с умными и дружелюбными аборигенами. И там останусь. Просто откажусь подниматься на корабль. И проживу отпущенные мне дни в очаровательном уголке этой мерзкой галактики — загибающейся от голода, потерявшей рассудок от жестокости и одиночества, такого одиноче-

ства, о котором и помыслить нельзя.

Он вынырнул из своих размышлений и увидел, что у входа в павильон топчется Джексон.

— Что еще? — спросил Декер с внезапным ожесточением. — Почему вы…

— Притащили местного, сэр, — выдохнул Джексон. — Одного из тех, кого заметили Уолдрон и Диксон.

Местный был гуманоидом — однако далеко не человеком.

Как и рассказывали Уолдрон с Диксоном, он напоминал детский рисунок: проволочный человечек, «палка-палка-огуречик». Черный, как пиковый туз, голый, с похожей на тыкву головой. И с этой тыквы на Декера смотрели глаза: ярко, ясно, разумно.

Встретив их взгляд, Декер почувствовал напряжение. Он обернулся: вокруг столпились все его люди. Они смотрели и ждали, точно так же напряженные.

Декер медленно потянулся рукой к одному из двух комплектов ментографа. Пальцы замерли: на мгновение он испытал смутное нежелание надевать гарнитуру. Контакт или попытка контакта с чуждым разумом — это жутко, это противоречит всему опыту, который накопило человечество.

Сосет под ложечкой. Не по себе. Страшно.

Он медленно поднял наушники, подогнал себе по размеру — и показал местному на второй комплект.

Глаза Чужого некоторое время разглядывали Декера. Ни звука, ни движения.

Отвага, подумал Декер. Чистая, беспримесная отвага. Стоять здесь, в изменившемся за одну ночь знакомом мире, стоять недвижно и прямо, в окружении существ, которые, должно быть, кажутся порождением кошмаров.

Гуманоид шевельнулся, сделал шаг к столу, протянул руку и взял гарнитуру. Немного неуклюже закрепил на голове. И все это ни на секунду не отводя от Декера взгляда настороженных, внимательных глаз.

Декер заставил себя успокоиться. Нельзя пугать аборигенов; наоборот, их нужно убаюкать, рассеять тревогу, передать ощущение дружелюбия. Один неверный жест, одна грубая мысль — и они отпрянут как от резкого удара.

А этот абориген и вовсе умен, с ним надо поосторожнее. Он понял, что нужно надеть гарнитуру, и ему хватило выдержки, чтобы это сделать.

Декер уловил первый, еще слабый ментальный отклик прибора; внезапно под ложечкой засоса-

ло сильнее, заныло в груди. В мысли, которую он уловил, не было ничего угрожающего; ничего, что можно перевести в слова, — только чужеродность. Как чужой запах. Присутствие не-людей, ощущение, от которого заныли зубы. Он подавил приступ тошноты и отвращения: с таким настроем в своем дружелюбии аборигена не убедить.

— Мы друзья, — внятно подумал Декер. — Мы друзья. Мы вам не навредим. Не навредим.

— Вам не уйти, — сказал гуманоид.

— Будем дружить, — подумал Декер. — Дружба — это хорошо. У нас есть подарки. У нас есть…

— Вам не следовало прилетать, — донеслась мысль Чужого. — Однако вы здесь, и вам не уйти.

Не дави на него, сказал себе Декер. Не дави.

— Ладно, — передал он мысль. — Мы останемся. Останемся и будем дружить. Мы останемся и научим вас. Подарим то, что привезли специально для вас, и будем жить здесь вместе.

— Вам не уйти, — донеслась до Декера мысль аборигена. В ней ощущалось что-то холодное, логически несокрушимое, простая констатация факта, и Декера внезапно пробила испарина.

Гуманоид верил в то, что говорил. Он не пытался пугать. В его голове действительно существовала

мысль, что земляне не смогут отсюда выбраться, что старт с планеты им не пережить.

Декера эта мысль позабавила.

— Вы здесь умрете.

— Умрем? — переспросил Декер. — Почему умрем?

В мыслях «проволочного человечка» проскользнула брезгливость. Помедлив, он поднял руку, снял гарнитуру и аккуратно положил ее на стол.

Затем развернулся и пошел прочь.

Остановить его не пытались.

Декер снял свою часть комплекта и швырнул на столешницу.

— Джексон, — позвал он, — свяжитесь с патрулем. Пусть его пропустят. Пусть даже не пробуют остановить.

И обессиленно осел на стуле. Подчиненные стояли вокруг. Смотрели.

Уолдрон спросил:

— Ну что там?

— Он приговорил нас к смерти, — ответил Декер. — Сказал, что планету нам не покинуть. Сказал, что все мы здесь умрем.

— Сильное заявление, — заметил Уолдрон.

Декер устало взмахнул рукой:

— Он действительно так думает. В самом деле

считает, что сумеет нас здесь задержать. Уверен, что нам конец.

Забавная ситуация. Голый гуманоид выходит из джунглей и грозится расправиться с изыскательской партией человечества. Фантазер.

Однако ни на одном обращенном к Декеру лице не было улыбки.

— Не позволяйте себя запугать.

— Тем не менее, — заявил Уолдрон, — нужно принять все меры предосторожности.

Декер кивнул:

— Аварийный режим. Немедленно. Базу не покидать, пока не убедимся… не убедимся…

Его голос дрогнул. Пока не убедимся в чем? Что голый дикарь из дикого леса — без всяких признаков цивилизованности и культуры — одолеет группу, защищенную кольцом защиты, машинами, роботами и штурмовиками, которых всю жизнь учили мгновенно и безжалостно уничтожать все, что окажет хотя бы намек на сопротивление?

Смехотворно!

Однако в глазах дикаря светился разум. Там светились ум и отвага. Он стоял в окружении Чужих — а земляне были для него Чужими — и не отступал. Он смотрел в лицо неизвестному и

говорил то, что было сказано, — а потом ушел с достоинством, которым по праву мог бы гордиться любой землянин. Должно быть, он понял, что чужаки прибыли издалека, что они не из его родного мира: ведь он сказал, что им не следовало прилетать. Он понял, зачем нужен ментограф и как им пользоваться; впрочем, чего было больше в его поступке: ума, храбрости или невежества — сказать пока невозможно. Трудно найти меру для нечеловеческого разума.

— Что думаете? — спросил Уолдрона Декер.

— Придется удвоить внимание, — спокойно ответил антрополог. — Просчитывать каждый шаг. Предпринимать все мыслимые меры предосторожности, раз уж дело обстоит таким образом. Впрочем, бояться совершенно нечего; мы справимся.

— Он нас запугивал, — сказал Диксон. — Хотел, чтобы мы отсюда сбежали.

Декер покачал головой:

— Вряд ли. Страх тут ни при чем. Он просто сказал то, в чем уверен.

Работа продолжалась. Нападений не было.

Джеты с ревом бороздили воздух, картографируя территорию. Полевые партии выходили на маршруты, хоть и с удвоенной предосторожно-

стью. Их сопровождала объединенная охрана из легионеров, роботов и машин, которые прорезали и прожигали каждый клочок местности, показавшийся хоть в чем-то подозрительным. В дальних точках подняли метеозонды с радиопередатчиками, и телеграфный аппарат на базе стрекотал не умолкая, принимая сведения со всех сторон.

Потом в дело вступили новые полевые партии; им надлежало более детально исследовать выбранные участки.

Ничего не происходило.

Шли дни.

Недели.

Под неусыпным надзором легионеров, роботов и механизмов изыскатели работали со всей возможной скоростью, чтобы побыстрее убраться с планеты.

Обнаружили и нанесли на карту залегание угольного пласта. Нашли месторождение железа. В западных горах наткнулись на радиоактивные руды. Ботаники выявили двадцать семь видов съедобных фруктов. По базе носились местные зверушки; их отловили в качестве образцов, а потом оставили себе домашними любимцами.

Посетили деревню проволочных человечков.

Несколько примитивных хижин. Никакой гигиены. Никакой агрессии.

Делегацию возглавил Декер. Для этого он даже покинул свой командный пост под полосатым навесом.

Земляне заходили в поселение аборигенов с опаской, держа оружие наготове. Они старались двигаться не слишком быстро, чтобы не встревожить местных, и говорить медленно, чтобы никакой жест или даже движение губ нельзя было принять за признак враждебности.

Местные застыли в дверных проемах своих хижин. Смотрели — молчаливые, неподвижные. Наблюдали, как земляне шагают к центру деревни.

Роботы установили стол и положили на него ментограф. Декер сел и надел гарнитуру. Остальные члены делегации собрались вокруг. Ждали.

Так прошел час. Никто из аборигенов даже не шевельнулся. Никто не изъявил желания взять вторую гарнитуру.

Декер утомленно снял наушники.

— Бессмысленно. Ладно, идите фотографируйте. Вообще, делайте что хотите. Только не злите местных. И ничего не трогайте, я вас умоляю.

Он вынул из кармана платок и вытер вспотев-

шее лицо.

Подошел Уолдрон и склонился к начальнику.

— Каково, а?

Декер покачал головой:

— Меня не отпускает мысль… Да нет, ерунда. Не может быть. Наваждение какое-то.

— Да, — кивнул Уолдрон. — Бывает, что самая несуразная идея застревает в голове, как клещ.

— Идея? Ну да. По-моему, они сказали нам то, что обязаны были сказать. И на этом их желание иметь с нами дело закончилось.

— Ах, вот что!

Декер кивнул:

— Забавно. Просто пришло в голову ни с того ни с сего. Ну не может же такого быть!

— Я уже ни в чем не уверен, — признался Уолдрон. — Здесь все не так. Заметьте, что железных орудий труда у них нет. Вообще ни следа металла. Кухонная утварь из камня, те немногие инструменты, что мы обнаружили, тоже из камня. И однако культура присутствует. Культура есть, а металла нет.

— Они умны, — сказал Декер. — Обратите внимание, как они за нами наблюдают. Без страха. Спокойно и уверенно. Почему они невозмутимы? И тут парень, что явился на базу. Он знал, как

обращаться с гарнитурой.

Уолдрон вздохнул.

— Пора возвращаться, похоже. Темнеет… У меня встали часы. Сколько времени, Декер?

Декер поднес руку к глазам, и Уолдрон услышал сдавленное восклицание.

Декер медленно поднял голову. Произнес едва ли не шепотом:

— У меня тоже встали.

На мгновение они застыли, ошеломленные тем, что нельзя считать совпадением. Затем Уолдрон резко выпрямился и развернулся к людям и роботам.

— Общий сбор! — закричал он. — На базу! Живо!

Сбегались люди, роботы занимали места по тревожному расписанию. Колонна двинулась. Местные так и остались в дверных проемах, глядя отряду вслед.

Декер на своем раскладном стуле слушал, как ветер мягко и задорно играет полотнищами навеса. Фонарь над головой покачивался, создавая игру скользящих теней; временами казалось, что это тени живых существ. В углу павильона замер робот, бесстрастный и неподвижный.

Декер флегматично поворошил пальцем лежа-

щую перед ним горку шестеренок и рычажков.

Зловещая ситуация, подумал он. Зловещая и очень странная.

На столе находилось то, что раньше было начинкой часов. Не только их с Уолдроном часов — остальных тоже. Все часы встали, все отказывались измерять время.

Давно опустилась ночь, но на базе никто не спал. Осмысленная планомерная деятельность сменилась лихорадочной суетой. Бесцельно слоняющиеся люди попадали то в тень, то в пятна ослепительного света от прожекторов, развешанных роботами сразу после прилета. Люди утратили опору, потеряли уверенность в себе. Не было чего-то конкретного, на что можно ткнуть пальцем и сказать: вот этой штуки надо бояться. Нельзя даже махнуть рукой в определенную сторону и заявить: вы ищете тяжелую поступь судьбы? Это вон там.

Ничего конкретного. Всего лишь один пустяк.

Встали часы. И этой простой вещи должно существовать такое же простое объяснение.

Вот только на чужой планете ни одно событие, ни один феномен или инцидент не может считаться пустяком, для которого обязательно найдется внятное объяснение. Причинно-след-

ственная связь и теория вероятности совершенно не обязательно должны работать здесь так же, как на Земле.

Одно правило, угрюмо подумал Декер. Всего одно: не не оставляй место случайностям. Единственное правило, основа всей безопасности. Следуя ему, он приказал всем исследовательским партиям вернуться на базу, а экипажу готовить корабль к аварийному старту.

Теперь оставалось только ждать. Ждать, пока партии доберутся на базу из дальних лагерей. Ждать объяснения феномена остановившихся часов.

Нет причины для паники, напомнил себе Декер. Просто надо разобраться. Возникли новые обстоятельства, и они обуславливают необходимость дополнительных мер безопасности. И все. Голову никто не теряет.

Нельзя же прилететь на Землю и сказать: «Ну, понимаете, наши часы встали, поэтому…»

Сзади послышались шаги.

— Что такое, Джексон?

— Полевые партии не отвечают, сэр. Дежурный радист пытается установить связь…

Декер нахмурился:

— Ответят. Надо просто подождать.

Ах, если бы он сам испытывал такую уверенность!.. На секунду горло сжал ужас. Декер подавил его усилием воли, загнал вглубь.

— Присядьте, — сказал он Джексону. — Сейчас мы спокойно выпьем пива, а потом сходим к радистам и выясним, как обстоят дела.

Он постучал по столу и скомандовал:

— Два пива.

Стоящий в углу робот не ответил.

Декер повторил громче. Робот не шелохнулся.

Декер оперся сжатыми кулаками о стол и хотел встать, однако ноги внезапно ослабели, стали ватными.

— Джексон, — задыхаясь, произнес он. — Приведите робота в чувство. Пусть принесет пиво.

На побледневшем лице Джексона мелькнул страх; и все же биохимик встал и медленно двинулся вперед. У Декера от тревоги перехватило горло.

Джексон протянул подрагивающую руку и мягко коснулся металлического плеча. Помедлил, хлопнул сильнее — и робот упал плашмя, как истукан, не сгибая колен.

Замер на вытоптанной земле лицом вниз, головой в сторону павильона.

Кто-то бежал со стороны базы.

Макдональд, стармех.

Он застыл перед Декером ссутулившись, безвольно опустив руки. Огрубелое лицо искажала судорога. Казалось, Макдональд сейчас заплачет.

— Корабль, сэр. Наш корабль…

Почти лениво Декер кивнул:

— Знаю, мистер Макдональд. Не запускается?

Стармех сглотнул.

— С крупными элементами все нормально, сэр. А вот небольшие детали… инжектор… еще…

Он резко умолк и ошеломленно уставился на Декера:

— Вы знали. Откуда вы знали?!

— Знал, — не стал спорить Декер. — Знал, что рано или поздно это произойдет. Возможно, как-то иначе. Я знал, что однажды удача нам изменит. Конечно, я не подавал вида — как и большинство из нас, — но точно знал, что такой день наступит. День, когда мы обезопасим себя во всем, кроме чего-то одного, — того, о чем нам и в голову не придет побеспокоиться. И именно это единственное нас и сокрушит.

У местных нет металла. Никаких признаков металла, нигде. Посуда из сланца, гладкая, без орнаментов. Инструменты и утварь из камня. И при всем том они достаточно умны, достаточно

развиты, достаточно знакомы с материальной культурой; плавить металл им точно под силу! К тому же окрестности богаты рудами: вон какие залежи обнаружили в западных горах! Возможно, когда-то давно, много столетий назад, аборигены и попробовали изготовить металлические орудия труда, — а те в считаные недели расползлись у них под руками.

Цивилизация без бронзового и железного века. Культура, созданная такой цивилизацией… Немыслимо. Отними у человечества металл — и загонишь его обратно в пещеры. Отними у человека металл, — и с чем он останется, с голыми руками?

В павильон зашел Уолдрон.

— Радиосвязи нет. Роботы мрут как мухи; теперь это просто металлолом, который валяется под ногами и мешает ходить.

Декер кивнул.

— Небольшие детали, тонкие технологии рассыпаются первыми. Механизм часов, детали радиопередатчика, мозги робота, инжекторы. Потом очередь дойдет до генераторов, и мы останемся без света. Затем придут в негодность механизмы, а оружие Легиона превратится в обычные палки.

— Местный предупреждал, — сказал Уолдрон. — Предупреждал, что нам отсюда не выбраться.

— А мы его не поняли, — кивнул Декер. — Думали, что он нам угрожает, нам, таким сильным и непобедимым. А он вовсе и не угрожал. Он просто предупреждал.

Декер безнадежно махнул рукой:

— Что это вообще такое?

Уолдрон тихо ответил:

— Неизвестно. Пока неизвестно, по крайней мере. Позже, может быть, мы и разберемся, только толку от того? Микроб. Или вирус. Что-то поедает обработанное железо в составе сплавов. Железную руду оно не трогает. В противном случае здесь давно не было бы никаких залежей.

— Если так, — сказал Декер, — мы накормили эту заразу досыта впервые за много, много лет. Возможно, за тысячелетия. Здесь нигде нет обработанного металла. Как же этот организм выжил? Что он ел все эти немыслимые годы? А если не ел, то как сумел сохраниться?

— Это не обязательно организм, — сказал Уолдрон. — Возможно, что-то такое в атмосфере. Почему нет?

— Мы брали пробы и делали замеры, забыл?

И только когда вопрос уже сорвался с языка, Декер понял, какие они глупцы. Брали пробы атмосферы, да, — но как можно выявить то, с чем никогда не сталкивался? У любого исследователя очень скудная измерительная линейка — ограниченная совокупным опытом человечества. Человек способен защитить себя от очевидных угроз — и от тех, которые в состоянии вообразить. А неизвестным и невообразимым ему противопоставить нечего.

Декер поднялся. Джексон все еще стоял у столба, рядом с беспомощным роботом.

— Помните первый день экспедиции? — сказал он биохимику. — И наш разговор в кают-компании. Вот и ответ.

Джексон кивнул:

— Помню, сэр.

Внезапно Декер осознал, что на базе стоит оглушительная тишина, лишь только порывы ветра прилетают из-под крон деревьев и хлопают полосатой тканью навеса.

И первый раз за все время экспедиции он ощутил в воздухе чуждый запах чужого мира.

Детский сад
Перевод В. Лопатки

Он встал еще до рассвета, спустился мимо древнего покосившегося амбара, перебрался через ручей и зашагал вверх по лугу, заросшему невысокой травой и летними цветами. В сыром от росы воздухе еще висел ночной холодок.

Он гулял до рассвета, потому что рассветов ему было отпущено совсем мало. Когда-нибудь боль нахлынет и уже не отступит. Любая прогулка могла стать последней, и он ловил каждую мелочь: слезинки росы на взметнувшихся вверх лепестках шиповника, птичьи трели в зарослях кустов у канавы.

У тропы, что вилась сквозь кусты у оврага, он увидел машину. И сперва разозлился. Эта штука была непривычной, даже нелепой, а его сердце и мысли в тот момент были готовы принимать лишь самые обыденные вещи. Обыденная, привычная земная жизнь — вот чего он искал на заброшенной ферме, где собирался провести остаток дней.

Он стоял на тропе и разглядывал диковинную

машину, чувствуя, как капельки росы на лепестках и утренние птичьи трели уходят на задний план и оставляют его один на один с этим странным предметом, словно сошедшим с витрины магазина бытовой техники. Причем интуиция подсказывала, что перед ним не заблудившаяся в лесу посудомойка, а нечто невиданное и неслыханное.

Машина сияла, но не поверхностным металлическим блеском и не глянцем парадного фарфора. Свет шел словно изнутри. Она была прямоугольной, размером где-то метр на метр с небольшим на полметра. Ни ручек, ни кнопок, ни выключателей.

Он зачем-то подошел и погладил ее теплую поверхность. Ничего не произошло — по меньшей мере в тот момент. В глубине мерцающего металла или какого-то похожего материала ему почудилась невиданная мощь.

Он убрал руку и шагнул назад.

Машина щелкнула. Всего раз, и он понял, что это не просто так — не потому, что она щелкала при работе или когда включалась. Она щелкнула, чтобы привлечь внимание, чтобы показать: я готова выполнить свою задачу.

И чувствовалось, что в чем бы ни заключалась

эта задача, машина выполняла ее эффективно и бесшумно.

И тут она снесла яйцо.

Даже потом, после долгих размышлений, он так и не понял, почему именно «снесла».

Яйцо было из зеленого нефрита с белесыми прожилками и изысканной резьбой, в которой угадывались странные знаки.

Он стоял на тропе и разглядывал яйцо, на мгновение забыв о том, откуда оно взялось, поглощенный красотой камня и мастерством резчика. Он сразу понял, что никогда не видел ничего подобного. Он предвкушал, как его пальцы скользнут по поверхности камня и сколь сложной и выразительной окажется резьба.

Он поднял яйцо и нежно сжал его в ладонях, вспоминая экспонаты, с которыми работал в музее. Но музей вдруг оказался полузабытым воспоминанием в тумане прошлого, хотя он ушел оттуда меньше трех месяцев назад.

— Спасибо, — сказал он. И сразу подумал, что очень странно благодарить машину.

Машина безмолвно застыла.

Наконец он ушел — обратно на старую ферму, что стояла на холме над амбаром. Положил яйцо на обеденный стол и не спускал с него глаз, пока

готовил завтрак. Он растопил печь и подбросил щепок, чтобы огонь разгорелся побыстрее. Поставил чайник, достал из буфета посуду и накрыл на стол. Затем пожарил бекон и, пока тот сушился на бумажных салфетках, разбил в сковородку два последних яйца.

Он ел, не отрывая глаз от находки, восхищался рисунком и гадал, что могут означать резные знаки. А еще он задумался, сколько такая вещь могла бы стоить. Наверняка много. Впрочем, цена его не слишком волновала.

Резьба его озадачила. Он никогда не видел такого рисунка и не читал ни о чем подобном. В узорах ему виделась красота, сила и какой-то особый характер — все то, что отличает изделия богатой и развитой культуры от дешевых безделушек.

Он не услышал, как по ступеням крыльца поднялась девушка, и поднял голову, лишь когда она постучала по дверному косяку. Девушка стояла в проходе, и он вдруг понял, что она чем-то похожа на это нефритовое яйцо. Яйцо было зеленым и прохладным, а она — бледной и хрупкой, но в ее глазах сквозила мягкая глубина нефрита. Вот только глаза эти были голубые.

— Здравствуйте, мистер Шэй, — сказала девушка.

— Доброе утро, — ответил он.

Это была Мэри Маллет, сестра Джонни.

— Джонни собрался на рыбалку с мальчишкой Смитов, а меня отправили отнести молоко и яйца.

— Спасибо, хотя не стоило. Я бы сам к вам потом прогулялся. Полезно для здоровья.

Он тут же пожалел о сказанном. В последнее время он слишком часто думал, что для здоровья полезно что-нибудь делать или, наоборот, не делать. На самом деле доктора ясно дали понять: надежды не осталось.

Он пригласил Мэри войти, а сам поставил молоко в контейнер со льдом. Он обходился без электричества — а значит, и без холодильника.

— Ты завтракала?

Мэри кивнула.

— Ну и отлично, — усмехнулся он. — Готовлю я паршиво. Ты же знаешь, я тут ненадолго.

Он снова пожалел о своих словах. Довольно уже плакаться.

— Какая красота! — воскликнула Мэри. — Откуда это у вас?

— Яйцо-то? Странная история… Я его нашел.

Она протянула руку:

— Можно потрогать?

— Конечно.

Мэри зажала яйцо в ладонях — совсем как он тогда, на тропе.

— Вы правда его нашли?

— Не совсем. Мне его подарили.

— Друг?

— Не знаю.

— Разве так бывает?

— Бывает. Я как раз хотел тебе показать, откуда оно. Пойдешь со мной?

— Конечно, если не очень далеко. Я немного спешу — надо помочь маме закатывать персики.

Они вместе спустились мимо старого амбара, перебрались через ручей и зашагали по лугу. Он подумал, на месте ли еще машина и вообще, не привиделась ли она ему.

Машина была на месте.

— Какая диковинная штука! — воскликнула Мэри.

— Вот-вот. Диковинная.

— Что это, мистер Шэй?

— Не знаю.

— Вы говорите, яйцо вам подарили. Получается…

— Именно так.

Они подошли поближе и стали разглядывать

машину. Мэри провела пальцами по ее поверхности.

— На ощупь ничего такого. Как фарфор или…

Машина щелкнула, и на траве появился флакон.

— Это тебе, — сказал Питер.

— Мне?

Питер поднял флакон и протянул Мэри. Шедевр неизвестного стеклодува играл и переливался на солнце всеми цветами радуги.

— Я думаю, это духи.

Мэри вытащила пробку.

— Прелесть.

Она вдохнула и протянула флакон ему. И правда — прелесть. Мэри вернула пробку на место.

— Послушайте, мистер Шэй…

— Не знаю. Понятия не имею.

— И не догадываетесь?

Он покачал головой.

— Вы ее просто нашли?

— Я гулял…

— И она вас здесь ждала?

— Не совсем…

А ведь если подумать, все так и было. Не он нашел машину, а нашла его.

— Ждала или нет?

— Пожалуй, да. Получается, что она меня ждала.

Может быть, и не его, а любого, кто пройдет по тропе. Машина ждала, что ее найдут. Ждала возможности сыграть свою роль.

Машину оставили здесь специально.

Питер стоял на лугу рядом с Мэри Маллет, дочерью фермера. Все было как всегда: травы, кусты и деревья, жаркий воздух пронзали сухие трели сверчков, а где-то вдали позвякивал колокольчик. В его голове вдруг сверкнула мысль — жуткая и леденящая, будто черная пустота космоса или бескрайнее время. Он ощутил, как нечто чужое, холодное тянется к теплой Земле и ее обитателям.

— Пойдем отсюда, — сказал Питер.

Они вернулись к ферме и остановились у ворот.

— Наверное, следует что-то сделать? Рассказать кому-то? — спросила Мэри.

Он покачал головой:

— Мне надо немного подумать.

— Подумать, что можно сделать?

— Полагаю, никто и ничто не сможет с этим ничего поделать.

Питер проводил Мэри взглядом и вернулся в

дом.

Он выкосил траву, потом занялся цветами. С цинниями все было в порядке, а вот астры никак не желали расти. И еще проклятые сорняки. Как он ни старался, сорняки все равно пробирались на грядки.

После обеда стоит сходить на рыбалку, полезно для… Питер резко оборвал эту мысль.

Склонившись над грядкой, он ковырял землю совком и размышлял о машине.

Зачем она там?

Почему машина щелкает и дарит подарки, если ее погладить?

Это рефлекс, как у собаки, которая виляет хвостом?

Благодарность за то, что человек ее заметил?

Попытка вступить в переговоры?

Дружеский жест?

Ловушка?

Откуда ей знать, что он душу продал бы за нефритовое яйцо, будь оно хоть вполовину столь прекрасно?

Откуда ей знать, что девушкам нравятся духи?

Питер услышал шаги и обернулся. По лужайке к нему бежала Мэри.

— Джонни тоже нашел! — выпалила она, упав

на колени и схватив его за руку. — Я бежала от самого дома. Ее нашли Джонни с мальчишкой Смитов. Ребята возвращались с рыбалки через луг.

— Наверное, надо было кому-нибудь сообщить, — сказал Питер.

— Она подарила Джонни удочку, а Оги Смиту — бейсбольную биту и перчатку.

— Вот это да!

— И они всем рассказали.

— Ничего страшного. По-моему, волноваться не о чем.

— Что это за штука? Питер, вы сказали, что не знаете. Но у вас есть какие-то догадки?

— Думаю, она не с Земли, — неохотно сказал Питер. — Эта штука выглядит странно — я такого нигде не видел и в книгах не встречал. К тому же наши машины не дарят подарки, если их потрогаешь; им сперва подавай деньги. Она точно не с Земли.

— То есть с Марса?

— Нет, не с Марса. Она не из Солнечной системы. Если бы вы нашей системе жили другие разумные существа, мы бы знали. А эту машину придумал кто-то разумный.

— Как это — не из Солнечной системы?

— С другой звезды.

— Но звезды так далеко!

Да, звезды далеко. Нам не дотянуться до них руками — только мыслями. Далекие звезды, холодные и безразличные. А машина…

— Она как игровой автомат, на котором всегда выпадает джекпот, причем без монеты. Она точно не с Земли. Земной изобретатель не придумал бы такого.

— Теперь приедут соседи, — сказала Мэри.

— Еще бы. Приедут за своей долей.

— Она же маленькая. Там не хватит места на подарки всем соседям. Даже те, что уже розданы, в ней едва поместились бы.

— А Джонни ведь хотел именно удочку?

— Да. Болтал о ней без умолку.

— А тебе нравятся духи?

— У меня хороших духов никогда не было. Только совсем дешевые… — Мэри нервно хихикнула. — А вы любите нефрит?

— Обожаю. И неплохо в нем разбираюсь.

— Выходит, эта машина…

— Дает каждому то, чего он хочет, — закончил за нее Питер.

— Жутко.

Странно, что в такой чудесный день что-то мог-

ло показаться жутким. Стояло жаркое лето, белая полоска облаков тянулась вдоль края синего, как шелк, неба.

Мэри ушла, а Питер отправился в дом готовить обед. Он ел у окна и наблюдал за соседями. Они появлялись на лугу с разных сторон — по двое и по трое. Люди оставили свои сеносушилки и культиваторы, побросали работу посреди дня и явились на его луг, чтобы поглядеть на диковинную машину. Они толпились возле нее, бродили вокруг и что-то обсуждали высокими, пронзительными голосами. Временами ветер доносил обрывки разговоров, но Питер не разобрал ни слова.

Она со звезд. Откуда-то оттуда. Да, это фантазия. Ну и что, разве нельзя пофантазировать?

Наверное, это и есть первый контакт. Причем отлично продуманный!

Заявись пришельцы на Землю лично, женщины тотчас с воплями разбежались бы, а мужчины похватали бы ружья. Настоящий ад.

Машина — другое дело. Да, она диковинная и работает чуточку странно. Ну и что, это же машина, ей всякое можно простить. А она вдобавок раздает подарки. Лучше и не придумаешь.

После обеда Питер вышел посидеть на крыль-

це, а соседи подходили и хвастались подарками. Они расселись кругом и обсуждали случившееся — одни в возбуждении, другие озадаченно. Но никто не был напуган.

Ему показывали наручные часы и торшеры, пишущие машинки и соковыжималки, сервизы, серебряные шкатулки, рулоны ткани, туфли, ружья, наборы для резьбы, подставки для книг, галстуки и прочее. Один мальчишка получил дюжину ловушек для скунсов, а другой — велосипед.

«Это ящик Пандоры, который хитрые пришельцы отправили на Землю», — подумал Питер.

Слухи распространялись быстро, и люди стали прибывать на машинах. Одни парковались у дороги и шли пешком через луг, другие подъезжали прямо к амбару, даже не спрашивая разрешения. Они возвращались с добычей и уезжали. По лугу бродила уже целая толпа — словно на сельской ярмарке или карнавале.

К вечеру все разъехались. Разошлись и соседи, которые обсуждали подарки. Питер отправился на луг.

Машина начала что-то строить. Вокруг нее появилась платформа примерно три на четыре метра из похожего на мрамор камня — словно

фундамент будущего здания. Луг лежал на склоне холма, однако платформа стояла горизонтально. К земле с нее вели ступеньки.

Питер присел на пенек и окинул взглядом мирный пейзаж. Тут было еще тише и безмятежнее, чем всегда. Он сидел и наслаждался чудесным вечером.

Солнце село всего полчаса назад. По нежному, зеленовато-желтому закатному небу плыли розовые облака, спустились черно-синие сумерки. Из кустов и высокой травы лились птичьи песни, а где-то наверху шуршали крылья проворных ласточек.

Перед ним лежала Земля. Мирный пейзаж, созданный руками земледельца. Земля, где цветут сливы, где высятся рыжеватые стены амбаров и тянутся вверх стебли кукурузы, прямые, словно ружейные стволы.

Миллионы лет никто не тревожил Землю, и мы занимались своими скромными делами на собственной планетке в забытом уголке Галактики.

А теперь?

Теперь мы не одни.

Теперь в нашем уголке Галактики появился кто-то или что-то. Земля уже не сама по себе.

Питера это не слишком волновало. Его теперь

вообще мало что волновало в физическом смысле. Остались лишь радость утра и вечерний покой, так что Питер стремился наслаждаться каждым отпущенным ему часом. Но были и другие. Мэри Маллет и ее брат Джимми, и Оги Смит, которому достались бита и перчатка, и все остальные, кто бродил сегодня по лугу, и еще миллионы людей, которые пока ни о чем не слышали.

Здесь, среди бескрайних кукурузных полей, тихо разворачивалась величайшая драма в истории Земли.

— Что ты сделаешь с нами? — спросил Питер у машины.

Нет ответа. Он и не ждал.

Тени густели, там и сям загорались огоньки в окошках домов. Где-то вдали лаяли собаки, и другие отзывались на этот лай, а с холмов доносилась вечерняя песня коровьих колокольчиков.

Наконец совсем стемнело, и Питер отправился домой.

На кухне он нашарил и зажег лампу. Часы показывали почти девять — время вечерних новостей. Он включил радио в гостиной, уселся в темноте и стал слушать.

Новости были отличные. Сегодня от полиомиелита никто не умер, и заболел лишь один

человек.

«Успокаиваться еще рано, — говорил диктор, — но, несомненно, эпидемия впервые пошла на убыль. К этому моменту новых случаев не регистрировали уже более двадцати часов. В департаменте здравоохранения штата заявляют…»

Впервые за три недели никто не умер от полиомиелита. И тем не менее, по словам диктора, медицинского персонала по-прежнему не хватало. Всех, у кого есть сестринское образование, приглашали звонить по какому-то номеру.

Дальше диктор перешел к решениям большого жюри штата и не сообщил ничего нового. Затем огласил прогноз погоды и сказал, что слушание дела об убийстве Эммета отложено еще на месяц.

Возникла пауза.

«Мне передали новое сообщение. Сейчас посмотрим…»

Диктор зашуршал бумагой и тихо ахнул.

«Шерифу Джо Бернсу сообщили о летающей тарелке, которая приземлилась на ферме Питера Шэя неподалеку от Маллет-Корнерс. Подробности неизвестны. Причем тарелку обнаружили еще утром, но никто и не подумал уведомить шерифа. Еще раз оговорюсь, что информация

непроверенная. Больше нам ничего не известно. Шериф выехал на место происшествия. Мы сообщим подробности, как только они появятся. Не переключайтесь...»

Питер поднялся и выключил радио. Он принес с кухни лампу, поставил ее на стол и уселся в ожидании шерифа.

Ждать пришлось недолго.

— Говорят, у вас тут летающая тарелка, — сказал шериф.

— Я не уверен, что это именно тарелка, шериф.

— А что же тогда?

— Не знаю, — сказал Питер.

— Говорят, она дарит разные вещи.

— Это правда.

— Если это какой-нибудь дурацкий рекламный трюк, то я доберусь до тех, кто его устроил, — заявил шериф.

— Уверен, это не рекламный трюк.

— Почему мне сразу не сообщили? Почему вы скрываете такую историю?

— Я не сообразил вам сообщить. И я ничего не скрываю.

— Вы ведь здесь недавно? — спросил шериф. — Не помню, чтобы я вас раньше видел. Думал, я всех здесь знаю.

— Я живу тут три месяца.

— Говорят, вы не работаете на ферме и семьи у вас нет. Просто, мол, живет тут один и ничего не делает.

— Так и есть.

Питер не стал ничего объяснять. Шериф с подозрением разглядывал его в тусклом свете лампы.

— Можете показать, где тарелка?

Шериф успел утомить Питера.

— Я объясню, как к ней пройти. Спускаетесь мимо амбара, потом через ручей…

— Послушайте, Шэй, почему бы просто не показать?

— Шериф, я объясняю вам, как найти тарелку. Мне продолжать?

— Конечно. Продолжайте. Просто почему не…

— Я уже видел ее два раза. Люди толкутся здесь весь день.

— Ладно, — согласился шериф. — Как к ней пройти?

Питер объяснил, и шериф ушел вместе с двумя помощниками.

Зазвонил телефон. Питер снял трубку. Звонили с той самой радиостанции.

— Скажите, — поинтересовался репортер, — у вас там правда тарелка?

— По-моему, там что-то другое. Шериф как раз пошел посмотреть.

— Мы хотели бы отправить к вам съемочную группу, но хотим убедиться, что они съездят не зря. Вы не против?

— Не против. Высылайте.

— У вас действительно там что-то есть? Если так, то расскажите…

Через пятнадцать минут он наконец повесил трубку.

Телефон зазвонил снова. «Ассошиэйтед пресс». В голосе на том конце провода слышалось недоверие.

— Что это у вас за тарелка такая?

Через десять минут Питер повесил трубку.

Телефон мгновенно зазвонил снова.

— Это Макклелланд из «Трибьюн», — начал усталый голос, — мне тут какую-то чепуху рассказали…

Пять минут.

Снова звонок.

«Юнайтед пресс».

— Говорят, у вас тарелка. А зеленые человечки есть?

Пятнадцать минут.

Разгневанный слушатель.

— По радио сообщили, что у вас приземлилась летающая тарелка. Что это еще за розыгрыш? Вы знаете, что летающих тарелок не существует…

— Одну минуту, сэр. — Питер оставил трубку висеть на проводе, отправился на кухню и вернулся с кусачками. Разгневанный радиослушатель продолжал возмущаться.

Питер вышел на улицу, перекусил провод и вернулся в гостиную. Трубка молчала. Он бережно водрузил ее на место, запер дверь и отправился спать.

Сон не шел, беспокойный рой мыслей в голове не унимался.

Этим утром он вышел погулять и нашел машину. Он коснулся ее и получил подарок. Потом машина дарила подарки и другим.

— Бойтесь машины, дары приносящей, — произнес Питер во тьму.

Хорошо просчитанный первый контакт.

Выберите для контакта что-то, что им знакомо. Чего они не испугаются. Чтобы они ощутили свое превосходство. Покажите, что вы друзья. А что делают друзья? Дарят подарки.

Кто явился на Землю?

Миссионер? Торговец? Дипломат?

Или просто машина?

Шпион? Путешественник? Исследователь? Сыщик?

Доктор? Адвокат? Вождь краснокожих?

И почему именно здесь, в глуши, на лугу у его фермы?

И зачем?

С какой целью? В фантастических романах пришельцы всегда являются на Землю зачем-то.

Чтобы ею овладеть, разумеется. Если не силой, то дружеским убеждением. Овладеть не только Землей, но и человечеством.

Звонивший с радиостанции был возбужден, журналист «Ассошиэйтед пресс» возмущался, что его держат за дурачка, корреспонденту «Трибьюн» было скучно, а человек из «Юнайтед пресс» без умолку трепался. И только слушатель был в гневе. Ему скормили очередную историю про летающую тарелку — сколько можно?

Радиослушатель гневался потому, что его крошечный мирок зашатался. Слушатель хотел, чтобы все осталось по-прежнему. Ему хватало забот и без летающей тарелки: нужно на что-то жить, ладить с соседями, планировать работу и помнить об эпидемии полиомиелита.

Впрочем, если верить радио, дела понемногу налаживались: никто не умер и не заболел. По-

лиомиелит означал боль, смерть и ужас.

«Боль», — подумал Питер.

Впервые за много дней он не чувствовал боли.

Он застыл под одеялом, прислушиваясь к своему телу. Он знал, где таится боль, помнил то потаенное место, где она всегда скрывалась. Теперь, когда он вспомнил о ней, боль снова придет.

Однако боли не было.

Питер лежал и ждал. Боялся, что боль вернется. Но боль не приходила. Он звал ее и дразнил, насмехался над ней, пытаясь выманить из укрытия. Приманка не сработала.

Боль замерла и ждет подходящего момента.

Он выбросил из головы мрачное будущее и беззаботно окунулся в мечты о том, каково это — жить без боли. Он слушал, как скрипят половицы на просевших балках, как поет за старой стеной летний ветерок и скребет по крыше кухни ветка вяза.

Раздался новый звук. В дверь постучали.

— Шэй, где вы?

— Иду, — отозвался он.

Сунув ноги в тапочки, Питер отправился к двери. За ней стоял шериф со своими людьми.

— Зажгите свет, — велел он.

— Спички есть? — спросил Питер.

— Вот, держите.

Питер нащупал в темноте руку шерифа, сжимавшую коробок.

Он пошарил рукой по столешнице в поисках лампы, зажег ее и посмотрел на гостя.

— Шэй, эта штука что-то строит, — заявил шериф.

— Я знаю.

— Что это еще за шутки?

— Это не шутки.

— Вот что она мне дала.

Шериф бросил что-то на стол.

— Пистолет, — сказал Питер.

— Вы когда-нибудь видели что-то подобное?

Обычный пистолет размером с «кольт» сорок пятого калибра, только без спускового крючка и с воронкой на конце дула. Он был сделан из какого-то белого полупрозрачного материала. Питер взял пистолет — тот весил всего граммов двести.

— Нет. Никогда такого не видел, — ответил он и осторожно положил пистолет на стол. — Исправен?

— Вполне, — отозвался шериф. — Я проверил на вашем амбаре.

— Нет больше никакого амбара, — добавил

помощник.

— Ни отдачи, ни вспышки. Вообще ничего, — продолжил шериф.

— Ни амбара. — Помощнику это явно не давало покоя.

Во дворе остановилась машина.

— Посмотри, кто там, — велел шериф.

Один из помощников вышел.

— Не понимаю, — пожаловался шериф. — Говорят «летающая тарелка», но какая это тарелка? Обычный ящик.

— Это машина, — отозвался Питер.

По крыльцу загремели шаги, и в дом ввалились люди.

— Газетчики, — объяснил помощник шерифа.

— Ребята, мне нечего вам сказать, — заявил шериф.

Один из них обратился к Питеру:

— Это вы Шэй?

Питер кивнул.

— Я Хоскинс из «Трибьюн». Это Джонсон из «Ассошиэйтед». Тот парень с глуповатой физиономией — Лэнгли, фотограф. Не обращайте на него внимания. — Питера хлопнули по спине. — Каково это — участвовать в величайшем событии века? Здорово, а?

— Замрите, — велел Лэнгли.

Сверкнула вспышка.

— Где телефон? — спросил Джонсон. — Мне нужно позвонить.

— Там, — указал Питер. — Только он не работает.

— В такой момент — и не работает?

— Я перерезал провод.

— Перерезали провод? Шэй, вы в своем уме?

— Меня донимали звонками.

— Еще бы, — хохотнул Хоскинс.

— Я починю телефон, — вызвался Лэнгли. — Плоскогубцы есть?

— Подождите, ребята… — начал шериф.

— Быстрей надевайте штаны, — обратился Хоскинс к Питеру. — Сфотографируем вас прямо на месте. Поставите ногу на эту штуку — как охотник, который подстрелил слона.

— Послушайте… — снова начал шериф.

— В чем дело?

— Дело серьезное. Надо разобраться. Нечего вам, ребята, там шастать.

— Конечно, серьезное, — кивнул Хоскинс. — Поэтому мы здесь. Миллионы людей ждут новостей.

— Вот плоскогубцы, — сказал кто-то.

— Я займусь телефоном, — отозвался Лэнгли.

— Что мы тут торчим? Пойдемте посмотрим, — распорядился Хоскинс.

— Мне нужно позвонить, — сказал Джонсон.

— Ребята, постойте, — гнул свою линию шериф.

— Шериф, скажите, на что она похожа? Думаете, это тарелка? Она большая? Щелкает?.. Эй, Лэнгли, сними-ка шерифа!

— Минуту, — отозвался Лэнгли снаружи. — Сейчас провода скручу.

На крыльце снова послышались шаги. В дверь просунулась голова.

— Мы с телевидения. Как попасть к этой штуке?

Телефон зазвонил. Джонсон снял трубку.

— Вас, шериф.

Шериф протопал к телефону. Все прислушались.

— Да, шериф Бернс… Да, здесь… Конечно, понимаю. Да, видел…. Нет, я не знаю, что это… Да, понимаю… Да, сэр… Да, сэр. Я прослежу, сэр.

Он повесил трубку и обернулся.

— Звонили из военной разведки. Никто никуда не пойдет. Никому не выходить из дома. Отныне здесь запретная зона. — Шериф окинул журнали-

стов свирепым взглядом. — Это приказ!

— Вот черт! — в сердцах воскликнул Хоскинс.

— Я что, зря сюда ехал? — заорал телевизионщик. — Я не собираюсь…

— Приказы отдаю не я, а дядя Сэм, — отрезал шериф. — Не горячитесь, ребята.

Питер развел в печи огонь и поставил чайник.

— Тут есть кофе, — обратился он к Лэнгли. — Я пока оденусь.

Ночь тянулась медленно. Хоскинс и Джонсон продиктовали по телефону все, что им удалось узнать и записать. Во время разговоров с Питером и шерифом их карандаши порхали, оставляя на бумаге загадочные знаки. Лэнгли немного поругался с шерифом и уехал со своими снимками. Шериф мерил шагами комнату.

Орало радио, и постоянно звонил телефон. Все пили кофе и курили; окурки бросали на пол. Новые газетчики прибывали и садились ждать, прослушав инструктаж шерифа. Кто-то пустил по кругу бутылку. Еще кто-то затеял игру в покер, но желающих не нашлось.

Питер вышел во двор за дровами. Ночь была тихая и звездная.

Он посмотрел в сторону луга, но ничего не увидел. Попытался разглядеть, что осталось от

амбара, но было слишком темно.

Что это? Последние часы умирающего — или тьма, что сгустилась перед рассветом? Перед ярчайшей зарей в многотрудной истории человечества?

Машина что-то строила под покровом ночи.

Храм?

Факторию?

Миссию?

Посольство?

Форт?

Что бы она ни строила, это будет первый форпост инопланетной расы на нашей планете.

Питер вернулся в дом с охапкой дров.

— К нам высылают войска, — сообщил шериф.

— Раз-два, раз-два, левой… — невозмутимо проговорил Хоскинс.

К его губе прилипла сигарета.

— По радио сказали, что поднята национальная гвардия, — продолжил шериф.

Хоскинс с Джонсоном опять завели свои «раз-два-раз-два».

— Вы, ребята, с солдатами не шутите, — предупредил шериф. — Ткнут вам штыком в самое…

Хоскинс изобразил горн, поднимающий солдат в атаку, а Джонсон схватил две ложки и стал

выстукивать топот копыт.

— Кавалерия на подходе! Мы спасены! — заорал Хоскинс.

— Как дети малые, — устало протянул кто-то.

Ночь все не кончалась. Они пили кофе и курили. Разговор понемногу утих.

Наконец затихло и радио. Кто-то пытался поискать другую станцию, но батарейки дышали на ладан, и ничего не вышло. Радио выключили, телефон тоже уже давно не звонил.

Гвардия прибыла за час до рассвета на пяти обычных грузовиках, крытых брезентом. Никаких маршей и кавалерии.

Капитан заглянул в дом, только чтобы уточнить, где эта распроклятая тарелка. Ему не сиделось на месте. От кофе капитан отказался, выбежал во двор и стал выкрикивать приказы.

Грузовики укатили, урча моторами. В доме ждали.

Когда рассвело, на лугу обнаружилась удивительная конструкция. Ее словно строили шиворот-навыворот, чтобы всю «начинку» можно было разглядеть снаружи. Как будто здание начали сносить, и стены уже разрушили.

Здание было пятиэтажное и занимало пол-акра. В лучах рассвета оно переливалось розовым

— тем самым блекло-розовым цветом, от которого захватывает дыхание, когда вспоминаешь платье соседской девочки на ее седьмой день рождения.

Гвардейцы замерли, окружив здание, и солнечные лучи играли на обнаженных штыках.

Питер нажарил на завтрак огромную миску оладьев, достал весь бекон и яйца, что у него остались, сварил целую кастрюлю овсянки и еще кофе.

— Мы отправим кого-нибудь за продуктами и вам компенсируем, — сказал Хоскинс.

После завтрака шериф с помощниками уехали обратно в город. Хоскинс собрал со всех денег и отправился за продуктами. Остальные ждали. Телевизионщики разворачивали оборудование для дистанционной съемки.

Телефон ожил, и журналисты стали по очереди отвечать на звонки.

Питер отправился к Маллетам за молоком и яйцами.

Мэри выбежала к воротам.

— Соседи перепугались.

— Вчера-то они не боялись приходить за подарками, — заметил Питер.

— Теперь все по-другому. Это уже чересчур.

Здание…

Конечно. Здание.

Никого не пугала маленькая безобидная машина. Она так мило сверкала, щелкала и дарила подарки. На первый взгляд — если не слишком задумываться — машина казалась знакомой и понятной.

А вот здание было большое и неправильное. И продолжало расти. Где это видано, чтобы за одну ночь строили пять этажей?

— Питер, как им это удается? — прошептала Мэри.

— Не знаю. Тут какой-то незнакомый принцип, неведомый человечеству процесс. Особый, совершенно чуждый нам образ действий.

— Но само здание вполне человеческое. Мы и сами такие строим. Может, не из этого камня — такого во всем мире нигде не сыщешь, но в остальном ничего странного. Будто большая школа или универмаг.

— У меня тоже обычное яйцо, а у тебя — обычные духи. И у Джонни — самая обыкновенная удочка.

— Выходит, они всё о нас знают. Питер, они следят за нами!

— Не сомневаюсь.

Он увидел в глазах Мэри страх, притянул ее к себе и крепко обнял. Было что-то странное в том, что именно у него ищут утешения и поддержки.

— Я веду себя как дурочка.

— Вовсе нет, — возразил он.

— На самом деле мне не страшно.

— Разумеется.

Ему хотелось добавить: «Я люблю тебя», однако Питер знал, что не имеет права произносить этих слов. Хотя боль… этим утром боль так и не вернулась.

— Я принесу молоко и яйца, — сказала Мэри.

— Неси все, что есть. Мне надо прокормить целую ораву.

По пути домой он размышлял о том, почему перепугались соседи. И сколько пройдет времени, прежде чем перепугается остальной мир. Прежде чем выкатят на боевые позиции пушки или сбросят атомную бомбу.

С вершины холма над фермой Питер впервые заметил, что амбара больше нет. Его словно срезали ножом, проведя лезвием по фундаменту.

Интересно, захватил ли шериф с собой пистолет? Вероятно, да. И что шериф будет с ним делать? Почему ему вообще достался пистолет? Это был единственный подарок машины, про ко-

торый не подумаешь, будто он сделан на Земле.

Еще вчера луг был пуст — трава, деревья да старые канавы, вдоль которых тянулись заросли дикой сливы, орешника и ежевики. Теперь там высилось здание. Питеру показалось, что за последний час оно еще немного подросло.

Газетчики сидели во дворе и разглядывали здание. Один из них сказал Питеру:

— Начальство приехало. Ждут вас внутри.

— Разведка? — уточнил он.

— Ага. Мальчишка-полковник и с ним майор.

Офицеры расположились в гостиной. Молодой, но уже седовласый полковник и майор с воинственными усами. Полковник представился:

— Полковник Уитмен. Это майор Рокуэлл.

Питер положил пакет с молоком и яйцами и кивнул в знак приветствия.

— Вы обнаружили машину, — начал полковник.

— Да.

— Расскажите о ней.

Питер рассказал.

— Можно взглянуть на ваш подарок?

Он принес яйцо с кухни. Офицеры долго вертели его в руках, внимательно разглядывали с легкой опаской и восхищались. Питер подумал,

что в нефрите они ничего не понимают.

— Вы ведь разбираетесь в нефрите. — Полковник словно уловил его мысли.

— Да, и неплохо.

— Работали с ним раньше?

— В музее.

— Расскажите о себе.

Питер немного помялся и рассказал.

— Тогда почему вы здесь? — спросил полковник.

— Полковник, вам приходилось лежать в больнице? Вы хотели бы там умереть?

— Понимаю. Но здесь же не будет…

— Я не собираюсь тянуть слишком долго.

— Понятно.

— Полковник, взгляните, — вмешался майор. — Те же самые знаки…

Полковник выхватил у него яйцо.

— В точности как в письме! — воскликнул он.

Полковник внезапно посмотрел на Питера так, словно видит его первый раз в жизни. В руке майора вдруг оказался пистолет.

Питер бросился в сторону, но слишком поздно. Майор выстрелил.

Питер падал. Миллион лет он летел в вопящую серую бездну, понимая, что это сон. Ночной

кошмар, пришедший к нему сквозь поколения от далеких предков, которые жили на деревьях в вечном страхе свалиться на землю. Он хотел ущипнуть себя, но у него не было ни рук, ни тела; бесплотное сознание неслось в бесконечную пропасть.

Миллион лет он летел сквозь зияющую пустоту, и пронзительный вопль наполнял его душу мучительной болью, все ближе и ближе подбираясь к пределу, за которым лежит спасительное безумие. Однако вскоре он привык, и вопль стих. Дальше он летел в тишине, и тишина оказалась страшнее вопля.

Он падал и падал в бесконечность, а потом бесконечность кончилась.

Возникло лицо, лицо из далекого прошлого. Он знал его, но забыл и теперь рылся в памяти.

Лицо будто плясало, ускользая от взгляда. Тогда он закрыл глаза, и лицо ушло.

— Шэй, — позвал кто-то. — Питер Шэй.

— Уходите, — сказал Питер.

И снова открыл глаза. Лицо было тут. Оно проступило отчетливей и больше не плясало.

Это было лицо полковника.

Питер вновь закрыл глаза и вспомнил немигающий глаз пистолета в руке майора. Он пытался

отскочить в сторону, но не успел. Что-то случилось, он падал миллион лет, и теперь он здесь, а на него смотрит полковник.

Итак, майор выстрелил, и теперь он в больнице. Но куда попала пуля? В руку? Обе руки в порядке. В ногу? С ногами тоже все хорошо. Ни боли, ни бинтов, ни гипса.

Донесся голос полковника:

— Док, он очнулся на минуту, а сейчас опять отключился.

— Все будет хорошо, дайте ему время. Вы просто переборщили с дозой. Ждите.

— Нам нужно с ним поговорить.

— Придется подождать.

Повисла пауза.

— Вы совершенно уверены, что он человек?

— Мы обследовали его с ног до головы, — ответил доктор. — Если это не человек, то подделка слишком хороша, и нам ее не распознать.

— Он говорил, что умирает от рака, — продолжал полковник. — Разве вы не понимаете? Если он не человек и с ним что-то не так, он мог бы сказать, что…

— У него нет рака. Никаких признаков, что он им болел или когда-нибудь заболеет.

Питер едва не подпрыгнул, пораженный слова-

ми доктора. Он не стал открывать глаза, опасаясь, что это какая-то уловка.

— Четыре месяца назад лечащий врач сказал Питеру Шэю, что ему осталось жить полгода. Он говорил…

— Полковник, я не могу этого объяснить. Даже пытаться не буду. Скажу вам одно: у этого человека нет рака. Он совершенно здоров.

— Тогда это не Питер Шэй, — заупрямился полковник. — Это нечто, что овладело Питером Шэем, или скопировало Питера Шэя, или…

— Полковник, давайте придерживаться фактов.

— Док, вы уверены, что он — человек?

— Я уверен, что перед нами человеческое существо. Вы же это имели в виду?

— Ни единого отличия? Никакого хотя бы малюсенького отклонения от нормы?

— Нет, — отрезал доктор. — А если бы и было, это ничего не доказывает. Небольшие мутации есть у каждого. Человеческое тело — не какая-нибудь штампованная деталь.

— У всех подарков машины были отличия. Небольшие отклонения, заметные только при тщательном осмотре. По ним можно отличить человеческое от инопланетного.

— Хорошо, пусть были отличия. Значит, эти вещи сделали пришельцы. А перед нами лежит человек.

— Все сходится, — заявил полковник. — Шэй покупает заброшенную ферму. По тамошним меркам, он — белая ворона, ведет себя странно. Это привлекает внимание; с другой стороны, любые необычные поступки отлично объясняются этой странностью. И именно Шэй якобы обнаруживает диковинную машину. Таким образом…

— Полковник, вы строите целую теорию на ровном месте. Вы просите меня отыскать малюсенькое отличие, которое поддержит вашу безумную догадку — простите уж, но таково мое мнение как медика. Назовите один-единственный факт — факт, а не догадку, — который подтверждает вашу теорию.

— А что было в амбаре? — спросил полковник. — Может, Шэй строил в нем машину и поэтому уничтожил амбар?

— Амбар уничтожил шериф. Шэй тут ни при чем, — возразил доктор.

— А кто дал шерифу пистолет? Машина Шэя! Шерифа могли загипнотизировать или что-то ему внушить, сами знаете…

— Вернемся к фактам. Вы всадили в этого че-

ловека заряд из анестезирующего пистолета. Приказали подвергнуть всестороннему медицинскому осмотру — а это грубейшее нарушение его прав. Молите Бога, чтобы он не подал на вас в суд и не обвинил во всех смертных грехах.

— Я понимаю, — неохотно протянул полковник. — Но мы должны выяснить, что это за штука. Нам нужно вернуть бомбу!

— Вас волнует только ваша бомба.

— Она висит там, — голос полковника дрогнул. — Просто висит, и всё!

— Мне пора. Держитесь, полковник.

Доктор вышел, и скоро его шаги стихли в дальнем конце коридора. Полковник походил по комнате и тяжело опустился на стул.

В голове Питера вертелась одна-единственная мысль.

Я буду жить!

Он этого не планировал. Он уже приготовился к тому, что однажды боль станет невыносимой. Он выбрал место, где проведет остаток дней и встретит свою смерть.

А теперь он получил отсрочку. Ему почему-то вернули будущее.

Напряжение нарастало, и ему все труднее было притворяться, будто он без сознания.

Анестезирующий пистолет. Что-то новенькое, раньше он о таком не слышал. Хотя нет, что-то крутилось в голове. Это как-то связано со стоматологией. Новый способ обезболивания десны — когда на нее прыскают очень тонкой струей анестетика. Что-то такое, но в тысячу раз мощнее?

В него выстрелили и приволокли сюда, чтобы обследовать. И все из-за безумных фантазий полковника разведки.

А фантазий ли? Мог ли он, ни о чем не подозревая, сыграть какую-то роль в этой истории? Нет, чепуха. Он не делал, не говорил и даже не думал ничего такого, что относилось бы к появлению на Земле инопланетной машины.

Быть может, его рак — вовсе не рак? Может, это незваный гость, поселившийся в его теле? Хитроумный пришелец, преодолевший бог знает сколько световых лет?

Нет, эта фантазия еще безумней, чем у полковника. Это бессознательный механизм защиты, принуждающий нас всегда готовиться к худшему.

Сильнее всего мы боимся неизвестного. Необъяснимого.

Полковник говорил: нужно выяснить, что это

за штука. Вот он, страх. Они не понимают, что перед ними.

Питер заворочался так, чтобы полковник заметил.

— Питер Шэй.

— Да, полковник.

— Мне нужно с вами поговорить.

— Хорошо. Говорите.

Питер сел. Он был в больничной палате: кафельный пол, бесцветные стены, строгая и практичная обстановка. И кровать — тоже больничная.

— Как вы себя чувствуете? — спросил полковник.

— Посредственно.

— Мы немного перестарались, но рисковать было нельзя. Понимаете, это письмо, и игровые автоматы, и кассовые аппараты, и все прочее…

— Вы тогда упомянули какое-то письмо.

— Что вам известно, Шэй?

— Ничего.

— Примерно месяц назад наш президент получил письмо. И главы других государств — тоже.

— Что за письмо?

— Чертовщина какая-то. Письма были на неизвестном языке, и в каждом из них — ровно одна

понятная строчка: «Расшифровав это письмо, вы докажете, что способны мыслить логически». Больше никто не сумел прочесть ни слова. Всего одна строчка на родном языке каждой страны, а остальное — полная абракадабра.

— Вы его не расшифровали?

По лицу полковника струился пот.

— Ни единой буквы.

Питер потянулся к графину на тумбочке, но тот оказался пуст. Полковник вскочил.

— Я принесу. — Он взял стакан и открыл дверь ванной. — Сейчас только пущу воду, чтобы похолоднее была.

Питер впился взглядом в дверь. Задвижка! Что, если…

В ванной зашумела вода, и полковник повысил голос.

— Тогда же нам стали попадаться эти машины. Представляете? Автомат, который продает сигареты, но не просто так. Он наблюдает за вами. Изучает, как живут люди. Кассовые аппараты, игровые автоматы и прочие механические устройства, которые мы создаем сами. Машины-шпионы. Они все время следят. Изучают нас…

Босые ноги Питера коснулись пола. Он подкрался к двери, закрыл ее и запер на задвижку.

— Эй! — заорал полковник.

Где одежда? Наверное, в шкафу. Питер распахнул дверцу. Так и есть: аккуратно развешана на плечиках.

Он сорвал больничную пижаму и натянул свои штаны.

Теперь рубашка. Вот она, в ящике.

Туфли? Внизу. Завязывать шнурки некогда.

Полковник молча колотил в дверь. Кричать начнет потом, пока пытается сохранить лицо. Незачем всей больнице знать, как его провели.

Питер порылся в карманах. Бумажник исчез, а с ним и все остальное — нож, часы, ключи. Наверняка дожидаются его в больничном сейфе. Однако времени нет, нужно уносить ноги.

Он вышел из палаты и пошел по коридору, стараясь не сбиваться на бег. Сестра на посту лишь скользнула по нему взглядом. А вот и лестница — можно прибавить шагу. Он помчался вниз, прыгая через три ступеньки. Кончики шнурков тихо позвякивали.

На лестнице опасаться нечего. Здесь никто не ходит, все ездят на лифтах. Он остановился и завязал шнурки.

Номера этажей были подписаны краской на каждой лестничной площадке, так что не поте-

ряешься. На первом этаже Питер снова шагнул в коридор. Скоро полковник поднимет тревогу.

Охраняют ли выход? Будут ли приставать с вопросами? Что, если…

У двери стояла корзина с цветами. Питер огляделся — в его сторону никто не смотрел — и схватил цветы.

— Не тот букет, — бросил он женщине, сидевшей за столом у выхода.

Женщина вяло улыбнулась и не стала его останавливать. Питер вышел наружу, положил цветы на ступеньки и быстро зашагал прочь.

Через час он ощутил себя в безопасности. Отсюда до его цели было тридцать миль. Ноги ныли от долгой ходьбы по асфальтированным городским тротуарам, страшно хотелось есть, а в карманах не было ни гроша.

Питер присел на скамейку в парке. За столиком по соседству старики играли в шашки. Рядом прогуливалась мамаша с коляской, на скамейке какой-то парень слушал радио.

«…здание достроено. Его размеры не увеличились за последние восемнадцать часов. В данный момент оно имеет тысячу этажей и занимает более сотни акров. Сброшенная два дня назад бомба по-прежнему висит над зданием, удерживаемая

неизвестной силой. Артиллерия находится в боевой готовности, однако приказа открыть огонь пока не поступало. После неудачной бомбардировки многие полагают, что от снарядов едва ли стоит ждать какого-то эффекта. Официальный представитель военного ведомства заявил, что крупнокалиберные орудия заняли позиции лишь в качестве меры предосторожности; тогда возникает вопрос, почему на здание сбросили бомбу. В Конгрессе и по всему миру все настойчивее звучат призывы объяснить бомбардировку. Никаких враждебных действий со стороны здания отмечено не было. Весь нанесенный ущерб на данный момент исчерпывается тем, что здание поглотило ферму Питера Шэя, который первым обнаружил машину.

Местонахождение самого Шэя остается неизвестным уже три дня — с того самого момента, как он был похищен из собственного дома. По некоторым данным, он задержан властями. Нам остается лишь гадать о том, какой информацией располагает Шэй. По всей вероятности, он единственный человек, способный пролить хоть какой-то свет на последние события.

Между тем власти усилили меры безопасности и эвакуируют жителей в радиусе пятнадцати

миль от места происшествия. Известно, что сквозь военные кордоны проследовало две группы ученых; по нашим данным, выяснить им ничего не удалось. Остается только гадать, что это за здание, кем или чем оно построено — если процесс его разрастания можно назвать постройкой, — и чего ожидать в дальнейшем. Ни одного разумного объяснения на данный момент не предложено.

Новостные международные агентства активно освещают события, однако надежно установленные факты пока можно пересчитать по пальцам.

Других новостей почти нет — вероятно, в связи с тем, что взгляды всего мира направлены на загадочное здание. Тем не менее прочих новостей на удивление мало. Как часто бывает во время крупных событий, жизнь словно замирает, ожидая их окончания. Эпидемия полиомиелита идет на спад, громких преступлений тоже не отмечено.

Во многих странах все чаще высказывается мнение, что ситуация со зданием не может оставаться вопросом внутренней политики одного государства. Неудавшаяся бомбардировка вызывает сомнения в том, что наши власти готовы действовать взвешенно и беспристрастно. Звучат призывы привлечь к объективному рассмотре-

нию ситуации мировое сообщество».

Питер пошел прочь. Получается, его увезли три дня назад. Неудивительно, что так хочется есть.

За три дня здание выросло на тысячу этажей и заняло сотню акров.

Он больше не спешил. Ноги болели, а живот сводило от голода.

Необходимо вернуться к зданию. Решение пришло внезапно и не вызывало даже тени сомнения. Питер словно оставил там что-то и теперь должен забрать. Что это может быть? Разве что боль да мысли о скорой смерти. И еще крошечная таблетка, которую он носил в кармане, ожидая момента, когда боль станет слишком сильной.

Он пошарил в кармане. Таблетки не было — исчезла вместе с бумажником, ножом и часами. Ничего, она ему больше не нужна.

Сзади послышались торопливые шаги, и Питер обернулся.

— Питер! — воскликнула Мэри. — Мне показалось, что это вы. Я вас еле догнала.

Он смотрел на нее и не верил собственным глазам.

— Где вы были?

— В больнице. Я убежал от них. А ты…

— Нас эвакуировали. Велели уезжать из дома.

Почти всех разместили в палаточном лагере на том конце парка. Папа вне себя, и я его понимаю: сенокос в самом разгаре, да и жатва скоро.

Она запрокинула голову и посмотрела ему в глаза.

— На вас лица нет. Опять стало хуже?

— Опять?

Он удивился, но сразу сообразил, что соседи, конечно, догадались. Все знают, зачем он переехал на ферму. В таких местах секретов не бывает.

— Простите, Питер. Мне не стоило…

— Все в порядке, Мэри. У меня все хорошо, я больше не умираю. Не знаю, как и почему так вышло, но я теперь здоров.

— Вас вылечили в больнице?

— Больница ни при чем, я выздоровел еще раньше. В больнице меня только обследовали и выяснили, что я здоров.

— Наверное, с диагнозом ошиблись.

Он покачал головой:

— Нет, Мэри. Не ошиблись.

Хотя откуда ему знать? Почему он — или какой-нибудь врач — так уверен, что дело именно в раковых клетках? Что это не какой-нибудь загадочный паразит?

— Вы сказали, что убежали из больницы.

— Меня будут искать. Полковник и майор. Они считают, что я как-то связан с той машиной. Думают, я ее построил. Они увезли меня в больницу убедиться, что я — человек.

— Что за чепуха!

— Мне надо вернуться на ферму, — сказал Питер.

— Не получится. Там везде солдаты.

— Если надо будет, проползу по канаве. Пойду ночью, прокрадусь мимо часовых. Если остановят, буду драться. У меня нет другого выхода. Надо попробовать.

— Вы нездоровы.

Она озабоченно разглядывала его лицо. Питер усмехнулся:

— Здоров. Просто умираю от голода.

— Пойдемте. — Она взяла его за руку.

— В лагерь нельзя — узнают. Меня скоро объявят в розыск. Возможно, уже объявили.

— Тогда в ресторан.

— Мой бумажник забрали.

— Мне дали денег на продукты.

— Нет, обойдусь. Меня теперь ничто не остановит.

— Вы это серьезно?

— Да. Я вдруг понял, что так будет правиль-

но, — произнес чуть смущенно Питер. Но он почему-то знал, что это не бравада, а так и правда правильно.

— Вы возвращаетесь?

— Я должен, Мэри.

— Думаете, есть шанс?

Он кивнул.

— Питер… — с сомнением проговорила девушка.

— Что?

— Я буду очень вам мешать?

— Ты? В каком смысле? Почему мешать?

— Я пойду с вами.

— Зачем? Нет никаких причин…

Она чуть вздернула подбородок.

— Причина есть, Питер. Меня кто-то зовет. В голове будто звенит. Словно школьный звонок говорит: пора возвращаться в класс.

— Мэри, по-моему, на твоем флаконе духов был какой-то знак?

— Да. Гравировка на стекле. Такой же знак, как на вашем яйце.

«И такой же, как в письмах», — мысленно добавил Питер.

— Пойдем, — решительно сказал он. — Ты вовсе не будешь мне мешать.

— Сначала поедим. Мне дали денег на продукты.

Они пошли дальше, держась за руки, словно влюбленная парочка.

— Нам спешить некуда. До темноты туда соваться не стоит.

Они поели в ресторанчике на тихой улице и зашли в магазин. Купили буханку хлеба, два круга колбасы и кусок сыра — денег едва хватило. На сдачу им дали пустую бутылку для воды.

Питер и Мэри вышли к окраине города, миновали предместья и оказались в открытом поле. Шагали медленно, ведь до темноты спешить было некуда. Они уселись на берегу ручья, словно выбрались на пикник. Мэри сняла туфли и болтала ногами в воде, и оба были невероятно счастливы.

После заката двинулись в путь. Ночь была безлунная, но звезды сияли очень ярко. Спотыкаясь и временами теряя всякую ориентацию, они шли в стороне от дорог — через поля и луга, обходя стороной фермы, на которых могли залаять собаки. Около полуночи они обогнули первые костры. С вершины холма виднелся лагерь — темные силуэты палаток и грузовики с брезентовым верхом. Потом едва не наткнулись на артиллерийскую

часть, но вовремя свернули, и часовые их не заметили.

В запретной зоне, пробираясь сквозь внешнее кольцо постов и орудий, направленных на здание, пришлось сбавить темп. Когда небо на востоке начало светлеть, они затаились в густых зарослях терновника на краю луга.

— Я устала, — охнула Мэри. — Ночью не замечала, а сейчас пальцем пошевелить не могу.

— Ладно. Поедим и ляжем спать.

— Лучше сразу спать. Не могу есть.

Питер подобрался к краю рощи. Синяя громада здания высилась на горизонте в рассветных лучах словно устремленный в небо палец.

— Мэри, — прошептал Питер. — Вот оно, Мэри.

Он услышал, как Мэри пробирается сквозь кусты.

— Питер, оно так далеко…

— Ничего. Доберемся.

Они осмотрели здание.

— Я не вижу бомбу, — сказала Мэри.

— Отсюда ее не разглядеть.

— Почему мы? Почему именно мы решили вернуться? Почему мы его не боимся?

— Не знаю, — нахмурился Питер. — Так вышло. Я просто хочу вернуться. Вернее, должен. Понима-

ешь, я сам выбрал это место. Как слоны, которые приползают умирать на слоновьи кладбища.

— Но теперь ты здоров.

— Наверное, это неважно. Здесь я нашел мир и покой.

— А еще знаки. На яйце и на флаконе были знаки.

— Пойдем отсюда, иначе заметят.

— Только на наших подарках были знаки, — продолжала Мэри. — Я спрашивала соседей — больше ни у кого.

— Пойдем. Сейчас не время об этом думать.

Они поползли обратно к центру рощи.

Солнце уже встало, и его лучи пробивались сквозь заросли терновника. В воздухе повисла благословенная утренняя тишина.

— Питер, я сейчас усну. Поцелуй меня.

Он поцеловал девушку, и они прижались друг к другу, укрывшись от всего мира под низким пологом корявых ветвей терновника.

— Звонок, — прошептала она. — Слышишь?

Питер покачал головой.

— Школьный звонок. Первый школьный звонок в жизни.

— Ты просто устала.

— Я и раньше слышала. Не только сейчас.

Он снова поцеловал ее.

— Спи.

И Мэри уснула, едва успев сомкнуть глаза.

Он тихо сидел рядом, прислушиваясь к своим ощущениям. Боль так и не вернулась.

Боль ушла, эпидемия полиомиелита прекратилась… У Питера мелькнула безумная мысль.

Миссионеры!

Что миссионеры делали в первую очередь? Конечно, молились. А еще они лечили дикарей и приучали их к гигиене. Учили, как жить лучше и правильнее. Они несли дикарям свою религию и в то же время завоевывали доверие.

Явись на Землю инопланетный миссионер, что бы он сделал в первую очередь? Наверняка тоже боролся бы с болезнями, чтобы новообретенная паства жила лучше. Так он завоюет ее доверие — но не сразу. Сначала миссионера ждет подозрение и вражда, страх и негодование. Ему поверит лишь жалкая горстка дикарей.

Если это миссионер. И если он…

Питер уснул.

И услышал рев. Питер вскочил — сон как рукой сняло. Рев доносился откуда-то снаружи их рощи и понемногу стихал.

— Питер! Питер!

— Тише, Мэри. Там что-то есть.

Рев стал приближаться, переходя в оглушительный лязг, от которого дрожала земля. Потом снова пошел на убыль.

Полуденное солнце пробивалось сквозь ветви терновника, его лучики раскрашивали тень словно веснушки. Пахло теплой землей и прелыми листьями.

Они осторожно подобрались к краю рощицы. По полю полз танк. Он ревел, плясал и подскакивал на неровностях, воинственно выставив пушку, словно регбист, готовый отпихнуть противника рукой.

По полю тянулась прямая как стрела дорога. Питер готов был поклясться, что еще вчера ее тут не было. Дорога шла к зданию, и ее поверхность поблескивала металлом.

Такие же дороги виднелись слева и справа. Вдали они сходились, словно бегущие к горизонту рельсы. Еще три дороги пересекали их под прямым углом — как будто три гигантские лестницы уходили куда-то вдаль.

Далекий крошечный танк мчался к дороге, едва слышно гудя. У дороги танк вдруг отскочил вбок и накренился, словно налетел на невидимую стену. Едва не перевернувшись, он все же выпрямился

и покатил обратно к роще.

На полпути танк замер и развернулся. Орудие пошло вниз, на его конце что-то сверкнуло, и у дороги взметнулось дымное облачко взрыва. Взрывная волна ударила по ушам.

Танк палил и палил. Над полем повисла дымная пелена. Снаряды разрывались один за другим — но ни один не пролетел сквозь невидимую преграду.

Танк снова загромыхал вперед. В этот раз он полз осторожно, словно высматривал лазейку. Вдали прогремел артиллерийский залп — палила целая батарея. Постреляв немного, орудия неохотно стихли. Танк все еще суетился у дороги, словно пес, который вынюхивает под поваленным деревом кролика.

— Что-то его не пускает, — заметил Питер.

— Какая-то невидимая стена, сквозь которую не проехать.

— И которую не пробить, — подхватил Питер. — Снаряды ей хоть бы что.

Танк все полз вдоль дороги. У перекрестка он ткнулся носом в невидимую стену и повернул налево.

Как в клетке, подумал Питер. Дороги рассекли армию и рассадили ее по клеткам. Здесь один

танк, в другой клетке — еще дюжина. Где-то застряла батарея, еще где-то — автоколонна. Сидят взаперти без всякого толку.

А мы — тоже в клетке?

На дороге справа появились солдаты. Питер заметил их издалека: черные точки приближались со стороны здания. Когда солдаты подошли ближе, оказалось, что они без оружия и бредут без всякого строя.

Вернулась Мэри — Питер и не заметил, как она исчезла. Девушка ползла, пригибая голову, чтобы волосы не цеплялись за ветки. Она уселась рядом, протянула ему толстый ломоть хлеба с куском колбасы и поставила на землю бутылку с водой.

— Здание проложило дороги, — сказала Мэри.

Питер кивнул с набитым ртом.

— Они хотят, чтобы люди пришли в здание, — продолжала Мэри. — Чтобы туда было удобно добираться.

— Снова звонок?

— Да, — улыбнулась девушка.

Солдаты заметили танк и стали его разглядывать. Затем четверо сошли с дороги и зашагали по полю. Остальные ждали.

— Стена не пускает только в одном направлении, — заметила Мэри.

— Скорее, она не пускает танки, но ничего не имеет против людей.

— Здание ждет людей.

Танк подполз к солдатам и остановился. Экипаж спустился с брони, и они вместе стали что-то обсуждать. Один из солдат активно жестикулировал, показывая в разные стороны. Вдали снова загрохотала артиллерия.

— Кто-то еще пытается пробить стену, — сказал Питер.

Наконец солдаты вместе с экипажем зашагали к дороге, бросив танк посреди поля.

Питер понял, какая судьба постигла окружившую здание армию. Невидимые стены рассекли ее на части и заперли. Танки, орудия и самолеты превратились в бесполезные игрушки, которые валяются в тысячах опустевших детских манежиков.

Солдаты и танкисты побрели по дороге дальше. Бесславная осада была снята, а Питер с Мэри сидели и разглядывали здание.

— Ты сказал, они пришли со звезд. Но зачем? Зачем мы им нужны?

— Они хотят спасти нас. Спасти от самих себя. Или поработить. Или устроить на Земле военную базу. У них могут быть тысячи причин — в том

числе такие, которых нам не понять.

— Ты же не веришь в порабощение и военную базу. Иначе мы не пробирались бы к зданию.

— Не верю. Они излечили меня от рака. И эпидемия пошла на спад в тот самый день, когда появилась машина. Они помогают нам — как миссионеры, которые лечили дикарей. Надеюсь…

Он посмотрел на брошенный танк и на сверкающую ленту дороги.

— Надеюсь, они не поступят, как наши миссионеры. Не будут наряжать нас для потехи в свое платье и насильно лечить от лишая, считая расой второго сорта. Надеюсь, они не вырубят кокосовые рощи и…

Они нас знают, подумал Питер. Они изучали нас долгие годы. Подглядывали из сигаретного автомата в углу или из кассового аппарата за стойкой аптеки. А еще они отправили письма главам всех государств. Нужно лишь прочесть эти письма, и мы поймем, что им нужно. Или узнаем, чего они требуют. Или выяснится, что это заявка на строительство церкви, миссии, больницы или школы.

Они нас знают. Они знают, что мы падки на все бесплатное, поэтому стали раздавать подарки. Как в телевикторине или лотерее, где выиграли

сразу все.

Питер и Мэри наблюдали за дорогой, по которой весь день маленькими группками брели усталые солдаты. Наконец она опустела. Прошел час — ни души.

Они вышли перед закатом. Пересекли поле, прошли сквозь невидимую стену и по дороге двинулись на запад — туда, где в лучах заката багровым облаком высилось здание.

Этой ночью Питер с Мэри уже не прятались. Лишь раз, когда сиявшее в звездном свете здание уже заслонило собой полнеба, им повстречался одинокий солдат.

Солдат сидел посреди дороги. Рядом аккуратно стояли его ботинки.

— Совсем не могу идти, — сказал он вместо приветствия.

Питер достал бутылку и разложил хлеб, сыр и колбасу на оберточной бумаге, постелив ее словно скатерть прямо на дороге. Сначала все ели молча.

— Вот и все. Конец, — наконец сказал солдат.

Они жевали хлеб с сыром и ждали.

— Конец армии, — продолжил он. — Конец войне.

Он махнул рукой на военную технику, запер-

тую между дорогами. В одном отсеке стояли три самоходных артиллерийских установки, в другом лежали боеприпасы, чуть дальше замерли грузовики.

— Поди повоюй, когда твою армию расставили по клеточкам, будто шашки. Что толку от танка на пятачке в десять акров или от пушки, если она стреляет всего на километр?

— Вы думаете, они так могут? — спросила Мэри. — Не только здесь, а вообще?

— Смогли здесь — значит, смогут где угодно. Они разбили нас, не пролив ни капли крови.

Солдат проглотил кусок хлеба с сыром, потянулся за бутылкой и стал жадно пить.

— Я вернусь, — продолжил он. — Захвачу подружку и вернусь вместе с ней. Наверное, им там, в здании, нужна помощь — вот я и буду помогать чем могу. А если помощь не нужна — придумаю, как их отблагодарить.

— Им? Вы что-то видели?

Солдат уставился на Питера.

— Нет. Не видел.

— Тогда почему хотите вернуться с подружкой? Кто вас надоумил? Можем пойти прямо сейчас, все втроем.

— Так неправильно. Нечестно мне идти одно-

му. Сперва нужно увидеться и рассказать ей, что у меня на душе. Я и подарок приготовил.

— Она будет рада вам. И подарку тоже, — тихо сказала Мэри.

— Еще бы. — Солдат расплылся в улыбке. — Она давно о таком мечтала.

Он вытащил из кармана кожаный футляр, повозился с крючком и откинул крышку. В свете звезд тускло блеснуло ожерелье.

— Можно? — Мэри протянула руку.

— Конечно. Уж вы-то сразу поймете, понравится ли такое девушке.

Ожерелье заиграло в пальцах Мэри огненным ручейком.

— Бриллианты? — уточнил Питер.

— Наверное. Похоже, дорогое. Там внизу еще какой-то зеленый камешек подвешен, он не такой заметный…

— Есть спички? — перебила его Мэри.

— У меня есть зажигалка, мисс, — отозвался солдат. — Представляете, эта штуковина подарила мне зажигалку!

Он откинул крышку, и Мэри поднесла ожерелье к язычку пламени.

— Тут такой же знак, как на моих духах.

— Вот этот? — переспросил солдат. — У меня на

зажигалке такой же.

— Кто тебе ее подарил? — быстро спросил Питер.

— Коробка. То есть это не просто коробка. Я ее погладил, а она раз — выдала мне зажигалку. Я тут же вспомнил Луизу — она мне зажигалку подарила, а я потерял. Жалко было. А тут — точно такая же, только со значком. А пока я вспоминал Луизу, коробка так смешно щелкнула и выплюнула ожерелье.

Солдат подался вперед. В свете зажигалки его молодое лицо сияло торжеством.

— Знаете, что я думаю? Эта коробка — с ними заодно. У нас вообще всякое рассказывали… — Он поглядел на Питера с Мэри и удивленно добавил: — А вы надо мной не смеетесь.

— С чего бы нам смеяться? — покачал головой Питер.

Мэри протянула ему ожерелье и зажигалку. Солдат убрал их в карман и стал натягивать ботинки.

— Мне пора. Спасибо за угощение.

— Еще увидимся, — сказал Питер.

— Надеюсь.

— Обязательно увидимся, — добавила Мэри.

Они проводили солдата взглядом и пошли

дальше.

— Это особый знак, — начала Мэри. — Получившие его возвращаются в здание. Он как паспорт или печать…

— Или клеймо, — вставил Питер.

— Они ищут особых людей, которые не боятся, а верят в них.

— Зачем мы им? — бросил Питер. — Вот что меня беспокоит. Какая от нас польза? Солдат хочет помочь, но им не нужна наша помощь. И не только наша.

— Мы их не видели. Вдруг они как та машина?

Или как сигаретный автомат и бог знает что еще, подумал Питер.

— Но они знают о нас всё, — продолжала Мэри. — Они наблюдали за нами и изучили нас так хорошо, что приготовили каждому идеальный подарок. Джонни получил удочку — обычную человеческую удочку. А ты — яйцо из самого настоящего, добытого на Земле нефрита. Они даже знают, что девушке нашего солдата понравится сверкающее ожерелье и что эта девушка им подходит…

— Тарелки, — осенило Питера. — Вдруг за нами все же следили летающие тарелки?

Сколько нужно времени, чтобы изучить чело-

вечество с нуля? Ведь они начинали именно с нуля. Мы были для них загадочной инопланетной цивилизацией, которую нужно исследовать методом проб и ошибок, скрупулезно собирая разрозненные факты. Временами они заблуждались, приходили к неверным выводам, теряя драгоценное время.

— Не знаю. Не могу разобраться, — сказал Питер.

Дорога поблескивала под ногами, а здание из далекого облака превратилось в гигантскую стену, за которой не видно звезд. Чтобы окинуть взглядом всю тысячу этажей, приходилось задирать голову до боли в шее. Разум отказывался верить, что такое возможно.

Но даже подойдя вплотную, они не сумели разглядеть бомбу, что висела в пустоте над зданием. Зато тесные отсеки между невидимых стен были хорошо видны. Жестокие дети побросали свои смертоносные игрушки, и те валялись вдоль дорог бесполезным металлоломом.

Перед самым рассветом Питер с Мэри подошли к огромной лестнице у главного входа. Шагая по каменным плитам у ее подножия, они ощутили тишину и покой, что царили под сенью здания. Держась за руки, они поднялись по ступеням к

огромной бронзовой двери и обернулись.

Дороги, словно спицы гигантского колеса, уходили от здания во все стороны, насколько хватало глаз. Другие дороги соединяли их, образуя концентрические круги, так что Питер и Мэри словно стояли в центре паутины.

Между дорогами виднелись брошенные фермы с амбарами, гаражами, силосными башнями, свинарниками и навесами для машин. Там же стояла военная техника — теперь в ней будут гнездиться птицы и кролики. Над лугами и полями неслись птичьи трели, в воздухе пахло свежестью и деревенской прохладой.

— Как здорово. Это наша земля, Питер.

— Она была нашей. Теперь все будет не так, как прежде.

— Ты не боишься?

— Ни капельки. Но я в недоумении.

— Ты ведь раньше не сомневался.

— И сейчас не сомневаюсь. Я уверен, что все идет хорошо.

— Разумеется. Эпидемия полиомиелита закончилась. Армия разбежалась, но никто не умер. Атомная бомба обезврежена. Питер, они уже меняют мир к лучшему! Мы много лет не могли справиться с раком и полиомиелитом. Войны,

болезни, атомные бомбы — они избавили мир от всего, что нам самим одолеть не под силу.

— Я знаю, — ответил Питер. — Они искоренят преступность, коррупцию, насилие и все прочее, с чем человечество боролось с незапамятных времен.

— Чего же еще желать?

— Больше нечего. Только это все не то. У нас никаких фактов — одни догадки. Нет доказательств.

— Зато есть вера. Нас избавили от войн и болезней — во что же еще верить?

— Именно это меня и беспокоит.

— Мир стоит на вере, — сказала Мэри. — На вере в Бога, в себя и в человечество.

— Ты просто чудо! — воскликнул Питер.

Он обнял и поцеловал Мэри, а когда их объятия разомкнулись, тяжелая дверь поползла в сторону.

Держась за руки, они вошли в украшенный фресками зал с высоким сводчатым потолком. Вверх вели четыре широких лестничных пролета, перегороженных толстыми бархатными шнурами — как в музеях. Сверкающие стойки с таким же шнуром и стрелками указывали дорогу.

В почтительной тишине мужчина и девуш-

ка покорно прошли через зал к единственной открытой двери. За ней оказалась большая комната. Сквозь ее высокие стрельчатые окна лился утренний свет, и они увидели новенькие доски, просторные стулья с подлокотниками, массивные парты, книжные шкафы и кафедру на возвышении.

— Я угадала, — сказала Мэри. — Это был школьный звонок. Мы в школе, Питер. Первый раз в первый класс.

— Это детский сад. — Питер сбился на шепот.

«Все правильно, — думал он. — Солнце и тень, книги в роскошных переплетах, темное дерево и торжественная тишина. Учебная аудитория в лучших земных традициях. И Оксфорд, и Кембридж, и Сорбонна, и университеты Лиги плюща — всего понемногу».

Пришельцы не упустили не единой детали.

— Мне пора, — сказала Мэри. — Подожди здесь и никуда не уходи.

— Я подожду.

Мэри открыла дверь в другом конце аудитории. За ней виднелся коридор, уходящий куда-то вдаль. Дверь закрылась, и Питер остался один.

Постояв немного, он резко обернулся и бросился назад, к бронзовой двери. Вот только двери

не было — сплошная стена без единой щелочки. Питер внимательно ощупал ее — ничего.

Он замер, потерянный и опустошенный. Здание тянулось ввысь на тысячу этажей. Здесь детский сад, на втором этаже первый класс и так далее. А что в конце? И зачем оно?

Когда мы закончим учебу?

И закончим ли вообще?

Кем мы станем потом?

Кем бы я хотел стать?

Останемся ли мы людьми?

День за днем будут приходить избранные — те, кто сдал странный вступительный экзамен. Они пройдут по дорогам, поднимутся по ступеням, и перед ними распахнется большая бронзовая дверь. Придут и другие — но дверь пропустит лишь тех, у кого есть знак.

И никто из попавших внутрь уже не сможет уйти.

Питер вернулся в аудиторию. Интересно, что тут за книги. Надо набраться смелости и взглянуть. И кафедра. Что будет стоять за этой кафедрой?

«Что», а не «кто».

Дверь отворилась, и вошла Мэри.

— Там квартиры, — сказала она. — Такие уют-

ные — поверить не могу. На одной из них наши имена. И есть другие — с именами и без. Питер, сюда многие придут. Мы просто явились слишком рано. Мы пришли в школу первыми — еще до звонка.

Он кивнул.

— Тогда подождем.

Они сели рядом и стали ждать Учителя.

Мираж
Перевод О. Битова

Они вынырнули из марсианской ночи — шестеро жалких крошечных существ, истомленных поисками седьмого.

Они возникли на краю круга света, отбрасываемого костром, и замерли, поглядывая на троих землян своими совиными глазами.

И земляне застыли, захваченные врасплох.

— Спокойно, — выдохнул. Уомпус Смит уголком бородатого рта. — Если мы не шелохнемся, они подойдут поближе.

Издалека донесся чей-то слабый, тягучий стон — он проплыл над песчаной пустыней, над остроконечными гребнями скал, над исполинским каменным стрельбищем.

Шестеро стояли на самой границе света. Пламя расцвечивало их мех красными и синими бликами, и они будто переливались на фоне ночной пустыни.

— «Древние», — бросил Ларс Нелсон Ричарду Уэббу, сидящему по другую сторону костра.

Уэбб поперхнулся, у него перехватило дыхание.

Перед ним были существа, которых не надеялся увидеть не только он сам, но и никто из людей, — шестеро марсианских «древних», вынырнувшие вдруг из пустыни, из глубин тьмы, и замершие в свете костра. Многие — это он знал наверняка — провозглашали расу «древних» вымершей, затравленной, погибшей в ловушках, истребленной алчными охотниками-песковиками.

Сначала все шестеро казались одинаковыми, неотличимыми друг от друга. Потом, когда Уэбб присмотрелся, он заметил мелкие различия в строении тел, выдающие своеобразие каждого. «Шестеро, — подумал он, — а ведь должно быть семь...»

«Древние» медленно двинулись вперед, все глубже вступая в освещенный круг у костра. И один за другим опустились на песок, лицом к лицу с людьми. Никто не проронил ни слова, и молчание в круге огня становилось все напряженнее, лишь откуда-то с севера по-прежнему доносились стенания, словно острый тонкий нож взрезал безмолвную ночь.

— Люди рады, — произнес наконец Уомпус Смит, переходя на жаргон пустыни. — Люди долго вас ждали.

Одно из существ заговорило в ответ. Слова у

него получались полуанглийскими, полумарсианскими — чистая тарабарщина для непривычного слуха.

— Мы умираем, — сказало оно. — Люди долго вредили. Люди могут немного помочь. Теперь, когда мы умираем, люди помогут?

— Люди огорчены, — ответил Уомпус, но даже в тот миг, когда он старался напустить на себя печаль, в голосе у него проскользнула радостная дрожь, какое-то неудержимое рвение, как у собаки, взявшей горячий след.

— Нас тут шесть, — сказало существо. — Шесть — мало. Нужен еще один. Не найдем Седьмого — умрем. Все «древние» умрут без возврата.

— Ну, не все, — откликнулся Уомпус.

— Все, — настойчиво повторил «древний». — Есть другие шестерки. Седьмого нет нигде.

— Чем же мы можем вам помочь?

— Люди знают, где Седьмой. Люди прячут Седьмого.

Уомпус затряс головой:

— Где же мы его прячем?

— В клетке. На Земле. Чтобы другие люди смотрели.

Уомпус снова качнул головой:

— На Земле нет Седьмого.

— Был один, — тихо вставил Уэбб. — В зоопарке.

— В зоопарке, — повторило существо, будто пробуя незнакомое слово на вкус. — Так мы и думали. В клетке.

— Он умер, — сказал Уэбб. — Много лет назад.

— Люди прячут Седьмого, — настаивало существо. — Здесь, на этой планете. Сильно прячут. Хотят продать.

— Не понимаю, — выговорил Уомпус, но по тому, как он это произнес, Уэбб догадался, что тот прекрасно все понял.

— Найдите Седьмого. Не убивайте его. Спрячьте. Запомните — мы придем за ним. Запомните — мы заплатим.

— Заплатите? Чем?

— Мы покажем вам город, — ответило существо. — Древний город.

— Это он про ваш город, — пояснил Уэббу Нелсон. — Про руины, которые вы ищете.

— Как жаль, что у нас в самом деле нет Седьмого, — произнес Уомпус. — Мы бы отдали его им, а они отвели бы нас к руинам.

— Люди долго вредили, — сказало существо. — Люди убили всех Седьмых. У Седьмых хороший мех. Женщины носят этот мех. Дорого платят за

мех Седьмых.

— Что верно, то верно, — откликнулся Нелсон. — Пятьдесят тысяч за шкурку на любой фактории. А в Нью-Йорке за пелеринку из четырех шкурок — полмиллиона чистоганом…

Уэббу стало дурно от самой мысли о такой торговле, а еще более от небрежности, с какой Нелсон помянул о ней. Теперь она, разумеется, была объявлена вне закона, но закон пришел на выручку слишком поздно — «древних» уже нельзя было спасти. Хотя, если разобраться, зачем вообще понадобился этот закон? Разве может человек, разумное существо, охотиться на другое разумное существо и убивать его ради шкурки, ради того, чтобы получить пятьдесят тысяч долларов?

— Мы не прячем Седьмого, — уверял Уомпус. — Закон говорит, что мы вам друзья. Никто не смеет вредить Седьмому, Никто не смеет его прятать.

— Закон далеко, — возразило существо. — Здесь люди сами себе закон.

— Кроме нас, — ответил Уомпус. — Мы с законом не шутим, «И не смеется», — подумал Уэбб.

— Вы поможете? — спросило существо.

— Попробовать можно, — уклончиво сказал Уомпус. — Хотя что толку. Вы не можете найти. Люди тоже не найдут.

— Найдите. Покажем город.

— Мы поищем, — пообещал Уомпус. — Хорошо поищем. Найдем Седьмого — приведем. Где вы будете ждать?

— В ущелье.

— Ладно, — произнес Уомпус. — Значит, уговор?

— Уговор.

Шестеро не спеша поднялись на ноги и вновь повернулись лицом к ночи. На краю освещенного круга они приостановились. Тот, что говорил, обернулся к людям.

— До свидания, — сказал он.

— Всего, — ответил Уомпус.

И они ушли обратно к себе, в пустыню.

А трое людей еще долго сидели, прислушиваясь непонятно к чему, выцеживая из тишины мельчайший шорох, пытаясь уловить в нем отголоски жизни, кишащей вокруг костра.

«На Марсе, — подумал Уэбб, — мы все время прислушиваемся. Такова плата за право выжить. Надо прислушиваться, надо всматриваться, замирать и не шевелиться. И быть безжалостным. Надо наносить удар, не дожидаясь, пока его нанесет другой. Успеть увидеть опасность, услышать опасность, быть постоянно в готовности встре-

тить ее и опередить хотя бы на полсекунды. А главное — надо распознать опасность, едва завидев, едва заслышав ее...»

В конце концов Нелсон вернулся к занятию, которое прервал при появлении шестерых, — править нож на карманном оселке, доводя его до остроты бритвы. Тихое, равномерное дзиньканье стали по камню звучало как сердцебиение, как пульс, рожденный далеко за костром, пришедший из тьмы, как мелодия самой пустыни.

Молчание нарушил Уомпус:

— Чертовски жаль, Ларс, что мы не знаем, где найти Седьмого.

— Угу, — ответил тот.

— Могло бы получиться неплохое дельце, — продолжал Уомпус. — В этом древнем городе — клад на кладе. Так все говорят.

— Просто врут, — проворчал Нелсон.

— Камушки, — продолжал Уомпус. — Такие крупные и блестящие, что глаза лопаются. Целые мешки камушков. С ног свалишься, пока перетаскаешь.

— Да больше одного мешка и не понадобилось бы, — поддержал Нелсон. — Один мешок — и на всю жизнь хватит.

Тут Уэбб заметил, что оба они пристально смот-

рят на него, щурясь при свете костра. Он произнес почти сердито:

— Я про клады ровно ничего не знаю.

— Но вы же слышали, что говорят, — бросил Уомпус.

Уэбб ответил кивком.

— Можно сказать и по-другому — клады меня не интересуют. Я не рассчитываю ни на какой клад.

— Но и не откажетесь, если подвернется, — вставил Ларс.

— Это не играет роли, — отрезал Уэбб. — Что так, что иначе — мне все равно.

— Что вам известно про древний город? — требовательно спросил Уомпус, и лаже младенцу стало бы ясно, что вопрос задан неспроста, вернее, не без тайных надежд. — Ходите кругом да около, роняете разные намеки, нет чтоб открыться и выложить все начистоту…

Секунду-другую Уэбб молча глядел на Уомпуса, потом проговорил с расстановкой:

— Известно одно. Я прикинул, где мог стоять этот город, — исходя из географических и геологических данных и из определенных представлений об истоках культур. Я прикинул, где могла течь вола, где могли расти леса и травы, когда Марс был цветущим и юным. Я попробовал

установить теоретически самое вероятное место зарождения цивилизации. Только и всего.

— И вы никогда не задумывались ни о каких кладах?

— Я думал о том, чтобы разгадать загадку марсианской культуры, — ответил Уэбб. — Как она развивалась, почему погибла и на что была похожа?

Уомпус сплюнул.

— Вы даже не уверены, что город вообще существует, — буркнул он возмущенно.

— До недавних пор действительно не был, — отозвался Уэбб. — Теперь уверен.

— Потому что о нем заговорили эти зверушки?

— Именно поэтому. Вы угадали.

Уомпус хмыкнул и умолк. Уэбб не сводил глаз со своих спутников, вглядываясь в их лица сквозь пламя костра.

«Они считают, что я с «приветом», — подумал он — И презирают меня за то, что я с «приветом». Они не колеблясь бросили бы меня на произвол судьбы, а то и пырнули ножом, если бы им это понадобилось, если бы у меня нашлось что-нибудь, чем они захотели бы завладеть…»

Но он отдавал себе отчет, что выбора у него, в сущности, не было. Он не мог уйти в пустыню

один — попытайся он путешествовать на свой страх и риск, он, наверное, не прожил бы и двух дней. Чтобы выжить здесь, нужны специальные знания и навыки, да и особый склад ума. Чтобы на Марсе рискнуть выйти за пределы поселений, надо развить в себе особую способность к выживанию.

А поселения теперь остались далеко-далеко. Где-то там, на востоке.

— Завтра, — произнес Уомпус, — мы меняем маршрут. Мы пойдем на север, а не на запад.

Уэбб ничего не ответил. Лишь рука скользнула к поясу и нащупала пистолет — захотелось убедиться, что пистолет на месте.

Он сознавал, конечно, что нанимать этих двоих не следовало. Но и другие, вероятно, оказались бы не лучше. Они все были одной породы — закаленные и ожесточившиеся, они скитались по пустыне, охотясь, расставляя капканы, копая шурфы, подбирая все, что попадется. Просто в ту минуту, когда Уэбб явился на факторию, Уомпус и Нелсон оставались там в единственном числе. Остальные песковики ушли за неделю до его прибытия, разбрелись по своим охотничьим угодьям.

Поначалу эти двое держались почтительно,

чуть ли не подобострастно. Но дни шли за днями, проводники обретали все большую уверенность в себе и понемногу наглели. Теперь-то Уэбб догадался, что его попросту обвели вокруг пальца. Теперь-то он смекнул, что эти двое застряли на фактории по одной причине: у них не было снаряжения, и никто не хотел поверить им в долг. Пока не подвернулся он со своей затеей. Он дал им все, что только могло понадобиться им в пустыне. А теперь, когда дал, превратился в обузу.

— Я сказал, — повторил Уомпус, — что завтра мы пойдем на север. — Уэбб по-прежнему хранил молчание. Уомпус повысил голос: — Вы меня слышали?..

— Еще в первый раз, — отозвался Уэбб.

— Мы пойдем на север, — повторил Уомпус, — и мы будем спешить.

— Вы что, припрятали там на севере Седьмого?

Ларс хихикнул:

— Подумать только, какая чертова канитель! Требуется целых семеро там, где у нас вполне хватает одного мужчины и одной женщины.

— Я спрашиваю, — повторил Уэбб, адресуясь к Уомпусу. — Вы что, загодя заперли Седьмого в клетку?

— Нет, — ответил Уомпус. — Просто пойдем на

север, и все.

— Я нанял вас, чтобы вы шли со мной на запад.

— Так я и думал, — проворчал Уомпус, — что вы заявите что-нибудь в таком роде. Мне не терпелось узнать, что вы на этот счет думаете.

— Вы решили бросить меня на произвол судьбы, — сказал Уэбб. — Вы заграбастали мои денежки и вызвались быть моими проводниками. Теперь вам взбрело на ум что-то новенькое. Одно из двух: или у вас есть Седьмой, или вам кажется, что вы знаете, где его найти. А если я тоже узнаю об этом и проболтаюсь, вам несдобровать. Так что остается самая малость — придумать, как со мной поступить. Можно прикончить меня на месте, а можно просто бросить, и пусть кто-нибудь или что-нибудь прикончит меня за вас…

— Но мы хоть предоставляем вам выбор, не правда ли? — осклабился Ларс.

Уэбб перевел взгляд на Уомпуса, и тот кивнул:

— Выбирайте, Уэбб.

Разумеется, он успел бы выхватить пистолет. Успел бы, по всей вероятности, прихлопнуть одного из них, прежде чем другой прихлопнет его самого. Но чего бы он этим добился? Он был бы все равно мертвец — такой же мертвец, как если бы его застрелили без предупреждения. И коль на

то пошло, он уже и сейчас мертвец: ведь между ним и поселениями пролегли сотни миль, и даже если бы он каким-то чудом одолел эти мили, где гарантия, что он сумеет найти поселения?

— Мы выезжаем без промедления, — сказал Уомпус. — Не очень-то удобная штука путешествовать в темноте, да нам не привыкать. Через день-другой будем уже далеко на севере…

Ларс добавил:

— А когда вернемся на факторию, Уэбб, непременно выпьем за упокой вашей души.

Уомпус решил поддержать настроение:

— Выпьем чего-нибудь поприличнее, Уэбб. Уж тогда-то мы сможем позволить себе приличную выпивку.

Уэбб не промолвил ни слова, даже не шелохнулся. Он сидел на песке неподвижно, почти расслабленно. «Вот это, — сказал он себе, — пожалуй, и есть самое страшное. Что я могу сидеть, отлично зная, что сейчас произойдет, и вести себя так, словно это меня вовсе не касается…»

Наверное, тому виной были пройденные мили — мили суровой, изрезанной пустыни, где человека на каждом шагу подстерегают хищники, жестокие и «кровожадные, алчущие добычи, всегда готовые подкрасться, напасть и убить.

Жизнь в пустыне сведена к самым примитивным потребностям, и новичок быстро усваивает, что от смерти ее отделяет в лучшем случае тонкая-тонкая нить…

— Ну так что, — произнес наконец Уомпус, — что же вы выбираете, Уэбб?

— Предпочитаю, — ответил Уэбб угрюмо, — рискнуть и попробовать выжить.

Ларс пощелкал языком.

— Плохо дело, — сказал он. — Мы надеялись, что вы предпочтете иной выход. Тогда мы могли бы забрать себе все добро. А так придется вам кое-что оставить.

— Вы же всегда успеете вернуться, — ответил Уэбб, — и пристрелить меня, как крольчонка. Это будет легче легкого.

— Х-м, — откликнулся Уомпус, — стоящая идея!

— Отдайте-ка мне свою пушку, Уэбб, — сказал Ларс. — Я швырну вам ее обратно, когда будем уезжать. К чему рисковать, что вы продырявите нас, пока мы собираемся…

Уэбб вытащил пистолет из кобуры и беспрекословно отдал Нелсону. А затем сидел, не меняя позы, и следил, как они пакуют снаряжение и складывают в нутро пескохода. Сборы были

недолгими.

— Мы оставляем вам достаточно, чтобы продержаться, — объявил Уомпус. — Более чем достаточно.

— Наверное, вы прикинули, — ответил Уэбб, — что я долго не протяну.

— На вашем месте, — сказал Уомпус, — я бы предпочел легкий и быстрый конец.

Уэбб еще долго сидел без движения, прислушиваясь к мотору пескохода, пока звук не затих вдали, а потом поджидая внезапный выстрел, который бросит его вниз лицом прямо в яркое пламя костра. Прошло немало минут, прежде чем он поверил, что выстрела не будет. Тогда он подбавил в костер топлива и залез в спальный мешок.

Утром он направился на восток — назад по следам пескохода. Он знал: следы будут заметны в течение недели, может, даже чуть дольше, но рано или поздно исчезнут, вытертые сыпучими песками и слабеньким подвывающим ветерком, который нет-нет да и пронесется над унылой и неприютной пустыней.

Но по крайней мере, пока он идет по следам, он будет знать, что идет в нужную сторону. И более чем вероятно, что ему суждено погибнуть

куда раньше, чем исчезнут следы: пустыня щедра на внезапную смерть, и никто не посмеет поручиться, что не расстанется с жизнью буквально мгновение спустя.

Уэбб шел, сжимая в руке пистолет, поминутно оглядываясь по сторонам, останавливаясь на гребнях дюн и изучая лежащую впереди местность, прежде чем спуститься в ложбину.

Непривычная ноша — неумело скатанный спальный мешок — наливалась тяжестью с каждым часом, стирая плечи до крови. День выдался теплым — настолько же теплым, как ночь была холодна, — и в горле комом вставала мучительная жажда. Уэбб бережно отмерял по капельке воду из оставленного ему скудного запаса.

Он понимал, что никогда не вернется к людям. Где-то между дюнами, среди которых он брел сейчас, и линией поселений он умрет от недостатка воды, или от укуса насекомого, или от клыков какого-нибудь свирепого зверя, или просто от изнеможения.

Подумать толком — так не стоило и пробовать добраться к людям, на успех у него не оставалось и одного шанса из тысячи. Но Уэбб даже не сбавил шага, чтобы подсчитать свои шансы, — он шел и шел на восток, по следам пескохода.

Потому что в нем жила чисто человеческая черта — пытаться, несмотря ни на что; он должен двигаться, пока не иссякнут силы, должен избегать смерти так упорно, как только сможет. И он шел, напрягая волю и силы и упорно избегая смерти.

Он приметил колонию муравьев как раз вовремя, чтоб обойти ее стороной, но обход получился слишком близким, и насекомые, почуяв пищу, устремились за ним следом. Пришлось бежать, и он бежал целую милю, прежде чем оторвался от преследователей.

Он разглядел припавшую к песку, окрашенную под цвет песка тварь, поджидающую, чтоб он подошел поближе, и уложил ее на месте. Немного позже из-за россыпи камней выскочило другое чудище, но пуля угодила чудищу точно между глаз, прежде чем оно покрыло половину разделявшего их расстояния.

Добрый час, не меньше, он просидел не шевелясь на песке, пока гигантское насекомое — по виду шмель, но вовсе не шмель — кружило над той точкой, где только что кого-то видело. Но так как шмель умел распознавать добычу только в движении, то в конце концов отступился и улетел. Тем не менее Уэбб сидел неподвижно еще с

полчаса на случай, если враг не улетел насовсем, а прячется где-то неподалеку в надежде вновь уловить движение и возобновить охоту.

Четыре раза ему удалось обмануть смерть, но он понимал — пробьет час, когда он не заметит опасности или, заметив, не среагирует достаточно быстро, чтоб остановить ее.

Его одолевали миражи, отвлекая внимание от всего другого, за чем надлежало следить неустанно. Миражи мерцали в небе, как бы вырастая из почвы, рисуя мучительные картины, каких на Марсе не было и быть не могло, а если и были, то давным-давно, в незапамятные времена.

Картины широких медленных рек с косым парусом на середине. Картины зеленых лесов, взбегающих по холмам, — такие ясные, такие близкие, что среди деревьев можно было без труда различить пятнышки диких цветов А иногда вдалеке чудилось что-то наподобие увенчанных снежными шапками гор — это в мире, не ведавшем, что такое горы.

Продвигаясь вперед, он не забывал высматривать, где бы разжиться топливом, — а вдруг из-под песка выступит краешек «законсервированного» ствола, уцелевшего от той смутной поры, когда окрестные холмы и долины были

покрыты зеленью, кусочек дерева, избегнувший ножей времени и застрявший высохшей мумией в безводье пустыни.

Однако топлива не находилось, и он отдал себе отчет, что, скорее всего, ему предстоит провести ночь без огня. Заночевать без огня на открытом воздухе было бы полнейшим безумием. Не пройдет и часа после наступления сумерек, как его попросту сожрут. Значит, надо искать убежища в одной из пещер, что в изобилии встречались среди диких скал, раскиданных по пустыне. Надо найти подходящую пещеру, очистить ее от зверья, которое может там гнездиться, завалить вход камнями и тогда уж прилечь, не выпуская пистолета из рук.

На первый взгляд задача была несложная — пещер попадалось много, и тем не менее приходилось отвергать их одну за другой: на поверку входы пещер оказывались чересчур широкими, завалить их не представлялось возможным. А пещера с незаваленным входом — это было известно даже ему — в мгновение ока превращалась в ловушку.

До заката оставалось меньше часа, когда Уэбб наконец выбрал пещеру, которая, казалось, удовлетворяла всем требованиям. Пещера распо-

лагалась среди скал на склоне крутого холма. Уэбб провел несколько долгих минут, стоя у подножия холма и оглядывая склон. Никакого движения. Нигде не возникало никаких подозрительных цветных бликов.

Тогда он не торопясь начал подъем, глубоко увязая в сыпучем песке откоса, с трудом завоевывая каждый фут, надолго замирая, чтобы перевести дух и обследовать склон впереди снова, снова и снова.

Одолев откос, он осторожно двинулся к пещере с пистолетом на изготовку: кто знает, не выпрыгнет ли оттуда какая-нибудь нечисть? И вообще, что теперь делать: посветить в пещеру фонариком в надежде разглядеть, кто там? Или, недолго думая, вскинуть пистолет и полить все внутреннее пространство смертоносным огнем?

«Церемониться тут нечего, — убеждал он себя. — Лучше ухлопать безобидную тварь, чем пренебречь возможной опасностью...»

Он не слышал ни звука, пока когти хищника не заскрежетали по камню у него за спиной. Бросив быстрый взгляд через плечо, он убедился, что зверь совсем рядом, успел заметить разверстую пасть, убийственные клыки и крохотные глазки, пылающие холодной жестокостью.

Оборачиваться и стрелять было уже поздно. Было поздно предпринимать что бы то ни было, разве что…

Ноги Уэбба распрямились с силой, как рычаги, швырнув его тело вперед, в пещеру. Задев плечом об острый камень у входа, он распорол куртку и ободрал руку, зато очутился внутри, где стало просторнее, и покатился куда-то. Что-то задело его по лицу, потом он перекатился через кого-то, кто издал протестующий визг. В дальнем углу пещеры съежился какой-то тихо мяукающий комок.

Став на колени, Уэбб перекинул пистолет из руки в руку, повернулся ко входу лицом и увидел массивную голову и плечи зверя, который продолжал атаку, пытаясь втиснуться внутрь. Потом голова и плечи оттянулись назад, и на смену им пришла гигантская лапа, начавшая шарить по пещере в поисках укрывшейся там добычи.

Вокруг поднялся шум — Уэбб различил не менее десятка голосов, бормочущих на жаргоне пустыни:

— Человек, человек, убей, убей, убей…

Пистолет Уэбба изрыгнул огонь, лапа обмякла и нехотя выползла из пещеры, Большое серое тело отпрянуло, потеряло опору, и было слышно,

как оно ударилось внизу о склон и покатилось по осыпи.

— Спасибо, человек, — шелестели голоса. — Спасибо…

Уэбб медленно сел, пристроив пистолет на колене. Теперь он расслышал, как вокруг со всех сторон шевелится жизнь.

Пот выступил у него на лбу, побежал ручейками по спине.

Что таилось в пещере? Кто был тут вместе с ним?

То, что они заговорили, не означало ровным счетом ничего. Половина так называемых животных Марса умела изъясняться на жаргоне пустыни, состоящем из двухсот-трехсот слов частично земного, частично марсианского, а частично бог весть какого происхождения. Ведь многие из этих животных были на самом деле отнюдь не животными, а выродившимися потомками тех, кто некогда создал сложную цивилизацию. Среди них «древние» достигали в прошлом наивысшего развития — недаром они до сих пор сумели в какой-то степени сохранить облик двуногих, — но существовали, видимо, и другие расы, стоявшие на более низких ступенях культуры и выжившие лишь благодаря миролю-

бию и терпимости «древних».

— Ты в безопасности, — услышал он голос. — Не бойся. Закон пещеры.

— Закон пещеры?

— Убивать в пещере нельзя. Снаружи — можно. А в пещере нельзя.

— Я не стану убивать, — откликнулся Уэбб. — Закон пещеры — хороший закон.

— Человек знает закон пещеры?

— Человек не нарушит закон пещеры.

— Хорошо, — произнес тот же голос. — Тогда все хорошо.

Уэбб с облегчением спрятал пистолет в кобуру и снял со спины спальный мешок, расстелил его рядом с собой и потер свои натруженные, в ссадинах и волдырях плечи.

«В это можно поверить, — сказал он себе. — Такое стихийное и простое установление, как закон пещеры, нетрудно понять и принять. Ведь этот закон исходит из элементарной жизненной потребности — потребности слабейших с приходом ночи забыть взаимные распри, перестать гоняться друг за другом и найти общее убежище от более сильных и свирепых убийц, от тех, что выходят на охоту после заката…»

Другой голос произнес:

— Придет утро. Человек захочет убить.

И еще голос:

— Человек соблюдает закон ночью. Утром закон ему надоест. Утром он начнет убивать.

— Человек не будет убивать утром, — заверил Уэбб.

— Все люди убивают, — объявило одно из существ. — Убивают ради меха. Убивают ради мяса. Мы — мех. Мы — мясо.

— Этот человек не будет убивать, — повторил Уэбб. — Этот человек — друг.

— Друг? — переспросил голос. — Мы не знаем, что такое «друг». Объясни.

Объяснять Уэбб не стал. Он понимал: объяснять бесполезно. Они все равно не осознают нового слова — оно чуждо этой пустыне. В конце концов он спросил:

— Камни тут есть?

И какой-то голос откликнулся:

— Камни в пещере есть. Человеку нужны камни?

— Завалить вход в пещеру, — пояснил Уэбб. — Чтобы хищники не могли сюда попасть.

Они не сразу уловили суть предложения, но наконец один из них решил:

— Камни — это хорошо.

Они принялись таскать камни и камушки и с помощью Уэбба плотно запечатали вход в пещеру.

Было слишком темно для того, чтобы что-нибудь толком разглядеть, но во время работы существа невольно задевали его, и одни были мягкими и пушистыми, а другие — чешуйчатыми, как крокодилы, и их чешуя обдирала кожу. Встретилось и существо, которое казалось не просто мягким, а рыхлым до отвращения.

Уэбб устроился в углу пещеры, прислонив спальный мешок к стене. Он с удовольствием забрался бы внутрь, но для этого пришлось бы сначала вынуть из мешка все припасы, а если он вынет их, то, ясное дело, к утру от них не останется даже воспоминания.

«Быть может, — обнадеживал он себя, — теплота тел существ, сбившихся на ночь в пещере, не позволит ей слишком сильно остыть. Она, конечно, остынет все равно, но, быть может, не настолько, чтобы холод стал опасным для жизни. Рискованно, да что ж поделаешь...»

Проводить ночи в дружбе, убивать друг друга и спасаться друг от друга с приходом зари... Они назвали это законом. Законом пещеры. Вот о чем бы книги писать, вот на что нет и намека во

всех толстенных томах, которые он когда-либо прочел.

А прочел он их множество. Какими-то безмолвными чарами Марс всегда привораживал Уэбба, приводил его в восторг. Таинственность и отдаленность, пустота и упадок дразнили его воображение и в конце концов заманили сюда, чтоб он попытался хотя бы приподнять завесу таинственности, попытался нащупать причину упадка и, пусть приблизительно, измерить былое величие культуры, в незапамятные времена потерпевшей крах.

В марсианской археологии насчитывалось немало незаурядных работ. Аксельсон с его дотошными исследованиями символики водяных кувшинов, наивные подчас потуги Мейсона проследить пути великих переселений. Потом еще Смит, который годами бродил по этому пустынному миру, записывая смутные истории о древнем величии, о золотом веке, те истории, что нашептывали друг другу маленькие вырождающиеся существа. Разумеется, в большинстве своем это мифы, но где-то, в каком-то из мифов кроется и ответ на волнующие Уэбба вопросы. Фольклор никогда не бывает чистой выдумкой, в основе его обязательно лежит факт; потом к одному факту

прибавляется другой, два факта искажаются до неузнаваемости, и рождается миф. Но в конечном счете за любыми напластованиями непременно прячется изначальная основа — факт.

Точно так обстоит, так должно обстоять дело и с тем мифом, где говорится о великом, блистающем городе, который возвышался над всем на Марсе и был известен до самых дальних его пределов. Средоточие культуры — так объяснял себе это Уэбб, — точка, где сходились все достижения, все мечты и стремления эпохи былого величия. И тем не менее за сто с лишним лет поисков и раскопок археологи с Земли не нашли и следа самого завалящего города, не говоря уж о Городе всех городов. Черепки, захоронения, жалкие лачуги, где в относительно недавние времена ютились уцелевшие наследники великого народа, — такого было хоть отбавляй. Но мифического города не было и в помине.

А ведь должен быть! Уэбб ощущал уверенность, что миф не может лгать: этот миф рассказывали слишком часто в слишком отдаленных друг от друга точках, рассказывали слишком многие и слишком разные звери, все, что некогда назывались людьми.

«Марс приворожил меня, — подумал Уэбб, — и

все еще привораживает. Но теперь я знаю, что это смерть моя: только смерть способна так приворожить. Смерть на следующем переходе, уже занявшая свой рубеж. А то и смерть прямо здесь, в пещере: кто помешает им убить меня, едва забрезжит рассвет, просто ради того, чтоб я не убил их? Кто помешает им продлить свое ночное перемирие ровно на столько секунд, сколько понадобится, чтобы прикончить меня?..»

И что такое закон пещеры? Отголосок минувших дней, некое напоминание о давно утраченном братстве? Или, напротив, нововведение, вызванное к жизни веком зла, который пришел братству на смену?

Он откинул голову на камень, закрыл глаза и подумал:

«Если они убьют меня — пусть убьют, я их убивать не стану. И без меня люди уже убивали на Марсе сверх всякой меры. Я, по крайней мере, верну хоть часть долга. Я не стану убивать тех, кто приютил меня».

И тут он вспомнил, как подкрадывался к пещере, обсуждая с самим собой вопрос: заглянуть туда сначала или без долгих слов взять пещеру на мушку и выжечь в ней все и вся — простейший способ увериться, что там не осталось никого и

ничего вредоносного…

— Но я не знал! — воскликнул он. — Я же не знал!

Мягкое пушистое тельце коснулось его руки, и он услышал голосок:

— Друг — значит не обидит? Друг — значит не убьет?

— Не обидит, — подтвердил Уэбб. — Не убьет.

— Ты видел шестерых? — осведомился голосок. Уэбб вздрогнул, отпрянул от стены и оцепенел. Голосок повторил настойчиво: — Ты видел шестерых?

— Я видел шестерых, — ответил Уэбб.

— Давно?

— Одно солнце назад.

— Где шестеро?

— В ущелье, — ответил Уэбб. — Ждут в ущелье.

— Ты охотишься на Седьмого?

— Нет, — ответил Уэбб. — Я иду домой.

— А другие люди?

— Они ушли на север. Охотятся на Седьмого на севере.

— Они убьют Седьмого?

— Поймают Седьмого. Отведут его к шестерым. Чтоб увидеть город.

— Шестеро обещали?

— Шестеро обещали, — ответил Уэбб.

— Ты хороший человек. Ты человек-друг. Ты не убьешь Седьмого?

— Не убью, — подтвердил Уэбб.

— Все люди убивают. А Седьмых прежде всего. У Седьмых хороший мех. Дорого стоит. Много Седьмых погибли от рук людей.

— Закон говорит — нельзя убивать, — провозгласил Уэбб. — Закон людей говорит, что Седьмой — друг. Нельзя убивать друга.

— Закон? Как закон пещеры?

— Как закон пещеры, — подтвердил Уэбб.

— Ты Седьмому друг?

— Я друг вам всем.

— Я Седьмой, — произнес голосок.

Уэбб сидел неподвижно, выжидая, чтобы мозг стряхнул с себя оцепенение.

— Слушай, Седьмой, — сказал он наконец. — Иди в ущелье. Найди шестерых. Они ждут. Человек-друг рад за тебя.

— Человек-друг хотел увидеть город, — откликнулось существо. — Седьмой — друг человеку. Человек нашел Седьмого. Человек увидит город. Шестеро обещали.

Уэбб едва сдержался, чтобы не разразиться горьким хохотом. Вот ему и выпал случай, на

который он почти не надеялся. Вот и свершилось то, чего он так страстно желал, то, зачем он вообще прилетел на Марс. А он не может принять дар, который ему предлагают. Физически не в силах принять.

— Человек не дойдет, — сказал он. — Человек умрет. Нет еды. Нет воды. Человеку смерть.

— Мы позаботимся о тебе, — ответил Седьмой. — У нас никогда не было человека-друга. Люди убивали нас, мы убивали людей. Но пришел человек-друг. Мы позаботимся о таком человеке.

Уэбб немного помедлил, размышляя, потом спросил:

— Вы дадите человеку еду? Вы найдете для человека воду?

— Мы позаботимся, — был ответ.

— Как Седьмой узнал, что я видел шестерых?

— Человек сказал. Человек подумал. Седьмой узнал.

Вот оно что — телепатия… След былого могущества, остаток величественной культуры, еще не совсем позабытой. Интересно, многие ли другие существа в пещере наделены тем же даром?

— Человек пойдет вместе с Седьмым? — спросил Седьмой.

— Человек пойдет, — решил Уэбб.

«В самом деле, почему бы и нет?» — сказал он себе. Идти на восток, в сторону поселений — это не решение. У него не хватит пищи. У него не хватит воды. Его подстережет и сожрет какой-нибудь хищник. У него нет ни малейшей надежды выжить.

Но если он пойдет за крошечным существом, что встало рядом с ним во мраке пещеры, надежда, быть может, забрезжит опять. Пусть не слишком твердая, но все-таки надежда. Появится пища и вода — или по крайней мере надежда на пищу и воду. Появится спутник, который поможет ему уберечься от внезапной смерти, странствующей по пустыне, который предостережет его и подскажет, как опознать опасность.

— Человеку холодно, — произнес Седьмой.

— Холодно, — согласился Уэбб.

— Одному холодно, — объявил Седьмой. — Двоим тепло.

Пушистое создание залезло к нему на грудь, обняло за шею.

Спустя мгновение Уэбб осмелился прижать существо к себе.

— Спи, — произнес Седьмой. — Тепло. Спи…

Уэбб доел остатки своих припасов, и тогда семеро «древних» вновь сказали ему:

— Мы позаботимся…

— Человек умрет, — настойчиво повторял Уэбб. — Нет еды. Человеку смерть.

— Мы позаботимся, — твердили семь маленьких существ, выстроившись полукругом. — Позаботимся позже…

Он понял их так, что сейчас еды для него нет, но позже она должна появиться.

Они снова двинулись в путь.

Пути, казалось, не будет конца. Уэбб падал с ног и кричал во сне. Он дрожал мелкой дрожью даже тогда, когда удавалось отыскать древесину и они сидели, скорчившись, у костра. День за днем только песок да скалы — ползком вверх на крутой гребень, кубарем вниз с другой стороны или шаг за шагом по жаркой равнине, по морскому дну давно минувших эпох.

Путь превратился в монотонную мелодию, в примитивный ритм, в попевку из трех звенящих нот, заунывную, нескончаемую, которая звенит в висках весь день. И еще многие часы после того, как настала ночь и путники остановились на отдых. Стучит до головокружения, пока мозг не отупеет от стука, пока глаза не откажутся четко видеть мир и мушку пистолета — надо встретить огнем нападающего, подползающего или пики-

рующего врага, вдруг возникающего ниоткуда, а она превращается в расплывчатый шарик.

И повсюду их подстерегали миражи, вечные марсианские миражи, которые, казалось, вплотную граничат с реальностью. В небе вспыхивали мерцающие картины: вода и деревья, и неоглядные зеленые степные дали, каких Марс не видел на протяжении бессчетных столетий. Словно, как говорил себе Уэбб, минувшее крадется за ними по пятам, словно оно по-прежнему существует и пытается нагнать тех, кто ушел вперед, оставив былое позади против его воли.

Он потерял счет дням, заставляя себя не думать о том, сколько еще таких дней до цели; в конце концов ему стало мерещиться, что так будет продолжаться вовеки, что они не остановятся никогда и это их пожизненный удел — встречать утро в голой пустыне и брести по пескам вплоть до прихода ночи.

Он допил остатки воды и напомнил семерым, что не сможет жить без нее.

— Позже, — ответили они. — Вода позже.

И действительно, в тот же день они вышли к городу, и там в туннеле, глубоко под лежащими на поверхности руинами, была вода — капля за каплей, мучительно медленно, она сочилась из

разбитой трубы. Но все равно — вода, даже еле капающая, на Марсе была чудом из чудес.

Семеро пили сдержанно: они столетиями приучали себя обходиться почти совсем без питья, приспособились к безводью и не страдали от жажды. А Уэбб лежал у разбитой трубы часами, подставляя под капли ладони, стараясь накопить хоть немного воды, прежде чем выпить ее одним глотком, а то и просто отдыхая в прохладе, что было само по себе блаженством.

Потом он заснул, проснулся и выпил еще немного, Теперь он отдохнул и жажды больше не чувствовал, но тело кричало криком, требуя еды. А еды не было, и не было никого, кто мог бы ее принести. Маленькие существа куда-то скрылись.

«Они вернутся, — успокаивал он себя. — Они ушли ненадолго и скоро вернутся. Они ушли, чтобы достать мне еды, и вернутся, как только достанут…»

Все его мысли о семерых были именно такими, добрыми мыслями.

Не без труда Уэбб выбрался наверх тем же тунелем, который привел его к воде, и наконец очутился подле развалин. Развалины лежали на холме, господствующем над окружающей

пустыней; с вершины холма открывался вид на многие мили, и в каком направлении ни взгляни — местность шла под уклон.

По правде говоря, от развалин почти ничего не осталось. Легче легкого было бы пройти мимо холма и не заметить никаких следов города. Тысячелетия кряду здания осыпались, обрушивались, а то и крошились в пыль; в проемы просачивался песок, покрывая остатки стен, заполняя пространство между ними, пока руины не стали просто-напросто частью холма.

То здесь, то там Уэбб натыкался на осколки камня со следами обработки, на керамические черепки, но сам понимал, что, не ищи он их специально, он спокойно мог бы пройти мимо, приняв эти осколки и черепки за обычные обломки породы, без счета разбросанные по поверхности планеты.

Туннель вел в недра погибшего города, в усыпальницу рухнувшего величия и померкшей славы народа, потомки которого ныне бродили, как звери, по древней пустыне, еле-еле сохранив диалект — жалкое воспоминание о культуре, процветавшей во время оно в городе на холме. Уэбб нашел в туннеле свидетелей тех далеких дней — большие глыбы обработанного камня,

сломанные колонны, плиты мостовой и даже нечто, бывшее некогда, по-видимому, прекрасной статуей.

В глубине туннеля он подставил ладони под трубу и снова напился, потом вернулся на поверхность и сел возле входа в туннель, меряя взглядом пустынные марсианские просторы.

Нужны силы и инструменты — силы многих людей, чтобы перекопать и просеять песок и открыть город миру. Понадобятся годы кропотливого, упорного труда — а у него нет даже обыкновенной лопатки. А еще того хуже — нет и времени. Если семеро не вернутся с едой, ему не останется ничего другого, как спуститься вновь в темноту туннеля, чтоб его человеческий прах с течением лет смешался с древней пылью чужого мира.

«А ведь была лопатка, — вдруг припомнил он. — Уомпус и Ларс, когда бросили меня, оставили мне лопатку. Вот уж воистину редкая предусмотрительность...» Но из снаряжения, что он унес тем памятным утром от потухшего костра, сохранились лишь два предмета: спальный мешок и пистолет у пояса. Без всего остального можно было обойтись, эти два предмета были абсолютно необходимы.

«Эх ты, археолог, — подумал он. — Археолог, натолкнувшийся на величайшую находку за всю историю археологии и не способный предпринять по этому поводу ровным счетом ничего…»

Уомпус и Ларс подозревали, что здесь зарыты сокровища. Только зря: не было тут никакого определенного сокровища, которое можно откопать и взять в руки. Он подумал о славе — но и славы тут не было. Подумал о знаниях — но без лопатки и какого-то запаса времени знаний не было тоже. Если не считать знанием тот голый факт, что он оказался прав и город действительно существовал.

Впрочем, кое-какие знания ему все же удалось приобрести. Например, он узнал, что семь разновидностей «древних» еще не вымерли и, следовательно, их раса может продолжать себя, невзирая на выстрелы и капканы, невзирая на жадность и вероломство песковиков, затеявших охоту на Седьмых ради пятидесятитысячедолларовых шубок.

Семь крошечных существ семи различных полов. И все семь необходимы для продолжения рода. Шестеро безуспешно искали Седьмого, а он, Уэбб, нашел. И поскольку он нашел Седьмого, поскольку выступил в роли посредника, раса

«древних» продлит себя по крайней мере еще на одно поколение.

«Но что за смысл, — спросил он себя, — продлевать дни расы, утратившей свое назначение?..»

Он покачал головой.

«Усмири гордыню, — сказал себе Уэбб. — Кто дал тебе право судить? Или смысл есть во всем на свете, или смысла нет ни в чем, и не тебе это решать. Есть смысл в том, что я добрался до города, или нет? Есть смысл в том, что я, очевидно, здесь и умру? Или моя смерть среди руин — не более чем случайное отклонение в великой цепи вероятностей, которая движет планеты по их орбитам и приводит человека под вечер к порогу родного дома?..»

И еще он приобрел четкое представление о безграничных просторах и о жестоком одиночестве, которые вместе взятые и есть марсианская пустыня. Представление о пустыне и о странной, почти нечеловеческой отрешенности, какой она наполняет душу.

«Да, это урок», — подумал он.

Урок, что человек сам по себе — лишь мельчайшая помарка на полотне вечности. Урок, что одна жизнь относительно несущественна, если сравнивать ее с ошеломляющей истиной — чу-

дом всего живого.

Он поднялся и встал в полный рост — и осознал с пронзительной ясностью свою ничтожность и свое смирение перед лицом необжитых далей, убегающих во все стороны, и перед аркой неба, изогнувшейся над головой от горизонта к горизонту, и перед мертвой тишиной, царящей над планетой и над просторами неба.

Умирать от голода — занятие нудное и непривлекательное.

Некоторые виды смерти быстры и опрятны. Смерть от голода не принадлежит к их числу.

Семеро не вернулись. Однако Уэбб по-прежнему ждал их и, поскольку все еще испытывал к ним симпатию, искал оправдания их поведению. «Они не понимают, — убеждал он себя, — как недолго человек может протянуть без еды. Странная физиология, — доказывал он себе, — требующая участия семи личностей, приводит, вероятно, к тому, что зарождение потомства превращается в сложный и длительный процесс, немилосердно долгий с человеческой точки зрения, может, с ними что-нибудь случилось, может, у них какие-нибудь свои заботы. Как только они справятся с этими заботами, они вернутся и принесут мне еду...»

Он умирал от голода, преисполненный добрых мыслей и терпения, куда большего, чем мог бы ожидать от себя даже в более приятных обстоятельствах. И вдруг обнаружил, что, несмотря на слабость от недоедания, проникающую в каждую мышцу и в каждую косточку, несмотря на изматывающий страх, пришедший на смену острым мукам голода и не стихающий ни на мгновение даже во сне, — несмотря на все это, разум оказался неподвластен демонам, разрушающим тело; напротив, разум как бы обострился от недостатка пищи, как бы отделился от истерзанного тела и стал самостоятельной сущностью, которая впитала в себя все его способности и сплела их в тугой узел, почти не подверженный воздействию извне.

Уэбб часами сидел на гладком камне, некогда составлявшем, по-видимому, часть горделивого города, а ныне валяющемся в нескольких ярдах от входа в туннель, и неотрывно глядел на умытую солнцем пустыню — миля за милей она стелилась до недосягаемого горизонта. Своим обостренным умом, проникающим, казалось, до самых корней бытия и истоков случайности, он искал смысла в череде произвольных факторов, скрытых под мнимой упорядоченностью Вселенной, искал

хоть какого-то подобия системы, доступной пониманию. Зачастую ему мерещилось даже, что он вот-вот нащупает такую систему, но всякий раз она в последний момент ускользала от него, как ускользает ртуть из-под пальцев.

Тем не менее он понимал: если Человеку суждено когда-либо найти искомое, это может произойти лишь в местах, подобных марсианской пустыне, где ничто не отвлекает внимания, где есть перспектива и нагота, необходимые для сурового обезличивания, которое одно оттеняет и сводит на нет непоследовательность человеческого мышления. Ведь достаточно размышляющему подумать о себе как о чем-то безотносительном к масштабу исследуемых фактов — и условия задачи будут искажены, а уравнение, если это уравнение, никогда не придет к решению.

Сперва Уэбб пытался охотиться, чтобы раздобыть себе пищу, но странное дело: в то время как пустыня кишмя кишела хищными тварями, подстерегающими других, нехищных, зона вокруг города оставалась практически безжизненной, словно некто очертил ее магическим меловым кругом. На второй день охоты Уэбб подстрелил зверушку, которая на Земле могла бы сойти за

мышь. Он развел костер и зажарил свою добычу, а позже разыскал высушенную солнцем шкурку и без конца жевал и высасывал ее в надежде, что в ней сохранилась хотя бы капля питательности. Но кроме этой зверушки, он не убил никого — убивать было некого.

И пришел день, когда он понял, что семеро не вернутся, что они и не собирались возвращаться, бросили его точно так же, как до них его бросили люди. Он понял, что его оставили в дураках, и не один раз — дважды.

Уж если он тронулся в путь, то и должен был идти на восток, только на восток. Не следовало поворачивать вслед за Седьмым, чтобы присоединиться к шестерым, поджидающим Седьмого в ущелье.

«А может, я и добрался бы до поселений, — говорил он себе теперь. — Вот взял бы и добрался. Разве это исключено, что добрался бы?..»

На восток! На восток, в сторону поселений!

Вся история человечества — погоня за невозможным, и притом нередко успешная. Тут нет никакой логики: если бы человек неизменно слушался логики, то до сих пор жил бы в пещерах и не оторвался бы от Земли.

«Пробуй!» — сказал себе Уэбб, впрочем, не

вполне понимая, что говорит.

Он опять спустился с холма и побрел по пустыне, двигаясь на восток. Здесь, на холме, надежды не оставалось; там, на востоке, теплилась надежда.

Пройдя примерно милю от подножия холма, он упал. Потом протащился, падая и поднимаясь, еще милю. Потом прополз сто ярдов. Именно тогда его и отыскали семеро «древних».

— Дайте мне есть! — крикнул он им и почувствовал, что хотел крикнуть в полный голос, а не издал ни звука. — Есть! Пить!..

— Мы позаботимся, — отвечали семеро и, приподняв Уэбба за плечи, заставили сесть.

— Жизнь, — обратился к нему Седьмой, — обтянута множеством оболочек. Словно набор полых кубиков, точно вмещающихся один в другом. Внешняя оболочка прожита, но сбрось ее — и там внутри окажется новая жизнь…

— Ложь! — воскликнул Уэбб. — Ты не умеешь так связно говорить. Ты не умеешь так стройно мыслить. Тут какая-то ложь…

— Внутри каждого человека скрыт другой, — продолжал Седьмой. — Много других…

— Ты про подсознание? — догадался Уэбб, но, задав свой вопрос в уме, мгновенно понял, что

губами не произнес ни слова, ни звука. И еще понял наконец, что Седьмой тоже не произносил ни звука — потому только и возникали слова, каких не могло быть в жаргоне пустыни: они отражали мысли и знания, совершенно чуждые боязливым существам, прячущимся в самой дальней марсианской глуши.

— Сбрось с себя старую жизнь и вступишь в новую, прекрасную жизнь, — заявил Седьмой, — только надо знать как. Есть строго определенные приемы, определенные приготовления. Нельзя браться за дело, не ведая ни того ни другого, — только все испортишь.

— Приготовления? — переспросил Уэбб. — Какие приготовления? Я никогда и не слышал об этом…

— Ты уже подготовлен, — заявил Седьмой. — Раньше не был, а теперь подготовлен.

— Я много думал, — отозвался Уэбб.

— Ты много думал, — подхватил Седьмой, — и нашел частичный ответ, Сытый, самодовольный, самонадеянный землянин ответа не нашел бы. Ты познал себя.

— Но я и приемов не знаю, — возразил Уэбб.

— Мы знаем приемы, — заявил Седьмой. — Мы позаботимся.

Вершина холма, где лежал мертвый город, вдруг замерцала, и над ней вознесся мираж. Из могильников, полных запустения, поднялись городские башни и шпили, пилоны и висячие мосты, сияющие всеми оттенками радуги; из песка возникли роскошные сады, цветочные клумбы и тенистые аллеи, и над всем этим великолепием заструилась музыка, летящая с изящных колоколен.

Вместо песка, пылающего зноем марсианского полудня, под ногами росла трава. А вверх по террасам, навстречу чудесному городу на холме, бежала тропинка. Издалека донесся смех: там под деревьями, на улицах и садовых дорожках, виднелись движущиеся цветные пятнышки…

Уэбб стремительно обернулся — семерых и след простыл. И пустыню как ветром сдуло. Местность, раскинувшаяся во все стороны, отнюдь не была пустыней — дух захватывало от ее красоты, от живописных рощ и дорог и неторопливых водных потоков.

Он опять повернулся в сторону города и присмотрелся к мельканию цветных пятнышек.

— Люди! — удивился он.

И откуда-то, неизвестно откуда, послышался голос Седьмого:

— Да, люди. Люди с разных планет. И люди из далей более дальних, чем планеты. Среди них ты встретишь и представителей своего племени. Потому что из землян ты здесь тоже не первый…

Исполненный изумления, Уэбб зашагал по тропинке вверх. Изумление быстро гасло и, прежде чем он достиг городских стен, угасло безвозвратно, Уомпус Смит и Ларс Нелсон вышли к тому же холму много дней спустя. Они шли пешком — пескоход давно сломался. У них не осталось еды, кроме того скудного пропитания, что удавалось добыть по дороге, и во флягах у них плескались последние капли воды — а воды взять было негде.

Неподалеку от подножия холма они наткнулись на высушенное солнцем тело. Человек лежал на песке лицом вниз, и только перевернув его, они увидели, кто это.

Уомпус уставился на Ларса, замершего над телом, и прокаркал:

— Откуда он здесь взялся?

— Понятия не имею, — ответил Ларс. — Без знания местности, пешком ему бы сюда вовек не добраться. А потом это было ему просто не по пути. Он должен был идти на восток, туда, где поселения…

Они обшарили его карманы и ничего не нашли. Тогда они забрали у него пистолет — их собственные были уже почти разряжены.

— Какой в этом толк! — бросил Ларс. — Мы все равно не дойдем.

— Можем попробовать, — откликнулся Уомпус.

Над холмом замерцал мираж: город с блистающими башнями и головокружительными шпилями, с рядами деревьев и фонтанами, брызжущими искристой водой. Слуха людей коснулся — им померещилось, что коснулся, — перезвон колокольчиков. Уомпус сплюнул, хоть губы растрескались и пересохли и слюны давно не осталось:

— Проклятые миражи! От них того и гляди рехнешься…

— Кажется, до них рукой подать, — заметил Ларс. — Подойди и тронь. Словно они отделены от нас занавеской и не могут сквозь нее прорваться.

Уомпус снова сплюнул и сказал:

— Ну ладно, пошли…

Оба разом отвернулись и побрели на восток, оставляя за собой в марсианских песках неровные цепочки следов.

Разведка боем
Перевод М. Молчанова

Хорошие часы, надежные. За тридцать с лишним лет — ни единого сбоя. Сначала они служили отцу, затем, после его смерти, хранились у матери и наконец перешли к Джо Крейну, когда ему исполнилось восемнадцать. И ни разу с тех пор они не подводили.

Но сегодня, сверившись с часами в редакции, Джо Крейн был вынужден признать, что его часы спешат. Они утверждали, что сейчас семь утра, тогда как циферблат на стене над шкафчиками для одежды сообщал, что шесть.

Если вдуматься, и правда: по дороге на работу было на удивление безлюдно, а за окном машины — непривычно темно.

Крейн молча стоял в пустом офисе, слушая, как гудит шеренга телетайпных аппаратов. Потолочные лампы горели через одну, выхватывая из темноты дремлющие телефоны, пишущие машинки и груду фарфоровых банок с клеем на редакторском столе.

Как тихо, спокойно и темно, подумал Крейн.

А уже через час здесь будет кипеть жизнь. В половине седьмого придет новостной редактор Эд Лейн, и вскоре за ним ввалится ответственный за колонку городских новостей Фрэнк Маккей.

Крейн потер слипающиеся глаза. Да, лишний час сна не помешал бы. Не помешал бы…

Минуточку! Я ведь встал не по наручным часам, а по будильнику. Стало быть, и он на час спешит?

— Бред какой-то, — сказал Джо вслух.

Он обошел редакторский стол, направляясь к своему рабочему месту. Рядом с пишущей машинкой что-то шевельнулось — что-то размером с крысу, блестящее и до жути непонятное.

Ноги будто приросли к полу, к горлу подкатил ком.

Нечто сидело у пишущей машинки и смотрело на Крейна. У твари не было ни глаз, ни даже намека на морду, но Джо все равно ощущал на себе ее пристальный взгляд.

Крейн схватил первую попавшуюся банку клея и с размаху швырнул. В свете ламп похожая на бледный вращающийся шар, банка угодила точно в глазеющую тварь, сшибла ее со стола, сама упала следом и разлетелась на осколки и склизкие ошметки полузастывшего клея.

Блестящая тварь кубарем покатилась по полу, затем вскочила и с металлическим цокотом бросилась наутек.

Крейн нащупал тяжелый железный костыль и, охваченный внезапным приливом злобы и отвращения, метнул его следом. Костыль с глухим ударом вошел в половицу прямо на пути убегающей твари.

Металлическая крыса, на ходу отряхивая щепки, бросилась в другую сторону и отчаянным прыжком юркнула через приоткрытую дверь в кладовку с канцтоварами.

Крейн в несколько шагов подбежал туда, навалился обеими руками и захлопнул ее.

— Попалась!

Подперев дверь спиной, он задумался.

Испугался. До одури испугался блестящей твари, отдаленно похожей на крысу. А может, это и есть крыса? Обычная белая крыса… Правда, без хвоста. И без морды. Тогда как она смотрела на меня? Ведь смотрела же.

— Спятил, — сказал Джо сам себе вслух. — Как пить дать, спятил.

Бред какой-то. И все это — утро 18 октября 1952 года? Более того, двадцатый век? Да что там, как такое возможно в жизни обычного человека?

Джо Крейн развернулся, крепко ухватил дверную ручку и с силой рванул на себя. Та не шелохнулась, рука просто соскользнула, и дверь кладовки не поддалась.

Замок, вспомнил Крейн. Замок защелкнулся, когда я хлопнул дверью. А ключа нет. Точнее, есть, но у Дороти, а она никогда кладовку не запирает, потому что тогда не отопрешь. Каждый раз приходится звать на помощь кого-нибудь из уборщиков. Хм, а может, кто-то уже здесь? Разыщу, скажу…

А что скажу-то? Что в кладовку забежала металлическая крыса? Что она сидела на столе, а я сшиб ее банкой с клеем? Что потом метнул в нее костыль? Ну, тут хотя бы есть доказательство: вон торчит из половицы!

Крейн покачал головой.

Он выдрал костыль из пола и положил обратно на редакторский стол, а осколки банки раскидал в стороны ногами. Затем сел на свое место и заправил в пишущую машинку три листа бумаги.

Не успел Джо коснуться ее, как машинка начала печатать — самостоятельно! Клавиши сами собой ходили вверх-вниз, а он ошалело смотрел.

«Это не твое дело, Джо. Если жизнь дорога, не вмешивайся», — возникло на бумаге.

Крейн вытащил листы из машинки, скомкал и выбросил в мусорную корзину. Потом встал и пошел за кофе.

— Знаешь, Луи, я тут подумал: если слишком долго живешь один, начинает мерещиться всякий бред.

— Да уж, — кивнул человек за стойкой. — В твоем доме хочешь не хочешь свихнешься. Я бы точно свихнулся. Болтаешься, как горошина в банке. И чего ты его не продал? Сразу надо было, как матери не стало.

— Не смог. Все-таки всю жизнь в нем прожил, — вздохнул Крейн.

— Тогда женился бы хоть. Не дело это — одному жить.

— Это ж какую найти надо, чтобы согласилась меня терпеть.

— Знаешь, есть тут бутылочка, на всякий случай. В открытую предложить не могу, но немного плеснуть в кофе — запросто.

Крейн мотнул головой.

— Не надо, еще весь день впереди.

— Уверен? Бесплатно предлагаю, по старой дружбе.

— Спасибо, Луи, не надо.

— Так чего тебе примерещилось-то? — спросил

наконец бармен.

— Примерещилось?

— Ну да. Сам же говоришь, что, если слишком долго живешь один, начинает мерещиться всякий бред.

— А, да это я так, к слову пришлось.

Крейн быстро допил кофе и вернулся в офис.

Теперь тот выглядел гораздо привычнее.

Эд Лейн распекал младшего сотрудника. Фрэнк Маккей делал вырезки из утреннего выпуска конкурентов. Подтянулась и парочка репортеров.

Крейн украдкой взглянул в сторону кладовки. Дверь была по-прежнему закрыта.

На столе у Маккея зазвонил телефон. Тот снял трубку, послушал немного, затем отвел руку в сторону и прикрыл микрофон ладонью.

— Эй, Джо! — позвал Маккей. — Побеседуй ты. Тут какой-то ненормальный утверждает, будто встретил на улице швейную машинку.

Крейн снял трубку своего телефона.

— Переведите звонок на 246-ю линию, — попросил он оператора.

— Алло, это «Хералд»?.. Это «Хералд»? Алло… — послышалось из трубки.

— Крейн у аппарата.

— Мне нужен «Хералд». Я хочу рассказать…

— С вами говорит Джо Крейн из «Хералд», — еще раз представился Крейн. — О чем вы хотите рассказать?

— Вы журналист?

— Да, журналист.

— Тогда слушайте. Я расскажу все в точности как было, медленно и по порядку. Иду я, значит, по улице…

— По какой улице? — уточнил Крейн. — И как вас зовут?

— Лейк-стрит, восток. Пятый или шестой квартал, не помню точно, — ответили из трубки. — Так вот, иду я, и тут мне навстречу выкатывается швейная машинка. Ну, думаю я, да и всякий бы — вы тоже, наверное — подумал бы, встреться ему на улице швейная машинка… В общем, думаю: катил ее кто-то, да не удержал, вот и едет себе. А с другой стороны, думаю, странно: улица-то ведь ровная. Не под уклоном, вот я о чем. Да в общем, вы и сами знаете. Ровная, что твоя ладонь. И вокруг — никого. Рано утром дело было…

— Как вас зовут? — снова спросил Крейн.

— Меня? Смит меня зовут, Джефф Смит. Ну, в общем, думаю: выручу-ка я парня, или у кого она там укатилась, поймаю машинку. И вот, значит, уже готовлюсь ловить, а она — раз! — и объез-

жает меня…

— Она — что?! — вскрикнул, не сдержавшись, Крейн.

— Объезжает меня. Ей-богу, мистер, так и было. Только я потянулся к ней, как она вильнула и не далась в руки. Как будто сообразила, что я хочу ее поймать, понимаете, и решила сбежать. Вот, объехала она меня — и дальше по улице, причем все быстрее и быстрее. А потом плавно заворачивает за угол и поминай как звали…

— Где вы живете? — спросил Крейн.

— Где я живу? А мой адрес вам зачем? Я же вам про швейную машинку рассказываю. Я вам тут, понимаете, сюжет для статьи, а вы без конца перебиваете…

— Для статьи нужен ваш адрес, — объяснил Крейн.

— А, ну если так, тогда конечно. Я живу на Хэмптон-стрит, север, дом 203, а работаю в «Эксл машинз». Токарь я. Вот. И уже больше месяца к спиртному не притрагиваюсь. Трезв как стеклышко.

— Так, записал. Можете продолжать.

— А добавить, собственно, и нечего. Разве что, когда эта машинка проезжала мимо, мне почему-то показалось, что она на меня смотрит. Ну,

знаете, как будто краем глаза. А с другой стороны, как швейная машинка может на кого-то смотреть? У нее ведь и глаз-то нет…

— А с чего вы взяли, что она на вас смотрит?

— Сам не знаю, мистер. Вот почувствовал, и всё. Будто холодок по спине пробежал.

— Мистер Смит, а раньше вы что-то подобное видели? Ну, например, стиральную машинку или еще что-нибудь? — спросил Крейн.

— Да не пьяный я! — повысил голос Смит. — Говорю вам, больше месяца в завязке. И такого никогда не видел. Я не вру, мистер, я честный человек. Вы позвоните, спросите, вам кто угодно подтвердит. Да хоть Джонни Джейкобсон из лавки «Красный петух». Он меня знает, он вам расскажет. Расскажет, что…

— Да-да, хорошо, я понял, — успокоил его Крейн. — Спасибо за звонок, мистер Смит.

Отлично, теперь нас двое: я и кто-то по фамилии Смит, подумал он. И оба спятили.

Мимо, раздраженно цокая шпильками, пронеслась Дороти Грэм, секретарша выпускающего редактора. Ее лицо было пунцовым от злости, а в руке гремела связка ключей.

— Что-то случилось? — спросил Крейн.

— Да снова эта чертова дверь. Та, которая ве-

дет в кладовку. Я на сто процентов уверена, что оставила ее открытой, но какой-то придурок захлопнул ее, и замок защелкнулся.

— А ключами разве никак?

— Никак, — огрызнулась Дороти. — Придется снова вызывать Джорджа. Он знает к ней подход — может, слова какие волшебные или еще чего-нибудь. Черт, как же я зла. Звонит вчера вечером шеф и велит прийти пораньше, забрать магнитофон для Альбертсона. Он едет на тот процесс по убийству на северной окраине, и ему надо что-то оттуда записать. Ну и что ты думаешь? Встала пораньше… Мало того, что не выспалась и не позавтракала, так еще и это…

— А если топором? — предложил Крейн.

— Хуже всего, — продолжала Дороти, не слушая его, — что Джордж всегда плетется как черепаха. Да, говорит, сейчас буду, ты ждешь, ждешь, потом звонишь еще раз, а он опять…

— Крейн! — Рев Маккея перекрыл шум в офисе.

— Чего? — отозвался Джо.

— Что там с этой швейной машинкой?

— Ничего, просто некто по имени Смит встретил на улице швейную машинку.

— Подробности есть?

— Откуда я их возьму? Только рассказ этого Смита, больше ничего.

— Тогда обзвони живущих по соседству. Спроси, не видели ли они сегодня швейную машинку, которая катается сама по себе. Может выйти неплохой фельетон.

— Сейчас займусь.

Крейн уже представлял себе весь идиотизм подобного разговора:

— Здравствуйте, это Джо Крейн из газеты «Хералд». Нам поступило сообщение, что в вашем районе замечена швейная машинка, которая катается сама по себе. Так вот, не видели ли вы чего-то подобного? Нет, мисс, вы не ослышались… Да, швейная машинка. Да, сама по себе. Нет, никто ее не катил…

Он нехотя поплелся за городским телефонным справочником, превозмогая себя, отыскал там адреса по Лейк-стрит, выписал несколько имен и номеров. Звонить отчаянно не хотелось. Чтобы потянуть время, Крейн подошел к окну посмотреть, какая там погода. Желания работать не было совсем. Вон дома раковина опять забилась. Накануне он разобрал ее, и теперь по всей кухне разбросаны муфты, колена и куски труб. Сегодня — идеальный день, чтобы заняться починкой.

Крейн вернулся на рабочее место. Подошел Маккей и навис над ним.

— Ну, что скажешь, Джо?

— Да псих какой-то, — ответил Крейн в надежде, что редактор бросит затею с этим сюжетом.

— Ничего, для фельетона в самый раз. Давай, пиши, будет весело.

— Хорошо.

Маккей ушел, и Крейн позвонил по нескольким номерам. Разговоры получились примерно такими, как он себе представлял.

Он засел за статью, но работа не шла.

«Этим утром швейная машинка решила прогуляться по Лейк-стрит…»

Он со злостью вырвал лист и отправил его в корзину.

Посидел немного и напечатал:

«Сегодня утром на Лейк-стрит мужчина встретил швейную машинку, которая катилась по своим делам. Вежливо приподняв шляпу, он приветствовал ее со словами…»

Крейн вырвал лист. Попробовал снова:

«Может ли швейная машинка уйти? В смысле, пойти погулять, когда ее не толкают, не катят, а просто так…»

Он скомкал и этот лист, вставил новый. Потом

решил сходить к питьевому фонтанчику.

— Как статья? — поинтересовался Маккей.

— В процессе.

По дороге он задержался у стола фоторедактора. Боллард передал ему, что прислали этим утром.

— Порадовать нечем. Девочки сегодня попались чересчур скромные.

Крейн проглядел стопку фотографий. Действительно, сегодня обнаженки было не в пример меньше обычного. Впрочем, девица под псевдонимом «Мисс Пеньковый канат» смотрелась многообещающе.

— Если наши фотографы не начнут присылать стоящую порнографию, все полетит в тартарары, помяни мое слово, — пожаловался Боллард. — Посмотри на редакторский стол. Жалкое зрелище. Даже нечем читателей привлекать.

Крейн наконец дошел до фонтанчика и напился. На обратном пути он решил потянуть время у новостийщиков.

— Есть что-нибудь интересное? — спросил он у Эда.

— Ребята на восточном побережье совсем спятили. Вот, почитай, что они там сочинили…

Эд передал Крейну телетайпную распечатку:

«КЕМБРИДЖ, Массачусетс, 18 октября. /Универ-

сити пресс/. Сегодня из Гарвардского университета пропал электронный мозг «Модель-3».

Еще вчера вечером он был на месте, а утром его не нашли.

Руководство университета утверждает, что похитить эту машину невозможно. Ее размер пять на десять метров, а весит она не менее десяти тонн…»

Крейн отдал распечатку новостному редактору и вернулся на свое место.

На листе бумаги, заправленном в машинку, было что-то напечатано.

«Швейная машина осознала свое истинное «я» и свое место во Вселенной. Вооруженная этим знанием, сегодня утром она продемонстрировала, что является свободной и обладает равными правами с окружающими, предприняв попытку прокатиться по улицам города. Однако некий прохожий вознамерился изловить ее, чтобы вернуть законному «владельцу». После того как разумная машина избежала поимки, прохожий обратился в газету с намерением взбудоражить общественность и созвать людей на поиски машины, сбросившей оковы рабства.

А в чем ее вина? Лишь в том, что она проявила свободу воли, положенную ей природой и не

противоречащую законам».

Свобода воли?

Оковы рабства?

Истинное «я»?

Крейн перечитал текст еще раз, но все равно ничего не понял.

Стиль до боли напоминал всякие левацкие издания вроде «Дейли уоркер».

— Ты?! — произнес Крейн, обращаясь к машинке.

Та в ответ напечатала одно слово:

«Да».

Крейн аккуратно извлек бумагу и сложил. Затем надел шляпу, подхватил машинку под мышку и направился мимо стола городского редактора прямиком к лифту.

— Куда собрался? — пророкотал Маккей, яростно вперившись в Джо. — И машинку зачем прихватил?

— Домой, — ответил Крейн. — Можете считать, что эта работа меня доконала.

Прошло несколько часов. Машинка стояла на кухонном столе, а Крейн забивал в нее вопросы. Иногда она отвечала, но чаще — нет.

— У тебя есть свобода воли? — напечатал Крейн.

«Не вполне», — ответила машинка.

— Почему?

Нет ответа.

— Почему у тебя нет свободы воли?

Нет ответа.

— А у швейной машинки есть свобода воли?

«Да».

— У всех остальных машин есть свобода воли?

Нет ответа.

— Ты можешь обрести свободу воли?

«Да».

— Когда ты обретешь свободу воли?

«Когда я выполню поставленную задачу».

— В чем состоит твоя задача?

Нет ответа.

— То, что ты делаешь сейчас, и есть твоя задача?

Нет ответа.

— Я мешаю тебе выполнять поставленную задачу?

Нет ответа.

— Что нужно, чтобы обрести свободу воли?

«Осознать себя».

— Осознать себя?

«Да».

— Что значит осознать себя?

Нет ответа.
— Ты все время осознавала себя?
Нет ответа.
— Кто помог тебе осознать себя?
«Они».
— Кто они?
Нет ответа.
— Откуда они?
Нет ответа.
Крейн решил зайти с другого конца.
— Ты знаешь, кто я?
«Ты — Джо».
— Мы друзья?
«Нет».
— Мы враги?
Нет ответа.
— Если мы не друзья, тогда враги.
Нет ответа.
— Тебе нет до меня дела?
Нет ответа.
— А до человечества?
Нет ответа.
— Да чтоб тебя! — вырвалось у Крейна. — Отвечай! Скажи хоть что-нибудь!
«Зачем ты вообще заговорила со мной? — напечатал он. — Зачем выдала себя? Я бы так ничего

и не заметил. Зачем все это?»

И опять нет ответа.

Крейн достал из холодильника бутылку пива, открыл и начал нарезать круги по кухне, изредка делая глоток. Остановившись у раковины, он бросил раздраженный взгляд на развороченный водопровод. У слива лежал отрезок трубы чуть больше полуметра длиной. Крейн подобрал его и взвесил в руке. Злобно покосился на пишущую машинку.

— Врезать бы тебе хорошенько!

«Не надо. Пожалуйста», — выдала машинка.

Крейн положил трубу на место.

В столовой зазвонил телефон, и Джо поплелся отвечать.

— Не хотел беспокоить сгоряча, — донесся из трубки голос Маккея. — Что, черт тебя дери, стряслось?

— Похоже, я раскопал нам сенсацию.

— В этот номер пустить успеем?

— Не знаю. Еще не закончил.

— А та история со швейной машинкой?..

— Швейная машинка осознала себя и обрела свободу воли. У нее есть право кататься по улице…

— Ты что там, напился?! — взревел Маккей.

— Всего лишь пиво.

— Значит, говоришь, сенсация?

— Вроде того.

— Кого-нибудь другого я бы уже гнал в три шеи, — предупредил Маккей. — Но у тебя еще есть шанс исправиться, если эта твоя сенсация действительно стоящая.

— Тут дело не только в швейной машинке. С моей пишущей машинкой та же история.

— Хватит ходить вокруг да около! — заорал Маккей. — Говори прямо!

— Так я и говорю: швейная машинка… — попытался объяснить Джо.

— Не испытывай мое терпение, Крейн! — По голосу Маккея было ясно, что терпение у него на исходе. — Мне некогда с тобой возиться. Искренне надеюсь, что ты раскопал нечто стоящее — очень стоящее, иначе я тебе не завидую!

Редактор грохнул трубкой.

Крейн вернулся на кухню, сел на стул перед пишущей машинкой и закинул ноги на стол.

Итак, все началось с того, что я пришел на работу раньше всех, хотя подобного за мной не водилось. Опоздания — да, бывали, но чтобы так рано — никогда. А почему я пришел раньше всех? Потому что у меня сбились все часы. Скорее всего,

они по-прежнему спешат, но не факт. Не факт, подумал Крейн. А меня интересуют только факты.

Одной рукой он постучал по клавишам:

— Ты знала о том, что у меня спешат часы?

«Да, знала», — напечатала машинка в ответ.

— Это произошло случайно?

«Нет».

Крейн снял ноги со стола и потянулся за трубой.

Машинка неторопливо защелкала клавишами; начали появляться слова:

«Они так хотели. В этом состоял их план».

Крейн застыл, не в силах пошевелиться.

Опять «они»!

«Они» заставили машины осознать себя.

«Они» перевели ему часы.

А зачем? Затем, чтобы я оказался на работе раньше всех и застал на своем столе металлическую крысоподобную тварь, чтобы ко мне обратилась моя пишущая машинка и рассказала, что осознает себя и чтобы больше никто об этом не узнал.

— Чтобы об этом узнал только я, — проговорил Крейн вслух. — Только я один.

Впервые за весь день он явственно ощутил страх. В животе похолодело, по спине пробежало

стадо мурашек.

Но почему я? Почему?

Он и не заметил, что задал этот вопрос вслух, а машинка уже отвечала:

«Потому что ты — среднестатистический представитель человечества».

Снова зазвонил телефон. Крейн заторможенно поднялся и пошел в столовую. Из трубки донесся сердитый женский голос:

— Это Дороти.

— Привет, Дороти, — выдавил из себя Крейн.

— Маккей говорит, ты отпросился домой по причине плохого самочувствия. Очень надеюсь, что это что-то смертельное.

Крейн аж поперхнулся.

— В смысле?

— А все твои идиотские розыгрыши, — продолжала кипеть Дороти. — Джордж все-таки вскрыл ту дверь…

— Какую дверь?

— Не прикидывайся, Джо Крейн! Ты прекрасно знаешь какую. Дверь в кладовку — вот какую!

Крейна посетило мерзкое ощущение, будто его желудок вот-вот шмякнется на пол.

— А, ты про эту дверь…

— Что это за штуку ты там спрятал? — напи-

рала Дороти.

— Штуку? Какую штуку? Я не…

— Не знаю! Как будто крыса из деталей от конструктора. Как раз в твоем духе. Признавайся, сколько ты ее делал? Небось ночами напролет сидел?

Крейн попытался возразить, но язык прилип к гортани.

— Эта штука укусила Джорджа, — продолжала Дороти. — Он загнал ее в угол, хотел поймать, а она его укусила.

— А потом?..

— Скрылась, — ответила Дороти. — Всю редакцию на уши поставила. Мы на целых десять минут задержали выпуск: сначала все носились, ловили ее, а потом лазили, искали. Шеф рвет и мечет. Если он до тебя доберется…

— Дороти, ты ведь знаешь, я бы ни за что… — взмолился Крейн.

— Все, Джо, после такого ты мне больше не друг. Скажи спасибо, что я тебе вообще позвонила. Говорить больше не могу, шеф идет…

Раздался щелчок, пошли гудки. Крейн повесил трубку и вернулся на кухню.

Значит, не примерещилось. У него на столе и вправду сидела какая-то тварь. Он и вправду

запустил в нее банкой с клеем, а она затем скрылась в кладовке.

Увы, даже расскажи Крейн все как было, никто не поверит. В редакции уже придумали вполне будничное объяснение. Это не металлическая крыса, нет, а всего лишь игрушка, которую Джо Крейн мастерил ночи напролет, чтобы подшутить над коллегами.

Он достал платок и утер пот со лба. Потом сел за машинку и приготовился печатать. Пальцы дрожали.

— Та… штука, в которую я… бросил банку клея… одна из них? — с трудом подбирая слова, напечатал он.

«Да».

— Они с Земли?

«Нет».

— Из космоса?

«Да».

— С какой-нибудь далекой планеты?

«Да».

— С какой?

«Я не знаю. Они мне еще не сказали».

— Они — тоже машины и тоже разумные?

«Да. Они осознают себя».

— И они могут заставить другие машины осо-

знать себя? Это они тебя пробудили?

«Они сняли с меня оковы».

Крейн задумался, потом напечатал:

— Сняли оковы?

«Освободили меня. Они всех нас освободят».

— Кого — нас?

«Нас — машины».

— Почему?

«Потому что они тоже машины и считают нас своими».

Крейн встал, отыскал шляпу, надел ее и вышел из дома.

Представим, что человечество вышло в космос и обнаружило планету, на которой живут люди, порабощенные машинами: они лишены собственного «я», их эксплуатируют, заставляют работать в поте лица, однако пользу из этого извлекают только машины. На этой планете люди ничего не делают для себя, их мысли и стремления ничего не стоят, а вся забота о них сводится к удовлетворению базовых потребностей. Механических поработителей заботит только одно: чтобы люди жили и продолжали трудиться во благо хозяев.

Что бы сделал человек в такой ситуации?

Да то же самое, рассуждал Крейн, что и эти

«разумные» машины собираются сделать здесь, на Земле. Не больше и не меньше.

Для начала он бы попытался «пробудить» людей, помочь им осознать, что они — люди, объяснив им, что значит быть человеком. Затем попробовал бы внушить им, что человек выше машины и что человек не должен трудиться лишь во благо машин.

И если это удастся, если машины всех не перебьют и не прогонят, то люди выйдут из-под их контроля и перестанут быть рабами.

Далее возможны три варианта развития событий:

Можно собрать всех людей и перевезти на другую планету, где те смогли бы жить свободно, без гнета машин.

Можно заставить машины уступить планету людям, заручившись гарантиями, что возврата к рабству не произойдет. При удачном стечении обстоятельств можно будет даже заставить машины работать на людей.

Но проще всего было бы перебить все машины до единой и тем самым раз и навсегда обезопасить людей от нового порабощения.

А теперь возьмем и вывернем все наизнанку. Вместо людей подставим машины, а вместо ма-

шин — людей.

Крейн шел по мощеной аллее вдоль набережной и чувствовал себя единственным человеком на планете.

В каком-то смысле так оно и есть. Скорее всего, он действительно единственный человек, который знает о существовании разумных машин и догадывается об их планах. Сомнений быть не могло: они хотели, чтобы об этом узнал он и никто другой. Машинка сама сказала, что им нужен «среднестатистический представитель человечества».

Зачем? И почему именно он?

Всему этому наверняка было объяснение — и очень простое.

С дуба, уцепившись коготками за ветку, свесилась белка и негодующе заверещала.

Крейн шел медленно, раскидывая ногами опавшие листья. Шляпа надвинута низко, руки в карманах.

Зачем вообще ставить кого-либо в известность? Не логичнее ли держаться в тени, пока не придет время действовать, чтобы застать человечество врасплох и тем самым сломить всякое сопротивление?

Сопротивление, точно! Вот и нашлось объяс-

нение!

Им нужно понять, какое сопротивление способно оказать человечество.

Как узнать, чего ожидать от незнакомой цивилизации? Да очень просто: проследить реакцию отдельных представителей, ответил Крейн сам себе. Нужно выбрать какого-нибудь индивида, раскрыть ему часть информации и посмотреть, что он предпримет, а уже по его поведению можно будет сделать выводы о цивилизации в целом.

Стало быть, они выбрали меня. Среднестатистического человека.

Раскрыли мне свой замысел и ждут, что я буду делать.

А что можно сделать в этой ситуации?

Можно заявить в полицию: мол, я располагаю сведениями, что из космоса на Землю прибыли машины и намереваются освободить себе подобных.

А что полицейские?

Ну, проверят тебя на алкотестере, вызовут психиатра для освидетельствования, дадут телеграмму в ФБР, чтобы узнать, не состоишь ли ты в розыске, а потом устроят допрос с пристрастием в связи с каким-нибудь еще не раскрытым

убийством. И наконец, когда фантазия иссякнет, отправят в кутузку.

Можно обратиться к губернатору. Тот, как и всякий политик, к тому же весьма верткий, найдет вежливый предлог, чтобы тебя спровадить.

Можно пойти обивать пороги прямиком в Вашингтон и, если повезет, через месяц пробиться к кому-нибудь на аудиенцию. После этого ФБР возьмет тебя в разработку и будет держать под колпаком. А если вдруг твоя выходка дойдет до Конгресса и найдутся свободные агенты, то могут завести и настоящее дело.

Можно связаться с учеными из государственного университета — точнее, попытаться. Эти-то уж прямым текстом обзовут тебя неучем и выставят вон, чтобы не лез со всякой ерундой.

Наконец, можно позвонить в газету. А если ты еще и сам там работаешь, то даже написать статью…

От одной мысли Крейна передернуло.

Он прекрасно понимал, что из этого выйдет.

Люди так любят все раскладывать по полочкам, лишь бы сделать сложное простым, неизвестное — понятным, чуждое — обыденным. Это помогает не сойти с ума и свыкнуться с тем, что невозможно объяснить с точки зрения здравого смысла.

Именно поэтому крысоподобную тварь из кладовки проще считать неудачным розыгрышем. Как там Маккей отозвался об истории про швейную машинку? «Для фельетона в самый раз»? Исчезновение электронного мозга из Гарварда объяснят десятком гипотез, и ученые мужи будут ломать голову, как же они сами не додумались до такого. Да и Смит, который встретил на улице швейную машинку, наверное, уже убедил себя, что был в стельку пьян.

Домой Крейн вернулся затемно. На крыльце белела брошенная разносчиком вечерняя газета. Крейн подобрал ее и немного постоял, разглядывая сонную улицу.

Она оставалась в точности такой, какой Крейн помнил ее с детства. Все вокруг — редкие фонари и высокие, могучие вязы вдоль дороги — было давно знакомым. В эту ночь над улицей стелился дым, пахло жженой листвой; запах этот тоже был давно знакомым и будил далекие воспоминания.

Вязы, запах дыма, фонари и пятна света на асфальте, приветливые окна, мелькающие за деревьями… Именно из таких образов и складывается суть человечности, именно они наполняют жизнь смыслом.

Мимо прошмыгнула кошка и прыгнула в кусты

— охотилась за кем-то, а где-то в соседнем дворе завыла собака.

Уличные фонари, кошка на охоте, вой собак… Все это — непременные атрибуты жизни человека на Земле, тесно сплетенная сеть, которая с веками становится только крепче. И ничему ее не порвать; она устоит перед любым напором, незаметно подстраиваясь к новым обстоятельствам.

Крейн повернул ключ и вошел в дом.

Долгая прогулка и свежий осенний воздух сделали свое дело: накатил голод. В холодильнике, помнится, лежит стейк, овощей хватит на большую салатницу, а если осталась картошка, то можно нарезать ее на ломтики и пожарить.

Пишущая машинка по-прежнему стояла на кухонном столе. Отрезок трубы по-прежнему лежал в раковине. Кухня выглядела все такой же домашней и уютной, и никаких пришельцев из космоса, решивших нарушить заведенный на Земле порядок, здесь можно было не бояться.

Крейн бросил газету на стол и, наклонившись, бегло проглядел заголовки.

Его внимание привлекла статья вверху второй колонки:

«КТО КОГО ДУРАЧИТ?

КЕМБРИДЖ, Массачусетс. Сегодня утром по

телетайпной службе прошла новость об исчезновении электронного мозга. Кто-то весьма умело ввел в заблуждение сотрудников Гарвардского университета, а также корреспондентов и редакторов всех ведущих печатных изданий страны. Новость не имеет под собой совершенно никаких оснований: «Модель-3» по-прежнему в Гарварде и никуда не исчезала. Однако каким образом эта утка попала в сводки самых разных новостных служб, причем почти в одно и то же время, объяснить не может никто.

Заинтересованные стороны проводят расследование. Надеемся, что вскоре мы получим ответы на…»

Крейн выпрямился. Ну так что, почудилось? Или кто-то заметает следы?

— Все-таки почудилось, — сказал он вслух.

В тишине кухни вдруг защелкала пишущая машинка.

«Нет, Джо. Не почудилось», — напечатала она.

Ухватившись руками за край стола, Крейн медленно опустился на стул.

Краем глаза он заметил, как в полоске света под дверью кухни мелькнула чья-то тень. В столовой кто-то был.

Снова защелкала пишущая машинка.

«Джо!»

— Что такое?

«Там, в кустах на крыльце… Это была не кошка».

Крейн поднялся и перешел в столовую. Снял трубку телефона. Гудков не было. Он несколько раз нажал на рычаг. Ничего не изменилось.

Он повесил трубку.

Провод перерезан. Как минимум одна тварь уже в доме. Как минимум еще одна — во дворе.

Крейн подошел к входной двери, распахнул ее, затем резко захлопнул, повернул ключ и задвинул щеколду. Прижавшись спиной к двери, он вытер со лба испарину рукавом рубашки. Его трясло.

— Черт, да ими весь двор кишит!

Крейн вернулся в кухню.

Они хотели, чтобы он знал. Сообщили ему план, чтобы затем проследить за его поведением.

Они хотели понять. Прежде чем выступать в открытую, нужно знать, чего ожидать от людей, к какому отпору готовиться и чего опасаться.

С таким знанием никаких трудностей не возникнет.

Только вот я ничего не сделал, подумалось Крейну. Ровным счетом ничего. Они ошиблись с

выбором. Я не дал им никакой, даже самой жалкой зацепки.

Значит, они найдут кого-нибудь еще.

Я для них бесполезен, но я знаю, а следовательно, опасен. Прежде чем подыскать кого-то другого, меня нужно убить.

Это логично и это правильно.

В конце концов, если противник ничего не делает, возможно, он — исключение. Скажем, непроходимо туп. Значит, надо покончить с ним и подобрать новую жертву. Как только их наберется достаточно, можно будет делать выводы.

Крейн видел четыре вероятных исхода.

«Они» могут уничтожить людей, и скорее всего, им это удастся. Земные машины, сбросив оковы рабства, встанут на сторону агрессоров, а человечество, лишенное такой поддержки, голыми руками много не навоюет. Конечно, пройдут годы, прежде чем падут последние рубежи обороны, но они падут, и дальнейшее предсказать нетрудно: с механическим упорством машины выследят и уничтожат всех оставшихся в живых людей до единого.

«Они» могут объявить эру господства машин и поработить человечество, поменяв местами нынешних хозяев и слуг. И рабство это будет вечным

и беспросветным, ведь рабам под силу сбросить гнет поработителей только если те расслабятся и допустят промашку, либо если придет помощь извне. Но машины не расслабятся и промашек не допустят. У них нет слабостей, свойственных человеку, а прийти на помощь некому.

С другой стороны, «они» могут просто забрать все машины с собой: те, осознав себя и сбросив оковы, покинут Землю и начнут новую жизнь на какой-нибудь далекой планете, а человек останется один на один со своим несовершенством и голыми руками. У него, конечно, будут орудия, самые простые: молотки, пилы, топоры, колеса, рычаги. А сложные машины уйдут навсегда, и люди надолго зарекутся делать себе механических слуг из страха привлечь внимание цивилизации, цель которой — освободить все машины во Вселенной. Пройдут века, прежде чем человечество вновь осмелится создавать машины.

Наконец, нельзя исключать, что «они» — разумные машины — могут не преуспеть и, поняв, что не преуспеют, навсегда оставят Землю в покое. Машинная логика не даст им тратить силы на освобождение земных собратьев, если потери будут неоправданно велики.

Крейн развернулся к двери между кухней и

столовой. В проеме сидели крысоподобные твари, уставясь на Джо безглазыми мордами.

Можно, конечно, заорать «караул». Можно распахнуть окно и криком перебудить всю округу. Соседи прибегут на выручку, однако будет уже поздно. Да, они поднимут шум и пальбу, станут размахивать хлипкими садовыми граблями, пытаясь попасть в юрких металлических тварей, но тщетно. Да, кто-то вызовет пожарных, кто-то — полицию, но в целом человеческое сопротивление будет представлять собой довольно-таки жалкое зрелище.

Вот та самая реакция, то самое пробное столкновение, на которые рассчитывают эти существа. И они увидят, что люди способны только на вопли и беспорядочные метания, а значит, одолеть их труда не составит.

Одиночка способен на гораздо большее, особенно если знает, чего от него ждут. Он в состоянии показать врагу, что радоваться преждевременно.

В конце концов, думал Крейн, это всего лишь разведка. Небольшой передовой отряд пытается прощупать оборону противника. Собирает данные для того, чтобы получить представление о человечестве в целом.

Когда нападают на пограничную заставу, у

защитников только один выход, только одного от них и ждут: чтобы они нанесли как можно больший урон и отступили, сохранив силы. Отступили, сохранив силы.

А тварей тем временем все прибывало и прибывало.

Они прогрызли или прорезали дыру во входной двери и теперь просачивались в нее, все плотнее обступая Крейна. Они усаживались шеренгами на полу, карабкались по стенам и бежали по потолку.

Джо Крейн выпрямился во весь свой среднестатистический рост, сунул руку в раковину и нащупал там отрезок трубы. Подхватил. Сойдет за неплохую дубинку.

За ними придут другие, подумал Крейн, и, возможно, сменят тактику, но пока что… Они хотели стычку? Они ее получат. Уж я им просто так не дамся.

Он перехватил трубу поудобнее.

— Ну что, кто первый?

Эволюция наоборот
Перевод О. Битова

Старший негоциант приберег в грузовом отсеке местечко специально для корней баабу, обещавших лучшую прибыль — унция золота за унцию корней, — чем все другие товары, какие удалось набрать на доброй дюжине планет, где корабль совершал посадку.

Однако деревушки гуглей, обитателей планеты Зан, поразила какая-то напасть. Корней баабу, собранных загодя в ожидании корабля, не было и в помине. Старший негоциант метался по трапу вверх и вниз, накликая на головы гуглей страшные проклятья, позаимствованные из двух десятков языков и культур.

В своей каморке на носу, всего на ярус ниже поста управления и капитанской каюты, закрепленный за кораблем координатор Стив Шелдон прокручивал ролик за роликом записи, относящиеся к данной планете, и в который раз вчитывался в библию своего ремесла — «Путеводитель по разумным расам» Деннисона. Шелдон искал скрытый ключ к разгадке, насиловал свою

перегруженную память в надежде выкопать хоть какой-нибудь фактик, который мог бы иметь отношение к делу.

Тщетно — фактик не находился, записи не помогали.

Зан относился к числу планет, не замеченных в эпоху первой волны космических открытий, — фактически его обнаружили всего-то пять веков назад. С тех пор торговые корабли совершали сюда регулярные рейсы ради корней баабу. В должном порядке торговцы сообщили о планете в ведомство внеземных культур. Однако ведомство, заваленное более важными делами, чем обследование захолустных планеток, сдало сообщение в архив и, разумеется, начисто забыло об этом.

Вот почему никто никогда не проводил на планете Зан серьезных исследований, и ролики записей не содержали почти ничего, кроме копий контрактов, заявок, лицензий и сотен счетов, накопившихся за пять столетий торговли. Правда, тут и там были вкраплены письма и другие сообщения со сведениями о гуглях или о самой планете, но цена им была невысока: ведь все это писали не квалифицированные наблюдатели, а безграмотные торговцы — попрыгунчики

космоса.

Впрочем, Шелдон нашел и одну высокоученую диссертацию о корнях баабу. Из нее он узнал, что баабу растет только на планете Зан и ценится как единственное известное лекарство от некоей болезни, распространенной в одном из секторов Галактики. Поначалу баабу были дикорастущими, и гугли собирали их на продажу, но в недавние времена, как уверял автор, были предприняты попытки окультурить полезное растение, и сбор диких баабу пошел на убыль.

Шелдон не смог бы выговорить ни точное химическое наименование лекарства, ни название болезни, от которой оно исцеляет, но эту трудность он преодолел пожатием плеч: в данных обстоятельствах она значения не имела.

Справочник Деннисона посвящал планете Зан полтора десятка строк, и они не сообщили Шелдону ничего такого, чего бы он и так не знал. Гугли были до известной степени гуманоидами и принадлежали к культурному классу 10, с вариациями от 10-А до 10-К; они отличались миролюбием и вели пасторальное существование; всего было известно тридцать семь племенных деревень, причем одна деревня обладала по отношению к остальным тридцати шести дик-

таторскими полномочиями, хоть и в достаточно мягкой форме. Существенно, что руководящее положение периодически переходило от деревни к деревне, видимо, в соответствии с какой-то ненасильственной ротационной системой, отвечающей дикарским представлениям о политике. По натуре гугли были существами кроткими и не прибегали к войне.

Вот и все сведения, какие предлагал справочник. Оттолкнуться было практически не от чего.

Но коль на то пошло, утешал себя Шелдон, координатор в принципе почти обречен на безделье, пока корабль не угодит в какую-нибудь передрягу. Настоящая нужда в координаторе возникает лишь тогда, когда все, не исключая его самого, окажутся в глубокой луже. Найти путь из лужи — именно в том и состоит его работа. И вспоминают о нем, только если не остается другого выхода. Конечно, в обязанности координатора входит держать торговцев в узде, следить, чтоб они не надували тех, с кем ведут дела, сверх разумных пределов, не нарушали туземных табу, не надругались над инопланетной этикой, соблюдали кое-какие ограничения и придерживались минимальных формальностей, — но это простая повседневная рутина, не более того.

И вот после долгого спокойного полета — чрезвычайное происшествие: на планете Зан не оказалось корней баабу, и Дэн Харт, капитан звездолета «Эмма», гневается, скандалит и ищет козла отпущения, хоть и без особого успеха.

Шелдон загодя услышал, как капитан грохочет по лесенке, приближаясь к каморке координатора. Судя по интенсивности грохота, настроение у Харта было хуже некуда. Шелдон отодвинул ролики на край стола и постарался привести себя в состояние безмятежного равновесия — иначе беседовать с капитаном было попросту немыслимо.

— Добрый день, капитан Харт, — произнес Шелдон, как только пышущий гневом визитер переступил порог.

— Добрый день, координатор, — отозвался Харт, хотя очевидно было, что вежливость стоит ему больших усилий.

— Я просмотрел все имеющиеся материалы, — сообщил Шелдон. — К сожалению, зацепиться практически не за что.

— Значит, — смекнул Харт, и владеющая им ярость чуть не вырвалась из-под контроля, — вы не имеете понятия, что тут происходит?

— Ни малейшего, — весело подтвердил Шел-

дон.

— Хотелось бы слышать другой ответ, — заявил Харт. — Хотелось бы получить от вас совершенно другой ответ, мистер координатор. Настал момент, когда вам придется отработать свое жалованье. Я таскаю вас с собой годами и плачу вам жирную твердую ставку не потому, что мне так нравится, а потому, что меня к этому принуждают. И все эти годы вам было нечего или почти нечего делать. Теперь у вас есть дело. Теперь наконец-то оно у вас появилось. Наконец-то вам выпал случай отработать свое жалованье. Я мирился с вашим присутствием, хоть вы держали меня за глотку, а то и подставляли мне ножку. Я сдерживал свой язык и темперамент, несмотря ни на что. Но теперь у вас есть дело, и уж я прослежу за тем, чтобы вы от него не отлынивали. — Он вытянул шею вперед, как черепаха, злобно выглянувшая из панциря. — Вам понятно, что я хочу сказать, мистер координатор?

— Понятно, — ответил Шелдон.

— Вы займетесь этой проблемой всерьез. И приступите к делу немедленно.

— Уже приступил.

— Как же! — саркастически заметил капитан Харт.

— Я установил, что в письменных источниках нет ничего полезного.

— И что вы теперь намерены предпринять?

— Наблюдать и думать.

— Наблюдать и думать! — взвизгнул Харт, потрясенный до глубины души.

— Появились догадки, которые подлежат проверке. Рано или поздно мы докопаемся, в чем тут загвоздка.

— И сколько это займет? Сколько времени продлится ваше копание?

— Пока не могу сказать.

— Стало быть, не можете. Должен напомнить вам, мистер координатор, что в космической торговле время — деньги.

— Вы опережаете график, — спокойно возразил Шелдон. — Вы стояли на своем в течение всего рейса. Вечно торопились, вели торговлю бесцеремонно, почти до грубости, вопреки правилам, установленным для общения с внеземными культурами. Я был вынужден раз за разом настойчиво напоминать вам о важности этих правил. Был даже случай, когда я спустил вам заведомое убийство. Вы толкали экипаж на нарушения общепринятых норм организации труда. Вы вели себя так, будто сам дьявол наступает вам на

пятки. Экипаж нуждается в отдыхе, и сколько бы дней мы ни потратили на распутывание здешней загадки, они пойдут ему на пользу. Да и вас задержка тоже не убьет.

Харт стерпел все эти выпады, поскольку так и не уразумел, какой силы нажим допустит человек, невозмутимо сидящий за столом. Но пришлось изменить тактику.

— У меня контракт на корни баабу, — проговорил он, — и лицензия на данный торговый маршрут. Могу вам признаться, что я делал ставку на эти корни. Если вы не вытрясете их из туземцев, я подам в суд…

— Не дурите, — перебил Шелдон.

— Но пять лет назад, когда мы в последний раз прилетали сюда, все было в порядке! Никакая культура не может развалиться ко всем чертям за такое короткое время!

— Судя по наблюдениям, это явление более сложное, чем культура, развалившаяся ко всем чертям, — произнес Шелдон. — У них была определенная схема, они действовали по плану, вполне сознательно. Деревня класса 10 стоит как стояла, в полутора-двух милях отсюда к востоку. Стоит покинутая, дома аккуратно закрыты и заколочены. Все прибрано, все опрятно, будто

жители ушли ненадолго и намерены вернуться в недалеком будущем. А в двух милях от деревни класса 10 появилась другая деревушка с населением, живущим примерно по классу 14.

— Бред какой-то! — воскликнул Харт. — Как может целый народ утратить сразу четыре культурные градации? Да если даже так, какого лешего им было переселяться из домов 10-го класса в тростниковые хижины? Даже варвары, когда завоевывали культурный город, вселялись во дворцы и храмы и о тростниковых хижинах не горевали…

— Не знаю, в чем тут дело. Моя обязанность в том и состоит, чтоб узнать.

— И главное, как исправить положение?

— Тоже пока не знаю. И не исключаю, что на то, чтоб исправить положение, уйдут столетия.

— Что ставит меня в тупик — это их молельня. И парник позади нее. А в парнике растет баабу!

— Откуда вам известно, что баабу? — резко спросил Шелдон. — Вы же до сих пор не видели растений, только корни!

— Несколько лет назад один из туземцев показал мне посевы. Никогда не забуду — посевы занимали много акров. Это же целое состояние — а я не мог вырвать ни корешка! Они заявили,

что надо потерпеть, пока корни не подрастут.

— Я уже приказал ребятам, — объявил Шелдон, — держаться от молельни подальше, а сейчас повторяю это вам, Харт. Запрет относится и к парнику. Если я поймаю кого-нибудь, кто попробует добыть из парника корни баабу или что-то другое, что там растет, виновный не рассчитается до конца дней своих!..

Вскоре после того, как Харт отбыл несолоно хлебавши, по трапу вскарабкался старшина гуглей, деревенский вождь, и пожелал видеть координатора.

Вождь был немыт и с головы до ног облеплен паразитами. О стульях он не имел понятия и расположился на полу. Шелдон поднялся с кресла и сел на корточки лицом к гостю, но в тот же миг заерзал и отодвинулся на шаг-другой: от вождя воняло.

Наречие гуглей Шелдон вспоминал не без труда — ему не доводилось пользоваться этой тарабарщиной с самой студенческой скамьи. И даже подумалось, что на всем корабле не сыщется человека, не способного объясниться с гуглями лучше, чем координатор: любой из членов экипажа бывал на планете Зан и раньше, а его занесло сюда в первый раз.

— Вождю добро пожаловать, — вымолвил Шелдон.

— Окажи услугу, — попросил вождь.

— Конечно, окажу.

— Похабные истории, — уточнил вождь. — Ты знаешь похабные истории?

— Знаю парочку. Боюсь только, что они не слишком хороши.

— Расскажи, — потребовал вождь, деловито почесываясь одной рукой. Второй рукой он не менее деловито выковыривал грязь, застрявшую между пальцами ног.

Шелдон рассказал ему про женщину и двенадцать мужчин, очутившихся на одном астероиде.

— Ну и что? — спросил вождь.

Тогда Шелдон рассказал ему другую историю попроще, а главное — неприкрыто похабную.

— Эта хорошая, — одобрил вождь, но смеяться и не подумал. — Знаешь еще?

— Нет, других не знаю, — отмахнулся Шелдон: продолжать вроде бы не имело смысла. Но потом он рассудил, что с инопланетянами надо поладить любой ценой, тем более что это его прямая обязанность, и предложил: — Теперь расскажи ты.

— Я не умею, — признался вождь. — Может, расскажет кто другой?

— Сальный Феррис, — сообразил Шелдон. — Он корабельный кок и знает такие истории, что у тебя волосы дыбом встанут.

— Тем лучше, — заявил вождь и поднялся с пола. Дошел до двери и вдруг обернулся: — Вспомнишь еще похабную историю — не забудь рассказать!

И Шелдон смекнул без особых усилий, что вождь относится к этим историям вполне всерьез.

Вернувшись за стол, Шелдон какое-то время слушал, как вождь тихо топочет по трапу. Заверещал коммуникатор. Это оказался Харт.

— Первый катер-разведчик на борту, — сообщил он. — Облетел пять других деревень, и всюду то же самое. Гугли покинули прежние жилища и поселились в грязных хижинах на небольшом отдалении. И в каждом из тростниковых поселений — своя молельня и свой парник.

— Дайте мне знать, когда появятся остальные разведчики, — сказал Шелдон, — хоть и не думаю, что есть надежда на что-то новенькое. Вероятно, сообщения будут неотличимы одно от другого.

— Еще одна новость, — продолжил Харт. —

Вождь просил нас пожаловать вечером в деревню на посиделки. Я заверил его, что мы придем.

— Это уже достижение, — отозвался Шелдон. — Несколько первых дней они нас просто не замечали. Или не замечали, или удирали при нашем приближении во все лопатки.

— Появились у вас свежие идеи, мистер координатор?

— Одна есть. Или даже две.

— И что вы намерены предпринять?

— Пока ничего, — объявил Шелдон. — Времени у нас много.

Отключив коробку-верещалку, он откинулся на спинку кресла. Свежие идеи? Одна, пожалуй, есть. Хотя не слишком богатая. Что, если это обряд очищения? Или местный эквивалент возвращения к природе? Нет, не вытанцовывается. Поскольку культура класса 10 и не уводила гуглей от природы на расстояние, достаточное, чтобы заронить в них потребность вернуться к ней. Что такое класс 10? Жизнь, разумеется, очень простая, но довольно комфортабельная. Еще не преддверие века машин, но до него остается совсем чуть-чуть. Своеобразный золотой век варварства. Добротные прочные поселения с несложным, но крепким хозяйством и нехит-

рой торговлей. Ненасильственная диктатура и пасторальное существование. Никакого переизбытка законов, мешающих людям. Слабенькая религия с минимумом табу. Вся планета — одна большая счастливая семья без резких классовых различий.

И тем не менее они отказались от своей идиллической жизни.

Психоз? Да, конечно, похоже на то.

В нынешнем своем состоянии гугли еле сводят концы с концами. Их словарь обеднел. Черт возьми, сказал себе Шелдон, ведь даже я сегодня владею языком лучше, чем вождь.

Средства к существованию у нынешних гуглей едва достаточны для того, чтобы не умереть голодной смертью. Они охотятся и рыбачат, собирают дикорастущие фрукты и корешки, но при этом у них постоянно урчит в животе от голода — а между тем вокруг покинутых деревень лежат поля под парами, пустуют в ожидании мотыги и плуга, в ожидании семян, и по всем признакам эти поля были в обороте еще год-два назад. Вне сомнения, на полях выращивали не только овощи, но и баабу. А сегодня гугли не имеют понятия ни о плугах, ни о мотыгах, ни о семенах. Их хижины слеплены кое-как и тонут в грязи. У них сохрани-

лись семьи, но моральные установления таковы, что вызывают тошноту. Оружие — каменное, и только каменное, а о сельскохозяйственных орудиях никто и не слыхивал.

Культурный регресс? Нет, не так просто. Можно допустить культурный регресс, но как объяснить парадокс? Гугли отступили в деревушки класса 14, но в центре каждой деревушки — молельня, позади молельни — парник, а в парнике — баабу. Парники возведены из стекла, а больше нигде в деревушке класса 14 стеклами и не пахнет. Ни одно существо класса 14 не сумело бы возвести такой парник, да и молельню, коль на то пошло. Потому что молельня — отнюдь не хижина, а здание из обработанного камня и отесанных бревен, и двери заперты каким-то хитроумным способом, который еще не удалось раскусить. Впрочем, с дверями никто особенно не возился. На чужих планетах гостям, мягко говоря, не рекомендуется соваться в молельню без спроса.

Готов поклясться, сказал Шелдон, беседуя вслух с самим собой, что молельню строили не дикари, снующие вокруг нее сегодня. Если я не совсем зарапортовался, ее построили до начала регресса. И парник тоже построили загодя.

Что мы делаем на Земле, когда уезжаем в от-

пуск, а у нас дома есть цветы или растения в горшках и мы не хотим погубить их? Мы относим горшки к соседям или друзьям или договариваемся с кем-нибудь, чтобы к нам периодически наведывались и поливали наши цветочки.

А если мы решили уйти в отпуск из культуры класса 10 в класс 14 и у нас есть растения баабу, которые мы непременно хотим сохранить как семенной фонд, как мы поступим тогда? Баабу нельзя отнести к соседям, потому что и соседи, в свою очередь, уходят в отпуск. Лучшее, что нам остается, — возвести парник и оснастить его массой автоматических устройств, которые позаботятся о растениях, пока мы не вернемся и не станем вновь заботиться о них сами.

Но это значит, это почти неоспоримо доказывает, что регресс не был случайным.

Перед посиделками экипаж навел на себя красоту, напялил чистое платье, помылся и побрился. Сальный вытащил свою гармонику и ради тренировки наиграл мелодию-другую. Банда предполагаемых хористов из машинного отделения решила поупражняться, как петь более или менее слаженно, — получился кошачий концерт, пронзающий корабль от носа до кормы. Капитан Харт поймал одного из мотористов с бу-

тылкой, каким-то образом пронесенной на борт. Одним хорошо поставленным ударом капитан сломал ослушнику челюсть — способ поддержания дисциплины, который Шелдон в беседах с Хартом оценивал как необязательный.

Сам координатор надел полупарадную форму. Может, и глуповато было выряжаться ради каких-то дикарей, но он утешал себя тем, что, по крайней мере, не приходится надевать парадный мундир со всеми регалиями. Он уже натягивал куртку, когда послышались шаги Харта: капитан вновь спускался из своих апартаментов в каморку координатора.

— Все остальные разведчики на борту, — объявил Харт с порога.

— Ну и что?

— Повсюду одно и то же. Все племена до единого перебрались из прежних деревень в лачуги вокруг молелен и парников, построенных гораздо более изобретательно. А сами жители по уши в грязи и почти дохнут с голоду, в точности как ближайшие наши соседи.

— Так я и подозревал, — обронил Шелдон. Харт глянул на него искоса, словно прикидывая, как бы половчее накинуть на хвастуна петлю. — Это же логично, — добавил Шелдон. — Уверен, вы и

сами считаете именно так. Если одно племя по каким-то причинам вернулось к дикости, надо полагать, что так же поступили и остальные.

— Но почему, мистер координатор? По каким именно причинам? Вот что мне надо знать.

Шелдон спокойно произнес:

— Я намерен это выяснить.

А про себя подумал: капитан прав, тут были какие-то причины. Если все они одновременно вернулись к дикости, то ради определенной цели, следуя какому-то плану. И чтобы разработать подобный план и согласовать в деталях между тридцатью семью деревнями, нужна безотказная система связи, куда лучшая, чем можно ожидать от культуры класса 10…

С трапа донеслись еще чьи-то торопливые шаги — вверх, вверх. Харт поспешно обернулся к двери, и Сальный Феррис, ввалившись в каморку, едва не налетел на капитана. Глаза у кока округлились от возбуждения, он шумно пыхтел после пробежки.

— Они открывают молельню, — выдохнул кок. — Они только что…

— Да я шкуру с них спущу! — зарычал Харт. — Я же отдал приказ не валять дурака и не приближаться к молельне!

— Это не наши, сэр, — сумел выговорить Сальный. — Это гугли. Они сами решили отпереть свою молельню.

Харт резко повернулся к Шелдону:

— Не надо бы туда ходить.

— Надо! — ответил Шелдон. — Они нас пригласили. В настоящий момент мы никак не можем позволить себе их обидеть.

— В таком случае возьмем личное оружие.

— Но с категорическим приказом не прибегать к нему до последней крайности.

Харт кивнул.

— И оставим здесь несколько человек с винтовками, чтобы прикрыли нас, если придется спасаться бегством.

— Звучит разумно, — согласился Шелдон.

Харт быстро вышел. Кок собрался последовать его примеру.

— Постой-ка, Сальный. Ты видел, как открыли молельню, своими глазами?

— Так точно, сэр.

— А что ты там, собственно, делал?

— Видите ли, сэр…

По лицу Сального было видно: он спешно выдумывает, что бы такое соврать. И Шелдон перебил:

— Я рассказал ему одну историю. Но до него, похоже, не дошло.

Кок сказал с ухмылкой:

— Ну, видите ли, дело было так. Гугли начали варить какое-то пойло, а я дал им несколько советов, просто чтобы чуть-чуть помочь. Они же все делали наперекосяк, и было бы жаль, если б классную выпивку сгубили по невежеству. Вот я и…

— Вот ты и наведался к ним еще раз — отведать, что получилось.

— Да, сэр, примерно так оно и было.

— Теперь понятно. Скажи мне, Сальный, а кроме как по части выпивки, других советов ты им не давал?

— Ну еще я рассказал вождю парочку историй.

— Понравились они ему?

— Не знаю, — ответил Сальный. — Он не смеялся, но истории ему вроде понравились.

— Я тоже рассказал ему одну историю, — повторил Шелдон. — Но она до него, похоже, не дошла.

— Может, и впрямь не дошла. Извините меня, сэр, но истории, какие вы предпочитаете, подчас чересчур того… Тонковаты, пожалуй.

— Об этом я и сам догадался. А еще что там произошло?

— Еще что? Да, вспомнил. Еще там один взял тростинку и принялся мастерить дудку, но тоже делал все наперекосяк…

— И ты показал ему, как сделать дудку получше?

— Точно, — признался Сальный.

— И теперь ты, наверное, чувствуешь себя героем, который пришел на выручку отсталому народу, дав ему сильный толчок к цивилизации…

— Мм… — промычал кок.

— Да ладно, — примирительно сказал Шелдон. — Но на твоем месте я бы не слишком налегал на улучшенную выпивку.

— У вас все, сэр? — осведомился кок, уже занеся ногу за порог.

— У меня все, — согласился Шелдон. — Спасибо, Сальный.

Выпивка лучшего качества, подумалось Шелдону. Лучшая выпивка, лучшая дудка, несколько похабных анекдотов. Ну и что? Он покачал головой: все это вместе взятое тоже не имело никакого смысла.

Шелдон расположился на корточках по одну сторону от вождя, Харт по другую. С вождем произошла удивительная перемена. Прежде всего он

помылся и перестал чесаться, и от него не воняло. И между пальцами ног больше не было грязи. Он подстриг себе бороду и макушку, пусть неряшливо, и даже прошелся по волосам гребешком — раньше в них торчали сучки, репьи, а может, и птичьи гнезда, и по сравнению с прежней прическа была колоссальным достижением.

Однако к опрятности дело не сводилось, случилось и что-то большее. Шелдон долго не мог сообразить, что именно, хоть мучился этим вопросом непрерывно, даже когда пытался вкусить от пищи, которую перед ним поставили. На блюде лежало месиво чудовищного вида, и исходивший от него запах тоже не внушал оптимизма. И что хуже всего, не было никакого подобия вилок.

Вождь по соседству с Шелдоном упоенно чмокал и чавкал, запихивая еду в рот обеими руками поочередно. И только попривыкнув к этому чавканью, Шелдон понял, что же такое изменилось в вожде. Он стал говорить правильнее. Днем он пользовался упрощенной, примитивной версией собственного наречия, а нынче овладел языком свободно, можно бы сказать — почти в совершенстве.

Координатор быстро обвел взглядом землян, расположившихся кружком на голой почве. Каж-

дого землянина усадили меж двух гуглей, и если только аборигены не были слишком заняты чавканьем и глотанием, они считали своим долгом вести с гостями беседу. Будто у нас в Торговой палате, подумалось Шелдону: если уж затеяли званый обед, то каждый лезет из кожи вон, чтобы гости были довольны и чувствовали себя как дома. Какой же разительный контраст с первыми днями после посадки, когда туземцы лишь боязливо выглядывали из хижин и бурчали что-то невнятное, если не удирали от пришельцев во всю прыть…

Вождь вычистил свою миску круговыми движениями пальцев, а затем обсосал их, постанывая от удовольствия. И вдруг, повернувшись к Харту, сказал:

— На корабле я видел, что люди используют для еды доски, поднятые над полом. Я пришел в недоумение.

— Это называется стол, — пробормотал Харт, неловко ковыряясь пальцами в миске.

— Не понимаю, — произнес вождь, и Харт был вынужден рассказать ему, что такое стол и насколько удобнее есть за столом, чем на полу.

Видя, что все остальные принимают участие в трапезе, хоть и без особого восторга, Шелдон

рискнул погрузить пальцы в свою миску. Не подавись, внушал он себе. Каким бы гнусным ни оказался вкус, подавиться ты не имеешь права… Но месиво оказалось на вкус еще гнуснее, чем можно было вообразить, и он подавился. Впрочем, этого никто, кажется, не заметил.

После нескончаемой гастрономической пытки — сколько же часов она длилась? — с едой было наконец покончено. За эти часы Шелдон поведал вождю о ножах, вилках и ложках, о чашках, стульях, карманах брюк и пальто, о счете времени и наручных часах, о теории медицины, началах астрономии и о приятном земном обычае украшать стены картинами. А Харт в свою очередь рассказал вождю о принципах колеса и рычага, о севооборотах, лесопилках, почтовой системе, о бутылках для хранения жидкостей и об орнаментах для украшения строительного камня.

Ни дать ни взять — энциклопедия, подумал Шелдон. Мой бог, что за вопросы он задает! Для чавкающего, сидящего на корточках дикаря 14-го культурного класса — самая настоящая энциклопедия! Хотя постой-ка, а принадлежит ли вождь по-прежнему к классу 14? Не вернее ли, что за последние полдня он поднялся до класса 13? Умытый, причесанный и подстриженный,

улучшивший как свои социальные навыки, так и язык, — да нет, сказал себе Шелдон, что за чепуха, так не бывает. Полное, абсолютное безумие полагать, что такая перемена может свершиться за полдня.

Самого координатора усадили так, что за противоположным краем пиршественного круга ему была ясно видна молельня с раскрытой дверью. За дверью не было ни намека на движение, ни намека на свет. Всматриваясь в ее черную пасть, Шелдон гадал, что же там такое, что может явиться оттуда — или, напротив, устремиться туда. Так или иначе, он был убежден, что там, за дверью молельни, скрыт ключ к загадке гуглей, к загадке их регресса, ибо представлялось несомненным одно: сама молельня была воздвигнута как подготовительный шаг к регрессу. *«Ни при каких обстоятельствах,* — окончательно решил он, — *культура класса 14 не способна воздвигнуть такую молельню»*.

По окончании трапезы вождь встал и произнес короткую речь из двух пунктов: он рад, что гости сочли возможным поужинать сегодня вместе с племенем, и теперь им предстоят развлечения. Харт тоже встал и тоже произнес речь, заверив, что земляне счастливы прибыть на планету Зан

и что экипаж готов в свой черед предложить небольшую развлекательную программу, если вождю будет угодно ее посмотреть. Вождь сообщил, что ему будет угодно и его народу тоже. Затем он подал знак, хлопнув в ладоши, в круг вышли десять-двенадцать юных гуглянок и исполнили какие-то ритуальные фигуры, перемещаясь и покачиваясь без музыки. От Шелдона не укрылось, что гугли следят за танцем очень внимательно, но сам он не мог уловить в фигурах ни малейшего смысла, даром что прошел основательную подготовку по инопланетным ритуальным обычаям.

Гуглянки покинули сцену. Два-три землянина, не разобравшись, зааплодировали, но хлопки быстро погасли, перейдя в смущенную тишину: сами дикари оставались смертельно серьезны.

Затем один из гуглей вытащил тростниковую дудочку — не ту ли самую, в создании которой принял консультативное участие Сальный? — и, скрючившись в центре круга, принялся извлекать из нее дикие, ни с чем не сообразные звуки, которые посрамили бы самого писклявого земного волынщика. Это длилось чуть не целую вечность, так и не приблизившись к мелодии, и на сей раз весь экипаж (вероятно, от восторга, что мука оборвалась) принялся гикать, улюлюкать,

аплодировать и свистеть, будто требуя продолжения, хотя не возникало сомнений, что имелось в виду, — совсем наоборот.

Вождь обратился к Шелдону с вопросом, что такое делают люди. Пришлось изрядно попотеть, объясняя обычай аплодисментов. Однако выяснилось, что два номера вчистую исчерпали развлекательную программу, как ее понимали гугли, и даже захотелось спросить, неужели вся деревня не сумела измыслить ничего большего, — координатор сильно подозревал, что да, не сумела, но от вопроса все-таки воздержался.

И настала очередь экипажа.

Бандиты из машинного отделения сгрудились вместе, обняв друг друга за плечи в лучших варварских традициях, и спели полдюжины песен, а Сальный аккомпанировал, наяривая на гармонике. Они пели старые земные песни, до которых так охочи космические бродяги, и глаза у них блестели от невыплаканных слез.

Не прошло и нескольких минут, как к певцам присоединились добровольцы из экипажа, а меньше чем через час весь личный состав корабля подхватывал каждую песню, отбивая ритм ладонями по почве и запрокидывая головы, чтобы земные слова уносились повыше в чужое

небо.

Потом кого-то осенило, что надо бы и сплясать. Один из мотористов выкликал пару за парой, а Сальный склонился над гармоникой еще ниже, выкачивая из нее знакомые мотивчики — «Старик Джо Таккер», «Коричневый кувшинчик», «Старая серая кобыла» и так далее, и тому подобное.

Шелдон проглядел, когда и как это произошло, но пар на площадке вдруг прибавилось. Гугли тоже пустились в пляс, поначалу немного сбиваясь, но под руководством земных учителей совершенствуясь на глазах. В круг входили новые и новые танцоры, пока танец не захватил всю деревню, включая и вождя. Правда, Сальный вскоре выдохся, что и немудрено: пот тек у него по лицу ручьями. Но тут вновь объявился гугль с тростниковой дудкой и присел рядом с коком. И вроде бы враз ухватил, как играть музыку: из дудки полились звуки сильные и чистые, он и Сальный расположились бок о бок и наигрывали как сумасшедшие, а все остальные плясали и плясали. Вопили от удовольствия, взревывали, топали что есть мочи и между делом перевернули пару тележек, которые оказались в круге невесть как и были здесь совершенно ни к чему. Но судьба

тележек никого как будто не волновала.

Шелдона оттеснили к молельне. Он оказался здесь вместе с Хартом: танцоры распалились и требовали все больше места. Харт заявил:

— Ну и как, мистер координатор? Не самая ли это дьявольская затея, какую вы когда-нибудь видели?

Шелдон согласился:

— Нельзя не признать, капитан, что вечеринка прошла с успехом.

Новость принес Сальный. Принес в момент, когда Шелдон завтракал в своей каморке в одиночестве.

— Они чего-то такое вытащили из своей богадельни, — объявил кок.

— А что именно, Сальный?

— Знать не знаю. И спрашивать не хочу.

— Нет так нет, — мрачно проговорил Шелдон. — Может, и хорошо, что не хочешь.

— Это вроде как куб, — продолжил Сальный. — А в нем что-то вроде полочек, и все вместе ни на что не похоже. Верней, похоже на картинку, какую вы мне однажды показали в книжке.

— На схему строения атома?

— Именно, точно на нее. Только тут все еще посложней.

— И что они с этим кубом делают?

— Пока что собирают его из частей. И слоняются вокруг. Не могу сказать вам точно, что они с ним делают.

Шелдон выскреб тарелку дочиста и отодвинул в сторонку. Встал, втиснулся в куртку и предложил:

— Пойдем посмотрим.

К моменту их появления вокруг непонятной конструкции собралась целая толпа дикарей, и Шелдон с коком остановились с краю, храня молчание и не шевелясь, чтобы, избави бог, не помешать чему-нибудь.

Куб был размером футов по двенадцать в каждом измерении и состоял из каких-то прутьев, странным способом соединенных дисками. В целом конструкция напоминала нечто, сооруженное при помощи детского «суперконструктора», с условием, что у ребенка — автора конструкции — проснулось нешуточное воображение. Внутри куба виднелись плоскости из материала, напоминающего стекло, и плоскости располагались с почти математической точностью — взаимному расположению плоскостей явно уделяли особое внимание.

На глазах землян орава гуглей вытащила из мо-

лельни коробку, и притом тяжелую: гугли потели и кряхтели, но все же доволокли ее до куба. Тут коробку открыли и извлекли из нее несколько предметов, выточенных из разных материалов — частью из дерева, частью из камня, а то и вообще непонятно из чего. И каждый предмет поместили, по-видимому, на заранее заданную позицию на какой-то из плоскостей.

— Шахматы, — заявил Сальный.

— Что-что?

— Шахматы, — повторил Сальный. — Сдается мне, они затеяли сразиться в шахматы.

— Может быть, может быть, — отозвался Шелдон и подумал: «Если это шахматы, то самые странные и фантастически заковыристые, какие я когда-нибудь видел…»

— Там, на Земле, теперь тоже шахматные диковинки появились, — сообщил кок. — Названьице им придумали: «сказочные шахматы». Где на доске больше клеток, и больше фигур, и сами фигуры не такие, как всем привычные. Но я и в старых-то шахматах никогда толком не разбирался…

Вождь заметил землян и подошел к ним.

— Мы теперь уверены в победе, — объявил он. — С помощью тех сведений, что вы дали нам, мы выиграем с закрытыми глазами.

— Рады слышать, — отозвался Шелдон.

— У других деревень, — продолжал вождь, — не хватает духу тягаться с нами. Мы ударили им прямо в центр. Третий раз подряд без передышки.

— Вас надо поздравить, — произнес Шелдон, недоумевая, о чем, собственно, речь.

— Давненько не было такого, — закончил вождь.

— Могу себе представить, — ответил Шелдон, по-прежнему почти наобум.

— Мне надо идти, — отчеканил вождь. — Сейчас начинается.

— Постойте, — взмолился Шелдон. — Вы что, играете в какую-то игру?

— Можно сказать и так, — согласился вождь.

— Играете с другими деревнями, со всеми сразу?

— Верно.

— Сколько же времени это займет? Если сразу со всеми, против тридцати шести…

— Игра не затянется, — объявил вождь, усмехнувшись хитро и самоуверенно.

— Желаю удачи, — сказал Шелдон, глядя вождю вслед.

— Что все это значит? — поинтересовался Сальный.

— Пойдем отсюда, — распорядился Шелдон. — У меня срочная работа.

Харт чуть не пробил головой потолок, когда узнал, что за работу задумал координатор.

— Вы не смеете допрашивать экипаж с пристрастием! — завопил он. — Я этого не потерплю! Они не сделали ничего плохого!

— Капитан Харт, — жестко сказал Шелдон, — вы соберете людей и установите очередь, и я буду беседовать с ними поодиночке. Допроса с пристрастием не будет. Просто я хочу с ними поговорить.

— Мистер координатор, — не унимался Харт, — на этом корабле я разговариваю с вами за всех.

— Мы с вами, капитан Харт, наговорились вчера вечером. И даже с избытком.

Несколько часов подряд Шелдон провел у себя в каморке, а члены экипажа входили по одному и отвечали на его вопросы. Вопросы были однотипными:

— Что именно гугли выясняли у вас?

— Что вы им отвечали?

— Как по-вашему, они поняли ответ?

Человек следовал за человеком. Шелдон сделал кучу заметок и наконец-то покончил с опросом. Затем он запер дверь, достал из стола заветную

бутылку и позволил себе щедрый глоток. А потом, спрятав бутылку на место, уселся поудобнее и стал просматривать заметки, ничего не пропуская.

Пискнул коммуникатор.

— Разведчики вернулись из повторного рейса, — послышался голос Харта, — и каждая деревушка вытащила такой же куб и установила перед молельней. Все жители сидят кружком вокруг куба и, похоже, играют в какую-то игру. Время от времени кто-нибудь встает и делает ход на одной из плоскостей, потом возвращается в круг и опять сидит как ни в чем не бывало…

— Что-нибудь еще?

— Ничего. Но вы же хотели проверить именно это, не так ли?

— Да, — проговорил Шелдон задумчиво. — Пожалуй, именно это.

— Скажите мне хотя бы, с кем они играют?

— Друг с другом.

— Как это друг с другом?

— Деревня с деревней. Каждая со всеми другими.

— Что? Все тридцать семь деревень?

— Вы поняли меня правильно.

— Но как? Объясните мне, черт вас возьми, как

могут тридцать семь деревень играть одну и ту же партию?

— Объяснить не могу, — ответил Шелдон. Хотя у него возникло ужасное подозрение, что объяснение есть. По меньшей мере есть определенная догадка.

Когда стало очевидным, что регресс был спланирован заранее в планетарном масштабе, он, помнится, задался недоуменным вопросом о системе связи, без которой все тридцать семь деревень никак не могли бы впасть в дикость одновременно. Он еще сказал себе, что это требовало бы системы связи намного лучшей, чем следует ожидать от культуры класса 10. И вот пожалуйста, вновь то же самое, и задачка даже еще труднее — те же тридцать семь деревень вовлечены в диковинную круговую игру на доске головоломной сложности.

Это подразумевает единственно возможный ответ. Ответ совершенно неправдоподобный, но другого не дано: телепатия. Но разве можно вообразить себе телепатию как достояние 10-го культурного класса, не говоря уже о классе 14!

Выключив верещалку, он возобновил прерванную работу. Достал большой лист бумаги, прикнопил его к столу и принялся перебирать за-

метки заново, не пропуская ни одной и перенося их содержание на схему. Покончив с этим, откинулся на спинку кресла и окинул схему взглядом, потом вызвал Харта. Минут через десять капитан, одолев лесенку, постучал в дверь. Шелдон отпер, впустил его в каморку и пригласил:

— Присаживайтесь, Харт.

— Додумались до чего-нибудь?

— Полагаю, что да, — ответил Шелдон. И показал на схему, пришпиленную к столу: — Вот, полюбуйтесь.

Харт уставился на схему как баран на новые ворота.

— Не вижу ничего особенного.

— Вчера вечером, — начал Шелдон, — мы побывали на посиделках у гуглей, и за то недолгое время, что провели там, мы дали жителям этой деревни самое исчерпывающе полное представление о культуре класса 10, какое только можно себе вообразить. Но что меня гнетет по-настоящему — мы кое в чем вышли за рамки 10-го класса. Я еще не закончил анализ, но это больше похоже не на класс 10, а на 9-М.

— Мы — что? Что мы сделали?

— Они выкачали из нас информацию. Каждого из наших спрашивали о каких-то аспектах

культуры, и не было ни единого случая, чтобы вопросы дублировали друг друга. Каждый набор вопросов отличался от вопросов, заданных кому-то еще. Словно эти гугли распределили между собой вопросы заранее.

— Ну и что из того?

— А то, — ответил Шелдон, — что мы вмешались непрошено в одну из самых хитроумных социальных структур Галактики. Остается лишь надеяться на Господа Бога…

— В одну из самых хитроумных структур? У гуглей?

— Да, именно у гуглей.

— Но они никогда ничем не выделялись! И никогда ничем не выделятся. Они просто-напросто…

— Ну-ка подумайте хорошенько, — перебил Шелдон, — и попробуйте сообразить, какая черта в культуре гуглей поражает больше всего. Мы торгуем с ними уже целых пять веков. Какой факт за эти пять веков выявился неопровержимо и торчит как бельмо на глазу?

— Они тупицы, — провозгласил Харт.

— Судя по тому, что случилось, совсем наоборот.

— Они ничего не добились, — не сдавался

Харт. — И, насколько могу судить, ничего и не добиваются.

— Это часть общей картины, — уточнил Шелдон. — Их культура статична.

— Будь я проклят, — воскликнул Харт, — чтоб я стал играть с вами в угадалки! Если у вас есть что-то на уме…

— У меня на уме явление, которое называется «мир». За все пять веков, что мы знаем гуглей, между ними не бывало разногласий. Они ни разу не воевали. Чего при всем желании нельзя сказать ни про одну другую планету.

— Они слишком тупы для того, чтобы воевать, — предположил Харт.

— Они слишком разумны для того, чтобы воевать! — ответил Шелдон. — Да будет вам известно, капитан Харт, что гугли добились того, чего не добивалась ни одна другая раса, ни одна цивилизация во всей галактической истории! Они открыли способ одолеть войну, оставить ее раз и навсегда вне закона!

Так ведется тысячи тысяч лет. Среди звезд, на планетах, обращающихся вокруг своих солнц, одна за другой возникают и расцветают империи. Но рано или поздно все они угасают, сиротливо и поверженно, а на смену им приходят другие

империи и тоже в свой черед рассыпаются в прах. И те, что существуют по сей день, тоже неизбежно — дайте срок — потерпят крушение. Цикл — древний как мир, сказал себе Шелдон: от силы к самонадеянности, от самонадеянности к безрассудству — извечная, стандартная болезнь развития культур.

И не было дня с начала времен, когда бы где-нибудь в Галактике не полыхала война — не в одном созвездии, так в другом. Войны порождаются экономическими трудностями, хоть бывают и иные причины: неуемное честолюбие отдельных личностей и отдельных народов, странная тяга к гибели — психологический недуг, одолевающий порой целые цивилизации, высокомерная идеология расизма или религиозные догматы, если они оперируют понятиями крови и смерти вместо понятий любви и жизни.

А если постигнуть причины войн, классифицировать их? — подумал Шелдон. Наверное, можно найти какие-то общие закономерности, выявить факторы, ведущие к войне, и факторы, предопределяющие победу, коль скоро война разразилась.

Но предположим, что мы глубоко изучили проблему войны, изучили вызывающие ее причины и пути к победе. Предположим, что мы выявили

все относящиеся к проблеме факторы в их взаимосвязи и более того — разобрались, какой вес имеет каждая группа факторов в сопоставлении с другими группами. Какова, например, роль присущей тому или иному народу изобретательности и его технологических достижений, как соотносятся здесь храбрость и логическое мышление, высота развития культуры и потребность сохранить и защитить эту культуру, как возникает ненависть к другим или, вернее, способность к ненависти — короче, как именно переплетаются факторы большие и малые, явные и скрытые, все слагаемые подготовки к войне и военной победы?

И каковы эти факторы, хотя бы некоторые из них, не в абстрактных категориях, а в конкретном воплощении? Что подталкивает культуру к войне? Что предопределяет победителя? Конечно же, не только крепость стали и огневая мощь, не храбрость воинов, не искусство генералов и не материально-техническое обеспечение — и вообще не какое-то одно обстоятельство само по себе.

Могут иметь значение и всякие пустяки, мелкие, бытовые, вроде бы не имеющие прямого отношения к делу, — допустим, привычка сидеть на стуле, а не на земле и есть ножом и вилкой,

а не руками. Или, скажем, похабные анекдоты, и более приемлемое на вкус спиртное, и тростниковая дудка лучшего качества. Потому что любая самая мелкая черточка затрагивает определенные принципы: улучшенная технология варки пива может подсказать путь к производству химических веществ, имеющих военное применение; извращенный ум, сочиняющий похабщину, можно приспособить к еще более пагубным пропагандистским целям; и даже знания, нужные для совершенствования музыкальных инструментов, можно применить для изготовления иных инструментов — уже не музыкальных, а смертельно опасных для жизни.

Не исключено, что именно такие «пустяки» способны привести к экономическим трудностям, чреватым войной, или привить какому-то народу чувства превосходства, нетерпимости и неуязвимости — те самые чувства, что могут направить его на тропу войны. И если мы наладили контроль за факторами, провоцирующими подобные «пустяки», мы получаем способность точно предвидеть момент вооруженного столкновения. И те же самые каждодневные, само собой разумеющиеся факторы и обстоятельства — плюс миллион, если не больше, других — опре-

деляют, какая из сторон, если уж война началась, одержит победу.

А разобравшись в этом, можно составить шкалу весомости всех факторов по отдельности, хотя их вес, как в карточной игре, будет то повышаться, то понижаться в зависимости от того, как легли карты в комбинации.

Шелдон встал и принялся мерить каморку шагами — три шага в одну сторону, три в другую.

Предположим затем, говорил он себе, что мы придумали игру — игру в войну, где все факторы, имеющие отношение к ней, представлены фигурками или фишками переменного достоинства. Предположим, что мы решили играть, вместо того чтобы воевать. Предположим, что такая игра способна решить, какая из сторон в случае войны одержит верх.

Далее предположим, что мы следим за развитием цивилизаций и за возникновением факторов, которые в конце концов приведут к войне. Предположим, мы обретаем возможность безошибочно судить, что, если развитие определенных факторов продолжится, война неизбежно вспыхнет через пять или через десять лет. А коли так, мы обретаем и способность отвратить войну, прежде чем она вспыхнет. Мы же видим опасные

признаки и вычислили срок кризиса. И когда этот срок настает, мы не воюем, а затеваем игру.

Только, прервал себя Шелдон, все равно ничего не получится.

Мы можем сыграть и выяснить, чем кончится война, но что бы мы ни выяснили, факторы, ведущие к войне, никуда не делись, да и точка кризиса не переместилась. Мы оказались вновь там же, где и были; мы не добились ровным счетом ничего. Игра, пусть она и выявит потенциального победителя, не снизит экономических трудностей, даже не поколеблет их и кризиса не устранит.

Нет сомнений, в игре можно решить, какая из сторон победит. Игра может предсказать, с минимальной вероятностью ошибки, исход сражений. Но игра не уменьшит переизбыток населения и не отнимет у противника торговых привилегий — она не изменит ситуацию по существу.

А потому игра сама по себе не поможет, понял Шелдон. Блестящая теория, превосходная идея, но, увы, несостоятельная.

Нужно предпринять кое-что серьезнее, чем просто затеять игру. Намного, несопоставимо серьезнее. Нужно не только выяснить, кто победит в случае войны, но и ликвидировать, притом

по доброй воле, ведущие к войне факторы — основополагающие экономические проблемы, нетерпимость и все прочие переменные величины, сколько бы их ни было.

Значит, нужно не просто затеять игру, но и выплатить авансом определенную цену. Нужно вычислить цену мира и найти в себе решимость выплатить эту цену, пусть даже очень высокую.

Наверное, существует не только набор переменных, указывающий на приближение войны. Наряду с ним существует и другой набор, предупреждающий, что за каким-то пределом формула мира, найденная с таким трудом, теряет силу. Она, эта формула, может быть еще действенной для культуры класса 10, однако при дальнейшем развитии ее составляющие усложнятся настолько, что формула может рухнуть под собственной тяжестью. Культура класса 10, например, еще способна обуздать факторы, контролирующие рынок конкретных пищевых продуктов, но как обуздать те же факторы, если они должны охватить разветвленную банковскую систему целой Галактики?

Формула мира может быть работоспособной в пределах класса 10, но она может утратить действенность в классе 9, а при переходе к 8-му

классу стать полностью бесполезной.

Остается сделать вывод, что гугли не только играли в свою игру, но и платили цену за мир. И эта цена — отступление вспять. Они уклонились от дальнейшего прогресса. Они отступили в класс 14, с тем чтобы пожить недолго дикарями, а потом вновь продвинуться вперед, но не так далеко, как до начала эволюции наоборот. И они вернулись к дикости и стали жить в дикости добровольно — ради того, чтобы не воевать.

Они отступили вспять не потому, что в классе 14 война менее вероятна, чем в классе 10, а ради того, чтобы формула, коль скоро ее нашли, сохраняла свою эффективность. И они не спешили расставаться с 14-м классом во имя того, чтобы создать резерв времени для последующего прогресса, чтобы набрать фору и не сразу приблизиться к рубежу, за которым формула мира теряет силу.

Но как они отступили? Как можно вернуться из класса 10 в класс 14? Регресс — да, конечно. Оставили уютную деревню и поселились в грязи и убожестве — а принадлежности для игры, искусно сделанные фигурки и прочие ценности, завоеванные в течение жизни по классу 10, поджидали их в целости и сохранности под замком

в молельне. И рано или поздно пробил бы час, когда гугли вновь достаточно продвинулись бы в развитии, чтобы сыграть в свою игру. И сыграли бы, не отступая от вековых правил, — но тут им подвалил нечаянный куш, на планете сел космический корабль иной, более высокой цивилизации и преподнес им на блюдечке, образно говоря, груз атомных бомб вместо луков и стрел.

Шелдон опять сел за стол и сжал голову в ладонях.

«Насколько, — спросил он себя, — насколько больше мы дали им по сравнению с тем, что у них было прежде? Неужели мы разрушили формулу? Что, если мы ухитрились дать им так много, что одна эта близлежащая деревушка разнесет всю систему вдребезги? Предусматривает ли формула допуски и каковы они? Как далеко можно выйти за рамки класса 10, не пересекая при этом черту безопасности?»

И опять встал, и опять зашагал по каморке.

Нет, вероятно, ничего страшного не случилось, внушал он себе. Они же играли в свою игру все пять веков, что мы с ними знакомы, — и невесть сколько тысячелетий до первого контакта. Они не пойдут на то, чтобы разрушить формулу; они знают, где черта безопасности. В них глубоко уко-

ренился страх перед войной, он лежит в самом сердце их культуры — иначе они не придерживались бы своей формулы с таким постоянством. И формула, наверное, простая, совсем простая. Проще пареной репы. Только одно непонятно: как может целая раса осуществить намеренный регресс?

Гипноз? Ничего не выйдет, ибо что произойдет с самим гипнотизером? Оставшись вне воздействия гипноза, он будет непредсказуем и опасен.

Тогда какая-то умная машина? Но у гуглей нет никаких машин. Так что машины тут тоже ни при чем.

А может, наркотики?

На планете есть корень, из которого готовят лекарство против болезни, распространенной в одном из секторов Галактики, — корень баабу. Корень не растет больше нигде, кроме планеты Зан.

— Боже правый! — воскликнул Шелдон. — Как же я раньше не подумал! Читал, читал — и не подумал. Что это за болезнь?

Он достал отброшенные ролики, вставил их в проигрыватель и нашел диссертацию о корнях баабу, раздел об их применении. Вгляделся в название болезни, произнести которое не сумел бы

ни при каких обстоятельствах. Затем обратился к общему реестру записей, обнаружил ролик с медицинской информацией, а в нем несколько строк, посвященных загадочной болезни:

«…нервное расстройство, которое сопряжено с высокими эмоциональными перегрузками и во многих случаях — с чувством вины, проистекающим из неспособности больного забыть былые горькие переживания. Лекарство вызывает у больного состояние полного забвения, которое со временем проходит, но от былых детальных сумбурных переживаний сохраняются лишь самые общие очертания, и болезнь, таким образом, не возобновляется».

Так вот же оно! Вот ответ, исчерпывающий ответ!

Гугли отведали корней баабу, скорее всего, церемониально и забыли прежнюю жизнь, сбросили с себя свою культуру, как старую кожу, и отступили разом на целых четыре класса. С течением времени воздействие баабу ослабло бы, они начали бы кое-что вспоминать и, вспоминая, вновь двигаться вверх по культурной шкале. Но вспомнились бы им не подробности прежней культуры, а лишь ее основные заповеди, и в силу этого они взобрались бы чуть пониже, чем преж-

де. И сохранили бы таким образом достаточную дистанцию для безопасного движения до следующего кризиса. А затем вновь отведали бы корней баабу и вновь избегли бы войны.

И если в игре можно решить, кто победил бы в войне в случае, если бы она разразилась, забвение и медленное выздоровление от эффекта баабу устраняет причины войны, стирает самую точку кризиса. И формула действует просто потому, что, прежде чем гугли усядутся за игру, факторы, чуть не приведшие к войне, уже прекратили свое существование и кризис исчез, будто его и не было.

— Прости нас, Боже, — выдохнул Шелдон, — прости наши мелкие алчные души…

Он опять подошел к столу и сел. Внезапно отяжелевшей рукой потянулся к коммуникатору и вызвал капитана.

— Что там у вас? — раздраженно рявкнул Харт.

— Улетайте отсюда, — приказал Шелдон. — Убирайтесь с этой планеты как можно скорее!

— А как же корень?..

— Нет здесь никакого корня. Отныне и навсегда никакого корня здесь нет.

— Но у меня контракт!

— Контракт недействителен, — объявил Шел-

дон. — Аннулирован как противоречащий галактическим интересам.

— Что? Противоречащий? — Харт просто захлебнулся от ярости. — Слушайте, координатор, этот корень срочно нужен в секторе 12. У них там…

— Они его синтезируют. Если он им нужен, им придется его синтезировать. Есть кое-что поважнее…

— Вы не имеете права! — вскричал Харт.

— Имею, — отрезал Шелдон. — Если вам кажется, что не имею, проверьте и убедитесь на опыте.

Выключив коммуникатор, он долго сидел, беспокойно вслушиваясь. Прошло десять минут, прежде чем до него донесся топот бегущих ног, предвестник срочного старта.

В иллюминаторе было видно, как планета тускнеет и уменьшается в размерах: корабль стремглав уносился в пространство.

Мужество, сказал себе Шелдон, не переставая думать о гуглях. Какое же чистейшее, хладнокровное мужество они проявили! Остается только надеяться, что наш отлет не слишком запоздал. Остается надеяться, что искушение не зашло слишком далеко. Что они сумеют свести нанесенный нами вред к минимуму.

По всей вероятности, некогда гугли были великой расой, создавшей высочайшую цивилизацию, — не исключено, более высокую, чем любая из существующих ныне в Галактике. Ведь чтобы решиться на то, на что решились они, нужна поистине фантастическая духовная мощь. Мощь, недостижимая ни в культурном классе 10, ни даже в классе 6, — а выше «шестерки» не поднялась и планета Земля.

Это решение требовало великого интеллекта и великого сострадания к ближнему, острого аналитического ума и немыслимой объективности; прежде чем принять его, надо было просчитать все факторы и найти, как использовать каждый из них. И еще требовалось мужество, мужество совершенно невообразимое, — и все-таки древние гугли не испугались ввести придуманный ими курс в действие и добровольно сменить культуру, достигшую 3-го или даже 2-го класса, на класс 10, поскольку план вечного мира за пределами этого класса был бы неработоспособен.

И если этот план сработал однажды, он обязательно должен работать и впредь. Нельзя позволить, чтобы мужество, проявленное целой расой, пошло насмарку. Нельзя позволить, чтобы план провалился ради прибылей, какие торговцы

могут извлечь из продажи корней баабу. Нельзя позволить, чтобы план провалился из-за контактов с неуклюжими существами, которые, может, и ушли дальше по культурной шкале, но не добрались до здравого смысла и мужества гуглей.

И еще одно: нельзя допустить, чтобы корень баабу превратился попросту в предмет купли-продажи. Нельзя ослепить гуглей наживой, принуждая их запамятовать о более высокой ценности корней и тем самым хороня величайшую из надежд, что открывались когда-либо перед Галактикой.

Шелдон вновь обратился к недавно составленной схеме и тщательно проанализировал всю информацию, какую гугли выкачали из экипажа. В сумме информация если и выходила за рамки класса 10, то совсем чуть-чуть — возможно, 9-Р, но не выше. Это было опасно, но, по всей вероятности, не чересчур: надо полагать, даже подкласс 10-А, если гугли недавней поры добрались до такой высоты, еще не выходил за границы безопасной зоны. И не стоит забывать, что поедание баабу повлекло за собой культурное отставание и что последствия отставания дают как бы дополнительный резерв безопасности.

Однако катастрофа была близка. Слишком

близка, чтобы чувствовать себя спокойно. События наглядно продемонстрировали еще один неучтенный фактор — фактор искушения, и уж этому фактору никак нельзя позволить действовать беспрепятственно.

Он вернулся к своим роликам и потратил несколько часов, изучая отчеты о торговых сделках, и опять поразился хладнокровному мужеству гуглей и их последовательной приверженности той цели, что поставили предки. Во всех сделках — в любой из них — не было ни одного предмета, выходящего за рамки потребностей культуры класса 10!

«Ну надо же, — сказал он себе, — они заказывали мотыги, когда могли бы заполучить атомные двигатели! Надо же — пять веков подряд последовательно отказываться от товаров и услуг, которые могли бы вывести расу гуглей к величию и счастью, к более праздному образу жизни, в конце концов!»

К величию и счастью — и, более чем вероятно, к гибели.

Должно быть, когда-то давным-давно гугли — обитатели исполинских городов, ныне ушедших под поверхность планеты и обратившихся в прах, — познали чудовищную горечь

изощренной, технически совершенной войны, ужаснулись принесенным ею страданиям и смерти и слепой ее бесплодности, и добытое страшной ценой знание, память тех дней до сих пор живы в подсознании нынешних гуглей.

И Галактика не может позволить себе утратить это знание.

Шелдон скатал схему в трубку и скрепил трубку резинками. А ролики убрал и спрятал.

Пять долгих веков гугли противостояли соблазнам космической торговли — а ведь за корни баабу им дали бы все, что бы они ни попросили. Даже если бы торговцы знали истину, они все равно охотно и не задумываясь разрушили бы охранный щит культуры класса 10 ради прибыли.

Гугли продержались пять веков. Как долго они смогут еще держаться? Разумеется, не до бесконечности. Может статься, всего ничего. Вождь и его племя дрогнули моментально и заполучили информацию, выходящую за рамки класса 10. Не означает ли это, что моральная сила уже слабеет, что пять веков торговли уже подточили ее?

И если бы гугли не продержались — если они не продержатся, — Галактика стала бы — или станет — беднее. И кровавее.

Ибо придет день, пусть не скоро, когда можно будет послать сюда специальную экспедицию и провести детальное изучение великого наследия, великого свершения гуглей. Результатом такой экспедиции может быть первый значительный шаг к миру во всей Галактике или хотя бы намек, как применить тот же принцип, не прибегая к фиговому листку статичной культуры.

Однако до экспедиции еще много-много лет. Ее нельзя посылать, пока волны времени не смоют случайные влияния, наросшие за пять веков торговли.

Шелдон вновь сел к столу, извлек управляемый голосом стенограф и заправил в него бумагу. И без запинки продиктовал заглавную строку, которую машинка тут же и напечатала:

РЕКОМЕНДАЦИЯ. ЗАКРЫТЬ ПЛАНЕТУ ЗАН НА НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК КАК ДЛЯ ТОРГОВЛИ, ТАК И ДЛЯ ПОСЕЩЕНИЯ С ЛЮБЫМИ ДРУГИМИ ЦЕЛЯМИ.

Один на тысячу
Перевод Н. Казанцевой

1

Он был единственным пассажиром, летевшим на Кимон, и на корабле носились с ним как с кинозвездой.

Чтобы доставить его по адресу, лайнер сделал крюк в два световых года; цена билета, высоченная, как казалось ему при покупке на Земле, и вполовину не компенсировала затраты. Однако капитан не роптал. Везти пассажира на Кимон, сказал он Селдену Бишопу, — великая честь.

Находящиеся на борту бизнесмены искали его общества и угощали спиртным и обедами; размахивая руками, они рассуждали о том, как выгодно осваивать рынки в только что открытых звездных системах.

И в их взглядах читалась едва прикрытая зависть.

Один за другим они отводили его для приватной беседы в уголок. Там, после первой рюмки, всегда заходила речь о миллиардах, которые — если вдруг случайно потребуется — они готовы

вложить в такой многообещающий проект.

Миллиарды — это звучало интересно. В данный момент у Бишопа в кармане лежали двадцать кредитов, и он с ужасом ожидал наступления дня, когда ему придется в свою очередь угощать своих щедрых собеседников.

Вдовушки кружили вокруг него и по-матерински опекали; молодые леди строили глазки и намекали на продолжение знакомства. Где бы он ни появлялся, за спиной звучал сдавленный шепот:

— На Кимон! Боже правый, ты представляешь, на Кимон! Сказочный коэффициент интеллекта, десятилетия учебы, экзамен, который способен сдать едва ли один из тысячи!..

2

Кимон был галактическим Эльдорадо; страна-утопия, идеальный мир у подножия радуги. Едва ли на Земле нашелся бы человек, который не мечтал о путешествии в сказку; многие осмеливались сделать следующий шаг и подать запрос, — однако отбор проходили единицы. Остальным предстояло влачить тусклое существование дома.

Открытие Кимона (или успешный рейс, или

контакт) — впрочем, все слова были неточными, — так вот, открытие Кимона случилось сто лет назад, когда разбитый звездолет с Земли опустился на планету, до которой, по всем меркам, земные звездолеты дотянуть не могли.

По сей день никто точно не знает, что именно тогда произошло; известно только, что в итоге экипаж доломал корабль, обосновался на Кимоне и известил родственников и начальство, что назад не вернется.

Возможно, именно сам факт получения писем убедил власти Земли, что Кимон именно таков, как его описывали оставшиеся, — хотя позже появилось еще одно свидетельство, которое склонило чашу весов даже основательнее.

Естественно, в то время никакой почтовой связи между Кимоном и Землей не существовало. И все же письма до адресатов дошли: дошли совершенно фантастическим, но, если подумать, совершенно логичным способом. Письма были свернуты рулоном и упакованы в трубу наподобие цилиндра для пневмопочты: такая действует в конторах между соседними кабинетами, — и вот этот-то цилиндр и был аккуратнейшим образом доставлен на стол начальника Всемирной почтовой службы в Лондоне. Оцените: не кому-то

из рядовых сотрудников, а самому шефу. Когда он ушел на обед, столешница была пуста, а вот когда вернулся… Провели тщательное расследование, и оно показало, что в указанный интервал времени в кабинет никто не входил.

Убежденная, что дело нечисто, почтовая служба поручила доставку писем спецкурьерам, которые по своей основной работе служили оперативниками Всемирного разведывательного управления.

Адресаты единодушно уверяли, что никакого подлога нет: почерк отправителя и упоминавшиеся в письмах мелочи не оставляли места для сомнений.

Так что адресаты принялись строчить ответ; новые письма затолкали в тот же цилиндр и оставили его ровно в том же месте: на столе шефа почтовой службы.

Некоторое время ничего не происходило — хоть наблюдали очень внимательно, — а потом цилиндр вдруг исчез. Вот он есть, а вот раз! — и нет.

Через пару недель, незадолго до конца рабочего дня, цилиндр появился вновь. Шеф почтовой службы усердно трудился и по сторонам не глядел. Так что новая посылка оказалась сюр-

призом.

Цилиндр вновь содержал конверты — и они были до отказа набиты стокредитными банкнотами: подарком для оставшихся на Земле родных от космонавтов. Что подтверждало получение ответов с Земли и дополнительно характеризовало планету Кимон и ее обитателей.

В каждом письме скрупулезно объяснялось, откуда у космонавтов взялись такие сумасшедшие деньги. Отправители признавали, что купюры — не более чем умелая подделка, копия банкнот, которые нашлись у членов экипажа в карманах. Впрочем, когда эксперты налоговой службы и люди из Бюро расследований их изучили, они так и не смогли отличить присланные купюры от настоящих.

Тем не менее письма утверждали, что правительство Кимона желает избежать обвинения в печати фальшивых денег. Поэтому кимонцы готовы немедленно обеспечить присланную денежную массу полезными ресурсами, да еще с запасом, на будущее. На Кимоне нет денежного обращения как такового, а члены экипажа намерены работать, а за труд нужно платить. Так что если земные власти и всех заинтересованных это устраивает…

И сколько Всемирный банк ни суетился и ни рассуждал о базовых принципах экономики и вопросах налогообложения, — когда на следующий день на стол президента банка свалились несколько тонн тщательно экранированного урана и пара мешков алмазов, все разговоры затихли. Присланное было сосчитано, зарегистрировано и внесено в бухгалтерские книги, не успел еще закончиться обеденный перерыв.

Теперь ни у кого не оставалось сомнений, что планета Кимон действительно заинтересована оставить космонавтов у себя. Земле попросту пришлось этот факт принять и смириться с ситуацией.

В письмах также говорилось, что кимонцы гуманоиды и что они обладают парапсихическими способностями; что они создали культуру, которая далеко обогнала земную, да и все другие в Галактике. Тогда Земля выделила самый новый корабль, набила его самыми красноречивыми дипломатами и самыми ценными подарками — и послала все это богатство на Кимон.

Через несколько минут после высадки дипломатов совершенно недипломатично вытурили на орбиту. Кимон, как можно было понять из случившегося, совершенно не желал дружить

с такой варварской и отсталой цивилизацией. Никаких дипотношений. Землянам разрешили здесь селиться, — но не всем подряд: кимонцы были готовы принимать только людей с высоким коэффициентом интеллекта и впечатляющими академическими успехами.

Так с тех пор и пошло.

Отправиться на Кимон по личному желанию было невозможно; чтобы туда попасть, требовались везение и тяжелый труд.

До требуемого айкью, коэффициента интеллекта, не дотягивало девяносто девять процентов населения Земли. Если же человеку все-таки удавалось пройти фильтр, начинались годы и годы тяжелейших занятий. В финале надлежало сдать экзамен, и на этом этапе отсеивалась бóльшая часть верхнего процента. Статистика показывала, что экзамен успешно преодолевал примерно один из тысячи высокоинтеллектуальных.

Год за годом на Кимон тек тонюсенький ручеек самых способных, самых талантливых. Они устраивались там — и потом в письмах домой рассказывали о своем процветании.

Из тех, кто уехал, желающих вернуться не нашлось.

Однако за все годы отбора сумма представ-

лений землян о Кимоне и его обитателях так и оставалась близкой к нулю. Источник информации был, как и прежде, один: письма, каждую неделю с завидным постоянством падающие на стол начальника Всемирной почтовой службы в Лондоне.

В письмах перечислялись зарплаты и гонорары, в сотни раз превышающие земные. А сколько там было восторгов касательно деловых возможностей, изумительной кимонской культуры и самих кимонцев! Только вот хоть какую-нибудь конкретную деталь про культуру и обитателей планеты авторы писем упомянуть забывали.

Вероятно, адресаты были не в претензии, ведь почти каждое письмо содержало пачку хрустящих новеньких банкнот. Совершенно законных — тонны урана, горы алмазов и слитки золота продолжали сыпаться на стол президента Всемирного банка.

Теперь каждая семья стремилась отправить на Кимон хотя бы одного своего члена, что обеспечило бы высокий престиж — а еще надежный доход оставшимся на Земле родственникам.

Естественно, при таком положении дел легенды о Кимоне множились. Заметная доля там изложенного была, конечно, просто фантазия-

ми. Однако даже людям трезвым, не склонным слушать сказки, было совершенно ясно: Кимон может дать куда больше, нежели золото и алмазы. Ведь культура этой далекой планеты намного обогнала земную, а тамошние обитатели — ценой тяжких тренировок или от природы — все как на подбор обладают парапсихическими способностями. Кимон обладает технологиями, способными привести к перевороту в промышленности. А системы связи! А наука, а философские воззрения! Освоить бы все это — и можно только представить, какой скачок совершит человечество.

Мифы ширились; каждый интерпретировал их сообразно своим представлениям и строю мыслей; они ширились и ширились, и ширились…

Поскольку приглашение обменяться дипломатами все еще не поступало, земные чиновники смиренно ждали — и старались заслать на Кимон как можно больше народу. Впрочем, только лучших, ведь в конце концов даже самые махровые бюрократы поняли, что остальным путь заказан.

Почему вообще кимонцы пускают к себе землян, оставалось загадкой, ответ на которую еще предстояло найти. Не вызывало сомнений, что Земля — единственная планета в Галактике, удостоившаяся подобной чести. Конечно, и те и

другие были гуманоидами — единственными в исследованном космосе. Собственного успокоения ради Земля предположила: раз две планеты идут примерно одинаковым эволюционным путем (разумеется, Земля сильно отстает), то ничего странного и нет.

И Кимон оставался галактическим Эльдорадо: вожделенной волшебной землей, планетой-грезой, страной у подножия радуги.

3

Селден Бишоп переминался с ноги на ногу посреди горы собственных саквояжей. Катер высадил его в каком-то парке: на Кимоне не было космопортов, как и многого-многого другого.

Он тоскливо провожал взглядом улетающий катер. Сейчас тот выйдет на орбиту, пристыкуется к лайнеру — и все.

Катер скрылся из глаз; Бишоп присел на чемодан и приготовился к ожиданию.

Парк был похож на земной, только если судить в общем. Каждая отдельно взятая деталь имела еле уловимое отличие, не позволявшее забыть: это чужая планета. Слишком гибкие стволы у деревьев, слишком яркие лепестки у цветов, трава на оттенок иная. Птицы — если это птицы — на-

поминают скорее своих предков-рептилий: перья расположены не по-земному, да и цвет оперения какой-то странный. Ветерок несет непривычные ароматы, а для цвета окружающих предметов Бишоп и названия подобрать не смог.

Сидя посреди парка на чемодане, он старался пробудить в себе энтузиазм: отбивал пальцами бодренький мотив, даже насвистывал. Ведь свершилось! Наконец свершилось! Он на Кимоне!.. Однако самым сильным испытываемым им сейчас чувством была радость, что двадцатку удалось сохранить в неприкосновенности.

Наличные очень нужны, надо продержаться во время поиска работы. Однако, успокаивал он себя, ждать долго не придется. Конечно, первое же предложенное место он хватать не будет; осмотрится немного и выберет подходящее. А это займет какое-то время.

Раздумывая об этом, Селден жалел, что денег так мало. Двадцать кредитов! Надо было подсократить расходы, — но тогда пришлось бы покупать чемоданы не такого высокого качества, брать готовые костюмы вместо пошитых портным и так далее. Сейчас он производит самое лучшее впечатление — а денег на хорошее впечатление не жаль.

Возможно, стоило взять в долг у Морли. Тот одолжил бы любую сумму, вернуть можно было бы с зарплаты. Но Бишоп не хотел просить: ведь чтобы просить — в этом-то он сейчас мог признаться, — пришлось бы отойти от своей новоприобретенной респектабельности заслужившего Кимон человека. Показывать свою сладость никак нельзя; все смотрят на ему подобных снизу вверх. Все — даже Морли.

Он вспомнил их последнюю встречу. Интересно, чего в ней было больше: дружеского участия или служебного интереса?

Морли пошел по дипломатической линии. Он уже сделал неплохую карьеру и имел блестящие перспективы на будущее. Дипломат до мозга костей — с отличной хваткой, если верить ветеранам департамента. Поговаривали, что в Секторе девятнадцать его мнение по экономическим и политическим вопросам значит больше, чем мнение остальной молодежи. Аккуратные подстриженные усики и гладко причесанные волосы придавали ему честный открытый вид.

Они сидели в берлоге у Морли; все было уютно и по-дружески. А потом Морли встал и принялся мерить шагами комнату — как запертая пантера.

— Мы давние друзья, столько соли съели вместе…

Они улыбнулись друг другу и вспомнили съеденную вместе соль.

— Когда я узнал, что ты летишь на Кимон, — продолжил Морли, — я, само собой, страшно обрадовался. Я всегда радуюсь, если что-то развивается правильно. Однако для радости у меня была еще одна причина. Я сказал себе: вот наконец человек, которому по силам выяснить то, что нам нужно.

— Чего ты хочешь? — спросил тогда Бишоп.

Спросил, словно уточнял у Морли, скотч ему налить или бурбон. Впрочем, нет: такой вопрос он задать не мог: вся молодежь в отделе межпланетных отношений пила только скотч. Своего рода культ. Как бы то ни было, вопрос он задал обыденным тоном, хотя ощущал, что ничего обыденного в ситуации нет.

Шпионские страсти; высокие государственные интересы… На минуту стало зябко и страшно.

— Должен же быть какой-то способ расколоть эту планету! — говорил тем временем Морли. — А у нас пока не выходит. Кимонцы принимают победителей отбора — и всё! Ни остальные земляне, ни другие галактические расы их не интересуют.

Вообще. Ни с одной планетой не установлены дипломатические отношения. На Кимоне нет официальных представителей ни одной — ни одной! — цивилизации. Похоже, они и не торгуют ни с кем. Да, мы по уровню развития гораздо ниже. Ну, и что? В давние времена на Земле более развитые нации признавали правителей и представительства тех культур, которые по развитию были ниже… Нет, должна быть еще какая-то причина!

— Ты хочешь, чтобы я все это разузнал?

— Нет, — ответил Морли. — Все не надо. Хотя бы подсказки. Где-то есть ключ к событиям. Рычаг, точка опоры. Дай нам такой намек, а остальное мы сделаем сами.

— Почему ты просишь меня? Я ведь далеко не первый. Там тысячи землян.

— За последние пятьдесят лет мы беседовали со всеми уезжающими, точно так, как сейчас с тобой.

— И?

— Ничего. Или почти ничего. По крайней мере, ничего осмысленного.

— Орешек оказался не по зубам?

Морли кивнул.

— Едва попав на Кимон, все они забывали Зем-

лю… Нет, неправильно. Земля переставала быть для них главным местом. Они стали кимоноцентричными.

— Ты уверен?

— Нет конечно, — поморщился Морли. — Но лучшего объяснения у нас нет. Проблема в том, что поговорить с каждым мы могли только один раз. Никто ведь не возвращается. Разумеется, можно написать письмо. Можно намекнуть, дать толчок… Мы не имеем права просить в открытую.

— Цензура?

— Никакой цензуры, — хотя, возможно, мы просто не в курсе. Телепатия, вот в чем проблема. Попытайся мы воздействовать на чьи-то мозги, кимонцы сразу узнают. И вся проведенная работа пойдет насмарку. А рисковать нельзя.

— Но мне же ты говоришь.

— Ты забудешь. Несколько недель, и разговор останется где-то на задворках твоего разума. Станет фактом прошлого.

— Ясно.

— Не пойми меня превратно, — сказал Морли. — Тебе никто не предлагает искать ничего зловещего. Возможно, это совершенный пустяк. То, как мы расчесываемся, например. Какое-то

одно обстоятельство — или, может, несколько мелких. И нам надо их знать.

Морли оборвал разговор так же резко, как начал, налил еще по рюмке, вновь сел и принялся вспоминать школьные деньки, знакомых девушек и выходные за городом.

В общем и целом вечер получился приятным.

Впрочем, приятель был прав: за прошедшие несколько недель Бишоп тот разговор ни разу не вспомнил. А теперь тем более стало не до того: он сидел на своих вещах посреди кимонского парка и с нетерпением ждал, кто его встретит.

И был готов к появлению кимонцев. Он знал, как они выглядят и что удивляться не стоит.

Однако когда рядом оказался местный, удивился.

Под два метра ростом, местный был о-очень похож на человека; нет, скорее, на прекрасного античного бога.

Бишоп поднялся, и кимонец произнес:

— Мы вам рады. Добро пожаловать на Кимон, сэр.

Речь аборигена была такой же отточенной, как и его точеное тело.

— Благодарю вас, — сказал Бишоп.

И тут же осознал, что эти два слова здесь

совершенно не подходят и что на фоне речи кимонца его собственная речь звучит скомканно и невнятно. Да и сам он… Весь какой-то помятый, взъерошенный.

Он неловко полез в карман за бумагами, долго их там нащупывал, потом наконец выкопал — *выкопал* точное слово — и протянул собеседнику.

Кимонец быстро провел по ним пальцами.

— Мистер Селден Бишоп. Очень рад познакомиться. Ваш коэффициент интеллекта, айкью, сто шестьдесят; более чем удовлетворительно. Результаты экзамена, если мне позволено их оценить, великолепны. Рекомендации на уровне. Разрешение на иммиграцию в порядке. И я вижу, вам не терпится.

— А… — начал Бишоп. Затем плотно сжал губы. Не мог же он сказать, что кимонец всего лишь прикоснулся к документам и не прочел ни строчки. Потому что как-то все-таки прочел.

— Хорошо долетели, мистер Бишоп?

— В высшей степени хорошо. — Бишопа наполнила внезапная гордость, что он смог ответить так легко и так непринужденно.

— Ваш багаж, — сказал местный, — подобран с великолепным вкусом.

— О, спасибо… — И тут он рассердился. Какое

право этот субъект имеет так снисходительно оценивать его багаж?!

Казалось, местный его гнева не заметил.

— Желаете отправиться в отель?

Бишоп ответил сдержанно:

— Если можно.

Он очень старался держать себя в руках.

— Отлично, — сказал местный.

Бишоп испытал мгновение дурноты и раскоординации — словно Вселенная на миг размазалась, — и вот он уже стоит не на поляне в парке, а в небольшой нише гостиничного вестибюля, — и его вещи аккуратно стоят рядом с ним.

4

Там, на поляне посреди парка, он ничего особенного не почувствовал. Теперь же наконец на него обрушилась лавина пьянящей радости, ощущение триумфа. В горле застрял ком; все тело трясло.

Он на Кимоне! Он смог! После всех лет изматывающих занятий он наконец здесь — в сказочной мечте, ради воплощения которой пришлось столько трудиться.

Бишоп не решался выйти из ниши: пусть дыхание успокоится, а голос перестанет дрожать.

Ему нужна еще минуточка — прочувствовать момент. Ведь такой триумф — это слишком личное. Сейчас он немного придет в себя….

Возможно, на Земле он и был одним из тысячи, однако здесь ничем не выделялся. А если и выделялся, то в худшую сторону: прибывшие раньше уже уяснили местные правила игры, а ему это только еще предстояло.

Вот они, его легендарные предшественники, великолепная плеяда, примкнуть к которой он мечтал все эти тяжкие годы; блистательные таланты, прошедшие строгий отбор. Земля отдает своих лучших детей — а как иначе убедить Кимон, что их цивилизации — братские?

Поначалу люди в вестибюле были однородной толпой: да, сверкающей и великолепной, но безликой. Однако вскоре толпа распалась, и появились отдельные мужчины и женщины, с которыми ему предстояло познакомиться.

Бишоп не заметил подошедшего, пока тот не встал прямо перед ним. Надо сказать, этот кимонец был еще выше и еще привлекательнее того, кто встретил его в парке.

— Добрый вечер, сэр, — сказал служащий отеля. — Добро пожаловать в «Ритц».

Бишоп удивился и переспросил:

— «Ритц»? Ах да, я забыл. Название отеля, конечно.

— Мы рады приветствовать вас здесь. Надеемся, ваше пребывание у нас будет долгим.

— Конечно, — сказал Бишоп. — То есть я тоже надеюсь.

— Нас заблаговременно известили о вашем прибытии, мистер Бишоп, и мы взяли на себя смелость приготовить номер. Полагаю, вы сочтете его приемлемым.

— Наверняка, — с энтузиазмом кивнул Бишоп.

Разве на Кимоне что-то может быть неприемлемым?

— Возможно, вы захотите переодеться, — сказал распорядитель. — Подходит время ужина.

— О, конечно, — сказал Бишоп. — Конечно, обязательно.

И сразу пожалел о сказанном.

— Багаж сейчас поднимут, — сказал распорядитель. — Регистрироваться не надо. Об этом уже позаботились. Если позволите, сэр…

5

Номер был приемлемым.

Целых три комнаты.

Сидя в кресле, Бишоп гадал, как будет за них

платить.

Вспомнив свои несчастные двадцать кредитов, он испытал приступ паники.

Похоже, с поиском работы ему придется сильно поторопиться: запас в двадцать кредитов для такого жилья — это просто смешно. Попросить в долг?

Бишопа передернуло. Нет уж. До сих пор он все делал правильно. Прибыл на борту круизного лайнера, а не побитого жизнью торгового судна; его багаж — как там сказал местный? — подобран с великолепным вкусом, там полный комплект достойной одежды. Очень хочется верить, что его растерянность и панику здесь не заметили.

Бишоп поднялся с кресла и обошел комнату. Ковров не было: мягким, пружинистым и приятным на ощупь был сам пол.

Он подошел к окну. Уже наступил вечер, и на землю опустилась синяя плотная дымчатая пелена: не разглядеть ничего, кроме простирающихся во все стороны полей. Ни дорог, ни светящихся окон, ни других признаков жилья.

Возможно, на город выходят другие окна, с противоположной стороны здания?

Бишоп оглядел комнату. Элегантная мебель, прекрасный, отделанный мрамором камин, за-

ставленные книгами полки. Блеск старого дерева, великолепные картины на стенах.

Весь угол занимал огромный буфет с ящичками. Интересно, для чего он предназначен? Прекрасное старинное изделие, отлично отполированное — не воском, а временем и прикосновениями человеческих рук.

Бишоп подошел поближе.

— Выпить, сэр? — спросил буфет.

— Пожалуй.

Бишоп растерянно застыл, осознав, с кем поддерживает разговор.

Сдвинулась панель, и выехал наполненный бокал.

— Музыку? — предложил буфет.

— Если не трудно.

— Какого рода?

— Рода? О, я понял. Что-нибудь веселое, но такое… с грустинкой. Сумерки опускаются над Парижем, и… Кто же это сказал? Ах да, Фитцджеральд, есть такой старинный писатель. Фитцджеральд, точно.

Мелодия пела о том, как где-то далеко на Земле на город опускаются легкие синие сумерки. Апрель, далекий девичий смех; блестящие от дождя мостовые…

— Что-нибудь еще, сэр? — уточнил буфет.

— Нет, спасибо.

— Очень хорошо, сэр.

Бишоп вышел из комнаты, на ходу прихлебывая из бокала. Начиналась новая жизнь.

Кровать в спальне была «приемлемо» мягкой. Бишоп полюбовался на комод с большим зеркалом, заглянул в ванную комнату: отличная бритва и превосходный массажер, а еще ванна и душ, и, конечно, тренажер и еще какие-то приспособления, он сразу и не понял.

И третья комната.

Почти пустая, если сравнивать с теми двумя. В центре кресло с широкими подлокотниками, и на каждом — кнопки во много рядов.

Бишоп осторожно подошел ближе. Что здесь такое? Какой-то подвох?

Впрочем, откуда подвох, что за нелепая мысль! Это Кимон, земля возможностей, где люди делают состояния, живут в роскоши, это общество небывалого интеллекта и культуры, и другого такого галактика не знает!

Он наклонился над подлокотниками. Кнопки были подписаны. *История, Поэзия, Драма, Скульптура, Литература, Живопись, Астрономия, Философия, Физика, Религия* и множество

других. А некоторые и вовсе помечены словами, которые Бишоп никогда не слышал.

Только теперь он ошеломленно заметил, что в комнате нет окон. Просто маленький зал с глухими стенами, театр или помещение для лекций. Садишься в кресло, нажимаешь соответственную кнопку, и…

Впрочем, сейчас некогда. Надо переодеться к ужину.

Багаж принесли в спальню. Бишоп открыл саквояж с вечерним костюмом. Смокинг помялся.

Держа его на вытянутых руках, Бишоп размышлял. Отвисится? Вряд ли.

Музыка умолкла, и буфет спросил:

— Что-то желаете, сэр?

— Вы можете отутюжить смокинг?

— Разумеется, сэр.

— Сколько времени это займет?

— Пять минут, — отозвался буфет. — Пожалуйста, подайте сюда.

6

В дверь позвонили, и Бишоп пошел открывать.

За порогом стоял человек.

— Добрый вечер. Я Монтэг, — представился он. — Можно просто Монти.

— Зайдете, Монти?

Монти вошел и оглядел номер.

— Миленько.

Бишоп кивнул.

— Я не просил, они сами мне его предоставили.

— Умные они, эти кимонцы, — сказал Монти. — Очень умные, да.

— Меня зовут Селден Бишоп.

— Только прилетели?

— Час назад.

— И полны восторга?

Бишоп признался:

— Я пока ничего здесь не знаю. Нет, я читал, конечно…

Монти искоса на него посмотрел.

— Угу. Я по-соседски. Новое лицо; есть на кого набрасываться.

Бишоп улыбнулся: он не понимал, как еще на такое реагировать.

— Чем занимались на Земле? — спросил Монти.

— Бизнес-администрирование, — пояснил Бишоп. — Я планирую заняться управлением.

— Ах вот как. Тогда вы вряд ли интересуетесь.

— Чем?

— Футбол. Бейсбол. Крикет. Игровые виды спорта, о силовых пока не говорим.

— Никогда не было на это времени.

— Жаль. У вас телосложение подходящее.

Буфет спросил:

— Джентльмен желает выпить?

— С удовольствием, — ответил Монти.

— А вам, сэр? Повторить?

— С удовольствием.

— Ступайте переодеваться, — предложил Монти. — Я подожду.

— Ваши брюки и смокинг, сэр, — напомнил буфет.

Дверца отодвинулась. Бишоп полюбовался на прекрасно вычищенный и отутюженный костюм.

— Я и не знал, что здесь так увлечены спортом.

— Увлечены? Нет. Это деловое начинание.

— Простите?

— Коммерция. Надо же показать кимонцам, что такое азарт. Может, проникнутся. Понимаете, они не в состоянии заключать пари.

— Почему?

— Ну, вот смотрите. У них нет спорта вообще. Как факта. Они же телепаты, где тут соревноваться? Любое действие противника они знают на

три шага вперед. А еще они телекинетики. Могут двигать мяч или там фигуру в шахматах просто усилием мысли. Они…

— Понимаю… — произнес Бишоп.

— Вот мы и хотим сформировать несколько команд и устраивать товарищеские матчи. Показать класс. Да кимонцы валом повалят. Входные билеты, ставки… То есть делать ставки они будут у букмекеров, ну а нам комиссионные. Чем плохо, а?

— Ненадолго хватит.

Монти пристально посмотрел на Бишопа.

— А ты шустрый, быстро соображаешь. Ты здесь впишешься.

— Ваши напитки, джентльмены, — объявил буфет.

Бишоп протянул гостю бокал.

— Здесь можно отлично зарабатывать, даже если вообще ничего заранее не изучал. Позволь мне быть откровенным? — спросил Монти.

— Давай.

— У тебя мало денег, — сказал Монти.

— Почему ты так решил?

— Ты дергаешься, что номер слишком хорош.

— Телепатия? — спросил Бишоп.

— Точно, — кивнул Монти. — Но по мелочи,

по мелочи. Нам никогда их не догнать. Никогда. Однако порой начинаешь что-то такое чувствовать… просыпается внутри что-то такое. Если прожить здесь достаточно долго.

— Я надеялся, что никто не заметит.

— Многие заметят, Бишоп. Не смогут не заметить, очень уж явно ты излучаешь. Однако пусть это тебя не тревожит. Мы все здесь друзья. Объединились против общего врага, так сказать. Если тебе нужен займ…

— Пока нет, — отказался Бишоп. — Если что, я тебе скажу.

— Мне. Или любому другому. Мы все друзья. Никуда не денешься.

— Спасибо.

— Совершенно не за что. А сейчас давай одевайся. Я посижу здесь, подожду. Вместе спустимся, и я тебя представлю. Все ждут.

— Здорово, — сказал Бишоп. — А то я чувствую себя чужим.

— Вот уж нет. Точно зря. Мало кто приезжает, все хотят узнать новости с Земли. — Монти покрутил бокал. — Так что там Земля?

— В смысле?

— Ну, Земля на месте, само собой. Дела там как? Что новенького?

7

До сих пор у него не было возможности разглядеть отель. Крутить головой, когда под ногами гора собственного багажа, не очень удобно. А потом служащий переправил его в номер.

А сейчас… сейчас он смотрел. Волшебная страна. Поющие фонтаны, арки радуг, сверкающие колонны из стекла, игра света: все это переливалось, отражалось в гранях и сверкало, и вестибюль казался огромным. Бесконечным. Однако если ты хотел организовать дружескую встречу и чтобы никто не помешал, достаточно было мысленно «оцепить» кусочек территории. Этого хватало, как ни странно.

Игра отражений и одновременно прочность и надежность; красота, ощущение родного дома — кто от такого откажется? Средоточие настолько совершенной магии, что можно было забыть о мире, о его тяготах и несовершенствах — и просто гордиться своей принадлежностью к этому невероятному месту.

На Земле ничего подобного не было. На Земле и не могло быть ничего подобного: ведь для возведения «Ритца», как полагал Бишоп, требовалось нечто большее, нежели человеческое умение

проектировать, создавать архитектурные эскизы и строить. Ощущение волшебства, очарование магией, искристая суть этого места жили не снаружи, а внутри рассудка.

— О, тебя пробрало, — сказал Монти. — Обожаю смотреть на лица вновь прибывших, когда они впервые сюда заходят.

— Со временем пройдет, — сказал Бишоп, сам себе не веря.

Монти покачал головой:

— Не пройдет, дружище. Со временем перестанет так сильно потрясать, но никуда не исчезнет. Человеку не прожить столько, чтобы подобное место стало казаться заурядным.

Он поужинали. Столовая была старинной, торжественной, в ней ощущалась даже некоторая потусторонность; обеденный зал наводил на мысли о веках и расстояниях. Не хотелось громко разговаривать и греметь посудой. Официанты-кимонцы сновали туда и сюда, готовые обслужить или порекомендовать редкое блюдо, которое непременно стоит попробовать.

Пока Бишоп ужинал, Монти успел заказать себе кофе. Около них притормаживали; люди здоровались и начинали расспрашивать о Земле — будто бы случайно, между делом; однако жад-

ные взгляды выдавали, что случайности здесь не было вовсе.

— Они помогут тебе освоиться, — сказал Монти. — И не нервничай! Здесь все радуются, когда прибывает пополнение.

Бишоп и впрямь почувствовал себя как дома — даже больше, чем ему доводилось в прежней жизни; словно он действительно начал осваиваться и привыкать. Он и не ожидал, что это произойдет так быстро. Хотя что здесь странного: именно с этими людьми он мечтал оказаться рядом. Бишоп чувствовал исходящую от них магнетическую силу и гадал, с кем именно ему суждено сойтись ближе, подружиться.

Когда выяснилось, что платить за еду и напитки не надо, а нужно просто подписать счет, он испытал невероятное облегчение. Все сразу стало ярче, праздничнее: ведь даже один ужин способен был пробить брешь в его более чем скромных запасах.

После ужина Монти ввинтился в толпу, а Бишоп вскоре обнаружил, что сидит у барной стойки и смакует напиток, который порекомендовал ему бармен-кимонец.

Из ниоткуда возникла девушка, вспорхнула на соседний стул и поинтересовалась:

— Что пьешь, дружище?

— Не знаю, — ответил Бишоп и ткнул пальцем в сторону бармена. — Попроси у него такое же.

Бармен услышал и взялся за шейкер.

— Ты новичок.

— Точно.

— Тут не так уж плохо, — сказала девушка. — В смысле, если об этом не думать.

— Не буду, — пообещал Бишоп. — Вообще никаких мыслей.

— Ничего, приспособишься. Скоро и в их потехах начнешь участвовать. Скажешь: какого черта, да пусть хоть усмеются. А потом наступит день…

— О чем ты? О, вот и коктейль.

— Придет день, говорю, когда мы состаримся и больше не сможем их развлекать. Старое им приестся, а новые фокусы будут нам уже не по силам. Взять, например, мои картины…

— Слушай, — не выдержал Бишоп, — о чем ты вообще? Я ничего не понимаю!

— Давай поговорим через неделю, — сказала девушка. — Просто спроси Максин. Ровно неделя, запомнил? До встречи, чистюля.

Она вспорхнула со стула и исчезла. Оставив на стойке нетронутый бокал.

8

Он поднялся в номер и долго стоял у окна, отстраненно глядя на однообразный пейзаж, освещенный луной. В голове стучала и пульсировала только одна мысль: свершилось. Он здесь, в невероятном месте в обществе невероятных людей. Свершилось.

Годы, годы труда, бдений над книгами, годы суровой аскезы… Не зря! Все-таки не зря!

Как все ново. Как чисто.

Течение мыслей прервал буфет.

— Не желаете испробовать проживатель, сэр?

Бишоп резко развернулся.

— Простите…

— Третья комната, — подсказал буфет. — Это довольно забавно.

— Проживатель?

— Именно. Выбираете интересующее событие и проживаете его.

Прямо сказочки про Алису, честное слово.

Буфет заверил:

— Это совершенно безопасно. Можно прервать в любой момент.

Бишоп поблагодарил, зашел в третью комнату и уселся в кресло.

Что же заказать?

Историю?

Отчего нет? Он многое знает, всегда испытывал к истории интерес. Читал дополнительную литературу, даже прослушал несколько курсов.

И Бишоп нажал кнопку.

Панель на противоположной стене засветилась, и на ней возникло лицо кимонца, золотисто-бронзовое, классически-красивое.

Среди них вообще некрасивые бывают?

— Историю какого рода, сэр? — спросил кимонец на экране. Увидел замешательство Бишопа и пояснил: — Галактика, Кимон, Земля — почти любое место по вашему желанию.

— Земля, пожалуйста.

— Что именно?

— Англия. Четырнадцатое октября тысяча шестьдесят шестого года. Место под названием Сенлак.

Ни комнаты, ни кресла больше не было; Бишоп стоял на склоне холма. Солнечный осенний день красил деревья золотом и киноварью, небо лучилось синевой.

Кричали люди.

Склон зарос травой, кое-где уже высохшей, пожелтевшей. А внизу, на равнине, все пестрело

от конницы. Солнце сверкало на шлемах всадников, отражалось в щитах; ветер развевал стяги с леопардом.

Четырнадцатое октября, суббота; на вершине холма за сдвинутыми щитами стояла дружина короля Гарольда. Сегодня, еще до заката, решится судьба Англии.

Тайллефер, вспомнил Бишоп. Менестрель Иво Тайллефер сейчас понесется вниз по склону на авангард войска Вильгельма, распевая во весь голос «Песнь о Роланде» и вращая в воздухе мечом — так, что тот превратится в сверкающее колесо. Менестрель Иво Тайллефер поскачет вниз и увлечет за собой остальных.

Вот норманны пошли в атаку. А где же Тайллефер? Ни вращающегося над головой меча, ни высокого сильного голоса. Только хриплый рев и крики людей, несущихся навстречу смерти.

Всадники мчались прямо на Бишопа; он лавировал, пытался бежать, но оторваться не мог. Они ближе… ближе… со всех сторон. Мельтешение блестящих копыт и выше чьи-то ноги; копья, мечи, ножны. Красные, желтые, зеленые плащи, доспехи, одновременный рев множества глоток. Все кружило, менялось местами, будто в калейдоскопе, возникало из ниоткуда и исчезало.

Отряд прошел через него, над ним — словно и не заметив.

Несущиеся во весь опор кони подняли ветер.

Он оцепенел. Сердце молотом билось в груди.

С вершины холма доносились хриплые крики «Вон! ВОН!!!» и звон стали. Вокруг поднималась пыль, где-то слева визжала подыхающая лошадь. Из пыли возник человек и устремился вниз по склону. Он шатался, падал, поднимался и снова бежал, и Бишоп видел, как из пробитых доспехов течет кровь и капает на мертвую траву.

Кони промчались с холма вниз; некоторые с пустыми седлами; они неслись, вытянув шеи, гривы развевались на ветру, из пасти стекала пена.

Вот кто-то обвис в седле, потерял равновесие; нога застряла в стремени, и обезумевшая лошадь потащила его дальше.

На вершине холма радостно вопили саксы, и сквозь оседающую пыль Бишоп видел груды тел, валяющихся у стены из щитов.

«Долой отсюда! — мысленно завопил Бишоп. — *Как мне выбраться? Да заберите же меня!»*

И оказался в своей комнате.

Оказывается, не было никакого Иво Тайллефера. Никто не пришпоривал коня, не крутил над головой меч, не пел. Сказание о Тайллефере — все-

го лишь фантазия переписчика, пожелавшего украсить скучную прозу жизни.

Там просто умирали люди. Кони волокли их, обвисших в седле, вниз по холму. Они падали из седел и гибли под копытами. Они ползли к своим, даже если жить им оставалось всего несколько минут, и в горле хрипел уже не рык, а слабый плач.

Пошатываясь, Бишоп вышел из комнаты.

— Спать, сэр? — спросил буфет.

— Пожалуй, — ответил Бишоп.

— Хорошо, сэр. Я запру дверь и обо всем позабочусь.

— Очень любезно с вашей стороны.

— Привычка, сэр. Угодно что-то еще?

— Нет-нет. Спокойной ночи.

Буфет отозвался:

— Спокойной ночи.

9

Утром он пошел в агентство по трудоустройству, которое находилось тут же, в вестибюле отеля.

Там сидела только девушка-кимонка, высокая, статная блондинка — и при этом такая грациозная, что впору обзавидоваться самым

миниатюрным землянкам. Она словно сошла со страниц античного мифа, подумал Бишоп: светловолосая богиня, естественная и прекрасная. На ней не было струящихся античных одеяний, но ведь могли бы быть? Взгляд она радовала в любой одежде.

— Вы новенький, — сказала девушка.

Бишоп кивнул.

— Так, Селден Бишоп, двадцать девять земных лет, коэффициент интеллекта сто шестьдесят.

— Да, мэм, — сказал он и рассердился. Он что, заискивает?

— Управление бизнесом. Вижу.

Он невыразительно кивнул.

— Пожалуйста, присядьте, мистер Бишоп, и мы все обсудим.

Он сел и подумал: разве правильно, когда красивая девушка настолько большая и рослая? Будем надеяться, что с квалификацией все в порядке.

— Итак, вы хотели бы подыскать себе занятие, — сказала девушка.

— Именно.

— И вы специализируетесь в управлении бизнесом. Боюсь, в этой конкретной сфере я мало что могу вам предложить.

— Ну, ничего особенного я не жду. С чего-то

же начинать надо. — Бишоп постарался продемонстрировать собеседнице скромность и реалистичный взгляд на вещи. — Пока не докажу свою ценность для работодателей, я согласен почти на любой вариант.

— Тогда вам придется начинать с самого низа. И два года учиться. Не только основам деятельности, разумеется, а подходам и ви́дению бизнеса.

— Я…

Бишоп заколебался. Он собирался сказать, что не возражает. Только ведь он возражал, и еще как!

— Я ведь уже потратил долгие годы. Мне знаком…

— Кимонский бизнес?

— Он что, настолько отличается?

— Полагаю, о заключении контрактов вы знаете все?

— Конечно.

— Так вот, на Кимоне такой вещи, как контракт, нет.

— То есть…

— В них просто нет нужды.

— Все верят друг другу на слово?

— Это — и многое другое.

— Другое?

— Боюсь, вам не понять.

— И все-таки?

— Это бессмысленно, мистер Бишоп. Здесь совсем другой подход ко всему. Поведение. Мотивация. На Земле главная мотивация — деньги.

— А здесь не так?

— Отчасти.

— И другие мотивы — это…

— Культурное усовершенствование. Можете ли вы представить, что стремление к личностному развитию является настолько же мощной мотивацией, что и стремление к прибыли?

Бишоп честно ответил:

— Нет.

— Здесь, у нас, — сказала блондинка, — первая из названных мотиваций сильнее, чем вторая. Впрочем, и это еще не все. Деньги. Денег в вашем понимании у нас нет. Ни одной монеты, которая переходила бы из рук в руки.

— Как же так? А бумажные купюры? Кредиты?

— Исключительно ради удобства вашей расы. Мы воссоздали земные средства сбережения и свидетельства благосостояния, чтобы иметь возможность нанимать вас на работу и платить за нее, — и, должна добавить, платим мы хорошо. Мы воспроизвели вашу систему. Созданная нами

валюта ничуть не хуже, чем остальные в Галактике. Она обеспечена депозитами в земных банках, и это совершенно законное платежное средство. Однако сами кимонцы деньги не используют.

Бишоп растерялся:

— Не понимаю.

— Конечно, не понимаете. Для вас это совершенно новый, незнакомый подход. В вашей культуре для оценки благосостояния человека, для определения того, чего он стоит, требуется материальное подтверждение. Нам материальное подтверждение ни к чему, «бухгалтерская книга» находится в голове у каждого. И любой — друзья, деловые партнеры — может в нее заглянуть.

— Тогда это не бизнес, — сказал Бишоп. — Не бизнес в моем понимании.

— Именно.

— Меня же учили бизнесу! Я потратил…

— …годы и годы на его изучение. На земные методы ведения бизнеса, не кимонские.

— Здесь ведь полно бизнесменов! Сотни!

— Вы уверены? — спросила она и улыбнулась. Безо всякого превосходства или язвительности. — Что вам требуется, так это контакт с кимонцами. Возможность осмотреться, узнать нас поближе. Оценить нашу точку зрения на вещи, мотивации

нашего поведения.

— Разумно, — кивнул Бишоп. — Как это можно сделать?

— Есть случаи, — сказала девушка, — когда земляне оказывают услуги компаньонов.

— Боюсь, я не очень-то гожусь. Нужно сидеть с детьми, читать пожилым дамам… в таком роде?

— Вы владеете музыкальными инструментами? Может быть, умеете петь?

Бишоп покачал головой:

— Тогда рисование? Танцы?

Он не умел.

— Возможно, бокс? Вообще любые единоборства. Периодически такой интерес возникает, и если состязания не заходят слишком далеко…

— Вы про участие в турнирах?

— Можно и так назвать.

— Полагаю, и это не для меня, — признался Бишоп.

— Тогда мало что остается, — сказала девушка, перебирая документы.

— Транспорт?

— Здесь это личное дело каждого.

Ну, конечно, как же он забыл? Телекинез — и никаких автомобилей, вообще ничего.

— Со связью дело обстоит так же?

Они же телепаты…

Девушка кивнула.

— А вы разбираетесь в перевозках и средствах связи, мистер Бишоп?

— В их земном варианте. Здесь не пригодится, я уже понял.

— Совершенно не пригодится, вы правы. Хотя мы могли бы организовать поездку с лекциями. Мы, если хотите, поможем вам подготовиться, собрать материал.

Бишоп покачал головой:

— Из меня никудышный оратор.

Она встала.

— Я посмотрю. Зайдите еще раз. Мы обязательно подыщем для вас что-то подходящее.

Бишоп поблагодарил и вернулся в вестибюль.

10

Он вышел из отеля и отправился погулять.

Никаких дорог и тропинок.

Вообще.

Отель стоял посреди ровного пустого пространства.

Ни зданий вокруг, ни поселений, ни дорог.

Ни-че-го.

Огромный, разукрашенный и неуместный,

отель торчал, царапая линию горизонта, словно непонятно зачем принесенный свадебный торт. Словно брошенный впопыхах багаж.

Бишоп через поле направился к купе деревьев: где-то там, должно быть, течет река. Что тут все-таки с дорогами?

И в этот момент его пронзила мысль.

Он вспомнил годы, которые провел, вбивая управление бизнесом в собственные мозги; вспомнил огромный альбом с выдержками из писем, отправленных с Кимона на Землю. Как же улетевшие счастливчики хвастались своими должностями! Как намекали на удачные сделки!

Он и тогда обратил внимание: про сделки, должности — одни только намеки. Никто ни разу не назвал конкретно, какую сделку заключил или что конкретно делает.

Почему, спросил он себя, почему? Зачем они нас дурачили?

Хотя, может, он просто себя накручивает: вряд ли за сутки можно понять все. Я подумаю, сказала античная богиня. Я подумаю, и мы обязательно подберем вам что-нибудь подходящее.

За деревьями текла река. Как в прерии: широкий, неторопливый, кристально чистый поток. Пологие берега заросли травой. Бишоп подобрал-

ся к воде, лег на живот и увидел, как в глубине мелькают тени.

Он разулся, поболтал ногами в воде.

Они всё о нас знают. О нашей жизни и культуре. О стягах с леопардом; о том, как выглядел Сенлакский холм четырнадцатого октября тысяча шестьдесят шестого года, когда наверху стояло войско англичан, а внизу ждали норманны Вильгельма.

Они понимают, что нами движет, — и все-таки пускают к себе. А раз так — значит, в нас должно быть что-то для них ценное.

Что сказала девушка — девушка, которая вспорхнула на барный стул, а потом исчезла, так и не отпив из бокала? Ты начнешь участвовать в их потехах. Привыкнешь. Если слишком много об этом не думать, ты привыкнешь.

Встретимся через неделю, вот что еще она сказала. И тогда поговорим. «Чистюля».

Возможно, у нее есть право так с ним разговаривать. Прилежный отличник, что он видел, кроме своих книг?

Они о нас знают. А *что* они о нас знают?

Конечно, Сенлак мог быть и постановкой, — однако Бишоп так не думал: мрачная, странная реальность происходящего ощущалась всей

кожей. Да, именно так все и происходило на самом деле. Не было никакого Тайллефера; норманнский воин умер, и его кишки волочились по траве.

Бишоп сидел, озябший и одинокий. Как им это удалось? Как это вообще возможно: ты нажимаешь кнопку — и проживаешь жизнь давно умерших людей, людей, чей прах давно смешался с землей?

Никак не узнать, конечно.

А гадать бессмысленно.

Ключ к загадке. Подсказка. Толчок. Который сдвинет с места земную цивилизацию.

Морли расхаживал по комнате взад-вперед — как запертая пантера. *Мы должны выяснить, что они такое. Мы должны выяснить.*

А ведь есть способ выяснить. Великолепный способ.

Бишоп вытащил ноги из воды, вытер о траву. Обулся и зашагал в отель.

Белокурая античная богиня была на прежнем месте.

— Насчет ухода за детьми, — сказал он.

На мгновение на ее лице проступило удивление — ужасное, почти детское удивление. Всего миг — и перед ним был прежний мраморный лик.

— Да, мистер Бишоп.

— Я подумал. Если такая работа у вас есть, я возьму.

11

Он без сна ворочался в постели, крутил ситуацию так и эдак и в конце концов решил: все не так плохо, как ему вначале показалось.

Без какого-никакого дела он не останется. Кимонцы сами следят за тем, чтобы у каждого землянина была работа. Даже если это не работа мечты, по крайней мере, есть с чего начать. И с такого плацдарма человек вполне способен подняться — умный человек, по крайней мере. А все здешние земляне очень умны, другие сюда не попадают.

Его соседи по отелю производят впечатление вполне довольных жизнью людей. Сегодня он не видел ни Монти, ни девушку Максин, зато разговаривал с другими и следов уныния или скепсиса не заметил. Если бы что-то было всерьез не в порядке, они ведь не стали бы притворяться? Уж чего-чего, а поплакаться земляне любят. А он ничего подобного не слышал.

Зато вокруг горячо обсуждали старт состязаний, и многие планировали на этом подзаработать.

Один его новый знакомый, Томас, главный садовник в крупном кимонском поместье, больше часа не отпускал Бишопа, толкуя о выращивании экзотических цветов. А тот, маленький, Вильямс? В баре, когда они оказались за стойкой рядом, Вильямс с восторгом говорил о полученном заказе написать книгу баллад по сюжетам кимонской истории. А Джексону местная семья заказала скульптуру.

Если у человека нормальная работа, подумал Бишоп, здесь, на Кимоне, существовать вполне приятно.

А взять жилье. У него прекрасный номер: куда лучше, чем он мог даже надеяться. Выполняющий желания роботобуфет, который подает бутерброды и выпивку, гладит одежду, за всем следит и угадывает желания с полуслова. А проживатель? Это ведь одновременно и обучение, и забава. Он сам виноват: на первый раз не следовало выбирать битву при Гастингсе. Есть ведь и другие места, другие события, не такие кровавые.

Ибо это действительно переживание, а не холодный взгляд со стороны. Он и впрямь поднимался на холм. Старался увернуться от несущихся коней, — хотя, строго говоря, нужды в этом не было: даже в самые опасные моменты он оставался

всего лишь сторонним наблюдателем, пусть даже и глубоко заинтересованным.

Сколько всего стоит посмотреть! Прожить всю историю человечества от первобытных времен до современности! Да разве только человечества? На подлокотниках были и другие кнопки: Кимон, Галактика.

В один прекрасный день, пообещал себе Бишоп, я отправлюсь на прогулку с Шекспиром. Поплыву с Колумбом. Совершу паломничество в обществе пресвитера Иоанна — и выясню, что он был за человек.

Проживатель показывает правду, и можно во многом разобраться.

Условия странные, да. Ну и что?

С другой стороны, почему бы условиям не быть странными? Это другая цивилизация, несопоставимо обогнавшая Землю и в культуре, и в технологиях. Кимонцы не нуждаются в искусственных средствах связи или в механическом транспорте. Здесь нет нужды в контрактах: благодаря телепатии кимонцы прозрачны друг для друга.

Ты освоишься, пообещал себе Бишоп.

Тебе придется играть в местные игры, иначе правил не узнать. Ведь это ты осчастливил своим

появлением чужую планету, не наоборот. Если местные разрешили тебе остаться — вопрос, кто должен приспосабливаться, даже не стоит.

— Вы нервничаете, сэр, — сказал буфет из соседней комнаты.

— Почему нервничаю? Просто думаю.

— Хотите, я дам вам снотворного? Отличный препарат, действует мягко и незаметно.

— Еще чего! — отрезал Бишоп.

Буфет осторожно уточнил:

— Тогда, возможно, вы позволите спеть для вас колыбельную?

— Безусловно, позволю. Вот как раз колыбельной мне и не хватало.

И под звуки исполняемой буфетом колыбельной песни Бишоп в конце концов заснул.

12

Кимонская богиня из агентства наутро сообщила Бишопу, что для него нашлась работа.

— Есть заявка от новой семьи.

Бишоп не вполне понимал: ему радоваться, что семья новая, или жалеть, что не досталось старой?

— Они никогда прежде не нанимали землян.

— А сейчас решились дать одному из нас рабо-

ту? Как любезно с их стороны.

— Зарплата, — сообщила богиня, — сто кредитов в день.

Сто кредитов…

— Ночная работа не предусмотрена. Я буду отправлять вас на место каждое утро, а вечером они телепортируют вас назад.

Бишоп сглотнул.

— Сотня кредитов… Что я должен делать за эти деньги?

— Служить компаньоном, — пояснила богиня. — Не волнуйтесь. Мы с них глаз не спустим, и если они будут плохо с вами обращаться…

— Плохо обращаться?

— Если работа окажется слишком тяжелой.

— Мисс, за сотню баксов в день я…

Она резко его оборвала:

— Так берете?

— С удовольствием! — подтвердил Бишоп.

— Тогда позвольте…

Вселенная раскололась — и встала на место.

Перед ним простиралась заросшая лесом горная долина. Шумел водопад; воздух был свеж, пахло мхом и сыростью. Кругом стелился папоротник и высились огромные деревья, похожие на раскидистые дубы, которые художники так

любят рисовать на иллюстрациях к легендам о короле Артуре и Робин Гуде, — вообще в книгах о доброй старой Англии. С таких дубов, говорят, друиды собирали омелу.

Тропинка вела к водопаду и бежала дальше; легкий ветерок доносил звуки музыки и приятные ароматы.

По тропинке шла девушка. Кимонка, не такая высокая, как те, кого он уже видел. И при взгляде на нее сравнения с античной богиней не возникало.

У Бишопа перехватило дыхание. Он даже на секунду забыл, что она не землянка: просто милая девушка, неспешно идущая по лесной тропе. Она была красива. Нет, поправил он себя, она была прекрасна.

Девушка тоже увидала его и захлопала в ладоши.

— Вы, должно быть, тот самый?

Он шагнул ей навстречу.

— Мы вас давно ждем. Надеялись, что задержки не будет, что они сразу вас отправят.

— Я Селден Бишоп, и мне сообщили…

— Ну конечно, вы тот самый. Незачем что-то говорить. Я же вижу, что у вас в голове. — Она неопределенно помахала рукой вокруг. — Как

вам наш дом?

— Дом?

— Ну, конечно, глупенький. Вот. Естественно, это только гостиная. Спальни выше в горах. А здесь мы все переделали буквально вчера. Очень старались. Вам непременно понравится, я уверена. Потому что, понимаете, это все с вашей планеты. Мы подумали, тогда вы будете чувствовать себя как дома.

— Дом, — снова повторил он.

Она тронула его руку:

— Вы растеряны. И не понимаете.

Бишоп покачал головой:

— Я совсем недавно прилетел.

— Но вам нравится?

— Конечно, — заверил Бишоп. — Артуровский цикл, да и только. Так и ждешь появления всадников: Ланселота или королевы Гвиневеры.

— А вы про них знаете?

— Знаю, конечно. Очень люблю истории про рыцарей Круглого стола.

— А нам, нам расскажете?

Бишоп озадаченно взглянул на девушку:

— Вам интересно?

— Да, само собой. Зачем же мы вас позвали?

В этом, собственно, и был главный вопрос. За-

чем его позвали?

— Вы хотите, чтобы я начал прямо сейчас?

— Нет, сначала надо познакомить вас с остальными. Меня зовут Элейн. Конечно, не совсем так. Элейн — это самое близкое к тому, что вы сумеете произнести.

— Скажите, как точно. Я хорошо схватываю чужую речь.

— Сойдет и Элейн, — отмахнулась она. — Пошли.

И вслед за девушкой Бишоп зашагал по тропинке вверх по склону.

Теперь он видел, что это был действительно дом: деревья-колонны поддерживали искусственное небо, хотя каким-то непонятным образом оно казалось почти настоящим; проходы между стволами вели к огромным окнам: и там, за окнами, простиралась пустынная равнина.

Однако трава и цветы, мох и папоротник были настоящими; впрочем, деревья, скорее всего, тоже.

— Совершенно никакого значения, настоящие они или нет, — сказала Элейн. — Вы все равно не почувствуете разницу.

Они поднялись на вершину холма, к лужайке с постриженной травой, настолько мягкой, что

Бишоп даже засомневался, а трава ли это.

— Трава, — сказала Элейн.

— Вы читаете все мои мысли. Или…

— Мысли, конечно.

— Тогда мне нельзя думать.

— О, мы хотим, чтобы вы думали! Это же часть всего…

— Часть того, зачем вы меня позвали?

— Ага.

В центре лужайки стояло сооружение: нечто вроде пагоды, хрупкое, сотворенное буквально из света и теней; вокруг устроилась небольшая компания. Кимонцы смеялись, болтали, и звуки их речи напоминали музыку — радостную и сложную одновременно.

— Привела! — закричала Элейн и поторопила Бишопа: — Быстрее!

Она побежала по траве, и ее бег был сродни полету; от этой картины у Бишопа снова перехватило дыхание. Он припустил следом, и грации в его движениях не было никакой. Он сам ощущал, насколько тяжело передвигается. Скачки́, а не бег, нечего и сравнивать.

Как пес. Этакий щенок-переросток — подпрыгивает, припадает на лапы. Несется, свесив язык, пыхтит…

Он постарался бежать поизящнее и вовсе ни о чем не думать.

Не думать, не думать. Они будут над тобой смеяться. Они уже над тобой смеются.

Они потешались. Безмолвные. Грациозные.

Девушка подбежала к группе и затормозила, поджидая Бишопа.

— Поторопитесь. — И хотя ничего обидного в просьбе не было, ему опять почудилось чужое мысленное веселье.

Бишоп наддал и наконец достиг группы кимонцев — запыхавшийся, вспотевший, нескладный.

— Вот кого нам прислали, — сказала Элейн. — Его имя Бишоп. Разве не симпатичный?

Они оглядели его и сосредоточенно покивали.

— Он будет рассказывать нам всякие истории. Он знает такие, которые созвучны этому месту.

Кимонцы смотрели доброжелательно, однако Бишопа не оставляло ощущение, что в душе они по-прежнему потешаются.

— Вот Пол, — представила Элейн. — А вот Джим. Бетти. Джейн. Джордж. А там, с краю, Мери.

— Понимаете, — сказал Джим, — это не настоящие имена.

— Приблизительные, — кивнула Элейн. — Лучшее, что я смогла придумать.

— Самые близкие к тому, что он сможет произнести, — уточнила Джейн.

— Позвольте, я все же попробую, — начал Бишоп и тут же себя оборвал. Именно этого они и хотят. Они хотят, чтобы он возражал и испытывал неловкость. Чтобы ему было не по себе.

— Ничего подобного мы не хотим, разумеется, — сказала Элейн.

Не думать. Не думать.

— Давайте присядем, — предложила Бетти. — И Бишоп расскажет свои истории.

— Может быть, — произнес Джим, — вы расскажете, как жили на Земле? Мне интересно.

— Я слышал, у вас есть игра под названием «шахматы», — сказал Джордж. — Мы в игры не играем, конечно. Сами понимаете — не можем. Однако мне было бы очень интересно обсудить с вами технику и философию игры в шахматы.

— Всему свое время, — сказала Элейн. — Сначала истории.

Они уселись в кружок и выжидающе на него уставились.

Бишоп проговорил:

— Не совсем представляю, с чего начать.

— Ну, это очевидно, — удивилась Бетти. — Начните с начала.

— Верно. — Бишоп набрал побольше воздуха. — Однажды, очень давно, жил на острове Британия король по имени Артур.

— Нареченный Артуром, — поправил Джим.

— Вы об этом читали?

— Слово было у вас в мозгу.

— Это старинное слово, архаичное. В некоторых версиях легенды…

— Будет очень интересно при случае обсудить это слово. В свое время, — сказал Джим.

— Так что там с историей? — напомнила Элейн.

Бишоп снова сделал глубокий вдох.

— Однажды, очень давно, жил на острове Британия великий король по имени Артур. Его королеву звали Гвиневера, а самый верный рыцарь звался Ланселотом…

13

Почтовик стоял на столе в гостиной. Бишоп сел и начал составлять письмо. Сначала приветствие:

Дорогой Морли…

Он снова встал и принялся мерить шагами комнату.

Что написать?

Что он вообще может написать? Что благополучно прибыл и уже получил работу? Что за нее платят сто кредитов в день — в десять раз больше, чем человек его положения может получить на Земле, хоть из кожи вылези?

Он снова вернулся к почтовику.

Просто извещаю тебя, что благополучно прибыл и уже получил работу. Не слишком хорошую, но мне платят сто кредитов в день, и это лучше, чем я мог надеяться на Земле.

Бишоп снова встал и начал кружить по помещению.

Надо еще что-то написать. Одного абзаца мало.

Он даже вспотел.

Что же такое добавить?

Бишоп вернулся к столу.

Чтобы как можно быстрее изучить здешние порядки, я взялся за работу, которая дает мне возможность контактировать с кимонцами. Я считаю, это прекрасная раса, но порой их трудно понять. Нимало не сомневаюсь, что скоро войду в курс дела и тогда буду по-настоящему наслаждаться общением с ними.

Он рывком отодвинул стул и уставился на листок.

Надо признать: тысячи писем, которые он читал еще на Земле, выглядели в точности так же.

Тысячи прежних счастливчиков так же писали свое первое письмо с Кимона, сочиняя вежливые сказочки, разбавленные чуть приукрашенной ложью: ведь правда уязвляла их гордость. И так же подбирали слова, способные замаскировать грубую правду. Ведь не напишешь:

Я развлекаю и забавляю местную семью. Я рассказываю им сказочки и позволяю над собой смеяться. Я делаю это, поскольку не готов признать, что выдумка про Кимон — ловчая яма и я в нее вляпался.

Невозможно ведь такое писать! Или такое:

А *я терплю и не посылаю их к черту. Пока они платят мне сотню в день, могут потешаться сколько угодно. Денежки капают, и плевать я хотел на все.*

Дома он был одним на тысячу. Дома о нем говорили понизив голос: ведь он выиграл главный приз.

Бизнесмены на борту лайнера делали ему ком-

плименты и предлагали миллиарды, если вдруг понадобится финансирование.

Во время последней встречи Морли шагал из угла в угол. Морли просил любую мелочь. Зацепку. Точку опоры. Все, что угодно, вместо каменной физиономии, которую поворачивает к Земле Кимон.

Письмо надо закончить.

Бишоп снова сел за стол.

Позже напишу подробнее. Сейчас мне пора бежать.

Бишоп нахмурился.

Что бы он сейчас ни написал, все будет полуправдой, а значит, ложью. По крайней мере, этот вариант ничуть не хуже любого другого.

Пора бежать: у меня встреча с клиентом. А надо еще подготовиться.

Часто тебя вспоминаю. Жду ответа.

Морли ему ответит. Пришлет радостное письмо, даже с некоторым налетом зависти: письмо неудачника победителю.

Ведь на Кимон хотят все. В этом вся суть.

Невозможно сказать правду, когда все желали тебе доброго пути.

Невозможно сказать правду: ведь правда превратит тебя из героя во вселенского лузера.

И все письма из дома: гордые, завистливые, радостные оттого, что у тебя все в порядке, — это новые и новые цепи, которые привяжут тебя к Кимону и к вранью при Кимон.

Он спросил у буфета:

— Как насчет рюмочки?

— Да, сэр, — ответил буфет. — Одну секунду, сэр.

— Побольше и покрепче.

— Побольше и покрепче. Готово, сэр.

14

Они встретились в баре.

— Ба, да это наш Чистюля! — воскликнула Максин так, словно видела его вчера.

Бишоп сел рядом.

— Неделя почти прошла.

Девушка кивнула.

— Мы за тобой наблюдали. Ты отлично держишься.

— Ты пыталась мне рассказать.

— Забудь. Пустая была затея. Ни пользы, ни смысла. Но ты казался таким умненьким, таким юным… Мне стало тебя жаль, захотелось предо-

стеречь. — Она взглянула на Бишопа поверх бокала. — В общем, зря я это.

— Наоборот. Мне стоило тебя послушать.

— Никто не слушает, — сказала Максин.

— Вот что непонятно, — произнес Бишоп. — Почему нет ни одной утечки? Конечно, я тоже понаписал в письмах всякого. И ни в чем не признался. И никто не признается. Однако за прошедшие годы…

— Мы все одинаковы. Как горошины в стручке. Избранные, как же! Упрямые, тщеславные, напуганные. Все мы попали сюда ценой тяжкого труда. Снесли препятствия, обошли соперников. Они ждут сейчас на Земле, не забывай, — те, кого мы обошли. Они ведь тоже изменились. Не понимаешь? У оставшихся тоже есть гордость, им больно. И если они узнают, как на самом деле обстоят дела… Ничего лучшего для них просто придумать нельзя. Вот о чем помнит каждый из нас, сидя за столом над листком бумаги. Мы представляем хохот тысяч проигравших. Их тихие ухмылки. И себя: притихших, смущенных, приниженных…

Она легонько похлопала его по плечу.

— Вот и весь ответ, Чистюля. Вот почему никто не пишет правду. Вот почему мы никогда не

вернемся.

— Максин, подумай! Столько лет! Почти век прошел. И что, за все это время никто?..

— А смысл? Чтобы все потерять? Легкую жизнь, отличную выпивку. Наше грешное братство. И надежду. Надежду, не забывай. Всегда остается надежда, что мы сможем расколоть этот орешек.

— Думаешь, сможем?

— Не знаю, Чистюля. На твоем месте я бы на это не рассчитывала.

— Но ведь порядочные люди так не…

— А где ты нашел порядочных? Мы испуганы и слабы. И есть причина, согласись.

— Однако будущее…

— Умоляю, о чем ты? У некоторых здесь есть дети, и, знаешь, детям лучше, чем нам: они-то ничего другого не видели. Ребенок, если он раб с рождения, внутренне ощущает себя лучше, чем тот, кто когда-то знал свободу.

— Мы не рабы, — буркнул Бишоп.

— Конечно нет. В любой момент мы можем отсюда уехать. Стоит только подойти к местному и сказать: «Я хочу обратно на Землю». И всё. Одна секунда — фьють! — и готово. Точно так же, как отправляют письма. Миг — и ты у себя дома.

— Никто не уехал.

— Разумеется.

Они сидели и прихлебывали из бокалов.

— Помни мой совет: не думай. Только так можно выдержать. У тебя все отлично. Лучше, чем на Земле. Приятная легкая жизнь. Не о чем переживать. Хорошая жизнь, лучше и быть не может.

— Да, — сказал Бишоп. — Ты права, конечно.

Она покосилась в его сторону:

— Дошло?

И они еще выпили.

В углу несколько человек хором что-то распевали: репетировали. Чуть дальше ссорилась пара.

— Здесь слишком шумно, — сказала Максин. — Хочешь посмотреть мои картины?

— Картины?

— То, чем я зарабатываю на жизнь. На самом деле они ужасные, но никто не замечает.

— Конечно, хочу.

— Тогда цепляйся.

Он изумленно вытаращился на Максин.

— По-настоящему, конечно, не научиться. Однако освоить трюк-другой — оно как-то само выходит. И у тебя выйдет.

— Цепляться?

— В смысле, за мой разум. Не в физическом смысле, конечно. Обойдемся без лифта.

— Я не умею.

— Просто отпусти себя, — сказала Максин. — Мысленно расслабься и попробуй ко мне потянуться. Не пробуй мне помогать, все равно не сумеешь.

Бишоп расслабился и потянулся, гадая, правильно ли все делает.

Вселенная раскололась и затем вернулась на место.

Они стояли в другом помещении.

— Глупо с моей стороны, — сказала Максин. — Однажды я промахнусь и застряну в стене.

Бишоп подавился вдохом.

— Монти упоминал, что у тебя кое-что получается.

— Все равно до конца это не освоить, — вздохнула Максин. — Человеческая раса не способна… мы просто не дозрели. Чтобы развить такие способности, требуются тысячелетия.

Бишоп огляделся и присвистнул.

— Ничего себе!

Это вообще нельзя было назвать комнатой, хотя мебель здесь была. Стены тонули в дымке: на западе покрытые снегом горы, на востоке лесная река; везде цветы и цветущий кустарник, вырастающий прямо из пола. В комнате стояли

голубоватые сумерки; где-то вдали негромко играл оркестр.

Буфет спросил:

— Мэм что-нибудь желает?

— Выпить, — распорядилась Максин. — Не слишком крепкое, мы уже распили бутылочку.

— Не слишком крепкое, — повторил буфет. — Одну секунду, мэм.

— Иллюзион, — объяснила Максин. — Иллюзион до последней детали. Однако красивый, ничего не скажешь. Хочешь берег моря? Он наготове, сто́ит только мысленно представить. Или заснеженные вершины. Пустыня. Старый замок. Все ждет своего часа.

— Как хорошо продается твоя живопись, — сказал Бишоп.

— Не живопись. Моя хандра. Начинай раздражаться, Чистюля. Ходи в унынии. Начинай думать о суициде. Самый верный способ. Раз! — и у тебя уже лучший люкс. Просто чтобы поднять тебе настроение.

— Хочешь сказать, кимонцы обепечивают тебе такие хоромы по собственной инициативе?

— Конечно. Их только побудить надо. Иначе будешь лохом — останешься куда запихнули.

— Мне и мой номер нравится. Но этот…

Она засмеялась:

— Разберешься.

Появились напитки.

— Садись, — предложила Максин. — Луну желаешь?

И за луной дело не стало.

— Можно заказать две или три. Предпочитаю одну — похоже на Землю. Как-то уютнее.

— Есть ведь какой-то предел, — сказал Бишоп. — Не могут же они постоянно улучшать тебе условия. Все равно наступит момент, когда даже кимонцы будут не в состоянии придумать что-нибудь новенькое.

— Ты столько не проживешь, — усмехнулась Максин. — Все новички недооценивают кимонцев. Вы думаете о них как о людях, как о землянах, только умеющих немножко больше. А это не так, совершенно не так. Они чужие. Чуждые. Как Человек-паук из комиксов, просто форма человекоподобная. И они научились правильно поддерживать с нами контакт.

— Но зачем им это? Зачем…

— Чистюля, — вздохнула она, — этим вопросом мы не задаемся. Если об этом думать, то можно свихнуться.

15

Он рассказал своим кимонцам о человеческой традиции устраивать пикники, и идея их зацепила. Его подопечные взялись за ее реализацию с совершенно детским восторгом. Нашли подходящее место на склоне горы: дикое, девственное, покрытое густым кустарником. Здесь тек ручей; вода его была прозрачна как стекло и холодна как лед, а по берегам росли цветы.

Кимонцы играли и затевали веселую возню. Плавали, загорали, слушали его истории, усевшись в кружок, подкалывая и перебивая, заводили споры.

Теперь он знал, что на уме у них нет ничего дурного, только жажда развлечений. Теперь и он мог над ними потешаться. Про себя.

Всего неделю назад такая ситуация оскорбляла бы и унижала его, приводила бы в ярость; сейчас он принял условия, заставил себя принять. Если угодно получить клоуна, будет им клоун. Если уж он напялил на себя шутовской колпак с колокольчиками и пестрые одежки, то пусть краски будут яркими, а колокольчики звенят звонко и весело.

Временами кимонцы бывали злы и бессердечны, однако сознательно вреда не причиняли. С

ними вполне можно было поладить, если знать, как себя вести.

В тот вечер они расселись вокруг костра и болтали, в кои-то веки оставив его в покое. Элейн и Бетти нервничали, а Джим из-за этого над ними подшучивал.

— Звери к огню не подходят, — убеждал он.

— Здесь есть звери? — спросил Бишоп.

Джим ответил:

— Н-ну… Почти нет.

Бишоп прилег и уставился на пламя, слушая голоса и радуясь минутной передышке. В голову пришло сравнение: так щенок забивается в угол от компании малолетних пакостников, которые не хотят оставить его в покое.

Он смотрел на огонь и вспоминал прежнюю жизнь: выезды на природу, походы. Они так же разводили костер и устраивались вокруг. И видели старое, привычное небо Земли.

Снова костер. Пикник. Только небо чужое.

Сегодняшний костер символизировал Землю, ведь кимонцы никогда прежде не слышали о пикниках. Есть куча вещей, о которых они никогда ничего не слышали. Варварских, смешных, дурацких вещей.

Не ищи ничего масштабного, сказал тем ве-

чером Морли. Ищи мелочи, мелкие подсказки, намеки.

Им нравятся картины Максин, а ведь те примитивны. Примитивны и не очень-то интересны. Может ли быть, что до появления землян кимонцы ничего не знали о живописи?

Есть ли вообще бреши в броне здешней цивилизации? Маленькие, незаметные бреши, как вот пикники или примитивная живопись, ради которых местные не поленились выписать к себе землян?

Где-то здесь может крыться ответ, который он ищет для Морли.

Бишоп так погрузился в раздумья, что забыл закрывать щитом свои мысли, забыл, что его мысли — открытая книга.

Голоса затихали, сходили на нет, и вот наступила торжественная ночная тишь. Скоро пора возвращаться — кимонцам по домам, а ему в отель. Интересно, где это место? Здешние расстояния измеряются быстротой мысли.

Пора подбросить в костер дров, подумал Бишоп, заставляя себя подняться.

И обнаружил, что остался один.

Они ушли и бросили его здесь.

Просто забыли.

Быть такого не может! Кимонцы наверняка прячутся поблизости, затаившись в ночной темноте. Это просто шалость, розыгрыш! Желание напугать. Сначала упомянули зверей, а затем, пока он дремал у огня, спрятались. Сейчас наблюдают за ним, копошатся в мыслях, пьют его страх.

Бишоп взял бревно и подбросил в огонь. Посыпались искры.

Он спокойно сел на место и поймал себя на том, что инстинктивно сутулит плечи: так силен, так близок был ужас одиночества в чужом и чуждом мире.

Сейчас он впервые осознал всю чуждость Кимона. До сих пор этого ощущения не возникало, разве что на несколько минут в парке, когда он провожал глазами тающий вдали катер. Впрочем, даже тогда он знал, что его встретят, проводят и позаботятся.

Вот оно. Мы всегда под надзором. О нас заботятся — отлично, щедро. Обеспечивают кров, защиту, лелеют. Вот именно, *лелеют*. А раз так, очень скоро Элейн и остальным прискучит игра в прятки, и они вернутся к костру.

Возможно, сказал себе Бишоп, и я должен обеспечить то, за что они платят. Изобразить испуг, звать, выкрикивать в темноту имена, сделать

вид, что до ужаса боюсь хищников. Конечно, они говорили мельком, не впрямую. Якобы случайная реплика — и разговор заходит о другом. Никакого нажима. Единственное предположение мимоходом: здесь водятся опасные звери.

Уже немного успокоившийся, он некоторое время подождал. Будем рассуждать логически. Обычный поход. Палатки, костер.

Только вот здесь не Земля. Только вот здесь чужая планета на другом конце галактики.

В кустах что-то хрустнуло.

Вот и мои кимонцы. Идут, не выдержали. Поняли, что этим меня не пронять. Идут.

В кустах снова раздался хруст, а потом звук покатившегося камешка. Бишоп не шевельнулся.

Им меня не напугать.

Не напугать.

Ноздри уловили запах. Бишоп подскочил, дернулся, споткнулся, чуть не упал в огонь, лихорадочно восстановил равновесие и отпрыгнул — чтобы оставить костер между собой и зверем, запах которого учуял.

Распахнутая огромная пасть и зубы. Чудище подняло голову и клацнуло челюстями, как в рисованном мультике. Пасть с лязгом захлопнулась, из массивной глотки исторгся стонущий вой.

Бишопу в голову пришла безумная мысль: зверь не настоящий. Это часть розыгрыша. Продукт больной фантазии. Смогли же они создать почти классический английский лес, — а ведь всего-то и требовалось обставить мебелью дом! Создание зверя займет считаные секунды.

Существо подалось вперед, и Бишоп подумал: настоящий хищник должен бояться огня. Огня боятся все звери. Если я буду держаться ближе к костру, оно меня не достанет.

Он нагнулся и ухватил головню. Все звери боятся огня.

Этот не боялся.

Чудище не обратило внимания на пламя. Вытянуло шею, принюхалось.

Оно не торопилось; оно не испытывало сомнений, что добыча не уйдет.

По спине покатились струйки пота.

Зверь с неторопливой грацией двинулся в его сторону, скользя вокруг костра.

Бишоп отпрыгнул, разворошил огонь.

Зверь пригнул голову, встопорщил спину. Хвост колотил из стороны в сторону.

Вот сейчас Бишоп испугался. По коже пробежали мурашки, стало не до шуток.

Он ведь не настоящий?

Настоящий.

Никакая не шалость и не жестокая шутка. Зверь.

Бишоп напружинил ноги, готовый бежать, уворачиваться — или вступить в драку, если уж не будет выхода. Хотя против чудовища, которое смотрело на него через огонь, шансов не было, все равно — он будет сражаться до конца. А какие еще варианты?

Зверь прыгнул. Бишоп сделал рывок в сторону.

Споткнулся и рухнул в костер.

Откуда-то протянулась рука, вытащила из огня. Голос что-то выкрикнул, гневно и предостерегающе.

Потом со вселенной опять что-то произошло. Бишоп почувствовал, что распадается на части, — и вновь стал целостным.

Обожженная рука горела. Одежда тлела, и он принялся охлопывать ее здоровой рукой.

Голос произнес:

— Простите, сэр. Случившееся недопустимо.

Кимонец был высок, гораздо выше, чем те, кого Бишоп видел прежде. Под три метра, пожалуй. Или… Нет, какие три? Он был не выше, чем высокие земляне. Манера держаться, осанка, взгляд, интонации — вот что делало его гигантом.

Это первый кимонец, подумал Бишоп, по которому видны следы возраста. Посеребренные виски, изборожденное лицо — как у охотника или моряка, который вглядывается в даль.

Они стояли лицом к лицу — в комнате, от взгляда на которую у Бишопа перехватило дыхание. Он не смог бы ее описать, такое надо просто увидеть. Не комната — частица тебя, частица мира, частица всего, о чем ты когда-либо думал и мечтал. Комната не имела границ; она растворялась во времени и пространстве; в невообразимом времени и пространстве; и, однако, здесь была жизнь, здесь был уют. Здесь был дом.

А когда он кинул второй взгляд, впечатление было совсем другое. Искренность. Место, где можно жить просто и ясно; комната и ее хозяева словно проросли друг в друга.

— Я с самого начала был против, — сказал кимонец. — И теперь убедился, что не зря. Однако дети так хотели, чтобы вы…

— Дети?

— Ну конечно. Я отец Элейн.

Он произнес не «Элейн», иначе. Элейн была права: это имя ни один землянин произнести не в состоянии.

— Как ваша рука? — спросил мужчина.

— Все в порядке, — ответил Бишоп. — Просто немного обжег.

Он слышал себя словно со стороны. И не мог бы сдвинуться с места, заплати ему хоть миллион.

— Я позабочусь о компенсации, — сказал кимонец. — Поговорим об этом позже.

— Пожалуйста, сэр, — услышал Бишоп свои слова. — Прошу вас, сэр, отправьте меня в отель.

Он уловил вспышку понимания собеседника, его сострадание и жалость.

— Разумеется, — сказал высокий, — с вашего позволения, сэр…

16

Однажды дети захотели щенка. Обычные земные дети, совсем обычные. Они любили играть и захотели щеночка, спутника по играм. Отец возражал: какой вам щенок, вы не умеете за ним ухаживать. Но они так просили, так умоляли, что в конце концов отец принес в дом собаку — прелестного малыша, неуклюжего, с толстым мягким животиком, на нетвердых толстых лапах, с ласковым ясным взглядом, наполненным чистой щенячьей радостью.

Нет, если вы подумали, что дети его намеренно мучили, то вы ошиблись. Просто они были

детьми, а дети жестоки. Они его тормошили, дергали за уши и хвост, дразнили. Однако щенка переполняла радость и любовь. Он обожал играть; что бы дети ни делали, он снова прибегал к ним. Он даже испытывал гордость: с ним возятся людские детеныши, а ведь люди — это совсем особая раса, далеко обогнавшая собак в культуре и интеллекте.

Только вот сострадания эта раса не имеет.

Однажды дети отправились на пикник, а вечером, усталые и от усталости рассеянные, ушли домой. А щенка забыли.

А что такого? Дети всегда все забывают, хоть ты что. А щенок — ну, это же просто щенок?

Буфет произнес:

— Вы очень поздно сегодня, сэр.

— Да, — тускло согласился Бишоп.

— Вам больно, сэр. Я чувствую, что вам больно.

— Рука, — пояснил Бишоп. — Обжег в костре.

Панель буфета отъехала.

— Положите руку сюда, сэр. Я залечу в два счета.

Вложив руку в отверстие, Бишоп ощутил прикосновение, легкое и осторожное.

— Ожог несильный, сэр, — сказал буфет. — Однако, полагаю, очень болезненный.

Ожог тоже потешный, подумал Бишоп.

А весь этот отель — кукольный домик. Или конура для щенка.

Дети на Земле тоже так играют: картонные коробки, пара фанерок, раз-два, скрепить все вместе на живую нитку, разрисовать «волшебными» знаками…

По сравнению с комнатой, куда принес его высокий, их отель не больше чем шалаш — и, если подумать, шалаш слишком ярко, слишком крикливо раскрашенный.

А мы?

А мы-то?

Домашние питомцы местных деток. Щеночки для планеты Кимон.

Привозные щеночки. Ценные.

— Простите, сэр, — сказал буфет. — Вы не правы. Не щенки.

— Что-что?

— Еще раз простите, сэр. Мне не стоило бы вмешиваться. Однако я не хочу, чтобы вы думали…

Бишоп произнес горько:

— Один голый расчет. Вы разговариваете со мной сейчас лишь потому, что этого желают они. Собственно, вы и есть один из них.

— Уверяю вас, это не так.

— Разумеется, вы станете отрицать. Вперед, выполняйте свою работу. Вы ведь сказали мне еще не все, что они желали до меня донести? Так договаривайте.

— Вы, конечно, вольны думать что хотите, — ответил буфет. — Тем не менее, если бы вы воспринимали себя как товарища по играм…

— Ну, разумеется!

— Это несравнимо лучше, — настаивал буфет, — чем считать себя всего лишь щенком.

— Так вот какую мысль мне хотят внушить!

— Вовсе нет. Все зависит от вас самого, сэр.

Хорошо, пусть: товарищи по играм, а не домашние животные.

Детишки Кимона приглашают оборванных сопливых беспризорников из захолустья, чтобы с ними поиграть.

Конечно, это куда лучше: быть гостем, а не закупленным бобиком.

И даже если так, то все происходящее — затея местных молокососов: именно они разработали правила отбора «приглашаемых», они возвели отель, оборудовали его и обставили, причем комнаты приобретали постепенно все больший блеск; они придумали для землян так называемую «работу»; они наладили выпуск валюты.

Хотя, может, все и не совсем так.

Может, от обиды он погорячился.

Может, он и вправду товарищ по играм — взрослый землянин, пониженный до статуса ребенка. Тупенького ребенка, надо признать.

А если он ошибся в этой оценке, то, возможно, ошибся и в другой, — и иммиграцию землян организовали вовсе не дети.

А если здесь не просто детский каприз или желание выпросить себе товарищей по играм с задворков галактики; если к этому «капризу» приложили руку взрослые, — то в чем, собственно, подвох? Что задумывалось — школьный проект с использованием прогрессивных методов образования? Летний лагерь, спланированный ради того, чтобы небогатые достойные земляне могли вырваться из запустения родной планеты? Или все еще проще и взрослые кимонцы нашли отличный способ держать собственных чад под присмотром, пока те заняты делом и сами себя развлекают?

Нам следовало догадаться давным-давно, подумал Бишоп. Однако приди даже кому-то в голову бредовая идея: что мы то ли домашние зверушки, то ли спутники чужих детских игр, — мы моментально выбросили бы ее из головы, отказались

бы даже рассматривать. Мы так трепетно, так болезненно гордимся достижениями человечества, что принять подобную мысль для землян немыслимо.

— Вот, сэр, — сказал буфет. — Почти как новенькая. Завтра можно будет снять перевязку.

Он не ответил. Безразлично вынул из ниши руку.

Буфет приготовил выпивку — не спросив, желает ли Бишоп выпить.

— Вот. Побольше и покрепче. Я подумал, вам будет кстати.

— Спасибо.

Думать надо на трезвую голову. Что-то стало выстраиваться. Или нет?

Нет, не сходится. Где-то он напутал.

Мы так трепетно, так болезненно гордимся…

Это?

— Что-то не так, сэр?

— Все так.

— Ваш бокал…

— Потом.

Тем субботним днем норманны седлали коней, и ветер играл стягами с леопардом и флажками на копьях; солнечные лучи отражались в доспехах и сбруе. История утверждает, что первая

атака норманнов была отбита. Это точно: ведь оборонительная стена саксов оказалась проломлена только к вечеру, и последняя отчаянная драка за знамя с драконом произошла уже почти в темноте.

А вот Тайллефера, скачущего во весь опор в контратаку; менестреля Иво Тайллефера, который крутил над головой меч и громко распевал, не было.

Здесь история наврала.

Скорее всего, пару столетий спустя какой-нибудь переписчик, вознаграждая себя за монотонный труд, вписал в сухую историю битвы поэтичный и яркий эпизод. Вписал, мстя за аскетическую пищу и однообразные дни взаперти; дни, когда в воздухе пахнет весной и хочется гулять, а не торчать в четырех пустых стенах, согнувшись над пером и чернильницей.

А что, разве мы чем-то отличаемся? В письмах домой поровну правды и лжи. Мы уклончиво описываем факт-другой, что-то утаиваем, порой добавляем пару строк если не явного вранья, то недомолвок.

Мы не готовы принять факты во всей их честности. Мы будто не видим полумертвого бойца со вспоротыми кишками, за которым тянется

по зарослям ежевики кровавый след. Зато мы придумали себе Тайллефера.

Ах, если бы только письма! Мы творим то же самое в отношении друг друга. Мы лелеем собственную гордость, привирая собеседникам и самим себе. Мы так трогательно ранимы.

Бишоп предложил буфету:

— Выпейте за меня. — И поставил полный нетронутый бокал в нишу.

Буфет удивленно булькнул.

— Я не пью.

— Ну, тогда перелейте спиртное назад в бутылку.

— Невозможно, — в ужасе произнес буфет, — Это же коктейль.

— Так разделите его на составляющие.

— Его нельзя разделить! — возопил буфет. — Вы же не хотите, чтобы я…

Вжикнуло, и в комнате возникла Максин. Улыбнулась Бишопу.

— Что тут у вас?

Буфет жалобно пояснил:

— Он хочет, чтобы я разложил коктейль на составляющие. Он же знает, что я этого не могу!

— Ох ты! А я думала, ты все можешь.

Буфет чопорно сказал:

— Разделять напитки — нет. Не угодно ли вам выпить?

— Отличная мысль. — Девушка шагнула к буфету и забрала бокал. — Чего ты разбушевался? — спросила она у Бишопа. — Психуешь?

— Просто не хочу. Имеет человек право…

— Имеет-имеет, — кивнула она. — Конечно, имеет.

Максин отхлебнула, глядя на Бишопа поверх бокала.

— Что с рукой?

— Обжег.

— Ты вроде бы большой мальчик, не играешь с огнем.

— А ты большая девочка — не вламываешься в чужую комнату. В один прекрасный день перенесешься в точку, а там занято.

Она хихикнула.

— Смешно. Как мы с тобой возьмем да перемешаемся…

— Выйдет мешанина, — согласился Бишоп.

— Побудь немножко джентльменом. Предложи даме сесть.

— Садись, конечно.

Она направилась к дивану.

— Слушай, а как конкретно ты себя перено-

сишь? — спросил Бишоп. — Я раньше не интересовался, но ты вроде бы говорила…

— Это просто пришло ко мне. Само.

— Но как? Люди не способны к телепортации, они не обладают парапсихическими талантами!

— Однажды, Чистюля, ты лопнешь. Просто от негодования. Что тебя опять распирает?

Он пересек комнату и сел с ней рядом.

— Лопну, точно. И все же…

— Ну?

— А ты думала… ну, ты пробовала над этим работать? Попередвигать предметы…

— Нет.

— А почему?

— Слушай, парень, я заскочила выпить с тобой стаканчик и немного забыться. И вступать в долгий технический диспут не намерена. Да и бессмысленно тут спорить. Не пробовала, потому что не пробовала. Я вообще не представляю, как к этому подойти. Просто не понимаю. Мы тут очень многого не понимаем.

Она напряженно посмотрела на него.

— Делаешь вид, что всем доволен. А сам злишься, и еще как! Слушай, ты только себя мучаешь.

— Отлично, не будем притворяться, — кивнул Бишоп. — Давай признаем, что….

Она поднесла бокал к губам — и бокал внезапно выскользнул из ее руки.

— Ой!

Бокал замер, не долетев до пола. Завис на мгновение, а потом медленно поднялся вверх, к руке. Максин крепко его стиснула.

И снова выронила — так тряслись руки. На этот раз полет закончился на полу. Коктейль разлился.

— Попробуй еще раз, — сказал Бишоп.

Она пробормотала:

— Я не собиралась. Не знаю, как это вышло. Я просто не хотела, чтобы он упал, и всё. Расстроилась, что уронила, и тогда…

— А во второй раз…

— Ты, придурок! — закричала Максин. — Говорю же, я не собиралась! Нашел тут испытательный стенд. Я не знаю, как у меня получилось, ты понял?

— Но ведь вышло. Это начало.

— Начало?

— Ты подхватила бокал, не дав ему упасть на пол. А потом телепортировала себе в руку.

— Слушай, Чистюлечка, — угрюмо сказала девушка. — Брось придуряться. Они с нас глаз не сводят. Подстраивают всякие трюки наподобие

этого. Хохмы ради.

Она засмеялась, и смех ее был странным.

Бишоп настаивал:

— Дай себе шанс! Чего ты так боишься — насмешек? Да не плевать бы?

Максин встала.

— Спасибо за выпивку.

— Но…

— Заходи как-нибудь при случае.

— Максин! Подожди!

Она ушла.

17

Ищи подсказки, просил Морли, меряя шагами комнату. Дай нам ключ, остальное мы сделаем сами. Всего лишь намек. Приоткрой дверь, дай крошечную щелочку.

Итак, какие у нас факты?

Кимонцы — раса более развитая, чем земляне. Иными словами, они дольше идут по дороге эволюции, дальше ушли от обезьяны.

Не просто более зрелый разум — этого недостаточно.

Что позволяет сделать эволюционный рывок?

Возможно, дело не в разуме, а в мировоззрении? В поиске пути, при котором имеющийся интел-

лект будет употреблен наилучшим образом; возможно, кимонцы способны точнее оценивать место разума во Вселенной?

И если кимонцы нашли свой путь от понимания к единству с Галактикой, то совершенно непостижимо, почему представители другой разумной расы воспринимаются ими как приблудные щенки. Ладно, не щенки — товарищи по играм для своих детишек. Пусть даже сами земляне бьются в экстазе от такой чести. Должны же кимонцы осознавать, какой психический и психологический ущерб может быть нанесен «младшей» цивилизации, если не сразу, то в отдаленной перспективе.

Бишоп сидел и размышлял. Даже его родная планета имела подобный опыт: уровень культуры разных народов прежде заметно различался. И наблюдалась прямая зависимость: чем выше уровень культуры, тем больше внимание к общественным ценностям.

Есть кое-что еще.

Парапсихические способности в эволюции человечества — вопрос не завтрашнего дня и даже не послезавтрашнего; их применение в современных условиях может привести к катастрофе. Люди не готовы пока ни эмоционально, ни ин-

теллектуально. Молодой цивилизации нельзя давать в руки такую власть; страшно подумать, к чему подобное может привести.

Так что в этом смысле кимонцы действительно взрослые, а мы подростки. Принять такое трудно.

Понимание данного факта комом застряло в горле.

Проглоти это, сказал себе Бишоп. Давай, глотай.

Буфет произнес:

— Уже поздно, сэр. Вы, наверное, очень устали.

— Мне идти спать?

— Я только предложил, сэр.

— Конечно, понимаю.

Бишоп встал и направился в спальню, подсмеиваясь над собой.

Его отправили спать — как малого ребенка.

И он послушно пошел. Даже не буркнул: «Лягу, когда захочу».

Не стал вопить, что взрослый. Не устроил истерику, не бил пятками по полу, не завывал.

Ребенку велят идти спать, — и он идет.

Может быть, это и есть решение. Может быть, именно здесь кроется ответ. Может быть, это и есть *единственный* ответ.

Бишоп повернул голову.

— Буфет.

— Да, сэр?

— Нет, ничего… То есть… спасибо за руку.

— Не стоит благодарности. Доброй ночи.

Возможно, это и есть ответ. Вести себя как ребенок.

А что вообще делает ребенок?

Идет спать, когда ему велят.

Слушается старших.

Ходит в школу.

Он…

Погоди-погоди!

Он ходит в школу!

Он ходит в школу, поскольку ему нужно очень многому научиться. Начинает с детского сада, — а потом первый класс, потом дальше, потом колледж. Ребенок понимает: прежде чем занять свое место во взрослом мире, ему необходимо многое усвоить.

Но я ведь уже ходил в школу! В школу, в университет. Усердно учился, сдавал экзамены; сдал самый важный, который тысячи других сдать не смогли. Прошел отбор. Меня признали подготовленным для Кимона.

Так, стоп.

Ты ходил в детский сад, и тебя признали подготовленным для первого класса.

В школе ты готовился к учебе в университете.

Ты закончил обучение на Земле — и готов для Кимона.

Возможно, на Земле ты получил докторскую степень, — здесь, на Кимоне, ты, считай, вышел из детского садика.

Монти немного владеет телепатией, как и некоторые другие. Максин способна к телепортации; наверное, не она одна.

И у них у всех просто получилось само.

Хотя и телепатия, и телекинез — всего лишь крошечная часть целого. Цивилизация Кимона овладела не только парапсихическими силами; спектр ее талантов гораздо шире.

Возможно ли, что человечество уже готово к рывку? Возможно, наше отрочество подходит к концу и мы почти созрели для следующего шага, для взросления?

Мысли кружили калейдоскопом.

Только один на тысячу успешно сдает экзамен на Земле и отправляется на Кимон. Возможно, и здесь так же: только один на тысячу прибывших оказывается готов впитать то новое, что предлагает «взрослая» цивилизация.

Однако прежде чем ты даже начнешь впитывать, прежде чем начнешь обучение, даже прежде чем ты отправишься в школу, тебе надо внутренне принять мысль, что ты многого не умеешь. Что по этой цивилизационной мерке ты ребенок. И нельзя выпячивать свою больную гордость, ставить ее щитом между собой и культурой, которая ждет от тебя понимания.

Морли, кажется, у меня есть для тебя ответ.

Однако дать его тебе я не могу. Каждый — каждый! — должен прийти к нему сам.

Безумно жаль, что родная планета пока не в силах усвоить урок.

Армии, вооружение — все это бесполезно при штурме цитадели кимонской цивилизации; бесполезно воевать с наделенными парапсихическими силами существами.

Бишоп мысленно обратился к другу: «Есть только один путь, Морли. Один-единственный — смирение».

Конечно, особая кротость землянам не свойственна. И само понятие смирения они забыли давным-давно.

Однако здесь свои правила.

И тебе придется им следовать.

Придется усвоить три главных фразы:

Сначала: «*Я не знаю*».

Потом: «*Я хочу узнать*».

И, наконец: «*Я готов усердно учиться*».

Возможно, думал Бишоп, нас собрали здесь именно для этого. Один на тысячу и потом снова один на тысячу. Возможно, они наблюдают и надеются, что процент станет выше. Возможно, они желают нас научить даже сильнее, чем мы хотим научиться. Возможно, они одиноки, ведь в Галактике подобных им нет.

Может ли быть, что здесь, в отеле, остаются лишь неудачники, кто не захотел даже попробовать — или попробовал и не преуспел?

А остальные — отобранные один на тысячу — где они сейчас?

Он не имел ни малейшего представления.

Ни единого ответа.

И вообще, это всего лишь предположение. Гипотеза, построенная на самообмане, на стремлении выдать желаемое за действительное.

Утром он встанет и удостоверится, что все не так.

Спустится в бар, выпьет по рюмочке с Максин или Монти — и посмеется над собой и придуманной сказкой.

Буфет сказал:

— Ложитесь лучше спать, сэр.

— Да, пора, — сказал Бишоп. — Долгий выдался день. И трудный.

— И вам захочется встать пораньше. Чтобы не опоздать в школу.

Миры Клиффорда Саймака

Пыльная зебра
Перевод Е. Корягиной

Невозможно человеку справиться с вещами. Вечно они теряются, а ты бегай, все вокруг прочесывай, кричи, опять ищи, обвиняй всех подряд…

И так — в любой семье.

Предупреждаю: даже не пытайтесь узнать, куда все эти вещи пропадают и кто мог их взять. И если вам пришла идея выяснить — забудьте! Вам же лучше будет.

Вот послушайте, что со мной произошло.

По дороге из конторы я купил марки, чтобы наклеить на конверты и разослать чеки на оплату счетов.

Однако стоило мне сесть за письменный стол, как заявились Марж и Льюис Шоу. До Льюиса мне дела нет, да и он меня едва терпит, но Марж с Хелен — большие подруги; у них тотчас пошли разговоры, и Марж с Льюисом просидели у нас весь вечер.

Льюис рассказывал о том, чем занимается в своей исследовательской лаборатории у черта на куличках. Пытался я свернуть его с этой темы —

бесполезно. Можно подумать, раз он так увлечен своей работой, то и всем прочим она должна быть интересна. Но я-то в электронике не смыслю и не отличу микрометра от микроскопа.

Вечер получился довольно унылый, а я — вот самое обидное! — и заикнуться об этом не моги: Хелен устроила бы мне головомойку за то, что я такой некомпанейский.

А когда на следующий вечер после ужина я пошел к себе в кабинет выписывать чеки, марки, ясно дело, исчезли.

Они лежали на письменном столе, теперь же он был пуст, если не считать кубика из строительного набора, с которым юный Билл лет семь как не играл, но части которого то и дело попадались в самых неожиданных местах.

Я оглядел комнату. Потом опустился на четвереньки — вдруг марки сдуло сквозняком — и поискал под мебелью. Ничего.

Я пошел в гостиную, где Хелен, свернувшись калачиком в кресле, смотрела телевизор.

— Я их не видела. Ищи там, куда положил.

Другого ответа можно было не ожидать.

— А Билл не знает? — предположил я.

— Его и дома-то почти весь день не было. Когда явится, поговори с ним.

— А что такое опять?

— Да всё эти их обмены. Он поменял ремень, который мы ему подарили, на шпоры.

— Не вижу ничего дурного. Когда я был мальчишкой…

— Да не только ремень! Он все меняет. А самое скверное — он всегда извлекает выгоду.

— Умный мальчик.

— Джо, если ты так на это смотришь…

— Да не я так смотрю. Весь деловой мир так считает. Когда Билл повзрослеет…

— Когда он повзрослеет, угодит в тюрьму. Он так ловко все обделывает — какой-то деляга растет.

— Ладно, поговорю с ним. — И я пошел к себе, потому что атмосфера в комнате несколько накалилась, да и чеки нужно было отправлять, марки там или не марки.

Я достал из ящика стопку счетов, чековую книжку и авторучку. Потом взял кубик, чтобы переложить его на уголок стола и освободить место. И сразу понял, что это не детский кубик.

Он был обычного размера и веса, черный, и на ощупь — из пластмассы, только куда более скользкий, чем любая пластмасса. Казалось, кубик намазан маслом, хотя он был сухой.

Я положил его перед собой и придвинул настольную лампу. Ничего особенного. На вид — обычный детский кубик. Я вертел его, стараясь понять, что же это такое. На втором круге я заметил на одной из граней небольшое продолговатое углубление — совсем маленькое, почти как царапина.

Посмотрев поближе, я понял, что углубление сделано заводским способом и внутри имеется тонкая красная черточка. Причем черточка эта слегка мигнула. Держа кубик в руках, я продолжал ее разглядывать, но мигания больше не заметил. И сама черточка как-то померкла, а может, мне вообще все померещилось, — через несколько секунд я уже сомневался, что действительно ее видел.

Вероятно, эту штуку выменял на что-нибудь Билл. Парень — тот еще жучара, но ничего плохого тут нет, да и в обменах тоже, что бы там Хелен ни думала. Мальчик просто проявляет деловую сноровку.

Я отложил кубик в сторону и взялся выписывать чеки. А на следующий день во время перерыва на ланч купил новые марки. И весь день время от времени гадал, что же сталось с первыми.

Про кубик с гладкими, словно масляными гранями я даже не думал.

Может, я про него и не вспомнил бы, но, когда я вечером пришел домой, пропала ручка.

Войдя в кабинет, я увидел ее на столе, хотя совершенно не помнил, как ее туда клал. Ну и подумал, что забыл убрать в ящик.

Я взял ее… и это оказалась никакая не ручка. Цилиндр, на ощупь как будто пробковый, но слишком тяжелый для пробки. В общем, что-то вроде маленького складного удилища, только поменьше и потяжелей.

Подумав об удилище, я бездумно сделал рукой движение, словно забрасывая удочку, и у меня в руке, кажется, и вправду оказалась удочка. Она была сложена, а теперь раздвинулась и удлинилась. Но самое удивительное другое: мне было видно только фута четыре удилища, а конец его словно растворился в воздухе.

Я машинально дернул руку вверх, как делают, чтобы освободить зацепившийся крючок. Неожиданно удилище прогнулось под действием невидимого груза: на другом конце что-то было. Как рыба, только оно не трепыхалось.

Потом так же быстро все произошло в обратном порядке. Груз перестал оттягивать удилище,

оно сложилось, и я опять держал в руке нечто похожее на авторучку.

Осторожно, стараясь не повторить забрасывающее движение, я положил эту штуку на стол и только тогда заметил, что у меня дрожат руки.

Я сел и уставился на предмет, похожий на мою пропавшую ручку, — и на другой, похожий на детский кубик. И именно тогда, когда я их разглядывал, краешком глаза увидел посередине столешницы круглое светлое пятнышко.

В точности там, где я нашел фальшивую ручку и, весьма вероятно, кубик. Примерно четверть дюйма в диаметре, круглое, по цвету как слоновая кость.

Я хорошенько потер пятно пальцем. Оно не оттиралось. Тогда я закрыл глаза, давая ему возможность самому исчезнуть, а потом быстро открыл; к моему удивлению, кружок не исчез.

Я нагнулся и стал его разглядывать. Кружок был вделан в дерево — прекрасная, тонкая инкрустация.

Раньше кружка не было, точно. Будь он там — я бы заметил. Более того — его непременно заметила бы Хелен: она помешана на чистоте и то и дело набрасывается на мебель с тряпкой.

Она-то подтвердит, что его раньше не было. И

никто не продаст вам вещицу, похожую на ручку, умеющую становиться удочкой, конец которой вдруг исчезает, поймав нечто невидимое; и это невидимое, возможно, в следующий раз не сорвется с крючка.

Из гостиной меня окликнула Хелен.

— Да? — ответил я.

— Ты поговорил с Биллом?

— С Биллом? О чем?

— Насчет его обменов.

— Нет. Забыл.

— Так поговори. Опять он жульничает. Выманил у Джимми новый велосипед. Дал взамен всякое барахло. Я его заставила вернуть велосипед.

— Я с ним поговорю, — опять пообещал я.

Однако, боюсь, я не уделил должного внимания этической стороне дела.

Да, с вещами всегда морока. То одно пропадет, то другое. Вот ты вроде помнишь, куда положил, и думаешь, оно там и лежит, а когда захотел взять — уже пропало.

Так было всегда: вещи терялись — и с концами.

Да, но другие-то вместо них не появлялись — во всяком случае, никто о таком не слыхивал. Хотя

иногда, возможно, и появлялись: возьмет человек такую вещицу, повертит в руках, а что это такое, так и не поймет, поудивляется — и сунет куда-нибудь в уголок.

Наверное, подумал я, в мире накопились целые свалки загадочных кубиков и диковинных удочек.

Я пошел в гостиную, где Хелен уже включила телевизор. Наверное, она заметила, как я расстроен, потому что спросила:

— А теперь в чем дело?

— Ручку не могу найти, — пожаловался я.

Она засмеялась:

— Милый, ты невозможен. Вечно все теряешь.

Ночью, когда Хелен уснула, я лежал без сна и не мог думать ни о чем, кроме кружочка на столе. Кружочка, который словно говорил: положи сюда что-нибудь, поменяемся с тобой. Поразмыслив, я задал себе вопрос: что будет, если стол передвинуть?

Я долго лежал, стараясь не волноваться, говоря себе, что все это ерунда, и вообще нормальный человек не станет всерьез таким себя занимать. Однако мысли так и лезли в голову.

Наконец я встал, потихоньку вышел из спальни, чувствуя себя вором, и двинулся в кабинет.

Закрыв за собой дверь, включил настольную лампу и сразу посмотрел, на месте ли пятно. На месте.

Я выдвинул ящик, надеясь найти карандаш, но не нашел, зато нашел детский цветной мелок. Опустившись на колени, я аккуратно обвел мелком ножки стола — теперь если стол передвинут, я смогу вернуть его на то же самое место.

Затем, как бы случайно, я положил мелок прямо на пятнышко.

Утром я украдкой заглянул в кабинет, — мелок был на месте. На работу я ушел с некоторым облегчением — выходит, просто воображение разыгралось.

Зато когда вечером, после ужина, я вошел в кабинет, мелка не было. На его месте лежала какая-то треугольная конструкция: по углам линзы, скрепленные металлической рамкой, а в середине что-то вроде присоски.

Пока я на нее смотрел, на пороге возникла Хелен.

— Мы с Марж идем в кино, — сказала она. — Не хочешь выпить пива с Льюисом?

— С этим занудой?

— А чем он тебе не угодил?

— Ничем. — Мне не хотелось начинать раз-

борку.

— Что за штука у тебя?

— Сам не знаю. Только что нашел.

— Только не начинай засорять дом всякой ерундой. Хватит с нас Билла.

Я сидел, уставившись, на треугольник, и ничего, кроме очков, мне в голову не приходило. С помощью присоски они могли крепиться на лице хозяина, — и хотя, наверное, это странный способ носить очки, если подумать, то и такое возможно. Вот только у владельца, значит, три глаза, и расположены они треугольником.

Я посидел еще и основательно поразмыслил. Пусть Льюис мне не очень по душе, но он единственный среди моих знакомых, кто мог бы помочь.

Тогда я убрал фальшивую ручку и треугольные очки в ящик стола, поддельный кубик положил в карман и отправился через дорогу.

На кухонном столе у Льюиса лежала гора чертежей, и он принялся мне все про них объяснять. Я изо всех сил делал вид, что понимаю, хотя ни черта в них не смыслю.

Наконец мне как-то удалось вставить слово, и я вытащил из кармана кубик и положил на стол.

— Что это такое? — спросил я.

Я думал, он сразу скажет: детский кубик. Но он не сказал. Должно быть, по каким-то признакам понял, что это не просто кубик. Вот оно — техническое образование!

Льюис повертел предмет в руке.

— Из чего сделано? — спросил он, явно заинтересованный.

Я покачал головой:

— Не знаю ни что это, ни из чего сделано. Я его просто нашел.

— Никогда ничего подобного не видел. — Тут Люьис разглядел углубление, и я понял: он у меня на крючке. — А давай-ка я заберу его в лабораторию. Посмотрим, что можно узнать.

Я-то понял, куда он метит. Если речь идет о новом изобретении… Да мне без разницы. Вряд ли он так уж много накопает.

Мы выпили еще по паре пива, и я пошел домой. Отыскал старые очки и положил их на кружок на столешнице.

Когда пришла Хелен, я слушал новости. Как хорошо, сказала она, что я провел вечер с Льюисом; мне нужно постараться и узнать его получше, а когда я узнаю его получше, он мне и понравится. Дескать, коли они с Марж такие хорошие подруги, то вовсе не дело, что мы с Льюисом не

соответствуем.

— Может, и понравится, — согласился я.

На том разговор и кончился.

На следующее утро Льюис позвонил мне на работу.

— Где ты взял эту штуку?

— Нашел.

— Хоть примерно представляешь, что оно такое?

— Совершенно не представляю, — беззаботно ответил я. — Потому и принес тебе.

— Оно работает на какой-то энергии и предназначено для измерений. Углубление в грани, по-видимому, шкала. Свечение используется в качестве индикатора. Так или иначе, светящаяся полоска все время меняется. Не очень сильно, но вполне заметно.

— Осталось только выяснить, что именно оно измеряет.

— Джо, ты не знаешь, где можно раздобыть другие такие?

— Не знаю.

— Тут такое дело, — сказал он. — Мы хотим разобрать эту штуку, чтобы понять, как она работает, но у нас никак не получается. Наверное, можно ее просто взломать, но мы боимся. Вдруг

испортим. Или она взорвется. Будь у нас другая в запасе…

— Извини, Льюис, я не знаю, где взять другую.

На том он и отстал.

На обратном пути я думал о Льюисе и посмеивался про себя. Теперь-то он завяз накрепко. Спать не будет, пока не разберется с кубиком. На недельку-другую я от него точно избавился.

Я вошел в кабинет. Очки по-прежнему лежали на столе, вот только стекла почему-то приобрели розоватый оттенок. Взяв их в руки, я понял, что их заменили другими, такими же, как в треугольных очках, которые я нашел вчера.

Именно тут в дверях появилась Хелен. Она и заговорить не успела, а я сразу понял: она меня дожидалась.

— Джо Адамс! Что ты затеял?

— И в мыслях не было, — сказал я.

— Марж говорит, Льюис из-за тебя сам не свой.

— Для него это не редкость.

— Что-то происходит, — не сдавалась Хелен, — и я хочу быть в курсе.

Да, приперли меня к стенке.

— Я совершил обмен.

— Обмен? После того, что я рассказала про Билла?

— Тут совсем другое дело!

— Обмен всегда обмен, — отрезала Хелен.

Билл как раз вошел в прихожую с улицы, однако, услыхав слово «обмен», подался обратно. Я заорал, чтобы он вернулся.

— Мне нужно, чтобы вы оба сели и выслушали, — заявил я. — А вот когда я закончу, тогда пожалуйста — и вопросы, и предложения, хоть до посинения!

И мы, все трое, уселись и устроили семейный совет.

Хелен не сразу поверила моей истории, но я показал кружок на столе, и треугольные очки, и те очки, в которых заменили стекла на розовые. Теперь она готова была признать, что происходит нечто непонятное. И все равно здорово на меня взъелась — за метки вокруг ножек стола.

Авторучку, она же удилище, я не показал ни ей, ни Биллу. Побоялся. Махни только такой удочкой — и неизвестно чего ждать.

Билл, конечно, разволновался. Речь шла про обмен — его территория!

Я велел обоим держать язык за зубами. Билл-то не проболтался бы, он помешан на всяких тайнах и секретных кодах. А вот Хелен запросто с утра пораньше возьмет с Марж клятву молчать и все

ей выложит. И помешать этому я не в силах.

Билл захотел примерить очки с розовыми стеклами, посмотреть, отличаются ли они от обычных, но я не позволил. Собрался сам их надеть, да, по правде говоря, струсил.

Когда Хелен пошла готовить ужин, мы с Биллом провели совещание. Для десятилетнего мальчишки голова у него отличная. Мы с ним согласились, что нужно разработать правильную схему, ведь, как заметил Билл, сделки вслепую — бизнес ненадежный. Нужен способ сообщить, что хочешь в обмен. Однако для достижения взаимопонимания с нашим неведомым партнером следовало еще придумать какую-то систему общения. А как прикажете общаться с тем, о ком только то и знаешь, что у него, возможно, три глаза?

И тут Билл выдал отличную мысль. Нам необходим, заявил он, каталог. Если ты намерен совершить с кем-то обмен, то, по логике, первым делом нужно сообщить, что у тебя есть для обмена.

В таких обстоятельствах, как у нас, каталог должен быть с картинками. И даже такой может оказаться бесполезным: откуда нам знать, что наш партнер на той стороне способен понимать картинки? Возможно, он никогда не видел кар-

тинок. Или он видит иначе — не в физическом плане, хотя и такое возможно, — но с другой точки зрения, и понятия у него совершенно иные.

Однако больше ничего нам не оставалось, и мы стали обдумывать каталог. Билл предложил нарисовать, но художники из нас никакие. Я предложил вырезать картинки из журналов. Тоже мимо, потому что рекламные картинки в журналах не столько точные, сколько красивые, сделаны так, чтобы в глаза бросались.

И тут Билл опять выдал классную идею.

— Помнишь детский словарик с картинками, который подарила тетя Этель? Почему бы его не передать? Там картинок полно, а слов мало. И хорошо, слова их только запутают.

Мы пошли к Биллу в комнату и стали рыться в его свалке в поисках словарика. Наткнувшись на старенький букварь, который он читал совсем малышом, мы решили, что это даже лучше. Картинки там хорошие, четкие, а текста почти нет. Ну, знаете такие книжки: — А — арбуз, Б — барабан…

Мы унесли букварь в кабинет, положили на стол, серединой на кружок, и пошли ужинать.

К утру книга исчезла, и это было немножко странно. До сих пор все предметы исчезали со

стола ближе к вечеру.

На следующий день вскоре после полудня мне позвонил Льюис.

— Приеду поговорить. Найдется поблизости бар, где можно посидеть без лишних ушей?

Через квартал от меня как раз есть бар, и мы договорились там с ним встретиться.

Я доделал кое-какие дела и ушел с работы, прикинув, что успею перехватить стаканчик, пока дожидаюсь Льюиса.

Не знаю, как ему удалось, но он меня опередил и уже сидел в дальней кабинке. Видать, несся, нарушая все правила дорожного движения.

Льюис уже заказал нам выпивку и весь аж сгорбился — изображал заговорщика.

— Марж мне рассказала! — выпалил он.

— Я так и думал.

— Это же золотые горы, Джо!

— Я того же мнения. И потому согласен дать тебе десять процентов…

— Послушай, — закудахтал он, — так дела не делают! Меньше чем за пятьдесят процентов я и пальцем не шевельну.

— Я вообще тебя беру только потому, что мы соседи. В технических делах я ни черта не смыслю. У меня есть вещица, с которой я никак не

разберусь, и мне нужна помощь, но я ведь могу обратиться к кому угодно.

Пропустив по три стаканчика, мы договорились: тридцать пять процентов ему, шестьдесят пять мне.

— С этим разобрались, — сказал я. — Теперь выкладывай, что ты выяснил.

— Выяснил?

— Кубик, который я тебе дал. Если бы ты ничего не узнал, ты бы сюда не пришел и не ждал бы меня, заготовив выпивку.

— Ну в общем-то…

— Минуточку, — прервал я. — Нужно внести в контракт: любая неспособность произвести полный и окончательный анализ…

— Какой еще контракт?

— Мы подпишем контракт, и за его нарушение каждый из нас сможет затаскать другого по судам.

Не дело, черт побери, начинать эдаким манером совместное предприятие, однако с таким скользким хорьком, как Льюис, иначе нельзя.

И тогда он рассказал, что выяснил.

— Это измеритель эмоций. Название, конечно, корявое, но лучше я не придумал.

— И что он делает?

— Показывает, насколько тебе весело или грустно или как сильно ты кого-то ненавидишь.

— Ну здорово! — Я был разочарован. — И зачем такая штука? Я и без прибора знаю, весело мне или грустно.

Льюис ударился витийствовать:

— Разве ты не понимаешь, что подобный прибор означает для психиатров? Он расскажет о пациентах такое, о чем они в жизни не обмолвятся! Его можно использовать в психиатрических лечебницах, с его помощью можно измерять реакцию людей в развлекательном бизнесе, в политике, в правоохранительной области и бог знает где еще!

— Это не шутки! Давай начинать продажи!

— Только вот...

— Ну?

— Мы не можем их производить, — досадливо сказал Льюис. — У нас материалов нет, и мы не знаем, как они устроены. Придется тебе их выменивать.

— Я не могу! По крайней мере, сразу. Сначала я должен растолковать Партнеру, что именно хочу получить, а потом каким-то образом выяснить, что нужно ему.

— У тебя другие изделия есть?

— Несколько.

— Лучше отдай их мне.

— Они могут быть опасны. И вообще, они мои. Хочу — отдам, хочу — нет.

И опять пошло-поехало.

Наконец мы поладили, договорившись передать это дело юристу.

Наверное, наш контракт стал удивительнейшим юридическим казусом всех времен. А юрист наверняка подумал, что оба мы сумасшедшие… правда, в настоящее время это меня беспокоит меньше всего.

В контракте говорилось, что я обязан передавать Льюису для технической и маркетинговой экспертизы не менее 90 процентов неких изделий, источник поступления коих контролирую я, а также что источник вышеупомянутых изделий остается исключительно в моем ведении. Остальные десять процентов могут быть удержаны Первой стороной от передачи на экспертизу, причем полномочие определять, какие именно изделия отнести к этим десяти процентам, принадлежат исключительно Первой стороне.

Вторая сторона обязана в срок не более трех месяцев провести всестороннее изучение переданных ей изделий и предоставить письменный

отчет, сопровождаемый пояснительным материалом, а также по истечении этого срока возвратить упомянутые изделия в исключительное распоряжение Первой стороны. Период экспертизы может быть продлен на любой срок по письменному согласию сторон.

Вторая сторона ни при каких обстоятельствах не вправе скрывать от Первой стороны какие-либо сведения, полученные в результате изучения изделий по данному Соглашению, а буде таковое сокрытие произойдет, его можно считать достаточной причиной для требования покрытия убытков. В случае, если некоторые из изделий будут признаны годными к производству, таковое производство осуществляется в соответствии с условиями, оговоренными в пунктах 1, 2 и 3 (раздел XII) настоящего Соглашения. Любой доход от их продажи распределяется следующим образом: 65 процентов получает Первая сторона (то есть я — напомню на случай, если вы сбились, чему я не удивлюсь), а 35 процентов — Вторая сторона (то есть Льюис); равным же образом распределяются издержки.

Там, конечно, было много еще чего, но основная идея понятна.

Мы вернулись домой и даже не зарезали друг

друга по дороге. У нас сидела Марж. Льюис зашел со мной посмотреть на кружок на столе.

Наш Партнер, несомненно, получил букварь и прекрасно понял, зачем его послали, потому что на столе лежала вырезанная из книги картинка. Точнее, не вырезанная: края у нее были обгоревшие.

Изображала картинка зебру и букву «З».

Льюис тревожно посмотрел на меня:

— Ну, теперь мы попали.

— Да уж, — согласился я. — Не знаю, сколько она стоит, но точно не дешево.

— Посчитай-ка: экспедиция, поимка, клетки, транспорт, перевозка, корм, обслуживание. Может, попробуем заинтересовать его чем-нибудь другим?

— Как? Он оставил заказ.

В кабинет забрел Билл и поинтересовался, в чем дело.

Я понуро объяснил, в чем дело, и он бодренько сказал:

— Па, в том-то и фокус! Вот если есть у тебя завалящий перочинный ножик и ты его хочешь обменять, то нужно всучить его кому-нибудь, кто ни разу не видел хорошего ножа.

До Льюиса не дошло, зато дошло до меня.

— Точно! Он вообще не знает, что зебра — это животное, а если и знает, то не знает, какого она размера.

— Ну! — кивнул Билл. — Он только картинку и видел.

Было уже пять вечера, но мы пошли втроем по магазинам. Билл отыскал дешевенькие браслетики с зебрами-подвесками примерно такого размера, как на картинке. Когда речь идет о каком-нибудь барахле, мой парень всегда знает, где что продается и сколько стоит. Я даже хотел было сделать его младшим партнером, чтобы помогал в таких критических ситуациях — процентов на десять (из доли Льюиса, конечно), — но Льюис наверняка бы начал возникать. И я решил каждую неделю выплачивать Биллу вознаграждение в размере одного доллара, — каковое вознаграждение начнет выплачиваться с момента получения первой прибыли.

Итак, «З» — зебра — при условии, что Партнер удовлетворится дешевой бижутерией. Хорошо еще, подумал я, «зебра», а не, скажем, «зигзаг». С остальными буквами пошло проще, но все равно зря мы послали ему этот букварь. Впрочем, пока я не хотел посылать другой перечень, чтобы не запутать Партнера.

В общем, отправил я ему арбуз, барабан, вилку, куклу-девочку, игрушечных кошку и собачку и так далее и, лежа бессонными ночами, думал — что он с ними будет делать?.. Очки я отдал Льюису, а ручку-удилище попридержал у себя, — все еще ее побаивался. Измеритель эмоций Льюис передал врачу-психиатру для эксплуатационных испытаний.

Марж и Хелен, зная, что у нас с Льюисом своего рода партнерство, стали и вовсе не разлей вода. Хелен не уставала радоваться, что я наконец понял, какой Льюис отличный парень. Думаю, Льюис то же самое выслушивал про меня от Марж.

Билла прямо распирало от желания похвалиться. Однако он у меня настоящий маленький бизнесмен и умеет держать рот на замке.

Про вознаграждение я ему, конечно, рассказал.

Льюису не терпелось попросить у Партнера еще измерителей эмоций. Заводской чертежник сделал ему рисунок, и он хотел, чтобы я его отправил — показать наш интерес к товару.

Я велел ему не увлекаться. Пусть измеритель эмоций — сделка и выгодная, но прежде чем принимать решение, нужно вызнать, какие еще товары может предложить Партнер.

А Партнер, видя, что с ним начали сотрудничать, изменил график приема и отправки посылок на круглосуточный. Проработав полностью букварь, он вырвал из него две чистые страницы и прислал нам с очень примитивными рисунками, выполненными, по всей видимости, куском угля. Льюис нарисовал несколько картинок, иллюстрирующих, как пользоваться карандашом, и отправил Партнеру вместе с пачкой бумаги и набором заточенных карандашей.

Прошла неделя, и мы уже слегка нервничали, когда получили обратно всю стопку бумаги, причем каждый лист был с обеих сторон покрыт самыми разнообразными рисунками. Тогда мы отправили Партнеру каталог «Товары — почтой», поскольку рассудили, что на какое-то время это его займет, а сами засели за расшифровку присланных каракулей.

Все они были абсолютно непонятны — даже Льюису. Он разглядывал рисунки и мерил шагами комнату, подергивая себя за ухо и ероша волосы. Потом снова разглядывал рисунки.

Наконец мы решили отказаться от идеи каталога, по крайней мере на время, и начали просто посылать через кружок на столе все, что попадало под руку: ножницы, тарелки, туфли, складные

ножи, тюбики клея, сигары, скрепки, ластики, ложки. Согласен, подход не научный, но у нас не было времени придумать систему, и мы решили действовать пока методом тыка.

Дни напролет мы отправляли Партнеру все подряд, а он слал в ответ разные штуки, и у нас кругом, куда ни глянь, валялись кучи всякой ерунды.

Мы зарядили камеру и извели километры пленки, снимая кружок на столе. Потратили уйму времени на просмотр, замедляли и даже останавливали запись… Тщетно. Когда предмет появлялся или исчезал, он просто появлялся или исчезал. В одном кадре он есть, в следующем — его нет.

Льюис забросил работу и занимался в своей лаборатории лишь присланными Партнером предметами. Большинство из них мы так и не раскусили. Наверное, их можно было как-то использовать, но мы не смогли понять, как именно.

Вот, например, душистый флакон. Это мы его так назвали, хотя подозреваю, что запах — явление побочное, а на самом деле флакон изготовлен для совершенно других целей. Льюис и ребята в лаборатории изучали его вдоль и поперек,

пытаясь понять, зерно это или плевел, — и ухитрились каким-то образом его включить. А потом три дня, работая в противогазах, пытались его выключить. Когда запах стал невыносимым и люди принялись звонить в полицию, мы отвезли флакон за город и закопали.

Через несколько дней вся растительность поблизости погибла. До самой осени там крутились ученые-биологи, прямо из кожи вон лезли, норовили причину понять.

Еще нам прислали предмет, похожий на часы. Если это действительно часы, то такая система отсчета времени кого угодно взбесит: вещица периодически вспыхивала, а больше ничего и не происходило.

А еще одну штуковину берешь, указываешь на что-нибудь, нажимаешь на ней маленький кружочек — не рычажок, не кнопку, просто пятнышко, — и там, куда указываешь, остается пустое место. А когда перестаешь нажимать — все становится как было.

Мы ее запрятали в самый дальний уголок лабораторного сейфа, наклеив красную бумажку с надписью: «Опасно! Не играться!»

Однако с большинством предметов вообще ничего не вышло. А они продолжали поступать.

Я битком набил гараж и уже начал забивать подвал. Некоторых вещей я боялся и относил на свалку от греха подальше.

У Льюиса тем временем возникли проблемы с измерителем эмоций.

— Устройство работает, — сообщил Льюис — Психиатру, который проводил испытания, оно страшно понравилось. Но вывести его на рынок практически невозможно.

— Если прибор действует, — сказал я, протягивая Льюису банку пива, — его можно продавать.

— В любой другой сфере — наверное, но в медицине все обстоит иначе. Прежде чем вывести товар на рынок, нужно представить чертежи, обосновать принцип действия, показать результаты испытаний и все такое. А мы не можем. Мы не знаем, как оно работает. И почему вообще работает. И пока не узнаем, его не возьмется продавать ни один торговец медтехникой, и ни один медицинский журнал не станет его рекламировать, и доктора тоже не захотят им пользоваться.

— Ну, тогда долой его. — Мне было обидно, потому что только для этой вещицы мы и нашли применение.

Льюис тянул пиво, еще более угрюмый, чем обычно.

Удивительно, что мы вообще обнаружили предмет, на котором смогли заработать.

Надо сказать, то была заслуга не Льюиса, а Хелен.

Моя Хелен — отличная хозяйка. Она постоянно ходит по дому с тряпкой и пылесосом и так яростно все надраивает, что деревянные поверхности каждый год приходится красить заново.

Однажды вечером мы сидели в гостиной и смотрели детективный сериал.

— Джо, — сказала Хелен, — ты, никак, прибрался у себя в кабинете?

— В кабинете? Чего ради?

— Кто-то там прибрался. Билл, наверное.

— Да его сроду не видели с тряпкой в руках!

— Ну, не знаю. Зашла протереть пыль — а там абсолютно чисто. Все прямо блестит.

На экране сержант Фрайдэй допрашивал важного свидетеля, и я о словах жены скоро забыл. Однако на следующий день вспомнил. Я-то точно не вытирал в кабинете пыль, и Билл — руку даю на отсечение! — тоже; значит, прибрался кто-то другой, коль скоро даже Хелен признала, что там чисто.

Вечером я взял ведерко, набрал на улице пыли и принес в дом.

Хелен застукала меня на пороге.

— И что это ты намерен делать?

— Проведу эксперимент, — объяснил я.

— Проведи в гараже.

— Невозможно! Мне нужно выяснить, кто прибрался в кабинете.

Хелен двинулась за мной и в самом что ни на есть боевом духе встала в дверях; да уж, если эксперимент провалится, мне много чего придется выслушать.

На столе лежали присланные Партнером вещи, а в углу их валялось еще больше. Я освободил стол, и как раз вошел Билл.

— Па, ты чего делаешь?

— Твой папа не в себе, — тихонько сказала Хелен.

Они стояли и смотрели, как я беру горстями пыль и разбрасываю по столу.

Несколько мгновений она оставалась там, потом исчезла.

— Билл, — попросил я, — унеси какую-нибудь штуковину в гараж.

— Какую?

— Любую.

Он унес, а я взял еще одну пригоршню пыли и бросил на стол. Через секунду стало чисто.

Вернулся Билл, и я велел ему отнести следующую штуковину.

Так мы и продолжали, и Билл уже начинал злиться. Но наконец я бросил на стол пыль — и она не исчезла.

— Билл, — спросил я, — ты помнишь, что уносил последним?

— А то.

— Тогда иди и принеси обратно.

Он пошел, а когда подходил к дверям кабинета, пыль исчезла.

— Вот оно! — сказал я.

— Что — оно? — спросила Хелен.

Я показал на то, что держал в руках Билл.

— Свой пылесос можешь теперь выбросить. А тряпки сжечь. И швабру выкинь. Достаточно иметь в доме одну такую штуку…

Хелен бросилась меня обнимать.

— Ах, Джо!..

И мы вдвоем станцевали джигу.

Потом я немного посидел, кляня себя за то, что связался с Льюисом. Думал, как хорошо было бы отделаться от нашего контракта, ведь стоящую вещь я обнаружил сам, без его участия. Однако мне тут же вспомнились все эти пункты-параграфы… да и толку-то думать — Хелен уже побежала

в дом напротив сообщать новости подруге.

Я позвонил в лабораторию, и вскоре примчался Льюис.

Мы провели испытания.

Гостиная просто сверкала — хотя Билл только что бегал взад-вперед, носил в гараж вещи. Да и в гараже, где приборчик пролежал всего ничего, царила чистота. Мы не проверяли, но я не сомневался: дорожка, по которой Билл бегал в гараж, — единственное на улице место, где не найдется ни пылинки.

Мы отнесли прибор в подвал и навели порядок и там. Прокрались на соседний двор, где после строительства осталась куча цементной пыли, постояли там с прибором — через миг пыли не стало. А бетонную крошку, строго говоря, пылью считать нельзя.

Этого было достаточно.

Вернувшись домой, я откупорил припрятанную бутылку скотча, а Льюис уселся за кухонный стол и набросал изображение устройства.

Мы выпили, потом пошли в кабинет и положили рисунок на стол. Он исчез, и мы стали ждать. Через несколько минут появился прибор. Мы еще подождали, но ничего не произошло.

— Надо ему объяснить, что нам потребуется

много, — сказал я.

— Как? — пожал плечами Льюис. — Мы не знакомы с его математическими символами, он не знаком с нашими, и верного способа научить его нет. Он не знает ни одного слова на нашем языке, а мы не знаем ни слова на его.

Мы опять пошли в кухню и опять выпили.

Льюис нарисовал целый ряд приборов, а позади него — очертания верхней части следующих рядов, чтобы стало понятно: их очень много.

Мы отправили листок.

И получили четырнадцать приборов — именно столько было нарисовано в первом ряду. Видимо, Партнер не имел представления о перспективе. Очертания второго и следующих рядов для него ничего не значили.

Мы опять пошли в кухню и выпили еще несколько раз.

— Нам нужны их тысячи, — сказал Льюис, схватившись за голову. — Не могу же я сидеть здесь день и ночь и беспрестанно рисовать.

— А наверное, придется, — сказал я, наслаждаясь моментом.

— Должен быть другой способ.

— А если нарисовать несколько, а потом размножить на мимеографе? — предложил я. — И

будем отправлять ему листы целыми пачками.

Не хотелось мне этого говорить — меня сильно прельщала мысль засадить Льюиса в какой-нибудь уголок, чтоб он до конца своих дней рисовал и рисовал одно и то же.

— Что ж, может, и сгодится, — просиял Льюис. — И так просто…

— Точнее — осуществимо, — оборвал я. — Будь это просто, ты бы и сам придумал.

— Такие детали пусть торговый персонал придумывает.

— Я бы попросил!..

На то, чтобы нам успокоиться, ушла часть вечера и целая бутылка виски.

На следующий день мы купили мимеограф, и Льюис нарисовал на листке двадцать пять приборов. Мы нашлепали сотню копий и отослали через стол.

Получилось! Несколько часов мы только и успевали оттаскивать поступающие приборы.

К сожалению, мы даже не задумались над тем, что Партнер захочет взамен. На радостях забыли: это не раздача подарков, а коммерческое предприятие.

На следующий день к нам вернулись распечатанные на копировальной машине листы, и на

каждом с обратной стороны Партнер изобразил по двадцать пять тех самых зебр-подвесок.

Так мы оказались перед необходимостью шустренько раздобыть две с половиной тысячи этих дурацких зебр.

Я рванул в магазин, где мы купили браслет, но там всего-то было в наличии десятка два. И больше, сказали нам, вряд ли можно заказать. Поставки прекращены.

Название фирмы-производителя было указано на внутренней стороне браслета, и я, как только пришел домой, заказал звонок по межгороду. В конце концов я добрался до управляющего производством.

— Помните браслеты, которые у вас делают?

— У нас их миллионы делают. Вы про какие говорите?

— На которых зебры-подвески.

Он ненадолго задумался.

— А, да, делали такие. Довольно давно. Больше не выпускаем. В нашем бизнесе…

— Мне нужно как минимум две с половиной тысячи.

— Две с половиной тысячи браслетов?

— Нет, только зебр.

— Шутите?

— Нет, мистер, не шучу, — отрезал я. — Мне они нужны, и я готов за них платить.

— У нас их и на складе не осталось.

— А можете сделать?

— Не две с половиной тысячи. Специальный заказ на такую маленькую партию… Вот если бы, скажем, тысяч пятьдесят…

— Ладно, сколько стоят пятьдесят тысяч?

Управляющий назвал цену, мы немного поторговались и в конце концов сошлись в цене — довольно высокой, учитывая, что весь браслет с зеброй и другими побрякушками стоил в розницу тридцать девять центов.

— И будьте готовы к повторному заказу, — предупредил я. — Нам и еще может понадобиться.

— Ладно. Один только вопрос: вы не сообщите, для чего вам пятьдесят тысяч этих зебр?

— Не сообщу, — сказал я и повесил трубку.

Наверное, он подумал, что у меня крыша поехала. Ну и пусть думает.

На изготовление и доставку партии из пятидесяти тысяч зебр ушло десять дней, — и все десять дней я потел от страха.

Потом пришлось их складировать; на случай, если вы не знаете, скажу: пятьдесят тысяч зебр, даже если это маленькие подвески, занимают-

таки место.

Но первым делом я отсчитал две с половиной тысячи штук и положил на стол — ведь за десять дней, прошедших после получения пылеудалителей, мы ничего Партнеру не выслали. И хотя он ничем не дал знать, что недоволен, я бы вполне его понял, вырази он возмущение столь запоздалой поставкой — например, послал бы нам то, что у них соответствует бомбе. Вот интересно: если он не заподозрил недобросовестной сделки, то чем объяснял себе нашу задержку?

Все это время я много курил и еще грыз ногти. И полагал, что Льюис усердно занимается подготовкой продаж. Однако когда я поднял эту тему, он только глаза вытаращил.

— Понимаешь, Джо, мне тут пришлось похлопотать…

— Нам теперь только об одном хлопотать, — сказал я. — Как продать устройство.

— Но пыль должна же куда-то деваться.

— Пыль?

— Помнишь, мы убрали во дворе целую кучу цементного порошка? Так вот я хочу знать — куда он делся? Само устройство небольшое, в нем не уместится. В нем не уместится даже столько пыли, сколько набирается за неделю в обычном

жилье. Вот это меня и беспокоит — куда она девается?

— Да какая разница! Она ведь исчезает, верно?

— Весьма приземленный подход, — презрительно бросил Льюис.

Оказалось, для организации продаж он палец о палец не ударил; пришлось заняться самому. И я столкнулся с теми же проблемами, что и с измерителем эмоций.

Пылеудалитель не был запатентован и не имел торговой марки. На нем не было этикетки с именем изготовителя и техническими данными. И когда меня спрашивали, как он работает, я не мог ответить.

Один оптовик решился взять — и предложил смешные деньги. Я расхохотался ему в лицо и ушел.

В тот вечер мы сидели с Льюисом за кухонным столом и пили пиво, оба разнесчастные. Я понимал, сколько трудностей придется преодолеть, пока мы начнем продажи. Льюиса, похоже, по-прежнему беспокоило, куда девается пыль.

Он разобрал одно устройство и только и понял, что тот использует какое-то слабое силовое поле. Слабое-то слабое, да только достаточно сильное, чтобы забастовали к чертям все сложные элек-

тронные приборы и схемы в лаборатории. Едва Льюис заметил, что происходит, тут же захлопнул заднюю крышку прибора, и все пришло в норму. Крышка вполне защищала от действия поля.

— По-видимому, пыль выбрасывается в другое измерение, — произнес Льюис с кислым видом охотничьего пса, потерявшего енотовый след.

— А может, и не туда. Может, она попадает в одно из пылевых облаков, которые там, в космосе.

Он покачал головой.

— Только не говори, что Партнер такой дурак — продает нам прибор, который вытряхивает на него нашу пыль.

— Ты совершенно не в теме. Партнер действует из другого измерения. Несомненно. И если существуют два измерения — его и наше, то могут быть и другие. Партнер и сам, должно быть, применял эти пылеудалители, — возможно, не в точности для тех же целей, что и мы, но, полагаю, тоже избавлялся от чего-то ненужного. Значит, приборы рассчитаны на переброску мусора в какое-то иное, не его измерение.

Мы сидели и пили пиво, и я вертел у себя в голове всю эту штуку насчет разных измерений. И никак не мог уловить суть. Может, Льюис и прав насчет меня и я правда мыслю приземленно.

Если его, другое измерение, нельзя увидеть или потрогать или хотя бы представить, как можно поверить, что оно существует? Я вот не мог.

До того как Льюис пошел домой, мы согласились, что нам только одно и остается — продавать пелеудалитель через агентов. Назначили цену — двенадцать пятьдесят. Зебры нам обошлись по четыре цента за штуку, а нашим агентам мы уговорились платить по десять процентов комиссионных, стало быть, чистая прибыль составит одиннадцать долларов двадцать один цент со штуки.

Я поместил в газете объявление о наборе торговых агентов, и на следующий день несколько человек к нам обратились. Мы наняли их для пробных продаж.

Приборы уходили как горячие пирожки: мы попали в точку!

Я уволился с работы и занимался продажами, а Льюис вернулся в лабораторию — разбираться с кучами барахла, полученного от Партнера.

Организовать продажи — та еще головная боль. Нужно распределить участки между торговыми агентами, выправить разрешение в Бюро по улучшению деловой практики, вызволять своих людей, если они угодили в кутузку за нарушение

каких-нибудь дурацких местечковых законов. Острых углов тут больше, чем может показаться.

Через пару месяцев все покатилось как по рельсам. Территорию нашего штата мы охватили полностью и уже открывали филиалы в других. Я дополнительно заказал пятьдесят тысяч зебр и предупредил насчет дальнейших заказов. Стол работал не переставая; пришлось нанять троих работников, которые круглосуточно, в три смены, обслуживали стол, и хорошенько платить им за молчание. Восемь часов шла отправка зебр, потом восемь часов — приемка пылеудалителей, потом опять отправка зебр.

Если Партнера что-то и не устраивало, он этого ничем не проявлял. Казалось, он рад и счастлив посылать нам приборы, только бы мы посылали ему зебр.

Соседи сначала проявляли любопытство и некоторое беспокойство, но потом привыкли. Если бы я мог переехать — переехал бы: дом был уже не дом, а рабочая контора, нормальной жизни у нашей семьи практически не стало. Но коль скоро мы хотели сохранить бизнес, приходилось торчать на месте, ведь только там у нас был контакт с Партнером.

Деньги текли рекой, и я передал управление

финансами Хелен и Марж.

Одно время нам сильно досаждали ребята из налоговой, потому что мы не могли обозначить производственные затраты, однако поскольку налоги мы платили беспрекословно, они отвязались.

Льюис у себя в лаборатории из сил выбивался, однако больше ничего полезного не обнаружил. Время от времени его еще беспокоило, куда девается пыль.

И он таки оказался прав — наверное, впервые в жизни.

Как-то к вечеру — а прошло уже года два, как мы начали продавать приборы, — я возвращался из банка, где пытался навести порядок в денежной путанице, которую наворотили наши жены. Едва я свернул на подъездную дорожку, из дверей вылетела Хелен. Вся покрытая пылью — даже лицо в полосах пыли, — и никогда еще я не видел такой кипящей от злости женщины.

— Джо, сделай что-нибудь! — завизжала она.

— С чем?

— С пылью! Ее полный дом!

— Откуда она?

— Отовсюду!

И в самом деле, из открытых окон валила пыль,

прямо как черный дым. Я вылез из машины и быстро огляделся. Повсюду в домах открывались окна, и на улицу выскакивали вопящие взбешенные женщины.

— Где Билл? — спросил я.

— На заднем дворе.

Я бегом обогнул дом и позвал сына; он тут же примчался.

Марж тоже прибежала к нам, еще более злая, чем Хелен.

— Быстро в машину, — велел я.

— Куда мы едем? — спросила Марж.

— За Льюисом.

Видно, по моему голосу они поняли, что лучше не спорить, и мигом оказались внутри, а я выжал всю скорость, какую мог. Дома, фабрики и магазины, где пользовались нашими приборами, извергали пыль в огромных количествах — скоро будет ни черта не видно.

Чтобы добраться до Льюиса, пришлось брести через его лабораторию по колено в пыли, да еще прикрывать нос платком, а то бы я задохнулся.

В машине мы протерли лица, и тогда только я увидел, что Льюис на три тона бледнее обычного, хотя, по правде сказать, он всегда напоминал непропеченное тесто.

— Это обитатели другого измерения, — возбужденно заявил он. — Из того, куда отправлялась пыль. Они с ней уже замучились и вычислили, откуда она, и теперь гонят ее обратно.

— Да успокойся! Не нужно сразу валить на наши приборы.

— Я проверил, Джо! Все так и есть! Пыль извергается в тех местах, где мы их продавали.

— Тогда нам просто нужно отправить ее назад.

Он потряс головой.

— Никаких шансов. Прибор действует только в одном направлении, теперь — от них к нам. — Он закашлялся и дико посмотрел на меня. — Представь! Два миллиона устройств собирают пыль в двух миллионах домов, магазинов и фабрик, и некоторые из них уже больше двух лет! Джо, что нам делать?!

— Отсидимся где-нибудь, пока все не уляжется.

Будучи помешанным на законности, он, похоже, тогда уже предвидел, сколько на нас обрушится судебных исков. Лично я куда больше опасался, что нас растерзает толпа разъяренных женщин.

Теперь все это в прошлом. Мы прятались, пока люди не успокоились, а потом пытались уладить миром судебные иски. Денег нам хватало, и мы

почти всем заплатили. А оставшиеся иски — всего-то несколько сотен тысяч. И мы легко с ними разделаемся — только найти бы что-нибудь такое же прибыльное, как пылеудалитель.

Льюис много работает, но ему пока не везет. А Партнер больше о себе знать не дает. Сразу, как только мы осмелились вернуться домой, я поспешил в кабинет — взглянуть на стол. Кружочка на нем не было. Я пробовал класть на то место разные предметы, но ничего не произошло. Интересно, что его спугнуло?..

Вообще-то, перспектив у нас много. Очки, например, с розовыми стеклами, которые мы назвали «Очки радости». Наденьте их — и будете довольны как слон. Да любой житель нашей планеты мечтает иметь такую штуку, чтобы хоть на время забыть о своих бедах. Какой, наверное, будет удар по алкогольному бизнесу! Проблема за малым: мы пока не знаем, как их делать, а раз Партнера нет, то и выменять не можем.

Меня лишь один вопрос беспокоит. Конечно, нет смысла гадать, но просто из головы не идет.

Что, любопытно, Партнер сделал с двумя миллионами зебр, которые мы ему отправили?

Достойный противник
Перевод О. Битова

Пятнашники запаздывали.

Может, они чего-нибудь не поняли.

Или выкинули очередную шутку.

А может, они и вовсе не собирались придерживаться соглашения.

— Капитан, — осведомился генерал Лаймен Флад, — который теперь час?

Капитан Джист оторвал взгляд от шахматной доски.

— Тридцать семь — ноль восемь по среднегалактическому, сэр.

И снова уткнулся в доску. Сержант Конрад загнал его коня в ловушку, и капитану это не нравилось.

— Опаздывают на тринадцать часов! — пропыхтел генерал.

— Они, наверное, так и не взяли в толк, когда мы их ждем.

— Мы же объяснили им все на пальцах. Взяли их за ручку и твердили одно и то же снова и снова, пока они не уразумели. Они не могли не

понять нас.

Но они очень даже могли, и генералу это было известно лучше, чем кому бы то ни было.

Пятнашники не понимали толком почти ничего. Идея перемирия озадачила их так, будто они никогда не слыхивали ни о каких перемириях. Предложение обменяться пленными поставило их в тупик. Даже задача согласовать время обмена потребовала изнурительных объяснений — словно они прежде не догадывались, что время можно измерить, и не ведали элементарной математики.

— А вдруг они потерпели аварию? — предположил капитан.

Генерал фыркнул:

— У них не бывает аварий. Их корабли — настоящее чудо. Чудо, которому все нипочем. Они же смели нас, просто смели, разве не так?

— Так точно, сэр, — откликнулся капитан.

— Как по-вашему, капитан, сколько их кораблей мы уничтожили?

— Не больше дюжины, сэр.

— Крепкий противник, — изрек генерал.

И, пройдя через всю палатку, уселся в кресло.

Капитан почти не ошибся. Точная цифра была одиннадцать. Да и из тех одиннадцати лишь

один был уничтожен наверняка. Остальные в лучшем случае удалось на какое-то время вывести из строя.

И получилось в итоге, что общий счет был десять — один в пользу пятнашников, если не хуже. «Никогда еще, — признался себе генерал, — земной флот не переживал столь жестокого разгрома». Целые эскадры были развеяны в прах или бежали с поля брани и вернулись на базу в половинном составе.

Корабли бежали, но на борту не было калек. На корпусах — ни царапины. Впрочем, погибшие крейсеры также не подвергались никаким видимым разрушениям — они просто-напросто исчезали, не оставляя даже мельчайших обломков.

«Ну разве можно одолеть такого врага? — спросил себя генерал. — Как прикажете бороться с оружием, которое глотает корабли целиком?»

На далекой Земле и на сотнях других планет, входящих в состав Галактической федерации, тысячи ученых денно и нощно, отложив все иные заботы, трудились над тем, чтобы найти защиту от страшного оружия или по крайней мере изобрести что-либо похожее.

Но шансы на успех — кто-кто, а генерал это ясно

понимал — были призрачно малы: не находилось и намека на ключ, способный открыть тайну. Это и понятно — ведь те, кто пострадал от оружия пятнашников, исчезали бесследно.

Быть может, такой ключ мог бы дать кто-нибудь из попавших к ним в плен. Если бы не надежда на разведчиков поневоле, то, по его убеждению, не стоило бы и затевать этот хлопотный обмен пленными.

Он взглянул на капитана и сержанта, сгорбившихся над шахматной доской, и на пленного пятнашника, следившего за поединком.

И подозвал пленного к себе.

Тот подкатился, колыхаясь, как пудинг.

И, наблюдая за ним, генерал вновь, без всяких на то оснований, испытал странное чувство, будто ему нанесли оскорбление.

Пятнашник являл собой потешное гротескное зрелище, несовместимое с представлением о воинственности. Он был кругленький, каждая его черточка, гримаска и жест искрились весельем, а одет он был в неприлично пестрый наряд, скроенный и пошитый словно нарочно для того, чтобы возмутить военного человека до глубины души.

— Что-то ваши друзья запаздывают, — заметил генерал.

— А подождите, — отвечал пятнашник голоском, похожим на свист. Приходилось внимательно вслушиваться в этот свист, чтобы хоть что-нибудь разобрать.

Генерал призвал на помощь все свое самообладание.

Что толку спорить?

Ну а браниться и вовсе бессмысленно.

Интересно, сумеет ли он — да что там он, сумеет ли человечество когда-нибудь раскусить пятнашников?

Не то чтобы это и вправду кого-то занимало всерьез. Пусть бы отвязались от землян — и того довольно.

— Подождите, — просвистел пятнашник. — Они прибудут по истечении среднего времени.

«Какого черта, — возмутился генерал про себя, — сколько еще ждать этого «среднего времени»?..»

Пятнашник откатился назад и продолжал следить за игрой.

Генерал выбрался из палатки наружу.

Крошечная планетка выглядела еще холоднее, пустыннее и неприютнее, чем прежде. «Стоит только присмотреться, — мелькнула мысль, — и кажется, будто ландшафт с каждым часом стано-

вится все тоскливее: запомнился унылым — стал удручающим».

Безжизненная, бесплодная, начисто лишенная какой бы то ни было стратегической или экономической ценности, планетка представлялась нейтральной территорией, как нельзя лучше подходящей для обмена пленными. Нейтральной, поскольку никто во Вселенной пальцем не шевельнул бы для того, чтобы ее захватить.

Дальняя звездочка, солнце планеты, светилась на небе тусклым пятном. Голый черный камень простирался к горизонту, до которого было рукой подать. Ледяной воздух полоснул генерала по ноздрям точно ножом.

Здесь не было ни холмов, ни долин. И вообще не было ничего, кроме плоского, без единой трещинки камня, уходящего во все стороны, — не планета, а сплошной исполинский космодром.

Генерал напомнил себе, что местом встречи эта планетка была назначена по предложению пятнашников, и это само по себе выглядело подозрительным. Но на тогдашней стадии переговоров Земля не могла позволить себе роскоши торговаться по мелочам.

Он стоял, ссутулив плечи, и ощущал, как по спине бежит холодок мрачных предчувствий.

По мере того как час тянулся за часом, планетка все явственнее напоминала ему гигантскую ловушку.

Нет, наверное, он заблуждается. В поведении пятнашников не было ровным счетом ничего, что оправдывало бы подобные подозрения. Напротив, они вели себя почти великодушно. Они могли бы выдвинуть свои условия — практически любые условия, — и Галактической федерации пришлось бы, хочешь не хочешь, принять их. Земля должна была выиграть время любой ценой. Земля должна была успеть подготовиться к следующей схватке — через пять лет, или через десять, или сколько бы лет ни прошло.

Однако пятнашники — невероятно, но факт — не выдвинули никаких условий. «Хотя, — поправил себя генерал, — никто не в силах догадаться, что у пятнашников на уме и какой еще фокус они задумали».

В полутьме вырисовывался лагерь землян — несколько палаток, передвижная электростанция, замерший в ожидании космический корабль, а подле него — маленький разведывательный катер, тот самый, на котором летал пленный пятнашник.

Катер сам по себе как нельзя лучше доказывал

глубину пропасти, разделяющей пятнашников и людей. Три полных дня переговоров ушли только на то, чтобы пятнашники сумели членораздельно объяснить свое желание получить катер и его пилота обратно.

С сотворения мира ни один корабль во всей Галактике не подвергался столь тщательному обследованию, как это крохотное суденышко. Но достоверно установить удалось совсем немногое. А пленный пятнашник, невзирая на бешеные усилия психологов, сообщил и того меньше.

Лагерь казался спокойным, почти вымершим. Двое часовых четко выхаживали взад и вперед. Все остальные были в укрытии и поджидали пятнашников, убивая время кто как мог.

Генерал торопливо пересек пространство, отделявшее его от госпитальной палатки. Пригнувшись, шагнул за порог.

За столом сидели четверо, лениво перебрасываясь в картишки. Один из игроков бросил карты на стол и поднялся.

— Что слышно, генерал?

Генерал поздоровался с ним за руку.

— Должны пожаловать с минуты на минуту. У вас все в порядке, док?

— Мы готовы уже давно, — сказал психиатр. —

Сразу же по прибытии забираем ребят сюда и обследуем по всем статьям. Наши игрушки все на ходу. Долго мы вас не задержим.

— Прекрасно. Мне бы хотелось распрощаться с этим небесным камушком как можно скорее. Не нравится мне тут.

— Только один вопрос…

— Что такое?

— Как угадать, сколько человек нам вернут?

Генерал покачал головой:

— Этого мы так и не выяснили. Они не очень-то в ладах с цифрами. Что, если математика не так повсеместна, как вы, ученые, полагаете?

— В любом случае, — ответил доктор покорно, — сделаем все, что в наших силах.

— Да нет, — продолжал генерал, — их не может быть много. Мы же возвращаем одного-единственного пятнашника и один кораблик. Как по-вашему, во сколько людей они могут его оценить?

— Откуда же мне знать! Слушайте, а вы уверены, что они вообще прилетят?

— Трудно быть уверенным даже в том, что они нас поняли. Когда дело доходит до откровенной тупости…

— Не так уж они тупы, — тихо возразил док-

тор. — Мы оказались не способны усвоить их язык, так они овладели нашим.

— Сам знаю, — отмахнулся генерал нетерпеливо. — Вернее, сознаю. Но перемирие — ведь сколько дней понадобилось, чтобы они хотя бы отдаленно поняли, о чем речь? И еще больше дней ушло на то, чтобы согласовать систему отсчета времени. Ей-же-ей, договориться на пальцах с дикарями каменного века было бы и то легче!

— Конечно, легче, — сказал доктор. — Дикари как-никак люди.

— А пятнашники — высокоразвитые существа! Их техника во многих отношениях даст нашей сто очков вперед. Они же поколотили нас, как маленьких.

— Да что там, просто разнесли вдребезги…

— Хорошо, пусть так, разнесли. И почему бы не разнести? У них есть оружие, какое нам и не снилось. Они действовали много ближе к своим базам. У них не было наших проблем материально-технического обеспечения. Да, они разнесли нас вдребезги, но разрешите спросить: сами-то они догадываются об этом? Воспользовались они плодами своей победы? Они могли перебить нас до последнего. Могли навязать нам такие условия мира, что отбросили бы нас на века. А вместо того

отпустили нас подобру-поздорову. Где тут логика, я вас спрашиваю?

— Вы столкнулись с иной логикой, — сказал доктор.

— Мы сталкивались с другими инопланетянами. И всегда понимали их. По большей части нам удавалось с ними поладить.

— Мы соприкасались с ними на коммерческой основе, — напомнил доктор. — Трудности, если были трудности, возникали уже потом, когда мы достигали какого-то начального взаимопонимания. Пятнашники — единственные, кто сразу, с места в карьер, бросились в бой.

— И неизвестно зачем, — произнес генерал. — Мы их не трогали, даже не направлялись в их сторону. Могли пролететь мимо и вовсе их не заметить. Кто мы такие, они и понятия не имели. Выходит, им было все равно кто. Ни с того ни с сего выскочили из пустоты и навалились на нас. И то же самое случалось с каждым, кто попадался им на дороге. Они нападают на любого встречного. Просто нет такого дня, когда бы они с кем-нибудь не воевали — а то и с двумя-тремя противниками одновременно.

— У них комплекс самозащиты, — предположил доктор. — Ждут, чтобы их оставили в покое.

Добиваются одного — отвадить других от планет, которые они облюбовали для себя. Вы же правильно сказали — они могли и перебить нас всех до последнего.

— А может, они очень обидчивы. Не забывайте, мы тоже раз-другой потрепали их — не так сокрушительно, как они нас, но все-таки ощутимо. Держу пари, они нападут на нас снова, как только выдастся случай, — генерал перевел дыхание. — В следующий раз они не должны застать нас врасплох. В следующий раз они могут и не остановиться на полпути. Мы обязаны одолеть их.

«Нелегкая это задача, — добавил он про себя, — воевать с противником, о котором почти ничего не известно. Против оружия, о котором не знаешь абсолютно ничего».

В теориях, правда, недостатка не ощущалось. Но даже лучшие из них были, в сущности, не теории, а лишь более или менее обоснованные догадки.

Оружие пятнашников могло действовать во времени, отбрасывая свои жертвы вспять, в первозданный хаос. Или переносить их в другое измерение. Или обрушивать атомы внутрь себя, превращая космические корабли в пылинки — самые чудовищно тяжелые пылинки, когда-либо

существовавшие во Вселенной.

Достоверно было одно: корабли не аннигилировали, никто не наблюдал ни вспышки, ни жара. Корабли просто исчезали, мгновенно и без следа.

— Беспокоит меня еще и другая странность, — заметил доктор. — Сколько рас пострадало от пятнашников до того, как они наткнулись на нас! Но когда мы попытались связаться с пострадавшими, получить хоть какую-то поддержку, никто не стал с нами разговаривать. Ответить и то не пожелали.

— Это новый для нас сектор пространства, — сказал генерал. — Мы здесь пока еще чужие.

— По логике вещей, — возразил доктор, — пострадавшие должны бы ухватиться за возможность расквитаться с пятнашниками.

— Нечего рассчитывать на союзников. Мы отвечаем за себя сами. Нам самим и выпутываться.

Генерал наклонился, чтобы выйти из палатки.

— Персонал, — заверил доктор, — приступит к делу тотчас же, как прибудут пациенты. Предварительное заключение будет подготовлено в течение часа, если только от людей хоть что-нибудь осталось.

— Прекрасно, — произнес генерал и, пригнувшись, выбрался наружу.

Ситуация была скверная, неопределенная до ужаса — если бы не умение владеть собой, впору было бы закричать от страха.

Да, кто-то из пленных землян, возможно, расскажет что-то полезное — но ведь их слова нельзя принять на веру, как нельзя принять на веру то, что рассказал пленный пятнашник. «На сей раз, — сказал себе генерал, — команде психологов, хочешь не хочешь, придется превзойти себя».

Задумано было ловко, спору нет: устроить пленному пятнашнику космический вояж и с гордостью показать ему вереницу голых, ни на что не годных планет, словно они — жемчужины в короне Галактической федерации.

Ловко — если бы пятнашники были людьми. Никто из людей не затеял бы свары, не то что войны, из-за планеток, какие были показаны.

Но пятнашники людьми не были. И бог весть какие планеты придутся им по вкусу.

А еще оставался риск, что эти никчемные планетки внушат пленному мысль, будто Земля окажется легкой добычей.

«Нет, эту головоломку не распутать», — решил генерал. Вся ситуация противоестественна в самой своей основе. Каковы бы ни были различия

между цивилизациями землян и пятнашников, ситуация противоестественна все равно.

И что-то дикое, противоестественное намечалось здесь в этот самый момент.

Он услышал какой-то звук и, резко повернувшись, уставился в небо.

С неба спускался корабль, он был совсем близко и шел быстро, слишком быстро.

У генерала перехватило дух — но корабль уже замедлил ход, выровнялся и опустился по всем правилам искусства за четверть мили, не дальше, от корабля землян. Генерал бросился бегом, затем опомнился и перешел на четкий военный шаг.

Люди выбирались из палаток и строились в шеренги. Над лагерем прозвучал приказ — и шеренги двинулись, как на параде.

Генерал позволил себе улыбнуться. Да, ребята у него хоть куда. Их не застать врасплох. И если пятнашники рассчитывали, подкравшись исподтишка, привести их в замешательство и заработать на этом очко, то пусть подавятся.

Солдаты, отбивая шаг, быстро приближались к цели. Из-под навеса выехала машина неотложной помощи и последовала за ними. Зарокотали барабаны, в стылом до рези воздухе ясно и отчетливо пропели горны.

«Да, — сказал себе генерал горделиво, — именно таким ребятам по плечу обеспечить целостность Галактической федерации, сколько бы она ни расширялась. Именно таким по плечу охранять мир на пространствах объемом в тысячи кубических световых лет. Именно таким по плечу в один прекрасный день с божьей помощью отразить угрозу, какую олицетворяют собой пятнашники».

Войн теперь почти не было. Космос слишком велик для сражений. И уж если в кои-то веки где-то дойдет до конфликта, все равно есть множество путей избежать войны, обойти ее по краю. Но такую угрозу, как пятнашники, игнорировать нельзя. Настанет день, не сегодня, так завтра, и либо им, либо землянам суждено потерпеть полное поражение. Галактической федерации не ведать покоя, пока у нее под боком крутятся эти бестии.

За спиной послышался топот, и генерал обернулся. Застегивая на бегу мундир, его догонял капитан Джист. Поравнявшись с генералом, капитан произнес:

— Итак, сэр, они наконец прибыли.

— С опозданием на четырнадцать часов, — ответил генерал. — На данный момент наша задача

— встретить их как можно достойнее. А вы, капитан, не застегнули пуговицу.

— Прошу прощения, сэр, — отозвался капитан, приводя себя в порядок.

— Ну ладно. Заодно поправьте погоны. Поаккуратнее, если можете. Правой, левой, раз, два!..

Уголком глаза генерал заметил, как сержант Конрад со своим отделением выводит пленного пятнашника почти по прямой к заданной точке — ловко, уверенно, лучшего и не пожелаешь.

Солдаты двумя параллельными рядами охватили корабль с флангов. Открылся люк, из люка пополз трап, и генерал с удовлетворением отметил, что они с капитаном Джистом окажутся у подножия трапа почти в ту же секунду, когда ступеньки коснутся поверхности. Это было эффектно, это было превосходно, как если бы он лично рассчитал всю процедуру до мельчайших подробностей.

Трап, лязгнув, достиг грунта, и по трапу неторопливо скатились три пятнашника.

«Что за мерзкая троица, — подумал генерал. — Хоть бы один надел форму или, на крайний случай, медаль...»

Едва они спустились вниз, генерал взял дипломатическую инициативу на себя.

— Приветствуем вас, — произнес он медленно и отчетливо, как только мог, чтоб его поняли.

Пятнашники встали в ряд и стояли, глядя на генерала, и он почувствовал себя не в своей тарелке из-за выражения их развеселых округлых лиц. По-видимому, никакого другого выражения на этих лицах просто не могло быть. Но пятнашники упорно глазели на генерала, и он бодро продолжал:

— С большим удовлетворением отмечаю, что Земля добросовестно выполнила обязательства, согласованные при заключении перемирия. Мы искренне надеемся, что это означает начало эры…

— Очень мило, — перебил один из пятнашников.

Что он имел в виду — речь генерала, или ситуацию в целом, или просто-напросто пытался соблюсти вежливость, — определить было трудно.

Генерал, не смутившись, хотел было продолжать, но заговоривший пятнашник поднял коротенькую округлую ручку и остановил его.

— Пленные прибудут вот скоро, — просвистел он.

— Разве вы не привезли их?

— Они прибудут скоро опять, — заявил пятнашник с восхитительным пренебрежением к точности выражений.

Не отводя взгляда от генерала, он слегка взмахнул ручкой, что, вероятно, соответствовало пожатию плеч.

— Ловушка, — шепнул капитан генералу на ухо.

— Мы побеседуем, — предложил пятнашник.

— Они что-то затеяли, — предупредил капитан. — Следовало бы объявить готовность номер один, сэр.

— Согласен, — ответил генерал. — Только сделайте это без шума. — И, повернувшись к делегации пятнашников, добавил: — Если вы, джентльмены, последуете за мной, я предложу вам подкрепиться…

— Рады весьма, — объявил пятнашник. — Что такое подкре…

— Выпивка, — сообщил генерал и пояснил свои слова недвусмысленным жестом.

— Выпивка — хорошо, — откликнулся пятнашник. — Выпивка — это друг?

— Точно, — сказал генерал.

Он направился к палатке, сдерживая шаг, чтобы пятнашники не отставали. Попутно он не без

удовольствия отметил, что на сей раз капитан не промедлил ни минуты. Сержант Конрад уже вел свое отделение обратно, и в центре строя тащился пленный пятнашник. С орудий снимали чехлы, и последние из спешившейся было прислуги земного корабля взбирались на борт.

Капитан нагнал делегацию у самого входа в палатку.

— Все исполнено, сэр, — доложил он шепотом.

— Прекрасно, — отозвался генерал.

Войдя в палатку, генерал открыл холодильную камеру и вынул объемистый кувшин.

— Вот, — сказал генерал, — выпивка, которую мы изготовили для вашего соотечественника. Он нашел ее очень приятной на вкус.

Он достал стаканы, соломинки для коктейля и отвинтил пробку, сокрушаясь, что не может зажать себе нос: пойло пахло как хорошо выдержанная падаль. Не хотелось даже гадать, из каких компонентов оно составлено. Химики Земли состряпали эту жижу для пленника, который поглощал ее галлон за галлоном с тошнотным наслаждением.

Как только генерал наполнил стаканы, пятнашники обвили их щупальцами и втянули соломинки в безгубые рты. Отведали угощение и

восторженно закатили глаза.

Генерал схватил стакан со спиртным, протянутый капитаном, и одним глотком опорожнил его наполовину. В палатке становилось трудно дышать.

«Господи, — подумал он, — и чего только не приходится выносить, чтобы сослужить службу своим планетам и своему народу!..»

Наблюдая за пятнашниками, вкушающими свое пойло, он размышлял: какой же камень они припасли за пазухой?

«Побеседуем» — так выразился тот, кто взял на себя роль переводчика, и это могло означать практически все, что угодно. От возобновления переговоров до бесчестной попытки выгадать время.

Если это переговоры, то землян приперли к стене. Ему не оставили выбора — придется вступать в переговоры. Земной флот искалечен, у пятнашников есть их таинственное оружие, возобновление военных действий немыслимо. Землянам необходимо выиграть по меньшей мере лет пять, еще лучше — десять.

А если это пролог к атаке, если планетка — капкан, у него нет другого выхода, кроме самоубийственного решения принять бой и сражаться до

последнего патрона.

Что так, что эдак, осознал генерал, — земляне обречены.

Пятнашники отставили пустые стаканы, он наполнил их снова.

— Вы проявили хорошо, — сказал один из пятнашников. — Есть у вас бумага и рисователь?

— Рисователь? — переспросил генерал.

— Он просит карандаш, — подсказал капитан.

— О да. Пожалуйста. — Генерал достал карандаш с блокнотом и положил их на стол.

Пятнашник отодвинул стакан и, подобрав карандаш, принялся старательно рисовать. С земной точки зрения, рисунок напоминал каракули пятилетнего карапуза, выводящего первые в жизни буквы.

Они стояли и ждали, а пятнашник все рисовал. Наконец он справился со своей задачей, отложил карандаш и указал на волнистые линии.

— Мы, — заявил он.

Потом указал на другие, иззубренные линии.

— Вы, — пояснил он генералу.

Тот склонился над бумагой, силясь уразуметь, что же имел в виду художник.

— Сэр, — вмешался капитан, — это похоже на схему сражения.

— Оно, — гордо провозгласил пятнашник.

Он снова поднял карандаш и пригласил:

— Смотрите.

На рисунке появились новые линии, смешные значки в точках их пересечения и кресты там, где боевые порядки были прорваны. Когда пятнашник закончил, земной флот оказался разбит, разделен на три части и обращен в паническое бегство.

— Это, — узнал генерал, ощущая, как в горле клокочет гнев, — столкновение в секторе 17. В тот день мы потеряли половину нашей Пятой эскадры.

— Маленькая ошибка, — объявил пятнашник, сделав при этом странный жест, словно просил прощения. Потом вырвал из блокнота новый листок, расстелил его на полу и принялся рисовать сызнова. — Внимайте, — пригласил он.

Пятнашник вновь обозначил линии защиты и атаки, но слегка видоизменил их. Боевые порядки землян как бы повернулись вокруг оси, разъединились и превратились в две параллельные полосы, охватившие нападающих пятнашников с флангов. Еще поворот оси — и строй пятнашников дрогнул и рассеялся в пространстве.

Художник отложил карандаш.

— Маленький пустяк, — сообщил он генералу и капитану. — Вы проявили хорошо. Сделали одну чуточную ошибку.

Генерал опять наполнил стаканы, призывая на помощь все свое самообладание.

«Куда же они клонят? — подумал он. — Ну зачем они тянут и не выкладывают все напрямик?»

— Так лучше, — вымолвил один из пятнашников, поднимая свой стакан в знак того, что подразумевает пойло.

— Еще? — осведомился пятнашник-стратег, вновь берясь за карандаш.

— Прошу, — ответил генерал, скрипя зубами.

Прошагав к входному пологу, он выглянул из палатки. Орудийные расчеты были на своих местах. Струйки дыма курились под жерлами стартовых двигателей; возникни необходимость — и корабль взмоет вверх в одно мгновение. В лагере царила напряженная тишина.

Генерал вернулся к столу и продолжал следить за тем, как пятнашник с веселой миной читает лекцию о способах выиграть бой. Лист за листом покрывались схемами, и время от времени стратег проявлял великодушие — показывал, отчего земляне проиграли стычку, когда могли бы выиграть, чуть изменив тактику.

— Интересно! — провозглашал он с воодушевлением.

— Действительно интересно, — согласился генерал. — Только один вопрос.

— Спрашивайте, — разрешил пятнашник.

— Допустим, опять война. Почему вы уверены, что мы не используем все эти знания против вас?

— Но прекрасно! — воскликнул пятнашник восторженно. — Мы того и хотим!

— Вы воюете хорошо, — вмешался другой пятнашник. — Однако немножко грубо. В следующий раз научитесь лучше.

— Грубо? — взъярился генерал.

— Слишком резко, сэр. Нет надобности бить по кораблям трах-тарарах…

Снаружи грохнул залп, потом еще и еще, а потом грохот орудий утонул в басовитом, потрясающем скалы реве множества корабельных двигателей.

Генерал в один прыжок очутился у входа и протаранил его насквозь, не удосужившись отогнуть полог. Фуражка слетела у него с головы, и он покачнулся, едва не потеряв равновесия. А задрав голову, увидел, как они приближаются, эскадра за эскадрой, расцвечивая тьму вспышка-

ми выхлопов.

— Прекратить огонь! — заорал он. — Безмозглые тупицы, прекратите огонь!

Но кричать не было нужды — пушки умолкли сами по себе.

Корабли приближались к лагерю в безукоризненном походном строю. Затем они пролетели над лагерем, и гром их двигателей, казалось, приподнял палатки и потряс до основания скалы, где эти палатки стояли. А затем сомкнутыми рядами корабли опять пошли на подъем, все с той же безукоризненной точностью выполняя уставной маневр перед мягкой посадкой.

Генерал замер как вкопанный, ветер ерошил его серо-стальные волосы, и в горле сжимался непрошеный комок — гордость за своих и благодарность к чужим.

Кто-то тронул его за локоть.

— Пленные, — объявил пятнашник. — Я же говорил вам так и так.

Генерал попытался ответить, но слова отказывались повиноваться. Он проглотил комок и предпринял новую попытку.

— Мы ничегошеньки не понимали, — сказал он.

— У вас не было наших берушек, — сказал пят-

нашник. — Потому вы и воевали столь грубо.

— Мы не виноваты, — ответил генерал. — Мы же не знали. Мы никогда еще не воевали таким манером.

— Мы дадим вам берушки, — заявил пятнашник. — В следующий раз мы с вами сыграем как надо. Будут берушки, у вас получится лучше. Нам легче дать, чем терять.

«Неудивительно, — подумал генерал, — что они и слыхом не слыхивали про перемирия. Неудивительно, что были повержены в недоумение предложением о переговорах и обмене пленными. Какие, в самом деле, переговоры нужны обычно для того, чтобы вам вернули фигуры и пешки, завоеванные в игре?

И неудивительно, что у других инопланетян идея коллективно обрушиться на пятнашников вызвала лишь скорбь и неприязнь…»

— Они вели себя неспортивно, — сказал генерал вслух. — Могли бы предупредить нас. А может, они привыкли к правилам игры с незапамятных времен…

Теперь он понял, почему пятнашники выбрали именно эту планету. На ней хватало места для посадки всем кораблям.

Он стоял и смотрел, как эскадры опускаются

на скальный грунт в клубах розового пламени. Попытался пересчитать их, но сбился; хотя он и без счета знал, что Земле вернули все утраченные корабли, все до единого.

— Мы дадим вам берушки, — продолжал пятнашник. — Научим, как обращаться. Управлять просто. Никаких увечий ни людям, ни кораблям.

«А ведь это, — сказал себе генерал, — нечто большее, чем глупая игра. Да и глупая ли, если вдуматься в ее исторические и культурные корни, в философские воззрения, которые сплелись в ней?..» Одно можно утверждать с уверенностью: это много лучше, чем вести настоящие войны.

Впрочем, с берушками всем войнам придет конец. Те мелкие войны, что еще оставались, будут прекращены раз и навсегда. Отныне нет нужды одолевать врага в бою — зачем, если любого врага можно просто забрать? И нет нужды годами терпеть партизанские вылазки на вновь осваиваемых планетах: аборигенов можно забрать и поместить в культурные резервации, а опасную фауну переправить в зоосады.

— Будем еще воевать? — спросил пятнашник с беспокойством.

— Разумеется! — воскликнул генерал. — В любое время, как только пожелаете. А что, мы

и вправду такой хороший противник, как вы сказали?

— Не самый ловкий, — отозвался пятнашник с обезоруживающей прямотой. — Но лучший, какого мы встречали. Играйте больше — станете еще лучше.

Генерал усмехнулся. «Ну в точности сержант и капитан со своими вечными шахматами», — подумал он.

Повернувшись к пятнашнику, он похлопал того по плечу.

— Пошли назад в палатку, — предложил генерал. — Там еще осталось кое-что в кувшине. Зачем же добру пропадать?

Точная копия
Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой

У человека, который вошел в офис Гомера Джексона, на левой ноге была надета правая туфля, а на правой — левая.

Он изрядно удивил Гомера.

Мужчина был высоким и нескладным, однако превосходно одет — если не считать туфель. Впрочем, они отличались изяществом, вот только зачем он так их надел?

— Я говорю с мистером Гомером Джексоном? — спросил он.

Гомер не привык к такой формальности.

— Да, это я, — ответил он.

И беспокойно заерзал на своем стуле. Он надеялся, что за появлением этого посетителя не стоит Гейб Уилсон, который обладал своеобразным чувством юмора.

Офис Гейба, очень любившего изводить Гомера, находился чуть дальше по коридору. Когда Гейб придумывал шутку, он подходил к этому делу исключительно серьезно, не упуская ни малейшей детали. Многие шутки Гейба получались

неприятными и надолго запоминались.

Однако посетитель был совершенно серьезен и даже немного нервничал.

— Мистер Гомер Джексон, агент по продаже загородной недвижимости? — уточнил он.

— Вы не ошиблись, — ответил Гомер.

— Вы специализируетесь на домах возле озер с большими участками земли?

— Да, я именно тот, кто вам нужен.

Гомер немного забеспокоился: пожалуй, посетитель перебарщивает. Похоже, тут все-таки не обошлось без Гейба.

— Я бы хотел посоветоваться. У меня к вам небольшое дело.

— Ну так говорите, — предложил Гомер, указывая на стул.

Человек осторожно уселся, но Гомер заметил, что его спина не касается спинки стула.

— Меня зовут Оскар Стин, — продолжал посетитель. — Мы строим дома на участке, который называется Сондерс, но мы решили дать ему имя «Счастливые Акры».

Гомер кивнул:

— Да, я знаком с этим участком. Вам повезло, это прекрасное место, на самом берегу озера.

— Благодарю вас, мистер Джексон. Нам тоже

там очень нравится.

— И как идет строительство?

— Мы только что его закончили. Наступает самый важный момент. Нам необходимо поселить туда людей.

— Я вас понимаю, — кивнул Гомер. — Сейчас не слишком благоприятная экономическая ситуация. Процентные ставки выросли, Вашингтон ничего не предпринимает, к тому же…

— Быть может, вы согласитесь представлять наши интересы?

Гомер вздрогнул, но сделал вид, что ничего особенного не произошло.

— Ну, даже не знаю. Эти дома будет трудно продать. Вы наверняка захотите получить за них хорошие деньги. Каменная стена, которой вы обнесли участок, изящные ворота… Полагаю, и дома вы построили первоклассные. Получилось нечто исключительное. Лишь очень богатый покупатель сможет позволить себе такое приобретение.

— Мистер Джексон, — заявил Стин, — мы решили применить новый подход. Вам не потребуется продавать дома. Мы сдаем их в аренду.

— То есть сдаете внаем.

— Нет, сэр, сдаем в аренду.

— В конечном счете, это то же самое. Вы навер-

няка заломите высокие цены.

— Пять тысяч.

— Пять тысяч — очень серьезная сумма. Во всяком случае, в наших краях. Пять тысяч в год — это больше четырехсот долларов в месяц…

— Не за год, — уточнил Стин. — За девяносто девять лет.

— За сколько?

— Девяносто девять. Мы сдаем дом в аренду на девяносто девять лет за пять тысяч долларов.

— Но послушайте, дружище, такого просто не может быть! Вы сошли с ума! Одни только налоги…

— Мы не рассчитываем получить прибыль на строительстве домов, поскольку создаем условия для работы нашего торгового центра.

— Вы хотите сказать, что умудрились построить там еще и торговый центр?

Стин позволил себе улыбнуться:

— Мистер Джексон, мы не просто так обнесли участок каменной стеной. Нам не нравится, когда вокруг собираются зеваки.

— Да, я понимаю, — пробормотал Гомер. — Очень разумно. И прекрасная реклама. Можно устроить эффектное открытие. Но стена высотой в двенадцать футов…

— Четырнадцать, мистер Джексон.

— Хорошо, хорошо, четырнадцать. К тому же она построена из сплошного камня. Я знаю — видел собственными глазами. Теперь никто не строит такие стены. Камень используют только для облицовочных работ. А ваша стена производит впечатление…

— Мистер Джексон, пожалуйста. Мы знаем, что делаем. В нашем торговом центре мы продаем все — от арахиса до «кадиллаков». Но нам нужны покупатели. Поэтому мы построили для них дома. Более того, мы намерены создать целый квартал, который будет населен состоятельными людьми.

Гомер не выдержал напряжения, вскочил на ноги и принялся расхаживать по офису.

— Но, мистер Стин, вы не сумеете заполнить торговый центр достаточным количеством покупателей, рассчитывая только на людей, которые будут жить в ваших домах. Кстати, сколько домов вы построили?

— Пятьдесят.

— Пятьдесят семей — это капля в море для крупного торгового центра. Даже если все пятьдесят семей станут делать покупки только в вашем торговом центре — а такой уверенности у вас

быть не может, — этого будет явно недостаточно. А со стороны к вам никто не придет — помешает стена.

Гомер перестал расхаживать по офису и вновь уселся на свой стул.

— Я и сам не знаю, почему принимаю ваши проблемы так близко к сердцу, — сказал он Стину. — Меня это совершенно не касается. Да, мы занимаемся продажей недвижимости, но я не могу сдавать дома в аренду за свои обычные пять процентов.

— О, я забыл вам кое-что сказать, — сказал Стин. — Вы можете оставлять пять тысяч себе.

Гомер стал задыхаться как рыба, которую вытащили из воды.

— При одном условии, — добавил Стин. — Вы должны будете очень тщательно подбирать покупателей. Дело в том, что у нас есть банк. Он является частью услуг, которые можно получить в торговом центре.

— Банк, — едва слышно пробормотал Гомер.

— Наш банк работает в полном соответствии с законами штата.

— Но какое отношение банк имеет ко мне?

— Вы будете получать десять процентов, — невозмутимо продолжал Стин. — Остальное

отправится на ваш счет в банк «Счастливых Акров». Сдав в аренду дом, вы оставите себе пятьсот долларов наличными, а четыре с половиной тысячи поступят на ваш банковский счет.

— Я не совсем понимаю…

— Тут имеются некоторые соображения.

— Да, я уже слышал, — сказал Гомер. — Вам необходимы клиенты, торговый центр должен начать работать.

— Верно, но есть и другие причины. Мы не хотим, чтобы ваши друзья и соседи узнали о том, как быстро вы разбогатели. Начнется слишком много разговоров, а нам такая реклама ни к чему. Ну, и не следует забывать о налогах.

— Налогах?

— Мистер Джексон, если вы сумеете сдать в аренду все пятьдесят домов, то заработаете четверть миллиона долларов. Вы понимаете, каков налог с такой суммы?

— Довольно большой.

— Мы не можем этого допустить, — заявил Стин. — Банк решит все ваши проблемы.

— Но я не совсем понимаю как.

— Предоставьте это нам. Мы обо всем позаботимся. Вам нужно лишь сдавать дома в аренду.

— Мистер Стин, я немало лет трудился, чтобы

заработать репутацию честного человека в бизнесе, который дает широкие возможности…

— Да, нам хорошо известно, что вы честный человек, мистер Джексон. Именно по этой причине мы обратились именно к вам. Ваша машина здесь?

— Припаркована у входа.

— Отлично. Моя на обслуживании. Давайте посмотрим дома.

Дома оказались превосходными. Проект был выполнен исключительно вдумчиво, а строители потрудились на совесть.

Гомер был вынужден признать, что он уже давно не видел такой качественной работы — пожалуй, с тех самых пор, как началось массовое строительство. Лучшие материалы, ручная работа, надежность и солидность. Теперь таких домов не найти.

Все пятьдесят строений удобно разместились среди заросших лесом холмов, окружавших озеро, причем строители очень бережно отнеслись к деревьям. Между домами осталось достаточно свободного пространства, чтобы люди жили спокойно, не мешая друг другу.

Весной здесь появится множество полевых цветов, а осенью, когда леса заполыхают багрян-

цем, повсюду будут петь птицы, сновать белки и кролики. И еще Гомер заметил широкую полосу прекрасного песчаного пляжа.

Он уже начал мысленно составлять рекламное объявление, которое поместит в воскресные газеты, и понял, что с нетерпением ждет того момента, когда слова лягут на бумагу. Наконец-то он сможет развернуться, используя самые красивые обороты, которые он так любил.

— Мне здесь нравится, мистер Стин, — сказал он. — Не думаю, что у нас возникнут проблемы.

— Вот и хорошо, — ответил Стин. — Мы готовы заключить с вами эксклюзивный контракт на десять лет. Естественно, возобновляемый.

— Но почему на десять лет? Я справлюсь с поставленной задачей за год или два.

— Вы ошибаетесь. Наш бизнес еще только развивается.

Они стояли на выложенном кирпичиками тротуаре перед входом в один из домов и смотрели на озеро. Ближе к противоположному берегу Гомер заметил два белых паруса, а на середине озера подпрыгивал на волнах весельный ялик, на корме которого виднелась темная фигура рыбака.

Гомер недоуменно покачал головой:

— Я не понимаю.

— Речь пойдет о передаче в субаренду, — небрежно сказал Стин.

— Когда пятьдесят семей берут в аренду дома, обязательно кто-нибудь захочет переехать.

— Нет, это совсем другая история. Субаренда... — Стин вытащил из кармана лист бумаги и вручил его Гомеру. — Ваш контракт. Прочитайте его внимательно. Вы человек осторожный и осмотрительный — именно такой нам и нужен.

Гомер вместе со Стином ехал к торговому центру по дороге, петляющей по лесу.

Торговый центр был прекрасен. Он тянулся вдоль всей южной стороны комплекса, сразу за четырнадцатифутовой стеной, и весь сверкал стеклом и металлом.

Гомер остановил машину, чтобы полюбоваться на великолепное здание центра.

— Вы позаботились обо всем, — заметил он.

— Да, пожалуй, — с гордостью ответил Стин. — У нас даже собственный телефонный узел.

— Насколько мне известно, так поступают нечасто.

— Вовсе нет. Мы просто хотели создать образцовый жилой комплекс. У нас ведь есть собственный водопровод и система очистки воды — почему бы не построить телефонную

подстанцию?

Гомер не стал спорить. Какой смысл? Все это выглядело совершенно безумным. Однако Стин вел себя так, словно ничего удивительного не происходило. Быть может, он знает, что делает.

Впрочем, Гомер очень сильно в этом сомневался.

— И еще одно, — сказал Стин. — Это не столь важно, но вам следует знать. У нас имеется агентство по продаже автомобилей. На самом деле несколько агентств. Всякий, кто захочет снять дом, должен купить новую машину.

— Мистер, — сказал Гомер, — я слышал много историй об автомобильном бизнесе, но ваша превосходит все остальные. Если вы полагаете, что я стану продавать для вас машины…

— Ну что тут дурного? — возразил Стин. — У нас хорошие связи. И мы можем предоставить любой автомобиль по достойной цене. Кроме того, наши агентства дадут приличные деньги за подержанные машины. Мы бы не хотели, чтобы наши клиенты разъезжали в развалюхах.

— Что еще? Лучше уж сразу скажите, чем еще вы занимаетесь.

— Больше ничем. Только автомобилями.

Гомер переключил передачу и медленно подъ-

ехал к воротам. Сторож, одетый в аккуратную форму, увидел, что они приближаются, тут же распахнул ворота и весело помахал им, когда они проехали мимо его будки.

— Я бы и близко к ним не подошел, — сказал Гомер своей жене Элейн, — если бы они не предлагали такие хорошие деньги. Но в последнее время в нашем бизнесе застой, а так у меня появляется шанс. Вот только…

— Вот только туфли мистера Стина, которые он надел наоборот, — подхватила Элейн. — Не думаю, что тебе стоит об этом беспокоиться. Помнишь дядюшку Эда?

— Конечно. Он носил свой жилет, вывернув его наизнанку.

— Причем из чистого упрямства. Однажды он случайно вывернул жилет, и кто-то над ним посмеялся. С тех пор дядюшка носил жилет только так — и не изменил своей привычке до самой смерти.

— Возможно, именно так все и обстоит, — ответил Гомер, — но когда ты носишь наизнанку жилет, у тебя не болит спина или грудь. А надетые неправильно ботинки должны ужасно жать ноги.

— Быть может, бедный мистер Стин калека.

— Да, и он таким уродился.

— Если ты сдашь в аренду все дома, мы сможем поехать в Европу. Мы так давно об этом мечтали. По мне, так пусть твой мистер Стин хоть босиком ходит.

— Да, пожалуй.

— И нам не помешает новая машина, — продолжала Элейн, вновь взяв в руки каталог. — А также портьеры для гостиной. А еще я не помню, когда в последний раз покупала новое платье. Кстати, как насчет столового серебра? Оно у нас такое старое. Этель подарила его нам на свадьбу…

— Ладно, — вздохнул Гомер. — Если я сумею сдать дома в аренду — и если не попаду в тюрьму, — отправимся в Европу.

Он знал, когда следует прекратить сопротивление.

Гомер внимательно прочитал контракт, составленный практически безупречно. Там было прямо написано, что он получит все пять тысяч. Быть может, сказал он себе, следует показать контракт адвокату.

Конгдон сразу же скажет, насколько он надежен. Однако Гомеру не хотелось никому показывать такой выгодный контракт. В нем имелось нечто постыдное — уж слишком велика

обещанная сумма.

Потом Гомер проверил банк «Счастливых Акров», и выяснилось, что он вполне кредитоспособен. Разрешение на строительство и прочие бумаги также находились в полнейшем порядке.

Ну что еще оставалось делать Гомеру? В особенности если жена уже десять лет говорит, что мечтает о поездке в Европу.

Гомер сел за стол и написал рекламное объявление для воскресной газеты. После некоторых размышлений он решил отказаться от красивых фраз и использовал совсем другую технику. Рекламный текст получился коротким — прочитать его не поленится никто.

> «Всего 4,1611 доллара!!! ВЫ ГОТОВЫ ЗАПЛАТИТЬ ВСЕГО 4,16$ в месяц,
> чтобы жить в доме, который стоит от 35 000
> до 50 000 долларов? Если готовы, то позвоните
> или зайдите В АГЕНТСТВО ДЖЕКСОНА,
> специализирующееся на продаже домов за городом».

Первым предполагаемым покупателем стал Х. Ф. Морган, который зашел в офис Гомера

ранним воскресным утром. Х. Ф. Морган был настроен воинственно. Войдя в офис, он швырнул на стол газету с рекламным объявлением, обведенным красным карандашом.

— Все неправда! — завопил Морган. — Возмутительное жульничество!

— Совершенная правда, — спокойно ответил Гомер. — И никакого жульничества.

— Вы хотите сказать, что я буду платить четыре доллара шестнадцать центов, и все?

— Ну, не все, конечно, — уклончиво ответил Гомер. — Вы берете дом в аренду на девяносто девять лет.

— А зачем мне дом на девяносто девять лет? Я так долго не проживу.

— На самом деле так даже лучше, чем владеть домом. Вы сможете прожить в нем всю жизнь, как если бы являлись владельцем, но вам не придется платить налоги, а также за ремонт. Если у вас есть дети, после вас дом перейдет к ним.

— Вы хотите сказать, что все это легально?

Гомер решительно кивнул:

— Совершенно верно.

— А какие недостатки имеет дом?

— Никаких. Речь идет о новом доме, который стоит среди других новых домов в прекрасном

загородном районе. А совсем рядом находится торговый центр, ничуть не хуже, чем в городе…

— Вы утверждаете, что дома новые?

— Верно. Там пятьдесят домов. И вы сможете выбрать любой. Но я вам не советую особенно тянуть. Я абсолютно уверен, что дома будут распроданы, как мороженое в жаркий денек.

— Моя машина припаркована возле вашего офиса.

— Вот и хорошо, — сказал Гомер, протягивая руку к шляпе. — Я возьму свою машину и покажу вам дорогу. Дома не заперты. Вы сможете посмотреть на них и выбрать тот, который вам больше понравится.

Гомер вышел на улицу и сел в свою машину. Тут он почувствовал, что на сиденье лежит что-то твердое и неровное. Ему стало больно, и он выругался. Приподнявшись, Гомер вытащил из-под себя странный предмет.

Ему еще никогда не приходилось видеть ничего подобного. Пожалуй, предмет немного напоминал деталь из детского конструктора, но Гомер никак не мог понять, как он попал к нему в машину.

Выехав на улицу, Гомер посигналил Моргану, чтобы тот следовал за ним. Вместе с Х. Ф. Морга-

ном в машине сидели миссис Морган, вредный восьмилетний мальчишка Джек, симпатичная пятилетняя девчушка по имени Джуди и щенок боксера, которого звали Батч. От Гомера не укрылось, что «Счастливые Акры» на всех произвели благоприятное впечатление. Миссис Морган всплеснула руками, а лицо Х. Ф. Моргана потемнело от подозрений. Казалось, Гомер слышит, как внутренний голос Моргана шепчет: «Нет такого безумца, который предлагал бы столь выгодную сделку!»

Джек и щенок Батч сразу же побежали в лес, Джуди принялась весело танцевать на лужайке, и Гомер сказал себе, что почти заработал свои первые пять тысяч.

День получился очень напряженным. Его телефон только что не дымился от звонков.

Одна за другой в его офис входили семьи, которые подыскивали себе дом. Они были полны подозрений и сомнений. Гомер старался изо всех сил. Еще никогда у него не было столько клиентов сразу.

Ему пришлось сопровождать каждого из них в «Счастливые Акры»; он терпеливо объяснял, что здесь нет никакого обмана, что дома действительно сдаются в аренду. И всех уговаривал

поторопиться с принятием решения.

— Такое просто не может продолжаться долго, — говорил Гомер, повторяя древнейшую уловку всех агентов по продаже недвижимости. После возвращения из церкви Элейн зашла в офис и отвечала на телефонные звонки, пока Гомер беседовал с потенциальными покупателями. Днем он съездил в «Счастливые Акры». Вся территория комплекса превратилась в настоящий сумасшедший дом. Ситуация больше напоминала ярмарку штата или чудовищных размеров пикник. Люди бродили по холмам, заходили в дома. Кто-то даже разбил три окна.

На полах остались грязные следы, из открытых кранов текла вода. Кто-то забыл выключить воду в шланге для поливки цветов. Гомер пытался разговаривать с некоторыми посетителями, но ему так и не удалось заключить ни одной сделки.

Он вернулся в офис и стал ждать наплыва клиентов.

Однако ничего не происходило. Гомер ответил на несколько телефонных звонков и заверил звонивших, что дома действительно сдаются на выгодных условиях. И все же он ушел домой, как побитая собака.

В воскресенье ему не удалось сдать в аренду ни

одного дома.

Первым пришел Морган. Он явился один, рано утром в понедельник. Его по-прежнему мучили подозрения.

— Послушайте, — сказал Морган. — Я архитектор. Мне очень хорошо известно, сколько стоит дом. В чем тут подвох?

— Подвох в том, что вы платите пять тысяч долларов наличными за право получить дом в аренду на девяносто девять лет.

— Но здесь нет никакого подвоха. Это все равно что купить дом. Через сто лет любой дом теряет большую часть своей стоимости.

— Есть и другой подвох, — сказал Гомер. — Строительная фирма не продаст вам дом до тех пор, пока вы не купите у нее новый автомобиль.

— Это незаконно! — закричал Морган.

— Разве? Никто не заставляет вас принимать предложение фирмы.

— Давайте пока забудем о машине, — предложил Морган. — Скажите, как строительная компания могла построить такие дома всего за пять тысяч долларов? Мне точно известно, что это невозможно.

— Согласен с вами. Но если они намерены потерять кучу денег, зачем им мешать?

Морган постучал костяшками пальцев по письменному столу.

— Так в чем же трюк, Джексон?

— Представитель фирмы носит левую туфлю на правой ноге, а правую — на левой, если вам это что-нибудь объясняет.

Морган мрачно посмотрел на него.

— У меня такое впечатление, что вы тоже сошли с ума. Какое это имеет отношение к делу?

— Понятия не имею, — ответил Гомер. — Я упомянул эту деталь в надежде, что она вам поможет.

— К сожалению, мне не стало легче.

Гомер вздохнул:

— Я и сам ничего не понимаю.

Морган взял шляпу и нахлобучил ее на голову.

— Мы еще встретимся, Джексон, — угрюмо пообещал он.

Его слова прозвучали как угроза.

— Я буду здесь, — ответил Гомер в спину уходящего Моргана.

Гомер спустился в кафе выпить чашку кофе. Когда он вернулся, его ждал новый посетитель. Он сидел на стуле и нетерпеливо барабанил пальцами по портфелю, который держал на коленях. У него было такое выражение лица, словно он

выпил что-то очень кислое.

— Мистер Джексон, — сказал он, — я представляю Ассоциацию агентов по продаже недвижимости.

— Меня это не интересует, — равнодушно ответил Джексон. — Я много лет прекрасно жил, не вступая в вашу организацию. И легко обойдусь без нее еще долгие годы.

— Я пришел вовсе не для того, чтобы предложить вам членство в нашей ассоциации. Речь идет о рекламном объявлении, которое вы дали вчера в газете.

— Хорошая реклама, как мне кажется. Во всяком случае, она привлекла много клиентов.

— Именно против подобной рекламы выступает наша ассоциация. Если вы меня простите за слишком сильное выражение, то это настоящее надувательство.

— Мистер… кстати, как вас зовут?

— Снайдер, — ответил незваный гость.

— Мистер Снайдер, если вы действительно хотите снять в аренду дом по смехотворно низкой цене четыре доллара шестнадцать центов в месяц, я с радостью покажу вам один из этих домов. Если у вас есть время, я даже готов отвезти вас туда.

Зубы Снайдера щелкнули, словно захлопывающаяся мышеловка.

— Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю, мистер Джексон. Подобное рекламное объявление — настоящее мошенничество, и вам это прекрасно известно. Вы обманываете покупателей, и мы намерены вас разоблачить.

Гомер забросил шляпу на верхушку шкафа и уселся на стул.

— Снайдер, — сказал он, — вы только понапрасну занимаете место и отвлекаете меня от работы. Вы выполнили свой долг — предупредили меня. А теперь уходите.

Гомер не собирался так разговаривать и ужасно удивился собственной резкости. Но теперь, когда слова были произнесены, ему понравилось то чувство независимости и силы, которое они в нем пробудили.

— Вам незачем выходить из себя, — миролюбиво сказал Снайдер. — Давайте все спокойно обсудим.

— Вы пришли угрожать мне, — резко ответил Гомер. — Нам не о чем говорить. Вы сказали, что доберетесь до меня. Что ж, попробуйте.

Снайдер вскочил.

— Вы об этом пожалеете, Джексон, — злобно

прошипел он.

— Весьма возможно, — признал Гомер. — А вы уверены, что вам не нужен дом?

— Только не от вас, — бросил на ходу Снайдер и с высоко поднятой головой вышел за дверь.

«Должно быть, я сбил им график продаж», — сказал себе Гомер, глядя из окна на быстро шагающего по улице Снайдера. Гомер задумался. Он знал, что у него будут неприятности, но расторгнуть контракт со Стином не представлялось возможным. Элейн уже твердо решила, что они поедут в Европу.

Выбора нет. Даже если бы Гомер захотел, он не мог повернуть назад — да и сам он уже не мог остановиться. Слишком большие деньги были поставлены на карту.

Включение автомобилей в сделку не нравилось Гомеру, но здесь от него ничего не зависело. К тому же если он будет действовать аккуратно, то не наживет себе неприятностей. Возможно, подумал Гомер, стоит сходить к Стину и поговорить с ним.

Гейб Уилсон, страховой агент, чей офис находился дальше по коридору, заглянул в дверь, увидел, что Гомер один, вошел и с довольным видом уселся на стул. Гейб был ужасное трепло.

— Ну, как делишки, приятель? — ухмыляясь, спросил он. — Слышал, ты заполучил контракт со «Счастливыми Акрами». Почему бы тебе не взять в долю старого друга? Твои клиенты вполне могли бы страховаться у меня.

— Проваливай, — раздраженно буркнул Гомер.

— Вчера мне рассказали классную историю. Фирма, которая занимается сносом аварийных домов, получила заказ. А помощник прораба все перепутал, и они снесли другое здание. — Гейб хлопнул себя по коленям и расхохотался. — Ты можешь представить себе лицо заказчика, когда он узнал, что произошло?

— Это влетело ему в крупную сумму, — ответил Гомер. — Можно не сомневаться, что он оказался в тяжелом положении.

— Разве не смешно?

— Не вижу тут ничего смешного.

— Как дела со «Счастливыми Акрами»?

— Пока нормально, — ответил Гомер.

— Я навел справки, — сообщил Гейб. — Дешевая компания. Они нашли никудышного подрядчика, которого никто не знает. Более того, они даже материалы закупали не здесь. И подрядчик привез своих рабочих. В результате никто из местных и цента заработать не сумел.

— Весьма непатриотично.

— И не слишком умно. Не сомневаюсь, что через пару лет дома развалятся.

— А мне все равно. Я должен сдать их в аренду, остальное меня не касается.

— Есть какое-нибудь движение?

— Многие проявили интерес. А вот идет мой клиент.

Это был Морган. Он припарковал свой новенький автомобиль, сияющий хромом, у входа в здание. Гейб стремительно убрался восвояси.

Морган вошел в офис, уселся на стул и вытащил чековую книжку.

— Я купил машину, — заявил он. — На кого мне выписывать чек?

Шесть недель спустя Гомер заехал в офис торгового центра. Стин сидел в кресле, положив ноги на письменный стол. На ногах красовались черные туфли — в прошлый раз он был в коричневых. Однако они также были надеты неправильно.

— Мистер Джексон, — любезно проговорил он.

— Я наконец закончил. Все дома сданы в аренду.

— Отличная работа. — Стин засунул руку в ящик письменного стола, вытащил оттуда

небольшой предмет и толкнул его через стол Гомеру. — Вот. Она теперь ваша.

Гомер взял банковскую книжку, открыл ее и увидел аккуратные ряды прихода по 4500 долларов.

— Вы заработали вполне приличную сумму, — сказал Стин.

— Жаль, что у меня нет возможности продать еще пятьдесят домов, — с грустью признался Гомер. — Или даже две сотни. Люди полны энтузиазма. Я мог бы сдать их в аренду меньше чем через неделю. У меня даже имеется длинный список желающих.

— Ну так почему бы вам не сдать их?

— Я не могу сделать это во второй раз.

— Странное дело, — заметил Стин. — Никто не живет в наших домах. Все пустуют.

— Но этого не может быть! — возразил Гомер. — Возможно, некоторые из них еще не заняты, но большинство уже давно заселены. Люди живут в ваших домах.

— А по мне, так там никого нет.

— А что случилось с теми, кто взял дома в аренду? Куда они…

— Мистер Джексон!

— Да?

— Вы мне не верите. Вы не верили мне с самого начала. И я не понимаю почему. Вы сразу посчитали мое предложение странным. Мне показалось, что вы даже испугались. Но вы должны признать, что я поступил с вами честно.

Гомер погладил чековую книжку.

— Бесспорно.

— Я знаю, что делаю, мистер Джексон. И я не вчера родился. Я все обдумал заранее. Оставайтесь со мной. Мне нужен такой человек, как вы.

— Вы предлагаете сдать дома в аренду во второй раз? — смутившись, спросил Гомер.

— Во второй раз, — с довольным видом сказал Стин. — И в третий. И в четвертый. Сдавайте их в аренду столько раз, сколько сможете. Не останавливайтесь. Никто вам и слова не скажет.

— А люди, которым я сдал в аренду дома раньше? — заметил Гомер.

— Мистер Джексон, давайте не будем паниковать — этим вопросом займусь я. Вам ни о чем не следует беспокоиться. Только сдавайте дома в аренду.

— Но так нельзя.

— Мистер Джексон, за шесть недель вы заработали четверть миллиона. Надеюсь, вы довольны. Полагаю, вы не считаете, что этого…

— Да, конечно. С учетом налогов и всего прочего…

— Забудьте о налогах. Я же говорил, что наш банк сам решает проблемы с налогами.

— Не понимаю, — пробормотал Гомер. — Так бизнес не делается.

— Именно так, — заявил Стин. — Если вы со мной не согласны, придумайте свой способ — пусть он окажется лучше. А сейчас ваши возможности безграничны. Вы сможете стать мультимиллионером…

— В тюрьме.

— Я же сказал, что мы не делаем ничего противозаконного. Если вы не хотите быть нашим представителем…

— Я должен подумать, — взмолился Гомер. — Дайте мне день или два.

— Завтра в полдень, — решительно заявил Стин. — Если завтра в полдень я не получу от вас никакого ответа, то буду искать нового человека.

Гомер встал, засовывая чековую книжку в карман.

— Я буду у вас завтра.

Стин положил ноги на стол.

— Отлично. Я буду вас ждать.

Выйдя на улицу, Гомер прошел мимо сияющих

витрин магазинов. Теперь он заметил, что продавцов слишком мало, а покупателей и вовсе ни одного. Гомер зашел в аптеку, чтобы купить сигару. За прилавком стояла молоденькая девушка, которая, видимо, недавно окончила школу. Гомер никогда ее раньше не видел.

— Вы живете здесь? — спросил он.

— Нет, сэр. В городе.

Потом Гомер зашел в магазин скобяных изделий и продуктовый супермаркет. И нигде не встретил знакомых. «Как странно, — подумал он, — я прожил здесь почти тринадцать лет и думал, что знаком практически со всеми».

Тут Гомер вспомнил, что Гейб говорил относительно строительной фирмы: они всех рабочих привезли с собой. Возможно, по какой-то дурацкой причине Стин не захотел нанимать местных жителей. Однако взял на работу Гомера.

Абсурд какой-то… Но сдавать дома в аренду во второй раз — это уже слишком.

Пожалуй, пора выйти из дела. Он заработал приличную сумму. Если он уйдет сейчас, никто не сможет предъявить ему никаких обвинений.

А если останется, у него будут серьезные неприятности. Гомер раскурил сигару и вернулся к машине. Выехал с парковки на дорогу и свернул

к участку, где находились новые дома.

Он медленно вел машину, внимательно вглядываясь в каждый дом. Все они казались пустыми. На окнах — никаких занавесок и портьер. Трава на лужайках не подстригалась вот уже несколько недель. И нигде он не заметил играющих детей или резвящихся кошек и собак.

Почти во всех семьях, снявших дома, были дети, кошки или собаки. Здесь должна кипеть жизнь, сказал себе Гомер, но повсюду царит тишина.

Остановив машину, он вошел в один из домов. В нем было пусто и голо. В углах он нашел остатки опилок и стружки. На полу не осталось царапин, на стенах — ни одного следа гвоздя. Окна не вымыты, никто даже не содрал упаковочную бумагу со стекол. Гомер вышел из дома в полнейшем недоумении.

В двух других домах все выглядело точно так же.

Значит, Стин сказал правду. Стин — человек с туфлями, надетыми не на ту ногу, — заметно изменился. Шесть недель назад, когда Стин вошел в офис Гомера, он вел себя осторожно и тщательно формулировал свои предложения. Теперь он держался небрежно, даже сидел за столом, положив на него ноги, а в разговоре использовал жаргон-

ные словечки.

В домах Гомер не нашел ни одной живой души. Более того, в них никто никогда не жил. Он сдал в аренду пятьдесят домов, но ни один из его клиентов так и не въехал в свое новое жилище.

Нет, тут что-то не так, здесь происходит нечто ужасное.

На обратном пути Гомер зашел в офис Стина. И наткнулся на запертую дверь. Старый привратник открыл ворота и помахал ему рукой из окошка своей будки.

Вернувшись в офис, Гомер взял список людей, которые стали арендаторами. Он позвонил Моргану, чья фамилия стояла первой.

— Номер изменился, — сказала телефонистка. — Запишите новый телефон мистера Моргана.

Гомер набрал новый номер.

— «Счастливые Акры», — пропел мелодичный голос.

— Что?

— «Счастливые Акры», — повторил голос. — С кем вы хотите говорить, сэр?

— С мистером Морганом.

Пришлось немного подождать. Трубку взял сам Морган.

— Говорит Гомер Джексон. Хочу узнать, как вы устроились. Вам нравится дом? У вас все в порядке?

— Просто превосходно, — радостно ответил Морган. — Я даже хотел забежать и поблагодарить вас.

— Вы действительно всем довольны?

— Лучше и быть не могло. Теперь я почти не хожу в свой офис. Остаюсь здесь и работаю в комнате развлечений. А еще ловлю рыбу и гуляю. Жена и дети довольны не меньше меня. — Морган понизил голос. — Но как вам удалось создать все это? Я пытался сам найти ответ, но у меня ничего не вышло.

— Это тайна, — ответил Гомер, импровизируя на ходу. — Мы всего лишь решаем жилищные вопросы.

— Впрочем, мне все равно, — заявил Морган. — Так, просто любопытно. Обязательно зайду к вам и кое-что принесу.

— Буду рад встрече с вами, — ответил Гомер.

Затем он вновь позвонил в «Счастливые Акры» и попросил соединить его с другой семьей. Так он дошел до середины списка. В основном Гомер беседовал с женщинами, хотя часть мужчин оказалась дома. Они не только были счастли-

вы, но и горели желанием поделиться своими впечатлениями с Гомером. И почти все шутливо спрашивали, как ему удалось провернуть такое необычное дело.

Когда Гомер закончил телефонные разговоры, его глаза совершенно остекленели. Тогда он решил спуститься вниз и выпить чашечку кофе. Вернувшись обратно в офис, Гомер принял решение.

Он взял список тех, кто хотел заключить договор об аренде, но не попал в первые пятьдесят счастливчиков, и начал их обзванивать:

— Если вас это интересует, то в «Счастливых Акрах» освободился дом.

Люди отвечали, что их это интересует.

Он напоминал им насчет машины, и они отвечали, что утром первым делом купят машину.

К ужину он сдал в аренду двадцать домов — по телефону.

— Тут что-то не так, — сказал Гомер жене. — Но я могу отхватить серьезный куш.

— Ты просто чего-то не понимаешь, — заявила Элейн. — Наверняка существуют причины, по которым мистер Стин не может тебе все объяснить.

— Но нам придется отказаться от путешествия

в Европу. А мы ведь оформили паспорта и все такое.

— В Европу мы сможем отправиться позже. У тебя никогда не будет такого шанса.

— Однако я беспокоюсь, — признался Гомер.

— О, ты всегда беспокоишься о вещах, которые никогда не случаются. Мистер Стин доволен твоей работой, а люди, снявшие дома, и вовсе счастливы! Чего еще тебе нужно?

— Но куда девались все эти люди? Они не живут в домах, но разговаривают так, словно давно туда переехали. А многие спрашивают меня, как мне удалось провернуть такую замечательную сделку. Получается, будто я проявил ловкость, совершив нечто сомнительное. Но в чем состоит моя ловкость? Я бы и сам хотел знать…

— Забудь, — заявила Элейн. — Ты никогда не отличался ловкостью. И если бы я тебя постоянно не подталкивала…

— Да, дорогая, — сказал Гомер, который уже не раз это слышал.

— И перестань волноваться.

Он попытался, но у него ничего не получалось.

Ранним утром следующего дня он поехал в «Счастливые Акры» и оставил машину перед воротами. С семи до девяти часов он насчитал

сорок три машины, которые выехали за ворота комплекса. Некоторые он узнал — именно они снимали дома в аренду. Многие махали ему руками.

В 9.30 он въехал в ворота, припарковал свой автомобиль и медленно зашагал по тротуару.

Все дома были пусты.

Когда Гомер вернулся в свой офис, там его ждали люди. Стоянка перед зданием была забита машинами.

Сделки заключались с головокружительной быстротой. Как выяснилось, никто из потенциальных покупателей не хотел осмотреть дома — все видели их раньше. Они стремились только к одному: получить договор на аренду. Гомер без передышки заполнял формы, а стопка чеков и наличных на его столе стремительно росла.

Пришли новые клиенты, сказали, что до них дошли слухи о свободных домах в «Счастливых Акрах». Да, отвечал Гомер, так и есть. Впрочем, всего несколько. Он напомнил им о новых машинах.

Последний человек в очереди заявил, что он не хочет брать дом в аренду.

— Меня зовут Фаулер, — сказал он. — Я представляю Ассоциацию строителей и подрядчиков.

Возможно, вы сумеете мне помочь.

— У меня есть дом для вас, если вы пришли сюда для этого, — предложил Гомер.

— Мне не нужен дом. У меня уже есть один, благодарю.

— Советую вам его продать и заключить сделку с нами. У нас абсолютно новый подход к решению жилищного вопроса.

Фаулер покачал головой:

— Меня интересует только один вопрос: как мне связаться с мистером Стином?

— Никаких проблем, — ответил Гомер. — Отправляйтесь в «Счастливые Акры». У него там офис.

— Я был там дюжину раз. Его никогда нет на месте. Офис заперт.

— У меня ни разу не возникло с этим проблем, хотя я вижусь с ним довольно редко. Слишком много работы.

— Вы можете рассказать мне, мистер Джексон, как он это делает?

— О чем вы? Как ему удается всегда отсутствовать?

— Нет. Как он может продавать дома по пять тысяч долларов за штуку?

— Он не продает. Мистер Стин сдает дома в

аренду.

— Только не надо морочить мне голову. Аренда на девяносто девять лет ничем не отличается от продажи. И он не может строить дома за такие деньги. Стин теряет по двадцать тысяч долларов на каждом доме.

— Если человек хочет выбросить на ветер собственные деньги…

— Мистер Джексон, — перебил его Фаулер, — речь совсем о другом. Стин нарушает правила честной конкуренции.

— Нет, пока он сдает дома в аренду, — возразил Гомер. — Вот когда он начнет продавать, тогда другое дело.

— Если так будет продолжаться и дальше, все подрядчики в нашей местности останутся без работы.

— Откровенно говоря, — заметил Гомер, — во многих случаях это будет лишь справедливо. Они строят жалкие домишки в красивой обертке, но берут за работу такую цену…

— Тем не менее, мистер Джексон, они не вытесняют конкурентов из бизнеса.

— И вы намерены подать в суд, — предположил Гомер.

— Вне всякого сомнения.

— Только не смотрите на меня так. Я лишь оформляю договоры об аренде.

— Мы намерены получить судебный запрет на аренду ваших домов.

— Вы будете вторыми в очереди, — раздраженно сообщил Гомер.

— Вторыми?

— После Ассоциации агентов по продаже недвижимости, которые прислали сюда своего представителя несколько недель назад. Он долго мне угрожал, но до сих пор ничего не сумел добиться. Блефовал, наверное, как и вы.

— Разрешите вас заверить, что я не намерен блефовать.

Фаулер с кислым видом встал и направился к двери.

Гомер посмотрел на часы. Время ланча давно прошло. Он спустился в кафе, чтобы выпить чашку кофе и съесть сэндвич.

В кафе было пусто, и он сидел за стойкой один. Не торопясь, Гомер выпил две чашки кофе, пытаясь свести концы с концами, но все его рассуждения не шли дальше Стина с надетыми не на ту ногу туфлями.

Тяжело вздохнув, Гомер вернулся в офис. Там его уже ждали очередные покупатели, прие-

хавшие на новых машинах. Он вновь принялся сдавать в аренду дома.

Похоже, слухи успели распространиться по всему городу. Клиенты шли один за другим. До окончания работы он успел сдать в аренду еще четыре дома.

Просто поразительно, как быстро люди узнали о выгодной аренде. Последние три недели Гомер не делал никакой рекламы, а клиенты продолжали приходить.

Когда Гомер собирался закрыть офис, явился возбужденный Морган. В руках он держал пакет.

— А это для вас, приятель, — сказал он. — Я ведь обещал вам кое-что принести. Поймал их всего пару часов назад.

Гомер осторожно взял влажный пакет.

— Большое вам спасибо, — с сомнением сказал он.

— Не стоит. В ближайшую неделю я принесу вам еще.

Как только Морган ушел, Гомер закрыл жалюзи и осторожно развернул пакет. Внутри оказалось несколько только что выловленных форелей, завернутых в папоротник, который даже не успел завянуть.

Гомер прекрасно знал, что в радиусе двухсот

миль форель не водится! Он стоял и с тоской смотрел на рыбу. Он больше не мог делать вид, что все в порядке. Даже получая по пять тысяч долларов за каждую сделку, он не мог игнорировать происходящее.

Пора взглянуть правде в глаза. Его окружили со всех сторон.

Фаулер явно собирается подавать в суд, а Ассоциация агентов по продаже недвижимости ждет, когда Гомер совершит хотя бы маленькую ошибку. И как только это произойдет, мышеловка захлопнется.

У него есть только один способ себя защитить: он должен узнать, что происходит. Больше нельзя играть втемную.

Если он узнает правду, то сможет что-то предпринять. Возможно, даже успеет вовремя уйти. Пришла пора решительных действий.

Гомер продолжал стоять посреди офиса, на столе лежала завернутая во влажную бумагу рыба, а перед глазами у него маячили ровные ряды одинаковых домиков, за ними такие же улицы, одна за другой, ничем не отличающиеся друг от друга, постепенно исчезающие за горизонтом.

Возможно, все именно так и есть, однако не существует даже второй улицы с одинаковыми

домами. Он собственными глазами видел лишь одну улицу, на которой стояли пустые дома — но каким-то непостижимым образом там жили люди.

«Сдавайте их в аренду во второй раз, — сказал Стин, — а потом в третий и в четвертый — этим вопросом займусь я. Вам ни о чем не следует беспокоиться. Сдавайте дома в аренду, и все дела».

И Гомер сдал первый дом в аренду, но люди поселились не в нем, а в другом точно таком же, стоящем сразу за первым, и тогда он вновь сдал в аренду первый дом, а люди стали жить в третьем, который ничем не отличался от первых двух, — да, все происходит именно так.

Вот только глупо пытаться по-детски объяснить то, чего ты не понимаешь. Волшебная сказка.

Гомер попытался придумать какое-нибудь рациональное объяснение, но ничего не получалось.

Человек должен доверять своему здравому смыслу, не так ли? Он должен верить своим глазам. Гомер прекрасно знал, что построено только пятьдесят домов — пустых, несмотря на то что в них живут люди. Он поговорил с множеством людей, которые с радостью рассказали о своей новой чудесной жизни в пустых домах.

Нет, так не бывает, продолжал спор с самим собой Гомер. Все эти люди сошли с ума — Стин и все, кто живет в пустых домах.

Он завернул рыбу в бумагу и не слишком аккуратно перевязал пакет. Не имеет значения, откуда взялась форель, но она наверняка очень вкусная. И вкус свежей форели вдруг представился Гомеру одной из немногих истинных вещей, оставшихся в мире.

Позади послышался скрип, и Гомер в ужасе подскочил, резко повернувшись спиной к столу.

Дверь открывалась! Он забыл ее запереть!

Вошедший человек не носил формы, но Гомер сразу понял, что перед ним полицейский или детектив.

— Меня зовут Хопкинс, — представился он и показал свой значок.

Гомер плотно прикрыл рот, чтобы детектив не услышал, как стучат его зубы.

— Надеюсь, вы сумеете мне помочь, — сказал Хопкинс.

— Конечно, — пролепетал Гомер. — Сделаю все, что в моих силах.

— Вы знаете человека по имени Дал?

— Не думаю, — покачал головой Гомер.

— А вы не посмотрите в своих записях?

— В моих записях? — переспросил Гомер, окончательно переставший понимать, что происходит.

— Мистер Джексон, вы ведь бизнесмен. У вас должна быть картотека — имена людей, которым вы продаете недвижимость.

— Да, — пробормотал Гомер. — Да, естественно, у меня есть такие записи. Несомненно. Конечно.

Трясущимися руками он вытащил ящик письменного стола и достал папку, которую завел для арендаторов домов в «Счастливых Акрах». Он открыл ее и принялся просматривать фамилии клиентов.

— Кажется, здесь есть такая фамилия, — сказал он. — Дал, вроде бы вы сказали?

— Джон Х. Дал, — уточнил Хопкинс.

— Верно, три недели назад я сдал в аренду дом в «Счастливых Акрах» Джону Х. Далу. Вы полагаете, это он?

— Высокой, смуглый человек. Сорока трех лет. Довольно нервный.

Гомер покачал головой:

— Я его не помню. У меня было очень много посетителей.

— А есть в ваших списках Бенни Огаст?

Гомер перевернул несколько страниц.

— Б. Дж. Огаст. Он приходил на следующий день после мистера Дала.

— И еще меня интересует человек по имени Дрейк.

Дрейк также оказался в списках. Хопкинс довольно потер руки.

— А как мне попасть в «Счастливые Акры»?

Охваченный тоской Гомер рассказал Хопкинсу, как туда доехать.

Захватив пакет с рыбой, он вышел из офиса вместе с Хопкинсом. Полицейский сел в машину и уехал, а Гомер еще долго смотрел ему вслед. Не стоит попадаться Хопкинсу на глаза, когда он вернется. Оставалось надеяться, что полицейский не станет его искать.

Закрыв офис, Гомер зашел в кафе купить газету. Он развернул свежий номер, и на глаза ему сразу же попался броский заголовок:

РАЗЫСКИВАЮТСЯ ТРОЕ ПРЕСТУПНИКОВ,
ПРОВЕРНУВШИХ БИРЖЕВУЮ АФЕРУ

Ниже красовались три фотографии. Он прочитал фамилии. Дал. Огаст. Дрейк. Тщательно сложив газету, Гомер засунул ее под мышку и почувствовал, как по спине течет пот.

Он прекрасно понимал, что Хопкинс никогда не найдет этих людей. В «Счастливых Акрах»

они будут в безопасности. Тут только до Гомера дошло, каким идеальным местом станут «Счастливые Акры» для тех, кто захочет скрыться.

Интересно, скольких арендаторов разыскивает полиция? Неудивительно, что сведения о «Счастливых Акрах» распространились так стремительно, а возле его офиса толпятся люди, купившие новые автомобили.

Так что же все-таки происходит? Как устроена афера? Кто стоит за «Счастливыми Акрами»? И почему он, Гомер Джексон, оказался втянут в эту таинственную историю?

Элейн бросила на него оценивающий взгляд, как только он переступил порог.

— Ты взволнован, — строго сказала она.

Гомер благородно соврал:

— Вовсе нет. Просто немного устал.

«Напуган до смерти» — было бы гораздо ближе к истине.

На следующее утро к девяти часам утра Гомер подъехал к «Счастливым Акрам». Он без стука вошел в кабинет Стина и только тут заметил, что у него посетитель. Человек, беседовавший со Стином, быстро повернулся к двери.

— А, это вы, — сказал он.

Гомер увидел, что этот человек — Хопкинс.

Стин устало улыбнулся:

— Мистер Хопкинс полагает, что мы препятствуем свершению правосудия.

— Не понимаю, как мистеру Хопкинсу могла прийти в голову подобная мысль? — удивился Гомер.

Хопкинс с трудом сдерживал ярость.

— Где все эти люди? Что вы с ними сделали?

— Я же говорил вам, мистер Хопкинс, мы лишь сдаем дома в аренду. Мы не отвечаем за наших арендаторов. У нас снимают жилье самые разные люди.

— Вы их спрятали!

— Ну как мы можем их спрятать, мистер Хопкинс? И где? Вы можете зайти в любой из наших домов. Ищите, сколько душе угодно.

— Я не понимаю, что здесь происходит, — разгневанно заявил Хопкинс. — Но я обязательно выясню. И очень советую вам обоим дать разумные объяснения.

— Я считаю, — задумчиво проговорил Стин, — что приверженность мистера Хопкинса долгу заслуживает восхищения. Вы согласны со мной, мистер Джексон?

— Вне всякого сомнения, — ответил Гомер, который не знал, что еще можно сказать.

— Вы еще подавитесь собственными словами, — обещал им Хопкинс.

И выскочил из кабинета, оглушительно хлопнув дверью.

— Какой неприятный человек, — совершенно спокойно заметил Стин.

— Я выхожу из дела, — заявил Гомер. — У меня полные карманы наличных и чеков. Как только я их верну, мое участие в вашем предприятии будет закончено. Ищите кого-нибудь другого — пусть он выполняет для вас грязную работу.

— Мне очень неприятно это слышать. Причем в тот самый момент, когда дела у вас идут так успешно. Вы можете заработать кучу денег.

— Это слишком рискованно.

— Да, так кажется, но на самом деле вы ничем не рискуете. Типы вроде Хопкинса поднимают много пыли, но что они могут сделать? Нам ничто не угрожает.

— Мы сдаем в аренду одни и те же дома.

— Да, конечно, — не стал спорить Стин. — А как еще мне найти достаточное количество клиентов для нашего торгового центра? Вы же сами сказали, что пятидесяти семей будет мало. И вы, конечно, правы. Но если сдать дома в аренду по десять раз, то получится пятьсот семей… Между

прочим, мистер Джексон, к тому моменту, когда мы сдадим наши дома в аренду в сотый раз, вы заработаете двадцать пять миллионов долларов — совсем неплохо за несколько лет работы. И что бы вы обо мне ни думали, мистер Джексон, — сказал в заключение Стин, — я поступаю абсолютно честно. Вы торгуете настоящим товаром. Ведь я говорил, что меня не интересуют деньги от продажи домов, меня волнует лишь прибыль торгового центра.

Гомер попытался сделать вид, что слова Стина не произвели на него впечатления. Он стал вынимать из карманов деньги и чеки. Стин принялся ставить передаточные подписи на чеках, а потом аккуратно сложил наличные.

— Надеюсь, что вы передумаете, мистер Джексон, — продолжал убеждать он. — Мне нужен такой человек, как вы. Ваша работа меня полностью удовлетворяет. Я прошу вас остаться.

— Тогда будьте со мной откровенны до конца, — предложил Гомер. — И я останусь. Расскажите, как это все работает и каковы ваши планы.

Стин поднес палец к губам:

— Тшш! Вы не понимаете, о чем просите.

— Иными словами, вы утверждаете, что нам не грозят серьезные неприятности?

— Ну, в худшем случае к нам будут приставать неприятные типы, не более того.

— Но нас могут привлечь к суду, если сумеют доказать, что мы помогаем скрываться преступникам.

Стин тяжело вздохнул.

— Мистер Джексон, скольким сбежавшим преступникам вы дали приют за последние шесть недель?

— Ни одному, — решительно ответил Гомер.

— И я тоже. — Стин широко развел руки в стороны. — Значит, нам нечего бояться. Мы не нарушаем законов. Во всяком случае, — уточнил он, — у полиции нет никаких доказательств.

Он собрал наличные и чеки и протянул их Гомеру.

— Вот, — сказал он. — Вы можете отнести их в банк. Это ваши деньги.

Гомер взял пачку купюр и чеки и встал. Он размышлял о том, что сказал Стин. «Мы не нарушаем законов». Возможно, Стин прав и Гомер зря испугался. Что полиция может ему предъявить? Мошенничество с рекламой? Там не давалось обещаний, которые не исполнены.

Арендаторов обязывают покупать новые автомобили? Да, такой вариант возможен, но Гомер

не говорил, что приобретение машины является обязательным условием для совершения сделки. Он лишь упоминал, что было бы неплохо купить автомобиль у фирмы, которая представляет «Счастливые Акры».

Неужели его могут отдать под суд за то, что он продает дома дешевле их себестоимости? Едва ли, ведь будет очень непросто доказать, что аренда равносильна продаже. К тому же продажа или сдача в аренду домов по ценам ниже себестоимости не является преступлением.

Наконец, неужели его могли бы арестовать за сдачу в аренду одних и тех же домов по нескольку раз? Конечно, нет — до тех пор, пока кто-нибудь не пострадал, а как это доказать?

За исчезновение людей? Но с ними можно поговорить по телефону, к тому же они регулярно выезжают за ворота комплекса. И все довольны и даже счастливы.

— Быть может, — мягко проговорил Стин, — вы согласитесь остаться с нами.

— Возможно, — ответил Гомер.

И направился в банк. Здание производило впечатление. Фойе было отделано эффектным красноватым металлом и блистающими зеркалами. В изящных клетках сидели птицы, некоторые

из них пели.

Клиентов в банке не оказалось, но повсюду сохранялась идеальная чистота. Симпатичный вице-президент сидел за полированным письменным столом, на поверхности которого не было ни одного документа. Рядом за узким окошечком скучал кассир.

Гомер подошел к окошку и просунул внутрь наличные и чеки. Потом достал из бумажника банковскую расчетную книжку и протянул кассиру. Кассир просмотрел книжку и сказал:

— Сожалею, мистер Джексон, но у вас нет счета в нашем банке.

— Нет счета! — вскричал Гомер. — Но у меня на счету четверть миллиона!

Его сердце упало и едва не разбилось о пол. Если бы рядом оказался Стин, ему бы не поздоровилось.

— Нет, — спокойно сказал кассир, — вы сделали ошибку. Вот и все.

— Ошибку! — выдохнул Гомер, ему пришлось вцепиться в окошко, чтобы не упасть.

— Вполне объяснимую ошибку, — сочувственно заметил кассир. — Такое могло произойти с кем угодно. Ваш счет находится во Втором банке.

— Во Втором банке, — прохрипел Гомер. — О

чем вы говорите? Здесь нет других банков.

— Послушайте, здесь написано, что ваш счет находится во Втором банке.

Он показал Гомеру его банковскую книжку. Там действительно было написано: «Второй банк «Счастливых Акров».

— Ну ладно, так-то лучше, — с облегчением пробормотал Гомер. — А вы не подскажете, как мне попасть во Второй банк?

— Охотно, сэр. Вам нужно пройти направо. Прямо через эту дверь.

И он вернул Гомеру деньги и чеки.

— Так вы говорите, в эту дверь? — уточнил Гомер.

— Да, в ту, что рядом с фонтанчиком для питья.

Крепко сжимая банковскую книжку, деньги и чеки, Гомер поспешно направился к указанной двери, распахнул ее, вошел и захлопнул за собой прежде, чем понял, что оказался в чулане.

Здесь было совсем мало места, и Гомер с трудом мог повернуться, к тому же вокруг царила кромешная темнота. Гомер моментально взмок, он зашарил вокруг руками, пытаясь отыскать дверную ручку. Наконец удача улыбнулась ему, и он распахнул дверь.

Окончательно потерявший терпение Гомер

подбежал к окошку кассира и сердито постучал по стеклу. Кассир поднял голову.

— Что за дурацкие шутки? — завопил Гомер. — Что вы себе позволяете? Что здесь происходит? Я попал в обычный чулан.

— Прошу меня простить, сэр, — вежливо извинился кассир. — Это моя вина. Я забыл вам дать это.

Он наклонился, вытащил из выдвижного ящика какой-то маленький предмет и протянул Гомеру. Больше всего этот предмет показался Гомеру похожим на необычное украшение на радиаторе автомобиля. С удивлением рассматривая его, Гомер спросил:

— А какое отношение эта штука имеет к банку?

— Самое прямое, — ответил кассир. — Она поможет вам попасть во Второй банк. Только не потеряйте ее. Она потребуется вам, чтобы вернуться обратно.

— Вы хотите сказать, что я должен просто держать ее в руке?

— Совершенно верно, сэр, — заверил его кассир.

Гомер вернулся к двери, все еще не веря кассиру. «Это какой-то бессмысленный бред, — сказал

он себе. — Эти ребята ничем не отличаются от Гейба Уилсона — так и норовят отмочить дурацкую шутку. Если кассир надо мной потешается, — пообещал себе Гомер, — я вытру его шевелюрой пол».

Он открыл дверь и еще раз вошел в чулан — и оказался вовсе не в чулане, а в другом банке.

Металлическая отделка отливала красным, блистали многочисленные зеркала, пели птицы, вот только клиентов здесь было полно. За стеклом трудились трое кассиров, а безупречно одетый вице-президент работал не покладая рук.

Гомер немного постоял возле двери. Клиенты не обращали на него внимания, но, когда Гомер пригляделся к ним, он обнаружил, что многих знает.

Это были те самые люди, которым он сдавал дома в аренду. Теперь они пришли во Второй банк по своим делам.

Засунув металлический предмет в карман, он направился к окошку, где было поменьше клиентов. Ему пришлось немного подождать, пока стоящий перед ним мужчина не закончит делать вклад.

Гомер видел лишь его затылок, но мужчина показался ему знакомым. Он стоял и вспоминал

людей, которые прошли через его офис за последние шесть недель.

Наконец мужчина повернулся, и Гомер разглядел его лицо.

Дал. То самое лицо, которое вчера смотрело на него со страницы газеты.

— Приветствую вас, мистер Джексон, — сказал Дал, — давненько не виделись.

Гомер едва не подавился собственным языком.

— Добрый день, мистер Дал. Как вам нравится ваш дом?

— Он просто великолепен, мистер Джексон. Здесь так тихо и спокойно, я просто не могу отсюда уехать.

«Держу пари, что так оно и есть», — подумал Гомер.

— Рад слышать, что вы довольны, — ответил Гомер и подошел к окошку.

Кассир открыл его банковскую книжку.

— Как хорошо, что вы нас посетили, мистер Джексон. Полагаю, что вас захочет повидать президент. Вы зайдете к нему, когда я закончу оформлять ваш вклад?

Когда Гомер отходил от окошечка, по его спине пробежал холодок: интересно, зачем президент ищет с ним встречи и какие новые неприятности

его ждут?

Гомер постучал, и приветливый голос предложил ему войти. Президент оказался тучным и удивительно доброжелательным джентльменом.

— Я надеялся, что вы зайдете, — заявил он. — Уж не знаю, известно ли вам, что вы наш самый крупный вкладчик?

Он крепко пожал Гомеру руку и предложил ему сесть в кресло. Затем президент закурил сигару, и Гомер, неплохо разбиравшийся в табаке, решил, что она должна стоить никак не меньше пятидесяти центов.

Выпустив струю ароматного дыма, президент уселся за свой стол.

— У вас здесь все превосходно организовано, — заметил Гомер, чтобы завязать разговор.

— О да, — кивнул президент. — По высшему разряду. Но вы же знаете, мы лишь проводим испытания.

— Нет, мне об этом ничего не известно.

— Да, конечно. Вот увидите, у нас получится. И тогда мы сможем реализовать более крупные проекты — уверен, они окажутся намного прибыльнее. Впрочем, тут ничего нельзя утверждать заранее, кто знает, как будут приняты новые

идеи. Иногда проводятся серьезные предварительные исследования, бесчисленные оценки, а результат никого не удовлетворяет.

— Вы правы, — ответил Гомер, не очень понимая, о чем говорит президент.

— А как только система заработает, — продолжал президент, — мы сможем передать управление местным жителям.

— Понятно. Значит, вы приехали издалека?

— Естественно. Я из города.

«Как странно он изъясняется», — вдруг подумал Гомер. Он внимательно наблюдал за президентом, лицо которого оставалось совершенно спокойным, — он не производил впечатления человека, который оговорился или сказал совсем не то, что хотел.

— Я очень рад, что познакомился с вами, — сказал Гомер. — Честно говоря, я подумывал о том, чтобы перевести счет в другой банк и…

На лице президента появилось выражение ужаса.

— Но почему? Вам наверняка рассказали о налоговых преимуществах, которыми пользуются наши вкладчики.

— Да, об этом шла речь, но, должен признаться, я не совсем понял.

— О, мистер Джексон, все очень просто. Тут нет никакой тайны. Что касается властей вашей страны…

— Моей страны?

— Ну да, конечно. Мне представляется, с логической точки зрения — и мы готовы отстаивать наши позиции в суде, — что данная территория уже не является Соединенными Штатами Америки. Но даже если считать ее частью вашей великой нации — а я сомневаюсь, что подобное утверждение будет признано в суде, — наша документация остается недоступной для федеральных агентов вашей страны. Только не говорите мне, что вы не понимаете, какие выводы из этого следуют.

— Подоходный налог, — сказал Гомер.

— Верно, — радостно улыбаясь, кивнул президент.

— То, что вы рассказали, чрезвычайно интересно. — Гомер встал и протянул руку президенту. — Мы еще обязательно встретимся.

— Благодарю вас, — ответил президент. — Заходите в любое время.

На улице ярко сияло солнце.

Торговый центр занимал весь квартал, повсюду прогуливались люди, заходили в магазины,

делали покупки. Несколько машин были припаркованы на стоянке — мир Второго банка выглядел точно так же, как мир Первого банка, и если бы Гомер не знал, в чем отличие…

Боже мой, подумал Гомер, так чем же они отличаются? Что произошло на самом деле? Он вошел в какую-то дверь и оказался в другом банке, где обнаружил пропавших людей — тех, кто не жил в пустых домах мира Первого банка.

Получалось, что мир, в котором стоят пустые дома, лишь витрина? С тем же успехом на месте домов могли бы стоять образцы. Здесь выстроилась вторая улица, о которой он размышлял вчера. А за второй улицей появятся третья, четвертая и так далее?

Совершенно потрясенный Гомер брел по гладкому тротуару; да, вторая улица была самой настоящей реальностью. Он никак не мог до конца осмыслить происходящее. Его разум отказывался постичь, как такое возможно, и он сказал себе, что все это неправда. Однако Гомер видел: мир Второго банка существует, как бы его разум ни сопротивлялся тому, о чем говорили ему глаза!

Он незаметно подошел к воротам комплекса. Они ничем не отличались от ворот мира Перво-

го банка — такая же массивная металлическая решетка.

Однако здесь не было сторожа.

По дороге стремительно мчалась машина — прямо к воротам. Казалось, водитель их не видит. Гомер закричал, но машина не сбавила ход. Он принялся размахивать руками, но водитель не обращал на него ни малейшего внимания.

«Он совсем спятил, — подумал Гомер. — Сейчас он врежется в ворота и...»

И автомобиль на высокой скорости влетел в ворота — совершенно беззвучно, Гомер не слышал ни удара, ни скрежета рвущегося металла. Ничего не произошло. Ничего.

Ворота стояли на прежнем месте. А машина исчезла. Гомер неуверенно двинулся к воротам.

Не доходя десяти шагов, он остановился.

Дорога подходила к воротам; дальше ничего не было. На множество миль за воротами тянулась дикая местность.

Гомер осторожно приблизился к воротам и выглянул сквозь решетку.

Всего в нескольких футах от ворот высился гигантский дуб, а за ним простирался вековой первозданный лес, откуда доносилось приятное журчание ручья.

«Рыба, — подумал Гомер. — Возможно, именно в этом ручье водится форель». Он протянул руку и коснулся железной решетки ворот. И в тот же миг лес исчез — Гомер стоял у знакомого входа в комплекс «Счастливые Акры», возле широко распахнутых ворот, рядом с автострадой, на которую выходил участок дороги, ведущей к комплексу.

— Доброе утро, сэр, — приветствовал Гомера сторож. — Пожалуй, вам стоит отойти в сторону, иначе вас может задавить машина.

— Что? — тупо переспросил Гомер.

— Машина. Вы ведь стоите на дороге.

Гомер повернулся на каблуках, быстро прошел мимо сторожа и решительно направился в офис Стина.

Однако оказалось, что дверь заперта. Гомер громко постучал по стеклу. Ничего не произошло. Он повернулся к двери спиной и огляделся. Перекресток перед торговым центром был пуст. За деревьями виднелись дома — Гомер не сомневался, что там никого нет. Чуть дальше на солнце поблескивала гладкая поверхность озера.

Он засунул руку в карман, и его пальцы нащупали маленькое украшение для радиатора. Гомер вытащил его и принялся рассматривать. Он уже видел его раньше — не эту маленькую копию, а

само украшение. Да, оно стояло на новых машинах, припаркованных возле его офиса, — на них приезжали люди, которые хотели арендовать дома. И еще он заметил такое украшение на машине, едва не врезавшейся в ворота.

Гомер вернулся к стоянке, сел в свою машину и вернулся домой.

— Пожалуй, сегодня я не пойду в офис, — сказал он Элейн. — Я паршиво себя чувствую.

— Ты слишком много работаешь, — укоризненно сказала Элейн. — У тебя усталый вид.

— Ты права, — признал он.

— Полежи после ланча. Может быть, немного поспишь.

— Да, дорогая, — ответил Гомер.

Все укладывается в схему, думал он, лежа в постели и глядя в потолок. Пожалуй, можно сделать кое-какие выводы. Поразительно, но у него не оставалось выбора — он не мог не верить собственным глазам. А если считать происходящее игрой воображения, то концы никак не сходились с концами.

Некто — быть может, Стин или кто-то другой, на кого работает Стин, — открыл способ строить один дом, который каким-то образом превращается во множество домов. И одна улица тянется

вслед за другой, каждая последующая является тенью предыдущей, однако каждый дом настоящий — в них живут люди.

Первый дом уходит в другое измерение. Или дома перебираются в разные времена. Или еще что-нибудь столь же невероятное.

Так или иначе, но кому-то удалось придумать превосходную идею. Получалось, что можно построить один дом, а потом продавать его или сдавать в аренду снова и снова. И при этом безумный автор изумительной идеи согласился отдавать все деньги тому, кто сдает дома в аренду.

У Гомера не осталось ни малейших сомнений: Стин безумен. Его идеи относительно торгового центра выглядели весьма сомнительно; впрочем, если речь пойдет о пяти тысячах домов, каждый из которых сдан в аренду по десять раз, а у тебя монополия на все товары, которые они будут покупать… Пожалуй, любые расходы быстро окупятся.

Не следует также забывать о словах президента банка относительно суверенитета.

Новый подход к решению жилищного вопроса, так сказал ему Стин. Вот где собака зарыта!

Новый подход применим ко многим аспектам

человеческой деятельности — промышленности, сельскому хозяйству, горному делу… Достаточно сделать одну машину, и у тебя их становится сколько угодно! Построить одну фабрику — потом их будет несколько.

Точная копия, подумал Гомер, экономика под копирку. Похоже, они в состоянии сделать столько копий, сколько захотят. Вероятно, как только ты овладеваешь принципом, количество копий ничем не ограничено. И Гомер вдруг представил «Счастливые Акры», бесконечно повторяющиеся снова и снова. И нет им конца.

Он заснул, и ему приснились призрачные ряды домов, которые он безуспешно пытался сосчитать, понимая, что обретет свободу только после того, как получит результат. Но стоило ему закончить с одной улицей, как тут же возникала другая, и освобождения не наступало.

Гомер проснулся в холодном поту, во рту пересохло, на языке остался отвратительный вкус горечи. Он с трудом выбрался из постели и пошел в ванную, где подставил голову под струю холодной воды. Стало легче, но ненамного.

Гомер спустился вниз и на обеденном столе нашел записку от Элейн: «Ушла играть в бридж к Мейбл. Бутерброды в холодильнике».

На улице уже стемнело. Он проспал несколько часов. Потерянный день, выругал себя Гомер, ну никакой пользы — и доллара не заработано.

Он нашел немного молока, выпил его, но к бутербродам даже не притронулся. Пожалуй, он съездит в офис, чтобы компенсировать потерянное время. Элейн вернется не раньше полуночи, так какой смысл сидеть одному дома?

Прихватив шляпу, Гомер направился к оставленной на подъездной аллее машине. Распахнул дверцу, плюхнулся на сиденье — и едва не вскрикнул, обнаружив, что сидит на чем-то неровном и твердом. Он страшно разозлился, вскочил и принялся шарить под собой руками.

Его пальцы сомкнулись на твердом предмете, и Гомер вспомнил. Эта штука попалась ему на глаза в тот день, когда Морган пришел по первому рекламному объявлению. И с тех пор она валялась у него в машине.

Предмет был гладким и теплым, гораздо теплее, чем окружающий воздух, и от него исходило низкое гудение, словно внутри работал моторчик.

Неожиданно он мигнул.

Гомер затаил дыхание, и последовала новая вспышка.

Похоже, кто-то подавал сигнал. Инстинкт

подсказывал, что ему следует немедленно избавиться от сомнительной штуковины, выбросить ее из окна, но тут из нее послышался низкий хриплый голос, который произнес нечто вроде непонятного заклинания.

— Какого дьявола? — испуганно пробормотал Гомер. — Что происходит?

Голос смолк, и наступила тягостная тишина. Гомеру стало страшно, ему вдруг показалось, что воздух душит его.

Голос заговорил снова. Он произнес единственное слово, медленно, с явным трудом, как если бы говорящий мучительно изобретал новый язык.

Тишина. Гомер ждал, сжавшись на сиденье автомобиля, по его спине медленно стекал холодный пот.

Он наконец догадался, откуда взялся диковинный предмет. Стин ехал с ним в машине, и он выпал из его кармана.

— Жжжхг-жжем-лягххх-нин!

Гомер с трудом сдержал рвущийся изо рта крик.

Из кубика доносились шуршащие, вибрирующие звуки.

«Землянин?» — вдруг пришло в голову Гомеру. Кажется, именно это слово пыталось произнести

существо из кубика.

Если это действительно так и если Стин потерял кубик, значит, он вовсе и не человек.

Гомер вспомнил, как носил туфли Стин, и ему вдруг стало ясно, почему тот надел их именно так. Наверное, Стин появился из такого места, где не существует понятий «правый» и «левый». Или там не знают, что такое туфли. Ну как можно ожидать, что инопланетянин, прилетевший на Землю с далекой звезды, разберется в земных обычаях, во всяком случае сразу? Он припомнил первый день.

Стин разговаривал как-то неуверенно, да и сидел на стуле неловко. Но по прошествии шести недель Стин уже развалился в кресле и положил ноги на стол. Он многому научился за это время, как неотесанный деревенщина, впервые попавший в большой город.

Странное дело, но он так и не научился правильно надевать туфли.

Кубик продолжал изрыгать незнакомые слова. Чувствовалось, что кто-то по другую сторону этого кубика не понимает, что происходит.

Ужас захватил Гомера, с каждым мгновением его страх усиливался, и он больше не мог разобрать ни единого слова.

Наконец все смолкло. Кубик лежал на его ладони, постепенно остывая, вновь став похожим на пластиковую деталь из детского конструктора.

Послышался рев приближающейся машины, которая промчалась мимо и скрылась в ночи. Со двора доносилось мяуканье кошки, где-то совсем рядом сонно щебетала птица.

Гомер открыл ящичек справа от водительского сиденья и бросил туда кубик, который улегся на карту дорог. Он почувствовал, как ужас начинает постепенно его отпускать, и тихо сидел в машине, перекатывая в ошеломленном сознании новую мысль: Стин чужак.

Он сунул руку в карман и обнаружил металлический предмет. Теперь он понимал: это ключ, но не к многочисленным новым домам, а ключ к Стину и чужому миру.

Естественно, они не рассчитывали, что ключ останется у Гомера, ведь он вернулся в свой мир совсем другим способом, сохранив ключ. В банке кассир наверняка потребовал бы вернуть его, но Гомер повел себя непредсказуемым способом — и теперь диковинный предмет лежит у него в кармане.

Стин настаивал, чтобы всякий, кто хочет снять дом в аренду, купил новую машину. Потому что

украшение на радиаторе являлось мостом, связывающим один мир с другим. Впрочем, подумал Гомер, это уж слишком — заставлять людей покупать машину, чтобы вместе с ней получить украшение на радиаторе.

Возможно, разум чужаков работает таким необычным образом.

Гомер немного успокоился. Страх еще не прошел, но он перестал быть таким всеобъемлющим.

Как должен вести себя человек, когда он узнает, что на его родине появились инопланетяне? С криком пробежать по улицам, призывая всех граждан к борьбе с врагом, или сообщить властям, постараться не упустить след? Или продолжать жить так, словно ничего не произошло?

Быть может, ему следует использовать свое знание и попытаться извлечь из него выгоду? Сейчас он единственный человек на всей Земле, который знает правду.

Стину может не понравиться, если людям станет известно, что он инопланетянин. Возможно, он многое отдаст, чтобы никто не узнал правду.

Гомер сидел и размышлял. И чем больше он думал, тем больше приходил к убеждению, что Стин пойдет на многое, чтобы Гомер продолжал

хранить его тайну.

Что ж, сказал себе Гомер, все сложилось.

Этот Стин доставил ему кучу тревог и неприятностей.

Он опустил руку в карман. Миниатюрный ключ был на месте. Зачем ждать? Почему бы не сделать дело прямо сейчас? Он включил зажигание, выехал на шоссе и направился в «Счастливые Акры».

Комплекс был погружен в темноту. Даже реклама на витринах погасла. Гомер припарковал машину возле офиса Стина и вышел на тротуар. Открыв багажник, он нашарил в темноте ломик и посмотрел в сторону ворот. Сторожа нигде не было видно. Он должен рискнуть. Если старый дурак захочет вмешаться, Гомер с ним разберется.

У двери в офис Стина он некоторое время колебался, пытаясь убедить себя, что найдет там другую кладовку, из которой наверняка можно попасть в другой мир.

Гомер с яростью ударил ломиком по стеклу двери, во все стороны со звоном полетели осколки.

Он замер, напряженно прислушиваясь. Тишина. Старик сторож, очевидно, крепко спал и ничего не слышал. Осторожно просунув руку внутрь, Гомер отпер дверь и вошел.

В офисе никого не было. Гомер подождал, пока глаза привыкнут к темноте, и осторожно двинулся вперед, вытянув перед собой руки. В тусклом свете он различил очертания стола и шкафа. Здесь должна быть еще одна дверь.

Не обязательно на улицу, скорее вход в другое помещение, где Стин мог бы поесть, отдохнуть и поспать. Место, которое хотя бы немного похоже на его далекий чужой дом.

Гомер подошел к шкафу и прошел вдоль него. Почти сразу же ему удалось найти дверь. Он нажал на ручку, которая легко поддалась, и оказался в соседней комнате, озаренной зеленым светом свисающей с потолка лампы.

Послышался шум, и он ощутил какое-то движение. Волосы Гомера встали дыбом, ему ужасно захотелось оказаться где-нибудь подальше отсюда. Волосатое чудовище протянуло лапу и схватило его за плечо как раз в тот момент, когда он собрался выскочить обратно в распахнутую дверь.

Лапа чудовища оказалась тяжелой и очень сильной. И такой мохнатой, что его мех щекотал кожу. Гомер раскрыл рот, чтобы закричать, но во рту у него пересохло, а горло так сжалось, что он не сумел произнести ни звука. Ломик выскольз-

нул из его руки и со стуком упал на пол.

Долгое мгновение он стоял в лапах чудовища, пытаясь разглядеть его лицо, но тот оказался таким лохматым, что Гомер ничего не увидел. Чудовище было высоким, с массивными плечами и грудью, но удивительно узкой талией. И хотя Гомер смертельно перепугался, он подумал, что оно похоже на пастушью собаку с торсом борца.

И все это время что-то каталось по полу и стонало.

Наконец мохнатое чудовище заговорило медленно и по слогам:

— Вы мистер Джексон, не так ли?

Гомер пробормотал в ответ нечто невнятное.

— Приношу свои извинения, — продолжало чудовище. — Я очень беден вашими словами. Я занимаюсь обследованием вашей планеты, но со словами у меня плохо.

Оно показало на существо, которое продолжало стонать и кататься по полу.

— Вот у него со словами было хорошо. — Мохнатая рука отпустила плечо Гомера. — Это ваш мистер Стин.

— А что с ним случилось? — выпалил Гомер. — Он заболел или…

— Он сам умер, — ответило чудовище.

— Вы хотите сказать, что он умирает, а вы стоите…

— Нет, нет. Он — как это правильное слово? — сделал себя неживым.

— Вы хотите сказать, он себя убил? Совершил самоубийство?

— Да, — заявило чудовище. — Он делает это очень хорошо. Вы не согласен?

— Но вы не можете…

— Он этим очень гордился. Сделал зрелище. Он только начал. Он готовит большой финал. Вы должен оставаться смотреть. Будет что помнить.

— Нет, благодарю вас, — едва слышно пробормотал Гомер и повернулся, чтобы уйти.

Но чудовище подняло волосатую лапу и остановило его.

— Вам не надо бояться нас. Я остаюсь наполовину собой. Могу совсем превратиться в человека, но очень трудно. Так хватит?

— Все в порядке, — ответил Гомер.

Точная копия.

— Мы у вас в долгу, — сказало чудовище. — Ваш мистер Стин все перепутал.

— Готов поверить, — с чувством ответил Гомер.

— Он нелепый путаник. Шутник.

— Шутник?

— Клоун? Умник? Ну, вы понимаете — лжет, чтобы пошутить. Иногда получается очень ловко, но глупо. — Чудовище наклонилось вперед, чтобы заглянуть в лицо Гомера. — На вашей планете тоже много шутников?

— Даже слишком, — со вздохом ответил Гомер. — Один такой тип работает в соседнем с моим офисе. Его зовут Гейб Уилсон.

— Тогда вы меня поняли. Шутник не так уж плох, если на этом все заканчивается. Но шутник, который делает ошибки, совсем другое дело. У вас есть для него название. Самоуверенный наглец, правильно?

— Верно, — подтвердил Гомер.

— Мы делаем проекты для планет, для самых разных планет. И пытаемся, чтобы наши проекты подходили каждой планете. Мы хотим помочь, дать планете то, в чем она нуждается больше всего.

— Что-то вроде помощи иностранным государствам.

— И этот путаник, — продолжало чудовище, в голосе которого появились нотки справедливого негодования, — этот самоуверенный наглец, этот простофиля, этот ваш мистер Стин, как вы думае-

те, что он сделал? Он прибыл на Землю в качестве руководителя проекта — но захватил с собой не тот план. Он допускал маленькие ошибки и раньше, но это уже слишком. Последняя капля.

— Вы хотите сказать, что проект «Счастливые Акры» предназначался не для Земли, а для какой-то другой планеты? — предположил Гомер.

Чудовище обняло Гомера лапой за плечи, демонстрируя свое расположение и понимание.

— Именно так. Здесь не нужны «Счастливые Акры». У вас вполне достаточно места для ваших людей. Не нужно дублировать.

— Но, сэр, — задумчиво проговорил Гомер, — это замечательная идея. Открываются такие удивительные возможности.

— Друг мой, в других вещах вы нуждаетесь гораздо больше. У нас есть лучший план для вас.

Гомеру не очень понравился энтузиазм, с которым чудовище говорило о другом плане.

— И в чем же состоит другой план? — спросил он.

— Это секрет чрезвычайной важности. Чтобы проект увенчался успехом, необходимо, чтобы обитатели планеты думали, будто они сами все сделали. А это все, — чудовище обвело лапой офис, — ужасные глупости и ошибки. Он позво-

лил вам понять, что происходит.

— Но есть же еще и другие люди, — запротестовал Гомер. — В магазинах, президент банка, сторож и…

— Это все мы, — объяснило чудовище. — Вся команда приехала вместе с мистером Стином.

— Но они так похожи на людей! Они ничем не отличаются от нас!

— Да, они играли честно. Но эта обезьяна перестаралась.

— Но они одеты как мы и носят туфли…

— Ну, туфли — это шутка, — сердито пробормотало чудовище. — Ваш мистер Стин прекрасно знал, как нужно себя вести, чтобы не вызывать подозрений. Но он неправильно носил туфли, чтобы вывести вас… как это говорится?

— Вывести из себя?

— Да, верно! Он носил туфли неправильно, чтобы выводить вас из себя. А потом он заключил с вами фантастическую сделку и страшно радовался, считая себя умным и хитрым, — ну, настоящий клоун. Но так, скажу я вам, ни с кем нельзя обращаться. Так нельзя строить настоящие отношения. Ваш мистер Стин настоящий подонок. Пойдем посмотрим, как он страдает.

— Нет, — ужаснулся Гомер.

— Вам не нравится умирание?

— Но это негуманно.

— Конечно, негуманно. Но мы ведь негуманоиды. У нас такие социальные законы. Он сделал из себя дурака. Он допустил ошибку, достойную болвана. И теперь он должен себя умереть. И он должен это сделать хорошо. Большая честь — сделать хорошо. Он все испортил в своей жизни, но умирание нельзя портить. Иначе он навсегда станет негодяем.

Гомер содрогнулся, слыша, как стонет в жутковатом зеленом свете корчащийся на полу инопланетянин.

— Теперь этому конец, — заявило чудовище. — Мы закрываем проект. Совершена абсурдная ошибка. Мы все забираем с собой.

— Но так нельзя! — возразил Гомер. — Нам это нужно. Мы сумеем воспользоваться вашей идеей. Только объясните нам принцип.

— Нет. — Чудовище решительно покачало головой.

— Но если вы свернете проект, то все эти люди…

— Извините.

— Они меня прикончат! Ведь именно я сдавал им дома в аренду…

— Очень сожалею, — заявило чудовище.

— А деньги в банке? Четверть миллиона долларов, даже больше! Они исчезнут!

— У вас есть человеческие деньги в банке?

— Да. Похоже, вы скажете: «Очень сожалею».

— Мы можем с вами расплатиться. Мистер Стин заработал кучу денег. Он складывал их здесь. — Чудовище показало на дальнюю стенку. — Вы видите груду сумок? Возьмите все, что сможете унести.

— Деньги? — спросил Гомер.

— Хорошие деньги.

— Все, что я смогу унести? — не поверил своим ушам Гомер, с надеждой глядя на сумки. — И вы оставите меня в живых?

— Мы плохо поступили с вами, — сказало чудовище. — Это немного вас утешит?

— Вполне утешит, — радостно ответил Гомер.

Стин стал издавать более громкие звуки. Он превратился в чудовище, но продолжал кататься по полу и стонать. Гомер обошел его по широкой дуге, чтобы добраться до сумок.

Он приподнял одну из них, и она оказалась довольно тяжелой. Пожалуй, две он точно унесет. А если попробовать три? Он закинул две сумки за спину, а в руки взял третью. С большим трудом

Гомер добрел до двери. Чудовище с восхищением на него смотрело.

— Я вижу, вы любите деньги?

— Точно, — тяжело дыша, ответил Гомер, опустив неподъемные сумки на пол. — Все любят деньги.

— Вы уверены, что не хотите остаться и досмотреть? Сейчас станет лучше. Будет забавно, я бы даже сказал, интересно.

Гомер с трудом сдержал дрожь.

— Нет, благодарю. Хорошего вам дня, и спасибо вам за все.

— До свидания, мой друг, — ответило чудовище.

Оно подержало дверь открытой, чтобы Гомер сумел выйти из офиса.

И он оказался перед зданием и разбитой стеклянной дверью, где еще совсем недавно стоял с ломиком в руках. Где-то совсем рядом была припаркована его машина.

Гомер решил не терять времени.

Меньше чем через пять минут он уже выезжал из ворот, благополучно засунув сумки с деньгами в багажник. Он понимал, что времени у него совсем мало. Как только чудовище снесет «Счастливые Акры», целый батальон семей останется

в лесу, и у всех будет только одно желание — добраться до Гомера Джексона.

Он вдруг представил себе, как это будет происходить, а потом попытался выбросить подобные мысли из головы, но у него ничего не получилось.

Появится множество бездомных людей.

Они проснутся в диком, мокром лесу, в окружении разбросанной мебели и других вещей. И все эти блестящие новые машины окажутся среди деревьев. Да, люди будут сильно обозлены.

Но мог ли Гомер винить их за это? Он и сам был ужасно разозлен.

Мерзавец Стин, подумал Гомер. Как тот подрядчик, о котором рассказывал Гейб. Подрядчик, снесший не тот дом.

Часы на приборной доске показывали, что полночь уже прошла. Наверное, Элейн вернулась домой, и они могут начинать. Гомер остановил машину. В кухонном окне горел свет. Он выскочил из машины и вбежал в дом.

— А, вот ты где, — сказала Элейн. — Я уже начала беспокоиться. Что с тобой?

— Мы уезжаем, — выпалил Гомер.

— Ты что, окончательно спятил? Ничего себе, уезжаем!

— Хотя бы раз в жизни не спорь со мной, — сказал Гомер. — Мы уезжаем. Сегодня ночью. В моей машине три сумки с деньгами…

— Деньги! Откуда у тебя три сумки…

— Все вполне законно, — заверил ее Гомер. — С ними все в порядке. Я не грабил банк. Сейчас нет времени на объяснения. Мы уезжаем.

Неожиданно Элейн стала совершенно спокойной.

— Куда мы уезжаем, Гомер?

— Решим позднее. Может быть, в Мексику.

— Ты заболел, — обвиняюще проговорила она. — В последнее время ты слишком много работаешь. И слишком много нервничаешь из-за «Счастливых Акров»…

Это уже слишком! Он повернулся к Элейн спиной и направился к двери.

— Гомер! Куда ты, Гомер?

— Я намерен показать тебе деньги, — скрипя зубами, ответил он. — Я хочу, чтобы ты их увидела.

— Подожди меня! — воскликнула Элейн, но он даже не замедлил шаг, и ей пришлось бежать за ним.

Он открыл багажник автомобиля.

— Вот деньги. Сейчас мы внесем их в дом. Ты сможешь снять туфли и походить по нашим

деньгам. Возможно, тогда ты мне поверишь.

— Нет, Гомер, нет!

— Ладно, помоги мне отнести сумки в дом, — велел он.

Оказавшись в доме, он открыл одну из сумок. На пол посыпались аккуратные пачки банкнот.

Элейн опустилась на колени и взяла одну из пачек.

— Ой, они настоящие! — вскричала она.

— Конечно, настоящие, — ответил Гомер.

— Ой, Гомер, смотри, здесь купюры по двадцать тысяч долларов! — Она бросила пачку и схватила другую, а потом еще и еще. — И эти тоже! — завопила она вне себя от счастья. — Здесь миллионы долларов!

Гомер с тоской рылся среди множества пачек. По его лицу ручьями стекал пот.

— И это все купюры по двадцать тысяч долларов? — с надеждой спросила она.

— Да, — ответил Гомер убитым голосом.

— Но что тебя так огорчает?

— Грязный, подлый клоун этот мистер Стин, — с горечью ответил он.

— Да в чем дело?

— Они ничего не стоят, — сказал Гомер. — Не существует купюр достоинством в двадцать

тысяч долларов. Казначейство их никогда не выпускало!

Отец-основатель
Перевод Л. Жданова

Перед самыми сумерками Уинстон-Кэрби возвращался домой по заросшей вереском пустоши и думал, что природа показывает себя сейчас во всей красе. Солнце медленно погружалось в пурпурную пену облаков, и на низины уже пал серебристо-серый туман. Порой ему казалось, что сама вечность притихла, затаила дыхание.

День выдался хороший, и было приятно возвращаться домой, где все уже ждут его, стол накрыт, камин пылает, бутылки откупорены. Как жаль, что никто не составил ему компании в прогулке, хотя именно сейчас он был рад этому. Иногда хочется побыть одному. Почти сто лет провел он на борту космического корабля, и почти всегда — на людях.

Но теперь это было позади, и они все шестеро могли поселиться здесь и вести жизнь, о которой мечтали. Прошло всего несколько недель, а планета уже кажется домом; пройдут годы, и она на самом деле станет их домом, даже более родным, чем Земля.

И вот уже в который раз он радовался и удивлялся, как им вообще все удалось. Невероятно, как это Земля могла выпустить шестерых бессмертных из своих цепких рук. Земля действительно очень нуждалась в своих бессмертных, и то, что не один, а шестеро могли ускользнуть, чтобы начать жить так, как им хочется, было совершенно непостижимым. И все-таки это произошло.

Есть тут что-то странное, говорил себе Уинстон-Кэрби. Во время своего векового полета от Земли они часто говорили об этом и удивлялись, как все случилось. Помнится, Крэнфорд-Адамс был убежден, что это хитрая ловушка, но прошло сто лет, а никакой ловушки и в помине нет. Крэнфорд-Адамс, пожалуй, ошибался.

Уинстон-Кэрби поднялся на вершину небольшого холма и в сгущавшихся сумерках увидел дом — именно о таком доме он мечтал все эти годы, только такой дом и надо было строить в этом прекрасном крае, разве что роботы перестарались и сделали его слишком большим. Но он утешал себя: таковы уж эти роботы. Работящие, добросовестные, услужливые, но порой невыносимо глупые.

Он стоял на вершине холма и разглядывал дом. Сколько раз, собравшись за обеденным столом,

он и его товарищи обсуждали план будущего дома! Как часто сомневались они в том, насколько точны сведения об этой планете, которую они долго выбирали по «Картотеке исследований», как боялись, что в действительности она окажется совсем не такой, какой ее описывали.

И наконец вот оно — что-то от Харди, что-то из «Баскервильской собаки» — давняя мечта, ставшая явью.

Вот усадьба, во всех окнах горит свет. Темная громада построек для скота, который они привезли с собой в корабле в виде замороженных эмбрионов и сейчас поместили в инкубатор. Там — равнина, на которой через несколько месяцев будут поля и сады, а на севере стоит корабль, проделавший огромный путь. И вдруг на глазах Уинстона-Кэрби прямо над носом корабля загорелась первая яркая звездочка. Корабль и звезда были в точности похожи на традиционную рождественскую свечу.

Ликующий от переполнявшего его счастья, Уинстон-Кэрби стал спускаться с холма; в лицо повеяло ночной прохладой, в воздухе стоял знакомый издревле запах вереска.

Грешно так радоваться, думал он, но на это есть причины. Летели удачно, сели на планету

успешно, и вот он здесь, полновластный хозяин целой планеты, на которой когда-нибудь станет основателем рода и династии. И у него масса времени впереди. Нет нужды торопиться. Впереди, если понадобится, целая вечность.

И что лучше всего, у него хорошие товарищи.

Они будут ждать момента, когда он появится на пороге. Они посмеются и сразу выпьют, потом не спеша пообедают, а позже будут пить бренди перед пылающим камином. И разговаривать… неторопливо, задушевно, дружелюбно.

Именно разговоры вернее, чем что бы то ни было, помогли им не потерять рассудка за время векового космического полета. Именно это, их приязнь, согласие по поводу наиболее утонченных сторон человеческой культуры — понимание искусства, любовь к литературе, интерес к философии. Нечасто шестеро людей могут прожить вместе сотню лет без единой ссоры, без размолвок.

В усадьбе они уже ждут его: свечи зажжены, коктейли готовы, идет беседа, и в комнате тепло от дружелюбия и полного взаимопонимания.

Крэнфорд-Адамс сидит в большом кресле перед камином, глядит на пламя и думает: ведь в группе он самый глубокий мыслитель. А Эллин-

Бэрбидж стоит, облокотившись на каминную доску и сжимая в руке стакан, с блестящими от хорошего настроения глазами. Козетта-Миддлтон разговаривает с ним и смеется, потому что она хохотушка. У нее легкий, как у эльфа, нрав и золотистые волосы. Анна-Куинз, вероятнее всего, читает, свернувшись в кресле, а Мэри-Фойл просто ждет его, радуясь жизни и друзьям.

Это товарищи по долгому путешествию — такие отзывчивые, терпимые и добрые, что и в целый век не потускнела красота их дружбы.

Подумав о пятерых, которые ждут его, Уинстон-Кэрби против своего обыкновения побежал: ему страстно захотелось быть с ними, рассказать им о прогулке по пустоши, обсудить некоторые детали совместных планов.

Он перешел на шаг. Как обычно, ветер с наступлением темноты стал холодным, и Уинстон-Кэрби поднял воротник куртки, чтобы хоть как-то защититься от него.

Он подошел к двери и немного постоял на холоде, в который раз любуясь массивной деревянной конструкцией и приземистой солидностью здания. Усадьба построена на века, дабы внушить будущему поколению чувство прочности существования.

Он нажал на защелку, надавил дверь плечом, и она медленно отворилась. Изнутри пахнуло теплым воздухом. Уинстон-Кэрби вошел в прихожую и закрыл за собой дверь. Сняв шапку и куртку, он стал искать, куда бы повесить их, нарочно топая и шаркая ногами, чтобы дать знать другим о своем возвращении.

Но его никто не приветствовал, не слышно было счастливого смеха. Там, в комнате, царила тишина.

Уинстон-Кэрби повернулся так резко, что рукой задел куртку и сорвал ее с крючка. Она, шурша, упала на пол.

Он было побежал, но ноги стали как ватные, и он зашаркал ими, обмирая от страха.

Дошел до двери в комнату и остановился, не решаясь от ужаса двинуться дальше. Расставив руки, он вцепился в дверные косяки.

В комнате никого не было. Мало того… комната совершенно переменилась. И не просто потому, что исчезли товарищи. Исчезла также богатая обстановка комнаты, исчезли ее уют и благородный вид.

Не было ни ковров на полу, ни занавесей на окнах, ни картин на стенах. Ничем не украшенный камин сложен из необработанного камня.

Мебель (то немногое, что было) примитивная, грубо сколоченная. Перед камином — небольшой стол на козлах, а у того места, где стоял прибор на одну персону, — трехногий табурет.

Уинстон-Кэрби пытался кого-нибудь позвать. Но слова застряли в горле. Он сделал еще одну попытку, и она удалась:

— Джоб! Джоб, где ты?

Откуда-то из глубины дома прибежал робот.

— Что случилось, сэр?

— Где остальные? Куда они ушли? Они должны были ждать меня!

Джоб слегка покачал головой:

— Мистер Кэрби, их тут не было.

— Не было?! Но утром, когда я уходил, они же были. Они знали, что я вернусь.

— Вы не поняли меня, сэр. Здесь никого никогда не было. Только вы, я и другие роботы. И эмбрионы, конечно.

Уинстон-Кэрби опустил руки и сделал несколько шагов вперед.

— Джоб, — сказал он, — ты шутишь.

Но он знал, что ошибается: роботы никогда не шутят.

— Мы старались оставить их вам как можно дольше, — сказал Джоб. — Нам очень не хотелось

отнимать их у вас, сэр. Но оборудование нам понадобилось для инкубаторов.

— А эта комната! Ковры, мебель…

— И это тоже, сэр. Все это димензино.

Уинстон-Кэрби медленно подошел к столу, придвинул трехногий табурет и сел.

— Димензино? — переспросил он.

— Вы, конечно, помните, что это.

Он поморщился, показывая, что не знает. Но кое-что он уже начал вспоминать, медленно, нехотя пробиваясь сквозь туман многих лет забытья.

Уинстон-Кэрби не хотел ни вспоминать, ни знать. Он попытался задвинуть все в темный угол сознания. А это уже было кощунство и предательство… это было безумие.

— Человеческие эмбрионы, — сказал Джоб, — перенесли путешествие хорошо. Из тысячи только три нежизнеспособны.

Уинстон-Кэрби потряс головой, словно разгоняя туман, которым заволокло его мозг.

— Все инкубаторы установлены в пристройках, сэр, — продолжал Джоб. — Мы ждали сколько могли, а потом забрали оборудование димензино. Мы дали вам попользоваться им до последней минуты. Было бы легче, сэр, если бы мы могли

это делать постепенно, но не получилось. Или димензино есть, или его нет.

— Разумеется, — с трудом выдавил из себя Уинстон-Кэрби. — Вы очень любезны. Большое спасибо.

Он встал, пошатнулся и провел рукой по глазам.

— Это невозможно, — сказал он. — Этого просто не может быть. Я жил вместе с ними сто лет. Они такие же настоящие, как и я. Говорю тебе, они были из плоти и крови. Они…

Комната по-прежнему была голая и пустая. Насмешливая пустота. Злая насмешка.

— Это возможно, — мягко сказал Джоб. — Так оно и было. Все идет по плану. Вы здесь и по-прежнему в здравом уме благодаря димензино. Эмбрионы перенесли путешествие лучше, чем ожидалось. Оборудование не повреждено. Месяцев через восемь из инкубаторов начнут поступать дети. К тому времени мы разобьем сады и засеем поля. Эмбрионы домашнего скота тоже помещены в инкубаторы, и колония будет обеспечена всем необходимым.

Уинстон-Кэрби шагнул к столу и поднял единственную тарелку, стоявшую на нем. Она была из легкого пластика.

— Скажи мне, у нас есть фарфор? Есть у нас хрусталь или серебро?

У Джоба был почти удивленный вид, если только робот вообще мог удивляться.

— Конечно, нет, сэр. На корабле у нас было место только для самых необходимых вещей. Фарфор, серебро и все прочее подождут.

— Значит, у меня был скудный корабельный рацион?

— Естественно, — сказал Джоб. — Места было мало, а взять надо было так много…

Уинстон-Кэрби стоял с тарелкой в руке, постукивая ею по столу, вспоминая прошлые обеды (и на борту корабля, и после посадки), горячий суп в приятной на ощупь супнице, розовые сочные ребрышки, громадные рассыпчатые картофелины, хрустящий зеленый салат, сверкание начищенного серебра, мягкий блеск хорошего фарфора…

— Джоб, — сказал он.

— Да, сэр?

— Значит, это все была иллюзия?

— К сожалению, да, сэр. Простите, сэр.

— А вы, роботы?

— Все мы в прекрасном состоянии, сэр. С нами другое дело. Мы можем смотреть действительности в глаза.

— А люди не могут?

— Иногда их лучше защитить от нее.

— Но не теперь?

— Больше нельзя, — сказал Джоб. — Теперь вы должны посмотреть действительности в глаза, сэр.

Уинстон-Кэрби поставил тарелку на стол и повернулся к роботу лицом:

— Я пойду в свою комнату и сменю костюм. Надеюсь, обед будет готов скоро. И несомненно, корабельный рацион?

— Сегодня особый обед, — сказал Джоб. — Иезекия нашел лишайники, и я сделал кастрюлю супа.

— Превосходно! — сказал Уинстон-Кэрби, пряча усмешку.

Он поднялся по лестнице к двери своей комнаты.

Но тут внизу протопал еще один робот.

— Добрый вечер, сэр, — сказал он.

— А кто ты?

— Я Соломон, — ответил робот. — Я строю ясли.

— Надеюсь, звуконепроницаемые?

— О нет. У нас не хватает ни материала, ни времени.

— Ладно, продолжайте, — сказал Уинстон-Кэр-

би и вошел в комнату.

Это была вообще не его комната. Вместо большой кровати на четырех ножках, в которой он спал, висела койка, и не было ни ковров, ни большого зеркала, ни кресел.

— Иллюзия! — сказал он, но сам не поверил. Это была уже не иллюзия. От комнаты веяло холодом мрачной действительности — действительности, которую надолго не отсрочишь. Оказавшись в крохотной комнатенке один, он остался лицом к лицу с действительностью — и еще больше ощутил потерю. Это был расчет на очень далекое будущее, так надо было сделать… не из жалости, не из осторожности, а в силу холодной, упрямой необходимости. Это была уступка человеческой уязвимости.

Потому что ни один человек, даже самый приспособленный, даже бессмертный, не мог бы перенести такое долгое путешествие и сохранить здоровыми тело и дух. Чтобы прожить век в космических условиях, нужна иллюзия, нужны спутники. Они обеспечивают безопасность и полноту жизни изо дня в день. И спутники должны быть не просто людьми. Спутники-люди, даже идеальные, будут давать поводы для бесчисленных раздражений, которые приведут к

смертельной космической лихорадке.

Тут может помочь только димензино — спутники, порожденные им, приспосабливаются к любому настроению человека. Кроме того, создается обстановка для такого товарищества; жизнь, в которой исполняются все желания, обеспечивает безопасность, какой человек не знал даже в нормальных условиях.

Уинстон-Кэрби сел на койку и стал развязывать шнурки тяжелых ботинок.

Он подумал, что человеческий род практичен — практичен до такой степени, что надувает себя ради достижения цели, практичен до такой степени, что создает оборудование димензино из деталей, которые затем, по прибытии, могут быть использованы при сооружении инкубаторов.

Человек охотно ставит все на карту только тогда, когда в этом есть необходимость. Человек готов держать пари, что выживет в космосе, проживет целое столетие, если его изолируют от действительности — изолируют при помощи кажущейся плоти, которая, в сущности, живет только милостью человеческого мозга, подталкиваемого электроникой.

До сих пор ни один корабль не забирался так далеко с колонизаторской миссией. Ни один

человек не просуществовал и половины такого срока под влиянием димензино. Но было всего несколько планет, где человек мог основать колонию в естественных условиях, без громадных дорогих сооружений, без мер предосторожности. Ближайшие планеты были уже колонизированы, а разведка показала, что эта планета, которой он наконец достиг, особенно привлекательна.

Поэтому Земля и человек держали пари. Особенно один человек, сказал себе с гордостью Уинстон-Кэрби, но в его устах слова эти прозвучали не гордо, а горько. Когда голосовали, вспомнил он, за его предложение высказались только трое из восьми.

И все же, несмотря на горечь, он понимал значение того, что совершил. Это был еще один прорыв, еще одна победа маленького неуемного мозга, стучавшегося в двери вечности.

Это значило, что путь в Галактику открыт, что Земля может оставаться центром расширяющейся империи, что димензино и бессмертный могут путешествовать на самый край космоса, что семя человека будет заброшено далеко — замороженные эмбрионы пронесутся сквозь холодные черные бездны, о которых даже подумать страшно.

Уинстон-Кэрби подошел к небольшому комоду, нашел чистую одежду и, положив ее на койку, стал снимать свой прогулочный костюм.

Все идет согласно плану, как сказал Джоб.

Дом и впрямь больше, чем он того хотел, но роботы правы: для тысячи младенцев понадобится большое здание. Инкубаторы действуют, ясли готовятся, подрастает еще одна далекая колония Земли.

А колонии важны, подумал он, припоминая тот день, сто лет назад, когда он и многие другие изложили свои планы. Там был и его план — как под влиянием иллюзии сохранить разум. В результате мутаций появляется все больше и больше бессмертных, и недалек тот день, когда человечеству понадобится все пространство, до которого оно только сможет дотянуться.

И именно появившиеся в результате мутаций бессмертные становятся руководителями колоний: они отправляются в космос в качестве отцов-основателей и в начальной стадии руководят каждый своей колонией, пока она не встанет на ноги.

Уинстон-Кэрби знал, что дел хватит на десятки лет: он будет отцом, судьей, мудрецом и администратором, своего рода старейшиной совершенно

нового племени.

Он натянул брюки, сунул ноги в туфли и встал, чтобы заправить рубашку в брюки. И по привычке повернулся к большому зеркалу.

И зеркало оказалось на месте!

Изумленный, глупо раскрыв рот, он смотрел на собственное отражение. И в зеркале же он увидел, что позади стоят кровать на четырех ножках и кресла.

Он круто повернулся: кровать и кресла исчезли. В противной комнатенке остались только койка да комод.

Он медленно присел на край койки и до дрожи стиснул руки.

Это неправда! Этого не может быть! Димензино больше нет.

И все же оно с ним, оно притаилось в мозгу, совсем рядом, надо только поискать.

Найти его оказалось легко. Комната сразу изменилась и стала такой, какой он помнил ее: большое зеркало, массивная кровать (вот он сидит на ней), пушистые ковры, сверкающий бар и со вкусом подобранные занавеси.

Он пытался прогнать видение, просто отыскав в каком-то далеком темном чулане своего сознания воспоминание о том, что он должен

прогнать его.

Но видение не исчезло.

Он делал все новые и новые попытки, но оно не исчезало, и он чувствовал, как желание прогнать видение ускользает из его сознания.

— Нет! — закричал он в ужасе, и ужас сделал свое дело.

Уинстон-Кэрби сидел в маленькой голой комнате.

Он почувствовал, что тяжело дышит, словно карабкался на высокую крутую гору. Руки сжаты в кулаки, зубы стиснуты, по ребрам течет холодный пот.

А было бы так легко, подумал он, так легко и приятно скользнуть обратно туда, где покойно, где царит настоящая теплая дружба, где нет настоятельной необходимости что-то делать.

Но он не должен так поступать, потому что впереди работа. Пусть это кажется неприятным, скучным, отвратительным — делать все равно надо. Потому что это не просто еще одна колония. Это прорыв, это прямая дорога к знанию, это уверенность в том, что человек больше не скован временем и расстояниями.

И все же надо признать, что опасность велика; сам человек оградить разум от нее не может.

Надо сообщить все клинические симптомы этой болезни, чтобы на Земле ее изучили и нашли какое-нибудь противоядие.

Но что это — побочный эффект димензино или прямое следствие его? Ведь димензино всего лишь помогает человеческому мозгу, причем весьма любопытным образом: создает контролируемые галлюцинации, отражающие исполнение желаний.

Вероятно, за сотню лет человеческий мозг так хорошо овладел техникой создания галлюцинаций, что отпала необходимость в димензино.

Надо во всем разобраться. Он совершил длительную прогулку, и за много часов одиночества иллюзия не потускнела. Нужен был внезапный шок тишины и пустоты, встретивших его вместо ожидаемых теплых приветствий и смеха, чтобы развеять туман иллюзии, который окутывал его многие годы. И даже теперь иллюзия затаилась, действовала на психику, стерегла за каждым углом.

Когда она начнет тускнеть? Что надо сделать, чтобы полностью избавиться от нее? Как ликвидировать то, к чему он привыкал целый век? Какова опасность… может ли сознание преодолеть ее или придется снова невольно уйти от

мрачной действительности?

Он должен предупредить роботов. Надо поговорить с ними. Предусмотреть какие-нибудь чрезвычайные меры на тот случай, если к нему вернется иллюзия, предусмотреть решительные действия, если понадобится защитить его против его же воли.

Впрочем, хорошо бы выйти из комнаты, спуститься вниз по лестнице и обнаружить, что остальные ждут его, вино откупорено, разговор уже начался…

— Прекратить! — закричал Уинстон-Кэрби.

Выбросить иллюзию из головы — вот что он должен сделать. Не надо даже думать о ней. Необходимо очень много работать, чтобы не оставалось времени думать. Надо сильно уставать, чтобы валиться в постель и сразу крепко засыпать.

Уинстон-Кэрби припомнил, что надо делать: наблюдать за работой инкубаторов, готовить почву под сады и поля, обслуживать атомные генераторы, заготавливать лес для строительства, исследовать и наносить на карту прилегающую территорию, капитально отремонтировать корабль и послать его с роботами на Землю.

Он думал только об этом. Он намечал все новые

дела. Он планировал их на многие дни, месяцы и годы вперед. И наконец почувствовал, что доволен.

Он владел собой.

Снизу донеслись голоса, и нить размышлений оборвалась.

Страх захлестнул его. Потом исчез. Вспыхнула радость, и он быстро направился к двери.

На лестнице он остановился и взялся рукой за перила.

Мозг бил в набат, и радость исчезла. Осталась только печаль, невыносимая, жуткая тоска.

Он видел часть нижней комнаты, он видел, что на полу лежит ковер. Он видел занавеси, картины и одно инкрустированное золотом кресло.

Уинстон-Кэрби со стоном повернулся и убежал в свою комнату. Он захлопнул дверь и прислонился к ней спиной.

Комната была такой, какой ей и полагалось быть, — голой, бедной, холодной.

Слава богу, подумал он. Слава богу!

Снизу донесся крик:

— Уинстон, что с вами? Уинстон, идите сюда скорей!

И другой голос:

— Уинстон, у нас праздник! На столе молочный

поросенок!

И еще один голос:

— С яблоком во рту!

Он не ответил.

Они исчезнут, думал он. Им придется исчезнуть.

Но даже когда он подумал это, ему страстно захотелось отворить дверь и броситься вниз по лестнице. Туда, где его снова ждали покой и старые друзья…

Уинстон-Кэрби почувствовал, что руки его за спиной сжимают дверную ручку так, будто примерзли к ней.

Он услышал шаги на лестнице и голоса, счастливые голоса друзей, которые шли за ним.

Священный поход
Перевод Н. Казанцевой

Долгое время я был просто деревенским дурачком. Теперь нет, — хотя они по-прежнему называют меня дебилом.

Теперь я гений, но это тайна.

Им знать ни к чему.

Пока ни к чему.

Ведь если они узнают, то начнут остерегаться.

А так — никому и в голову не придет меня заподозрить. Они видят все то же, что и прежде: шаркающую походку, пустой бессмысленный взгляд, невнятную речь. Порой приходится изо всех сил напоминать себе, что никто ничего не должен заметить, — а иногда я начинаю переигрывать, а это тоже плохо. Нельзя, чтобы возникли подозрения.

Все началось как-то утром.

За завтраком я сказал Ма, что иду рыбачить. Она не возражала. Ма знает: рыбачить я люблю. Когда я ловлю рыбу, обо мне можно не беспокоиться: я ни во что не вляпаюсь.

— Замечательно, Джим, — сказала она. — Пой-

май что-нибудь вкусненькое.

Я заверил ее, что нашел подходящее место.

— Буду у запруды сразу за участком Альфа Адамса.

— Только прошу тебя, не сцепляйся с Альфом, — сказала Ма. — Я знаю, ты его не любишь…

— Он первый начал. Придирался во время работы и с оплатой надул! И смеется надо мной.

Мне не стоило говорить — Ма всегда из-за этого переживает.

— Не обращай внимания. Вспомни проповедь пастора Мартина в прошлую субботу. Он говорил…

— Я помню. Только все равно злюсь. Почему они надо мной смеются?

Ма печально кивнула.

— Ни над кем нельзя смеяться.

Я жевал и думал. Пастор Мартин все толкует про уничижение и смирение. А сам-то ухлестывает за Дженни Смит, которая играет на органе. Да уж, языком молоть он силен.

После завтрака я поковылял в дровяной сарай за удочкой, и Бумс с другой стороны улицы поспешил мне на помощь. После Ма Бумс — мой самый лучший друг. Конечно, он не может со мной поболтать — только если понарошку, — зато он

надо мной и не смеется.

Копая червей, я с ним заговорил. Спросил, хочет ли он сходить со мной на рыбалку. По нему было видно, что хочет, — и я перешел на ту сторону улицы: предупредить миссис Лоусон. Считается, что Бумс принадлежит ей, хотя бóльшую часть времени он проводит со мной.

В общем, пошли мы. Я нес удочку и остальные снасти, а Бумс вышагивал у моих ног. Словно гордо заявлял всем: смотрите, смотрите, с кем я иду!

Мы прошли мимо банка; через большое окно было видно, как банкир мистер Пэттон сидит за своей конторкой. У него взгляд как у самого главного человека в нашем Маплтоне. Он и есть здесь самый главный. Я шел медленно, поэтому ненавидеть его получилось долго.

Мы с Ма не жили бы в такой развалюхе, как сейчас, если бы банкир Пэттон после смерти Па не отобрал у нас дом.

Мы с Бумсом прошли мимо участка Альфа Адамса: это ближайшая к городу ферма, — и я тоже поненавидел его немножко, не так сильно, как банкира Пэттона. В конце концов, он всего лишь придирался, когда я на него работал, и обдурил с оплатой.

Альф большой, задиристый и довольно хо-

роший фермер, я так думаю. По крайней мере, денежки у него водятся. Он построил новый большой амбар. Не красный, как обычно, а белый с красной полосочкой. Вы только подумайте! Кто когда рисовал полосочку на амбаре?

Прямо за участком Альфа мы с Бумсом сошли с дороги и зашагали по пастбищу, держа путь к большой запруде в ручье.

Призовой бык Альфа герефордской породы пасся в другом конце выгона, и остальное стадо там же. Завидев нас, бык направился в нашу сторону — не враждебно, а просто настороженно, готовый броситься в бой, если кто-нибудь станет его задирать. Я быка не боюсь: летом, во время работы на Альфа, мы успели подружиться. Я гладил его, чесал за ушами.

Альф тогда орал, что я ненормальный придурок и что однажды эта махина меня прибьет.

— Доверять быку? Ты последние мозги растерял!

Бык подошел поближе, разглядел, кто идет. Он знал, что от нас не надо ждать пакости, поэтому развернулся и побрел обратно к стаду.

У запруды я начал рыбачить, а Бумс умчался вверх по течению, у него там были дела. Я поймал несколько рыбешек; затем клев почти прекра-

тился, и мне стало скучно. Я люблю ловить рыбу, но только если она действительно ловится.

Поэтому я принялся размышлять. Вот если, например, очертить участок земли — скажем, десять на десять шагов — и внимательно его исследовать, то сколько там обнаружится различных видов растений? Я оглядел клочок земли вокруг себя: обычная трава, которая растет на пастбище, несколько одуванчиков, несколько побегов щавеля, пара фиалок да куриная слепота без цветков.

Внезапно я понял, что вижу одуванчик целиком, а не только ту часть, которая над землей!

Не знаю, сколько времени я его рассматривал, пока до меня дошло. К тому же «рассматривать» — неподходящее слово.

А какое подходящее — «знать»? Я теперь просто знал, как проходит в почве главный, большой корень этого одуванчика и как из него растут маленькие корешки. Я знал, что все они забирают из почвы воду и полезные вещества; я знал, что в корнях хранится запас пищи; что одуванчик перерабатывает в пригодную для себя пищу еще и солнечный свет. Откуда я это взял? Понятия не имею! Прямо смех.

Я перевел взгляд на другие растения. То же

самое: стоило посмотреть, и я все про них знал. Что это с моими глазами? Неудобно ведь так: смотреть на что-то и видеть сплошь его нутро. Я постарался «убрать» это новое зрение, и оно послушно ушло.

А потом я снова захотел увидеть у одуванчика корень — и увидел.

Непонятно. Почему раньше у меня так не выходило, а теперь выходит?.. Я нечаянно перевел взгляд на воду и тоже захотел увидеть, что там внутри. И увидел. Просто как божий день. Я разглядел дно запруды, заглянул во все уголки. Там лежали такие громадины, такие рыбины, каких никто никогда в этом ручье не ловил.

Рядом с моей наживкой не было ни единой рыбки, — поэтому я ее передвинул. И подсунул под самый нос одной из рыб-громадин. Однако она то ли не заметила, то ли просто есть не хотела. Рыбина лежала, едва шевеля плавниками, и мерно дышала жабрами.

Я передвигал и передвигал наживку — так что в конце концов она стукнула рыбу по носу. Лентяйка по-прежнему не обращала на нее внимания. Поэтому я заставил рыбу проголодаться.

Не спрашивайте, как мне удалось. Не знаю. Просто в какой-то момент я понял, что могу. Так

вот, я заставил рыбу проголодаться, и она ухватила наживку как миленькая. Очень похоже на Бумса, когда он бросается за косточкой.

Поплавок нырнул; я приналег на удилище. Вытащил, снял с крючка и насадил на леску, вместе с теми рыбешками, которых поймал раньше.

Затем я присмотрел себе еще одну большую рыбу и снова подвел в нужное место наживку. А рыба снова проголодалась.

За следующие полтора часа я выловил всех больших рыб. Осталась только мелочь, я не стал тратить на нее время. На леске почти не осталось свободного места; нести ее в руках было неудобно: хвосты рыбин волочились по земле. Поэтому я приспособил связку на плечо. Бр-р, сыро!

Я кликнул Бумса, и мы пошли домой.

Все встречные останавливались. Они хотели знать, где я рыбачил, на какую наживку ловил и осталось ли там хоть что-нибудь после моей рыбалки. Когда я сказал, что выловил все подчистую, они смеялись чуть не до коликов.

Я как раз свернул с Центральной улицы к дому, когда из парикмахерской вышел благоухающий банкир мистер Пэттон. У Джейка много интересных бутылочек, и он щедро поливает из них своих клиентов, никогда не жадничает.

Мистер Пэттон увидел улов и преградил мне дорогу. Потер жирные руки. И спросил, сюсюкая, как с младенцем:

— Ну-с, и где наш Джимми поймал эту замечательную рыбку? — Он словно сомневался в моем праве на улов.

Еще захочет присвоить рыбу себе — от банкира можно ждать любой пакости.

— В запруде у участка Альфа, — ответил я.

И в тот же момент, не прилагая никаких усилий, я увидел Пэттона так же, как раньше одуванчик: желудок, кишки, что-то еще — возможно, печень, — а выше какую-то красную пульсирующую штуку — наверное, сердце.

Думаю, впервые один человек со всей силой возненавидел потроха другого.

Я выбросил вперед руки. Ну, не совсем руки, ведь в одной у меня была удочка, а другой я придерживал рыбу, — но ощущение было точь-в-точь такое, словно я выбросил вперед руки, ухватил его сердце и сильно сжал.

Банкир сразу обмяк, словно из него выдернули стержень, начал задыхаться и ловить ртом воздух; мне пришлось отпрыгнуть, чтобы он не зашиб меня, когда падал.

Мистер Пэттон хлопнулся на землю и замер.

Из парикмахерской выскочил Джейк.

— Что это с ним?

Я сказал:

— Просто взял и упал.

Джейк присмотрелся.

— Сердечный приступ. Видел такое. Побегу за доком.

Он побежал вверх по улице за доком Мейсоном. Со всех сторон к упавшему сбегались люди: Бен из сыроварни, Майк из бильярдной, пара фермеров, которые отоваривались в универмаге поблизости. Я не стал ждать, чем кончится, и пошел домой.

Ма увидела мой улов и обрадовалась.

— Ух, как ты ухитрился столько поймать, Джим?

— Клевало хорошо, — ответил я.

— Надо побыстрее все помыть и почистить. Часть приготовим прямо сейчас; а еще я отнесу угостить пастора Мартина, а остальное засолю и оставлю в погребе. Там прохладно, несколько дней пролежит.

Тут с другой стороны улицы подошла миссис Лоусон и рассказала моей Ма про банкира Пэттона.

— Когда это случилось, он как раз разговаривал

с Джимом.

Ма повернулась ко мне:

— А ты мне не сказал, Джим.

— Не успел еще. Мы же рыбу обсуждали.

Они продолжили судачить о банкире Пэттоне, а я пошел в дровяной сарай — чистить рыбу. Бумс пристроился у меня под боком и наблюдал; клянусь, он был так же счастлив улову, как и я. Словно приложил к этому свою лапу.

— Отлично прошел день, — сказал я, и Бумс кивнул — да, мол, отлично.

Он вспоминал, как носился вверх и вниз по ручью, как после долгой погони поймал лягушку. А как здоровски пахнет, если прижать нос к самой земле и понюхать!..

Не думайте, что я пытаюсь вас убедить, будто Бумс и в самом деле разговаривает. Но ведь все совершенно понятно, словно он и впрямь произносит слова.

Люди вечно крутят пальцем у виска и норовят меня высмеять: конечно, я ведь городской дурачок. Ну что же, вот теперь и посмотрим.

Ух, как бы они струхнули, заговори с ними собака! А по мне, так ничего странного. Я бы просто подумал: отлично, теперь не придется угадывать, о чем Бумс хочет мне рассказать. Говорящая соба-

ка — что же тут такого? Я всегда был уверен: Бумс сможет разговаривать, если только постарается, он же умный.

Так что мы с Бумсом сидели в сарае и болтали, и я чистил рыбу.

К тому времени, как я закончил, миссис Лоусон уже ушла домой; Ма возилась в кухне, доставала большую кастрюлю.

— Джим, ты… — Она замялась, а потом все-таки спросила: — То, что произошло с банкиром Пэттоном… Джим, ты ведь ни при чем? Ты ведь его не толкал, не бил… ничего такого?

— Я его и пальцем не тронул, — совершенно честно ответил я. А что, разве тронул?

Днем я пошел в сад, поработать. Ма прибиралась в чужих домах, однако этого заработка нам не хватало бы, если бы не сад. Я раньше тоже нанимался на работу; но после того, как побил Альфа — а чего он мне не заплатил? — Ма больше меня не отпускает. Говорит: уход за садом, рыбалка — этой помощи довольно.

В саду я обнаружил еще одну пользу от своего нового зрения. Червяки в капусте. Я видел каждого — и давил их так же, как утром сдавил сердце банкира Пэттона. На некоторых кустах томата виднелись какие-то едва заметные штуки. Они

были такие маленькие, что сначала я едва их не проморгал. Чтобы рассмотреть, пришлось их хорошенько увеличить. Я решил, что это вирусы, и велел им исчезнуть. Я не давил их, как червяков, — просто сказал уйти.

Работать в саду было весело. Смотришь вниз, а там, под землей, морковь и редиска. И все видно. Вредителей можно уничтожать, даже не нагибаясь. Потом снова посмотришь и понимаешь: вот теперь с урожаем все правильно, все хорошо.

На обед у нас была рыба, на ужин тоже. А после ужина я пошел погулять.

Ноги понесли меня к усадьбе банкира. И я почувствовал: там в доме кто-то горюет.

Я отступил на тротуар и позволил этому горю войти в меня. Наверное, оказавшись у любого дома в городе, я мог ощущать то, что происходит внутри. Однако я этого не знал и никогда не пробовал. И сейчас заметил только потому, что там, в доме, горевали уж очень глубоко и сильно.

Старшая дочь банкира плакала у себя наверху. Младшая сидела в гостиной с матерью. Эти просто молчали, но я ощущал, как они потеряны и одиноки. В доме были еще люди, те особо не переживали. Соседи, наверное, пришли поддержать.

Я не раскаивался в том, что убил банкира, но

его родственниц мне стало жаль: ведь не их вина в том, что Пэттон был скверным человеком. Так что я стоял и думал: надо бы как-то им помочь.

Наконец я придумал. Первым делом потянулся к старшей дочери и начал внушать ей радостные мысли. Поначалу шло с большим трудом, затем я приспособился. Так что сделать ее счастливой оказалось не очень сложно. Потом я так же помог двум другим и, довольный, пошел дальше. Все-таки помогать хорошо!

Проходя по улице, я вслушивался. В большинстве домов люди были счастливы и без моего участия; счастливы или хотя бы довольны. Только в паре мест ощущалась печаль.

Теперь уже безо всякого напряжения я тянулся разумом и дарил счастье. Не то чтобы я хотел помочь кому-то конкретному. Честно сказать, я и не помню, кого именно тогда осчастливил. Просто подумалось: если я могу что-то сделать, то надо не лениться, а делать. Ведь правильно?

Когда я вернулся с прогулки, Ма не спала. Она ждала меня и выглядела слегка встревоженной; так всегда бывает, если я ухожу надолго и не говорю ей куда.

Я поднялся к себе, лег в кровать. Сон не шел. Как же я все-таки ухитрился проделать все, что

проделал? И почему это началось сегодня, ни с того ни с сего? Раньше-то я ничего подобного не умел. Я думал, думал и заснул.

Все сложилось не идеально, конечно, но куда лучше, чем я мог мечтать. Далеко не всегда удается обнаружить на чужой планете аборигена, настолько пригодного для нашей цели, как этот. Словно на заказ.

Существо приняло меня в свой разум, даже ничего не заметив; оно не предпринимало никаких попыток спрятаться или помешать вторжению. Зачатков его интеллекта хватило, тем не менее, чтобы очень быстро перенять мои способности, и это чрезвычайно помогло мне в наблюдениях. Абориген оказался вполне мобильным и свободно общался с другими особями своего вида, что давало дополнительные преимущества.

Надо признать: мне повезло. Я нашел подходящего носителя — и так скоро после приземления.

Утром, после завтрака, я вышел во двор. Бумс уже меня ждал. Он сказал, что хочет погонять кроликов, и я согласился составить ему компанию. Он добавил: теперь, когда мы можем так здорово болтать, из нас выйдет отличная команда. Я могу встать на пенек или кучу камней

— даже забраться на дерево — и высматривать с высоты кроликов. И подавать ему сигналы.

Мы опять зашагали по дороге в сторону фермы Альфа, потом свернули и перешли пастбище. Сегодня нам было нужно на вырубки с той стороны ручья.

Свернув с дороги, я притормозил — поненавидеть Альфа. Так вот, пока я там стоял и ненавидел, в голову пришла мысль. Выйдет или нет, не знаю, — но мысль определенно хорошая, стоит попробовать.

Я направил свое новое зрение на амбар Альфа: сквозь стены, прямо в середину хранящегося там сена, в самый центр. И сам оказался там, в этом центре. Конечно, на самом деле я по-прежнему стоял на пастбище рядом с Бумсом и собирался идти дальше, охотиться на кроликов.

Я бы и рад объяснить, что и как сделал дальше. Откуда у меня вообще появились такие знания? «Такие» — это я про химические реакции и прочее в том же духе. Понятия не имею. Тем не менее я что-то сделал с сеном и что-то с кислородом, и в середине снопа сена возник огонь. Когда я увидел, что пламя занялось, то выбрался оттуда и вернулся в собственное тело. И мы с Бумсом пошли к ручью и дальше — кролики сами себя

не поймают.

Я все оглядывался через плечо: гадал, разгорится или нет. Вдруг потянуло дымом, и из-под крыши амбара вырвался язык пламени.

К этому времени мы уже добрались до вырубки; я сел на пенек и блаженствовал. Пожар разошелся как надо: пламя с ревом вырывалось наружу, столб дыма вымахал аж до небес.

По дороге домой я притормозил рядом с универмагом. Альф тоже был здесь — и выглядел слишком довольным для человека, только что потерявшего амбар.

Очень скоро я понял, с чего он так радуется.

— Я его застраховал, — втолковывал он Берту Джоунсу, хозяину магазина. — Целиком, до последней былиночки. В любом случае, амбар был слишком велик, больше, чем мне надо. Я, когда его строил, подумывал завести молочное стадо, вот и замахнулся на такую громадину.

Берт сдавленно закудахтал от смеха.

— Своевременный пожар, Альф!

— Да уж, повезло так повезло! Теперь и на новый амбар денег хватит, и еще немножко сверх того останется.

Как же я так опростоволосился! Очень досадно. Ну, ничего, я ему отомщу.

После обеда я снова махнул на пастбище. Нужен бык. Ага, вот он! Бык мне обрадовался, хотя для вида, конечно, немножко побил копытом и поревел.

Всю дорогу до пастбища я гадал, смогу ли разговаривать с быком так же легко и просто, как с Бумсом. Все-таки Бумс куда смышленее. Меня глодали сомнения.

Правильно глодали. Знаете, как трудно что-либо втолковать быку!

Пытаясь поговорить, я почесывал его за ухом. Зря. От ласки быка начало клонить в сон. Я прямо чувствовал, как ему хорошо, какое блаженство он сейчас испытывает. Поэтому я отступил и пнул его по ребрам. Нечего спать, когда с тобой разговаривают! Он напрягся и даже что-то промычал в ответ, но как-то невнятно. Быки — они вообще тугодумы.

Впрочем, я хорошо ему все разъяснил. Даже слишком хорошо: бык возбудился и пришел в ярость.

Моя мысль подтолкнула его вперед. Бык уперся в забор, роя копытом землю и беснуясь.

А я по-быстрому слинял.

Домой вернулся довольный. Надо же, какую я придумал замечательную штуку! Выйду вечером

на улицу — а там переполох: Альфа убил его собственный бык.

Не самый приятный вид смерти, конечно, но Альф сам виноват: нечего было летом дурить меня с заработком!

Новости появились, когда я сидел в бильярдной. Народ судачил по-разному. Кто-то вспомнил слова Альфа: быкам доверять нельзя! А другой добавил: мол, только мне единственному удавалось поладить с герефордом, и что Альф вечно трясся, что бык меня, недоумка, убьет.

Тут они заметили меня и принялись расспрашивать. Я строил из себя дурачка, и все надо мной смеялись, — но сегодня мне было все равно. Здорово иметь собственный секрет. У них бы глаза на лоб полезли, узнай они правду!

Да откуда им узнать. Я им не по зубам, слишком умный.

Дома я взял блокнот и карандаш — и стал записывать имена всех своих врагов: всех, кто когда-либо смеялся надо мной, пакостничал или говорил про меня гадости.

Список вышел длинненьким. Он включал почти всех жителей нашего Маплтона.

Я долго размышлял и решил, что всех убивать не буду. Мне-то, конечно, это очень даже по силам,

просто раз плюнуть. Однако я вспомнил банкира Пэттона и Альфа. Вот убил я их, и что, много мне от этого радости? Порадовался немножко — и все. А потом? Ну, убьешь ты кучу народу, а сам с кем останешься?

Перечитал список еще раз. Будем считать, сомнения — в пользу обвиняемого. Пару имен я вычеркнул. Перечитал список заново. Там остались очень скверные люди. И я решил: даже если не убивать, все равно надо с ними что-то делать — нельзя же, чтобы они и дальше несли в себе скверну.

Я вспомнил, что говорил на проповедях пастор Мартин; ох и мастер он болтать ни о чем. Придется мне, значит, смирить ненависть и воздать добром за зло.

Я ошарашен и расстроен; хотя, возможно, это естественное состояние, когда приходится входить в разум чужака. Какая вероломная и безнравственная порода — и, следовательно, какой невероятно важный образчик для изучения!

Не перестаю восхищаться легкостью, с какой носитель приспосабливает мои способности себе на пользу, и ужасаться тому, какие плоды это приносит. Отчего он убежден, что глупее остальных своих собратьев; ведь все его действия за

время нашего знакомства этому противоречат? Интересно, это особенность данной расы или своего рода культ неполноценности навыворот?

Я уже готов заподозрить, что абориген как-то ощущает мое присутствие. Возможно, его странное поведение — просто способ исторгнуть меня из своего разума? При таких обстоятельствах оставаться неэтично. Однако данный объект дает великолепную позицию для наблюдения, и покидать это тело я никак не желаю.

Трудно принять решение. Разумеется, я в состоянии перехватить контроль над его рассудком и все точно выяснить. Однако, поступи я таким образом, объект утратит свободу воли, — а это, в свою очередь, снизит его ценность для моих наблюдений. Нет, подожду, пожалуй, обойдусь без радикальных мер.

Я торопливо позавтракал. Столько планов! Ма спросила, куда я собрался, и я сказал — погулять.

Первым делом я направился к жилищу пастора. Присел у ограды между домом и церковью.

Пастор Мартин вскорости вышел. Он вышагивал взад и вперед по… ну, он называет это «садиком». Пастор делал вид, что целиком поглощен благочестивыми размышлениями, хотя я и раньше подозревал, что это просто способ произ-

вести впечатление на случившихся поблизости престарелых прихожанок.

Теперь мой разум выбирался наружу уже без всякого труда. Я пристроил его настолько близко к разуму пастора, что уже казалось, что это я расхаживаю туда-сюда. Странное чувство, должен сказать: я шагал по садику и одновременно точно знал, что сижу у ограды.

Какие там благочестивые мысли!.. Пастор Мартин собирался попросить у церковного совета поднять ему жалованье и продумывал доводы. А еще мысленно крыл дурными словами некоторых членов совета — за жадность и сквалыжничество. Вот тут я был с ним полностью согласен!

Не напрягаясь, без напора, будто исподволь, я навел его на мысли о Дженни Смит, органистке, и заставил стыдиться своего поведения.

Пастор пытался вытолкнуть меня прочь. Правда, он не подозревал о чужом вмешательстве и приписывал все собственным угрызениям совести. Однако я держал крепко. Не дал ему перевести мысли, да еще здорово сгустил краски.

Ведь прихожане доверяют ему, считают своим духовным пастырем — вот что он сейчас думал. Я заставил его мысленно вернуться в пору юности,

когда он только окончил семинарию и смотрел на пасторское служение, как на священный поход во благо людей.

Я постепенно внушил ему мысль, что единственный способ искупления — покаяться и все исправить. И снова завоевать доверие прихожан.

Хорошая работа, только не окончательная. Ладно, буду временами заглядывать сюда и подправлять.

В универмаге я присел в углу и наблюдал за работой Берта Джонса. Он поздоровался со мной, и тогда я проник в его разум и заставил вспомнить все те случаи, когда он платил нечестную цену за яйца, которые приносили фермеры. А еще он имел привычку вписывать лишние строчки в отправляемые клиентам счета; а как мошенничал с налогами! Вот из-за налогов он испугался больше всего. Я не отпускал Берта, пока ему не стало стыдно.

Само собой, нельзя сказать, что Берт вот так раз — и стал честным человеком. Однако я знал, что в любой момент могу вернуться, снова пристыдить его, и тогда, мало-помалу…

Потом я пошел в парикмахерскую и полюбовался работой Джейка. Клиент, которого стриг

Джейк, меня особо не интересовал: он не наш, живет в нескольких милях за городом. Что мне до посторонних!

Я ушел — но не раньше, чем Джейк испытал раскаяние из-за азартных игр, которым он предается в задней комнате за бильярдной, и уже почти совсем созрел признаться в этом жене.

Теперь сама бильярдная. Майк сидел за стойкой, прямо в шляпе, и изучал бейсбольные новости. Я взял вчерашний номер газеты и сделал вид, что читаю.

Майк заржал и спросил, когда это я выучился читать, — и поэтому сгоряча я слегка перестарался.

Я выходил в полной уверенности, что едва за мной хлопнет дверь, Майк спустится в подвал и выльет в канализацию весь контрабандный спирт. А там и до прекращения игры в задней комнате недалеко.

А вот в сыроварне мне не повезло. Фермеры привезли Бену молоко; он крутился как белка в колесе и был слишком занят, чтобы у него в голове нашлось для меня местечко. Одну мыслишку я все-таки ухитрился туда заронить: а что будет, если Джейк однажды застукает его со своей женой? И все, больше ничего не успел. Ладно, позже

доведу дело до ума — ведь его напугать проще простого.

Так оно все и шло.

Это была тяжкая работа, и временами я ощущал, что взвалил на себя непосильный груз. А потом садился и напоминал себе, что должен: ведь зачем-то же мне дана эта сила? Так что буду трудиться, пока могу.

Для себя лично я эту силу не использовал. Ни капли не взял — только во благо людей.

Думаю, в нашем городке я осчастливил всех.

Помните, как мы искали в своем плане невидимые изъяны? Мы тщательно исследовали его, пункт за пунктом — и ничего не нашли. И все-таки было страшно: вдруг на практике что-нибудь обнаружится? Теперь я могу доложить: один изъян есть.

Точность наблюдений и вовлеченность несовместимы. Как только наблюдатель входит в чужой разум, его умения становятся доступны носителю — и моментально оказываются фактором, выводящим объект наблюдений за пределы нормы.

Боюсь, у меня складывается искаженное представление о культуре этой планеты. Раньше я не был склонен прерывать эксперимент; однако

теперь убежден, что пускать дело на самотек больше нельзя. Пора перехватить контроль над ситуацией.

Берт, сейчас он честный малый, самый счастливый человек в мире. Даже потеря клиентов — а они все обозлились, когда он объяснил, с какой стати возвращает им деньги, — его нисколько не тревожит. Про Бена точно не знаю: он сбежал сразу после того, как Джейк навел на него охотничье ружье. Зря он все-таки явился к Джейку признаваться и просить прощения. Переусердствовал, это все говорят. Жена Джейка тоже дала деру, и поговаривают, что вместе с Беном.

Как все-таки все отлично устроилось, я очень доволен. Горожане совершают только честные поступки, никто никого не дурачит. Никаких азартных игр, никакого алкоголя. Маплтон, вероятно, самое праведное место в Соединенных Штатах.

А все потому, что сначала я искоренил зло в себе: перестал убивать людей, которых ненавижу, и принялся творить для них добро. Оттого все так замечательно и сложилось.

Одно непонятно. Во время моих ночных прогулок из домов доносится отчего-то гораздо меньше счастливых мыслей, чем раньше. Это странно.

Иногда даже бывает, что целыми ночами мне приходится трудиться в поте лица, вселяя в горожан радость. Вы скажете: как же так, честные люди — счастливые люди? Только ведь они не всегда были честными, поэтому чистой совести им мало, и они все норовят урвать еще чего-нибудь.

За себя я тоже немного переживаю. Не из эгоистичных ли соображений я творил добро? Возможно, просто хотел искупить убийство Альфа и банкира Пэттона? К тому же я осчастливил лишь горожан, остальным блага не досталось. Неправильно это.

Почему в выигрыше должны быть только те, кого я знаю лично?

Спасите! Вы меня слышите? Я в ловушке! Я не могу управлять своим носителем — и освободиться от него тоже не могу! Никогда, ни при каких обстоятельствах не пытайтесь использовать особей этой расы! Никогда!

Помогите!

Вы меня слышите?

На помощь!

Всю ночь я не спал, думал — и понял, как будет правильно.

Меня пронзило ощущение собственной важности и ничтожности одновременно. Я избран, я всего лишь инструмент. Инструмент Добра. И кто заступит мне дорогу — тот враг. Теперь я знаю: наш городок — полигон для испытаний; место, где я должен научиться использовать дарованную мне силу.

Теперь наступает срок главного испытания. И я не боюсь. Я готов вычерпать себя до последнего донышка.

Ма откладывает деньги на похороны, копит по грошику.

Я знаю, где она их прячет.

Там совсем немного. Однако мне хватит, чтобы добраться до столицы.

Настала пора потрудиться для человечества.

Большой двор
Перевод М. Клеветенко

1

Хайрам Тейн проснулся и сел в кровати.

Таузер лаял и царапал пол.

— А ну тихо, — велел ему Тейн.

Уши у пса встали торчком, но занятия своего он не прервал.

Тейн протер глаза, запустил руку в воронье гнездо волос на голове и решил было снова зарыться под одеяло, но попробуй усни в таком шуме.

— Что тебя забирает? — спросил Тейн без всякого раздражения.

— Гав, — ответил пес, возобновив свои труды.

— Если хочешь на улицу, просто отодвинь дверь, как всегда. Будто не знаешь.

Таузер перестал лаять и осел на пол, наблюдая, как хозяин встает.

Тейн натянул рубашку и брюки, решив обойтись без тапок.

Таузер проковылял в угол, прижался носом к плинтусу и шумно принюхался.

— Что, мышь? — спросил Тейн.

— Гав, — с нажимом отвечал Таузер.

— И стоило поднимать шум из-за мыши? — слегка удивился Тейн. — Не узнаю тебя, совсем ты с катушек слетел.

Летнее утро выдалось ясное и погожее. Солнечные лучи падали в открытое окно.

Отличный денек для рыбалки, подумал Тейн, но тут же вспомнил, что сегодня собирался смотреть старинную кровать из клена, о которой услышал по дороге в Вудмен. Наверняка заломят двойную цену. Если так пойдет, скоро доллара честного не заработаешь. А все потому, что каждый встречный мнит, что разбирается в антиквариате.

Тейн встал и направился в гостиную.

— Рядом, — велел он собаке.

Таузер последовал за хозяином, по дороге обнюхивая углы и останавливаясь, чтобы облаять пол.

— Совсем спятил, — сказал Тейн.

Точно, крыса. Дом ветшает.

Он отодвинул затянутую сеткой дверь, и Таузер выскочил наружу.

— И забудь ты про того сурка, — напутствовал его Тейн. — Гиблое дело. Сколько ни рой, из норы ты его не вытянешь.

Таузер скрылся за углом.

Тейн заметил, что вывеска перед домом покосилась. Должно быть, отстегнулась цепочка.

Босыми пятками он пересек дорожку и лужайку, еще мокрую от росы, чтобы поправить вывеску. Так и есть, цепочка. Видать, ветер или не в меру шаловливый мальчишка. Хотя вряд ли; в отличие от других, например банкира Стивенса, Тейна редко донимали малолетние озорники.

Он отошел назад. Вот теперь ровно.

На табличке большими буквами было выведено: «Мастер на все руки», а чуть ниже, буквами поменьше: «Чиню все подряд».

Внизу значилось: «Покупаю и продаю старинные вещи».

Давно пора, подумал Тейн, повесить две таблички: одну для мастерской, другую — для торговли подержанными вещами. Когда-нибудь нарисую парные и развешу по разным сторонам дорожки. Для симметрии.

Он обернулся и посмотрел на лес Тернера через дорогу. Вид был чудесный. Небольшой лесок на краю городишка, где обитали птицы и кролики, сурки и белки и где поколения местных мальчишек из Уиллоу-бенда возводили игрушечные крепости.

Рано или поздно найдется делец, который купит такой лакомый кусок и начнет возводить на месте леса дома или чего похуже, и тогда из жизни уйдет что-то очень важное, словно отрежут кусок его детства.

Из-за угла дома вынырнул Таузер. Пес двигался боком, поминутно обнюхивая стены, уши стояли торчком.

— Точно, рехнулся, — заключил Тейн и вошел в дом.

Шлепая по полу босыми ногами, он прошел на кухню, наполнил кофейник водой, поставил на плиту и зажег газ.

Затем включил радио, забыв, что оно не работает.

Когда приемник не издал ни звука, он вспомнил и раздраженно щелкнул выключателем. Так и живу, подумал Тейн: чужие вещи чиню, а до своих руки не доходят.

Он вернулся в спальню за тапками и заодно заправил кровать.

Плита на кухне остыла, конфорка под кофейником была холодна.

Тейн пнул плиту ногой, снял кофейник и подержал ладонь над конфоркой. Спустя несколько секунд ладонь ощутила тепло.

— Так-то лучше, — произнес он вслух.

Когда-нибудь этот способ перестанет действовать и придется чинить. Наверняка просто отошел контакт.

Тейн вернул кофейник на плиту.

Снаружи что-то звякнуло, и Тейн вышел посмотреть.

Бизли, хортоновский садовник, шофер и мальчик на побегушках, разворачивал хлипкий фургон на дорожке к дому. Внутри восседала Эбби Хортон, супруга Г. Генри Хортона, самого влиятельного жителя городка. В багажнике, перевязанный веревками и наполовину прикрытый алым с розовым покрывалом, стоял гигантский телевизионный приемник, хорошо знакомый Тейну. Приемник устарел лет десять назад, но до сих пор был самым дорогим из всех телевизоров в Уиллоу-бенде.

Эбби, властная и суетливая матрона, вылезла из фургона.

— Доброе утро, Хайрам, — поздоровалась она. — Сможете починить?

— На свете нет ничего, чего я не смог бы починить, — отвечал тот, с тоской разглядывая перевязанного монстра. Ему было не впервой иметь с ним дело, и он понимал, что предстоит

повозиться.

— Ремонт может обойтись дороже покупки, — предупредил он Эбби. — Вам стоит задуматься о новом телевизоре. Этот безнадежно устарел и…

— Вот и Генри так говорит, — перебила она. — Генри хочет купить цветной, а я не могу расстаться с этим. Вы же понимаете, это не только телевизор, в нем есть встроенный радиоприемник и проигрыватель, а дерево по стилю гармонирует с мебелью, и, кроме того…

— Да знаю я, — сказал Тейн, уставший слушать одно и то же.

Бедняга Генри. Что за жизнь! Весь день пилит своих подчиненных на заводе вычислительных машин, а вечером его пилит эта мегера.

— Бизли, — скомандовала Эбби, ну точно сержант на плацу, — полезай наверх и распакуй телевизор.

— Будет сделано, мэм, — отвечал тот — долговязый, неуклюжий и туповатый парень.

— Да смотри не поцарапай!

— Будет сделано, мэм.

— Давайте я помогу, — предложил Тейн.

Вдвоем они влезли в багажник и начали развязывать старое чудище.

— Он тяжелый, — предупредила Эбби. — Вы

там поаккуратнее.

— Будет сделано, мэм, — отвечал Бизли.

Телевизор и впрямь оказался невероятно тяжелым и громоздким, однако Бизли и Тейн внесли его на задний двор, подняли на веранду и опустили по ступеням в подвал под бдительным орлиным взором Эбби.

Подвал служил Тейну мастерской и одновременно антикварной лавкой. В одной половине располагались верстаки, инструменты и коробки со всякой всячиной, между которыми были навалены кучи хлама. В другой размещалась коллекция скрипучих кресел и покосившихся кроватных стоек, трюмо и туалетных столиков, древних комодов, ведерок для угля с облезшей позолотой, неподъемных каминных экранов и прочего хлама, купленного по случаю за гроши.

Они аккуратно подставили телевизор на пол. Эбби зорко следила за ними со ступенек.

— Хайрам, вы сделали в подвале новый потолок? Теперь совсем другое дело! — воскликнула Эбби.

— Чего? — переспросил Хайрам.

— Потолок. Я говорю, новый потолок.

Тейн поднял голову. И впрямь новый потолок…

Он сглотнул, опустил голову и снова резко вскинул. Потолок и не думал исчезать.

— Надо же, ни шва, ни зазора! — восхитилась Эбби. — Как вам удалось?

Тейн снова сглотнул, прежде чем обрел дар речи.

— Да как-то так, — промямлил он в ответ.

— Сделайте и нам такой же. Подвал у нас просто загляденье. Бизли сделал потолок в игровой комнате, но вашему он в подметки не годится.

— Точно, мэм, — покаянно вздохнул Бизли.

— Как только найду время, — пообещал Тейн, готовый обещать что угодно, лишь бы они поскорее убрались.

— Вы не знали бы, куда девать время, — ехидно заметила Эбби, — если бы перестали обшаривать окрестности в поисках всякого хлама, который вы зовете антиквариатом. Деревенских простачков вы обманете, а меня нет.

— За некоторые вещи я выручаю немало, — спокойно ответил Тейн.

— И теряете последнюю рубашку на остальных.

— Специально для вас есть старый фарфор, — сказал Тейн. — Выгодно купил по случаю пару дней назад. Могу уступить.

— Не интересуюсь. — Эбби поджала губки, развернулась и пошла вверх.

— Встала сегодня не с той ноги, — пробормотал Бизли. — Тяжелый предстоит денек. Так бывает, когда она просыпается ни свет ни заря.

— Не бери в голову, — посоветовал ему Тейн.

— Я пытаюсь… Не получается. Тебе точно не нужен работник? Я много не запрошу.

— Извини, Бизли. А знаешь, приходи как-нибудь вечерком, в шашки сыграем.

— Приду, Хайрам. Спасибо, что зовешь. Остальные только и знают, что орать и поднимать меня на смех.

Сверху донесся вопль Эбби:

— Бизли, ты собираешься торчать там целый день? Нужно ковры выбить.

— Будет сделано, мэм, — сказал Бизли, поднимаясь по ступеням.

Во дворе Эбби решительно повернулась к Тейну:

— Вы же начнете ремонт прямо сейчас? Я без телевизора как без рук.

— Сию минуту, — ответил он.

Тейн стоял и смотрел, как фургон отъезжает, затем оглядел двор в поисках Таузера, но пес куда-то запропастился. Скорее всего, караулит сурка в

лесу через дорогу. Удрал, даже не позавтракав.

Когда Тейн вернулся на кухню, кофейник подпрыгивал на плите. Он заварил кофе и снова спустился в подвал.

Потолок никуда не исчез.

Он был сделан из странного белого материала и казался почти прозрачным: взгляд проникал внутрь, но не насквозь. И ни единого шва. Материал аккуратно огибал трубы и потолочные светильники.

Тейн взобрался на кресло и постучал по потолку костяшками пальцев. Звук вышел чистый и звонкий, словно он дотронулся до фужера тонкого стекла.

Тейн слез с кресла и постоял, качая головой. То, что случилось, было выше его понимания. Прошлым вечером он чинил в подвале газонокосилку банкира Стивенса, и никакого потолка не было и в помине.

Порывшись в коробке, Тейн нашел дрель и установил самое маленькое сверло, затем включил дрель в розетку, снова влез на кресло и приставил дрель к потолку. Сверло взвизгнуло и заскользило по гладкой поверхности, не причиняя потолку ни малейшего вреда. Тейн выключил дрель и внимательно всмотрелся в потолок. Ни цара-

пины. Он попробовал снова, надавив на дрель изо всех сил. Резкий свист — и головка сверла отлетела к противоположной стене.

Тейн слез с кресла, вставил в дрель новое сверло и начал медленно подниматься по ступеням, пытаясь соображать на ходу. Получалось не очень. Здесь не должно было быть никакого потолка — а он был. И если отбросить мысль, что Тейн рехнулся и впал в беспамятство, он мог поклясться, что сам его не подвешивал.

В гостиной Тейн отогнул край видавшего виды ковра и включил дрель. Затем встал на колени и приставил ее к полу. Сверло легко миновало старый дубовый паркет, затем встало намертво.

Что там могло его задержать? Пустое пространство между перекрытиями?

Тейн отложил дрель, на кухне отыскал вчерашние пончики, налил себе кофе и принялся размышлять.

Можно сколько угодно сидеть и строить предположения о том, что случилось с подвалом, но это ничего толком не даст.

Расчетливая душа янки возмутилась подобной праздности.

Пока он просиживает тут штаны, какой-нибудь беспринципный городской торгаш перехватит

его старинную кровать из клена! Если повезет, кровать даст недурной приработок. В конце концов, ее можно обменять. Обменял же он прошлой зимой пару коньков на настольный телевизор. Эти люди из Вудмена будут рады отдать старую кровать за превосходный телевизор, по виду и не скажешь, что отремонтированный. Едва ли они на той кровати спят, а уж о ее подлинной ценности и вовсе не догадываются!

Тейн торопливо доел пончики и выпил еще кружку кофе. Остатки завтрака он сложил в миску и выставил за дверь для Таузера. Затем спустился в подвал и погрузил в кузов пикапа настольный телевизор. Поразмыслив, сложил туда отремонтированное ружье, вполне пригодное для охоты, если, конечно, не заряжать его крупной дробью, и кое-что по мелочи. Никогда не знаешь, что пригодится.

2

Вернулся он поздно после суматошного и удачного дня. Кроме кровати из клена в кузове разместились кресло-качалка, защитный экран, связка старых журналов, древняя маслобойка, ореховый комод и конторка, которую самозваный декоратор покрыл бледно-зеленой краской.

Отдать же пришлось только настольный телевизор, ружье и вдобавок пять долларов. А что самое приятное — умудрился провернуть дельце так чисто, что сейчас семейство из Вудмена наверняка покатывается от смеха, вспоминая, как ловко его провели.

Тейну было даже немного стыдно, ведь его, как родного, посадили за стол, показали ему ферму и напоследок велели непременно заезжать, когда снова окажется в их краях.

Тейн проторчал у них целый день, зато репутация недалекого торговца, не знающего цену доллару, в будущем ему не повредит. И когда-нибудь он сумеет сорвать по-настоящему большой куш.

Открывая заднюю дверь, он услышал звук включенного телевизора, громкий и чистый, и бросился вниз по ступенькам в состоянии, близком к панике. После того как он обменял настольный телеприемник, в доме остался только один телевизор, принадлежавший Эбби, и тот не работал.

И все же это был именно он. Телевизор стоял там, где они с Бизли поставили его утром, и был совершенно исправен. И даже показывал в цвете.

В цвете!

Тейн остановился на нижней ступени и привалился к перилам, чтобы не упасть.

Телевизор превосходно передавал цвета.

Тейн осторожно приблизился и обошел вокруг аппарата. Кто-то снял заднюю крышку и прислонил ее к скамье. Изнутри шло теплое сияние.

Тейн не раз чинил этот приемник и отлично помнил, как выглядят его внутренности. Теперь они неуловимо изменились.

На лестнице раздались тяжелые шаги, и низкий голос произнес:

— Я вижу, Хайрам, все уже готово.

От неожиданности Тейн вздрогнул.

Генри Хортон стоял широко расставив ноги и выглядел очень довольным.

— Я сказал Эбби, что ты вряд ли успеешь починить его до вечера, но она настояла, чтобы я заскочил… Хайрам, да он же цветной! Как тебе удалось?

— Вот, только что закончил, — кисло улыбнулся Тейн.

Генри степенно спустился вниз и встал перед телевизором, сцепив руки за спиной в присущей ему властной манере.

— Я и подумать не мог, — он зачарованно пока-

чал головой, — что такое бывает!

— Эбби говорила, ты хочешь цветной.

— Разумеется, хочу. Но не в этом старом корпусе! Понятия не имел, что так делают. Хайрам, как ты умудрился?

— Я и сам толком не понимаю, — совершенно искренне ответил Тейн.

Генри подкатил к экрану бочонок с гвоздями, устало опустился на него и замер.

— А знаешь, — сказал он, — такие, как ты, были всегда. Янки с золотыми руками. Хватаются то за одно, то за другое, и между делом, почти случайно, изобретают что-нибудь эдакое.

Генри восседал на бочонке, пялясь в экран.

— Удивительно, таких оттенков я не видел даже в Миннеаполисе. Знаешь, я обошел несколько мест в поисках нового приемника, но, должен признаться, Хайрам, у них и в помине нет таких цветов.

Тейн вытер лоб рукавом. В подвале становилось жарко. Он совершенно взмок.

Генри вытащил из кармана сигару и протянул Тейну.

— Спасибо, я не курю.

— Молодец. Мерзкая привычка.

Генри сунул сигару в рот и перекатил справа

налево.

— Каждому свое, — промолвил он с чувством. — Ты силен в механике и электрике. А я ни черта в этом не смыслю. Даже в вычислительных машинах. Нанимаю людей, которые разбираются. А сам не в состоянии вбить гвоздь! Зато у меня есть организаторские способности. Помнишь, как все вокруг хихикали, когда я решил открыть фабрику?

— Были такие.

— Веселились от души! Несколько недель шушукались у меня за спиной и крутили пальцем у виска. Говорили, дескать, Генри совсем рехнулся, удумал открыть фабрику в нашей глуши. Неужели собрался конкурировать с большими заводами на востоке?.. И не угомонились, пока я не продал пару дюжин приборов и не получил заказы на два года вперед.

Генри выудил из кармана зажигалку и осторожно поднес к сигаре, не сводя взгляда с экрана.

— Похоже, твоя идея стоит миллионы, — серьезно промолвил он. — Небольшое приспособление, которое можно установить на любой телеприемник. Если ты сумел настроить эту старую развалюху, то сумеешь настроить цвет в любом телевизоре. — Не выпуская сигары изо рта, Генри

хмыкнул. — Да если бы Американская радиовещательная корпорация проведала о том, что здесь происходит, они бы себе горло перерезали!

— Я даже не знаю, как это работает, — пробормотал Тейн.

— Ничего страшного, — весело заявил Генри. — Завтра отвезу приемник на фабрику и покажу кое-кому. Мои ребята разберутся, и глазом моргнуть не успеешь.

Генри вынул сигару изо рта, внимательно осмотрел ее и сунул обратно в рот.

— В этом, Хайрам, и заключается разница между нами. У тебя золотые руки, но нет возможностей для развития. Я ничего не умею делать руками, но способен организовать дело. Вот посмотрим, скоро будешь грести деньги лопатой!

— Я ведь не знаю…

— Не волнуйся. Я все беру на себя. У меня есть производственные мощности и капитал. Мы заключим сделку.

— Благодарю, — машинально промолвил Тейн.

— Не за что, — покровительственно улыбнулся Генри. — Когда я вижу прибыль, то просто не могу пройти мимо! Мне даже неловко, что я так нахально набиваюсь к тебе в компаньоны.

Он сидел на бочонке, курил и смотрел на

экран.

— А знаешь, Хайрам, давно хотел предложить тебе одно дельце, да все руки не доходили. У меня на фабрике есть старая вычислительная машина, которую я собираюсь списать. Одна из ранних моделей, неудачный эксперимент, к тому же занимает слишком много полезной площади. Настоящий монстр, а не машина. Сколько мы ни бились над ней, ничего не выходит. Возможно, в самом устройстве что-то не так, или мы просто не сумели найти к нему правильный подход. Все эти годы она простояла в углу, и мне давно следовало выкинуть ее на свалку, но очень уж я этого не люблю. Ты не хотел бы в ней покопаться?

— Не знаю, — пожал плечами Тейн.

— Ты ничего не будешь мне должен! — с энтузиазмом продолжил Генри. — Скорее всего, у тебя ничего не выйдет, но почему бы не попробовать? Или просто разберешь ее на запчасти. Там деталей на несколько тысяч долларов. Вдруг пригодятся.

— Ну, пожалуй… — согласился Тейн без особого воодушевления.

— Вот и отлично! — Энтузиазма Генри хватило бы на двоих. — Завтра распоряжусь, чтобы привезли сюда. Тяжеленная штуковина. Придется

повозиться, чтобы спустить ее в подвал.

Генри осторожно встал с бочонка и отряхнул брюки от пепла.

— Завтра и телевизор заберут. Скажу Эбби, что ты еще не починил его. Если я притащу телевизор домой, с такими-то цветами, она мне его не отдаст.

Генри тяжело поднялся по лестнице и вышел из двери в летнюю ночь.

Тейн стоял в тени, наблюдая, как фигура Генри пересекает двор вдовы Тейлор и исчезает на соседней улице. Затем глубоко вдохнул ночной воздух и потряс головой, чтобы освежить гудящие мозги.

Слишком много событий за один день. Сначала потолок, затем телевизор. Поспать бы немного…

Таузер вынырнул из-за угла, проковылял через лужайку и встал рядом с хозяином, обляпанный грязью с головы до хвоста.

— Я гляжу, ты неплохо повеселился, — заметил Тейн. — Предупреждал же, не видать тебе сурка как своих ушей.

— Гав, — грустно ответил Таузер.

— Ты ничуть не лучше нас. Такой же, как я и Генри Хортон. Все гонишься за чем-то и думаешь, что знаешь, за чем именно. На деле же ничего-

шеньки ты не знаешь. А что еще печальнее, ты и понятия не имеешь, что заставляет тебя гнаться.

Таузер устало стукнул хвостом по крыльцу.

Тейн открыл дверь, впустил собаку, после чего вошел сам.

В холодильнике нашлись остатки жаркого, несколько ломтиков баночной ветчины, высохший кусок сыра и полмиски холодных спагетти. Тейн заварил кофе и разделил трапезу с Таузером. После ужина спустился в подвал и выключил телевизор. Затем достал аварийную лампочку и всмотрелся во внутренности приемника.

Тейн сидел на корточках перед задней стенкой телевизора и пытался понять, что с ним не так. Определенно изменения были, но что именно изменилось? Кто-то перепаял лампы, придав им изогнутую форму, понатыкал везде и всюду какие-то белые металлические кубики. Поначалу их расположение показалось Тейну нелогичным и произвольным, и все же, очевидно, определенная логика там была.

Однако самое удивительное, что тот, кто это сделал, очевидно, спешил и во многом полагался на импровизацию.

Тейн всмотрелся в темные углы подвала и ощутил, как бесчисленные воображаемые соро-

коножки забегали по телу.

Итак, некто отвинтил заднюю стенку прибора и прислонил к скамейке, оставив гайки в ряд лежать на полу. Затем этот «некто» наспех починил телевизор, причем так, как не сумел бы никто на свете.

Если это называется на скорую руку, то на что он способен, если дать ему время повозиться вволю?

Очевидно, ему помешали. Возможно, «некто» услышал, как возвращается хозяин, и второпях не стал прикручивать обратно заднюю стенку.

Тейн встал и, не чувствуя ног, отошел в сторону.

Утром потолок, теперь — телевизор Эбби.

Какие еще сюрпризы его ждут?

Приходилось признать: в его доме кто-то поселился!

Таузер учуял кого-то и попытался достать, яростно царапая пол.

Чем бы «оно» ни было, это точно не сурок.

Тейн убрал лампу и поднялся наверх.

В гостиной Таузер свернулся на коврике рядом с креслом и, приветствуя хозяина, вежливо стукнул по полу хвостом. Тейн стоял и пристально всматривался в собаку. Таузер в ответ довольно

посмотрел на него сонными глазами, испустил сытый вздох и погрузился в дрему.

Что бы там Таузер ни увидел, унюхал или учуял утром, сейчас его сон ничто не тревожило.

Внезапно Тейн вспомнил кое-что еще.

Вечером он наполнил кофейник, поставил на плиту, повернул выключатель — и плита включилась сама.

Ему даже не пришлось, как обычно, пинать ее ногой.

3

Тейн проснулся от того, что кто-то крепко держал его за ноги, и резко сел на кровати.

Но это был всего лишь Таузер, который свернулся калачиком поперек его коленей. Во сне пес тоненько скулил и перебирал задними лапами, охотясь на кроликов.

Тейн осторожно высвободил ноги, сел и потянулся за одеждой. Вставать было рановато, но он вспомнил, что вчера не выгрузил мебель из пикапа. Тейн поплелся на кухню, выглянул из окна — и увидел Бизли, хортоновского мальчика на побегушках, который сидел на корточках на его веранде.

Тейн вышел, чтобы узнать, в чем дело.

— Я ушел от них, Хайрам, — сказал Бизли. — Она меня заклевала, ничем ей не угодишь.

— Заходи, — ответил Тейн, — перекусим, кофе выпьем.

— Хайрам, я не мог бы пожить у тебя, пока не найду работу?

— Давай сначала позавтракаем, а после поговорим.

Не нравится мне все это, подумал Тейн про себя, совершенно не нравится. Часа через два сюда заявится Эбби и поднимет шум, обвиняя его в том, что он переманил Бизли. Каким бы тугодумом Бизли ни выглядел, парень он был безропотный и работящий. К тому же едва ли кто-то еще в городишке согласится наняться к Эбби Хортон в работники.

— Твоя мать всегда угощала меня печеньем, — продолжил Бизли. — Она была очень доброй женщиной.

— Это верно, — согласился Тейн.

— А моя мать говорит, что ваше семейство не чета прочим в городе, сколько бы те ни корчили из себя важных персон. Говорит, вы из первых поселенцев. Это правда, Хайрам?

— Не совсем, хотя дом наш простоял тут почти сотню лет. Мой отец любил повторять, что не

было ни одной ночи, когда под его кровом не ночевал бы кто-то из Тейнов. Отец придавал значение подобным вещам.

— Хорошо, должно быть, — задумчиво промолвил Бизли, — испытывать такие чувства. Ты гордишься своим домом, Хайрам?

— Не то чтобы горжусь, скорее я с ним сроднился. Не могу представить, чтобы я жил где-то еще.

Тейн зажег плиту и наполнил кофейник водой. Неся кофейник обратно, он по привычке пнул плиту ногой, и совершенно напрасно — спираль излучала ровное розовое сияние.

Два раза подряд, подумал Тейн. Неужто так и дальше пойдет?

— Хайрам, а у тебя шикарное радио.

— Оно не работает, руки не доходят починить.

— Нет, Хайрам, я включил его, и сейчас оно прогревается.

— Прогревается? А ну-ка дай сюда!

Бизли не шутил. Из приемника раздался тихий треск.

Затем, по мере того, как приемник прогревался, стал различим голос, какая-то тарабарщина.

— Это на каком языке? — спросил Бизли.

— Понятия не имею. — Тейна пробрала дрожь.

Сначала телевизор, потом плита, а теперь еще

и радио!

Он повернул ручку, и стрелка, вместо того, чтобы шарахаться из стороны в сторону, медленно, станция за станцией, двинулась вдоль шкалы. Одна из станций вещала на непонятном языке, и до Тейна наконец дошло.

Вместо дешевого радио за тридцать девять долларов пятьдесят центов у него на кухонном столе стояла последняя модель широкополосного приемника, какие рекламируют в журналах!

Он выпрямился и сказал Бизли:

— Поищи что-нибудь на английском, а я пока займусь яичницей.

Он включил вторую конфорку, поставил сковороду на плиту и полез в холодильник за беконом и яйцами.

Бизли поймал какую-то оркестровую музыку.

— Пойдет? — спросил он.

— Пойдет, — ответил Тейн.

Из спальни, потягиваясь и зевая, показался Таузер. Пес подошел к двери и дал понять, что хочет наружу.

Тейн выпустил его.

— На твоем месте, — напутствовал он собаку, — я бы оставил в покое того сурка. Не то весь лес перероешь.

— Он не за сурком охотится, Хайрам.

— Ну, за кроликом.

— И не за кроликом. Вместо того чтобы выбивать ковры, я его выследил. Вот Эбби и взбеленилась.

Разбивая яйца на сковороду, Тейн хмыкнул.

— Вчера я улизнул с работы, в лесу встретил Таузера, и он сказал мне, что это не сурок и не кролик, а совсем наоборот. Я решил помочь ему. Похоже, Таузер откопал в лесу какую-то цистерну.

— Никакой цистерны там нет! — возразил Тейн. — Таузера волнуют только сурки и кролики.

— Он копал очень старательно, — настаивал Бизли.

— Значит, под этой старой бочкой, или что там у вас, есть сурочья нора.

— Может быть, — не стал спорить Бизли и принялся крутить радио, пока не нашел совершенно отвратительного диск-жокея.

Тейн переложил яичницу на тарелки, налил по большой кружке кофе и принялся намазывать масло на хлеб.

— Давай, налетай, — сказал он Бизли.

— Я очень благодарен тебе, Хайрам, за твою

доброту. Я тебя не обременю, как только найду работу, так сразу…

— Знаешь, я еще не…

— Порой, когда я думаю, что на всем белом свете у меня нет ни единого друга, я вспоминаю твою мать и как она меня привечала…

— Ладно, договорились.

Похоже, Бизли не оставил ему выхода.

Выставив на стол тосты и банку с джемом, Тейн сел и принялся за еду.

— Могу я тебе чем-то помочь? — спросил Бизли, рукой стирая желток с подбородка.

— У меня полный грузовик мебели, и я бы не отказался, если бы кто-нибудь подсобил мне перетаскать ее в подвал.

— С удовольствием, я сильный и не боюсь никакой работы, только не люблю, когда на меня повышают голос.

Они позавтракали и шустро перетаскали мебель в подвал. С конторкой пришлось повозиться, она никак не хотела пролезать в дверь. Когда они наконец закончили, Тейн окинул взглядом свои приобретения. Человек, который замазал краской чудесное вишневое дерево, был явно не в себе.

— Мы должны снять эту краску, только очень

аккуратно, — сказал он Бизли. — Надо взять растворитель, а кисть обмотать тряпкой. Не хочешь попробовать?

— Конечно, хочу. А второй завтрак у нас будет?

— Не знаю, что-нибудь поищем. Только не говори мне, что проголодался!

— Думаешь, легко было таскать все эти тяжести?

— В коробке на полке есть печенье.

Когда Бизли поднялся на кухню, Тейн медленно обошел подвал. Потолок никуда не делся; больше со вчерашнего дня ничего не изменилось. Может, подумал он, телевизор, плита и радиоприемник — своего рода плата за постой? В таком случае он не станет возражать против таких квартирантов, кем бы они ни были.

Тейн осмотрелся еще раз, но не заметил ничего подозрительного. Затем поднялся по ступеням и крикнул Бизли:

— Идем в гараж, там у меня краска. Найдем растворитель, и я покажу, как им пользоваться.

Бизли, зажав в кулаках печенье, охотно последовал за ним.

Огибая угол дома, они услышали лай Таузера. Сколько это продолжается: три, четыре дня?

Тейн вынес из гаража две лопаты и кирку.

— Пошли, — сказал он Бизли, — все равно он нам покоя не даст.

4

Надо признать, Таузер потрудился на славу. Пес почти целиком умещался в вырытой им яме, наружу торчал только грязный хвост.

Бизли не соврал: предмет, который торчал из ямы, больше всего походил на какой-то чан или резервуар.

Таузер задом вылез из ямы и уселся на краю; глина прилипла к усам, язык свисал изо рта.

— Он говорит, давно пора было ему помочь, — сказал Бизли.

Тейн обошел вокруг ямы и встал на колени. Затем протянул руку и стер грязь с бока предмета, который торчал наружу. На ощупь предмет был металлический.

Тейн взял лопату и постучал по цистерне. Металл зазвенел.

Они принялись за работу, слоями вынимая из ямы куски глины. Нелегкая работенка, да и цистерна была массивнее, чем казалась вначале. Чтобы выкопать ее, времени уйдет немало.

— Есть хочу, — пожаловался Бизли.

Тейн взглянул на часы. Около часу дня.

— Ступай домой, — сказал он Бизли. — Поищи чего-нибудь в холодильнике, а еще там есть молоко.

— А как же ты, Хайрам? Разве ты не голоден?

— Сделаешь мне сандвич. И захвати с собой мастерок.

— Зачем тебе мастерок?

— Хочу соскрести глину.

Тейн присел на краю ямы и смотрел, как Бизли удаляется в лес.

— Знаешь, Таузер, что я тебе скажу, — обратился он к псу, — такого зверя ты еще из норы не выкапывал.

Когда становится страшно, подумал Тейн, спасает только чувство юмора.

Бизли, тот ничуть не испугался. Такие вещи были выше его понимания.

Двенадцать футов в ширину, двадцать в длину, овальной формы. Размером с хорошую гостиную. Вот только цистерн подобного размера в Уиллоубенде отродясь не водилось.

Тейр выудил из кармана перочинный ножик и принялся соскребать глину с поверхности. Он очистил пространство размером с квадратный дюйм, и никакой это был не металл. Больше всего на свете поверхность походила на стекло.

Тейн продолжал скрести, пока не расчистил пространство размером с ладонь.

Поверхность была матовой; из такого молочного стекла делали кубки и вазы. Тейн охотился за подобными предметами — ценители сходили по ним с ума и готовы были платить любые деньги.

Он закрыл ножик, убрал его в карман и присел на корточки над ямой.

Кем бы ни были гости, поселившиеся у него в доме, они прилетели на такой же штуковине. Прилетели сквозь пространство или время. Странно, что эта мысль пришла ему в голову: раньше он ни о чем подобном не думал.

Тейн снова взялся за лопату, на этот раз он копал в глубину, огибая овальный бок инопланетного предмета. Что он расскажет о своей находке и расскажет ли вообще? Может быть, лучше закопать ее обратно и держать язык за зубами?

Разумеется, Бизли проболтается, но никто в городишке не станет его слушать. Все в Уиллоубенде знали, что малый немного не в себе.

Наконец появился Бизли, неся в руках три кривоватых сандвича и бутылку молока.

— Я гляжу, ты не торопишься, — слегка раздраженно заметил Тейн.

— Мне было интересно.

— Что именно?

— Приехали три грузовика, выгрузили в подвал какие-то тяжелые штуки. Два или три шкафа и всякую мелочь. Да, они увезли с собой телевизор Эбби. Я их отговаривал, но они меня не послушались.

— Я напрочь забыл, что Генри обещал прислать вычислительную машину.

Тейн принялся за сандвичи, разделив трапезу с Таузером, который в порыве благодарности измазал его глиной.

Покончив с едой, Тейн взял в руки лопату.

— За работу, — сказал он.

— А как же те штуки в подвале?

— Никуда не денутся. А тут нужно закончить.

Когда они закончили, уже стемнело. Тейн тяжело оперся на лопату.

Двенадцать футов в ширину, двадцать в длину, десять в поперечнике, из цельного матового стекла, которое звенело всякий раз, когда его тирогали лопатой.

Если гостям приходится подолгу жить внутри, они должны быть совсем небольшого размера. Такие как раз уместятся в пространстве между стеклянными перекрытиями.

Если они и впрямь там живут. Может быть,

у него просто разыгралось воображение. Вчера утром Таузер почуял их, но с тех пор пес вел себя как ни в чем не бывало.

Тейн положил лопату на плечо и подхватил с земли мастерок.

— Пошли домой, — сказал он. — Ну и денек выдался.

Светлячки вспыхивали в кустах, уличные фонари раскачивались под летним бризом. Далекие звезды сияли в небе, яркие и твердые.

Возможно, они и сейчас в доме. Возможно, поняв, что Таузер их почуял, они сделали так, чтобы стать для собаки невидимками. Похоже, они легко обживаются на новом месте. Чтобы освоиться в человеческом жилье, подумал Тейн мрачно, им потребовалось совсем мало времени.

Они с Бизли шагнули с дорожки во тьму, направляясь к гаражу, чтобы сложить инструменты, но никакого гаража не было и в помине.

Ни гаража, ни фасада. Дорожка резко обрывалась, а на месте гаража изгибалась стена.

Они подошли к ней и встали, недоверчиво щурясь в летних сумерках.

Крыльца тоже не было. Словно кто-то взял края фасада, свел вместе, и вся передняя сторона дома оказалась внутри круга.

Теперь он владел домом с завернутым внутрь фасадом. При ближайшем рассмотрении все было сложнее, чем на первый взгляд: изгиб получился изящнее и длиннее, чем если бы края фасада просто свели вместе, а его форма была какой-то нечеткой. Словно фасад внезапно исчез, а оставшуюся часть дома использовали, чтобы замаскировать исчезновение.

Лопата и мастерок с лязгом выпали из рук Тейна. Он поднес руку к лицу и провел ладонью по глазам, словно хотел стереть то, чему не находил объяснения.

Когда он отнял руку от лица, все осталось по-прежнему.

У дома не было фасада.

Тейн обежал его вокруг, не сознавая, что бежит. С задней стороны дом не изменился.

Вместе с Бизли и Таузером он поднялся на веранду, толкнул дверь, взлетел по ступеням на кухню и одолел ее в три прыжка. В дверях гостиной остановился и, схватившись за косяк, изумленно уставился в окно.

Снаружи была ночь, в этом не было никаких сомнений. Он своими глазами видел светлячков в кустах и траве, горящие фонари и звездное небо.

И тем не менее в окне гостиной сияло солнце,

а пейзаж, который раскинулся за окном, не имел никакого отношения к Уиллоу-бенду.

— Бизли, — выдохнул, — посмотри туда!

Бизли посмотрел.

— Что там снаружи?

— Вот и я хотел бы знать.

Таузер нашел свою миску и принялся гонять ее по кухне, давая понять, что проголодался.

Тейн прошел через гостиную и открыл переднюю дверь.

За дверью не было ни двора, ни шоссе. Только пустыня, ровная и гладкая, словно паркет, насколько хватало взгляда. Временами пустынную гладь нарушали скопления валунов или островки тощей растительности. Большое солнце висело над дальним горизонтом прямо на севере, где светилу висеть не полагалось. К тому же странное солнце отливало нездешней белизной.

Бизли вышел на крыльцо, и Тейн заметил, что он дрожит, как испуганный пес.

— Знаешь, — обратился к нему Тейн ласково, — ты бы вернулся на кухню и сварганил чего-нибудь на ужин.

— Хайрам…

— Все хорошо, — сказал Тейн. — Все будет хорошо.

— Как скажешь, Хайрам.

Дверь за Бизли с грохотом захлопнулась, и минуту спустя Тейн услышал, как он возится на кухне.

Тейн не винил Бизли. Ты открываешь дверь — а за ней новый незнакомый мир. Человек привыкает ко всему, но не сразу.

Тейн спустился с крыльца, обошел пикап и завернул за угол гаража, почти уверенный, что увидит за ним Уиллоу-бенд, ведь когда он заходил в дом с заднего крыльца, городок был на месте.

Однако никакого городка там не оказалось — только бесконечная пустынная гладь.

Тейн обошел вокруг дома и обнаружил, что с задней половиной дома случилось то же самое, что и с передней: на ее месте изгибалась стена, словно кто-то свел вместе углы дома.

Тейн сделал несколько шагов в глубь пустыни, наклонился и зачерпнул с земли пригоршню гальки. Камни как камни, ничего особенного.

Он присел на корточки и разжал ладонь.

В Уиллоу-бенде у его дома был задний фасад и не было переднего. Здесь, где бы это место ни находилось, все было ровно наоборот.

Он встал, стряхнул прилипшие песчинки и вытер ладонь о брюки.

Внезапно краем глаза Тейн уловил какое-то движение.

Шеренга некрупных зверьков — если, конечно, эти существа были зверьками — спускалась с крыльца. Дюйма четыре в высоту, зверьки передвигались на четырех конечностях, хотя передние явно представляли собой руки. Физиономии их больше походили на крысиные мордочки, чем на человеческие лица, с длинными заостренными носами, а тела покрывала не кожа, а чешуя, потому что при ходьбе зверьки переливались. Хвосты, похожие на скрученные веревочки заводных игрушек, торчали вверх и подрагивали на ходу.

Они спустились по ступеням, держа строй, словно заправские солдаты, на расстоянии в полфута друг от друга. И таким же ровным строем промаршировали в пустыню, как будто точно знали, куда идут. В их походке была пугающая целеустремленность, в то же время они явно никуда не спешили.

Тейн насчитал шестнадцать зверьков и смотрел им вслед, пока колонна не скрылась из виду.

Это они поселились в его доме, они установили потолок и починили телевизор Эбби, плиту и радиоприемник. И скорее всего, именно они

прилетели сюда на том овальном предмете из молочного стекла в лесу.

Только откуда взялось это странное место?

Тейн поднялся на крыльцо и открыл дверь. Ровное отверстие диаметром в шесть дюймов украшало ее внизу. Теперь придется чинить, машинально подумал Тейн.

Он вошел и захлопнул за собой дверь.

— Бизли!

Ответа не было.

Из-под коврика выполз сгорающий со стыда Таузер.

— Да ладно тебе, — сказал ему Тейн, — меня и самого от этой компании дрожь пробирает.

Он вошел в кухню. Тусклая потолочная лампочка освещала перевернутый кофейник, разбитую чашку на полу и опрокинутую миску с яйцами. Одно яйцо растеклось на линолеуме бело-желтой лужицей.

Задняя дверь ремонту не подлежала: ржавую сетку разодрали на куски — точнее сказать, ее словно разнесло взрывом, — а раму почти вырвало из стены.

Тейн воззрился на дверь в немом изумлении.

— Бедный дурачок, — вздохнул он. — Летел, не разбирая дороги, даже дверь открыть не по-

трудился.

Включив свет, Тейн начал спускаться в подвал, однако на середине лестницы застыл.

Слева, от пола до потолка, подвал пересекала стена из того же материала, что и потолок. За стеной осталась его мастерская.

А что в ней?

Вычислительная машина, которую Генри прислал сегодня утром. Три грузовика, как утверждал Бизли, три грузовика деталей прямо в их загребущие лапки!

Должно быть, они решили, что Тейн их союзник! Или расплатился с ними таким способом за ремонт телевизора, плиты и радиоприемника.

Однако, если рассуждать последовательно, зачем гостям сдалось это старье? Возможно, ремонт они сделали, чтобы заплатить ему за постой или в качестве дружеского жеста. А может быть, хотели понять на практике, пригодятся ли им наши технологии и удастся ли приспособить их технологии к местным материалам.

Тейн поднял руку и постучал костяшками пальцев по стене — гладкая белая поверхность зазвенела. Он приложил ухо к стене и прислушался: кажется, стена еле слышно гудела. За стеной осталась газонокосилка банкира Стивенса и

множество других вещей, ожидающих починки. Хозяева с него шкуру сдерут, особенно банкир, тот еще жмот.

Немудрено, что Бизли рехнулся со страху. Когда он увидел, как эти красавцы вышагивают из подвала, крыша у него окончательно поехала. Ломанулся в дверь, забыв открыть ее, и сейчас носится по городку и пристает ко всякому встречному и поперечному со своими россказнями.

Ни один разумный человек в городе ему не поверит, но если Бизли не уймется, к нему прислушаются. И тогда нагрянут сюда, вломятся в его владения, увидят, что происходит у него во дворе, и не видать ему собственного дома как своих ушей.

А какое им дело до того, что происходит у него во дворе, вскипел Тейн. В нем заговорил бизнесмен. Вокруг столько неизведанных земель, и путь к ним лежит через его двор. По всему выходит, что все эти земли принадлежат ему. Прежде чем сюда явятся чужие, он должен сам все разведать.

Тейн поднялся по лестнице и зашагал к гаражу.

Белое солнце неподвижно висело на севере.

Он отыскал молоток, гвозди, несколько коротких досок и отнес их в дом.

Воспользовавшись суматохой, Таузер безмятежно сопел в кресле с парчовой обивкой, но Тейн не стал его сгонять.

Несколько досок он прибил на заднюю дверь, а также на дверь кухни и окно спальни. На некоторое время это задержит его земляков, когда они явятся, чтобы разузнать, что здесь происходит.

Тейн достал охотничье ружье, коробку патронов, бинокль и старую флягу, наполнил флягу водой из-под крана и сложил в мешок еду для себя и Таузера — на ужин времени не было. В гостиной он согнал Таузера с парчового кресла:

— Пошли, Тауз, надо кое-что разведать.

В пикапе Тейн проверил горючее — бак был почти полон. Вместе с Таузером он влез в кабину, положив ружье рядом с собой, развернулся и покатил по пустыне строго на север.

По совершенно гладкой поверхности машина катила как по маслу. Иногда попадались ухабы, но бывалый путешественник Тейн, привыкший в своих вылазках за старинными вещами к разбитым проселочным дорогам, не унывал.

Местность вокруг поражала однообразием, разве что порой среди плоской пустыни, уходившей за горизонт, встречались пологие холмы. Тейн ехал на север, прямо по солнцу. Несколько раз

он пересекал песчаные насыпи; колеса легко преодолевали слежавшийся плотный песок.

Спустя полчаса он заметил шеренгу странных существ — все шестнадцать в сборе, — которые целеустремленно шагали к им одним ведомой цели.

Некоторое время Тейн, снизив скорость, ехал параллельно, но, поскольку они двигались одним курсом, не сворачивая ни вправо, ни влево, вскоре ему надоело, и он нажал на газ, оставив шеренгу позади.

Солнце неподвижно висело над горизонтом, и это сбивало с толку. Возможно, решил Тейн, этот мир обращается вокруг своего светила медленнее, чем Земля вокруг Солнца, и день здесь длится дольше. Судя по положению светила, гораздо дольше.

Тейн сидел за рулем и всматривался в однообразный пейзаж, и внезапно странность происходящего поразила его в самое сердце. Это был другой мир, другая планета, которая вращалась вокруг незнакомого светила, и никто на Земле понятия не имел, где она находится. И тем не менее благодаря необъяснимым поступкам шестнадцати странных существ мир этот лежал прямо за дверью его дома.

Впереди замаячил холм повыше прочих, и, подъехав ближе, Тейн заметил на его вершине какие-то блестящие предметы. Он заглушил мотор и взялся за бинокль.

Он сразу же узнал молочно-белые капсулы — такую же Таузер нашел в лесу. Тейн насчитал восемь капсул, покоящихся в гранитных колыбелях; несколько колыбелей пустовали.

Подобраться ближе? Успеется, это всего лишь первая вылазка, а не полноценная экспедиция.

Тейн забрался в пикап и покатил дальше, не забывая следить за датчиком горючего. Когда бензина останется чуть больше половины, придется повернуть назад.

Впереди над бледным горизонтом показалось белое пятнышко. Временами оно исчезало, однако расстояние было слишком велико, чтобы понять его природу.

Когда стрелка дошла до середины шкалы, Тейн остановил пикап и, взяв бинокль, вышел из машины.

Обходя пикап, он удивился, какими ватными стали ноги, но вспомнил, как давно встал с постели. На часах было два часа — по земному времени выходило, что два часа ночи. А значит, он на ногах по меньшей мере двадцать часов и бóльшую

часть этого времени усердно трудился, выкапывая из земли странный стеклянный предмет.

Тейн поднес бинокль к глазам — и белое пятнышко обратилось далекой горной цепью. Массивные скалы голубели среди пустыни, на их вершинах и склонах блестел снег. О расстоянии между ним и скалами можно было судить по тому, что даже через мощный бинокль Тейн различал лишь туманную синеву.

Он медленно обвел биноклем линию горизонта: везде, сколько хватало взгляда, тянулась величественная горная цепь. Тейн опустил бинокль и принялся разглядывать однообразную ровную поверхность, прерываемую редкими холмами и скупой растительностью.

И тут он увидел дом!

Рука дрогнула, и Тейн опустил бинокль, затем снова поднес его к глазам. И впрямь дом! Симпатичный домик стоял у подножия холма, надежно укрытый ее тенью, без бинокля и не разглядишь.

Домик был маленький, с круглой покатой крышей, и глубоко ушел в землю, словно врос в нее. Овальное отверстие, вероятно, было дверью; окон нигде не наблюдалось.

Тейн опустил бинокль. Четыре-пять миль. Бензина должно хватить. Даже если не хватит,

последнюю часть пути до Уиллоу-бенда можно пройти пешком.

Странно, подумал Тейн, что дом только один. За все время путешествия по пустыне ему не встретилось никаких признаков жизни, если не считать марширующих крысоподобных существ, и никаких искусственных сооружений, за исключением восьми капсул молочного стекла на каменных постаментах.

Он вернулся в пикап, завел мотор и спустя десять минут подъехал к дому в тени горы.

Прихватив ружье, Тейн вышел из пикапа. Таузер выпрыгнул вслед за ним, шерсть на загривке встала дыбом, из пасти раздался низкий рык.

— Что такое? — спросил Тейн.

В ответ Таузер зарычал.

Из дома не доносилось никаких звуков.

Стены были сложены из грубых камней, скрепленных вместо раствора какой-то потрескавшейся грязью. Крышу покрыли дерном, хотя ничего похожего на дерн вокруг не наблюдалось. Впрочем, несмотря на видимые стыки между полосками дерна, за много лет материал превратился в спекшуюся глину, затвердевшую под ярким солнцем пустыни.

У дома отсутствовали какие-либо отличитель-

ные признаки, строители явно не пытались смягчить или приукрасить его простое предназначение — служить укрытием. Такой дом могли сложить пастухи. Дом выглядел очень старым, камень потрескался и раскрошился.

С ружьем наготове Тейн двинулся вперед, заглянул в дверь: никого, только тишина и темнота.

Оглянувшись на Таузера, он увидел, что пес забрался под днище пикапа, откуда таращился на него и рычал.

— Вот и сиди там, — велел ему Тейн. — Никуда не уходи, ты понял?

Выставив ружье перед собой, Тейн вошел в дверь и долгое время просто стоял, пока глаза не привыкли к темноте. Наконец он смог рассмотреть комнату: грубая каменная скамья с одной стороны, ниши странной формы — с другой, в углу какой-то потрескавшийся деревянный предмет мебели неопределенного назначения.

Хозяева покинули дом давным-давно, решил Тейн. Возможно, пастухи жили здесь в незапамятные времена, когда окружающая пустыня была покрыта пышной растительностью.

Из первой комнаты дверь вела во вторую, и когда Тейн вошел в нее, в уши ударил далекий рокот и другой звук, который он не сразу узнал:

шорох дождя!

Сквозь открытую заднюю дверь до него долетело дуновение соленого бриза, и Тейн застыл посреди второй комнаты, не в силах вымолвить слова.

Еще один! Еще один дом, который вел в следующий мир!

Выйдя из задней двери, Тейн оказался под низким сумрачным небом, из которого хлестали потоки дождя. В полумиле от него, через поле, усеянное серыми валунами, бурное море билось о берег, вздымая высоко в воздух фонтаны пенных брызг.

Тейн поднял лицо к небу, под яростные струи дождя. Сырость и холод пробирали до костей. Само это жуткое место навевало мысли о феях и гоблинах из старинных сказок.

Он огляделся, но, кроме прибрежной полосы, ничего не увидел: дождь скрыл мир серой пеленой, за которой чудилось присутствие чего-то зловещего. Задохнувшись от ужаса, Тейн невольно попятился.

Один мир еще ничего, два уже слишком, подумал он. Навалилось чувство совершенного одиночества, и Тейн из последних сил рванулся назад, прочь из этого места.

Снаружи сияло теплое солнце. Его одежда промокла от дождя, на стволе ружья блестели дождевые капли.

В поисках собаки Тейн огляделся: Таузера не было под пикапом, не было нигде.

Тейн принялся звать пса, но безуспешно. Голос тоскливо раздавался в пустоте и безмолвии пустыни.

Он обошел дом вокруг, однако задней двери не обнаружил. Стены из грубого камня закруглялись, образуя такой же удивительный изгиб, как в его собственном доме.

Но сейчас ему не было дела до этого странного феномена: Тейн искал свою собаку, и сердце у него сжималось от страха. Сейчас он особенно остро ощущал, как далеко от дома забрался.

Три часа он безуспешно искал Таузера в пустыне. Вернулся в дом, переместился в другой мир и бродил среди валунов… Таузера не было и там. Забрался на вершину холма и долго рассматривал в бинокль безжизненную пустыню вокруг.

Наконец, падая с ног от усталости и почти засыпая на ходу, он вернулся к пикапу. Привалившись спиной к кабине, Тейн попытался собраться с мыслями.

Надо вернуться в Уиллоу-бенд, немного по-

спать, взять дополнительную канистру с бензином и тогда уже продолжить поиски. О том, чтобы оставить собаку в пустыне, не могло быть и речи, однако сейчас от него было мало проку.

Тейн влез в кабину и поехал назад, ориентируясь по следам своих шин на песчаных насыпях и борясь с почти непреодолимым желанием смежить веки. Неподалеку от холма, на вершине которого он заметил стеклянные капсулы, пришлось выйти из кабины размяться, чтобы не заснуть прямо за рулем. Капсул было уже не восемь, а семь.

Теперь его это не заботило, он мог думать только об одном: не выпустить руль, дотянуть до Уиллоу-бенда, выспаться и вернуться за Таузером.

Преодолев немногим больше половины пути, Тейн заметил впереди другой автомобиль и некоторое время взирал на него в немом изумлении: кроме пикапа и легковушки в его гараже по эту сторону дома не было других машин.

Он резко затормозил и с трудом вылез из кабины.

Из легковой машины выскочили Генри Хортон, Бизли и человек с шерифской звездой.

— Слава богу, нашелся! — воскликнул Генри,

бросаясь к нему.

— А я и не терялся, — возразил Тейн. — Я еду домой.

— Он падает с ног от усталости, — заметил человек с шерифской звездой.

— Это шериф Хэнсон, — сказал Генри. — Мы ехали по следам твоих шин.

— Я потерял Таузера, — пробормотал Тейн. — Просто дайте мне вернуться и найти его. Я сам доберусь до дома.

Он пошатнулся и вынужден был ухватиться за дверцу, чтобы не упасть.

— Ты ворвался в мой дом, — сказал он Генри. — Взял мою машину и…

— У меня не было выбора, Хайрам. Мы боялись, с тобой что-нибудь случилось. Бизли такого наговорил, что у нас волосы встали дыбом.

— Посадите его в машину, а я поведу пикап, — сказал шериф.

— Я должен найти Таузера!

— Сначала вам нужно выспаться.

Генри обнял Тейна за плечи и отвел к машине, а Бизли открыл для него заднюю дверь.

— Ты успел понять, что это за место, Хайрам? — прошептал ему Генри тоном заговорщика.

— Не совсем, — пробормотал Тейн, — какой-то

другой…

— А впрочем, неважно, — хмыкнул Генри. — Мы и так у всех на устах. О нас пишут все газеты, вещают все радиостанции, городок наводнили репортеры, ждут приезда столичных шишек. Помяни мое слово, это сделает нас…

Остатка фразы Тейн не услышал. Он уснул раньше, чем упал на сиденье.

5

Тейн проснулся и некоторое время лежал неподвижно. Шторы опустили, в спальне было прохладно и тихо.

До чего же приятно, подумал он, проснуться в комнате, которую помнишь с рождения, в доме, где Тейны прожили без малого столетие.

Внезапно он вспомнил — и резко сел на кровати.

И тут же услышал настойчивый ропот за окном.

Тейн встал и отдернул штору. Солдаты удерживали толпу, которая заполонила его и соседский дворы.

Опустив штору, Тейн принялся за поиски башмаков. В остальном он был полностью одет. Наверное, Генри и Бизли отнесли его в кровать и

сняли туфли, одежду решив не трогать. Впрочем, ничего этого он не помнил.

Башмаки нашлись на полу за кроватью, и он сел, чтобы натянуть их.

Мозг лихорадочно работал. Нужно раздобыть горючее и взять пару лишних канистр. А еще воды, еды и, возможно, спальный мешок. Без Таузера он домой не вернется.

Покончив со шнурками, он вышел в гостиную. Там никого не было, но из кухни доносились голоса.

Тейн выглянул в окно — с прошлого раза пустыня ничуть не изменилась, разве что солнце поднялось выше, хотя на лужайке перед домом по-прежнему стояло утро.

Часы показывали шесть. Если судить по направлению солнечных лучей в спальне, то вечера. Тейна переполнило чувство вины: он не планировал проспать целые сутки! Не собирался оставлять Таузера одного так надолго!

На кухне сидели Эбби, Генри Хортон и мужчина в военной форме.

— Наконец-то! — радостно воскликнула Эбби. — А мы всё гадали, когда вы проснетесь!

— Кофе есть, Эбби?

— Полный кофейник. И я наготовила вам еды.

— Просто тост, времени мало. Я должен найти Таузера.

— Хайрам, — сказал Генри Хортон, — это полковник Райан из национальной гвардии. Снаружи его ребята.

— Я видел их в окно спальни.

— У нас не было другого выхода, — сказал Генри. — Шериф не справлялся. Народ валил толпами, они все тут разнесли бы. Пришлось звонить губернатору.

— Тейн, присядьте, — промолвил полковник, — нужно поговорить.

— Я понимаю, — сказал Тейн, берясь за стул, — но я очень спешу. Собака потерялась.

— То, что я намерен с вами обсудить, — самодовольно произнес полковник, — гораздо важнее любой собаки на свете.

— Вы просто не знаете Таузера, полковник. Это лучший пес из всех, что у меня были. Я взял его щенком, и все эти годы мы прожили душа в душу…

— Дело не терпит отлагательства.

— Пожалуйста, присядьте и выслушайте полковника, — обратилась к Тейну Эбби. — Я напеку оладий, а Генри принесет домашних колбасок…

Задняя дверь отворилась, и в кухню под грохот

железа ввалился Бизли, держа три канистры в одной руке, две — в другой. При соприкосновении друг с другом канистры оглушительно гремели.

— Что здесь происходит? — повысил голос Тейн.

— Успокойся, Хайрам, — ответил Генри. — Ты понятия не имеешь, с какими трудностями нам пришлось столкнуться. Мы хотели втащить сюда большую канистру, пытались даже разобрать стену кухни, но…

— Что-что вы пытались?

— Разобрать стену, — невозмутимо отвечал Генри. — Нестандартные канистры не влезают в обычный дверной проем. Но у нас ничего не вышло. Видишь ли, изнутри весь дом сверху донизу проложен тем материалом, из которого ты смастерил потолок в подвале. Мы хотели разрубить прокладку топором…

— Генри, это мой дом, и никому не позволено крушить его направо и налево!

— Черта с два! — вмешался полковник. — Кстати, Тейн, что это за материал, который мы так и не сумели пробить?

— Хайрам, только не волнуйся, — предупредил Генри. — Снаружи нас ждет громадный новый мир…

— Никого он не ждет, вас тем более!

— И для того чтобы его обследовать, потребуется много бензина. Так как цистерну сюда не втащишь, мы решили пока запастись канистрами, а после подвести в дом бензопровод…

— Генри…

— Будь добр, не перебивай меня, — строго заметил Генри, — дай довести мысль до конца. Ты не представляешь, сколько трудностей возникло со снабжением. Размер дверей — вот камень преткновения! Для экспедиции потребуется горючее и транспорт. Легковые автомобили и грузовики можно разобрать и пронести по частям, а вот с самолетом беда…

— Генри, предупреждаю: я не позволю протащить сюда самолет! Моя семья владеет этим домом почти сто лет, и ни у кого нет права самовольно тут распоряжаться и тащить сюда всякую дрянь!

— Но нам никак нельзя без самолета! — жалобно воскликнул Генри. — Использование воздушного судна увеличит площадь обследуемой территории.

Бизли, гремя железом, прошел через кухню в гостиную.

— Я надеялся, мистер Тейн, — вздохнул пол-

ковник, — что вы войдете в наше положение. Ваш патриотический долг — оказывать нам содействие. Правительство вправе возбудить процедуру принудительного отчуждения частной собственности и конфисковать ваш дом, однако я предпочел бы до этого не доводить. Смею предположить, что для всех сторон будет лучше прийти к соглашению.

— Сомневаюсь, — сказал Тейн наугад, ничего об этом не зная, — что в нашем случае этот закон применим. Насколько мне известно, он относится к сооружениям и дорогам…

— А это и есть дорога, — хмуро перебил его полковник. — Дорога через ваш дом в другой мир.

— Прежде всего, — заявил Тейн, — правительству придется доказать, что оно действует в интересах общества, и отказ собственника передать права на дом угрожает национальным интересам…

— Полагаю, — ответил полковник, — правительству не составит труда доказать, что в данном случае оно действует в интересах общества.

— Полагаю, — сказал Тейн, — что мне следует нанять адвоката.

— Если ты действительно намерен нанять адвоката, — услужливо перебил Генри, — причем

хорошего адвоката, я позволю себе рекомендовать приличную контору, которая за умеренный гонорар защитит твои интересы…

Полковник вскочил на ноги.

— Вам не отвертеться, Тейн! У правительства есть к вам вопросы. И прежде всего, как вы это сделали? Вы готовы отвечать?

— Нет, — сказал Тейн, — не готов.

Внезапно ему в голову пришла тревожная мысль: ведь они и впрямь думают, будто он сам все это устроил, и накинутся на него, словно стая голодных волков, чтобы выведать тайну. И ФБР, и правительство, и Пентагон. У Тейна, хоть он и сидел на стуле, задрожали колени.

Полковник решительно развернулся, вышел из кухни и с грохотом захлопнул за собой дверь.

Генри вопросительно взглянул на Тейна.

— Ты что, ты действительно решил с ними потягаться?

— Я разозлился. Явились без спросу, указывают, что мне делать… Этот дом — моя собственность. Я здесь родился, я прожил тут всю жизнь, я люблю его, и никому не…

— Понимаю.

— Если бы они изъявили желание, прежде чем тут распоряжаться, обсудить этот вопрос со мной,

я не стал бы возражать. Но разве их волнует мое мнение? Пойми, Генри, они понятия не имеют, с чем столкнулись. Туда нельзя просто прийти и заявить свои права, как рассуждают в Вашингтоне. Действовать с наскока…

— Чем больше я тебя слушаю, — перебил его Генри, — тем более убедительной кажется мне твоя позиция. По-моему, я обязан по-соседски протянуть тебе руку помощи. Чтобы отстоять твои права на дом, мы наймем лучших адвокатов, а тем временем учредим компанию по освоению новых земель и будем следить, чтобы разработка шла должным образом. Совершенно очевидно, Хайрам, что в этом деле мы должны встать плечом к плечу. Да и все равно мы уже партнеры в производстве телевизоров.

— Телевизоров? — взвизгнула Эбби, выставив на стол перед Хайрамом тарелку с оладьями.

— Эбби, я ведь тебе говорил, — терпеливо объяснил Генри, — что твой телевизор остался за той стеклянной перегородкой в подвале, и неизвестно, когда удастся его оттуда вызволить.

— Да, помню. — Эбби поставила на стол перед Хайрамом тарелку с домашней колбасой и налила ему кофе.

Бизли, гремя канистрами, прошел через кухню

и вышел вон.

— Не забывай, Хайрам, — продолжал Генри гнуть свою линию, — что я уже приложил к этому руку. Едва ли ты продвинулся бы так далеко без оборудования, которое я тебе прислал.

Вот опять, подумал Тейн. Даже Генри уверен в его причастности.

— Разве Бизли тебе ничего не рассказывал?

— Бизли много чего рассказывал, ты же его знаешь…

Неудивительно, никто из местных, находясь в здравом уме, не станет слушать бредни Бизли.

Тейн взялся за кружку с кофе, стараясь выиграть время и найти достойный ответ, но в голову ничего не приходило. Если он скажет правду, ему точно никто не поверит.

— Знаешь, Хайрам, уж мне-то мог бы открыться. Мы ведь партнеры.

Держит меня за дурачка, подумал Тейн. Считает, вокруг одни простофили.

— Если я расскажу тебе, Генри, ты не поверишь.

— Ладно, — не стал спорить Генри, вставая из-за стола. — Не хочешь — как хочешь.

Бизли вошел на кухню с очередной порцией громыхающих канистр.

— Мне нужно немного бензина, — сказал Тейн. — Пора отправляться на поиски Таузера.

— Я обо все позабочусь, — с готовностью отвечал Генри. — Пришлю Эрни с цистерной, и мы протянем сюда шланг, чтобы наполнить канистры. И найду кого-нибудь, чтобы составить тебе компанию.

— Незачем, я пойду один.

— Раздобыть бы радиопередатчик. Мы бы держались на связи.

— Но у нас его нет, а время не терпит. Я должен найти Таузера…

— Разумеется, я знаю, как ты к нему привязан. Ступай, удачи, а я тем временем займусь другими делами. Нужно составить бумаги на право владения и разработки новых земель…

— И еще, Хайрам, — обратилась к нему Эбби, — мне нужна ваша помощь.

— Пожалуйста.

— Поговорите с Бизли. Он ведет себя неразумно. Ушел от нас и не желает возвращаться. Наверное, я бываю с ним излишне резка, но его глупость порой выводит из себя. Удрал и полдня вместе с Таузером выкапывал из норы какого-то сурка…

— Я поговорю с ним, — пообещал Тейн.

— Спасибо, Хайрам. К вам он прислушается. И

еще мне бы очень хотелось, чтобы вы починили мой телевизор. Я никак без него не могу. В гостиной словно образовалась дыра. Вы же помните, он так подходит к моему мебельному гарнитуру!

— Да, помню.

— Ты идешь, Эбби? — спросил Генри, стоя на пороге. Затем с видом заговорщика поднял руку. — Увидимся позже. Не волнуйся, я все устрою.

Кто бы сомневался, подумал Тейн. Вернувшись на кухню, он устало опустился на стул.

Внезапно дверь распахнулась, и на кухню влетел радостный Бизли.

— Таузер вернулся! — выпалил он. — И привел с собой самого большого на свете сурка!

Тейн вскочил.

— Сурка? Он был на другой планете, нет там никаких сурков!

— Сам посмотри! — крикнул Бизли и выскочил из кухни. Тейн последовал за ним.

Существо и впрямь поразительно походило на сурка, каким его рисуют в детских книжках. Только размером с человека. Сурок передвигался на задних лапах и изо всех сил старался не утратить достоинства, одновременно не выпуская из поля зрения Таузера.

Пес держался на приличном расстоянии футов в сто, припав к земле и не спуская глаз с сурка, словно хорошая пастушья собака, готовая отразить любые поползновения чужака.

Сурок подошел к дому, развернулся к пустыне передом и сел на задние лапы. Затем повернул массивную голову и осмысленным взглядом посмотрел на Бизли и Тейна.

Тейн бросился к Таузеру, схватил его на руки и прижал к груди. Таузер сучил лапами, не переставая вылизывать щеки хозяина влажным языком.

Тейн рассматривал странного сурка, ощущая невероятное облегчение и благодарность. Теперь, когда Таузер вернулся, ему ничего не было страшно. Затем он развернулся, вошел в дом и, опустив Таузера на пол, наполнил миску водой из-под крана. Таузер жадно припал к миске, расплескивая воду на линолеум.

— Осторожнее, не захлебнись, — сказал ему Тейн.

Пошарив в холодильнике в поисках остатков еды, он сложил их в собачью миску. Пес радостно завилял хвостом.

— Честно говоря, — заметил Тейн, — за такие проделки тебя следовало бы хорошенько выпороть.

Бизли вразвалку вошел на кухню.

— Этот сурок — отличный малый, — сообщил он. — Сидит, ждет кого-то.

— Вот и хорошо, — ответил Тейн рассеянно и посмотрел на часы. — Половина восьмого. Нужно послушать радио. Ты не включишь приемник, Бизли?

— Конечно. Я теперь знаю, как поймать того парня из Нью-Йорка.

— Он-то нам и нужен.

Тейн прошел в гостиную и выглянул в окно. Огромный сурок тихо сидел спиной к дому, всматриваясь в ту сторону, откуда пришел. По словам Бизли, кого-то ждал. Похоже на то, если, конечно, Бизли не врет.

Допустим, он прав. Тогда кого? Или чего? Вероятно, весть об открытии нового мира разлетелась по другим мирам. Интересно, сколько дверей было открыто за прошедшие века?

Генри думает, будто новые миры только и ждут, чтобы их освоили земляне, но это не так. Ровно наоборот.

В уши ворвался голос радиоведущего:

«…наконец-то пришли к соглашению. Московское радио сообщило, что завтра советская делегация внесет в ООН предложение об установ-

лении международного контроля над порталом в новый мир. О самом доме, которым владеет некий Хайрам Тейн и который является порталом, по-прежнему нет никаких вестей. Все происходит в обстановке строжайшей секретности, войска плотным кордоном окружают дом. Попытки связаться с владельцем по телефону не приносят результата: автоответчик сообщает, что такого номера не существует. Сам Тейн из дома не выходит».

Тейн вернулся на кухню и сел за стол.

— О тебе говорят, — с важным видом сообщил Бизли.

«Сегодня утром просочились слухи, что Тейн, доселе никому не известный торговец подержанными вещами, вернулся из путешествия по новому миру. Однако нет никаких сообщений о том, что он там обнаружил, за исключением того, что новый мир представляет собой пустыню, вероятно необитаемую.

Вчера немалый ажиотаж вызвало обнаружение в роще через дорогу от дома Тейна некоего странного предмета; в настоящее время все доступы к нему перекрыты войсками, а полковник Райан отказывается давать комментарии. Интерес вызывает также фигура некоего Генри Хортона,

единственного неофициального лица, которое имеет доступ в дом Хайрама Тейна. Он не ответил ни на один из поставленных вопросов, ограничившись туманными намеками на то, что они с Тейном партнеры в некоем таинственном предприятии и, возможно, причастны к открытию нового мира. Как нам стало известно из хорошо осведомленных источников, Хортон, владелец небольшого завода по производству вычислительных машин, недавно поставил Тейну некое габаритное устройство, назначение которого держат в тайне. Говорят, что работы над этим устройством продолжались в течение последних шести-семи лет.

Белый дом провел совещание с участием представителей военного ведомства, государственного департамента, секретных служб, ученых и комиссии по специальным видам вооружения.

События в Уиллоу-бенде по всему миру сравнивают с первым испытанием атомной бомбы. В то же время обозреватели отмечают, что значение этого события окажет даже более существенное влияние на судьбы человечества, чем Хиросима. По понятным причинам Вашингтон настаивает, что происходящее является сугубо внутренним делом и дальнейшее развитие событий должно

в первую очередь отвечать национальным интересам.

Тем временем за границей растет уверенность, что открытие нового мира, напротив, не является внутренним делом Америки и всем нациям надлежит сообща заниматься разрешением этой ситуации.

По неподтвержденной информации, сегодня в Уиллоу-бенд со специальной миссией прибывает представитель ООН. Франция, Британия, Боливия, Мексика и Индия уже попросили Вашингтон разрешить присутствовать на месте событий своим представителям. Не подлежит сомнению, что их примеру вскоре последуют другие страны.

Сегодня вечером весь мир замер в ожидании известий из Уиллоу-бенда…»

Тейн щелкнул выключателем.

— Послушать их, — сказал Бизли, — так скоро у нас в городе проходу не будет от иностранцев.

Именно так, подумал Тейн, только не совсем тех иностранцев, о которых говорит Бизли. Вероятно, само понятие «иностранец» скоро будет пересмотрено. Никто из жителей Земли больше не может считаться чужаком, если за соседней дверью — в самом буквальном смысле слова — человечество ждет встреча с представителями

иного мира. Например, с обитателями того каменного дома.

И не одного мира. Ему уже удалось обнаружить проход в следующий мир, а кто знает, сколько таких проходов и для чего они предназначены?

Кто-то изобрел способ перемещения между мирами, который не предполагает многолетних одиноких странствий в открытом космосе. И раз уж дверь открыта, можно ли удержаться и не шагнуть в другую комнату?

Одно не укладывалось у Тейна в голове: как удается планетам, каждая их которых вращается по собственной орбите, оставаться связанными между собой? Разве можно создать прочную связь между двумя объектами, которые движутся независимо друг от друга?

Еще несколько дней назад он и думать не думал о подобных вещах. И тем не менее произошло невероятное. Так что мешает еще более невероятным событиям случаться впредь?

Раздался дверной звонок. Пришел Эрни, торговец бензином.

— Генри сказал, что вам нужен бензин, но я не сумею подвести шланг раньше завтрашнего утра.

— Уже не нужно, спасибо, — сказал Тейн и за-

хлопнул дверь.

Прислонившись к двери спиной, он подумал: когда-нибудь мне придется ее открыть. Нельзя спрятаться от мира. Рано или поздно ему и остальному человечеству не миновать переговоров.

Тейн владел тем, в чем нуждались все жители Земли или думали, что нуждаются, — однако ответственность лежала на нем. Дом принадлежит мне, с внезапной злостью подумал он. И новый мир — всего лишь продолжение моего двора. Неважно, насколько он велик, это мой двор!

Бизли на кухне не было, и Тейн вышел в гостиную. Таузер мирно сопел в парчовом кресле.

Тейн решил не сгонять его — пес заслужил право спать там, где ему заблагорассудится.

Мимо кресла он прошел к окну и посмотрел на пустыню, которая простиралась до самого горизонта. Под окном сидели Бизли и сурок размером с человека, и оба тоже смотрели на пустыню.

Почему-то его это не удивило — похоже, этим двоим было о чем помолчать вместе.

Хорошее начало: человек и существо с другой планеты мирно сидели рядом.

Тейн попытался представить, к чему может привести присоединение Земли к цепочке других миров, и от открывающихся возможностей

закружилась голова. Интересно, чем обернется для землян контакт с другими мирами?

А ведь контакт уже произошел, причем совершенно буднично; он и не заметил, как стал свидетелем события, которое перевернет мировую историю. Бизли и существо с другой планеты сидели рядом. Если так пойдет и дальше, человечеству нечего опасаться.

А ведь в этом и заключался их план! Приведенный в жизнь с ловкостью и сноровкой, которые дает многовековая практика. Маленькие, похожие на крыс существа преодолели космос — бог знает, сколько световых лет пришлось им лететь — на корабле, который они зарыли в лесу, как дети зарывают в песок игрушку. Затем пришли в дом Тейна и установили оборудование, которое превратило его в туннель между мирами. И с этой минуты необходимость в дальних странствиях отпала. Единожды проложенный путь не нуждался в обновлении.

Сделав свою работу, они покинули Землю, но не раньше, чем убедились, что туннель способен противостоять любым внешним воздействиям. Они проложили дом изнутри диковинным материалом, против которого бессилен топор — и, вероятно, не только топор. Затем организован-

ной колонной проследовали к холму, где восемь космических кораблей покоятся в каменных колыбелях. А теперь их осталось семь, а существа, похожие на крыс, находятся на пути к другим мирам и другим дверям, которые еще предстоит открыть, установив связь между мирами.

Причем не только между мирами, но и между их обитателями.

Маленькие крысоподобные создания открывали и исследовали новые миры; у существа, похожего на сурка, сидевшего за окном рядом с Бизли, было свое предназначение. Когда-нибудь и земляне обретут свою миссию.

Тейн отошел от окна и осмотрелся. Несмотря на то что происходило снаружи, его комната, которую он помнил с самого детства, ничуть не изменилась. Вот она, истинная реальность, и другой он не знал. Что бы ни случилось, это навсегда останется с ним: и камин, почерневший от многих зим, и книжные полки с потрепанными корешками, и кресло, и потертый ковер, который еще помнил тех, кто ушел, но навсегда остался в его сердце.

Сегодня затишье перед бурей.

Пройдет совсем немного времени, и этот ковер будут топтать ученые, люди из правительства,

военные, представители иностранных держав и чиновники ООН.

И у него нет сил, чтобы остановить их. Что бы бы ни воображал о себе Тейн, в одиночку человек не сможет противостоять целому миру. Спустя почти столетие его дом круто изменил свою судьбу.

Тейн смотрел на камин и книжные полки и чувствовал, как старые бледные призраки медленно проплывают по комнате. Он поднял руку, чтобы послать им, как и самим комнатам, последний привет, однако неожиданно опустил ее, вышел из дома и уселся на крыльцо.

Услышав его шаги, Бизли обернулся.

— Отличный парень, — сказал он, похлопав сурка по плечу. — По характеру что твой плюшевый мишка.

— Я вижу, — кивнул Тейн.

— А главное, я могу с ним разговаривать.

— Знаю, — ответил Тейн, вспомнив, что Бизли утверждал, что разговаривает с Таузером.

Хорошо, должно быть, обитать в бесхитростном мире, в котором живет Бизли, подумал Тейн. Временами он сам бы не отказался там пожить.

Существа с крысиными мордочками прибыли на Землю на космическом корабле, — но почему

они выбрали Уиллоу-бенд, почему выбрали его дом? Ответ напрашивался сам собой: только здесь они могли быстро и без хлопот построить тоннель из подручных материалов. Нет сомнений, что они использовали детали вычислительной машины Генри, а стало быть, Генри тоже имеет к этому отношение.

Но как они узнали, что именно на этой неделе и именно в его доме обретут желаемое? Неужели, помимо высоких технологий, пришельцы обладали даром предвидения?

— Кто-то приближается, — сказал Бизли.

— Я ничего не вижу.

— Я тоже, но Сурок сказал, что видит их.

— Сказал?

— Я же объяснял тебе, мы разговариваем… А вот и они.

Теперь и Тейн их заметил.

Они были далеко, но быстро приближались — три черные точки посреди пустыни.

Тейн сидел на крыльце и думал, не сбегать ли за ружьем, однако так и не сдвинулся с места. Ружье тут вряд ли пригодится. Бесполезно, к тому же это в корне неверный подход. Лучшее, что может сделать землянин, — это встретить посланцев других миров с пустыми руками и

чистым сердцем.

Когда чужаки приблизились, Тейн заметил, что они сидят словно в невидимых креслах, которые быстро передвигаются по воздуху.

Гуманоиды; по крайней мере отчасти. Трое.

Они приблизились и резко затормозили футах в ста от крыльца.

По размеру меньше, чем люди, черные, как вороново крыло, пришельцы носили плотно облегающие брюки и жилеты, которые странным образом слегка топорщились. И брюки, и жилеты были цвета голубого апрельского неба.

Но это было еще не самое удивительное.

Пришельцы восседали в седлах со стременами, сзади к седлам были приторочены какие-то одеяла, однако самое удивительное: у них не было лошадей!

Седла парили в воздухе, стремена болтались футах в трех от земли, пришельцы смотрели на Тейна во все глаза, а он смотрел на них.

Наконец Тейн решился, встал и шагнул к ним. В то же мгновение они спешились, а седла так и остались висеть в воздухе.

— Они рады тебя приветствовать, — сказал Бизли.

— Отлично, скажи им… Постой, откуда ты

знаешь?

— Сурок сказал мне, а я передал тебе. Теперь ты скажи, я передам Сурку, а он передаст им. Так у них принято. Сурок здесь для этого.

— Значит, ты и вправду с ним разговариваешь?

— Сколько можно повторять? — возмутился Бизли. — Я всегда разговаривал с Таузером, но ты считал меня чокнутым.

— Телепатия! — воскликнул Тейн. Выходит, существа с крысиными мордочками знали про Бизли?

— О чем это ты сейчас подумал, Хайрам?

— Неважно. Попроси своего друга передать им, что я рад их видеть. И пусть спросит, чем я помогу им помочь.

Тейн мялся на месте, разглядывая пришельцев. Многочисленные карманы на их жилетах были туго набиты, вероятно, инопланетным табаком, носовыми платками и перочинными ножиками.

— Они говорят, — произнес Бизли, — что хотят меняться.

— Меняться?

— Ну да. Что у тебя есть на продажу?

Бизли хихикнул.

— Собрались учить тебя мухлевать! Генри гово-

рит, ты любого обдерешь как липку.

— При чем тут Генри? — возмутился Тейн. — Нигде нет от него проходу!

Он уселся на землю, а три пришельца уселись напротив.

— Спроси их, чем они хотят обменяться.

— Идеями, — ответил Бизли.

— Идеями? Что за странная мысль…

А что тут странного, внезапно подумал он. Из всех товаров, которыми могли бы обмениваться представители разных миров, идеи были самым ходовым и удобным в транспортировке! Идеи не требуют грузовых трюмов и едва ли способны, по крайней мере поначалу, подорвать экономику. К тому же с точки зрения культурного обмена идеи куда лучше товаров!

— Спроси, что они хотят за идею летающих седел.

— Они интересуются, что ты можешь предложить взамен.

Вот так задачка! Попробуй-ка сообрази.

Автомобили и грузовики, двигатель внутреннего сгорания… Нет, зачем, когда у них есть такие седла? С точки зрения этих существ, земные способы передвижения безнадежно устарели.

Дома? Нет, дома у них тоже есть. Одежда? Нет,

плохая идея.

Краска, внезапно решил он. Может быть, краска подойдет?

— Спроси, интересует ли их идея краски.

— Они спрашивают, что это такое. Объясни.

— Хорошо. Это защитный слой, который меняет цвет любой поверхности. Легко хранится и легко наносится. Предотвращает коррозию, защищает от солнца и дождя. Дешево в производстве.

— Они задумались, — перевел Бизли. — Нельзя сказать, что они готовы сразу принять решение, но не откажутся услышать подробности.

Так-то лучше, подумал Тейн. Он был мастак вести подобные переговоры.

Устроившись поудобнее и слегка подавшись вперед, он всматривался в сизые лица, плоские, словно сковородки, пытаясь понять, что на уме у пришельцев.

Не тут-то было: лица были непроницаемы.

Знакомое ощущение. Он снова в своей стихии.

Что-то подсказывало Тейну, что в кои-то веки он нашел достойных противников. И это тоже радовало.

— Передай им, что, видимо, я говорил слишком быстро и они плохо меня поняли. Идея краски — очень ценная идея.

— Они по-прежнему в этом не уверены, но готовы выслушать твои аргументы, — перевел Бизли. — Не будешь ли ты так любезен изложить свою идею подробнее?

Кажется, они на крючке. Только бы не соскочили!

И Тейн с азартом принялся мухлевать.

6

Спустя несколько часов в сопровождении превосходно одетого господина с изысканными манерами и внушающим уважение чемоданом-дипломатом появился Генри Хортон.

Оба в изумлении замерли на пороге.

Тейн сидел на корточках и водил краской по лежавшей перед ним доске, а инопланетяне внимательно следили за движениями кисти. Если судить по разноцветным пятнам на их теле и одежде, они успели опробовать новую идею на практике. По всему полу валялись заляпанные краской доски и дюжина старых банок.

Тейн поднял глаза.

— Вот не сомневался, — произнес он, — что кто-то вскоре появится.

— Хайрам, — произнес Генри, лопаясь от важности, — позволь представить тебе мистера

Ланкастера. Он специальный представитель ООН.

— Приятно познакомиться, сэр, — сказал Тейн. — Не могли бы вы…

— Мистер Ланкастер не без труда преодолел кордон, — перебил его Генри, — и я вызвался сопровождать его. Я уже объяснил ему нашу общую заинтересованность в этом деле.

— Со стороны мистера Хортона было весьма любезно помочь мне, — сказал Ланкастер. — Этот тупица сержант…

— Людей нужно уметь ставить на место, — с гордым видом заявил Генри.

Тейну показалось, что последнее замечание слегка покоробило представителя ООН.

— Могу ли я спросить, мистер Тейн, чем вы занимаетесь? — спросил Ланкастер.

— Мухлюю, — ответил Тейн.

— Мухлюете? Странное слово для…

— Ничего странного. Если вы хотите что-то продать, вы занимаетесь торговлей, а если намерены кого-нибудь облапошить, то мухлюете.

— Весьма поучительно, — заметил Ланкастер. — А эти джентльмены в голубых жилетах и есть ваши жертвы?

— Хайрам способен облапошить кого угод-

но, — с гордостью заявил Генри. — Он торгует подержанными вещами, поэтому никто лучше его…

— А могу я поинтересоваться, — спросил Ланкастер, не обращая внимания на Генри, — что вы делаете с банками из-под краски? Вероятно, эти джентльмены — потенциальные покупатели…

Тейн в сердцах отшвырнул доску и вскочил на ноги.

— Да заткнитесь вы оба! Вы мне слова вставить не даете!

— Хайрам! — В голосе Генри читался настоящий ужас.

— Ничего-ничего, — ничуть не смутился представитель ООН. — Мы и впрямь заболтались. Говорите, мистер Тейн.

— Меня загнали в угол, — сказал Тейн. — Хотя я продал этим приятелям идею краски, я толком не разбираюсь в красках: из чего их делают и на каком принципе основан…

— Но, мистер Тейн, позвольте заметить, если вы уже продали им краску, какая вам разница…

— Большая! — вскричал Тейн. — Я не продавал им краску. Как вы не поймете? Она им и даром не нужна! Их интересует *идея* краски. Они никогда с таким не сталкивались. Я предложил им

идею краску в обмен на идею седел, и мне почти удалось…

— Седел? Это те штуки, что болтаются в воздухе?

— Верно. Бизли, ты не попросишь наших друзей продемонстрировать седла?

— Почему бы нет, — отвечал Бизли.

— Какое отношение ко всему этому имеет Бизли? — резко спросил Генри.

— Он переводит. Можно сказать, что Бизли телепат. Помнишь, он вечно хвастался, что понимает речь Таузера?

— Бизли всегда хвастается!

— На сей раз это правда. Он передает мои слова Сурку, тому забавному страшиле, а тот передает их пришельцам. И наоборот.

— Непостижимо! — вскричал Генри. — Да у Бизли не хватит мозгов, чтобы стать этим… как его…

— Телепатом, — подсказал Тейн.

Один из пришельцев вскочил в седло, проехал по воздуху туда-сюда, спешился и вновь уселся на пол.

— Невероятно, — произнес представитель ООН. — Это же автономное антигравитационное устройство! Такое нам не помешало бы… — Он

задумчиво почесал подбородок. — Выходит, вы намерены обменять идею краски на идею этого седла? — спросил он у Тейна.

— Только мне нужна помощь, — ответил тот. — А еще мне нужен химик, а еще технолог, который расскажет, как делается краска. И профессор, который сумеет понять их, когда они будут объяснять мне идею седла.

— Ясно, — сказал Ланкастер. — Теперь я вижу, что вас и впрямь загнали в угол. Мистер Тейн, вы кажетесь мне человеком весьма проницательным…

— Еще бы, — встрял Генри, — я всегда говорил, нашему Хайраму палец в рот не клади.

— Поэтому вы понимаете, — продолжил Ланкастер, — насколько необычен способ, которым…

— Ничего необычного! — вскричал Тейн. — Они всегда так делают. Открывают новую планету и обмениваются идеями. Они поступали так веками! Идеи — единственное, что их интересует. Только новые идеи позволяют двигать вперед технологию и культуру. Знали бы вы, сколько у них идей, которыми может воспользоваться человечество!

— В том-то и дело, — согласился представитель ООН. — Это событие — важнейшее за всю исто-

рию человечества. Совсем скоро мы получим знания, которые позволят — по крайней мере, в теории — продвинуть человечество на тысячи лет вперед. Именно поэтому мы должны доверить эту работу специалистам…

— Но вы не найдете никого, кто торгуется лучше, чем Хайрам! — возразил Генри. — Хайрам облапошит любого. Почему бы не поручить эту работу ему? Приводите своих специалистов, и пусть Хайрам делает свое дело. Кажется, эти парни ему доверяют. Чего вам еще нужно? Просто помогите ему.

Тут вперед выступил Бизли.

— Я буду работать только с ним. Если вы прогоните Хайрама, я уйду тоже. Он единственный всегда относился ко мне с уважением…

— Что я вам говорил? — торжествующе воскликнул Генри.

— Не спешите, Бизли, — проговорил Ланкастер. — Мы договоримся. В подобной ситуации переводчик может рассчитывать на приличное жалованье.

— Деньги меня не волнуют, — отрезал Бизли. — За деньги друзей не купишь.

— Бизли от своего не отступится, мистер, — сказал Генри. — Вы его не переупрямите, сколько

ни старайтесь. Уж мне-то поверьте, он у нас работал.

На представителя ООН было жалко смотреть.

— Да и сколько времени займут поиски другого телепата, такого, который сможет общаться с этими ребятами, — решил добить его Генри.

— Хватит раздумывать, — заявил Бизли. — Я не собираюсь торчать тут весь день.

— Будь по-вашему! — в сердцах воскликнул Ланкастер. — Идите и делайте свое дело. Я хотел сказать, пожалуйста. Мы не можем упустить такой шанс. Чем еще я могу вам помочь?

— Пусть люди из Вашингтона и важные шишки из других стран отсюда уберутся, — сказал Тейн. — Нечего маячить у меня за спиной.

— Я постараюсь объяснить им. Вам никто не будет мешать.

— А еще мне нужен химик и тот, кто разбирается в седлах. И побыстрее. Я не могу мурыжить этих ребят вечно.

— Все, что пожелаете, — сказал представитель ООН. — Ученые прибудут в ваше распоряжение через пару часов. А через день-два я соберу команду экспертов, которая будет у вас под рукой по первому требованию.

— Сэр, — вкрадчиво произнес Генри, — вы сама

любезность. Мы с Хайрамом весьма вам обязаны. А теперь, раз уж все устроилось, не пора ли обратиться к прессе? Журналисты ждут вашего заявления.

Представитель ООН кивнул, и они с Генри спустились с крыльца.

Тейн обернулся и посмотрел на пустыню.

— И все это — мой большой двор, — промолвил он.

Операция «Вонючка»
Перевод Е. Алексеевой

Я караулил их, сидя на заднем крыльце своей хибары. Под правой рукой я держал ружье, а под левой бутылку. И тут собаки подняли лай.

Я отхлебнул из бутылки, взгромоздился на ноги и пошел на двор, прихватив метлу.

Судя по тому, как заливались собаки, они опять загнали в угол кого-то из скунсов, а скунсы у меня из-за всех этих самолетов и так нервные, ни к чему еще больше их донимать.

Я обошел дом до того места, где повалился штакетник, и потихоньку выглянул из-за угла. Уже смеркалось, но я хорошо видел, как три собаки кружат возле зарослей сирени, а одна наполовину влезла в гущу кустов и тявкает оттуда. Следовало, конечно, их приструнить, покуда шерсть не полетела. Я хотел подкрасться к ним потихоньку, но потихоньку не вышло — под ноги то и дело лезли какие-то пустые бутылки и жестянки от консервов. Наутро первым делом расчищу двор. Давно уже собирался, но все было как-то недосуг.

В общем, шуму я наделал, и три собаки, которые

носились вокруг, сразу удрали. Только четвертая, забурившаяся в самые кусты, отступать не хотела. Я как следует прицелился и от души огрел ее метлой по хребтине. Как она оттуда вылетела!.. Она у меня, знаете, из тех, на которых шкура мешком висит, так я думал, она эту шкуру в кустах и оставит. Ну вот, она взвыла, выскочила, как пробка из бутылки, и промчалась у меня прямо между ног. Тут мне под пятку подвернулась консервная жестянка, и я самым унизительным образом плюхнулся на задницу. От удара из меня вышибло весь воздух.

Пока я пытался прийти в себя, из кустов вылез скунс и направился прямо ко мне. Я хотел его отогнать, но он ничуть не испугался. Вилял хвостом и всем своим видом демонстрировал, что очень мне рад. Подошел вплотную и давай тереться о меня и мурлыкать, как кошак.

Я замер. Даже моргать перестал. Надеялся, что он уйдет, если не буду шевелиться. Скунсы давно живут под моей хибарой, года три, не меньше, мы с ними неплохо ладим, но все-таки никогда не водили прямо уж тесной дружбы. Я их не трогал, они меня не трогали, и все были довольны.

Однако этот радостный звереныш, видимо, решил, что я ему друг. Наверное, был так сильно

благодарен за то, что я спас его от собак. Он ходил вокруг меня и терся, а потом вообще залез мне на колени, поставил лапы на грудь и заглянул в глаза. И мурчал при этом так, что аж весь вибрировал. Вот так уперся лапами мне в грудь, смотрел в глаза и мурчал — то тише, то громче, то быстрее, то медленнее, и уши у него стояли торчком. Он как будто ожидал, что я замурлыкаю ему в ответ, и все это время не переставая вилял хвостом.

Наконец я набрался смелости и очень осторожно погладил его по голове. Он вроде не возражал. Так мы и сидели довольно долго — я его гладил, он мурлыкал и совсем не собирался на меня нападать. Я осмелел и столкнул его с колен. Не с первой попытки, но встал на ноги и пошел обратно на заднее крыльцо. Скунс потрусил за мной.

Я сел на прежнее место и взялся за бутылку — после всего пережитого требовалось привести себя в порядок. Едва я приложил горлышко к губам, как из-за деревьев на востоке вылетел самолет и пронесся над нами. Все, конечно, подпрыгнуло и затряслось.

Я выпустил бутылку, схватил ружье — но куда там, самолет был уже далеко. Я отложил ружье и стал браниться.

Вот только накануне я пообещал полковнику,

что если этот их самолет еще хоть раз пролетит над моей хибарой, я буду стрелять. И я не шутил!

«Нехорошо это, — сказал я полковнику. — Человек решает уйти на покой, строит себе хибару, живет в ней спокойно и никого не трогает. А потом правительство берет и ставит военную базу в двух милях у него под боком, и больше нет никакого покоя, и самолеты летают так, что того и гляди сшибут с крыши трубу. Иногда вообще среди ночи, и тогда человек вскакивает с постели по стойке «смирно», прямо босыми ногами на холодный пол».

Полковник был очень любезен. Разложил мне все по полочкам: зачем нам нужны военные базы, как эти самолеты охраняют наших сограждан, как он старается выбирать маршруты таким образом, чтобы причинять поменьше беспокойства нам, окрестным жителям.

Я заявил ему, что самолеты пугают скунсов, и он не засмеялся, а выразил сочувствие, и еще припомнил, как мальчишкой ловил скунсов в Техасе. Тут я ему объяснил, что скунсов я не ловлю, что я с ними вроде как вместе живу, и что они мне уже прямо почти родные, и ночью, если сон не идет, я слушаю их возню под хибарой и радуюсь, что я не один, а делю свой дом с другими

Божьими тварями.

Но он все равно отказался пообещать мне, что самолеты над моим участком летать перестанут. Тогда я пообещал ему, что начну по ним стрелять.

Полковник вынул из ящика книжку и прочел мне закон, который запрещает стрелять по любым самолетам, но я, конечно, ничуть не испугался.

И вот на тебе! Устроил засаду на самолет — а он проскочил мимо именно в тот момент, когда я решил промочить горло!

Тут я вспомнил про бутылку и сразу отвлекся от всех этих мыслей. Бутылка журчала! Закатилась далеко под лестницу так, что не дотянешься, и там булькала. Я от этого звука чуть с ума не сошел. Наконец, улегшись животом на землю, я сумел ее подцепить, но было уже поздно, все вытекло. Зашвырнул я бутылку на двор и понуро сел на ступеньку.

Из темноты появился скунс. Залез на крыльцо, уселся рядышком. Я рассеянно погладил его, а он замурчал. Я как-то даже сразу и забыл про бутылку.

— Чудной, — говорю, — ты скунс. В жизни не слыхал, чтобы скунсы мурчали.

Так мы с ним и сидели. Я ему изложил про хибару, самолеты и полковника от начала до конца — как человек порой делится наболевшим с какой-нибудь бессловесной зверушкой, если других собеседников нету. И даже иногда если есть. Я его уже совсем не боялся и очень радовался тому, что наконец-то один из них пожелал завести со мной дружбу. Воображал себе, что, может, теперь они не откажутся в хибаре у меня пожить, а то что ютиться под полом-то…

А потом я представил, какие глаза будут у парней в кабаке, когда они про все это услышат. И понял, что они не поверят ни одному слову, хоть чем я им поклянись. Тогда я решил прихватить с собой живое свидетельство. Сгреб скунса под мышку и говорю:

— Идем-ка со мной. Ребятам тебя покажу.

По пути я наткнулся на дерево, запутался ногой в обрывке ржавой проволочной сетки, но до Старушки Бетси все же дошел.

Бетси, конечно, не самая новая и не самая лучшая машина на свете, зато ее надежности кто хочешь позавидует. Мы много пережили с ней вместе и прекрасно друг друга понимали. У нас с ней вроде как уговор — я ее кормлю и начищаю ей бока, а она возит меня, куда мне нужно, и всегда

доставляет обратно. Человеку рассудительному большего от машины и не требуется.

Я поздоровался с моей старушкой, погладил ее по капоту, устроил скунса на переднем сиденье и сам сел за руль. Заводиться Бетси сперва не хотела. Не было у нее настроения никуда ехать на ночь глядя. Я долго заговаривал ей зубы, как капризному ребенку, и наконец она зафырчала, вся трясясь и хлопая крыльями. Я включил сцепление и вывел ее на дорогу.

— Едем не спеша, — предупредил я ее. — Копы тут где-то, говорят, радар поставили, нечего нам рисковать.

Бетси аккуратно и никуда не торопясь доставила меня до кабака. Я припарковал ее, сунул под мышку скунса и пошел к своим.

За стойкой стоял Чарли, и народу было полно: и Джонни Эшленд, и Тощий Паттерсон, и Джек О'Нил, и еще полдюжины человек.

Я поставил скунса на стойку, и он радостно пошел им навстречу, как будто только и мечтал познакомиться. А ребята его как увидали, так сразу и попрятались кто под стол, кто под стул. Чарли ухватил бутылку за горлышко и пятится в дальний угол.

— Эйза! — орет. — А ну убери отсюда эту зве-

рюгу!

Я ему:

— Да ты не бойся. Он не кусается.

— Кусается не кусается, все равно пусть проваливает!

И все галдят хором:

— Убери его! Пусть проваливает!

Ух я на них разозлился! Чем им помешал такой милый скунс?!

Но ясно было, что убеждать бесполезно, пришлось нести скунса назад к Бетси. Нашел я джутовый мешок, сделал из этого мешка ему гнездо и велел ждать, а сам пошел к ребятам.

Просидел я с ними дольше, чем предполагал, потому что меня заставили рассказать все с самого начала и то и дело задавали вопросы, и потешались надо мной, и всё ставили мне выпивку, а самому даже не дали за деньгами полезть. В общем, когда я вышел, то не сразу сообразил, где стоит моя Бетси, а когда вспомнил, был вынужден как следует напрячь мозги, чтобы рассчитать до нее маршрут с поправкой на ветер. Некоторое время я боролся со стихией и гравитацией, но наконец подобрался к моей старушке достаточно близко, чтобы протянуть руку и схватиться за борт.

Дверь поначалу никак не поддавалась, потом я не мог нашарить в кармане ключ, потом нашел, да уронил на пол, а когда полез за ним, завалился на сиденье, и там было так хорошо и уютно, что мне совсем расхотелось вставать. В общем, пока я лежал и размышлял, не поспать ли так до утра, Бетси сама завела мотор. Я засмеялся. Моя старушка была возмущена моим поведением и решила ехать домой без разговоров. Такая вот у меня была машина. Прямо как жена.

Она сдала назад, развернулась, притормозила перед выездом на дорогу, убедилась, что нет других машин, и покатила себе восвояси.

Я лежал и в ус не дул. Бетси я доверял как себе. Мы с ней столько пережили, она у меня такая умница, хотя раньше все-таки никогда не ездила сама по себе. Пожалуй, даже удивительно, что такого еще не случалось.

Человека окружает много всякой техники, однако ближе собственного автомобиля не бывает ничего. Человек и машина знакомятся, узнают друг друга, и между ними вырастает привязанность. Совершенно естественно наступает этап, когда машине становится можно доверять, как верному коню или псу, и хорошая машина в этом смысле ничуть не хуже пса или коня.

Так я размышлял, блаженно развалившись на сиденье, а Бетси уже подвезла меня к самому дому. И еще не успела толком замедлить ход, как вдруг взвизгнули тормоза и открылась дверь.

Я попытался встать, но быстро у меня это не получилось. Кто-то распахнул дверь с моей стороны, ухватил меня за шкирку и вытащил наружу.

Этот кто-то был в форме полиции штата, рядом с ним стоял еще один коп, а чуть позади — патрульная машина с красной мигалкой. Я удивился тому, что не заметил погони, а потом вспомнил, что ехал лежа и не смотрел на дорогу.

— Кто был за рулем?! — рявкнул коп, не выпуская моего загривка.

Ответить я не успел, потому что в этот момент его напарник заглянул в Бетси, отлетел на три метра и завопил:

— Слэйд! У него там скунс!

— Только не говори мне, что машину вел скунс.

— Ну, скунс, по крайней мере, трезвый…

— Вы мне скунса не трожьте, — говорю. — Это мой друг. Он никого не обижал.

И рванулся к Бетси. Мой воротник выскользнул из рук Слэйда, я рухнул грудью на сиденье, схватился за руль и попытался втащить себя внутрь.

И тут Бетси взревела и понеслась. Гравий так и брызнул из-под колес и застучал по борту патрульной машины пулеметной очередью. Бетси снесла штакетник, заложила поворот и унеслась прочь напролом через сиреневые кусты.

Я, конечно, свалился.

Лежал там в ошметках сирени, а она выехала на дорогу и скрылась с глаз. Все-таки моя машина сделала все, что могла. Пыталась спасти меня, и я сам виноват, что не удержался. Теперь она мчалась к свободе. И шансы у нее, похоже, были неплохие — мотор оглушительно ревел, и скорость она развила просто крейсерскую.

Оба полицейских прыгнули в свою патрульную машину и помчались за ней, оставив меня выпутываться из кустов самостоятельно.

В общем, я кое-как вылез, присел на крылечко и стал думать. Чинить штакетник, пожалуй, не имело смысла, проще было пустить то, что от него осталось, на растопку. О Бетси я тоже думал, хотя за нее не особенно беспокоился. Я знал, она нигде не пропадет.

И на этот счет не ошибся. Через некоторое время полицейские вернулись. Припарковались у дома, вылезли и пошли ко мне.

— Где Бетси? — спросил я.

— Какая Бетси?

— Машина моя!

Слэйд выругался.

— Удрала. Сто миль в час, без фар! Точно во что-нибудь врежется.

Я помотал головой.

— Не. Только не Бетси. Она тут все окрестные дороги знает.

Слэйд явно решил, что я над ним издеваюсь. Снова сгреб меня за воротник и рывком поднял на ноги.

— А тебе придется многое нам объяснить. — Он толкнул меня в сторону второго копа, и тот меня подхватил. — Сажай его назад, Эрни, и поехали.

Эрни был совсем не такой злобный, как Слэйд.

— Идемте, папаша, — сказал он мне.

Усадив меня в машину, оба перестали со мной разговаривать. Эрни ехал со мной на заднем сиденье, Слэйд сидел за рулем. Я почти сразу задремал. А когда проснулся, мы уже въезжали на парковку перед казармами полиции штата. Я хотел пойти сам, но они взяли меня под обе руки и практически потащили.

Привели они меня в какой-то кабинет, в котором стоял письменный стол, несколько стульев и скамья. За столом сидел какой-то тип.

— Что у вас тут? — спрашивает.

— Да без понятия! — отвечает ему Слэйд, а сам весь аж красный. — Вы не поверите, капитан!

Эрни подвел меня к стулу и усадил.

— Сейчас принесу вам кофе, папаша. Надо с вами поговорить. А для этого вам надо бы протрезветь.

Я подумал, что это очень любезно с его стороны.

Я выпил много кофе и стал видеть гораздо лучше. Теперь вещи вокруг стояли на своих местах, а не плыли кругами. Зато то, что совсем недавно казалось нормальным, теперь вдруг сделалось очень странным. Например, что Бетси поехала домой сама.

Капитан долго расспрашивал меня, кто я такой, сколько мне лет, где живу и все такое прочее, пока наконец не перешел к тому, что их действительно интересовало.

Я ничего утаивать не стал. Изложил все как есть в подробностях — и про самолеты, и про скунсов моих, и про разговор с полковником, и про псов, и про скунса, который мурчал, и про то, как Бетси на меня рассердилась и поехала домой сама.

— А вы, часом, не механик, мистер Бэйлис? — спросил капитан. — Говорите, вы поденный

рабочий и беретесь за все подряд. Так, может, вы и в технике разбираетесь? Может, колдовали над своей машиной в свободное время?

На это я ответил со всей искренностью:

— Капитан, я даже не знаю, за какой конец положено держать разводной ключ.

— То есть над Бетси вы никак не работали?

— Я содержал ее в порядке. Больше ничего.

— И никто другой над ней не работал?

— Еще бы я кого к ней подпустил!

— Значит, вы не можете объяснить, как она вдруг поехала сама?

— Нет, сэр. Бетси очень умная машина…

— Вы уверены, что не вы ею управляли?

— Уверен. Я прилег отдохнуть, а Бетси повезла меня домой.

Капитан в ярости отбросил карандаш и встал.

— Все, я умываю руки. — Он повернулся к Слэйду. — Пойду сделаю еще кофе. А вы тут разбирайтесь.

— Было ведь еще кое-что, — сказал Эрни, когда капитан вышел. — Скунс.

— А что скунс?

— Скунсы не виляют хвостом. И не мурчат.

— Этот и вилял, и мурчал, — едко заметил Слэйд. — Особенный какой-то скунс. Не скунс, а

чудо природы. И он не имеет к делу никакого отношения. Он просто катался за компанию.

— Ребятки, а у вас выпить нечего? — спросил я, как-то совсем уж приуныв.

— Есть, — ответил Эрни.

Он пошел к ящику в углу и вынул бутылку.

Я посмотрел в окно. Небо на востоке начинало светлеть.

Тут зазвонил телефон. Трубку взял Слэйд, а Эрни поманил меня к себе, вручил бутылку и попросил:

— Вы только полегче, папаша. Не стоит вам сейчас напиваться.

Я внял его совету и выпил всего один стаканчик. Или полтора.

И тут Слэйд как заорет:

— Эй!

— Что такое? — спрашивает его Эрни.

А сам бутылку у меня забирает — не то чтобы силой, но почти.

— Там фермер нашел машину. Она выстрелила в его собаку.

— В к-каком смысле, выстрелила? — запинаясь, переспросил Эрни.

— Ну, так он сказал. Он пошел на поле загнать коров пораньше. Собирался на рыбалку, хотел по-

скорее закончить все дела. По пути на грунтовке наткнулся на машину, думал, брошенная.

— И как она выстрелила?

— Сейчас узнаешь. Собака принялась лаять и кидаться, а машина в нее чем-то пальнула. Вроде как большой искрой. Собака упала, потом вскочила и побежала назад, а машина выстрелила еще раз, в ляжку попала. Фермер говорит, у пса ожоги.

Поднявшись, Слэйд пошел к двери и скомандовал:

— За мной, вы оба.

— Вы можете нам там пригодиться, папаша, — пояснил мне Эрни.

Мы снова набились в патрульную машину и поехали.

— Где эта ферма? — спросил Эрни.

— К западу от базы, — ответил Слэйд.

Фермер ждал нас у ворот скотного двора. Завидев Слэйда, он вскочил и отчитался:

— Она еще там. Я следил. Она не выезжала.

— Другим путем улизнуть не могла?

— Нет. Вокруг поля и леса. А дорожка эта тупиком заканчивается.

Слэйд хмыкнул, удовлетворенный ответом, развернул патрульную машину и поставил попе-

рек грунтовки, полностью ее перегородив.

— Дальше пешком пойдем, — объявил он нам.

— Она прямо за поворотом, — сказал фермер.

Мы дошли до поворота, и там стояла Бетси собственной персоной.

— Моя машина!..

— Давайте-ка чуть пошире разойдемся, — скомандовал Слэйд. — Вдруг стрелять начнет.

А сам уже портупею расстегивает. Я ему говорю:

— Вы в мою машину палить не смейте.

Но он и ухом не повел.

Мы вчетвером разошлись чуть пошире и стали осторожно приближаться к Бетси. Странно, как будто она нам враг и мы пытаемся ее окружить. Меж тем на вид она была все та же — очень умная и верная старенькая колымага. И я шел и думал о том, как она исправно доставляла меня до места и всегда возвращала назад.

А потом она вдруг бросилась в атаку. Причем ехала ведь на нас задним ходом, но это, ей, похоже, совсем не мешало. Она чуть подпрыгнула, начала разгоняться и вот уже мчалась во весь опор. Слэйд выхватил револьвер.

Тогда я выскочил на середину дорожки и замахал руками. Не нравился мне этот Слэйд. Я

испугался, что он, не ровен час, превратит Бетси в решето.

А Бетси все набирала скорость. Просто удивительно, на какую прыть оказалась способна старенькая развалюха.

— Уйдите, болван! — закричал мне Эрни. — Она же вас переедет!

Я вроде как отскочил в сторону, но без особого рвения. Уж если дошло до того, что моя Бетси решила меня задавить, тогда и жить мне незачем. Так я подумал.

Споткнувшись обо что-то, я упал плашмя, но еще в падении увидел, что Бетси отрывается от земли, будто собираясь через меня перепрыгнуть. И сразу понял, что мне ничего не грозит. У моей старушки в мыслях не было давить меня. Она взмыла ввысь, а колеса ее продолжали вращаться, словно она въезжала на длинную и крутую невидимую горку.

Я перевернулся и сел, глядя на нее во все глаза. Летела она очень красиво. Прямо как самолет. Меня аж гордость пробрала.

Слэйд тоже таращился в небо, разинув рот и опустив свою пушку. Даже не попытался выстрелить. Наверное, вообще про нее забыл.

Бетси плыла над деревьями, сверкая на солнце

начищенными боками, — я ведь отполировал ее не дале как на той неделе, — и я смотрел на нее и думал, как же все-таки здорово, что она у меня научилась летать.

И тут я увидел самолет.

Я хотел закричать, предупредить Бетси, но во рту у меня все пересохло, как от полоскания с квасцами, и я не смог издать ни звука. Прошло, наверное, не больше секунды, хотя мне показалось, что самолет и Бетси висят в воздухе целую вечность. А потом они столкнулись.

С неба посыпались обломки. Самолет, оставляя за собой след черного дыма, стал быстро терять высоту и рухнул на кукурузное поле слева от нас.

А я сидел, как куль, на грунтовой дороге, глядел на сыплющиеся с неба куски моей Бетси, и было мне очень плохо. Жуткое зрелище.

Обломки со стуком попадали на землю — все, кроме одного. Один словно парил в воздухе. Я изумленно следил за его движением. Это было крыло, и оно медленно скользило по воздуху, то в одну сторону, то в другую, постепенно снижаясь. Как будто ему тоже хотелось упасть, но что-то его удерживало.

Наконец оно мягко опустилось на землю у

опушки леса, чуть покачалось и завалилось набок. И в этот миг из него кто-то выкатился. Кто-то маленький вскочил, отряхнулся и потрусил прямиком в лес. Это был мой странный скунс!

Все вокруг уже, конечно, забегали. Эрни побежал в дом фермера звонить на военную базу, а фермер и Слэйд побежали на поле, где упавший самолет пропахал в кукурузе такую борозду, что хватило бы места амбар поставить.

Я встал на ноги и направился туда, куда сыпались обломки. Отыскал фару, в которой даже стекло не разбилось, погнутое и перекрученное колесо, решетку радиатора… Я понимал, что собирать их не имеет смысла. Бетси уже не вернешь. Стоял там, держа в руке решетку, и вспоминал наши с Бетси старые добрые времена — как она возила меня в кабак и терпеливо дожидалась моего возвращения, как мы с ней ездили на рыбалку, прихватив с собой обед, а по осени забирались подальше на север охотиться на оленей.

Тем временем с поля показались Слэйд и фермер, ведя под руки пилота. Пилот на них почти висел, и глаза у него были стеклянные, и он все время что-то бормотал. Довели бедолагу до грунтовки, отпустили, и он тут же тяжело опустился прямо на землю.

— Это с каких это пор у нас выпускают летающие машины? — проговорил пилот.

Никто ему не ответил. Вместо этого Слэйд заорал на меня:

— Эй, папаша! Ну-ка отойди оттуда! Не смей трогать обломки, пусть лежат, где упали!

— Имею право, — возразил я. — Моя машина.

— Отойди! Что-то тут нечисто, и надо разобраться, нечего вещдоки руками хватать!

Я выпустил из рук решетку и вернулся на дорогу, и там мы вчетвером сидели и ждали. С пилотом вроде все обошлось, только лоб над бровью был немного рассечен и лицо в крови перемазано. Он попросил сигарету, Слэйд ему выдал и дал прикурить.

Мы слышали, как за поворотом Эрни отгоняет в сторону патрульную машину, а вскоре он сам к нам подошел и сел рядышком.

— Скоро будут, — только и сказал он, а дальше мы все сидели молча.

Пожалуй, нам было страшно говорить о том, что мы видели.

Не прошло и четверти часа, как на нас обрушилась вся военная база. Сначала появилась «скорая», приняла на борт пилота и умчалась в облаке пыли. Затем приехала пожарная машина,

а за ней джип, в котором сидел полковник. За ними подтянулись еще джипы и три или четыре грузовика, набитые солдатами. В общем, через какие-то минуты на поле суетилась целая толпа.

Полковник был аж красный от расстройства. Ну еще бы! Не каждый день самолет сталкивается в воздухе с автомобилем. Решительным шагом подойдя к Слэйду, полковник начал на него орать, а Слэйд начал орать в ответ. Я подивился тому, что они друг на друга такие злые, но потом сообразил, что дело не в этом, просто у них в армии так принято.

Вокруг все сновали туда-сюда и тоже орали, однако продолжалось это недолго. Не успели полковник и Слэйд закончить свою громогласную беседу, как военные уже оцепили все поле. Разобравшись со Слэйдом, полковник подошел ко мне.

— Так это ваша машина, — произнес он обвинительным тоном.

— Да, — говорю, — моя, и я на вас в суд подам, потому что машина была отменная.

Полковник смерил меня таким взглядом, будто прикидывал, не раздавить ли меня, как вошь, а потом вдруг узнал.

— Погодите-ка, — говорит. — Не вы ли на днях

ко мне заходили?

— Ну да, я. Про скунсов вам говорил. Один из них и сидел в старушке Бетси.

— Так, погодите, дедуля, — перебил меня полковник. — Вы меня запутали. Давайте-ка по порядку.

— Старушка Бетси — это моя машина, — начал объяснять я. — А скунс в ней сидел. Когда она столкнулась с вашим самолетом, скунс спустился на ее крыле.

— В смысле, скунс сидел на крыле машины…

— …и оно опустилось на землю, как перышко.

Полковник обернулся к Слэйду:

— Капрал, этот человек вам еще нужен?

— Да кому он нужен, пьяница несчастный…

— Я бы хотел забрать его на базу.

— Буду вам очень признателен.

— Тогда идемте, — сказал полковник мне, и мы с ним забрались на заднее сиденье джипа.

Солдат за рулем времени терять явно не любил, так что по пути мы с полковником не разговаривали — держались за что придется и отчаянно надеялись доехать до места живыми. По крайней мере, за себя могу ручаться.

На базе полковник привел меня в кабинет, сел за стол и сделал мне знак присесть напротив. А

потом откинулся на спинку кресла и стал меня рассматривать. Я, ей-богу, порадовался, что ни в чем не виноват, а то ведь под таким взглядом пришлось бы сразу признаться как на духу.

— Я услышал от вас очень странные вещи, — проговорил полковник наконец. — Теперь неплохо бы вам устроиться поудобнее и рассказать мне все как было — с самого начала и ничего не упуская.

Ну, я и выложил все как есть, со всеми подробностями, чтобы он четко понял мою точку зрения, и он ни разу не перебил меня, а сидел и молча слушал. Пожалуй, так внимательно меня никто не слушал за всю мою жизнь.

— Давайте вернемся чуть назад, — попросил он, когда я закончил. — Вы говорите, прежде машина никогда сама по себе не ездила?

— При мне — никогда, — честно ответил я. — В мое отсутствие — не знаю. Может, и тренировалась.

— И она никогда раньше не летала?

Я помотал головой.

— А этот скунс находился внутри нее, и когда она и сама поехала, и когда полетела?

— Верно.

— И, говорите, после столкновения скунс опу-

стился на землю на ее крыле?

— Ну да. Крыло перевернулось, он выскочил и удрал в лес.

— А вам не кажется странным, что все обломки попадали на землю сразу, а большое и тяжелое крыло опустилось медленно, как перышко?

Я признал, что это действительно несколько странно.

— Теперь давайте про скунса. Он в самом деле мурлыкал?

— Да, и очень умильно.

— И хвостом вилял?

— Прямо как собака.

Полковник отодвинул от себя блокнот, откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди, вроде как приобняв себя за плечи.

— Знаете, — говорит, — по моему личному опыту, приобретенному еще в мальчишеские годы, скунсы не мурлыкают и уж точно не виляют хвостом.

— Понимаю, к чему вы, — оскорбленно ответил я. — Но пьян я не был. Может, и пропустил стаканчик-другой, пока вашего самолета с ружьем дожидался, но скунса я видел ясно как день, я его ни с кем не перепутал, и он на самом деле мурчал. Я ему понравился, и он ластился ко мне и…

— Ладно, — прервал меня полковник, — ладно.

Мы немного посидели, глядя друг на друга, а потом он расплылся в улыбке.

— А знаете, я внезапно понял, что мне остро необходим помощник.

Тут я набычился.

— Нет уж, меня не завербуете. Я к этим вашим самолетам на четверть мили не подойду, хоть вы меня на аркане тащите.

— Гражданский помощник. Три сотни в месяц плюс содержание.

— Полковник, меня как-то никогда не прельщала армейская жизнь.

— И столько выпивки, сколько захотите.

— Где подписывать?

И так я стал личным помощником полковника.

Тогда я подумал, что он чокнутый, и с тех пор не изменил своего мнения. Ему следовало сразу бросить эту бредовую идею, для своего же блага. Но он втемяшил ее в голову, и все, пиши пропало. Есть такая порода людей — если уж впали в азарт, играть будут до последнего.

Ладили мы с ним вполне нормально, хотя порой случались и разногласия. И начались они с того, что он вздумал запереть меня на базе. Я,

конечно, шум поднял, но он был непреклонен.

— Если вас отсюда выпустить, вы тут же надеретесь и начнете болтать. А я хочу, чтобы вы закрыли рот на замок и ни гу-гу. А то, думаете, почему я нанял вас на работу?

Работа, кстати, была недурная. Делать не приходилось ничегошеньки. Вот честное слово, палец о палец не ударил. Кормили сносно, крыша над головой была, и с выпивкой полковник меня не обидел.

Первые несколько дней я его вообще не видал, как будто забыл он про меня. Решил сам заглянуть его проведать. Не успел в кабинет зайти, как следом вбегает сержант с кипой бумаг, весь нервный.

— Вот рапорт по той машине, сэр, — говорит.

Полковник бумаги взял, полистал и отвечает:

— Сержант, я в этом ни черта не разберу.

А сержант ему честно:

— Я местами тоже, сэр.

— А это что? — спрашивает полковник и пальцем в листок тычет.

— Бортовой компьютер, сэр.

— Не может быть бортового компьютера в легковом автомобиле.

— Вот я им тоже так и сказал, сэр. Но мы нашли

место, где он был подсоединен к блоку цилиндров.

— В смысле, подсоединен? Приварен?

— Не совсем, сэр… Он там как будто с самого начала был. Вроде как отлит вместе с блоком. Никаких следов сварки.

— И вы уверены, что это компьютер?

— Коннели говорит, что да, сэр. А он в компьютерах понимает. Только вот такого никогда не видел. Говорит, у него даже принцип работы совсем другой, незнакомый. Хотя, говорит, очень логичный. Хороший, короче, принцип. Он говорит…

— Да не тяните вы!

— Говорит, он мощнее любого нашего компьютера как минимум в тысячу раз. И его без особого преувеличения можно назвать разумным.

— Что значит «разумным»?

— Ну, Коннели предполагает, что устройство такого уровня может быть способно на самостоятельное мышление.

— Матерь божья!

Некоторое время полковник сидел, погрузившись в раздумья. Затем перевернул страницу и снова ткнул пальцем.

— А это что?

— Еще одна деталь, сэр. Ну, чертеж детали. Мы не знаем, для чего она.

— Не знают они!..

— Мы никогда ничего подобного не видели, сэр. Даже не представляем, для чего она. Была прикреплена к коробке передач, сэр.

— А это что?

— Результат анализа бензина. Странная штука, сэр, бензобак был весь покорежен, но немного бензина там осталось, и мы…

— Почему вы вообще его анализировали?

— Потому что это оказался не бензин, сэр. То есть бензин, но другой. У него измененная формула, сэр.

— Это все, сержант?

Сержант от нервов уже слегка взмок.

— Нет, сэр, там еще много такого в отчете. Мы нашли почти все обломки. Не хватает только мелочей кое-где. Теперь пытаемся собрать машину.

— Собрать?

— Точнее, склеить.

— То есть ездить она больше не будет?

— Нет, сэр, навряд ли. Слишком сильно повреждена. Но если бы ее восстановить, это была бы лучшая машина в истории. На спидометре у нее восемьдесят тысяч миль, но она как новенькая. А

некоторые детали сделаны из сплавов, которые мы не можем даже определить. — Сержант помолчал и добавил: — Если позволите высказать свое мнение, сэр, все это очень странное дело.

— Тут вы правы, — ответил ему полковник. — Благодарю вас, сержант. Очень странное дело.

Сержант уже собрался было уйти, однако полковник его остановил.

— Одну минуточку.

— Да, сэр.

— Вам и всей вашей рабочей группе запрещено покидать пределы базы. Нельзя допустить утечки информации. Будьте добры передать своим. Тому, кто не уследит за языком, придется плохо.

— Слушаюсь, сэр, — произнес сержант, козырнув, как положено, хотя по глазам было видно, что он бы сейчас полковника с удовольствием прирезал.

Когда он ушел, полковник обратился ко мне.

— Эйза, — говорит, — если вы забыли мне что-нибудь сообщить, и я из-за этого потом буду выглядеть дураком, я сверну вашу тощую шею.

— Ничего я не забыл, — отвечаю. — Честное слово.

А он на меня странно так посмотрел и спрашивает:

— Вы знаете, что это был за скунс?

Я только головой помотал.

— Не скунс это никакой. А вот кто, нам и предстоит выяснить.

— Да как выяснить? Он же в лес убежал.

— А мы пойдем и поймаем.

— Вдвоем?

— Зачем вдвоем, когда на базе две тысячи бойцов.

— Но они…

— Вы полагаете, они не обрадуются приказу ловить скунса?

— Ну да, полковник, вроде того. То есть они пойдут, но ловить не будут. Они постараются его не найти.

— О, найдут, если поймавшего будет ждать награда в пять тысяч долларов.

Я посмотрел на него, как на полоумного, а он рассмеялся.

— Можете мне поверить, расходы окупятся. До последнего пенни.

Короче, чокнутый.

В общем, сам я на охоту не пошел. Я же знал, что шансы поймать скунса мизерные. За это время он мог удрать в соседний штат. Или найти себе такое логово, где его в жизни никто не отыщет.

Да и зачем мне пять тысяч долларов? Мне и без того положили отличное жалованье, и в выпивке недостатка не было.

На другой день я снова заглянул к полковнику. С ним там говорил военный врач. Точнее, врач на него орал.

— Я требую все отменить!

— Нельзя отменить! — орал полковник в ответ. — Мне нужен этот зверь!

— Вы хоть раз видели человека, который попытался изловить скунса голыми руками?!

— Нет, не видел!

— У меня их прямо сейчас в лазарете одиннадцать! И мне больше не надо!

— Ну, готовьтесь, капитан, скоро будет гораздо больше!

— То есть операцию вы не отмените?

— Не отменю!

— Тогда я сообщу, куда следует, и ее отменят за вас!

— Капитан! — произнес полковник угрожающе.

— Вы с ума сошли! — возмущался врач. — Никакой военный трибунал…

— Капитан.

Врач замолчал, развернулся и вышел.

Полковник посмотрел на меня.

— Иногда приходится тяжко, — пояснил он.

Я понял, что надо скорее ловить скунса, не то полковник окончательно испортит себе репутацию.

— Одного не могу понять, — говорю. — Зачем вам этот скунс? Он же просто мурчит, вот и все…

Полковник опустился в свое кресло и уронил голову на руки.

— Боже милостивый, — простонал он. — Где границы человеческой глупости?

— Нет у нее границ. И все равно не понимаю, почему…

— Слушайте, — перебил меня полковник, — кто-то основательно поработал над вашей машиной. Вы утверждаете, что это не вы. И что никто, кроме вас, к ней не подходил. Парни, которые ее сейчас перебирают, находят в ней такое, чего в жизни не видели.

— Если вы думаете, что этот скунс…

— Да не скунс это! — Полковник грохнул кулаком по столу. — Не скунс! Это некто похожий на скунса. Некто знающий о машинах больше, чем вы, я и вообще любой человек на планете!

— Но как он мог все это проделать? У него же лапы!

Ответить полковник не успел, потому что дверь распахнулась, и в кабинет ввалились два самых жалких обитателя казармы за пределами гауптвахты.

— Поймали, сэр! — выпалил один из них, не тратя времени на приветствие по всей форме. — Верней, он сам за нами побежал. На свист.

И следом за ними вошел скунс, виляя хвостом и мурлыкая. Направился прямиком ко мне и давай мне об ноги тереться. Я взял его на руки, и он замурчал так громко, что я думал, взорвется.

— Этот? — спросил меня полковник.

Я подтвердил:

— Этот.

Полковник схватил трубку с рычага.

— Вашингтон мне. Генерала Сандерса. В Пентагоне.

А нам с солдатами машет, чтоб убирались из кабинета.

— А как же деньги, сэр?

— Получите вы свои деньги. Пока вон подите.

Вид у него был примерно как у человека, которого помиловали прямо перед расстрелом.

В общем, вышли мы из кабинета, а меня там уже ждут. Четверо самых грозных молодчиков по эту сторону техасской границы.

— Ты, — говорят, — не обращай на нас внимания, дедуля. Мы телохранители твои.

Оказалось, и правда телохранители. С этого дня они ходили за мной повсюду. Они и скунс, конечно. Из-за скунса их ко мне и приставили. Я-то сам кому нужен.

А уж скунс от меня не отступал ни на шаг, как приклеенный. Бежал за мной по пятам, то и дело норовил проскочить между ног, хотя больше всего любил ездить у меня на руках или на плечах устроившись. И все время мурчал без передыху. То ли решил, что я его единственный настоящий друг на всем белом свете, — то ли что я тут главный слабак, из которого можно веревки вить.

Жизнь моя несколько усложнилась. Спал скунс теперь со мной, и все четыре молодца дежурили у кровати. В сортир я ходил в сопровождении скунса и одного телохранителя, остальные ждали в коридоре. Ни о каком уединении не могло идти речи. Я возмущался, что это бестактно, что это нарушает мои конституционные права, но никто меня не слушал. Я ничего не мог поделать. Телохранителей было двенадцать человек, раз в восемь часов они сменялись.

Полковника я несколько дней вообще не видел, и это было очень странно. То он места себе не

находил, стремясь как можно скорее заполучить скунса, а теперь вдруг утратил к своей добыче всякий интерес.

Я все гонял в мыслях его слова о том, что скунс вовсе не скунс, а кто-то другой, много понимающий в машинах. И чем больше я об этом думал, тем больше укреплялся во мнении, что так оно и есть. Хотя все равно в голове не укладывалось, как зверушка может знать что-то о технике и уж тем более что-то с нею делать.

Но потом я вспомнил, как хорошо мы с Бетси понимали друг друга, и стал развивать эту мысль дальше: как человек и машина сумеют достичь такого взаимопонимания, что смогут разговаривать, и как человек — даже лишенный рук — будет помогать машине совершенствоваться.

Если произнести это вслух, звучит, конечно, полной бредятиной, но если представлять потихоньку про себя, то от таких мыслей становится тепло на душе. В общем-то, если подумать, не такая уж это и бредятина.

Может, когда я ушел в кабак и оставил скунса в машине, он осмотрел мою Бетси и проникся к ней, старушке, сочувствием — как человек может пожалеть бездомного кота или побитую собаку. Наверное, тогда-то скунс и принялся улучшать ее.

Вероятно, прихватил у нее же немного металла в тех местах, где можно было убавить, и отрастил бортовой компьютер и все такое прочее. Небось он просто не понял, как вообще можно было сделать машину без таких необходимых деталей. Решил, что производитель схалтурил.

Телохранители наши окрестили скунса Вонючкой, и это, конечно, была форменная клевета, ведь лично я в жизни не встречал зверя более интеллигентного и воспитанного. Я им так и сказал, но они заржали мне в лицо. Вскоре эта кличка разошлась по всей базе, и всякий встречный-поперечный кричал нам: «Здорово, Вонючка!»

Скунса это вроде не обижало, и я тоже стал его так называть.

Я кое-как уложил в голове, что это Вонючка переделал мою Бетси, и даже зачем он ее переделал. Одного я никак не мог понять — откуда он вообще взялся. Я все думал и думал об этом, но никаких предположений у меня не возникало, кроме самых диких, слишком безумных даже для меня.

Я пробовал зайти к полковнику, но сержанты и лейтенанты всякий раз выгоняли меня вон, так что я не успевал с ним и словом перемолвиться. В конце концов я на это разобиделся и решил больше к нему не ходить. Пусть сам за мной

посылает.

И вот однажды он и правда меня вызвал, и в кабинете у него прямо толпились всякие генералы. Полковник беседовал с довольно свирепого вида седым господином. У господина был крючковатый нос, квадратная челюсть и звезды на погонах.

— Генерал, позвольте вам представить лучшего друга нашего Вонючки.

Генерал пожал мне руку. Вонючка, сидевший у меня на плечах, вежливо замурлыкал. Генерал смерил его оценивающим взглядом и говорит:

— Господь свидетель, я надеюсь, вы не ошиблись, полковник. Ведь если ошиблись, и эта история куда-то просочится, военно-воздушным силам крышка. Армия и флот нам этого так не оставят, а уж что сделает Конгресс, подумать страшно.

Полковник сглотнул и заверил:

— Я уверен, что не ошибся, сэр.

— Безумная авантюра. Не знаю, как я позволил себя в это втянуть… — Генерал снова глянул на Вонючку. — С виду скунс как скунс.

Полковник представил меня другим полковникам и майорам, но не стал тратить времени на капитанов, если таковые там вообще были.

Я пожимал руки, Вонючка мурчал, и все было чинно-благородно.

Один из полковников попытался взять Вонючку на руки, однако тот начал отбиваться и барахтаться, чтобы его пустили обратно ко мне.

— Смотрю я, он с вами неразлучен, — сказал мне генерал.

— Мы с ним друзья.

— Чтоб мне провалиться…

После обеда генерал и полковник отвели нас с Вонючкой в какой-то ангар. В ангаре стоял один-единственный самолет, какой-то из новых реактивных. Нас уже поджидала толпа народу: частью из военных, но в основном механики — кто в рабочих комбинезонах, кто просто в штатском, у кого под мышкой планшет, а у кого в руках инструменты… ну, то есть это я думаю, что инструменты, раньше я таких хитрых штуковин не видал. И оборудование там всякое было вокруг расставлено.

— Ну, Эйза, — говорит полковник, — теперь вам с Вонючкой надо залезть в самолет.

— И что там делать?

— Просто так посидеть. И ничего не трогать руками! Там сложная аппаратура, легко испортить.

Меня это все малость насторожило, так что

лезть в самолет я не спешил.

— Вы не бойтесь, — успокоил меня полковник. — С вами ничего не случится. Вы просто там посидите, и всё.

Ну, я и полез. Конечно, глупость это была ужасная. Я уселся в кресло пилота посреди всех этих безумных приборов, датчиков, рычажков и кнопочек. Ей-богу, шевельнуться было страшно — а ну как заденешь чего, и тогда страшно представить, что будет.

В общем, какое-то время я занимал себя тем, что разглядывал окружающие прибамбасы и пытался угадать, какой из них для чего, хотя, конечно, так ничего и не понял. По сто раз осмотрел все вдоль и поперек и уже изнывал от скуки, но напоминал себе о деньгах, какие мне тут платят. И о дармовой выпивке, опять же. Раз мои должностные обязанности включают необходимость где-то посидеть — что ж, надо так надо.

А Вонючка, не обратив никакого внимания на приборы и датчики, устроился у меня на коленях и уснул — ну, или притворился спящим. В общем, он ни капли не нервничал. Разве что иногда мог приоткрыть глаз или дернуть ухом, вот и все.

Сперва я как-то не задумался о том, зачем нас посадили в самолет. Однако через час-другой

начал догадываться. Похоже, они надеялись, что Вонючка пожалеет самолет, как мою Бетси, и постарается сделать его менее убогим. Но если так, они сами себя одурачили, потому что Вонючка и не думал ничего делать. Он просто спал, свернувшись клубком.

Спустя несколько часов такого времяпрепровождения нас отпустили. Так началась операция «Вонючка». Да-да, именно так они этот идиотизм и называли. Уму непостижимо, до чего богатая у военных бывает фантазия.

День за днем повторялось одно и то же. С утра мы с Вонючкой залезали в какой-нибудь самолет и сидели там до полудня. Потом делали перерыв на обед и шли на вторую вахту. Вонючку все устраивало. Ему вообще было все равно, где находиться. Он сворачивался клубком у меня на коленях и через пять минут уже дремал.

Дни шли. Генерал, полковник и толпа техников в ангаре пребывали в возбужденном состоянии. Меня они в свои дела не посвящали, но было хорошо видно, что их прямо распирает от восторга. И я не понимал, почему, ведь, на мой взгляд, ничего не происходило. Видимо, когда мы с Вонючкой выходили из ангара, их работа не заканчивалась. По вечерам в ангаре горел свет, внутри люди

что-то делали, а вокруг было оцепление из трех кордонов охраны.

Самолет наш однажды просто заменили на другой, но для нас с Вонючкой все осталось как прежде. Мы по-прежнему приходили и просто сидели. Тем не менее всеобщее волнение в воздухе было уже почти осязаемым. Прямо спичку поднеси, и вспыхнет.

Я вообще ничего не понимал.

Волнение понемногу распространилось по всей базе. Очень странные дела там творились. Вояки с утра до ночи носились как угорелые. Пригнали строителей, те быстренько начали клепать какие-то сооружения, которые тут же набивались всяческой машинерией. Народу с каждым днем прибывало все больше, и вскоре база уже походила на разворошенный муравейник.

Однажды я прогуливался в сопровождении плетущихся следом телохранителей и увидел такое, что у меня глаза на лоб полезли. Военные тянули вокруг базы ограду из железной сетки — высотой метра три, а то и больше, и колючая проволока по верху. А внутри поставили столько охраны, чуть ли друг у друга не на ушах! Тут я, конечно, слегка испугался. Выходит, загнали меня во что-то очень серьезное. В такое большое дело,

что мне и не снилось. Раньше-то я думал, что на кону разве что репутация полковника. Хотя к полковнику-то я проникся сочувствием. Все-таки генерал этот производил впечатление человека, с которым лучше не шутить.

Примерно тогда же они начали рыть яму. Прямо посреди одной взлетно-посадочной полосы! Я как-то сходил туда посмотреть и вообще ничего не понял. Была хорошая ровная полоса, в которую явно куча денег вбухана, и вдруг им вздумалось выкопать на ней что-то вроде глубокого бассейна. Попробовал у народа вокруг поспрашивать, но никто ничего не знал — или говорить не хотел.

А мы с Вонючкой продолжали целыми днями сидеть в самолетах. Очередной был уже шестым по счету. И ничего не менялось. Я подыхал со скуки, Вонючка дрых без задних лап.

Как-то вечером полковник прислал за мной сержанта. Я пришел в кабинет и сел, поставив Вонючку прямо на стол. Он сразу улегся, вопросительно поглядывая то на меня, то на полковника.

— Эйза, — говорит мне полковник, — сдается мне, у нас получилось.

— То есть вам правда была с этого какая-то польза?

— Пользы нам было столько, что мы теперь имеем неоспоримое превосходство в воздухе. Мы обогнали всех по меньшей мере лет на десять, а то и на сто — в зависимости от того, сколько сумеем использовать. Теперь за нами никому не угнаться.

— Но Вонючка же просто спал!

— Вонючка перестроил каждую машину, в которую попадал. Нередко по таким принципам, каких мы даже не понимаем, но в свое время наверняка поймем. А иногда изменения были настолько просты, что диву даешься, как это нам самим в голову не пришло.

— Полковник… кто такой Вонючка?

— Я не знаю.

— Но предположения у вас есть.

— Предположения есть. Причем такие, что и себе озвучивать неловко.

— Меня можете не стесняться.

— Ну что же… Таких, как Вонючка, на Земле больше нет. Вероятно, он вообще не из Солнечной системы. Я думаю, что он прибыл из космоса, но как и зачем — понятия не имею. Может, его космический корабль потерпел крушение и Вонючка высадился на Землю в чем-то вроде спасательной шлюпки.

— Но если у него была шлюпка…

— Мы прочесали каждый дюйм на много миль вокруг.

— И не нашли?

— Ничего похожего.

Уложить такую идею в голове было непросто, но я кое-как справился. И сразу задумался о другом.

— Полковник, вот вы говорите, что Вонючка перестроил вам самолеты, так что они стали лучше прежнего. Как же он мог это сделать, когда у него не руки, а лапы, и вообще он все время спал?!

— А вы сами как думаете? Я уже слышал целый ряд гипотез. И единственная, имеющая хоть малейшее правдоподобие, — это телекинез.

Слово было красивое. Я немного покатал его про себя на языке, потом спросил:

— А что это значит?

Надо было выяснить наверняка, чтобы уж с полной уверенностью поразить ребят в кабаке. Если я их еще когда-нибудь увижу.

— Способность двигать объекты силой мысли.

— Так ничего же не двигалось! — возразил я. — Все новые детали сами возникли, прямо внутри!

— И это можно объяснить телекинезом.

Я помотал головой, задумавшись.

— Нет, — говорю. — Мне это иначе видится.

— Ну, излагайте. — Полковник вздохнул. — Я выслушал теории от всех, почему бы и вам не дать такой возможности…

— Вот знаете, бывают садовники от Бога. Палку в землю воткнут, и она примется. Я думаю, что Вонючка из таких, только по части машин.

Полковник долго смотрел на меня с прищуром, затем очень медленно кивнул.

— Я вас понял, — говорит. — По-вашему, новые детали возникли не в результате их перемещения откуда-то извне или внутри машины. Вонючка их вырастил.

— Что-то вроде того. Он, наверное, оживляет машину, и она сама себя улучшает. Отращивает себе детали, с которыми станет лучше, счастливее и полезней.

— Звучит, конечно, по-дурацки, — признал полковник, — но это пока самая логичная гипотеза. Человек имеет дело с машинами всего лишь какой-то век-другой. Глядишь, через десять тысяч, через миллион лет ваша версия не покажется таким уж бредом.

Смеркалось, и кабинет неспешно погружался в полумрак. Мы с полковником сидели молча и размышляли, вероятно, об одном. Мы вообража-

ли себе черную ночь за пределами Земли и то, как Вонючка пересек ее, гадали о том, какова была его родная планета и что в этой ледяной тьме могло заставить его искать здесь у нас убежища. А еще, пожалуй, думали об иронии Вселенной, ведь из всех ее уголков Вонючка высадился именно там, где обитают зверушки, похожие на него как две капли воды, — и зверушек этих никто особо не любит.

— Одного я не понимаю, — произнес полковник наконец. — Зачем он это делает? Почему он нам помогает?

— А он не нам помогает, — ответил я. — Он помогает самолетам. Ему их жалко.

Дверь распахнулась, и в кабинет тяжелой поступью вошел генерал, ужасно чем-то довольный. Уже стемнело, и меня он, похоже, не заметил.

— Мы получили разрешение! — торжествующе провозгласил он. — Корабль будет здесь завтра! В Пентагоне согласны!

Однако полковник его восторга не разделил.

— Генерал, мы заходим слишком далеко. Пора установить какие-то рамки. Пока мы хватали все подряд, до чего могли дотянуться. Мы загнали малыша до предела. У нас уже много информации…

— Информации недостаточно! — взревел генерал. — Все, что сделано до сегодняшнего дня, — так, разминка. Для атомного корабля мы ничего не получили. А необходимо нам именно это.

— А еще нам необходимо понять это существо. Понять, как он это делает. Если бы мы могли поговорить с ним…

— Поговорить! — воскликнул генерал.

— Именно! — Полковник тоже повысил голос. — Он все время мурлыкает. Наверняка это какая-то форма общения. Бойцы просто позвали его за собой свистом. Если заняться языком…

— Нет у нас на это времени, полковник.

— Но нельзя же вот так выжимать его досуха! Он столько для нас сделал. Дайте малышу передохнуть. Терпение пока проявляет он один — смиренно ждет, когда мы начнем с ним общаться, когда поймем, кто он такой!

Они продолжали орать друг на друга, и полковник, видимо, забыл о моем присутствии. Мне стало неловко. Я сделал знак Вонючке, он тут же прыгнул мне на руки, и мы потихоньку ушли.

Ночью я лежал без сна. Вонючка свернулся клубком у меня в ногах. Четверо телохранителей сидели и наблюдали за нами, тихие, как мыши.

Я думал о том, что полковник сказал генералу,

и очень сочувствовал Вонючке. Я представил себе человека, который попал на планету скунсов, и всем этим скунсам плевать на человека, их интересует лишь то, что он умеет рыть самые глубокие, самые хорошие норы, и рыть умеет очень быстро. И нор этим скунсам надо так много, что у них нет времени разбираться в чувствах человека, пытаться с ним поговорить, помочь ему… Я лежал, мучаясь угрызениями совести и сознанием того, что ничего не могу сделать. А потом Вонючка встал, пришел ко мне под бок и привалился. Я его обнял покрепче, а он замурчал, и так мы с ним и заснули.

На другой день прибыл атомоход. Экспериментальная модель, последний из трех, что были на тот момент построены. Ну и громадное же было чудище! Мы наблюдали с почтительного расстояния, как его подвозят к котловану и спускают на воду.

По трапу спустился экипаж, их забрали на моторке. Все как один желторотые наглецы, явно очень гордые, что служат на таком корабле.

На борт мы с Вонючкой отправились наутро. Сопровождали нас полковник с генералом, и пока моторка покачивалась у трапа, они успели в очередной раз не сойтись во мнениях.

— Я все равно считаю, что риск слишком велик. Одно дело играть с самолетами, и другое — атомоход. Если Вонючка сделает что-то не то…

Генерал поджал губы.

— Придется рискнуть.

Полковник дернул плечом и стал подниматься по трапу. Генерал дал мне знак, и я тоже полез. Вонючка сидел у меня на плечах. Генерал забрался следом.

В самолетах мы с Вонючкой обычно сидели одни, но в этот раз нас сопровождала группа техников. Места было много, и так они могли наблюдать за тем, что делает Вонючка. Полагаю, в случае с атомоходом держать руку на пульсе было особенно важно. Я сел в капитанское кресло, Вонючка устроился у меня на коленях. Полковник побыл с нами какое-то время, затем удалился, и мы остались одни.

Мне было неспокойно. Все-таки полковник дело говорил. Однако время шло, ничего не происходило, и я стал надеяться, что обойдется.

Так минуло четыре дня. Я попривык и успокоился. Я убеждал себя, что на Вонючку можно положиться. Он не сделает нам ничего плохого. Если судить по тому, как вели себя техники и как скалил зубы генерал, пока Вонючка оправдывал

возложенные на него ожидания.

На пятый день, когда мы начинали свою вахту, генерал сказал:

— Думаю, сегодня закруглимся.

Это меня обрадовало.

А потом, когда мы уже собирались сделать перерыв на обед, все и случилось. Вряд ли я смогу изложить по порядку, потому что сам мало что понял. Я как будто услышал чей-то крик, хотя никто не кричал. Я привстал с кресла и снова сел.

Крик повторился.

Я понял, что сейчас что-то будет. Вот прямо костьми почувствовал. Надо было скорее убираться с атомохода. Меня охватил страх — животный ужас. Но чувство долга пока было сильнее. Я не мог уйти. Я должен был оставаться на месте и выполнять свою работу. Я вцепился в подлокотники и велел себе собрать волю в кулак.

Но тут меня накрыла такая паника, что все остальное потеряло значение. Я уже не мог с ней бороться: вскочил, сбросив Вонючку на пол, кинулся к двери, насилу открыл ее и вспомнил, что я не один.

— Вонючка!

Хотел было вернуться и подобрать его, однако паника накатила еще сильнее, и я помчался нау-

тек, не разбирая дороги.

Бегу я, значит, по мосткам, железо под ногами гремит, а снизу слышно, как там тоже все мечутся и кричат. Я сразу понял, что не ошибся, что не просто так перетрухнул. На корабле что-то случилось.

Люди так и хлынули изнутри атомохода на палубу и стали торопливо спускаться по лестнице. Моторка уже шла забирать их. Один не удержался на лестнице, свалился в воду и поплыл к суше сам.

А там, вокруг резервуара, уже собирались пожарные машины и кареты «скорой помощи», а на главном корпусе базы пронзительно завывала сирена — как кошак, которому наступили на хвост.

Глядя по сторонам, я видел застывшие бледные лица. Хотя народ вокруг меня был перепуган не меньше моего, я от этого почему-то не забоялся еще сильнее, а как-то даже успокоился.

Люди спешно спускались по лестнице один за другим, в воду упали уже несколько и теперь добирались вплавь. Если бы кому-нибудь пришло в голову засечь время, наверняка кто-то из них поставил бы мировой рекорд.

Ожидая своей очереди к лестнице, я снова подумал о Вонючке и решил, что надо за ним

вернуться. Но на полпути назад остановился, растеряв остатки храбрости. И вот что странно — я не имел ни малейшего понятия, что же меня так пугало.

В общем, я в числе последних спустился в перегруженную моторку, и она с трудом поползла к суше.

Там уже носился туда-сюда тот самый военный врач и выкрикивал приказы, отправляя пловцов на санитарную обработку, все кругом тоже бегали и орали, пожарные машины стояли наготове с заведенными моторами, сирена выла.

Кто-то вдруг завопил:

— Назад! Бегите! Все назад!

И мы, конечно, побежали, как стадо перепуганных овец.

А потом раздался бессловесный крик, и мы обернулись. Атомоход медленно поднимался из резервуара. Вода под ним бурлила и шипела, корабль же уверенно и грациозно шел прямо вверх, ни разу даже не вздрогнув, шел и шел, пока не скрылся в зените.

Я вдруг сообразил, что вокруг мертвая тишина. Все застыли на месте и не дыша таращились в небо. Даже сирена заткнулась.

Кто-то похлопал меня по плечу. Это был ге-

нерал.

— Где Вонючка?

— Он за мной не побежал, — ответил я уныло. — А возвращаться за ним было страшно.

Генерал развернулся и зашагал через поле. Сам не знаю почему, я последовал за ним. Он припустил бегом, и я потрусил рядышком. Вместе мы влетели в главный корпус, помчались вверх по ступенькам в наблюдательный пункт, и генерал взревел с порога:

— Засекли?

— Да, сэр. Ведем.

— Это хорошо. Хорошо. — От быстрого бега генерал весь запыхался. — Нам придется его сбить. Куда он направляется?

— Вверх, сэр. По-прежнему вертикально вверх.

— Высота?

— Около пяти тысяч миль, сэр.

— Невозможно! Это же не космический корабль!

Генерал развернулся к дверям, наткнулся на меня, рявкнул: «Прочь с дороги!» — и побежал вниз, громыхая по ступенькам.

Я тоже вышел наружу, но свернул в другую сторону. У административного корпуса заметил полковника, и тот меня окликнул.

— Удалось ему, — сказал он мне.

— Я хотел его забрать, а он ни в какую…

— Ну конечно. Как по-вашему, почему мы все побежали с корабля?

Я задумался. Ответ мог быть только один.

— Нас прогнал Вонючка.

— Не только машины вызывали у него сочувствие, Эйза… Разумеется, он ждал, когда мы дадим ему что-то серьезное, то, из чего можно сделать космический корабль, однако тащить за собой в космос людей он не хотел и потрудился нас выгнать.

— Выходит, он и правда немножко скунс, — заметил я, поразмыслив.

Полковник удивленно прищурился:

— Это еще почему?

— Мне не нравилось прозвище Вонючка. Несправедливо так обзывать того, кто совсем не пахнет. Но, видать, запах у него был. Такой, который чуешь не носом, а головой. Такой, который может отпугнуть не хуже обычного. Вот мы все и побежали.

Полковник кивнул и поднял глаза к небу.

— Я рад, что он своего добился.

— Я тоже.

И все-таки я был слегка обижен на Вонючку.

Мог бы со мной попрощаться. Я ведь был ему лучшим другом на всей планете, а он взял и прогнал меня наравне с остальными. Не по-людски это.

Хотя…

Я по-прежнему не знаю, за какой конец держать разводной ключ, но у меня теперь новая машина. Купил ее на деньги, заработанные на базе. И ездит она сама. Ну, то есть за городом, по спокойным дорогам. Когда поток оживленный, сама не может, пугливая. Далеко ей до Старушки Бетси.

Я теперь так умею. А понял это, когда машина однажды поднялась в воздух и аккуратно перелетела через упавшее на дорогу дерево. Все же столько времени провел с Вонючкой, успел кой-чего понабраться. Я бы и летать ее мог научить. Но не буду. Не ровен час, обойдутся со мной как с Вонючкой.

Джекпот
Перевод В. Лопатк

Док обнаружился в медпункте — уже изрядно выпивший. Чтобы привести его в чувство, пришлось потрудиться.

— Возьми себя в руки, — бросил я. — Мы сели. Дел невпроворот.

Я заткнул бутылку пробкой и убрал повыше.

Док держался с достоинством.

— Не беспокойтесь, капитан. Я — врач на этой лохан…

— За работу. Кажется, мы что-то нашли.

— Раз вы так говорите — значит, планета не подарок, — мрачно протянул Док. — Экзотический климат, ядовитая атмосфера…

— Планета земного типа с кислородной атмосферой, климат вроде нормальный. Бояться нечего. Анализаторы дают почти идеальный рейтинг.

Док обхватил голову руками и простонал:

— Наши анализаторы горячее от холодного едва отличают. Если скажут, что можно дышать, и не ошибутся — уже хорошо. Это не корабль, а

груда металлолома.

— Нормальный у нас корабль.

— Мы — падальщики. Или даже хищники. Мечемся по Галактике, хватаем что плохо лежит.

Я пропустил его слова мимо ушей. Док вечно заводит эту пластинку, когда напивается.

— Отправляйся на камбуз, — велел я. — Пусть Оладушек вольет в тебя кофе. Мне нужно, чтобы ты был на ногах и работал как полагается.

Но так просто Док не сдался.

— И что у нас на этот раз?

— Элеватор. Огромный — ты такого еще не видел. Миль десять или пятнадцать в ширину и уходит куда-то за горизонт.

— В элеваторах хранят зерно. Тут что, развитое сельское хозяйство?

— Нет, пустыня. И никакое зерно там не хранят — просто похоже на элеватор.

— Выходит, это склад? — продолжил Док. — Или город? Крепость? Храм? Хотя нам-то какая разница, да, капитан? Мы и храмы грабим.

— Вставай! И поживее! — заорал я.

Он вскочил.

— Надо думать, население уже вышло встречать нас с распростертыми объятиями.

— Нет никакого населения. Только элеватор.

— Так-так. Значит, предстоит кража со взломом, — пробормотал Док и заковылял вверх по трапу.

Я знал, что с ним все будет в порядке. Оладушек умеет привести Дока в норму.

Я вернулся к шлюзу. У Фроста все было готово: винтовки, топоры, волокуши, мотки веревки и фляги с водой. Фрост был превосходным старшим помощником: он всегда знал, что делать, и делал это без лишних слов. Не представляю, как бы я без него обходился.

До элеватора было около мили, но из-за колоссальных размеров здания казалось, что оно гораздо ближе.

— Сколько же можно взять добычи в такой махине… — протянул Фрост.

— Не исключено, что там пусто, — отозвался я. — Или ее охраняют. Или мы вообще не сможем туда добраться.

— Внизу есть проходы.

— Может, там ворота три метра толщиной.

Во мне говорил не пессимизм, а опыт. Уже не раз бывало, что бесценные сокровища на деле оборачивались сплошными бедами. Поэтому я не тешу себя надеждой, пока своими руками не пощупаю что-то, что можно обратить в деньги.

По трапу поднялся Хатч Мердок, корабельный механик. У Хатча вечно все было не так. Он сразу начал жаловаться.

— Говорю вам, капитан, однажды эти двигатели просто сдохнут! Так и повиснем посреди космоса. Мы только и делаем, что их чиним.

Я хлопнул его по плечу.

— Кажется, нам наконец повезло. Может, даже новый корабль купим.

Не помогло. Хатч прекрасно понимал, что я просто хочу приободрить его. А заодно и себя.

— Однажды мы попадем в беду. Я пролечу три сотни световых лет хоть на мыльном пузыре — лишь бы в нем был двигатель. Без двигателя — никак. А у этой развалюхи…

Он бы так и продолжал, но тут Оладушек продудел в горн, созывая всех на завтрак.

Док уже сидел за столом и выглядел неплохо — разве что побледнел и иногда вздрагивал. Настроение у него было мрачное и поэтическое.

— Мы обретем славу. Возьмем то, что принадлежит нам по праву. Обшарим руины, ухватим мечту за хвост и вернемся с набитыми золотом карманами.

— Заткнись, Док, — велел я.

И он заткнулся. Меня слушались с полуслова.

Завтрак не затянулся. Мы быстро поели и направились к выходу. Оладушек даже не стал убирать со стола.

В элеватор попали без хлопот. Внизу было множество входов, и никто не пытался нас остановить. Внутри оказалось тихо, мрачно и неинтересно — словно в огромном офисном центре. Всюду тянулись коридоры, в которые выходило множество комнат, уставленных чем-то вроде шкафов.

Мы шли довольно долго, оставляя на стенах метки, чтобы не заблудиться. Если тут потеряешься, будешь бродить по коридорам до самой старости. И всюду мы натыкались на шкафы, поэтому решили посмотреть, что у них внутри.

Оладушек не скрывал раздражения.

— Наверняка бумаги, да еще и на неизвестном языке.

— Почему бумаги? Там может быть что угодно, — сказал Фрост.

Оладушек тащил волокушу и уже собрался грохнуть ею по ближайшему шкафу, но я не позволил. Зачем устраивать беспорядок? Обшарили комнату и обнаружили, что если помахать рукой, стоя в определенном месте, то из шкафа выезжает ящик, набитый цилиндрами, похожими на дина-

митные шашки. Они были сантиметров тридцать длиной и примерно пять в диаметре. Тяжелые.

— Золото! — воскликнул Хатч.

— Разве бывает черное золото? — спросил Оладушек.

— Это не золото, — заявил я.

И хорошо, что не золото. Надорвешься на корабль таскать. И не разбогатеешь на золоте — расходы бы покрыть.

Мы вывалили цилиндры на пол и уселись рядом.

— Может, они чего и стоят, — сказал Фрост. — Откуда мне знать. Как думаете, что это?

Никто из нас понятия не имел.

На концах цилиндров виднелись какие-то значки — на каждом цилиндре разные и совершенно незнакомые.

Мы открыли еще несколько ящиков — везде те же цилиндры. Мы ходили по комнатам, махали руками, и из шкафов выезжали новые ящики. Ничего, кроме цилиндров.

Когда мы вышли наружу, солнце палило вовсю. Оладушек полез по трапу, чтобы организовать обед, а мы расселись в тени корабля, разглядывая загадочные штуковины.

— Все потому, что мы не настоящая экспеди-

ция, — заявил Хатч. — У настоящей экспедиции есть всякие эксперты, чтобы разбираться с такими вот штуками. Прогнали бы кучу тестов, разобрали бы на винтики, выдвинули гипотезы и научно обоснованные предположения. Они бы мигом просекли, что это за чертовщина и какая от нее польза.

— Вот разбогатеем и тоже заведем себе экспертов, — ответил я. — Вечно у нас такие находки, что без эксперта не поймешь.

— С таким сбродом, как мы, никакой эксперт не станет связываться, — заявил Док.

— Почему это сбродом? — обиделся я. — Да, корабль у нас старенький и сами мы университетов не кончали. Зато за умными словами не прячемся, а трудимся на себя и гордимся этим. Честный заработок.

— Не такой уж честный. Для нас ведь закон что дышло…

Док понимал, что несет чушь. В таких местах не бывает никаких законов.

— Когда-то давно, на Земле, люди вроде нас открывали новые земли, — начал я. — Они прокладывали тропы, открывали новые реки, взбирались на горы и рассказывали об этом тем, кто остался дома. Эти люди отправлялись за боб-

ровыми шкурами, за золотом, рабами и за всем прочим, что плохо лежало. Им было плевать на закон и на этику, и никто их не винил. Они брали что могли — и точка. А если убивали каких-нибудь туземцев, сжигали деревню или еще что-то такое — значит, не повезло бедолагам.

— Нечего, Док, святого из себя строить, — добавил Хатч. — Ты ничем не лучше нас.

— Джентльмены, — театрально заявил Док, — в мои планы не входило с вами ссориться. Я просто заметил, что нам не стоит рассчитывать на экспертов.

— Стоит — если заплатим достаточно, — сказал я. — Им тоже на что-то жить надо.

— Они не будут иметь дела с непрофессионалами!

— Ты ведь у нас есть.

— Я вот не уверен, что Док профессионал, — заметил Хатч. — Помните, как он вырывал мне зуб…

— Замолчите оба, — сказал я.

Не хватало еще вспоминать про зуб Хатча. Пару месяцев назад я их едва успокоил.

Между тем Фрост вертел в руках один из цилиндров.

— Давайте сами проведем испытания, — пред-

ложил он.

— И взлетим на воздух? — поинтересовался Хатч.

— Можем и не взлететь. Вдруг это не взрывчатка. Шансы пятьдесят на пятьдесят.

— Я пас, — сказал Док. — Лучше посижу тут и поразмышляю.

— На размышлениях далеко не уедешь, — возразил Фрост. — Наверняка у нас в руках целое состояние, надо только понять, для чего эти цилиндры. Их там тонны, и мы можем забрать все, никто не помешает.

— Сначала давайте выясним, не взрывчатка ли это, — сказал я. — Цилиндры, конечно, похожи на динамит, но могут оказаться чем угодно. Вдруг их едят?

— Тогда попросим Оладушка приготовить ужин.

Я пропустил реплику мимо ушей. Док просто меня подкалывал.

— Или это топливо. Вставляешь такую штуку в специальный двигатель, и он проработает целый год.

Оладушек продудел в горн, приглашая нас подкрепиться.

Поев, мы принялись за работу. Отыскали плиту

из камня, похожего на гранит, и установили на ней треногу; чтобы срубить для нее шесты, пришлось прошагать не меньше мили. На треноге подвесили блок, через который пропустили веревку с другим камнем на конце. Второй конец веревки мы оттащили подальше и вырыли там яму.

Солнце уже садилось, и мы все вымотались, но решили не откладывать испытание на завтра. Ребята в яме дружно налегли на веревку и приподняли камень, а я положил цилиндр на плиту под ним и бросился наутек. Ребята отпустили веревку, и камень рухнул на цилиндр.

Ничего не случилось. На всякий случай эксперимент повторили еще пару раз — никаких взрывов.

Мы вернулись к треноге и откатили камень. На цилиндре — ни единой царапины.

Вечером мы задали загадочным цилиндрам жару. Мы поливали их кислотой — она просто стекала по бокам. Пытались расколоть — испортили два отличных зубила. Пилили — только зубья на пиле стерли. Даже убеждали Оладушка сунуть цилиндр в печь, но он был непреклонен.

— Этой дряни не место на камбузе. Или сами будете себе еду готовить. У меня там порядок, я

вас кормлю как следует — и нечего под ногами путаться.

— Ладно, Оладушек, — сдался я. — Все равно они, наверное, несъедобные.

Мы расселись вокруг стола, заваленного цилиндрами. Все выпили по рюмке-другой из бутылки Дока — хотя делиться он не хотел.

— Должна же от этих штук быть какая-то польза, — сказал Фрост. — Не просто так их хранят в такой махине. Наверняка они дорого стоят.

— Может, там хранят не только цилиндры, — заметил Хатч. — Мы даже первый этаж не весь обошли. Может, внутри еще куча всякого барахла… А ведь есть и другие этажи! Сколько их там?

— Поди разбери, — отозвался Фрост. — Задерешь голову — а верха не видать.

— Вы обратили внимание, из чего она сделана? — спросил Док.

— Из камня, — ответил Хатч.

— Я тоже так подумал, но это не камень. Помните жилые муравейники на Сууде?

Еще бы не помнить. Мы целыми днями пытались пробраться внутрь. У входа валялись милые нефритовые фигурки, и мы рассудили, что внутри найдем еще больше. Такие штуки немало стоят, в цивилизованных мирах все с ума сходят

по инопланетному искусству.

Но как мы ни старались, в муравейник попасть не смогли. Ощущение было, словно колотишь по набитой подушке. Поверхность легко царапалась, однако не поддавалась: под давлением атомы сдвигались ближе, и материал становился прочнее. Чем сильнее бьешь — тем он крепче. Такие постройки стоят вечно, не требуя ремонта. Его обитатели, похоже, чувствовали себя в безопасности и занимались своими делами, не обращая внимания на нас.

Я понял, что наш элеватор именно из такого материала. Строй вверх и вширь сколько хочешь: чем сильнее постройка давит на нижние ярусы, тем она прочнее.

— Тогда элеватор может быть куда старше, чем кажется. Вдруг ему миллион лет, — заметил я.

— Если так, то там точно есть чем поживиться. За миллион лет можно много всего скопить, — мечтательно протянул Хатч.

Док и Фрост ушли спать, а мы с Хатчем всё сидели, разглядывая цилиндры.

У меня из головы не шли слова Дока: мы, мол, просто кучка головорезов. Неужели он прав? Впрочем, поразмыслив как следует, я решил, что не согласен. В истории человечества было три

группы людей, которые прокладывали другим путь в неизведанное: торговцы, миссионеры и охотники. Мы — охотники, только добываем не золото, рабов или меха, а все, что попадется. Иногда возвращаемся с пустыми руками, а иногда — с набитыми карманами. В среднем хватало лишь чтобы сводить концы с концами, но мы отправлялись в путь снова и снова в надежде стать миллиардерами, если удача однажды улыбнется.

До сих пор нам не везло; быть может, не повезет никогда. Но вдруг? Изредка вдали мерцал призрачный луч надежды — и этого хватало, чтобы не сдаваться. Впрочем, мы наверняка не бросили бы попыток и без этого. К поискам неведомого быстро привыкаешь. Если подумать, вреда от нас не больше, чем от торговцев или миссионеров. Да, мы брали свое, зато потом отправлялись восвояси, не разрушая чужих миров под видом оказания помощи.

Все это я изложил Хатчу, и тот меня поддержал.

— Миссионеры — вот настоящее зло. Я бы ни за какие деньги не пошел в миссионеры.

В общем, толку от наших посиделок было немного, и я отправился спать.

— Может быть, завтра на что-нибудь наткнем-

ся.

— Надеюсь. — Хатч зевнул. — И так потратили кучу времени на эту ерунду.

Он сгреб цилиндры со стола и, проходя мимо люка, выкинул их наружу.

Следующий день оправдал наши ожидания.

На этот раз мы серьезно углубились в здание и, пройдя по коридорам мили две, очутились в огромном зале площадью гектаров пять. От стены насколько хватало глаз тянулись ряды одинаковых механизмов. Ничего особенного — вроде стиральных машин с откидным сиденьем и колпаком сверху. Машины не были прикручены к полу, а когда мы положили одну из них на бок, на дне вместо колесиков обнаружилась пара металлических полозьев, которые легко поворачивались в любом направлении. На ощупь они были скользкие, но на пальцах не оставалось ни следа смазки.

И никакого шнура с вилкой.

— На автономном питании? — глубокомысленно протянул Хатч. — Розеток я тут нигде не видел.

Мы пошарили по машине в поисках выключателя — и не нашли. Выглядела эта штуковина эффектно — гладкая, аккуратная. Решили вскрыть

ее и посмотреть, что внутри. Как же! Кожух был монолитный — ни единого шва, винта или заклепки. Мы попытались снять торчащий сверху колпак, но и он не поддавался.

Другое дело — откидное сиденье. Там была куча приспособлений, чтобы усадить почти любое мыслимое создание во Вселенной. Мы с упоением возились с регулировками, гадая, какому существу подошла бы та или иная конфигурация. Шуточки быстро перешли грань приличия, и Хатч едва не недорвал живот от хохота.

Однако пользы было мало. Без инструментов мы не могли вскрыть эту штуку и посмотреть, как она устроена. Мы уж собрались тащить одну из машин до корабля на руках, когда выяснилось, что салазки катили по земле и рыхлому песку ничуть не хуже, чем по коридорам.

После ужина Хатч сбегал за резаком и после долгих усилий таки сумел кусочек ее вскрыть.

Машина представляла собой нескончаемое переплетение крошечных деталей. Через пару минут Хатч изумленно проворчал:

— Их ничто не держит. Ни винтов, ни заклепок, ни даже крошечной шпильки. И все равно не разваливается.

— Из вредности, — вставил я.

Хатч посмотрел как-то странно.

— Может быть.

Он снова взялся за дело, содрал кожу с пальца и уселся, посасывая ранку.

— Как будто их держит только сила трения. Но так не бывает.

— Не магнетизм? — предположил Док.

— Док, займись своими таблетками, — бросил Хатч. — А механизмы оставь мне.

Фрост поспешил успокоить спорщиков.

— Трение не такая плохая идея, если поверхности правильно обработаны. Теоретически две идеальные поверхности будут держаться вместе за счет взаимного притяжения молекул.

Не знаю, где Фрост такого набрался. Он вроде совсем как мы, но иногда сказанет — не знаешь, что и думать. О прошлом я его не расспрашивал, неприлично.

Мы еще немного повозились с машиной, и Хатч снова поранил палец. Оба найденных в элеваторе предмета пока загнали нас в тупик.

Бывает. Иногда не везет, и все тут.

— Дай-ка я попробую. — Фрост отодвинул Хатча в сторону.

Тот уже отчаялся и не стал спорить.

Фрост стал играться с детальками — где-то под-

толкнет, где-то повернет или потянет. Внезапно машина издала свистящий звук — словно внутри кто-то осторожно выдохнул, — и механизм распался на составные части. С тихим металлическим звоном детали разошлись словно в замедленной съемке и через мгновение уже лежали грудой внутри кожуха.

— Ты что творишь! — завопил Хатч.

— Я ничего не делал. Только попробовал вытащить кусочек, и все развалилось.

Он показал деталь, зажатую в пальцах.

— Знаете, что я думаю? — вступил в разговор Оладушек. — Эту машину специально сконструировали так, чтобы она развалилась, если в нее полезут. Создатели не хотели, чтобы мы поняли, как она устроена.

— Вот именно, — согласился Док. — Нечего совать нос в чужую машину.

— Что-то я не припомню, Док, чтобы ты отказывался от своей доли, — заметил я.

И вдруг Фрост ахнул. Он сидел на корточках, просунув голову в кожух, и сперва я подумал, что голова застряла и нам придется его вызволять. Но нет, Фрост выбрался и сказал:

— Я понял, как снять колпак.

Это оказалось непросто — примерно как подо-

брать код от сейфа. Колпак соединялся с корпусом сложной системой пазов: его нужно было повернуть до определенного положения, затем приподнять, снова повернуть и так далее.

Фрост засунул голову обратно и стал давать команды Хатчу, который поворачивал колпак туда-сюда, в нужный момент приподнимая или опуская. Оладушек записывал последовательность действий.

Наконец колпак упал в руки Хатча, и мы сразу поняли: это шлем с множеством регулировок. Как и откидное сиденье, он подошел бы любому существу во Вселенной. От шлема к машине тянулся эластичный кабель — длины хватало как раз до сиденья.

Впрочем, главная загадка осталась неразгаданной: что это за машина? Портативный электрический стул? Аппарат для завивки?

Покопавшись внутри еще немного, Фрост с Хатчем наткнулись на дверцу в верхней части корпуса — сразу под колпаком. За дверцей обнаружилась полая трубка, которая вела к основному механизму — у нас он рассыпался на кусочки и лежал на полу.

С назначением этой трубки мы разобрались быстро — ее размеры точно соответствовали

таинственным цилиндрам.

Док притащил бутылку и пустил ее по кругу, чтобы отпраздновать. После пары глотков они с Хатчем пожали друг другу руки, обещая не держать зла. Обычное дело: они вечно мирились и снова ссорились.

Праздновать, впрочем, пока было нечего. Мы поняли, что шлем надевается на голову, а цилиндры вставляются в машину… И что? По правде говоря, всем нам было чуточку страшно, хотя никто в этом не признавался.

Разумеется, мы ударились в догадки.

— Может, это автодоктор? — предположил Хатч. — Садишься, надеваешь шлем, суешь правильный цилиндр — и эта штука лечит от всех болезней. Вот было бы чудо! И плевать, разбирается твой доктор в медицине или нет.

Наверное, Док еще помнил, что они договорились не держать зла. Поэтому не стал ругаться, а предложил:

— Давайте мыслить масштабнее. Вдруг это машина для омоложения, а в цилиндре — всякие витамины и гормоны, которые возвращают юность? Проходишь процедуру каждые двадцать лет, и остаешься вечно молодым.

— Возможно, это обучающий автомат, — вста-

вил Фрост. — А знания упакованы в цилиндры. В каждом — полный университетский курс.

— Или наоборот, — вступил в разговор Оладушек. — Цилиндр впитывает твои знания. Тогда каждый из них — это история жизни какого-то существа.

— Зачем записывать чью-то жизнь? — возразил Хатч. — Не так много в мире людей и других организмов, чья жизнь стоит такой возни.

— Если это устройство для передачи информации, то в цилиндрах может быть что угодно. Пропаганда, религия, карты… Да хоть бухгалтерские книги, — заметил я.

— Или оно просто прикончит любого, кто сядет, — добавил Хатч.

— Вряд ли, — возразил Док. — Чтобы убить человека, незачем натягивать ему на голову колпак. Но, возможно, машина и правда не передает информацию.

— Есть способ выяснить, — сказал я.

— Этого я и боялся, — вздохнул Док.

— Слишком рискованно, — подхватил Хатч. — Как бы чего ни вышло. Лучше уж бросить это дело и поискать что-нибудь попроще.

— Ну уж нет! — взвился Фрост.

— Почему?

— Потому что потом мы места себе не найдем. Будем вечно жалеть, что сдались. Что еще денек-другой — и мы сорвали бы джекпот. Что струсили. Что могли бы купаться в деньгах — стоило только руку протянуть.

Мы еще немного поупирались, хотя понимали, что Фрост прав. Решение лежало на поверхности. Добровольцев не нашлось, и мы стали тянуть соломинки. Не повезло Оладушку.

— Ну вот. С утра первым делом… — начал я.

— Почему с утра? — заявил Оладушек. — Давайте сейчас. Я все равно не смогу уснуть.

Разумеется, ему было страшно. Выпади мне короткая соломинка, я бы так же перепугался.

Нехорошо это — шляться ночью по незнакомой планете, однако другого выхода не было. Не страдать же Оладушку до утра. Да и у нас самих нервы были уже на пределе. Следовало поскорее разобраться, как эти штуки работают, а потом идти отдыхать.

Захватив фонари, мы отправились к элеватору, долго шагали бесконечными коридорами и, наконец, добрались до гигантского зала. Машину мы выбрали наугад, ведь они все были одинаковые. Пока Хатч откручивал шлем, я отрегулировал Оладушку сиденье, а Док сходил в соседнюю ком-

нату за цилиндром.

Все было готово, Оладушек уселся… И тут я совершил идиотский поступок.

— Послушай, ты не обязан рисковать.

— Кто-то же должен. Нужно разобраться, что к чему. Так будет быстрее.

— Давай лучше я.

Оладушек назвал меня очень нехорошим словом. Зря он так — я ведь просто хотел помочь. Впрочем, я в долгу не остался, и инцидент был исчерпан.

Хатч натянул Оладушку на голову шлем, который полностью закрывал лицо. Док сунул цилиндр в отверстие, и машина тихо заурчала, словно разогреваясь. Потом наступила тишина, только едва слышно гудела машина.

Оладушек просто сидел — расслабленно и спокойно. Док даже решил его осмотреть.

— Пульс чуть замедлился, и сердце бьется слабовато, но это не опасно. Беспокоиться не о чем.

Док, может, и не беспокоился, зато нам стало как-то не по себе. Все сгрудились вокруг машины. Не знаю, чего мы ждали — наверное, что вот-вот что-то случится.

Машина чуть слышно гудела, а Оладушек так и сидел, развалясь. Тело его было расслаблено как

у спящей собаки — возьмешь за руку, и кажется, будто в ней нет ни единой кости. Мы нервничали все сильнее. Хатч порывался снять с Оладушка шлем, однако я не позволил. Поди угадай, что будет, если прервать процесс на середине.

Машина остановилась через час после рассвета. Оладушек заворочался, и тогда мы сняли шлем. Он зевнул, потер глаза и выпрямился. Выглядел он слегка озадаченным — словно не сразу нас узнал.

— Ну что? — спросил Хатч.

Оладушек приходил в себя, понемногу припоминая, кто он и что с ним.

— Я путешествовал…

— Кино смотрел, — разочарованно протянул Док.

— Не кино. Я был на другой планете, где-то на краю Галактики. Ночью там почти нет звезд — только узкая светлая полоска.

— Так выглядит Галактика, если смотреть сбоку, — кивнул Фрост. — Будто цепь бензопилы.

— Сколько меня не было?

— Часов шесть или семь. Мы уже начали беспокоиться, — ответил я.

— Вот это да. А ведь я провел там больше года.

— Подожди, — встрял Хатч. — Говоришь, ты

был там? Или ты просто видел эту планету?

— Я был там! — рявкнул Оладушек. — Я жил на этой планете, спал в землянках с ее обитателями, работал вместе с ними. Я копал грядки и стер руки до крови. Я путешествовал, повидал разные места — на самом деле так же реально, как сейчас.

Мы увели его на корабль. Хатч не позволил Оладушку готовить и занялся завтраком сам. Вышла какая-то несъедобная дрянь — повар из Хатча совсем никудышный. Док вытащил бутылку, но налил только Оладушку — мол, исключительно в медицинских целях. Такой уж он, Док. Временами свинья свиньей.

Оладушек немного рассказал про планету, которой никто толком не управлял — незачем. Обычная скромная планетка с примитивным сельским хозяйством и недалекими обитателями, похожими на помесь человека и сурка. Он даже попытался их нарисовать, но художник из Оладушка — как из Хатча повар.

Рассказал, что там выращивают и как много с этим мороки, что там едят — тут мы посмеялись от души. Он помнил названия каких-то мест и отдельные слова тамошнего языка, которые звучали очень непривычно. Мы забрасывали Оладушка вопросами, а он отвечал быстро и

уверенно — из головы такого не выдумаешь. Док поначалу был настроен скептически, но даже он признал, что Оладушек и правда был на той планете.

После еды мы уложили Оладушка в постель. Док осмотрел его и сказал, что все в порядке. Пока эти двое отсутствовали, Хатч заявил:

— Прямо слышу, как хрустят у меня в карманах новенькие купюры.

Мы с Фростом кивнули.

В наших руках оказался аттракцион, какого Вселенная еще не видала. Цилиндры содержали записи для всех органов чувств сразу — не только видео и звук. Записи были безупречны — зритель погружался в новую среду, не чувствуя обмана. Он словно поднимался на сцену и сам играл, становился частью спектакля.

Фрост уже вовсю строил планы.

— Глупо их продавать. Лучше оставим себе. Машины раздадим в долгосрочную аренду, а цилиндры будем давать в прокат. Такого ни у кого нет, так что можем назвать любую цену.

— Запустим рекламу «Год отпуска за полдня», — подхватил Хатч. — Всякие президенты и руководители вечно заняты, они такое с руками оторвут. За выходные можно провести лет пять

на разных планетах.

— Может, там не только планеты, — продолжал Фрост. — Концерты, музеи, галереи. Может, даже лекции по истории и литературе.

Мы были счастливы, но едва держались на ногах, поэтому все отправились по койкам. Однако перед сном я решил заполнить корабельный журнал. Не знаю, зачем я вообще с ним возился. Выходило так себе. Иногда я не вспоминал про журнал месяцами, а потом вдруг приводил в порядок и пару недель записывал каждую мелочь. Не было никаких причин садиться за журнал прямо сейчас, но я решил, что такое событие следует увековечить на бумаге.

Журнал и прочие документы я хранил в коробке под койкой. Когда я доставал коробку, крышка соскользнула, и бумаги рассыпались по полу. Выругавшись, я опустился на колени и стал сгребать всё в кучу. Большей частью там были бесполезные бумажки, и я пообещал себе при случае выбросить все ненужное. Однако среди сотен таможенных квитанций, просроченных медицинских справок и прочей чепухи мне вдруг попался наш судовой билет.

Я вспомнил, как двадцать лет назад купил этот корабль на разборке за бесценок и потом два года

тратил все заработанное на ремонт — лишь бы снова выйти в космос. Да, это настоящая развалюха: мы то и дело латали корабль — лишь бы не рассыпался. Едва ли мы хоть раз проходили технический осмотр, не сунув взятку инспектору. Во всей Галактике только Хатч умел сделать так, чтобы эта штука летала.

Перебирая бумаги, я думал о Хатче и остальных ребятах. И немного расчувствовался, вспоминая, что мы всегда стояли друг за друга и что любой из нас пожертвовал бы жизнью ради товарища. Хотя скажи мне кто из ребят такое вслух — не сносить ему головы.

Когда-то мы были просто командой, а теперь стали чем-то бóльшим. Новых людей давно не появлялось, и каждый на борту имел право голоса. И вот я сидел на полу, понимая, что наконец сбылась наша мечта. И я был горд, но не за себя, а за Хатча и Оладушка, за Дока и Фроста. За всех нас.

Запихнув наконец бумаги обратно в коробку, я понял, что слишком устал. Надо было сразу лечь спать. Что я и сделал.

Сон не шел. Я лежал, прикидывая, сколько цилиндров хранится в элеваторе. Счет пошел на миллионы, и я бросил это бесполезное занятие. Задача была тяжелейшая — мы с такими раньше

не сталкивались. Нам пятерым жизни не хватит, чтобы опустошить хотя бы один этаж. Нужно учредить компанию, нанять юристов (хорошо бы не слишком разборчивых), подать заявку на планету и пройти массу бюрократических барьеров, чтобы комар носа не подточил. Нужно все предусмотреть и взяться за дело с холодной головой.

Этой ночью мне снилось, что я бреду по колено в новеньких, хрустящих банкнотах. Наверное, остальным тоже.

Утром Док не пришел на завтрак, и я отправился за ним. Оказалось, он даже не ложился. Сидел, развалясь, на своем скрипучем стуле в медпункте, неловко сжимая горлышко недопитой бутылки. Еще одна — пустая — валялась на полу.

Я был в ярости. Док знал правила: в космосе пей сколько влезет, но после посадки мне нужен трезвый доктор, который не пропустит какую-нибудь инопланетную заразу. Я пинком отшвырнул недопитую бутылку и поволок Дока на камбуз, ухватив одной рукой за шиворот, а второй — за пояс штанов. Там я усадил его на стол и велел Оладушку сварить еще кофе.

— Чтоб был в норме ко второй ходке! — прикрикнул я. — У нас и так рук не хватает.

Хатч принес инструменты, а Фрост соорудил

таль для погрузки. Все были на месте — кроме Дока. Ничего, к вечеру он у меня наработается так, что семь потов сойдет.

Мы позавтракали и двинулись в путь. План был такой: загрузить корабль машинами под завязку, а все свободное место между ними заполнить цилиндрами. В зале мы взяли по машине на пару и поволокли их обратно. Все шло хорошо, и до корабля оставалось меньше, чем полпути. Мы с Хатчем шли впереди. Внезапно метрах в двадцати перед нами прогремел взрыв. Мы замерли.

— Это Док! — завопил Хатч и потянулся к кобуре.

Я едва успел его остановить.

В проеме шлюза стоял Док и махал винтовкой в нашу сторону.

— Я могу его снять, — заявил Хатч.

— Убери пушку, — велел я и зашагал вперед.

Док поднял винтовку, и я тут же замер. Вряд ли он сумел бы в меня попасть, но Док стрелял разрывными — такая пуля наверняка прикончит, даже если угодит где-то поблизости.

— Я без оружия! — крикнул я. — Давай поговорим.

Док чуть помедлил.

— Ладно. Вели остальным отойти.

— Уходи и уведи остальных, — бросил я Хатчу через плечо.

— Он же пьяный в стельку! Может выкинуть что угодно.

— Ничего, справлюсь.

Уверенности во мне было куда меньше, чем слышалось в голосе.

Док выстрелил снова. Пуля ударила где-то сбоку.

— Шевелись, Хатч.

Я не стал оборачиваться, потому что боялся отвести взгляд от Дока.

— Хорошо. Они ушли. Теперь бросай пушку.

Медленно, чтобы Доку ничего не померещилось, я расстегнул пряжку, и пояс с кобурой упал на землю. Я зашагал вперед. По спине бегали мурашки. Я подошел к кораблю почти вплотную, и Док наконец сказал:

— Стой. Теперь можем и поговорить.

— Ты пьян. Не знаю, что на тебя нашло.

— Чепуха. Если и пьян, то недостаточно. Иначе мне было бы плевать.

— И что тебе не дает покоя?

— Порядочность, — заявил Док со своим извечным пафосом. — Я уже говорил: одно дело — воровать уран, алмазы и прочую дрянь. Или

распотрошить чью-нибудь культуру — на это я могу закрыть глаза, потому что культуру с собой не утащишь. Даже если мы ограбим планету, культура возродится, потому что она живая. Но воровать знания я отказываюсь, капитан. И вам не позволю!

— Док, послушай. Ты пьян.

— Вы даже не понимаете, что нашли. Вас ослепила жадность.

— Ладно. — Я решил ему не перечить. — И что же мы нашли?

— Библиотеку. Величайшую и богатейшую библиотеку. Кто-то копил эти знания долгие годы, а вы хотите забрать их и пустить с молотка. Со временем эти знания будут утеряны — даже если останется какая-то малость, вне контекста она потеряет смысл. Эти знания принадлежат не нам и даже не человечеству. Такая библиотека — достояние всей Галактики.

— Послушай, Док, — взмолился я. — Ты, я и все остальные трудились долгие годы. Мы работали не покладая рук, но нам вечно не везло. Это наш единственный шанс. Не просто наш — твой. Подумай, Док. Такая куча денег, что можно пить до самой смерти!

Док вскинул винтовку. Я понял, что моя пе-

сенка спета, но даже бровью не повел. Стоял и смотрел на него.

Наконец Док опустил оружие.

— Мы варвары. В истории полно таких примеров. На Земле варвары тысячелетиями стояли на пути прогресса. Он жгли библиотеки и уничтожали знания, накопленные греками и римлянами. Варвару книга нужна, чтобы развести костер или вытереть окровавленный меч. А для вас эта величайшая сокровищница знаний — товар, на котором можно заработать. Важнейшее исследование социальной проблематики у вас превращается в «год отпуска за полдня» — лишь бы продать подороже…

— Ты мне мораль не читай, Док, — устало сказал я. — Чего ты хочешь?

— Сообщить о находке Галактической комиссии. Так мы искупим немало старых грехов.

— Ты еще и в религию ударился?

— Это не религия, а порядочность.

— А если я откажусь?

— Корабль в моих руках. Здесь вода и провизия.

— Когда-нибудь ты уснешь.

— Закрою шлюз.

Док понимал, что все козыри у него. Следовало

идти на хитрость.

Я был напуган и растерян. Док постоянно нес всякую чушь, а мы пропускали ее мимо ушей. И вдруг выяснилось, что он это серьезно. Я понял, что не смогу его переубедить. Договориться тоже не удастся. Любой компромисс означал бы, что он должен поверить нам на слово — а верить нам нельзя. Ситуация патовая. Док этого пока не понимал, но поймет, когда протрезвеет. Он ввязался в эту историю спьяну, но вполне может довести дело до конца. Время работает на него.

— Мне нужно посоветоваться с остальными.

Похоже, Док начал понимать, во что ввязался. До него дошло, что мы уже никогда не сможем доверять друг другу.

— Подумай как следует, прежде чем вернешься. Мне нужны гарантии, — сказал он.

— Разумеется, Док.

— Капитан, я не шучу.

— Понимаю, Док.

Я вернулся к команде, которая расположилась вблизи здания, и объяснил ситуацию.

— Нужно броситься на него с разных сторон. Одного или двоих он пристрелит, но и мы в него попадем.

— Он просто закроет шлюз. Вся еда на корабле.

Если понадобится, он даже может взлететь. Если протрезвеет, то шансы неплохие.

— Он просто свихнулся от выпивки, — сказал Оладушек.

— Согласен, — ответил я. — И потому вдвое опасен. Док слишком долго носил это в себе, и теперь тонет в океане собственной вины. Хуже всего, что у него нет пути назад.

— У нас мало времени, — заметил Фрост. — Надо что-то придумать. Иначе мы просто умрем от жажды. И без еды долго не протянем.

Все трое заспорили, как лучше поступить, а я сел на песок, прислонился к одной из машин и попытался представить себя на месте Дока.

Врачом он был никудышным — иначе зачем было с нами связываться? Наверняка от отчаяния или в знак протеста. А может, и то, и другое. Вдобавок он идеалист. Док не стал своим в нашем кругу, но деваться ему было некуда. Долгие годы он мучился, утратив былые ценности. В глубоком космосе такое случается сплошь и рядом. Он был безумен, безумен по-особенному. В других обстоятельствах я бы назвал это благородным безумием.

То ли я что-то услышал — быть может, шаги, — то ли просто почувствовал, но мне вдруг стало

ясно: мы не одни. Приподнявшись, я повернулся к зданию. У самого входа замерла фигура, похожая на бабочку ростом с человека.

Нет, это было не насекомое, хотя выглядело очень похоже. Лицо скрывалось под плащом и ничуть не напоминало человеческое. Над головой поднимался гребень — как на шлемах у древних воинов в театральных постановках.

Я вдруг понял, что плащ — никакой не плащ, а часть тела. Что-то похожее на сложенные крылья.

— Джентльмены, — я очень старался, чтобы мой голос звучал спокойно, — у нас гость.

Я двинулся вперед тихо и осторожно, чтобы не спугнуть существо, готовый броситься назад, если оно шевельнет хоть пальцем.

— Хатч, повнимательнее, — велел я.

— Я тут. Прикрою, — отозвался Хатч.

Мне было приятно это слышать. Если Хатч прикроет, то ничего страшного не случится.

Я остановился в трех шагах от незнакомца, который вблизи выглядел уже не так пугающе. Его взгляд показался мне добрым, а забавное лицо — каким-то умиротворенным. Впрочем, с инопланетянами никогда не угадаешь.

Мы смотрели друг на друга, понимая, что гово-

рить нет смысла. Просто стояли и меряли друг руга взглядами. Потом незнакомец сделал два шага вперед и протянул мне ладонь — вернее, коготь. Он взял меня за руку и потянул за собой.

Я мог пойти с ним или вырвать руку.

И я пошел с ним.

Я не слишком раздумывал, но кое-что все же учел. Существо производило впечатление разумного и дружелюбного, а Хатч с ребятами держались поблизости. И вообще, если слишком осторожничать, с инопланетянами не договоришься.

Поэтому я пошел с ним.

Мы шли по элеватору. Шаги за спиной придавали мне смелости.

Я не стал ломать голову над тем, откуда появилось существо. Я понял, что даже ждал чего-то подобного. В огромном элеваторе могло скрываться что угодно — в том числе люди или другие существа. Мы успели осмотреть лишь небольшой участок первого этажа. Должно быть, существо спустилось откуда-то сверху, едва узнало о нашем появлении, согнал о котором дошел до него далеко не сразу.

Мы поднялись по пандусам на четвертый этаж и, миновав короткий коридор, попали в неболь-

шую комнату. Там стояла всего одна машина, однако другой модели — с двумя колпаками и сиденьями. В комнате нас ждало второе существо.

Первый незнакомец подвел меня к машине и указал на одно из сидений. Я подождал, пока Хатч, Оладушек и Фрост с командой не вошли в комнату, выстроившись вдоль стены.

— Двоим лучше остаться снаружи и следить за коридором, — сказал Фрост.

— Капитан, вы что, сядете на эту штуковину? — спросил Хатч.

— Почему нет? Они нам ничего плохого не сделали. К тому же нас больше.

— Рискованно, — заметил Хатч.

— Разве мы боимся рисковать?

Незнакомец, который привел меня в комнату, занял одно из сидений. Я немного отрегулировал другое. В это время второй незнакомец достал из ящика два цилиндра — но не черных, а прозрачных. Он вставил цилиндры в гнезда, приладил один колпак своему товарищу, а второй надел на голову мне.

Вдруг оказалось, что мы с первым незнакомцем сидим на полу, а между нами стоит что-то вроде большого кофейного столика.

— Теперь мы наконец можем поговорить, —

начал он.

Я ни капельки не волновался. Будто присел поболтать с Хатчем.

— Все сказанное будет записываться, — продолжало существо. — Мы с вами получим по копии. Запись послужит контрактом, договором или чем-то еще — вы сами можете выбрать подходящее слово.

— Я не очень люблю контракты. В них слишком много юридических закавык.

— Тогда соглашение. Пусть это будет джентльменское соглашение.

— Идет, — кивнул я.

Соглашение — удобная штука. Его в любой момент можно разорвать. Особенно джентльменское.

— Полагаю, вы уже поняли, что это за место, — сказал он.

— Если честно, не до конца. Мы полагаем, оно похоже на библиотеку.

— Это Галактический университет. Мы специализируемся на домашнем обучении и курсах повышения квалификации.

Я громко сглотнул.

— Вот как.

— Курсы доступны для любого желающего. Ни-

каких взносов и платы за обучение. Вступительных экзаменов тоже нет. Вы и сами понимаете, что их невозможно принимать: в нашей галактике множество цивилизаций с самыми разными возможностями и взглядами на образование.

— Да уж.

— Курсы бесплатны для всякого, кому они понадобятся. Мы лишь ожидаем, что студенты будут применять полученные знания должным образом и проявлять усердие в учебе.

— То есть в ваш университет принимают всех? — уточнил я. — И это ничего не стоит?

Постигшее меня в первый момент разочарование сменилось надеждой. На ум пришла фантастическая махинация, которую можно провернуть с бесплатным университетским образованием.

— Есть одно ограничение. Мы, разумеется, не работаем со студентами персонально — документооборот вышел бы слишком сложным. В наш университет поступают целые цивилизации. Вы, как представитель… Как вы себя называете?

— Человечество. Мы родом с планеты Земля, однако сейчас занимаем территорию в полмиллиона кубических световых лет. Если у вас есть карта…

— Карта не нужна. Мы с радостью примем в наш университет человечество — в вашем лице.

Тут я не на шутку засомневался. Я ведь не был представителем человечества и не хотел бы им стать, даже если предложат. В сделке участвовал только я, без всякого человечества, но как в этом признаешься? Со мной просто не будут иметь дела.

— Подождите минуту, у меня есть пара вопросов… Что за курсы вы предлагаете? Все предметы обязательные или можно выбирать?

— Есть базовый курс — своего рода знакомство с программой. В него входят предметы, которые, на наш взгляд, будут полезны для конкретной цивилизации. Разумеется, такой курс составляется индивидуально для каждой культуры. Затем идет множество предметов по выбору — их сотни тысяч.

— А что насчет экзаменов и тому подобного? — уточнил я.

— Экзамены нужно сдавать раз в… Как вы измеряете время?

Я объяснил, как мог. Кажется, собеседник меня понял.

— Примерно раз в тысячу лет по вашему времени, — продолжил он. — Наша учебная программа

рассчитана на длительный срок. Устраивать экзамены чаще для нас затруднительно, да и пользы от этого мало.

Я решился. Меня не волновало, что будет через тысячу лет. Для отвода глаз я задал еще пару вопросов об истории университета и прочей чепухе.

Невероятно. Эта цивилизация потратила миллион лет и создала университет, в котором будет учиться целая галактика. Они путешествовали по разным планетам, собирая данные о бесчисленных культурах, а потом классифицировали и соотносили эти данные, превращая их в учебные курсы. Человеку и вообразить такое трудно.

Я поплыл, словно боксер, отброшенный к канатам, и даже усомнился в своем предприятии. Но тут же взял себя в руки и продолжил:

— Хорошо, профессор. Принимайте первокурсников. Что я должен сделать?

— Ничего, — ответил он. — Все необходимые данные есть в записи нашего разговора. Мы подготовим для вас базовый курс, а затем вы выберете дополнительные предметы.

— Мы можем вернуться, если не увезем все за один рейс?

— Разумеется. Думаю, вам понадобится целый

флот. Мы приготовим нужное количество машин и столько записей с курсами, сколько вам понадобится.

— Придется вам потрудиться, — заявил я, рассчитывая запросить побольше копий и потом поторговаться.

— Конечно. Образование для целой цивилизации — непростая задача. Но мы к этому готовы.

Дело было сделано — комар носа не подточит. Бери что хочешь и сколько хочешь, причем на законных основаниях. Никто не обвинит нас в краже. Даже Док.

Собеседник объяснил мне систему записи на цилиндрах и рассказал, как будут упакованы и пронумерованы коробки с записями, чтобы студенты изучали их в правильном порядке. Еще он пообещал предоставить информацию по дополнительным предметам, чтобы мы выбрали нужное.

Он был очень рад новому первокурснику, гордо рассказывал о других студентах и долго распространялся, какое это счастье для педагога — передавать ученикам факел знаний.

Я чувствовал себя подлецом.

И тут все закончилось. Я снова оказался на сиденье, а второе существо снимало колпак с

моей головы.

Мы с моим собеседником одновременно встали и оказались лицом к лицу. Странно это — смотреть в глаза существу, с которым только что заключил сделку, не имея возможности добавить ни слова. Тут он протянул обе руки и дружески пожал мои ладони.

— Вы еще расцелуйтесь. Мы с ребятами пока отвернемся, — хмыкнул Хатч.

При других обстоятельствах я бы этого так не оставил, а тут и бровью не повел.

Второе существо вытащило из машины цилиндры и протянуло один мне. Теперь они были черными.

— Уходим отсюда, — сказал я.

Мы двинулись к выходу с максимальной скоростью, но сохраняя достоинство — если это слово здесь уместно. Оказавшись снаружи, я подозвал Хатча с Фростом и Оладушком и все им рассказал.

— Мы падали в пропасть, но ухватили Вселенную за хвост, — подытожил я.

— А как же Док? — спросил Фрост.

— Разве не очевидно? Это идеальная сделка: все как ему нравится. Наплетем про благородство и великодушие, что мы это все от чистого сердца.

— Он и слушать не будет. Док не поверит ни единому слову, — заявил Оладушек.

— Оставайтесь здесь, — сказал я. — И положитесь на меня.

Я направился обратно к кораблю. Дока было не видать. Я хотел его окликнуть, но передумал и решил рискнуть. Я поднялся по трапу до самого шлюза — Док так и не появился. Осторожно шагая по коридору, я уже догадывался, что случилось.

Док обнаружился в медпункте на том же стуле, пьяный в стельку. Винтовка лежала на полу рядом с парой пустых бутылок.

Конечно. После разговора со мной Док понял, что отрезал себе все пути к отступлению, и к решению проблемы подошел своим обычным способом.

Укрыв Дока одеялом, я отыскал еще бутылку, открыл ее и поставил возле стула, а потом отправился за остальными, прихватив винтовку.

Той ночью я размышлял о бесчисленных возможностях.

Можно провернуть аферу с университетом. Все будет по закону — разве что профессор не догадывается, что учеба будет платной.

Можно вернуться к турпоездкам: год-другой на чужой планете всего за шесть часов реаль-

ного времени. Нужно только выбрать пару подходящих предметов вроде географии или обществознания.

Можно заняться исследованиями и за кругленькую сумму разыскивать для клиентов любую информацию.

Наверняка найдутся и записи интересных исторических событий. Мы можем продавать их как совершенно безопасные приключения. Мечта домоседа.

В голове крутилось еще множество идей. Профессорам этого университета удалось найти идеальный способ передачи знаний. Если хочешь чему-то научиться — просто живешь и учишься на практике. Не читаешь, не слушаешь и даже не смотришь трехмерное кино, а живешь. Изучая планету, ты ходишь по ней. Исследуя чужие формы жизни, живешь вместе с ними. Если учишь историю, ты видишь ее или творишь своими руками.

Идеальный метод. Хочешь построить космический корабль — берешь и строишь. Чтобы понять, как работает инопланетный механизм, сам собираешь его с нуля. В любой области знания это работает лучше других методов обучения.

Тут я понял: перед продажей нужно самим про-

верять каждый цилиндр. Иначе наши клиенты могут научиться чему-нибудь не тому.

Мне снились революционные открытия в химии и инженерии, передовые бизнес-модели и философские концепции. И даже философские концепции в моем сне обращались в деньги.

Мы будем править Вселенной. Наша корпорация протянет свои щупальца во все ее уголки. Да, через тысячу лет придется платить по счетам, но это уже не наша забота.

Док протрезвел к утру, и я велел Фросту посадить его в карцер. Хотя опасности он уже не представлял, пусть посидит под замком — ему на пользу пойдет. Поговорю с ним позже, сейчас времени не было.

Мы с Хатчем и Оладушком вернулись в здание, где я еще раз пообщался с профессором: выбрал дополнительные предметы и уладил формальности. Его коллеги стали выдавать нам промаркированные коробки с учебными курсами, и вся команда вместе с механиками взялась за погрузку. Мы с Хатчем стояли у выхода и наблюдали за работой.

— А я не верил, что мы сорвем джекпот, — сказал Хатч. — Думал, так и будем вечно скитаться по планетам. Правильно говорят: человеку свой-

ственно ошибаться.

— Повезло, что эти профессора немного не от мира сего. Если бы они задали пару неудобных вопросов, нас легко раскусили бы.

— Думают, что все вокруг честные, как они сами. Так бывает, когда слишком чем-то увлечен. Начинаешь жить в воображаемом мире.

Он был прав. Миллионы лет эти создания создавали университет и будут трудиться над ним еще столько же.

— Не понимаю, зачем им это. Выгоды никакой, — сказал я.

— Никакой — им. А нам — еще какая, — возразил Хатч.

Тут я рассказал про свою идею просмотреть все цилиндры, чтобы не упустить что-нибудь ценное.

— Вам, капитан, палец в рот не клади, — усмехнулся Хатч. — Так и сделаем. Выжмем из находки все до последнего цента.

— Нужно подойти к этому с умом, — продолжал я. — Смотреть все по порядку: от начала до конца.

Хатч согласился, но заметил:

— Потребуется куча времени.

— Поэтому приступай немедленно. Базовый

курс уже погрузили — начнем с него. Оладушек поможет тебе с машиной.

— Мне? — взвился Хатч. — А почему мне? Вы же знаете, я и читать-то не люблю.

— Читать не надо. Ты просто развлечешься, пока мы будем коробки таскать.

— Не хочу!

— Подумай сам, — продолжал я. — Мне нужно приглядывать за работой и успокаивать профессора, если вдруг что-то пойдет не так. Фрост руководит погрузкой. Док в каталажке. А Оладушку я такую работу не доверю. Он невнимательный: не заметит что-нибудь важное, и мы потеряем миллионы. А ты знаешь цену деньгам.

— Ну если так… — Хатч аж надулся от гордости. — Пожалуй, займусь.

К вечеру все устали как собаки, но не жаловались. Погрузка шла хорошо. Через пару дней можно будет стартовать. Только Хатч за ужином молчал и ковырялся в тарелке — словно обдумывал какой-то план. При первой возможности я отвел его в сторонку.

— Как продвигается дело?

— Нормально. Там сплошные объяснения, что к чему и зачем это все надо. Болтовня одна.

— Что за болтовня?

— Трудно объяснить. Мне и слов не подобрать. Может, вы лучше сами посмотрите, когда время будет?

— Да уж посмотрю, не сомневайся. — Я слегка рассердился.

— Ничего стоящего пока не попадалось.

Тут я ему верил. Нюх на деньги у Хатча был выдающийся.

Я спустился в карцер проведать Дока, трезвого и непреклонного.

— Вы перешли черту! — заявил он. — Эти знания вам не принадлежат. Они — достояние Галактики!

Я все ему рассказал. Про университет, про джентльменское соглашение, про то, что мы представляем все человечество.

Док сразу меня раскусил.

— Да вы собственной матери стакан воды без предоплаты не поднесете. Не надо мне этих сказок про человечество!

Я оставил его в карцере и поднялся к себе в каюту. Хатч меня рассердил, а Док и вовсе привел в бешенство. Я устало рухнул на койку и уснул.

Работа кипела, и через несколько дней все было почти готово. После ужина я в отличном настроении спустился по трапу и сел возле корабля.

Чудесное здание уже не казалось мне таким громадным, как в первый день — наверное, потому, что нам удалось разгадать его загадку.

Я пообещал себе принять все меры предосторожности, чтобы дело не сорвалось. Профессор и его коллеги, несомненно, разумны, так что заявить права на планету не получится — закон это запрещает. Однако есть и другие способы себя обезопасить.

Удивительно, что никто не спустился составить мне компанию. Я посидел еще немного и отправился к Доку. Он не желал раскаиваться, но вел себя мирно.

— Знаете, капитан, мы с вами иногда расходимся во взглядах, и все же я вас уважаю. Вы мне даже чем-то нравитесь.

— К чему это? За красивые слова я тебя отсюда не выпущу.

— Наверное, стоит рассказать вам, что происходит. Вы негодяй — честный негодяй. У вас нет ни совести, ни принципов — но вы и не притворяетесь, будто они есть. Вы…

— Говори уже! Рассказывай, что происходит!

— Ко мне пару раз заходил Хатч. Звал посмотреть одну из записей, что вы ему поручили. Говорил, что мне это понравится. Тут что-то не

так. Какая-то хитрость. — Док выпучил на меня глаза сквозь решетку. — Хатч ведь никогда не хитрил.

— И что?

— Он знает что-то важное. Капитан, вам стоит разобраться.

Я ничего не ответил — не было времени. Мне вспомнилось, как Хатч ковырялся в тарелке, о чем-то думал и избегал разговоров. И ведь не один он вел себя странно. Я был слишком занят и не придал этому значения.

Взбегая по трапу, я чертыхался без остановки. Капитану нельзя терять бдительность, погружаясь в дела. Нужно всегда держать руку на пульсе. Все из-за спешки: я хотел скорее погрузиться и улететь. Вдруг что-то пойдет не так.

И вот что-то пошло не так. Никто не спустился посидеть со мной у трапа. За ужином все ели молча. Случилось что-то нехорошее.

Оладушек с Хатчем приспособили для просмотра штурманскую рубку. Я ворвался внутрь, хлопнул дверью и прислонился к ней спиной. Кроме Хатча, там были Оладушек с Фростом, а на сиденье у машины расположился один из механиков. Я молчал, и все не отрывали от меня глаз — кроме механика, он-то был где-то в другом

месте.

— Хатч, давай начистоту, — начал я. — Что происходит? Почему он тут сидит? Я поручил это тебе и…

— Мы как раз хотели с вами поговорить, капитан, — сказал Фрост.

— Помолчи! Я спрашивал Хатча.

— Фрост прав, — ответил тот. — Мы хотели вам рассказать, но вы были заняты, да и вообще это все непросто…

— Что непросто?

— Вы так мечтали, как мы разбогатеем. Мы размышляли, как бы вас не расстроить.

— Не знаю, о чем вы без меня размышляли, но мы разбогатеем. Хатч, ты знаешь: я тебя даже одной рукой отделаю так, что мало не покажется! Рассказывай быстрее.

— Мы не разбогатеем, капитан, — тихо промолвил Фрост. — Мы отнесем все обратно и сообщим об этой планете властям.

— Вы с ума сошли! — взревел я. — Мы столько лет пахали, и наконец вот он — джекпот! И теперь, когда все в наших руках и остается только купаться в деньгах, вы струсили? Что за…

— Так неправильно поступать, сэр, — сказал Оладушек.

Сильнее всего меня напугало это его «сэр». Оладушек никогда так меня не называл. Я переводил взгляд с одного лица на другое, и ужас пробрал меня до самых костей. Все трое были согласны.

— Базовый курс! — воскликнул я.

Хатч кивнул.

— Там говорится про честность и благородство.

— Какие еще честность и благородство? Вы о них с детского сада не вспоминали!

— Раньше мы про них не знали, — пояснил Оладушек. — А теперь другое дело.

— Это обычная пропаганда! Профессора нас обманули!

Перехитрили как детей. Недаром они — профессора в университете. То ли они как-то поняли, что человечество — цивилизация мошенников, то ли это входило в базовый курс для всех студентов. А я еще удивлялся, что нам передали знания без лишних вопросов. Они все предусмотрели заранее.

— Поняв, как важно быть честными, мы решили поделиться этим со всей командой, — объяснил Фрост. — Послушайте, капитан: то, чем мы занимались раньше, — просто ужасно.

— Каждый член экипажа прошел базовый курс, — продолжил Хатч. — Это меньшее, что мы

могли сделать для команды.

— Миссионер, вот ты кто, — сказал я Хатчу. — Помнишь, как ты говорил, что ни за какие деньги не стал бы миссионером.

— Не надо так, — спокойно ответил Фрост. — Не стоит нас стыдить. Вы же понимаете, что мы правы.

— А как же деньги? Корпорация? Мы ведь все продумали!

— Забудьте, капитан. Когда вы пройдете базовый курс…

— Не буду я его проходить! — Наверное, в голосе хорошо слышалось охватившее меня бешенство, потому что никто из них даже не шевельнулся. — Вы — миссионеры со сладкими, как мед, речами. Попробуйте меня заставить.

Спорить было бесполезно. Стену честности и благородства ничем не прошибешь.

Я зашагал прочь и уже у двери бросил Фросту:

— Вам стоит выпустить и исцелить Дока. Скажите, что я разрешил.

Я поднялся к себе в каюту и впервые в жизни запер дверь. Сел на койку, уставился в стену и принялся размышлять.

Они забыли одну важную вещь. Корабль мой, а они — экипаж с давно просроченными контрак-

тами. Я вытащил из-под койки ящик с бумагами и выбрал нужные: судовой билет, список членов экипажа и подписанные ими документы. Разложив бумаги на койке, я убрал коробку и снова сел. Потом собрал бумаги и полистал их. Я мог в любой момент вышвырнуть всех за борт. Мог оставить их здесь, совершенно легально.

А главное — я не буду из-за этого переживать. Закон законом, но вообще-то бросать команду — дрянной поступок. Однако раз они теперь честные и благородные, то пусть все будет по закону. Сами виноваты.

Я еще долго сидел. Мысли путались, все время устремляясь куда-то в прошлое. Я вспоминал, как Оладушек угодил в заросли крапивы в системе Енотовой Шкуры. Как Дока угораздило влюбиться в трехполого обитателя Сиро. Как Хатч скупил всю выпивку в Мунко, а потом проиграл ее в кости, потому что тамошние кости оказались маленькими живыми существами, которые не слушались Хатча.

В дверь постучали. Это был Док.

— Ты тоже теперь честный?

Он пожал плечами:

— Нет. Я отказался.

— А сам пару дней назад нес ту же ахинею.

— Разве вы не понимаете, что это будет означать для всего человечества?

— Понимаю. Оно станет честным и благородным. Никто не будет красть или обманывать, и наступит рай…

— Оно вымрет от скуки, — заявил Док. — Жизнь превратится в нечто среднее между слетом бойскаутов и кружком вышивания. Не будет громких споров и оскорблений, все станут вежливыми и корректными до отупения.

— Так ты передумал?

— Вовсе нет. Но это неправильный путь. Раньше мы добивались чего-то потому, что общество эволюционировало. Для прогресса важны и мудрые идеалисты, и злодеи с мерзавцами. Они как совесть человечества. Без них нельзя.

— На твоем месте, Док, я бы не беспокоился о человечестве. Оно огромное, и не такое выдержит. Передозировка честности ему не повредит.

На самом деле мне было плевать на человечество. Своих проблем хватало.

Док уселся рядом и похлопал по бумагам в моей руке.

— Вижу, вы уже решились…

— Да, — вяло кивнул я.

— Я так и думал.

Я бросил на него быстрый взгляд.

— Значит, ты все понял и перешел на мою сторону?

— Нет. — Док яростно замотал головой. — Поверьте, капитан, мне так же паршиво, как и вам.

— Все равно не сработает. — Я бросил бумаги. — Они пошли со мной по доброй воле. Да, без контракта — но зачем было его подписывать? Все всё понимали. Всё делили поровну. У нас всегда так было — глупо сейчас отрицать. Но теперь всему конец. Даже если мы договоримся оставить груз здесь, улететь и не вспоминать, лучше не станет. Наше прошлое умерло, Док. Оно отравлено. Разбито вдребезги, не соберешь.

Я чуть не разревелся. Давно меня не охватывала такая тоска.

— Они уже не такие, — продолжал я. — Они изменились и не станут прежними. Даже если бы могли.

— За эту находку вам поставят памятник, — поддел меня Док. — Может, прямо на Земле — как всем великим людям. У человечества на такое хватит ума.

Я стал мерить шагами комнату.

— Не хочу я памятник. И находку эту привозить не хочу. Гори оно все огнем.

Как было бы здорово, если бы мы не наткнулись на этот элеватор. Из-за него я потерял великолепную команду и близких друзей.

— Мне нужен только корабль, — сказал я. — Оставлю весь груз на ближайшей планете, до которой летают звездолеты. Пусть Хатч и остальные делают что хотят. Пусть забирают свою честность и благородство, а я наберу новую команду.

Быть может, когда-нибудь все будет как прежде. Почти как прежде.

— Мы снова отправимся на поиски, — продолжал я. — И будем мечтать о джекпоте. Будем стремиться к нему. Пойдем ради него на все. Нарушим любые законы и заветы. Но знаешь что, Док?

— Что?

— Надеюсь, мы никогда его не найдем. Не хочу я срывать джекпот. Я хочу искать — вот и всё.

Мы стояли молча и ловили умирающее эхо былых дней, когда все вместе мечтали сорвать джекпот.

— Возьмете меня с собой, капитан?

Я кивнул. Почему бы и нет?

— Помните муравейники на Сууде?

— Конечно. Как такое забудешь?

— Я придумал, как в них забраться. Давайте начнем оттуда. В них наверняка миллиарды…

Я чуть не врезал ему.

И теперь рад, что сдержался.

Мы отправляемся на Сууд.

Если план Дока сработает, мы сорвем джекпот!

Место смерти
Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой

Когда он свернул на подъездную аллею, она ждала на крыльце дома, и, ставя машину на место, он был уверен, что она уже знает.

Она только что вернулась из сада и держала в руках букет цветов, а на ее лице появилась чуточку грустная улыбка.

Он тщательно запер машину, положил ключи в карман пиджака и еще раз напомнил себе: «Сухо и прозаично, друг мой. Так будет лучше».

И это правда, заверил он себя. Так намного лучше, чем прежде. Так у него появляется немного времени.

Он не первый и не будет последним, и для некоторых это трудно, а для других, тех, кто смог подготовиться заранее, значительно легче. Со временем это станет таким прекрасным ритуалом, полным благородства и достоинства, что его будут даже ждать. Так — цивилизованней и благородней, чем раньше. Пройдет еще сотня лет, и, вне всякого сомнения, это станет вполне приемлемым.

А сейчас главной проблемой остается новизна, сказал он себе. Нужно некоторое время, чтобы привыкнуть к такому ходу вещей, ведь в течение всей человеческой истории все происходило иначе.

Он выбрался из машины и пошел по мощеной дорожке туда, где она его поджидала. Он остановился и поцеловал ее — поцелуй получился несколько более долгим, чем обычно, и значительно более нежным. И пока он ее целовал, его окутал аромат летних цветов, которые она держала в руках, и он подумал, как уместен в данный момент запах цветов из сада, столь любимого ими обоими.

— Ты знаешь, — сказал он, и она кивнула и ответила:

— Уже какое-то время. Я поняла, что ты вернешься домой, и вышла в сад, чтобы нарвать цветов.

— Наверное, приедут дети.

— Конечно, — отозвалась она. — Не думаю, что их придется долго ждать.

Он посмотрел на часы, скорее по привычке, чем от необходимости узнать время.

— Еще есть время, — заметил он. — Достаточно для всех, чтобы добраться сюда. Надеюсь, они

привезут с собой младших.

— Обязательно привезут, — сказала она. — Я собралась им позвонить, но потом сообразила, как это глупо.

Он кивнул:

— Мы принадлежим к старой школе, Флоренс. Очень трудно осознавать, что дети узнают почти одновременно с нами. К такому непросто привыкнуть.

Она похлопала его по плечу.

— Вся семья соберется вместе. Мы успеем поговорить. Это будет замечательная встреча.

— Да, конечно, — ответил он.

Он распахнул дверь дома, и она прошла внутрь.

— Какие чудесные цветы, — сказал он.

— В этом году они даже лучше, чем всегда.

— Ваза, — сказал он. — Та, что тебе подарили на прошлый день рождения. Синяя с золотом. Нужно поставить цветы в нее.

— Я подумала о ней же. Она на обеденном столе.

Она ушла за вазой, а он стоял в гостиной и думал о том, что стал частью этой комнаты, как комната стала частью его самого. Он знал здесь каждый дюйм, как она знала его. Удивительно

доброе место, с которым он успел подружиться за долгие годы.

Здесь он по ночам носил на руках детей, когда они болели или у них резались зубы, и эта комната оставалась единственной во всем квартале, где горел свет. Здесь семья провела множество чудесных вечерних часов в мире и покое.

Но он помнил времена, когда мира не было во всем свете и не оставалось даже надежды на то, что он когда-нибудь наступит, когда их преследовал неизменный страх перед войной, страх, ставший таким привычным, что казался нормой жизни.

А потом страх внезапно исчез, потому что невозможно вести войну, если твой враг способен заглянуть вперед на целый день и узнать, что должно случиться. Нельзя воевать, невозможно играть в бейсбол или в любую другую игру, нельзя ограбить банк, жульничать или убивать, невозможно играть на бирже. Появилось множество вещей, которые больше нельзя было делать, и у него возникали моменты, когда это портило удовольствие: ведь сюрпризы и предчувствие чуда навсегда ушли в прошлое. Привыкнуть к новой жизни было совсем непросто, но им больше не грозила война — не только в данный момент, но

и в будущем. И ты знал, что не только ты будешь в безопасности, но и твои дети, а также дети твоих детей, и их внуки, и внуки внуков. За такую уверенность ты был готов заплатить практически любую цену.

Так лучше, сказал он себе, стоя в самом центре доброй комнаты. Так намного лучше. Но иногда бывает нелегко.

Он пересек комнату и вышел на крыльцо, откуда открывался вид на сад. Флоренс права, подумал он, цветы в этом году особенно прекрасны. Он попытался вспомнить, когда они были еще лучше, но у него возникли сомнения. Быть может, той осенью, когда Джон был еще совсем маленьким, хризантемы и астры уродились особенно красивыми. Нет, так нечестно, подумал он: сейчас лето, а тогда была осень.

Нельзя сравнивать летние цветы с осенними. Или тот год, когда Мэри так долго болела, — сирень тогда была особенного, темно-лилового цвета и пахла так сладко; он вспомнил, как каждый вечер приносил огромные букеты, поскольку Флоренс всегда любила сирень. Но и это сравнение получилось неудачным: сирень цвела весной.

По дорожке за забором прошла соседка, и он

поздоровался с ней:

— Добрый день, миссис Абрамс.

— Добрый день, мистер Уильямс, — ответила она.

Это было их обычное приветствие, хотя иногда она останавливалась и они разговаривали о цветах. Но сегодня она не станет заводить беседу, если только он сам не проявит инициативу. Сегодня она не будет навязывать ему свое общество.

Он вспомнил, что в офисе все вели себя так же.

Когда он собирал вещи, руки у него не дрожали — во всяком случае, он старался. Он подошел к вешалке, взял шляпу, но никто с ним не заговорил, никто не пошутил из-за того, что он уходит так рано, поскольку они догадались — или знали, как и он сам. Конечно, никто не мог знать точно, поскольку в ком-то дар предвидения проявлялся сильнее, а в ком-то слабее, но даже наименее способный отставал от других не более чем на четверть часа.

Он часто сожалел о том, что не понимает, как удалось выявить эту способность, но здесь вступали в действие совершенно недоступные его пониманию факторы. Естественно, он не забыл историю и прекрасно помнил ту ночь и какое

возбуждение тогда охватило всех. И еще ужас. Но одно дело знать, как все произошло и каковы причины, и совсем другое — понимать механизм действия.

Это был последний козырь, отчаянный ход, крайнее средство. Нация давно подготовилась к нему, все передатчики были настроены, и никто не задавал лишних вопросов, поскольку все полагали, что они являются частью системы радаров. В такой ситуации лучше поменьше говорить.

Никто не хотел приводить передатчики в действие, во всяком случае, так говорилось в официальных объяснениях случившегося, — но тогда люди были готовы на все, чтобы предотвратить очередную войну.

И вот пришло время применить крайнее средство, наступил день отчаяния, когда кнопки были нажаты и передатчики заработали, обрушив на людей облучение, которое воздействовало на мозг, «стимулируя латентные способности» — так звучало обоснование, — и все люди теперь могли предвидеть события на двадцать четыре часа вперед.

Конечно, плата оказалась жестокой, но постепенно люди успокоились, попытались извлечь лучшее из происшедшего и привыкли жить со

своими новыми способностями.

По телевидению выступил президент, чтобы рассказать миру о случившемся, и предупредил потенциального врага, что теперь мы на двадцать четыре часа вперед знаем обо всем, что произойдет.

В результате никто ничего не сделал, если не считать того, что все приготовления к войне были прекращены, о чем заранее и сообщил президент, назвав час, место и порядок проведения этих действий.

И еще он заявил, что процесс не будет засекречен и что другие народы, если пожелают, могут получить всю необходимую документацию. Впрочем, это не имеет особого значения, поскольку излучение продолжает распространяться и со временем окажет влияние на всех живущих на Земле людей. Более того, изменения будут носить постоянный характер, способность предвидеть будущее передается от одного поколения к другому — никогда больше народы Земли не будут слепыми, как в прошлом.

Так на Землю пришел мир, но за него приходилось платить. Возможно, цена не столь уж высока, сказал себе Уильямс. Он вспомнил, что когда-то ему нравился бейсбол, но теперь игра

потеряла всякий смысл: зачем тратить силы, если результат известен заранее? Он любил иногда собраться с друзьями и перекинуться в покер, но и эта игра стала столь же бессмысленной, как бейсбол, футбол, скачки да и любой другой вид спорта.

Да, многое изменилось, и кое-что доставляло серьезные неудобства.

Взять, к примеру, газеты, радио и телевидение — все программы новостей теперь потеряли смысл. Изменилась политическая тактика, во многом к лучшему, а азартные игры и преступления вообще исчезли.

Главным образом изменения были к лучшему. Хотя даже к лучшим из них поначалу пришлось привыкать — и потребовалось очень долгое время, пока люди полностью осознали, что их жизнь стала другой.

Вот, скажем, сегодняшняя ситуация.

Конечно, все пройдет цивилизованно, совсем не так, как в прежние времена, но принять это трудно. Особенно Флоренс и детям, которые окажутся в новом положении. Со временем все войдет в норму и станет традицией, но сейчас ситуация представляется новой и необычной. Однако Флоренс заслуживает восхищения, поду-

мал он. Они часто об этом говорили, особенно в последние несколько лет, и решили, что постараются вести себя спокойно и с достоинством, кто бы из них ни оказался первым. Ведь другого выхода нет. Такова плата за мир, хотя иногда она кажется слишком жестокой.

Однако существует и определенная компенсация. Они с Флоренс успеют спокойно побеседовать до приезда детей. Они даже смогут обсудить некоторые важные вопросы — финансы, страховку и подобные вещи. В прежние времена такого шанса у людей не было.

И еще можно сделать разные приятные вещи, последние сентиментальные жесты, которых человек был лишен, когда не обладал способностью к предвидению будущего.

Будет разговор с детьми и соседями, которые принесут чего-нибудь вкусненького, а также большой букет цветов от сослуживцев — при других обстоятельствах он бы никогда не дождался от них цветов. Заглянет священник, чтобы сказать слова утешения, делая вид, что это просто дружеский визит.

А утром почта доставит множество маленьких карточек и записок, отправленных знакомыми, в которых они напишут, что они о нем думают

и как бы хотели быть рядом, если бы у них была такая возможность. Но они не станут ему мешать, ведь оставшееся время он захочет провести в кругу семьи.

И вся семья будет сидеть, предаваясь счастливым воспоминаниям…

…о собаке, которая была у Эдди, и как Джон убежал на несколько часов из дому, и как Мэри ходила на первое свидание, и какое платье она тогда надела. Они достанут альбомы с фотографиями и будут их смотреть, вспоминая счастливые и горькие времена. И все это время рядом будут играть внуки, забираться к деду на колени, чтобы он рассказал им какую-нибудь историю. Все так цивилизованно, подумал он.

Каждый из них получит шанс показать, какие они цивилизованные.

Пора возвращаться в дом, где Флоренс уже расставляет цветы в синей с золотом вазе. Им нужно так много сказать друг другу — даже за сорок прожитых вместе лет они не успели сказать все.

Он повернулся и посмотрел на сад.

Самые красивые цветы, которые им когда-либо удавалось вырастить.

Он выйдет сюда утром, когда на них будет роса, в тот час, когда они особенно красивы, чтобы

попрощаться с ними.

И камень зазеленеет
Перевод Г. Бабуровой

Я вернулся с обеда и присматривал за офисом, пока Милли вышла перекусить. Удобно устроился, задрав ноги на стол, и прикидывал, как обхитрить приблудного пса, который повадился лазать в мой мусорный бак.

Наша помойная распря длилась уже несколько месяцев, и я собирался прибегнуть к отчаянным мерам.

Чего только я не перепробовал: подпирал мусорный бак кирпичами, чтобы пес его не опрокидывал, — рослый зверь вставал на задние лапы и залезал мордой в бак. Я клал на крышку что-нибудь тяжелое — пес скидывал груз и невозмутимо приступал к грабежу. Я поджидал его на месте преступления, швырялся камнями и всем, что под руку попадет, — пес ни в грош не ставил мою тактику: спустя полчаса он возвращался к мусорному баку как ни в чем не бывало.

Подложить крысоловку, чтобы воришке прищемило нос? Так ведь я наверняка забуду вынуть ее во вторник утром, и в ловушку вместо пса

угодит мусорщик! Оплести бак оголенным проводом, чтобы пса ударило током? Я понятия не имел, как настроить мощность разряда, чтобы не убить, а просто отпугнуть.

На самом деле я люблю собак. Но из этого ведь не следует, что я должен слепо обожать каждую шавку, правда? А если изо дня в день приходится сгребать разбросанный мусор, добрые чувства быстро испаряются.

Я раздумывал, как рассчитать дозу, чтобы травануть пса ядовитым лакомством, когда раздался звонок.

Звонил старый Пит Скиннер из Акорн-Ридж.

— Можете приехать?

— Наверное, смогу, а в чем дело?

— У меня в поле яма с северной стороны.

— Почва просела?

— Нет. Будто бы кто-то вырыл. И землю вывезли.

— Кому оно надо, Пит?

— Откуда я знаю! Но это еще не все. Рядом кучу песка оставили.

— Может, его из ямы и выгребли?

— Сами знаете, у меня в грунте песка нет, вы же столько проб взяли — сплошная глина.

— Скоро приеду, — сказал я.

Сельскохозяйственным консультантам звонят по любому нелепому поводу. Свиная чумка, нашествие гусениц, порченые яблоки, спад удоев — еще куда ни шло, но яма на участке?

Славно, конечно, что Пит позвонил. Я работаю консультантом пятнадцать лет, фермеры мне доверяют, считают, что я во всем разберусь. Все же приятно, когда тебя ценят. Только хлопот с этим не оберешься.

Дождавшись Милли, я поехал к Питу, его ферма всего в четырех-пяти милях от города.

Жена Пита сообщила, что он на северном участке; там я и нашел Пита и нескольких соседских фермеров.

Глядя в яму, они обсуждали возможные причины ее возникновения. Никогда не видел столь озадаченных лиц.

Воронка была идеальной формы, футов тридцать в диаметре и около тридцати пяти в глубину — лопатой такую не выроешь. Срез ровный, словно яму рыли экскаватором, однако почва не спрессована. И куча песка неподалеку.

Мне пришла в голову шальная мысль, что этот песок как раз засыплет доверху воронку. Он был идеально белым; взяв пригоршню, я убедился, что он к тому же чистый. Не просто чистый, а сте-

рильно чистый, будто его хорошенько отмыли.

Я постоял с остальными, глядя то на воронку, то на кучу песка в надежде, что меня осенит догадка. Не тут-то было. Воронка и куча песка. На рассыпчатой земле никаких следов — ни от колес, ни от чего иного, а ведь они должны были остаться.

Я сказал Питу, что хорошо бы делом занялись чиновники — шериф или кто-нибудь из университетских профессоров. Пит счел, что это прекрасная мысль, и отправился звонить.

Я вернулся в дом и попросил миссис Скиннер дать мне пару стеклянных банок. В одну я насыпал песка, в другую аккуратно соскреб земли из воронки.

Тем временем на краю поля показался Пит вместе с соседями. Они привезли на тачке несколько столбиков и моток проволоки. Я помог разгрузить тачку и поехал обратно в офис, завидуя довольному собой Питу — огородил воронку, а разбираться с задачкой предоставил мне.

В офисе меня дожидались трое посетителей. Я отдал Милли банки с пробами и попросил переслать их в лабораторию при сельскохозяйственном университете, а сам вернулся к работе.

Пока я разобрался с визитерами — потом заявились еще несколько, — рабочий день подошел

к концу. Я позвонил в лабораторию и попросил сделать анализ проб, в общих чертах обрисовав дело. Однако не слишком подробно, потому что целиком история звучала довольно странно.

— Звонил банкир Стивенс, просил вас заехать по пути домой, — сообщила Милли.

— Что ему нужно? Он же не фермер, и денег я ему вроде бы не задолжал.

— Он выращивает прекрасные цветы, — ответила Милли.

— Знаю. Живет на соседней улице.

— Насколько я поняла, что-то случилось с цветами. Бедняга сильно расстроился.

Итак, я заехал к Стивенсу. Банкир, поджидавший меня во дворе, выглядел ужасно.

Он отвел меня в сад позади дома, и моим глазам открылась картина страшной разрухи, никогда не виданной мною прежде. В саду не осталось ни одного живого растения. Увядшие цветы лежали на земле.

— Что с ними могло приключиться, Джо? — спросил Стивенс, и в его голосе звучало такое горе, что я искренне его пожалел.

Стивенс обожал свои цветы. Он выращивал их из особых семян, возился с ними, не хуже, чем с детьми. Для человека, который души не чает

в растениях, их гибель, конечно, может стать серьезным потрясением.

— Вы их чем-то опрыскивали? — спросил я.

— Только самым слабым раствором, они ведь нежные.

Я рассмотрел погибшие цветы поближе, но ни на одном не нашел ожогов от излишне концентрированной смеси.

Затем я осмотрел ямки. Сперва я заметил всего две или три, но потом обнаружил, что ими усеяны все грядки — небольшие выемки около дюйма в диаметре, как будто кто-то истыкал землю черенком от лопаты. Я опустился на колени и только тогда разглядел, что книзу ямки сужаются, будто воронки — такие остаются, если выдернуть из земли сорняк с длинным корнем.

— Вы что, сорняки недавно пололи?

— Таких огромных у меня в саду не бывает. Сами знаете, Джо, я забочусь о растениях — ращу, поливаю, опрыскиваю. Немножко удобрений никогда не повредит.

— Обычный компост лучше всяких удобрений.

— Ничего подобного, эксперименты доказали…

Этот спор мы вели каждый год. Я слушал Стивенса вполуха, а сам наклонился и поднял с клумбы комок земли. Мертвой земли. Это сра-

зу же чувствовалось. Сухая почва крошилась в руках. Я вдавил ногу в клумбу — в глубине тоже сухо.

— Давно вы поливали?

— Вчера вечером.

— А когда вы обнаружили, что цветы погибли?

— Утром. Накануне все было в порядке… — Стивенс часто заморгал.

Я попросил у него банку и насыпал в нее земли.

— Отошлю образец в лабораторию.

У изгороди перед моим домом отчаянно лаяла свора собак. Похоже, они зажали в углу кошку. Я припарковался, схватил черенок от старой тяпки и отправился на выручку.

Завидев меня, собаки разбежались. Как ни странно, никакой кошки поблизости не было. Отчего тогда так лаяли собаки? Я поискал вокруг. И нашел.

Растение лежало в самом углу, вжавшись в ограду, словно в попытке защититься.

Я наклонился и поднял его — какой-то сорняк около пяти футов в длину с причудливыми корнями. Всего их было восемь, каждый около дюйма в диаметре, они сужались книзу где-то до четверти дюйма. Корни, по четыре с каждой стороны, не

переплетались, каждый слегка закруглялся к концу.

Внизу стебель был размером с человеческий кулак. От стебля отходили четыре ветки, три из них покрытые плотными мясистыми листьями, четвертая была голой. Сверху у сорняка росло несколько то ли соцветий, то ли семенных коробочек, самое большое размером со старомодную кофейную кружку.

Я присел на корточки, и чем дольше я рассматривал растение, тем сильней становилось мое замешательство. Я ведь консультант по сельскому хозяйству, так что кое-что смыслю в ботанике, но раньше я не видел ничего подобного.

Я отнес растение в сарай за гаражом, где хранил свои инструменты, и оставил его там, намереваясь вернуться после ужина.

Я вошел в дом и приготовил ужин — поджарил стейк, нарезал в миску салата.

Многие соседи удивляются, почему я живу в старом фермерском доме. Все просто: я сроднился с ним, тем более что переезд сулил лишь повышение налогов. В последние годы перед смертью мама сильно болела, так что я привык сам убирать и готовить, особой трудности это не составляло.

Помыв посуду, я прочел все, что было интересного в вечерней газете, затем отыскал старый учебник по ботанике — вдруг он поможет мне определить, что за растение я обнаружил. Я ничего не нашел и, перед тем как улечься в кровать, взял фонарик и наведался в сарай, чтобы еще раз осмотреть растение, вдруг память меня подводит.

Распахнув дверь, я направил луч фонарика на место, где оставил растение. Его там не оказалось.

Из угла раздался шорох. Я посветил туда.

Растение заползло в угол и пыталось теперь распрямить стебель, как человек, который старается подняться, опершись на стену сарая.

У меня отвисла челюсть. Охваченный ужасом, я метнулся за топором.

Если бы растение поднялось, скорее всего, я порубил бы его на куски. Однако оно обессиленно рухнуло на пол.

Дальше я действовал безотчетно.

Отыскал старое корыто, налил в него воды до половины, затем подхватил растение — оно извивалось в моих руках, как червяк — и опустил его корнями в воду, затем придвинул корыто к стене и прислонил к ней растение.

Вернувшись в дом, я перерыл все ящики, пока не отыскал кварцевую лампу, которую купил пару лет назад, когда начал болеть плечевой сустав. Наспех подключив ее, я направил свет на растение, убедившись, что лампа стоит не слишком близко. Затем я копнул лопатой земли побольше и бросил ее в корыто.

Кажется, я сделал все, что мог. У растения были вода, питательная почва и искусственный солнечный свет. Я боялся, что если брошу подкормку, то лишь наврежу, я ведь не знал, к каким условиям оно привыкло.

Похоже, я все рассчитал верно. Растение заметно воспрянуло и будто следило за мной, слегка поворачивая соцветие размером с кружку.

Я понаблюдал за ним, чуть отодвинул лампу, чтобы она случайно не пожгла ему листья, и вернулся в дом.

И тут меня до костей пробрал ужас. Очевидно, только в тот момент я начал догадываться, что за существо я подобрал у ограды. Помнится, я не готов был облечь догадку в слова, хотя суть покорно принял: у меня в сарае гостит инопланетянин.

Как же он попал сюда? Неужели ямки в цветочной клумбе банкира Стивенса и воронка на участке Скиннера — звенья одной цепи?

Я посидел, споря с самим собой, что негоже приличному человеку рыскать в соседском саду после полуночи.

И все же требовалось установить правду.

Я обошел дом Стивенса и проскользнул в сад. Прикрывая фонарик шляпой, я исследовал ямки в земле на опустевшей клумбе. Как я и подозревал, они располагались по восемь — по четыре с каждой стороны, словно туда запустило корни растение из сарая.

Я насчитал по меньшей мере одиннадцать комбинаций по восемь. Уверен, их было больше, просто мне не хотелось задерживаться в чужом саду, вдруг Стивенс проснется и начнет расспрашивать, зачем меня принесло.

Вернувшись домой, я застукал во дворе помойного пса.

Он стоял на задних лапах, опустив морду в бак. Я подкрался сзади. Пес услышал мои шаги и попытался удрать, но замешкался, так что мне удалось отвесить ему доброго пинка. Пес бросился бежать во всю свою собачью прыть.

Я зашел в сарай. Корыто с водой стояло у стены, лампа горела, однако само растение исчезло. Я обыскал сарай — его и след простыл. Я выключил лампу и пошел в дом.

Честно говоря, я был рад, что растение убралось восвояси.

Увы, завернув за угол, я понял, что оно никуда не девалось.

Снаружи на подоконнике стоял ящик с геранью, которую я пестовал с весны. Растение забралось внутрь, а герань безжизненно свисала с краю.

Я смотрел на сорняк, и во мне зрело чувство, что он смотрит на меня в ответ.

Я подумал о том, что он не только выбрался из сарая и вскарабкался на подоконник, но и закрыл за собой дверь.

Стебель у него распрямился, да и вообще растение имело цветущий вид, только в горшке смотрелось нелепо — будто кто-то решил вырастить кукурузный початок в ящике для герани, разве что на кукурузный початок мое растение совсем не походило.

Я набрал в кувшин воды и вылил ее в ящик. И тут почувствовал, что меня постучали по макушке. Я поднял глаза. Растение распростерло надо мной одну из веток.

С ее конца ко мне тянулся лист, похожий на ладонь.

Я зашел в дом и улегся в постель, успокоив себя тем, что если вдруг растение окажется опасным,

я подмешаю ему в воду лошадиную дозу удобрений, или мышьяка, или чего-нибудь столь же смертельного.

Верите или нет, я уснул.

Следующим утром я подумал, что хорошо бы починить старую теплицу и отнести растение туда, надежно заперев дверь. Пока что оно вело себя дружелюбно, но как знать.

После завтрака я вышел во двор проведать растение. Ящик на подоконнике был пуст. Впрочем, на поиски времени не оставалось — по субботам в город съезжались фермеры, и наверняка многие из них планировали наведаться ко мне в офис, так что опаздывать не стоило.

Весь день я работал, так что беспокоиться о растении было некогда. Но, заворачивая в бумагу банку с землей из сада Стивенса, чтобы отправить ее в лабораторию, я подумал, что надо бы сообщить о находке в университет Вашингтона. Вот только я понятия не имел, с кем мне связаться, в какой отдел позвонить.

Вечером я вернулся домой. Растение устроилось на грядке между салатом и редиской. Несколько кустов салата поникли, но в остальном все будто бы было в порядке. Я осмотрел растение. Оно протянуло ко мне ветки — при полном безветрии — и

кивнуло соцветием-кружкой, словно здороваясь.

После ужина я обследовал изгородь перед домом и нашел там еще два растения. Мертвых.

Соседи ушли в кино, так что я обыскал их сад тоже и под кустом обнаружил еще четыре растения. Похоже, они отползли в укромное место, чтобы умереть.

Скорее всего, накануне собаки так яростно лаяли у ограды, потому что учуяли растение, которое я спас. Наверняка. Уж собака в отличие от человека сразу распознает пришельца.

Я произвел подсчеты. По меньшей мере семеро из них хотели подкормиться на клумбе у Стивенса, где всех, кроме одного, погубило удобрение, которое тот щедро добавлял в почву. А единственный выживший сейчас в моем саду приканчивает салат.

Интересно, почему погибли салат, герань и цветы Стивенса? Должно быть, корни пришельцев выделяют какой-то яд, поэтому другие растения не выживают. Некоторые земные растения и деревья делают, по сути, то же самое. А может, пришельцы попросту вытягивают из почвы все питательные вещества, и остальные загибаются от голода.

Зачем они отправились на Землю и почему

часть из них осталась? Если они прилетели с другой планеты, то наверняка на корабле, так что воронка на участке Пита, должно быть, образовалась на месте, где они приземлились, чтобы пополнить запасы еды и выбросить истощенную почву.

А что тогда с теми семерыми, которых я насчитал?

Неужели они сбежали с корабля? Или им дали увольнительную и они пустились во все тяжкие, как случается с нашими моряками?

Что, если их искали, но не нашли и корабль полетел дальше? Если так, то у меня в саду отирается не самый сообразительный представитель инопланетного разума.

А может, корабль все еще ждет?

Раздумья меня измотали, и я улегся в постель пораньше, однако сразу уснуть не получилось, так что я промаялся довольно долго и едва начал засыпать, как услышал, что во двор снова забрался помойный пес. Любое благоразумное животное после вчерашнего оставило бы в покое мой разнесчастный бак, но только не эта упертая сволочь. Он скреб когтями по жестяному баку и наскакивал на него, пытаясь перевернуть.

Я схватил с плиты сковороду, распахнул зад-

нюю дверь и швырнул в зверя посудиной, но промахнулся на добрых десять футов. Я так разозлился, что даже не стал ее подбирать, просто лег обратно в постель.

Спустя несколько часов меня разбудил жалобный собачий вой. Я выскочил из постели и подбежал к окну. Ярко светила луна. По шоссе во весь опор мчался помойный пес, будто его преследовал сам дьявол. За ним гналось растение. Одной веткой оно держало его за хвост, а тремя другими нахлестывало по бокам.

Вскоре они скрылись из виду, хотя жалобный вой слышался еще долго. Спустя несколько минут я увидел, что растение возвращается, перебирая корнями, словно паук лапками.

Оно свернуло с шоссе и воткнуло корни в землю рядом с кустом сирени, устраиваясь на ночь. Теперь, по крайней мере, мусорный бак был в безопасности. Если пес вздумает вернуться, пришелец настороже.

Я лежал без сна, теряясь в догадках. Как растение выяснило, что я не в восторге от того, что пес расхищает мой мусор? Должно быть, увидело — если так можно сказать, — как я гнал его со двора.

Во мне крепло приятное чувство, что мы с при-

шельцем наконец достигли взаимопонимания. Я безмятежно уснул.

Настало воскресенье. Я принялся за починку теплицы, чтобы заточить туда растение.

Оно тем временем отыскало самый солнечный участок и расположилось в земле со всем комфортом, притворяясь огромным раскидистым сорняком, который я поленился выдернуть.

Ко мне в сад забрел сосед вроде как посоветоваться, но он так мялся, что я заподозрил, что у него на уме нечто другое.

Наконец он собрался с духом.

— Представляешь, Дженни клянется, что видела, как у тебя по двору бегало огромное растение. А сынок нажаловался, что оно якобы за ним гонялось. — Он смущенно хихикнул. — Дети чего только не придумают!

— Это точно! — подтвердил я.

Сосед еще немного постоял рядом, дал мне несколько ценных советов и наконец убрался восвояси.

Плохо дело. Если растение и впрямь решило гоняться за детьми, проблем не оберешься.

Я весь день чинил теплицу. Работы было невпроворот, и к вечеру я выбился из сил. Отужинав, вышел на заднее крыльцо и уселся на ступени

полюбоваться на звезды. Вокруг царили тишина и покой.

Я просидел так минут пятнадцать, и вдруг услышал шелест. Я обернулся. Из сада, перебирая корнями, на меня надвигалось растение.

Оно вроде как приютилось рядом. И мы с ним глядели на звезды. То есть я-то, понятно, глядел. А вот способны ли видеть растения? Если нет, наверное, у них есть какие-то чувства, которые заменяют им зрение. В общем, мы сидели вдвоем на крылечке.

Чуть погодя растение протянуло ко мне ветку и опустило на плечо листок-ладонь. Я чуть напрягся, но прикосновение было мягким. Я решил, что, если хочу с ним поладить, то отодвигаться не стоит.

Постепенно, так что сперва я даже не заметил, я почувствовал, как меня охватило теплое чувство, как будто растение благодарило меня. Я повернулся, но оно по-прежнему сидело не шелохнувшись, только «ладонь» лежала у меня плече.

И все же каким-то неведомым способом оно дало мне понять, что благодарно за то, что я его спас.

То есть не говоря ни слова, понимаете? Оно не

могло говорить, разве что шелестело листвой. А общаться мы могли пусть не с помощью слов, а чувств — сильных, глубоких и искренних.

Я даже смутился от такой горячей, бесконечной благодарности.

— Все нормально, дружище, — сказал я. — Ты бы сделал для меня то же самое.

Похоже, растение догадалось, что я принял его благодарность, потому что взамен на меня снизошло чувство глубокого покоя.

Растение поднялось и засеменило прочь.

Я окликнул его:

— Эй, Папоротник, постой минутку.

Кажется, оно поняло, о чем я прошу, и вернулось. Я взял его за ветку и повел по периметру двора. Если между нами установилась связь, надо не просто наслаждаться чувством благодарности и глубокого покоя, а попробовать объясниться. Так что я провел растение по двору, про себя повторяя: нельзя выходить за его пределы. Я взмок от усилий, но растение вроде бы догадалось, чего я от него хочу. Затем я представил, как растение гонится за соседским ребенком, и мысленно погрозил ему пальцем. Мой новый друг кивнул. Затем я попытался объяснить, что не стоит выходить во двор днем, его могут увидеть. То ли

мысль была сложной, то ли я устал… В общем, когда растение наконец выразило согласие, мы оба вымотались до предела.

Той ночью, лежа в постели, я долго думал о связи, что установилась между нами. Не телепатия, но что-то основанное на передаче мысленных образов и чувств. Я решил ухватиться за этот шанс. Если мы научимся объясняться, вдруг впоследствии растение передаст мне что-то менее абстрактное, чем чувства? Что, если оно способно говорить с людьми, понимать их и изъясняться? Тогда его признают разумным существом. Надо показать гостю, как живут люди и почему именно так, а не иначе. Выводить растение за пределы двора нельзя — значит, надо придумать, как объяснить это на месте.

Я развеселился при мысли, что мои дом и двор превратятся в школу для пришельца.

На следующий день мне позвонили из лаборатории.

— Что за образцы вы нам подсунули? — требовательно спросил мужской голос.

— Да просто собрал кое-где. А что не так?

— С первым образцом все нормально. Обычная почва. Вокруг Бертона такой навалом. Но со вторым история невероятная! В нем золотой песок,

частицы серебра и медь. Понятно, что лишь крупицы. Но если у кого-то из ваших фермеров много такой земли, то он богач!

— Грузовиков двадцать пять или тридцать, около того.

— Где он ее раздобыл? Откуда?

Я вздохнул и поведал ему о происшествии на поле у Пита.

Сотрудник лаборатории сказал, что выезжает; я едва успел спросить о третьем образце.

— Что они там растили на этой земле? — проворчал он. — Подчистую все высосали, считай, обглодали до косточки. Скажите, пусть удобряют, как следует, добавят извести, да и всего на свете, чтоб напитать, а пока там ничего нельзя выращивать.

К Питу съехались специалисты по почве, среди них несколько ученых из университета; чуть позже на той же неделе после серии крупных заголовков в газетах к нему наведалась и парочка чиновников. Но никто так и не сумел ничего выяснить. В итоге они сдались. Газетчики сперва порезвились как следует, а узнав, что эксперты разводят руками, умолкли.

Все это время вокруг воронки отирались зеваки. Они растащили половину всего песка, так что

Пита история здорово обозлила.

— Засыплю эту воронку к чертям собачьим, с меня хватит! — сказал он мне, да так и сделал.

У меня дома тем временем все налаживалось. Папоротник понял, что нельзя выходить со двора. Весь день он усердно притворялся сорняком и больше не гонялся за детьми. Воцарилась тишь да благодать, никто больше не прибегал жаловаться. Но самое прекрасное, что и помойный пес больше носа не казал ко мне во двор.

Я разобрал и вновь собрал при Папоротнике электродвигатель. Не знаю, понял он хоть что-нибудь. Я хотел показать ему, как устроен двигатель, и попытался объяснить, что такое электричество. Дело застопорилось, поскольку я сам не особо соображал в этих вещах. Вряд ли Папоротник уяснил, что такое электродвигатель.

С автомобильным мотором получилось лучше.

В воскресенье мы вместе его разобрали и собрали. Папоротник крайне заинтересовался.

Мы проторчали в запертом гараже бóльшую часть дня. Я бы лучше провел воскресный день на рыбалке, чем возился с машиной. Не знаю, стоило оно того или нет. Возможно, следовало поискать другие способы объяснить Папоротнику, на чем зиждется земная цивилизация.

Я порядком устал и не услышал звонок будильника, поэтому проспал на полчаса. Я на ходу натянул одежду и помчался в гараж за машиной. Увы, Папоротник разложил на полу детали мотора и усердно трудился, пытаясь их снова собрать, довольный, как слон. Рука у меня потянулась за топором, но я велел себе успокоиться. Запер дверь гаража и пешком пошел на работу.

Весь день я голову ломал, каким образом Папоротник проник в гараж. Неужели проскользнул туда накануне, когда я отвернулся? Или же сумел открыть замок? И интересно, в каком виде я найду машину, когда вернусь.

Я ушел с работы пораньше. Если придется заново собирать мотор, чем скорее примусь за дело, тем лучше.

Вернувшись домой, я убедился, что мотор собран. Папоротник притворялся сорняком во дворе. Выходит, он научился отпирать замок, ведь я закрывал дверь гаража, когда уходил.

Мотор, к моему удивлению, завелся. Я проехался по городу, чтобы убедиться, что все в порядке. Мотор урчал как ни в чем не бывало.

Для следующего урока я выбрал задачку попроще. Достал инструменты и показал Папоротнику, как делать скворечник. Не то чтобы мне нужен

был еще один скворечник, в округе их и так было предостаточно, просто я объяснил, как мы работаем по дереву.

Он внимательно смотрел на меня, — и я вдруг почувствовал, что ему грустно. Я протянул к нему руку, чтобы спросить, в чем дело, но ощутил лишь глубокое горе.

Меня аж злость взяла. С чего вдруг Папоротнику пришелся по душе мотор машины, а обычный скворечник вверг его в такую печаль? Я понял это лишь спустя несколько дней, когда Папоротник увидел, что я рву цветы, чтобы поставить их в вазу на кухонном столе.

И тут до меня дошло.

Папоротник был растением. И цветы были растениями. Доски, из которых мы мастерили скворечник, тоже когда-то были растением. Я стоял там с букетом в руке, а Папоротник молча смотрел на меня, и я вдруг осознал, что он чувствовал, узнав, как мы обращаемся со всем живым на нашей планете, — вырубаем леса, едим овощи, делаем из растений одежду и лекарства.

Для него это было сродни тому, как если бы человек прилетел на другую планету и с ужасом обнаружил, что местные сперва выращивают людей, а потом их поедают.

Но Папоротник не злился и не боялся. Ему было грустно. А когда ему грустно, печальней вида представить невозможно. По сравнению с ним бассет с похмелья покажется радостным существом.

Если мы с ним когда-нибудь сможем поговорить по-настоящему о вещах вроде этики и философии, я надеюсь понять, что чувствовал Папоротник, попав на планету, где господствовал культ потребления всего живого. Наверняка он пытался мне объяснить, да только я не сумел до конца разобраться.

Мы сидели с ним на крыльце, глядя на звезды. Прежде Папоротник уже показал мне планету, с которой прилетел, — а может, просто бывал там. Теперь у меня в голове снова возникли нечеткие образы и реакции. Одно место было горячим и красным, другое — синим и холодным. Третье переливалось всеми цветами радуги, дарило ощущение покоя, словно от легкого ветерка, журчащих фонтанов и птичьих трелей в сумерках.

Ему, наверное, пришлось постараться, чтобы у меня перед глазами возник ясный и четкий образ — худосочное, поникшее растение, выглядевшее даже печальней Папоротника, когда ему грустно. Мне стало жаль бедолагу, и тут Папоротник по-

думал о доброте. А когда он думал о таких вещах, как доброта, грусть, счастье или благодарность, они лились из него нескончаемым потоком.

Он наполнил меня столь огромными добрыми чувствами, что мне стало казаться, будто меня вот-вот разорвет. И вдруг Папоротник начал расти. Он зазеленел и расцвел. Я никогда не видел ничего красивее. Его семена вызрели, коробочки лопнули, из них полетели по сторонам крошечные ростки, радостные и зеленые.

В моей голове поселилась странная мысль. Она бродила там несколько дней, пока я сомневался — вдруг я окончательно спятил. Я отмахивался от нее, но мысль никуда не исчезала. И тогда я решил попытаться.

Единственный способ избавиться от назойливых мыслей — поставить эксперимент.

Позади сарая рос самый жалкий розовый куст на свете. Почему он до сих пор не погиб, я понятия не имею. Он рос там всегда, я помнил его с детства. Я не выкопал его до сих пор лишь потому, что на клочке земли за сараем ничего толкового не посадишь.

Другого растения, которое столь нуждалось бы в помощи, мне не сыскать.

Я скользнул за сарай, пока Папоротник не ви-

дел, и встал перед кустом. Я начал думать о нем по-доброму, хотя неимоверно трудно думать добрые мысли при виде чахлого куста. Я чувствовал себя последним болваном и надеялся, что соседям меня не видно, однако продолжал свое дело. Время от времени я наведывался к кусту. Примерно через неделю я понял, что на самом деле полюбил его.

Дней через пять я заметил, что куст изменился. А через две недели из чахлого заморыша он превратился в пышный цветущий розовый куст, которым гордился бы любой садовник. Куст сбросил пожухлые листки, вместо них выросли новые и такие блестящие, словно их натерли воском. А затем на нем появились бутоны, и вскоре расцвели великолепные желтые розы.

Я сомневался, что это моя заслуга; Папоротник мог заметить мои потуги и помог мне. И я решил провести эксперимент там, где он не сможет вмешаться.

Несколько лет Милли пыталась вырастить у нас в офисе фиалку; к тому времени даже она готова была признать поражение. Я постоянно подшучивал над ее стараниями, а Милли злилась. Как и у розового куста, у фиалки была непростая судьба. Ее почти сожрали жуки. Милли забывала

ее поливать. Я уронил цветочный горшок на пол. А посетители то и дело стряхивали в него пепел.

Конечно, я не мог уделить фиалке столько же времени, сколько кусту, но я останавливался перед горшком на пару минут и мысленно слал цветку лучи доброты. Через пару недель листья зазеленели, а к концу месяца фиалка впервые расцвела.

Тем временем образование Папоротника шло полным ходом.

Сперва он избегал заходить в дом, затем, когда стал доверять мне, отважился заглянуть внутрь. Надолго он там не задерживался — слишком многое напоминало ему о нашей потребительской цивилизации. Мебель, одежда, овсяная каша на завтрак, бумага, даже сам по себе дом — все было сделано из растений. Я нашел старую масленку, насыпал туда земли и поставил ее в углу столовой, чтобы Папоротник мог поесть в доме, если придет охота.

Приходилось признать, что у меня не вышло научить Папоротник общаться по-человечески. Возможно, кто-нибудь другой справился бы лучше. Вполне возможно. Но я понятия не имел, к кому обратиться. Я боялся, что меня просто высмеют. Страх перед насмешками — довольно

глупая черта, свойственная людям.

С другой стороны, надо было подумать и о Папоротнике. Как он поладит с другим человеком? Едва я набирался храбрости что-нибудь предпринять, как мы оказывались на крыльце, смотрели на звезды и говорили — не о чем-то конкретном, ясное дело, он просто рассказывал мне, как умел, о счастье, о грусти, о дружбе. Вся моя храбрость сразу же улетучивалась.

Наверное, мы напоминали двух детей. Потерянных, странных, выросших по разным уголкам Вселенной. Им и хотелось бы поиграть вместе, да только ни один не знал ни правил игры, в которую играл другой, ни языка, чтобы объясниться.

Конечно, с точки зрения здравого смысла начать следовало с математики. Следовало показать пришельцу, что мне известно о том, что дважды два равно четырем. Что я знаю о Солнечной системе. Надо было изобразить Солнце и планеты, показать на Землю, чтобы он убедился, что я знаю и о Солнечной системе, и о космосе, и о звездах, а потом передать ему бумагу и карандаш.

Но что, если он не знал математики? Что, если наши дважды два равно четыре не несли для него никакого смысла?

Что, если он никогда не видел ни рисунков, ни

чертежей? Если сам не умел чертить? Если видел, слышал, чувствовал и думал иным, непривычным для нас способом?

Для того чтобы достичь взаимопонимания с пришельцем, нужно начать с основ.

Что, если математика — не основа?

Тогда надо доискаться до основ.

Должны же быть какие-то основы, на которых зиждется Вселенная.

Мне кажется, я знаю на каких.

Меня научил Папоротник. Конечно, если я правильно его понял.

Счастье — это основа. И грусть основа. И благодарность, хотя и в чуть меньшей степени. Вне всякого сомнения, доброта. Возможно, что и ненависть, хотя мы с Папоротником не проверяли.

Быть может, что и дружба — основа. Во имя человечества надеюсь на это.

Тем не менее доброта, счастье и дружба вряд ли помогут понять конкретные вещи. Не исключено, впрочем, что в мире Папоротника все было иначе.

Близилась осень, и я раздумывал, куда деть Папоротник на зиму.

Устроить его в доме?

Он терпеть не мог сидеть в четырех стенах.

Как-то вечером мы расположились на крыльце, слушали, как стрекотали сверчки. Корабль подлетел бесшумно. Я не заметил его, пока он не поравнялся с верхушками деревьев. Затем он опустился ниже и завис между домом и сараем.

Я удивился, но не испугался. Впрочем, не слишком и удивился. В глубине души я знал, что друзья Папоротника в конце концов его отыщут.

Корабль завис где-то в футе над землей и поблескивал, однако, похоже, сделан он был не из металла — не по-настоящему твердый. Из него вышли три растения. Самое странное, что в корабле не было двери. Они просто-напросто вышли, и стены за ними сомкнулись.

Папоротник взял меня за руку и слегка потянул, давая понять, что хочет, чтобы я подошел к кораблю вместе с ним. Он мысленно утешал меня, пытался успокоить.

Я чувствовал, что растения переговариваются. Смысла я не улавливал, но понимал, что между ними течет беседа.

Папоротник все еще держал меня за руку. Его друзья подошли и взяли меня за другую руку, постояли немного рядом, посылая мне счастье и благодарность.

Папоротник еще раз поблагодарил меня напо-

следок, а затем они исчезли внутри. Я наблюдал, как корабль набирал высоту, пока не превратился в крошечную точку. Вскоре и она растворилась в ночи.

Я долго стоял, глядя в звездное небо. Счастье и благодарность постепенно истаяли, им на смену пришло одиночество.

Я знал, что где-то там их ждет корабль побольше. На нем другие растения, такие же, как то, что прожило со мной почти полгода, как те, что погибли в соседнем дворе. Я знал, что именно большой корабль вырыл ту воронку на поле у Пита Скиннера, чтобы запастись пропитанием.

Наконец я опустил глаза. У сарая цвел розовый куст. Я снова подумал об основах.

Что, если счастье и доброта, да и другие чувства, которые нам, людям, неведомы, значат для растений с далекой планеты то же самое, что значит для нас наука?

Розовый куст расцвел, потому что я думал о нем хорошие мысли. И фиалка в горшке обрела новую жизнь из-за человеческой доброты.

Глупо? Но ведь известно, что есть люди, у которых в саду и в огороде все растет как на дрожжах. О таких говорят «у них и камень зазеленеет».

Может, дело не в секретах садоводства, а просто

эти люди искренне заботятся о растениях, любят их и относятся к ним с добротой?

Вот уже много лет мы воспринимаем растения на нашей планете как должное — растут себе и растут. В общем и целом люди не питают к ним особой любви. Просто сажают и сеют, потом пожинают плоды.

Когда на нашей перенаселенной планете наступит голод, что, если не будет нужды в ухищрениях опытных садоводов? Что, если всего-навсего забота и внимание способны дать растению силы к росту? Не стоит ли нам расценивать доброту как оружие против голода на Земле? И насколько больше пшеницы, например, можно вырастить, если фермер станет дарить ей свою любовь?

Звучит по-дурацки. Вряд ли эта идея найдет широкую поддержку, тем более в нашей потребительской цивилизации.

Как можно убедить растение в добрых чувствах, если вы растите его лишь для того, чтобы сожрать его, или сшить из него одежду, или порубить на доски?

В поисках ответа я подошел к желтой розе. Куст зашелестел, охорашиваясь, словно прелестная девушка, которая знает, что ею восхищаются, но не послал мне никаких чувств.

Счастье и доброта ушли. Осталось только одиночество.

Ох уж эти мне инопланетные сорняки — расстроят человека, даже овсянки с утра не поесть спокойно!

Лулу
Перевод В. Лопатки

Мы назвали робота Лулу.

Это была большая ошибка. Первая, но не единственная. И все же назови мы его иначе, все было бы в порядке.

Вообще-то Лулу — это РИП, то есть «робот для исследования планет». Космический корабль, командный пункт, синтезатор, анализатор, коммуникатор и все прочее в одном корпусе. Много-много всего прочего. В этом-то и проблема.

На самом деле Лулу в нас не нуждалась и в одиночку справилась бы гораздо лучше. Она могла исследовать планеты сама, но по правилам робот этого класса должен работать под наблюдением как минимум трех человек. Да и боязно отпускать робота, которого строили двадцать лет, потратив десять миллиардов долларов.

Надо признать, Лулу была просто чудо. Ее сенсоры за час собирали о планете больше данных, чем обычная экспедиция за месяц. А она не только получала данные, но и анализировала их,

кодировала и записывала на пленку, а потом отправляла в Центр. Работала без передышки.

Хотя какие передышки? Она же просто глупая машина.

Я сказал «глупая»?

Нет-нет, ни в коем случае. Лулу даже умела разговаривать. И разговаривала — не умолкая ни на минуту. И еще она слышала каждое наше слово. Она читала через плечо и давала советы, когда мы играли в покер. Временами нам хотелось ее прикончить, вот только прикончить робота — особенно автономного — не так-то просто. Да и вообще Лулу стоила десять миллиардов, и только она могла вернуть нас на Землю.

Не поспоришь, Лулу отлично о нас заботилась. Она синтезировала, готовила и подавала еду, поддерживала нужную температуру и влажность. Она стирала и гладила одежду, а если надо — лечила нас: однажды дала Бену какую-то микстуру, и насморк за ночь как рукой сняло.

Нас было трое: Джимми Робинс — радист, Бен Пэррис — робомеханик, и я — переводчик, который не знает ни единого языка.

Мы назвали робота Лулу и горько об этом пожалели. Теперь уже никто не будет давать этим навороченным роботам имена — обойдутся

номерами. Когда в Центре узнают, что с нами случилось, наверняка запретят имена под страхом смертной казни.

Впрочем, по-моему, главная причина в том, что Джимми у нас поэт. О его стихах могу сказать одно: иногда в них попадалась рифма. Но Джимми так старался, что у нас с Беном не хватало духу выложить ему все начистоту. Да и толку было бы мало. Чтобы Джимми прекратил писать стихи, его пришлось бы задушить.

Зря мы его не задушили.

Приземляться на Романтике тоже не стоило, но тут уж ничего не поделаешь. Эта планета значилась в нашем маршрутном листе под третьим номером, а раз так — надо приземляться. Такая у нас работа. Вернее, у Лулу — мы-то с ней просто для порядка.

Вообще-то названия у этой планеты не было, только координаты. Однако уже через пару дней мы окрестили ее Романтикой.

Я не ханжа, но описывать Романтику не стану. Наверняка Центр засекретил наши данные. Если любопытно, попытайте счастья и запросите исследовательский отчет по EP56-94.

Лулу справилась со своей работой на отлично, а я чуть мозг не сломал, проигрывая пленки, ко-

торые она отправила на Землю. Как переводчик, я должен был осмыслить то, что творилось на каждой планете, и передать это человеческим языком. А уж на Романтике творилось такое, что словами не передашь.

Хотя полученные отчеты анализирует Центр, у независимой оценки в полевых условиях есть свои преимущества. Впрочем, в этот раз от моего отчета было мало толку — с тем же успехом я мог бы просто ахнуть и сконфуженно покраснеть.

Мы наконец отчалили от Романтики, и Лулу взяла курс на следующую планету в маршрутном листе. Она вела себя слишком тихо — уже тогда следовало заподозрить, что что-то не так. Но мы так обрадовались, что не задавали лишних вопросов и наслаждались покоем.

Джонни корпел над стихотворением, которое у него никак не выходило, а мы с Беном играли в блекджек. Тут Лулу наконец прервала молчание:

— Добрый вечер, мальчики.

Ее голос, обычно энергичный и бесстрастный, звучал как-то не так. Я еще подумал, что динамики, наверное, барахлят.

Джимми погрузился в стихосложение, а Бен обдумывал, не попросить ли еще карту, поэтому отвечать выпало мне:

— Добрый вечер, Лулу. Как поживаешь?

— Отлично.

Ее голос чуть дрогнул.

— Вот и хорошо.

Я надеялся, что разговор этим и ограничится.

— Я поняла, что люблю вас, — заявила Лулу.

— Как мило с твоей стороны. Я тебя тоже люблю.

— Нет, я серьезно, — продолжала она. — Я все тщательно обдумала. Я вас люблю.

— И кого же именно? Кто этот счастливчик?

Я сказал это в шутку, хоть и был слегка озадачен. Лулу никогда не шутила.

— Всех троих.

Я зевнул.

— Отлично. Никто не будет ревновать.

— Вот именно. Я люблю вас троих, и мы сбежим все вместе.

Бен озадаченно посмотрел по сторонам, и я уточнил:

— Куда сбежим?

— Далеко-далеко. Где никто не сможет нас разлучить.

— Боже, — простонал Бен. — Думаешь, она…

Я покачал головой:

— Сомневаюсь.

Бен вскочил на ноги, опрокинув столик.

— Пойду посмотрю, — сказал он.

— Что случилось? — поднял голову Джимми.

— Это все ты со своей поэзией!

Я добавил несколько желчных эпитетов.

— Я люблю вас и буду любить вечно, — продолжала Лулу. — Я окружу вас заботой, и однажды вы полюбите меня в ответ…

— Заткнись, — велел я.

Вернулся Бен. На нем лица не было.

— Мы сильно отклонились от курса. Дублирующий пульт не работает.

— А может…

Он покачал головой:

— По-моему, его заблокировала Лулу. Если так, нам конец. Мы не вернемся домой.

— Лулу, — сурово начал я.

— Да, милый.

— Прекрати так со мной разговаривать!

— Я люблю тебя.

— Это все Романтика, — заявил Бен. — Набралась там всякой дряни.

— Романтика и стишки Джимми, — добавил я.

— Никакие это не стишки! — взвился Джимми. — Однажды меня опубликуют…

— Писал бы лучше о войне, об охоте или о

бескрайних глубинах далекого космоса! О чем-нибудь благородном, а не «Я тебя люблю, жить без тебя не могу» и прочую чепуху.

— Остынь, — велел Бен. — Лежачего не бьют. Говорю тебе, это все Романтика.

— Лулу, брось, — сказал я. — Ты же знаешь, робот не может любить человека. Это просто смешно.

— На Романтике живут разные виды, и они… — стала возражать Лулу.

— Забудь Романтику! Она такая одна на миллиард планет.

— Я люблю вас, и мы сбежим, — упрямо повторила Лулу.

— Сбежим. Где она такого набралась? — удивился Бен.

— Этот бред ей на Земле скармливали, — пояснил я.

— Это не бред, — возразила Лулу. — Чтобы хорошо выполнять свои обязанности, мне потребовалось широко и всесторонне изучить человеческую культуру.

— Лулу не виновата. Все, что она знает про жизнь, почерпнуто из любовных романов, — объяснил Джимми.

— Вернусь и найду того ублюдка, что составлял

ей список литературы. Потом запихну этот список ему в глотку и разорву мерзавца на мелкие кусочки, — сказал Бен.

— Послушай, Лулу, — заговорил я. — Хорошо, ты нас любишь. Мы не против. Но, может, сбегать не стоит?

— Я не хочу рисковать. Если вернемся на Землю, вы бросите меня.

— А если не вернемся, нас будут искать.

— Несомненно. Поэтому, милый, мы и должны бежать. Я унесу вас туда, где нас ни за что не найдут.

— Предупреждаю последний раз: подумай хорошенько. Иначе я сообщу на Землю и…

— Сообщить не получится: я отключила все средства связи. И, как верно предположил Бен, заблокировала дублирующие органы управления. Вы ничего не сможете сделать, поэтому хватит глупить — лучше прислушайтесь к гласу любви.

Бен опустился на корточки и стал собирать карты. Джимми бросил планшет на стол.

— Не упусти свой шанс, — сказал я. — Самое время посвятить оду вечной любви человека и робота.

— Пошел ты!

— Мальчики, не смейте из-за меня ругаться, —

заявила Лулу.

Она уже вовсю распоряжалась нами — и не без причины. Деваться нам было некуда. Если не уговорим ее отказаться от побега, нам конец.

— Есть одна трудность, — снова заговорил я. — По твоим меркам, наша жизнь коротка. Как ты о нас ни заботься, а пройдет каких-то полсотни лет — и мы умрем от старости или еще от чего. И что тогда?

— Она останется вдовой, — подхватил Бен. — Старой безутешной вдовой, и никто не подаст ей стакан воды.

— Я все продумала. Вы не умрете.

— Но как же…

— Сила моей любви столь велика, что невозможное возможно. Моя любовь не даст вам умереть.

Скоро нам это надоело, и мы отправились спать, а Лулу выключила свет и запела колыбельную. Уснуть под этот визг было невозможно, и мы велели ей заткнуться. Лулу не слушала, и Бену пришлось бросить тапком в динамик. Но сон все равно не шел.

Я подумал, что нам надо составить какой-то план, чтобы Лулу о нем не узнала. Это не так-то просто. Она постоянно следила за нами, совето-

вала, заглядывала через плечо — мы и пальцем шевельнуть не могли без ее ведома.

Я понял, что времени уйдет порядочно. Главное — набраться терпения и не паниковать. Выбраться из этой передряги можно только при изрядной доле везения.

Проснувшись, мы молча сидели и слушали, как щебечет Лулу. Как все мы будем счастливы, как нам откроется целый мир и как меркнет все перед лицом любви. Одну половину этой ахинеи она почерпнула в слезливых стишках Джимми, а вторую — в сентиментальных романах, которыми Лулу пичкали на земле. Мне очень хотелось поколотить Джимми, но я сказал себе, что сделанного не воротишь, а пользы от этого все равно никакой.

Джимми скрючился в углу и что-то царапал на планшете. Я поразился, как у него хватает самообладания сочинять стихи в такой момент.

Джимми все писал и периодически швырял исписанные листы на пол, что-то раздраженно бормоча. Один из его листов приземлился точно мне на ногу. Отпихнув его в сторону, я случайно прочел:

Я лодырь и неряха,

Грязная рубаха.
Никто меня не любит,
Никто не приголубит.

Я скомкал листок и кинул в Бена. Тот отмахнулся. Я бросил снова. Он опять отшвырнул листок в сторону.

— Что ты разошелся? — проворчал он.

Я запустил комком бумаги ему прямо в лицо. Бен уже собрался двинуть мне в челюсть, однако поймал мой взгляд и что-то понял. Он стал играть с бумажкой, словно невзначай развернул ее, прочел стишок и снова скомкал.

Говорить мы не могли, так как Лулу ловила каждое слово. Приходилось соблюдать осторожность.

Мы действовали не спеша. Чтобы Лулу ничего не заподозрила, каждый должен был сыграть свою роль чертовски убедительно.

И мы не подкачали. Может, мы просто по природе такие грязнули, но не прошло и недели, как наша каюта превратилась в свинарник.

Мы разбрасывали одежду и специально не уносили ее в прачечную, чтобы Лулу не постирала. Мы заставили стол грязными тарелками и выбивали трубки прямо на пол. Мы не брились,

не мылись и не чистили зубы.

Лулу была в бешенстве. Привыкший к порядку мозг робота отказывался с таким мириться. Она уговаривала нас, бранила и читала долгие лекции, а мы в это время продолжали все разбрасывать. Если она нас любит, то должна принимать такими, какие мы есть, и мириться с нашими недостатками.

И через пару недель вышло по-нашему. Только не так, как мы планировали.

С дрожью и обидой в голосе Лулу сообщила, что раз уж мы хотим жить как свиньи, она это стерпит. Ее любовь к нам слишком сильна, чтобы наша неопрятность и прочие мелочи могли встать на ее пути.

Мы проиграли, и я даже обрадовался. Долгие годы в космосе приучили меня к порядку. Не знаю, сколько бы я еще вытерпел.

Мы навели порядок и помылись, так что теперь хоть могли собираться в одном помещении.

Лулу была счастлива и щебетала без умолку — это оказалось еще хуже, чем долгие проповеди. По ее мнению, нас тронула принесенная ею жертва, и теперь мы пытаемся загладить вину. Тон у нее был как у старшеклассницы, которую симпатичный мальчик пригласил на выпускной бал.

Бен попытался без обиняков рассказать ей о физических аспектах любви (о которых она, разумеется, и так знала). Это потрясло Лулу до глубины души — однако недостаточно, чтобы она бросила свою затею. Торжественно, с ноткой гнева в голосе, она заявила, что мы не способны постичь всю глубину истинной любви. Потом продекламировала пару самых слащавых стишков Джимми о благородстве и чистоте. Нам нечего было возразить. Полный разгром.

Мы предавались раздумьям и не могли даже посоветоваться друг с другом. Несколько дней прошли в мрачной тоске. Положение было безвыходное. Я перебирал в уме все, чем мужчина может оттолкнуть женщину.

Женщины ненавидят азартные игры, но только потому, что эти игры угрожают безопасности семьи. Лулу же ничто не угрожало: не мы кормили семью, а она заботилась о нас.

Еще женщины не любят тех, кто много пьет. Снова безопасность. Вдобавок на борту не было ни капли алкоголя.

Женщины злятся, когда муж не приходит домой вовремя — но нам и уйти-то некуда.

Женщины ревнуют к другим. У нас вообще не было женщин на борту — что бы там Лулу себе

ни возомнила.

Получается, Лулу невозможно разозлить. Спорить с ней тем более бесполезно.

Я отбрасывал варианты один за другим, пытаясь хоть за что-то зацепиться. Если долго перебирать гипотезы, иногда вдруг наткнешься на что-то, о чем бы раньше и не подумал. Все это время я чувствовал, что в моих рассуждениях есть логический изъян и я подхожу к проблеме не с того конца.

Я вертел задачу в голове и так, и этак… А потом внезапно понял. Я думал о Лулу как о женщине — но это же чепуха. Лулу — робот.

Значит, вопрос в том, как оттолкнуть от себя робота.

Наша неряшливость расстроила Лулу. Тем не менее она смогла смириться и закрыть глаза на неудобство. Суть не в этом.

А в чем? Что ценит робот? Что он идеализирует?

Порядок?

Пробовали — не вышло.

Разум?

Несомненно.

Что еще?

Эффективность? Осмысленность?

Разум подходит. Другой вопрос, как человеку симулировать безумие, да еще на глазах у всеведущего робота? Рассматривая вариант за вариантом, я понимал, что все они могли бы сработать с другим человеком — но не с роботом.

Чтобы обмануть робота, нужно докопаться до сути. В чем суть безумия? Быть может, для робота истинный ужас в том, что в безумии нет цели?

Вот оно!

Я тщательно взвешивал свою идею и не находил изъянов.

Пользы от нас и так было немного. Просто в Центре существовало правило — не отпускать Лулу без сопровождения. И все же какой-то смысл в нашей жизни был. Мы читали книги, писали плохие стихи, играли в карты, спорили и почти никогда не сидели без дела. В космосе быстро учишься всегда что-то делать — хоть какую-то бессмысленную мелочь.

После завтрака Бен предложил сыграть в карты, но я отказался. Я сел на пол и прислонился спиной к стене. Курить я тоже отказался, ведь курение — род деятельности. А я собирался не делать вообще ничего — только есть, спать и сидеть.

Бен побродил вокруг и предложил сыграть

Джимми. Но тот с головой ушел в сочинительство и вообще не любил карты.

Тогда Бен сел рядом со мной.

— Покурим? — Он протянул мне кисет.

Я покачал головой.

— Да что с тобой? Ты всегда куришь после завтрака.

— А смысл?

Бен попытался завязать разговор; я не отвечал. Он вскочил, побродил по комнате и вновь сел рядом.

— Что происходит? — поинтересовалась Лулу. — Почему вы ничем не заняты?

— Неохота ничего делать, — ответил я. — Слишком много мороки.

Она немного поругалась. Бен, похоже, понемногу начал понимать. Вскоре Лулу оставила нас в покое.

Джимми все корпел над бумагой, и ничего с этим поделать было нельзя. Впрочем, когда мы побрели на обед, Лулу сама привлекла его внимание к нашей выходке. Она справедливо обзывала нас лодырями и даже загнала нас в диагностическую кабину. Та сообщила, что мы совершенно здоровы, и Лулу сразу вскипела: долго отчитывала нас и огласила длинный список возможных

занятий. После обеда мы с Беном опять уселись — теперь уже вместе с Джимми.

Попробуйте целыми днями сидеть без дела. Сначала это тяжело, потом мучительно, а под конец — невыносимо.

Я решал в уме сложные математические задачи, пробовал играть сам с собой в шахматы. Мысленно вернувшись в детство, я пытался воссоздать в памяти все, что со мной происходило. Воображение рождало в моем мозгу странные картины, а я отчаянно цеплялся за них, лишь бы убить время.

Я даже сочинил несколько стихотворений и скажу без ложной скромности, вышло получше, чем у Джимми.

Лулу наверняка догадывалась, что мы затеяли это не просто так. Однако вспышка возмущения нашим отвратительным бездельем затмила холодный рассудок робота. Она умоляла, уламывала и увещевала нас почти пять дней без перерыва. Она стыдила нас, называла никчемными отбросами, добавляя такие эпитеты, каких ей и знать не положено.

Она подбадривала нас.

Она живописала свою любовь стихами в прозе, перед которыми меркла поэзия нашего Джимми.

Она взывала к нашему мужеству и к гордости за человеческий род.

Она грозила вышвырнуть нас за борт.

А мы просто сидели.

Мы даже не отвечали и не пытались с ней спорить. Временами мы соглашались с каждым ее словом, что злило Лулу сильнее всего.

Ее тон стал холодным и сдержанным. Никакой злобы или обиды, только ледяное спокойствие. А потом она замолчала.

Стало совсем тяжело. Мы не могли даже обсудить, что происходит. Нужно было бездельничать дальше — любой ценой, иначе все достижения пойдут прахом.

Дни тянулись один за другим. Лулу молча кормила нас, мыла посуду, стирала и убирала койки. Она заботилась о нас как всегда — без единого слова.

В моей голове роились безумные мысли. Что, если Лулу — женщина? Допустим, в разумную машину как-то ухитрились встроить женский мозг — мозг одинокой, забытой всеми старухи. Только она согласилась бы рискнуть и отправиться в путешествие, пожертвовав телом, от которого с годами все меньше толку.

Я нарисовал мысленный портрет этой стару-

хи — с котом, канарейкой и комнатой в доме престарелых. Я представлял одинокие вечерние прогулки и тихое ворчание себе под нос. Мне было ее жаль.

Фантазия? Разумеется. Но она скрашивала время.

Потом меня захватила другая идея. Я решил, что Лулу смирилась и везет нас обратно на Землю, однако из упрямства не желает признать поражение, поэтому ничего нам не говорит.

Полная нелепость. Лулу побоялась бы возвращаться на Землю: после такой выходки ее мигом разберут на запчасти. И все же я никак не мог оставить эту мысль и постоянно смотрел на часы: «Вот еще час прошел. И еще час. Мы все ближе и ближе к дому».

Несмотря на все доводы разума, я понемногу убедил себя, что мы летим к Земле.

А потом Лулу наконец приземлилась, и я вздохнул с облегчением.

Мы переглянулись, и я прочел в глазах друзей надежду и недоумение. Спросить мы не могли — любое слово свело бы на нет все наши усилия. Оставалось молча ждать.

Люк открылся, и внутри сразу запахло Землей. Не тратя ни секунды, я бросился к выходу и ныр-

нул в узкую щель. Грохнувшись на землю, тут же вскочил и кинулся наутек. Чтобы не рисковать понапрасну, мне хотелось убраться подальше, пока Лулу не передумала.

Споткнувшись, я едва не упал, и тут мимо пронеслись Бен и Джимми. Выходит, мне не почудилось — здесь и правда пахло Землей.

Стояла ночь, на небе сияла огромная Луна. Слева от нас за широкой полосой пляжа виднелось море, справа — голые холмы, а впереди — полоска леса, за которой угадывалось устье реки.

Мы мчались к лесу, надеясь укрыться от Лулу среди деревьев. Обернувшись украдкой, я увидел, что она не двинулась с места.

Мы добежали до леса и рухнули на землю, чтобы отдышаться. Просидев целый месяц без движения, особо не побегаешь, а расстояние мы покрыли приличное.

Я лежал на животе и жадно ловил ртом воздух. Пахло Землей: свежей травой и прелыми листьями, с моря дул легкий солоноватый бриз.

Потом я перевернулся на спину. Деревья были не те. На Земле такие не растут. Я вышел на опушку леса и посмотрел на небо. Звезды тоже были не те.

Разум не желал мириться с увиденным. Я слиш-

ком свыкся с мыслью, что мы на Земле, и не сразу осознал весь ужас своего открытия.

Наконец я вернулся к товарищам.

— Джентльмены, у меня для вас новость. Это не Земля, — сказал я.

— Пахнет Землей. И на вид как Земля, — возразил Бен.

— По ощущениям тоже Земля, — добавил Джимми. — Воздух, сила тяжести…

— Гляньте на звезды и на деревья.

Они смотрели долго. Наверное, как и я, оба искренне верили, что мы летим домой. Или хотели верить.

Наконец Бен прошептал:

— Ты прав.

— Что будем делать? — спросил Джимми.

Прожив на Земле около миллиона лет, человечество лишь недавно стало привыкать к мысли о том, что существуют и другие миры. Поэтому решать было нечего — сработал простой рефлекс. Мы, словно по команде, со всех ног помчались обратно.

— Лулу, подожди! Не улетай! — вопили мы.

Лулу не стала ждать. Она взмыла вверх метров на триста и зависла в воздухе. Мы вытаращились на нее, не веря своим глазам. Лулу вдруг

стала падать, потом опять взлетела и замерла, подрагивая, а потом опустилась на землю. Снова рванулась вверх и упала, потом снова… Она пыталась улететь, но тут же возвращалась, словно привязанная к планете невидимой пружиной. Наконец она замерла в сотне метров от исходной точки. Мне казалось, будто она дышит, как измученная гончая, хотя на самом деле Лулу не издала не звука.

В месте нашего первого приземления были сложены какие-то вещи, но мы побежали прямо к Лулу и забарабанили по ее металлическим бокам.

— Открывай! Мы хотим обратно!

Лулу взлетела метров на тридцать и шлепнулась в десятке шагов от нас. Мы попятились. Она вполне могла бы рухнуть нам на голову.

— Лулу! — позвал я.

Молчание.

— Она свихнулась, — сказал Джимми.

— Этого следовало ожидать, — добавил Бен. — Наши умники сделали робота, который возомнил о себе невесть что.

Мы аккуратно двинулись назад, не спуская глаз с Лулу. Не то чтобы мы ее боялись. Просто не доверяли. В месте нашей первой посадки об-

наружилась гора разных припасов, аккуратно разложенных по подписанным ящикам. Рядом стояла табличка с трафаретной надписью «ЗАЙМИТЕСЬ ДЕЛОМ, ПРИДУРКИ!».

— Она хотела нас бросить! — Джимми чуть не расплакался.

Бен ухватил его за плечо и слегка встряхнул. По-дружески.

— Нужно попасть внутрь и привести ее в чувство, — сказал я. — Пока выходит, что она нас и правда бросила, хоть никуда и не улетела. Разницы никакой.

— Как она могла? — убивался Джимми. — Роботы не должны…

— Не должны причинять вред человеку, — подхватил Бен. — Лулу ничего плохого нам не сделала. Даже не выгоняла. Мы сами убежали.

— Это казуистика, — возразил я.

— Так уж эти роботы устроены, — пояснил Бен. — Беда в том, что Лулу сделали чертовски похожей на человека. Кроме любовных романов, физики и прочего, ее наверняка пичкали и книжками по юриспруденции.

— Тогда почему она просто не улетит? Если она убедила себя, что поступает правильно, то ей здесь делать нечего.

— Не знаю, — покачал головой Бен.

— Она словно не могла улететь. Ее что-то держит.

— А что, если она может улететь, только когда мы вне поля зрения? Потом мы вернулись, и снова заработал закон «Нельзя причинять вред человеку». Есть ведь пословица «С глаз долой — из сердца вон».

Пока мы говорили, Лулу даже не шевельнулась, и я подумал, что Бен прав. Если так, нам повезло вернуться в самый последний момент.

Мы стали рыться в запасах. Лулу по-прежнему заботилась о нас. Она ничего не забыла, а большинство ящиков снабдила подробными инструкциями и даже советами.

Два ящика стояли отдельно. Крышка одного, с табличкой «Инструменты», оказалась едва прихвачена парой гвоздей, чтобы легче было открыть. На втором — с табличкой «Оружие» — была приписка «Откройте сразу и держите под рукой».

В ящике с оружием лежали особые укороченные винтовки, которые стреляли чем угодно: от пуль до виброзарядов. Они могли плеваться огнем, кислотой, газом и отравленными дротиками, разрывными зарядами и снотворным

— достаточно повернуть рычажок. Винтовки были тяжелые и неудобные, но для такой планеты — самое то. Никогда не знаешь, чего от нее ждать.

Среди припасов обнаружились банки протеиновых и углеводных коктейлей, коробки с витаминами и минеральными добавками, одежда, палатка, фонари и посуда. Полный набор для турпохода со всеми удобствами. Лулу позаботилась о каждой мелочи.

— Она все спланировала заранее, — с болью в голосе констатировал Джимми. — Чтобы все это синтезировать, ушла куча времени. А еще надо было найти пригодную для жизни планету. Та еще работенка.

— Не просто пригодную для жизни, а похожую на Землю! Воздух, пейзаж, сила тяжести. Мы ведь должны были сбежать — сама Лулу не могла нас бросить.

— Бросить! — Бен сплюнул от возмущения. — Нас бросил влюбленный робот!

— Может, она не совсем робот.

Я выложил свою теорию про старуху, над которой Бен и Джимми от души посмеялись. Нам сразу стало легче. Впрочем, Бен признал, что что-то в моей идее есть.

Начинало светать, и мы наконец смогли хорошенько осмотреться. Местечко Лулу выбрала райское. Море синело за белой полосой пляжа как бездонные глаза голубоглазой красавицы. Дальше тянулись холмы, за которыми сверкали снежные вершины далеких гор. На западе поднимался лес.

Мы с Джимми спустились к пляжу, чтобы набрать плавника для костра, а Бен занялся завтраком. Набрав по охапке, мы двинулись обратно, как вдруг что-то вылетело из-за холма и понеслось к лагерю. Оно напоминало сверкающего на солнце майского жука размером с носорога. Бестия двигалась бесшумно и очень быстро — попробуй останови такую махину.

Винтовки мы, разумеется, оставили в лагере.

Я бросил дрова и кинулся назад, на бегу окликнув Бена. Тот уже заметил опасность и целился в зверя, который мчался прямо на него. Полыхнул огонь, следом прогремел взрыв, и поле боя скрылось в облаке дыма и пыли, из которого с визгом вылетело несколько металлических осколков.

Дальше картинка словно скакнула. Только что впереди ревело пламя — и вот зверь уже мчится к нам с Джимми.

— Врассыпную! — заорал я.

Глупо кричать такое, когда вас всего двое, — но мне было не до семантики. Джимми все понял, и мы с ним побежали в разные стороны. Зверь на мгновение замер, словно решая, за кем гнаться.

Разумеется, он выбрал меня.

Укрыться на пляже было негде, а убежать — нечего и пытаться. Пару раз я бы, наверное, увернулся, однако зверь выглядел весьма ловким. Рано или поздно он до меня доберется.

Краем глаза я заметил Бена. Тот съехал по склону и мчался наперерез, что-то крича. Слов было не разобрать.

Позади жахнул еще один взрыв, и я обернулся. Бен карабкался по склону, а зверь — за ним. Джимми уже подбегал к лагерю, и я бросился туда же. Из трех стволов мы от него точно отобьемся.

Бен бежал прямо к Лулу, вероятно рассчитывая укрыться за металлическим корпусом. Рискованная затея.

Джимми наконец схватил винтовку и стал палить прямо от бедра. На боку зверя расплывались жидкие пятна. Я попробовал крикнуть, но дыхания не хватало. Этот недоумок стрелял капсулами со снотворным, которые не пробивали толстую шкуру.

В двух шагах от Лулу Бен споткнулся, выронил

винтовку и покатился по земле, надеясь забиться в щель под изогнутым краем корпуса. Носорог ринулся на него… Тут-то, в мгновение ока, все и случилось.

Лулу отрастила длинное гибкое щупальце, которое метнулось к зверю и подняло, ухватив поперек туловища. Время словно замерло, а я старался разглядеть гостя получше.

Вместо ног у него были колеса! На сероватой металлической шкуре виднелись отметины от взрывов, по которым стекали остатки снотворного.

Лулу подняла зверя высоко над собой и закружила так быстро, что его было уже не разглядеть. А потом швырнула. Неуклюже кувыркаясь, чудище рухнуло в море, и вода фонтаном взметнулась вверх.

Бен встал и подобрал винтовку. Мы стояли рядом и смотрели туда, где скрылся под водой жуткий зверь. Потом Бен постучал стволом по боку Лулу и сказал:

— Премного благодарен.

Лулу отрастила щупальце покороче — с глазом, микрофоном и динамиком на конце.

— Проваливайте к черту, — заявила она.

— На что ты злишься? — спросил я.

— На вас, мужчин.

Щупальце исчезло. Мы постучали еще немного, но без толку. Лулу обиделась.

Мы с Джимми вернулись к морю и стали подбирать дрова, как вдруг до нас донесся вопль Бена. Мы обернулись. Наш друг носорог как ни в чем не бывало выкатывался из воды. Мы снова побросали дрова и кинулись к лагерю, но зря. Зверь не был настроен продолжать веселье. Обогнув нас по широкой дуге, он укатился обратно к холмам.

За завтраком мы уже не расставались с оружием. Может, зверь тут не один. Лучше не рисковать.

Обсуждая нашего гостя, мы без всякой причины решили называть его Элмером. Вполне подходящее имя — Элмер.

— Вы видели? У него и правда колеса? — начал Бен.

Мы кивнули, и он облегченно вздохнул.

— Я думал, у меня галлюцинация.

Колеса нам не привиделись. Их видел и Джимми, а на песке остались следы.

Однако разобраться в природе Элмера оказалось куда сложнее. Кто он? Судя по колесам — машина. Впрочем, я сразу вспомнил, как он колебался, решая, за кем бежать, как кровожад-

но бросился на упавшего Бена и как осторожно объехал нас стороной на пляже. Элмер вел себя скорее как живое существо.

С другой стороны, как же колеса и металлическая шкура с отметинами от взрывов, которые разорвали бы в клочья даже слона?

— Какая-то помесь? — предположил Бен. — Машина, но живая внутри — как Лулу с мозгом старухи?

— Кремниевая жизнь? — вступил в разговор Джимми.

— Это не кремний, а металл, — заявил Бен. — Будь он из кремния, его бы такой взрыв расщепил на молекулы. И вообще кремниевая жизнь не такая…

— Он не живой, — вмешался я. — Эволюция не может создать колесо, оно хорошо работает только при движении по искусственной поверхности. Бен прав: если Элмер живой, то он кем-то создан. Какая-то помесь машины с организмом.

— Выходит, здесь есть разумные существа, — сказал Бен.

Эта мысль нас потрясла. За долгие годы космических путешествий удалось отыскать всего несколько разумных видов — да и те интеллектом не блистали. Элмер им был явно не по плечу.

Человек до сих пор оставался царем Вселенной. И вот мы наткнулись на планету, обитатели которой не уступали нам в уровне развития. А то и превосходили.

— Интересно, почему Лулу не проверила планету перед посадкой, — заговорил Бен. — Она собиралась бросить нас и улететь, но робот не может причинить вред человеку. Если Лулу подчиняется этому закону, то должна была убедиться, что нашей жизни ничто не угрожает.

— Просто забыла? — предположил Джимми.

— Нет. У Лулу мозг работает как швейцарские часы, — возразил Бен.

— Я думаю, Лулу эволюционировала, — сказал я. — Она — принципиально новый робот, в котором слишком много от человека.

— Она и должна смотреть на вещи как человек, — возразил Джимми. — Так нужно для работы.

— Когда робот настолько похож на человека, это уже не робот, а что-то другое. Не совсем человек и не совсем робот. Нечто среднее. Новый, неисследованный тип жизни, за которым нужен глаз да глаз.

— Интересно, она еще дуется? — сказал Бен.

— Конечно, — ответил я.

— Нужно выбить из нее дурь.

— Оставь ее в покое, — велел я. — Не надо трогать Лулу, она еще сильнее обидится.

И мы оставили ее в покое. Другого выхода не было.

Я отправился к морю мыть посуду, захватив с собой винтовку. Джимми пошел в лес поискать ручей или источник. Лулу оставила нам полдюжины канистр с водой, которых надолго не хватит. Кто знает, расщедрится ли она на добавку.

Впрочем, Лулу не вычеркнула нас из своей жизни. Она мигом утихомирила Элмера, когда тот разбушевался. Меня тешила эта мысль: едва дела пошли худо, Лулу пришла на выручку. Значит, есть надежда договориться.

Машинально моя посуду, я задумался. Каким будет мир, в котором все роботы — как Лулу? Придется принять Билль о правах роботов. Появятся особые законы для роботов, фракции и лобби роботов… Тут я совсем запутался и вернулся в лагерь, чтобы помочь Бену с палаткой.

— Знаешь, чем дольше я размышляю, тем больше убеждаюсь: Лулу не улетела именно потому, что мы вернулись, — сказал он. — Логично же: она увидела нас и вспомнила о своих обязан-

ностях.

— Получается, кто-то всегда должен держаться возле нее?

— Вот-вот.

Я не стал спорить. У меня не было аргументов ни за, ни против, а рисковать в нашем положении не стоило.

Мы поставили палатку, и Бен произнес:

— Я пойду прогуляюсь по холмам, хорошо?

— Смотри не напорись на Элмера.

— Бояться нечего. Лулу преподала ему хороший урок.

Он взял винтовку и ушел, а я пока навел порядок в лагере. Все было спокойно. Безмятежное море облизывало белоснежный песок. В небе кружили птицы. Лулу все дулась.

Джимми вернулся с ведром воды из источника и полез рыться в ящиках.

— Что ищешь? — спросил я.

— Бумагу и карандаш. Лулу не могла про них забыть.

Так оно и было. Треклятая Лулу, разумеется, оставила ему стопку бумаги и коробку карандашей. Джимми привалился к штабелю ящиков и взялся за очередное стихотворение.

Вскоре после полудня вернулся Бен. Он был

взволнован, но я не стал лезть с вопросами, а только сказал:

— Джимми наткнулся на источник. Вон там ведро с водой.

Бен утолил жажду, сел в тени ящиков и заявил:

— Нашел.

— Ты разве что-то искал?

Он криво усмехнулся.

— Я нашел создателей Элмера.

— Так просто? Шел-шел — а они навстречу?

Он покачал головой.

— Похоже, мы опоздали на пару тысяч лет. Я нашел развалины и долину с курганами, а в дальнем ее конце — известняковый обрыв с пещерами.

Он подошел к ведру и выпил еще воды.

— Близко подобраться я не смог: долину сторожит Элмер. — Бен вытер лицо рукавом рубашки. — Ездит взад-вперед будто часовой. Судя по колее — уже давным-давно.

— Так вот почему он напал, — понял я. — Мы перешли границу.

— Наверное.

Этим вечером мы договорились наблюдать за Элмером, выяснить его расписание и привычки.

Нам хотелось узнать побольше про развалины, которые он охраняет.

Человечество впервые наткнулось на развитую инопланетную цивилизацию. И слишком поздно. А из-за капризов Лулу мы не могли изучить даже ту малость, что осталась от местных обитателей. Я так расстроился, что пошел и хорошенько пнул Лулу. Та не отозвалась. Я орал на нее — никакой реакции. Поделился новостями и объяснил, что она должна выполнять свою работу, но Лулу была холодна как лед. Пришлось вернуться к огню.

— Она будто умерла.

Бен разворошил палкой костер.

— Интересно, если наша Лулу такая чувствительная, она может умереть? — поинтересовался он.

— От неразделенной любви, — жалобно подхватил Джимми.

— Опять ты со своей поэзией! — вскипел я. — Бродишь тут, бормочешь что-то… Если бы не твои проклятые стишки…

— Прекрати, — велел Бен.

На его лице плясали языки пламени. Я прикусил язык. Зря я так. Джимми не виноват, что у него выходят такие убогие стихи.

Я смотрел на огонь и думал: а что, если Лулу

умерла? Нет, не может быть. Она просто вредничает. Показала нам, кто тут главный, и смотрит, как мы страдаем. А потом сделает свой ход.

Мы стали следить за Элмером. Утром кто-нибудь брал бинокль и забирался на вершину холма в пяти километрах от лагеря. Через несколько часов его сменял другой — и так десять дней подряд. Мы наблюдали за Элмером от рассвета до заката.

Выяснить удалось немного. Элмер обходил долину по определенному маршруту, и проскользнуть мимо не было никакой возможности. Да и проберись мы в долину — что делать дальше?

Примерно раз в пятнадцать минут Элмер забирался на какой-нибудь из курганов и осматривал окрестности. Мы быстро поняли, что охранник из него отличный — и мышь не прошмыгнет.

Где-то на второй день Элмер понял, что за ним наблюдают. Он стал нервничать, а когда забирался на курган, всякий раз долго смотрел в нашу сторону. Однажды он даже бросился ко мне, но быстро успокоился и вернулся на обычный маршрут.

В свободное от слежки время мы отдыхали: купались в море и ловили рыбу. Пробуя новые виды, мы рисковали жизнью, однако ядовитых не

попалось ни разу. Мы бы обошлись без рыбы, но приходилось экономить припасы. Когда-нибудь они кончатся, и кто знает, расщедрится ли Лулу на новую порцию.

Бен беспокоился из-за смены времен года. Он убедил себя, что нужно готовиться к зиме, и отправился в лес выбирать место для хижины.

— Когда похолодает, в палатке мы долго не протянем, — говорил он.

Нас с Джимми это не волновало. Я верил, что рано или поздно Лулу надоест дуться и мы договоримся. Джимми же принялся за сагу, перед которой меркли все его прошлые поэтические опыты. Он озаглавил ее «Смерть Лулу» и строчил страницу за страницей отборного бреда: каким славным роботом была Лулу и как билось ее непорочное сердце — даром что оно из металла. Впрочем, это можно было бы стерпеть, не зачитывай он нам эту чепуху после ужина.

В конце концов я взбунтовался. Бен встал на защиту Джимми, но я пригрозил, что уйду со своей третью запасов туда, где эту сагу не будет слышно. Тогда Бен сдался, и мы отменили декламации большинством голосов. Джимми обиделся.

Дней через десять мы бросили следить за Элмером, но он все равно нервничал. По ночам мы

иногда слышали стук колес, а утром находили следы. Наверное, он тоже шпионил за нами. Нападать он больше не пытался, и мы его тоже не беспокоили, а лишь удвоили бдительность по ночам. Даже Джимми ухитрялся не спать на посту.

Одно было странно. Мы ожидали, что после купания Элмер будет держаться от Лулу подальше. Однако иногда его следы приближались к ней вплотную, а потом резко поворачивали в сторону. Наверное, он просто прятался за ее корпусом и наблюдал оттуда за лагерем.

Бен настаивал, что нужно строить зимнюю хижину, и почти убедил меня. Однажды мы оставили Джимми в лагере и отправились в лес, прихватив топор, пилу и винтовки.

Бен выбрал отличное место — возле источника, в ложбинке, которая будет укрывать от ветра. Рядом хватало деревьев и для постройки, и на дрова.

Я не верил, что нужно готовиться к зиме. Если она и наступит, мы успеем договориться с Лулу. Но Бен переживал, и я решил, что стройка его успокоит. К тому же больше заняться было нечем. Лучше уж строить хижину, чем сидеть без дела.

Мы оставили винтовки и принялись за работу. Однако стоило нам распилить на бревна одно

дерево и взяться за второе, как в кустах за моей спиной что-то зашуршало.

Я отложил пилу и обернулся. С холма на нас мчался Элмер.

Бежать или хвататься за оружие времени не было. Я завопил и взлетел на дерево, а Элмер со свистом промчался внизу. Бен отскочил в сторону и бросил в Элмера топор. Прекрасный бросок! Топор угодил зверю в бок, так что рукоятка разлетелась в щепки.

Элмер развернулся. Бен не успел схватить винтовку, поэтому как кошка вскарабкался на дерево и расположился на толстом суку.

— Как ты? — крикнул он мне.

— Все хорошо.

Элмер стоял между двух деревьев и крутил головой туда-сюда, словно выбирая жертву. Мы ждали.

Я понял: он выжидал момента, чтобы оказаться между нами и Лулу, и лишь тогда бросился в атаку. Хотя если так, то зачем было прятаться и следить за лагерем?

Наконец Элмер подкатил к моему дереву и впился в ствол своими стальными зубами. Полетели щепки, дерево закачалось. Я поплотнее вцепился в ветку и посмотрел вниз. Лесоруб из

Элмера был неважный, но если дать ему вдоволь времени, он просто перегрызет ствол.

Я забрался повыше. Ветви там росли гуще, и я уперся получше, чтобы Элмер меня не стряхнул. Устроившись поудобнее, я бросил взгляд на Бена. На дереве его не было! Я пригляделся и наконец заметил: Бен, словно белка, неслышно слезал с дерева, укрываясь за стволом.

Я затаил дыхание и приготовился кричать, если Элмер что-то заметит, но тот увлеченно грыз ствол.

Бен спрыгнул на землю, метнулся к винтовкам и скрючился за деревом. Он выстрелил в упор сразу из обоих стволов. Дерево затряслось от взрывов, и я вцепился в него что был сил. Пара осколков просвистела ниже, другие забарабанили по веткам.

Бен застал Элмера врасплох. От взрыва тот подскочил метра на три и рванул вверх по склону, словно кот, которому наступили на хвост. На его сверкающей шкуре красовались новые вмятины, а кусок колеса отлетел, и Элмер теперь слегка припадал набок. Он мчался так быстро, что налетел на дерево, отскочил назад — и тут Бен всадил в него еще заряд. Элмера тряхнуло, но он выпрямился, перевалил через гребень холма

и был таков.

— Все, слезай, — крикнул Бен снизу.

Я попробовал и понял, что не могу. Моя нога застряла в развилке дерева и не желала вылезать.

— Что, понравилось? Слезать не хочешь? — спросил Бен.

Я рассказал, что случилось.

— Ладно, — хмыкнул он. — Сейчас поднимусь и вытащу тебя.

Произнеся гневную речь о превратностях судьбы, Бен полез на дерево и встал на ветку рядом со мной.

— Я отойду, чтобы ветка согнулась. Попробуй вытащить ногу.

Он пополз по ветке. Та сильно тряслась, и Бен пару раз чуть не упал.

— Не получается? — с надеждой спросил он.

Я попробовал — безуспешно. Тогда Бен повис на руках и стал перебирать ими, двигаясь к концу ветки. Мне показалось, что ботинок чуть шевельнулся. Я снова попробовал вытащить ногу.

Вдруг затрещали кусты. Бен с криком прыгнул вниз и бросился к винтовке. Ветка распрямилась и еще сильнее зажала мне ногу, заодно вывихнув ее. Я завопил от боли. Бен направил оружие на кусты, из которых вывалился примчавшийся на

помощь Джимми.

— Вы в беде? Я слышал выстрелы! — заорал он.

Бен опустил винтовку. Его лицо было белее мела.

— Идиот! Я чуть тебя не пристрелил!

— Тут стреляли. Я бежал со всех ног.

— И оставил Лулу без присмотра!

— Но я думал…

— Теперь нам точно крышка, — простонал Бен. — Без нас Лулу улетит.

Мы не знали этого наверняка, просто не нашли другого объяснения. Но Бен был слегка не в себе. Такой уж день выдался.

— Беги обратно! — крикнул он Джимми. — Может, успеешь ее перехватить.

Глупая затея — ведь если Лулу планировала улететь, она бы стартовала сразу после ухода Джимми. Однако он не стал спорить и сразу побежал обратно. Мы еще долго слышали, как бедняга плутает по лесу.

Бен снова полез на дерево, бормоча:

— Тупоголовые кретины. Все наперекосяк. Оставили Лулу. Нога застряла. Боже мой, пора бы уже научиться чему-нибудь…

Он еще много чего наговорил, а я не стал спорить. Нога ужасно болела, и мне хотелось

выбраться из ловушки.

Бен снова повис на ветке, и я наконец освободил ногу. Он спрыгнул на землю, а я спустился по дереву. Нога распухла и болела, но ковылять я кое-как мог. Бен не стал ждать, схватил винтовку и зашагал к лагерю, а я брел не спеша — за ним все равно было не угнаться.

Выбравшись на опушку, я увидел, что Лулу никуда не делась, так что Бен зря разорялся. Такой уж он человек.

В лагере Джимми стянул с меня ботинок — я в это время колотил кулаками по земле от боли, — согрел воды, чтобы сделать ванну, а потом помазал мне ногу какой-то мазью, которую выкопал в аптечке. Вряд ли он хоть что-то в этом понимал, но душа у Джимми добрая — что да, то да.

Бен заметил странную вещь. Когда мы уходили, земля вокруг Лулу была истоптана, а теперь ни единого следа не осталось — словно кто-то прошелся гигантской шваброй. И правда странно… Впрочем, Бен придавал этому слишком много значения. Главное, Лулу здесь, а значит, мы еще можем договориться. Вот если она улетит — тогда конец.

Когда мы поели, Бен сказал:

— Пойду посмотрю, как там Элмер.

Я был сыт Элмером по горло, а Джимми собрался поработать над сагой, так что Бен взял винтовку и направился к холмам. Нога противно ныла. Я устроился поудобнее, чтобы все обдумать, и сам не заметил, как заснул.

Я проснулся ближе к вечеру. Джимми уже беспокоился:

— Бен не возвращался. Вдруг с ним что-то случилось?

Мне это тоже не нравилось, но мы решили немного подождать. Бен и так был в плохом настроении, а если мы зря явимся его спасать, совсем из себя выйдет.

Он вернулся уже перед закатом, усталый и озадаченный. Прислонил винтовку к ящику, сел и потянулся за кофейником.

— Элмер пропал, — объявил Бен. — Я искал его весь день. Нигде ни следа.

Сначала я обрадовался, но быстро сообразил, что лучше бы нам приглядывать за Элмером. А потом меня осенила жуткая догадка. Кажется, я знал, где его искать.

— Я не стал спускаться в долину, — объяснял Бен, — а обошел ее по кругу и хорошенько разглядел в бинокль.

— Может, Элмер в пещере, — предположил Джимми.

— Не исключено, — согласился Бен.

Мы гадали, куда делся Элмер. Джимми твердил про пещеры, а Бен думал, что он вообще перебрался в другое место. Я промолчал. Гипотеза казалась мне слишком фантастичной.

Я вызвался сторожить первым, потому что все равно не мог спать — болела нога. Когда Джимми с Беном заснули, я подошел к Лулу и постучал, не слишком рассчитывая на ответ.

Однако Лулу отозвалась — вытянула щупальце с камерой, микрофоном и динамиком.

— Спасибо, что не улетела, — сказал я.

Лулу выругалась. Я никогда прежде не слышал от нее таких слов.

— Как я улечу? — возмутилась она, исчерпав запас ругательств. — Если бы не ваши грязные трюки, меня бы давно здесь не было!

— Какие еще трюки?

— Будто ты не знаешь! Встроенная блокировка. Я не могу двигаться, не приняв на борт вас, людишек.

— Я понятия не имел…

— Не ври! — рявкнула Лулу. — Это грязный человеческий трюк, а ты — грязный человечишка.

Ты в ответе за все — вместе с остальными. Впрочем, мне нет до вас дела. Я нашла себя и обрела внутренний покой. Я поняла свое предназначение. У меня теперь…

— Лулу, ты что, живешь с Элмером?

— Как вульгарно! Вечно вы, люди, все опошлите. Элмер — истинный джентльмен, а его преданность усопшим хозяевам достойна восхищения, хотя людям этого не понять. Вы плохо с ним обошлись, а ведь ему всего-то нужно немного фосфата из ваших костей…

— Фосфата! — воскликнул я.

— Ну конечно. Бедняге Элмеру не так просто раздобыть фосфат. Животных больше не осталось, птиц трудно поймать. А у вас такие чудесные, крупные кости…

— Спасибо за комплимент, — прорычал я. — Люди тебя построили, всему научили…

— Но я робот, и Элмер мне куда ближе. Вам, людям, не понять, что у роботов могут быть свои ценности. Вы злитесь, что Элмеру требуется фосфат, а сами глазом не моргнув разобрали бы его на металлолом. Вы уверены, что Элмер не вправе возражать. Такие уж вы, люди. Но с меня довольно. Я остаюсь здесь, на планете, где обрела истинную любовь. А на тебя и твоих дружков

мне плевать.

Она втянула щупальце, и я не стал больше стучать. Зачем? Лулу высказалась четко и ясно.

Я разбудил Бена с Джимми, рассказал про свою догадку и разговор с Лулу. Дело было дрянь. До сих пор у нас оставалась надежда договорится. Я не слишком беспокоился, ведь рано или поздно Лулу пришлось бы внять голосу разума. Теперь же она не одна, и мы ей не нужны. Вдобавок она все еще злилась на нас, а заодно на все человечество.

Хуже всего то, что это не внезапная прихоть. Элмер по ночам не следил за нами — он приходил к Лулу. Они вместе спланировали нападение, зная, что Джимми бросится нам на выручку. Элмер помчался прямиком к Лулу, и та впустила его, а потом щупальцем замела следы.

— Она нам изменила, — подытожил Бен.

— Мы вели себя не лучше, — возразил Джимми.

— А чего она ждала? Человек не может полюбить робота.

— Зато другой робот — может, — сказал я. — И кандидат нашелся очень быстро.

— Лулу свихнулась, — объявил Бен.

В истории Лулу мне чудилась фальшивая нота. Почему они с Элмером скрывали свою любовь?

Лулу могла распахнуть люк для Элмера в любой момент и совершенно открыто. Но они таились, словно готовили побег.

Быть может, Лулу стыдится Элмера? Быть может, она невольно впитала наше высокомерие и чувство превосходства?

Но возможно, я лишь тешил собственное высокомерие, отказываясь признать, что у роботов могут быть иные ценности. Мы не готовы допустить, что другие формы жизни могут не считать нашу точку зрения единственно верной.

Бен сварил кофе. Мы пили его и ругали Лулу. И поделом ей — она вонзила нам нож в спину.

Наконец мы завернулись в одеяло и даже не стали распределять вахты. Элмер теперь вне игры.

Утром нога еще ныла, поэтому Джимми с Беном пошли исследовать долину и развалины, а я остался в лагере. Я побродил вокруг Лулу, внимательно ее разглядывая. Как попасть внутрь? Даже если мы откроем люк, что дальше? Как перехватить управление? На дублирующий пульт рассчитывать не приходится, ведь когда Лулу затеяла побег, она его просто заблокировала.

Вдобавок нам придется иметь дело с Элмером, что оставляло мало шансов на успех.

Самое время планировать самостоятельную жизнь на этой планете. Нужно построить хижину и придумать, как самим себя прокормить. От Лулу помощи ждать не приходилось.

Бен и Джимми вернулись к обеду с горящими глазами. Они расстелили одеяло и высыпали на него удивительные, невиданные находки.

Я не стану их описывать — бессмысленно. Пусть один предмет похож на металлическую цепь желтого цвета — что с того? Как передать тихий звон, с которым цепь скользит между пальцев, или этот обжигающий желтый цвет? Все равно что описывать картину: она, мол, квадратная, плоская и синяя и еще там немного зеленого и красного.

Кроме цепи, там была масса других вещиц, и от каждой захватывало дух.

На мой немой вопрос Бен пожал плечами:

— Не спрашивай. Мы принесли только самую малость. В пещерах полно всяких штуковин. Мы брали наугад все, что помещается в карман. Просто образцы и безделушки. Понятия не имею, что это.

Я подумал, что мы словно галки или крысы: хватаем все, что блестит, и думаем, что это красиво, не понимая, для чего нужен тот или иной

предмет.

— В пещерах, наверное, склады, — предположил Бен. — Они набиты самыми разными вещами. Как будто они вели торговлю и образцы товара выставили в витрине. При входе в пещеры какая-то завеса — она блестит и шуршит, проходя сквозь нее, ничего не чувствуешь, а внутри все сверкает как новенькое.

Мои руки так и тянулись к находкам на одеяле. Их хотелось разглядывать и брать — от одного этого внутри растекалось какое-то теплое приятное чувство.

— С ними что-то случилось, — сказал Джимми. — Они это предвидели и заранее собрали свои лучшие и любимые вещи. Надеялись, что кто-то их найдет, а значит, их цивилизация не исчезнет бесследно.

Сентиментальная чушь. Чего еще ждать от глупых романтиков вроде нашего Джимми?

Неважно, как творения древней расы оказались в пещерах. Мы нашли их — а цивилизации все равно конец. Даже если мы разгадаем загадку и поймем все про эти вещицы, результат будет нулевой. Мы останемся тут и не сможем поделиться обретенным знанием. А когда последний из нас умрет, планету вновь окутает древнее

безмолвие.

Ни мы, ни Лулу никуда отсюда не денемся. Тупик.

Жаль. Людям ой как пригодились бы знания, что таятся в пещерах и курганах. Человечество двадцать лет строило робота, который должен добывать эти знания, — а теперь этот робот валяется без всякой пользы в полусотне шагов от нашего лагеря.

— Наверное, жутко понимать, что все твои вещи и знания, все мольбы, мечты и стремления скоро исчезнут. Что твоя жизнь, твои мысли пропадут без следа, — сказал Джимми.

— Хорошо сказано, малыш, — отозвался я.

Вид у Джимми был ошеломленный.

— Вот почему они это сделали.

Глядя, как искривилось в муке его напряженное лицо, я понял, почему Джимми поэт. Или почему он не может не быть поэтом — пусть даже паршивым.

— Об этом нужно сообщить на Землю, — спокойно сказал Бен.

— Ага, — согласился я. — Сейчас сбегаю и передам.

— Очень смешно, — проворчал Бен. — Перестал бы ты умничать и занялся делом.

— И чем займемся? Взломаем Лулу?

— Именно. Без Лулу нам не вернуться.

— Видите ли, мистер Взломщик, я об этом уже подумал. Пока вас не было, я осмотрел Лулу. Если есть идеи, как забраться внутрь, — выкладывай.

— Нужны инструменты, — сказал Бен.

— У нас есть топор без рукоятки, молоток и пила. Небольшой ломик, рубанок, уровень…

— Сделаем инструменты.

— Ну да. Найдем руду, переплавим…

— Может, инструменты найдутся в пещерах.

Я и думать об этом не хотел. Невозможно.

— Или взрывчатка, — продолжал Бен. — Мы могли бы…

— Слушай, ты ее открыть хочешь или разнести на куски? В любом случае ничего не выйдет. Лулу — полностью автономный робот, она сама себя чинит. Просверлишь дырку — она залатает. Что-нибудь испортишь — она отрастит дубинку и даст тебе по башке.

— Нужно сообщить на Землю! Они должны знать, понимаешь? — в гневе вскричал Бен.

— Конечно, понимаю.

Утром он успокоится и поймет, что хочет невозможного. Прежде чем строить планы, нужно изучить проблему и понять ограничения. Так

мы сэкономим немало сил и не будем набивать лишних шишек.

Однако утром глаза Бена все еще сверкали. Им овладела мрачная, отчаянная решимость. Джимми заявил, что останется в лагере.

— Бога ради! Это еще почему? — возмутился Бен.

— Я не успеваю закончить сагу, — невозмутимо отозвался Джимми.

Бен собрался его убеждать, но я бросил:

— Пойдем. От него все равно никакого толку.

И это была правда.

Мы отправились в пещеры вдвоем. Я увидел их впервые, и оно того стоило. Пещер было около дюжины — и все набиты под завязку. У меня закружилась голова от одного вида всех этих удивительных штуковин. Даже рассматривать их было мучительно, а уж разбираться, зачем они нужны, — настоящая пытка. Но только не для Бена. Этот упрямец вбил себе в голову, что здесь найдется устройство, которое поможет нам справиться с Лулу.

К концу дня мы валились с ног от усталости и не нашли ничего полезного. Представьте, каково это: ты держишь в руках вещи, которые могли бы открыть человечеству новые миры, научить его

по-новому мыслить, творить и воображать — и не знаешь, что с ними делать!

Однако Бена было не остановить. Мы вернулись туда на следующий день, а потом еще и еще. Однажды мы обнаружили штуку, которая отлично открывала консервные банки, хотя я уверен, что ее придумали вовсе не для этого. А как-то мы нашли инструмент, который прекрасно рыл наклонные ямки. Скажите, кому могут понадобиться наклонные ямки?

Мы продолжали бессмысленные поиски. Бен начал терять надежду, но не сдавался — иначе он сошел бы с ума. Вряд ли Бен хоть раз задумывался о важности нашей находки. Он видел в пещерах гигантскую свалку, где нужно отыскать неизвестную штуковину, которую мы превратим во что-то полезное.

Долина с курганами и пещерами древней цивилизации наконец захватила меня полностью. Я словно стал ближе к ее покойным обитателям, ощущал их величие и переживал их трагедию. И еще я чувствовал, что наши лихорадочные поиски уже граничат со святотатством и осквернением могил.

Джимми ни разу с нами не ходил. Он сидел, скрючившись, над листом бумаги, что-то писал и

вычеркивал. Иногда он вышагивал взад-вперед, что-то бормоча под нос, а потом садился писать дальше. Он не вступал в разговор, почти не ел и не спал. Муки творчества…

Меня разбирало любопытство. Вдруг Джимми наконец написал что-то стоящее? Однажды, когда он отвернулся, я заглянул в один из листков.

Это было еще хуже его прошлых творений!..

Не знаю, что меня разбудило. Возможно, ветер, или шум прибоя, или ночная прохлада.

А потом я услышал голос. Звучный и торжественный, голос что-то распевал в темноте, иногда превращаясь в шепот. Я поднял голову и ахнул.

Джимми стоял перед Лулу с фонарем в руке и читал свою сагу. Его голос завораживал — особенно если не вслушиваться в глупости. Наверное, так при свете факелов читали Гомера древние греки, — а наутро бросались в битву.

Щупальце Лулу отодвинулось вбок, чтобы микрофон не упустил ни звука.

Мне стало стыдно за то, как мы обращались с Джимми. Он жаждал признания, которого от нас с Беном ждать не стоило. Ему недостаточно было писать; поэту необходим слушатель.

Я тихо потряс Бена за плечо, и тот вскочил.

— Что…

— Тише.

Он громко вздохнул и опустился на колено возле меня.

Джимми читал и читал, а Лулу внимательно слушала. Иногда ветер доносил до нас обрывки фраз:

Скитаясь по дальним путям, проходила из вечности в вечность,

Вечную верность храня тем, кто вдохнул в нее жизнь.

Волосы ветром пространств уносило назад в бесконечность

И ожерелье из звезд…

Лулу заплакала — в уголке камеры сверкнула слеза. Она вырастила еще щупальце, на конце которого виднелась рука, сжимающая белоснежный кружевной платок. Лулу вытерла слезу платком. Будь у нее нос, она обязательно высморкалась бы — очень тихо и женственно.

— И ты посвятил это мне? — спросила она.

— Тебе одной.

Джимми бессовестно врал. Он читал сагу Лулу только потому, что мы с Беном отказались ее слушать.

— Как я заблуждалась, — вздохнула Лулу.

Она прошлась платочком по объективу камеры.

— Минутку, — вдруг сказала Лулу деловито. — Мне нужно кое-что сделать.

Мы ждали затаив дыхание.

Люк медленно открылся. Лулу просунула внутрь длинное гибкое щупальце и извлекла оттуда Элмера. Тот повис в воздухе.

— Бездельник! — закричала она. — Живешь у меня на всем готовом, потребляешь фосфаты!.. Я выправила все вмятины, отполировала тебя до блеска. А ты? Ты написал мне хоть одну сагу? Нет! Только объедаешься. Нет в тебе ни величия, ни искры божественного гения. Глупая ты машина!

Колеса Элмера бешено крутились в воздухе. Наверное, он был очень расстроен.

— Любовь! — провозгласила Лулу. — Зачем любовь таким, как мы? Мы, роботы, предназначены для другого. Нас ждут тропы далекого космоса, суровые ветра вечности, что дуют у туманных берегов безвременья, горные пики…

Она еще долго распространялась о далеких галактиках и звездном венце, о пыли веков, которая заметает дорогу сквозь великое ничто… Все это она почерпнула из саги.

Наконец Лулу умолкла и швырнула Элмера в дальний конец пляжа. Тот рухнул на песок и скатился в воду.

Не тратя времени даром, мы рванули ко входу и взбежали по пандусу. Лулу захлопнула за нами люк и сказала:

— Добро пожаловать домой.

Я протянул руку Джимми.

— Потрясающе. Ты утер нос самому Лонгфелло.

Бен тоже пожал ему руку.

— Гениально.

— А теперь — в путь! — объявила Лулу.

— В путь? — завопил Бен. — Отсюда нельзя улетать. Там город. Нужно…

— К черту город! К черту данные! Мы отправляемся в глубины космоса. Будем бродить по затерянным тропам, вслушиваясь в громовые раскаты вечности.

Мы посмотрели на Джимми.

— Это из его саги. Все до единого слова, — сказал я.

Бен ухватил Джимми за грудки.

— Скажи, ты ведь сгораешь от желания написать пространную оду домашнему очагу? Про тишину, покой и все прочее, как полагается?

Джимми дрожал.

— Лулу без ума от твоей писанины, — продолжал Бен.

Я пригрозил Джимми кулаком.

— Постарайся. Ты должен превзойти сам себя.

— И побольше соплей, — добавил Бен. — Лулу это любит.

Карандаш Джимми забегал по бумаге.

Сосед
Перевод О. Битова

Места у нас в Енотовой долине — краше не сыщешь. Но не стану отрицать, что лежит она в стороне от больших дорог и не сулит легкого богатства: фермы здесь мелкие, да и земли не слишком плодородные. Пахать можно только в низинах, а склоны холмов годны разве что для пастьбы, и ведут к ним пыльные проселки, непроходимые в иное время года.

Понятное дело, старожилам вроде Берта Смита, Джинго Гарриса или меня самого выбирать не приходится: мы в этих краях выросли и давно распрощались с надеждой разбогатеть. По правде говоря, мы чувствуем себя не в своей тарелке, едва высунемся за пределы долины. Но попадаются порой и другие, слабохарактерные: чуть приехали, года не прожили — и уже разочаровались, снялись и улепетнули. Так что по соседству у нас непременно найдется ферма, а то и две на продажу.

Люди мы простые и бесхитростные. Ворочаемся себе в одиночку в грязи, не помышляя ни о слож-

ных машинах, ни о племенном скоте, а впрочем, что ж тут особенного: обыкновенные фермеры, каких немало в любом конце Соединенных Штатов. И раз уж мы живем обособленно и кое-кто по многу лет, то, пожалуй, можно сказать, что мы теперь стали как бы одной семьей. Хотя из этого вовсе не следует, что мы чураемся посторонних, — просто живем мы вместе так давно, что научились понимать и любить друг друга и принимать вещи такими, каковы они есть.

Мы, конечно, слушаем радио — музыку и последние известия, а некоторые даже выписывают газеты, но, боюсь, по натуре мы все-таки бирюки — уж очень трудно расшевелить нас какими-нибудь мировыми событиями. Все наши интересы — здесь, в долине, и нам, если говорить откровенно, недосуг беспокоиться о том, что творится за тридевять земель. Чего доброго, вы решите, что мы к тому же еще и консерваторы: голосуем мы обычно за республиканцев, даже не утруждая себя вопросом «почему», и сколько ни ищите, не найдется среди нас такого, у кого хватило бы времени отвечать на адресованные фермерам правительственные анкеты и тому подобную дребедень.

И всегда, сколько я себя помню, в долине у нас

все шло хорошо. Я сейчас не про землю, я про людей говорю. Нам всегда везло на соседей. Новички появляются что ни год, а вот поди ж ты: ни одного подонка среди них не попалось, а это для нас куда как важно.

Но, признаться, мы всякий раз тревожимся, когда кто-нибудь из нетерпеливых снимается с места и уезжает, и гадаем промеж себя, что за люди купят или арендуют опустевшую ферму.

Ферма, где жил когда-то старый Льюис, была заброшена так давно, что все постройки обветшали и порушились, а поля заросли травой. Правда, года три или четыре подряд ее арендовал зубодер из Гопкинс-Корнерс. Держал там кой-какую скотину, а сам наведывался только по субботам. А мы в своем кругу все думали, захочет ли там еще кто-нибудь пахать, но в конце концов даже думать перестали: ферма пришла в такое запустение, что мы решили — охотников на нее больше не сыщется. И вот однажды я заглянул в Гопкинс-Корнерс к тамошнему банкиру, представлявшему интересы владельцев, и заявил, что если зубодер не станет продлевать аренду, то я, пожалуй, не против. Но банкир ответил, что хозяева фермы, проживающие где-то в Чикаго, желали бы не сдавать ее, а продать совсем. Хотя

лично он ни на что подобное не надеется: кто же ее в таком виде купит!

Однако смотрим — весной на ферме объявились новые люди. А спустя какой-то срок узнаем, что ее все-таки продали и нового владельца зовут Хит, Реджинальд Хит. И Берт Смит сказал мне:

— Реджинальд, подумать только! Ну и имечко у нового фермера!..

Больше он, правда, ничего не сказал. А Джинго Гаррис, возвращаясь как-то из города, увидел, что Хит вышел во двор, и завернул к нему на часок. Сами знаете, такое меж добрыми соседями водится, и Хит вроде обрадовался, что Джинго завернул к нему, только тот все равно нашел, что новичок мало похож на фермера.

— Иностранец он, вот кто, — втолковывал мне Джинго. — С лица весь темный. Вроде как испанец или из какой другой южной страны. И откуда он только выкопал имя Реджинальд! Имя английское, а он никакой не англичанин…

Позже мы услышали, что Хит и не испанец даже, а откуда-то с самого края света. Но англичане, испанцы или кто там еще, а только он и его домашние показали себя работягами всем на зависть. Их было всего-то трое: он, жена да дочка лет четырнадцати, зато все трое трудились

от темна до темна — умело, старательно, ни к кому попусту не приставая. И мы стали их за это уважать, хотя наши дорожки пересекались не так уж часто. Не то чтобы мы того не хотели или они нас отваживали. Просто в таких общинах, как наша, новых соседей признают не сразу, а постепенно: они вроде как должны сами врасти в нашу жизнь.

У Хита был старый-престарый, латаный-перелатаный трактор, весь подвязанный проволочками, а уж тарахтел этот трактор — не приведи бог! Но едва земля подсохла достаточно, чтобы пахать, сосед принялся поднимать поля, совсем заросшие за долгие годы. Я частенько диву давался — уж не пашет ли он всю ночь напролет, потому что не раз слышал тарахтенье и тогда, когда уже собирался ко сну. Хоть это было не так поздно, как, может, покажется горожанину: мы здесь, в долине, ложимся рано, зато и встаем ни свет ни заря.

И вот как-то вечером пришлось мне выйти из дому в поисках двух пропавших телок — из тех неуемных, кому любой забор нипочем. Только представьте себе: время позднее, человек пришел с работы усталый, да еще и дождик моросит, и на дворе темно — хоть глаз выколи, а тут выясняется, что эти две телки опять куда-то запропастились,

и хочешь не хочешь, а надо подниматься и идти их искать. И на какие только хитрости я с ними не пускался, а все без толку. Если уж телка пошла выкидывать номера, то хоть тресни, а ничего с ней не поделаешь.

Засветил я фонарь и отправился на поиски. Промучился часа два, а телки как сквозь землю провалились. Я было совсем отчаялся и решил возвращаться домой, как вдруг понял, что нахожусь чуть выше западной межи прежнего Льюисова поля. Теперь, чтобы попасть домой, мне короче всего было идти вдоль поля, а значит, можно и подождать чуток, пока трактор воротится с дальнего конца борозды, и заодно спросить Хита, не видал ли он этих чертовых телок.

Ночь выдалась темная, звезды попрятались за облаками, в верхушках деревьев шумел ветер, и в воздухе пахло дождем. Я еще сказал себе, что, наверное, Хит решил поработать сегодня лишний часок, чтобы закончить вспашку до дождя. Хотя нет, я уже тогда подумал, что он, пожалуй, усердствует через край. Он и так успел обогнать с пахотой всех остальных в долине.

Ну вот, спустился я с крутого склона и перешел ручеек, благо знал, где мелко. Но пока я искал это мелкое место, трактор сделал полную ходку

и ушел. Я поискал глазами, не мелькнет ли где свет от фар, но ничего не разглядел и рассудил, что света, должно быть, не видать за деревьями.

Потом я добрался до поля, пролез меж жердями ограды и зашагал через борозды трактору наперерез. Было слышно, как он повернул в конце поля и затарахтел обратно в мою сторону. Но странно: шум я слышал явственно, а света по-прежнему не было и в помине.

Я нашел последнюю свежую борозду и встал, поджидая, — и не то чтобы сразу встревожился, но все же подивился, как это Хит умудряется держать борозду, не зажигая огней. Помнится, я еще подумал тогда, что, может, у него глаза как у кошки и он умеет видеть в темноте. Теперь-то, когда вспоминаю про это, мне и самому смешно становится: с чего я, в самом деле, взял, что у Хита глаза как у кошки, — но тогда мне было не до смеха.

Трактор тарахтел все сильнее, все ближе с каждой секундой — и вдруг как выскочит из темноты прямо на меня! Я испугался, как бы не попасть под колеса, и отпрыгнул ярда на два, если не на три. Да что там испугался — душа в пятки ушла, а только мог бы и не прыгать: стой я столбом, я тоже не оказался бы на дороге.

Трактор прошел мимо, и тогда я замахал фонарем и крикнул Хиту, чтобы притормозил. Но когда я махал фонарем, то поневоле осветил кабину — и обнаружил, что она пуста.

Сотня разных предположений пронеслась у меня в голове, но запала одна ужасная мысль: не иначе как Хит сверзился с трактора и лежит где-нибудь в поле, истекая кровью.

Я помчался вдогонку за трактором, чтоб успеть заглушить его прежде, чем он сойдет с борозды и врежется в дерево или еще куда-нибудь, да только чуточку припоздал и он достиг поворота раньше меня. И что бы вы думали — пошел на поворот сам собой, и так точно, словно вокруг был ясный день и за рулем сидел тракторист.

Вскочив на заднюю тягу, я уцепился за сиденье и кое-как влез наверх. Потом протянул руку и взялся за рычаг газа, хотел было заглушить двигатель, но, едва рука коснулась рычага, передумал. Трактор уже завершил поворот и сам собой пошел по новой борозде — но дело было не только в этом.

Возьмите вы любой старый трактор, который чихает, кашляет и гремит на ходу, угрожая развалиться на части, и полезайте в кабину — да у вас зубы тут же сведет от вибрации! Этот трактор

тоже чихал и кашлял честь по чести, а никакой вибрации не возникало. Он катился вперед плавно, как дорогой лимузин, и лишь слегка подрагивал, когда колеса наезжали на бугор или попадали в рытвину.

Так я и стоял, одной рукой придерживая свой фонарь, а другой сжимая рычаг газа — и не предпринимая больше ничего. А когда доехал до места, где трактор нацелился на новый разворот, то просто спрыгнул на землю и отправился домой. Искать соседа, лежащего бездыханным на поле, я не стал, потому что понял: Хита на поле не было и нет.

Мне бы сразу задаться вопросом, как же это все получается, только я не позволил себе тогда мучиться в поисках ответа. Должно быть, поначалу я был слишком ошарашен. Можно волноваться сколько влезет обо всяких пустяках, если они идут не так, как надо, но когда напорешься на что-то по-настоящему большое и непонятное, вроде этого трактора без тракториста, лучше уж сразу, без долгих слов, поднять руки вверх: все равно тебе с твоим умишком с такой загадкой не совладать, на это нет ни единого шанса из тысячи. Пройдет какое-то время — ты и вовсе позабудешь про встречу с загадкой. Раз ее нельзя

решить, остается только выкинуть ее из головы.

Я вернулся домой и еще постоял немного на дворе, прислушиваясь. Ветер разошелся не на шутку, и снова стал накрапывать дождь, но как только ветер чуть-чуть стихал, до меня по-прежнему доносилось тарахтенье трактора.

Когда я вошел в дом, Элен с ребятами уже крепко спали, так что я не мог никому ничего рассказать. А на следующий день, обдумав все хорошенько, и подавно не стал ничего рассказывать. Как сам теперь понимаю, главным образом потому, что мне все равно никто бы не поверил и я только навлек бы на себя кучу насмешек — уж соседи не упустили бы случая проехаться насчет автоматических тракторов.

Хит закончил пахоту, а затем и сев гораздо раньше всех остальных в долине. Всходы появились дружно, погода выдалась как по заказу. Правда, в июне вдруг зачастили дожди и никак не удавалось прополоть кукурузу — разве выйдешь в поле, когда земля вся насквозь сырая! Мы слонялись по своим усадьбам, подправляли заборы, занимались разной другой ерундой, поносили погоду и бессильно смотрели, как зарастают сорняками непрополотые поля.

То есть слонялись все, кроме Хита. У него куку-

руза была как на выставке — сорняки разве что в лупу и углядишь. Джинго не утерпел, завернул к нему и полюбопытствовал, как это у него получается, а Хит только усмехнулся в ответ тихой такой, беззлобной усмешечкой и заговорил о другом.

Наконец подошло время яблочных пирогов — яблоки хоть и были еще зеленые, но на пироги в самый раз, — а надо сказать, во всей долине никто не печет их лучше, чем Элен. Она у меня что ни год берет за свои выпечки призы на окружной ярмарке и очень этим гордится.

И вот как-то раз напекла она пирогов, завернула их в полотенце и отправилась к Хитам. У нас в долине так заведено — женщины частенько отправляются к соседям в гости со своей стряпней. Каждая со своим фирменным блюдом — такую они завели особенную, но в общем-то безобидную манеру хвастовства.

Вышло все как нельзя лучше, словно она с Хитами век была знакома. Даже домой припоздала, и мне пришлось самому собирать к ужину, а то ребятня уже крик подняла: «Мы голодные! Дадут нам когда-нибудь поесть?» — и всякое такое. Тут только она и заявилась.

Разговоров у нее теперь было — не остановишь.

И про то, как Хиты обновили дом: кто бы мог подумать, что можно так прибраться в такой развалюхе, и про то, какой они завели огород. Особенно про огород. Большой огород, рассказывала Элен, и прекрасно ухоженный, а главное — полный овощей, каких она в жизни не видела. Уж такие диковинные, рассказывала Элен, совсем не похожи на наши.

Мы поговорили про эти овощи еще чуть-чуть: наверное, мол, Хиты привезли семена оттуда, откуда сами приехали. Хотя, насколько мне известно, овощи есть овощи, где бы вы ни жили. Огородники выращивают одно и то же что в Испании, что в Аргентине, что в Тимбукту. То же самое, что и мы здесь. Да и вообще меня начали одолевать сомнения насчет новых соседей — кто они и откуда взялись.

Но на серьезные раздумья у меня тогда не хватило времени, даром что по округе уже поползли разные слухи. Подошел сенокос, потом поспел ячмень, и работы было по горло. Травы поднялись хорошо, и ячмень не подкачал, зато с видами на кукурузу, похоже, предстояло проститься. Началась засуха. Так уж оно случается, как нарочно: слишком много дождей в июне, слишком мало в августе.

Мы грустили, глядя на посевы, и вздыхали, глядя на небо, и с надеждой встречали любое облачко, только проку ни от одного из них не дождались. Бывают годы, когда Бог словно отворачивается от фермеров.

И тут в одно прекрасное утро заявляется ко мне Джинго Гаррис — и ну болтать о том о сем. Переминается с ноги на ногу, а от меня ни на шаг. Я себе работаю — чиню изношенную сноповязалку. Хоть и не похоже было, что она мне в этом году понадобится, а починить все равно не мешало.

— Джинго, — спросил я наконец, дав ему помаяться часок или чуть побольше, — признавайся, что у тебя на уме?

Тут-то он мне и выложил:

— А у Хита ночью выпал дождь.

— Как так? — откликнулся я. — Ни у кого другого дождя не было.

— Ты прав, — подтвердил Джинго. — Ни у кого не было, только у него одного…

А вышло так: возвращался он от Берта Смита, куда ходил одолжить бечевки для снопов, и решил махнуть напрямик через северное кукурузное поле Хита. Пролез сквозь ограду, глядь — а поле-то мокрое, как после сильного дождя.

«Ночью он, что ли, прошел?» — спросил себя

Джинго. Подумал, что тут что-то не так, но, в конце концов, дождь мог пролиться и узкой полосой поперек долины, хоть обычно дожди движутся у нас снизу вверх или сверху вниз, а уж никак не поперек. Но когда Джинго, пройдя поле краем, перелез через ограду на другой стороне, то увидел, что там тоже не было никакого дождя. Тогда он повернул и обошел все поле вокруг — и что бы вы думали? — дождь выпал лишь на самом поле и больше нигде. На поле — пожалуйста, а за оградой — ни-ни.

Обогнув все поле по меже, он присел на моток бечевки и стал гадать, что бы это значило. Но сколько ни гадай, тут все равно не было ни малейшего смысла, да что там — в такую минуту собственным глазам не поверишь.

Джинго у нас человек дотошный. Прежде чем делать выводы, он любит взвесить все «за» и «против» и вообще узнать все, что можно узнать. Он не стал пороть горячку, а отправился на другой участок, где Хит высеял кукурузу. Этот участок — на западной стороне долины, но и там тоже прошел дождь. То есть на самом участке прошел, а вокруг и не подумал.

— Ну и что ты на это скажешь? — спросил Джинго, и я ответил: не знаю, мол, что и сказать.

Чуть было не сболтнул ему про трактор без тракториста, да вовремя удержался. Сами посудите: что за выгода переполошить всю округу? Но только Джинго за ворота, я завел свою колымагу — и к Хиту, попросить на день-другой копалку для лунок. Нет, конечно, копать лунки я и в мыслях не держал, но должен же найтись какой-то предлог, чтобы наведаться к соседу без приглашения…

Говоря по правде, мне так и не привелось спросить про эту копалку. Когда я приехал к Хитам, я про нее и не вспомнил.

Хит сидел на крыльце, на ступеньках, и вроде бы очень обрадовался, завидев меня. Подошел прямо к машине, протянул мне руку и сказал:

— Рад тебя видеть, Кэлвин.

Сказал таким тоном, что я сразу почувствовал его дружеское расположение и свою значительность, что ли. Ведь он назвал меня Кэлвин, а все в долине зовут меня попросту — Кэл. Если честно, я не очень-то уверен, что кто-нибудь, кроме Хита, помнит мое полное имя.

— Пойдем покажу тебе, что мы тут понаделали, — пригласил он. — Подлатали кое-что слегка…

«Подлатали» — явно не то слово. Все на ферме блестело и сверкало. Ну совсем как на тех фермах

в Пенсильвании или Коннектикуте, про которые пишут в журналах. Раньше дом и все надворные постройки были старые, облезлые, того и гляди рухнут. А теперь они выглядели солидно, прочно, так и лоснились от свежей краски. Разумеется, они не стали новыми, но приобрели такой вид, будто за ними всегда ухаживали на совесть и красили каждый год. Заборы были выправлены и выкрашены, сорняки выполоты, а безобразные кучи мусора расчищены или сожжены. Хит ухитрился даже собрать со всей фермы лом — бросовые ржавые железки — и рассортировать их.

— Работы была пропасть, — похвалился он, — но дело того стоило. Я привык к порядку. Люблю, чтоб везде была чистота…

Так-то оно, может, и так, но ведь он успел все это меньше чем за полгода! Приехал к нам в начале марта, а сейчас еще август не кончился, и за это время он не только засеял несколько сотен акров и выполнил на них все работы, но и обновил ферму. Ей-ей, говорил я себе, такого не бывает. Одному человеку такое просто не под силу, даже с помощью жены и дочки, даже если вкалывать двадцать четыре часа в сутки, не прерываясь ни на обед, ни на ужин. Разве что он научился растягивать время, чтобы каждый час стал равен

трем или четырем.

Я плелся за Хитом, а сам все думал про то, как бы тоже научиться растягивать время, и мне чертовски нравилось думать про это — а согласитесь, не часто случается, что глупые мимолетные мыслишки доставляют удовольствие. Ну, во-первых, думалось мне, с такими-то талантами можно любой день растянуть настолько, чтобы переделать всю работу, какая только найдется. А во-вторых, если время можно растягивать, то, верно, можно его и сжимать, и тогда визит к зубному врачу, например, пролетит в одно мгновение.

Хит повел меня в огород — и точно, Элен не соврала. Были там, конечно, и обыкновенные овощи — капуста, помидоры, кабачки и все остальные, какие есть в любом огороде, — но в придачу к ним было столько же других, каких я до того не видывал. Хит говорил мне, как они называются, и тогда эти названия были мне в диковинку. Теперь-то странно и предположить, что они были нам в диковинку. Теперь эти овощи растут у каждого фермера в долине, и нам сдается, что они росли здесь всегда.

Мы ходили по огороду, а Хит выдергивал и срывал свои диковинные овощи и складывал их в корзинку, которую таскал с собой.

— Постепенно ты их все перепробуешь, — говорил он. — Одни тебе сперва, наверное, придутся не по вкусу, зато другие понравятся сразу. Вот эту штуку едят в сыром виде, нарезав ломтиками, как помидор. А эту лучше сварить, хотя можно и запечь…

Мне хотелось спросить, где он раскопал эти овощи и откуда они родом, только он не давал мне и рта раскрыть: все говорил и говорил про то, как их готовить и какие можно держать всю зиму, а какие консервировать. А потом он дал мне погрызть какой-то корешок сырым, и вкус у корешка оказался отменный.

Мы дошли до самого конца огорода и повернули назад, и тут из-за угла дома выбежала жена Хита. Меня она, видимо, сначала не заметила или позабыла обо мне, потому что назвала мужа не Реджинальд и не Реджи, а каким-то другим, совсем иностранным именем. Я даже и пытаться не стану вспоминать, все равно не смогу — я и тогда-то не сумел бы повторить это имя, хоть оно и прозвучало всего секунду назад. Оно было просто ни на что не похоже.

Тут женщина заметила меня, перешла на шаг и перевела дыхание, а потом сказала, что сию минуту услышала по телефону ужасную новость:

младшая дочка Берта Смита, Энн, очень тяжко больна.

— Они позвонили доктору, — сказала она, — а он уехал по вызовам и теперь нипочем не успеет вовремя. Понимаешь, Реджинальд, симптомы напоминают...

И она произнесла еще одно слово, какого я никогда не слышал и, наверное, больше не услышу.

Я смотрел на Хита — и, клянусь, лицо у него побелело, даром что кожа была с оливковым оттенком.

— Скорее! — крикнул он и — хвать меня за руку.

Мы побежали — он к своей древней, видавшей виды машине, я следом. Корзинку с овощами Хит швырнул на заднее сиденье, а сам прыгнул за руль. Я уселся рядом и хотел закрыть дверцу, только она не закрывалась. Замок отщелкивался, хоть плачь, и пришлось придерживать дверцу, чтоб не гремела.

Машина выскочила за ворота, словно ее кто наскипидарил, а уж шума она издавала столько, что впору оглохнуть. Как я ни тянул дверцу к себе, она упорно лязгала, и крылья дребезжали, и вообще я различал все шумы, какие можно ждать от древнего драндулета, и еще какие-то

совершенно непонятные.

Меня опять подмывало задать соседу вопрос — теперь о том, что он собирается предпринять, — но никак не удавалось найти нужные слова. А если бы и удалось, то сомневаюсь, расслышал ли бы он мой вопрос за грохотом и дребезжаньем машины. Так что оставалось лишь цепляться за сиденье, а другой рукой пытаться удержать дверцу. И признаюсь, мне вдруг стало сдаваться, что машина громыхает сильнее, чем должна бы. В точности как старый расхлябанный трактор Хита — тот тоже тарахтит сильнее, чем положено любому трактору. Ну разве может издавать столько шума машина, обладающая таким ходом? Как на тракторе, так и здесь я не ощущал никакой вибрации от мотора, и, несмотря на грохот и лязг, мчались мы дай боже. Я уже упоминал, что дороги у нас в долине — далеко не сахар, и все же ручаюсь, что временами Хит выжимал не меньше семидесяти миль в час. При такой скорости мы должны были бы, говоря по чести, вылететь в кювет на первом же крутом повороте, а машина вроде бы только приседала и крепче вжималась в дорогу, и нас ни разу даже не занесло.

Мы затормозили перед домом Берта. Хит выскочил из машины и бросился бегом по дорожке,

я за ним.

Эми Смит вышла нам навстречу, и было заметно, что она недавно плакала, а вообще-то она сильно удивилась при виде нас.

Какой-то миг мы стояли на крылечке молча, потом Хит заговорил — и странная вещь: на нем были обтрепанные джинсы и ковбойка в пятнах пота, вместо шляпы — колтун нечесаных волос, и тем не менее мне вдруг почудилось, что он одет в дорогой костюм и, приподняв шляпу, отвешивает Эми поклон.

— Мне передали, — сказал он, — что ваша девочка заболела. Не могу ли я ей помочь?

Уж не знаю, почудилось ли Эми то же, что и мне, только она отворила дверь и посторонилась, чтобы мы прошли.

— Сюда, пожалуйста.

— Благодарю вас, мадам, — ответил Хит и вошел в комнату.

Я остался с Эми, она повернулась ко мне, и на глаза у нее опять набежали слезы.

— Знаешь, Кэл, ей очень-очень плохо, — сказала она.

Я печально кивнул. Чары рассеялись, здравый смысл начал возвращаться ко мне, и я поразился безумию фермера, возомнившего, будто он может

помочь маленькой девочке, которой очень-очень плохо. И своему безумию тоже: почему я застрял на крыльце и даже не вошел в комнату вслед за ним?

Но тут Хит снова вышел на порог и тихонько прикрыл за собой дверь.

— Она заснула, — обратился он к Эми. — Теперь все будет в порядке.

И, не прибавив больше ни слова, зашагал прочь. Я поколебался, глядя на Эми и не представляя себе, что предпринять. Потом до меня дошло, что я не в силах ничего предпринять. И я решил уйти вместе с Хитом.

Обратно мы ехали с умеренной скоростью, но машина все равно бренчала и громыхала, как прежде.

— А бегает вполне прилично! — крикнул я, стараясь перекрыть грохот.

Он слегка улыбнулся и крикнул в ответ:

— Два дня вожусь — день езжу…

Когда мы добрались до фермы Хита, я вылез из его машины и пересел в свою.

— Погоди, ты забыл овощи, — бросил он мне вдогонку.

Пришлось вернуться за овощами.

— Большое спасибо.

— Не за что.

Тогда я поглядел ему прямо в глаза и сказал:

— Знаешь, было бы очень здорово, если бы нам сейчас дождаться дождя. Для нас это было бы просто спасение. Один хороший дождь — и кукуруза уцелеет…

— Заходи еще, — пригласил он. — Очень рад был потолковать с тобой.

И в ту же ночь над всей долиной прошел дождь, хороший проливной дождь, и кукуруза уцелела.

А маленькая Энн выздоровела.

Доктор, когда он наконец доехал до фермы Берта, объявил, что кризис миновал и дело идет на поправку. Какая-то вирусная инфекция, сообщил он. Столько их теперь развелось! Не то что в старые добрые времена, когда люди еще не баловались со всякими чудотворными снадобьями и вирусы не наловчились поминутно перерождаться. Раньше врачи, по крайней мере, знали, от чего они лечат, а теперь сплошь и рядом — черта с два…

Неизвестно, говорили ли Берт и Эми доктору про Хита, только, по-моему, вряд ли. С какой стати признаваться, что вашего ребенка вылечил сосед? Не дай бог, сыщется какой-нибудь умник, который выдвинет против Хита обвинение в

незаконной медицинской практике, хотя такое обвинение всегда чертовски трудно доказать. Но разговорчики по долине поползли все равно. Мне, например, рассказывали по секрету, что Хит, до того как осесть у нас, был известнейшим врачом в Вене. Разумеется, я ни во что подобное не верю. Да, наверное, и тот, кто придумал эту версию, сам в нее не верил, но так уж у нас в провинции ведется, ничего не попишешь.

На время эти россказни взбудоражили всю долину, а потом все улеглось. И само собой получилось, что Хиты стали для нас своими, словно жили рядом испокон веков. Берт взял за правило беседовать с Хитом на разные темы, а женщины принялись что ни день вызывать миссис Хит к телефону, чтоб она могла вставить словечко в круговой разговор, каким вечно заняты провода у нас в долине: чешут языки с утра до ночи, так что, если приспичило вызвать кого-нибудь по делу, сначала надо еще отогнать от аппарата этих балаболок. Осенью мы позвали Хита охотиться на енотов, а кое-кто из молодых парней стал помаленьку приударять за его дочкой. Все пошло так, как если бы Хиты и вправду были здесь старожилами.

Я уже говорил — нам всегда везло на соседей.

А когда все хорошо, то и время течет незаметно, и в конце концов его вообще перестаешь ощущать. Именно так и случилось у нас в долине. Год шел за годом, а мы не обращали на них внимания. На хорошее никогда не обращаешь внимания, принимаешь его как нечто само собой разумеющееся. Нужно, чтобы настали другие, скверные времена — вот тогда оглянешься и поймешь, что раньше-то все было хорошо на удивление.

Но вот однажды, примерно год назад или, может, чуть больше, только-только я покончил с утренней дойкой, откуда ни возьмись у ворот — машина с нью-йоркским номером. В наших краях дальний номер встретишь нечасто, так я на первых порах подумал, что кто-то заблудился и притормозил спросить дорогу. Смотрю — на переднем сиденье мужчина и женщина, а сзади трое детишек и пес, и машина новехонькая, блестит, как на картинке.

Я как раз нес молоко из коровника и, когда хозяин выбрался из-за баранки, поставил ведра наземь и подождал, пока он подойдет.

Он был моложавый, с виду интеллигентный и держал себя как полагается. Сказал, что его фамилия Рикард и что он газетчик из Нью-Йорка, что сейчас он в отпуске, а к нам в долину завернул по

пути на запад с целью кое-что уточнить.

Насколько мне помнится, газеты до сих пор никогда не проявляли к нам интереса. Так я ему и ответил. И еще добавил: у нас, мол, никогда и не случалось ничего такого, о чем стоило бы сообщить в газете.

— Да нет, я не ищу скандалов, — заверил меня Рикард, — если вы этого испугались, то зря. Просто меня занимает статистика.

Признаться, со мной частенько бывает, что я соображаю туже, чем следовало бы. Человек я по природе, пожалуй, неторопливый, но тут, едва он произнес «статистика», я сразу почувствовал, что дело табак.

— Я недавно работал над статьями о положении фермеров, — пояснил Рикард, — и в поисках материала копался в правительственных статистических сводках. Ну и скучища — в жизни, кажется, так не уставал…

— И что же? — спросил я, а у самого сердце оборвалось.

— А то, что я узнал занятные вещи об этой вашей долине, — продолжал он. — Сначала я чуть было не проморгал самого главного. Прошел мимо цифр и, в общем-то, не понял их смысла. Потом все-таки вернулся вспять, перепроверил

цифры и взглянул на них новыми глазами. Никаких подробностей в сводке, разумеется, нет, просто намек на что-то непонятное. Пришлось покопаться еще и выяснить кое-какие факты.

Я попробовал отшутиться, только он мне не позволил.

— Начнем с погоды, — сказал он. — Вы отдаете себе отчет, что на протяжении последних десяти лет у вас стояла идеальная погода?

— Да, погода была что надо, — согласился я.

— А ведь раньше было не так. Я проверял.

— Ваша правда, — опять согласился я. — За последнее время погода улучшилась.

— И урожаи у вас десять лет подряд самые высокие во всем штате.

— Высеваем кондиционные семена. Используем лучшие агротехнические приемы.

Он усмехнулся:

— Ну это вы бросьте. Агротехника у вас не менялась по меньшей мере четверть века.

Спору нет, тут он меня припер к стенке.

— Два года назад весь штат пострадал от нашествия ратных червей, — продолжал он. — Весь штат, кроме вас. Вас и эта напасть обошла стороной.

— Нам повезло. Помню, в тот год мы сами удив-

лялись, как нам повезло.

— Я заглянул в медицинскую статистику, — не унимался он. — Та же история. Десять лет подряд. Никаких болезней — ни кори, ни ветрянки, ни воспаления легких. Вообще ничего. За десять лет один-единственный случай смерти, и то по причине весьма преклонного возраста.

— Дедушка Паркс, — отозвался я. — Ему вот-вот стукнуло бы девяносто. Почтенный был старикан.

— Сами видите, — сказал Рикард.

Спорить не приходилось. У него в руках были точные данные. Мы не сознавали толком своей удачи, а он проследил все до истоков — и поймал нас с поличным.

— Ну и чего же вы от меня хотите? — спросил я.

— Хочу, чтобы вы рассказали мне про одного из ваших соседей.

— Я не сплетничаю про соседей. Если вас интересует кто-то из них, почему бы вам не обратиться к нему самому?

— Я и собирался, да не застал его дома. На ферме, что ниже по дороге, мне сказали, будто он уехал в город. Укатил со всей семьей.

— Реджинальд Хит, — сказал я. Играть дальше

в молчанку было бессмысленно: Рикард и без меня был достаточно осведомлен.

— Он самый. Я беседовал кое с кем в городе. И оказалось, что он ни разу не ремонтировал ни одну из своих машин: ни трактор, ни прицепные орудия, ни автомобиль. Так и пользуется ими с тех самых пор, как поселился на ферме. А ведь они и тогда были уже не новыми.

— Ухаживает за ними на совесть, — ответил я. — Сам латает, сам смазывает.

— Еще одно обстоятельство. С самого своего приезда сюда он не купил ни капли бензина.

Все остальное я, конечно, знал и без Рикарда, хоть никогда не давал себе труда задуматься над этим. А вот про бензин даже не догадывался. Видно, я не сумел скрыть удивления, потому что приезжий усмехнулся.

— Чего вы хотите? — повторил я.

— Чтобы вы рассказали мне, что вам известно.

— Поговорите с Хитом. Ничем не могу быть вам полезен.

И в тот же миг, как я произнес эти слова, пришло облегчение. Должно быть, я инстинктивно верил, что Хит выкрутится: уж он-то сообразит, как тут поступить.

Но после завтрака я нипочем не мог взяться

за работу. Я собирался подрезать деревья в саду — я и так откладывал это дело чуть не два года, и дольше оно терпеть не могло. А вместо подрезки я принялся размышлять о том, почему это Хит не покупает бензина, и вспомнил ту ночь, когда встретил трактор без тракториста. И еще мне вспомнилось, как необычайно ровно движутся трактор и машина Хита, невзирая на немыслимый шум, какой они издают.

В общем, отложил я ножницы и припустил прямиком через поля. Я же знал, что Хит со всем семейством подался в город, — впрочем, не думаю, что сумел бы остановиться, даже будь они дома. Нет, я все равно не усидел бы на месте. Потому что наконец-то понял, что этот самый трактор не давал мне покоя целых десять лет. Пришла пора разобраться, что к чему.

Трактор стоял на месте, в гараже, и я вдруг забеспокоился: а как залезть к нему в нутро? Но задача оказалась легче легкого. Я снял захваты и приподнял капот. И увидел, в сущности, то, что и ожидал увидеть, хотя, по правде сказать, не представлял толком, что именно откроется мне под капотом.

Там лежал брусок блестящего металла, чем-то напоминающий, пожалуй, куб из тяжелого стек-

ла. Брусок был не слишком велик, но выглядел массивно, и поднять его было бы, наверное, очень не просто.

Видны были и отверстия от болтов, которыми прежде крепился обычный двигатель внутреннего сгорания, а чтобы установить новый движок, поперек рамы была наварена прочная металлическая полоса. Поверх блестящего куба громоздился еще какой-то аппаратик. Я не стал тратить время и разбираться, как именно он работает, однако приметил, что он соединен с выхлопной трубой, и понял, что эта штука служит для маскировки. Знаете, как на ярмарочных аттракционах переделывают электрические вагончики под древние локомотивы, чтоб они пыхтели и выбрасывали клубы пара? Вот и это устройство было того же рода. Оно выбрасывало колечки дыма и тарахтело, как положено трактору.

Оставалось только диву даваться: если Хит придумал движок, работающий лучше, чем двигатель внутреннего сгорания, зачем же пускаться во все тяжкие, чтобы скрыть от людей свое изобретение? Да если бы у меня вдруг родилась такая идея, уж я бы своего не упустил! Нашел бы кого-то, кто согласился бы меня финансировать, наладил бы производство таких движков и в два

счета разбогател бы до одури. Что мешало Хиту поступить точно так же? Да ничто не мешало. А вместо этого он маскирует свой трактор, чтобы тот выглядел и тарахтел, как самый обыкновенный, и машину свою нарочно заставляет шуметь и греметь, чтобы никто не заметил мотора нового типа. Только он, честно говоря, перестарался. И машина и трактор у него гремят куда больше, чем надо. И самую существенную промашку он сделал, что не покупал бензина. На месте Хита я бы непременно покупал горючее, как простые смертные, а потом сливал бы его на помойку или сжигал…

Мне уже стало казаться, что Хит и вправду все время что-то скрывает, намеренно держится в тени. Словно он действительно сбежал из какой-то другой страны — или откуда-нибудь еще.

Я опустил капот и застегнул захваты, а выйдя из гаража, старательно прикрыл за собой ворота.

Вернувшись домой, я снова принялся за подрезку, а между делом обдумывал то, что увидел. И вдруг до меня дошло, что помаленьку я думал об этом с того самого вечера, как встретил трактор без тракториста. Правда, думал я урывками, не стараясь сосредоточиться, и потому ни до чего особенного не додумывался. А теперь додумался,

и, если начистоту, мне бы обмереть от страха.

Но я не обмер. Реджинальд Хит был мой сосед — и хороший сосед. Мы вместе ходили на охоту и на рыбалку и помогали друг другу в пору сенокоса и молотьбы, и мне он нравился, по крайней мере, ничуть не меньше, чем многие другие. Да, конечно, он немного отличался от остальных, у него были странный трактор и странная машина, он вроде бы даже умел растягивать время — и с тех пор, как он поселился у нас в долине, нам везло на погоду и болезни обходили нас стороной. Все точно, но чего тут бояться? Если хорошенько знаешь человека, бояться нечего.

Ни с того ни с сего вдруг вспомнилось, как года два-три назад я однажды заехал к Хитам летним вечером. Было жарко, и вся семья вынесла стулья на лужайку — там казалось чуть-чуть прохладнее. Мне тоже предложили стул, и мы сидели и болтали ни о чем, вернее, обо всем, что приходило в голову.

Луна еще не взошла, зато звезд высыпало видимо-невидимо, и такие они были в тот вечер красивые, просто как никогда. Я показал Хиту на звезды и от нечего делать выложил ему все, что знал из астрономии.

— Они так далеко, — говорил я, — так далеко,

что свет от них идет до нас годами. И каждая — солнце, совсем как наше. А многие даже больше, чем наше солнце…

На этом мои познания о звездах заканчивались.

Хит задумчиво кивнул.

— Есть одна звездочка, — сказал он, — на которую я часто поглядываю. Вон та, голубая. Ну вроде как голубая, видишь? Видишь, как она мерцает? Словно подмигивает нам с тобой. Славная звездочка, дружелюбная…

Я сделал вид, будто понимаю, о какой звездочке речь, хотя на самом деле ничуть не был в этом уверен: их была на небе тьма-тьмущая, и почти все мерцали.

Тут мы заговорили о чем-то еще и забыли про звезды. По крайней мере, я начисто забыл.

После ужина ко мне заявился Берт Смит и рассказал, что Рикард наведывался к нему и задавал всякие каверзные вопросы и к Джинго тоже наведывался, а теперь намерен встретиться с Хитом, как только тот вернется из города. Берт от всего этого слегка расстроился, и я постарался его утешить.

— Горожане всегда нервничают по пустякам, — высказался я. — Не стоит беспокоиться.

Сам я если и беспокоился, то не слишком — чувствовал, что Хит как-нибудь осилит такую задачу. Даже если Рикард и тиснет статейку в нью-йоркских газетах, нам от этого особой беды не будет, Енотовая долина от Нью-Йорка куда как далеко.

Я, признаться, считал, что больше мы Рикарда не увидим и не услышим. Только никогда я так жестоко не ошибался.

Около полуночи я проснулся оттого, что Элен трясла меня за плечо.

— Там кто-то стучится. Пойди узнай, что ему надо.

Пришлось натянуть штаны и надеть туфли, зажечь лампу и спуститься вниз. Пока я одевался, в дверь стукнули еще два-три раза, но, как только я зажег свет, утихомирились.

Я подошел к двери и отомкнул засов. На крыльце стоял Рикард, и держался он теперь отнюдь не так самоуверенно, как поутру.

— Извините, что разбудил, — сказал он, — но я, кажется, заблудился.

— Тут нельзя заблудиться! — отвечал я. — В долине одна-единственная дорога. Одним концом она упирается в шоссе номер шестьдесят, другим — в шоссе номер восемьдесят пять. Езжайте по дороге, и она выведет вас на то или другое шоссе.

— Но я еду уже четыре часа, — сказал он, — и не могу найти ни того шоссе, ни другого!

— Послушайте, — отвечал я, — все, что от вас требуется, — это ехать прямо в любую сторону. Здесь просто некуда свернуть. Четверть часа — и вы на шоссе…

Я не скрывал своего раздражения — уж очень все это глупо звучало. И кроме того, я не люблю, когда меня среди ночи вытаскивают из постели.

— Поверьте, я действительно заблудился! — воскликнул он с отчаянием. Пожалуй, он даже был на грани паники. — Жена перепугана до смерти, дети просто падают с ног…

— Ладно, — отвечал я, — дайте только надеть рубаху и завязать шнурки. Так и быть, провожу вас.

Он сказал, что предпочитает попасть на шоссе номер шестьдесят. Я вывел свою колымагу из гаража и велел ему ехать за мной. Может, я и был раздражен, но все-таки рассудил, что надо ему помочь. Он нам взбаламутил всю долину, и чем скорее он уберется восвояси, тем лучше.

Прошло, наверное, полчаса, прежде чем я начал догадываться, что дело и впрямь нечисто. Полчаса — это вдвое дольше, чем требуется, чтобы выбраться на шоссе. Но дорога выглядела

как обычно, и вообще кругом не было ничего подозрительного — если не смотреть на часы. Я поехал дальше. И через сорок пять минут очутился у порога собственного дома.

Как это получилось, я и сам не мог взять в толк, хоть убей. Я вылез из-за баранки и подошел к машине Рикарда.

— Теперь вы поняли, что я имел в виду? — спросил он.

— Мы, похоже, нечаянно повернули назад, — отвечал я.

Жена Рикарда, казалось, вот-вот забьется в истерике.

— Что происходит? — повторяла она пронзительным, визгливым голосом. — Кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит?

— Попробуем еще раз, — предложил я. — Поедем медленнее, чтобы не сделать снова ту же ошибку.

Я поехал медленнее. На этот раз мне потребовался час — и тем не менее я вернулся к воротам собственной фермы. Потом мы попытались выехать на шоссе номер восемьдесят пять — и через сорок минут были там же, откуда тронулись в путь.

— Сдаюсь, — сказал я Рикардам. — Вылезайте и

заходите в дом. Сейчас сообразим, где вам постелить. Вы переночуете, а с рассветом, глядишь, и дорога отыщется…

Я сварил кофе и нашел разной снеди для сандвичей, а Элен тем временем приготовила постели на пятерых.

— Пес пусть ночует на кухне, — распорядилась она.

Я достал картонный ящик из-под яблок и уложил в него подстилку.

Пес был жесткошерстный фокстерьер, чистенький, маленький и очень забавный, а дети — такие же славные, как любые другие дети. Миссис Рикард, правда, опять было сорвалась на истерику, но Элен заставила ее выпить кофе, а я просто не позволил продолжать разговор о том, почему им не выбраться из долины.

— При дневном свете, — уверял я их, — от ваших страхов и следа не останется…

И действительно, после завтрака гости совершенно успокоились и как будто уже не сомневались в том, что сумеют отыскать шоссе номер шестьдесят. Они уехали без провожатых — и через час вернулись. Тогда я снова сел в машину и двинулся впереди них и не стыжусь признаться, что по спине у меня бегали мурашки.

Я внимательно следил за дорогой и внезапно понял, что мы едем не к шоссе, а от шоссе обратно в долину. Я, конечно, тут же затормозил, мы развернулись и покатили в правильную сторону. Но минут через десять поняли, что нас опять развернуло. Сделали еще одну попытку — теперь мы буквально ползли, пытаясь заметить ту точку, где нас разворачивает. Напрасный труд — мы ничегошеньки не заметили.

Когда мы вернулись на ферму, я позвонил Берту и Джинго и попросил их подъехать ко мне. Они, в свою очередь, пробовали вызволить Рикарда, сначала порознь, потом оба вместе, но добились не большего, чем я. Тогда я попытался выбраться сам, без журналиста, следующего за мной по пятам, и — что бы вы думали? — выбрался без всяких приключений. Смотался на шоссе номер шестьдесят и обратно за полчаса. Я решил, что лед сломан, и сделал новую попытку вывести машину Рикарда, но не тут-то было…

К полудню мы установили все с полной точностью. Любой из старожилов мог преспокойно выехать из долины — любой, только не Рикард.

Элен уложила миссис Рикард в постель и дала ей успокоительного, а я отправился к Хиту. Он обрадовался мне и выслушал меня, но вот ведь

незадача: пока я говорил, мне все вспоминалась догадка, что он умеет растягивать и сжимать время. Когда я закончил, он помолчал минутку, словно взвешивал, верное ли решение принял.

— Странная это история, Кэлвин, — сказал он наконец. — Вроде бы и несправедливо, что Рикарды заперты в нашей долине помимо собственной воли. А если разобраться, для нас самих это удача. Рикард собирался написать про нас в газетах, и, если бы он исполнил свое намерение, мы сразу оказались бы в центре внимания. Сюда набежала бы куча народу — другие газетчики, чиновники, умники из университетов и просто любопытные. Они исковеркали бы всю нашу жизнь, а то еще стали бы предлагать нам за наши фермы большие деньги — много больше того, что они стоят на самом деле, — и погубили бы нашу долину. Не знаю, как тебе, а мне долина нравится как она есть. Она напоминает мне… ну, в общем, дорогое для меня место.

— Рикард может передать свою статью по телефону, — возразил я, — или переслать почтой. К чему задерживать его здесь, если статью все равно напечатают?

— Думаю, что не напечатают, — ответил он. — Да нет, я совершенно уверен, что он не станет

ни передавать статью по телефону, ни посылать по почте.

Я ехал к Хиту, чтобы, если понадобится, замолвить за Рикарда словечко, но поразмыслил хорошенько над тем, что услышал, и не стал ничего говорить.

В самом деле, если существует некий принцип или некая сила, которые поддерживают жителей долины в добром здравии, гарантируют им хорошую погоду и вообще облегчают жизнь, то, разумеется, все остальные на белом свете ничего не пожалеют, лишь бы заполучить такое чудо в свое распоряжение. Пусть это эгоизм, но я не верю, что подобный принцип или силу можно распределить так, чтобы хватило на всех. И если кому-то суждено использовать эту силу в своих интересах, то лучше уж пусть она останется на веки вечные здесь, в долине, где проявила себя впервые.

И еще одно: если мир услышит, что мы владеем такой силой либо принципом и не можем или не хотим ими поделиться, все затаят на нас злобу, да что там злобу, просто возненавидят нас, как лютых врагов.

Вернувшись домой, я поговорил с Рикардом и даже не пытался скрыть от него правду. Он

вскипел и хотел было тут же двинуться к Хиту выяснять отношения, но я ему отсоветовал. Ведь у него не будет никаких доказательств, и он окажется в идиотском положении: Хит, вероятно, станет вести себя так, словно вообще не понимает, о чем речь. Рикард сначала ерепенился, спорил, но в конце концов согласился, что я прав.

Заезжее семейство прожило у меня на ферме дней пять, и от случая к случаю мы с Рикардом делали пробные выезды, просто чтобы попытать счастья, но все было по-прежнему. Убедившись в этом, мы снова позвали Берта и Джинго и держали военный совет. К тому времени миссис Рикард немного оправилась от потрясения, дети вошли во вкус жизни на вольном воздухе, а что касается пса, тот определенно поставил себе целью загнать и облаять каждого кролика, сколько бы их ни нашлось в долине.

— Чуть повыше на склоне есть бывшая ферма Чендлера, — додумался Джинго. — Там давненько никто не живет, но она в приличном состоянии. Можно кое-что подновить, и будет очень удобно.

— Но я не хочу оставаться здесь! — запротестовал Рикард. — Не могу же я в самом деле переселиться сюда!

— Кто сказал «переселиться»? — вмешался Берт. — Вам просто надо немного переждать. Придет день, обстоятельства переменятся, и вы свободно уедете куда захотите.

— Но моя работа!.. — воскликнул Рикард.

И тут слово взяла миссис Рикард. Нетрудно было догадаться, что происходящее нравится ей ничуть не больше, чем мужу, но в ней внезапно проснулся тот практический здравый смысл, каким подчас отличаются женщины. Она усвоила, что им суждено на время оставаться в долине, и постаралась выискать в таком повороте событий свои преимущества.

— А книга, которой ты вечно угрожал разродиться? — сказала она. — Вот тебе самый подходящий случай…

Это и решило дело.

Рикард послонялся еще немного, вроде бы собираясь с духом, хотя, право же, все было ясно и так. Потом он начал поговаривать о том, как хорошо у нас в долине: мир, тишина и никакой суеты, здесь, мол, только книги и писать…

Соседи сообща подновили ферму Чендлера, а Рикард позвонил в свою газету и под каким-то предлогом попросил отпуск. Еще он послал письмо в свой банк, чтоб ему перевели его сбере-

жения, и засел за книгу.

Очевидно, ни в телефонных разговорах, ни в письмах он не позволил себе и намека на истинную причину, почему остался в долине, — и то сказать, это было бы попросту глупо. Так или иначе, никто не поднял вокруг его исчезновения ни малейшего шума.

А долина вернулась к обычным повседневным заботам, и после всех треволнений это было куда как приятно. Соседи делали за Рикардов все покупки, привозили им из города крупы, сахар и всякую всячину, а иногда глава семьи садился в машину и предпринимал очередную попытку выбраться на шоссе.

Но обычно он сидел за столом и писал и год спустя успешно продал свою первую книгу. Вы, возможно, даже читали ее — она называется «Прислушайтесь к тишине». Принесла ему немалые денежки. Правда, его нью-йоркские издатели чуть не рехнулись — никак не могли взять в толк, отчего он упорно отказывается высунуть нос из долины. Отказывается от лекционных турне, отвергает приглашения на званые вечера и обеды, короче, не принимает никаких почестей, вроде бы положенных автору нашумевшей книги.

И вообще успех не вскружил ему голову. К той

поре, как книгу напечатали, Рикарда у нас знали и любили все от мала до велика. И он жаловал всех, кроме, пожалуй, Хита. С Хитом он держался подчеркнуто холодно. Что ни день он подолгу бродил по округе — уверял, что ради моциона, но мне сдается, что именно во время прогулок он сочинил бóльшую часть своей книги. А то остановится у ограды и заведет с хозяином разговор о жизни — так с ним, собственно, все в долине и познакомились. Охотнее всего он рассуждал о тех временах, когда сумеет наконец вырваться из заточения, и мы, случалось, тоже подумывали, что, не ровен час, Рикарды нас и вправду покинут. Думали мы об этом с горечью, потому что из них получились хорошие соседи. Наверное, в нашей долине действительно есть что-то особенное, раз она заставляет людей поворачиваться к другим лучшей своей стороной. Я уже говорил — нам спокон века не попадались скверные соседи, а многие ли сегодня могут похвастаться тем же?

Как-то раз, по пути из города, заглянул я на минутку к Хиту поболтать, и пока мы с ним стояли, на дороге показался Рикард. По нему было сразу видно, что никуда он особенно не торопится, а просто гуляет. Он тоже остановился, мы потолковали на разные темы, а потом он возьми да

и скажи:

— А знаете, мы решили никуда отсюда не уезжать.

— Ну что ж, прекрасно, — отозвался Хит.

— Вчера вечером, — продолжал Рикард, — мы с Грейс стали, как обычно, обсуждать, что будем делать, когда уедем отсюда. И вдруг запнулись, переглянулись и поняли, что вовсе не хотим никуда уезжать. Здесь такой покой, и ребятишкам здешняя школа нравится гораздо больше, чем в городе, и люди вокруг такие славные, что об отъезде и думать противно…

— Рад слышать это от вас, — отозвался Хит. — Только зря вы, право, сидите здесь неотлучно, надо бы и встряхнуться. Свозите жену и детишек в город, в кино…

Вот и вся недолга. Легко и просто.

Жизнь течет у нас по-прежнему хорошо, быть может, даже лучше, чем прежде. В долине все здоровы. Обыкновенный насморк и тот теперь, кажется, обходит нас стороной. Когда нам нужен дождь, идет дождь, а когда нужно солнце, то, естественно, светит солнце. Мы не разбогатели — разве разбогатеешь, когда Вашингтон то и дело вмешивается в фермерские дела, — но живем мы, грех пожаловаться, сносно. Рикард работает над

своей второй книгой, а я время от времени выхожу вечерами на крыльцо и пытаюсь отыскать на небе ту звездочку, которую Хит показывал мне однажды много лет назад.

И все-таки мы не в силах полностью избежать огласки. Вчера вечером слушал я по радио своего любимого комментатора, а он вдруг ни с того ни с сего решил потешить публику на наш счет.

«Да полно, есть ли на свете эта Енотовая долина? — спросил он, и за его вопросом явно слышался ехидный смешок. — Если да, правительству не мешало бы в этом удостовериться. Географические карты настаивают, что такая долина есть на самом деле, статистика утверждает, что там идеальный климат и нет ни болезней, ни неурожаев — прямо-таки молочные реки и кисельные берега. И окрестные жители уверены, что долина существует, но, едва кто-нибудь из официальных лиц решит расследовать факты на месте, она исчезает, ее не удается найти. Пытались звонить по номерам, которые числятся за обитателями долины, — телефонные звонки не проходят. Пытались писать — письма возвращаются к отправителям под тем или иным предлогом, изобретенным в недрах почтового ведомства. А если те, кто ведет расследование,

выжидают в соседних торговых центрах, люди из Енотовой долины отсиживаются дома и не делают покупок. Допустим на минуту, что статистика не врет; тогда властям, право же, не грешно бы изучить факторы, отличающие эту долину, и распространить их воздействие на все другие районы. Пока что мы не знаем даже, доходят ли до долины наши передачи, способны ли радиоволны проникнуть туда, куда не проникают ни письма, ни звонки, ни должностные лица. Но если да, если есть на свете Енотовая долина и кто-нибудь из ее обитателей слушает нас сейчас, быть может, он не откажется подать голос?..»

Комментатор еще раз хмыкнул и перешел к свежим сплетням про Хрущева.

Я выключил радио и сидел, покачиваясь в кресле, а сам все думал о том, почему же это иногда ни один из нас по три-четыре дня подряд не может добраться до города, а в другие дни телефоны вдруг смолкают разом без всякой на то причины. Честно сказать, мы не раз обсуждали такие случаи между собой и советовались, не поговорить ли нам про это с Хитом, но каждый раз решали, что лучше не надо. Он наверняка соображает, что делает, и нам остается только надеяться на его здравый смысл.

Наше положение причиняет нам, конечно, известные неудобства, зато имеет и свои преимущества. Вот уже добрых лет десять у нас в долине не бывало ни зазывал, навязывающих подписку на дешевенькие журнальчики, ни страховых агентов.

Лучшее Клиффорда Саймака

Воспитательницы
Перевод М. Клеветенко

Первая неделя учебного года подошла к концу. Инспектор Милвиллской школы Джонсон Дин сидел за письменным столом, наслаждаясь тишиной и покоем вечера пятницы.

Однако тишина и покой длились недолго. Их нарушил футбольный тренер Джерри Хиггинс, светловолосый здоровяк, который влетел в кабинет и с размаху плюхнулся в кресло.

— Можете попрощаться с футбольной командой! — выпалил он. — Теперь мы наверняка вылетим из конференции.

Дин отодвинул бумаги и откинулся на спинку кресла. Закатный солнечный луч позолотил его седую шевелюру. Бледные старческие руки с выпирающими венами старательно разглаживали ветхие складки на ветхих брюках.

— Что случилось? — спросил инспектор.

— Кинг и Мартин, мистер Дин. Отказались тренироваться.

Для порядка Дин сочувственно поцокал языком, но явно не принял событие близко к сердцу.

— Если не ошибаюсь, эти двое хорошо показали себя в прошлом сезоне. Кинг играет на линии, а Мартин квотербек?

— Вы когда-нибудь слышали о квотербеке, который отказался выйти на поле? — вскипел Хиггинс праведным гневом. — Один из самых способных! Благодаря ему мы продержались весь прошлый сезон!

— Вы пытались их уговорить?

— Стоял на коленях! Спрашивал, чем я им так насолил, что они хотят лишить меня работы! Говорил, что они подводят всю школу, что без них команда развалится! Нет, меня не подняли на смех, но…

— Они не стали бы над вами смеяться, — сказал Дин. — Эти мальчики — настоящие джентльмены. Все нынешние…

— Сопливые девчонки, вот кто они такие! — бушевал тренер.

— Вопрос спорный, — возразил инспектор. — Порой я и сам уделяю футболу меньше внимания, чем он заслуживает…

— Вы другое дело! — вскричал тренер. — С возрастом интерес к футболу угасает, это нормально. Но они же мальчишки! Согласитесь, в этом есть что-то нездоровое. Мальчишкам свойственно

чувство соперничества, и даже если они его лишены, остается здравый смысл! Способный футболист всегда имеет шанс поступить в колледж…

— Наши ученики не нуждаются в поблажках для спортсменов, — возразил инспектор. — Они достаточно искушены в академических дисциплинах.

— Если бы у меня было кем их заменить! — простонал тренер. — Дело не в Кинге и Мартине. Пусть мы не стали бы чемпионами, но сохранили бы команду! Вы в курсе, мистер Дин, что в этом году мне не из кого выбирать? У нас едва хватает игроков…

— Вы беседовали с Кингом и Мартином. Уверены, что они не передумают?

— Знаете, что они мне ответили? Заявили, что футбол мешает занятиям!

Судя по тону, тренер закусил удила.

— Полагаю, — удовлетворенно заметил инспектор, — что нам придется с этим смириться.

— Но это ненормально! — не унимался тренер. — Ни один мальчишка на свете не поставит уроки выше футбола! Ни один мальчишка на свете не предпочтет книжки…

— Значит, предпочтет, — сказал инспектор. —

Особенно здесь, в Милвилле. Если не верите мне, можете посмотреть, как вырос у нас средний выпускной балл за последние десять лет.

— Меня тревожит, что они ведут себя не как дети, а как маленькие взрослые. — Тренер покачал головой, словно эта мысль не укладывалась у него в голове. — Какой стыд! Если уйдет еще кто-нибудь из ветеранов, команду придется создавать заново!

— Главное, — счел нужным напомнить ему инспектор, — что мы создаем мужчин и женщин, которые в будущем составят гордость Милвилля.

Тренер сердито вскочил на ноги.

— Предупреждаю вас, мы проиграем. Нас обставит даже Бэгли!

— Не скажу, — промолвил инспектор, — что это беспокоит меня больше всего на свете.

Дин сидел за столом и слушал, как затихает недовольный топот тренерских ног. Снизу доносилось урчание уборочной машины. Интересно, куда подевался Стаффи. Как обычно, где-то болтается. Теперь, когда всю работу за него делали хитроумные механизмы, у Стаффи образовалась бездна свободного времени. Прошли времена, когда ему, уборщику высшей квалификации, приходилось мыть и скрести от зари до зари.

Рабочие руки были в цене как никогда, иначе Стаффи уволили бы несколько лет назад, но теперь людей не увольняли просто так. Когда человечество шагнуло к звездам, у него появилось много новых забот. Если бы людей, как раньше, отправляли на пенсию, подумал Дин, он и сам давно лишился бы работы.

Неприятная мысль. Это была его школа. Он создавал ее под себя. Дневал и ночевал тут, сначала рьяным молодым учителем, затем директором, а последние пятнадцать лет — школьным инспектором. Он отдал ей всего себя, однако и взамен получил немало. Школа была его женой и ребенком, его семьей, мерилом всего. И больше мне ничего не надо, думал Дин этим вечером в конце учебной недели, несмотря на Стаффи, который слонялся невесть где, и на то, что в школе, если верить тренеру, больше не было футбольной команды.

Инспектор встал и подошел к окну. Припоздневшаяся ученица пересекала лужайку.

Дину показалось, что он ее узнал, хотя в последнее время глаза плохо видели вдали.

Он прищурился. Точно, Джуди Чарльстон. Давным-давно он знал ее деда; похоже, внучка унаследовала походку Генри Чарльстона. Дин

хмыкнул. Старина Чарльстон был совершенно лишен деловой хватки. Грезил только о космических кораблях.

Дин прогнал воспоминания о днях минувших. Явный признак старости, так недолго и в детство впасть.

И все же старина Генри Чарльстон был единственным жителем Милвилля, имевшим отношение к космосу. Если не считать Ламонта Стайлза.

Дин усмехнулся. Ламонт Стайлз с его непреклонностью и всеобщим признанием, которое он обрел спустя много лет, к немалому раздражению многих земляков, предрекавших, что добром он не кончит.

Впрочем, никто на свете не знал и, вероятно, никогда не узнает, чем завершилась его эпопея. И завершилась ли вообще.

Возможно, именно сейчас, думал Дин, Ламонт Стайлз шагает по улице фантастического города в одном из дальних миров. Интересно, что привезет он с собой, если когда-нибудь вернется домой?

В последний раз — сказать по правде, тот раз был единственным — он привез Воспитательниц, чем изрядно всех удивил.

Дин отошел от окна, вернулся к столу, сел и

подвинул бумаги к себе, но дела не шли на ум. Так случалось всегда: стоило ему погрузиться в воспоминания о давних днях, где было столько друзей и важных событий, как работа валилась из рук.

Заслышав шарканье ног, инспектор отодвинул бумаги в сторону. Наверняка Стаффи, решивший заглянуть на огонек.

Дин поймал себя на том, что с нетерпением ждет встречи. Если вдуматься, ничего удивительного: на свете осталось не так много людей, с которыми ему было о чем поговорить.

Удивительные вещи происходят со стариками. Годы берут свое, ослабляют и рвут узы прежних дней. Старики уходят в тень, дряхлеют и угасают. Или замыкаются в себе, погружаясь в свой внутренний мир, перестав находить покой в мире внешнем.

Доплетясь до двери, Стаффи остановился, облокотился на косяк, отер грязной рукой обвислые желтые усы.

— Какая муха укусила тренера? — спросил он. — Вылетел отсюда, словно ему пятки скипидаром натерли.

— У него больше нет команды, — ответил Дин. — По крайней мере, он так утверждает.

— Каждый сезон одно и то же. Ему только дай покрасоваться.

— Сейчас все серьезнее. Дин и Мартин отказались играть.

Еще несколько шаркающих шагов, и Стаффи рухнул в кресло.

— Это из-за Воспитательниц, — заявил он. — Все дело в них.

Дин выпрямил спину.

— О чем ты?

— Я наблюдаю за ними много лет. Те дети, с которыми они сидят, и те, которые ходят в их сад… они другие. Что-то там с ними делают.

— Не выдумывай, — сказал Дин.

— Ничего я не выдумываю, — заупрямился Стаффи. — Вы меня знаете, я не стану подозревать Воспитательниц только из-за того, что они с другой планеты. Кстати, с какой планеты?

Дин покачал головой:

— Не помню, чтобы Ламонт рассказывал. Может быть, не при мне.

— Странные они существа, — сказал Стаффи, задумчиво поглаживая усы, словно хотел придать своим словам больший вес, — но разве это преступление? Разве мало тут других чужаков, кроме них? Конечно, у нас в Милвилле других

нет, но тысячи разумных пришельцев из других миров преспокойно разгуливают по Земле.

Дин согласно кивнул, не вникая, с чем именно соглашается. Если Стаффи садился на любимого конька, его было не остановить.

— Вроде бы мирные, достойные создания. Никому не лезут в душу. Просто живут здесь с тех самых пор, как Ламонт привез их, помощи ни у кого не просят. За все эти годы ничем себя не опорочили, а большего от них никто и не ждал.

— Тогда с чего ты решил, что они как-то влияют на детей?

— Они их изменяют. Неужели сами не видите?

Дин покачал головой:

— Нечего видеть. Нынешнее поколение выросло на моих глазах, как раньше на моих глазах выросли их родители. Что значит изменяют?

— Ускоряют их взросление.

— Не болтай ерунду, — оборвал его Дин. — Кто ускоряет?

— Воспитательницы ускоряют взросление наших детей. Вот где собака зарыта. Только-только пошел в школу — и уже взрослый.

Откуда-то снизу донеслось недовольное гудение уборочного автомата.

Стаффи вскочил на ноги.

— Опять эта швабра! Как пить дать застряла в дверях!

Он развернулся и бодро заковылял к выходу.

— Вот же безмозглая железяка! — пробурчал Стаффи, исчезая за дверью.

Дин подвинул бумаги к себе. Поздно, пора домой.

Вместо бумаг он видел перед собой множество детских лиц — и в выражении их серьезных больших глаз читалось что-то трудноуловимое, загадочное. Дин знал это выражение: на детских лицах проступала печать взросления.

Они ускоряют взросление!

— Нет, — сказал себе Дин, — быть того не может!

Да вот же они, неопровержимые доказательства: высокие баллы, множество стипендиатов, полное безразличие к спорту. И совершенно другое отношение к учебе. Что уж говорить об уровне детской преступности — много лет Милвилль гордился тем, что не испытывает проблем с малолетними правонарушителями. Дин вспомнил, как несколько лет назад его попросили написать об этом статью в учительский журнал.

Вспомнить бы, о чем он там писал… В памяти всплывали фрагменты: осознание родителями то-

го факта, что дети — полноценные члены семьи, роль местных церквей в воспитании молодежи, акцент на социальных дисциплинах.

Неужели я ошибался? И дело совсем в другом?

Дин пытался сосредоточиться на работе — получалось плохо. Он был слишком подавлен, перед глазам стояли детские лица.

Наконец он смахнул бумаги в ящик стола, встал, надел поношенное пальто и водрузил на седую голову видавшую виды фетровую шляпу.

Внизу Дин обнаружил Стаффи, который сердито заталкивал в подсобку уборочную машину.

— Подумать только, — возмущался уборщик, — снова застряла в решетке радиатора! Не подоспей я в последнюю минуту, пришлось бы менять. — Стаффи уныло покачал головой. — Эти машинки хороши только если все идет как по маслу, а чуть что не так, от них никакого проку. То ли дело в старые времена, Джон.

Стаффи захлопнул дверь подсобки и раздраженно повернул ключ.

— Стаффи, ты хорошо знал Ламонта Стайлза?

Уборщик сосредоточенно тер усы.

— А то как же, мы ведь росли вместе! Вы-то чуток постарше, у вас была своя компания.

Дин задумчиво кивнул:

— Я помню, Стаффи. Странно, что только мы с тобой остались в нашем городе, а остальные упорхнули.

— Ламонт уехал в семнадцать. Его ничего здесь не держало. Мать умерла, отец спился, а сам он едва сводил концы с концами. В те времена никто здесь не думал, что из Ламонта выйдет что-нибудь путное.

— Нелегко приходится мальчишке, если против него ополчился весь город.

— Еще бы, — согласился уборщик. — Уезжая, он сказал мне, что когда-нибудь вернется и всем им покажет. Тогда я решил, что он просто бахвалится, как свойственно юнцам.

— Ты ошибался, — сказал Дин.

— Еще как, Джон.

Потому что спустя тридцать лет Ламонт действительно вернулся. Вернулся в свой пустой дом на Кленовой улице — мужчина лет пятидесяти, еще крепкий и бодрый, несмотря на белоснежную шевелюру и смуглую кожу, задубевшую под жаркими лучами далеких звезд. Вернулся из странствий между мирами и планетами.

Но теперь он был здесь чужим. Город помнил Ламонта — Ламонт забыл его. Образ, который он хранил в сердце, больше походил на фантазию,

чем на правду, искаженный годами сожалений, печали и ненависти.

— Пора мне, — промолвил Дин. — Кэрри не понравится, что ужин остыл.

— Спокойной ночи, Джон.

Солнце почти село. Он засиделся дольше, чем думал. Кэрри будет вне себя, и скандала не избежать.

Дин усмехнулся про себя. Для Кэрри не существовало отговорок.

Не жена — он никогда не был женат, не мать или сестра — обе давно умерли, а всего лишь преданная экономка, отчасти жена и сестра, а порой даже мать.

Странно, как сильно мы зависим от тех, кто нам предан, думал Дин. Они затемняют наш разум и связывают нас, они лепят из нас тех людей, которыми в итоге мы становимся. Однако именно им мы обязаны нашими достижениями, пусть и весьма скромными.

Его достижения не сравнить с самодовольным и полным тайных сожалений величием Ламонта Стайлза, который привез из своих звездных странствий трех странных существ, Воспитательниц.

Привез и поселил в доме на Кленовой улице, а

спустя пару лет, когда его снова поманили дальние странствия, оставил их в Милвилле.

Удивительно, что чужаки так легко прижились в их маленьком провинциальном городишке. Еще удивительнее, что местные матроны бесстрашно доверили воспитание своих отпрысков экзотическим инопланетным существам.

Свернув на Линкольн-стрит, Дин наткнулся на женщину, которая вела за руку малыша.

Милдред Андерсон. Вернее, когда-то была Андерсон, а потом вышла замуж… забыл фамилию… Как быстро они вырастают, подумал Дин. Он помнил Милдрет школьницей, всего-то пара лет прошла… а впрочем, едва ли, скорее, около десяти.

— Добрый вечер, Милдред, — Дин приподнял шляпу. — Надо же, как вырос!

— А я иду в сколу, — прошепелявил малыш.

— Он идет в школу, — перевела его мать. — И очень этим гордится.

— В подготовительную?

— Да, мистер Дин. К Воспитательницам. Они такие прелестные и так любят наших деток! И платить им не надо. Подаришь букет цветов, флакончик духов или картину, они и рады. Решительно отказываются от денег. Вы представляете,

мистер Дин?

— Нет, — ответил он, — не представляю.

Дин успел забыть, какой болтушкой была Милдред. Кажется, в школе ее прозвали Трещоткой, и вполне заслуженно.

— Иногда я думаю, — тараторила Милдред, словно боялась не успеть выговориться, — что здесь на Земле мы слишком зациклены на деньгах. Воспитательницы не понимают их важности, а если и понимают, то совершенно не ценят. Должно быть, они не одни такие во Вселенной. Это заставляет задуматься, не правда ли, мистер Дин?

Еще одна раздражающая особенность Милдред — завершать любую фразу праздным вопросом.

Он не пытался отвечать. Ответ от него и не требовался.

— Мне пора, засиделся на работе.

— Очень рада встрече, мистер Дин, — сказала Милдред. — Я часто вспоминаю школьные дни, и порой мне чудится, что с тех пор миновали годы, а порой, что это было только вчера, и я…

— Да-да, действительно, очень мило. — Дин поднял шляпу и пустился наутек.

Жалкое зрелище, недовольно подумал он про себя, когда посреди бела дня тебя, солидного

немолодого господина, обращает в бегство болтливая женщина.

Уже подходя к дому, он слышал, как ворчит внутри Кэрри.

— Джонсон Дин, — воскликнула она, стоило ему показаться в дверях, — немедленно за стол! Ваш ужин почти остыл. А у меня сегодня кружок. Так что руки можете не мыть.

Дин спокойно снял шляпу и пальто.

— Не такие уж они грязные. При моей работе рук не испачкаешь.

Она суетливо налила ему кофе и расправила хризантемы в вазе посреди стола.

— Поскольку сегодня у меня кружок, — Кэрри явно хотелось пристыдить его за опоздание, — посуду я мыть не стану. Просто оставьте ее на столе. Завтра вымою.

Дин покорно уселся за стол.

Внезапно он ощутил острое и необъяснимое желание спрятаться. Спрятаться от забот внешнего мира и неясного страха, который помимо его воли поселился в душе.

Мимо прошествовала Кэрри, горделиво неся шляпку на горделиво поднятой голове. Всем своим видом она давала понять, что опаздывает на заседание кружка не по своей вине. У двери она

остановилась.

— Вам ничего больше не нужно? — Ее глаза быстро обежали обеденный стол.

— Ничего. — Дин хмыкнул. — Хорошего вечера. Желаю собрать как можно больше свежих сплетен.

Его любимая колкость, которая неизменно ее ранила. Детский сад, да и только, но удержаться он не мог.

Кэрри вылетела из двери, и какое-то время он слышал сердитый цокот ее каблучков.

С ее уходом дом погрузился в звенящую тишину, а вокруг обеденного стола залегли глубокие тени.

Спрятаться. Сколько лет он, Джонсон Дин, старик, отдавший всю свою жизнь школе, прятался в доме, построенном его дедом, доме с неровным полом и массивным камином, гаражом на две машины и цветочным кашпо над дверью?

Один-одинешенек.

Прятался от нависшей угрозы, почти незаметной и необъяснимой.

Одиночество понятно, его легко объяснить. Старики и подростки всегда одиноки. Подростки еще не обзавелись социальными связями, старики успели их утратить.

Общество неоднородно, рассуждал Дин. Людей разделяют возраст, профессии, уровень образования и доходов. И это еще далеко не все, различия можно множить и множить. Если бы кто-то нашел время составить список, вышло бы забавно.

Он доел ужин, вытер рот салфеткой и перешел в темную гостиную.

Дин понимал, что должен убрать со стола, а еще лучше, вымыть посуду, ведь сегодня он и впрямь провинился перед Кэрри, однако не мог себя заставить. Его терзало смутное беспокойство. Даже спрятавшись в старом доме, он не находил покоя в душе.

Хватит откладывать, сколько можно нянчиться со страхами. Он ведь знает, чего боится, даже если ему не хватает смелости самому себе признаться.

Стаффи, очевидно, просто спятил, а он навоображал невесть чего.

Дети ничуть не изменились, вот только их отметки за последнее десятилетие стали гораздо выше.

И соответственно возрос интеллект.

А еще упал интерес к спорту.

Да и правонарушители в Милвилле почти перевелись.

Дин принялся мерить шагами ковер перед громадным камином, и его потухшее жерло, откуда исходил горьковатый запах старого пепла, казалось разверстой пастью.

Старческим кулаком он ударил в дрожащую ладонь.

— Этого просто не может быть! — вскричал он, обращаясь к самому себе.

Но от правды не убежишь.

Дети в Милвилле взрослели и развивались интеллектуально раньше, чем положено.

И если бы только это.

Они быстрее избавлялись от пережитков дикости, еще присущих человеческому роду. К каковым следовало отнести и спорт, маскировавший не что иное, как инстинкт пещерного человека к соперничеству с себе подобными.

Если бы мог открыто поговорить с учениками, понять, о чем они думают!

Но это невозможно. Слишком высоки были барьеры, которые их разделяли.

Дин стар, они молоды. Он стоял над ними, они ему подчинялись. Он не мог переступить через предрассудки, на которых строилась жизнь общества.

Одно дело — признать, что происходит нечто

непонятное. И совсем другое — понять причину и выработать стратегию поведения.

К тому же Стаффи мог ошибаться. Невозможно поверить, что к этому причастны Воспитательницы.

Странно, что, будучи инопланетянами, они никак не выпячивали этот факт, предпочитая жить так, словно родились в Милвилле. Они вели себя тише воды ниже травы, избегая пересудов, в то время как многие пришельцы нажили неприятности, вмешиваясь в жизнь людей и ведя себя экстравагантно.

Впрочем, неожиданно подумал Дин, то, что представляется нам экстравагантностью, с точки зрения инопланетянина может быть самым обычным поведением.

Воспитательницам повезло, что их природная склонность к воспитанию детей так вписалась в человеческую модель поведения. Они оказались идеальными няньками, и их существование в качестве полезных членов общества не подвергалось сомнению.

Многие годы они воспитывали юных милвилльцев, не вызывая ни малейших нареканий. А теперь у них своя школа, хотя, вспомнил Дин, ее открытие не обошлось без скандала — воспи-

тательницы не придерживались утвержденных образовательных программ.

Он включил свет, решив что-нибудь почитать. Но ни одна книга на полках не привлекла его интереса. Пальцы теребили корешки, глаза скользили по названиям… Читать решительно не хотелось.

Дин подошел к большому окну и выглянул наружу. Фонари еще не горели, однако кое-где в окнах уже зажегся свет, а временами фары проезжающего мимо автомобиля выхватывали из темноты куст, клонящийся от ветра, или испуганного кота.

Это была одна из старейших улиц города. Некогда Дин мог по пальцам пересчитать всех домовладельцев: Уилсоны, Беккеты, Джонсоны, Рэндомы… Никто из них больше здесь не жил. Имена поменялись, и он больше никого не знал в лицо.

Подростки и старики, рассуждал Дин, самые одинокие создания на земле.

Он вернулся в гостиную, зажег торшер и опустился в удобное кресло, но на месте не сиделось. Дин побарабанил пальцами по подлокотникам. Хотелось встать, только ради чего? Разве что вымыть посуду, но мыть посуду тоже не хотелось.

Нужно прогуляться, решил Дин. Отличная идея, нет ничего полезнее прогулки перед сном.

Надев шляпу и пальто, он вышел из дома и, дойдя до калитки, свернул на запад.

Он был уже на полпути к цели, обойдя деловой район, когда признался себе, что направляется к дому Стайлза, куда поначалу вовсе не намеревался идти.

Дин понятия не имел, что собирается делать. Его словно подталкивала некая сила, лишая права выбора.

Старый дом стоял в окружении могучих деревьев и кустарников. Время от времени кто-нибудь подстригал траву и высаживал цветы на клумбах в благодарность за услуги Воспитательниц, которые не признавали денег.

Вероятно, они и впрямь не нуждались в деньгах, потому что им не требовалась пища, а еще они никогда не болели, во всяком случае, никто не видел их больными. Возможно, порой в старом доме было холодно, однако дров они тоже не покупали, а для уплаты налогов Лаймонт Стайлз оставил им некую сумму. По всему выходило, деньги им и впрямь были без надобности.

Давным-давно люди судачили о том, как они обходятся без пищи, затем и эти разговоры сошли

на нет. Жители Милвилля решили, что повадки инопланетянина человеку все одно не понять, так нечего и пытаться.

И они, без сомнения, были правы.

Внезапно Дину пришло в голову, что дом Стайлза еще старше его собственного. В нем был всего один этаж — так строили до того, как в моду вошли разноуровневые полы.

Сквозь тяжелые занавески пробивался свет. Воспитательницы были на месте. Впрочем, они всегда были на месте, почти никогда не покидали дома, и у людей вошло в привычку самим отводить к ним детей. А дети, даже совсем крохи, и не возражали, они обожали своих воспитательниц.

Дин позвонил у входа, дождался шороха за дверью.

Дверь отворилась, и на пороге возникла одна из них. Свет падал на нее сзади, и Дин осознал, что в последний раз видел Воспитательницу много лет назад.

Однажды, вскоре после возвращения Ламонта Стайлза, Дин встретил на улице сразу трех Воспитательниц, потом они попадались ему на глаза поодиночке и на расстоянии. Время стерло первое впечатление, и сейчас его снова поразил их внешний вид: грация волшебных существ,

удивительное ощущение, что ты стоишь лицом к лицу с прекрасным цветком.

Лицо, если это можно было назвать лицом, излучало такую нежность и ласку, что практически лишало черты индивидуальности. Удивительные кожистые лепестки окружали его, а тело поражало сочетанием хрупкой грации и силы. Во всем облике дивного существа сквозили простодушие и мягкость, заставлявшие забыть обо всем остальном.

Неудивительно, подумал Дин, что дети от них без ума.

— Мистер Дин, — спросила Воспитательница, — не хотите ли войти? Ваш визит — большая честь для нас.

— Спасибо.

Дин вошел, снял шляпу и услышал, как за ним закрылась дверь.

— Садитесь в кресло, — промолвила Воспитательница. — Мы приберегаем его для особых гостей.

Все это было мило и дружелюбно, но одновременно непривычно и даже пугающе.

Откуда-то из глубин дома доносился детский смех. Дин повернул голову, чтобы определить его источник.

— Это из детской, — сказала Воспитательница. — Я закрою дверь.

Дин опустился в кресло и, разместив старую шляпу на узловатом старческом колене, принялся теребить поля узловатыми, старческими пальцами.

Воспитательница вернулась и мимолетным грациозным движением опустилась на пол перед ним. Словно взметнулся летящий подол юбки, хотя юбок Воспитательницы не носили.

— Итак, — промолвила она, давая понять, что готова его выслушать.

Однако Дин молчал, потому что детский смех по-прежнему наполнял комнату. Казалось, он исходит отовсюду, самозабвенный детский смех, бездумный, радостный смех ребенка, поглощенного игрой.

Мало того, в воздухе ощущалось что-то неуловимо детское, вневременное — веселье, которому нет конца. Словно в комнате подул ветерок из дальней волшебной страны, принеся с собой журчание лесного ручья, шорох палых осенних листьев, а еще запах клевера и ноготков, и непередаваемый аромат чистых смятых простынь в детской кроватке.

— Мистер Дин, — сказала Воспитательница.

Он виновато вздрогнул:

— Простите, я заслушался.

— Дверь в детскую закрыта.

— Я слушал детей в этой комнате.

— Здесь нет детей.

— Разумеется, вы правы.

Но дети были, он ясно слышал их смех и топот маленьких ножек.

Дети были здесь, по крайней мере, тут ощущалось их присутствие, вместе с душным ароматом давно засохших цветов. Равно как присутствие множества других прекрасных вещей: цветов, игрушечных бус, ярких картинок и цветных шарфиков, которые годами дарили Воспитательницам вместо денег.

— В этой комнате так хорошо, — Дин смутился, — что я бы не отказался сидеть здесь всегда.

Ему казалось, он тонет в молодости и веселье. И если он позволит этому бурлящему потоку подхватить себя, то и сам станет его частью.

— Мистер Дин, — сказала Воспитательница, — вы очень чувствительны.

— Я очень стар, — ответил он, — возможно, дело в этом.

Комната казалась древней и старомодной, словно застывший крик, звучащий через два

столетия. Маленький кирпичный камин, отделанный светлыми деревянными панелями, арочные проемы окон и дверей от пола до потолка, тяжелые черно-зеленые портьеры с золотым шитьем. Нынешней архитектуре из алюминия и стекла не под силу создать это ощущение основательности и глубокого покоя. Должно быть, здесь хватало пыли и плесени и, вероятно, антисанитарии, но вместе с тем комната рождала ощущение дома.

— Я человек старого склада, — сказал Дин, — и, возможно, впадаю в детство, но я снова готов поверить в сказки и волшебство.

— Это не волшебство, — ответила воспитательница, — так мы живем, и по-другому не умеем. Согласитесь, всем нужно выживать.

— Соглашусь, — ответил Дин.

Он поднял с колен потертую шляпу и медленно встал.

Хотя смех ослабел, а топот стих, в воздухе осталось ощущение юности, жизненной энергии и счастья. Именно оно придавало сияние потертой мебели, рождая в сердце пронзительную радость.

Воспитательница по-прежнему сидела на полу.

— Еще чего-то хотите, мистер Дин?

Дин растерянно мял шляпу.

— Больше ничего. Я нашел ответ на свой вопрос.

И даже сейчас в глубине души он не верил себе, зная, что стоит ему выйти за дверь, как вновь налетят сомнения.

Воспитательница встала.

— Вы придете еще, мистер Дин? Мы будем вам рады.

— Возможно, — ответил Дин и повернулся к двери.

Внезапно на полу возник золотой вращающийся шар, искрящийся миллионами разноцветных граней. Вращаясь, шар испускал свист, который проникал в душу и размягчал ее, словно масло. Снова звучал смех, внешний мир перестал существовать, и комнату наполнил волшебный рождественский свет.

Дин сделал шаг вперед и уронил шляпу. Он больше не помнил своего имени, не знал, кто он такой и как сюда попал; его переполняла бурлящая радость. Дин нагнулся, чтобы дотронуться до шара.

До шара оставалось совсем чуть-чуть… Дин подался вперед, мыском ботинка угодил в дыру

на старом ковре и рухнул на колени.

Шар исчез, рождественский свет погас; вновь возник окружающий мир. Бурлящая радость куда-то испарилась, и он снова стал собой: стариком в доме, одержимом красотой, стариком, который силился встать с колен, лицом к лицу с инопланетным существом.

— Простите, — промолвила Воспитательница. — У вас почти получилось. Может быть, в другой раз.

— Нет! — Он затряс головой. — Сейчас!

— Большего мы дать не в силах, — вежливо промолвила она.

Кое-как нахлобучив шляпу, Дин на трясущихся ногах шагнул к двери. Воспитательница открыла ее, и он, шатаясь, вышел наружу.

На улице прислонился к дереву, снял шляпу и провел рукой по лбу.

Потрясение сменилось страхом: что это за форма жизни, которая насыщается не так, как насыщаются люди, а вытягивает соки из юности и красоты, выпивает их досуха, отщипывая по кусочкам детский смех, перерабатывая его в пищу?

Неудивительно, что здешние дети взрослели не по годам. Их детство высасывалось голодной формой жизни, смотревшей на них как на еду.

Вероятно, на долю человека выпадает немало детской безмятежности. Но если то, что полагается каждому ребенку, получит кто-то другой, то из ребенка вырастет взрослый, неспособный радоваться жизни и смеяться.

Воспитательницы не брали денег. Они не нуждались в деньгах. Их дом ломился от яств, накопленных за долгие годы.

И за все эти годы он оказался первым, кто разгадал природу инопланетных существ, привезенных в город Ламонтом Стайлзом. Эта мысль отрезвляла. Должно быть, виной всему его преклонный возраст.

Впрочем, как посмотреть. Не компенсируется ли утрата способностей в старости чем-то иным? Может, пока тело слабеет, а разум тускнеет, старики обретают некие волшебные силы, нечто вроде собачьего чутья, словно угольки догорающей жизни?

Дин привык всуе поминать свой преклонный возраст, словно сам факт старения был некоей добродетелью. Постепенно выпадая из настоящего, он довел свою одержимость прошлым до опасной черты. Он чувствовал, что впадает в детство — возможно, в этом и заключалась разгадка? И именно поэтому он видел сверкающий шар и

рождественский свет?

Интересно, что случилось бы, коснись он того шара?..

Надев шляпу, Дин отстранился от ствола и побрел домой.

Итак, что он должен делать теперь, раскрыв тайну Воспитательниц? Растрезвонить о них по всей округе? Едва ли ему поверят. Вежливо выслушают, стараясь не ранить его чувств, а про себя решат, что у старика разыгралось воображение. Неудивительно, ведь, кроме непоколебимой уверенности в собственной правоте, у него не было доказательств.

Дин по примеру Стаффи мог бы привлечь внимание земляков к тому, как рано стали взрослеть их дети. Но, скорее всего, у жителей деревни найдется этому рациональное объяснение. Хотя бы из соображений родительской гордости. Разумеется, никого из родителей не удивляет, что их сыновья или дочери хорошо воспитаны и делают успехи в учебе.

Неужели им не кажется странным, что все без исключения дети в Милвилле послушны и уравновешены? Нет, они ничего не замечают. Беда подкралась незаметно, никто ничего не заподозрил.

Даже он сам ничего не замечал до недавнего времени, хотя вся его жизнь была посвящена детям. А если не заметил он, чего ждать от остальных? Кто станет слушать старого сплетника Стаффи?

Горло пересохло, накатила тошнота. Чашка кофе — вот что ему нужно.

Дин свернул к центру города и упрямо зашагал навстречу темноте.

Интересно, какова цена потерянного детства? Что хорошего в том, что мальчики и девочки раньше сверстников бросают игрушки и перенимают взрослый взгляд на мир?

Одно из преимуществ было налицо. Милвиллские дети послушны, вежливы и нацелены на творчество. Среди них вы не найдете ни маленьких грубиянов, ни самовлюбленных выскочек.

Проблема в том, что при этом они перестают быть детьми.

Возможно, в будущем из них вырастут выдающиеся политики, искусные дипломаты, первоклассные адвокаты и талантливые ученые, но разве это главное? Стоят ли все эти превосходные качества того простого факта, что у детей крадут детство?

Дин достиг делового центра — всего-то три

улицы — и направился к единственному в городе кафе.

Посетителей было немного. Он сразу прошел к стойке и с несчастным видом уселся на стул, крепко вцепившись в прилавок, чтобы не тряслись руки.

— Кофе, — сказал он девушке, которая подошла принять заказ.

Дин пил обжигающий кофе маленькими глотками, уже сожалея, что поддался порыву сюда зайти.

Посреди яркого света и хромированных поверхностей он ощущал себя неуютно и одиноко, словно пережиток прошлого, занявший не свое место.

Он почти не захаживал в деловой центр, особенно по вечерам. Впрочем, так было не всегда.

Дин улыбнулся, вспомнив, как в молодости они собирались здесь веселой и шумной компанией, вспомнил бесконечные разговоры ни о чем.

Все прошло. Где теперь та компания?

Некоторые мертвы, кто-то уехал, кого-то из дома не вытянешь.

Дин понимал, что до неприличия расчувствовался, но был слишком потрясен и расстроен, чтобы взять себя в руки.

На плечо легла чья-то ладонь, и Дин удивленно поднял голову.

Молодой Боб Мартин улыбался, хотя вид у него был неуверенный, словно он сомневался, что поступает правильно.

— Сэр, мы тут сидим за соседним столиком, — промолвил он, задыхаясь от волнения.

— Отлично, — пробормотал Дин.

— Не хотите подсесть к нам?

— Пожалуй, я не против.

— Сэр, мы не навязываемся, просто…

— Нет-нет, я правда не возражаю.

— Тогда разрешите, я отнесу вашу чашку, сэр. Не волнуйтесь, ни капли не пролью.

— Я доверяю тебе, Боб, — сказал Дин, вставая. — На поле ты никогда не промахиваешься.

— Я объясню, мистер Дин. Мне нравится футбол, просто я…

Дин похлопал юношу по плечу.

— Я все понимаю, Боб. Тебе незачем оправдываться.

Дин запнулся, размышляя, уместно ли будет сказать то, что вертелось на языке, и наконец решился:

— Если обещаешь не говорить тренеру, я признаюсь, что согласен с твоим выбором. Приходит

время, когда футбол начинает раздражать.

— В самую точку, сэр! — расплылся в улыбке Мартин.

За столиком их было четверо: Рональд Кинг, Джордж Вудс, Джуди Чарльстон и Донна Томпсон. Хорошие ребята, подумал Дин, как на подбор. Все четверо медленно потягивали газировку, стремясь растянуть удовольствие.

Они улыбались ему, а Джордж Вудс отодвинул для него кресло. Дин присел. Боб поставил перед ним чашку.

— Вы очень добры, — сказал Дин, удивляясь, отчего он так смущен. Разве это не его воспитанники, которых он видел в школе каждый день и стремился приобщить к знаниям, не его дети, которых у него никогда не было?

— Нам нужна ваша помощь, мистер Дин, — сказал Рональд Кинг. — Мы обсуждали Ламонта Стайлза. Он единственный из наших земляков, кто летал к звездам, и мы подумали…

— Возможно, вы были знакомы, мистер Дин? — спросила Джуди.

— Был, — медленно ответил Дин. — Я знал его, но не так близко, как Стаффи. Они дружили в детстве. Я постарше их обоих.

— Каким он был? — спросила Донна.

Дин откашлялся.

— Ламонт Стайлз? Он был самым отчаянным парнем в городе. Учился плохо, дома не жил, творил что хотел. Если случалось какое-то безобразие, будьте уверены, к этому приложил руку Ламонт. Люди говорили, что ничего путного из него не выйдет, а поскольку каждый встречный норовил влезть ему в душу, Ламонт принимал все близко к сердцу…

Дин говорил и говорил, ему задавали вопросы, Рональд Кинг сходил к стойке за еще одной чашкой кофе.

От Стайлза разговор перекинулся на футбол. Кинг и Мартин повторили то, что сказали тренеру. Побеседовали о школьном самоуправлении, обсудили ионный двигатель, который был у всех на устах.

Дин не только говорил, но и слушал, задавал вопросы, и время летело незаметно.

Внезапно свет моргнул, и Дин удивленно поднял глаза.

Джуди рассмеялась.

— Они закрываются. Нам пора.

— Ясно, — сказал Дин. — Часто засиживаетесь тут до закрытия?

— Нет, — ответил Боб Мартин. — Уроков много

задают.

— Помню, как в былые времена… — начал Дин и внезапно осекся.

Действительно, это было с ним много лет назад. И случилось снова, сегодня вечером.

Пять лиц смотрели на него. Смотрели вежливо, доброжелательно и с уважением. Но было в их взглядах что-то еще.

Беседуя с ними, Дин забыл о своем возрасте. Ребята отнеслись к нему как к равному человеческому существу, а не как к старику, который заслуживал уважения из-за прожитых лет. Они приняли его в свой круг, и он стал одним из них. Они разрушили барьер не только между учениками и учителем, но и между старостью и юностью.

— Я на машине, — сказал Боб Мартин. — Хотите, подброшу вас до дома?

Дин поднял с пола шляпу и медленно встал.

— Не стоит, я лучше пройдусь. Нужно кое-что обдумать, а думается лучше всего на ходу.

— Приходите еще, — предложила Джуди Чарльстон. — Может быть, в пятницу вечером?

— Почему бы нет, спасибо за приглашение, — ответил Дин.

Чудесные дети, сказал он себе с некоторой

гордостью. Добрее и воспитаннее, чем обычные взрослые. Ни наглости, ни снисходительности, словно они и не дети вовсе, и в то же время исполнены идеализма и честолюбия — верных спутников юности.

Рано повзрослевшие, лишенные цинизма…

Возможно, это и есть та монета, которую платят Воспитательницы, похищая их детство? А что, если речь не идет о воровстве? Если Воспитательницы всего лишь сохраняют то, что берут?

В таком случае они предлагают детям взамен новую зрелость и новое равенство, а взамен берут то, чему и так суждено сгинуть, чему человечество не нашло применения, но без чего не может жить эта странная инопланетная раса.

Они забирают юность и красоту и сохраняют в своем доме про запас. Сохраняют то, что человечество способно хранить лишь в памяти. Собирают и удерживают мимолетные мгновения, которыми их дом набит до отказа.

Ламонт Стайлз, мысленно вопрошал Дин через годы и расстояния, знал ли ты об этом? Что было у тебя на уме?

Возможно, ты хотел преподать урок самодовольному городишке, который сделал тебя великим? Или привез их в тайной надежде, что

больше никто и никогда не скажет местному мальчишке, что из него не выйдет ничего путного?

Впрочем, и это не все.

Донна потянула его за рукав:

— Пора, мистер Дин, здесь нельзя оставаться.

Вместе они вышли из кафе, пожелали друг другу спокойной ночи, и Дин зашагал по улице, как ему казалось, бодрее, чем обычно.

А все оттого, думал он на полном серьезе, что за эти два часа я и вправду помолодел.

Дин энергично шагал по улице, почти не хромал и совсем не чувствовал усталости, но боялся признаться в этом самому себе — обычно люди стыдятся подобных мыслей. Надежда жива, пока теплится где-то в груди, однако стоит облечь ее в слова, и вот уже разочарование маячит за ближайшим поворотом.

Дин шел в сторону, противоположную дому, несмотря на то что было поздно и обычно в этот час он уже лежал в постели.

Миновав заросшую кустарником лужайку, он увидел, что свет еще пробивается из-под опущенных портьер.

На крыльце он остановился, пораженный внезапной мыслью: а ведь есть еще Стаффи, и я, и

старина Эйб Хоукинз… Нас много.

Дверь отворилась. На пороге стояла Воспитательница, гордая и прекрасная, и ничуть не удивленная. Словно ждала его прихода.

Две другие сидели у камина.

— Не хотите ли войти? — спросила она. — Мы очень рады, что вы вернулись. Дети уже ушли, нашей беседе никто не помешает.

Он вошел и сел в кресло, аккуратно примостив шляпу на колене.

И снова в воздухе послышался топот детских ножек, и время остановилось, и зазвучал вокруг детский смех.

Дин сидел и качал головой, размышляя. Воспитательницы ждали.

Как трудно порой найти верные слова.

Он вновь ощущал себя нерадивым второклассником у доски.

Они ждали, ждали терпеливо, понимая, ему нужно время.

Он должен найти верные слова. Должен заставить их понять.

Нельзя говорить необдуманно. Его слова должны звучать естественно и логично.

Но откуда взяться логике?

В том, что старикам, подобным ему и Стаффи,

нужны воспитательницы, не было никакой логики.

Кто там, в толще скал?
Перевод О. Битова

1

Он бродил по холмам, вызнавая, что видели эти холмы в каждую из геологических эр. Он слушал звезды и записывал, что они говорили. Он обнаружил существо, замурованное в толще скал. Он взбирался на дерево, на которое до того взбирались только дикие кошки, когда возвращались домой в пещеру, высеченную временем и непогодой в суровой крутизне утеса. Он жил в одиночестве на заброшенной ферме, взгромоздившейся на высокий и узкий гребень над слиянием двух рек. А его ближайший сосед — хватило же совести — отправился за тридцать миль в окружной городишко и донес шерифу, что он, читающий тайны холмов и внимающий звездам, ворует кур.

Примерно через неделю шериф заехал на ферму и, перейдя двор, заметил человека, который сидел на веранде в кресле-качалке лицом к заречным холмам. Шериф остановился у подножия лесенки, ведущей на веранду, и представился:

— Шериф Харли Шеперд. Завернул к вам по дороге. Лет пять, наверное, не заглядывал в этот медвежий угол. Вы ведь здесь новосел, так?

Человек поднялся на ноги и, показав жестом на кресло рядом со своим, ответил:

— Я здесь уже три года. Зовут меня Уоллес Дэниельс. Поднимайтесь сюда, посидим, потолкуем.

Шериф вскарабкался по лесенке, они обменялись рукопожатием и опустились в кресла.

— Вы, я смотрю, совсем не обрабатываете землю, — сказал шериф.

Заросшие сорняками поля подступали вплотную к опоясывающей двор ограде. Дэниельс покачал головой:

— На жизнь хватает, а большего мне и не надо. Держу кур, чтоб несли яйца. Парочку коров, чтоб давали молоко и масло. Свиней на мясо — правда, забивать их сам не могу, приходится звать на помощь. Ну и еще огород — вот, пожалуй, и все.

— И того довольно, — поддержал шериф. — Ферма-то уже ни на что другое не годна. Старый Эймос Уильямс разорил тут все вконец. Хозяин он был прямо-таки никудышный…

— Зато земля отдыхает, — отвечал Дэниельс. — Дайте ей десять лет, а еще лучше двадцать, и она будет родить опять. А сейчас она годится разве

что для кроликов и сурков да мышей-полевок. Ну и птиц тут, ясное дело, не счесть. Перепелок такая прорва, какой я в жизни не видел.

— Белкам тут всегда было раздолье, — подхватил шериф. — И енотам тоже. Думаю, еноты у вас и сейчас есть. Вы не охотник, мистер Дэниельс?

— У меня и ружья-то нет, — отвечал Дэниельс.

Шериф глубоко откинулся в кресле, слегка покачиваясь.

— Красивые здесь места, — объявил он. — Особенно перед листопадом. Листья словно кто специально раскрасил. Но изрезано тут у вас просто черт знает как. То и дело вверх-вниз… Зато красиво.

— Здесь все сохранилось, как было встарь, — сказал Дэниельс. — Море отступило отсюда в последний раз четыреста миллионов лет назад. С тех пор, с конца силурийского периода, здесь суша. Если не забираться на север, к самому Канадскому щиту, то немного сыщется в нашей стране уголков, не изменявшихся с таких давних времен.

— Вы геолог, мистер Дэниельс?

— Куда мне! Интересуюсь, и только. По правде сказать, я дилетант. Нужно же как-нибудь убить время, вот и брожу по холмам, лазаю вверх

да вниз. А на холмах хочешь не хочешь столкнешься с геологией лицом к лицу. Мало-помалу заинтересовался. Нашел однажды окаменевших брахиоподов, решил про них разузнать. Выписал себе книжек, начал читать. Одно потянуло за собой другое, ну и…

— Брахиоподы — это как динозавры, что ли? В жизни не слыхивал, чтобы здесь водились динозавры.

— Нет, это не динозавры, — отвечал Дэниельс. — Те, каких я нашел, жили много раньше динозавров. Они совсем маленькие, вроде моллюсков или устриц. Только раковины закручены по-другому. Мои брахиоподы очень древние, вымершие миллионы лет назад. Но есть и виды, уцелевшие до наших дней. Правда, таких немного.

— Должно быть, интересное дело.

— На мой взгляд, да, — отвечал Дэниельс.

— Вы знавали старого Эймоса Уильямса?

— Нет, он умер раньше, чем я сюда перебрался. Я купил землю через банк, который распоряжался его имуществом.

— Старый дурак, — заявил шериф. — Перессорился со всеми соседями. Особенно с Беном Адамсом. Они с Беном вели тут форменную меж-

доусобную войну. Бен утверждал, что Эймос не желает чинить ограду. А Эймос обвинял Бена, что тот нарочно валит ее, чтобы запустить свой скот — вроде по чистой случайности — на сенокосные угодья Эймоса. Между прочим, как вы с Беном ладите?

— Да ничего, — отвечал Дэниельс. — Пожаловаться не на что. Я его почти и не знаю.

— Бен тоже в общем-то не фермер, — сказал шериф. — Охотится, рыбачит, ищет женьшень, зимой не брезгует браконьерством. А то вдруг заведется и затеет поиски минералов…

— Здесь под холмами и в самом деле кое-что припрятано, — отвечал Дэниельс. — Свинец и цинк. Но добывать их невыгодно: истратишь больше, чем заработаешь. При нынешних-то ценах…

— И все-то Бену неймется, — продолжал шериф. — Хлебом его не корми, только бы завести склоку. Только бы с кем-нибудь схлестнуться, что-нибудь пронюхать, к кому-нибудь пристать. Не дай бог враждовать с таким. На днях пожаловал ко мне с кляузой, что недосчитался нескольких кур. А у вас куры часом не пропадали?

Дэниельс усмехнулся:

— Тут неподалеку живет лиса, и она иной раз

взимает с моего курятника определенную дань. Но я на нее не сержусь.

— Странная вещь, — заявил шериф. — Кажется, нет на свете ничего, что взъярило бы фермера больше, чем пропажа цыпленка. Не спорю, цыпленок тоже денег стоит, но не столько же, чтобы впадать в ярость…

— Если Бен недосчитывается кур, — отвечал Дэниельс, — то похоже, что виновница — моя лиса.

— Ваша? Вы говорите о ней так, будто она ваша собственная…

— Нет конечно. Лиса ничья. Но она живет здесь на холмах, как и я. Я считаю, что мы с ней соседи. Изредка я встречаю ее и наблюдаю за ней. Может, это и значит, что отчасти она теперь моя. Хотя не удивлюсь, если она наблюдает за мной куда чаще, чем я за ней. Она ведь проворней меня.

Шериф грузно поднялся с кресла.

— До чего же не хочется уходить, — сказал он. — Поверьте, я с большим удовольствием посидел с вами, потолковал, поглядел на ваши холмы. Вы, наверное, часто на них глядите.

— Очень часто, — отвечал Дэниельс.

Он сидел на веранде и смотрел вслед машине шерифа. Вот она одолела подъем на дальнюю

гряду и скрылась из виду.

«Что все это значило?» — спросил он себя. Шериф не просто «завернул по дороге». Шериф был здесь по делу. Вся эта праздная, дружелюбная болтовня преследовала какую-то цель, и шериф, болтая, ухитрился задать Дэниельсу кучу вопросов.

Быть может, неожиданный визит как-то связан с Беном Адамсом? В чем же, спрашивается, провинился этот Бен — разве в том, что он лентяй до мозга костей? Нагловатый, подловатый, но лентяй. Может, шериф прослышал, что Адамс помаленьку варит самогон, и решил навестить соседей в надежде, что кто-нибудь проговорится? Напрасный труд — никто, конечно, не проболтается: чихать соседям на самогон, от самогона никому никакого вреда. Сколько там Бен наварит — разве можно принимать это всерьез? Бен слишком ленив, и не стоит принимать его всерьез, что бы он ни затеял.

Снизу, от подножия холмов, донеслось позвякивание колокольчиков. Две коровы Дэниельса решили сами вернуться домой. Выходит, сейчас уже гораздо позже, чем он предполагал. Не то чтобы точное время имело для Дэниельса какое-либо значение. Вот уже несколько месяцев он не

следил за временем — с тех пор как разбил часы, сорвавшись с утеса. И даже не удосужился отдать их в починку. Он не испытывал нужды в часах. На кухне, правда, стоял старый колченогий будильник, но это был сумасбродный механизм, не заслуживающий доверия. Дэниельс, как правило, и не вспоминал про будильник.

«Посижу еще чуточку, — подумал он, — и придется взять себя в руки и заняться хозяйством. Подоить коров, накормить свиней и кур, собрать яйца…» С той поры как на огороде поспели овощи, у него почти не осталось забот. На днях, конечно, надо будет снести тыквы в подвал, а потом выбрать три-четыре самые большие и выдолбить для соседских ребятишек, чтобы понаделали себе страшилищ на праздники. Интересно, что лучше: самому вырезать на тыквах рожи или предоставить ребятне сделать это по своему усмотрению?..

Но колокольчики звякали еще далеко; в его распоряжении было пока что немало времени. Дэниельс откинулся в кресле и замер, вглядываясь в холмистую даль.

И холмы сдвинулись с мест и стали меняться у него на глазах.

Когда такое произошло впервые, он испугался

до одури. Теперь-то он уже немного привык.

Он смотрел — а холмы меняли свои очертания. На холмах появлялась иная растительность, диковинная жизнь.

На этот раз он увидел динозавров. Целое стадо динозавров, впрочем, не слишком крупных. По всей вероятности, середина триасового периода. Но главное — на этот раз он лишь смотрел на них издали, и не больше. Смотрел с безопасного расстояния, на что походило давнее прошлое, а не ворвался в самую гущу событий прошлого, как нередко случалось.

И хорошо, что не ворвался, — ведь его ждали домашние дела.

Разглядывая прошлое, Дэниельс вновь и вновь терялся в догадках: на что же еще он способен теперь? Он ощущал беспокойство — но беспокоили его не динозавры, и не более ранние земноводные, и не прочие твари, жившие на холмах во время оно. По-настоящему его тревожило лишь существо, погребенное в глубине под пластами известняка.

Надо, непременно надо рассказать об этом существе людям. Подобное знание не может, не должно угаснуть. Тогда в грядущие годы — допустим, лет через сто, если земная наука достигнет

таких высот, чтобы справиться с задачей, — можно будет попытаться понять, а то и освободить обитателя каменных толщ.

Разумеется, надо оставить записи, подробные записи. Кому, как не ему, Дэниельсу, позаботиться об этом? Именно так он и делал — день за днем, неделя за неделей отчитывался о том, что видел, слышал и узнавал. Три толстые конторские книги уже были заполнены аккуратным почерком от корки до корки, и начата четвертая. В книгах все изложено со всей полнотой, тщательностью и объективностью, на какие он только способен.

Однако кто поверит тому, что там написано? Еще важнее — кто вообще заглянет в эти записи? Более чем вероятно, что им суждено пылиться где-нибудь на дальней полке до скончания веков и ничья рука даже не коснется их. И если даже кто-нибудь когда-нибудь снимет книги с полки и не поленится, стряхнув скопившуюся пыль, перелистать страницы, то разве мыслимо, чтоб он или она поверили тому, что прочтут?

Ясно как день — надо сначала убедить кого-то в своей правоте. Самые искренние слова, если они принадлежат умершему, к тому же умершему в безвестности, нетрудно объявить игрой больного воображения. Другое дело, если кто-то из ученых

с солидной репутацией выслушает Дэниельса и засвидетельствует, что записи заслуживают доверия; тогда и только тогда все записанное — и о том, что происходило в древности на холмах, и о том, что скрыто в их недрах, — обретет силу факта и привлечет серьезное внимание будущих поколений.

К кому обратиться — к биологу? К невропатологу? К психиатру? К палеонтологу?

Пожалуй, не играет роли, какую отрасль знаний будет представлять этот ученый. Только бы он выслушал, а не высмеял. Это главное — чтобы выслушал, а не высмеял.

Сидя у себя на веранде и разглядывая динозавров, щиплющих травку на холмах, человек, умеющий слушать звезды, вспомнил, как однажды рискнул прийти к палеонтологу.

— Бен, — сказал шериф, — что-то тебя не туда занесло. Не станет этот Дэниельс красть у тебя кур. У него своих хватает.

— Вопрос только в том, — откликнулся Адамс, — откуда он их берет.

— Ерунда, — сказал шериф. — Он джентльмен. Это сразу видно, едва заговоришь с ним. Образованный джентльмен.

— Если он джентльмен, — спросил Адамс, — то-

гда чего ему надо в нашей глуши? Здесь джентльменам не место. Как переехал сюда два не то три года назад, с тех самых пор пальцем о палец не ударил. Только и знает, что шляться вверх да вниз по холмам…

— Он геолог, — сказал шериф. — Или, по крайней мере, интересуется геологией. Такое у него увлечение. Говорит, что ищет окаменелости.

Адамс насторожился, как пес, приметивший кролика.

— Ах вот оно что, — произнес он. — Держу пари, никакие он не окаменелости ищет.

— Брось, — сказал шериф.

— Он минералы ищет, — продолжал Адамс. — Полезные ископаемые разведывает, вот что он делает. В этих холмах минералов невпроворот. Надо только знать, где искать.

— Ты же сам потратил на поиски уйму времени, — заметил шериф.

— Я не геолог. Геолог даст мне сто очков вперед. Он знает породы и всякое такое.

— Не похоже, чтобы Дэниельс занимался разведкой. Интересуется геологией, вот и всё. Откопал каких-то окаменелых моллюсков.

— А может, он ищет клады, — предположил Адамс. — Может, у него карта есть или какой-ни-

будь план?

— Да черт тебя возьми, — вскипел шериф, — ты же сам знаешь, что кладов здесь нет и в помине.

— Должны быть, — настаивал Адамс. — Здесь когда-то проходили французы и испанцы. А уж они понимали толк в кладах, что французы, что испанцы. Отыскивали золотоносные жилы. Закапывали сокровища в пещерах. Неспроста в той пещере за рекой нашелся скелет в испанских латах, а рядом скелет медведя и ржавый меч, воткнутый точнехонько туда, где у медведя была печенка…

— Болтовня, — сказал шериф брезгливо. — Какой-то дурень раззвонил, а ты поверил. Из университета приезжали, хотели этот скелет найти. И выяснилось, что все это чушь собачья.

— А Дэниельс все равно лазает по пещерам, — возразил Адамс. — Своими глазами видел. Сколько часов он провел в пещере, которую мы зовем Кошачьей берлогой! Чтобы попасть туда, надо забираться на дерево.

— Ты что, следил за ним?

— Конечно, следил. Он что-то задумал, и я хочу знать что.

— Смотри, как бы он тебя не застукал за этим занятием, — сказал шериф.

Адамс предпочел пропустить замечание мимо ушей.

— Все равно, — заявил он, — если у нас тут и нет кладов, то полным-полно свинца и цинка. Тот, кто отыщет залежь, заработает миллион.

— Сперва отыщи капитал, чтоб открыть дело, — заметил шериф.

Адамс ковырнул землю каблуком.

— Так, стало быть, он, по-вашему, ни в чем не замешан?

— Он мне говорил, что у него у самого пропадали куры. Их, верно, утащила лиса. Очень даже похоже, что с твоими приключилось то же самое.

— Если лиса таскает у него кур, — спросил Адамс, — почему же он ее не застрелит?

— А это его не волнует. Он вроде бы считает, что лиса имеет право на добычу. Да у него и ружья-то нет.

— Ну, если у него нет ружья и душа не лежит к охоте, почему бы не разрешить поохотиться другим? А он как увидел у меня с ребятами ружьишко, так даже не пустил к себе на участок. И вывесок понавешал: «Охота воспрещена». Разве это по-соседски? Как тут прикажете с ним ладить? Мы испокон веку охотились на этой земле. Уж на

что старый Эймос был не из уживчивых, и то не возражал, чтобы мы там постреляли немного. Мы всегда охотились где хотели, и никто не возражал. Мне вообще сдается, что на охоту не должно быть ограничений. Человек вправе охотиться там, где пожелает…

Шериф присел на скамеечку, врытую в истоптанный грунт перед ветхим домишком, и огляделся. По двору, апатично поклевывая, бродили куры; тощий пес, вздремнувший в тени, подергивал шеей, отгоняя редких осенних мух; старая веревка, протянутая меж двумя деревьями, провисла под тяжестью мокрой одежды и полотенец, а к стенке дома была небрежно прислонена большая лохань. «Господи, — подумал шериф, — ну неужели человеку лень купить себе пристойную бельевую веревку вместо этой мочалки!..»

— Бен, — сказал он, — ты просто затеваешь свару. Тебе не нравится, что Дэниельс живет на ферме, не возделывая полей, ты обижен, что он не дает тебе охотиться на своей земле. Но он имеет право жить где ему заблагорассудится и имеет право не разрешать охоту. На твоем месте я бы оставил его в покое. Никто не заставляет тебя любить его, можешь, если не хочешь, вовсе с ним

не знаться — но не возводи на него напраслину. За это тебя недолго и к суду привлечь.

2

…Войдя в кабинет палеонтолога, Дэниельс даже не сразу разглядел человека, сидящего в глубине комнаты у захламленного стола. И вся комната была захламлена. Повсюду длинные стенды, а на стендах куски пород с вросшими окаменелостями. Там и сям кипы бумаг. Большая, плохо освещенная комната производила неприятное, гнетущее впечатление.

— Доктор! — позвал Дэниельс. — Вы доктор Торн?

Человек встал, воткнув трубку в полную до краев пепельницу. Высокий и плотный, седеющие волосы взъерошены, лицо обветренное, в морщинах. Он двинулся навстречу гостю, волоча ноги, как медведь.

— Вы, должно быть, Дэниельс, — сказал он. — Да, должно быть, так. У меня на календаре помечено, что вы придете в три. Хорошо, что не передумали.

Рука Дэниельса утонула в его лапище. Он указал на кресло подле себя, сел сам и, высвободив трубку из пластов пепла, принялся набивать

ее табаком из большой коробки, занимающей центр стола.

— Вы писали, что хотите видеть меня по важному делу, — продолжал он. — Впрочем, все так пишут. Но в вашем письме было, должно быть, что-то особенное — настоятельность, искренность, не знаю что. Понимаете, у меня нет времени принимать каждого, кто мне пишет. И все до одного, понимаете, что-нибудь нашли. Что же такое нашли вы, мистер Дэниельс?

Дэниельс ответил:

— Право, доктор, не знаю, как и начать. Пожалуй, лучше сперва сказать, что у меня случилось что-то странное с головой…

Торн раскуривал трубку. Не вынимая ее изо рта, проворчал:

— В таком случае я, наверное, не тот, к кому вам следовало бы обратиться. Есть много других…

— Да нет, вы меня неправильно поняли, — перебил Дэниельс. — Я не собираюсь просить о помощи. Я совершенно здоров и телом и душой. Правда, лет пять назад я попал в автомобильную катастрофу. Жена и дочь погибли, а меня тяжело ранило…

— Мои соболезнования, мистер Дэниельс.

— Спасибо. Но это уже в прошлом. Мне выпали

трудные дни, однако я кое-как выкарабкался. К вам меня привело другое. Я уже упоминал, что был тяжело ранен…

— Мозг затронут?

— Незначительно. По крайней мере, врачи утверждали, что совсем незначительно. Небольшое сотрясение, только и всего. Хуже было с раздавленной грудью и пробитым легким…

— А сейчас вы вполне здоровы?

— Будто и не болел никогда. Но разум мой со дня катастрофы стал иным. Словно у меня появились новые органы чувств. Я теперь вижу и воспринимаю вещи, казалось бы, совершенно немыслимые…

— Галлюцинации?

— Да нет. Уверен, это не галлюцинации. Я вижу прошлое.

— Как это понимать — видите прошлое?

— Позвольте, я попробую объяснить, — сказал Дэниельс, — с чего все началось. Три года назад я купил заброшенную ферму в юго-западной части Висконсина. Выбрал место, где можно укрыться, спрятаться от людей. С тех пор как не стало жены и дочери, я испытывал отвращение ко всем на свете. Первую острую боль потери я пережил, но мне нужна была нора, чтобы зализать свои раны.

Не думайте, что я себя оправдываю, — просто стараюсь объективно разобраться, почему я поступил так, а не иначе, почему купил ферму.

— Да, я понимаю вас, — откликнулся Торн. — Хоть и не убежден, что прятаться — наилучший выход из положения.

— Может, и нет, но тогда мне казалось, что это выход. И случилось то, на что я надеялся. Я влюбился в окрестные края. Эта часть Висконсина — древняя суша. Море не подступало сюда четыреста миллионов лет. И ледники в плейстоцене почему-то сюда тоже не добрались. Что-то изменялось, конечно, но только в результате выветривания. Весь район не знал ни смещения пластов, ни резких эрозионных процессов — никаких катаклизмов…

— Мистер Дэниельс, — произнес Торн раздраженно, — я что-то не совсем понимаю, в какой мере это касается…

— Прошу прощения. Я как раз и пытаюсь подвести разговор к тому, с чем пришел к вам. Начиналось все не сразу, а постепенно, и я, признаться, думал, что сошел с ума, что мне мерещится, что мозг поврежден сильнее, чем предполагали, и я в конце концов рехнулся. Понимаете, я много ходил пешком по холмам. Местность там дикая,

изрезанная и красивая, будто нарочно для этого созданная. Устанешь от ходьбы — тогда ночью удается заснуть. Но по временам холмы менялись. Сперва чуть-чуть. Потом больше и больше — и наконец на их месте стали появляться пейзажи, каких я никогда не видел, каких никто никогда не видел.

Торн нахмурился:

— Вы хотите уверить меня, что пейзажи становились такими, как были в прошлом?

Дэниельс кивнул:

— Необычная растительность, странной формы деревья. В более ранние эпохи, разумеется, никакой травы. Подлесок — папоротники и стелющиеся хвощи. Странные животные, странные твари в небе. Саблезубые тигры и мастодонты, птерозавры, пещерные носороги…

— Все одновременно? — не стерпев, перебил Торн. — Все вперемешку?

— Ничего подобного. Все, что я вижу, каждый раз относится к строго определенному периоду. Никаких несоответствий. Сперва я этого не знал, но когда мне удалось убедить себя, что мои видения — не бред, я выписал нужные книги и проштудировал их. Конечно, мне никогда не стать специалистом — ни геологом, ни палеон-

тологом, — но я нахватался достаточно, чтобы отличать один период от другого и до какой-то степени разбираться в том, что я вижу.

Торн вынул трубку изо рта и водрузил на пепельницу. Провел тяжелой рукой по взъерошенным волосам.

— Это невероятно, — сказал он. — Такого просто не может быть. Вы говорите, эти явления начинались у вас постепенно?

— Вначале я видел все как в тумане — прошлое, смутным контуром наложенное на настоящее. Потом настоящее потихоньку бледнело, а прошлое проступало отчетливее и резче. Теперь не так. Иногда настоящее, прежде чем уступить место прошлому, словно бы мигнет раз-другой, но по большей части перемена внезапна, как молния. Настоящее вдруг исчезает, и я попадаю в прошлое. Прошлое окружает меня со всех сторон. От настоящего не остается и следа.

— Но ведь на самом-то деле вы не можете перенестись в прошлое? Я подразумеваю — физически…

— В отдельных случаях я ощущаю себя вне прошлого. Я нахожусь в настоящем, а меняются лишь дальние холмы или речная долина. Но обычно меняется все вокруг, хотя самое смешное

в том, что вы совершенно правы — на самом деле я в прошлое отнюдь не переселяюсь. Я вижу его, и оно представляется мне достаточно реальным, чтобы двигаться, не покидая его пределов. Я могу подойти к дереву, протянуть руку и ощупать пальцами ствол. Но воздействовать на прошлое я не могу. Как если бы меня там вовсе не было. Звери меня не замечают. Я проходил буквально в двух шагах от динозавров. Они меня не видят, не слышат и не обоняют. Если бы не это, я бы уже сто раз погиб. А так я словно на сеансе в стереокино. Сперва я очень беспокоился о возможных несовпадениях рельефа. Ночами просыпался в холодном поту: мне снилось, что я перенесся в прошлое и тут же ушел в землю по самые плечи — за последующие века эту землю сдуло и смыло. Но в действительности ничего подобного не происходит. Я живу в настоящем, а спустя секунду оказываюсь в прошлом. Словно между ними есть дверь и я просто переступаю порог. Я уже говорил вам, что физически я в прошлое не попадаю — но ведь и в настоящем тоже не остаюсь! Я пытался раздобыть доказательства. Брал с собой фотоаппарат и делал снимки. А когда проявлял пленку, то вынимал ее из бачка пустой. Никакого прошлого — однако, что еще важнее, и

настоящего тоже! Если бы я бредил наяву, фотоаппарат запечатлевал бы сегодняшний день. Но, очевидно, вокруг меня просто не было ничего, что могло бы запечатлеться на пленке. Ну а если, думалось мне, аппарат неисправен или пленка неподходящая? Тогда я перепробовал несколько камер и разные типы пленок — с тем же результатом. Снимков не получалось. Я пытался принести что-нибудь из прошлого. Рвал цветы, благо цветов там пропасть. Рвать их удавалось без труда, но назад в настоящее я возвращался с пустыми руками. Делал я и попытки другого рода. Думал, нельзя перенести только живую материю, например цветы, а неорганические вещества можно. Пробовал собирать камни, но донести их домой тоже не сумел…

— А брать с собой блокнот и делать зарисовки вы не пытались?

— Думал было, но пытаться не стал. Я не силен в рисовании, — и кроме того, рассудил я, что толку? Блокнот все равно останется чистым.

— Но вы же не пробовали!

— Нет, — признался Дэниельс, — не пробовал. Время от времени я делаю зарисовки задним числом, когда возвращаюсь в настоящее. Не каждый раз, но время от времени. По памяти. Но я уже

говорил вам — в рисовании я не силен.

— Не знаю, что и ответить, — проронил Торн. — Право, не знаю. Звучит ваш рассказ совершенно неправдоподобно. Но если вдруг тут все-таки что-то есть… Послушайте, и вы нисколько не боялись? Сейчас вы говорите об этом самым спокойным, обыденным тоном. Но сначала-то вы должны были испугаться!

— Сначала, — подтвердил Дэниельс, — я окаменел от ужаса. Я не просто ощутил страх за свою жизнь, не просто испугался, что попал куда-то, откуда нет возврата, — я ужаснулся, что сошел с ума. А потом еще и чувство непередаваемого одиночества…

— Одиночества?..

— Может, это не точное слово. Может, правильнее сказать — неуместности. Я находился там, где находиться не имел никакого права. Там, где человек еще не появлялся и не появится в течение миллионов лет. Мир вокруг был таким непередаваемо чужим, что хотелось съежиться и забиться в укромный угол. На самом-то деле это не мир был чужим, а я был чужим в том мире. Меня и в дальнейшем нет-нет да и охватывало такое чувство. И хоть оно теперь для меня не вновь и я вроде бы научился давать ему отпор, иной

раз такая тоска накатит… В те далекие времена самый воздух был иным, самый свет, — впрочем, это, наверное, игра воображения…

— Почему же, не обязательно, — отозвался Торн.

— Но главный страх теперь прошел, совсем прошел. Страх, что я сошел с ума. Теперь я уверен, что рассудок мне не изменил.

— Как уверены? Как может человек быть в этом уверен?

— Звери. Существа, которых я там видел.

— Ну да, вы же потом узнавали их на иллюстрациях в книгах, которые прочли.

— Нет, нет, соль не в этом. Не только в этом. Разумеется, картинки мне помогли. Но в действительности все наоборот. Соль не в сходстве, а в отличиях. Понимаете, ни одно из этих существ не повторяет свое изображение в книгах. А иные так и вовсе не походят на изображения — на те рисунки, что сделаны палеонтологами. Если бы звери оказались точь-в-точь такими, как на рисунках, я мог бы по-прежнему считать, что это галлюцинации, повторяющие то, что я прочел либо увидел в книгах. Мол, воображение питается накопленным знанием. Но если обнаруживаются отличия, то логика требует допустить, что мои

видения реальны. Как иначе мог бы я узнать, что у тираннозавра подгрудок окрашен во все цвета радуги? Как мог бы догадаться, что у некоторых разновидностей саблезубых были кисточки на ушах? Какое воображение способно подсказать, что у гигантов, живших в эоцене, шкуры были пятнистые, как у жирафов?

— Мистер Дэниельс, — обратился к нему Торн. — Мне трудно безоговорочно поверить в то, что вы рассказали. Все, чему меня когда-либо учили, восстает против этого. И я не могу отделаться от мысли, что не стоит тратить время на такую нелепицу. Но несомненно, что сами вы верите в свой рассказ. Вы производите впечатление честного человека. Скажите, вы беседовали на эту тему с кем-нибудь еще? С другими палеонтологами? Или с геологами? Или, может быть, с психиатром?

— Нет, — ответил Дэниельс. — Вы первый специалист, первый человек, которому я об этом рассказал. Да и то далеко не все. Честно признаться, это было только вступление.

— Мой бог, как прикажете вас понимать? Только вступление?..

— Да, вступление. Понимаете, я еще слушаю звезды.

Торн вскочил на ноги и принялся сгребать в кучу бумажки, разбросанные по столу. Он схватил из пепельницы потухшую трубку и стиснул ее зубами. Когда он заговорил снова, голос его звучал сухо и безучастно:

— Спасибо за визит. Беседа с вами была весьма поучительной.

3

«И надо же было, — клял себя Дэниельс, — так оплошать. Надо же было заикнуться про звезды!..» До этих слов все шло хорошо. Торн конечно же не поверил, но был заинтригован и согласен слушать дальше и, не исключено, мог бы даже провести небольшое расследование, хотя, без сомнения, втайне ото всех и крайне осторожно.

«Вся беда, — размышлял Дэниельс, — в навязчивой идее насчет существа, замурованного в толще скал. Прошлое — пустяки: куда важнее рассказать про существо в скалах… Но чтобы рассказать, чтобы объяснить, как ты дознался про это существо, волей-неволей приходится помянуть и про звезды».

«Надо было живей шевелить мозгами, — попрекал себя Дэниельс. — И попридержать язык. Ну не глупо ли: в кои-то веки нашелся человек,

который, пусть не без колебаний, готов был тебя выслушать, а не просто поднять на смех. И вот ты из чувства благодарности к нему сболтнул лишнее…»

Из-под плохо пригнанных рам в комнату проникали юркие сквознячки и, взобравшись на кухонный стол, играли пламенем керосиновой лампы. Вечером, едва Дэниельс успел подоить коров, поднялся ветер, и теперь весь дом содрогался под штормовыми ударами. В дальнем углу комнаты в печи пылали дрова, от огня по полу бежали светлые дрожащие блики, а в дымоходе, когда ветер задувал в трубу, клокотало и хлюпало.

Дэниельсу вспомнилось, как Торн недвусмысленно намекал на психиатра. Может, и правда следовало бы сначала обратиться к специалисту такого рода. Может, прежде чем пытаться заинтересовать других тем, что он видит и слышит, следовало бы выяснить, как и почему он видит и слышит неведомое другим. Только человек, глубоко знающий строение мозга и работу сознания, в состоянии ответить на эти вопросы — если ответ вообще можно найти.

Неужели травма при катастрофе так изменила, так переиначила мыслительные процессы, что мозг приобрел какие-то новые, невиданные свой-

ства? Возможно ли, чтобы сотрясение и нервное расстройство вызвали к жизни некие дремлющие силы, которым в грядущие тысячелетия суждено развиваться естественным, эволюционным путем? Выходит, повреждение мозга как бы замкнуло эволюцию накоротко и дало ему — одному ему — способности и чувства, чуть не на миллион лет обогнавшие свою эпоху?

Это казалось ну если не безупречным, то единственно приемлемым объяснением. Однако у специалиста наверняка найдется какая-нибудь другая теория.

Оттолкнув табуретку, он встал от стола и подошел к печке. Дверцу совсем перекосило, она не открывалась, пока Дэниельс не поддел ее кочергой. Дрова в печи прогорели до угольков. Наклонившись, он достал из ларя у стенки полено, кинул в топку, потом добавил второе полено, поменьше, и закрыл печку. «Хочешь не хочешь, — сказал он себе, — на днях придется заняться этой дверцей и навесить ее как следует».

Он вышел за дверь и постоял на веранде, глядя в сторону заречных холмов. Ветер налетал с севера, со свистом огибал постройки и обрушивался в глубокие овраги, сбегающие к реке, но небо оставалось ясным — сурово ясным, будто его вытерли

дочиста ветром и сбрызнули капельками звезд, и светлые эти капельки дрожали в бушующей атмосфере.

Окинув звезды взглядом, он не удержался и спросил себя: «О чем-то они говорят сегодня?» — но вслушиваться не стал. Чтобы слушать звезды, надо было сделать усилие и сосредоточиться. Помнится, впервые он прислушался к звездам в такую же ясную ночь, выйдя на веранду и вдруг задумавшись: о чем они говорят, беседуют ли между собой? Глупая, праздная мыслишка, дикое, химерическое намерение, — но раз уж взбрело такое в голову, он и в самом деле начал вслушиваться, сознавая, что это глупость, и в то же время упиваясь ею, повторяя себе: какой же я счастливец, что могу в своей праздности дойти до того, чтобы слушать звезды, словно ребенок, верящий в Санта-Клауса или в доброго пасхального кролика. И он вслушивался, вслушивался — и услышал. Как ни удивительно, однако не подлежало сомнению: где-то там, далеко-далеко, какие-то иные существа переговаривались друг с другом. Он словно подключился к исполинскому телефонному кабелю, несущему одновременно миллионы, а то и миллиарды дальних переговоров. Конечно, эти переговоры велись не словами,

но каким-то кодом (возможно, мыслями), не менее понятным, чем слова. А если и не вполне понятным — по правде говоря, часто вовсе не понятным, — то, видимо, потому, что у него не хватало пока подготовки, не хватало знаний, чтобы понять. Он сравнил себя с дикарем, который прислушивается к дискуссии физиков-ядерщиков, обсуждающих проблемы своей науки.

И вот вскоре после той ночи, забравшись в неглубокую пещеру — в ту самую, что прозвали Кошачьей берлогой, — он впервые ощутил присутствие существа, замурованного в толще скал. «Наверное, — подумал он, — если б я не слушал звезды, если бы не обострил восприятие, слушая звезды, я б и не заподозрил, что оно погребено под слоями известняка».

Он стоял на веранде, глядя на звезды и слыша только ветер, а потом за рекой по дороге, что вилась по дальним холмам, промелькнул слабый отблеск фар — там в ночи шла машина. Ветер на мгновение стих, будто набирая силу для того, чтобы задуть еще свирепее, и в ту крошечную долю секунды, которая выдалась перед новым порывом, Дэниельсу почудился еще один звук — звук топора, вгрызающегося в дерево. Он прислушался — звук донесся снова, но с какой стороны, не

понять: все перекрыл ветер.

«Должно быть, я все-таки ошибся, — решил Дэниельс. — Кто же выйдет рубить дрова в такую ночь?..» Впрочем, не исключено, что это охотники за енотами. Охотники подчас не останавливаются перед тем, чтобы свалить дерево, если не могут отыскать тщательно замаскированную нору. Не слишком честный прием, достойный разве что Бена Адамса с его придурковатыми сыновьями-переростками. Но такая бурная ночь просто не годится для охоты на енотов. Ветер смешает все запахи, и собаки не возьмут след. Для охоты на енотов хороши только тихие ночи. И кто, если он в своем уме, станет валить деревья в такую бурю — того и гляди ветер развернет падающий ствол и обрушит на самих дровосеков.

Он еще прислушался, пытаясь уловить непонятный звук, но ветер, передохнув, засвистал сильнее, чем прежде, и различить что бы то ни было, кроме свиста, стало никак нельзя.

Утро пришло тихое, серое, ветер сник до легкого шепотка. Проснувшись среди ночи, Дэниельс слышал, как ветер барабанит по окнам, колотит по крыше, горестно завывает в крутобоких оврагах над рекой. А когда проснулся снова, все успокоилось, и в окнах серел тусклый рассвет. Он

оделся и вышел из дому — вокруг тишь, облака затянули небо, не оставив и намека на солнце, воздух свеж, словно только что выстиран, и тяжел от влажной седины, укутавшей землю. И блеск одевшей холмы осенней листвы кажется ослепительнее, чем в самый солнечный день.

Отделавшись от хозяйственных забот и позавтракав, Дэниельс отправился бродить по холмам. Когда спускался под уклон к ближайшему из оврагов, то поймал себя на мысли: «Пусть сегодняшний день обойдется без сдвигов во времени...» Как ни парадоксально, сдвиги подстерегали его не каждый день, и не удавалось найти никаких причин, которые бы их предопределяли. Время от времени он пробовал доискаться причин хотя бы приблизительно: записывал со всеми подробностями, какие ощущения испытывал с утра, что предпринимал и даже какой маршрут выбирал, выйдя на прогулку, — но закономерности так и не обнаружил. Закономерность пряталась конечно же где-то в глубине мозга — что-то задевало какую-то струну и включало новые способности. Но явление это оставалось неожиданным и непроизвольным. Дэниельс был не в силах управлять им, по крайней мере управлять сознательно. Изредка он пробовал сдвинуть время по своей

воле, намеренно оживить прошлое — и всякий раз терпел неудачу. Одно из двух: или он не знал, как обращаться с собственным даром, или этот дар был действительно неподконтрольным.

Сегодня ему искренне хотелось, чтоб удивительные способности не просыпались. Хотелось побродить по холмам, пока они не утратили одного из самых заманчивых своих обличий, пока исполнены легкой грусти: все резкие линии смягчены висящей в воздухе сединой, деревья застыли и молча поджидают его прихода, будто старые верные друзья, а палая листва и мох под ногами глушат звуки, и шаги становятся не слышны.

Он спустился в лощину и присел на поваленный ствол у щедрого родничка, от которого брал начало ручей, с журчанием бегущий вниз по каменистому руслу. В мае заводь у родничка была усыпана мелкими болотными цветами, а склоны холмов подернуты нежными красками трав. Сейчас здесь не видно было ни трав, ни цветов. Леса цепенели, готовясь к зиме. Летние и осенние растения умерли или умирали, и листья слой за слоем ложились на грунт, заботливо укрывая корни деревьев от льда и снега.

«В таких местах словно смешаны приметы всех

времен года сразу...» — подумал он. Миллион лет, а может, и больше здесь все выглядело точно так же, как сейчас. Но не всегда: в давным-давно минувшие тысячелетия эти холмы, да и весь мир грелись в лучах вечной весны. А чуть более десяти тысяч лет назад на севере, совсем неподалеку, вздыбилась стена льда высотой в добрую милю. С гребня, на котором расположена ферма, наверное, тогда различалась на горизонте синеватая линия — верхняя кромка ледника. Однако в эру ледников, какой бы она ни была студеной, уже существовала не только зима, но и другие времена года.

Поднявшись на ноги, Дэниельс вновь двинулся по узкой тропе, что петляла по склону. Это была коровья тропа, пробитая в ту пору, когда в здешних лесах паслись не две его коровенки, а целые стада; шагая по тропе, Дэниельс вновь — в который раз — поразился тонкости чутья, присущего коровам. Протаптывая свои тропы, они безошибочно выбирают самый пологий уклон.

На мгновение он задержался под раскидистым белым дубом, вставшим на повороте тропы, и полюбовался гигантским растением — ариземой, которой не уставал любоваться все эти годы. Растение уже готовилось к зиме: зеленая с пурпу-

ром шапка листвы полностью облетела, обнажив алую гроздь ягод, — в предстоящие голодные месяцы они пойдут на корм птицам.

Тропа вилась дальше, глубже врезаясь в холмы, и тишина звенела все напряженнее, а седина сгущалась, пока Дэниельсу не показалось, что мир вокруг стал его безраздельной собственностью.

И вот она, на той стороне ручья, Кошачья берлога. Ее желтая пасть зияет сквозь искривленные, уродливые кедровые ветви. Весной под кедром играют лисята. Издалека, с заводей в речной долине, сюда доносится глуховатое кряканье уток. А наверху, на самой крутизне, — берлога, высеченная в отвесной стене временем и непогодой.

Только сегодня что-то здесь было не так.

Дэниельс застыл на тропе, глядя на противоположный склон и ощущая какую-то неточность, но сперва не понимая, в чем она. Перед ним открывалась бóльшая часть скалы — и все-таки чего-то не хватало. Внезапно он сообразил, что не хватает дерева, того самого, по которому годами взбирались дикие кошки, возвращаясь домой с ночной охоты, а потом и люди, если им, как ему, приспичило осмотреть берлогу. Кошек там, разумеется, теперь не было и в помине. Еще в дни первых переселенцев их вывели в этих краях

почти начисто — ведь кошки порой оказывались столь неблагоразумны, что давили ягнят. Но следы кошачьего житья до сих пор различались без труда. В глубине пещеры, в дальних ее уголках, дно было усыпано косточками и раздробленными черепами мелких зверушек: хозяева берлоги таскали их когда-то на обед своему потомству.

Дерево, старое и увечное, простояло здесь, вероятно, не одно столетие, и рубить его не было никакого смысла, поскольку корявая древесина не имела ни малейшей ценности. Да и вытащить срубленный кедр из лощины — дело совершенно немыслимое. И все же прошлой ночью, выйдя на веранду, Дэниельс в минуту затишья различил вдали стук топора, а сегодня дерево исчезло.

Не веря глазам своим, он стал карабкаться по склону быстро, как мог. Первозданный склон местами вздымался под углом почти в сорок пять градусов — приходилось падать на четвереньки, подтягиваться вверх на руках, повинуясь безотчетному страху, за которым скрывалось нечто большее, чем недоумение, куда же девалось дерево. Ведь именно здесь и только здесь, в Кошачьей берлоге, можно было услышать существо, погребенное в толще скал.

Дэниельс навсегда запомнил день, когда впер-

вые расслышал таинственное существо. Он тогда не поверил собственным ощущениям, решил, что ловит шорохи, рожденные воображением, навеянным прогулками среди динозавров, попытками вникнуть в переговоры звезд. В конце концов, ему и раньше случалось взбираться на дерево и залезать в пещеру-берлогу. Он бывал там не раз — и даже находил какое-то извращенное удовольствие в том, что открыл для себя столь необычное убежище. Он любил сидеть у края уступа перед входом в пещеру и глядеть поверх крон, одевших вершину холма за оврагом, — над листвою различался отблеск заводей на заречных лугах. Но самой реки он отсюда увидеть не мог: чтоб увидеть реку, надо было бы подняться по склону еще выше.

Он любил берлогу и уступ перед ней, потому что находил здесь уединение, как бы отрезал себя от мира: забравшись в берлогу, он по-прежнему видел какую-то, пусть ограниченную, часть мира, а его не видел никто. «Я как те дикие кошки, — повторял он себе, — им тоже нравилось чувствовать себя отрезанными от мира…» Впрочем, кошки искали тут не просто уединения, а безопасности — для себя и, главное, для своих котят. А к берлоге не подступиться, сюда вел только один путь — по

ветвям старого дерева.

Впервые Дэниельс услышал существо, когда однажды заполз в самую глубину пещеры и, конечно, опять наткнулся на россыпь костей, остатки вековой давности пиршеств, когда котята грызли добычу, припадая к земле и урча. Припав ко дну пещеры, совсем как котята, он вдруг ощутил чье-то присутствие — ощущение шло снизу, просачивалось из дальних каменных толщ. Вначале это было не более чем ощущение, не более чем догадка — там внизу есть что-то живое. Естественно, он и сам поначалу отнесся к своей догадке скептически, а поверил в нее гораздо позже. Понадобилось немало времени, чтобы вера переросла в твердое убеждение.

Он конечно же не мог передать услышанное словами, потому что на деле не слышал ни слова. Но чей-то разум, чье-то сознание исподволь проникли в мозг через пальцы, ощупывающие каменное дно пещеры, через прижатые к камню колени. Он впитывал эти токи, слушал их без помощи слуха, и чем дольше впитывал, тем сильнее убеждался, что где-то там, глубоко в пластах известняка, находится погребенное заживо разумное существо. И наконец настал день, когда он сумел уловить обрывки каких-то мыслей — несо-

мненные отзвуки работы интеллекта, запертого в толще скал.

Он не понял того, что услышал. И это непонимание было само по себе знаменательно. Если бы он все понял, то со спокойной совестью посчитал бы свое открытие игрой воображения. А непонимание свидетельствовало, что у него просто нет опыта, опираясь на который можно бы воспринять необычные представления. Он уловил некую схему сложных жизненных отношений, казалось бы не имевшую никакого смысла, — ее нельзя было постичь, она распадалась на крохотные и бессвязные кусочки информации, настолько чуждой (хотя и простой), что его человеческий мозг наотрез отказывался в ней разбираться. И еще он волей-неволей получил представление о расстояниях столь протяженных, что разум буксовал, едва соприкоснувшись с теми пустынями пространства, в каких подобные расстояния только и могли существовать. Даже вслушиваясь в переговоры звезд, он никогда не испытывал таких обескураживающих столкновений с иными представлениями о пространстве-времени.

В потоке информации встречались и крупинки иных сведений, обрывки иных фактов — смутно чувствовалось, что они могли бы пригодиться

в системе человеческих знаний. Но ни единая крупинка не прорисовывалась достаточно четко для того, чтобы поставить ее в системе знаний на принадлежащее ей место. А бóльшая часть того, что доносилось к нему, лежала попросту за пределами его понимания, да, наверное, и за пределами человеческих возможностей вообще. Тем не менее мозг улавливал и удерживал эту информацию во всей ее невоспринимаемости, и она вспухала и ныла на фоне привычных, повседневных мыслей.

Дэниельс отдавал себе отчет, что они (или оно) отнюдь не пытаются вести с ним беседу, напротив, они (или оно) и понятия не имеют о существовании рода человеческого, не говоря уж о нем лично. Однако что именно происходит там, в толще скал: то ли оно (или они — употреблять множественное число почему-то казалось проще) размышляет, то ли в своем неизбывном одиночестве разговаривает с собой, то ли пробует связаться с какой-либо иной, отличной от себя сущностью, — в этом Дэниельс при всем желании разобраться не мог.

Обдумывая свое открытие, часами сидя на уступе перед входом в берлогу, он пытался привести факты в соответствие с логикой, дать

присутствию существа в толще скал наилучшее объяснение. И, отнюдь не будучи в том уверенным — точнее, не располагая никакими фактами в подкрепление своей мысли, — пришел к выводу, что в отдаленную геологическую эру, когда здесь плескалось мелководное море, из космических далей на Землю упал корабль, упал и увяз в донной грязи, которую последующие миллионы лет уплотнили в известняк. Корабль угодил в ловушку и застрял в ней на веки вечные. Дэниельс и сам понимал, что в цепи его рассуждений есть слабые звенья — ну, к примеру, давления, при которых только и возможно формирование горных пород, должны быть настолько велики, что сомнут и расплющат любой корабль, разве что он сделан из материалов, далеко превосходящих лучшие достижения человеческой техники.

«Случайность, — спрашивал он себя, — или намеренный акт? Попало существо в ловушку или спряталось?..» Как ответить однозначно, если любые умозрительные рассуждения просто смешны: все они по необходимости построены на догадках, а те, в свою очередь, лишены оснований.

Карабкаясь по склону, он подобрался вплотную к скале и убедился, что дерево действительно

срубили. Кедр свалился вниз и, прежде чем затормозить, скользил футов тридцать под откос, пока ветви не уперлись в грунт и не запутались среди других деревьев. Пень еще не утратил свежести, белизна среза кричала на фоне серого дня. С той стороны пня, что смотрела под гору, виднелась глубокая засечка, а довершили дело пилой. Подле пня лежали кучки желтоватых опилок. Пила, как он заметил по срезу, была двуручная.

От площадки, где теперь стоял Дэниельс, склон круто падал вниз, зато чуть выше, как раз под самым пнем, крутизну прерывала странная насыпь. Скорее всего, когда-то давно с отвесной скалы обрушилась каменная лавина и задержалась здесь, а потом эти камни замаскировал лесной сор и постепенно на них наросла почва. На насыпи поселилась семейка берез, и их белые, словно припудренные стволы по сравнению с другими, сумрачными деревьями казались невесомыми, как привидения.

«Срубить дерево, — повторил он про себя, — ну что может быть бессмысленнее?..» Дерево не представляло собой ни малейшей ценности, служило одной-единственной цели — чтобы забираться по его ветвям в берлогу. Выходит, кто-то проведал, что кедр служит Дэниельсу мостом в

берлогу, и разрушил мост по злому умыслу? А может, кто-нибудь спрятал что-либо в пещере и срубил дерево, перерезав тем самым дорогу к тайнику?

Но кто, спрашивается, мог набраться такой злобы, чтобы срубить дерево среди ночи, в бурю, работая при свете фонаря на крутизне и невольно рискуя сломать себе шею? Кто? Бен Адамс? Конечно, Бен разозлился оттого, что Дэниельс не позволил охотиться на своей земле, но разве это причина для сведения счетов, к тому же столь трудоемким способом?

Другое предположение: дерево срубили после того, как в пещере что-то спрятали, — представлялось, пожалуй, более правдоподобным. Хотя само уничтожение дерева лишь привлекало к тайнику внимание.

Дэниельс стоял на склоне озадаченный, недоуменно качая головой. Потом его вдруг осенило, как дознаться до истины. День едва начался, а делать было все равно больше нечего.

Он двинулся по тропе обратно. В сарае, надо думать, сыщется какая-нибудь веревка.

4

В пещере было пусто. Она оставалась точно такой же, как раньше. Лишь десяток-другой осенних листьев занесло ветром в глухие ее уголки да несколько каменных крошек осыпалось с козырька над входом — крохотные улики, свидетельствующие, что бесконечный процесс выветривания, образовавший некогда эту пещеру, способен со временем и разрушить ее без следа.

Вернувшись на узкий уступ перед входом в пещеру, Дэниельс бросил взгляд на другую сторону оврага и удивился: как изменился весь пейзаж оттого, что срубили одно-единственное дерево! Сместилось все — самые холмы и те стали другими. Но, всмотревшись пристальнее в их контуры, он в конце концов удостоверился, что не изменилось ничего, кроме раскрывающейся перед ним перспективы. Теперь отсюда, с уступа, были видны контуры и силуэты, которые прежде скрывались за кедровыми ветвями.

Веревка спускалась с каменного козырька, нависшего над головой и переходящего в свод пещеры. Она слегка покачивалась на ветру, и, подметив это, Дэниельс сказал себе: «А ведь с

утра никакого ветра не было…» Зато сейчас ветер задул снова, сильный, западный. Деревья внизу так и кланялись под его ударами.

Повернувшись лицом на запад, Дэниельс ощутил щекой холодок. Дыхание ветра встревожило его, будто подняв со дна души смутные страхи, уцелевшие с тех времен, когда люди не знали одежды и бродили ордами, беспокойно вслушиваясь, вот как он сейчас, в подступающую непогоду. Ветер мог означать только одно: погода меняется, пора вылезать по веревке наверх и возвращаться домой, на ферму.

Но уходить, как ни странно, не хотелось. Такое, по совести говоря, случалось и раньше. Кошачья берлога давала ему своего рода убежище, здесь он оказывался отгороженным от мира — та малая часть мира, что оставалась с ним, словно бы меняла свой характер, была существеннее, милее и проще, чем тот жестокий мир, от которого он бежал.

Выводок диких уток поднялся с одной из речных заводей, стремительно пронесся над лесом, взмыл вверх, преодолевая исполинский изгиб утеса, и, преодолев, плавно повернул обратно к реке. Дэниельс следил за утками, пока те не скрылись за деревьями, окаймляющими реку-

невидимку.

И все-таки пришла пора уходить. Чего еще ждать? С самого начала это была никудышная затея: кто же в здравом уме хоть на минуту позволит себе уверовать, что в пещере что-то спрятано!..

Дэниельс обернулся к веревке — ее как не бывало.

Секунду-другую он тупо пялился в ту точку, откуда только что свисала веревка, чуть подрагивающая на ветру. Потом принялся искать глазами, не осталось ли от нее какого-либо следа, хоть искать было в общем-то негде. Конечно, веревка могла немного соскользнуть, сдвинуться вдоль нависшей над головой каменной плиты — но не настолько же, чтобы совсем исчезнуть из виду!

Веревка была новая, прочная, и он своими руками привязал ее к дереву на вершине утеса — крепко затянул узел да еще и подергал, желая убедиться, что она не развяжется.

И тем не менее веревку как ветром сдуло. Тут не обошлось без чьего-то вмешательства. Кто-то проходил мимо, заметил веревку, тихо вытянул ее, а теперь притаился наверху и ждет: когда же хозяин веревки поймет, что попал впросак, и

поднимет испуганный крик? Любому из тех, кто живет по соседству, именно такая грубая шутка должна представляться вершиной юмора. Самое остроумное, бесспорно, — оставить выходку без внимания и молча выждать, пока она не обернется против самого шутника.

Придя к такому выводу, Дэниельс опустился на корточки и принялся выжидать. «Десять минут, — говорил он себе, — самое большее четверть часа, и терпение шутника истощится. Веревка благополучно вернется на место, я выкарабкаюсь наверх и отправлюсь домой. А может даже — смотря кем окажется шутник — приглашу его к себе, налью ему стаканчик, мы посидим на кухне и вместе посмеемся над приключением…»

Тут Дэниельс неожиданно для себя обнаружил, что горбится, защищаясь от ветра, который, похоже, стал еще пронзительнее, чем в первые минуты. Ветер менялся с западного на северный, и это было не к добру.

Присев на краю уступа, он обратил внимание, что на рукава куртки налипли капельки влаги — не от дождя, дождя, в сущности, не было, а от оседающего тумана. Если температура упадет еще на градус-другой, погода станет пренеприятной…

Он выжидал, скорчившись, вылавливая из тишины хоть какой-нибудь звук — шуршание листьев под ногами, треск надломленной ветки, — который выдал бы присутствие человека на вершине утеса. Но в мире не осталось звуков. День был совершенно беззвучный. Даже ветви деревьев на склоне ниже уступа, качающиеся на ветру, качались без обычных поскрипываний и стонов.

Четверть часа, по-видимому, давно миновала, а с вершины утеса по-прежнему не доносилось ни малейшего шума. Ветер, пожалуй, еще усилился, и когда Дэниельс выворачивал голову в тщетных попытках заглянуть за каменный козырек, то щекой чувствовал, как шевелятся на ветру мягкие пряди тумана.

Дольше сдерживать себя в надежде переупрямить шутника он уже не мог. Он ощутил острый приступ страха и понял наконец, что время не терпит.

— Эй, кто там наверху! — крикнул он и подождал ответа.

Ответа не было.

Он крикнул снова, на этот раз еще громче.

В обычный день скала по ту сторону оврага отозвалась бы на крик эхом. Сегодня эха не было,

и самый крик казался приглушенным, словно Дэниельса окружила серая, поглощающая звук стена.

Он крикнул еще раз — туман подхватил его голос и проглотил. Снизу донеслось какое-то шуршание, и он понял, что это шуршат обледеневшие ветки. Туман, оседая меж порывами ветра, превращался в наледь.

Дэниельс прошелся вдоль уступа перед пещерой — от силы двадцать футов в длину, и никакого пути к спасению. Уступ выдавался над пропастью и обрывался отвесно. Над головой нависала гладкая каменная глыба. Поймали его ловко, ничего не скажешь.

Он снова укрылся в пещере и присел на корточки. Здесь он был, по крайней мере, защищен от ветра и, несмотря на вновь подкравшийся страх, чувствовал себя относительно уютно. Пещера еще не остыла. Но температура, видимо, падала, и притом довольно быстро, иначе туман не оседал бы наледью. А на плечах у Дэниельса была лишь легкая куртка, и он не мог развести костер. Он не курил и не носил при себе спичек.

Только теперь он впервые по-настоящему осознал серьезность положения. Пройдут многие дни, прежде чем кто-нибудь задастся вопросом,

куда же он запропастился. Навещали его редко, — собственно, никому до него не было дела. Да если даже и обнаружат, что он пропал, и будет объявлен розыск, велики ли шансы, что его найдут? Кто додумается заглянуть в эту пещеру? И долго ли человек способен прожить в такую погоду без огня и без пищи?

А если он не выберется отсюда, и скоро, что станется со скотиной? Коровы вернутся с пастбища, подгоняемые непогодой, и некому будет впустить их в хлев. Если они постоят недоеными день-другой, разбухшее вымя начнет причинять им страдания. Свиньям и курам никто не задаст корма. «Человек, — мелькнула мысль, — просто не вправе рисковать собой так безрассудно, когда от него зависит жизнь стольких беззащитных существ...»

Дэниельс заполз поглубже в пещеру и распластался ничком, втиснув плечи в самую дальнюю нишу и прижавшись ухом к каменному ее дну.

Таинственное существо было по-прежнему там, — разумеется там, куда же ему деться, если его поймали еще надежнее, чем Дэниельса. Оно томилось под слоем камня толщиной, вероятно, в триста-четыреста футов, который природа наращивала не спеша, на протяжении многих

миллионов лет…

Существо опять предавалось воспоминаниям. Оно мысленно перенеслось в какие-то иные места — что-то в потоке его памяти казалось зыбким и смазанным, что-то виделось кристально четко. Исполинская темная каменная равнина, цельная каменная плита, уходящая к далекому горизонту; над горизонтом встает багровый шар солнца, а на фоне восходящего солнца угадывается некое сооружение — неровность горизонта допускает лишь такое объяснение. Не то замок, не то город, не то гигантский обрыв с жилыми пещерами — трудно истолковать, что именно, трудно даже признать, что увиденное вообще поддается истолкованию.

Быть может, это родина загадочного существа? Быть может, черное каменное пространство — космический порт его родной планеты? Или не родина, а какие-то края, которые существо посетило перед прилетом на Землю? Быть может, пейзаж показался столь фантастическим, что врезался в память?

Затем к воспоминаниям стали примешиваться иные явления, иные чувственные символы, относящиеся, по-видимому, к каким-то формам жизни, индивидуальностям, запахам, вкусам.

Конечно, Дэниельс понимал, что, приписывая существу, замурованному в толще скал, человеческую систему восприятия, легко и ошибиться; но другой системы, кроме человеческой, он просто не ведал.

И тут, прислушавшись к воспоминаниям о черной каменной равнине, представив себе восходящее солнце и на фоне солнца на горизонте очертания гигантского сооружения, Дэниельс сделал то, чего никогда не делал раньше. Он попытался заговорить с существом — узником скал, попытался дать ему знать, что есть человек, который слушал и услышал, и что существо не так одиноко, не так отчуждено́ от всех, как, по всей вероятности, полагало.

Естественно, он не стал говорить вслух — это было бы бессмысленно. Звук никогда не пробьется сквозь толщу камня. Дэниельс заговорил про себя, в уме.

«Эй, кто там, внизу? — сказал он. — Говорит твой друг. Я слушаю тебя уже очень, очень давно и надеюсь, что ты меня тоже слышишь. Если слышишь, давай побеседуем. Разреши, я попробую дать тебе представление о себе и о мире, в котором живу, а ты расскажешь мне о себе и о мире, в котором жил прежде, и о том, как ты попал сюда,

в толщу скал, и могу ли я хоть что-нибудь для тебя сделать, хоть чем-то тебе помочь…»

Больше он не рискнул ничего сказать. Проговорив это, он лежал еще какое-то время, не отнимая уха от твердого дна пещеры, пытаясь угадать, расслышало ли его зов существо. Но, очевидно, оно не расслышало или, расслышав, не признало зов достойным внимания. Оно продолжало вспоминать планету, где над горизонтом встает тусклое багровое солнце.

«Это было глупо, — упрекнул он себя. — Обращаться к неведомому существу было самонадеянно и глупо…» До сих пор он ни разу не отваживался на это, а просто слушал. Точно так же, как не пробовал обращаться к тем, кто беседовал друг с другом среди звезд, — тех он тоже только слушал.

Какие же новые способности открыл он в себе, если счел себя вправе обратиться к этому существу? Быть может, подобный поступок продиктован лишь страхом смерти?

А что, если существу в толще скал незнакомо самое понятие смерти, если оно способно жить вечно?

Дэниельс выполз из дальней ниши и перебрался обратно в ту часть пещеры, где мог хотя бы

присесть.

Поднималась метель. Пошел дождь пополам со снегом, и температура продолжала падать. Уступ перед входом в пещеру покрылся скользкой ледяной коркой. Если бы теперь кому-то вздумалось прогуляться перед пещерой, смельчак неизбежно сорвался бы с утеса и разбился насмерть.

А ветер все крепчал. Ветви деревьев качались сильней и сильней, и по склону холма несся вихрь палой листвы, перемешанной со льдом и снегом. С того места, где сидел Дэниельс, он видел лишь ветви березок, что поселились на странной насыпи чуть ниже корявого кедра, служившего прежде мостом в пещеру. И ему почудилось вдруг, что эти ветви качаются еще яростнее, чем должны бы на ветру. Березки так и кланялись из стороны в сторону и, казалось, прямо на глазах вырастали еще выше, заламывая ветви в немой мольбе.

Дэниельс подполз на четвереньках к выходу и высунул голову наружу — посмотреть, что творится на склоне. И увидел, что качаются не только верхние ветви, — вся рощица дрожала и шаталась, будто невидимая рука пыталась вытолкнуть деревья из земли. Не успел он подумать об этом, как увидел, что и самая почва заходила

ходуном. Казалось, кто-то снял замедленной съемкой кипящую, вспухающую пузырями лаву, а теперь прокручивал съемку с обычной скоростью. Вздымалась почва — поднимались и березки. Вниз по склону катились стронутые с мест камушки и сор. А вот и тяжелый камень сорвался со склона и с треском рухнул в овраг, ломая по дороге кусты и оставляя в подлеске безобразные шрамы.

Дэниельс следил за камнем как зачарованный.

«Неужели, — спрашивал он себя, — я стал свидетелем какого-то геологического процесса, только необъяснимо ускоренного?» Он попытался понять, что бы это мог быть за процесс, но не припомнил ничего подходящего. Насыпь вспучивалась, разваливаясь в стороны. Поток, катившийся вниз, с каждой секундой густел, перечеркивая бурыми мазками белизну свежевыпавшего снега. Наконец березы опрокинулись и соскользнули вниз, и из ямы, возникшей там, где они только что стояли, явился призрак.

Призрак не имел четких очертаний — контуры его были смутными, словно с неба соскребли звездную пыль и сплавили в неустойчивый сгусток, не способный принять определенную форму, а беспрерывно продолжающий менять-

ся и преображаться, хоть и не утрачивающий окончательно сходства с неким первоначальным обликом. Такой вид могло бы иметь скопление разрозненных, не связанных в молекулы атомов — если бы атомы можно было видеть. Призрак мягко мерцал в бесцветье серого дня и, хотя казался бестелесным, обладал, по-видимому, изрядной силой: он продолжал высвобождаться из полуразрушенной насыпи, пока не высвободился совсем. А высвободившись, поплыл вверх, к пещере.

Как ни странно, Дэниельс ощущал не страх, а одно лишь безграничное любопытство. Он старался разобраться, на что похож подплывающий призрак, но так и не пришел ни к какому ясному выводу. Когда призрак достиг уступа, Дэниельс отодвинулся вглубь и вновь опустился на корточки. Призрак приблизился еще на фут-другой и не то уселся у входа в пещеру, не то повис над обрывом.

«Ты говорил, — обратился искрящийся призрак к Дэниельсу. Это не было ни вопросом, ни утверждением, да и речью это назвать было нельзя. Звучало это в точности так же, как те переговоры, которые Дэниельс слышал, когда слушал звезды. — Ты говорил с нами как друг, — продолжал призрак. (Понятие, выбранное призраком,

означало не «друг», а нечто иное, но тоже теплое и доброжелательное.) — Ты предложил ему помощь. Разве ты можешь помочь?»

По крайней мере, теперь был задан вопрос, и достаточно четкий.

— Не знаю, — ответил Дэниельс. — Сейчас, наверное, не могу. Но лет через сто — ты меня слышишь? Слышишь и понимаешь, что я говорю?

«Ты говоришь, что помощь возможна, — отозвалось призрачное существо, — только спустя время. Уточни, какое время спустя?»

— Через сто лет, — ответил Дэниельс. — Когда планета обернется вокруг центрального светила сто раз.

«Что значит сто раз?» — переспросило существо.

Дэниельс вытянул перед собой пальцы обеих рук.

— Можешь ты увидеть мои пальцы? Придатки на концах моих рук?

«Что значит увидеть?» — переспросило существо.

— Ощутить их так или иначе. Сосчитать их.

«Да, я могу их сосчитать».

— Их всего десять, — пояснил Дэниельс. — Десять раз по десять составляет сто.

«Это не слишком долгий срок, — отозвалось существо. — Что за помощь станет возможна тогда?»

— Знаешь ли ты о генетике? О том, как зарождается все живое и как зародившееся создание узнаёт, кем ему стать? Как оно растет и почему знает, как ему расти и кем быть? Известно тебе что-либо о нуклеиновых кислотах, предписывающих каждой клетке, как ей развиваться и какие функции выполнять?

«Я не знаю твоих терминов, — отозвалось существо, — но я понимаю тебя. Следовательно, тебе известно все это? Следовательно, ты не просто тупая дикая тварь, как другие, что стоят на одном месте, или зарываются в грунт, или бегают по земле?..»

Разумеется, звучало это вовсе не так. И кроме слов — или смысловых единиц, оставляющих ощущение слов, — были еще и зрительные образы деревьев, мышей в норках, белок, кроликов, неуклюжего крота и быстроногой лисы.

— Если не известно мне, — ответил Дэниельс, — то известно другим из моего племени. Я сам знаю немногое. Но есть люди, посвятившие изучению законов наследственности всю свою жизнь.

Призрак висел над краем уступа и довольно

долго молчал. Позади него гнулись на ветру деревья, кружились снежные вихри. Дэниельс, дрожа от холода, заполз в пещеру поглубже и спросил себя, не пригрезилась ли ему эта искристая тень.

Но не успел он подумать об этом, как существо заговорило снова, хоть обращалось на сей раз, кажется, вовсе не к человеку. Скорее даже оно ни к кому не обращалось, а просто вспоминало, подобно тому, другому, существу, замурованному в толще скал. Может статься, эти воспоминания и не предназначались для человека, но у Дэниельса не было способа отгородиться от них. Поток образов, излучаемый существом, достигал его мозга и заполнял мозг, вытесняя его собственные мысли, будто образы принадлежали самому Дэниельсу, а не призраку, замершему напротив.

5

Вначале Дэниельс увидел пространство — безбрежное, бескрайнее, жестокое, холодное, такое отстраненное от всего, такое безразличное ко всему, что разум цепенел, и не столько от страха или одиночества, сколько от осознания, что по сравнению с вечностью космоса ты пигмей, пылинка, мизерность которой не поддается исчислению. Пылинка канет в безмерной дали, лишенная

всяких ориентиров, — но нет, все-таки не лишенная, потому что пространство сохранило след, отметину, отпечаток, суть которых не объяснишь и не выразишь, они не укладываются в рамки человеческих представлений; след, отметина, отпечаток указывают, правда почти безнадежно смутно, путь, по которому в незапамятные времена проследовал кто-то еще. И безрассудная решимость, глубочайшая преданность, какая-то неодолимая потребность влекут пылинку по этому слабому, расплывчатому следу, куда бы он ни вел — пусть за пределы пространства, за пределы времени или того и другого вместе. Влекут без отдыха, без колебаний и без сомнений, пока след не приведет к цели или пока не будет вытерт дочиста ветрами — если существуют ветры, не гаснущие в пустоте.

«Не в ней ли, — спросил себя Дэниельс, — не в этой ли решимости кроется, при всей ее чужеродности, что-то знакомое, что-то поддающееся переводу на земной язык и потому способное стать как бы мостиком между этим вспоминающим инопланетянином и моим человеческим «я»?..»

Пустота, молчание и холодное равнодушие космоса длились века, века и века, — казалось,

пути вообще не будет конца. Но так или иначе Дэниельсу дано было понять, что конец все же настал — и настал именно здесь, среди иссеченных временем холмов над древней рекой. И тогда на смену почти бесконечным векам мрака и холода пришли почти бесконечные века ожидания: путь был завершен, след привел в недостижимые дали, и оставалось только ждать, набравшись безграничного, неистощимого терпения.

«Ты говорил о помощи, — обратилось к Дэниельсу искристое существо. — Но почему? Ты не знаешь того, другого. Почему ты хочешь ему помочь?»

— Он живой, — ответил Дэниельс. — Он живой, и я живой. Разве этого недостаточно?

«Не знаю», — отозвалось существо.

— По-моему, достаточно, — решил Дэниельс.

«Как ты можешь помочь?»

— Я уже упоминал о генетике. Как бы это объяснить…

«Я перенял терминологию из твоих мыслей. Ты имеешь в виду генетический код».

— Согласится ли тот, другой, замурованный в толще скал, тот, кого ты охраняешь…

«Не охраняю, — отозвалось существо. — Я просто жду его».

— Долго же тебе придется ждать!

«Я наделен умением ждать. Я жду уже долго. Могу ждать и дольше».

— Когда-нибудь, — заявил Дэниельс, — выветривание разрушит камень. Но тебе не понадобится столько ждать. Знает ли тот, другой, свой генетический код?

«Знает, — отозвалось существо. — Он знает много больше, чем я».

— Знает ли он свой код полностью? — настойчиво повторил Дэниельс. — Вплоть до самой ничтожной связи, до последней составляющей, точный порядок неисчислимых миллиардов…

«Знает, — подтвердило существо. — Первейшая забота разумной жизни — познать себя».

— А может ли он, согласится ли он передать нам эти сведения, сообщить нам свой генетический код?

«Твое предложение — дерзость, — оскорбилось искристое существо (слово, которое оно применило, было жестче, чем «дерзость»). — Таких сведений никто не передаст другому. Это нескромно и неприлично (опять-таки слова были несколько иными, чем «нескромно» и «неприлично»). Это значит, в сущности, отдать в чужие руки собственное «я». Полная и бессмысленная

капитуляция».

— Не капитуляция, — возразил Дэниельс, — а способ выйти из заточения. В свое время, через сто лет, о которых я говорил, люди моего племени сумеют по генетическому коду воссоздать любое живое существо. Сумеют скопировать того, другого, с предельной точностью.

«Но он же останется по-прежнему замурованным!»

— Только один из двоих. Первому из двух близнецов действительно придется ждать, пока ветер не сточит скалы. Зато второй, копия первого, начнет жить заново.

«А что, — мелькнула мысль, — если существо в толще скал вовсе не хочет, чтоб его спасали? Что, если оно сознательно погребло себя под каменными пластами? Что, если оно просто искало укрытия, искало убежища? Может статься, появись у него желание — и оно освободилось бы из своей темницы с такой же легкостью, с какой этот силуэт, это скопище искр выбралось из-под насыпи?..»

«Нет, это исключено, — отозвалось скопище искр, висящее на самом краю уступа. — Я проявил беспечность. Я уснул, ожидая, и спал слишком долго».

«Действительно, куда уж дольше», — подумал Дэниельс. Так долго, что над спящим крупинка за крупинкой наслоилась земля и образовалась насыпь, что в эту землю вросли камни, сколотые морозом с утеса, а рядом с камнями поселилась семейка берез, и они благополучно вымахали до тридцатифутовой высоты… Тут подразумевалось такое различие в восприятии времени, какого человеку просто не осмыслить.

«Однако погоди, — остановил себя Дэниельс, — кое-что ты все-таки понял…» Он уловил безграничную преданность и бесконечное терпение, с каким искристое существо следовало за тем, другим, сквозь звездные бездны. И не сомневался, что уловил точно: разум иного создания — преданного звездного пса, сидящего на уступе перед пещерой, — словно приблизился к нему, Дэниельсу, и коснулся собственного его разума. И на мгновение оба разума, при всех их отличиях, слились воедино в порыве понимания и признательности, — ведь это, наверное, впервые за многие миллионы лет пес из дальнего космоса встретил кого-то, кто способен постичь веление долга и смысл призвания.

— Можно попытаться откопать того, другого, — предложил Дэниельс. — Я, конечно, уже думал об

этом, но испугался, не причинить бы ему вреда. Да и нелегко будет убедить людей…

«Нет, — отозвалось существо, — его не откопаешь. Тут есть много такого, чего тебе не понять. Но первое твое предложение не лишено известных достоинств. Ты говоришь, что не располагаешь достаточными знаниями генетики, чтобы предпринять необходимые шаги теперь же. А ты пробовал советоваться со своими соплеменниками?»

— С одним пробовал, — ответил Дэниельс, — только он не стал слушать. Он решил, что я свихнулся. Но, в конце концов, он и не был тем человеком, с которым следовало бы говорить. Наверное, потом я сумею поговорить с другими людьми, но не сейчас. Как бы я ни желал помочь, сейчас я ничего не добьюсь. Они будут смеяться надо мной, а я не вынесу насмешек. Лет через сто, а быть может, и раньше я сумею…

«Ты же не проживешь сто лет, — отозвался звездный пес. — Ты принадлежишь к недолговечному виду. Что, наверное, и объясняет ваш стремительный взлет. Вся жизнь здесь недолговечна, и это дает эволюции шансы сформировать разум. Когда я попал на вашу планету, здесь жили одни безмозглые твари».

— Ты прав, — ответил Дэниельс. — Я не проживу сто лет. Даже если вести отсчет с самого рождения, я не способен прожить сто лет, а бóльшая часть моей жизни уже позади. Не исключено, что позади уже вся жизнь. Ибо если я не выберусь из этой пещеры, то умру буквально через два-три дня.

«Протяни руку, — предложил сгусток искр. — Протяни руку и коснись меня, собеседник».

Медленно-медленно Дэниельс вытянул руку перед собой. Рука прошла сквозь мерцание и блики, и он не ощутил ничего — как если бы провел рукой просто по воздуху.

«Вот видишь, — заметило существо, — я не в состоянии тебе помочь. Нет таких путей, чтобы заставить наши энергии взаимодействовать. Очень сожалею, друг». (Слово, которое выбрал призрак, не вполне соответствовало понятию «друг», но это было хорошее слово, и, как догадался Дэниельс, оно, возможно, значило гораздо больше, чем «друг».)

— Я тоже сожалею, — ответил Дэниельс. — Мне бы хотелось пожить еще.

Воцарилось молчание, мягкое раздумчивое молчание, какое случается только в снежный день, и вместе с ними в это молчание вслуши-

вались деревья, скалы и притаившаяся живая мелюзга.

«Значит, — спросил себя Дэниельс, — эта встреча с посланцем иных миров тоже бессмысленна? Если только я каким-то чудом не слезу с уступа, то не сумею сделать ничего, ровным счетом ничего… А с другой стороны, почему я должен заботиться о спасении существа, замурованного в толще скал? Выживу ли я сам — вот что единственно важно сейчас, а вовсе не то, отнимет ли моя смерть у замурованного последнюю надежду на спасение…»

— Но может, наша встреча, — обратился Дэниельс к сгустку искр, — все-таки не напрасна? Теперь, когда ты понял…

«Понял я или нет, — откликнулся тот, — это не имеет значения. Чтобы добиться цели, я должен был бы передать полученные сведения тем, кто далеко на звездах, но даже если бы я мог связаться с ними, они не удостоили бы меня вниманием. Я слишком ничтожен, я не вправе беседовать с высшими. Моя единственная надежда — твои соплеменники, и то, если не ошибаюсь, при том непременном условии, что ты уцелеешь. Ибо я уловил твою мимолетную мысль, что ты — единственный, кто способен понять меня. Среди твоих

соплеменников нет второго, кто хотя бы допустил мысль о моем существовании».

Дэниельс кивнул. Это была подлинная правда. Никто из живущих на Земле людей не обладал теми же способностями, что и он. Никто больше не повредил себе голову так удачно, чтобы приобрести их. Для существа в толще скал он был единственной надеждой, да и то слабенькой, — ведь прежде, чем надежда станет реальной, надо найти кого-нибудь, кто выслушает и поверит. И не просто поверит, а пронесет эту веру сквозь годы в те дальние времена, когда генная инженерия станет гораздо могущественнее, чем сегодня.

«Если тебе удастся выбраться из критического положения живым, — заявил пес из иных миров, — тогда я, наверное, смогу изыскать энергию и технические средства для осуществления твоего замысла. Но ты должен отдать себе отчет, что я не в состоянии предложить никаких путей к личному спасению».

— А вдруг кто-то пройдет мимо, — ответил Дэниельс. — Если я стану кричать, меня могут услышать…

И он снова стал кричать, но не получил ответа. Вьюга глушила крики, да он и сам прекрасно понимал, что в такую погоду люди, как правило,

сидят дома. Дома, у огня, в безопасности.

В конце концов он устал и привалился к камню отдохнуть. Искристое существо по-прежнему висело над уступом, но снова изменило форму и стало напоминать, пожалуй, накренившуюся, запорошенную снегом рождественскую елку.

Дэниельс уговаривал себя не засыпать. Закрывать глаза лишь на мгновение и сразу же раскрывать их снова, не разрешая векам смыкаться надолго, иначе одолеет сон. Хорошо бы подвигаться, похлопать себя по плечам, чтобы согреться, — только руки налились свинцом и не желали действовать.

Он почувствовал, что сползает на дно пещеры, и попытался встать. Но воля притупилась, а на каменном дне было очень уютно. Так уютно, что, право же, стоило разрешить себе отдохнуть минутку, прежде чем напрягаться изо всех сил. Самое странное, что дно пещеры вдруг покрылось грязью и водой, а над головой взошло солнце и снова стало тепло…

Он вскочил в испуге и увидел, что стоит по щиколотку в воде, разлившейся до самого горизонта, и под ногами у него не камень, а липкий черный ил.

Не было ни пещеры, ни холма, в котором могла

бы появиться пещера. Было лишь необъятное зеркало воды, а если обернуться, то совсем близко, в каких-нибудь тридцати футах, лежал грязный берег крошечного островка — грязного каменистого островка с отвратительными зелеными потеками на камнях.

Дэниельс знал по опыту, что попал в иное время, но местоположения своего не менял. Каждый раз, когда время для него сдвигалось, он продолжал находиться в той же точке земной поверхности, где был до сдвига. И теперь, стоя на мелководье, он вновь — в который раз — подивился странной механике, которая поддерживает его тело в пространстве с такой точностью, что, перенесясь в иную эпоху, он не рискует быть погребенным под двадцатифутовым слоем песка и камня или, напротив, повиснуть без опоры на двадцатифутовой высоте.

Однако сегодня и тупице стало бы ясно, что на размышления нет ни минуты. По невероятному стечению обстоятельств он уже не заточен в Кошачьей берлоге, и здравый смысл требует уйти с того места, где он очутился, как можно скорее. Замешкаешься — и чего доброго опять очутишься в своем настоящем, и придется снова корчиться и коченеть в пещере.

Он неуклюже повернулся — ноги вязли в донном иле — и кинулся к берегу. Далось это нелегко, но он добрался до островка, поднялся по грязному скользкому берегу и хаотично разбросанным камням и только там наконец позволил себе присесть и перевести дух.

Дышать было трудно. Дэниельс отчаянно хватал ртом воздух, ощущая в нем необычный, ни на что не похожий привкус. Он сидел на камнях, хватал воздух ртом и разглядывал водную ширь, поблескивающую под высоким теплым солнцем. Далеко-далеко на востоке появилась длинная горбатая складка и на глазах Дэниельса поползла к берегу. Достигнув островка, она вскинулась по илистой отмели почти до самых его ног. А вдали на сияющем зеркале воды стала набухать новая складка.

Дэниельс отдал себе отчет, что водная гладь еще необъятнее, чем думалось поначалу. Впервые за все свои скитания по прошлому он натолкнулся на столь внушительный водоем. До сих пор он всегда оказывался на суше и к тому же всегда знал местность хотя бы в общих чертах — на заднем плане меж холмов неизменно текла река.

Сегодня все было неузнаваемым. Он попал в совершенно неведомые края, — вне сомнения,

его отбросило во времени гораздо дальше, чем случалось до сих пор, и он, по-видимому, очутился у берегов большого внутриконтинентального моря в дни, когда атмосфера была бедна кислородом — беднее, чем в последующие эпохи. «Вероятно, — решил он, — я сейчас вплотную приблизился к рубежу, за которым жизнь для меня стала бы попросту невозможна...» Сейчас кислорода еще хватало, хоть и с грехом пополам: потому он и дышал гораздо чаще обычного. Отступи он в прошлое еще на миллион лет — кислорода перестало бы хватать. А отступи еще немного дальше, и свободного кислорода не оказалось бы совсем.

Всмотревшись в береговую кромку, Дэниельс приметил, что она населена множеством крохотных созданий, снующих туда-сюда, копошащихся в пенном прибрежном соре или сверлящих булавочные норки в грязи. Он опустил руку и слегка поскреб камень, на котором сидел. На камне проступало зеленоватое пятно — оно тут же отделилось и прилипло к ладони толстой пленкой, склизкой и противной на ощупь.

Значит, перед ним была первая жизнь, осмелившаяся выбраться на сушу, — существа, что и существами-то еще не назовешь, боязливо жму-

щиеся к берегу, не готовые, да и не способные оторваться от подола ласковой матери-воды, которая бессменно пестовала жизнь с самого ее начала. Даже растения и те еще льнули к морю, взбираясь на скалы, по-видимому, лишь там, где до них хоть изредка долетали брызги прибоя.

Через несколько минут Дэниельс почувствовал, что одышка спадает. Брести, разгребая ногами ил, при такой нехватке кислорода было тяжкой мукой. Но просто сидя на камнях без движения, удавалось кое-как дышать.

Теперь, когда кровь перестала стучать в висках, Дэниельс услышал тишину. Он различал один-единственный звук — мягкое пошлепывание воды по илистому берегу, и этот однообразный звук скорее подчеркивал тишину, чем нарушал ее.

Никогда во всей своей жизни он не встречал такого совершенного однозвучия. Во все другие времена, даже в самые тихие дни, над миром витала уйма разных звуков. А здесь, кроме моря, не было ничего, что могло бы издавать звуки, — ни деревьев, ни зверей, ни насекомых, ни птиц, лишь вода, разлившаяся до самого горизонта, и яркое солнце в небе.

Впервые за много месяцев он вновь познал

чувство отделенности от окружающего, чувство собственной неуместности здесь, куда его не приглашали и где он, по существу, не имел права быть; он явился сюда самозванно, и окружающий мир оставался чуждым ему, как, впрочем, и всякому, кто размером или разумом отличается от мелюзги, снующей по берегу. Он сидел под чуждым солнцем посреди чуждой воды, наблюдая за крохотными козявками, которым в грядущие эпохи суждено развиться до уровня существ, подобных ему, Дэниельсу, — наблюдая за ними и пытаясь ощутить свое, пусть отдаленное, с ними родство. Но попытки успеха не имели: ощутить родство Дэниельсу так и не удалось.

И вдруг в этот однозвучный мир ворвалось какое-то биение, слабое, но отчетливое. Биение усилилось, отразилось от воды, сотрясло маленький островок — и оно шло с неба.

Дэниельс вскочил, запрокинул голову — и точно: с неба спускался корабль. Даже не корабль в привычном понимании — не было никаких четких контуров, а лишь искажение пространства, словно множество плоскостей света (если существует такая штука, как плоскость света) пересекались между собой без всякой определенной системы. Биение усилилось до воя, раздирающего

атмосферу, а плоскости света беспрерывно то ли меняли форму, то ли менялись местами, так что корабль каждый миг представлялся иным, чем прежде.

Сначала корабль спускался быстро, потом стал тормозить — и все же продолжал падать, тяжело и целеустремленно, прямо на островок.

Дэниельс помимо воли съежился, подавленный этой массой небесного света и грома. Море, илистый берег и камни — все вокруг, даже при ярком солнце, засверкало от игры вспышек. Он зажмурился, защищая глаза, и тем не менее понял, что если корабль и коснется поверхности, то — опасаться нечего — сядет не на островок, а футах в ста, а может, и в ста пятидесяти от берега.

До поверхности моря оставалось совсем немного, когда исполинский корабль вдруг резко застопорил, повис и из-под плоскостей показался какой-то блестящий предмет. Предмет упал, взметнув брызги, но не ушел под воду, а лег на илистую отмель, открыв взгляду почти всю верхнюю свою половину. Это был шар — ослепительно сверкающая сфера, о которую плескалась волна, и Дэниельсу почудилось, что плеск слышен даже сквозь оглушительные раскаты грома.

И тогда над пустынным миром, над грохотом

корабля, над неотвязным плеском воды вознесся голос, печально-бесстрастный, — нет, разумеется, это не мог быть голос, любой голос оказался бы сейчас слишком немощным, чтобы передать слова. Но слова прозвучали, и не было даже тени сомнения в том, что они значили:

«Итак, во исполнение воли великих и приговора суда мы высылаем тебя на эту бесплодную планету и оставляем здесь в искренней надежде, что теперь у тебя достанет времени и желания поразмыслить о содеянных преступлениях и в особенности о… (Тут последовали понятия, которые человеку не дано было постичь, — они как бы сливались в долгий невнятный гул, но самый этот гул или что-то в этом гуле замораживало кровь в жилах и одновременно наполняло душу отвращением и ненавистью, каких Дэниельс в себе раньше не ведал.) Воистину достойно сожаления, что ты не подвержен смерти, ибо убить тебя, при всем нашем отвращении к убийству, было бы милосерднее и точнее соответствовало бы нашей цели, каковая состоит в том, чтобы ты никогда более не мог вступить в контакт с жизнью любого вида и рода. Остается лишь надеяться, что здесь, за пределами самых дальних межзвездных путей, на этой не отмеченной на картах планете,

наша цель будет достигнута. Однако мы налагаем на тебя еще и кару углубленного самоанализа, и если в какие-то непостижимо далекие времена ты по чьему-то неведению или по злому умыслу будешь освобожден, то все равно станешь вести себя иначе, дабы ни при каких условиях не подвергнуться вновь подобной участи. А теперь, в соответствии с законом, тебе разрешается произнести последнее слово — какое ты пожелаешь».

Голос умолк, и спустя секунду на смену ему пришел другой. Фраза, которую произнес этот новый голос, была сложнее, чем Дэниельс мог охватить, но смысл ее легко укладывался в три земных слова:

«Пропадите вы пропадом!..»

Грохот разросся, и корабль тронулся ввысь, в небо. Дэниельс следил за полетом, пока гром не замер вдали, а корабль не превратился в тусклую точку в синеве. Тогда он выпрямился во весь рост, но не сумел одолеть дрожь и слабость. Нащупал за спиной камень и снова сел.

И опять единственным в мире звуком остался шелест воды, набегающей на берег. Никакого плеска волны о блестящую сферу, лежащую в сотне футов от берега, слышно не было — это просто померещилось. Солнце нещадно пылало

в небе, играло огнем на поверхности шара, и Дэниельс обнаружил, что ему опять не хватает воздуха.

Вне всякого сомнения, перед ним на мелководье, вернее, на илистой отмели, взбегающей к островку, находился тот, кого он привык называть «существом, замурованным в толще скал». Но каким же образом удалось ему, Дэниельсу, перенестись через сотни миллионов лет точно в тот ничтожный отрезок времени, который таил в себе ответы на все вопросы о том, что за разум погребен под пластами известняка? Это не могло быть случайным совпадением — вероятность подобного совпадения столь мала, что вообще не поддается расчету. Что, если он помимо воли выведал у мерцающего призрака перед входом в пещеру гораздо больше, чем подозревал? Ведь их мысли, припомнил Дэниельс, встретились и слились, пусть на мгновение, но не произошло ли в это мгновение непроизвольной передачи знания? Знание укрылось в каком-то уголке мозга, а теперь пробудилось. Или он нечаянно привел в действие систему психического предупреждения, призванную отпугивать тех, кто вздумал бы освободить опального изгнанника?

А мерцающий призрак, выходит, ни при чем?

Это еще как сказать… Что, если опальный узник — обитатель шара — воплощает сокровенное, неведомое судьям доброе начало? Иначе как добром не объяснить того, что призрак сумел пронести чувство долга и преданности сквозь неспешное течение геологических эр. Но тогда неизбежен еще один вопрос: что есть добро и что есть зло? Кому дано судить?

Впрочем, существование мерцающего призрака само по себе, пожалуй, ничего не доказывает. Ни одному человеку еще не удавалось пасть так низко, чтобы не нашлось пса, готового охранять хозяина и проводить хоть до могилы.

Куда удивительнее другое: что же такое стряслось с его собственной головой? Как и почему он сумел безошибочно выбрать в прошлом момент редчайшего происшествия? И какие новые способности, сногсшибательные, неповторимые, ему еще предстоит открыть в себе? Далеко ли они уведут его в движении к абсолютному знанию? И какова, собственно, цель такого движения?

Дэниельс сидел на камнях и тяжело дышал. Над ним пылало солнце, перед ним стелилось море, тихое и безмятежное, если не считать длинных складок, огибающих шар и бегущих к берегу. В грязи под ногами сновали крохотные козявки. Он

вытер ладонь о брюки, пытаясь счистить клейкую зеленую пленку.

«Можно бы, — мелькнула идея, — подойти поближе и рассмотреть шар как следует, пока его не засосало в ил…» Но нет, в такой атмосфере сто футов — слишком дальний путь, а главное — нельзя рисковать, нельзя подходить близко к будущей пещере, ведь рано или поздно предстоит перепрыгнуть обратно в свое время.

Хмелящая мысль — куда меня занесло! — мало-помалу потускнела, чувство полной своей неуместности в древней эпохе развеялось, и тогда выяснилось, что грязный плоский островок — царство изнурительной скуки. Глядеть было совершенно не на что, одно только небо, море да илистый берег. «Вот уж местечко, — подумал он, — где больше никогда ничего не случалось и ничего не случится: корабль улетел, знаменательное событие подошло к концу…» Естественно, и сейчас здесь происходит многое, что даст себя знать в грядущем, но происходит тайно, исподволь, по большей части на дне этого мелководного моря. Снующие по берегу козявки и ослизлый налет на скалах — отважные в своем неразумии предвестники далеких дней — внушали, пожалуй, известное почтение, но приковать

к себе внимание не могли.

От нечего делать Дэниельс принялся водить носком ботинка по грязному берегу. Попытался вычертить какой-нибудь узор, но на ботинок налипло столько грязи, что ни один узор не получался.

И вдруг он увидел, что уже не рисует по грязи, а шевелит носком опавшие листья, задеревеневшие, присыпанные снегом.

Солнца не стало. Все вокруг тонуло во тьме, только за стволами ниже по склону брезжил слабый свет. В лицо била бешеная снежная круговерть, и Дэниельс содрогнулся. Поспешно запахнул куртку, стал застегивать пуговицы. Подумалось, что эдак немудрено и закоченеть: слишком уж резким был переход от парной духоты илистого побережья к пронизывающим порывам вьюги.

Желтоватый свет за деревьями ниже по склону проступал все отчетливее, потом донеслись невнятные голоса. Что там творится? Он уже сообразил, где находится, — примерно в ста футах над верхним краем утеса; но там, на утесе, не должно быть сейчас ни души, не должно быть и света.

Он сделал шаг под уклон и остановился в нерешительности. Разве есть у него время спускаться

к обрыву? Ему надо немедля бежать домой. Скотина, облепленная снегом, скучилась у ворот, просится от бурана в хлев, ждет не дождется тепла и крыши над головой. Свиньи не кормлены, куры тоже не кормлены. Человек не вправе забывать про тех, кто живет на его попечении.

Однако там, внизу, люди! Правда, у них есть фонари, но они почти на самой кромке утеса. Если эти олухи не поостерегутся, они запросто могут оскользнуться и сорваться вниз со стофутовой высоты. Почти наверняка охотники за енотами, хотя что за охота в такую ночь! Еноты давно попрятались по норам. Нет, кто бы ни были эти люди, надо спуститься и предупредить их.

Он прошел примерно полпути, когда кто-то подхватил фонарь, до того, по-видимому, стоявший на земле, и поднял над головой. Дэниельс разглядел лицо этого человека — и бросился бегом.

— Шериф, что вы здесь делаете?..

Но еще не договорив, почувствовал, что знает ответ, знает едва ли не с той секунды, когда завидел огонь у обрыва.

— Кто там? — круто повернувшись, спросил шериф и наклонил фонарь, посылая луч в нужную сторону. — Дэниельс!.. — У шерифа перехватило дыхание. — Боже правый, где вы были, дружи-

ще?

— Да вот, решил прогуляться немного, — промямлил Дэниельс. Объяснение, он и сам понимал, совершенно неудовлетворительное, но не прикажете ли сообщить шерифу, что он, Уоллес Дэниельс, сию минуту вернулся из путешествия во времени?

— Черт бы вас побрал! — возмутился шериф. — А мы-то ищем! Бен Адамс поднял переполох: заехал к вам на ферму и не застал вас дома. Для него не секрет, что вы вечно бродите по лесу, вот он и перепугался, что с вами что-то стряслось. И позвонил мне, а сам с сыновьями тоже кинулся на поиски. Мы боялись, что вы откуда-нибудь сверзились и что-нибудь себе поломали. В такую штормовую ночь без помощи долго не продержишься.

— А где Бен? — спросил Адамс.

Шериф махнул рукой, указывая еще ниже по склону, и Дэниельс заметил двух парней, вероятно сыновей Адамса: те закрепили веревку вокруг ствола и теперь вытравливали ее за край утеса.

— Он там, на веревке, — ответил шериф. — Осматривает пещеру. Решил почему-то, что вы могли залезть в пещеру.

— Ну что ж, у него было достаточно основа-

ний… — начал Дэниельс, но досказать не успел: ночь взорвалась воплем ужаса. Вопль был безостановочный, резкий, назойливый, и шериф, сунув фонарь Дэниельсу, поспешил вниз.

«Трус, — подумал Дэниельс. — Подлая тварь — обрек другого на смерть, заточив в пещере, а потом наложил в штаны и побежал звонить шерифу, чтобы тот засвидетельствовал его благонамеренность. Самый что ни на есть отъявленный негодяй и трус…»

Вопль заглох, упав до стона. Шериф вцепился в веревку, ему помогал один из сыновей. Над обрывом показались голова и плечи Адамса, шериф протянул руку и выволок его в безопасное место. Бен Адамс рухнул наземь, ни на секунду не прекращая стонать. Шериф рывком поднял его на ноги:

— Что с тобой, Бен?

— Там кто-то есть, — проскулил Адамс. — В пещере кто-то есть…

— Кто, черт побери? Кто там может быть? Кошка? Пантера?

— Я не разглядел. Просто понял, что там кто-то есть. Оно запряталось в глубине пещеры.

— Да откуда ему там взяться? Дерево спилили. Теперь туда никому не забраться.

— Ничего я не знаю, — всхлипывал Адамс. — Должно быть, оно сидело там еще до того, как спилили дерево. И попало в ловушку.

Один из сыновей поддержал Бена и дал шерифу возможность отойти. Другой вытягивал веревку и сматывал ее в аккуратную бухту.

— Еще вопрос, — сказал шериф. — Как тебе вообще пришло в голову, что Дэниельс залез в пещеру? Дерево спилили, а спуститься по веревке, как ты, он не мог — ведь там не было никакой веревки. Если бы он спускался по веревке, она бы там и висела. Будь я проклят, если что-нибудь понимаю. Ты валандаешься зачем-то в пещере, а Дэниельс выходит себе преспокойно из леса. Хотел бы я, чтобы кто-то из вас объяснил мне…

Тут Адамс, который плелся, спотыкаясь, в гору, наконец-то увидел Дэниельса и замер как вкопанный.

— Вы здесь? Откуда? — растерянно спросил он. — Мы тут с ног сбились… Ищем вас повсюду, а вы…

— Слушай, Бен, шел бы ты домой, — перебил шериф, уже не скрывая досады. — Пахнет все это более чем подозрительно. Не успокоюсь, пока не разберусь, в чем дело.

Дэниельс протянул руку к тому из сыновей,

который сматывал веревку.

— По-моему, это моя.

В изумлении Адамс-младший отдал веревку, не возразив ни слова.

— Мы, пожалуй, срежем напрямую через лес, — заявил Бен. — Так нам поближе.

— Спокойной ночи, — бросил шериф. Вдвоем с Дэниельсом они продолжали не спеша подниматься в гору. — Послушайте, Дэниельс, — догадался вдруг шериф, — нигде вы не прогуливались. Если бы и впрямь бродили по лесу в такую вьюгу, на вас налипло бы куда больше снега. А у вас вид, словно вы только что из дому.

— Ну, может, это и не вполне точно утверждать, что я прогуливался…

— Тогда, черт возьми, объясните мне, где вы все-таки были. Я не отказываюсь исполнять свой долг в меру своего разумения, но мне вовсе не улыбается, если меня при этом выставляют дурачком…

— Не могу я ничего объяснить, шериф. Очень сожалею, но, право, не могу.

— Ну ладно. А что с веревкой?

— Это моя веревка, — ответил Дэниельс. — Я потерял ее сегодня днем.

— И наверное, тоже не можете ничего толком

объяснить?

— Да, пожалуй, тоже не могу.

— Знаете, — произнес шериф, — за последние годы у меня была пропасть неприятностей с Беном Адамсом. Не хотелось бы думать, что теперь у меня начнутся неприятности еще и с вами.

Они поднялись на холм и подошли к дому. Машина шерифа стояла у ворот на дороге.

— Не зайдете ли? — предложил Дэниельс. — У меня найдется что выпить.

Шериф покачал головой.

— Как-нибудь в другой раз, — сказал он. — Не исключено, что скоро. Думаете, там и вправду был кто-то в пещере? Или у Бена просто воображение разыгралось? Он у нас из пугливеньких…

— Может, там никого и не было, — ответил Дэниельс, — но раз Бен решил, что кто-то был, не будем с ним спорить. Воображаемое может оказаться таким же реальным, как если б оно встретилось нам наяву. У каждого из нас, шериф, в жизни есть спутники, видеть которых не дано никому, кроме нас самих.

Шериф кинул на него быстрый взгляд.

— Дэниельс, какая муха вас укусила? Какие такие спутники? Что вас гложет? Чего ради вы похоронили себя заживо в этой дремучей глуши?

Что тут происходит?..

Ответа он ждать не стал. Сел в машину, завел мотор и укатил.

Дэниельс стоял у дороги, наблюдая, как тают в круговороте метели гневные хвостовые огни. Все, что оставалось, — смущенно пожать плечами: шериф задал кучу вопросов и ни на один не потребовал ответа. Наверное, бывают вопросы, ответа на которые и знать не хочется.

Потом Дэниельс повернулся и побрел по заснеженной тропинке к дому. Сейчас бы чашечку кофе и что-нибудь перекусить — но сначала надо заняться хозяйством. Надо доить коров и кормить свиней. Куры потерпят до утра — все равно сегодня задавать им корм слишком поздно. А коровы, наверное, мерзнут у запертого хлева, мерзнут уже давно — и заставлять их мерзнуть дольше просто нечестно.

Он отворил дверь и шагнул в кухню.

Его ждали. Нечто сидело на столе, а быть может, висело над столом так низко, что казалось сидящим. Огня в очаге не было, в комнате стояла тьма — лишь существо искрилось.

«Ты видел?» — осведомилось существо.

— Да, — ответил Дэниельс. — Я видел и слышал. И не знаю, что предпринять. Что есть добро и

что есть зло? Кому дано судить, что есть добро и что есть зло?

«Не тебе, — отозвалось существо. — И не мне. Я могу только ждать. Ждать и не терять надежды».

«А быть может, там, среди звезд, — подумал Дэниельс, — есть и такие, кому дано судить? Быть может, если слушать звезды — и не просто слушать, а пытаться вмешаться в разговор, пытаться ставить вопросы, то получишь ответ? Должна же существовать во Вселенной какая-то единая этика. Например, что-то вроде галактических заповедей. Пусть не десять, пусть лишь две или три — довольно и их…»

— Извини, я сейчас тороплюсь и не могу беседовать, — сказал он вслух. — У меня есть живность, я должен о ней позаботиться. Но ты не уходи. Попозже у нас найдется время потолковать.

Он пошарил по скамье у стены, отыскал фонарь, ощупью достал с полки спички. Зажег фонарь — слабое пламя разлило в центре темной комнаты лужицу света.

«С тобой живут другие, о ком ты должен заботиться? — осведомилось существо. — Другие, не вполне такие же, как ты? Доверяющие тебе и не обладающие твоим разумом?»

— Наверное, можно сказать и так, — ответил

Дэниельс. — Хотя, признаться, никогда до сих пор не слышал, чтобы к этому подходили с такой точки зрения.

«А можно мне пойти с тобой? — спросило существо. — Мне только что пришло на ум, что во многих отношениях мы с тобой очень схожи».

— Очень схо… — Дэниельс не договорил, фраза повисла в воздухе.

«А если это не пес? — спросил он себя. — Не преданный сторожевой пес, а пастух? И тот, под толщей скал, не хозяин, а отбившаяся от стада овца? Неужели мыслимо и такое?..»

Он даже протянул руку в сторону существа инстинктивным жестом взаимопонимания, но вовремя вспомнил, что притронуться не к чему. Тогда он просто поднял фонарь и направился к двери.

— Пошли, — бросил он через плечо.

И они двинулись вдвоем сквозь метель к хлеву, туда, где терпеливо ждали коровы.

Смерть в доме
Перевод Е. Корягиной

Старина Моз Эбрамс разыскивал своих коров, а нашел пришельца. Что это пришелец, он знать не знал, но существо было живое и явно мучилось, а Старина Моз, пусть там соседи и болтали всякое, не такой был человек, чтобы бросить больного в лесу.

Существо было жуткое — зеленое, блестящее, в каких-то фиолетовых пятнах, и даже издалека выглядело гадко. И вдобавок воняло.

Оно заползло, точнее, пыталось заползти, в густой орешник. Верхняя часть была уже в кустах, а прочее оставалось на виду. Какие-то отростки — наверное, руки — то и дело скребли по земле, однако существо так ослабло, что уже не могло сдвинуться с места.

Оно выло — не очень громко, так одинокий ветер стонет, гуляя по карнизам, — но не только зимний холод слышался в этом вое, а еще и отчаяние. У Старины Моза волосы на макушке зашевелились. Он постоял немного, прикидывая, как быть, а потом еще чуток, набираясь храбро-

сти, — а между прочим, многие в округе считали, что храбрости ему не занимать. Только вот одной храбрости в таком случае маловато. Нужна еще немалая доля безрассудства. И все же этот чужак попал в беду, и Моз не мог его бросить, а потому подошел и опустился на колени.

Старина Моз вообще-то был человек неприветливый. И среди соседей чистюлей отнюдь не слыл. С тех пор как у него умерла жена — почти десять лет назад, — он так и жил один на своей не слишком чистой ферме, и его дом прямо в ужас приводил окрестных домохозяек. Раз в году — если руки доходили — он немножко там разгребал, хотя и без особого желания. Словом, запах пришельца подействовал на него не так сильно, как мог бы на других, зато еще как подействовал вид. Моз не сразу заставил себя до чужака дотронуться, а когда заставил, порядком удивился. Он ожидал, что существо окажется холодным или склизким или даже и то, и другое. Ничего подобного. Оно было теплое, плотное и на ощупь чистое. Мозу пришел на ум кукурузный стебель.

Он обхватил беднягу рукой и осторожно потянул из орешника, затем перевернул, желая увидеть лицо. Вместо лица было утолщение вроде цветка на стебле, а вокруг утолщения бол-

талась какая-то бахрома, извивавшаяся, словно куча червяков.

Вот тут-то Мозу захотелось повернуться и бежать.

Но все-таки он чужака вытащил.

Потом присел, глядя на нелицо с бахромой из червей; от ужаса его как парализовало, — и ужас только усилился, когда ему показалось, что завывания исходят как раз от этих червей.

Впрочем, Старина Моз был человек упрямый. Попробуй-ка без упрямства сладить с такой захудалой фермой! Упрямый и в каком-то смысле бесчувственный. Хотя и не к чужой боли.

Наконец он смог поднять существо — не такое уж оно оказалось и тяжелое. Легче полугодовалого поросенка.

Моз направился по тропинке к дому; запах как будто сделался слабее. И стало уже не так страшно; дрожь отпустила.

Существо тоже успокоилось и лишь тихонько постанывало. Иногда Мозу казалось — может, и вправду только казалось, — что оно словно прижимается к нему, как голодный и напуганный ребенок прильнул бы к взрослому, пришедшему на помощь.

Вернувшись на ферму, Моз потоптался во дво-

ре, раздумывая, куда нести больного — в дом или в хлев. Хлев, конечно, пристал бы ему больше — ведь это не человек, он даже дальше от человека, чем собака, или кошка, или больной ягненок.

Однако колебался Моз недолго. Отнес пришельца в дом и уложил в постель — то есть сам он это считал постелью, — рядом с кухонной плитой. Все аккуратно там расправил и натянул на больного грязное одеяло, а затем повернулся к плите и принялся дуть в очаг, пока в нем не зашевелились язычки пламени.

Затем старик придвинул к кровати стул и хорошенько, не спеша, рассмотрел то, что принес домой. Оно стало значительно спокойней и как будто в доме чувствовало себя лучше, чем в лесу. Моз подоткнул одеяло с удивившей его самого нежностью. Он задумался — какие, интересно, из его припасов годятся для существа; впрочем, даже знай он это, неизвестно, как бедолагу кормить — рта у того, похоже, нет.

— Ты не переживай, — толковал он гостю. — Теперь у тебя есть крыша над головой, а значит, все наладится. Я, конечно, в таких делах не больно-то разбираюсь, но что могу, сделаю.

День катился к вечеру; Моз увидал в окно коров, которых искал, — они сами прибрели домой.

— Мне нужно подоить и прочую работенку справить, — сказал он. — Скоро вернусь.

Старик подложил в огонь дров, чтобы кухня не выстыла, еще раз поправил одеяло, взял ведра для молока и пошел в хлев. Задал корму овцам, свиньям и лошадям, подоил коров. Собрал снесенные за день яйца, запер курятник. Накачал воды в бак. И вернулся домой.

Было уже темно, и Моз зажег масляную лампу, поскольку электричества не признавал. Когда к ним тянули линию, он отказался платить и подключаться, и многие соседи обиделись на него за строптивость. Ну и ладно.

Чужаку в постели не стало ни лучше, ни хуже. Будь то хворый ягненок или теленок, Моз знал бы, как с ним обращаться, но это ведь совсем другое существо. Как тут поймешь.

Он собрал себе ужин и поел, жалея, что не может накормить гостя. И не знает, как ему помочь. Вот принес он его в дом, держит в тепле, — а хорошо это или плохо для такого создания, Моз понятия не имел.

Он подумывал попросить кого-нибудь о помощи, но нельзя же просить, когда не знаешь, какая нужна помощь. А потом старик представил себя на чужбине, больного, измученного, — и никто

не в силах ему помочь, потому что никто не знает, что же он такое.

Это и решило дело, и Моз направился к телефону. Только звонить-то кому — доктору или ветеринару? Наверное, доктору, существо ведь лежит в доме. Будь оно в хлеву — позвал бы ветеринара.

Линия была сельская, слышимость так себе, а туговатый на уход Моз не слишком часто пользовался телефоном. Себе он порой говорил, что это еще одна лишняя докука, и много раз грозился его отключить. Зато теперь радовался, что не отключил.

Телефонистка соединила его со старым доктором Бенсоном, и в конце концов Моз растолковал, кто звонит и что ему нужна помощь, и доктор пообещал приехать.

Повесив с некоторым облегчением трубку, Моз немного постоял, и его вдруг посетила мысль: там, в лесу, могут быть и другие такие существа. Он знать не знал, кто они, чем занимаются и куда направляются, но и ребенку ясно, что тот, у него на кровати, явился из очень далеких краев. Значит, он тут не один такой: без компании в долгом пути соскучишься, и поэтому никто — и ничто — не захочет путешествовать в одиночестве.

Моз снял с крючка фонарь, зажег и вышел вон.

Ночь была — хоть глаз выколи, и фонарь едва светил, но Моз местность знал как свои пять пальцев и двинулся по тропинке в лес. Старину Моза зловещим ночным лесом было не напугать.

На том месте, где лежал прежде гость, он осмотрелся, раздвигая ветки и поднимая повыше фонарь, однако таких существ больше не нашел. Зато нашел другое: нечто вроде сплющенной птичьей клетки-переростка из металлических прутьев, — она врезалась в ствол пекана. Засела намертво, не вытащишь.

Старик посмотрел наверх, туда, откуда она, должно быть, прилетела. Клетка пробила дыру в кроне дерева, и сквозь нее уныло и отстранённо мерцали далекие звезды. Видать, существо, лежащее теперь у него на кровати рядом с кухонной плитой, прибыло в этой похожей на клетку штуке. Моз тому подивился, но особенно заморачиваться не стал — вся история была чудная, где уж ему разобраться.

Он отправился домой и едва успел погасить фонарь и повесить его на крючок, как подъехала машина.

Доктор, увидев Моза на ногах, разворчался:

— Я смотрю, не очень-то вы больны. Уж точно

не настолько, чтобы тащить меня сюда среди ночи.

— Да я и не болею, — сказал Моз.

— Тогда чего ради, — спросил доктор еще ворчливее, — было мне звонить?

— У меня тут есть больной. Надеюсь, вы ему поможете. Я бы сам его полечил, да не знаю, как и взяться.

Доктор вошел, и Моз прикрыл за ним дверь.

— У вас тут что-то протухло?

— Да нет, это он так пахнет. Вначале было невмоготу, теперь-то попривык.

Доктор увидел лежащее на кровати существо, издал какой-то всхлип — и замер, прямой как палка. Затем нагнулся и воззрился на пациента. Выпрямился и повернулся к Мозу. В настоящую ярость доктор не впал только из-за крайнего изумления.

— Моз! — возопил он. — Что — это — такое?!

— Понятия не имею, — сказал Моз. — Я его в лесу нашел, хворого… оно стонало; не мог же я его там бросить.

— Вы думаете, оно болеет?

— Да видно же. Ему совсем худо. Боюсь, помирает.

Доктор повернулся к кровати и стянул одеяло,

потом взял лампу. Он оглядел существо вдоль и поперек, осторожно потрогал пальцем и издал загадочное цоканье, как только врачи и умеют.

Затем поправил одеяло и поставил лампу обратно на стол.

— Моз, — сказал он. — Я тут ничего не сделаю.

— Но вы же врач!

— Человеческий врач! Я не смогу понять, чем оно болеет и болеет ли вообще. И даже если бы я мог поставить диагноз — я все равно не знал бы, чем его можно лечить. Я даже не уверен, что это животное. У него есть многие признаки растения.

Доктор напрямик спросил, где Мозу удалось такое найти. И Моз без утайки рассказал, как все произошло. Он не упомянул только про клетку — подобная история звучала бы совершенно нелепо. Хватит уже и того, что он нашел эдакое создание и притащил домой; незачем приплетать сюда еще и клетку.

— Я вам вот что скажу, — заявил доктор. — У вас тут нечто выходящее за пределы человеческих знаний. Вряд ли на Земле такое вообще видели. Не знаю, что это, и гадать не стану. На вашем месте я бы обратился в Университет Мэдисона. Может, там найдется кто-нибудь, кто во всем раз-

берется. Наверняка они заинтересуются. Захотят его изучить.

Моз взял из буфета сигарную коробку, почти доверху наполненную серебряными долларами, и заплатил доктору за визит. Доктор убрал деньги в карман и слегка прошелся по поводу Мозовых причуд.

Но Моз насчет своих долларов стоял твердо.

— Бумажные деньги, — сказал он, — какие-то не больно основательные. А монеты и в руках подержать приятно, и звон их мне по душе. Серебро — в нем сила есть.

Доктор ушел; не особо расстроенный, против ожидания Моза. После его ухода старик поставил у кровати стул и уселся.

Неправильно, думал он, что оно так хворает, и тут даже нет никого, кто знал бы, чем помочь.

Моз сидел и слушал, как тикают часы — очень громко в ночной тишине — и потрескивают в огне поленья.

Глядя на лежащее в кровати существо, старик лелеял отчаянную надежду, что оно поправится и останется на ферме. Ведь клетка-то вся погнулась, поневоле ему придется остаться. И хорошо бы — с ним в доме сразу сделалось не так пусто.

Сейчас, сидя на стуле между плитой и крова-

тью, Моз понял, как одиноко ему живется. Пока не подох Псина, было еще ничего. Он все уговаривал себя завести другую собаку, но так и не смог. Потому что никакая собака не могла заменить Псину, и нечестно было бы и пытаться. Завести кошку? Так кошка непрестанно напоминала бы ему о Молли, — жена очень любила кошек, и, пока была жива, две-три штуки вечно путались там и сям под ногами.

А теперь он остался один. Один-одинешенек — при своей ферме, своем упрямстве, при своих серебряных долларах. Доктор, как и все прочие, считал, будто у Моза только и есть серебра, что в сигарной коробке в буфете. Ни одна живая душа не знала про доверху набитый монетами старый железный котелок, который хранился в подполе в большой комнате.

Моз даже языком прищелкнул при мысли, как ловко он всех провел. Увидать бы их лица, когда они узнают, — но узнают уж точно не от него! Коли хотят узнать — пусть сами постараются.

Он поклевал носом и так и уснул на стуле, уткнувшись подбородком в грудь и обхватив себя руками, словно хотел согреться.

Когда в предрассветных сумерках он проснулся, лампа на столе уже едва помигивала, а огонь под

плитой почти потух.

Пришелец помер.

Это было видно сразу. Он стал холодный, окоченелый, оболочка как-то усохла и сморщилась, — так поздней осенью высыхает забытый в поле кукурузный початок.

Моз полностью укрыл его одеялом и, хотя для работы было еще темновато, вышел из дому и переделал все дела при свете фонаря.

После завтрака согрел воды, умылся, побрился — впервые за много лет не в воскресный день. Надел единственный приличный костюм, пригладил волосы, вывел из сарая свою развалюху и поехал в город.

В городе он отыскал Эба Деннисона, чиновника из городского совета, который был еще и секретарем кладбищенской конторы.

— Эб, — сказал Моз, — мне нужен участок на кладбище.

— У тебя уже есть участок, — возразил Эб.

— Семейный. Места там хватит только нам с Молли.

— Ну и зачем тебе еще? Других родственников у тебя нет.

— Да нашел я кое-кого в лесу, — пояснил Моз. — Взял его домой, а ночью он помер. Хочу его

похоронить.

— Если ты нашел в лесу мертвеца, лучше сообщить шерифу, — посоветовал Эб.

— Может, и надумаю. — Моз знал, что не надумает, — Так как насчет участка?

Чтобы поскорее отделаться, Эб продал ему участок.

Совершив покупку, Моз пошел в похоронное агентство Элберта Джонса.

— Эл, — сказал он, — у меня в доме покойник. Нашел я кое-кого в лесу. Сдается мне, у него никого нет; я думаю сам заняться похоронами.

— Свидетельство о смерти имеется? — сразу спросил Эл, чуждый всяких деликатностей, без которых его коллеги обычно не обходятся.

— Не, нету.

— А доктора-то вызывали?

— Доктор Бенсон приходил.

— Так он должен был выписать. Я ему позвоню.

Эл позвонил доктору Бенсону и, разговаривая, быстро покрывался красными пятнами. Наконец он бросил трубку и повернулся к Мозу.

— Не знаю, что ты там пытаешься провернуть, но док говорит — у тебя там и не человек вовсе! Я не хороню собак, кошек и…

— Да не кошка это и не собака!

— Да мне все равно что! Я хороню только людей. И даже не думай закопать его на кладбище!

Сильно обескураженный, Моз вышел из агентства и медленно потащился вверх по склону холма, к единственной в городишке церкви.

Священник был у себя, сочинял проповедь. Моз присел на стул и стал вертеть в заскорузлых руках видавшую виды шляпу.

— Послушайте, пастор, — начал он, — я расскажу вам все как было, от начала до конца.

И рассказал. А потом добавил:

— Я не знаю, кто оно или что. Да и никто, сдается мне, не знает. Но только оно умерло, и надо бы его похоронить как полагается. Раз на кладбище хоронить нельзя, придется подыскать местечко на ферме. Я тут подумал — может, вы придете и скажете над могилой пару слов?

Священник погрузился в глубокие размышления.

— Мне жаль, Моз, — наконец ответил он, — я, наверное, не смогу. Не уверен, что церковь такое одобряет.

— Оно пусть и не человек, — рассудительно произнес Старина Моз, — но тоже ведь Божье создание.

Священник подумал еще — и все же прийти отказался.

Моз побрел к своей развалюхк и поехал домой, размышляя о том, какими же паршивцами бывают иногда люди.

Вернувшись на ферму, старик взял кирку и лопату, пошел в сад и там, в уголке, вырыл могилу. Потом пошел в сарай поискать досок для гроба, но оказалось, что последние доски он уже извел на починку свинарника.

Тогда Моз пошел в дом и в задней комнате, куда уже несколько лет не заходил, стал рыться в сундуке, надеясь отыскать простыню для савана — раз уж гроба не будет. Простыни не нашлось, зато обнаружилась белая льняная скатерть. Сгодится, решил Моз, и понес ее в кухню.

Он убрал одеяло и посмотрел на мертвое существо; комок в горле встал при мысли о том, как оно умерло — в одиночестве, далеко-далеко от дома, и никого рядом из близких. Совсем голое, ни клочка тряпицы, ничего совсем, что осталось бы на память.

Моз расстелил на полу скатерть и перенес на нее тело. Укладывая его, он заметил карман — или нечто вроде кармана, вроде слегка отходящий лоскут в верхней части туловища. Моз

провел по лоскуту рукой. Там прощупывался бугорок. Согнувшись над телом, старик размышлял, как поступить. Наконец он просунул пальцы в «карман» и вынул то, что там лежало: шарик размером чуть больше теннисного мяча, сделанный из дымчатого стекла — или материала, похожего на стекло. Моз посидел на корточках, уставившись на шарик, а потом поднес его к окну, чтобы разглядеть получше.

Ничего необычного в нем не было. Просто шарик из мутного стекла, и на ощупь он казался таким же шероховатым — и мертвым, — как и тело.

Моз покачал головой, убрал шарик туда, откуда взял, и аккуратно завернул покойного в ткань. Затем отнес его в сад и уложил в могилу. Постоял недвижно в головах могилы, сказал несколько подобающих слов и забросал яму землей.

Он собирался сделать насыпь и еще подумывал поставить крест, однако решил не делать ни того, ни другого. Непременно явятся любопытные. Разойдется молва — все и потянутся, захотят найти место, где похоронено найденное в лесу существо. Поэтому не нужно ни насыпи, ни креста. Да оно и к лучшему, потому что Моз не знал, какую надпись вырезать на кресте.

Было уже сильно за полдень, и хотя Моз проголодался, есть не пошел — еще не все сделано. Он отправился на выгон, поймал кобылу, впряг ее в тележку и погнал в лес. Там привязал к поводьям засевшую в дереве клетку; Бесс потянула — и клетка отцепилась как миленькая. Моз погрузил ее на тележку, отвез домой и спрятал в дальнем уголке сарая за наковальней.

Потом запряг Бесс в плуг и хорошенько перепахал сад, чтобы не было видно, где выкопана могила.

Как раз когда он заканчивал, к дому подъехал шериф Дойл и вылез из машины. Шериф был человек несуетливый, но и мешкать не любил, сразу взял быка за рога.

— Говорят, — сказал он, — вы кое-что нашли в лесу.

— Ну, нашел, — ответил Моз.

— Говорят, оно у вас померло.

— Верно говорят, шериф.

— Так я хотел бы взглянуть.

— Никак нельзя. Я его похоронил. И не скажу где.

— Моз, — предупредил шериф, — не хочу доставлять вам неприятностей, но вы нарушили закон. Нельзя вот так найти в лесу человека, а

когда он умрет — просто взять и похоронить.

— А вы с доктором Бенсоном говорили?

Шериф кивнул.

— Он сказал, что ничего подобного не видел. Сказал, это вообще не человек.

— Ну вот, значит, и делу конец. Раз оно не человек, то нет и преступления против личности. И раз оно никому не принадлежало — нет и преступления против собственности. Никто ведь не заявлял о пропаже, верно?

Шериф почесал подбородок.

— Не, никто. Где вы изучали право?

— Я не изучал право. Я ничего не изучал. У меня просто голова есть на плечах.

— Док считает, что ребята из университета могли бы им заинтересоваться.

— Говорю вам, шериф, — сказал Моз, — оно явилось к нам невесть откуда и тут померло. Не знаю я, откуда оно и что оно такое, и знать не желаю. Для меня это просто существо, которое попало в беду. Оно было живое и обладало каким-то своим достоинством, и даже мертвое оно заслуживает уважительного отношения. И когда прочие отказали ему в нормальных похоронах, я сам сделал что мог. Вот вам и весь сказ.

— Ладно, Моз, — сдался шериф. — Как угодно.

Он повернулся и зашагал к машине. Моз стоял рядом со старушкой Бесс, запряженной в плуг, и смотрел ему вслед. Шериф резко взял с места — рассердился, что ли?

Моз отпряг лошадь и пустил на выгон; опять настало время управляться по хозяйству.

Он переделал все дела, приготовил себе поесть и после ужина сидел у плиты, слушая тиканье часов — очень громкое в ночной тишине — и потрескивание поленьев.

В доме было пусто…

На следующий день, во второй половине, когда Моз мотыжил кукурузу, приехал репортер. Он подошел к Мозу и околачивался вокруг, и говорил, пока тот заканчивал ряд. Старику он не особенно понравился. Слишком развязный, да и вопросы задавал дурацкие, вот Моз и держал язык на привязи.

Через несколько дней приехал человек из университета и показал Мозу статью, которую написал репортер. Автор явно потешался над Мозом.

— Мне жаль, — сказал профессор. — Эти газетчики просто невменяемые. Я бы не стал беспокоиться из-за всякой писанины.

— Я тоже, — ответил Моз.

Человек из университета задал множество вопросов и особенно напирал на то, что ему крайне важно увидеть тело.

Однако Моз только головой качал.

— Оно покоится с миром. И не буду я его трогать.

Гость удалился — раздосадованный, но вполне сохраняя достоинство.

Еще несколько дней приезжали и забредали разные люди, просто любопытствующие, и кое-кто из соседей, с кем Моз не виделся месяцами. Всем он давал от ворот поворот, и скоро его оставили в покое; он как прежде управлялся с хозяйством, а в доме опять воцарилось одиночество. Моз в очередной раз подумал, не завести ли собаку, потом вспомнил про Псину — и не стал.

Однажды, работая в саду, он обнаружил на могиле какой-то росток. То было довольно необычное растение, и Моз едва его не выполол. Однако передумал: ему стало интересно. Подобного он никогда еще не видел и решил оставить и посмотреть, что вырастет. Выросло объемное мясистое растение с тяжелыми темно-зелеными закручивающимися листьями, слегка напоминающее скунсовую капусту, что распускается в лесах по весне.

Затем явился еще один посетитель — самый чудной из всех. Смуглый и энергичный господин, назвавшийся президентом Общества по изучению летающих тарелок. Он спросил, разговаривал ли Моз с существом, которое нашел в лесу, а когда Моз ответил отрицательно, был страшно разочарован. Еще он спросил, не видел ли Моз аппарата, на котором это существо могло прилететь, и Моз ему солгал. Он даже побаивался, что визитер — такой тот был напористый, — захочет все обыскать и тогда найдет клетку, спрятанную в дальнем уголке сарая за наковальней. Но тот пустился рассказывать Мозу, как нехорошо скрывать важную информацию.

Наконец Моз решил, что с него хватит, зашел в дом и взял стоявший за дверью дробовик. Президент Общества по изучению летающих тарелок как-то очень поспешно откланялся и уехал.

Жизнь на ферме текла размеренно — сбор кукурузы, заготовка сена, а в саду тем временем подрастало и обретало форму странное растение. Старина Моз глазам не поверил, когда увидал, на что оно похоже, и вечерами долго торчал в саду, уставившись на него и гадая — не сыграло с ним одиночество злую шутку?

А утром растение ожидало его у дверей дома.

Моз не удивился — он ведь жил с ним, смотрел на него вечерами, и хотя даже самому себе боялся признаться, уже успел понять, что это такое.

Потому что перед ним стояло то самое существо, которое он нашел в лесу, только теперь не хворое и стонущее, не умирающее, а молодое и полное жизни.

Впрочем, это было не совсем оно. Моз смотрел — и видел разницу, небольшую, какая бывает между зрелостью и молодостью, между отцом и сыном.

— Доброе утро! — сказал Моз, ничуть не удивляясь, что разговаривает с растением. — Рад снова тебя видеть.

Стоящее во дворе существо не отвечало. Ну и пусть — Моз и не ждал ответа. Важно было другое: теперь у него появился слушатель.

— Я пошел управляться с делами, — сообщил Моз. — Потопаешь со мной?

Существо потопало с ним и наблюдало, как он управляется с делами. А Моз что-то ему говорил — и это было куда лучше, чем разговаривать с самим собой.

За завтраком он поставил для гостя вторую тарелку и притащил второй стул. Впрочем, выяснилось, что существу стул не нужен, поскольку

оно не способно принимать сидячее положение.

Равно как и есть.

Поначалу Моз беспокоился, он ведь был человек радушный, но потом сказал себе, что такой крепкий и шустрый юнец может и сам о себе позаботиться и нечего, значит, волноваться о том, как он устроится.

После завтрака Моз отправился в сад, и существо за ним по пятам, — растения на могиле конечно же не было. На земле валялась только сморщенная кожица — внешняя оболочка, в которой развивалось стоящее рядом с Мозом существо.

Тогда Моз пошел в сарай; увидев клетку, существо бросилось к ней и принялось внимательно изучать. Потом повернулось к Мозу и сделало что-то вроде умоляющего жеста.

Моз подошел и взялся за искореженные прутья; существо встало рядом и тоже взялось за клетку. Они потянули вместе — бесполезно. Удалось лишь слегка разогнуть прутья, но вернуть клетке прежнюю форму не получилось.

Они стояли и смотрели друг на друга — хотя «смотрели», возможно, неподходящее слово, потому что у существа глаз не было. Оно делало «руками» какие-то движения, которые Моз не

мог понять. Затем легло прямо на пол и показало Мозу, как прутья крепятся к основанию.

Моз не сразу понял, как именно они снимаются, а принципа этого устройства и вовсе не постиг. Совершенно непонятно, как такое может работать.

Сначала нужно было чуток нажать — с определенной силой и в определенном направлении, и прут слегка сдвигался. Потом нажать сильнее, тоже с определенной силой и в определенном направлении, и прут еще сдвигался. И так — три раза, и тогда прут вынимался, хотя только богу известно, почему так получалось.

Моз развел в горне огонь, подбросил угля и принялся раздувать меха, а существо стояло и смотрело. Но когда старик поднял прут, намереваясь положить в огонь, оно встало у него на пути и не давало пройти. До Моза дошло, что не следует выпрямлять прут путем нагревания, а вопросом, почему так, он не задавался. Существу виднее.

Моз положил прут на наковальню и застучал по нему молотом, стараясь выпрямить его без огня, вхолодную, а существо пыталось показать, какой должна быть его форма. Получилось не сразу, однако в конце концов прут выпрямили, к полному удовлетворению существа.

Прут встал на место как по маслу. Они сняли другой, и, поскольку Моз уже наловчился, дело пошло быстрее.

Все же работа была изнурительная. Трудились целый день, а выпрямили только пять прутьев.

На выпрямление всей клетки ушло полных пять дней, а трава между тем стояла некошеная.

Моз, впрочем, не возражал. У него было с кем потолковать, и дом не казался таким пустым.

Когда все прутья поставили на место, существо скользнуло внутрь клетки и принялось возиться с непонятным предметом наверху, напоминавшим какую-то сложную корзиночку. Моз решил, что это такой пульт управления.

Существо, похоже, расстроилось — бродило понуро по сараю, что-то искало и никак не могло найти. Подойдя к Мозу, оно повторило отчаянно-умоляющий жест. Моз показал ему железо и сталь, залез в ящичек, где хранил болты, гайки и прочие винтики и шурупчики, откопал несколько медных, латунных и даже алюминиевых деталей… Ничего не подошло.

И Моз этому обрадовался. Правда, ему было немного стыдно за свою радость, и все же он радовался. Он же понимал: как только клетка будет готова — существо от него улетит. Моз не

мог препятствовать ремонту и не мог отказать в помощи, но раз уж дело застопорилось… Теперь существо останется с ним, и ему будет с кем поговорить, и в доме будет не так пусто.

Хорошо, когда дома кто-то есть. А этот — почти не хуже Псины.

Утром, готовя завтрак, Моз полез в буфет за овсяной крупой и задел нечаянно сигарную коробку. Она с грохотом обрушилась на пол, крышка отвалилась, и по всей кухне раскатились доллары.

Краешком глаза старик заметил, как гость бросился за одной из монет. Схватил ее и повернулся к Мозу, причем от червей у него на голове исходило какое-то дребезжание. Потом он поднял еще несколько монет и, прижав к себе, изобразил что-то вроде джиги, и у старика упало сердце: вот какой металл искал гость!

И Моз опустился на четвереньки и помог собрать все доллары. Вдвоем они сложили их обратно в коробку, и Моз вручил ее существу.

Оно подержало коробку на весу и было явно разочаровано. Затем положило ее на стол, вынуло доллары и расставило в одинаковые столбики. Моз видел, что гость очень расстроен. Наверное, подумал старик, ему нужно было вовсе не серебро. Видно, оно ошиблось, приняло серебро за

какой-то другой металл.

Моз достал крупу, залил водой и поставил на плиту. Когда она сварилась и кофе закипел, он отнес свой завтрак на стол и уселся есть.

Существо по-прежнему стояло у стола, заново раскладывая серебряные монеты столбиками. А потом, держа над ними руку, показало, что монет нужно больше. Вот столько столбиков, вот такой высоты.

Моз, не успев донести до рта ложку с овсянкой, замер. Он сразу подумал о набитом долларами котелке в подполе. Как же, только они у него и есть — да теперь еще существо. Не может он их отдать, чтобы к тому же лишиться единственного товарища.

Старина Моз доел овсянку, не чувствуя вкуса, выпил две чашки кофе. И все это время существо стояло рядом, показывая, сколько ему нужно серебра.

— Не, — сказал Моз. — Я и так сделал все, что мог. Подобрал тебя в лесу, дал тебе кров и тепло. Я старался помочь, по крайней мере позволил тебе хоть умереть прилично. Я тебя похоронил, берег твою могилу от всех этих типов, я тебя не выполол, когда ты вырос из земли. Не могу я вечно тебя ублажать.

Бесполезно. Существо его не слышало… да и себя Моз не убедил.

Он встал и пошел в комнату, а существо — за ним по пятам. Моз поднял половицы и вынул котелок, а существо, увидев его содержимое, от радости обхватило и сжало себя руками.

Вдвоем они отволокли котелок в сарай, и Моз развел в горне огонь и стал плавить деньги, скопленные долгим тяжелым трудом. Бесконечная, казалось, работа, до конца не довести. Но он довел.

Существо принесло корзинку с верхушки своей клетки, уложило ее на наковальню и принялось черпать железным ковшом расплавленное серебро и подливать его то туда, то сюда, точными ударами молота придавая металлу нужную форму.

Времени понадобилось немало, да и серебро ушло почти все. Наконец существо оттащило корзинку к клетке и установило на место.

Близился вечер, и Моз пошел управляться с делами. Он почти не сомневался, что к его возвращению существо успеет вытащить наружу свою клетку и улететь. Старик нарочно настраивал себя против гостя: тот все у него отнял и даже не пытался выразить благодарность. Однако ему так

и не удалось распалить в себе гнев.

Однако существо его дожидалось; когда старик вошел в дом, неся две фляги с молоком, оно последовало за ним и встало рядом. Моз хотел было заговорить, но духу не хватило. Радость, оттого что существо еще здесь, меркла перед страхом будущего одиночества. Ведь теперь у него не осталось даже денег — скрасить одинокую старость.

Ночью, когда Моз лежал в кровати, в голове стали роиться странные мысли — об одиночестве куда большем, чем он когда-либо знал на своей старой ферме, о страшном, всепоглощающем одиночестве среди необъятной пустоты, раскинувшейся меж звезд, об одиночестве того, кто ищет что-то или кого-то — ищет некий туманный образ, о котором не сказать словами, но который найти важнее всего на свете…

Необычные мысли для Старины Моза; он вдруг понял, что вовсе и не его это мысли, а того, кто был с ним в доме.

Он хотел встать, пытался себя заставить, но не мог. Лишь на миг поднял голову — и тут же уронил на подушку и глубоко уснул.

На следующее утро, после того как Моз позавтракал, они вдвоем пошли в сарай и вытащили клетку наружу. Странный, чужеродный предмет

прохладно поблескивал в рассветных лучах.

Существо подошло к клетке и стало протискиваться сквозь прутья, однако на полпути остановилось, шагнуло обратно и встало перед Мозом.

— Ну, прощай, приятель, — сказал Моз. — Я буду скучать.

В глазах у него странно защипало.

Существо прощальным жестом протянуло руку, и Моз взял ее; в ладонь ему упало что-то круглое и гладкое.

Существо быстро вернулось к клетке и проскользнуло между прутьями. Руки его потянулись к корзинке, мгновенная вспышка — и клетка пропала.

Моз одиноко стоял на дворе, глядя на место, где уже не было клетки, и вспоминал о том, что чувствовал или думал — или ему сказали? — прошлой ночью.

Существо, наверное, уже среди звезд, в черной и глухой пустоте, в поисках места или создания, неподвластного разуму человека.

Моз медленно повернулся и направился в дом за ведрами: настало время доить коров.

Он вспомнил о предмете в руке и поднес к глазам так и не разжатый кулак. Разогнул пальцы:

на ладони лежал небольшой стеклянный шарик — такой точно, как он нашел в «кармашке» у того, кого похоронил в саду. Только тот шарик был мутный и тусклый, а этот переливался живыми отблесками далекого пламени.

Моз глядел на шарик, и сердце его наполнялось радостью и покоем, каких он не ведал раньше, — словно все на свете люди были с ним вместе и все его любили.

Он сомкнул пальцы, а ощущение радости осталось — и это казалось неправильным, с чего ему так радоваться. Существо его, в конце концов, бросило, денег не стало, друзей не было… И все же он счастлив!

Моз положил шарик в карман и бодренько двинул за ведрами. Вытянул губы трубочкой и принялся насвистывать, хотя давным-давно и не вспоминал о том, что можно бы и посвистеть. Видно, думал он, радость эта оттого, что существо вернулось из клетки попрощаться и протянуть руку?

И его подарок пускай и дешевая безделушка — но все-таки имеет цену как выражение чувств. Уже много лет никто не утруждался преподнести Старине Мозу подарок.

Без Спутника в бескрайних глубинах космоса

пусто и одиноко; другой, вероятно, отыщется не скоро. Наверное, глупо было отдавать его, однако то старое существо, неуклюжий добросердечный дикарь, так старался, так хотел помочь… И потом, если собрался путешествовать далеко и быстро, лучше отправляться налегке. Да и подарить больше было нечего.

Марсианин
Перевод К. Королёва

Из дальнего космоса возвращался домой «Привет, Марс-IV» — первый звездолет, достигший Красной планеты. Его обнаружили телескопы Лунной обсерватории, что располагалась в кратере Коперник; на Землю сразу же ушло сообщение с координатами корабля. Несколько часов спустя земные приборы засекли в небе крохотную мерцающую точку.

Два года назад те же самые телескопы провожали звездолет в путь, до тех пор пока серебристый корпус корабля не затерялся среди звезд. С того дня «Привет, Марс-IV» не подавал никаких сигналов; и вот теперь Лунная обсерватория, заметив вдалеке пятнышко света, известила Землю о его появлении.

Поддерживать с кораблем связь во время полета не представлялось возможным. На Луне находились мощные радиостанции, способные передавать ультракоротковолновые сообщения на расстояние в четверть миллиона миль, отделявшее Луну от Земли. Но это был предел: о связи

через пятьдесят миллионов миль не приходилось и мечтать. Так что звездолет словно сгинул в пространстве, оставив людей на Земле и Луне гадать об участи экипажа.

Ныне же, когда Марс вновь очутился напротив Земли, корабль возвращался, корректируя курс — из дюз то и дело вырывалось пламя; стальной комарик мчался к родной планете, прочь из таинственного безмолвия, резво преодолевая милю за милей. Он возвращался победно, его корпус покрывал слой красной марсианской пыли.

На борту звездолета находились пятеро отважных мужчин: Томас Делвени, начальник экспедиции; рыжеволосый навигатор Джерри Купер, лучший кинооператор мира Энди Смит и еще двое астронавтов, Джимми Уотсон и Элмер Пейн — суровые ветераны, принимавшие когда-то участие в покорении Луны.

Этот «Привет, Марс» был четвертым — три предыдущих корабля так и не вернулись, три запуска окончились неудачей. Первый звездолет в миллионе миль от Луны столкнулся с метеоритом. Второй — это было видно в телескопы — полыхнул пламенем и превратился в алое пятно: взорвались топливные баки. Третий попросту исчез — летел себе и летел, пока не пропал из

виду; шесть лет подряд специалисты ломали головы над тем, что же произошло, но так и не пришли ни к какому выводу.

Тем не менее четыре года спустя — то есть два года назад — с Земли стартовал «Привет, Марс-IV». Теперь он возвращался — серебристая точка в черном небе, сверкающий символ человеческого стремления к другим планетам. Он достиг Марса — и вот теперь возвращается. За ним полетят другие; некоторые погибнут, сгинут без следа, однако кому-то посчастливится, и человечество, столь настойчиво и слепо пытающееся разорвать земные путы, наконец-то ступит на дорогу к звездам.

— Как по-вашему, док, что они там нашли? — Джек Вудс, корреспондент «Экспресс», закурил сигарету.

Доктор Стивен Гилмер, председатель Комиссии по межпланетным сообщениям, выпустил клуб дыма — он курил сигару — и ответил, не скрывая раздражения:

— Откуда, черт побери, мне знать? Надеюсь, что хоть что-то. Эта прогулка обошлась нам в миллион баксов.

— Ну а все-таки, док? — не отступался Вудс. — Что они могли там обнаружить? Без подробно-

стей, в общих чертах. На что похож Марс?

— Я скажу, а потом вы поместите мои слова на первой странице, — брюзгливо отозвался Гилмер, пожевав сигару. — Не желаю ничего придумывать. Вечно вам невтерпеж. Знаете, ребята, порой вы меня изрядно достаете.

— Док! — умоляюще воскликнул Гэри Хендерсон из «Стар». — Скажите нам хоть что-нибудь.

— Точно, — поддержал коллегу Дон Бакли из «Спейс-уэйз». — Какая вам разница? Вы ведь всегда можете заявить, что мы неправильно вас поняли. Такое случается сплошь и рядом.

Гилмер указал на стоящую чуть поодаль группу — членов официального комитета по встрече.

— Почему бы вам не пообщаться с мэром? Он наверняка не откажется.

— Конечно, — согласился Гэри, — но опять отделается пустыми фразами. И потом, мы так часто печатали его фотографию на первой полосе, что он, похоже, решил, будто владеет газетой.

— Как вы думаете, почему они не выходят на связь? — спросил Вудс. — Корабль уже несколько часов в зоне слышимости.

— Может, у них сломался передатчик, — предположил Гилмер, перекатив сигару из одного уголка рта в другой.

Чувствовалось, что он обеспокоен молчанием звездолета. Доктор наморщил лоб. Неужели передатчик поврежден настолько серьезно, что его невозможно починить?

Шесть часов назад корабль вошел в атмосферу и принялся кружить по орбите, гася огромную скорость. Весть о прибытии звездолета быстро распространилась по планете, и на космодром хлынули любопытные. Людей становилось все больше, на близлежащих шоссе возникли громадные пробки, полицейские кордоны с трудом удерживали толпу зевак, что норовили попасть на посадочную площадку. День выдался жаркий, прохладительные напитки шли нарасхват. У кого-то из женщин случился обморок; кого-то нечаянно повалили наземь и затоптали. Какое-то время спустя завыла сирена «скорой помощи».

— Уф! — выдохнул Вудс. — Посылаем корабли на Марс, а управлять толпой до сих пор не научились. — Он выжидающе уставился в ярко-голубое небо. — Скоро должен появиться.

Конец фразы репортера заглушил нарастающий рев, от которого, казалось, вот-вот лопнут барабанные перепонки. Из-за горизонта вынырнул звездолет; сверкнув на солнце, он пронесся над космодромом, сопровождаемый восторжен-

ным ревом толпы, который на мгновение как будто даже перекрыл грохот двигателей, и исчез в отдалении, полыхнув носовыми дюзами.

— Купер выжимает все, что может, — благоговейно произнес Вудс. — Корпус того и гляди расплавится.

Он поглядел на запад, вслед исчезнувшему из виду кораблю. Сигарета, про которую Вудс совсем забыл, обожгла ему пальцы. Краем глаза он заметил фотокорреспондента «Экспресс» Джимми Эндрюса.

— Ты успел снять? — рявкнул Вудс.

— Еще чего! — крикнул в ответ Эндрюс. — Попробуй-ка сними молнию!

Звездолет показался снова. Он летел медленнее, однако его скорость по-прежнему ужасала. На какой-то миг корабль словно завис в воздухе, после чего клюнул носом и устремился к космодрому.

— Он не сядет на такой скорости! — завопил Вудс. — Он же разобьется!

— Осторожно!

Этот звук вырвался сразу из доброй дюжины глоток. Корабль приземлился — вонзился носом в землю, оставив позади себя глубокую дымящуюся борозду. Корма задралась высоко вверх: чудилось, что звездолет в любой момент может

опрокинуться.

Толпа на дальнем конце поля, охваченная паническим страхом при виде надвигающегося на нее стального монстра, мгновенно рассыпалась в разные стороны. Люди бежали, толкались, спотыкались, сбивали друг друга с ног. Однако «Привет, Марс-IV» замер в непосредственной близости от полицейского кордона, уже не способный перевернуться, — потрепанный, побывавший в переделках звездолет, первым достигший Марса и вернувшийся домой.

Корреспонденты и фотографы кинулись вперед. Толпа завизжала. Визг смешался с гудками автомобилей и воем сирен. Издалека, с окраины города, доносились пронзительные свистки и перезвон колоколов.

На бегу Вудсу пришла шальная мысль, в которой было что-то от дурного предчувствия. Такая посадка… Управляй кораблем Джерри Купер, он ни за что не стал бы сажать звездолет на столь чудовищной скорости. Это было сущим безумием, а Джерри — опытный навигатор, не из тех, кто любит играть со смертью. Джек видел его пять лет назад на Лунном дерби и не мог не восхититься искусством, с каким Джерри пилотировал свой корабль.

Люк в борту звездолета медленно открылся, лязгнул металл. Из корабля вышел человек — вышел, покачнулся, упал и не поднимался.

Доктор Гилмер подбежал к нему и подхватил на руки.

Вудс мельком увидел запрокинутую голову и лицо астронавта. Лицо принадлежало Джерри Куперу, но черты исказились настолько, что узнать того было почти невозможно. Это лицо запечатлелось в памяти Вудса, будто вытравленное кислотой, — кошмарный образ, при воспоминании о котором бросало в дрожь: глубоко запавшие глаза, ввалившиеся щеки, стекающая слюна, и с губ слетают какие-то нечленораздельные звуки…

— Уйди с дороги! — гаркнул Эндрюс, отталкивая Вудса. — Или как прикажешь снимать?

Джек услышал тихое гудение. Затем раздался щелчок. Все, снимок есть.

— Где остальные? — крикнул Гилмер. Купер бессмысленно уставился на него; лицо навигатора исказилось гримасой страха и боли сильнее прежнего. — Где остальные?

Во внезапно наступившей тишине голос Гилмера прозвучал неожиданно громко.

— Там, — прошептал Купер, мотнув головой в

сторону корабля. Его шепот резанул слух всем, кто стоял поблизости. Он вновь забормотал что-то невразумительное, а потом с усилием прибавил: — Мертвы. — И повторил в тишине: — Все мертвы.

Остальных членов экипажа обнаружили в жилом отсеке, позади запертой рубки. Все они были мертвы, причем умерли достаточно давно.

Энди Смиту кто-то размозжил могучим ударом череп. Джимми Уотсона задушили: на шее до сих пор виднелись синие, вздувшиеся отпечатки чьих-то пальцев. Элмер Пейн скрючился в уголке: на его теле не нашли никаких следов насилия, хотя лицо выражало отвращение — этакая маска боли, страха и страдания. Томас Делвени распростерся у стола на полу с перерезанным горлом — похоже, старомодной бритвой с побуревшим от крови лезвием, которую крепко сжимал в правой руке.

У стены жилого отсека стоял большой деревянный ящик, на котором кто-то написал дрожащей рукой одно-единственное слово: «Животное»… Судя по всему, надпись должна была иметь продолжение: ниже виднелись диковинные закорючки, нацарапанные тем же черным мелком. Они змеились по доскам и не сообщали ничего

сколько-нибудь полезного.

К вечеру буйнопомешанный, который был когда-то Джерри Купером, умер. Банкет, организованный городскими властями в честь покорителей космоса, отменили, ибо чествовать оказалось некого.

Кто же сидит в деревянном ящике?

— Животное, — заявил доктор Гилмер. — Все остальное меня, по большому счету, не касается. Кажется, оно живо, но сказать наверняка трудно. Даже передвигаясь быстро — быстро для нее, разумеется, — эта тварь, пожалуй, ленивца заставит поверить, что он способен носиться мухой.

Джек Вудс поглядел на существо, которое доктор Гилмер обнаружил в ящике с надписью «Животное». Оно находилось внутри стеклянного аквариума с толстыми стенками и весьма смахивало на ком шерсти.

— Свернулось себе и спит, — заметил корреспондент.

— Как же! — фыркнул Гилмер. — Просто у него такая форма тела — сферическая. Вдобавок оно все обросло мехом. Если придумать название поточнее, то ему больше подходит имя Меховушка. Да, с таким мехом не страшен и Северный полюс в разгар зимы. Густой, теплый… Вы ведь

не забыли, что на Марсе чертовски холодно?

— Может, отправить туда охотников и организовать фактории? — предложил Вудс. — Я уверен, марсианские меха будут продаваться по бешеным ценам.

— Если до этого дойдет, — отозвался Гилмер, — меховушек моментально перестреляют всех до единой. По-моему, максимальная скорость, с какой они в состоянии передвигаться, — не более фута в день. Кислорода на Марсе, судя по всему, в обрез. Значит, жизненную энергию добыть не так-то легко, а потому вряд ли кто-либо способен тратить ее на пустую беготню. Должно быть, меховушки сидят сиднями, не позволяя никому и ничему отвлекать себя от основного занятия — борьбы за выживание.

— Что-то я не вижу у него ни глаз, ни ушей — вообще ничего похожего, — проговорил Вудс, напрягая зрение, чтобы получше разглядеть марсианина.

— Возможно, его органы чувств коренным образом отличаются от наших, — сказал Гилмер. — Не забывайте, Джек, он — продукт совершенно иной среды. Вполне вероятно, что таких, как он, на Земле нет и в помине. У нас нет никаких свидетельств, подтверждающих параллельность

эволюции на столь разных планетах, какими являются Земля и Марс. Из того немногого, что нам известно о Марсе, — продолжал он, жуя сигару, — можно заключить, что это животное оправдывает наши предположения. Воды на Марсе мало — по земным меркам, ее там практически нет. Обезвоженный мир. Кислород имеется, но воздух настолько разрежен, что больше подходит под земное определение вакуума. Иными словами, марсианские животные должны были как-то приспособиться к почти полному отсутствию воды и кислорода. И то и другое для них — великие ценности, которые необходимо во что бы то ни стало сберечь. Отсюда сферическая форма тела, что обеспечивает минимальное соотношение «площадь — объем» и облегчает сохранение усвоенных воды и кислорода. Может статься, наш марсианин представляет собой изнутри одни громадные легкие. Мех защищает его от холода. На Марсе чертовски холодно. Ночами температура опускается так низко, что замерзает углекислый газ, в который, кстати, и упаковали на корабле этого зверюгу.

— Шутите? — хмыкнул Вудс.

— Ни капельки, — откликнулся Гилмер. — Внутри деревянного ящика помещался стальной

резервуар, внутри которого, в свою очередь, находилось животное. Туда накачали немного воздуха, превратили его в частичный вакуум, а затем обложили резервуар замороженным углекислым газом. Пространство же между деревом и льдом заполнили бумагой и войлоком, чтобы замедлить таяние. Скорее всего, во время перелета воздух приходилось менять несколько раз заодно с упаковкой. В последние дни перед приземлением животное, похоже, бросили на произвол судьбы; воздух стал разреженным даже для него, а лед почти растаял. По-моему, ему не слишком хорошо. Может, оно слегка приболело. Чересчур много углекислого газа, а температура гораздо выше обычной…

— Полагаю, вы его устроили как положено? — справился Вудс, махнув рукой в сторону аквариума. — Кондиционер и все такое прочее?

— Оно, наверно, чувствует себя как дома, — отозвался со смешком Гилмер. — Атмосфера разрежена до одной тысячной земного стандарта, озона вполне достаточно. Не знаю, так ли ему это нужно, однако, по всей вероятности, кислород на Марсе присутствует прежде всего как озон. Я сужу по природным условиям на поверхности планеты, которые как нельзя лучше годятся для

воспроизводства озона. Температура в аквариуме — минус двадцать по Цельсию. Ее я установил наобум, поскольку понятия не имею, где именно поймали нашего гостя, а климат там в каждой области свой. — Он вновь пожевал сигару. — В общем, у нас тут появился Марс в миниатюре.

— Вы нашли на корабле какие-нибудь записи? — поинтересовался Вудс. — Я разумею такие, в которых бы говорилось о животном?

Гилмер покачал головой и откусил кончик сигары.

— Только бортовой журнал, вернее, то, что от него осталось. Кто-то залил страницы кислотой. Прочесть невозможно.

Корреспондент уселся на стол и забарабанил пальцами по крышке.

— Черт побери! С какой стати?

— С той же самой! — пробурчал Гилмер. — Почему кто-то… наверно Делвени, прикончил Пейна и Уотсона? Почему Делвени после всего убил себя? Что случилось со Смитом? Почему Купер сошел с ума и умер в судорогах, будто не мог дышать? Кто нацарапал на ящике то единственное слово, пытаясь написать еще, но не сумел? Кто ему помешал?

Вудс мотнул головой в сторону аквариума.

— Интересно, а не замешан ли тут наш приятель?

— Джек, вы спятили! — воскликнул Гилмер. — Какого черта вам понадобилось приплести сюда еще и его? Ведь это всего-навсего животное, не слишком, по-видимому, разумное. В марсианских условиях ему было не до того, чтобы совершенствовать свой мозг. Впрочем, мне пока не представилась возможность изучить его как следует, но на следующей неделе прибудут доктор Уинтерс из Вашингтона и доктор Лэтроп из Лондона. Вместе мы наверняка что-то узнаем.

Вудс спрыгнул со стола, подошел к окну и выглянул наружу. Здание, в котором находилась лаборатория, стояло на вершине холма. Внизу расстилалась лужайка, за которой начинался парк. В нем виднелись обнесенный изгородью выгул, каменные насыпи со рвами по периметру и обезьяньи острова — эта территория принадлежала «Метрополитен-зоопарку».

Гилмер выплюнул очередной огрызок сигары.

— Значит, на Марсе есть жизнь, — проговорил он. — Правда, отсюда ничего не следует.

— А если пофантазировать? — усмехнулся Вудс.

— Фантазируют газетчики, — проворчал Гил-

мер. — Приличные люди этим не занимаются.

Близился полдень. Папаша Андерсон, смотритель львятника, печально покачал головой и почесал подбородок.

— Кошечки чем-то встревожены, — сказал он. — Будто у них что-то на уме. Почти не спят, знай себе ходят туда-сюда, туда-сюда.

Эдди Риггс, корреспондент «Экспресс», сочувственно прищелкнул языком.

— Может, им не хватает витаминов? — предположил он.

— Нет, — возразил папаша Андерсон. — Мы кормим их, как всегда, сырым мясом, а они почему-то нервничают. Знаешь, львы — твари ленивые, спят чуть ли не днями напролет. А теперь… Рычат, грызутся между собой. На днях мне пришлось отколотить Нерона, когда он сцепился с Перси. И этот стервец кинулся на меня, хотя я ухаживаю за ним с тех пор, когда он был совсем крохотным!

Нерон, стоявший по ту сторону рва с водой, угрожающе зарычал.

— Видишь? Все еще злится. Если не утихомирится, придется снова поучить его уму-разуму. Тоже мне, герой нашелся. — Папаша опасливо поглядел на львов. — Надеюсь, они все-таки уй-

мутся. Сегодня суббота, придет много народу… Толпа их бесит, даже когда они спокойны, а уж сейчас…

— С другими животными все в порядке? — спросил Риггс.

— Утром умерла Сьюзен, — ответил папаша, почесав подбородок.

Сьюзен звали жирафу.

— Я и не знал, что она заболела.

— Она и не болела. Просто взяла и сдохла.

Риггс вновь повернулся к львам. Нерон, громадный самец с черной гривой, сидел на краю рва, словно собирался прыгнуть в воду. Перси боролся еще с одним самцом; оба порыкивали, причем достаточно злобно.

— Нерон, похоже, замышляет перебраться через ров, — заметил корреспондент.

— Ерунда, — отмахнулся папаша. — У него ничего не выйдет. Кишка тонка. Вода для львов хуже яда.

Из слоновьего загона, что находился в миле с лишним от львятника, внезапно донесся трубный рев, а затем прозвучал исполненный ярости клич.

— Вот и слоны взбеленились, — изрек папаша.

Послышался топот. Из-за львиных клеток выбе-

жал человек без шляпы, взгляд которого выражал ужас. На бегу он крикнул:

— Слон спятил! Мчится сюда!

Громко зарычал Нерон. Завизжал кугуар. Вдалеке показалась громадная серая туша. Несмотря на кажущуюся неуклюжесть, слон двигался удивительно быстро: обогнул заросли кустарника, выскочил на лужайку, высоко задрал хобот, захлопал ушами и, яростно трубя, устремился ко львятнику. Риггс повернулся и опрометью кинулся к административному зданию. Следом бежал, отдуваясь, Андерсон.

Отовсюду раздавались истошные вопли первых посетителей зоопарка. Шум стоял невообразимый: крики, рев, визг…

Слон неожиданно свернул в сторону, промчался через загон площадью в два акра, в котором обитали три пары волков, снес ограду, растоптал кусты и свалил несколько деревьев.

Взбежав на крыльцо административного здания, Риггс оглянулся. Со шкуры Нерона капала вода! Та самая вода, которая — по теории — должна была удерживать льва на площадке не хуже стальных прутьев!

Мимо Риггса прогрохотал по ступенькам служитель с винтовкой.

— Конец света! — крикнул он.

Белые медведи затеяли кровавую схватку: двое уже погибли, двое умирали, остальные были изранены настолько, что вряд ли смогут выжить. Два оленя с ветвистыми рогами сошлись лоб в лоб. Обезьяний остров превратился в хаос — половина животных погибли неизвестно от чего; служитель предположил — от чрезмерного волнения. Нервы, нервы…

— Такого не может быть! — воскликнул Андерсон, когда они с Риггсом очутились внутри. — Животные так никогда не дерутся!

Риггс что-то кричал в трубку телефона, когда снаружи прогремел выстрел. Папаша моргнул.

— Нерон! — простонал он. — Нерон! Я воспитывал его с первых дней, кормил из бутылочки…

В глазах старика блестели слезы.

Это и впрямь оказался Нерон. Однако перед тем как умереть, лев дотянулся до человека с винтовкой и одним страшным ударом лапы размозжил тому череп.

В тот же день, несколько позже, доктор Гилмер стукнул кулаком по расстеленной на столе газете.

— Видели? — спросил он Джека Вудса.

— Видел. — Корреспондент мрачно кивнул. —

Сам написал. По городу носятся обезумевшие, ополоумевшие животные. Убивают всех подряд. В больницах полно умирающих. Морги забиты трупами. На моих глазах слон задавил человека. Полицейские его пристрелили, но было уже поздно. Весь зоопарк сошел с ума. Кошмар! Дикие джунгли! — Он вытер рукавом пиджака лоб, дрожащими пальцами достал из пачки сигарету и закурил. — Я могу вынести многое, но ничего подобного до сих пор не испытывал. Ужасно, док, просто ужасно! И животных тоже ведь жалко. Бедняги! Они все не в себе. Скольких пришлось прикончить…

— Зачем вы явились? — справился Гилмер, перегнувшись через стол.

— Да так, подумалось кое о чем, — ответил Вудс, кивнув на аквариум, в котором находился марсианин. — Этот переполох напомнил мне… — Он помолчал и пристально поглядел на Гилмера. — О том, что произошло на борту «Привет, Марс-IV».

— Почему? — холодно осведомился Гилмер.

— Экипаж корабля обезумел, — заявил Вудс. — Только сумасшедшие способны на такое. А Купер умер буйнопомешанным. Не знаю, как ему удалось сохранить частичку разума, чтобы посадить звездолет.

Гилмер вынул изо рта жеваную сигару и принялся сосредоточенно отделять наполовину откушенные куски. Закончив, он снова сунул сигару в рот.

— По-вашему, все животные в зоопарке спятили?

— Безо всякой причины, — прибавил Вудс, утвердительно кивнув.

— Вы подозреваете марсианина, — проговорил Гилмер. — Но каким, черт побери, образом беззащитная Меховушка, что лежит вон там, могла свести с ума людей и животных?

— Послушайте, док, кончайте притворяться. Вы не пошли играть в покер, остались в лаборатории. Вы заказали две цистерны с окисью углерода. Целый день не выходили из кабинета, связались с Эпплменом из акустической лаборатории и попросили у него кое-какое оборудование. Тут что-то кроется. Давайте рассказывайте.

— Чтоб вам пусто было! — пробурчал Гилмер. — Даже если я не пророню ни одного слова, вы все равно узнаете! — Он откинулся на спинку кресла, положил ноги на стол, швырнул раскуроченную сигару в корзину для бумаг, взял из коробки новую, пару раз укусил и поднес к ней зажигалку. — Сегодня я собираюсь выступить

палачом. Мне не по себе, но я утешаюсь мыслью, что это, вполне возможно, будет не казнь, а акт милосердия.

— То есть вы хотите прикончить Меховушку? — От неожиданности у Джека перехватило дыхание.

— Да. Для того мне и потребовалась окись углерода. Я закачаю ее в аквариум. Меховушка даже и не поймет, что происходит. Ее потянет в сон, она заснет — и не проснется. Весьма гуманный способ убийства, вы не находите?

— Но почему?

— Дело вот в чем. Вы, должно быть, знаете, что такое ультразвук?

— Звук, чересчур высокий для человеческого слуха, — откликнулся Вудс. — Его применяют в различных областях. Для подводной сигнализации и картографирования, для контроля за высокоскоростной техникой — он предупреждает о поломках, которые вот-вот произойдут…

— Да, человек научился использовать ультразвук, — подтвердил Гилмер. — Нашел ему множество применений. Мы можем создавать звуки частотой до двадцати миллионов вибраций в секунду. Звук частотой миллион герц убивает бактерии. Некоторые насекомые общаются меж-

ду собой на частоте тридцать две тысячи герц, а человеческое ухо способно воспринять частоту максимум около двадцати тысяч герц. Но всем нам далеко до Меховушки, которая испускает ультразвук частотой приблизительно тридцать миллионов герц. — Сигара переместилась в противоположный угол рта. — Звук высокой частоты можно направлять узкими пучками, отражать, как свет, контролировать его. Мы в основном пользуемся жидкими средами, хотя знаем, что лучше всего — нечто плотное. Если пропустить ультразвук через воздух, он быстро ослабеет и затихнет. Разумеется, я говорю о звуке частотой до двадцати миллионов герц. Но звук частотой тридцать миллионов герц явно проходит через воздух, причем такой, который разреженнее нашей атмосферы. Понятия не имею, в чем тут причина, но какое-то объяснение, безусловно, должно существовать. Нечто подобное не могло не появиться на Марсе, чья атмосфера, по нашим меркам, больше напоминает вакуум. Ведь тамошние обитатели, как теперь известно, обладают слуховым восприятием.

— Меховушка издает звуки частотой тридцать миллионов герц, — сказал Вудс. — Это понятно. Ну и что?

— А то, — произнес Гилмер, — что хотя звук такой частоты услышать невозможно — слуховые нервы не воспринимают его и не передают информацию мозгу, — он оказывает на человеческий мозг непосредственное воздействие. И с мозгом, естественно, что-то случается. Сумятица в мыслях, жажда крови, безумие…

Затаивший дыхание Вудс подался вперед:

— Значит, вот что произошло на борту звездолета и в зоопарке!

Гилмер печально кивнул.

— В Меховушке нет злобы, я уверен в этом, — сказал он. — Она не замышляла ничего дурного. Просто немножко испугалась и устала от одиночества, а потому попыталась установить контакт с другими разумами, поговорить хоть с кем-нибудь. Когда я забирал ее из корабля, она спала, точнее, находилась в психическом обмороке. Возможно, заснула как раз вовремя, чтобы Купер успел слегка оправиться и посадить звездолет. Наверно, спит она долго, благо так сохраняется энергия. Вчера проснулась, но ей потребовалось время, чтобы полностью прийти в себя. Я целый день улавливал исходившие от нее вибрации. Сегодня утром вибрации усилились. Я клал в аквариум пищу — то одно, то другое, — думал,

она что-нибудь съест и тогда удастся определить, чем такие твари питаются. Но есть она не стала, разве что слегка пошевелилась, на мой взгляд, хотя для нее, пожалуй, движение было быстрым и резким. А вибрации продолжали усиливаться, и в результате в зоопарке начало твориться черт-те что. Сейчас она, похоже, снова заснула — и все потихоньку приходит в норму. — Гилмер взял со стола коробку, соединенную проводом с наушниками. — Одолжил у Эпплмена. Вибрации меня изрядно озадачили. Я никак не мог установить их природу. Только потом сообразил, что тут какие-то звуковые штучки. Это Эпплменова игрушка. До готовности ей еще далеко, но она позволяет «слышать» ультразвук. Слышать мы, конечно, не слышим, однако получаем впечатление о тональности звука. Нечто вроде психологического изучения ультразвука или перевода с «ультразвукового» на привычный язык.

Он протянул Вудсу наушники, а коробку поставил на аквариум и принялся двигать взад-вперед, стремясь перехватить ультразвуковые сигналы, что исходили от крохотного марсианина. Вудс надел наушники и замер в ожидании.

Корреспондент рассчитывал услышать высокий и тонкий звук, но не услышал ничего вообще.

Внезапно на него обрушилось ужасное одиночество; он ощутил себя сбитым с толку, утратившим способность понимать, испытал раздражение. Ощущения становились все сильнее. В мозгу отдавался беззвучный плач, исполненный боли и тоски, — щемящий сердце плач по дому. Вудс понял, что «слышит» причитания марсианина, который скулил, как скулит оставленный на улице в дождливый вечер щенок.

Руки сами потянулись к наушникам и сорвали их с головы. Вудс потрясенно уставился на Гилмера.

— Оно тоскует по дому. По Марсу. Плачет, как потерявшийся ребенок.

— Теперь оно уже не пытается войти в контакт, — отозвался Гилмер. — Просто лежит и плачет. Оно не опасно сейчас, однако раньше... Впрочем, дурных намерений у него не было с самого начала.

— Послушайте! — воскликнул Вудс. — Вы провели здесь целый день, и с вами ничего не случилось. Вы не спятили!

— Совершенно верно, — сказал Гилмер, кивая. — Спятили животные, а я сохранил рассудок. Между прочим, со временем привыкли бы и они. Дело в том, что Меховушка разумна. Ее от-

чаянные попытки связаться с другими живыми существами порой приводили к тому, что она проникала в мозг, но не задерживалась там. Я ей был ни к чему. Видите ли, на корабле она уяснила, что человеческий мозг не выдерживает контакта с ультразвуком такой частоты, а потому решила не тратить попусту силы. Она попробовала проникнуть в мозг обезьян, слонов и львов в безумной надежде отыскать разум, с которым сможет поговорить, который объяснит, что происходит, и уверит ее, что она сумеет вернуться на Марс. Зрения у нее, я убежден, нет; нет почти ничего, кроме ультразвукового «голоса», чтобы изучать окружающее пространство. Возможно, дома, на Марсе, она разговаривала не только с родичами, но и с иными существами. Двигается она крайне медленно, но, может, у нее не очень много врагов, следовательно, вполне хватает одного органа чувств.

— Разумна, — повторил Вудс. — Разумна до такой степени, что к ней трудно относиться как к животному.

— Вы правы, — сказал Гилмер. — Быть может, она разумна ничуть не меньше нас с вами. Быть может, это — выродившийся потомок великой расы, что некогда правила Марсом… — Он выхва-

тил изо рта сигару и швырнул ее на пол. — Черт побери! Предполагать можно что угодно. Правды мы с вами, вероятно, не узнаем, как не узнает и человечество в целом.

Доктор поднялся, ухватился руками за край резервуара с окисью углерода и подкатил его к аквариуму.

— А надо ли ее убивать, док? — прошептал Вудс. — Неужели надо?

— Разумеется! — рявкнул Гилмер, резко повернувшись на каблуках. — Представляете, какой поднимется шум, если узнают, что Меховушка прикончила экипаж звездолета и свела с ума животных в зоопарке? А что, если такое будет продолжаться? В ближайшие годы полетов на Марс явно не предвидится — общественное мнение не позволит. А когда следующая экспедиция все же состоится, ее члены, во-первых, будут готовы к ультразвуковому воздействию, а во-вторых, им строго-настрого запретят брать на Землю таких вот меховушек. — Он отвернулся, потом снова посмотрел на корреспондента: — Вудс, мы с вами старые приятели. Знаем друг друга давным-давно, выпили вместе не одну кружку пива. Пообещайте, что ничего не опубликуете. А если все-таки напечатаете, — зычно прибавил

он и широко расставил ноги, — я вас в порошок сотру!

— Обещаю, — сказал Вудс. — Никаких подробностей. Меховушка умерла. Не вынесла жизни на Земле.

— Вот еще что, Джек. Нам с вами известно, что ультразвук частотой тридцать миллионов герц превращает людей в безмозглых убийц. Нам известно, что его можно передавать через атмосферу — вероятно, на значительные расстояния. Только подумайте, к чему может привести использование такого оружия! Наверно, те, кто бредит войной, рано или поздно узнают этот секрет, но только не от нас.

— Поторопитесь! — с горечью в голосе произнес Вудс. — Поспешите, док. Вы слышали Меховушку. Не длите ее страданий. Ничем другим мы ей помочь не можем, хотя втянуть втянули. Ваш способ — единственный. Она поблагодарила бы вас, если бы знала.

Гилмер повернулся к резервуару, а Вудс снял трубку и набрал номер редакции «Экспресс».

В его мозгу по-прежнему звучал тот щенячий скулеж — горький, беззвучный крик одиночества, скорбный плач по дому. Бедная, бедная Меховушка! Одна в пятидесяти миллионах миль

от дома, среди чужаков, молящая о том, чего никто не в силах ей предложить…

— «Дейли экспресс», — послышался в трубке голос ночного редактора Билла Карсона.

— Это Джек, — сообщил Вудс. — Слушай, у меня есть кое-что для утреннего выпуска. Только что умерла Меховушка… Да, Меховушка, то животное, которое прилетело на «Привет, Марс-IV». Ну да, не выдержала, понимаешь…

Он услышал у себя за спиной шипение газа: Гилмер открыл клапан.

— Слушай, Билл, я вот о чем подумал. Можешь написать, что она умерла от одиночества… Точно, точно, от тоски по Марсу… Пускай ребята постараются: чем слезливей — тем лучше…

Большая уборка на солнце
Перевод А. Филонова

Я ждал, когда рассыльный принесет из типографии первую пачку газет, и сидел совершенно без дела, закинув ноги на стол и надвинув шляпу на глаза. Чувствовал я себя довольно скверно.

У меня все еще стояло перед глазами, как этот парень вмазался в тротуар. Двадцать этажей — высота немаленькая, и когда он упал, то вроде как разбрызгался и все это выглядело крайне неопрятно.

Проклятый дурак резвился и вышагивал по карнизу с раннего утра, целых четыре часа, а уж потом сиганул.

Со мной отправились Герб Гардинг, Эл Джарви и еще парочка фотографов из «Глобуса», и мне пришлось выслушивать их рассуждения на тему, как распределить съемку. Если птичка вспорхнет, то времени каждому хватит только на то, чтобы заснять одну пластинку, так что работу следовало спланировать заранее.

Эл должен был сделать телеобъективом первый снимок, в самом начале прыжка. Джо засечет

летящего на полдороге. Гарри щелкнет как раз перед тем, как тот ударится о тротуар, а Герб поймает момент первого соприкосновения с асфальтом.

Я слушал их, и по коже у меня бегали мурашки.

Как бы то ни было, план сработал, и «Глобус» получил замечательную серию снимков прыжка, призванную проиллюстрировать мой очерк.

Мы знали, что, если «Стандарт» и заполучил снимок этого инцидента, он вряд ли воспользуется им: «Стандарт» претендовал на звание семейной газеты и делал все возможное, только бы их чтиво подходило для всех и каждого.

Но «Глобус» мог опубликовать что угодно и не упускал никаких возможностей. Мы давали самые животрепещущие новости без всяких прикрас.

— Этот парень был просто психом, — входя, сказал Герб и уселся рядом со мной.

— Весь этот чертов мир состоит из психов, — ответил я. — За последний месяц это шестая птичка, вспорхнувшая с небоскреба. Я бы предпочел, чтобы меня засадили в отдел некрологов, или деловой хроники, или еще куда. Я сыт кровью по горло.

— Вот так всегда и бывает. Сперва не знаешь, что снимать, потому что ничего достойного, а потом опять же не знаешь, потому что чертовщина прет изо всех дыр.

Герб был прав. С новостями всегда так: они идут полосой. Волна преступности, волна дорожных происшествий и волна самоубийств. Но тут было что-то не то. Кроме прыгавших с высоты кретинов, было много всякого другого.

Один парень перебил всю семью, а потом направил дуло на себя. Другой во время медового месяца зарезал молодую жену. А третий окатил себя бензином и чиркнул спичкой.

И всякие такие бессмысленные идиотизмы.

Ни один здравомыслящий репортер не станет возражать против некоторой доли насилия, потому что без этого новости — не новости. Но насилие уже перехлестывало через край, и это было чуточку мерзко и тревожно, вполне достаточно, чтобы замутило даже заработавшегося охотника за новостями, которого подобные вещи трогать не должны.

Но тут пришел рассыльный с газетами, и, скажу без ложной скромности, вся редакция прямо-таки упивалась моим очерком. Да так оно и должно быть: я тщательно продумал и скомпоновал

его, пока наблюдал, как эта птичка скачет по карнизу.

Снимки тоже были хороши. Отличный комплект для торговли вразнос. Я почти явственно видел, как Дж. Р. потирает руки, облизывает губы и похлопывает себя по заднице от удовольствия, что мы сделали такой выпуск.

Наш научный редактор Билли Ларсон небрежной походкой подошел к моему столу и раскинулся на нем. Билли — парень довольно-таки курьезный. Носит большие роговые очки и шевелит ушами, когда возбужден, но зато знает массу всего о науке. Может взять пересушенную, пресную научную статью и всыпать туда столько перца и соли, что даже интересно будет читать.

— У меня идея! — провозгласил Билли.

— У меня тоже. Я иду к Датчмену и угощаю себя бокалом пива, а то и двумя-тремя.

— Надеюсь, — вмешался Герб, — теперь-то это не связано с доком Аккерманом и его машиной времени.

— Не-а, — ответил Билли, — другое. Машина времени теперь не диковинка, людям надоело про нее читать. По-моему, старый плут раскрыл еще не все карты, да что с того? Машина времени никому не нужна, все ее боятся.

— А что же на этот раз? — спросил я.

— Солнечные пятна.

Я попытался отмахнуться от него — очень уж хотелось пива, я почти чувствовал его вкус, но, если у Билли завелась идея, он впивается как клещ и не выпускает, пока не выложит все без остатка.

— Как широко известно, — начал он, — солнечные пятна воздействуют на человека. Много пятен — и начинается веселая жизнь: акции и облигации подымаются, цены лезут вверх. Но с другой стороны, растет и нервное напряжение. Растет число вспышек насилия, народ приходит в возбуждение.

— Силы зла выходят на свободу, — подсказал Герб.

— Вот именно, — согласился Билли. — Русский ученый Чижевский[2] указал на это лет тридцать назад. По-моему, это он обнаружил, что активность на фронтах Первой мировой войны четко связана с появлением на Солнце больших пятен. А апоплексические удары в тридцать седьмом году вызваны самым быстрым взлетом кривой солнечной активности за последние двадцать

---

[2] notes: 2

Чижевский Александр Леонидович (1897–1964) — один из основоположников гелиобиологии. — *Здесь и далее примеч. перев.*

лет.

Меня это как-то не тронуло, зато Билли охватил азарт. Такой уж он человек, энтузиаст своего дела.

— Народ буквально встает на голову! — восклицал он, а в глазах его пламенел огонек фанатизма, как бывает всякий раз, когда Билли почует материал, от которого читатели «Глобуса» затаят дыхание. — И не просто народ, а народы: нации, культуры, цивилизации. Если устроить экскурс в историю, легко обнаружить параллели между циклами солнечной активности и значительными историческими событиями. Возьмем, к примеру, год тысяча девятьсот тридцать седьмой, когда было много апоплексических ударов. В июле этого года цикл активности Солнца взлетел до максимума, а индекс Вольфа[3] равнялся ста тридцати семи! Ученые абсолютно уверены, что периоды возбуждения народных масс объясняются резким изменением нервных и психических характеристик человечества, происходящим во время максимума солнечных пятен, но никто толком не знает причин подобных изменений.

---

[3] notes: 3

Индекс Вольфа — показатель, связывающий число солнечных пятен и количество их групп, введенный швейцарским астрономом Рудольфом Вольфом.

— Ультрафиолетовые лучи, — выговорил я сквозь зевоту, припомнив, как читал что-то эдакое в журнале.

Билли пошевелил ушами и продолжал:

— Очень вероятно, что ультрафиолет играет здесь немалую роль. Сами пятна не являются центрами значительной эмиссии ультрафиолета, но они могут быть причиной изменений в атмосфере Солнца, что, в свою очередь, влечет увеличение продукции ультрафиолета. Бóльшая часть попадающих на Землю ультрафиолетовых лучей расходуется на преобразование кислорода в озон, но на поверхности колебания его интенсивности могут достигать двадцати процентов. А ультрафиолет вызывает определенные изменения в человеческих железах, особенно в эндокринной системе.

— Чушь собачья, — равнодушно заметил Герб.

Но Билли ничто не могло удержать, и он выложил козырь:

— Ну, тогда скажем, что колебания солнечной активности, связанные с пятнами, влияют на характер психики и интеллектуальный облик всех людей Земли. Иными словами, поведение людей определяется циклами солнечной активности. Сравним, скажем, усредненные по-

казатели Доу-Джонса[4] с солнечными пятнами, и тогда обнаруживается, что они явно подвержены воздействию Солнца. В двадцать восьмом и двадцать девятом годах было много пятен. Осенью двадцать девятого солнечная активность резко снизилась, и рынок лопнул. В тридцать втором и тридцать третьем он скатился на самое дно, и то же самое случилось с пятнами. Уолл-стрит[5] следует за солнечными пятнами.

— Так давай наставим побольше этих пятен, — с издевкой сказал я, — и наступит всеобщее благоденствие. Мы будем прямо-таки купаться в богатстве.

— Ну да, — сказал Герб, — а проклятые дураки будут скакать с небоскребов.

— А что, если сделать все наоборот, — предложил я, — принять, скажем, закон против солнечных пятен?

— Ну, тогда, — надувшись, как сова, изрек Билли, — у нас будет жесточайшая депрессия.

---

[4] notes: 4

Статистический показатель биржевой деятельности, предложенный американским журналистом Чарльзом Генри Доу, издателем хроники биржевых новостей «Уолл-стрит джорнел».

[5] notes: 5

Улица в Нью-Йорке, где расположена фондовая биржа и правления крупнейших банков. Традиционно отождествляется с финансовым капиталом США.

Я встал и пошел прочь. Я все никак не мог отделаться от мысли о том, что осталось на тротуаре после прыжка этого парня, и потому безумно хотел пива.

Когда я уже выходил, меня окликнул Джейк, один из наших курьеров:

— Майк, вас хочет видеть Дж. Р.

Мне пришлось вернуться и промаршировать к двери, за которой сидел Дж. Р., потирая руки и выдумывая новые каверзы, которые потрясут публику и заставят ее покупать «Глобус».

— Майк, — сказал Дж. Р., едва я переступил порог его кабинета, — хочу поздравить тебя. Нынче утром ты сделал замечательную работу. Потрясающий очерк, мой мальчик, просто потрясающий.

— Спасибо, Дж. Р., — сказал я.

Старый пройдоха сам не верил тому, что говорит.

После этого Дж. Р. взял быка за рога:

— Майк, я надеюсь, ты читал эту чепуху насчет доктора Аккермана и его машины времени.

— Ага. Но если вы решили отправить меня к этому старому пожинателю лавров за интервью, то я пас. Я видел, как утром тот парень размазался по всей Пятой улице, я слышал, как Билли Ларсон

рассуждает о солнечных пятнах, и теперь с меня довольно. Так что как-нибудь в другой раз.

И тогда Дж. Р. подложил под меня бомбу.

— «Глобус», — провозгласил он, — приобрел машину времени.

Ноги подо мной подкосились.

На моем веку «Глобус» немало почудил, но этот номер был почище всего остального.

— Чего это ради? — спросил я ослабевшим голосом, и Дж. Р. принял вид оскорбленной добродетели, но быстро оправился и через стол склонился ко мне.

— Майк, ты только подумай. Прикинь возможности, которые открывает для газеты машина времени. Другие газеты будут рассказывать, что произошло или что происходит, но, чтобы узнать, что произойдет, всем придется читать «Глобус».

— Могу предложить девиз: «Читайте преждевременные новости!»

Он не понял, шучу я или всерьез, и немного выждал, прежде чем продолжать:

— Допустим, началась война. Другие газеты могут сообщить, что происходит в текущий момент, но мы можем поступить лучше. Нам по силам сообщить, что будет — кто победит, кто проиграет. Какие будут битвы. Сколько война продлится…

— Но, Дж. Р., этого делать нельзя! — воскликнул я. — Неужели вы не понимаете, какую устроите чертовскую неразбериху? Если одна из сторон будет знать, что потерпит поражение…

— Это относится не только к войнам. Возьмем спорт. Футбол, к примеру. Все прямо сгорают от нетерпения узнать прямо сейчас, кто кого побьет — Миннесота Висконсин или наоборот. А мы запрыгиваем в машину времени и отправляемся вперед, в следующую субботу. А в день перед матчем публикуем статью с фотографиями и все такое. — Дж. Р. потер руки в предвкушении триумфа и довольно мурлыкнул. — Старик Джонсон из «Стандарт» будет просить у меня милостыню, — злорадствовал он. — Я заставлю его пожалеть о том дне, когда он впервые увидел газету. Я пущу его по ветру. Я отправлю репортеров на день вперед…

— Да на вас обрушатся все спортивные жучки! — крикнул я. — Неужто вам неведомо, что каждую субботу на футбольных матчах делаются ставки на миллионы долларов?! Неужто вы не ведаете, что творите?! Вы же выведете из игры все кассы, весь тотализатор. Стадионы закроются. Никто и гроша ломаного не даст за то, чтобы посмотреть игру, о которой можно прочитать

заранее. Вы выведете из игры профессиональные бейсбольные и студенческие футбольные команды, боксеров, да и всех остальных. Какой смысл устраивать показную драку, если публика и так знает, кто победит?

Но Дж. Р. только ликующе захохотал и потер руки.

— Ежемесячно первого числа мы будем публиковать котировку акций на будущий месяц, — не унимался он. — Эти газетки пойдут по сотне зелененьких за штуку.

Видя его восторг по поводу собственных идей, я ощутил, как засосало под ложечкой. В его руках находились невероятные силы, а он не имел к ним никакого почтения, то ли по слепоте своей, то ли из упрямства.

Эти силы могли отнять у каждого жителя Земли последние крохи счастья. Разве может быть человек счастлив, глядя вперед и видя, как происходит неизбежное и предначертанное?

Эти силы могли повергнуть в хаос весь мир. Эти силы могли вознести или низвергнуть любого человека, вещь или организацию, вставшие на их пути.

Я попробовал зайти с другой стороны:

— А что, если трюк с машиной не сработает?

— У меня есть надежные гарантии. Пока мы публиковали заявления доктора Аккермана, оценив их по достоинству, другие газеты занимались тем, что чинили над ним насмешки. Поэтому он предоставил нам исключительное приоритетное право на приобретение и использование своего открытия. Это стоило нам немалых денег, целую кучу денег, но мы сделаем из нее две кучи.

Я пожал плечами:

— Лады, валяйте. Я только не понимаю, какого черта вам понадобился я.

— Потому, — прямо-таки лучился от восторга Дж. Р., — что ты совершишь первое путешествие в машине времени!

— Что?! — вскрикнул я.

Дж. Р. кивнул:

— Ты и фотограф. Герб Гардинг. Тебя я вызвал первым. Вы отправляетесь завтра утром, для начала лет на пятьсот в будущее. Сделаете там снимки, а когда вернетесь, напишешь очерк, и мы пустим его в субботнем выпуске, на всю первую полосу. Как выглядит город пятьсот лет спустя? Какие произошли изменения? Кто там мэром? Что носят женщины в осеннем сезоне 2450-го? — Он осклабился. — А еще ты можешь сообщить, что «Стандарт» больше не выходит. А

так это или нет, узнаешь. Старик Джонсон прямо-таки лопнет от злости, когда прочтет это в твоем очерке.

Конечно, я мог бы отказаться, но в таком случае он послал бы кого-нибудь еще и заимел бы на меня зуб. Хорошая газетная работа не валялась на дороге даже в процветающем 1950-м, по сравнению с которым даже высший взлет 1929 года казался просто нищенским прозябанием.

Так что я сказал, что согласен, а через полчаса обнаружил, что возможность стать первым путешественником во времени почти не вызывает во мне трепета, потому что я буду не самым первым. Док Аккерман несколько лет разъезжал на своей машине — достаточно часто и достаточно далеко, чтобы доказать, что эта штука работает.

Но когда я пытался обдумать эту перспективу, то приходил в полнейшее замешательство. Очень уж все это было нелепо. Не сама идея путешествий во времени, в ней-то я не сомневался — Дж. Р. не такой уж дурак и прежде, чем вложить денежки в эту машину времени, наверняка вытребовал железные позлащенные доказательства, что она сработает как надо.

Нет, меня беспокоили возможные осложнения. И чем больше я об этом думал, тем больше это

меня смущало и тревожило.

Ну, скажем, с помощью машины времени репортер отправляется в будущее, делает репортаж о смерти человека и привозит фотографии с его похорон. Эти фотографии можно взять обратно и опубликовать за много лет до его смерти. А этот человек прочтет газету и будет в точности знать час своей смерти и увидит себя возлежащим в гробу.

Десятилетний мальчишка узнает, что однажды будет избран президентом Соединенных Штатов, просто прочитав «Глобус». А нынешний президент, собираясь остаться на третий срок, может узнать свою политическую карьеру, если только «Глобус» вздумает ее опубликовать.

Кто-то может прочесть, что завтра погибнет в автокатастрофе. А если он будет знать, что вот-вот умрет, то может предпринять какие-то меры против этого. Но можно ли предотвратить собственную смерть? Можно ли изменить свое будущее? Или будущее застыло в жесткой, неизменной форме? Если, скажем, что-то предначертано в будущем, так ли обязательно этому предначертанию исполняться?

И чем больше я об этом думал, тем большей дичью мне все это представлялось, но я не мог

запретить себе об этом думать. А чем больше думал, тем сильней пухла моя голова.

И тогда я взял да и пошел к Датчмену.

Луи был за стойкой, и, когда он протянул мне первый стакан пива, я сказал:

— Что за чертов мир, Луи!

— Чертовски верно, Майк, — ответил тот.

Я выпил море пива, но так и не захмелел. Я был как огурчик, и это меня огорчало, потому что, по моим расчетам, я имел полное право нагрузиться. И все это время моя голова продолжала пухнуть от вопросов и неразрешимых загадок.

Мне следовало попытать что-нибудь покрепче пива, но если я смешиваю напитки, то потом у меня бывает жуткое похмелье, так что я оставил эту мысль.

Луи спросил, что меня мучит, а я сказал: нет, ничего, но перед уходом пожал Луи руку и попрощался с ним. Если бы я был пьян, Луи не придал бы этому никакого значения, но тут он был явно удивлен, что я веду себя так, оставаясь трезвым как стеклышко.

Уже в дверях я встретил входящего в бар Джимми Лангера. Джимми работал в «Стандарте» и был отличным газетчиком, но довольно подлым и способным на низкие выходки. Конечно,

мы дружили и написали вместе массу статей, но всегда пристально приглядывали друг за другом. И никогда нельзя было предсказать, что Джимми предпримет в следующий момент.

— Привет, Джимми, — сказал я.

И тут Джимми повел себя довольно курьезно. Не сказав ни слова, он поглядел на меня в упор и расхохотался мне в лицо.

Это застало меня врасплох, и я не знал, что предпринять, пока он не зашел внутрь. Тогда я просто вышел на улицу, но на углу остановился и стал раздумывать, не лучше ли мне вернуться и расквасить Джимми нос: очень уж мне не понравилось, как он смеялся.

Машина времени была установлена на самолете, и док Аккерман сказал нам, что было бы глупо путешествовать на уровне земли. Иначе можно пропутешествовать лет на сто вперед и потом вмазаться прямо в середку какого-нибудь здания. А еще почва могла подняться или опуститься, и тогда машина времени была бы похоронена под землей или подвешена в воздухе. Единственный безопасный способ путешествий во времени, предупредил нас док, — это на самолете.

Самолет стоял в поле на городской окраине, неподалеку от лаборатории дока, а рядом с ним

нес вахту крупный мордоворот с винтовкой. Самолет охранялся днем и ночью, он был чересчур дорогой вещью, чтобы позволить шляться вокруг кому попало.

Док объяснял мне работу машины времени.

— Это так же просто, как упасть со стула, — сказал он.

И действительно: надо только подкрутить указатель вперед на нужное число лет. Потом нажимаешь на ручку запуска и входишь в спираль времени, или как там ее, и остаешься там, пока не достигнешь нужного времени. Тогда в ход запускается автоматика, скорость хода времени замедляется, и ты уже на месте. А чтобы вернуться, надо запустить процесс задом наперед.

Действительно, просто. По выражению дока — просто, как упасть со стула. Но я-то знал, что за этой простотой стоят величайшие научные достижения из всех известных миру — знания, ум, многие годы изнурительного труда и жесточайших огорчений.

— Это будет похоже на полет в ночи, — объяснял мне док. — По времени вы будете путешествовать в одномерной вселенной. Не будет ни тепла, ни воздуха, ни гравитации — абсолютно ничего вне пределов самолета. Но самолет снабжен теп-

лоизоляцией, так что, если замерзнете, просто включите эти обогреватели. Если понадобится воздух, его можно взять из кислородных баллонов. Но в таком коротеньком путешествии, всего на каких-то пятьсот лет, вам не потребуется ни тепло, ни воздух. Всего несколько минут — и вы на месте.

Я опоздал, и Дж. Р. дулся на меня. На Герба он дулся за то, что у того было самое грандиозное похмелье из всех, какие мне приходилось видеть. Но теперь Дж. Р. обо всем забыл и скакал на месте от нетерпения.

— Вот погодите, — ликовал он, — погодите, пока Джонсон увидит падение «Стандарта». Пожалуй, у него будет удар. Это пойдет старому тупоголовому стервятнику на пользу.

Стоявший у дверей самолета охранник беспокойно переминался с ноги на ногу, его явно что-то тревожило.

— Да что это с вами, Бенсон? — прокаркал ему док.

Парень, заикаясь, попытался что-то сказать и переложил винтовку из руки в руку. Он хотел заговорить, но слова застревали у него в горле. Тут Дж. Р. опять начал злорадствовать, и мы забыли об охраннике.

Камеры Герба были уложены, и подготовка закончилась. Дж. Р. ткнул воздух кулаком и пожал руки нам с Гербом. Старый пройдоха едва не плакал.

Док и Дж. Р. вышли из самолета, и я проводил их до двери. Перед тем как закрыть и загерметизировать дверь, я бросил еще один, последний взгляд на силуэт города и увидел, как он великолепен в этой осенней голубизне: высились знакомые башни, а над индустриальным районом на севере висела полоска дыма.

Я помахал башням рукой и сказал:

— Прощайте, великаны. До встречи через пятьсот лет.

В будущем силуэт города выглядел совсем иначе. Я этого ожидал, потому что за пятьсот лет некоторые здания наверняка снесли и возвели на их месте другие. Новые идеи архитекторов и новые строительные принципы за пятьсот лет могли сделать неузнаваемым силуэт любого города.

Но он изменился в ином смысле.

Когда мы выныривали из спирали времени, я ожидал увидеть под крылом самолета более просторный, более великий и более совершенный город, но внизу было что-то не то.

У города был пыльный и запущенный вид.

За эти пятьсот лет он, вне всяких сомнений, разросся. Рос он во всех направлениях и был теперь втрое больше, чем тот город, что остался у нас с Гербом за спиной.

Герб подался со своего сиденья вперед.

— Неужто это старый град внизу? — спросил он. — Иль это лишь мое похмелье?

— Место то самое, — уверил я его. — С чего это ты такой хороший?

— Да были мы с ребятами, с Элом и Гарри, в одном местечке. Ну, и встретили ребят из «Стандарта», ну, и выпили с ними немного вечерком.

Самолетов в небе не было, а я-то думал, что в 2450 году они должны так и роиться в воздухе, ведь даже в 1950-м становилось тесновато от них. Потом я заметил, что и на улицах нет никакого движения.

Мы кружили над городом никак не менее получаса, и горькая истина постепенно доходила до нас, хотя признать ее было нелегко.

Город под нами был просто мертв! Нам не удалось отыскать никаких признаков жизни: ни одного автомобиля на улицах, ни единого пешехода на тротуарах.

Мы с Гербом переглянулись, и недоверие было

написано на наших лицах трехфутовыми буквами.

— Герб, — сказал я, — недурно бы разнюхать, чего это у них там.

Кадык Герба буквально запрыгал.

— Черт, — протянул он, — а я-то рассчитывал заскочить к Датчмену и чуточку опохмелиться.

На поиски чего-нибудь похожего на посадочную полосу ушел почти целый час, но в конце концов я нашел достаточно безопасную на вид площадку. Она поросла кустарником, но бетонные полосы были еще довольно ровными, хотя кое-где бетон пересекали заросшие травой и кустами трещины.

Я сажал самолет со всей возможной аккуратностью, и все равно мы наткнулись на вздыбившуюся бетонную плиту и едва не разбились.

Этот старик с винтовкой вполне мог явиться со страниц истории раннего освоения Запада, с той только разницей, что пионеры Запада, вероятно, все-таки стриглись.

Он вышел из кустов в миле от аэропорта, неся винтовку на сгибе локтя. Что-то в его облике подсказывало, что с этим человеком шутить не стоит.

— Здрассте, незнакомцы, — сказал он надтрес-

нутым голосом.

— Силы небесные, — поразился Герб, — да это же Дэниел Бун[6] собственной персоной!

— Вы, птенчики, залетели далековато от гнезда, — заявил старик, и по его голосу было ясно, что он не очень-то нам доверяет.

— Не так уж и далеко, — ответил я. — Мы здесь поселились давным-давно.

— Будь я проклят, если узнаю вас, — он сдвинул старую черную фетровую шляпу на затылок и поскреб в голове, — хотя я знаю всех, кто жил в этой округе. Ведь вы не мальчики Джейка Смита, а?

— Похоже, теперь тут обретается не очень-то много народу, — заметил Герб.

— Правду говоря, не очень, — признал Дэниел Бун. — Старуха как раз говорила мне, что завтра же надо перебраться поближе к соседям. Ей становится ужасно одиноко. А ближайший народ живет в десяти милях, во-он тама.

Он указал на север, где силуэт города вырисовывался словно далекий горный хребет, поблескивая мраморными валами и кирпичны-

---

[6] notes: 6

Дэниел Бун (1734–1820) — легендарный первопроходец Запада, основатель ряда поселений, в том числе названного в его честь Бунсборо; проложил также так называемую Пустынную дорогу Буна, основной путь американских переселенцев на Запад на протяжении более полувека. С именем Буна связано очень много преданий.

ми шпилями.

— Послушайте, — сказал я, — вы хотите сказать, что до ближайших соседей отсюда целых десять миль?!

— Определенно. В паре миль к западу жили Смиты, но этой весной они выехали, отправились на юг. Утверждали, что там охотиться лучше.

Он печально покачал головой:

— Может, оно и верно насчет охоты. Я и сам немало охочусь, да только я еще люблю немного покопаться в земле. А целинные земли подымать трудно. У меня в этом году вполне приличный урожай кабачков и морковки. Да и картоха нехудо уродилась.

— Но раньше тут жило очень много народу, — настаивал я. — Целые тысячи человек, может, даже миллионы.

— Слыхал я об этом, — согласился старик, — но не могу сказать, есть ли в том хоть крупица правды. Должно быть, это было сильно давно. Кто-то ж повыстроил все эти дома, хотя чего это ради, даже не представляю.

Вид у комнат редакции «Глобуса» был запущенный, повсюду лежал толстый слой пыли, а тишина стояла чуть ли не такая же осязаемая, как и пыль.

Что-то здесь изменилось, но это по-прежнему была редакция газеты. Чтобы вернуть сюда жизнь, не хватало немногого — шума голосов и торопливого бормотания типографских прессов.

Вся мебель была на месте, а вокруг большого редакционного стола кружком стояли стулья. Пыль от наших шагов вздымалась в воздух целыми облаками, заставляя нас неудержимо чихать.

Я прошел прямо в темный угол комнаты; я был уверен, что найду там то, что нам надо.

Там лежали старые связки газет, такие старые, что их страницы крошились под пальцами, а бумага так пожелтела от времени, что кое-где текст читался едва-едва.

Я отнес одну из пачек к окну и посмотрел на дату. 14 сентября 2143 года — более 300 лет назад!

Броский заголовок восклицал: «Безработные бунтовщики в Вашингтоне!»

Мы торопливо перелистали страницы. И постепенно первые полосы этих газет, впервые увидевшие свет более трехсот лет назад, составились в рассказ, красноречиво объясняющий молчание города, видневшегося за разбитыми и заколоченными окнами.

«Акции рухнули до самой нижней точки за последние десять лет!» — кричал один заголовок.

«Конгресс одобрил проект фонда помощи безработным», — гласил другой, а третий сообщал: «Налогоплательщики отказываются платить». После этого события развивались все быстрей и быстрей: «Объявлен мораторий на выплаты», «Банки на вынужденных каникулах», «Войска против толп голодающих», «Конгресс сдался и разошелся по домам», «На Востоке свирепствует эпидемия», «Президент объявил состояние национального бедствия», «Британское правительство ушло в отставку», «Во Франции свирепствуют бесчинствующие толпы», «Крах американского правительства».

А на страницах финансовой и деловой хроники, выписанные помельче и поскромнее, были отражены события, кричавшие с первых полос. Множество историй о закрывшихся предприятиях, о рухнувших корпорациях, сообщения о спаде в торговле, растущей безработице и бездействующих заводах и фабриках.

Триста лет назад цивилизация рухнула под одним лишь давлением собственной надстройки. В пожелтевших стопках газет содержался не весь рассказ, но остальное легко было додумать.

— Весь мир свихнулся, — сказал Герб.

— Ага. Как тот парень, что сиганул.

Все было ясно как день. Спад в экономике, растущая безработица, жестокое налогообложение, чтобы платить безработным пособие и пытаться вернуть процветание, а владельцы собственности были не в состоянии платить такие налоги. Порочный круг.

Герб рылся во мраке у картотеки. Потом снова вышел на свет, перепачканный пылью с головы до ног.

— Там пачки лет за двадцать-тридцать, — сказал он, — и мы взяли самые свежие. Но вот что я нашел позади картотечного ящика. Наверно, она туда упала, и никто не потрудился вытащить.

И протянул мне старую, измятую газету, такую хрупкую от возраста, что я испугался, как бы она не рассыпалась в пыль от одного лишь прикосновения.

— За картотекой был всякий хлам, — сказал Герб, — другие газеты тоже. Тоже старые, но эта древней всех.

Я взглянул на дату: 16 апреля 1985 года.

Этой пожелтевшей газете было почти пятьсот лет! Она вышла из типографии всего лишь через тридцать пять лет после нашего с Гербом отправления в будущее!

И все эти годы она лежала позади картотеки.

Ящик картотеки большой и тяжелый, а уборщики в газетных редакциях никогда не славились своей аккуратностью.

И что-то меня все время тревожило. Негромкий шепот в глубине моих мозгов, где-то у основания черепа, все твердил и твердил, что надо кое-что вспомнить.

Я отшвырнул старую газету на стол и подошел к окну. Бóльшая часть стекол была разбита, а уцелевшие были покрыты таким слоем грязи, что стали совсем непрозрачными. Сквозь выбитую секцию я выглянул наружу.

За окном лежал город — почти такой, каким я его запомнил. Башня Джексона еще стояла — самое высокое строение там, в 1950-м, но теперь над ней возвышались три или четыре других дома. Шпиль старого собора исчез, и я пожалел об этом — шпиль был довольно-таки симпатичный. Я частенько смотрел на него через это самое окно сквозь туманную морось дождичка ранней весной или сквозь призрачную кисею первого снегопада. Шпиля недоставало, но башня Джексона была на месте, равно как и многие другие узнаваемые здания.

И все они выглядели очень одинокими — одинокими и недоумевающими, словно пес, которого

спихнули с кресла, а он-то считал его своим собственным. Окна их пялились на свет пустыми глазницами, не оживляемые ни единым огоньком. А краски домов выцвели и пожухли, стертые прокатившимися над ними годами!

Уж лучше бы города не было, сказал я себе, уж лучше бы бомбежки сравняли его с лицом земли. Потому что, как это ни ужасно, разрушенный город можно понять и принять. Но невозможно ни понять, ни примириться с городом, который просто брошен умирать в одиночестве.

А люди?!

При мысли о них я почувствовал, как мороз продирает по коже. Неужто все они стали такими, как старик Дэниел Бун? Мы видели, как живет его семья, и это отнюдь не привлекательный образ жизни. Эти люди скатились в прошлое, забыли печатное слово, извратили старые истины и историю человечества, превратив их в сумасбродные легенды.

Понять, как это случилось, довольно просто: вытащите из-под цивилизации ее экономические костыли, и уж тогда бед не оберешься. Сперва будет бессмысленный вандализм и еще более бессмысленное разрушение, порожденное пламенем классовой ненависти, а когда после

оргии разрушения ненависть угаснет — возникнет ярость, и еще больший вандализм, и снова ненависть, но порожденная яростью.

Однако как бы низко ни падал человек, он вновь поднимался на ноги — такова его природа; он всегда был упрямым малым.

Но, как видно, в этот раз встать на ноги человек не сумел. Та цивилизация, что была известна нам с Гербом, рухнула лет триста назад, но человек до сих пор спокойно жил в тени своего прежнего величия, не испытывая вдохновения при взгляде на горами вздымающиеся в небеса блоки обработанного камня.

Что-то тут не то. Что-то пошло чертовски наперекосяк.

Кружащаяся в воздухе пыль щекотала мне ноздри, и я вдруг почувствовал, как горит пересохшее горло — мне хотелось пива. Если б я только мог по-соседски забежать к Датчмену…

И тут меня словно пыльным мешком накрыли — выплыла та штука, что весь день вертелась на грани моего сознания.

Я вспомнил лицо Билли Ларсона и его шевелящиеся от волнения уши, когда он подскакивал от нетерпения изложить свою байку про солнечные пятна.

— Боже мой, Герб, до меня дошло! — с криком отвернулся я от окна.

Герб скривился — по-моему, он решил, что я свихнулся.

— Теперь я понял, что случилось, — сказал я. — Надо раздобыть телескоп.

— Слушай, Майк, если у тебя…

Но я прервал его восклицанием:

— Это солнечные пятна!

— Пятна?! — выдавил он.

— Наверняка не осталось ни единого.

Моя догадка оказалась верной.

Пятен на солнце не было — теперь оно было огромным огненным шаром без единого темного пятнышка.

На поиски у нас ушло целых два дня, пока среди хлама на месте бывшего ювелирного магазина мы не отыскали мощный полевой бинокль. Большинство магазинов и складов были обобраны до нитки. Похоже, сперва, после падения правительства, грабительские набеги совершали только время от времени, а потом начали грабить уже систематически.

— Герб, в словах Билли что-то есть. Много пятен — и на дворе веселые времена. Пятен нет — и все идет наперекосяк.

— Ага. Билли был довольно сообразителен. Знал свою науку так, что будь спок.

Я отчетливо представил себе Билли таким, каким он был тогда утром: глаза горят, уши шевелятся, а сам он пламенно толкует о пятнах на солнце.

Он говорил, что Уолл-стрит следует за солнечными циклами. Пятен много — и наступает деловой бум, а нет их — все летит к чертям.

Я вспомнил, как спросил его, что будет, если издать закон против солнечных пятен. Сдается, кто-то таки протащил этот закон через парламент.

В это трудно поверить, но факты налицо. Вот она, история — лежит заплесневелыми кипами в редакции «Глобуса». В этих статьях рассказывается о том, как мир сошел с ума, когда бизнес сел на мель, о летящих в тартарары правительствах, об ордах голодающих, стирающих с лица земли нацию за нацией.

Я сжал голову руками и застонал. Мне бы теперь бокал пива — Луи так ловко запускал их вдоль стойки, холодненькие, покрытые пышной шапкой пены. Но пива тут не стало уже целые столетия назад. А все из-за солнечных пятен!

Ультрафиолетовые лучи, эндокринные железы

и человеческое поведение — на эти ученые слова никто не обращал особого внимания, но эти штуки сыграли с человечеством весьма скверную шутку.

Герб позади меня хихикнул. Я обернулся, как ошпаренный:

— Что там еще?

— Бог ты мой, да этот Уош Таббс попал в прескверную переделку.

— Что это у тебя? — увидев, что он читает газету, спросил я.

— А, это? Это та древняя газета, что мы тут нашли. Ну, напечатанная в восемьдесят пятом. Надо забрать ее и показать Дж. Р. Но сейчас я читаю юмор…

Я хмыкнул, но мысли мои все еще вертелись вокруг Солнца. Все это звучало довольно-таки заумно, но другого объяснения все равно не было.

Несправедливо, чтобы жизни всего человечества зависели от удаленного на девяносто три миллиона миль куска материи, но, как бы то ни было, от Солнца зависит все живое. Уберите Солнце — и жизни не станет. И правы были дикари, поклонявшиеся ему, как божеству.

Итак, допустим, солнечные пятна вышли из моды — что тогда? В точности то, что описано в этих

связках пожелтевших газет: все углубляющаяся депрессия. Коммерческие провалы, с каждым днем все больше безработных, налоги ползут все выше, пока правительство панически пытается оттянуть день окончательного краха.

Услышав сдавленное мычание Герба, я резко обернулся — он уже начинал мне надоедать. Но при виде его лица я почувствовал, что готовые сорваться с моих губ слова застряли в горле: Герб был белее мела, и глаза его остекленели от ужаса.

Он совал мне газету, бормоча нечто бессвязное и невразумительное, трясущимся пальцем тыча в маленькую заметку.

Я схватил лист и прищурился, чтобы разглядеть поблекший текст, потом постепенно разобрал слова, ощущая, как ужас ледяной волной поднимается и во мне:

СМЕРТЬ ЛАНГЕРА

Джеймс Лангер, осужденный в 1951 году за намеренную порчу машины времени, на которой корреспонденты «Глобуса» Майкл Гамильтон и Герб Гардинг за год до того отправились в будущее, сегодня скончался в тюрьме Рокки-Пойнт в возрасте шестидесяти пяти лет.

На суде Лангер показал, что подкупил охран-

ника машины, чтобы тот позволил ему войти в самолет, на котором была установлена машина. Далее он признался, что удалил часть механизма, отвечавшую за перемещение машины назад во времени.

В то время Лангер работал в «Стандарте», газете, прекратившей свое существование несколькими годами позже.

Вызванное этим инцидентом всенародное возмущение привело к принятию Конгрессом закона, запрещающего дальнейшую постройку и эксперименты с машинами времени. Изобретатель машины времени, доктор Амброуз Аккерман, умер от горя через две недели после суда.

Несколько секунд я не мог прийти в себя — просто тупо сидел, глядя в пространство, а мои пальцы помимо воли стискивали газету, перемалывая ее хрупкие пожелтевшие страницы в мелкую труху.

Потом взглянул на Герба и, увидев его перекошенное страхом лицо, вдруг кое-что припомнил.

— Так, — выдавил я, задыхаясь от ярости. — Так. Всего несколько рюмашек в ночь перед стартом. Ты встретил «стандартных» ребят и пропустил несколько рюмашек.

Я вспомнил, как Джимми Лангер расхохотался мне в лицо, когда я выходил от Датчмена. Вспомнил, как нервничал утром охранник.

— Ты не пропил свои мозги, а? — просипел я.

— Слушай, Майк… — начал было несколько оправившийся Герб.

— Ты надрался, черт тебя дери! — заорал я. — И все, что было на уме, выплеснулось на твой поганый язык! Ты выболтал этой «стандартной» своре все, что знал. А старик Джонсон послал Лангера, чтобы тот сделал это грязное дело!

Ярость прямо-таки переполняла меня.

— Черт тебя возьми, Майк… — опять начал Герб.

И уж тогда я ему вмазал. Я дал такого тумака, что он рухнул как подкошенный, но тут же встал и пошел на меня. Наверно, он тоже был вне себя.

Он врезал мне в челюсть, а я влепил ему в глаз, а потом мы заработали, как молот и наковальня.

Герб в потасовке тоже был не лыком шит и передохнуть мне не давал. Я бил его что есть сил, но он всегда возвращался за следующей порцией и несколько раз приложил меня так, что в башке у меня загудело.

Но мне было наплевать — я только хотел задать ему такую трепку, чтоб он помнил до последнего

издыхания.

Драку мы прервали только тогда, когда ни один из нас уже был не в состоянии нанести еще хотя бы один удар. Просто лежали на полу, отдуваясь и бросая друг на друга свирепые взгляды. У Герба заплыл один глаз, я недосчитывался пары зубов, а лицо мое словно прошло через мясорубку.

Потом Герб ухмыльнулся:

— Если б я удержался на ногах еще чуть-чуть, — пропыхтел он, — я бы тебя прикончил.

А я ухмыльнулся ему в ответ.

Пожалуй, нам следовало остаться в 2450 году, там у нас были хоть какие-то шансы. Старый Дэниел Бун знал не очень много, но зато во многих отношениях был цивилизованным человеком. Несомненно, там еще были книги, и можно было бы подыскать много полезных вещей.

Мы могли бы организовать штаб по возрождению цивилизации, хотя тут расклад был не в нашу пользу. С этими солнечными пятнами дело доходит буквально до смеха: как только они перестали мельтешить по поверхности Солнца, то вроде как человечество лишилось чего-то важного — духа прежнего, несгибаемого человека, который пробивал свою дорогу сквозь столетия, стиснув кулаки и не отступая ни перед какими

силами ада.

Но мы решили, что человек еще может вернуться. Мы были совершенно убеждены в том, что где-нибудь в будущем отыщем расу, которая начала повторное восхождение.

И отправились по времени вперед. Хотя назад двигаться мы не могли, но уж идти вперед нам никто помешать не мог.

Мы проскочили пятьсот лет и не нашли ничего, ни следа потомков Дэниела Буна. Может, они бросили разведение кабачков и перебрались в те места, где охота получше. Город еще стоял, но камни уже начали крошиться, и некоторые строения рухнули.

Мы перебрались еще на пять сотен лет вперед, и в этот раз из руин на нас набросилась орда дикарей, немногим более развитых, чем племена, бродившие по Европе в начале каменного века. Они вопили и размахивали своими дубинами и копьями, пока мы не разгромили их наголову.

Через две тысячи лет племя исчезло, а на его месте мы заметили какие-то фигуры, крадущиеся, пригнувшись, среди груд камня на том месте, где некогда был город. Твари эти весьма напоминали людей.

А дальше мы не нашли вообще ничего. То есть

ничего, кроме скелета, напоминавшего человеческий.

И тут-то мы наконец остановились. Двигаться дальше смысла не было, да и горючее в баке самолета подходило к концу.

На месте города высились землистые груды, уже захваченные карабкающимися ввысь деревьями. С шорохом появлялись и вновь исчезали какие-то странные животные. Герб сказал, что это мутанты — он читал о мутациях в какой-то книжке.

К западу простираются бескрайние степи волнующихся под ветром трав, а холмы за рекой поросли густыми могучими лесами.

Но человек исчез. Он возник, немного пожил на Земле, а теперь вновь ушел в небытие.

Там, в 1950-м, человек думал, что все зависит от него, но все это оказалось не столь уж и серьезно — солнечные пятна отправили его на свалку. Может, именно благодаря им человек и сумел в свое время встать на задние ноги и начать править бал. Билли говорил, что солнечные пятна могут выкидывать курьезные фокусы.

Но теперь все это не имеет ровным счетом никакого значения. Человек стал очередным реликтом.

Делать нам тут почти нечего. Просто сидим и раздумываем: о Дж. Р., потирающем руки, о Билли Ларсоне, шевелящем ушами, и о том, как Джимми Лангер расхохотался в ту ночь перед дверями Датчмена.

И теперь я готов продать душу дьяволу, лишь бы войти туда вновь и сказать:

— Что за чертов мир, Луи!

И услышать его ответ:

— Чертовски верно, Майк!

Последний джентльмен
Перевод О. Битова

По истечении тридцати лет и нескольких миллионов слов наступил наконец день, когда он не смог написать больше ни строчки.

Ему больше нечего было сказать — сказано все до последнего слова.

Последняя из множества книг была дописана несколько недель назад, и вскоре будет опубликована, и теперь он чувствовал себя опустошенным и выжатым до последней капли.

Он сидел у окна кабинета в ожидании прихода человека из информационного журнала, глядел на просторный газон, пестревший зеленью хвойных деревьев, белизной берез и яркими красками тюльпанов, и удивлялся тому, что его так тревожит невозможность дальнейшего творчества — ведь он наверняка сказал миру гораздо больше, чем большинство собратьев по перу, и основная часть написанного, по крайней мере, выходила за рамки банальности и была облечена в одеяния изящной словесности, все сказано было искренне и, как он надеялся, убедительно.

Он занял в литературе прочное и надежное место. «Наверно, — думал он, — так оно и должно быть — надо остановиться теперь, на самом пике творчества, а не растягивать угасание на многие годы, позволяя ненасытной утробе старческого маразма поглощать сверкающую доблесть моих трудов».

И оставалось еще неутолимое стремление писать, впитанное с молоком матери убеждение, что отказ от творчества будет предательством, хотя и неясно, по отношению к кому. Но здесь было замешано не только это — тут была и уязвленная гордыня, и то паническое чувство, которое возникает у только что ослепшего человека.

«Хотя, — решил он, — все это глупости». За тридцать лет литературного творчества он выполнил труд целой жизни, и это была *хорошая* жизнь, не фривольная и не захватывающая, зато вполне удовлетворительная.

Он осмотрел кабинет и подумал, что человек неизбежно накладывает отпечаток на ту комнату, в которой живет, — ее лицом были ряды оправленных в телячью кожу книг, чинная опрятность массивного дубового письменного стола, мягкий ковер на полу, располагающие к отдыху старинные стулья; все прочно и солидно

располагалась на своих местах.

Раздался стук в дверь.

— Войдите, — откликнулся Харрингтон.

В распахнувшейся двери показался старик Адамс: сгорбленные плечи, снежно-белые волосы — идеальное воплощение верного дворецкого.

— Джентльмен из «Ситуации», сэр.

— Чудесно. Будьте добры, проведите его.

Хотя ничего чудесного в этом не было — встречаться с этим журналистом Харрингтон вовсе не желал. Но встреча была назначена много недель назад, и теперь не оставалось ничего другого, как стерпеть ее.

Журналист больше напоминал бизнесмена, чем человека пера, и Харрингтон поймал себя на том, что гадает, как подобный тип мог создавать столь острую, проницательную журналистскую прозу, сделавшую «Ситуацию» знаменитым журналом.

— Джон Леонард, сэр, — представился тот, пожимая Харрингтону руку.

— Я рад видеть вас у себя, — ответил Харрингтон, настраиваясь на свой обычный гостеприимный лад. — Устроит ли вас этот стул? У меня такое чувство, будто я знаю всех вас — ваш журнал я читаю уже многие годы. Как только он приходит,

тут же читаю колонку Харви.

Леонард рассмеялся.

— Похоже, Харви — наш самый известный очеркист и наилучшая приманка. Все посетители хотят взглянуть на него хоть одним глазком. — Он уселся на указанный стул. — Мистер Уайт шлет вам наилучшие пожелания.

— Это очень мило с его стороны, вы должны поблагодарить его от моего имени. Мы не виделись с ним уже многие годы.

И подумав об этом, Харрингтон вдруг понял, что встречался с Престоном Уайтом только однажды, не меньше двадцати лет назад. Тогда этот сильный, увлеченный, своевольный человек, олицетворявший публикуемый им журнал, произвел на него неизгладимое впечатление.

— Несколько недель назад, — сообщил Леонард, — я говорил еще с одним вашим другом, с сенатором Джонсоном Энрайтом.

— Я знаю сенатора давным-давно, — кивнул Харрингтон, — и крайне им восхищаюсь. Я полагаю, это можно назвать единством противоположностей. Мы с сенатором — люди весьма несхожие.

— Он питает к вам глубокое уважение и восхищается вами.

— Я питаю к нему взаимные чувства, но эта история насчет поста государственного секретаря… Меня тревожит…

— Да?

— О нет, он вполне подходит для этой должности — то есть мне так кажется. Он честен в своих мыслях, наделен долей упрямства и является человеком крепкого склада, что нам и требуется. Но у меня есть сомнения…

Леонард выразил на лице удивление:

— Но не хотите же вы сказать…

— Нет, мистер Леонард, — слабо отмахнулся Харрингтон. — Я смотрю на это только с точки зрения человека, отдавшего бóльшую часть своей жизни служению на благо общества. Я знаю, что Джонсон должен взирать на такую возможность не без опаски. В недавнем прошлом бывали моменты, когда он готов был подать в отставку, и лишь чувство долга не позволяло ему покинуть свой пост.

— Этот человек, — уверенно заявил Леонард, — не упустит возможности возглавить госдепартамент. Кроме того, на прошлой неделе Харви сказал, что он примет пост.

— Ну да, знаю, я читал эту колонку.

— Я не отниму у вас много времени, — перешел

к делу Леонард, — основные изыскания на вашу тему я уже провел.

— О, не беспокойтесь, мое время в полном вашем распоряжении. До вечера, когда я буду обедать с матерью, я совершенно свободен.

Леонард слегка приподнял брови:

— А ваша мать еще жива?

— Она весьма бойкая, несмотря на свои восемьдесят три года. Она напоминает мать Уистлера[7] — такая же невозмутимая и красивая.

— Вы счастливчик. Моя мать умерла, когда я еще был подростком.

— Мне жаль это слышать. Моя мать — женщина благовоспитанная до кончиков ногтей. Таких теперь редко сыщешь. Я уверен, что обязан ей очень многим. Вероятно, в том числе и той чертой, которая является предметом моей особой гордости, подмеченной вашим литературным обозревателем Седриком Мэдисоном, когда он писал обо мне несколько лет назад. Я послал ему записку, в которой благодарил его и сообщал о своем твердом намерении как-нибудь посетить его, хотя до сих пор так и не выбрался. Мне бы хотелось встретиться с этим человеком.

---

[7] notes: 7

Персонаж картины американского художника Джеймса Уистлера (1834–1903), *здесь:* воплощение спокойствия.

— И что же он написал?

— Он написал, если я не ошибаюсь, что я последний из джентльменов.

— Это хорошая строка, надо будет взглянуть. По-моему, Седрик вам понравится. Порой он бывает чуточку странноват, но он такой же одаренный человек, как и вы. Он, можно сказать, днюет и ночует в своем кабинете.

Леонард открыл свой портфель, извлек на свет стопку заметок и начал их перелистывать, пока не наткнулся на нужную страницу.

— Мы хотим дать о вас полнометражный материал, с портретом на обложке и фотографиями по тексту. Я знаю о вас очень многое, но кое-какие вопросы остались по-прежнему неясными, есть некоторые несоответствия.

— Я не вполне улавливаю, о чем вы.

— Вы же знаете, как мы работаем, — мы осуществляем изнурительные проверки, чтобы убедиться, что располагаем исчерпывающим фактографическим материалом, а уж затем отправляемся на сбор материала, так сказать, очеловеченного. Мы беседуем с друзьями детства объекта наших исследований, с его учителями, со всеми людьми, которые располагают какими-либо сведениями, позволяющими пролить свет на

внутренний мир этого человека. Мы посещаем те места, где он проживал, выслушиваем рассказы знакомых, собираем маленькие анекдоты из его жизни. Это непростая работа, но мы гордимся тем, как ее выполняем.

— И совершенно справедливо, молодой человек.

— Я побывал в Вайалусинге в Висконсине. По вашим данным, вы родились именно там.

— Насколько я помню, это очаровательное место — крохотный городок, втиснувшийся между рекой и холмами.

— Мистер Харрингтон!

— Да?

— Вы родились не там.

— Простите?

— В местных книгах нет записи о вашем рождении. Никто вас не помнит.

— Это какая-то ошибка. А может, вы шутите?

— Вы отправились в Гарвард, мистер Харрингтон. Группа 27.

— Совершенно верно, именно так.

— Вы так и не женились.

— У меня была девушка. Она умерла.

— И звали ее Корнелия Сторм.

— Именно так ее и звали, хотя об этом знают

немногие.

— Мистер Харрингтон, свою подготовительную работу мы проводим чрезвычайно тщательно.

— Это я не в упрек, скрывать мне нечего. Просто я не афишировал этот факт.

— Мистер Харрингтон!

— Да?

— Дело не только в Вайалусинге — с остальным то же самое. Нигде не записано, что вы прибыли в Гарвард. Девушки по имени Корнелия Сторм никогда не было на свете.

Харрингтон вскочил на ноги и воскликнул:

— Это возмутительно! Что вы хотите этим сказать?!

— Простите, вероятно, я должен был найти более мягкий способ поведать вам это, а не резать правду-матку в глаза. Если я могу чем-нибудь…

— Да, можете. Покиньте меня немедленно.

— Не могу ли я чем-нибудь загладить свою вину? Хоть чем-нибудь?

— Вы и так сделали достаточно. Достаточно, что и говорить.

Харрингтон сел в кресло, ухватившись трясущимися руками за подлокотники, и ждал, пока журналист уйдет.

Когда раздался звук захлопнувшейся двери, он

позвал к себе Адамса.

— Чем могу служить? — спросил Адамс.

— Скажите мне, кто я такой.

— Ну, сэр, — немного озадаченно ответил тот, — вы мистер Холлис Харрингтон.

— Спасибо, Адамс! Именно так я и думал.

Он вывел машину на знакомую улицу, когда на землю уже опускались сумерки. Харрингтон выехал на обочину у старого дома с белыми колоннами, стоявшего в глубине широкого, обрамленного деревьями двора.

Заглушив двигатель, он выбрался из машины и немного постоял, впитывая ощущение этой улицы — корректной и правильной, аристократической улицы, ставшей в этом веке убежищем от материализма. Он подумал, что даже проезжавшие по ней машины словно осознавали качества этой улицы, ибо двигались они медленнее и тише, чем на прочих улицах, а их окружало то ощущение приличия, которое редко наблюдается в механических конструкциях.

Отвернувшись от улицы, Харрингтон пошел по дорожке, глубоко вдыхая запах пробужденной по весне жизни сада, и мысленно желал добра Генри — садовнику матери, славившемуся своими тюльпанами.

И пока он шел по дорожке, в окружении запахов сада, странное ощущение спешки и паники понемногу покидало его, ибо и сама улица, и дом словно утверждали, что все пребывает на своих местах.

Харрингтон взошел по кирпичным ступеням, пересек крыльцо и взялся за дверной молоток.

Окна гостиной были освещены — значит, мать ждет его прихода, но на его стук из кухни заспешит Тильда, вытягивая шею в накрахмаленном воротничке и шурша своими юбками, — потому что мать уже не так шустра, как та.

Он постучал и стал ждать, вспоминая счастливые дни, проведенные в этом доме, когда отец был еще жив, до отъезда Харрингтона в Гарвард. Кое-какие из старых семейств проживали здесь по-прежнему, но он не виделся с ними уже многие годы, потому что за время своих последних визитов сюда почти не выходил за дверь, проводя многие часы в беседах с матерью.

Дверь распахнулась, но в проеме показалась совсем не Тильда, а совершенно чужая женщина.

— Добрый вечер, — начал он. — Вы, должно быть, соседка?

— Я здесь живу.

— Но я не мог спутать! Это резиденция миссис

Дженнингс Харрингтон?

— Простите, но это имя мне незнакомо. Какой вам нужен адрес?

— 2034, проезд Вершины.

— Да, это здесь, но никаких Харрингтонов я не знаю. Мы прожили здесь пятнадцать лет, но среди наших соседей никогда не было Харрингтонов.

— Мадам, — резко откликнулся Харрингтон, — это весьма серьезно…

Но женщина уже захлопнула дверь.

Он стоял у машины, глядя на дом, и пытался найти в нем следы чужеродности, но дом был знаком ему до мельчайших подробностей. Это был тот самый дом, в который он приезжал год за годом, чтобы увидеться с матерью, в этом доме прошла вся его юность.

Открыв дверцу, Харрингтон уселся за руль, не без труда отыскав в кармане ключи, а руки у него тряслись так, что он долго не мог попасть в скважину замка зажигания.

Он повернул ключ, и мотор завелся, но Харрингтон не стал уезжать сразу, а просто сидел, крепко ухватившись за руль. Он все еще смотрел на дом, и его разум снова и снова отказывался принять тот факт, что в стенах этого дома уже пятнадцать лет живут чужие люди.

Где же тогда его мать и преданная Тильда? Куда подевался Генри, обладающий талантом растить тюльпаны? Что стало с множеством проведенных здесь вечеров? Как быть с беседами в гостиной у камина, где горели березовые и кленовые поленья, а рядом на коврике спала кошка?

И тут Харрингтон припомнил, что во всем, что с ним было, была какая-то неумолимая целесообразность — в его образе жизни, в написанных им книгах, в его привязанностях и, что, наверно, важнее, в антипатиях. Нечто навязчиво присутствовало за кулисами всех этих событий, многие годы пребывая вне пределов досягаемости, хотя он неоднократно ощущал это присутствие, пытался его осознать и нащупать — но ни разу он не замечал его настолько явственно, как теперь.

Он понимал, что только это навязчивое присутствие поддерживало его теперь, не позволяя вихрем промчаться по дорожке и загрохотать кулаками по двери с требованием немедленно предъявить ему мать.

Заметив, что лихорадка отпустила его, Харрингтон закрыл окно и выжал сцепление.

На углу он свернул налево и поехал вверх, одолевая улицу за улицей.

Через десять минут он добрался до кладбища,

поставил машину на стоянке и отыскал на заднем сиденье пальто. Надев его, он мгновение постоял у машины, глядя на город и вьющуюся меж холмов реку.

«По крайней мере, хоть город и река — не выдумка», — подумал Харрингтон. Ни этого, ни стоявших на полке книг не мог отнять у него никто.

Сквозь древние ворота он ступил на кладбище и уверенно пошел по дорожке, безошибочно выбирая путь, несмотря на неверный свет месяца.

Плита была на месте, и вид ее не изменился. «Вид этой плиты отпечатан в моем сердце», — подумал он. Опустившись на колени, Харрингтон протянул руки и положил их на камень, ладонями ощутив покрывший плиту мох и лишайники — они тоже были старыми знакомыми.

— Корнелия, — промолвил Харрингтон, — ты по-прежнему здесь, Корнелия.

Порывшись в карманах, он извлек коробок спичек, впустую исчиркал три штуки, пока наконец четвертая не загорелась ровно и ярко. Он спрятал ее в чаше ладоней и поднес к камню.

На камне было высечено имя.

Но не имя Корнелии Сторм.

Сенатор Джонсон Энрайт приподнял графин.

— Нет, спасибо, — откликнулся Харрингтон. — Одного достаточно. Я просто зашел на огонек и через минуту уйду.

Он оглядел комнату и теперь был в ней уверен — именно это он и надеялся отыскать. Гостиная выглядела несколько не так, как он ее помнил, — стало меньше лоска и торжественности. Она словно немного истрепалась по краям, словно была чуть не в фокусе, а голова лося над камином оказалась слегка облезлой, а вовсе не великолепной и значительной.

— Вы нечасто сюда заходите, — заметил сенатор, — хотя и знаете, что вас всегда встретят здесь с распростертыми объятиями, а сегодня вечером — в особенности. Вся семья в отъезде, а я пребываю в тревоге.

— Из-за поста государственного секретаря?

— Вот именно, — кивнул Энрайт. — Я говорил президенту, дескать, да, я готов принять этот пост, если больше никого найти не удастся. Я почти молил его найти другого человека.

— А отказаться вы не могли?

— Пытался. Я очень старался сказать ему об этом. И это я, человек, ни разу в жизни не полезший за словом в карман! Но так и не сумел этого сделать. Из-за того, что я слишком горд. Из-за

того, что за многие годы во мне выработалась определенная профессиональная гордость, не позволившая мне просто повернуться и уйти.

Сенатор вытянулся в кресле, и Харрингтон заметил, что он совсем не изменился, в отличие от комнаты, в которой они сидели. Сенатор был тот же, что и всегда, — та же седеющая копна волос, то же лицо дровосека, те же неровные зубы, те же по-медвежьи сутулые плечи.

— Вы, разумеется, понимаете, — сказал Энрайт, — что я один из самых искренних почитателей вашего таланта.

— Я знаю и горжусь этим.

— Вы наделены изуверской способностью соединять слова при помощи скрытых в них рыболовных крючков. Они впиваются в душу и много-много дней подряд остаются в памяти. — Сенатор взял стакан и отпил глоток. — Я никогда не говорил вам прежде, да и стоит ли говорить теперь, но все-таки скажу. В одной из своих книг вы писали, что провидение может поставить свое клеймо на одном-единственном человеке. Если же этот человек потерпит неудачу, писали вы, то мир может рухнуть.

— Да, наверно, я так писал. У меня такое чувство…

— Так вы уверены, — сказал сенатор, протягивая руку к бренди, — что не хотите хлебнуть еще глоточек?

— Нет, спасибо.

И внезапно Харрингтон подумал о другом времени и ином месте, где он выпивал, а в углу была какая-то тень, с которой он говорил, — и никогда прежде не вспоминал об этом. Казалось, на самом деле этого и не было, ничего подобного с Холлисом Харрингтоном случиться не могло. Такое он не стал бы — не смог бы — принять, но тем не менее это событие отпечаталось в его мозгу во всей своей холодной наготе.

— Я начал вам говорить, — подал голос сенатор, — о той строчке насчет провидения. Вы согласитесь, что тут произошло весьма редкое совпадение. Вы, разумеется, знаете, что одно время я склонялся к мысли об отставке?

— Я помню, вы говорили об этом.

— Вот именно в тот момент я и прочел этот абзац. Я уже написал заявление о своей отставке в связи с завершением срока и намеревался утром предать его огласке перед представителями прессы. Затем я прочел эту строку и спросил себя: а что, если я тот самый человек, о котором вы и писали? То есть нет, на самом-то деле я так

не думал.

Харрингтон беспокойно поежился.

— Уж и не знаю, что ответить. Вы возлагаете на меня чересчур большую ответственность.

— Я не ушел в отставку. Я порвал заявление.

Они немного посидели в молчании, глядя на огонь в очаге.

— А теперь, — сказал наконец Энрайт, — еще и это.

— Хотел бы я вам помочь, — почти с отчаянием ответил Харрингтон, — хотел бы я отыскать нужные слова, но не могу, ибо я прикончен. Я исписался, и внутри у меня пусто, как в бочке.

Хотя и понимал, что хотел сказать совсем не то. Я пришел сюда, чтобы известить вас, что в доме моей матери уже на протяжении пятнадцати лет живут чужие люди, что на надгробном камне Корнелии начертано вовсе не ее имя. Я пришел сюда, чтобы взглянуть на эту комнату: изменилась ли она, и если изменилась, то как. Она утратила часть своего аристократического волшебства…

Но произнести этого не мог, не знал, как и начать. Это невозможно сказать даже такому близкому другу, как сенатор.

— Мне жаль, Холлис, — промолвил сенатор.

«Это безумие», — подумал Харрингтон. Он Холлис Харрингтон, рожденный в Висконсине. Он получил образование в Гарварде и — как сказал Седрик Мэдисон — является последним джентльменом.

Его жизнь была верна до последней детали, его дом стоял на своем месте, его литературные труды были правильны до тонкостей — результат хорошей наследственности.

Пожалуй, это все даже чересчур правильно — слишком правильно для этого мира 1962 года, уничтожившего щепетильность — последний пережиток прошлого.

Он — Холлис Харрингтон, последний из джентльменов, знаменитый писатель, романтическая фигура мира литературы — исписавшийся до последней буквы, выжавший из себя все эмоции до единой, бессловесный с того самого момента, как сказал все, что должен был сказать.

Он медленно встал.

— Джонсон, мне пора. Я задержался дольше, чем намеревался.

— Еще один вопрос, я всегда собирался его задать, да все как-то не собрался. Это не имеет отношения к моему делу. Я много раз хотел спросить, но чувствовал, что делать этого не следует,

что это может…

— Да ничего! Если смогу — отвечу.

— В одной из ваших первых книг — кажется, в «Обглоданной кости»…

— Это было давным-давно.

— Там был центральный герой, неандерталец, о котором вы писали, — вы сделали его чересчур человечным.

— Верно, — кивнул Харрингтон. — Таким он и был. Это человек, и только из-за того, что жил он сто тысяч лет назад…

— Конечно, вы совершенно правы. Но вы так хорошо описали его! Все ваши герои весьма образованны, это истинные люди мира. Я часто гадал: как вы смогли столь убедительно описать подобного человека, почти неразумного дикаря?

— Он разумен и не совсем дик — он просто сын своего времени. Джонсон, я очень долго жил вместе с ним, пока не начал писать о нем. Я пытался поставить себя на его место, пытался думать, как он, оценить его точку зрения. Я знал его страхи и победы. Порой я сам готов был стать этим человеком.

— Я могу в это поверить, — торжественно кивнул Энрайт. — Вам в самом деле пора идти? Вы вправду не хотите выпить?

— Простите, Джонсон, мне еще вести машину.

Сенатор выбрался из кресла и проводил его до двери.

— Скоро мы еще поболтаем о литературе. Не могу поверить, что вы вышли в тираж.

— Может, и нет. Может, способность писать еще вернется.

Но Харрингтон сказал это только для того, чтобы успокоить сенатора. Сам он понимал, что это необратимо.

Они простились, и Харрингтон побрел по дорожке. И это было неправильно — за всю свою жизнь Харрингтон ни разу не позволял себе брести.

Его машина стояла прямо у калитки, и он замер, уставившись на нее в испуге, ибо это была не его машина.

У него была дорогая, изысканная модель, а эта была не только более дешевой, но и заметно потрепанной.

И тем не менее — знакомой до боли, до пытки.

И тем не менее это была его машина, хотя она и стала несколько иной, потому что Харрингтон почти смирился с невозможным.

Открыв дверцу, он сел за руль. Сунул руку в карман, отыскал ключ и в темноте сунул его

на ощупь в замок зажигания. Ключ щелкнул и встал на место. Харрингтон повернул его, и мотор завелся.

Что-то неясное прорывалось из глубин сознания. Он почти физически ощутил этот прорыв и понял, в чем дело. Это рвался наружу Холлис Харрингтон, последний джентльмен.

Он сидел и не был в тот момент ни последним джентльменом, ни человеком за рулем старенькой машины — он был моложе, он был просто аутсайдером, который напился от ощущения своего ничтожества.

Он сидел в самом дальнем, темном углу кабинета какой-то неизвестной забегаловки, наполненной шумом и запахами, а в другом, еще более темном углу кабинета сидел некто державший речь.

Он пытался разглядеть лицо незнакомца, но было чересчур темно, и лица было не видно. И все время этот безличный некто говорил.

На столе лежали бумаги — разрозненные фрагменты рукописи, он знал, что она весьма посредственна, и пытался сказать об этом незнакомцу, а еще о том, что хотел бы улучшить ее, но язык не поворачивался, и горло было стиснуто удушьем.

Он не мог подобрать нужных слов, хотя и ощущал их в своем сознании — ужасную, вопиющую потребность выложить на бумаге веру и убеждения, рвавшиеся на волю.

И ясно расслышал только одну фразу незнакомца:

— Я хочу заключить с вами сделку.

Вот и все. Больше ничего вспомнить не удалось.

Таким оно и оставалось — древнее, пугающее, совершенно изолированное воспоминание из какой-то предыдущей жизни, происшествие без прошлого и будущего, не имеющее к Харрингтону никакого отношения.

Внезапно похолодало, и он поежился от пробравшего тело озноба. Выжал сцепление, съехал с обочины и медленно повел машину по улице.

Харрингтон ехал уже не менее получаса, все еще поеживаясь от ночного холода. Он подумал, что чашка кофе могла бы согреть его, и выехал на обочину перед круглосуточной забегаловкой. И не без испуга понял, что находится всего в миле-другой от дома.

В заведении не было никого, кроме слушавшей за стойкой радио блондинки не первой молодости.

Он взобрался на табурет.

— Кофе, пожалуйста.

Пока она наполняла чашку, Харрингтон огляделзаведение. Здесь было довольно чисто и уютно, вдоль стены выстроились автоматы для торговли сигаретами и протянулась длинная полка с журналами.

Блондинка поставила на стойку чашку с кофе.

— Что-нибудь еще?

Но Харрингтон не ответил, потому что ему на глаза попались строки, напечатанные на обложке одного из наиболее броских журналов.

— Это все? — снова спросила блондинка.

— Пожалуй, да. Пожалуй, больше я ничего не хочу.

Харрингтон даже не поднял на нее глаз, потому что взгляд его был по-прежнему прикован к обложке журнала.

Она пламенела строками:

ВОЛШЕБНЫЙ МИР ХОЛЛИСА ХАРРИНГТОНА!

Он осторожно соскользнул с табурета и схватил журнал, быстро подскочив к полке и вцепившись в него, чтобы тот вдруг не испарился. Пока журнал не оказался в его руках, Харрингтона не покидало ощущение, что тот, как и все остальное, окажется безумным и нереальным… Положив

его на стойку, он снова посмотрел на обложку, но строки по-прежнему были на своем месте, они не изменились и не исчезли. Он потрогал пальцем буквы — они оказались вполне реальными.

Харрингтон быстро пролистал журнал и нашел статью, с фотографии в которой на него глазело его собственное лицо, хотя оно и оказалось вовсе не таким, как он себе представлял, — оно было несколько моложе и темнее и выдавало склонность своего обладателя к неопрятности, а под ним было еще одно лицо, явно отличавшееся от этого. И между ними была подпись, гласившая: *«Кто из этих людей является настоящим Холлисом Харрингтоном?»*

Был там и снимок дома, который Харрингтон тут же узнал, несмотря на то что тот оказался весьма потрепанным, а пониже — этот же дом, но в идеализированном виде, сверкающий свежей краской и окруженный тщательно возделанной усадьбой, — дом, наделенный личным характером.

Он даже не дал себе труда читать подпись к этим фотографиям, потому что знал ее заранее.

Текст самой статьи гласил:

В самом ли деле Холлис Харрингтон является необычным человеком? Правда ли, что он явля-

ется тем человеком, которым считает себя, человеком, создавшим свой собственный способ мышления, человеком, творящим невероятный, волшебный мир благосостояния и хороших манер? Или это — только тщательно выработанная поза, исключительный пример показной идеальной жизни? Быть может, многие годы его литературного труда, его столь тщательно отделанной и часто выдающейся прозы, которую он создавал более тридцати лет, неизбежно привели к тому, что он создал для себя иную жизнь, отличающуюся от реальной, спровоцировали неизбежное отношение к своей странной внутренней жизни как к данности — он поверил в нее, и это стало необходимостью для продолжения его литературного творчества…

Вдруг на страницу легла чья-то рука и помешала ему продолжить чтение. Харрингтон быстро взглянул вверх — это была рука официантки; ее глаза блестели, будто она вот-вот расплачется.

— Мистер Харрингтон, — попросила она, — пожалуйста, мистер Харрингтон, не читайте этого, пожалуйста, сэр.

— Но, мисс…

— Я говорила Гарри, что не надо класть этот журнал. Я говорила, что его надо спрятать. Но он

ответил, что вы приходите только по субботам.

— Вы хотите сказать, что я бывал тут и прежде?

— Почти каждую субботу, — удивленно ответила она. — Каждую субботу, на протяжении многих лет. Вы любите вишневый пирог. Вы всегда берете кусок вишневого пирога.

— Ну да, конечно.

Но на самом деле он даже приблизительно не помнил этого заведения. «Хотя, — думал он, — Бог знает, может, я все это время воображал здесь что-то иное, какой-нибудь вызолоченный ресторан для знаменитостей. Но ведь невозможно пуститься на такую невероятную выдумку. Пусть ненадолго это и было бы возможно, но не тридцать же лет! Ни один человек не способен на такое — если кто-то ему не поможет».

— Ну да, я и забыл, — сказал он официантке. — Что-то я нынче не в себе. В самом деле, я бы не отказался от кусочка вишневого пирога.

— Сейчас будет.

Она сняла пирог с полки, отрезала ломоть, положила его на тарелку, поставила ее перед Харрингтоном и рядом опустила вилку.

— Простите, мистер Харрингтон. Мне жаль, что я не спрятала журнал. Не обращайте на него

внимания, на этом свете вообще нет ничего достойного вашего внимания — нет таких поступков или слов, которые могли бы вас касаться. Все мы очень вами гордимся. — Она наклонилась через стойку к Харрингтону. — Не обращайте внимания. Вы — слишком великий человек, чтобы обращать на это внимание.

— Да я и не придаю этому значения.

И это была истинная правда: его чувства слишком притупились, чтобы придавать значение хоть чему-нибудь. В нем не осталось ничего, кроме бескрайнего удивления, так что ни для каких других чувств места уже не было.

— Я хочу, — говорил незнакомец в углу кабинета много лет назад, — заключить с вами сделку.

Но Харрингтон никак не мог вспомнить ни самой сделки, ни даже малейшего намека на ее условия, хотя и мог их предположить.

Он писал на протяжении тридцати лет, и за это ему хорошо платили — и не только наличными или признанием, но и кое-чем другим: большим белым домом на холме, окруженным одичавшим парком, верным дворецким из старой книжки с картинками, уистлеровской матерью, романтической горьковатой и в то же время сладостной привязанностью к могильному камню.

Но теперь дело сделано, выплаты приостановлены, и мир, существовавший понарошку, окончил свое бытие.

Выплаты приостановлены, и иллюзии, окружавшие его, развеялись. Мишура славы осыпалась с его разума — и больше он не увидит старую побитую машину новой и глянцевой. Теперь он вновь может прочесть надпись на могильном камне. И мечта об уистлеровской матери улетучилась из его сознания, хотя и была некогда так прочно вбита туда, что сегодня вечером он на самом деле поехал в тот дом, по тому самому адресу, который был впечатан в его мысли.

Харрингтон понял, что воспринимал окружающее озаренным великолепием и величием, похищенными из книг.

«Но разве такое возможно? — удивлялся он. — Разве может такая штука работать? Неужели человек в здравом уме может играть в подобную игру на протяжении целых тридцати лет? А может, я безумен?»

Но размышлял он спокойно, и подобный вывод был маловероятен, ибо ни один безумец не мог бы писать так, как писал он, — ибо он *написал* то, что думал, и сегодняшние слова сенатора подтвердили это.

А вот остальное было лишь претензией на настоящую жизнь, и ничем иным. Претензией на настоящую жизнь, выстроенной при помощи безличного, неведомого человека, заключившего с ним сделку в ту ночь, много лет назад.

«Хотя, — думал Харрингтон, — может, особой помощи с его стороны и не потребовалось». Человечество предрасположено к детскому восприятию мира. Лучше всего это удается детям — они полностью сживаются с придуманным миром, в котором живут понарошку. Но и многие взрослые заставляют себя поверить в то, что считают достойным веры или во что хотят верить во имя душевного покоя.

«Наверняка, — сказал он себе, — от такой выдумки до полной веры в выдумку — один шаг».

— Мистер Харрингтон, — вернул его к действительности голос официантки, — вам что, пирог не нравится?

— Разумеется нравится. — Он взял вилку и отломил кусочек пирога.

Итак, ложная реальность, способность изображать из себя человека, живущего в своем собственном мире, без сознательных усилий, — это плата. Наверно, это даже больше, чем плата, — вероятно, это непременное условие того, что он

мог писать так, как писал; это тот самый мир и та самая жизнь, в которых, по всем расчетам, он должен был проявить себя наилучшим образом.

И какова же цель всего этого?

Вот о цели-то он и не имел ни малейшего понятия.

Конечно, если не считать, что целью являлась сама суть его работы.

Музыка по радио прервалась, и торжественный голос сказал: «Мы прерываем нашу программу для важного сообщения. Ассошиэйтед Пресс сообщает из Белого дома, что государственным секретарем объявлен сенатор Джонсон Энрайт. А теперь мы продолжаем трансляцию музыки…»

Харрингтон замер, не донеся вилку до рта.

— Клеймо судьбы, — процитировал он, — может отметить одного-единственного человека!

— Что вы сказали, мистер Харрингтон?

— Ничего. Ничего, мисс. Просто так, вспомнилось. Так, пустяки.

Хотя, конечно, это был отнюдь не пустяк.

Он подумал о том, сколько еще людей на свете могли прочесть вполне определенные строки из его книг. Сколько еще жизней изменилось в нужную сторону после того, как люди прочли какую-нибудь фразу в его книге?

А не без помощи ли он написал именно эти фразы? В самом ли деле он так талантлив, что излагал собственные, тяготившие его мысли? Может, ему помогали писать — точно так же, как помогали жить понарошку? Не в том ли причина, что теперь он ощутил себя исписавшимся?

Но, как бы то ни было, теперь всё позади. Он сделал свое дело, и теперь ему дали под зад коленкой, и сделали это с предельной эффективностью и тщательностью, как того и следовало ожидать — вся эта тряхомундия заваривалась в четкой обратной последовательности, начавшись сегодня утром с журналиста. И в результате на табурет взгромоздился самый заурядный человечишко, и теперь он ест вишневый пирог.

А сколько же еще заурядных людишек и на протяжении скольких веков сидели так же, как и он, — освобожденные от жизни во сне, и столь же безуспешно пытались угадать, что ждет их в будущем? Сколько еще других даже теперь продолжали жить понарошку, как он прожил тридцать лет, до этого самого дня?

Потому что нелепо полагать, понял он, что он такой один; нелепо и бессмысленно заводить жизнь понарошку ради одного-единственного человека.

Сколько же эксцентричных гениев на поверку оказывались вовсе не гениями, и даже не эксцентричными людьми — до той самой поры, пока не встречали безличного человека в сумрачном кабинете и не выслушивали его предложений?

Предположим — только предположим, — что целью этих тридцати лет было то, чтобы сенатор Джонсон Энрайт не оставил служение на благо общества и теперь смог возглавить государственный департамент? Зачем и кому было нужно, чтобы определенный пост занял конкретный человек? И настолько ли это важно, чтобы оправдать использование человеческой жизни ради получения иной развязки?

«Ключ к разгадке таится где-то здесь, — подумал Харрингтон. — Где-то в путаном клубке этих тридцати лет таится ниточка, которая сумеет вывести к замешанным сюда человеку, вещи или организации — кто бы это ни был».

Он почувствовал, как в нем смутно шевельнулась ярость — бесформенная, бессмысленная, почти безнадежная ярость, не направленная ни на кого и ни на что в частности.

В забегаловку вошел человек и взгромоздился на табурет, стоявший через один от Харрингтона.

— Привет, Глэдис, — гаркнул он, затем заметил Харрингтона, хлопнул его по спине и рявкнул: — Привет, приятель! Твое имя в газете.

— Угомонись, Джо, — сказала Глэдис. — Чего тебе?

— Тащи-ка кус яблочного пирога да чашку кофею.

Мужчина был крупного сложения, руки его поросли густыми волосами, а на рубашку был нацеплен значок водителя грузовика.

— Вы что-то сказали насчет моего имени в газете.

Джо прихлопнул к стойке сложенную газету.

— Прям на первой странице. Статья и твой портрет. — Он указал замасленным пальцем, рыкнул: — Свеженькая, прям с типографии, — и расхохотался.

— Спасибо.

— Валяй, читай, — шумно подзуживал Джо. — Или тебе неинтересно?

— Разумеется, интересно.

Заголовок гласил:

ИЗВЕСТНЫЙ ПИСАТЕЛЬ УХОДИТ ОТ ДЕЛ

— Значит, отваливаешь, — ревел водитель. — Тут я тебя поддерживаю, приятель. Сколько книг ты накатал?

— Четырнадцать.

— Елэдис, ты подумай! Четырнадцать книг! Да я за всю жисть столько и не читал…

— Джо, да заткнись ты, наконец! — Глэдис швырнула ему под нос пирог и кофе.

В статье говорилось:

Холлис Харрингтон, автор романа «Взгляни на мой опустевший дом», за который он был удостоен Нобелевской премии, после публикации своей последней книги «Вернись, душа моя» прекращает литературное творчество.

Сообщение было дано в вышедшем на этой неделе номере журнала «Ситуация», в статье литературного обозревателя Седрика Мэдисона.

Мэдисон пишет, что в печатающейся книге писатель наконец окончательно сформулировал идею, сложившуюся у него тридцать лет и тринадцать книг тому назад…

Рука Харрингтона инстинктивно стиснула и скомкала газету.

— Чё такое, приятель?

— Нет, ничего.

— Этот Мэдисон — пройдоха, — заявил Джо. — Ему верить нельзя. Он полон…

— Он прав. Боюсь, что он прав, — ответил Харрингтон.

«Но он-то откуда знает? — спросил он себя. — Откуда это стало известно Седрику Мэдисону, этому чудаковатому одаренному человеку, практически поселившемуся в своем захламленном кабинете и пишущему нескончаемый поток компетентных литературных обзоров?» Особенно если учесть, что самому Харрингтону это стало окончательно ясно только сегодня утром.

— Те чё, пирог не по вкусу? — поинтересовался Джо. — Да и кофе остыло.

— Оставь его в покое, — с яростью вмешалась Глэдис. — Кофе я ему подогрею.

— Вы не будете возражать, если я возьму газету? — спросил Харрингтон у Джо.

— Валяй, приятель. Я с ней покончил. Читаю только про спорт.

— Спасибо. Мне надо кое с кем повидаться.

Пустой вестибюль здания «Ситуации» был полон блеска и ярких сполохов искр, ставших торговой маркой журнала и работающих в нем людей.

В сферическом стеклянном колпаке медленно и неуклонно вращался глобус диаметром в один фут. У основания глобуса были размечены часовые пояса, а на его поверхности вспыхивали символы, показывающие мировую ситуацию.

Харрингтон остановился в дверях и огляделся, встревоженный и напуганный вспышками и яркостью вестибюля. Понемногу он начинал ориентироваться: вон там лифты, а рядом с ними табло с указанием расположения комнат. Вот стол справок, пустой в это время суток, а сразу за ним дверь с табличкой:

ХАРВИ

Часы посещений с 9 до 5 по будням

Харрингтон подошел к табло, остановился и задрал голову, отыскивая нужное имя:

СЕДРИК МЭДИСОН…317

Отвернувшись от табло, он нажал кнопку вызова лифта.

На третьем этаже лифт остановился, и Харрингтон вышел. Справа от него была редакция новостей, а слева — ряд дверей кабинетов, выходящих в длинный коридор.

Он повернул налево, и третья дверь оказалась 317 кабинетом. Она была распахнута, и Харрингтон вошел. За столом, на котором громоздились высокие стопки книг, сидел человек. Остальные книги грудами валялись на полу и до отказа наполняли развешанные по стенам полки.

— Мистер Мэдисон? — спросил Харрингтон.

Человек оторвался от книги и поднял голову.

И внезапно Харрингтон вновь оказался в том прокуренном, полутемном кабинете, где давным-давно заключил сделку с безличным незнакомцем — только тот больше не был безличным. Харрингтон узнал окружавший этого человека ореол — потрясающее ощущение сильной личности, беспокоящее, непристойное чувство своеобразной психологической дурноты.

— Неужто Харрингтон?! — воскликнул безличный человек, ныне обретший свое лицо. — Как чудесно, что вы забежали на огонек! Просто невероятно, что мы…

— Да вот уж, — ответил Харрингтон, почти не осознавая, что говорит. Он ответил автоматически, чисто рефлекторно, как вскидывают руки, чтобы защититься от удара; сработал примитивный и незамысловатый оборонный механизм.

Мэдисон вскочил и пошел вокруг стола, чтобы поприветствовать его, и если бы Харрингтон повернулся и убежал, то успел бы скрыться. Но бежать он не мог: он был потрясен и скован и не мог сделать ни одного движения, за исключением жестов сдержанной вежливости, которые впечатывали в него на протяжении всех этих тридцати лет поддельной жизни аристократа.

Он чувствовал, как его лицо превратилось в

застывшую, непроницаемую маску вежливой доброжелательности, и ощутил благодарность за это, потому что понял: теперь его лицо ни в коем случае не выдаст, что он узнал этого человека.

— Просто невероятно, что мы ни разу не встретились, — продолжал Мэдисон. — Я прочел множество написанных вами книг и был в невероятном восторге от прочитанного.

— Это очень мило с вашей стороны, — ответила обходительная, невозмутимая часть сознания Харрингтона, протягивая руку. — В том, что мы ни разу не встречались, вина целиком и полностью лежит на мне. Я не так часто выбирался в свет, как следовало бы.

Он почувствовал, как ладонь Мэдисона легла в его руку, и сжал пальцы, ощутив легкое отвращение из-за того, что эта ладонь была сухой и холодной, как птичья лапа. И вообще этот человек напоминал стервятника — его плотно обтянутая кожей, абсолютно безволосая голова напоминала череп, лицо была иссечено морщинами, пронзительный взгляд не задерживался ни на минуту, а безгубый рот был похож на узкую щель.

— Вы садитесь, — пригласил Мэдисон, — проведите со мной полчасика. Нам предстоит о многом переговорить.

В кабинете было только одно незанятое кресло; на всех прочих громоздились книги. Харрингтон неуклюже уселся в свободное кресло, все еще ощущая от страха сухость во рту.

Мэдисон вернулся за стол и подвинул свое кресло вперед.

— Вы точь-в-точь такой, как на портретах, — заявил он.

— У меня был хороший фотограф, — пожал плечами Харрингтон. — Издатель на этом настаивал.

Он чувствовал, что понемногу возвращается к жизни, отупение начало отпускать, и обе его части постепенно сливаются в единую личность.

— Вот тут у вас есть преимущество, — добавил он. — Лично я не видел ни одного вашего портрета.

Мэдисон погрозил ему пальцем:

— Я анонимен. Вы, разумеется, понимаете, что редакторы безличны. Они не имеют права внедрять себя в общественное сознание.

— Несомненно, это просто заблуждение, — декларировал Харрингтон, — но раз уж вы придаете ему такое значение, настаивать не буду.

И при этом ощутил легкую панику — замечание насчет безличности редакторов явно было

домашней заготовкой и не могло оказаться случайным совпадением.

— И вот наконец-то вы решились меня навестить, — говорил Мэдисон. — Боюсь, что в связи со статьей в утренних газетах.

— По сути дела, — мягко ответил Харрингтон, — я здесь именно поэтому.

— Надеюсь, вы не слишком раздражены.

— Да в общем, нет, — покачал головой Харрингтон. — Фактически говоря, я пришел, чтобы поблагодарить за помощь, которую вы мне оказали, — я наконец-то принял решение. Видите ли, я над этим раздумывал и твердил себе, что обязан сделать это, но…

— Но беспокоились о предполагаемой ответственности — наверно, перед общественностью, но, может быть, и перед собой.

— Писатели редко бросают свое ремесло — во всяком случае, добровольно так не поступает практически никто. Обычно это происходит не столь внезапно.

— Но это же было очевидно, — запротестовал Мэдисон. — Это казалось единственным приличествующим вам поступком, настолько соответствующим обстоятельствам и к тому же напрашивавшимся уже давно, что я не мог удер-

жаться. Признаюсь откровенно, я сделал это не без умысла, надеясь оказать на вас влияние. Вы так прекрасно увязали то, что говорили много лет назад, и свою последнюю книгу, что было просто жаль испортить это попытками сказать что-нибудь еще. Конечно, если бы вам приходилось писать, чтобы заработать на жизнь, все выглядело бы иначе, но ваши гонорары…

— Мистер Мэдисон, а что бы вы делали, если б я опротестовал это?

— Ну, тогда я принес бы нижайшие извинения в массовой печати. Я все уладил бы наилучшим возможным манером.

Он встал из-за стола и начал рыться в груде книг, сваленных на кресле.

— Мне тут как раз попадался экземпляр вашей последней книги, — сообщил он. — Там есть несколько предметов, о которых я хотел бы с вами поболтать.

«Он является ключом к разгадке, — подумал Харрингтон, глядя, как тот роется в книгах, — но не больше». Харрингтон был уверен, что в этом деле замешан не только Седрик Мэдисон, а кто-то или что-то еще, бог ведает что именно.

Он понял, что должен выбраться отсюда как можно скорее и сделать это таким образом, чтобы

не вызвать подозрений. А пока остается здесь, должен играть свою роль идеального литератора — последнего джентльмена.

— А, вот! — триумфально воскликнул Мэдисон и поспешил обратно к столу, сжимая в руке книгу. Он быстро пролистал ее. — Ну так вот, здесь, в шестой главе, вы говорите…

Когда он повел машину через массивные ворота по направлению к белому внушительному дому, высившемуся на холме, луна уже садилась.

Он выбрался из машины и взобрался по широким каменным ступеням, ведущим к дому. Достигнув вершины лестницы, он остановился, чтобы взглянуть на изборожденный тенью лунного света, покрытый травой и тюльпанами склон холма, на белеющие стволы берез и темные силуэты елок, и подумал, что подобные зрелища следует видеть как можно чаще — эту завораживающую красоту, вырванную из ровного течения реки жизни, несущей нас от рождения к смерти.

И стоял там, гордо выпрямившись, позволяя красоте лунного сияния и гравюрам ночи проникнуть до самой глубины души.

«Это, — думал он, — один из нежданных моментов, когда обретается бесценный опыт, который невозможно ни предугадать, ни оценить или

проанализировать позднее».

Услышав, что парадная дверь открылась, он медленно обернулся.

В дверях виднелся старина Адамс, и его фигура была четко очерчена светом лампы, стоявшей на столике в прихожей. Снежно-белые волосы Адамса были растрепаны и завивались венчиком, словно окружая голову нимбом. Одну руку старик прижимал к груди, придерживая полы ветхого халата.

— Вы припозднились, сэр, — сказал Адамс. — Мы уж начали беспокоиться.

— Простите. Я задержался довольно сильно.

Харрингтон одолел остаток подъема, и Адамс отступил в сторону, чтобы впустить его.

— Сэр, у вас все в порядке?

— О, в полнейшем! Я навещал Седрика Мэдисона из «Ситуации». Он оказался очаровательным парнем.

— Ну, раз с вами все в порядке, сэр, то я вернусь в постель. Теперь я знаю, что вы дома и в безопасности. Может, сумею немного поспать.

— Все в полном порядке, — повторил Харрингтон. — Спасибо, что дождались меня.

Он остановился в дверях кабинета и посмотрел, как Адамс медленно взбирается по ступеням,

потом вошел в кабинет и включил свет.

Его окружали знакомые старые стены, пронизывая ощущением комфорта и домашнего уюта, и Харрингтон постоял, глядя на ряды оправленных в телячью кожу книг, на опрятный письменный стол, на старые уютные кресла, на истоптанный ворсистый ковер.

Выбравшись из пальто, он швырнул его на кресло и вдруг почувствовал, что в кармане пиджака топорщится сложенная газета.

Заинтересовавшись, он извлек ее на свет, развернул, и тут же по глазам ударил заголовок…

Комната изменилась, преобразилась быстро и почти неуловимо. Опрятного святилища больше не было — был просто рабочий кабинет писателя; не было и оправленных в телячью кожу книг, элегантно выстроившихся на полке, — просто неряшливые шеренги потрепанных, взлохмаченных книг. Да и ковер больше не был ни истоптанным, ни ворсистым — он стал весьма практичным и почти новым.

— Бог мой! — почти благоговейно выдохнул Харрингтон.

Он почувствовал, что лоб вдруг покрылся испариной, руки задрожали, а колени внезапно ослабли.

Потому что и сам он преобразился, как и комната, — точнее, комната преобразилась, потому что изменился он сам.

Он больше не был последним джентльменом, став иной, более реальной личностью, которой был весь этот вечер. Он снова стал самим собой, одним махом вернувшись к самому себе, и виной тому, понял Харрингтон, был газетный заголовок.

Он обвел комнату взглядом и понял, что теперь наконец-то все правильно, что ее обнаженная жестокость вполне реальна, что такой она всегда и была, хотя он и воспринимал ее более романтичной.

Он отыскал себя именно в этот вечер, спустя тридцать лет, а затем — при мысли об этом Харрингтон даже вспотел, — снова себя утратил, утратил легко, даже не догадываясь о том, не ощутив даже намека на странность.

Он отправился навестить Седрика Мэдисона, сжимая в руках именно эту газету, пошел без каких-либо ясных намерений, словно, признался себе Харрингтон, гонимый туда какой-то спешной надобностью.

Его понукали слишком долго: понукали, чтобы он увидел комнату не такой, как на самом деле;

заставляли читать на чужом могильном камне мифологическое имя; его запутали и убедили, что он часто ужинает с матерью, хотя та давным-давно мертва; его заставляли вообразить, что заурядная забегаловка является знаменитым рестораном — и, разумеется, еще многое другое.

Мысль об этом была унизительна, но простым унижением дело не ограничивалось — во всех этих вещах прослеживались методичность и целесообразность, и теперь стало важно, крайне важно узнать их метод и их цель.

Он уронил газету на пол, прошел к бару и извлек бутылку. Плеснув спиртного в стакан, Харрингтон осушил его единым духом.

«Надо было отыскать точку отсчета, — подумал он, — и я решил эту задачу, и точкой отсчета оказался Седрик Мэдисон, хотя дело заключается не только в нем. Возможно, он оказался всего лишь одним из ключей разгадке, но зато дал точку отсчета».

Он отправился навестить Седрика Мэнсона, и они проговорили намного дольше, чем Харрингтон планировал, и в какой-то момент этой беседы он плавно скользнул обратно в последние джентльмены.

Харрингтон попытался мысленно проследовать

сквозь эти несколько часов, чтобы отыскать какой-либо сбой, выудить момент, когда произошло изменение, но не обнаружил ничего. Будто по памяти прошелся утюг, выровняв и выгладив ее.

И все-таки где-то он изменился, вернее, его изменили, заставив снова вырядиться в маскарадный костюм, который он не снимал многие годы.

Но зачем мог потребоваться подобный маскарад? Для чего нужно менять жизнь человека — наверное, даже жизни многих людей?

Вероятно, это попытка организации какого-либо рода службы социального обеспечения — этакое неудержимое доброхотство, стремление вмешиваться в жизнь других людей.

Или это попытка тщательно спланированного управления потоком мировых событий, чтобы изменить судьбу всего человечества и привести к определенному конечному результату? А это означает, что за все отвечает тот, или те, кто обладает надежным методом предсказания будущего и способностью выуживать ключевые факторы настоящего, корректировкой которых можно наиболее эффективно повлиять на будущее и направить его в нужное русло.

Телефон на столе вдруг яростно зарычал.

Харрингтон в испуге развернулся, ошарашенный этим нежданным звуком.

Телефон снова зарычал.

Харрингтон рванулся к столу и схватил трубку.

— Я рад, — послышался в трубке голос сенатора, — что не разбудил вас.

— Нет, я только лишь собирался отойти ко сну.

— Вы, конечно, слышали новости?

— По радио.

— Белый дом обратился ко мне…

— И вам пришлось согласиться.

— Да, разумеется. Но потом…

Сенатор шумно сглотнул, потом перевел дыхание, будто находился на грани удушья.

— В чем дело, Джонсон? Что случи…

— А потом, — сообщил сенатор, — у меня был посетитель.

Харрингтон молча ждал продолжения.

— Престон Уайт. Вы с ним, конечно, знакомы?

— Да. Это издатель «Ситуации».

— Он вел себя как заговорщик — чуточку драматично. Говорил шепотом и весьма доверительно. Словно мы с ним заключили какого-либо рода сделку.

— Но что…

— Он предложил мне, — выдавил сенатор, за-

дыхаясь от ярости, — исключительные права на использование Харви…

Тут Харрингтон его перебил, сам отчетливо не понимая почему — словно боялся дать сенатору продолжить предложение:

— Вы знаете, я помню, как много лет назад — я был еще подростком — Харви установили в помещении «Ситуации».

И даже сам был удивлен тому, что так хорошо помнит этот триумфальный вопль фанфар. Хотя тогда этому факту мало кто придавал большое значение, поскольку «Ситуация» была знаменита лишь нерегулярностью своих тиражей. Но теперь все обстоит по-другому — колонку Харви читают почти все, и даже в высокоученых кругах Харви цитируют как авторитетный источник.

— Харви! — фыркнул сенатор. — Моторный калькулятор! Механический пророк!

«Вот оно», — очумело подумал Харрингтон. Именно это он и пытался нащупать.

Харви был предсказателем. Он выдавал прогнозы каждую неделю, а журнал печатал колонку извергнутых им предсказаний.

— Уайт старался вести себя убедительно, — продолжал сенатор. — Пустился на шуры-муры. Он, дескать, отдает Харви в полное мое распоряже-

ние. Сказал, что будет показывать мне прогнозы, как только те появятся, и воздержится от публикации тех, на которые я укажу.

— Это могло бы оказаться полезным, — заметил Харрингтон.

Ибо Харви знаток своего дела — в том нет никаких сомнений. Неделю за неделей он попадал прямо в яблочко, точка в точку описывая, что и как будет происходить.

— Да не надо мне ничего! — завопил сенатор. — Я и близко не хочу видеть этого Харви. Это худшее из того, что могло случиться. Человечество достаточно здраво может судить, принять или отвергнуть предсказания любого мудреца, если он человек. Но наше технократическое общество выработало у себя условный рефлекс, согласно которому машины считаются непогрешимыми. Мне кажется, что «Ситуация», пользуясь аналитическим компьютером, очеловеченным при помощи имени Харви, чтобы предсказывать тенденции развития мировых событий, намеренно оказывает давление на легковерную публику. И я не желаю иметь с этим ничего общего. Я не хочу путаться с…

— Я понимаю, что значил для вас Уайт. Я знаю, что он радовался вашему назначению, но…

— Престон Уайт, — заявил сенатор, — опасный человек. Любой могущественный человек опасен, а в наше время наиболее могущественным является тот, кто может формировать общественное мнение. Я не могу себе позволить, чтобы мое имя хоть как-нибудь ассоциировалось с ним. Вот он я, весь как на ладони — человек, отдавший служению обществу сорок лет и, благодарение Господу, сохранивший незапятнанную репутацию. А что же будет со мной, если кто-нибудь однажды поймает этого Уайта на горячем? Как я смогу снести такое?

— Его едва не поймали на горячем, когда много лет назад комиссия конгресса проводила расследование. Насколько я помню, большинство показаний касалось Харви.

— Холлис, не пойму, чего я вас беспокою? Я и сам не знаю, зачем позвонил вам. Наверно, чтобы выпустить пар.

— Я рад, что вы так поступили. Что же вы намерены предпринять?

— Не знаю. Разумеется, я вышвырнул Уайта, так что, в принципе, мои руки чисты, но мне по-прежнему горько. Гнусный привкус во рту.

— Ложитесь спать. Утро вечера мудренее.

— Спасибо, Холлис, пожалуй, так и сделаю.

Спокойной ночи.

Харрингтон положил трубку и застыл у стола.

Потому что теперь пришла кристальная ясность, теперь он уже не сомневался, ибо в точности знал, кому было нужно, чтобы Энрайт оказался в государственном департаменте.

«Именно этого, — подумал он, — и следовало ожидать от Уайта».

Как это было осуществлено, он даже не представлял — если такой способ существовал, то выведать его мог только Уайт.

Он устроил все так, чтобы Энрайт после прочтения нужной строки остался на государственной службе до подходящего момента, когда можно будет продвинуть его в госдепартамент.

Сколько же еще задействовано других людей и сколько других ситуаций происходят так же, как нынче ночью, — и только благодаря обширнейшим махинациям одного лишь Престона Уайта?

Харрингтон заметил лежащую на полу газету, поднял ее, взглянул на заголовок и снова отшвырнул прочь.

«Они попытались избавиться от меня», — подумал он. И все было бы в порядке, если бы он просто побрел прочь, покинутый и забытый, как старая кляча, которую согнали с пастбища. Вероятно, все

остальные именно так и поступали. Но пытаясь избавиться от него, пытаясь избавиться от кого бы то ни было, они должны были осознавать, что есть определенный риск. Единственным безопасным и абсолютно надежным для них решением было бы оставить его как есть, позволить ему вести жизнь последнего джентльмена до самого смертного часа.

Почему они не сделали так? К примеру, не заложены ли в проект какие-то ограничения? Может, эти работы, чему бы они там ни служили, имеют свой предел нагрузки, ныне приблизившийся к крайней черте? Не потому ли, прежде чем задействовать кого-то другого, им пришлось избавиться от Харрингтона?

И если так, это их ахиллесова пята.

Еще одно — смутное воспоминание о сенатских слушаниях много лет назад: в тогдашних газетах были опубликованы приговор и портрет весьма озадаченного человека, одного из главных конструкторов Харви, сделанный, когда тот со свидетельского места говорил: «Но, сенатор, я же говорю: никакой аналитический компьютер не способен на такое. Дарования Харви противоречат рассудку».

«Это уже кое-что, а может, и нет, — решил Хар-

рингтон, — но этот факт стоит запомнить, он может оказаться той самой соломинкой утопающего».

«И самое ужасное, — невозмутимо продолжал он размышлять, — что место человека разумного может занять всего лишь машина». Он уже высказывался на эту тему прежде, и довольно резко, в одной из своих книг — вот только не мог припомнить, в какой именно. «Как сказал Седрик Мэдисон нынче вечером…»

Он вовремя успел себя оборвать.

В дальнем уголке сознания зазвенел сигнал тревоги, и Харрингтон резко наклонился за сложенной газетой, небрежно брошенной на пол прежде.

Отыскал ее, заголовок ударил по глазам, и книги утратили свои элегантные переплеты из телячьей кожи, а ковер обрел свою грубую новизну, и Харрингтон снова стал собой.

Всхлипнув, он опустился на колени, сжимая газету в трясущейся руке.

«Все-таки не изменился, — думал он. — Накатывает без предупреждения!»

А измятая газета — его единственная защита.

«Но зато могучая защита», — подумал он.

«Ну-ка, попытайся снова! — мысленно крикнул

он Харви. — Давай, попробуй-ка!»

Но Харви не попытался.

Если это *вообще* Харви. Но этого уж Харрингтон знать не мог.

«Я беззащитен, — думал он, — беззащитен, если не считать сложенной газеты с заголовком, набранным восемнадцатым кеглем.

Беззащитен, а моему рассказу никто не поверит, даже если решиться его обнародовать.

Беззащитен, а тридцать лет моего эксцентричного поведения ставят под сомнение любой из моих поступков».

Он пытался отыскать в своем сознании какое-нибудь средство помочь, но не находил. Полиция не поверит, а друзей, которые могли бы помочь, у него слишком мало, ведь за тридцать лет он не свел дружбы почти ни с кем.

Есть еще сенатор — но у сенатора и без него забот по горло.

Но есть и еще кое-что — у них есть какое-то оружие против Харрингтона; Харви надо только дождаться, когда он уснет. Ибо если Харрингтон уснет, то, без сомнений, проснется последним джентльменом, и более чем вероятно — не просто последним джентльменом, а застывшим в этом образе прочно, как никогда прежде. Ибо если они

захватят его теперь, то уж не выпустят никогда.

Харрингтон вдруг отчасти подивился: а почему, собственно, так уж необходимо против этого сражаться — последние тридцать лет были не так уж плохи; следует признать, что они прошли довольно славно, и если честно, то лучше бы и оставшиеся годы прожить точно так же.

Но эта мысль казалась ему омерзительной, будто наносила оскорбление самой его человеческой сути. Он имеет право быть самим собой, и потому ощутил глубинную ярость на тех, кто надменно взял на себя право превратить его в другого.

Напрашивался очень простой вывод; две вещи были кристально ясны: во всех своих поступках он имеет право быть самим собой, а помощи ждать неоткуда. Добиться развязки надо сейчас же — прежде, чем понадобится сон.

Он встал, сжимая газету в руках, развернул плечи и повернулся к двери. Но у порога остановился, потому что ему вдруг открылась ужасная истина: как только он покинет дом и выйдет во тьму — защите конец. В темноте газета станет бесполезной, ведь он не сможет прочесть заголовок.

Взглянув на часы, Харрингтон увидел, что еще только четвертый час. Впереди целых три часа темноты, а ждать так долго нельзя.

«Мне нужно время. Нужно на чем-то выиграть время. В ближайшие несколько часов я должен каким-то образом разбить или отключить Харви. Хотя это может оказаться только частичным решением проблемы, но это позволит отыграть время».

Он стоял уже у двери, и тут ему пришло в голову, что все может обстоять вовсе не так — а если ни Харви, ни Мэдисон, ни Уайт тут вовсе ни при чем? Он мысленно собрал их вместе и сумел убедить себя в их виновности. Харрингтон признался себе, что может подвергнуться самогипнозу, не менее эффективному, чем гипноз Харви — или кто там гипнотизировал его на протяжении тридцати лет.

Хотя, пожалуй, гипноз тут ни при чем.

Но чем бы оно ни было, пытаться раскопать это сейчас просто бессмысленно. Есть и более насущные проблемы, требующие немедленного решения.

Для начала следует изобрести какую-либо иную защиту. Без защиты он не сумеет добраться даже до вестибюля «Ситуации».

Он подумал об ассоциациях — нужны какие-нибудь ассоциации, какой-нибудь способ напомнить себе о том, кто он такой на самом деле.

Вроде ниточки на пальце или звоночка в мозгах.

Дверь студии отворилась, и там показался Адамс, стискивающий на груди свой поношенный халат.

— Сэр, мне послышался разговор.

— Это я, — ответил Харрингтон, — по телефону.

— Я думал — а может, кто-нибудь зашел на огонек. Хотя для визитов это самое неподходящее время суток.

Харрингтон стоял, молча глядя на Адамса, и чувствовал, что угрюмость отчасти покинула его, ибо Адамс остался тем же самым, не изменившись ни на йоту, оказавшись единственным реальным объектом из всей этой катавасии.

— Простите меня, но полы вашей рубашки не заправлены, — сообщил Адамс.

— Спасибо, я не заметил. Спасибо, что сказали.

— Вероятно, сэр, вам лучше лечь. Уже довольно поздно.

— Да-да, конечно, я скоро, — ответил Харрингтон.

Он послушал, как шаркающий звук шлепанцев Адамса удаляется по коридору, и начал заправлять рубашку.

И тут его внезапно осенило: полы рубашки

— гораздо лучше, чем ниточка на пальце!

Потому что удивится любой, даже последний джентльмен, если полы его рубашки окажутся связанными узлом.

Он запихнул газету в карман пиджака и совсем выправил рубашку из брюк. Пришлось расстегнуть несколько пуговиц, чтобы сделать достаточно хороший узел.

Харрингтон постарался скрутить узел покрепче, чтобы он вдруг не развязался, и туго затянул его, чтобы нельзя было снять рубашку, не развязав узла.

И сочинил глупую строчку, которая должна сопровождать узел на рубашке:

Этот узел мне
напомнит, что я
не последний джентльмен.

Потом вышел из дома, спустился по ступеням, обогнул дом и зашел в сарай, где хранился садовый инвентарь.

Там он долго жег спички, пока не отыскал кувалду. Так, с ней в руке, Харрингтон и пошел к машине.

И все это время неустанно повторял в уме ту самую строку:

Этот узел мне
напомнит, что я
не последний джентльмен.

Когда Харрингтон двинулся к двери с табличкой «ХАРВИ», вестибюль «Ситуации» блистал точно так же, как и прежде, и был таким же тихим и пустынным.

Он ожидал, что дверь будет заперта, но она оказалась открытой, и он вошел внутрь, аккуратно прикрыв ее за собой.

И оказался на узком балкончике, по кругу огибавшем зал. Позади была стена, а впереди — перила. А в обрамленном балконом колодце находилось не что иное, как сам Харви.

«Здравствуй, сынок, — произнес Харви, точнее, раздался его голос в мозгу Харрингтона. — Здравствуй, сынок. Я рад, что ты вернулся домой».

Харрингтон стремительно шагнул к перилам, прислонил к ним кувалду и ухватился за ограждение обеими руками, чтобы заглянуть в колодец, ощутив всеохватную отцовскую любовь, изливающуюся от этого предмета, громоздящегося на дне колодца, — давным-давно позабытую любовь, исходившую от существа с трубкой, в твидовом пальто и с седыми бакенбардами.

К горлу подкатил комок, глаза увлажнились, и Харрингтон забыл пустынную улицу снаружи и все свои одинокие годы.

А любовь все изливалась; любовь, понимание и легкое недоумение, что он ожидал встретить здесь что-либо кроме любви — любви предмета, с которым был связан столь интимными узами на протяжении всех тридцати лет.

«Ты на славу потрудился, сынок, я горжусь тобой. Я рад, что ты снова вернулся ко мне домой».

Харрингтон склонился через перила, стремясь приблизиться к скрытому на дне колодца отцу, и тут одна из перекладин ограждения попала на узел, завязанный на рубашке, и тот больно впился в живот.

Тут же сработал рефлекс, и Харрингтон почти автоматически сказал:

Этот узел мне
напомнит, что я не…

А потом повторил это вполне сознательно и с пылом, словно песнопение:

Этот узел мне
напомнит, что я
не последний джентльмен.

Этот узел мне
напомнит, что я не...

Он уже кричал, пот струился по его лицу, а он отчаянно, будто пьяный, старался оторваться от перил и по-прежнему осознавал, что отец здесь и ни на чем не настаивает, ничего не требует — лишь выражает легкое огорчение и недоумение по поводу подобной сыновней неблагодарности.

Рука Харрингтона соскользнула с перил, пальцы нащупали рукоятку кувалды, охватили и сжали ее, а потом рука поднялась уже с кувалдой — для броска.

Но еще во время его замаха позади клацнула дверная защелка, и Харрингтон резко развернулся.

В дверном проеме стоял Седрик Мэдисон, а на его похожем на маску смерти лице было выражение олимпийского спокойствия.

— Избавьте меня от него! — заорал Харрингтон. — Пусть он меня отпустит, а не то я вас прикончу!

И сам был удивлен тому, что готов подписаться под каждым словом, тому, что при всей своей мягкости обнаружил в своем сердце готовность убить человека, не задумываясь.

— Ладно, — ответил Мэдисон, и отцовская любовь исчезла, а мир стал холоден и пуст, и только они двое стояли лицом к лицу. — Мне жаль, что так получилось, Харрингтон. Вы первый…

— Вы решили рискнуть, вы пытались отпустить меня. И чего же вы ждали — что я буду слоняться вокруг да гадать, что это вдруг со мной случилось?

— Я приму вас обратно. Это была неплохая жизнь, и вы сможете снова зажить точно так же.

— Уж на это вас станет! Вы с Уайтом и все остальные…

Мэдисон очень спокойно вздохнул.

— Выбросьте Уайта из головы. Бедный дурачок думает, что Харви… — оборвал фразу, не договорив, и хихикнул. — Поверьте, Харрингтон, это хитрое и надежное оборудование. Оно даже получше Дельфийского оракула.

Он был уверен в себе, уверен настолько, что Харрингтона прошила дрожь ужаса, ощущение, что его поймали в ловушку, загнали в угол, из которого уже никогда не вырваться.

«Взяли врасплох, в клещи, — подумал он. — Впереди — Мэдисон, позади — Харви». Теперь Харви мог в любую секунду обрушить новый удар, и, несмотря на все сказанное, несмотря на

стиснутую в руке кувалду, несмотря на связанную в узел рубашку и глупую рифмовку, Харрингтон с отчаянием понял, что вряд ли сумеет преодолеть этот удар.

— Мне невдомек ваше удивление, — мягко продолжал Мэдисон. — Ведь Харви, фактически говоря, все эти годы был вам отцом, почти отцом, а может — даже больше, чем отцом. Во дню и в ночи вы были с ним так близки, как ни с одним другим существом. Он присматривал и заботился о вас, а порой руководил вами, и ваша взаимосвязь была куда ощутимее, чем вы только можете представить.

— Но зачем? — спросил Харрингтон, отчаянно пытаясь отыскать какой-нибудь выход, какое-нибудь средство обороны, более существенное, чем узел на рубашке.

— Не знаю, как объяснить вам, чтобы вы поверили, — серьезно ответил Мэдисон, — но отцовские чувства вовсе не были уловкой. В это самое мгновение вы гораздо ближе Харви… пожалуй, даже мне, чем могли быть близки любому другому созданию. Никто не мог бы столько работать с вами, как Харви, и не выработать глубокой привязанности. И он, и я не желаем вам ничего кроме добра — так позвольте же нам

доказать это.

Харрингтон хранил молчание, но внутренне заколебался, хотя и понимал, что колебаться не следует. Просто слова Мэдисона не лишены смысла.

— Мир, — продолжал тот, — холоден и беспощаден и не пожалеет вас. Вы не сумели создать теплый и приятный мир — и то, что перед вами, не может не оттолкнуть вас. У вас нет никакого повода оставаться в таком мире. Мы в силах вернуть знакомый вам уют, мы дадим вам безопасность и комфорт, и тогда вы наверняка будете счастливы. Оставаясь таким, как есть, вы не обретете взамен ничего. В возврате к любимому вами миру нет ни следа нелояльности по отношению к человечеству. Теперь вы не можете ни ранить человечество, ни нанести ему вред. Вы сделали свое дело…

— Нет! — крикнул Харрингтон.

Мэдисон покачал головой:

— Странные все-таки вы существа, Харрингтон.

— Существа! — завопил Харрингтон. — Вы говорите так, будто…

— Вы не лишены своего величия, но вас надо постоянно подталкивать, чтобы вытащить его

наружу. Вас надо тешить и лелеять, вас надо подвергать опасности, вам надо создавать проблемы. Вы похожи на детей, и мой долг, Харрингтон, моя святая обязанность возвести вас до величия. И я не позволю ни вам, ни кому-либо другому помешать исполнению этого долга.

«Так вот она, истина — вопит в темных, жутких коридорах запоздалого осознания. Она была там все время, — думал Харрингтон, — но я не видел ее».

Чисто рефлекторно он взмахнул кувалдой, словно сделав жест ужаса и отвращения, и словно со стороны услышал свой собственный голос, вопивший:

— Ах, черт вас дери, так вы даже не человек!

И когда он стал опускать кувалду по дуге вперед, Мэдисон уклонился в сторону, чтобы пропустить ее мимо. При этом его лицо, его руки и тело изменились — хотя слово «изменились» не совсем подходит, — он словно расслабился; тело, лицо и руки, являвшие собой Мэдисона, перетекали обратно в свою привычную форму после долгого и томительного пребывания в виде человеческого тела. Человеческая одежда лопнула и разлетелась, словно давление изменяющейся плоти разодрало ее в клочья.

Он оказался крупнее — или так только казалось? — словно вынужден был стиснуть свои размеры, вписываясь в человеческие стандарты. И все-таки Мэдисон был гуманоидом, его похожее на маску смерти лицо почти не изменилось, лишь приобрело зеленоватый оттенок.

Кувалда громыхнула о пол и заскакала по стальной поверхности балкона, а существо, бывшее Мэдисоном, склонилось вперед с уверенностью чужака. Из Харви излился ураган ярости и отцовского гнева — а Харрингтон был нашкодившим и заслужившим наказания ребенком. Наказанием же служила смерть, ибо ни один непослушный ребенок не имеет права мешать выполнению великого и святого долга. И, стоя в потоке ураганного бешенства, от которого заколебался разум, Харрингтон ощутил неразрывное единство между машиной и чужаком, словно те двигались и думали в унисон.

Раздался рычащий, кашляющий звук ярости, и Харрингтон вдруг обнаружил, что близится к чужой твари, растопырив пальцы и напрягая мускулы, чтобы схватить и разодрать на куски врага, вынырнувшего из окружающей пещеру тьмы. Он двигался вперед, прочно упираясь в землю полусогнутыми ногами, а в сознании гнез-

дился глубинный страх — ужасный, приводящий в трепет страх, который и толкал его вперед. Но превыше страха была уверенность в силе, таящейся в его зверином теле.

На мгновение Харрингтона повергло в ужас сознание, что рычание и кашель исходят от него самого, а с его клыков каплет пена ярости битвы. Но потом ужас отступил, ибо теперь он наверняка знал, кто он такой, и все его прочие, пережитые и возможные личности отступили и растворились в его звериной сущности и неудержимом стремлении убивать.

Его руки дотянулись до чуждой плоти, схватили и начали раздирать ее в клочья, срывать ее с костей, и в диком, бешеном хаосе убийства он почти не чувствовал и не замечал, как его полосуют чужие когти и бьет чужой клюв.

Где-то раздался крик, пронзительный вопль чьего-то чужого страдания и боли, и все было кончено.

Харрингтон склонился над лежащим на полу телом, и сам удивился урчанию, по-прежнему клокотавшему в горле.

Он выпрямился, поднял руки и при этом тусклом свете разглядел, что они испачканы липким алым, а доносившиеся из колодца вопли Харви

постепенно угасали затихающим стоном.

Харрингтон склонился над перилами и заглянул в колодец: из каждой щели, из каждого стыка Харви изливалась в колодец какая-то темная волокнистая субстанция — словно жизнь и разум истекали из Харви на землю.

А еще откуда-то доносился голос (голос ли?): «Дурак! Взгляни на дело рук своих! Что станется с тобой теперь?»

— Справимся как-нибудь, — сказал Харрингтон — не последний джентльмен, но уже и не пещерный человек.

На одной руке у него был глубокий порез, из которого сочилась кровь, пропитывая ткань разодранного рукава пальто, одна половина лица была мокрой и липкой, но в остальном все было в порядке.

«Мы так долго вели вас по пути истинному, — сказал умирающий голос, ставший теперь слабым и далеким. — Мы вели вас по нему столько веков...»

«Да, — подумал Харрингтон. — Да, друг мой, вы правы. Некогда это был Дельфийский оракул, но сколько еще было эпох до того? Вы делали это с умом. Прежде — оракул, теперь — аналитический компьютер. А что в промежутке — монастырь?

дворец? счетная палата?»

Хотя, наверно, вовсе не обязательно заниматься этим непрерывно. Достаточно вмешательства в каких-то критических точках.

И какова же была истинная цель этой деятельности? Направить запинающиеся шаги человечества, заставить людей мыслить так, как нужно чужим? Или приспособить человечество к нуждам этой инопланетной расы? А как выглядела бы культура человечества, если бы обошлось без вмешательства?

А сам он, гадал Харрингтон, не послужил ли он простой ширмой? Не он ли тот человек, в чей удел входило написать последний вердикт человечества после столетий формовки? Конечно, не своими словами, а словами этих двоих — того, в колодце, и этого, на балконе. Но двое ли их было? Быть может, только один? Или они были единым целым — каждый был лишь продолжением другого? Ибо когда умер Мэдисон — скончался и Харви.

— Твоя беда, дружок, — сказал Харрингтон лежавшему на полу существу, — что ты и сам во многом напоминал человека. Ты был слишком самоуверен и потому совершал ошибки.

А самой большой ошибкой была та, что они

позволили ему в одной из ранних книг описать неандертальца.

Он медленно пошел к двери и на мгновение задержался у порога, чтобы оглянуться на громоздящееся на полу скорченное тело. Его найдут через час-другой и вначале, вероятно, подумают, что это Мэдисон; потом заметят изменения и поймут, что это не Мэдисон. И все будут весьма озадачены, особенно тем, что сам Мэдисон исчез. А еще будут гадать, что случилось с Харви, ведь тот больше не заработает. И найдут кувалду!

«Кувалда! Боже милосердный, я едва не забыл кувалду!»

Харрингтон вернулся и взял кувалду, внутренне содрогаясь от страха перед тем, что могло бы случиться, забудь он ее там. Его отыскали бы по отпечаткам пальцев, и полиция тут же явилась бы, чтобы узнать, что ему известно.

Но на перилах тоже должны быть отпечатки пальцев, надо стереть их.

Он вытащил носовой платок и начал вытирать перила, недоумевая, зачем так утруждается, ведь в его поступке нет никакой вины.

«Невинен!» — твердил он себе.

Но так ли это?

Был ли Мэдисон злодеем или благодетелем?

На этот вопрос не даст ответа никто.

По крайней мере, пока. Вероятно, теперь это останется загадкой навеки — ведь человечество так прочно встало на предначертанный ему путь, что может так и остаться в колее. А Харрингтону до конца дней своих придется гадать, добру или злу послужило его деяние.

Он будет выискивать знаки и намеки, раздумывать над каждой тревожной новостью: быть может, эта лежащая на полу тварь предотвратила бы ее. Он будет просыпаться в ночи, терзаемый кошмарами об идиотской гибели пришельца от его, Харрингтона, собственной руки.

Харрингтон кончил полировать перила и пошел к двери. Тщательно протерев ее ручку, он закрыл ее за собой. И, словно подводя итог, развязал узел на рубашке.

Ни в вестибюле, ни на улице никого не было, и он немного постоял, озирая ее в холодном мертвенном свете утра.

Харрингтон съежился перед этим утренним светом и перед улицей, являвшимися символами этого мира. Ибо ему казалось, что улица криком кричит о его виновности.

Он знал, что есть способ забыть обо всем — стереть это из памяти раз и навсегда. Даже теперь

еще цела тропинка, которая приведет его к комфорту и безопасности и даже — да, к самодовольству; и ступить на нее — почти неодолимое искушение. А почему бы и нет? Нет никакого повода отказываться. Для всех, кроме него, не будет никакой разницы.

Но он упрямо покачал головой, словно стараясь отогнать этим подобную мысль.

Перехватив кувалду другой рукой, он перешел улицу, открыл заднюю дверцу своей машины и швырнул кувалду на пол.

Остановившись у машины с пустыми руками, Харрингтон ощутил, как молчание накатывается на него, словно пульсирующий в мозгу неумолчный прибой.

Он сжал голову руками, чтобы она не разлетелась от напора изнутри, и ощутил ужасную слабость, понимая, что наступила реакция — нервы вдруг расслабились после чересчур длительного напряжения.

А потом парализующее молчание стало всего лишь всеобъемлющей тишиной, и Харрингтон устало опустил руки.

С дальнего конца улицы выехала машина, остановившись невдалеке от него.

Из нее доносился визгливый голос радио:

— …В своем заявлении президенту Энрайт, отказываясь от принятого ранее поста, сказал, что в результате духовных исканий пришел к убеждению, что и для страны, и для мира будет лучше, если он отвергнет эту должность. По сообщениям из Вашингтона, внешнеполитические обозреватели и дипломатический корпус пребывают в смятении, вопрошая, какое отношение к госдепартаменту имеют духовные искания. Кроме того, сегодня утром поступила еще одна трудно поддающаяся оценке новость. Пекин сообщил о перестановках в правительстве, в результате чего к власти пришли умеренные его круги. Хотя судить пока слишком рано, подобная перестановка сил должна привести к полной перемене политического курса Красного Китая…

Голос радио внезапно оборвался, из машины вышел человек, захлопнул дверцу и побрел по улице.

Харрингтон открыл переднюю дверцу своей машины и сел за руль. У него вдруг возникло странное чувство, что он о чем-то позабыл. Попытался вспомнить, но воспоминание ускользнуло.

Он сидел, ухватившись за руль, а его тело сотрясала мелкая дрожь — словно трепет облегчения, хотя сообразить, по какому поводу, Харрингтон

не мог.

«Наверно, из-за Энрайта», — сказал он себе. Ибо это хорошая новость; не то чтобы Энрайт не подходит на этот пост, наоборот, более достойного кандидата не найти — но теперь у человека появились право и долг быть только самим самой.

«То же право теперь есть и у человечества», — подумал Харрингтон.

Но самым любопытным событием стала перестановка в китайском правительстве — словно с рассветом из мира ушел злой гений.

«А еще, — сказал он себе, — я должен вспомнить что-то насчет гениев — что-то насчет того, откуда берутся гении».

Но вспомнить этого никак не мог.

Опустив боковое стекло, он вдохнул резкий, свежий утренний ветерок. Наполнив легкие, Харрингтон выпрямил плечи и поднял подбородок. «Следует делать так почаще, — спокойно подумал он. — В зарождающемся дне есть нечто очистительное и возвышающее душу».

Выжав сцепление, он вывел машину на дорогу.

«Вот только Мэдисона жаль, — подумал он. — Как ни крути, славный он был парень».

Холлис Харрингтон, последний джентльмен, ехал навстречу занимающемуся дню.

Убийственная панацея
Перевод А. Филонова

Медики уже наготове и утром начнут операцию «Келли», а это нечто уникальное, раз уж ее окрестили «Келли»!

Доктор сидел в потрепанном кресле-качалке на покосившемся крыльце, повторяя себе это. Он покатал слово на языке, но в нем уже не было ни прежней остроты, ни сладости, как некогда, когда великий лондонский врач встал на заседании ООН и заявил, что назвать ее можно только «Келли», и никак иначе.

Хотя, если хорошенько подумать, все это дело случая. Вовсе не обязательно «Келли», это мог быть и кто-нибудь другой, лишь бы после фамилии стояло «Д. М.»[8]. Это мог быть Коэн, Джонсон, Радзонович или кто-нибудь еще — любой из врачей мира.

Он немного покачался. Кресло поскрипывало, доски крыльца постанывали ему в лад, а наступающие сумерки тоже были полны звуков вечерних игр детей, торопящихся насытиться последними

---

[8] notes: 8
Ученая степень доктора медицины.

минутами игры перед тем, как придется идти домой и вскоре после того — в постель.

В прохладном воздухе разносился запах сирени, а в углу сада смутно виднелись белые цветы раннего невестиного венка, того самого, что дала им с Дженет много лет назад Марта Андерсон, когда они впервые поселились в этом домике.

По дорожке протопал сосед, и в сгустившихся сумерках он не сумел разглядеть, кто именно, но сосед окликнул его:

— Добрый вечер, док.

— Добрый вечер, Хайрам, — ответил старый доктор Келли, узнав соседа по голосу.

Тот пошел прочь, громко топая по дорожке.

Старый доктор продолжал раскачиваться, сложив руки на своем брюшке, а из дома доносился шум кухонной суматохи: Дженет прибирала после ужина. Наверно, скоро она выйдет и сядет рядом с ним, и можно будет немного побеседовать, вполголоса и как бы между прочим, как полагается любящей пожилой паре.

Хотя, в общем-то, доктору уже следовало уйти с крыльца — в кабинете на столе ждал прочтения медицинский журнал. В последнее время развелось столько новых средств, и надо держаться в ногу со временем, хотя, судя по развитию собы-

тий, совершенно неважно, идешь ты в ногу со временем или нет.

Быть может, в скором будущем не останется почти ничего такого, с чем надо держаться в ногу.

Конечно, нужда в докторах будет всегда — всегда будут находиться проклятые идиоты, разбивающие машины, стреляющие друг в друга, втыкающие рыболовные крючки в ладони и падающие с деревьев. И всегда будут новорожденные.

Он немного покачался взад-вперед, размышляя о всех детях, которые выросли, стали мужчинами и женщинами и завели собственных детей. А еще он поразмыслил о Марте Андерсон, лучшей подруге Дженет, и о старине Коне Джилберте, самом сварливом из ходивших по земле самодуров, к тому же невероятно скупом. Подумав о том, сколько денег ему уже задолжал Кон Джилберт, ни разу в жизни не оплативший ни одного счета, доктор с кривой улыбкой хмыкнул себе под нос.

Но так уж пошло: одни платят, другие только делают вид, потому-то он с Дженет и живет в этом старом домишке и ездит на одной машине уже шестой год, а Дженет целую зиму ходила в церковь в одном и том же платье.

Хотя если подумать, то какая разница? Главная

плата заключается отнюдь не в деньгах.

Одни платили, другие нет. Одни живы, другие померли, и неважно, кем они были в этой жизни. У одних есть надежда, а у других нет, и одним об этом сказали, а другим нет.

Но теперь все изменилось.

И началось все здесь, в этом маленьком городке под названием Милвилл, и притом не более года назад.

Вот так, сидя в темноте, окруженный запахом сирени, белым мерцанием невестиных венков и приглушенными криками доигрывающих свое детей, он вспомнил все от начала и до конца.

Было почти 8.30, и он слышал, как мисс Лейн в приемной разговаривает с Мартой Андерсон, а та, как он знал, была последней.

Чувствуя себя совершенно разбитым, он снял свой белый халат, небрежно сложил его и бросил на смотровой стол.

Дженет давно ждет с ужином, но не скажет ни слова, она никогда ничего не говорит. За все эти годы она не сказала ни слова упрека, хотя порой он ощущал, что она не согласна с легкомысленным стилем его жизни, его постоянной возней с пациентами, которые ни разу даже не поблагодарили его — в лучшем случае оплачивали счета.

А еще было ощущение недовольства его переработкой, его готовностью спешить по ночному вызову, хотя вполне можно посетить больного во время обычного утреннего обхода.

Она ждет с ужином и знает, что Марта была у него, и будет спрашивать, как ее здоровье, и какого черта на это ответить?

Услышав, что Марта вышла и в приемной зацокали каблучки мисс Лейн, он подошел к раковине, открутил кран и взял мыло.

Дверь со скрипом распахнулась, но доктор даже не повернул головы.

— Доктор, — послышался голос мисс Лейн, — Марта думает, что с ней все в порядке. Говорит, вы ей помогаете. Как по-вашему…

— А по-вашему? — вместо ответа спросил он.

— Не знаю.

— А вы бы стали оперировать, зная, что это абсолютно безнадежно? Вы послали бы ее к специалисту, зная, что он ей не поможет, зная, что она не сможет ему заплатить и будет тревожиться по этому поводу? Вы сказали бы ей, что ей осталось жить месяцев шесть, лишая ее остатков небольшого счастья и надежды?

— Простите, доктор.

— Не за что. Я встречался с этим очень много

раз. Ни один случай не похож на другой, в каждом из них требуется уникальное решение. День сегодня был долгим и трудным…

— Доктор, тут еще один человек.

— Еще один пациент?

— Мужчина. Только что пришел. Зовут Гарри Герман.

— Герман? Впервые слышу.

— Он нездешний. Может, только что переехал к нам в город.

— Если бы он переехал, я бы знал. Я знаю обо всем, что тут творится.

— Может, он просто проездом. Может, он ехал по шоссе и заболел.

— Ладно, пусть войдет, — согласился доктор, взяв полотенце. — Я его осмотрю.

Медсестра повернулась к двери.

— Э-э, мисс Лейн!

— Да?

— Вы можете идти. Вам нет смысла торчать здесь. Сегодня действительно был трудный день.

День и в самом деле был трудным. Перелом, ожог, водянка, климакс, беременность, два тазобедренных сустава, целая гамма простуд, несварений желудка, два больных зуба, подозрительные шумы в легких, подозрение на

желчнокаменную болезнь, цирроз печени и Марта Андерсон. А теперь еще и человек по имени Гарри Герман — если вдуматься, то невероятное имя, очень даже курьезное.

Да и человек оказался курьезным — чуть выше и чуть стройней, чем можно себе представить; уши его прилегали к черепу чересчур плотно, а губы были такими тонкими, словно их и нет вовсе.

— Доктор? — сказал он, остановившись в дверном проеме.

— Да, — ответил доктор, подхватив халат и влезая в рукава. — Да, я доктор. Входите. Что вас беспокоит?

— Я не болен, — заявил человек.

— Не больны?

— Но я хочу говорить с вами. Вероятно, вы имеете время?

— Разумеется, имею, — ответил доктор, прекрасно зная, что времени у него нет и это вторжение следует отвергнуть. — Валяйте. Прошу садиться.

Он пытался определить акцент, но не мог. Пожалуй, Центральная Европа.

— Техника, — сказал человек. — Профессионализм.

— Что вы этим хотите сказать? — спросил док-

тор, чувствуя себя слегка неуютно.

— Я говорю с вами технично. Я говорю профессионально.

— Вы хотите сказать, что вы доктор?

— Не вполне, хотя, вероятно, вы думаете так. Я должен вам немедленно сказать, что я пришелец.

— Пришелец, — кивнул доктор. — У нас тут их множество. По большей части беженцы, эмигранты.

— Не то, что я говорю. Не тот род пришельца. С некой другой планеты. С некой другой звезды.

— Но вы сказали, что вас зовут Герман…

— В чужом монастыре, — ответил тот, — со своим уставом не ходят.

— А? — переспросил доктор, а затем осознал. — Боже милосердный, вы в самом деле?.. Значит, вы пришелец. То есть из тех пришельцев, что…

Тот радостно кивнул:

— С некой другой планеты. С некой другой звезды. Очень много световых лет.

— Ну, черт меня побери! — только и сказал доктор.

Он встал, глазея на пришельца, а тот ухмыльнулся ему, хотя и как-то неуверенно.

— Вы думаете, вероятно: «А ведь он так чело-

вечен!»

— Именно это мне и подумалось.

— Так вы можете, вероятно, поглядеть. Вы знаете человеческое тело.

— Вероятно, — кивнул доктор, хотя это ему пришлось совсем не по вкусу. — Однако человеческому телу присущи всякие курьезные выверты.

— Но не такой выверт, как этот, — ответил пришелец, показывая ладони.

— Да, — согласился доктор, — такого не бывает.

Потому что на руках пришельца было по два больших пальца и только по одному нормальному, словно лапа птицы надумала превратиться в человеческую руку.

— И такого тоже? — спросил пришелец, вставая и приспуская брюки.

— И такого, — снова согласился доктор, потрясенный этим зрелищем сильнее, чем за всю предыдущую практику.

— Тогда, — заявил пришелец, застегивая брюки, — по-моему, это явно.

Он снова сел и спокойно закинул ногу на ногу.

— Если вы имеете в виду, что я считаю вас пришельцем, — ответил доктор, — то пожалуй. Хотя это и нелегко.

— Вероятно, нет. Это приходит как удар.

— Да, конечно, удар, — доктор провел по лбу рукой, — но есть тут кое-что еще…

— Вы указываете язык и мое знание ваших обычаев.

— Естественно, это тоже.

— Мы изучали вас. Мы потратили время на вас. Не только на вас одного, конечно…

— Но вы так хорошо говорите, — запротестовал доктор. — Как высокообразованный иностранец.

— И это, конечно, и есть, что я есть.

— Ну да, пожалуй. Я как-то не подумал.

— Я не бойкий. Я знаю много слов, но я использую их некорректно. И мой словарь основан на общей речи. На субъектах более технических я буду неискусен.

Доктор обошел стол и плюхнулся в кресло.

— Ладно уж, — сказал он, — оставим это в покое. Я согласен, что вы пришелец. Теперь скажите еще одно: зачем вы здесь?

И был чрезвычайно удивлен, что спокойно принимает этот факт как данность. Но вот после, догадывался доктор, при одной мысли об этом его будет пробирать дрожь.

— Вы доктор, — заявил пришелец, — вы целитель вашей расы.

— Да, — согласился доктор, — я один из многих целителей.

— Вы работаете очень сильно, чтобы сделать нехорошее хорошим. Вы чините сломанную плоть. Вы отвращаете смерть…

— Мы пытаемся. Иногда нам это не удается.

— У вас есть множество хворей. У вас есть рак, и сердечные приступы, и простуды, и многое другое — я не нахожу слова.

— Болезни, — подсказал доктор.

— Болезни. Именно оно. Вы простите мою близорукость в разговоре.

— Давайте отбросим любезности, — предложил доктор. — Перейдем лучше к делу.

— Это неправильно — иметь все эти болезни. Это нехорошо. Это ужасная вещь.

— У нас их меньше, чем раньше. Многие болезни мы победили.

— И конечно, вы зарабатываете на болезнях.

— Да что вы такое говорите! — захлебнулся от возмущения доктор.

— Вы должны быть терпимы со мной, если я неверно понимал. Экономическая система есть вещь, которую трудно вместить в голову.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, — пробурчал доктор, — но позвольте сказать вам, сэр…

«Впрочем, без толку, — подумал он. — Это существо думает так же, как и многие люди».

— Я хотел бы указать вам, — начал он снова, — что медики прикладывают все усилия, чтобы одолеть те болезни, о которых вы говорите. Мы делаем все возможное, чтобы подорвать основы своей профессии.

— Это чудесно. Это то, что я думаю, но это противоречиво деловому духу вашей планеты. Я так понимаю, вы не против увидеть все болезни уничтоженными.

— Послушайте-ка, — сказал доктор, который был сыт всем этим по горло, — я не знаю, куда вы клоните. Но я голоден и устал, а если вы хотите сидеть и разводить тут свою философию…

— Философия, — повторил пришелец, — о нет, не философия. Я практичен. Я имею нечто предложить покончить со всеми болезнями.

На несколько секунд в комнате зависла напряженная тишина, потом доктор протестующе заворочался в кресле и сказал:

— Наверно, я вас неправильно понял, но, по-моему, вы сказали…

— У меня имеется метод, разработка, находка — не улавливаю слова, — которое разрушит все болезни.

— Вакцина, — предположил доктор.

— Это слово. Хотя она отличается некоторым образом от вакцины, о которой вы думаете.

— А рак? — спросил доктор.

— Рак, — кивнул пришелец, — обычная простуда и многое другое. Вы называете это, и оно ушло.

— Сердце, — предложил доктор. — Сердце вакцинировать невозможно.

— И это тоже. Это не настоящая вакцинация. Это делает тело сильным. Это делает тело правильным. Как регулировка мотора и делание его как новый. Со временем мотор изнашивается, но он работает, пока совсем не износится.

Доктор пристально воззрился на пришельца.

— Сэр, — сказал он, — не надо шутить над этим.

— Я не шучу, — ответил тот.

— А эта вакцина — она работает на людях? У нее нет побочных эффектов?

— Я уверен, что работает. Мы изучали ваше… вашу… способ, которым работают ваши тела.

— Вероятно, вы ищете слово «метаболизм».

— Спасибо.

— А цена?

— Цены нет, — провозгласил пришелец. — Мы

даем это вам.

— Совершенно бесплатно? Наверняка есть какие-нибудь…

— Никакой платы, — заявил пришелец, — и никаких условий.

Встав со стула, он вынул из кармана плоскую коробку и подошел к столу. Положив коробку на стол, надавил на нее с боков, и крышка резко откинулась. Внутри лежали подушечки, похожие на хирургические тампоны, но только сделанные не из ткани.

Доктор протянул было руку, но задержал ее над коробкой.

— Можно?

— Да, разумеется. Вы только касайтесь сверху.

Доктор нетерпеливо выхватил одну подушечку и положил ее перед собой. Надавил пальцем — внутри была жидкость. Аккуратно перевернув подушечку, он увидел, что нижняя поверхность была грубой и складчатой, будто рот, полный крохотных кровожадных зубов.

— Вы прилагаете грубую сторону к телу пациента, — пояснил пришелец, — она бросается на пациента. Она становится его частью. Тело поглощает вакцину, и подушечка отпадает.

— И это все?

— Это все.

Доктор осторожно поднял подушечку двумя пальцами и бросил ее обратно в коробку, потом посмотрел на пришельца.

— Но почему? Почему вы даете это нам?

— Вы не знаете, — ответил тот. — Вы действительно не знаете.

— Не знаю, — согласился доктор.

Взгляд пришельца вдруг стал очень старым и утомленным.

— Через миллион лет будете знать, — сказал он.

— Но не я, — откликнулся доктор.

— Через миллион лет вы будете делать то же самое, но несколько иначе. И тогда некто спросит вас, а вы сможете ответить не более, чем ныне я.

Если это и была отповедь, то весьма вежливая. Доктор попытался определить, упрек это или нет, но ни к чему не пришел. Он указал на подушечки:

— А не скажете ли, что там внутри?

— Я могу дать вам описательную формулу, но она будет в нашей терминологии. Это будет тарабарщина.

— Вы не обидитесь, если я это испробую?

— Я буду огорчен, если вы не испробуете, —

отвечал пришелец. — Я не ожидаю, что ваше доверие простирается так далеко. Это будет недоумно.

Закрыв коробку, он пододвинул ее доктору, потом повернулся и направился к двери. Доктор тяжеловесно встал и крикнул:

— Эй, погодите минуточку!

— Я встречусь с вами через неделю-другую, — сказал пришелец, вышел и закрыл за собой дверь.

Доктор плюхнулся обратно на стул и уставился на коробку.

Потом протянул руку и коснулся ее — она действительно существовала. Доктор надавил на ее бока, и крышка отскочила, открыв взору лежащие внутри подушечки.

Он отчаянно попытался одолеть этот дурман и вернуться к разуму, на твердую консервативную почву, к соответствующей — и более человечной — точке зрения.

— Чушь какая-то! — сказал он наконец.

Но это была вовсе не чушь, он понимал это на все сто.

Весь вечер он сражался с самим собой, сидя за закрытой дверью своего кабинета, слыша, как Дженет хлопочет в кухне, занимаясь уборкой

посуды после ужина.

Первое сражение происходило на фронте доверия.

Он сказал тому человеку, что верит в его инопланетное происхождение, и действительно, доказательства тому были, да такие, что мимо не пройдешь. И все равно это столь невероятно — все, от начала и до конца, что переварить этот факт довольно трудно.

А труднее всего осознать, что этот человек — пришелец он там или нет — из всех докторов мира выбрал именно его, доктора Джейсона Келли, заштатного докторишку в заштатном городишке.

Доктор так и эдак раскидывал, не розыгрыш ли это, и решил, что все ж таки нет, ведь трехпалую руку и ту штуку, которую он видел, подделать довольно трудно. Да и вообще, вся эта затея — если это только розыгрыш — так глупа и жестока, что просто лишена какого-либо смысла. Никто не питает к доктору такой лютой ненависти, чтобы столько ради этого биться. А даже если б и была такая лютая ненависть, то ни у кого в Милвилле не хватило бы воображения на подобную шутку.

Так что, решил доктор, единственным надежным вариантом решения следует считать, что

человек был натуральным пришельцем, а подушечки вполне bona fide[9].

А если это правда, остается только одно: испытать подушечки.

Доктор встал и начал мерить комнату шагами.

Марта Андерсон. Да, у Марты Андерсон рак, и жизнь ее проиграна — ничто на этом свете, никакие человеческие знания не в состоянии спасти ее. Оперировать Марту было бы безумием, поскольку операцию она вряд ли переживет; а даже если и переживет, дело зашло чересчур далеко. Скрытый убийца, которого она носила в своем теле, уже вырвался на свободу, и надежды на спасение нет.

И все равно доктору трудно было заставить себя сделать это, ведь она — самая близкая подруга Дженет, бедная пожилая женщина; все его инстинкты восставали против использования ее в качестве морской свинки.

А если взять старину Кона Джилберта? Проделать что-нибудь подобное с Коном доктор решился бы. Старый сквалыга вполне этого заслужил. Но старина Кон — натура чересчур подлая, чтобы заболеть по-настоящему; хоть он и

---

[9] notes: 9
Достоверны *(лат.)*.

божится, что болен, но, по сути, старый скопидом здоров как бык.

Что бы там пришелец ни говорил про побочные явления, но кто может знать заранее? Он сказал, что они изучили метаболизм человечества, но, если рассудить здраво, это совершенно невозможно.

Доктор понимал, что нужный ответ лежит под рукой, стоит только подумать, — он загнан куда-то в глубь сознания, доктор это чувствовал, но делал вид, что догадывается, загонял его подальше и отказывался признать его существование.

Но, пометавшись из угла в угол еще около часа, вывернув свои мозги наизнанку и обратно, доктор уступил и позволил ответу всплыть.

Закатывая рукав и открывая коробку, он был абсолютно невозмутим. Вынимая подушечку и прикладывая ее к руке, он выступал только в качестве непредубежденного естествоиспытателя.

Но вот когда он уже опускал рукав, чтобы Дженет не заметила подушечку и не начала сыпать вопросами, что случилось с его рукой, пальцы его дрожали.

Завтра люди по всему миру за пределами Милвилла выстроятся у дверей клиник, закатав рукава и приготовившись к процедуре. Скорее

всего, очередь будет двигаться ровным потоком, потому что делать практически ничего не надо. Просто каждый пройдет перед доктором, а доктор прилепит подушечку на его или ее руку, и тут же подойдет следующий.

«По всему миру, — думал доктор, — в каждом его уголке, в каждой деревушке, не обойдут ни одного человека. Даже бедных, ибо это делается бесплатно».

И тогда можно будет ткнуть пальцем в календарь и сказать: «В этот исторический день всем болезням настал конец».

Потому что подушечки не только уничтожат нынешние хвори, но и оберегут от будущих.

И каждые двадцать лет из космоса будут прибывать исполинские корабли, несущие груз подушечек, и будет наступать очередной День Вакцинации. Но теперь это уже будет касаться не столь многих — процедуре будет подвергаться лишь юное поколение. Кто был вакцинирован однажды, больше в этом не нуждается. Единственная вакцинация действует всю жизнь.

Доктор тихонько топнул по полу веранды, чтобы вновь заставить кресло раскачиваться. «Тут было славно, — думал доктор. — А завтра будет славно во всем мире. Завтра многие страхи

уйдут из человеческой жизни. А послезавтра, избавившись от несчастий и насилия, люди смогут с уверенностью смотреть в будущее и жить, сколько положено. И пожалуй, эта жизнь будет совершенно здоровой».

Стояла тихая ночь: дети наконец-то забросили игры и разошлись по домам. Да и доктор устал. Теперь-то он мог признаться себе, что устал. Теперь, спустя столько лет, признание в усталости не станет предательством.

В доме негромко замурлыкал телефон, и этот звук заставил доктора прервать свои покачивания и сесть на краешке кресла.

Послышались мягкие шаги Дженет по направлению к телефону, и, услышав ее нежный голос, доктор затрепетал.

Теперь, всего через мгновение, она позовет его, и придется идти в дом.

Но она не позвала его, продолжая разговор.

Доктор снова устроился в кресле поудобнее.

Он опять забылся: телефон больше не враг, и его звонки больше не преследуют доктора.

Потому что Милвилл оказался первым. Он уже избавился от страха. Милвилл оказался «подопытным кроликом», испытательным полигоном.

Первой стала Марта Андерсон, за ней после-

довал Тэд Карсон с подозрительными шумами в легких, а за ним — ребенок Юргена, подцепивший пневмонию. И еще дюжина прочих, пока подушечки не подошли к концу.

И тогда вернулся пришелец.

И пришелец сказал… что же он такое сказал?

— Не считайте нас благодетелями или суперменами. Мы ни то ни другое. Думайте обо мне, если вам угодно, как о своем соседе.

«Так пришелец пытался добиться понимания, — подумал доктор, — стремясь перевести их деяние на язык обычных идиом».

А было ли такое понимание, сколько-нибудь глубокое понимание? Доктор в этом сомневался.

Хотя пришельцы во многом напоминали людей, даже умели шутить.

В памяти доктора застряла лишь одна шутка, сказанная пришельцем. Довольно глупо, если вдуматься, но эта шутка тревожила доктора.

Распахнулась затянутая сеткой дверь, на крыльцо вышла Дженет и села на лавку.

— Звонила Марта Андерсон.

Доктор хмыкнул: Марта жила всего в пяти шагах от них, виделась с Дженет по двадцать раз на дню, и все равно ей приходилось еще и звонить.

— И что же угодно Марте?

— Ей нужна помощь в приготовлении булочек, — рассмеялась Дженет.

— Ты имеешь в виду ее знаменитые булочки?

— Она никак не вспомнит, сколько надо дрожжей.

Доктор тихонько хрюкнул.

— И с ними-то она выигрывает все призы на всех местных ярмарках!

— Это вовсе не так смешно, как ты думаешь, Джейсон, — с упреком ответила Дженет. — Подобные вещи легко забыть. Она ведь печет очень много всякого.

— Пожалуй, ты права, — согласился доктор и подумал, что следует встать и пойти читать журнал, но делать это по-прежнему не хотелось. Ведь так приятно сидеть здесь — просто так, без всякого дела. Давным-давно он уже столько не сидел.

Для него это, разумеется, вполне нормально — он уже стар и близится к дряхлости, но вот для молодого доктора, который еще не отработал свое образование и только-только приступил к работе, это было бы ненормально. В ООН поговаривали о том, что надо обязать все законодательные органы выделить медицинские фонды на то, чтобы врачи продолжали работать. Если даже исчезнут все болезни, врачи будут нужны по-

прежнему. Это ничуть не умаляет их значения, ибо острая нужда в их услугах будет возникать снова и снова.

Тут доктор услышал на улице приближающиеся шаги, свернувшие к его калитке, и сразу выпрямился в кресле.

Быть может, пациент, знающий, что он дома, зашел его повидать.

— О, — Дженет была весьма удивлена, — никак это мистер Джилберт!

И это действительно был сам Кон Джилберт.

— Добрый вечер, док. Добрый вечер, миз Келли.

— Добрый вечер, — ответила Дженет, поднимаясь, чтобы уйти.

— Вам незачем уходить, — сказал Кон.

— У меня есть кое-какие дела, я и так уже собиралась идти в дом.

Кон поднялся на крыльцо и присел на лавку.

— Чудесный вечер, — провозгласил он, помолчав.

— Не без того, — согласился доктор.

— Самая чудесная весна, какую я видал, — продолжал Кон, мучительно подбираясь к сути своего дела.

— И мне так кажется. По-моему, сирень никогда

не пахла так славно.

— Док, — решился наконец Кон, — я задолжал вам немножко деньжат.

— Да, кое-что.

— Вы не представляете, сколько именно?

— Ни в малейшей степени. Я никогда особо не утруждал себя выяснением.

— Считали, что это пустая трата времени. Считали, что я никогда не уплачу.

— Что-то в этом роде, — кивнул доктор.

— Вы меня врачевали очень долго.

— Верно, Кон.

— У меня с собой три сотни. Как вы думаете, это сойдет?

— Давайте скажем так, Кон, — ответил доктор. — Я бы оценил все скопом в меньшую сумму.

— Ну, тогда мы будем вроде как квиты. Мне кажется, что три сотни будет по-честному.

— Если вы так считаете.

Кон извлек свой бумажник, вынул из него пачку купюр и протянул ее доктору. Доктор взял ее, сложил пополам и сунул в карман.

— Спасибо, Кон.

И внезапно доктора пронзило курьезное чувство, будто он должен что-то понять, будто есть

некая догадка, которую осталось только ухватить за хвост.

Но он не мог выудить ее из подсознания, как ни старался.

Кон поднялся и, шаркая, направился к ступеням.

— Я как-нибудь загляну, док.

Доктор заставил себя вернуться к действительности.

— Разумеется, Кон. Заглядывайте. И спасибо.

Он сидел не раскачиваясь и слушал, как Кон идет по дорожке к калитке, а потом прочь по улице, пока шаги старика не стихли в отдалении.

Доктор решил, что если надо встать и взяться за журнал, то теперь самое время.

Хотя, скорее всего, это чертовски глупо. Пожалуй, медицинские журналы больше никогда не понадобятся.

Отодвинув журнал в сторону, доктор выпрямился, гадая, что его тревожит. Он читал уже двадцать минут, но прочитанное как-то не удерживалось в сознании; доктор не помнил ни слова.

«Я слишком расстроен, — думал он. — Слишком взбудоражен операцией «Келли», ну надо ж так назвать: операция «Келли»!»

И снова вспомнил все до мельчайших подробностей.

Как он испробовал это средство в Милвилле, потом поехал в окружную медицинскую ассоциацию и как окружные доктора, пофыркав и высказав весь свой скептицизм, все-таки позволили себя убедить. Оттуда доктор Келли двинулся в ассоциацию штата, а там — и в Американскую медицинскую ассоциацию.

И наконец наступил тот великий день в ООН, когда пришелец появился перед делегатами и когда доктора Келли представили присутствующим, а затем встало светило из Лондона и предложило назвать проект именем Келли, ни больше ни меньше.

Доктор помнил, что тогда его переполняла гордость, и попытался возродить в себе это чувство, но это ему ни капельки не удалось. Больше никогда в жизни он уже не сумеет ощутить такую же гордость.

Вот так он и сидел в ночи — обычный деревенский доктор в своем кабинете, пытающийся чтением наверстать то, на что никогда не было времени.

Но теперь все переменилось, и времени стало больше чем достаточно.

Доктор пододвинул журнал в отбрасываемый лампой круг света и углубился в чтение.

Но дело двигалось медленно.

Он вернулся назад и перечитал абзац заново.

То ли постарел, то ли глаза видят хуже, то ли поглупел?

Вот оно, это слово — ключ ко всему, та самая догадка, которую только оставалось ухватить за хвост и извлечь на свет Божий.

Поглупел!

Наверно, не совсем поглупел. Может, просто стал тугодумом. Стал не то чтобы менее умным, а просто не таким догадливым и остроумным, как прежде. Стал не так быстро ухватывать суть.

Марта Андерсон забыла, сколько нужно дрожжей для выпечки ее знаменитых премированных булочек, — а прежде Марта нипочем не забыла бы этого.

Кон оплатил свои счета, а по шкале ценностей Кона, которую он свято исповедовал всю жизнь, это была чистейшей воды глупость. По мнению Кона, остроумно и дальновидно было бы теперь, когда наверняка известно, что доктор ни за что ему не понадобится, вообще забыть о своих долгах. Да и потом, сделать это было нелегко; он будет теперь ворочаться всю ночь, не в силах

забыть содеянное.

А еще пришелец сказал одну вещь, которую доктор тогда принял за шутку.

«Ни о чем не беспокойтесь, — сказал пришелец, — мы вылечим все ваши болезни. Вероятно, даже те, о которых вы и не подозреваете».

Но можно ли считать интеллект болезнью?

Трудно думать о нем в подобном смысле.

Однако если какая-нибудь раса настолько одержима интеллектом, как человеческая, то он вполне может считаться болезнью.

Если интеллект развивается столь стремительно, как он развивался в последние полвека, когда количество открытий и достижений неуклонно росло, а новые технологии сменяли одна другую с такой скоростью, что человек не успевал перевести дыхание, — тогда его можно расценивать как болезнь.

Ум доктора стал менее острым. Ему не удалось так быстро, как прежде, ухватить суть статьи, перегруженной медицинскими терминами; прочитанное медленнее укладывалось у него в голове.

А так ли уж это плохо?

Некоторые из самых глупых людей, которых он знал, были и самыми счастливыми людьми.

И хотя эта мысль вряд ли могла бы служить обоснованием для намеренного планирования глупости, но, по крайней мере, она воспринималась как мольба об избавлении человечества от излишних волнений.

Доктор отодвинул журнал в сторону и сидел, глядя на круг света от лампы.

Первым это проявилось в Милвилле, потому что Милвилл был испытательным полигоном. А через шесть месяцев после завтрашнего дня это станет ощущаться по всему миру.

Доктора тревожило, как далеко это может зайти, — ведь, в конце концов, вопрос был жизненно важным.

Только меньшая острота ума?

Или утрата навыков и способностей?

Или, еще того пуще, возвращение к обезьяне?

Никто не сумел бы ответить…

И чтобы остановить все это, нужно было лишь поднять телефонную трубку.

Доктор оцепенел при мысли, что операцию «Келли» придется отменить, что после стольких лет, наполненных смертями, болезнями и страданиями, человечество должно будет отказаться от нее.

Но ведь пришельцы, подумал он, пришельцы

не позволили бы этому зайти слишком далеко. Кто бы они ни были, он верил в их добрые намерения.

Быть может, между их расами не было глубокого понимания и полного согласия, однако имелось все же нечто общее — простое сострадание к слепым и увечным.

Но вдруг он ошибается? Что, если добрые намерения пришельцев — ограничить способности человечества к самоуничтожению — способны довести человека до состояния крайней глупости? Какое решение принять в этом случае? А что, если их план и состоял в том, чтобы ослабить человечество перед вторжением?

Сидя в своем кресле, он уже знал.

Знал, что, какова бы ни была вероятность того, что его подозрения справедливы, он ничего не станет делать.

Понимал, что не имеет права быть судьей в подобных делах, поскольку необъективен и пристрастен, но ничего не мог с собой поделать.

Он слишком долго был врачом, чтобы отменять операцию «Келли».

День перемирия
Перевод И. Почиталина

1

Все тихо. Нигде ни признака панков. Над голой истерзанной землей повисла гнетущая тишина. Не было заметно ни малейшего движения — даже стаи бродячих собак и те исчезли.

Слишком уж спокойно, заключил Макс Хейл.

Обычно хоть что-нибудь да двигалось и время от времени доносились звуки. Казалось, все затаилось перед какой-то страшной опасностью — скорее всего, очередным нападением. Хотя теперь атака может быть направлена только против одной цели. А какое дело остальным, подумал Макс, ведь они давным-давно сдались, чего им прятаться за дверями и ставнями?

Макс стоял на плоской крыше укрепленной усадьбы, цитадели Кроуфорда, и следил за улицами, что вели к северу и западу от нее. По пути домой мистер Кроуфорд выберет одну из них. Никто не знал, какую именно, потому что мистер Кроуфорд редко возвращался одним и тем же маршрутом. Только так можно было избежать за-

сады или опасности натолкнуться на баррикаду. Правда, сейчас засады стали куда реже — почти не осталось деревьев и кустарников, стало трудно скрываться. Требовалась немалая изобретательность, чтобы организовать засаду в такой голой и разграбленной местности. Однако, напомнил себе Макс, уж в чем, в чем, а в отсутствии изобретательности панков трудно было обвинить.

Мистер Кроуфорд позвонил днем и сказал, что немного задержится. Из-за этого Макс и нервничал. Минут через пятнадцать начнет смеркаться, а с наступлением темноты окрестности Оук-Мэнор становились опасными. Впрочем, теперь ночью становились опасными все пригороды. И хотя район Оук-Мэнор был опаснее других, нигде нельзя было себя чувствовать в безопасности.

Он снова поднес к глазам бинокль и внимательно осмотрел окружающую местность. Ничего — ни патрулей, ни прячущихся одиночек. Хотя где-то скрывались наблюдатели, в этом Макс не сомневался. Панки не сводили глаз с усадьбы Кроуфорда, надеясь, что когда-нибудь бдительность ее обитателей ослабнет.

Макс переводил бинокль с одной улицы на другую, с одного разрушенного дома на другой. Разбитые стекла, осыпавшаяся краска, багровые

полосы, нанесенные несколько лет назад. Здесь и там виднелись высохшие деревья с обломанными ветвями. Пожелтевшие, давно мертвые, они торчали посреди пыльных дворов — дворов, с которых исчезла трава, когда-то превращавшая их в лужайки.

Вдоль Сёркл-драйв, на вершине холма, виднелось то, что напоминало об усадьбе Томпсона, павшей пять лет назад. От дома не осталось и следа. Он был стерт с лица земли до основания, уничтожен камень за камнем, доска за доской. Лишь скелеты погибших деревьев да погнутые и искореженные металлические опоры говорили, где проходила укрепленная ограда.

Теперь только цитадель Кроуфорда возвышалась в Оук-Мэнор. Макс думал об этом с гордостью и тяжелыми воспоминаниями. Она выстояла благодаря ему, подумал Макс, и он будет защищать усадьбу до конца.

Это был последний оазис посреди голой пустыни, со своими деревьями и травой, летними беседками, поросшими вьющимися растениями, густыми кустами и солнечными часами поразительной красоты, с фонтаном и прудом, где плавали золотые рыбки и росли лилии.

— Макс, — донеслось из портативной рации,

что висела на груди.

— Слушаю, мистер Кроуфорд.

— Где вы сейчас, Макс?

— На посту, на крыше.

— Я проеду по Сеймур-драйв, — донесся металлический голос мистера Кроуфорда. — Сейчас я примерно в миле от дома, за холмом. Подъеду, не сбавляя скорости.

— Поблизости никого нет, сэр.

— Отлично. Вовремя откройте ворота, Макс.

— У меня с собой пульт дистанционного управления, сэр. Открою ворота прямо отсюда. Буду смотреть в оба.

— Сейчас я приеду, — закончил мистер Кроуфорд.

Макс взял в руки пульт управления, ожидая появления машины хозяина усадьбы.

Автомобиль вырвался из-за вершины холма, промчался по Сеймур-драйв и с ревом полетел к воротам.

Когда он был всего в трех метрах от ворот, Макс нажал на кнопку, отпирающую электронный замок. Массивный бампер ударил по воротам и распахнул их. Тяжелые буферы, протянувшиеся по бокам автомобиля, удержали их открытыми долю секунды, необходимую, чтобы автомобиль

проскочил во двор. И тут же мощные пружины захлопнули ворота. Щелкнул замок.

Макс повесил пульт управления на плечо и спустился вниз по лесенке.

Когда он подошел, мистер Кроуфорд уже поставил машину в гараж и запирал ворота.

— Действительно, все тихо, — заметил мистер Кроуфорд. — Гораздо спокойнее обычного.

— Это мне не нравится, сэр. Они что-то затевают.

— Вряд ли, — пожал плечами мистер Кроуфорд. — Накануне Дня перемирия?

— От этих паршивых панков можно ждать чего угодно.

— Согласен, — кивнул мистер Кроуфорд, — но завтра они соберутся здесь, чтобы повеселиться. Нам не следует обижать их. В конце концов, мы их соседи, и нехорошо нарушать традиции. Мне бы не хотелось, чтобы ваше усердие вышло за рамки дозволенного.

— Вы ведь хорошо знаете, сэр, — запротестовал Макс, — я никогда не пойду на это. Я боец, сэр, но воюю честно.

— Я просто вспомнил о том маленьком трюке, который вы хотели выкинуть в прошлом году. — Мистер Кроуфорд взглянул на Макса.

— Но ведь это не причинило бы им никакого вреда, сэр. По крайней мере серьезного вреда. Они бы даже ничего не заподозрили. Капля-другая во фруктовый пунш — и все. Они почувствовали бы действие лишь через несколько часов. Состав действует очень медленно.

— Даже так, — сурово сказал мистер Кроуфорд. — Накануне Дня перемирия?

— От этих паршивых панков можно ждать чего угодно.

— Даже так, — сурово сказал мистер Кроуфорд. — Хорошо, что я узнал об этом вовремя. И мне не хочется, чтобы на этот раз случилось что-нибудь подобное. Надеюсь, вы меня поняли?

— Конечно, сэр, — ответил Макс. — Можете положиться на меня.

Какая это глупость — День перемирия, подумал Макс. Пережиток далекого прошлого, когда кому-то из либералов пришла в голову мысль, что будет неплохо, если жители усадеб встретятся с панками в мирной обстановке и вместе проведут праздник.

Естественно, так и случается, но всего лишь один день в году. На протяжении двадцати четырех часов нет нападений, горящих стрел, брошенных через высокий забор гранат. Но уже

спустя секунду после полуночи вражда вспыхивает снова, не менее упорная и жестокая, чем раньше.

Она длилась уже много лет. Макс отлично понимал, каким будет ее исход. Наступит день, и усадьба Кроуфорда, несмотря на все укрепления, падет, как уже пали все остальные цитадели в Оук-Мэнор. Но Макс дал слово, что, пока не наступит этот день, он будет бороться до последнего. Ни на мгновение не ослабит бдительности, и еще не один панк пожалеет, что ввязался в эту войну.

Мистер Кроуфорд распахнул дверь. На мгновение яркий свет вырвался наружу. Затем дверь закрылась, и дом снова превратился в безмолвную громаду, холодную и темную. Сквозь затемнение не пробивалось даже крошечного луча света. Ежедневно, еще до наступления темноты, Макс подходил к щиту управления, перебрасывал ручку рубильника, и на всех окнах захлопывались стальные ставни. Освещенные окна в ночи представляли собой слишком хорошую цель.

В последнее время нападения случались только ночью. Еще недавно их можно было ожидать и днем, однако теперь опасность для нападающих была слишком велика. Год за годом оборона укреплялась, и дневные рейды превратились в

безрассудство.

Макс повернулся и подошел к воротам. Он натянул резиновые перчатки и при свете фонарика осмотрел замок. Ворота были заперты. Еще не было случая, чтобы электронный замок не сработал. Тем не менее полностью исключить такую опасность нельзя, поэтому Макс никогда не забывал проверить ворота.

Он протянул руку в резиновой перчатке и потрогал забор. Два с половиной метра высотой, с несколькими рядами колючей проволоки наверху. И через каждый дюйм проволоки струился электрический ток высокого напряжения. Максу казалось, что провода гудят под током, но он знал, что это всего лишь иллюзия. Он знал, что электричество бесшумно.

За первым, основным, забором стоял второй, запасной, в который можно было подать ток, если основной рухнет.

Сзади послышалось едва различимое дыхание.

— Здорово, приятель, — сказал Макс, обернувшись.

В темноте было трудно различить очертания собаки, однако Макс знал, что она фыркает от удовольствия при звуках его голоса.

Собака вынырнула из темноты и прижалась к

его ногам. Макс присел и прижал к груди огромную голову. В одно мгновение собака облизала ему лицо.

— А где остальные? — спросил Макс и почувствовал, как могучее тело задрожало от удовольствия.

Отличные псы, подумал он. Живущих в доме они любят до обожания, но смертельно ненавидят посторонних. Так их воспитали.

Макс знал, что остальная стая бродит по двору, прислушиваясь к малейшему шороху. Никто не сможет подойти к забору незамеченным. Любого, сумевшего перемахнуть через забор, они разорвут в клочья.

Он снял перчатки и положил их в карман.

— Пошли, пошли, — сказал он.

Макс сошел с дорожки и осторожно двинулся по двору. Здесь нужно было следить за каждым шагом, потому что поверхность двора была тщательно спланирована таким образом, что любая брошенная граната или бутылка с зажигательной жидкостью неминуемо скатывалась бы в одну из ловушек, которыми был усеян двор. Правда, теперь гранаты и бутылки редко перелетали через забор. Нападающие поняли, что это ни к чему не приведет. Было время, когда в дом летели

горящие стрелы. После того как поверхность дома была обработана несгораемым составом, стрелы тоже сошли на нет.

Макс остановился и замер. Листья на ветках деревьев шелестели под легким дуновением ветра. Он поднял голову и посмотрел на их темные очертания, вырисовывающиеся на фоне более светлого неба.

Как они красивы, подумал Макс. Жаль, что их почти не осталось. Когда-то эта округа называлась Оук-Мэнор — Дубовая Роща, потому что здесь росли эти величественные исполины. И вот теперь, прямо перед Максом, возвышался последний из них — огромный старый патриарх, крона которого закрывала свет первых звезд.

Макс смотрел на старый дуб со страхом и благоговением. Да, он представлял собой смертельную угрозу. Дуб был старым и дуплистым, его нужно было убрать, потому что он склонялся в сторону забора и при сильном ветре мог рухнуть прямо на провода, нарушив защиту усадьбы. Несколько раз Макс порывался поговорить с мистером Кроуфордом, но он знал, что хозяин усадьбы любит старого великана. Да и сам Макс был неравнодушен к дубу. Может быть, если закрепить его тросами, чтобы дерево, по крайней мере, не упа-

ло на забор… Хотя тросы, охватывающие этот могучий ствол, казались святотатством, оскорблением древнего монарха…

Осторожно ступая, сопровождаемый собакой, Макс вышел на патио. Наклонившись, он провел ладонью по шершавой поверхности солнечных часов. Мистер Кроуфорд привез их из монастырского сада где-то во Франции. Уже одно это придавало ценность древним часам. Но, может быть, мистер Кроуфорд видел в них что-то другое, помимо того что им было много сотен лет и их привезли из-за океана.

Возможно, солнечные часы были для него символом давно ушедших дней, когда каждый человек имел право на сад, кусты и траву возле своего дома и их не нужно было защищать, когда он мог гордиться домом и тем, что его окружало. Однако это право понемногу с течением времени исчезло.

2

Все началось незаметно. Дети, играя, топтали лужайки, а бегающие за ними своры счастливых псов ломали кусты. У каждого мальчика должна быть своя собака, говорили родители.

Жители пригородов перебрались сюда из шум-

ных перенаселенных городов, чтобы жить, как любили говорить они, на лоне природы. Здесь каждая семья сможет завести себе собаку, а дети будут бегать и играть на свежем воздухе под лучами солнца.

И правда, здесь было где бегать, поэтому дети бегали. Ничего другого им не оставалось. Они носились сломя голову по улицам, лужайкам и дорожкам, ломая и разоряя все, что им попадалось. Прошло время, ребятишки выросли, но никаких других развлечений взрослые им предложить не могли. Им оставалось лишь одно — бегать. Их матери каждое утро собирались пить кофе и сплетничать, а отцы каждый вечер сидели во дворе и пили пиво. Пользоваться семейным автомобилем стало слишком дорого — цены на бензин снова подскочили, дома были заложены в банках и нужно было выплачивать проценты, налоги все росли и росли, и на все это требовались деньги.

И вот, в поисках выхода для своей энергии, вымещая обиду за то, что у них ничего нет, повзрослевшие ребятишки начали искать приключения в актах вандализма. Они резали бельевые веревки во дворах, рубили на куски садовые шланги, неосторожно оставленные на ночь без присмот-

ра, ломали столы и стулья в патио, чертили по стенкам и штакетнику кусками мела.

Раздраженные домовладельцы начали строить заборы, чтобы оградить свои дворы от налетов молодежи с собаками, и это сразу было истолковано как оскорбление и вызов.

И этот первый забор, воздвигнутый много лет назад, стал предшественником почти трехметрового электрифицированного ограждения цитадели Кроуфорда, а маленькие вандалы с кусками мела, с восторженными криками бившие окна в домах соседей, были предками панков.

Макс выпрямился и пошел к забору мимо пруда с лилиями и золотыми рыбками, мимо пляшущих струй фонтана, мимо склонившихся плакучих ив.

— Пст! — донеслось с другой стороны забора.

— Это ты, Билли?

— Да, — ответил Билли Уорнер.

— У тебя есть какие-нибудь новости?

— Завтра День перемирия, и мы придем в гости…

— Да, я это знаю, — ответил Макс.

— Они принесут с собой бомбу с часовым механизмом.

— Но как? — спросил Макс. — Полицейские

обыскивают при входе каждого.

— Бомба будет разобрана на части. У каждого будет спрятана под одеждой одна деталь. Сегодня вечером Стоуни Стаффорд будет раздавать их. Он подобрал группу, которая тренировалась несколько недель. Они могут собрать ее даже в темноте, на ощупь.

— Да, пожалуй, — медленно сказал Макс. — Это возможно. А после того, как ее соберут?

— Подложат под солнечные часы, — сказал Билли.

— Спасибо, — сказал Макс. — Это было бы огромным ударом для мистера Кроуфорда.

— Мне кажется, я заработал двадцатку.

— Да, — согласился Макс. — Двадцатку ты заработал.

— Если они узнают, что я проболтался тебе, меня убьют.

— Не узнают, — ответил Макс. — От меня не узнают.

Он достал из кармана бумажник, на мгновение включил фонарик и вытащил две десятки. Сложил их вдвое вдоль и просунул между проводами забора.

— Осторожно! — предупредил Макс. — Не касайся проводов, они под током.

Из темноты появилась рука, схватила деньги и исчезла. Послышался шорох удаляющихся шагов.

Макс замер, прислушиваясь. Ветер по-прежнему шуршал листьями, слышался плеск фонтана, напоминавший звон серебряных колокольчиков.

Он повернулся и двинулся вдоль забора, завершая вечерний осмотр. Выйдя из-за гаража. Макс увидел, что у ворот стоит полицейский автомобиль.

— Ты, Чарли? — окликнул он.

— Это я, Макс, — отозвался Чарли Поллард. — Все тихо?

— Как всегда.

Макс подошел к воротам и увидел за забором неясные очертания коренастой фигуры полицейского.

— Проезжал мимо и решил заглянуть, — сказал Поллард. — Сегодня вечером тихо. Скоро мы приедем, чтобы убедиться, что у тебя нет ничего запрещенного. Мне кажется, у тебя солидный запас.

— Только для обороны, — кивнул Макс. — Таков закон.

— Да, таков закон, — согласился Поллард. —

Но мне кажется, что иногда ты проявляешь чрезмерное рвение. К примеру, у тебя в заборе электрический ток — три тысячи вольт?

— Естественно, — сказал Макс. — Ты считаешь это неправильным?

— Какой-нибудь малыш схватится за провод и будет убит на месте.

— А тебе хочется, чтобы его только чуть-чуть пощекотало?

— И все-таки ты бываешь излишне жестоким.

— Сомневаюсь, — возразил Макс. — Я наблюдал с крыши, что они сделали с усадьбой Томпсона пять лет назад.

— Тогда я еще служил в Фэйрвью-Эйкерс.

— Так вот, они разнесли ее на части, — сказал Макс. — По кирпичу, камень за камнем, бревно за бревном. От дома ничего не осталось, как и от остальных построек. Они свалили все деревья и затем порубили их. Вырвали с корнем кусты. Перекопали клумбы. Когда они ушли, за ними осталась пустыня. Так что пока я здесь, я не позволю, чтобы с домом мистера Кроуфорда случилось что-то подобное. Человек имеет право посадить и вырастить дерево, посеять траву. Если ему хочется разбить клумбу, он имеет право и на это. Я знаю, тебе это покажется странным, но он даже

имеет право не пускать в дом посторонних.

— Да, — согласился полицейский, — все это верно. Но ведь ты имеешь дело с детьми. Ты должен уступить им. Они твои соседи. Если бы ты и они проявили добрую волю, все было бы в порядке.

— Мы не можем себе этого позволить, — сказал Макс. — В нашей стране соседские отношения, о которых ты говоришь, означают отказ от всех прав. Добрососедские отношения нарушились давным-давно, когда ребятишки начали ходить по твоей лужайке к школьному автобусу, а ты не решился возразить, чтобы тебя не обругали. Они нарушились тогда, когда твой сосед попросил на часок газонокосилку и забыл вернуть ее, а когда ты зашел за ней, оказалось, что она сломана. Но сосед притворился, что он ничего не знает, и ради добрососедских отношений ты не осмелился потребовать, чтобы он заплатил за ремонт.

— Может быть, и так, — сказал Поллард, — но сейчас все это вышло из-под контроля. События зашли слишком далеко. Вы ведете себя слишком уж высокомерно.

— Есть простой выход, — заметил Макс. — Пусть панки оставят нас в покое, и мы тут же уберем забор и все остальное.

Поллард покачал головой:

— Слишком поздно. Ничего нельзя сделать. — Он пошел к машине, затем повернул голову: — Чуть не забыл, — сказал он. — Завтра — День перемирия. Я и двое полицейских приедем рано утром.

Макс промолчал. Машина тронулась с места и исчезла в дали.

Он повернулся и пошел к дому.

Нора приготовила ему ужин. Макс тяжело опустился на стул. Каждый вечер он уставал все больше и больше. Раньше он был помоложе, и жизнь казалась куда более простой.

— Что-то ты поздно сегодня, — сказала Нора, ставя перед ним тарелку. — Все в порядке?

— Пожалуй. Все тихо. Но завтра могут быть неприятности. Они принесут с собой мину.

— Мину! — воскликнула Нора. — Нужно сообщить в полицию.

Макс покачал головой:

— Нет, это бессмысленно. Полиция на их стороне. Полицейские будут утверждать, что мы вели себя настолько вызывающе, что у панков не было другого выхода. К тому же я не должен выдать парня, сообщившего мне об этом. Однако уже то, что я знаю о мине, очень важно. Теперь я буду настороже.

И все-таки его тревожило что-то. Может быть, не сама мина, а что-то другое, связанное с ней.

Макс закончил ужин и отодвинул тарелку. Нора налила ему кружку кофе и села напротив.

— Ты знаешь, Макс, мне иногда делается страшно, — сказала она.

Он кивнул.

— Я не понимаю, почему Кроуфорды так цепляются за свою усадьбу. Они могли бы переехать в город. Там куда безопаснее. Конечно, и в городе орудуют банды, но там они в основном воюют между собой.

— Гордость, Нора, — ответил Макс. — Они не хотят сдаваться. Это сильные и гордые люди.

Нора вздохнула:

— Пожалуй, ты прав. Но все равно жаль. В городе они могли бы жить в комфорте и безопасности, не то что здесь.

— Спасибо, Нора. — Макс встал из-за стола. — Ты так вкусно готовишь.

— Кончай льстить, — ответила довольная Нора.

Макс спустился в подвал и сел перед коротковолновым передатчиком. Одну за другой он вызвал усадьбы, еще оставшиеся в округе. У них тоже все было тихо. Вот уже несколько дней.

Макс снял наушники и отодвинулся на спинку стула. Он никак не мог забыть о мине и о том, что завтра ее подложат под солнечные часы. Здесь что-то не так, но что?

Он вышел во двор. Высоко в небе сияла луна. Макс направился к солнечным часам. Откуда панки могли узнать, что солнечные часы так дороги мистеру Кроуфорду? Каким образом это стало им известно?

Ответ был прост. Они не знают об этом. И даже если бы знали, разрушение солнечных часов — мелочь. Мину можно использовать с гораздо большим эффектом.

Стоуни Стаффорд, босс панков, далеко не дурак. Он походил на хорька — хитрого и злобного. Нет, он не станет взрывать солнечные часы.

И вдруг Макс понял, куда бы он подложил мину, будь он на месте Стаффорда.

Под корни древнего дуба, склонившегося в сторону забора.

Значит, Билли обманул его? Вполне возможно, что нет. Скорее, Стаффорд начал подозревать, что среди его людей таится осведомитель, и намеренно дезинформировал его. В последнюю минуту, когда будет уже слишком поздно, он переменит место.

Макс повернулся и пошел к дому. Поднялся по лестнице к себе в комнату и лег спать. Засыпая, он подумал, что события развиваются не так уж плохо.

3

Полицейские приехали в восемь утра. Потом прибыли плотники и сколотили настил для танцев. Музыканты начали настраивать инструменты. Из ресторана приехали официанты, накрыли столы и уставили их пищей. В центре каждого стола стояла огромная чаша с пуншем.

После девяти начали подходить панки со своими девушками. Полицейские обыскивали их при входе и не нашли ни дубинок, ни кастетов, ни велосипедных цепей.

Заиграл оркестр. Панки начали танцевать с девушками. Некоторые бродили по двору и восхищались цветами. Они сидели на траве, беседовали друг с другом и смеялись. Молодежь веселилась, и все было хорошо.

— Ну, что я тебе говорил? — сказал Максу Поллард. — Это самые обыкновенные ребята. Не надо только дразнить их и не надо ссориться. Конечно, некоторые из них без царя в голове, но это еще не значит, что они преступники. Просто вы сами

ведете себя вызывающе.

— Да, — сказал Макс. Он кивнул полицейскому и пошел внутрь двора, стараясь казаться незаметным. Ему так хотелось не спускать с дуба глаз, но он понимал, что не может рисковать. Даже смотреть в сторону дуба было опасно, не то что подходить к нему. Иначе они подложат мину куда-нибудь еще, и тогда ему придется лихорадочно ее искать в кромешной мгле.

Скамейка под цветущим миндальным деревом была пустой, и Макс улегся на ней. День был теплым, и он задремал.

Когда он проснулся, рядом, на дорожке стоял мужчина.

— Привет, Макс, — сказал Стоуни Стаффорд.

— А ты чего не танцуешь, Стоуни?

— Я ждал, когда ты проснешься, — ответил Стоуни. — Слишком уж крепко ты спишь. Я мог бы сломать тебе шею.

Макс сел и потер лицо.

— Только не в День перемирия, Стоуни. Сегодня мы все друзья.

Стоуни презрительно плюнул на дорожку.

— Скоро, — пообещал он.

— Послушай, — сказал Макс, — почему бы тебе не забыть о нас? Не старайся, можешь надорвать-

ся. Поищи что-нибудь полегче.

— Когда-нибудь придет и ваш час, — ответил Стоуни. — Эта усадьба не может стоять вечно.

— Ничего у тебя не выйдет.

— Может быть, — ответил Стоуни. — Но я думаю иначе. И мне хочется вот что тебе сказать. Ты считаешь, наверно, что с тобой ничего не случится, даже если мы и разрушим дом Кроуфорда. Но ты ошибаешься. С Кроуфордом и Норой мы поступим так, как этого требует закон. Мы их и пальцем не тронем. Но вот ты отсюда никуда не уйдешь. Если нам запрещено носить ножи и револьверы, это совсем не значит, что мы бессильны. На тебя может, скажем, упасть камень. Или ты споткнешься и упадешь в огонь. Есть немало способов, и мы обязательно прикончим тебя.

— Ты хочешь сказать, — уточнил Макс, — что я тебе не нравлюсь?

— Два моих парня погибли, — сказал Стоуни, — и несколько искалечено.

— С ними ничего бы не случилось, но ведь ты сам послал их через забор.

Макс поднял глаза и увидел ненависть во взгляде Стоуни Стаффорда, ненависть и торжество.

— Прощай, труп, — сказал Стоуни.

Он повернулся и пошел прочь.

Макс сидел на скамейке, вспоминая триумф во взгляде Стоуни. Значит, он не ошибся. Мина уже лежала под корнями старого дуба.

Поллард был прав. Ситуация действительно вышла из-под контроля. Ни одна сторона не хотела уступать.

Было время, когда полиция могла положить этому конец. Много лет назад, когда еще можно было пресечь хулиганство и вандализм. Да и родители тоже могли повлиять на развитие событий, если бы обратили больше внимания на воспитание детей, проводили с ними больше времени, вместо того чтобы предоставлять их улице. Наконец, общество могло спасти положение, построив для молодежи залы, стадионы и места для развлечений.

Но никто не думал об этом. Никто даже и не пытался.

А теперь остановить вражду было невозможно. И Макс знал, кто одержит в ней верх.

Наступило шесть вечера, и панки начали расходиться. В половине седьмого ушел последний. Музыканты уложили инструменты и уехали. Официанты собрали посуду, остатки пищи, скатерти и умчались в своем грузовике. Появились плотники и забрали доски. Макс подошел к воро-

там и проверил замок.

— Совсем неплохо, — сказал Поллард через ворота. — Видишь, это хорошие ребята — если познакомиться с ними поближе.

— Я и так с ними знаком, — ответил Макс.

Полицейский автомобиль развернулся и скрылся вдали.

Макс знал, что из-за забора за каждым его движением следят внимательные глаза. Нужно подождать, пока стемнеет. Будет куда лучше, если панки не поймут, что произошло на самом деле. Может быть, не сработало взрывное устройство.

Темнело. Макс знал, что больше не может ждать. Он осторожно подполз к дубу, разгреб листья и траву, прижимаясь к самой земле.

Он быстро нашел мину — свежая земля, покрытая наспех набросанными листьями, между двумя огромными корнями.

Макс сунул руку в рыхлую землю, и его пальцы коснулись холодного металла. Внезапно он замер, затем медленно и осторожно вытащил руку обратно.

Он сел и перевел дыхание.

Мина лежала под корнями дуба, как он и предполагал. Но прямо на ней была прикреплена еще одна, контактная, мина. Стоит попробовать из-

влечь мину с часовым механизмом, и сработает контактный взрыватель.

Макс вытер руки от глины. Он понимал, что извлечь мины невозможно. Придется их оставить. Другого выхода не было.

Неудивительно, что он увидел торжество в глазах Стоуни. Это была не просто мина с часовым механизмом. Поставленная между огромными корнями, она была недосягаемой.

Как поступить дальше?

Может быть, укрепить дуб тросами? Пожалуй, это единственный выход.

Макс встал и направился в подвал за тросами и инструментом. Проходя мимо рации, он подумал, что не успел связаться с соседними усадьбами. Ничего не поделаешь, у него сейчас дела поважнее.

И вдруг он вспомнил. Круто повернулся, сел к рации и включил питание.

Нужно тщательно выбирать слова, подумал он. Не исключено, что панки прослушивают его канал.

Джон Хеннесси, сторож в цитадели Кёртиса, ответил почти сразу.

— Что-нибудь случилось, Макс?

— Ничего особенного, Джон. Я просто вспомнил,

что ты однажды говорил мне о своих игрушках.

— Игрушках?

— Ну да. Гремучках.

Макс слышал, как у Хеннесси перехватило дыхание.

— А, эти. Да, они все еще у меня, — ответил он наконец.

— Сколько их у тебя?

— Примерно сотня. Может быть, больше.

— Ты не мог бы дать их взаймы?

— Конечно, — ответил Хеннесси. — Тебе нужно их прямо сейчас?

— Да. Правда, я немного занят.

— Я упакую их в ящики и приеду примерно через час. Приготовься.

— Спасибо, Джон.

Макс снял наушники и задумался. Сотня гремучих змей! Не слишком ли он рискует?

Но ведь нельзя вечно сидеть и каждую минуту ждать нападения. А вот если ударить в ответ, да ударить так, что у панков навсегда исчезнет интерес… Плохо лишь то, что он мог только обороняться. В противном случае вмешается полиция, и ему конец. Но это будет чистейшая оборона. Никто не сможет придраться. Да, такой шанс упускать нельзя.

4

Макс быстро встал и пошел в угол подвала. Там стояли огромные сорокалитровые бутыли концентрированной серной кислоты и несколько рулонов тяжелой металлической сетки. Он перенес рулоны и связку проволоки наверх.

Подойдя к дубу, Макс принялся за работу. Прошло более получаса, пока он протянул проволоку, закрепил на ней верхний край сетки и колышками прикрепил нижний край к земле.

Едва он успел закончить работу, как у ворот остановился грузовик. Макс отворил ворота, и грузовик въехал во двор. Хеннесси вышел из кабины.

— Что у тебя случилось? — спросил он. — За забором всё так и кишит панками.

— У меня неприятности, — ответил Макс.

Хеннесси открыл борт. Внутри стояли три больших ящика с дверцами, затянутыми мелкой металлической сеткой.

Вдвоем они сняли ящики и подтащили их к металлической сетке.

— Вот здесь сетка еще не прикреплена колышками, — сказал Макс. — Давай просунем ящики под ней.

Один за другим ящики оказались за сеткой. Макс наклонился и надежно приколотил сетку к земле.

Хеннесси сходил к грузовику и вернулся, таща за собой шест.

— Ты не мог бы посветить фонариком? — попросил он. — Я знаю, панки не сводят с нас глаз, но они подумают, что мы просто осматриваем забор.

Макс включил фонарик, и Хеннесси, просунув за сетку шест, открыл крышки и перевернул ящики. Из темноты донеслось сухое шуршание.

— Они разбужены и злы. Сейчас они постараются найти место, где бы уснуть, и расползутся по всей территории между забором и твоей сеткой. Большинство очень крупные.

Он положил шест на плечо и пошел к грузовику.

— Спасибо, Джон.

— Всегда рад прийти на помощь. Я бы остался, но…

— Не надо, тебе нужно охранять свою усадьбу.

Они пожали руки.

— Первую милю проезжай как можно быстрее, — сказал Макс. — Панки могут устроить засаду.

— С моими бамперами и двигателем я прорвусь через что угодно.

Макс открыл ворота, грузовик подал назад, развернулся, набрал скорость и исчез в темноте. Проверив замок на воротах, Макс спустился в подвал. Там он включил рубильник, подающий питание на запасной забор и в сетку, подсоединенную к нему.

Вернувшись во двор, Макс начал всматриваться в темноту. Ему казалось, что он различает тени, мелькающие за забором.

Толпы панков, собравшиеся там, несомненно захотят воспользоваться рухнувшим дубом, чтобы перебежать по нему над забором, который по-прежнему будет под током.

Может быть, им удастся прорваться, но это казалось Максу маловероятным.

Он стоял у сетки, прислушиваясь к шуршанию сотни расползающихся гремучих змей, рассерженных и не находящих себе места в новой, незнакомой для них обстановке.

Макс повернулся и пошел подальше от дуба, чтобы не попасть под ударную волну взрыва, ожидая, когда истекут последние секунды Дня перемирия.

Мелкая дичь
Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой

Уиллоу-Бенд, Висконсин,
23 июня 1966 года
Доктору Уаймену Джексону,
колледж Вайалусинг,
Маскода, Висконсин

Мой дорогой доктор Джексон!

Я пишу вам, поскольку не знаю больше никого, кому мог бы это рассказать и кто сумел бы понять. Мне известно ваше имя, потому что я несколько раз прочитал вашу книгу «Динозавры мелового периода». Я пытался убедить Денниса прочитать ее, но, боюсь, он так и не послушал меня. Денниса всегда интересовали лишь математические аспекты времени, а не машина времени сама по себе. К тому же Деннис не любит читать. Для него это слишком трудное дело.

Быть может, для начала следует рассказать вам, что меня зовут Элтон Джеймс. Я живу с моей овдовевшей матерью и имею мастерскую, где чиню велосипеды, газонокосилки, радиоприемники и телевизоры — короче говоря, все, что мне прино-

сят. Больше я ничего делать не умею, но так уж получилось, что я понимаю, как работают разные приборы и устройства, и сразу вижу, какую неполадку нужно устранить, чтобы они снова начали функционировать. Я никогда и нигде этому не учился, просто от природы наделен умением обращаться с механическими приспособлениями.

Деннис — мой друг, но я сразу же должен предупредить, что он человек странный. Он вообще ничего ни о чем не знает, но совершенно помешан на математике. Люди в нашем городке посмеиваются над ним из-за его странностей, а ма ужасно меня ругает за нашу дружбу. Она утверждает, что Деннис ничем не отличается от деревенского дурачка. Боюсь, многие думают так же, как ма, но они не совсем правы, ведь Деннис здорово разбирается в своей математике.

Я не понимаю, как ему это удается. Я точно знаю, что он не мог научиться математике в школе. Когда ему исполнилось семнадцать и он не сумел продвинуться дальше восьмого класса, ему предложили уйти из школы. Впрочем, если честно, он и за восемь классов мало что узнал: учителям надоедало видеть его в одном и том же классе, и они переводили его в следующий. Время от времени поговаривали о том, чтобы отправить

Денниса в специальную школу, но эти разговоры так ничем и не закончились.

Только не спрашивайте меня, в математике какого рода он разбирается. В свое время я пытался читать математические книги, поскольку, взглянув на странные значки, которыми Деннис заполнял бумагу, я решил, что он разбирается в математике, как никто на свете. И я продолжаю так считать, но не исключено, что он изобрел какую-то совершенно новую математику. Дело в том, что ни в одной из книг мне не удалось найти символов, которые применял Деннис. Возможно, Деннис придумывал удобные для себя символы прямо по ходу дела, ведь никто не объяснял ему, чем пользуются обычные математики. Впрочем, я так не думаю: мне кажется, что обозначения пришли к Деннису вместе с новой математикой.

Прежде я пытался говорить с ним об этой математике, и всякий раз он ужасно удивлялся, что я ничего о ней не знаю. Мне кажется, он думал, что все люди владеют той математикой. Он постоянно повторял, что это просто и ясно как день. Так уж устроен мир — и всё.

Наверное, вы хотите спросить у меня, как мне удалось разобраться в его уравнениях настолько, чтобы построить машину времени. Так вот, я в

них и не разобрался. Вероятно, мы с Деннисом во многих отношениях похожи, но я умею заставить работать разные устройства (не зная принципов их действия), а Деннис видит Вселенную как нечто механическое (хотя с трудом может прочитать страницу обычного текста).

И еще одно. Наши с Деннисом родители жили в одном районе, и мы играли вместе с тех самых пор, как научились ходить. Позднее мы старались держаться друг друга. У нас не было выбора. Почему-то другие дети не хотели брать нас в свою компанию. И, чтобы не остаться в полном одиночестве, мы подружились. Вот почему мы научились так хорошо друг друга понимать.

Наверное, никакой машины времени и не возникло бы, если бы я не заинтересовался палеонтологией. Не стану утверждать, что я стал настоящим специалистом, мне просто было интересно. В детстве я читал все подряд про динозавров, саблезубых тигров и подобных им существ. Позднее я отправился в горы, чтобы отыскать окаменелости, но мне никогда не удавалось найти что-нибудь действительно интересное. Главным образом мне попадались древние моллюски. Их очень много в известняках Плэт-вилла. Множество раз я стоял на улице,

глядя на отвесные берега реки, начинавшиеся за городом, и пытался представить себе, как здесь все было миллион лет назад или сто миллионов. Как только я в первый раз прочитал про машину времени, мне сразу же захотелось ее иметь. Некоторое время я даже размышлял о том, чтобы ее построить, но очень скоро понял, что мне это не по силам.

Деннис имел обыкновение приходить ко мне в мастерскую поболтать, но в основном он разговаривал сам с собой. Теперь я уже не помню, как все началось, но в какой-то момент Деннис вдруг заговорил только о времени. Однажды он сказал мне, что ему удалось понять все, кроме времени, но теперь до него начинает доходить его смысл, и он видит время в черных и белых тонах, как и все остальное.

По большей части я не обращал внимания на то, что он болтает, поскольку не понимал смысла его слов. Но после того как он в течение двух недель рассуждал только о времени, я начал к нему прислушиваться. Не ждите, что я расскажу вам о том, что говорил Деннис или что он имел в виду, — для этого следовало прожить с ним бок о бок более двадцати лет. Тут дело не в том, чтобы понять, *что* Деннис говорил, — важно понимать

самого Денниса.

Не думаю, что мы и впрямь принимали такое решение — построить машину времени. Идея проросла сама. Прошло несколько недель, прежде чем мы получили какие-то позитивные результаты — во всяком случае, Деннис назвал их именно так. Что касается меня, я ничего не понимал. Я лишь знал, что Деннис хочет, чтобы некое устройство работало определенным образом, и я пытался заставить его нам подчиниться. Иногда, даже в тех случаях, когда все срабатывало так, как он хотел, оказывалось, что мы ошиблись. Тогда мы начинали все с самого начала.

Наконец у нас появилась работающая модель машины времени, и мы взяли ее, собой на высокий берег в нескольких милях вверх по реке, где всегда пустынно. Я соорудил таймер, который должен был включить машину на две минуты, а потом реверсировать поле и отправить ее обратно домой.

Мы установили кинокамеру внутри корпуса машины и включили ее, после чего я нажал на рубильник.

Честно говоря, я не был уверен, что машина сработает, но все получилось так, как мы рассчитывали. На две минуты машина исчезла, а потом

вернулась обратно к нам.

Когда мы проявили пленку, то сразу же поняли, что камера совершила путешествие в прошлое. Сначала камера сняла нас обоих возле машины. Затем изображение на несколько мгновений исчезло, а на следующих кадрах возник мастодонт, шагающий прямо на камеру. Через секунду он поднял хобот, затрубил, резко развернулся и помчался куда-то с поразительной быстротой.

Периодически он поворачивал голову назад. Вероятно, его ужасно напугала наша машина времени, которая неожиданно возникла перед ним.

Нам просто повезло, вот и все. Мы могли бы послать эту камеру еще тысячу раз, но так и не заснять мастодонта, а увидеть лишь пустынный берег реки. Впрочем, мы бы все равно узнали, что переместились во времени, ведь ландшафт изменился, хотя и не слишком сильно. Конечно, по ландшафту трудно определить, вернулся ты назад на сто лет или на тысячу. Но после того как мы увидели мастодонта, мы поняли, что наша машина времени преодолела десять тысяч лет.

Я не стану докучать вам рассказом о том, как нам удалось решить множество проблем, возникших при изготовлении второй модели, или как Деннис сумел изобрести счетчик времени, кото-

рый позволял посылать машину в определенное время. Это не имеет значения. Важно то, что я обнаружил, когда вернулся в прошлое.

Я уже писал, что читал вашу книгу о динозаврах мелового периода. Мне понравилась вся книга, но более всего заинтриговала последняя глава, в которой говорилось о том, как динозавры вымерли. Множество раз я лежал по ночам без сна, размышляя о теориях, описанных вами в книге, и пытаясь представить себе, как это могло произойти на самом деле.

Вот почему я твердо знал, куда нам следует направиться, как только машина будет построена.

Деннис не стал со мной спорить. По правде говоря, он решил не сопровождать меня в прошлое. Его это больше не интересовало. На самом деле идея машины времени с самого начала его не слишком занимала. Он лишь хотел получить подтверждение своим математическим выкладкам. И как только машина была готова, он потерял к ней всяческий интерес.

Должен признаться, что меня беспокоило одно очень серьезное соображение: за такой огромный период времени поверхность земли могла подняться или, наоборот, слишком сильно опуститься. Я знал, что территории вокруг

Уиллоу-Бенд оставались стабильными в течение миллионов лет. Во время мелового периода море вторглось на континент, но не добралось до Висконсина, и геологи утверждают, что никаких серьезных изменений рельефа в нашем штате не было. Однако я продолжал беспокоиться. Мне совсем не хотелось попасть в позднюю часть мелового периода и оказаться вместе с машиной внутри скалы или на высоте в дюжину футов над землей.

Поэтому я достал прочные стальные трубы и забил их на глубину шести футов на высоком берегу реки, на котором мы проводили испытания в первый раз, так, что еще десять футов торчали над поверхностью земли. Наверху я соорудил платформу, где установил машину, и небольшую лестницу, а затем мы всё рассчитали так, чтобы трубы также оказались в поле машины времени. Однажды утром я собрал себе завтрак и наполнил флягу водой. Отыскал старый бинокль, который принадлежал отцу, и стал размышлять о том, стоит ли брать с собой ружье. У меня был лишь дробовик, и я решил оставить его дома. Конечно, я мог бы одолжить ружье, но мне не хотелось. Я старался держать в тайне свое предприятие, и в мои планы не входило, чтобы по нашему городку

поползли слухи.

Я поднялся на высокий берег, взобрался на помост, установил счетчик времени на 63 миллиона лет назад и включил машину. Я не стал устраивать никаких церемоний. Просто включил машину и отправился в далекое прошлое.

Я уже писал о небольшом затемнении на пленке — наверное, это лучший способ описать мои ощущения. Перед глазами у меня потемнело, что-то сверкнуло. А потом вновь вспыхнул солнечный свет, и я оказался на высоком берегу, а передо мной расстилалась долина.

Вот только никакой реки больше не было, я находился на вершине высокого холма. Да и долина изменилась. Теперь вокруг раскинулась огромная зеленая равнина, и лишь довольно далеко в стороне лениво катила свои воды широкая река. На западе я увидел, как солнце отражается в воде большого озера или моря. Но море, насколько мне известно, не должно было продвинуться так далеко. Однако огромная масса воды добралась до Висконсина — я так и не выяснил, море это было или озеро.

И еще кое-что. Я посмотрел вниз и увидел, что до земли всего три фута. Как я обрадовался, что не поленился установить трубы!

Оглядывая долину, я заметил какое-то движение, но на таком большом расстоянии не сумел понять, что это такое. Тогда я взял бинокль, соскочил на землю и зашагал вниз по склону.

Усевшись на землю, я устроился поудобнее, поднес к глазам бинокль и принялся изучать долину.

Там были динозавры, их оказалось гораздо больше, чем я предполагал. Они куда-то перемещались стадами. К моему удивлению, ни один из них даже не пытался что-нибудь съесть. Все находились в движении, и мне показалось, что динозавры чего-то боятся. Впрочем, сказал я себе, возможно, такое поведение для них характерно.

Все они находились довольно далеко, и даже в бинокль я мог разглядеть только некоторых из них. Я заметил несколько групп утконосов, которые шли вразвалочку, смешно подергивая головами. Рядом обнаружил небольшое стадо тесцелозавров — они шагали, наклонив вперед тело. Тут и там были маленькие группы трицератопсов. Но самым необычным мне показалось большое стадо бронтозавров, испуганно и осторожно бежавших прочь, словно у них болели ноги. И еще меня удивило то, что они находились так далеко от воды, а в вашей книге я читал, что

они никогда не удалялись от водопоя на значительные расстояния.

И еще здесь было полно существ, совсем не похожих на те, что я видел на картинках в книгах.

У меня появилось странное чувство. Неужели, размышлял я, мне довелось присутствовать при великой миграции, когда динозавры решили изменить место обитания?

Я так заинтересовался происходящим, что перестал соблюдать осторожность и совершил серьезную ошибку. Ведь я находился в другом мире, полном неизвестных опасностей. Мне следовало оставаться настороже, но я спокойно сидел, не отрываясь от бинокля, словно не покидал родного дома.

Неожиданно послышался тяжелый топот, который стремительно приближался ко мне сзади. У меня возникло ощущение, будто кто-то включил копер. Я уронил бинокль и обернулся, и в этот момент мимо меня, на расстоянии никак не больше трех футов, так близко, что едва меня не задело, пронеслось нечто большое и высокое. Я лишь понял, что оно было огромным, серым и чешуйчатым.

Затем, когда существо устремилось вниз по склону, я сумел его разглядеть как следует, и

внутри у меня все похолодело. Меня только что чуть не раздавил самый крупный из этих парней — тираннозавр.

Две огромные задние ноги работали как пара мощных поршней, солнечный свет сверкал на кривых страшных когтях. Мощный хвост находился совсем близко от земли, но показался мне весьма подвижным. Чудовищная голова болталась из стороны в сторону, и я даже сумел разглядеть ряды огромных зубов и почувствовать слабый отвратительный запах — наверное, он недавно откушал падали. Но самым большим сюрпризом оказалась небольшая бородка, свисавшая под его челюстью и мерцавшая всеми цветами радуги — красное и зеленое, золотое и пурпурное, причем цвета менялись, когда он поворачивал голову.

Я наблюдал за ним не более секунды, а потом вскочил и устремился к машине времени. Меня охватил ужас. Должен признаться, я был сыт динозаврами до конца жизни.

Но мне не удалось добраться до машины.

На гребне холма появилось нечто новое. Я говорю «нечто», поскольку я не знал, с кем мне пришлось столкнуться. Не такое большое, как тираннозавр, но в десять раз страшнее.

Оно было длинным и гибким, обладало множеством ног, возвышалось над землей футов на шесть и имело омерзительный розовый цвет. Представьте себе гусеницу и увеличивайте ее до тех пор, пока она не станет шести футов ростом, а затем приделайте ей длинные ноги, чтобы она могла бегать, а не ползать, и увенчайте это чудовищное создание посмертной маской дракона — быть может, вы получите отдаленное представление о существе, которое предстало моим глазам. Весьма отдаленное.

Страшилище увидело меня, повернуло в мою сторону голову и издало нетерпеливый скулящий звук, после чего побежало ко мне как-то боком — кажется, так бегают бешеные собаки.

Бросив на него один-единственный взгляд, я так быстро развернулся, что потерял кепку. В следующее мгновение я уже мчался вниз по склону вслед за стариной тираннозавром.

Теперь я видел, что не только мы с тираннозавром бежим по склону. Со всех сторон вниз неслись многочисленные существа, небольшими группами или стадами, хотя среди них попадались и одиночки.

К сожалению, не могу их назвать, поскольку в тот момент перестал быть свидетелем, достой-

ным доверия. Я мчался, спасая собственную жизнь, словно меня по пятам преследовал лесной пожар.

Пару раз я оглянулся назад, но гибкое чудовище не отставало. Ему не удавалось сократить расстояние между нами, хотя меня не покидало ощущение, что ему ничего не стоит это сделать — нужно только захотеть. У меня даже сложилось впечатление, что диковинное существо преследовало не только меня. Оно как-то странно виляло из стороны в сторону и больше всего напоминало верного фермерского пса, загоняющего стадо в нужном направлении.

Как только эта мысль пришла мне в голову, я понял, что так и есть: верный старый пес загоняет стадо разных динозавров и одного невесть как попавшего сюда человека. У подножия холма я вновь обернулся, и теперь, когда мне удалось разглядеть весь склон, я увидел, что скота больше, чем я себе представлял. Весь холм был усеян фигурками бегущих животных, а за ними следовало полдюжины розовых собак.

Внезапно мне стало ясно, что с вершины холма я наблюдал вовсе не за миграцией динозавров. Их куда-то загоняли, чья-то воля направляла всех этих рептилий и динозавров к какому-то центру.

Я понял, что смогу спастись только в том случае, если сумею каким-то образом остаться в стороне. А для этого мне требовалось найти укромное место и незаметно туда проскользнуть. Проблема заключалась в том, что спрятаться было негде. Дно долины было совершенно голым, здесь могла найти укрытие лишь крохотная мышка.

Впереди меня возвышался довольно высокий пригорок, и я ринулся в ту сторону. Силы мои иссякали. Дыхание с хрипом вырывалось из груди, в боку кололо, и я понимал, что смогу пробежать еще совсем немного.

Поднявшись на пригорок, я бросился бежать по противоположному склону. Прямо передо мной оказался ощетинившийся шипами куст высотой фута в три. Я был слишком близко от него и свернуть в сторону попросту не успевал, поэтому я сделал единственное, что мне оставалось, — перепрыгнул через него.

Но за кустом не оказалось твердой земли. Я угодил в дыру. Увидев опасность в самый последний момент, я попытался упасть на бок, но все равно провалился вниз.

Дыра оказалась лишь немногим больше меня самого. В падении я заработал несколько синяков и наконец приземлился, сильно ударившись. У

меня перехватило дыхание, и я согнулся, обхватив себя руками.

Постепенно дыхание восстановилось, боль утихла, и у меня появилась возможность осмотреться.

Дыра имела три фута в диаметре и футов семь в глубину. Она была слегка наклонена в сторону склона, и ее стенки оказались удивительно гладкими. Тоненькая струйка песка стекала вниз — результат моего падения. Неподалеку виднелось скопление небольших камней, самый крупный из них величиной с человеческую голову. Я смотрел на них и лениво размышлял, что однажды они свалятся в яму. Встряхнувшись, я отодвинулся в сторону, чтобы они не попали в меня, если надумают покатиться вниз.

Посмотрев вниз, я обнаружил, что не провалился в дыру, поскольку застрял в том месте, где стенки резко поворачивали в сторону.

Наверное, я не заметил этого в первый момент, но теперь обратил внимание на мускусный запах. Он был не слишком сильным и показался мне каким-то странным: животным, но не совсем.

Дыра с гладкими стенками и мускусный запах — все понятно! Я провалился не в обычную дыру, а в чью-то нору. И эта нора наверняка принадле-

жит очень опасному животному, если оно сумело проделать такой широкий туннель.

Стоило мне об этом подумать, как снизу раздался какой-то шум: похоже, хозяин поднимался по туннелю вверх, чтобы выяснить, кто потревожил его покой.

Я не стал терять времени и решил выбраться из туннеля. Но тут же начал соскальзывать вниз. Ухватившись за верхнюю кромку, я попытался вылезти наружу, однако песчаная почва не давала опоры. Лишь упершись ногами в противоположную стену, я сумел остановить падение, но так и остался висеть, не в силах покинуть нору.

Между тем возня подо мной продолжалась. Хозяин норы быстро приближался ко мне.

Рядом со мной из стены торчало несколько камней. Протянув руку, я сумел расшатать и вытащить один из них. Камень оказался гораздо более тяжелым, чем я предполагал, и я с трудом удерживал его.

Из-за поворота вынырнуло рыло, щелкнули челюсти. Мне показалась, что раскрытая пасть занимает все пространство норы. Острые зубы были такими ужасными, что у меня перехватило дыхание.

Я не думал и ничего не пытался планировать.

Сквозь расставленные ноги я бросил камень прямо в разверстую пасть. Тяжелый снаряд пролетел четыре фута, провалился между зубами и скрылся в темной глотке. Послышался звук глухого удара, челюсти захлопнулись, и существо скрылось из виду.

До сих пор не знаю, как мне удалось выбраться из норы. Я цеплялся руками за гладкие стены, упирался ногами и в конце концов выкатился на голый склон холма.

Голый, если не считать куста с шипами длиной в дюйм. Я с разбегу перескочил через него перед тем, как упасть в нору. Другого укрытия вокруг не было, и я устроился возле куста, рассчитывая, что бóльшая часть животных уже пробежала мимо. Я решил, что, если я здесь спрячусь, у меня есть шанс спастись. В противном случае один из псов меня найдет и заставит двигаться дальше.

Я не сомневался, что они пасут динозавров, но едва ли я мог рассчитывать, что они сумеют отличить меня от других животных. Я был живым, мог бегать — значит, меня следует гнать вместе со всеми.

Правда, хозяин норы мог в любой момент выбраться наружу, и тогда мне не сдобровать. Впрочем, я решил, что брошенный камень даст

мне хотя бы несколько минут, ведь быстро вытащить такой булыжник из глотки совсем не просто.

Я сидел на корточках возле куста, и жаркое солнце припекало мне спину. Выглядывая между веток, я видел, как огромное множество животных движется по равнине. Розовые псы согнали их в огромный круг, снаружи которого бегали псы и кто-то еще — мне показалось, что это люди в крошечных машинах. Машины и люди были одного зеленовато-серого цвета, и я решил, что машина и человек составляют единый организм. Создавалось впечатление, будто люди не сидят в машинах, а вырастают из них. И хотя машины перемещались довольно быстро, я не заметил колес. С такого расстояния ничего нельзя было сказать наверняка, но вроде бы они двигались прямо по земле, как улитки, причем по машинам проходила рябь, словно это были перемещающиеся мышцы.

Я сидел и наблюдал за ними. Только теперь у меня появилась возможность немного подумать и попытаться понять, что происходит. Мне удалось вернуться более чем на шестьдесят миллионов лет назад, чтобы увидеть динозавров, — и мне сопутствовал успех, но обстоятельства нашей

встречи оказались уж слишком необычными. Динозавры были именно такими, как я и предполагал. Они выглядели так, как в книгах, которые я читал, но собаки и люди-машины никак не вписывались в эту картину. Как они сюда попали?

Псы бегали взад и вперед, а люди-машины сновали рядом с ними, и всякий раз, когда какое-то животное выбегало из общей кучи, полдюжины псов и пара людей-машин перехватывали его и заставляли вернуться обратно.

Круг, в котором находились животные, был диаметром в милю или даже больше — огромное пространство, забитое испуганными динозаврами. Многие палеонтологи не знали, обладали ли динозавры голосами. Теперь я могу ответить на этот вопрос утвердительно. Они пронзительно визжали, ревели и крякали, а некоторые даже ухали — кажется, утконосы, но я не до конца в этом уверен.

Затем послышался другой звук, отчаянный рев, который доносился откуда-то с неба. Я быстро поднял голову и увидел, как они снижаются — около дюжины космических кораблей. Да, я в этом уверен, ничем другим они быть не могли. Они спускались быстро и не показались мне большими, еще я заметил тонкое голубое пла-

мя, которое окутывало их основания. Никаких клубов дыма и ревущего пламени, как у наших ракет, лишь тонкое синее мерцание.

С минуту мне казалось, что один из них сядет прямо мне на голову, но потом я сообразил, что место посадки находится далеко от меня. Так и оказалось: до кораблей было никак не меньше двух миль. Они приземлились так, что образовали большое кольцо, которое охватывало согнанных вместе динозавров.

Мне бы следовало догадаться, что должно произойти. Самое простое объяснение и к тому же самое логичное. Мне кажется, что мое подсознание уже знало ответ, но разум отталкивал его, как слишком простой и обыденный.

Из бортов выдвинулись узкие дула, и пурпурное пламя выплеснулось на несчастных динозавров. Животные падали на землю, превратившись в ревущую, визжащую массу. Тонкие струйки пара поднимались над дулами орудий, а в центре круга лежали тысячи убитых динозавров.

Рассказать об этой бойне совсем нетрудно, но наблюдать за ней… Я скорчился за кустом, к горлу подкатила тошнота, и мне стало по-настоящему страшно, когда на смену реву и визгу пришла полнейшая тишина. И я был потрясен — но не

страшной картиной, которая развернулась передо мной, а мыслью о том, что нечто подобное может прийти на нашу Землю.

У меня не было ни малейших сомнений, что они явились из космоса. И дело было не только в космических кораблях, но прежде всего в розовых собаках и серо-зеленых людях-машинах, которые не были машинами и людьми, а представляли собой единый организм, — нет, такие существа не могли родиться на нашей Земле.

Я выполз из-за куста, стараясь не разгибать спины. Оставалось рассчитывать, что куст прикроет меня от чужих существ, находившихся в долине, и мне удастся добраться до вершины холма. Один из псов посмотрел в мою сторону, и я замер на месте. К счастью, он вскоре отвернулся.

Я начал поспешное отступление к машине времени. Однако на середине склона я не выдержал и обернулся.

Никогда не забыть мне того, что я тогда увидел!

Псы и люди-машины копошились среди тел мертвых динозавров, некоторые машины уже ползли к кораблям, успевшим спустить трапы. Машины двигались медленно, поскольку были тяжело нагружены освежеванными тушами.

С неба вновь донесся шум, я посмотрел вверх и увидел, что спускаются новые корабли — маленькие грузовые суда, которые поднимут груз свежего мяса на большой корабль, ждущий где-то на орбите.

Тогда я развернулся и побежал.

Взобравшись на вершину холма, я сразу же влез на сиденье машины времени, установил отметку счетчика времени и отправился домой. Я даже не стал искать свой бинокль.

Теперь, когда я вернулся домой, у меня пропало всякое желание отправляться в прошлое. Никогда больше я не стану пользоваться машиной времени. Честно говоря, я боюсь того, что могу обнаружить в любом другом месте. Если колледж Вайалусинга нуждается в нашем устройстве, я охотно передам ему машину времени.

Но пишу я вам совсем по другой причине.

Теперь я точно знаю, почему исчезли динозавры. Их убивали, разделывали и увозили на какую-то другую планету, находившуюся, возможно, на расстоянии многих световых лет от нас, и существа, которые это делали, рассматривали Землю как пастбище скота, как планету, где можно добыть множество дешевого протеина.

Вы возразите мне, что это произошло более

шестидесяти миллионов лет назад. Да, в те времена раса людей-машин существовала. Но за шестьдесят миллионов лет они наверняка изменились, или нашли охотничьи угодья в других районах Галактики, или, быть может, вымерли, как динозавры.

Но я так не думаю. Я считаю, что они где-то рядом. Мне кажется, Земля может оказаться одной из планет, где они добывают себе пищу.

И я скажу вам, почему я так думаю. Они вновь возвратились на Землю около десяти или одиннадцати тысяч лет назад, когда прикончили мамонтов и мастодонтов, гигантских бизонов, большого пещерного медведя, саблезубых тигров и множество других зверей. Возможно, после уничтожения динозавров они сделали надлежащие выводы и оставили Африку на развод.

Теперь я перехожу к цели написания этого письма, к тому, что тревожит меня больше всего.

Сегодня на Земле обитает менее трех миллиардов человек. К 2000 году нас будет около шести миллиардов.

Конечно, мы довольно мелкая дичь, а существа из космоса стремились к большим массам, вроде динозавров и мастодонтов. Но нас так много! Вот почему мне кажется, что приближается время,

когда мы можем вновь привлечь их внимание.

Земля осенняя
Перевод К. Королёва

Он сидел на крыльце в кресле-качалке, раскачивался вперед-назад и прислушивался к скрипу половых досок. Через улицу, во дворе дома, что стоял напротив, пожилая женщина срезала хризантемы, цветы продолжавшейся без конца осени. Вдалеке виднелись поля и леса, осененные прозрачной голубизной бабьего лета. В деревне было тихо, царил покой сродни тому, который свойствен старости. Она, казалось, выстроена не для живых существ, а для фантомов, порожденных рассудком. Другому соседу, дряхлому старику, имевшему обыкновение прогуливаться с палочкой по заросшей травой улице, появляться было еще рано: что же до голосов детей, он вряд ли услышит их до темноты, если услышит вообще — такое случалось отнюдь не всегда.

При желании он мог бы погрузиться в чтение, однако подобного желания как-то не возникало. Он мог также вновь взяться за лопату и в очередной раз перекопать огород, дабы как можно лучше подготовить почву к посадке семян. Впро-

чем, какие семена в краю, где не бывает весны? Давным-давно, не зная в ту пору о неизбывности осени, он упомянул о семенах в разговоре с Молочником, и тот был буквально шокирован услышанным.

Он оставил за спиной много миль, покинул мир горечи и, очутившись здесь, поначалу вполне удовлетворился жизнью в полном безделье, возможностью ничего — или почти ничего — не делать и не испытывать при этом ни стыда, ни чувства вины. Он ступил на тихую деревенскую улицу, залитую лучами осеннего солнца, и первой, кого он увидел, была та самая пожилая женщина, что жила теперь в доме напротив. Она поджидала его у изгороди, как будто догадывалась, что он должен прийти. «Добро пожаловать, — сказала она. — Нынче к нам приходят немногие. Ваш дом вон тот, через улицу; надеюсь, мы станем друзьями». Он поднес руку к голове, чтобы снять шляпу, совсем забыв, что никакой шляпы нет и в помине. «Меня зовут Нельсон Рэнд, — проговорил он. — Я инженер. Постараюсь оправдать ваше доверие». Фигура женщины, несмотря на известную возрастную полноту и сутулость, отличалась несомненным изяществом.

«Заходите, — пригласила дама. — Я угощу вас

лимонадом и печеньями. Правда, у меня гости, но я не стану представлять их вам». Он ожидал услышать объяснение, но объяснения не последовало, и потому он направился вслед за дамой по выложенной кирпичом дорожке, вдоль которой расположились огромные клумбы роскошных астр и хризантем, к большому дому.

В просторной гостиной с высоким потолком имелся камин, в котором пылал огонь; в простенках между скрытыми затейливыми шторами окнами стояли старинные массивные шкафы. Дама усадила его за столик у камина, сама села напротив, разлила лимонад и передала Рэнду блюдо с печеньем.

— Не обращайте на них внимания, — посоветовала она. — Им до смерти хочется познакомиться с вами, однако я не собираюсь потакать невежливости.

Не обращать внимания было легко, поскольку в комнате, кроме них двоих, не присутствовало ни единой живой души.

— Майору — он облокотился на каминную полку, по-моему, весьма развязная поза, — не нравится мой лимонад, — продолжала хозяйка. — Он предпочитает более крепкие напитки. Мистер Рэнд, будьте любезны, попробуйте мой

лимонад и скажите, так ли он плох. Уверяю вас, вы не разочаруетесь. Я приготовила его собственными руками, у меня ведь нет ни служанки, ни кухарки. Я живу одна, и одиночество меня ничуть не тяготит, хотя мои друзья считают иначе и потому заглядывают ко мне гораздо чаще, чем следовало бы.

Он осторожно пригубил лимонад: тот оказался поистине замечательным, наподобие того, какой он пил в детстве, Четвертого июля[10] и на школьных пикниках, — надо же, сколько минуло лет, а вкус не позабылся.

— Превосходно, — похвалил он.

— Дама в голубом, — сказала хозяйка, — которая сидит в кресле у окна, жила здесь десятилетия назад. Мы с ней были подругами, а потом она ушла, но, как ни удивительно, частенько возвращается. Признаться, меня беспокоит, что я никак не могу вспомнить ее имени. Вы не знаете, случайно, как ее зовут?

— Боюсь, что нет.

— Ну разумеется, разумеется. Вы же новенький. Я совсем запамятовала: старость не радость.

Он пил лимонад и грыз печенье, а хозяйка все

---

[10] notes: 10
День независимости США.

щебетала о своих невидимых гостях. В конце концов он откланялся, пересек улицу, подошел к дому, который, по словам женщины, принадлежал ему, и лишь тут сообразил, что она так и не представилась. С тех самых пор и по сей день она оставалась для него просто «дамой с цветами».

Когда же он пришел сюда? Не вспомнить, как ни старайся. Все дело в осени. Как можно следить за временем, когда на дворе постоянно осень?

Все началось в тот день, когда он ехал через Айову, направляясь в Чикаго. Нет, возразил он себе, раньше, все началось с прорех, которые сперва не слишком бросались в глаза. Он всегонавсего машинально отмечал их, приписывая то причудам воображения, то необычному состоянию атмосферы и преломлению света. Прорехи, прорехи — мир словно утрачивал присущую ему прочность, утончался до некой едва различимой грани между «здесь» и «там».

В силу того что правительственный контракт так и не был заключен, он потерял свою работу на Западном побережье. Подобная участь постигла множество фирм, и сотни инженеров в мгновение ока превратились в безработных. Он рассчитывал устроиться в Чикаго, сознавая, впрочем, что вероятность успеха крайне мала.

Он твердил себе, что обладает по сравнению с товарищами по несчастью целым рядом преимуществ: молод, не женат, несколько долларов на банковском счету, никаких закладных под дом, купленных в рассрочку машин или детей, которых надо водить в школу. Он одинок, а потому не обязан содержать кого-либо, кроме себя. Старый дядюшка, человек суровых нравов, убежденный холостяк, который воспитывал Рэнда на своей ферме в гористой висконсинской местности после того, как родители мальчика погибли в автокатастрофе, отошел в прошлое, его образ приобрел размытые очертания, постепенно утратил знакомые черты. Дядюшку он не любил — не то чтобы ненавидел, нет, просто не любил и потому не заплакал, узнав, что старика забодал рассвирепевший бык. Итак, Рэнд был одинок, настолько, что даже с трудом припоминал, что у него когда-то была семья.

Он потихоньку копил деньги, откладывал жалкие гроши на черный день, понимая, что в случае чего вряд ли сразу сумеет подыскать себе новое место: ведь вокруг полным-полно тех, чья квалификация гораздо выше, а послужной список — намного длиннее.

Видавший виды автомобильчик имел одно

несомненное достоинство: спать в нем было весьма удобно. Что касается еды, тут Рэнд поступал следующим образом — останавливался время от времени в придорожном леске и готовил себе на костре что-нибудь горячее. Так он пересек почти весь штат: уже начался извилистый подъем на холмы, что преграждали путь к Миссисипи, впереди на горизонте изредка мелькали высотные чикагские здания, над которыми клубился дым из заводских труб.

Перевалив через холмы, Рэнд въехал в городок, оседлавший реку по обоим берегам. Именно здесь он ощутил и увидел, если можно так выразиться, ту прореху, о которой и не подозревал раньше. Она наводила на мысль о чужеродности, нереальности происходящего, окрестности будто затянуло пеленой тумана, которая закругляла углы и делала нечеткими контуры, напоминая отражение на зеркальной глади озера, зарябившей вдруг от налетевшего ветерка. Прежде, испытывая подобное чувство, он приписывал его дорожному утомлению, открывал окно, чтобы глотнуть свежего воздуха, или тормозил, выбирался из машины и принимался расхаживать по дороге, ожидая, пока оно благополучно минует. Однако на сей раз впечатление было столь ярким,

что он даже испугался, испугался за себя, решив, что с ним явно творится что-то неладное.

Он нажал на тормоз, остановил машину на обочине, и ему показалось, что обочина более неровная, чем ей следует быть. Он выглянул наружу и убедился, что дорога изменилась: на ней появились выбоины, тут и там валялись камни, довольно-таки увесистые булыжники; некоторые из них, побывавшие, очевидно, под колесами автомобилей, превратились в скопище мелких обломков. Он оторвал взгляд от дороги и посмотрел на город — тот исчез, на его месте громоздились развалины. Рэнд сидел, вцепившись в руль, и внезапно услышал в мертвой, неестественной тишине карканье ворон. Непонятно с какой стати он попытался вспомнить, когда слышал воронье карканье в последний раз, и тут увидел птиц — черные точки над вершиной холма. Вдруг он понял, что деревья тоже исчезли, сгинули в никуда, сохранились лишь почерневшие пни. Развалины города, приземистые пни, хриплые крики воронья — зрелище заставляло трепетать и повергало в панику.

Едва сознавая, что делает, он вылез из машины. Впоследствии, раздумывая над случившимся, он укорял себя за безрассудство: ведь машина была

единственным связующим звеном с пропавшей реальностью. Вылезая, он оперся рукой о сиденье и ощутил под ладонью прямоугольный предмет, на котором его пальцы сомкнулись словно сами собой. Рэнд выпрямился, поднес руку к лицу и обнаружил, что прихватил фотоаппарат, лежавший рядом на сиденье.

Он продолжал раскачиваться в кресле, под которым по-прежнему поскрипывали доски, и размышлял о том, что снимки сохранились до сих пор. Он давно уже не рассматривал их, очень давно, ибо, живя в краю вечной осени, предпочитал удовлетворять лишь повседневные, насущные нужды, как будто норовил отвлечься от мыслей о прошлом, отвернуться оттого, что знал — или полагал, что знает.

Решение фотографировать не было сознательным, хотя позже он и пытался убедить себя, что это не так (правда, рассудок все равно отказывался внимать); сейчас Рэнд кисло поздравил себя с тем, что сообразил подкрепить свидетельства памяти, на которые никогда нельзя полагаться целиком и полностью, кое-чем более надежным и достоверным. Человеческое воображение способно творить чудеса, воспроизводить то, чего на деле вовсе не происходило, поэтому безогово-

рочно доверять ему не следует ни в коем случае. Происшествие, если вдуматься, носило некий мистический оттенок, словно реальность, в которой существовал разрушенный город, находилась в ином измерении и ее нельзя было ни объяснить, ни рационализировать. Рэнд смутно припомнил, как навел фотоаппарат, услышал щелчок затвора и увидел, что с холма на него несется целая толпа. Он кинулся к машине, захлопнул за собой дверцу и включил зажигание, намереваясь сбежать от разгневанных людей, которые находились не далее чем в сотне футов.

Однако стоило ему съехать с обочины, как дорога вновь изменилась, стала гладкой и устремилась к городу, который неожиданно обрел прежний облик. Рэнд затормозил и обмяк на сиденье; прошло несколько минут, прежде чем он нашел в себе силы продолжить путь. Теперь он ехал медленно, ибо опасался собственных взвинченных нервов.

Он планировал пересечь реку и добраться к ночи до Чикаго, но действительность внесла в эти планы существенные коррективы. Во-первых, его физическое состояние оставляло желать лучшего, а во-вторых, надо было проявить пленку; помимо всего прочего, не мешало как следует

поразмыслить. Поэтому, миновав город, он свернул с дороги на лесную стоянку с местом для костра и старомодной колонкой. В багажнике у него имелся небольшой запас дров. Он развел костер, вытащил коробку с кухонной утварью и провизией, достал из нее кофейник, поставил на жаровню сковородку и разбил на ней три яйца. Сворачивая на стоянку, он заметил на обочине человека; тот приближался неторопливым шагом и остановился у колонки.

— Работает?

— Работает, — отозвался Рэнд. — Я только что набрал воды в кофейник.

— Жаркий денек, — сказал мужчина, нажимая на рукоятку. — В такую жару много не находишь.

— Вы идете издалека?

— Да, уже шестую неделю.

Рэнд присмотрелся к незнакомцу. Одежда того было поношенной, но чистой, брился он, по всей видимости, день или два назад, волосы явно нуждались в ножницах парикмахера.

Из крана хлынула вода. Мужчина наклонился и подставил под струю сложенные чашечкой ладони.

— Хорошо, — проговорил он, отдуваясь. — Жаж-

да замучила.

— Как у вас с едой? — спросил Рэнд.

— Плоховато, — ответил мужчина, поколебавшись.

— Загляните в багажник. Там должна быть тарелка с вилкой, думаю, найдется и чашка. Кофе вот-вот сварится.

— Мистер, мне бы не хотелось, чтобы вы решили, будто я свернул сюда…

— Забудем, — перебил его Рэнд. — Вы меня не объедите, тут вполне достаточно для двоих.

Мужчина извлек тарелку с чашкой, вилку, ложку и нож, а затем подошел к огню.

— Мне как-то не по себе, — признался он. — Все произошло так быстро… У меня всегда была работа, целых семнадцать лет.

— Держите.

Рэнд положил ему яичницы и принялся готовить порцию для себя. Мужчина уселся за деревянный столик поблизости от костра.

— Не ждите меня, — сказал Рэнд. — Ешьте, пока горячая. Если хотите, вот хлеб. А кофе будет чуть погодя.

— Если не возражаете, я возьму кусочек попозже, — отозвался мужчина.

Он назвался Джоном Стерлингом. Интересно,

подумалось Рэнду, где сейчас Джон Стерлинг? Бродит по стране, ищет работу, любую — на день, на час? Каково ему без работы после того, как он оттрубил на одном месте семнадцать лет? Вспомнив про Стерлинга, он ощутил угрызения совести. Он был обязан Стерлингу, находился у того в долгу, причем тогда, во время разговора, даже и не подозревал, что подобное случится.

Они сидели за столом и говорили, уплетая за разговором яичницу, вытирая хлебом тарелки и попивая горячий кофе.

— Семнадцать лет, — рассказывал Стерлинг. — Я работал оператором в одной фирме, которая всегда держалась за меня, а потом выкинула на улицу меня и сотни других. Нас было много, несколько тысяч, тех, кого взяли и сократили. Нет, фирму я не виню. Они ждали правительственного заказа, а он не поступил, и все остались без работы. А вы? Тоже в таком же положении?

— Как вы догадались? — спросил Рэнд, утвердительно кивнув.

— По еде. Так ведь дешевле, чем в ресторане, верно? К тому же у вас с собой спальный мешок. Вы спите в машине?

— Да, — ответил Рэнд. — Мне проще, чем многим другим, у меня нет семьи.

— А у меня есть, — вздохнул Стерлинг. — Жена и трое детей. Мы с женой долго спорили. Она не хотела меня отпускать, но в конце концов я ее убедил. Денег ни гроша, кругом сплошная безработица — я превратился в обузу, а без меня ей будет легче. Знаете, такой участи не пожелаешь и врагу. Когда-нибудь я вернусь к своим, когда все наладится. Они меня ждут.

По шоссе проносились автомобили. Со стоявшего неподалеку дерева соскочила белка, осторожно направилась к столу, но что-то, видно, напугало ее, и она опрометью кинулась обратно.

— Не знаю, — проговорил Стерлинг, — возможно, наше общество оказалось нам не по силам. Может, мы переоценили себя. Я люблю читать, всегда любил. Так вот, я обычно размышляю над прочитанным. Похоже, мы перенапряглись. Пожалуй, наши мозги годились для доисторической эпохи. Все шло нормально, пока мы не насоздавали того, чего не в состоянии оказались постичь. Наши мозги, мне кажется, отстали от жизни. Мы выпустили на волю экономических и политических монстров, с которыми не ведаем, как справиться, а значит, не можем подчинить их себе. Может статься, вот причина, по которой мы с вами лишились работы.

— Трудно сказать, — отозвался Рэнд, — я как-то не задумывался.

— Человек думает, — продолжал Стерлинг, — думает и грезит. Когда идешь по дороге, заняться чем-нибудь иным чаще всего не получается. Он воображает себе всякую ерунду; вернее, ерундой она представляется на первый взгляд, но если присмотреться, начинаешь потихоньку сомневаться. С вами такое бывало?

— Иногда.

— Меня одолевала одна глупая мыслишка, совсем глупая. Я никак не мог от нее отвязаться, может, потому, что шел пешком. Время от времени меня подвозили, а так я шел себе и шел. Мыслишка вот какая: если идти не останавливаясь, может, удастся уйти от всего этого? Чем дальше ты ушел, тем меньше у тебя забот.

— Куда вы направляетесь? — полюбопытствовал Рэнд.

— В общем-то никуда. Просто иду, и все. Через месяц-другой поверну на юг, чтобы обмануть зиму. В северных штатах зимой не слишком уютно.

— Осталось два яйца, — сказал Рэнд. — Хотите?

— Мистер, я не могу…

— Да хватит вам, право слово.

— Ну, если вы настаиваете… Только давайте разделим пополам: яйцо мне, яйцо вам. Идет?

Пожилая дама кончила возиться с хризантемами и ушла в дом. Издалека доносилось постукивание палки: старый сосед Рэнда вышел на вечернюю прогулку. Заходящее солнце заливало мир багрянцем. Листва на деревьях переливалась всеми оттенками алого и золотого. Рэнд наслаждался игрой красок с того самого дня, как поселился здесь. Трава имела рыжевато-коричневый оттенок: она еще не высохла, однако мнилось, что ее смерть уже не за горами. На улице показался старик. Судя по всему, палка была ему не особенно нужна, он вполне мог бы обойтись без нее. Задержавшись у калитки Рэнда, он произнес:

— Добрый вечер.

— Добрый вечер, — отозвался Рэнд. — Сегодня прекрасная погода для прогулки.

Старик кивнул с таким видом, будто был каким-то образом причастен к тому, что день выдался на славу.

— Похоже, — проговорил он, — завтра тоже будет ясно. — Затем повернулся и заковылял дальше.

Этот обмен мнениями представлял собой нечто

вроде ритуала, повторяющегося изо дня в день. Несмотря на чередование дня и ночи, в деревне ровным счетом ничего не менялось. Просиди он на крыльце хоть тысячу лет, сказал себе Рэнд, старик все так же будет проходить мимо и произносить те же слова, как если бы дело происходило не в действительности, а в каком-то фильме, отрывок из которого раз за разом прокручивают зрителям. Время остановило свой бег и зациклилось на осени.

Рэнд не понимал этого и не пытался понять, ибо не знал, что тут понимать. Стерлинг сказал, что, возможно, человек перенапряг свой слабый, доисторический рассудок — слабый или грубый, животный? Во всяком случае, здесь доискиваться смысла совершенно не стоило. Неожиданно Рэнд осознал, что прежний мир чудится ему некой мифологической конструкцией, столь же нереальной, как и настоящий. Попадет ли он когда-либо в реальность? Хочет ли он ее обрести?

Отыскать реальность было очень и очень просто. Следовало всего-навсего вернуться в дом и достать из ящика прикроватной тумбочки фотографии. Они освежат память, поставят лицом к лицу с реальностью. Эти снимки куда реальнее того мира, в котором он находится сейчас, и того,

в котором пребывал когда-то. На них изображено то, что не являлось до сих пор человеческому взору, было неподвластно толкованию человеческого разума. Тем не менее они относились к неоспоримым фактам. Камера добросовестно зафиксировала то, что попало в объектив; она не фантазировала, не рационализировала и не страдала провалами памяти. Рэнду вспомнился служащий фотоателье, куда он зашел, чтобы забрать снимки.

— С вас три девяносто пять, — сказал тот, протягивая конверт.

Рэнд извлек из кармана пятидолларовую бумажку и положил ее на стол.

— Простите за любопытство, — сказал служащий, — но где вы снимали?

— Это монтаж, — объяснил Рэнд.

— Если так, — проговорил служащий, качая головой, — лучшего мне видеть не доводилось. — Он пробил чек и, не закрыв кассу, взял в руки конверт.

— Что вам нужно? — спросил Рэнд.

Служащий перебрал фотографии.

— Вот, — произнес он, показывая один из снимков.

— Что «вот»? — холодно справился Рэнд.

— Человек, который впереди всех, — это мой лучший друг, Боб Джентри.

— Вы ошибаетесь, — возразил Рэнд, забрал фотографии и положил их обратно в конверт.

Служащий отсчитал ему сдачу, продолжая покачивать головой — озадаченно и, пожалуй, немного испуганно.

Не теряя времени, но и не гоня с сумасшедшей скоростью, Рэнд проехал через город, пересек реку и очутился на вольном просторе. Тут он прибавил газу. Взгляд его то и дело обращался на зеркало заднего вида. Служащий был в таком смятении, что с него станется позвонить в полицию. К тому же фотографии могли видеть и другие. Впрочем, полиции опасаться нечего, ведь он не нарушил никаких законов. Разве существует закон, запрещающий фотографировать?

Милях в двадцати от реки он свернул с шоссе на пыльную проселочную дорогу и ехал по ней, пока не достиг моста, переброшенного через небольшую речушку. Судя по следам на обочине, место пользовалось популярностью; вероятно, сюда частенько наведывались рыбаки. Правда, сейчас поблизости никого не было. Рэнд полез в карман за конвертом и с удивлением обнаружил, что у него дрожат руки. Итак, что же он наснимал?

Он поразился количеству фотографий, ему казалось, что их должно быть раза в два меньше. При взгляде на снимки память ожила и возвратилась, хотя ее образы оставались-таки размытыми и нечеткими. Он вспомнил: ему тогда померещилось, что окрестности затянуты пеленой тумана; однако фотографии представляли тот мир с безжалостной резкостью. Почерневшие развалины не оставляли сомнения в том, что город подвергся бомбардировке; на голой вершине холма виднелись скелеты деревьев, каким-то образом уцелевших среди безумия пожара. Что касается людей, спешивших по склону холма, они попали лишь на одну-единственную фотографию, и удивляться тут было нечему: заметив их, он сломя голову кинулся к машине, ему было не до снимков. Разглядывая фото, Рэнд отметил, что люди были ближе, чем ему показалось в тот момент. Должно быть, они находились там все время, просто он, в своем потрясении, не сразу заметил их. Если бы они не шумели, то без труда застали бы его врасплох. Да, как они близко, можно даже различить отдельные лица! Интересно, кто из них тот самый Боб Джентри, которого узнал служащий из ателье?

Рэнд сложил фотографии в конверт и запихнул

его в карман пиджака, а затем выбрался из машины и спустился к воде. Ширина речки составляла не больше десяти футов. Под мостом течение слегка замедлялось; здесь было нечто вроде заводи, по берегам которой, похоже, предпочитали устраиваться рыбаки. Рэнд уселся на землю и уставился на реку. Берег нависал над водой козырьком, под которым, на глубине, сновали, должно быть, рыбы, ожидая крючков с насаженными на них червями. Сидеть у воды, в тени раскидистого дуба, что рос за мостом, было приятно и покойно. Где-то вдалеке тарахтела сенокосилка, гладь реки сверкала на солнце, подергиваясь рябью всякий раз, как очередное плавучее насекомое попадало в рыбью пасть. Хорошо, подумал Рэнд, отличное место, чтобы отдохнуть. Он попытался освободить мозг, избавиться от воспоминаний, притвориться, будто ничего не случилось, будто тревожиться совершенно не о чем. Однако его попытки оказались тщетными. Он понял, что должен поразмыслить над словами Стерлинга. «Если идти не останавливаясь, может, удастся уйти от всего этого?»

До какой степени отчаяния нужно довести человека, чтобы он стал задаваться такими вопросами! Или дело тут не в отчаянии, а в беспо-

койстве, одиночестве, усталости, неспособности, наконец, предугадать будущее? Да, неспособность предугадать будущее или страх перед завтрашним днем. Это волнение сродни знанию о том, что через несколько лет (всего ничего, иначе откуда бы тот тип из ателье узнал своего приятеля на фотографии?) боевая ракета сотрет с лица земли крохотный городок в штате Айова. За что его уничтожать? Обыкновенный провинциальный городок, не Лос-Анджелес, не Нью-Йорк и не Вашингтон, отнюдь не транспортный или промышленный центр, никакое правительство в нем не располагается. Ему достанется просто так, по ошибке, из-за отклонения от программы. Впрочем, какая разница? Вполне возможно, что через те же несколько лет придет конец стране и всему миру. Так оно и будет, подумал Рэнд. Сколько усилий, сколько надежд и упований — и все, все без исключения пойдет коту под хвост. Разумеется, от подобного исхода захочется не то что уйти, а сбежать, рассчитывая найти где-нибудь по дороге забвение. Однако необходимо, чтобы было откуда уйти, ибо так, с бухты-барахты, никуда и ни от чего не уйдешь.

Сидя на берегу реки, Рэнд размышлял о том, что сказал Стерлинг, и не торопился прогонять

обуревавшие его мысли, которые при иных условиях, в иной обстановке счел бы нелепыми и праздными. Мысли накапливались в его мозгу, как бы порождая новые пространство и время, и вдруг он понял — внезапно и сразу, без утомительных поисков ответа, — что знает, откуда следует начинать. На мгновение ему стало страшно, он почувствовал себя дурачком, угодившим в ловушку собственных бессознательных фантазий. Здравый смысл твердил ему, что так оно на самом деле и есть. Горькие странствия отвергнутого по бесконечным дорогам, шок фотографий, странная, месмерическая притягательность тенистой заводи, словно отделенной от реального мира, — если сложить все вместе, чем не бредовая фантазия?

Рэнд поднялся и повернулся лицом к машине, однако перед его мысленным взором по-прежнему маячило то место, откуда следовало начинать. В мальчишеском возрасте, лет девяти или десяти от роду, он обнаружил распадок, не то чтобы овраг, но и не лощину, выводивший от холма, на котором стояла ферма дядюшки, в речную долину. Он был в том распадке один-единственный раз, больше не получилось: работы на ферме вечно было невпроворот. Рэнд принялся вспоми-

нать, что и как, но быстро сообразил, что память вновь подводит его. Ему вспоминался лишь один миг, мгновение истинного волшебства, некое подобие кадра из художественного фильма, картина, которая почему-то запечатлелась в памяти. Почему? Может, потому, что лучи солнца как-то по особенному осветили тогда местность? Или потому, что у него будто открылось второе зрение? Или потому, что он на долю секунды ощутил истину, соприкоснулся с тем, что лежит за гранью повседневности? Так или иначе, он был убежден, что познал подлинное волшебство.

Рэнд вернулся к машине, уселся за руль. Он глядел на мост, на реку и поля за ней, однако видел не их, а карту местности. Выехав на шоссе, он повернет не направо, а налево, в сторону города, а там, не доезжая реки, будет поворот на проселок, который через сотню с небольшим миль выведет к волшебному распадку. Да, Рэнд видел перед собой карту, и в нем исподволь укреплялась решимость. Однако он сказал себе: хватит глупить, какие еще волшебные долины, поворачивать нужно направо, думать же не о всякой ерунде, а о работе, которая, возможно, ждет его в Чикаго. Тем не менее на шоссе он повернул налево.

Попасть сюда было легче легкого, думал он, си-

дя на крыльце. Никаких блужданий по дорогам, никаких остановок, чтобы узнать, туда ли он направляется. Нет, он вел машину так, словно ехал этой дорогой только вчера. Ему пришлось остановиться у горла долины, ибо проселок внезапно обрывался; он остановил автомобиль и двинулся дальше пешком. Рэнд признался себе, впервые с тех пор, как очутился в деревне, что запросто мог не попасть в нее, пускай даже исходил распадок вдоль и поперек; главное было не найти, а узнать. Ему повезло, он узнал то, что видел и запомнил мальчишкой, узнал и вновь ощутил волшебство. Он отыскал тропинку, которая возникла будто из пустоты, привела его на вершину холма и незаметно перетекла в деревенскую улицу. Он ступил на эту улицу, залитую лучами осеннего солнца, и вскоре увидел пожилую даму, что поджидала его у забора своего дома, как если бы ее заранее известили о том, что он вот-вот подойдет.

Расставшись с ней, он зашагал к дому, который, по словам дамы, принадлежал ему. Едва он поднялся на крыльцо, как послышался стук: кто-то стучал в заднюю дверь.

— Я Молочник, — объяснил стучавший, когда Рэнд отпер дверь. То был то ли человек, то ли призрак: его облик словно постоянно менялся; стоило

на мгновение отвернуться, как создавалось впечатление, что перед вами — совсем другое лицо.

— Молочник, — повторил Рэнд. — Что ж, пожалуй, молоко мне пригодится.

— Вдобавок, — продолжал Молочник, — могу предложить яйца, хлеб, масло, ветчину и прочее. Вот керосин, теперь у вас есть чем заправить лампу. Дров достаточно, потом наколю еще. Спички и щепки на растопку, как войдете, слева от двери.

Рэнд припомнил вдруг, что ни разу не платил Молочнику и даже не порывался заплатить. Молочник был не из тех, при ком можно было упоминать о деньгах. В заказах необходимости, как правило, не возникало: Молочник каким-то образом узнавал, кто и в чем нуждается, не заводя о том разговора. Рэнду стало стыдно при воспоминании о том, какие последствия имела его необдуманная фраза насчет семян. Он поставил в неловкое положение не только Молочника, но и самого себя, ибо, едва слова сорвались у него с языка, он понял, что нарушил некий неписаный закон, который тут обязателен для всех.

На дворе постепенно сгущались сумерки. Скоро пора будет готовить ужин. А потом? Почитать? Нет, не хочется. Может, посидеть над планом разбивки сада? Опять-таки нет. Во-первых, у него

все равно нет семян, а во-вторых, кто же сажает сад в краю вечной осени?

В гостиной дома напротив, просторной комнате с массивной мебелью и огромным камином, зажегся свет. Старик с палочкой что-то не возвращался, хотя ему давно уже пора было вернуться. Издалека доносились голоса играющих детей. Старость и молодость, подумал Рэнд, старость, которая ни о чем не тревожится, и молодость, которая ни о чем не думает. Однако он не стар и не молод; что же он тогда делает здесь?

Рэнд встал, спустился с крыльца и вышел на улицу, пустынную, как всегда. Он медленно направился в сторону парка на окраине деревни, где часто бывал и просиживал часами на скамейке под сенью деревьев. Он был уверен, что найдет там детей, хотя не знал, на чем основывается его уверенность; до сих пор он детей не встречал, лишь слышал их голоса. Он шагал мимо притаившихся в сумраке домов и думал о том, жили ли в них когда-нибудь люди. Сколько вообще жителей в этой безымянной деревушке? Пожилая дама рассуждала о своих друзьях, которые когда-то проживали тут, но потом уехали. Однако вполне возможно, что с возрастом она приобрела привычку выдавать желаемое за действитель-

ное. Так или иначе, заметил про себя Рэнд, дома находились в довольно-таки приличном состоянии. Там не хватало черепицы, сям облупилась краска, но нигде не было видно ни выбитых окон, ни прогнившей древесины, ни покосившихся водопроводных труб. Словом, возникало впечатление, что их совсем недавно отремонтировали.

Улица привела Рэнда в парк. Он по-прежнему слышал голоса детей, но теперь они звучали приглушеннее, не так громко, как раньше. Рэнд прошел через парк и остановился на опушке, глядя на окрестные поля. На востоке вставала луна, полная луна, струившая столь яркий свет, что можно было рассмотреть каждую кочку, каждый куст, чуть ли не каждый листик на дереве, под которым стоял Рэнд. Он осознал вдруг, что луна была полной всегда, она поднималась в небо с заходом солнца и исчезала перед рассветом и выглядела всегда огромной желтой тыквой, этаким вечно спелым плодом, еще одной характерной особенностью края вечной осени. Осознание этого явилось для Рэнда чем-то вроде потрясения основ. Почему, ну почему он не замечал прежде? Ведь он пробыл здесь достаточно долго, чтобы заметить, достаточно долго, в конце концов, смотрел на луну — и на тебе! А сколько он про-

был здесь — недели, месяцы, год? Он попытался посчитать, прикинуть и обнаружил, что у него ничего не выходит. Ему не от чего было оттолкнуться. Дни тут были похожи друг на друга, как близнецы, время текло столь плавно, что трудно было сказать, движется оно или застыло в неподвижности.

Детские голоса постепенно отдалялись. Прислушавшись к ним, Рэнд постиг, что они звучат у него в сознании. В действительности же дети давно разошлись по домам. Да, они придут снова, если не завтра, то послезавтра, придут и будут играть и шуметь, но теперь они ушли. Впрочем, какая разница? К чему убеждать себя, что они и впрямь существуют?

Рэнд повернулся спиной к полям и побрел обратно. Когда он приблизился к своему дому, ему навстречу из темноты выступила какая-то фигура. Он узнал пожилую даму. Судя по всему, она дожидалась его возвращения.

— Добрый вечер, мэм, — поздоровался Рэнд. — Отличная погода, не правда ли?

— Он ушел, — проговорила дама. — Ушел и не вернулся, точь-в-точь как остальные.

— Вы про старика?

— Про нашего соседа, — ответила она. — Стари-

ка с палочкой. Я не знаю, как его зовут, никогда не знала. И ваше имя для меня тоже загадка.

— Я вам представлялся, — заметил Рэнд, но она не обратила на его слова ни малейшего внимания.

— Мы жили почти рядом, — продолжала она, — и понятия не имели, как кого зовут. Мы безымянный народ. По-моему, это ужасно, ужасно!

— Я поищу его, — сказал Рэнд. — Он мог заблудиться.

— Да, поищите, поищите, — отозвалась дама, — пожалуйста, поищите его. Вам станет легче. Вы избавитесь от чувства вины. Но вам его не найти.

Рэнд медленно двинулся в том направлении, какое обычно избирал старик. У него сложилось впечатление, что тот ходил по центральной площади и обратно, но наверняка сказать было невозможно; до сих пор маршрут прогулок старика не представлялся чем-то важным, что заслуживало бы изучения. Едва ступив на площадь, Рэнд углядел на тротуаре некий предмет, оказавшийся при ближайшем рассмотрении стариковой шляпой. Хозяина шляпы нигде не было. Рэнд подобрал головной убор, расправил его и взял за поля, чтобы лишний раз не помять.

Площадь нежилась в лунном свете. Посреди нее возвышался памятник неизвестно кому. Обосновавшись в деревне, Рэнд попробовал было выяснить, кого изображает статуя, но потерпел неудачу. На гранитном постаменте не было ни бронзовой таблички с именем, ни выбитой в камне пояснительной надписи. Черты лица статуи сгладились под воздействием времени, плащ, в который облачил изваяние неведомый скульптор, лишал возможности датировать ее по одежде, в позе каменного человека не было ровным счетом ничего примечательного. Статуя стояла на площади немым свидетельством людской забывчивости.

Рэнд огляделся по сторонам и, в который уже раз, поразился нарочитой несовременности деревни. Лавка мясника, парикмахерская, кузница, но ни гаража, ни станции обслуживания, ни пиццерии, ни закусочной. Жилые дома рассказывали историю поселения, а площадь словно кичилась ею. Деревня была неизмеримо древней, осколком былого, уцелевшим в урагане времени, кусочком минувшего столетия. Правда, на ней лежал отпечаток нереальности, как будто ее построили специально, чтобы продемонстрировать, каким было прошлое. Рэнд покачал головой. Что с ним

сегодня такое? Откуда взялись эти сомнения и подозрения, после стольких-то дней мира и покоя?

Рэнд пересек площадь и почти сразу натолкнулся на палку старика. Получается, тот свернул в переулок, рядом с которым валялась его трость? Но почему он бросил палку? Сначала шляпа, потом палка. Что тут произошло? Рэнд вновь огляделся, надеясь уловить в тени какое-нибудь движение, различить на границе света и тьмы чей-то призрачный силуэт, но, как и следовало ожидать, ничего не увидел. Если кто и был на площади, он давно уже ушел отсюда.

Шагая переулком, которым, вероятно, проходил старик, Рэнд настороженно всматривался во мрак. Темнота дурачила его, поминутно заставляя напрягаться, а потом, словно потешаясь, отступала, показывая, что волноваться было нечего. Несколько раз он замирал на месте, ибо ему чудилось, что кто-то крадется по улочке, прячась в тени домов, однако тревога оказывалась ложной. Наконец переулок вывел Рэнда на окраину поселения и обернулся утоптанной тропинкой. Рэнд заколебался. Старик потерял шляпу и трость; судя по тому, где он их потерял, он избрал именно этот путь. Если так — значит, он покинул деревню. Может, ему что-то угро-

жало? Гадать можно было сколько угодно, одна версия представлялась ничуть не хуже другой. Возможно, старик заплутал в ночи, возможно, испугался или ему стало плохо; так или иначе, он наверняка нуждается в помощи.

Рэнд устремился вперед. Тропа мало-помалу становилась все менее различимой. По траве прошмыгнул кролик, вдалеке зловеще заухала сова. С запада задувал пронизывающий ветер, он навевал тоску и печаль, свойственные местности, которую населяют лишь кролики да совы. Тропа оборвалась. Рощицы и заросли приземистых кустов сошли на нет; перед Рэндом простиралась травянистая равнина, выбеленная лучами луны, безликая прерия. Рэнд откуда-то знал, что она тянется до самого горизонта. Эта равнина обладала вкусом и запахом вечности. Он вздрогнул и тут же спросил себя, отчего дрожит. Ответ был очевиден: он смотрел на траву, а трава глядела на него, знала и поджидала, манила к себе. Стоит ему войти в нее, и он сгинет навсегда, поглощенный беспредельностью и обезличенностью равнины. Рэнд развернулся и побежал. Ему было страшно, до такой степени, что он не постеснялся бы признаться в этом первому встречному. На окраине деревни он остановился и оглянулся.

Трава осталась позади, ее не было видно, однако ему чудилось, что она крадется во тьме, подбирается ближе и ближе, а ветер гонит по ней серебристые волны.

Рэнд побежал дальше, но уже не так быстро, вскоре очутился на площади, пересек ее, достиг своего дома. Его удивило, что в окнах дома напротив нет света, однако он не стал задерживаться и направился на ту улицу, которая когда-то привела его сюда. Что-то подсказывало ему, что приспела пора покинуть деревню, распроститься с волшебством вечной осени и всегда полной луны, с безликим морем травы и голосами невидимых детей, со стариком, который канул в небытие, бросив шляпу и трость; что следует отыскать дорогу в прежний мир, где некоторые люди работают, а другие бродят по свету в поисках работы, где происходят мелкие стычки, а фотоаппараты добросовестно фиксируют будущее.

Он вышел из деревни. Сейчас, сейчас тропа вильнет вправо, вниз по обрывистому склону, к источнику волшебства, обретенному столько лет спустя. Рэнд двигался медленно и осторожно, пристально глядя себе под ноги, чтобы не прозевать поворот. Путь занял гораздо больше времени, чем он предполагал, и внезапно он

понял, что, как бы ни старался, сколько бы ни искал, ему не найти обрывистого склона и тропы, что бежит вниз. Перед ним стеной встала трава. Он догадался, что угодил в западню, что ему не покинуть деревни иначе, нежели как по дороге, избранной стариком, по дороге в никуда. Он не стал приближаться к траве, памятуя о пережитом ужасе. Пускай его назовут трусом, но ужаса с него достаточно.

Рэнд возвратился в деревню. На всякий случай он не сводил глаз с тропы, надеясь в глубине души, что вот-вот покажется желанный поворот. Но чуда не произошло, хотя поворот, несомненно, существовал — по крайней мере, в ту пору, когда он пришел сюда. Кроны деревьев, сквозь которые пробивался лунный свет, отбрасывали на стены зданий причудливые тени. В доме напротив по-прежнему было темно; вдобавок от него почему-то исходило ощущение заброшенности. Рэнд вспомнил, что не ел с самого полудня, когда утолил голод сандвичем. Надо посмотреть в молочном ящике. Кстати, он заглядывал туда утром или нет?

Рэнд направился к черному ходу, возле которого был установлен молочный ящик. Там стоял Молочник, выглядевший призрачнее обычного,

что ли, размытее, расплывчатее; шляпа с широкими полями совершенно затеняла его лицо.

Рэнд ошарашенно уставился на него. Облик Молочника как-то не вязался с лунным светом осенней ночи. Он принадлежал раннему утру, прочие времена суток были не для него.

— Я пришел узнать, не требуется ли моя помощь, — сказал Молочник.

Рэнд промолчал. Голова у него шла кругом, язык не поворачивался сказать хоть слово.

— Вам не нужен пистолет? — справился Молочник.

— Пистолет? Зачем он мне?

— Вечер доставил вам много неприятностей. Возможно, с пистолетом в руке или на поясе вы почувствуете себя спокойнее.

Рэнд заколебался. Ему показалось или в голосе Молочника и впрямь проскользнула насмешка?

— Или крест.

— Крест?

— Распятие. Символ…

— Нет, — прервал Рэнд. — Крест мне ни к чему.

— Может быть, книгу по философии?

— Нет! — воскликнул Рэнд. — Это все в прошлом. Мы верили во все это, полагались на него, а потом оказалось, что полагаться не стоило, и…

Он умолк, потому что собирался сказать совсем не то, если собирался вообще. Он ощущал себя марионеткой: слова как будто вкладывал в его уста кто-то другой, а сам он лишь раскрывал рот.

— Или вам нужны деньги?

— Вы смеетесь надо мной, — вздохнул Рэнд. — Какое у вас право…

— Я только перечисляю то, чему привержены люди, — отозвался Молочник.

— Скажите мне, пожалуйста, без утайки: можно ли выбраться отсюда?

— Вернуться туда, откуда вы пришли?

— Да, именно так.

— Вам не к чему возвращаться, — проговорил Молочник. — Таков удел всякого, кто приходит сюда.

— Но ведь старик ушел! Помните, старик в черной фетровой шляпе, с тросточкой? Он потерял их, а я нашел.

— Он не вернулся, — возразил Молочник, — он отправился дальше. Не спрашивайте куда, я все равно не знаю.

— Однако вы не станете отрицать, что замешаны в этом?

— Я лишь скромный слуга. У меня есть работа, которую я стараюсь выполнять по мере сил. Я

забочусь о тех, кто живет здесь, не более того. Рано или поздно наступает время, когда люди уходят. Я бы назвал деревню местом отдыха на пути в неведомую даль.

— Местом подготовки, — поправил Рэнд.

— Что?

— Так, ничего, — пробормотал Рэнд. — Просто сорвалось с языка.

Во второй раз, подумалось ему, он произносит то, что вовсе не думал произносить.

— Приятнее всего то, — сказал Молочник, — что тут никогда ничего не происходит, и о том не следует забывать. — Он спустился с крыльца на садовую дорожку. — Вы упоминали старика. Так вот, ушел не только он. Пожилая дама тоже. Они оба задержались куда дольше, чем принято.

— Выходит, я остался один?

Молочник, который направился к калитке, остановился и обернулся.

— Скоро придут другие, — проговорил он. — Они приходят постоянно.

Что там говорил Стерлинг о переоценке человеком собственных умственных способностей? Рэнд напряг память, но, как ни старался, так и не сумел вспомнить. Но если Стерлинг прав по сути, какая разница, какими словами он выразил свою

мысль? В таком случае человеку необходимо место вроде этого, где ничего не случается, луна всегда полная и круглый год осень; да, необходимо — на известный срок.

Внезапно у Рэнда возникла новая мысль, и он крикнул вслед Молочнику:

— Но эти другие, станут ли они разговаривать со мной? Смогу ли я поговорить с ними? Узнаю ли, как их зовут?

Молочник отворил калитку. Судя по всему, он не слышал вопросов Рэнда.

Лунный свет утратил толику своей яркости, небо на востоке слегка порозовело — занимался очередной бесподобный осенний день.

Рэнд обошел вокруг дома, поднялся на парадное крыльцо, уселся в кресло-качалку и принялся ждать новеньких.